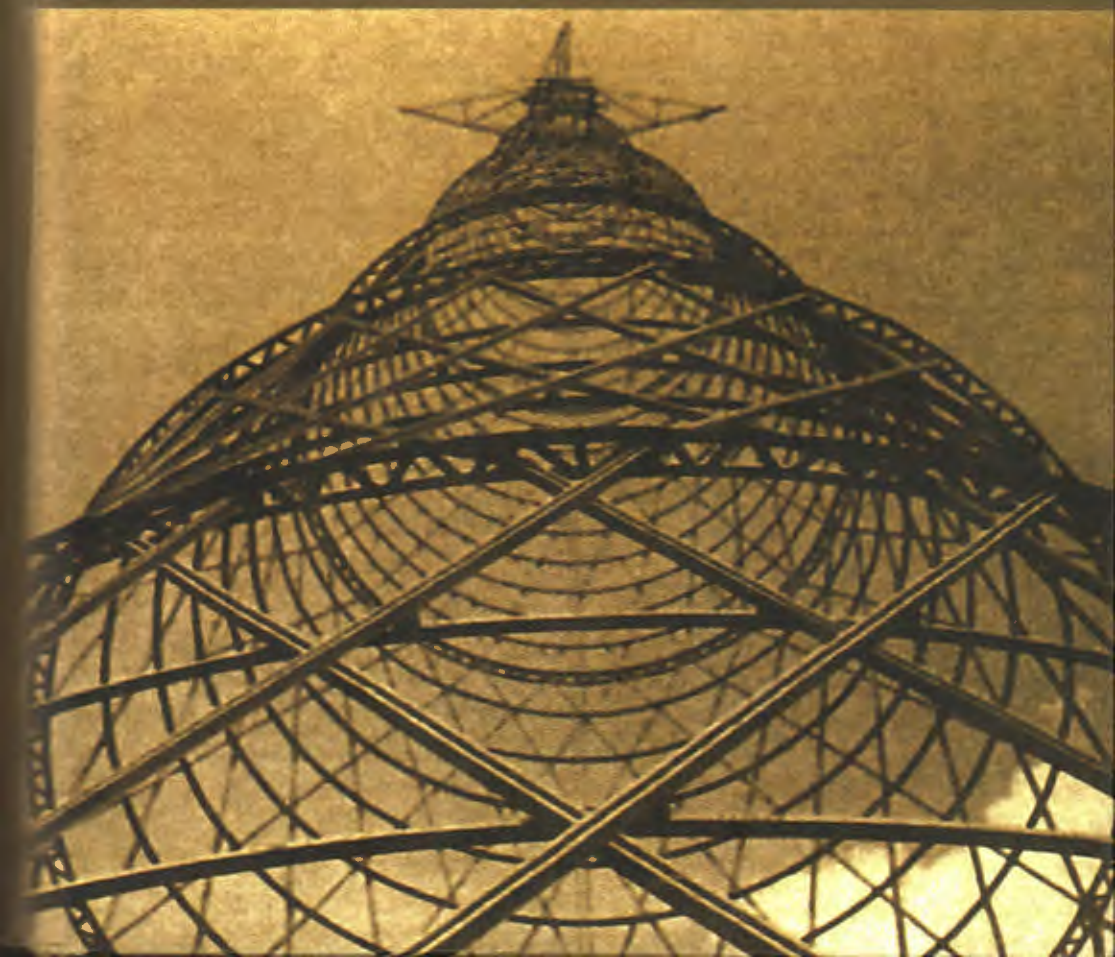
«Великая книга дня...»

Радио в СССР



ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ФОНОДОКУМЕНТОВ

«Великая книга дня...» радио в СССР

Документы и материалы

Составитель Т.М. Горяева

МОСКВА
РОССПЭН
2007

ББК 63.3(2)6; 85.38
В 27

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Редакционный совет РГАЛИ:
Т.М. Горяева (председатель), И.И. Аброскина, Л.М. Бабаева, Л.Н. Бодрова, С.Д. Воронин, Г.Ю. Дрезгунова, А.Л. Евстегнеева, Т.Л. Латынова, М.А. Рашковская, Е.Ю. Филькина, Л.В. Хачатурян

Составление, примечания, текстологическая подготовка документов:
Т.М. Горяева, доктор исторических наук

Выявление документов в ГА РФ и РГАФД:
Л.М. Бабаева, Т.М. Горяева, Н.Н. Жмуров, Е.Л. Луначарский, кандидат исторических наук В.Н. Тарасова
при участии доктора филологических наук А.А. Шереля

Выявление документов в РГАЛИ:
Т.М. Горяева, М.В. Золотова, О.В. Шляпужникова

В 27 **«Великая книга дня...» Радио в СССР. Документы и материалы** / Составитель Т.М. Горяева. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 1040 с., ил.

Предлагаемая читателю книга рассказывает о становлении и развитии радиожурналистики за годы советской власти. При отборе многочисленных материалов к публикации предпочтение было отдано текстам, не утратившим потенциал достоверности в изложении событий или в описании политической и психологической атмосферы в стране.

Книга адресована историкам культуры и политологам, радиожурналистикам, преподавателям и студентам факультетов журналистики, широкому кругу читателей.

© Горяева Т.М. Составление, примечания, текстологическая подготовка документов, 2007

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007

ISBN 978-5-8243-0879-2

Содержание

Вступительная статья «Радио будущего?» 5

Раздел I

Организация и руководство радиовещанием:
приказы, распоряжения, протоколы, стенограммы 27

Раздел II

Радиопередачи: микрофонные тексты,
расшифровки звукозаписей 193

Раздел III

Рецензии. Теоретические статьи. Мемуары.
Радиопресса 675

Приложение

Материалы директивных органов.
Становление технической базы радиожурналистики 967

Именной указатель 996

Перечень документов и материалов,
включенных в сборник 1020

РАДИО БУДУЩЕГО?

Возникновение радио как коммуникационного средства и нового медиа было связано с самыми смелыми прогнозами и ожиданиями. Однако самым авангардным и образным стало предвидение В.В. Хлебникова:

«Радио будущего — главное древо сознания — откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество.

Около главного стана Радио, этого железного замка, где тучи проводов рассыпались, точно волосы, наверное, будет начертана пара костей, череп и знакомая надпись: "Осторожно", ибо малейшая остановка работы Радио вызвала бы духовный обморок всей страны, временную утрату ее сознания.

Радио становится духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем.

Вообразим себе главный стан Радио: в воздухе паутина путей, туча молний, то погасающих, то зажигающихся вновь, переносящихся с одного конца здания на другой. Синий шар круглой молнии, висящий в воздухе, точно пугливая птица, косо протянутые снасти.

Из этой точки земного шара ежесуточно, похожие на весенний перелет птиц, разносятся стаи вестей из жизни духа.

В этом потоке молнийных птиц дух будет преобладать над силой, добрый совет — над угрозой.

Дела художника пера и кисти, открытия художников мысли (Мечников, Эйнштейн), вдруг переносящие человечество к новым берегам... Советы из простого обихода будут чередоваться со статьями граждан снеговых вершин человеческого духа. Вершины волн научного моря разносятся по всей стране к местным станам Радио, чтобы в тот же день стать буквами на темных полотнах огромных книг, ростом выше домов, выросших на площадях деревень, медленно переворачивающих свои страницы...»[1].

Культурологическое пространство, которое сегодня занимает компьютер–телевидение–Интернет, в начале XX века прочно занимало радио. В моделировании нового коммуникативного канала принимало участие все мировое содружество, которое бурно овладевало новыми возможностями информации и искусства. В этой связи интересен опыт И.-Р. Бехера[2], который также смог передать главный настрой эпохи освоения радиоэфира: обыкновенное чудо[3].

---

[1] «Радио будущего» написано В. Хлебниковым в 1921 г. и опубликовано в журнале «Красная Новь» (1927. № 8). Печатается по кн.: Хлебников В.В. Собрание произведений. Л., 1930. Т. IV.

[2] Бехер Иоганнес Роберт (1891–1958) — немецкий писатель и государственный деятель. Один из организаторов немецкого литературного антифашистского движения. В 1933–1945 гг. в эмиграции.

[3] Пер. Я.М. Лебедева с немецкого языка. На тексте прнписка автора о посвящении стихотворения В.Д. Маркову.

Если чудо входит в наши будни,
Чудом мы его и назовем.
Но оно нам говорит о чудном
Времени, в котором мы живем.

Ну, присядь. И в твой приемник скромный,
Если рычажок ты повернешь,
Шлет поэт из-за пространств огромных
Стих такой, что не всегда поймешь.

Поверни еще, и кто предстанет
Пред тобой, послушен волшебствам?
Песня ли героя в мертвом стане?
Птицы ль защебечут по кустам?

Или голос водолаза наземь
Из морей дойдет, и над тобой
Моря шум. И сам ты водолазом,
Под зеленою идешь водой.

Человек невидимый поет
Для тебя на самой грани света.
В песне другом он тебя зовет,
Но поет как бы с другой планеты.

Через горы, взброшенные к солнцу,
К вечности земной прибой —
Голос, слышный сквозь твое оконце,
В темноте владеет над тобой.

Взял рычаг. И голоса нет снова.
Вновь молчит эфир в небытии.
Это ли не чудо? Ты взволнован,
Ты забыл про горести свои.

Одолев и время и пространство,
Сохраня вечерний свой уют,
Все радисты самых дальних станций
Для веселья твоего поют...

В мой барак, что снегом отовсюду
Занесен, я [заманил] волну.
Радио — обыденное чудо —
Вежливо нарушает тишину.

Из кроватки слыша эти звуки,
Мальчик мой не хочет больше спать:
К радио — восторженные руки,
Забывая пальчики сосать.

Наш барак от города далеко,
Часто в зимнюю большую ночь
Радио нас тешило высоко,
Заставляя драму превозмочь.

Если чудо входит в наши будни,
Чудом мы его и назовем,
Но оно нам говорит о чудном
Времени, в котором мы живем[1].

Если не воспринимать этот текст как архаично-наивный, то справедливости ради следует признать прозорливость и наблюдательность автора, определившего в нескольких строфах методологию функционирования радиоканала. Это — оперативность и доступность, политематичность и демократизм, развлекательность и дифференцированность, психологичность и документальность.

В силу своей природы радио способно отражать действительность с большей эмоциональной полнотой, нежели печать. Реалии материального мира, общественного бытия слово написанное переносит в сознание человека иллюзорно, опосредованно. Звук, представляющий суть радио, напротив, воспроизводит факты и явления действительности в их непосредственной звуковой характеристике, т.е. в более чувственно-конкретной форме. Кроме того, радио не ограничивается словом, умноженным на индивидуальность интонации, а оперирует комплексом возможностей звукового воспроизведения жизни. В стране, где основная масса населения только-только училась читать, этот фактор имел огромное значение.

История формирования нового пропагандистского канала совпала с историей становления сталинского режима. С одной стороны, не надо было ломать старые традиции и формы, с другой — как нечто совершенно новое, радио и в своей содержательной, и организационной основе очень чутко впитывало все атрибуты тоталитарной власти. История превращения «чуда XX века», начинавшегося как народная трибуна и мощная культуртрегерская струя, трансформировавшегося в «постоянно бубнящую черную тарелку»[2], символизирующую сталинскую эпоху, особенно показательна с точки зрения понимания происшедших в этот период деформаций, которые сделали всю систему социокультурных ценностей советского общества практически необратимой.

Не стоит забывать, что речь идет о зарождении нового синтетического коммуникативного канала, с развитием которого мир обрел новые психоэстетические формы общения и получения информации. Особую привлекательность радио находило в глазах обывателя, мифологизировавшего всех, кто был связан со «звучащим невидимкой». Отсюда так непросто и противоречиво складывались взаимоотношения между «четвертой властью» и «властью первой», отчетливо сознававшей зависимость своего политического успеха от уровня ангажированности журнализма.

---

[1] Оригинал см. в кн.: Becher Y.R. Es wird zeir. M.-K., 1933. Цитируется по подлиннику 8 ноября 1933 г. (РГАЛИ. Ф. 2382 (В.Д. Марков). Оп. 1. Д. 225. Л. 1–4).

[2] Ямпольский Б. Московская улица // Знамя. 1988. № 2. С. 108.

Один из устойчивых мифов, всячески поддерживаемых официальной историографией, свидетельствовал, что И. Сталин, уделяя огромное внимание литературе и кинематографу, недооценивал роль радио. Это легко опровергается не только всем комплексом выявленных материалов, но и широко известными фактами, когда в роковые моменты истории Сталин прибегал именно к безграничным возможностям радиоэфира.

Особенность передачи и восприятия радиоинформации сделали этот информационный канал особенно привлекательным для партийно-государственной власти. Власть стремилась к предельной концентрации и монополии государства на средства массовой информации, формулируя главной особенностью пропаганды то, что она должна служить «одной и той же цели, а каждое из ее орудий и весь аппарат организовывается так, чтобы координированным образом влиять на людей в одном направлении и в конечном счете достичь полной унификации всех умов»[1].

Исследование этапов развития радио на различных уровнях включает три аспекта: организационный, технический и творческий.

Советское радиодело начинало свой путь в годы нэпа, поэтому формой организации было акционирование, которое превращало радио в самостоятельную, самоокупаемую и даже вполне доходную сферу деятельности, гарантирующую акционерам и журналистам свободу не только финансовую, но и творческую. Именно в этот наиболее плодотворный период были заложены основы радиожурналистики и радиоискусства.

Политический контроль радио имел свою выраженную специфику. Это было связано с уникальными возможностями звуковой передачи информации и особенностями ее восприятия. Поэтому долгое время традиционная «печатная» цензура не могла адаптироваться к новому «объекту». Фактически только с введением обязательного предварительного документирования радиопрограмм в конце 1920-х годов стало возможно говорить о реальном контроле за эфиром[2]. Однако «прямые» трансляции, которые получали распространение по мере технического развития радиовещания, все равно не поддавались привычному дословному контролю, не говоря уже о безграничных интонационных средствах человеческого голоса, способного вобрать в себя всю палитру мыслей и чувств, не подконтрольных даже самой бдительной цензуре. Понимание этого пришло к партийным идеологам не сразу, а постепенно, как и сознание колоссальных возможностей, которые таило в себе радио — предтеча телевидения.

* * *

История только тогда наука, когда она помимо документированной фактографии, лишенной идеологических наслоений и мифов, проник-

[1] Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 195–196.

[2] Протокол № 83 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 7 января 1927 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.113. Д. 257. Л. 2–3.

нувшись атмосферой прошлого, способна «зажить» жизнью прошедших десятилетий. Обретение генетической памяти происходит с помощью вживания, сущность которого «заключается в том, что автор (историк) стремится понять и пережить те же чувства, что и его герой»[1]. С этой точки зрения, роль произведений журналистики в процессе исторического познания неоценима.

Журналист, наряду с социологом и политологом, — летописец эпохи. Он первый фиксирует и анализирует события и явления, а его продукция: газеты, журналы, программы радиовещания и телевидения, ежедневно аккумулирующие в печатной, звуковой и изобразительной форме различные проявления действительности и сохраняющие их на длительные сроки, — это история современности. Наряду с функцией летописца журналистика анализирует происходящие события в постоянном сравнении с ретроспективой, возвращается к прошлому с помощью историко-документальных произведений. В этом случае автор выступает не только как журналист или режиссер, а как историк-исследователь, часто впервые публикующий или обнародующий новые документы и факты со всеми вытекающими отсюда профессиональными особенностями и обязанностями.

Специфика журналистики состоит в том, что, стремясь адекватно отразить реалии актуальной общественной практики, она сама по себе становится частью духовно-практической деятельности общества, документальным памятником его истории. Два десятилетия назад, когда отношение к материалам прессы было близко к поэтической метафоре В.В. Маяковского: «В “Правде” пишется правда. / В “Известиях” — известия. / Факты. / Хоть возьми / да положи на стол», — характеризуя источниковую ценность произведений журналистики, принято было сравнивать их с зеркалом, в котором отражается наша жизнь. В разные периоды нашей истории пресса прямо или косвенно фиксировала картину мира. Эта картина выстраивалась в обстановке партийно-государственного руководства и идеологической цензуры, трансформируясь в условиях гласности и функционирования закона о печати и других средствах массовой информации. Подчас это отражение прямо противоположно действительности; случается, что можно рассмотреть только одну из существующих ее сторон и граней; при определенных обстоятельствах оно точно документирует происходящее.

Собранные в совокупности в единый комплекс печатных и микрофонных материалов и каждый журналистский текст в отдельности обладают одной общей особенностью: все они создавались с определенной пропагандистской целью. Эта цель формировалась как извне, так и личностными установками автора. Вот почему журналистика и ее история — это наиболее адекватное отражение социальной психологии и общественно-политической атмосферы того или иного исторического периода, его обязательный атрибут. Не случайно пожелтевшая

[1] Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 48.

газетная страница или фрагмент радиопередачи с голосом Ю. Левитана — наиболее часто употребляемый в искусстве прием для определения времени. Присущие только звуковой журналистике свойства будить воображение слушателя, создавать наиболее яркие и запоминающие образы, сохраняются во времени и пространстве в текстах и звукозаписях.

Зритель или слушатель с точностью до года может узнать происходящее на экране или сцене событие, сопровождаемое архивными звукозаписями. Погружение в прошлое усиливается собственными воспоминаниями и укоренившимися с детства в подсознании образами, достигая авторской (режиссерской) цели — создания атмосферы прошлого.

Такое же, если не большее, влияние звукового образа, учитывая общеисторический контекст, неизбежно испытывает историк при работе с произведениями радиожурналистики, обладающими мощными средствами воздействия на подсознание. Материалы радиовещания, наряду с газетными публикациями, чутко фиксируют все перемены в идеологии, зарождение и развитие общественных явлений, и свидетельствуют, что советская пресса не была и не могла быть демократическим балансом, а являлась логическим продолжением политической системы государства.

Демонстрация текстов радиопропаганды отвечает объективным принципам изучения манипулятивных механизмов, равно как и представление высокохудожественных произведений радиопублицистики и радиоискусства, созданных в эти же годы, наглядно свидетельствует о сложнейших процессах противостояния творческой личности во имя сохранения профессионализма и независимости художника.

* * *

Эта книга отнюдь не является хронологическим продолжением документального издания «История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1941–1945 гг.»[1]. Вышедшее в свет на излете старой издательской системы, в 1991 г., ограниченным тиражом, это издание практически сразу стало библиографической редкостью. По большей части документы, которые прежде всего интересовали нас как объект предметного изучения и публикации, к началу исследования, а именно в 1980-е годы, были недоступны. Только в последние 15 лет были привлечены важнейшие документы, с помощью которых воссозданы те страницы истории радио, которые ранее обозначались за счет косвенных сведений и предположений: история ликвидации акционерного общества «Радиопередача», методика научного программирования радиоэфира, художественное радиовещание во всем его богатстве и полноте, радиоцензура.

В таком составе — это первое собрание материалов советского радио за период становления и развития с 1917 по 1970 год, в котором

[1] История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспомнинания. 1941–1945 гг. М.: Изд-во МГУ, 1991.

вниманию читателей предлагается концентрированный опыт мощного медиаканала за полувековой период существования. При этом обращение к практике «живого вещания» 1920–1930-х годов свидетельствует о непреходящей ценности этого опыта для современных радиостанций.

Уникальный эксперимент в истории отечественной культуры сосредоточения научных и художественных сил страны вокруг информационного канала, решающего безграничные по широте пропагандистские и просветительские задачи, остается до сих пор малоизвестным, несмотря на имеющуюся историографию. Собранные в книге тексты наглядно показывают, как начинания образовательного характера с непременным участием российской интеллигенции в силу массовости радиоканала превратились в акции общенародного масштаба. В результате таких передач происходила переоценка взглядов, возникали и формировались у их организаторов и участников новые критерии доходчивости и эффективности и новые навыки восприятия у слушателей. Например, радиобеседы А.В. Луначарского об искусстве итальянского Возрождения не уступают лекциям в специальном учебном заведении. Но шел неутомимый и постоянный поиск наиболее доходчивой структуры, ораторских средств и постановочно-образных форм изложения материала, обращенного к массовой аудитории, находящейся на самых разных ступенях образованности.

В текстах настоящего издания легко прослеживаются перемены в стиле обращения к слушателям — от митингово-трибунных примитивов и дидактических комментариев к образным структурам в языке и в построении передач. Скажем, в программах середины 1920-х годов метафора была редкостью и встречалась лишь в фельетонах, а для середины 1930-х годов она уже вполне естественна, привычна, ибо выражает стремление и в эфире воссоздавать жизнь в сложных интонационных формах, соответствующих подлинной действительности.

Внимание корреспондентов, редакторов и организаторов вещания сосредоточивалось на наиболее важных событиях и социально значимых вопросах политического, экономического и духовного развития; одни и те же факты и явления рассматривались ими с разных точек зрения. Для этого использовались жанровые богатства радиожурналистики. Например, почти одновременно в эфир вышли две передачи о Днепрогэсе. В первой — в репортаже «100 минут на Днепрострое» — описаны ход строительства, технические особенности проекта, представлены ударники, говорится об инженерной стратегии, материально-техническом снабжении и т.д. Все эти проблемы есть и во второй передаче — документальной драме А. Афиногенова «Днiпрельстан», но главное тут — психологические аспекты «идеологической перековки» человеческих характеров, людей разного возраста и социального происхождения.

Огромные испытания, выпавшие на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны, победа, доставшаяся нашей стране ценой колоссальных человеческих жертв, вселили, вопреки всему пе-

режитому, веру и надежду на возможные перемены. Этими настроениями пронизаны программы радио 1945–1946 гг. Этот короткий период был прерван новым витком укрепления идеологической вертикали. Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 г. и последовавшие с небольшим промежутком между собой постановления «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (30 августа 1946 г.), «О кинофильме "Большая жизнь"» (4 сентября 1946 г.), «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели» (10 февраля 1947 г.), борьба с космополизмом во всех творческих и научных сообществах стали началом кампании на страницах газет и журналов, в радиопередачах. Газеты и микрофонные тексты радиопередач с бесстрастностью сохранили тексты, в которых имена Д.Д. Шостаковича, С.М. Эйзенштейна, А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко, А.Я. Таирова, С.М. Михоэлса и многих других выдающихся мастеров отечественной культуры упоминаются как символы «формалистического, пошлого и низкого... в искусстве».

«Партия и правительство доверили работникам радиовещания одно из самых могучих средств культурно-политического воспитания народа, и долг каждого из нас своей честной, умелой работой оправдать это доверие»[1] — говорилось в очередной юбилейной статье председателя Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР А. Пузина. И «работники радиовещания» честно выполняли свой долг, наполняя эфир бесчисленным количеством пропагандистских бесед, статей, выступлений. Но эти же работники создавали и высокохудожественные произведения, занимательные детские радиопередачи.

Именно в периоды наибольшего политического напряжения или, наоборот, мертвой неопределенности в обществе (таким явился последовавший после смерти Сталина и до XX съезда партии период) на первый план выходят уникальные возможности радио — существовать как бы в двух измерениях: сиюминутной информации о происходящем сегодня и осмыслении действительности через опыт прошлого. Именно в эти годы наблюдается существенное преимущество постановочных работ классических произведений. Радиорежиссеры широко использовали эзопов язык, когда сквозь текст классического произведения можно было говорить о современных проблемах.

В исполнении лучших актеров страны в эфире звучали произведения отечественной и мировой литературы, которые каждый раз наполнялись новым смыслом. Так, пушкинские юбилеи и приуроченные к ним радиопостановки «Каменного гостя», «Русалки», «Бориса Годунова» в разные годы говорили о бесправии и легковерии народа, жестокости и коварстве правителей, неизбежности возмездия.

Этот период богат появлениями истинных шедевров, цикловых и периодических детских радиопередач: «Лесная радиогазета» (1945), «Невидимка» (1946), «По родной стране» (1947), «Радиок-

[1] Известия. 1952. 7 мая. С. 3.

луб юных географов» (1947), «Музыкальная шкатулка» (1948), «Клуб знаменитых капитанов» (1946); прозвучали премьеры радиоспектаклей «Записки Пикквикского клуба» Ч. Диккенса (1945), «Тартарен из Тараскона» А. Додэ (1946), «Дон Кихот» С. Сервантеса (1947), «Капитанская дочка» А.С. Пушкина (1947), «Давид Копперфильд» Ч. Диккенса (1947), «Городок в табакерке» А. Одоевского (1947), «Золотой ключик» по сказке А.Н. Толстого (1949) и многие другие.

Перемены, происшедшие в нашей стране после XX съезда партии, медленно, но неизбежно меняли общий психологический настрой в обществе, содержание и форму пропаганды, в том числе и на радио. Приметой этого времени является бурное возрождение наиболее радийных жанров — репортажа, интервью, публицистического выступления, радиокомпозиции.

Демократические процессы конца 1950-х — начала 1960-х годов, так называемая «оттепель», возродили традиции радио 1920-х годов. В радиостудии ворвалась улица, с ее проблемами и шумными спорами, выездными редакциями и рейдами, радиоэстафетами и радиоперекличками, сердитыми письмами и выступлениями, несколько шероховатыми, но всегда искренними и взволнованными, без заранее заготовленного текста.

В радиожурналистику пришли талантливые молодые силы — ищущие журналисты, мобильные и легкие на подъем, готовые, забыв о времени и семье, сделать все, чтобы сломать застывшие формы, не получившие в ответ ни одного слушательского письма.

Контраст вещательных программ эпохи сталинизма и периода хрущевской оттепели столь велик, что нетрудно впасть в идиллический восторг. Тем не менее тщательный анализ радиопрограмм и микрофонных текстов, который был нами проведен, показывает, что радиовещанию в эти годы, несмотря на идеологическую ограниченность, удалось перестать быть вещанием «для начальства» и стать на какое-то время вещанием для народа, его голосом.

В первую очередь это являлось заслугой редакций для молодежи и «Последних известий», творческие коллективы которых были не столько штатной структурой корреспондентов и редакторов, сколько сообществом единомышленников, способных сделать все, чтобы в результате круглосуточной работы в эфир вышла интересная передача.

Можно только сожалеть, что такое событие, как рождение радиостанции «Юность», не было задокументировано. Иначе этот документ непременно вошел бы в нашу книгу, и мы смогли бы узнать о том, какие идеи высказывали создатели программы — Б. Абакумов, Д. Белов, К. Васильева, Ю. Визбор, Д. Визиренко, В. Возчиков, А. Музыря, С. Новикова, Е. Лурье, Е. Синицын, Г. Соломонова, В. Янчевский и другие. «Я помню, — рассказывал Ю. Визбор, — каких усилий требовали первые программы "Юности". Мы не сразу осознали, что эта нагрузка не на месяц, что океан переплывать надо будет ежедневно... Мы бы дрогнули перед трудностями, если бы не успели уже полюбить новую программу. И я нисколько не жалею о том тяжелом времени — это было

прекрасное время поисков. Нам очень повезло в том смысле, что мы начинали совершенно новое дело»[1].

Период 1956–1965 годов характерен новыми радиопрограммами и циклами радиопередач, в том числе и развлекательных, а также общей творческой атмосферой во всех вещательных редакциях. Вот только наиболее значительные и популярные, некоторые из которых звучат в эфире и сегодня: «В поисках героев Брестской крепости» (1956), «Волшебное такси» (1956), «Музыкальный час для молодежи» (1956), «Веселый спутник» (1957), «С микрофоном по родной стране» (1957), «Радиоуниверситет культуры» (1959), «В субботу вечером» (1959), «С добрым утром» (1960), «Театр и драматургия» (1961), «Юность» (1962), «Мы живем на одной параллели» (1962), «Ровесники» (1963), «Поэтическая тетрадь» (1963), «КОАПП» (1963), «Собеседник» (1964), «Литературные вечера» (1964), «Подвиг народа» (1965), «Найти человека» (1965) и многие другие[2].

В отношении литераторов радио также было более демократичным и доступным, чем газеты и журналы, чутко реагирующие на идеологические партийные пленумы и встречи с интеллигенцией, на которых давалась «принципиальная оценка творчеству неких писателей, поэтов и художников». Уже позади была травля Б.Л. Пастернака, пленумы Союза писателей СССР 1962 г. и 1963 г., декабрьская встреча 1962 г. и мартовская 1963 г. руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства (где список обвиняемых с каждым новым постановлением расширялся, а состав официальных обвинителей с небольшим обновлением перекочевал из 1940–1950-х годов), а в программе молодежного и литературно-драматического вещания постоянными выступающими с чтением своих новых произведений были Р. Рождественский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, В. Аксенов, В. Тендряков, А. Галич, Г. Владимов, В. Аграновский и другие «провинившиеся»; в «Поэтической тетради» звучали стихи Б.Л. Пастернака и А.А. Тарковского. В 1961 г. в исполнении МХАТа впервые транслировались «Мертвые души» Н.В. Гоголя в восстановленной постановке М. Булгакова, а в 1965 г. впервые по радио прозвучало «Серебряное горло» М. Булгакова; звуковой публикацией можно назвать авторское чтение «Теркина на том свете» А. Твардовского (август 1963).

Относительная автономность радио и его обособленность, вызванная тем, что в эти годы все внимание было приковано к бурно развивающемуся телевидению, создавали условия для параллельного сосу-

---

[1] Цитируется по кн.: Музыря А.А. В эфире радиостанция «Юность». М., 1979. С. 11.

[2] С микрофоном по 45-й параллели. М., 1962; Андроников И.Л. «Я хочу рассказать вам...» М., 1962; Барто А.Л. Найти человека. М., 1975; Гальперин Ю.М. Литературные вечера. М., 1974; Куденко О. Подвиг народа. М., 1971; Глиэр Р. Радиотеатр и наука. М., 1973; Летунов Ю. Время. Люди. Микрофон. М., 1974; Маграчев Л.М. Сюжеты, сочиненные жизнью. М., 1972; Михайлов Б. Большие пороги. М., 1964; Дубровицкий И.В., Комарова Л.С. Ровесники. М., 1976; Музыря А.А. В эфире радиостанция «Юность». М., 1979; и др.

ществования старого и нового, негативного и положительного достаточно долгое время. Поэтому процессы торможения в политике и культуре проявились на радио не так очевидно, как в других СМИ. Так, свидетельства идеологической ограниченности в примитивных формах (многочисленные пропагандистские статьи и беседы) можно найти в программах 1962–1963 гг., а наступившая в 1970-х годах «мертвая зона» эпохи застоя отмечена яркими работами и творческими удачами в художественном вещании.

Отсутствие свободы получения и распространения объективной информации в политике, науке, творчестве привело к тому, что страна постепенно «вкатывалась» во времена самиздата и прослушивания усердно глушившихся западных радиостанций. Прошло много лет, чтобы «слова-вата» и «слова-пустышки» под воздействием глобальных перемен в обществе превратились в многоголосье независимых коммерческих теле- и радиостанций, со временем потесненных государственными каналами.

Конечно, с высоты сегодняшних знаний многие передачи воспринимаются неоднозначно. Это обстоятельство не могло не учитываться при отборе материалов. Для публикации предпочтение отдавалось текстам, не утратившим журналистской ценности и сохранившим информационный потенциал в отражении событий, воссоздании политической и психологической атмосферы в стране.

* * *

История архива радио сложна и драматична. В ней, как в капле воды, отразились все особенности исторического сознания советского общества, неразработанность проблем документирования сложных творческих процессов, к которым справедливо можно отнести электронные СМИ.

В книге «Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-е гг. Документизированная история» (М., 2000) подробно изложена судьба радиоархива довоенного и военного периода. Действительно, еще в 1930-е и 1940-е годы были созданы комиссии по разработке вопросов истории советского массового вещания, которые наталкивались на значительные трудности в поиске творческих материалов радио начального периода.

До 1927 г. многие радиопередачи, в основном художественного вещания, шли в эфир без заранее подготовленного текста. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 января 1927 г. определило обязательный порядок прохождения всех эфирных материалов через органы Главлита[1] с последующим их хранением в архиве[2]. Только с этого времени началось планомерное формирование документального фонда советской радиожурналистики, насчитывающего к 1941 г. более 20 тысяч единиц хранения текстов и сотни звукозаписей.

---

[1] Справочник партийного работника. М., 1928. Вып. 6. Ч. I. С. 739.

[2] ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 7. Л. 38–38 об.

С началом войны все учреждения и ведомства по указанию Управления государственных архивов НКВД приступили к подготовке эвакуации своих архивов, в процессе которой были допущены серьезные нарушения, приведшие к огульному уничтожению ценных документов. В октябре 1941 г. во дворе здания Радиокомитета на Путниках была сожжена большая часть архива. Стараниями его заведующей А.Н. Лучниковой часть документов общего делопроизводства эвакуировали. Творческий архив спасти не удалось.

Такая же участь постигла документальные и художественные звукозаписи, которые были утрачены прежде всего из-за отсутствия условий хранения и в результате многократных «чисток» звукового архива по конъюнктурным соображениям. Изданный в 1938 г. приказ по ВРК № 415, потребовавший «очисток от негодных в идеологическом отношении»[1] звукозаписей, был в течение многих лет одним из основных руководящих документов Радиокомитета, неоднократно дублировался. На основании этого и ему подобных приказов фонодокументы можно было уничтожать без раскрытия их содержания: в соответствующей описи достаточно было указать только их рабочий номер в хранилище. Известны распоряжения, по которым к уничтожению выделялись одновременно по 400 и более звукозаписей. Так погибли, например, выступления В.А. Антонова-Овсеенко, Е. Виноградовой, Д. Ибаррури, С.М. Эйзенштейна, репортажи со стратостата «Кремль», с борта самолета «Москва» и многие другие. Подобный принцип обращения со звукозаписями из архивных фондов утвердил себя и в 1970-е годы, в результате чего были утрачены многие ценные произведения радиожурналистики только на основании рекомендаций «сверху».

Отсутствие текстов в условиях живого вещания начального периода, уничтожение большинства звукозаписей, гибель творческой части архива в октябре 1941 г. привели к тому, что в фонде Гостелерадио СССР, насчитывающем более 24 тысяч дел, с 1933 по 1970 г. не сохранилось ни одного микрофонного текста до сентября 1941 г., а фонодокументы 1930-х годов, хранящиеся в настоящее время в Российском государственном архиве фонодокументов, исчисляются десятками.

Восстановить утраченную часть архива можно было только после выработки специальной методики поиска документов, включающей несколько направлений. Подготовительный этап работы, занявший более двух лет, заключался в создании «макета эфира» на основе результатов, полученных при анализе вещательных программ, печатавшихся в прессе (в газете «Новости радио», а с 1 января 1934 г. в специальных изданиях «Радиогазета» и «Радиопрограммы»). Эти издания — единственный источник, реально отражающий структуру и содержание вещательных программ 1930-х годов и программно-распорядительных документов.

[1] ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 988. Л. 356.

Макет эфира представлял собой аналитическую таблицу-опись с данными о дате и времени прохождения передачи в эфир, ее названии, авторах и исполнителях, принадлежности той или иной редакции, жанре, рецензиях или хотя бы рекламных заметках о ней. Такая опись дала общее представление о тенденциях радиожурналистики и стала своеобразным путеводителем для поиска текстов и документов.

Этот поиск велся в разных, порой неожиданных архивных фондах, исходя из того, что в силу организационных условий материалы радиовещания «откладывались» на хранение не только в ВРК, но и в архивах учреждений и организаций, осуществлявших идеологическое и организационное руководство радиовещанием или поддерживающих с вещательными редакциями творческие контакты, в Совнаркоме СССР, НК РКИ, Наркомпросе, Наркомпочтеле, Главполитпросвете, Главнауке, РОСТА, ЦК РАБИС и т.д. Эфирные материалы были найдены в фондах различных наркоматов и учреждений народного хозяйства, куда их отправляли «на визу» в зависимости от тематики передач. Так, в фонде Колхозцентра были обнаружены тексты радиобесед, докладов и радиоперекличек по вопросам сельского хозяйства, материалы по организации «радиопоходов» и другие[1].

Богатый материал хранится в личных фондах деятелей литературы и искусства, много и плодотворно работавших на радио. Главный источник информации — Российский государственный архив литературы и искусства, а также рукописные отделы музеев и библиотек, частные архивы журналистов, писателей, актеров, режиссеров, дикторов и их наследников.

Во второй половине 1930-х годов, в условиях максимальной централизации пропаганды и усиления контроля за деятельностью местных органов информации, было организовано тиражирование передач Всесоюзного радио с целью циркулярной рассылки микрофонных текстов во все радиокомитеты страны. Этот метод подготовки вещательных программ на местах получил широкое распространение. Печатались микрофонные материалы с пометкой «для служебного пользования». Более 700 текстов радиопередач, изданных с указанной целью, сохранились в Российской государственной библиотеке. Здесь представлены вещательные материалы всех отделов и редакций ВРК за 1937–1941 гг.

Послевоенный период радиовещания отличается внушительной количественной характеристикой архива (около 10 тыс. дел, содержащих сотни тысяч документов 1945–1970 гг.), а также отсутствием объективных причин — войн, катастроф, пожаров и т.д. — для плохой сохранности документов; проблемы этого периода связаны не столько с поиском, сколько с отбором эталонных материалов.

Изменились условия работы в государственных архивах в 1990-е годы. Работа по первоначальному определению состава документов совпала с процессом рассекречивания архивных документов и открытием для использования целого ряда фондов или отдельных их описей,

[1] РГАЭ (ЦГАНХ СССР). Ф. 7446. Оп. 6.

ранее недоступных исследователям. Например, в начале 1990-х годов, в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга был рассекречен фонд Северо-Западного областного представительства акционерного общества «Радиопередача». Известно, что в 1928 г., после ликвидации общества, его архив не поступил на государственное хранение. Очень незначительная часть документов была приобретена (на специально выделенные для этого денежные средства) в середине 1930-х годов Радиокомитетом для работы комиссии по истории советского радио и хранилась в ведомственном архиве Гостелерадио СССР. Ни протоколов ликвидационной комиссии, ни документов, отражающих предысторию этого вопроса не сохранилось. Частично эти материалы оказались в Санкт-Петербурге только благодаря тому, что все они рассылались из Москвы с грифом «секретно» и отложились в секретном делопроизводстве, документы которого не подвергались «архивным чисткам» 1920–1930-х годов. Таким образом, картина ликвидации акционерного общества «Радиопередача» и полного огосударствления радиовещания была воссоздана благодаря документам ЦГАЛИ СПб. и большому комплексу документов Политбюро ЦК ВКП(б), хранящихся в РГАСПИ и Архиве Президента РФ[1].

Стали доступны для использования и публикации некоторые документы фондов Совета Министров СССР и РСФСР, Гостелерадио СССР; во второй половине 1990-х годов рассекречены материалы 30-летней давности Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. Были привлечены также документы, находящиеся на ведомственном хранении, в том числе микрофонные материалы «золотого фонда радио», документы по кадровому составу.

Сложность заключалась также в том, что отобранные для первичного знакомства по «Радиопрограммам» радиопередачи, представляющие, на наш взгляд, определенную ценность, часто отсутствовали в месте хранения.

Причин этому явлению две. Первая заключается в том, что до недавнего времени не были разработаны научно обоснованные принципы и критерии экспертизы ценности и отбора на государственное хранение таких специфических документов, которыми являются микрофонные тексты радио- и телепередач. Хранить все, как известно, невозможно, выборка проводилась часто механически, без учета значимости передачи, ее художественно-эстетических качеств, жанрового своеобразия, периодичности, наличия и характера авторской и редакторской правки и т.д. Основными рабочими критериями являлись возможность повтора и так называемая «иллюстрация цикла». В результате, оставляя одну передачу за месяц (1-е или 15-е число), в макулатуру выделялись остальные, независимо от содержания. Отбор для повтора в эфире носил узко-индивидуальный и прагматический характер, с явно выраженным идеологизированным подтекстом («пойдет — не пойдет»).

---

[1] Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2000.

Практика комплектования микрофонных текстов не предполагала комплексного подхода при оценке письменных, звуковых и изобразительных источников с учетом их органической содержательной и художественно-эстетической ценности как единого авторского произведения. Исторически сложившаяся система их анализа и хранения в отрыве друг от друга привела к частичной или полной утрате информации[1]. Например, в Главной редакции информации и Главной редакции музыкального вещания Центрального телевидения и Всесоюзного радио микрофонные папки содержат только дикторские тексты, объявления с указанием номера магнитофонной записи без «расшифровки». И в том случае, если фонодокумент не был отобран на хранение в Телерадиофонде, он безвозвратно потерян.

В этой связи следует отметить, что наряду с массовыми источниками временного хранения были выделены к уничтожению и целые комплексы оригинальных информационных и художественно-публицистических передач 1950–1960-х годов. Так, в 1981 г. в результате «целевой экспертизы» были выделены к уничтожению свыше 1000 дел с радиопередачами программы «Маяк», а на постоянное хранение оставлено только 626 текстов радиопередач. Главным образом это спецвыпуски «Маяка»: «В странах социализма», «Найти человека», «Бюллетень розыска родных», праздничные репортажи с Красной площади, репортажи с космодрома. В результате за пределами документального фонда радио оказалась повседневная жизнь страны — репортажи с мест, выступления у микрофона, оставив для истории только победные звуки парадов и официальных торжеств.

Трудно провести грань между не совсем взвешенными действиями архивистов, стремящихся путем таких массированных экспертиз, не выдержавших даже минимальных временных промежутков между датой создания документов и датой их уничтожения, освободить дефицитное место на архивной полке, и целенаправленными уничтожениями «идеологически вредных» и компрометирующих документов. Характерно, что распорядительные документы о «размагничивании» фонодокументов и изъятии текстов радиопередач в архиве Гостелерадио отсутствуют. По всей вероятности, основанием для этих акций служили приказы Главлита СССР, централизованно рассылаемые в библиотеки, книготорговую сеть и другие учреждения, в том числе и Гостелерадио СССР, с запретительными списками. Например, в 1970-е годы такие секретные приказы с указанием об изъятии произведений А.И. Солженицына, В.П. Некрасова, А.Т. Гладилина, А.А. Галича, В.Е. Максимова, А.Д. Синявского, Г.Д. Табачкина, Е.Г. Эткинда и многих других отечественных писателей были разосланы по всей сети указанных учреждений. Такая же участь была уготована музыкальным звукозаписям, авторами и исполнителями которых были лица, входившие в «черные списки» Главлита.

[1] На этапе ведомственного хранения фонодокументы находятся в Телерадиофонде, а микрофонные материалы — в отделе микрофонных материалов.

Удалось обнаружить только несколько документов, свидетельствующих о регулярных «чистках» архива радио. Так, по «Отборочному списку № 1 архивных материалов ВРК при СМ СССР, подлежащих выделению в макулатуру от 25 декабря 1950 г.» были уничтожены: бюллетени ТАСС, материалы радиоперехватов, информационные бюллетени и специнформация из Управления РККА, трофейные документы (без раскрытия состава и содержания этих документов. — *Т.Г.*), присланные из Управления РККА, бюллетени и сводки информации о положении в оккупированных зонах Германии; обзоры, бюллетени и статьи советской контрпропаганды и черновики этих статей, радиоотклики и другие оригинальные материалы. Всего 4936 единиц хранения[1].

Вторая причина утраты документов заключается в том, что микрофонные тексты радио- и телепередач при повторах долгое время находились в вещательных редакциях, считающих их как бы своей собственностью и объясняющих задержки с возвратом в отдел микрофонных материалов потребностями эфира. Все это приводило к утрате радиопередач, и главным образом лучших, премьерных, пользующихся наибольшей популярностью.

Такая подробная характеристика источниковой базы представляется необходимой для обоснования авторских подходов и критериев формирования состава документального исследования. Следует отметить, что выявление и отбор документов и текстов послевоенного периода также проводился с помощью предварительно составленного по «Радиопрограммам» «макета эфира» (около 4 тыс. наименований радиопередач). Первичная совокупность документов, микрофонных текстов и материалов прессы, из которых предстояло часть отобрать к публикации, составляла 3,5 тыс. наименований. Только после детальной теоретической проработки — определения общих тенденций в вещательной политике, наиболее представительных передач, их авторского состава — можно было гарантировать объективность подхода, который позволил отобрать к публикации 453 документа и материала за более чем 50-летний период истории советского радиовещания.

Книга состоит из трех разделов.

Первый раздел содержит организационно-распорядительные документы, в которых прослеживаются изменения форм управления радиовещанием: сначала в аппарате РОСТА и акционерного общества «Радиопередача», а затем — в структуре Наркомпочтеля РСФСР и Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР, Комитета радиоинформации Министерства культуры РСФСР, Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению и Гостелерадио СССР. Документы руководящих органов отражают главные вехи

[1] ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 3421. Л. 98–104.

структурных изменений центрального аппарата, вызванных появлением новых радиопрограмм, развитием направлений, форм и жанров радиовещания, состоянием материально-технической базы. Особенно выделены материалы, характеризующие проведение политических кампаний, работу с письмами, организацию и реорганизацию вещательных подразделений в зависимости от расширения функций массового вещания, изменения его технической базы, развития творческих возможностей и методов радиожурналистики, появления новых рубрик, циклов и отдельных передач. Специальное внимание было уделено идеологическому контролю за подготовкой, передачей в эфир и формированием звукового фонда радиовещания. Эти и другие вопросы, раскрывающие редакционную «кухню», нашли отражение в стенограммах совещаний различного уровня, фрагменты которых также вошли в этот раздел. Публикуются документы о деятельности отдельных мастеров радиожурналистики — режиссеров, журналистов, дикторов, комментаторов.

Второй раздел, включающий собственно эфирные материалы, открывается образцами начальных форм советской радиожурналистики — радиограммами, содержащими сведения, предназначенные широким слоям населения. Переданные из центра в эфир по беспроволочному телеграфу, они затем публиковались на местах в виде листовок или на страницах газетных изданий. Публикуются фрагменты «Радиовестника РОСТА» — одного из основных поставщиков свежей информации для местной прессы и устной агитации в те годы. Более поздний период представлен эфирными материалами (микрофонные тексты и «расшифровки» фонодокументов) во всем своем многообразии — жанровом, тематическом, авторском. Это публицистика И.Г. Эренбурга, Б.А. Галина, М.К. Калатозова, К.И. Чуковского, С.С. Смирнова, А.Л. Барто, Ю.Я. Яковлева, П.Г. Бунича, Б.Л. Горбатова, Ю.А. Летунова, Г.И. Зубкова, Г.А. Шахова, Э.А. Мнацаканова, В.С. Зорина, К.И. Ретинского, Б. Михайлова, Ю.И. Визбора; интервью и выступления Д.Д. Шостаковича, М.А. Шолохова, В.И. Качалова, А.А. Ахматовой, И.О. Дунаевского, В.В. Кригер, А.В. Софронова, Г.С. Фиша, Л.О. Утесова, Г.П. Вишневской, Ч. Айтматова, Н.М. Коржавина, С.П. Королева, Е.А. Фурцевой, В.Е. Семичасного; творческие портреты А.А. Тарковского М.Н. Бернеса, В.В. Васильева и Е.С. Максимовой, В.Л. Ростроповича; звуковые радиофильмы 1930-х годов, фронтовая звуколетопись, репортажи с Красной площади, о праздновании 800-летия Москвы, похоронах И.В. Сталина, об открытии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, о полете Ю.А. Гагарина; радиожурналы, радиообозрения, радиопьесы и радиокомпозиции «Клуб знаменитых капитанов», «Невидимка», «В.З. Мейерхольд», «Литературные вечера», «Опять — двадцать пять», «Минута молчания, посвященная памяти погибших в годы Великой Отечественной войны» и многие другие.

В третьем разделе помещены материалы прессы и мемуары, позволяющие восстановить обстоятельства и атмосферу творческой жизни редакционных коллективов, создававших популярные про-

граммы, показать дискуссии вокруг радио, развернувшиеся с конца 1920-х и до середины 1930-х годов в печати. Только специальных периодических изданий в этот период выходило около сорока: журналы, газеты, бюллетени и т.п. На страницах газеты «Новости радио», журналов «Радиослушатель», «Говорит Москва», «Говорит СССР» и других публиковались обзоры программ, отзывы и рецензии, теоретические статьи о развитии радиопублицистики. Статьи теоретического характера о специфике радио и радиоискусства носят дискуссионный характер, а публикации 1960-х годов о реабилитации социологии как науки и применении ее методов в изучении аудитории имеют постановочное значение. Такой отбор материалов позволяет продемонстрировать широту мнений при обсуждении проблем, возникавших на пути развития нового вида информации, пропаганды и искусства. Ряд статей, правда, не лишен декларативности и стремления навязать читателям авторскую точку зрения по тому или иному вопросу. Но главное — это обращение к огромному массиву теоретического и практического опыта, до сих пор не потерявшего своего значения для совместного вещания.

Большое место отведено мемуарам, рассказывающим о радиожурналистике в годы Великой Отечественной войны. Благодаря воспоминаниям и выступлениям в прессе выдающихся деятелей культуры, среди которых И.С. Козловский и Э.Г. Гилельс, А.Т. Твардовский и Н.Ф. Погодин, Э.П. Гарин и Ю.Б. Левитан, О.Ф. Берггольц и А.Н. Афиногенов, А.Г. Коонен и И.В. Ильинский, А.В. Баталов и М.А. Ульянов, В. Синявский и Н. Дымарский, мы проникаем в лабораторию мастерства журналистов, писателей, актеров. Раздел содержит высказывания видных деятелей культуры о своей работе на радио, возможностях и перспективах развития радиотворчества: Р.Н. Симонова, Д.Ф. Ойстраха, М.И. Бабановой, Р.Я. Плятта, А.А. Консовского, В.А. Сперантовой, Н.В. Литвинова, Р.М. Иоффе, Р.И. Рождественского, Б.А. Слуцкого, Б.П. Чиркова, Б.А. Бабочкина, О.Н. Ефремова, М.М. Казакова, Г.А. Товстоногова, И.Л. Андроникова, С.Н. Колосова, Ф.А. Искандера и других.

В качестве приложения помещены опубликованные нормативные документы — декреты Совнаркома, постановления Совета Труда и Обороны, решения высших партийных органов о развитии приемно-передающей сети радиовещания и использовании ее для информирования, агитации, организации и просвещения населения; материалы партийных съездов и выступления руководителей государства, посвященные идеологическим вопросам, например, наиболее важные документы того или иного периода, определяющие общую идеологическую политику, например, ленинские документы, доклады Н.С. Хрущева «О культе личности» (1956), Л.Ф. Ильичева «Очередные задачи идеологической работы партии» на июньском Пленуме ЦК КПСС; постановления о развитии радиовещания и др. Они служат общеисторическим ориентиром для лучшего понимания роли и места радиовещания в структуре государственной власти и культурной политике.

* * *

Археографическое оформление документов проведено в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). В заголовках распорядительной документации во всех случаях неполной публикации указывается «Из постановления...». Исключение сделано для творческих материалов радио и прессы, поскольку в подавляющем большинстве они публикуются в сокращении. Мы сочли возможным не вносить в заголовок это указание, а специально пояснять в примечаниях: «публикуется в сокращении» или «публикуется фрагмент». Все случаи извлечения отмечены многоточием (...) в конце фразы, после которой текст опускается.

При публикации радиопередач орфография и пунктуация максимально приближены к современным правилам, за исключением тех случаев, когда они являются элементом интонационно-выразительной структуры текста. Сохраняются полностью фразеология и написание имен собственных.

Письменные расшифровки фонодокументов подготовлены специально для настоящего издания. Они сохраняют все элементы структуры радиопередачи (обозначение акустического фона, музыка, шумы и т.д.) в виде ремарок, заключенных в круглых скобках. При публикации текстов фонодокументов максимально сохраняется стиль устной речи и, в частности, конструкция предложений, диалектизмы, жаргонные и профессиональные выражения. Устранены только очевидные оговорки — при условии, что это не влияет на смысл фразы. В ряде случаев в тексте расшифровки фонодокумента сделаны сокращения из-за того, что техническое состояние звуконосителя не позволило полностью и четко разобрать слова, а первоначальный текст звукозаписи в письменном виде не сохранился.

Пропущенные части текста радиопередачи отмечены многоточием в скобках. В том случае, когда часть текста восстанавливалась по другим источникам, она также заключена в скобки.

Резолюции и редакционные пометки помещаются в подстрочных примечаниях.

Заголовки и примечания содержат сведения о виде, названии и содержании текста радиопередачи или документа, его авторах, дате создания, а также о месте хранения или публикации.

В указаниях источников текстов фонодокументов обозначения видов звукозаписи — «грамзапись» (на пластинку или фоновалик), «тонфильм» (на киноленту без изображения) общеприняты; термин «шоринофон» употребляется для обозначения записи на аппарате Шорина, названном по имени изобретателя[1]. В примечаниях к текстам радиопередач термин «микрофонный материал» обозначает текст, взя-

[1] Шорин А.Ф. (1890–1941) — изобретатель, в том числе систем фотографической звукозаписи для звукового кино- и механической записи и воспроизведения звука (1932–1934).

тый из архива радио, термин «подлинник» — рукопись, хранящуюся в личном архиве автора.

Авторские заголовки радиопередач, статей и глав из книг сохранены полностью. Жанр каждого из публикуемых материалов определен по принципам современной классификации.

Документы и тексты сопровождаются комментариями, текстуальными примечаниями и биографическими справками. Была проделана большая работа по розыску сведений о жизни и деятельности журналистов, писателей, авторов и участников радиопередач. К сожалению, она не всегда была успешной.

* * *

История этой книги имеет свою драматургию, которую невозможно оценивать без учета новейшей истории последних двадцати лет. Не могу обойтись без собственных воспоминаний о тех днях, когда впервые рукопись «Истории советской радиожурналистики» появилась на факультете журналистики МГУ. Это был разгар перестройки и гласности. Все было готово к обсуждению на Ученом совете, отзывы рецензентов были положительными и академичными. Двух мнений не было: новые документы должны быть опубликованы именно в качестве учебной базы для будущих поколений журналистов. Но тут вмешалась политическая конъюнктура. За несколько дней до заседания Ученого совета в газете «Советская Россия» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» (13 марта 1988 г.). Ветер перестройки изменил свое направление, и ход обсуждения членов Ученого совета развернулся на 180 градусов. То, что раньше оценивалось прорывом к объективной истории, было объявлено клеветой на советскую журналистику. Вывод был не безнадежный, но вполне категоричный: доработать по замечаниям (убрать целый ряд принципиальных текстов) и представить на повторное обсуждение. Только привычка действовать и добиваться результата при любых обстоятельствах, поддержка коллег-архивистов помогли выбрать наиболее правильное решение: попытаться выйти на повторное обсуждение с минимальными сокращениями. Тем более, что вскоре после ответной статьи А.Н. Яковлева в «Правде» в обществе разгорелась бурная дискуссия, которая развивалась с явным преимуществом либеральных взглядов.

Тем не менее уже в июне «новый» вариант рукописи «Истории...» был вновь представлен на обсуждение и внесен в повестку дня Ученого совета факультета. Ожидание результата было напряженным и непредсказуемым в отличие от большинства случаев, когда подобные обсуждения напоминают хорошо разыгранный спектакль по заранее намеченному сценарию. Даже те члены Ученого совета, которые поддерживали работу и рекомендовали ее к изданию, слишком хорошо помнили обличительный пафос, прозвучавший на мартовском заседании, а потому чувствовали себя неуверенно и были готовы к отступлению. В результате вокруг меня образовался вакуум, а знакомые делали вид, что с трудом узнают меня после трехмесячного отсутствия. Об-

суждение рукописи «Истории...» было в конце повестки дня, а заседание началось с отчета одной из кафедр, когда неожиданно было прервано появлением большой группы студентов, которые шумно вошли в аудиторию. Вели они себя уверенно и не обращали никакого внимания на недовольные взгляды членов Совета. Волнение, в котором я пребывала в ожидание «моего» вопроса, притупило мою реакцию на происходящее, и я полностью была поглощена тем, что происходило в этот момент в президиуме. И вдруг произошло из ряда вон выходящее. Слово взял один из студентов. Сразу было видно, что это лидер и борец. Студенты пришли на обсуждение деятельности одной из ведущих кафедр факультета с требованиями обновить учебный курс и учебную базу. Ветер перестройки дал возможность студентам говорить не только на семинарах. Они отказывались изучать и сдавать экзамены по курсу, состоящему из опубликованных партийных постановлений 1930–1940-х годов «о борьбе с троцкизмом», «об Ахматовой и Зощенко», «о борьбе с космополитами». Было ясно, что студенты перешли к решительным действиям: они уже написали письмо в ЦК, а копию направили в газеты. Настоящие будущие журналисты! Ситуация накалялась. На кафедре стоял уважаемый профессор и что-то неуверенно говорил о переработке курса, запланированной на следующую пятилетку. Не известно, чем бы закончилась эта драматическая сцена, если бы не председатель, который мастерски разрешил этот накал. Смысл сказанного им заключался в том, что волнение студентов напрасно и факультет уже провел большую работу, которая сегодня уже представлена и будет одобрена к изданию. Все посмотрели на меня и на внушительную папку с рукописью, которая должна была стать главным доказательством «перестроившегося» профессорско-преподавательского состава факультета. Так, буквально за несколько минут, был ликвидирован конфликт со студентами и решена судьба книги. Не стоит говорить, в каком состоянии я покидала «ленинскую» аудиторию, гордо неся, не замечая тяжести, драгоценную рукопись. Студенты обступили меня и стали расспрашивать. «Спасибо вам», — только и смогла я сказать в ответ. «За что?» — удивились они. Я ничего не ответила. Что я могла им объяснить? Я действительно до сих пор благодарна этим ребятам, как и очень многим архивистам, ветеранам журналистики, историкам радио, которые по-разному, но все вместе помогли выходу издания «Истории...» в 1991 г.

Завершая вступительную статью, хотелось бы вернуться к пророчеству Велимира Хлебникова в самом начале пути радио, которое так созвучно ощущениям не менее тонкого художника и экспериментатора наших дней — Александра Сокурова. Он вспоминает, что в детстве очень хотел заниматься радиотеатром. «Мне до сих пор он нравится больше, чем кино, — признается он. — В то время на радио было много литературно-художественного вещания, постоянно транслировали постановки МХАТа. Радиоспектакли — мой любимый жанр. Это настоящее искусство, искреннее, аскетичное. Я до сих пор удивляюсь, почему эти далекие голоса действовали на мою душу, душу обычного школьника из обычной семьи, где к культуре никто никакого отноше-

ния не имел... Когда в семье заходила речь о моем желании быть режиссером радио, родители говорили, что мои усилия бессмысленны, что это закрытая среда и без связей не пробиться. Но я был самостоятелен в своем выборе. Воспитанный радиовещанием, русской традицией, я убеждал себя, что сначала нужно получить гуманитарное образование, базовое, серьезное, а уж потом, если есть какой-то талант и судьбе угодно будет — учиться профессии»[1].

Эта влюбленность в магию радиоэфира даже почти через сто лет после его рождения — лучший залог успеха этой книги, одновременно академического опыта прошлого и пророческого завещания радио будущего.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 05-06-80267а, и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-01-00158а.

Т.М. Горяева

[1] Александр Сокуров: «Что со мной происходит, происходит заслуженно» // Новое время. 2006. № 3. С. 34–35.

Раздел I

ОРГАНИЗАЦИЯ И РУКОВОДСТВО РАДИОВЕЩАНИЕМ: ПРИКАЗЫ, РАСПОРЯЖЕНИЯ, ПРОТОКОЛЫ, СТЕНОГРАММЫ

Приказ № 137 по РОСТА «О достовериости информации РОСТА»

1 декабря 1921 г.

За последнее время информационным сектором РОСТА дважды давались заметки в периодической печати, не только не соответствующие действительности, но и носящие антисоветский, контрреволюционный характер. Подобная работа, помимо общего вреда Республике, дискредитирует и подрывает доверие к РОСТА и его информации.

Настоящим предлагаю заведующим редакциями информационного сектора, редакторам и другим литературным работникам, особенно всем сотрудникам отдела центральной информации, строжайше следить за точной и безусловной достоверностью сведений, сообщаемых печати, а равно строго следить за политическим содержанием даваемого в печать материала. Заведующему информационным сектором во избежание повторения вышеуказанных явлений иметь постоянное наблюдение за работой сектора. В случае повторения подобных сознательно и несознательно допущенных ошибок сотрудники, виновные в них, будут немедленно увольняться, а дела о них будут передаваться в ВЧК для привлечения их к ответственности.

Зампред. Главполитпросвета В. Максимовский
Ответственный руководитель РОСТА Я. Долецкий[1]

ГА РФ. Ф. 391. Оп. И. Д. 9. Л. 31. Заверенная копия.

Письмо комиссара Московского радиоузла в РОСТА[2]

20 декабря 1921 г.

Ввиду того, что с 22-го сего декабря и до конца 9-го Съезда Советов передача вечернего вестника РОСТА всей Республике будет производиться непосредственно из Дома союзов, просьба высылать таковой в радиоузел не позднее 17 часов в двух экземплярах. Второй экземпляр предназначается для передачи по Ходынской радиостанции на случай, если бы передача из Дома союзов почему-либо не состоится.

Комиссар радиоузла[3]

ГА РФ. Ф. 391. Оп. И. Д. 25. Л. 8. Подлинник.

Из распоряжения № 126 по РОСТА

18 октября 1922 г.

§ 1. Назначается тов. Комаровский К.А.[4] помощником ответственного руководителя — заведующим отделом внутренней информации...

Ответственный руководитель Я. Долецкий

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 11. Д. 28. Л. 127. Подлинник.

Из протокола № 10/562 заседания коллегии Наркомпроса РСФСР от 3 марта 1924 г.

Присутствовали: М.Н. Покровский[5], В.Н. Яковлева[6], И.И. Ходоровский, В.Н. Мещеряков, О.Д. Вам, М.С. Эпштейн, представитель Цекарабиса т. Лебедев.

Председатель: М.Н. Покровский

Секретарь: Н.Д. Рутковский

Слушали:

I. Об использовании записей речей т. Ленина и других вождей революции.

Постановили:

1. Установить следующее постановление комиссии:

а) немедленно снять копии со всех оригиналов записей речей тов. Ленина в количестве двух, с тем чтобы один экземпляр хранить в Институте Ленина, а другой — в Архиве Октябрьской революции; оставить сами оригиналы для дальнейшего использования на фабрике;

б) немедленно же приступить к записям речей других вождей революции на русском и иностранном языках, организовать для сего специальную базу в Кремле;

в) принять меры к изготовлению копий записей с тем, чтобы хранить одну копию каждой записи в Архиве Октябрьской революции, а другую — в специальном хранилище при Наркомпросе;

г) содействовать плановому продвижению пластинок с речами тов. Ленина и других вождей в рабочие и красноармейские клубы и избы-читальни через партийные и профессиональные организации и политпросветучреждения, указав этим последним на возможность со стороны фабрики «Грампластинка» льготных скидок и рассрочек по приобретению не только пластинок, но и граммофонов.

2. Общее руководство записью речей общественных деятелей поручить Главполитпросвету.

ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2945. Л. 37. Подлинник.

Из письма заместителя комиссара Народного комиссариата почт и телеграфов РСФСР А.М. Любовича[7] секретарю Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе[8]

23 апреля 1925 г.

Вокруг вопроса о широковещании за последнее время начата нездоровая полемика как на страницах газет, так и путем передачи через громкоговорители на улицах и площадях Москвы, причем во всех случаях подобного рода выступлений деятельность Наркомпочтеля рисуется в тенденциозно неверном освещении, дискредитируя его работы.

Не желая поддерживать полемику на страницах газет, считаю необходимым поставить Вас, уважаемый товарищ, в известность о тех задачах, которые ставит себе НКПиТ, принимая непосредственное уча-

стие в развитии широковещания путем приспособления для этой цели станций, имеющихся во многих пунктах Союза.

Широковещание в Союзе развивается чисто стихийно, промышленность удовлетворить рынок по снабжению районными передающими станциями не может, и требования с мест сводятся к возможно скорейшему осуществлению передачи из Москвы при помощи мощных передатчиков, каким является только станция имени Коминтерна. Преследуя эту цель, НКПиТ поручил группе своих специалистов проработать вопрос о передаче с помощью трансляций музыки и речей через Малый и Большой Коминтерн, к каковым работам еще в начале марта они приступили, заключив временное соглашение сначала лишь на производство опытов, в дальнейшем предполагая поставить дело на путь систематической эксплуатации, с Дирекцией академических театров.

Первые опыты дали вполне благоприятные результаты, и НКПиТ считает вопрос настолько проработанным, что дальнейшие необходимые улучшения передачи доведут ее до возможного совершенства... Но по пути осуществления своего плана работ, преследующих исключительно цели приобщения наибольшего круга слушателей, Наркомпочтель встретил какое-то непонятное противодействие со стороны отдельных организаций и лиц...

Сообщая о плане работ Наркомпочтеля в этой области широковещания, прошу Вас оказать всемерное содействие этим работам, дабы при успешном их ходе возможно было бы культурной работой ведомства охватить наибольший район нашего Союза, в особенности оторванных от культурного центра рабочих и крестьян.

С коммунистическим приветом Любович

ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 739. Л. 40–40 об. Подлинник.

Из протокола № 4 заседания президиума Общества друзей радио СССР от 24 апреля 1926 г.

Присутствовали: члены президиума т.т. Любович, Халепский, Салтыков, Самсонов, Медведкин, Романовский, Сноскарев, Рейнберг, Преображенский, Будник, Кузмичев, Баженов, Цибульский.

Председатель — тов. А.М. Любович

Секретарь — тов. М.И. Салтыков

Слушали:...2. Об отказе артистов Смирнова и Губермана[9] выступать бесплатно перед микрофоном и о мероприятиях, предупреждающих подобные явления в будущем (доклад т.т. Любович, Сноскарев, Красин).

Постановили:...б) Поручить Комиссии в составе т.т. Любовича, Сноскарева и Самсонова выяснить все обстоятельства, связанные с отказом выступать перед микрофоном артистов Губермана и Смирнова...

г) Разработать и внести в Совнарком Союза от имени ОДР, «Радиопередачи», ВЦСПС проект декрета, предусматривающего трансляцию

художественных и музыкальных выступлений из всех концертных, театральных и иных помещений без дополнительной оплаты. Разработку проекта поручить т.т. Сноскареву, Салтыкову и Рейнберг.

д) Просить Наркомпросы и организации, ведающие приглашением заграничных артистов, включать в договоры с последними пункты, обеспечивающие транслирование выступлений без дополнительных вознаграждений...

ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 562. Л. 304–305. Копия.

Из постановления Коллегии НК РКИ СССР по вопросу о радиотелефонном деле[10]

13 мая 1926 г.

§ 1. Предложить:

1. Наркомпочтелю осуществлять организацию постройки и эксплуатации в порядке госбюджета основной сети мощных станций...

Примечание: «Радиопередача» может принять участие в строительстве местных станций, осуществляя таковое на местные средства при условии согласования общего плана их строительства с НКПиТ.

2. Акционерному обществу «Радиопередача»:

а) Заниматься исключительно широковещанием...

б) Будущие работы «Радиопередачи» построить на отказе от торговой и коммерческой деятельности...

в) Организовывать широковещание на местах путем организации общественного мнения, собирания средств на постройку станций и т.д. Но само радиовещание надлежит осуществлять совместно с партийными, профессиональными и общественными организациями...

ж) Газету «Новости радио» реорганизовать на основе ориентировки таковой на массового слушателя с преимущественным освещением вопросов программного характера и выявления запросов слушателя...

ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 562. Л. 157–159. Заверенная копия.

Из приказа № 144 по правлению акционерного общества «Радиопередача» «О стоимости минуты широковещания»

13 июня 1926 г.

§ 1. Впредь до изменения объявляется для сведения и руководства калькуляция стоимости 1 минуты широковещания.

	1 минута
Радиогазета	7–21
Крестьянская газета	5–59
Концерты	3–61
Пионерский детский концерт	3–11
Крестьянский концерт	3–21

Доклады и лекции	2–50
Материал Агитпропа	2–19
Трансляция боя часов	1–97
Из театров	2–28
Уроки английского языка	2–54
Объявления	2–27
Стенография	1–94.

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2. Л. 175. Копия.

Из протокола № 50/358 заседания президиума Коллегии Наркомпроса РСФСР от 30 ноября 1926 г.

Слушали:

7. Об установлении контроля над вечерами развлечений, передаваемыми по радио, — т. Крупская[11].

Постановили:

а) подтвердить еще раз, что публичное исполнение каких бы то ни было зрелищных номеров, не имеющих разрешения Главлита, не допускается;

б) рекомендовать Главлиту быть особо осмотрительным по отношению к номерам, передаваемым по радио, имея в виду, что часто то, что может быть допущено к исполнению в других местах, должно быть запрещено к передаче по радио.

ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 571. Л. 49 об. Подлинник.

Из письма правления акционерного общества «Радиопередача» в радиосекцию Главполитпросвета

23 сентября 1926 г.

Впредь до проведения и издания декрета о безвозмездном праве радиовещательным организациям передавать по радиотелефону исполняемые в театрах, концертных залах, аудиториях и других публичных местах произведения — музыкальные, драматические, музыкально-драматические, лекции, доклады и т.п. — правление о-ва «Радиопередача» возбуждает перед Наркомпросом ходатайство в настоящем театральном сезоне:

1. Предоставить бесплатно в Большом и Экспериментальном театрах ложи, которыми общество пользовалось в прошлом сезоне и где у общества имеются технические усилители микрофонов сцены.

2. Предоставить одно бесплатное место во всех академических театрах для того, чтобы иметь возможность просмотром производить выбор подходящих для трансляции вещей, а также иметь пригласительные билеты на генеральные репетиции.

3. Предоставить обществу возможность беспрепятственно транслировать все, подходящее для передачи по радио, из всех академических театров.

Мотивами нашего ходатайства служат:

а) Более полная и разнообразная передача по радио огромных культурных ценностей искусства из Москвы для широчайших трудящихся масс Союза[12]...

Председатель правления П. Гузаков
Зам. зав. культотделом Маро-Левитина

ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 765. Л. 4–5. Подлинник.

Приказ № 12/139 по Народному комиссариату почт и телеграфов СССР[13]

16 мая 1928 г.

Назначается на должность заведующего издательством «Рабочая Радиогазета при Народном комиссариате почт и телеграфов» Садовский А.А.[14] с 15 мая 1928 г.

Нарком почт и телеграфов СССР Любович

РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 10. Д. L. Л. 5. Подлинник.

Из приказа № 7 по Московскому радиовещательному узлу НКПТ СССР «О создании журнала “Радиослушатель”»

11 августа 1928 г.

§ 1. С 1-го августа при Московском радиовещательном узле создается редакция печатного радиожурнала «Радиослушатель».

§ 2. Ответственным секретарем редакции журнала «Радиослушатель» с 1-го августа назначается политредактор агитпропгруппы т. Римский А.М. с исполнением обязанностей секретаря редакции «Новости радио» и «Радио в деревне»...

Зав. Радиовещательным узлом НКПТ Салтыков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 9. Л. 52. Подлинник.

Из письма Уполномоченного по широковещанию Северо-Западного отделения Гуревича председателю правления акционерного общества «Радиопередача» Гузакову

Москва, Никольская, 3 15 декабря 1927 г.
Тов. Гузакову (лично) Секретно

За время моего пребывания в Москве для меня стало ясно и по ходу партсъезда, что по окончании партсъезда соответствующие парторганизации возьмутся за регулирование вопроса как широковещания, так и радиопромышленности. В определении места и назначения нашей работы будут считаться с мнением такого центра, как Ленинград. Поэтому мы сейчас в нашей радиокомиссии приступили к выработке конкретных предложений для бюро обкома по вопросам радио. Сейчас работает специальная комиссия, куда входит Т.З.С.Т., и Госшвея, и

ЛГСПС, и ГПП, и мы. Для того, чтобы действовать согласованно с Вами и выражать не только мое, но и мнение нашего правления, прошу срочно (ибо к концу декабря необходимо представить конкретные предложения) сообщить мнение правления по следующим вопросам:

1. Трест предполагает выдвинуть вопрос о снятии целевого сбора. Соглашаться ли на это предложение, либо на уменьшение целевого сбора, или же настаивать на оставлении прежнего порядка.

2. Оставить ли «Радиопередачу» в том виде, как она есть сейчас, или же выделить в специальный орган — Госрадио, передать ли Политпросвету и т.д.

3. Соглашаться ли на отдачу Редакции для технической эксплуатации Наркомпочтелю.

4. Губпрофсовет имеет однокиловаттную радиостанцию. До сих пор она не работала или работала, когда у нас работы не было. Сейчас они хотят пускать эту свою станцию одновременно с нашей, причем хотят нас транслировать бесплатно.

5. Входят ли вопросы продвижения радиофикации области при данных условиях в обязанности Уполномоченного. Вы сами понимаете, что продвижение этого вопроса в Ленинградской области имеет для нас большое значение, почему и прошу Вас ответить на выдвинутые вопросы незамедлительно.

Уполномоченный по широковещанию СЗО Гуревич
Секретарь Заркевич

ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–19 об. Подлинник.

Информационное письмо руководителям радиовещания и уполномоченным «Радиопередачи»

14 февраля 1928 г.
Конфиденциально.

Уважаемые товарищи!

Мы переживаем чрезвычайно важный переломный момент в истории и деле радиовещания и радиофикации нашей страны. Мы вступили в полосу возрастающего роста внимания и запросов к радиоделу со стороны широких масс и руководящих организаций.

Мы вступили в полосу острой и всесторонней критики и переделки нашего радиовещания. Мы присутствуем накануне первых серьезных мероприятий по реорганизации всего дела нашего радиовещания и радиофикации здесь в центре и в союзных республиках.

По ряду причин мы были лишены возможности привлечь руководящие кадры радиовещательных работников всего Союза или хотя бы его крупнейших центров к коллективному обсуждению основных вопросов, нас всех интересующих, и не могли выступить с освещением их на страницах московской печати, нередко дававшей неправильную, поверхностную и узкую постановку и трактовку нашего дела.

Сейчас мы спешим в порядке секретной информации дать Вам картину важнейших новостей на нашем фронте и таким путем дать толчок для возможно большего единства в наших взглядах...

В центре нашей настоящей информации будет рассказ о «Радиопередаче» и борьбе вокруг нее за последнее полугодие.

1. Откуда, когда и почему практически встал вопрос о реорганизации «Радиопередачи» и какие вопросы были подняты при этом?

В сентябре 1927 г. «Радиопередача», без подталкивания и подсказа откуда-либо извне, решила срочно (в 3 недели) к 1 октября 1927 г. ликвидировать свою коммерческую деятельность, в первую очередь радиоторговлю и торговую сеть, передав ее Госшвеймашине. «Радиопередача» решила так, исходя из твердого убеждения, что коммерческая деятельность мешает радиовещанию и всего лучше может быть поставлена более мощной торговой организацией (Госшвеймашиной, имеющей до 300 магазинов, меньше накладные расходы и др.).

С одобрения и при помощи вышестоящих партийных и советских инстанций «Радиопередаче» удалось галопом провести и оформить ликвидацию своей коммерции, при удивлении от такой неожиданности со стороны Наркомпочтеля, других организаций и, вероятно, многих руководящих работников радиовещания. И верно: мы могли бы еще год или два вести радиоторговлю, и даже с прибылями, ибо «Радиопередача» была основным радиоторговцем и Трест считал ее главным своим клиентом. Но интересы радиовещания были для «Радиопередачи» важнее коммерции, и мы предпочли ее срочно прекратить.

Одновременно с этим, т.е. в сентябре же и затем в октябре, «Радиопередача» вошла в директивные органы с предложением о ликвидации ее как акционерного общества и о создании вместо последнего, во-первых, самостоятельной всесоюзной радиовещательной организации при СНК СССР и, во-вторых, таких же радиовещательных организаций в союзных республиках при соответствующих совнаркомах. Тип организаций — по образцу ТАСС и РОСТА, в форме радиовещательных агентств СССР. Для РСФСР организация должна быть вместе с СССР.

Наши взгляды по вопросу организационной базы радиовещания развернуты нами в нижеследующих тезисах, где мы, помимо обоснования своих предложений, дали критику предложений Наркомпочтеля и некоторых союзных республик о ненужности всесоюзного радиовещательного центра и передаче радиовещания целиком и полностью наркомпросам союзных республик.

Тезисы об организации радиовещания, о центрах радиовещания и радиофикации

Существует взгляд, что центры радиовещания и радиофикации должны быть только в союзных республиках и не должно быть всесоюзного центра радиовещания и радиофикации. Этот взгляд опровергается следующими данными.

Во-первых, наряду с республиканским и местным радиовещанием имеется всесоюзное или даже интернациональное радиовещание, т.е. такое, которое по содержанию своему и по задачам имеет всесоюзное или мировое значение. Сюда относится все радиовещание, идущее от всесоюзных и интернациональных организаций, например, доклады от Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, от государственных, партийных и общественных организаций Союза или выполняемые по их планам и заданиям.

Доклады Военведа по вопросам войны и Красной Армии, доклады Наркоминдела по вопросам внешней политики, любого наркомата Союза о своих задачах и работе, доклады ЦК ВКП(б), ЦК комсомола, ВЦСПС и т.д. — все это есть всесоюзное радиовещание, и оно не заключает в себе ничего специально российского — РСФСРовского.

Во-вторых, наряду с оперативным всесоюзным радиовещанием имеется ряд работ и задач, с ним связанных и имеющих всесоюзное значение. Сюда относятся:

а) осуществление связи и отношений с заграничным радиовещанием, единое выступление за границей по вопросам радиовещания, и объем трансляций за границей.

б) методическая работа и обмен опытом в области радиовещания; учет радиовещательной работы во всесоюзном масштабе;

в) общеорганизационные, финансовые и технические вопросы радиовещания и радиофикации, требующие единства, всесоюзного планирования, контроля и учета со стороны соответствующего радиовещательного центра. Вот почему наряду с центрами радиовещания и радиофикации в союзных республиках должен быть помимо них и над ними всесоюзный центр радиовещания и радиофикации.

Можно ли создать центры радиовещания при наркомпросах и передать им радиовещание?

Это было бы неправильно и даже невозможно.

Во-первых, не существует всесоюзного наркомпроса, а между тем необходимо и есть всесоюзное радиовещание...

Во-вторых, и внутри союзных республик неправильно было бы создавать центры радиовещания и радиофикации в системе наркомпросов по следующим основаниям. Радиовещание состоит из трех основных ветвей:

а) радиогазеты;

б) агитпроп и политпросветдоклады и

в) художественное радиовещание.

При этом радиогазеты и агитпроп вместе преобладают в работе радио и составляют важнейшую часть радиовещания. Радиогазеты — это массовые политические органы, как любые газеты. Газеты находятся под непосредственным руководством парторганов, исполкомов или общественных организаций (профсоюзы, комсомол, кооперация и др.) Во всяком случае, нигде политические газеты наркомпросами не издаются, ими не руководятся и непосредственного отношения к наркомпросам не имеют, и даже «Учительская газета» издается не наркомпросом, а ЦК Союза. То же — и с радиогазетами.

Далее об агитпропработе по радио. Эта работа с ее боевыми политическими и хозяйственными докладами на текущие темы международной, внешней и внутренней политики партии и советского государства, по основным кампаниям и т.д. — все это работа парторганов, их агитпропов и основных общественных организаций.

Наркомпросы не ведут этой работы и не руководят ей, ни в работе среди рабочих, ни в работе среди крестьянства, Красной Армии и т.д. В агитпроп- и культпросветработе по радио агитпропработа на текущие политические и общественные темы занимает преобладающее место и имеет гораздо большее значение, чем чисто культпросветработа наркомпросовского характера и масштаба. Радиовещание давно уже вышло из рамок узко культпросветской работы, и поэтому ему не место в системе наркомпросов. Последние были бы лишним средостением и помехой для радиовещания, отодвигая его от непосредственного руководства парторганов и не давая ему нужного авторитета. Это противоречило бы и прямым директивным решениям в январе 1927 г. о непосредственной ответственности перед парторганами руководителей радиовещания за его организацию и содержание всех передач по эфиру.

Наконец, передача хотя бы республиканского радиовещания в наркомпросы загоняет радиовещание в рамки организационно и финансово слабых наркоматов, где вдобавок радиовещание окажется на задворках и вынуждено будет питаться остатками в последнюю очередь, особенно при переходе радиовещания на госбюджетное положение...

В соответствии с вышеизложенным и исходя из того, что радиовещание обслуживает не только интересы и запросы отдельных мест и республик, а является в первую очередь могучим военно-политическим орудием в руках правительства Сов. Союза и партии и служит в значительной мере интересам всего Союза в целом, необходимо признать, что радиовещание является делом всесоюзного значения и должно находиться в ведении и направляться из всесоюзного центра и соответствующих центров союзных республик.

«Радиопередача» обращается поэтому с ходатайством в СНК СССР и СТО:

1. О создании Радиовещательного агентства СССР и РА союзных республик для организации и осуществления радиовещательной работы и для объединения деятельности в области радиофикации ведомственных учреждений и организаций на основе нижеследующих положений: Основные положения о Р.А. СССР:

1. Радиоагентство СССР является центральным радиовещательным органом;

2. На Радиоагентство СССР возлагается:

а) организация и осуществление использования радио по планам и заданиям государственных учреждений и общественных организаций СССР и РСФСР в области политической и культурно-просветительной работы путем предназначенной для широкого распространения передачи по радио газет, докладов, лекций, бесед, информационных

сообщений, концертов, опер, драматических произведений, инсценировок и пр.;

б) согласование планов, направление деятельности и осуществление всесоюзного учета и наблюдения в области радиовещательной работы организаций всесоюзного, республиканского и областного (краевого) значения;

в) изучение постановки дела и работы иностранных радиовещательных организаций и осуществление в установленном порядке сношений с ними в целях информации и использования производимых ими (передач) по радио;

г) методическая разработка вопросов радиовещания; содействие научно-исследовательской и учебно-образовательной работе в области радиовещания, популяризация идей радиовещания и радиофикация в широких массах;

д) объединение, согласование и планирование деятельности отдельных ведомств и организаций, имеющих непосредственное отношение к радиовещанию и радиофикации, в области хозяйственно-организационных моментов...

3. Радиоагентство состоит при Совнаркоме СССР.

4 Во главе Радиоагентства СССР стоит Совет в составе, назначаемом постановлением Совнаркома СССР, лиц: председателя Совета, ответственного руководителя Радиоагентства СССР, представителей союзных республик, ВЦСПС, ВСНХ, Военведа, Наркомпочтеля и ОДР.

5. Ведению Совета Радиоагентства подлежит:

а) установление общего плана и порядка работ в области радиовещания и радиофикации СССР и союзных республик;

б) утверждение ежегодных смет доходов и расходов Радиоагентства СССР;

в) внесение представлений в Совнарком СССР по вопросам радиовещания и радиофикации, имеющим международное значение, а также по спорным вопросам между Радиоагентством, радиоагентствами союзных республик и ведомствами СССР.

6. Ответственному руководителю Радиоагентства СССР принадлежит непосредственное руководство всей деятельностью Радиоагентства СССР и все исполнительно-распорядительные функции.

7. Радиоагентство СССР организуется и работает на началах хозрасчета.

8. Финансовые взаимоотношения между Радиоагентством СССР и радиоагентствами союзных республик регулируются особыми соглашениями между ними.

9. Центральное управление Радиовещательного агентства СССР находится в гор. Москве.

10. Радиоагентство СССР имеет свою печать.

О радиовещании в союзных республиках и на местах:

Признать необходимым, чтобы во главе радиовещания с радиостанций отдельных республик, областей и губерний (округов) были уполномоченные радиовещательных агентств союзных республик,

ответственные перед последними и подчиненные исполкомам данных республик, областей и губерний (округов).

Наряду с этим «Радиопередача» внесла в СНК и СТО предложения по вопросам: а) о финансовой базе радиовещания и б) о технической базе радиовещания.

По вопросу о финансовой базе радиовещания «Радиопередача» защищала тезис о необходимости сохранения целевых сборов и отчасти абонентной платы как основного источника финансирования радиовещания с поддержкой (временной) по госбюджетам, но с оставлением его на хозрасчете, против предложений Наркомпочтеля и некоторых наркомпросовских работников — перевести радиовещание целиком и полностью на госбюджет и сметно-бюджетное положение.

Наши взгляды по этому пункту развиты нами в нижеследующих тезисах о финансовой базе радиовещания.

Тезисы о финансовой базе радиовещания

На какие средства должно существовать радиовещание?

Сейчас оно существует, главным образом, не на госбюджете, а на начислениях цены на радиоаппаратуру (целевой сбор в 15% с госизделий и 25% с кустарных изделий) и на абонементную плату с приемников за пользование. При этом подавляющую часть средств, не менее 90%, дает целевой сбор. А вместе с абонентной платой за 1927/28 год то и другое должно дать чистых не менее 1,5 млн рублей.

Эти источники и должны остаться как главная финансовая база радиовещания, и отменять их не следует. Кое-кто поговаривает об отмене целевого сбора и абонентной платы и о переводе радиовещания целиком на госбюджет. Это было бы неправильно и вредно для радиовещания. Неправильно потому, что пользующиеся радиовещанием, т.е. радиослушатели, должны не даром его иметь, а за плату, подобно тому, как существует плата за газеты. Перевод радиовещания на госбюджет означает вздутие госбюджета и вытягивание средств из него при возможности собирать их с потребителей, с населения сообразно с количеством и типами радиоприемников. Перевод на госбюджет, кроме того, поведет к сокращению финансовой базы радиовещания, что вредно отразится на развитии радиовещания и радиофикации, особенно сейчас, когда дело только разворачивается.

Бюджетные ассигнования на радиовещание допустимы лишь как временно необходимое, особенно на местах, добавление к поступлениям от целевого сбора и абонентной платы, которые должны остаться главной финансовой базой радиовещания.

За собирание целевого сбора и абонентной платы, а также за учет и регистрацию Наркомпочтель берет сейчас себе 20% от целевого сбора и 50% от абонентной платы. Это непомерно огромный излишний накладной расход на радиовещание, ежегодная дань уже сейчас в несколько сот тысяч рублей. Между тем взимание даже налогов и всяческие учеты и регистрации налогоплательщиков обходятся Наркомфину гораздо менее, чем берет Наркомпочтель. Поэтому надо снизить про-

цент расходов по взиманию целевых сборов и установить его не более, как в 5%, передав для удобства взимание целевого сбора в ведение финорганов, имеющих богатый аппарат для сбора средств и контроля.

[Исходя из вышеизложенного], предложить Наркомфину СССР:

1. Срочно рассмотреть вопрос совместно с заинтересованными организациями (Радиопередача, ВЦСПС, ВСНХ, Наркомторг, Наркомпочтель и представители союзных республик) о возможности снижения целевого сбора и абонентной платы и представить согласованный проект на рассмотрение Совета Народных Комиссаров СССР.

2. Усилить финансирование радиофикации и радиовещания за счет госбюджета в дополнение к средствам от целевого сбора и абонентной платы.

Вопросам организационному и финансовому мы придаем исключительное значение при решении основных задач радиовещания. Но весьма важное значение имеет и техническая сторона — о р.узлах, линиях, пунктах, студиях и пр. В этой части мы опять-таки столкнулись с Наркомпочтелем, который давно выдвинул требования о передаче ему, Наркомпочтелю, целиком и полностью радиовещания — вопрос о радиотелефонных передатчиках, трансляционных всех технических средств радиовещания с изъятием от радиовещательных организаций. Против этого требования мы выдвинули прямо противоположное требование: об изъятии от Наркомпочтеля радиовещательных средств, вплоть до станций, и о передаче их радиовещательным организациям.

Конечно, это была программа-максимум, на ряд лет борьбы, но мы ее выдвинули со всей остротой, в частности, в тактических целях борьбы с вредными притязаниями Наркомпочтеля. Наши взгляды по вопросу о технической базе радиовещания вы увидите из нижеследующих тезисов.

Тезисы о технической базе и технических средствах радиовещания

О главнейших недостатках в технической базе радиовещания:

I. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НЕДОСТАТКИ И НЕПРАВИЛЬНОСТИ В ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЕ РАДИОВЕЩАНИЯ.

Главнейшие из них:

1. Бесплановость и стихия в появлении, расположении и мощностях станций, пестрота их хозяев и случайность сети станций; помехи станций во взаимной их работе; нелепости наличия радиостанций в центрах городов, что образует помеху для приема других станций и расточение энергии самих станций; слабость радиостанций («пищалки») и их строительства в пограничных районах, против сильных радиостанций соседних государств; отсутствие повседневного технического эксплуатационного надзора, содействия и консультации для работы и начинаний на местах.

2. Слабость и неудовлетворительность центра, технической базы в Москве в виде ст. им. Коминтерна, принадлежащей Наркомпочтелю.

3. Оторванность строительства радиостанций от радиовещательных организаций, несогласованность технических планов с ними и бесправность «Радиопередачи» в отношении технических средств Наркомпочтеля.

4. Стремление Наркомпочтеля оторвать и обособить техническую базу от радиовещания, в особенности недопустимое в виде попыток оторвать радиовещательные студии и трансляционные узлы от радиовещания, организационно и даже по местонахождению разъединить их и пр.

Основная установка в вопросе о технической базе радиовещания. Не радиовещание применительно к технике, а техника применительно к радиовещанию, его задачам и нуждам; техника — целиком в руках и в полном распоряжении радиовещательных организаций, кровно, непосредственно и более, чем кто-либо другой заинтересованных в своей технической базе, в ее усовершенствовании и полной пригонке к радиовещанию.

Единство техники и радиовещания, а не разрыв. Радиостанции, трансляционные узлы, линии и студии для радиовещательных организаций — то же, что собственные типографии для газетных издательств: они им позарез необходимы, им принадлежат, на их средства (даваемые государством) и по их планам строятся и им целиком и полностью подчинены.

В соответствии с этим является вредным и утопичным стремление Наркомпочтеля, владеющего небольшим числом радиовещательных станций, забрать себе все остальные радиовещательные станции от радиовещательных организаций и от республиканских, краевых и прочих исполкомов и других организаций.

Во-первых, профсоюзы строят и будут иметь свои радиовещательные станции. Во-вторых, крупнейшие исполкомы и правительства союзных и автономных республик имеют, строят и будут строить и содержать за свой счет свои республиканские и краевые станции для радиовещания. Отнять их и передать Наркомпочтелю и перевести все на центральный бюджет Советского Союза — это значит заглушить инициативу и заинтересованность мест и их широкое финансовое участие в этом деле с привлечением средств от местного населения и местных организаций.

Выводы и предложения по технической базе радиовещания.

Радиотелефонные передатчики, целиком и в большей своей части загруженные радиотелефонной работой, а не радиотелеграфией, должны принадлежать соответствующим радиовещательным организациям и находиться в их полном распоряжении.

Для радиовещательных организаций их технические базы в лице радиотелефонных станций и трансляционных узлов — это то же самое, что для печатных газет типографии. Работать газетам в собственных типографиях и дешевле, и гораздо удобнее, чем давая заказы на чужие типографии или арендуя их; то же самое — и у радиовещательных организаций с радиотелефонными станциями.

Кроме того, принадлежность технической базы радиовещания Наркомпочтелю или другим организациям, посторонним для дела ра-

диовещания, создает невозможное и крайне вредное двоевластие на радиотелефонных станциях и отсутствие распоряжения и даже надлежащего контроля на них в интересах радиовещания. Например, на ряде станций сейчас не только заведующий станцией не подчинен Уполномоченному по радиовещанию, но и не допускается технический контроль над станциями со стороны радиовещательных организаций; получаются часто конфликты и трения, и нельзя выяснить, кто же виноват и отвечает за плохую слышимость, за перерывы в работе и т.д. Это двоевластие, неразбериха и борьба на этой почве составляют весьма существенный недостаток всего дела радиовещания как в центре, так и на местах. Это тем более недопустимо, что расходы по содержанию радиотелефонных станций и их персонала, включая и амортизацию, оплачиваются целиком радивещательными организациями.

Только сама радиовещательная организация кровно заинтересована в усовершенствовании своей технической базы и в приспособлении ее для целей радиовещания; и только она будет вкладывать в нее средства на все необходимые технические улучшения. Наркомпочтель же в этом не заинтересован, и у него это дело будет всегда стоять на заднем плане.

Сейчас большинство радиотелефонных станций принадлежит исполкомам, профсоюзам, «Радиопередаче», Военведу, однако значительное меньшинство находится в руках Наркомпочтеля. Эти станции (например, им. Коминтерна в Москве) не загружены радиотелеграфией Наркомпочтеля и не нужны для его операций; их надо изъять от него и передать тем радиовещательным организациям в центре и на местах, на которых они целиком или большую часть времени работают. За Наркомпочтелем следует оставить лишь наблюдение и контроль за технической базой радиовещательных организаций и участие в планировании строительства радиовещательных станций.

II. КАКОЙ БЫЛ ПЕРВЫЙ ОТВЕТ В ДИРЕКТИВНЫХ ИНСТАНЦИЯХ НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ «РАДИОПЕРЕДАЧИ» И ЕЕ ПРОТИВНИКОВ?

Наши предложения в центральном директивном органе (радиокомиссии АПО ЦК) в сентябре–октябре 1927 г. были слишком новые и радикальные и слишком шли вразрез со всей позицией Наркомпочтеля и отчасти Наркомпроса РСФСР, что после первых генеральных дебатов по нашим предложениям и острых схваток между «Радиопередачей» и Наркомпочтелем (он же ОДР в лице тов. Любовича) было решено ничего не принимать и не менять, оставив все как есть, впредь до результатов обследования «Радиопередачи» со стороны РКИ СССР в лице тов. Ройзенмана.

В связи с этим решением, а также деятельностью обследования РКИ, вопрос в целом в РКИ и АПО ЦК задержался с октября до конца января (в АПО) и до 3 февраля на коллегии РКИ, т.е. на четыре месяца, несмотря на попытки «Радиопередачи» форсировать разрешение и реорганизацию хотя бы основных моментов радиодела.

III. ПОЗИЦИЯ НАРКОМПОЧТЕЛЯ В ЛИЦЕ ЛЮБОВИЧА, ОН ЖЕ ОДР, В ЦЕНТРЕ И ДРУГИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ.

Наиболее активной, вредной для дела и резко враждебной к «Радиопередаче» была позиция Наркомпочтеля. «Радиопередача» с ним сталкивается все время и по всем основным вопросам. А именно: во-первых, Любович (он же ОДР) еще летом и затем осенью добивался перехода радиовещания целиком на госбюджет и упразднения целевых сборов как базы радиовещания; во-вторых, Любович (он же ОДР) везде и всего активнее боролся против создания какого-либо всесоюзного радиовещательного центра, распыляя дело и пытаясь его загнать в отдел при политпросветах, им подчиненный и им руководимый; в-третьих, Любович яростно добивался полного отрыва техники от радиовещания путем отобрания от радиовещательных организаций и передачи целиком Наркомпочтелю всех технических средств, в том числе и студий, трансляционных узлов и т.д. со всеми работниками. Эти идеи из центра распространялись Наркомпочтелем и далее, в том числе широко в некоторых органах печати; в-четвертых, Любович вел общую кампанию против «Радиопередачи» на ее дискредитацию и подрыв; в-пятых, Любович прекратил отпуск средств в «Радиопередачу» по целевым сборам и абонентной плате не только за последний квартал 26/27 года, но и за I квартал 27/28 года.

В результате «Радиопередача» попала в финансовые тиски и вынуждена была сильно сократить и даже прекратить кое-где отпуск средств по радиовещательной сети — в адрес Исполкомов и Уполномоченных по радиовещанию.

Этим самым радиовещание попало на голодный паек и сидит пока на нем. Больше того: поднята была кампания в том смысле, что радиовещание якобы страдает от избытка денежных средств и надо всячески снизить или даже совсем снять целевые сборы. Это была попытка с другого конца загнать радиовещание целиком на сметно-бюджетное финансирование.

Другие организации весьма слабо и медленно выявили свою точку зрения, что вполне понятно ввиду новизны дела, а также серьезности и остроты разногласий между «Радиопередачей» и Наркомпочтелем.

По основным вопросам организации и финансовому — АПО ЦК ранее всех присоединился к основным предложениям «Радиопередачи» и против Наркомпочтеля. В вопросе о технической базе радиовещания АПО ЦК сначала присоединился к предложениям Наркомпочтеля, а потом отказался от них (на коллегии РКИ от 3/II).

ВЦСПС — (Культотдел) высказался за Наркомпрос в организационном вопросе. ОГПУ стояло за предложения «Радиопередачи» в основных вопросах.

IV. ПОЗИЦИЯ ОБСЛЕДОВАНИЯ НК РКИ И РЕШЕНИЕ КОЛЛЕГИИ НК РКИ СССР ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ.

Сектор контроля РКИ в лице тов. Ройзенмана работал над обследованием «Радиопередачи» и основными вопросами радиодела около четырех месяцев. Его выводы, однако, не отличались особой устойчивос-

тью. Прочен был лишь вывод о сохранении хозрасчета для радиовещания. В вопросе организационном под конец тов. Ройзенман выдвинул двойственное предложение — о передаче оперативного радиовещания наркомпросам и о создании всесоюзного руководящего центра при СНК Союза для регулирования и объединения всего дела по Союзу.

В вопросе о технической базе т. Ройзенман высказался за передачу всей техники, в том числе и малой, Наркомпочтелю. Несмотря на эти выводы своего сектора во главе с Ройзенманом, Коллегия РКИ Союза 3/II с.г. под председательством тов. Яковлева и с участием тов. Орджоникидзе в основном приняла не эти выводы, а предложения «Радиопередачи», а именно:

1. По основному организационному вопросу протокол коллегии гласит: «Войти с ходатайством в СТО о создании при СНК СССР Радиовещательного агентства по аналогии с ТАССом».

2. По финансовому вопросу Коллегией принято решение: об оставлении радиовещания на хозрасчете и передаче дела взимания целевых сборов аппарату Наркомфина СССР. И далее: «Снятие целевого сбора и абонентной платы с комплекса (включая годовой телефон) простейших детекторных приемников. По отношению к деталям и более сложным и дорогим детекторным приемникам уменьшить до 10% целевой сбор и абонентную плату, с одновременным сокращением расходов по их взиманию».

3. По вопросу о технической базе радиовещания НК РКИ постановлено: «В целях вовлечения средств, как местных, так и различных общественных организаций в дело строительства и эксплуатации радиостанций оставить в ведении исполкомов, профсоюзов и т.п. организаций станции, им принадлежащие, усилив контроль и руководство НКПиТ».

И далее: «Ленинградскую радиостанцию передать Ленинградскому исполкому». И наконец: «Предложить “Радиопередаче” и НКПиТ в двухнедельный срок заключить договор о способах и условиях технического обслуживания и контроля НКПиТ над техникой “Радиопередачи” в той части, которая в данное время находится в ее непосредственном ведении».

4. По вопросу о массовой радиофикации Коллегией по предложению «Радиопередачи» решено, между прочим:

Предложить ВСНХ СССР —

«а) Принять меры к укреплению и расширению радиопромышленности в целях удовлетворения ее спроса на массовую радиоаппаратуру по достаточной цене. Усилить выпуск массовой аппаратуры и деталей на основе стандартизации, а также термобатарей и щелочных аккумуляторов. Упростить конструкцию и улучшить качество радиоаппаратуры.

б) Поставить неотложной задачей немедленно наладить массовый выпуск, в первую очередь для широких рабочих и крестьянских масс, комплектов доброкачественных простых и стандартизованных детекторных приемных установок не дороже 5–6 рублей за комплект в розничной продаже (в месячный срок поставить в известность НК РКИ о принятых мерах)».

5. По работе радиовещательных организаций Коллегией НК РКИ решено: «Предложить радиовещательным организациям –

а) Строить свою широковещательную программу на основе действительного изучения массового радиослушателя; вовлечь ведомства и организации в проработку планов и программ радиовещания; усилить связь с радиослушателями и организовать коллективное радиослушание в рабочих клубах, избах-читальнях и т.д., привлекая к этому профсоюзы, ОДР и др. в центре и на местах; улучшить методическое руководство и изучение передач по радио путем созыва совещания из заинтересованных лиц и учреждений; поставить учет радиовещательной работы в центре и на местах; улучшить связь, руководство и инструктирование местным радиовещанием, а также его финансовую базу; установить наблюдение и инструктаж за радиоприемными установками, привлекая и используя для этого ОДР, органы НКПиТ, торгующие радиоизделиями организации и др.

б) Упорядочить и организационно оформить радиогазеты, не допуская разрозненного существования обособленных технических аппаратов с особым штатом (конторщиков и др. обслуживающего персонала)».

Эти постановления НК РКИ от 3/II с.г. особенно характерны и существенны в вопросах организационном и техническом.

Все члены Коллегии и Зав. АПО ЦК высказывались единодушно за создание всесоюзного радиовещательного центра при СНК СССР по типу ТАССа.

Далее весьма характерен пункт первый решения о технике, закрепляющий ее не за Наркомпочтелем, а за исполкомами и другими организациями. Это значит, что отныне не только должно прекратиться отбирание Наркомпочтелем у исполкомов их станций, но напротив — республики и исполкомы имеют все основания принять немедленно меры к изъятию от Наркомпочтеля тех радиовещательных станций, которые находятся на их территории и работают главным образом или целиком на радиовещание, т.е. не загружены преимущественно радиотелеграфией.

Эта решающая принцип[иальная] установка принята Коллегией НК РКИ несмотря на решительные возражения Наркомпочтеля (в лице Любовича), принята потому, что иначе, при передаче всей технической базы Наркомпочтелю, последний должен был бы целиком финансировать все строительство и оборудование станций, а на это средств по госбюджету у Наркомпочтеля нет и не предвидится; Совнарком же и местные исполкомы в союзных республиках при передаче всей техники Наркомпочтелю, естественно, не будучи хозяевами станций и оборудования малой техники (студий, узлов и пр.), не стали бы вкладывать средства в имущество Наркомпочтеля.

Этот вывод решил против НКПиТ весь спор между Наркомпочтелем и «Радиопередачей» по вопросу о технической базе радиовещания.

Таким образом, на данной весьма важной стадии «Радиопередача» констатирует почти 100% успех интересов радиовещания по

всем основным вопросам, поднятым по инициативе «Радиопередачи» и в ее вынужденной борьбе против захватнических посягательств и вредных для радиовещания предложений Наркомпочтеля в лице т. Любовича.

Ставя Вас, товарищи, в известность о развернувшейся широко острой борьбе по основным вопросам радиовещания и радиофикации, мы рассчитываем, что наша информация внесет необходимую ясность в еще не закончившуюся борьбу, сплотит ряды руководящих радиовещательных работников и поможет всем нам гораздо лучше организовать и быстрее развернуть дело радиовещания и радиофикации по всему нашему Союзу...

С коммунистическим приветом

Председатель правления «Радиопередачи» Гузаков
Член правления, руководитель радиовещания Бердников

ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 55–71. Подлинник.

Проект «Радиопередачи» О реорганизации радиовещания

Апрель 1928 г.

Руководство радиовещанием

1. Общее политическое руководство радиовещанием признать необходимым возложить на Агитпроп ЦК и Агитпропы ЦЕКА нацкомпартий, край., обл., губ. и окр. парткомов. Непосредственное руководство радиовещанием и ответственность за содержание всех передач, идущих по радио, сохранить за руководителями радиовещания, назначенными ЦК и партийными комитетами на местах. Считать необходимым уточнение функций имеющихся при агитпропах и партийных комитетах постоянных радиокомиссий.

Организационная база

2. Признать необходимым создание всесоюзного радиовещательного комитета и радиовещательных комитетов в союзных республиках для:

а) организации и ведения радиовещания;

б) согласования планов и проведения учета, наблюдения и обмена опытом в области радиовещательной работы всего Союза и союзных республик;

в) методической разработки вопросов радиовещания и популяризации радиовещания и радиофикации в широких массах;

г) выдача разрешений на ведение радиовещания и на постройку радиовещательных станций, согласно планам, утвержденным подлежащими органами союзных республик;

д) объединения и согласования планов и деятельности отдельных учреждений и организаций в области финансово-технических и организационных моментов радиовещания и радиофикации.

Радиовещательный Комитет СССР

3. Радиовещательный Комитет СССР находится при ЦИК (или СНК) СССР и состоит из назначаемых...председателя, заместителя — он же ответственный руководитель радиовещания и представителей по одному из союзных республик, ВЦСПС, ВСНХ, Военведа, Наркомпочтеля и ОДР. Соответственно организовать радиовещательные комитеты в союзных республиках.

Предложить...в месячный срок разработать и провести в советском порядке положение о Радиовещательном Комитете СССР.

Финансовая база

4. Согласиться с постановлением Коллегии НК РКИ СССР о сохранении внебюджетной финансовой базы радиовещания, образующейся из поступлений с радиослушателей (от целевого сбора с радиоаппаратуры и с абонентной платы за слушание), а также из отчислений от Агит- и Культфондов с организаций, систематически пользующихся радиовещанием и услугами радио в своей работе. Распоряжение и хранение средств, идущих на нужды радиовещания, сосредоточить непосредственно в руках радиовещательных комитетов.

Техническая база

5. Признать необходимым, чтобы технические средства радиовещания (радиовещательные станции, трансляционные узлы и пр.) находились в распоряжении радиовещательных организаций и чтобы установление объема и распорядка времени радиовещания производилось самими радиовещательными организациями.

Согласиться с постановлением Коллегии НК РКИ СССР об оставлении в распоряжении исполкомов, профсоюзов и радиовещательных организаций принадлежащих им и необходимых для нужд радиовещания радиовещательных станций и других технических средств радиовещания.

В целях вовлечения в радиостроительство средств от местных организаций и населения предложить Наркомпочтелю взять курс на передачу в ведение исполкомов и радиовещательных организаций — выстроенных на средства из государственного бюджета радиовещательных станций.

Оставить за Наркомпочтелем и его органами на местах технический контроль и наблюдение за состоянием и работой технических средств радиовещания.

Радиопроизводство

6. Обратить внимание ВСНХ СССР на неотложную необходимость укрепления и расширения радиопромышленности и удешевлений радиоизделий в целях возможно более широкого удовлетворения растущего спроса со стороны рабочих и крестьянских масс на радиоизделия. В частности, предложить ВСНХ принять срочные меры к ускорению намеченного НК РКИ СССР массового выпуска дешевого и

доброкачественного комплекта (не дороже 5–6 рублей в розничной продаже) радиоприемной установки для широких масс, особенно для деревни.

Радиоторговля

7. Поставить перед кооперацией задачу стать в кратчайший срок основной товаропроизводящей организацией по сбыту радиоизделий в городе и в деревне.

Предложить комфракциям кооперативных центров принять меры к усилению кооперативной торговли и расширению кооперативной торговой сети по сбыту радиоизделий, в частности, рассмотреть вопрос о превращении кооперации в основную организацию по сбыту радиоизделий с начала 1928/29 г.

Сеть радиовещательных станций

8. Предложить Наркомпочтелю, по согласовании с радиовещательным комитетом СССР и радиовещательными организациями Союза, ускорить проведение через Госплан СССР и Совет Труда и Обороны общегосударственного плана сети радиовещательных станций СССР, предусматривающего доведение в кратчайший срок мощности и технического качества работы станций республиканских и краевых (областных) центров до уровня, обеспечивающего полный охват территории всего Советского Союза и перекрытие радиовещательных станций окружающих нас капиталистических государств. Особо срочные меры принять по усилению мощности и улучшению работы радиовещательных станций в пограничных районах на Западе.

Содержание радиовещания

9. Поручить Агитпропу ЦК в двухмесячный срок проверить радиовещательную работу в Союзе с точки зрения использования радио в политической работе партии, а также с точки зрения качества политиковоспитательной и культурной работы, проводимой по радио. Вопрос внести на Секретариат.

И.о. председателя правления «Радиопередачи» БЕРДНИКОВ.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 617. Л. 150–152. Копия (циркуляр).

Информационное письмо руководителям радиовещания, уполномоченным «Радиопередачи» «О реорганизации радиовещания»

13 мая 1928 г.
Конфиденциально.

Вчера состоялось второе обсуждение вопроса о реорганизации радиовещания в Секретариате ЦЕКА. Фигурировали в качестве предложений два проекта. Один — Наркомпочтеля, с передачей всего радиовещания, всех денег и всей техники в центре и на местах, Наркомпочтелю и его органам; другой проект — «Радиопередачи» и 2-го

совещания руководителей радиовещания Сов. Союза от 21/IV с.г. — с организацией вневедомственных радиовещательных центров в Союзе и в союзных республиках (а также в краевом и областном масштабе) при ЦИКе СССР и ЦИКах республик, а также при краях и исполкомах.

После длительного обсуждения решено было ничего не принимать, а оба эти проекта как материал передать в комиссию Политбюро по кино и радио. Вопрос, таким образом, откладывается еще примерно на месяц.

На заседании Секретариата, при обмене мнений, проект Наркомпочтеля встретил меньше поддержки, чем наш, был жестоко раскритикован и, если бы дошло дело до голосования, то проект Наркомпочтеля был бы в основной своей части (организационной) отклонен. Мы еще раз отбили атаку Наркомпочтеля, выиграли время, которое, как известно, работает на нас и в пользу наших позиций...

И.о. председателя правления А. Бердников

ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 140–140 об. Подлинник.

Из стенограммы заседания Комиссии ЦК ВКП(б) по улучшению радио и кино

20 июня 1928 г.

Антипов (НКПиТ)...Что касается создания акционерного общества, то, поскольку здесь была выделена специальная комиссия, я особых точек зрения не выявлял, но подкомиссия высказалась, что акционерное общество не надо создавать. Насчет организационного вопроса — где должно быть это дело. У нас в подкомиссии по этому вопросу единодушие полное, за исключением тов. Бердникова, который тут целый ряд предложений вносил. Тов. Бердников начал с чего? После нашего проекта, подписанного тов. Криницким и мною, где сказано, что это дело должно быть сосредоточено в Наркомпочтеле, ибо было бы нелепо это дело развивать, имея двух хозяев, тов. Бердников написал сюда записку, в противовес нашей, где говорит: «Признать необходимым создание Всесоюзного радиовещательного комитета...» (*читает*), то есть он должен надзор на себя взять. Дальше: «Признать необходимым, чтобы все средства радиовещания, радиофикации, трансляционные узлы и пр. находились в распоряжении радиовещательных организаций...» (*читает*).

Была доказана полнейшая нелепость этого. Как можно это делать? Мы трансляцию производим при помощи тех проводов, на которых передаем телеграммы. Благодаря тому, что мы имеем возможность на одной проволоке создать несколько частот, мы этими частотами пользуемся для того, чтобы одновременно и телеграф работал, и передавалась радиопрограмма. Он говорит, что все это должно быть у него. Что-де придется от Наркомпочтеля все отобрать и получится Наркомпочтель без почты, но с проволокой. Когда нелепость этого выяснилась, тов. Бердников в противовес резолюции, которую мы вносим в

комиссию, вносит проект: создать агентство, по примеру ТАССа. Он старается быть лояльным на 100% по отношению к РКИ: как слово — так РКИ, как слово — так РКИ. Он говорит: надо создать агентство по примеру ТАССа.

Бердников («Радиопередача»). РКИ говорит, а не я.

Антипов: Извините, это вы говорите, потому что это вами подписанная записка. В комиссии он доказывал, признавал мое мнение правильным, что Антипов ставит вопрос, что содержание и техника должны быть вместе, отделить этого никак нельзя. Мы признаем: отделить этого никак нельзя. А теперь приходит и вносит это предложение: надо так сделать, чтобы по примеру ТАССа агентство создать, тут самые комичные доводы он приводит. То, что они хотят и злословят про Наркомпочтель, — это возмутительная вещь. Я бы мог процитировать целый ряд документов, где прямо говорят они, что это будет не радиовещание, а чревовещание, Наркомпочтель болтает и т.д. Как можно такую полемику вести с государственным учреждением? Там, что ли, у них сидят идеальные люди, идеальные машинисты, идеальные столы, стулья, стены, все проникнуто духом радиовещания, без них этого сделать нельзя. Все это дело — глупость, пустяк. В Ленинграде это дело не только решили, но фактически станцию передали нам. И здесь имеется тов. Гуревич, который раньше работал у тов. Бердникова, который, как черта, боялся Наркомпочтеля, а теперь он говорит, что сделали совершенно правильно, когда передали нам станцию. Что же Бердников говорит дальше? Надо, говорит, создать нейтральную организацию, чтобы избежать резких столкновений с буржуазными государствами. Для этого, говорит, лучше иметь станции не при государственном органе, а при местных исполкомах, при ЦИКе и Совнаркоме (*смех*).

Бердников. Читайте, как следует.

Антипов. А теперь тов. Бердников сидит и думает, какой новый аргумент придумать. Он с этим делом провалился в Ленинграде, где было около 60 человек, провалился в Москве, провалился на Северном Кавказе, всюду провалился. Наконец придумал, что надо создать такую организацию, которая не была бы государственной, поэтому он предлагает ее создать при ЦИКе или Совнаркоме (*смех*). Ну, товарищ Бердников, вы такие вещи придумываете, которые говорят о вашем несерьезном отношении к делу. Прежде всего человек все время доказывал, тогда я это понимал, он доказывал, что нельзя отделять технику от радиовещания. Тогда мы это все понимали. А теперь вы принесли какую-то куцую резолюцию, которая ни о чем не говорит. Поэтому я считаю необходимым принять резолюцию, которую мы предлагаем, и на этом поставить точку. Нужно, чтобы было с кого спрашивать и кто должен отвечать.

Косиор[15]. Переходим к прениям, даем, значит, по 5 минут каждому.

Бердников. Я просил бы дать мне больше.

Косиор. Слово имеет тов. Садовский.

Садовский. Товарищи, я хотел заняться одним маленьким вопросом. Я должен сказать несколько слов о нашем радиовещании. У нас

до сего дня было два основных метода в нашем радиовещании. Один метод, который практиковался газетами, который был в свое время продиктован соответствующим решением ЦК и который заключается в том, чтобы по возможности строить свою работу на широком общественном обслуживании, чтобы по возможности вовлекать массы. До сего времени газеты, в частности, «Рабочая радиогазета», которую я редактирую, она имеет за последний год 12 000 рабселькоровских корреспондентов. Сейчас газета получает до 2000 корреспонденций в месяц. Я учитывал примерно, какой рост имеет газета, и оказалось, что такая газета, как «Комсомольская правда», имеет до 3000 писем, причем значительная часть их является ответами на различного рода шарады, «Викторины» и т.д., а полторы тысячи примерно — деловые отклики на газету. Таким образом, из этого факта можно прийти к заключению, что теперь по радио имеется значительный рост. Что касается других газет, как, например, «Пионерская газета», «Комсомольская» и другие, то они имеют значительный рост...

Второй метод я не могу назвать иначе, как методом бюрократическим, методом докладов, методом вколачивания сверху, который всегда у нас осуждался и ни в коем случае не соответствует теперешнему курсу партии на максимальное вовлечение масс, этот метод обанкротился. Доклады совершенно не имеют деловых откликов. Радиопередача, признав на четвертом году банкротство этого метода, начинает метаться из стороны в сторону: сегодня — «Листок РКИ» под барабанный бой и музыку, через каждые пять минут, завтра — еще что-нибудь, послезавтра — еще что-нибудь. Неплохо придумать эти новые методы, но когда это проводится бюрократическим путем, когда это вызывает волну рабкоровских писем и ничего не делается для того, чтобы эти письма использовать, на них реагировать, чтобы продвигать в наших центральных учреждениях предложения, это показывает, что начинают метаться из стороны в сторону в поисках придумывания новых форм.

В части характера радиопередач мы имеем целый ряд пошлых выступлений в последнее время. Было время, когда конферансье Шершеневич после коньяка являлся в [...] и начинал программу с остроты: «А теперь разрешите вам предложить маленький антракт: мужчинам, чтобы покурить, а женщинам для того, чтобы, так сказать, по старому буржуазному обычаю попудрить носик». Один из таких конферансье в одном концерте заявил по поводу того, что в концерте одна женщина играла на губной гармошке, упражнялся на этот счет, что «губы имеют другое назначение». (*Вопрос с места.* Кто это?) Коммунист Ардатов. (*Косиор.* Насчет конферансье вообще нужно специальный декрет издать.) К чему ведет эта линия? В «Новости радио» сейчас есть идеологическая [...] о необходимости фокстрота, «фокстрота для народа». Я позволю себе процитировать только 4 строчки того, что пишут: «Представьте себе, что под звуки жизнерадостного шимми "Электрик" вы идете на вокзал встречать делегацию германских рабочих». Вот что нам предлагают: под фокстрот идти встречать германскую делегацию. Есть указание на то, что в Ленинграде был успешно прове-

ден опыт по передаче фокстрота в «Рабочий полдень». Если проследить этот путь, то «Рабочая газета» должна передаваться с фокстротом, и те рабочие, которые хотят, могут это слушать, а нэпманы, буржуазия могут танцевать. Так что ли, тов. Бердников? Я думаю, что это курс бюрократический, который потерпел банкротство. Сейчас люди потеряли голову, ударяются в такие эксперименты, которые не могут быть приемлемы...

Косиор. Тов. Бердников.

Бердников. У нас, руководителей радиовещания, основные разногласия с предложениями комиссии *главным образом по организационному вопросу.* Мы согласны с тем, что дело радиовещания и радиофикации в масштабе всего Союза и в масштабе отдельных национальных республик нуждается в единых органах планирования и общего руководства. Тут разногласий нет. Верно и то, что до сих пор этого не было, нужно это скорее изжить. Но где и какого характера должны быть эти органы? Предлагается Комиссией все это дело передать полностью Наркомпочтелю — и радиовещание, организацию всего дела, и массовую радиофикацию, то есть организацию радиоприемной сети, и строительство, и содержание (эксплуатацию) передающих радиовещательных станций. Мы считаем такое положение не правильным, не лучшим для постановки всего этого дела. Тут чрезвычайно важно посмотреть на историю споров вокруг этого вопроса. Наркомпочтель несколько лет ходил кругом да около радиовещания. И до тов. Антипова мы, работники радиовещания, в течение года вели борьбу с Наркомпочтелем в лице тов. Любовича, поскольку он предлагал разбазарить радиовещание по отдельным союзным республикам, передать его Наркомпочтелю. Разъединение технической стороны и радиовещания — очень существенный и вредный момент, тов. Антипов не может этого отрицать.

Ройзенман[16]. Правильно, надо передать Наркомпросу.

Бердников. Вы, тов. Ройзенман, тоже поддерживали предложение о разъединении техники и радиовещания совместно с тов. Любовичем. *Наркомпочтель же не стремился к радиовещанию, очевидно, не считая своим это дело.* И верно: *для него само радиовещание со стороны организации и содержания дело постороннее, с точки зрения ведомства связи.*

Мы утверждаем, что по своему содержанию радиовещание как массовая политико-агитационная и культурно-просветительная работа не входит в прямые задачи Наркомпочтеля, это совершенно бесспорно, никогда этим делом Наркомпочтель не занимался, о нем не думал.

Жуков. Если будет это делать, тоже неплохо.

Бердников. Как же это дело можно и должно правильно ставиться? Безусловно, лишь силами, средствами и сотрудничеством всех основных организаций, которые заинтересованы в радиовещании по его содержанию. *Сосредоточение этого дела в Наркомпочтеле — в ведомстве, далеком по своим задачам от этого дела, не будет способствовать этому сотрудничеству партийных, советских, профессио-*

нальных, комсомольских и т.д. организаций; сосредоточение этого дела в органах Наркомпочтеля в центре и на местах не будет также способствовать поднятию значения и авторитета этого дела, в чем оно сейчас особенно нуждается — для привлечения внимания и содействия делу радио.

Возьмем теперь вопрос с финансовой стороны. С финансовой стороны опять-таки Наркомпочтелем в лице тов. Любовича выдвигалось предложение о том, чтобы перевести все дело радиовещания целиком на госбюджет. И тоже в течение года боролись против этого вредного и неправильного мнения и разбили его.

Ройзенман. Он был того же мнения.

Бердников. Не я был того же мнения, а Любович. Мы как раз были против этого. Мне кажется, что если органы Наркомпочтеля пытаются взять это дело целиком — и радиовещание, и массовую радиофикацию — строительство радиостанций, если они пытаются финансовую сторону взвалить на свои плечи, то нужно сначала посмотреть, есть ли у вас финансовая возможность для этого и как это отразится на всем деле. Мы видим, что сейчас дело это лежит в основном не на госбюджете СССР, а существует на средства всевозможных организаций на местах, в частности, местных исполкомов — по местному бюджету, республиканских — по республиканскому бюджету, а в последнее время — на средства широких масс. Вот финансовая почва для всего этого дела. Если все дело передать вам, Наркомпочтелю, то вы, безусловно, подрубите этот финансовый сук, на котором держится сейчас дело, потому что, скажем, если дело будет передано Наркомпочтелю, то он и будет хозяином, с которого будут спрашивать, выкачивать деньги, а остальные будут требовать наилучшей постановки дела. Что же касается денежной стороны — вы сами должны будете о ней заботиться. Поэтому мы считаем, что такое постановление будет ущербом для этого дела, не только для радиовещания, которое не будет иметь достаточно финансовых средств, но и для радиофикации. По госбюджету СССР вам не удастся получать деньги; по республиканским же и местным бюджетам, а также от отдельных организаций *приток средств, идущих сейчас, будет существенно подорван в результате передачи всего дела Наркомпочтелю.*

Теперь о технической стороне радиовещания.

С технической стороны, мы защищали тот тезис, что необходимо объединение техники и радиовещания, защищали этот тезис в борьбе с Любовичем, который говорил: «Наркомпросу — радиовещание, Наркомпочтелю — техника». Теперь наш тезис принят, и Наркомпочтель недавно в лице отв. Антипова признал, что необходимо объединение радиотехники и радиовещания. Но вокруг чего должно быть это объединение? Как его осуществить? Мы заявляем, что это объединение должно быть на базе радиовещания, что технические средства есть и должны быть орудием в руках радиовещания и радиовещательных организаций, а не наоборот. Примат здесь должен быть за радиовещанием, а не за техникой, как это выходит при передаче дела Наркомпочтелю.

Косиор. Что за разделение?

Бердников. Это разделение очень простое и практически весьма существенное. Это означает, во-первых, что радиовещательная организация должна распоряжаться тем штатом, который занимается техникой радиовещания, вплоть до того, что штат техников должен быть в штате радиовещательной организации. Вот мне нужно устроить, скажем, трансляцию из какого-нибудь зала. Если техник *мой* работник, если он у меня в штате, то он из кожи будет лезть, чтобы устроить мне 10 трансляций за вечер, а если он мне не подчинен, если у него имеется свой завком, своя охрана труда и т.д., он мне заявит, что ему плевать на мои нужды, что вы, мол, можете поступать, как хотите, а я имею свои особые инструкции и условия работы, вам не подведомственные и т.д.

Радио — вообще дело гибкое. И здесь вся техническая организация должна быть в кулак зажата у радиовещания. И все технические вопросы, и мероприятия, связанные с радиовещанием, вплоть до строительства и эксплуатации передающих станций, должны быть целиком подчинены радиовещательной организации и интересам дела радиовещания, а не чему-либо другому, как это имеет место в Наркомпочтеле, где радиовещательное дело стоит и будет стоять на задворках, в особых радиотехнических органах, и не будет подчинено радиовещательной организации. Я вам задавал вопрос, тов. Антипов, и необходимого разъяснения не получил. Мы говорим, что где бы ни было радиовещание, во всяком случае, технические средства должны быть полностью и целиком подчинены радиовещательной организации. Гарантии для этого при передаче дела Наркомпочтелю нет, и наоборот: нам ясно, что в этом случае техника будет стоять над радиовещанием и вне его — и финансовые средства, предназначаемые для радиовещания, в первую очередь и прежде всего пойдут, как и сейчас происходит, на технику, на оплату технической стороны и технического аппарата, а не на радиовещание, которое будет получать остатки и терпеть ущерб.

Работники Наркомпочтеля приводят различные доводы насчет того, что вся техническая сторона при отсутствии ее в Наркомпочтеле не будет загружена под радиовещание и частично будет использована под радиотелеграфию. Мы считаем это совершенно неправильным. Нам много времени нужно на радиовещание и днем, и вечером, и за вычетом ночного отдыха, необходимого и для станций, не остается времени ни для каких-либо посторонних работ на радиовещательных станциях, не говоря об организационных и технических неудобствах таких совмещений.

Наконец, последний момент. Ведь Наркомпочтель имел и имеет по декрету достаточные права и обязанности в отношении технических средств радиовещания; декретом возложена была на него обязанность следить за техникой радиовещания, далее — у него были и есть свои станции. Почему же он не справился с этим техническим делом в течение ряда лет? Даже с ограниченной задачей технического контроля в отношении волн, мощностей станций и пр. он даже на

своих станциях не справился, и мы имеем всем известный хаос в эфире. Где же гарантия того, что он, Наркомпочтель, справится и с техникой, и с финансами, и с организацией радиовещания, и с массовой радиофикацией?

Что мы предлагаем по организационному вопросу? Мы ничего, собственно, не думаем. Мы защищаем в основном предложение о создании специального радиовещательного агентства, которое принято Наркоматом РКИ СССР в феврале этого года (опубликовано в «Правде» от 14.II, № 38), до сих пор не только не отменено НК РКИ, но защищается его представителем в лице тов. Яковлева.

(С места. Примазывается!)

Бердников. Тов. Ройзенман должен будет подтвердить, что предложение о радиовещательном агентстве внесли в свое время мы, и после больших споров Коллегия НК РКИ его приняла.

Ройзенман. Это не мое дело, я здесь не от РКИ, я здесь от ЦК.

Бердников. Какая вас муха укусила, тов. Ройзенман? Мы внесли это предложение о Радиовещательном агентстве, когда еще тов. Ройзенман начал разбираться в этих вопросах. Это предложение было принято на Коллегии наркомом РКИ, это факт.

Косиор. Это неверно.

Бердников. Нет, это совершенно верно, и это напечатано в «Правде». Потом тов. Криницкий вместе с тов. Любовичем захотели радиовещательную организацию при Совнаркоме назвать «Комитетом». Назвали это Комитетом, но все-таки при СНК. Я сказал: ну, комитет так комитет, пусть не агентство, а комитет. Это выдумка, если хотите, Агитпропа вместе с Любовичем. Это предложение о Комитете провалилось на Секретариате ЦК. Мы потом вернулись к нашему основному предварительному предложению о вневедомственном радиовещательном агентстве в центре и о создании таких же организаций, вневедомственного типа, при союзных республиках. Мы своей линии не меняли. Менялись предложения Агитпропа и Любовича, а не наши.

Антипов. Вчера я получил вашу записку.

Бердников. Вневедомственное радиовещательное агентство при правительстве — это та организационная форма, которую мы предлагали с самого начала. Мы предлагали в согласии с РКИ создать радиовещательный центр при Совнаркоме, но так как СНК не захотел, по-видимому, иметь это дело при себе, у Агитпропа началось брожение мыслей и выплыли новые предложения. Тогда мы повели переговоры с тов. Енукидзе, я говорил с ним и от него получил согласие такого рода, что он и тов. Калинин не прочь были бы иметь при ЦИКе дело радиовещания как имеющее широкое общественное значение.

Антипов. Ничего подобного, после вашего выступления я скажу, как дело было, и Калинин, и Енукидзе заявили, что это наглая ложь!

Бердников. Ничего подобного, и я написал тов. Косиору по этому поводу записочку тотчас после разговора с тов. Енукидзе на сессии ЦИКа.

Косиор. По какому поводу?

Бердников. По поводу отношения т.т. Калинина и Енукидзе к этому вопросу, я не знаю, звонили они вам или нет, но, во всяком случае, относительно реплик тов. Антипова.

Косиор. Ссылки на всякие авторитеты не годятся.

Бердников. Я могу тоже заявить, что это выдумка Антипова с начала до конца. Я возвращаюсь к основной мысли. Итак, мы поддерживаем наше предложение и в основном постановление Коллегии НК РКИ СССР о создании вневедомственных органов в виде небольшого радиовещательного агентства в центре Союза, при Совнаркоме или при ЦИКе — это вопрос второстепенный, не существенный — и таких же организаций вневедомственного типа в союзных республиках с участием в таких агентствах всех основных организаций, в первую очередь Наркомпросов, заинтересованных в радиовещании, с тем чтобы в руках и полном распоряжении радиовещательных организаций были и все технические вопросы, и средства радиовещания. В отношении финансов мы также стоим целиком на почве предложений, вынесенных Коллегией НК РКИ СССР и опубликованных в «Правде». Вот эти предложения: «В целях вовлечения средств как местных, так и различных общественных организаций в дело строительства и использования радиостанций, оставить в ведении исполкомов, профсоюзов и т.п. организаций станции, им принадлежащие, усилив контроль НКПиТ».

Вот под этим углом финансовым и техническим и нужно рассматривать вопрос организационный и технический. Формулировка, мной зачитанная, означает, что если ряд радиовещательных станций в республиках будет находиться в руках исполкомов, то исполкомы передадут, конечно, эти станции радиовещательным организациям, и будет полная возможность и необходимость действительного единения техники и радиовещания в руках радиовещательных организаций. Это не значит, что нужно это объединение доводить до бесчувствия, то есть что мы хотим забрать всю проволоку, все провода у Наркомпочтеля и т.д. Я должен сказать, что у НКПС станций, проволоки и проводов, пожалуй, больше, чем у вас. Может быть, НКПС как союзный наркомат, покрепче Наркомпочтеля, должен был бы также потребовать передачи ему радиовещания, но нельзя же доводить мысль об объединении техники и радиовещания до абсурда и решать вопросы организации радиовещания, исходя из обладания проводами и проволокой.

Теперь коротенько по содержанию радиовещания.

Косиор. Надо кончать.

Бердников. У меня здесь замечания вот какие: отдельная резолюция по вопросу о содержании радиовещания сравнительно удовлетворительно разработана, но из нее не использовано почти ничего, во всяком случае, не взято самое важное для общей резолюции, и я утверждаю, что имеется большое несоответствие и даже противоречие в целом ряде пунктов — между частями общей резолюции о радиовещании и отдельной резолюцией, разработанной в Агитпропе. Тов. Антипов, очевидно, не имел времени или не дал себе труда пересадить важнейшее из отдельной резолюции в общую резолюцию, и справед-

ливо отметил т[ов]. Косиор, что в общей резолюции имеется ряд шероховатостей, неправильностей и пробелов. Я думаю, что требуется еще большая работа по их исправлению. Нужно будет сделать соответствующие изменения в общей резолюции для того, чтобы кусок о радиовещании был более содержательный и полнокровный. Что касается конкретных наших предложений о содержании радиовещания, то мною в письменном виде внесен целый ряд поправок, но на них я останавливаться из-за недостатка времени не буду. Я думаю, что создана комиссия, куда будут переданы эти поправки и где они будут приняты во внимание при окончательном редактировании общей и отдельной резолюции о радиовещании.

По основным же организационным вопросам мы от «Радиопередачи» как особой радиовещательной организации вносим следующие предложения:

1. Согласиться с постановлением Коллегии НК РКИ СССР о ликвидации акционерного общества «Радиопередача».

2. Все дело радиовещания и радиофикации как в центре Союза, так и по отдельным союзным республикам сосредоточить в ведении вневедомственных органов (при ЦИКах или СНКах) с обеспечением участия в них всех основных организаций и ведомств, связанных с радиоработой. По вопросу об организации всесоюзного радиовещательного центра согласиться с постановлением Коллегии НК РКИ СССР о создании Радиовещательного агентства при СНК (ЦИКе) по аналогии с ТАССом. Предложить НК РКИ СССР в двухмесячный срок оформить в советском порядке организацию Радиовещательного агентства.

3. Согласиться с постановлением Коллегии НК РКИ СССР об оставлении радиовещания на хозрасчете и об оставлении в ведении исполкомов, профсоюзов и т.п. организаций принадлежащих им радиовещательных станций в целях вовлечения средств как исполкомов, так и различных общественных организаций в дело строительства и использования радиовещательных станций и других технических средств радиовещания...

Гуревич (Ленинград). Я был ярым противником передачи Наркомпочтелю и совместно с тов. Бердниковым дрался достаточно, но я убедился в процессе драки, что мы можем потерять все дело. Пока что катастрофически падает и количество установок, а о качестве и говорить нечего. Поэтому, когда в Ленинграде вынесено было постановление о том, чтобы передать дело, НКПочтелю, я сам взялся за это дело, и в течение месяца мы работаем в Ленинграде как Наркомпочтель. Здесь есть целый ряд моментов. Здесь вопрос такой. Меня лично и многих товарищей, здесь сидящих, волнует не только вопрос техники, а всех нас волнует вопрос политики воспитательной работы по радио, то есть будет ли это достаточно обеспечено. Мы волновались по поводу того, будет ли достаточно обеспечено то, что называется широким вещанием, учитывая, что у Наркомпочтеля нет опыта в этой области. И этот вопрос нас только заставил задуматься о переходе дела к НКПочтелю. Вот мы в Ленинграде разрешили это следующим образом. Практически нельзя отделить технику от широкого вещания, и

мы добились того, что сейчас создана такая форма — радиовещательный узел Наркомпочтеля. Из чего он состоит? [...] (*не слышно*) широкого вещания и станции. Таким образом, я являюсь одновременно ведающим широким вещанием и заведующим радиостанцией. Таким образом, и штат техников на этой станции в моих руках. Но нужно создать общественное мнение. Тут мы в Ленинграде такую штуку построили. У нас имеется партийная радиокомиссия, в которую входят представители от профсоюзов и мы. Наша радиокомиссия работает очень интенсивно, и в этой партийной комиссии мы прорабатываем все идеологические вопросы. Но этого мало. Это еще не доказывает связь с массами. Поэтому мы еще сюда надстройку устроили: один раз в три–четыре месяца мы собираем, если так можно выразиться, вроде радиовещательного парламента из представителей всех культурно-просветительных и партийных организаций. Там периодически ставятся основные вопросы радиовещания, там мы намечаем линию, и я как заведующий радиовещательным узлом эту линию провожу. Но этого недостаточно, люди посидят два–три часа и уходят, это не есть связь с низами. Мы собираем периодические собрания радиолюбителей (это мы делаем с благосклонной помощью партии) с заводов и ставим наши вопросы на каждый завод в отдельности. Таким образом мы сохранили и деньги, не оторвались от радиовещания, имеем связь с массами. И нужно сказать, конечно, нам работать легче, денег отпущено достаточно...

(Бердников. На первых порах.)

Гуревич. Не только на первых порах, если бы было на первых порах, я знаю, тов. Бердников, что на медовый месяц дают, а потом не дают. Второй вопрос. Станция наша увеличивается, дело расширяется, и мы уже работаем около месяца, и я не вижу ничего страшного, которое бы говорило, что в перспективе могут быть большие препятствия. Вот почему, проработав этот месяц в Наркомпочтеле, я вижу, что товарищи из Наркомпочтеля стараются помочь, это самое главное, а дальше есть партия, которая нами руководит.

Косиор. Надежда Константиновна Крупская.

Крупская. Что это дело требует максимальной централизации и плановости, мне кажется совершенно очевидным. Все звенья, товаропроизводящие и т.д., должны быть теснейшим образом связаны и припаяны; надо, чтобы тот, кто строил станции, следил насчет этой увязки, это правильно, без плановости дело не пойдет. Поэтому я думаю, создавать отдельное общество какое-нибудь акционерное или передавать куда-либо это дело не имеет смысла. Я думаю, что организация радиовещания должна быть спаяна с самой техникой. Поэтому я высказывалась на совещании за то, чтобы совместно это делалось с Наркомпочтелем. Но что меня тревожит, это я должна прямо сказать. У нас идет совещание, много было заседаний. Какая доля уделяется тем вопросам, которые нас, политпросветчиков, интересуют? Как будет общий план обеспечен? Как будут распределены силы? Тут сказано глухо, темно и неясно. Передается АППО. Вообще все передается АППО. Но о форме передачи настолько бегло сказано, о совете, ко-

торый организуется, в двух словах сказано. Что это — представители ведомства или какие-нибудь товарищи, которые на этом сидят? Все это мелочи. Я понимаю, что товарищи, которые заинтересованы в [...] в сети или в производстве, этими вопросами мало интересуются. Но когда надо говорить о радиовещании, это колоссальное значение имеет. Поэтому мне кажется, что в этой своей части резолюция немножко не подработана, и хотелось бы, чтобы было созвано особое совещание, в котором эти вопросы были проработаны более детально, потому что когда основные вопросы производственные, то тут сказано вскользь. Например, вопрос соотношения между агитацией, пропагандой, между газетами, это решающий вопрос. И тов. Евреинов сидит [...] и помалкивает: «и я не я, и лошадь не моя, и сам я не извозчик». По-моему, тут профсоюзы слишком малое участие принимают. Здесь не совсем ладно, и в этой части организации надо вопрос значительно подработать и дать Наркомпросу оформить больше его участие, не так как товарищ с Украины говорил, что вот взять все и передать в Наркомпрос. Если это будет в двух ведомствах, то это будет чрезвычайная перманентная склока, такая же, как сейчас идет между Бердниковым и всеми хозяйственными организациями. Вот как один товарищ подслушал, как крестьяне говорят. Один крестьянин говорит: «Тут место крадучее: кто ни сядет, обязательно будет красть». — «А ты сам красть будешь?» — спрашивает его. — «Если я сяду, то и украду».

Так что, если в организационной части есть дефект, то, несомненно, будет происходить склока. Поэтому я считаю, что дело должно быть специально проработано гораздо глубже, чем это сделано сейчас.

Косиор. Слово имеет тов. Ройзенман.

Ройзенман. Дело в том, что когда мы обследовали «Радиопередачу» в Радиокомиссии ЦК, я выдвигал вопрос такой, что «Радиопередачу» надо передать НКПросу. Для всех стало ясно, что при всей той деятельности, которую проводила «Радиопередача», если в дальнейшем оставить это дело у «Радиопередачи», то это значит погубить дело. Исходили мы из чего? Культурные вопросы, обслуживание культурных нужд — это всецело работа НКПроса. У НКПроса идейное руководство вопросами культпросветработы на местах. Но при молчании, при всей индифферентности, какую проявил тогда НКПрос в этом деле, как будто бы это его вовсе и не касалось, этот вопрос отпал. Выступавшие здесь товарищи крыли НКПрос за то, что НКПрос ничего не знает и ничего не делает. Теперь Надежда Константиновна говорит, что НКПросу уделено сейчас мало места в этом деле и т.д., но ведь теперь, когда ЦК партии взялся за оживление этого дела, то НКПроса, основная обязанность которого — участие в проведении всех культурных начинаний, — НКПроса здесь нет, его не слышно, и он сам пальцем о палец не ударит, чтобы помочь ЦК наладить это дело. Поэтому при такой полной индифферентности, которую НКПрос проявлял раньше, нечего ему сейчас протестовать. Самое правильное было бы дело, если бы это дело было за НКПросом. Меня провалили тогда.

Теперь относительно постановления Коллегии РКИ. Тов. Бердников сидит здесь и все время указывает мне постановление Коллегии

РКИ. Конечно, дисциплина у нас есть, Коллегия РКИ постановила, а ЦК партии постановил другое. А ЦК над всеми, брат! И здесь, извините меня пожалуйста, нечего мне тыкать, что я должен проводить постановление РКП. Я здесь член комиссии и должен проводить мнение ЦК партии. Я стою за то, чтобы это дело поскорее отдать Наркомпочтелю...У него есть техническая база хорошая, он его хорошо разовьет, у него больше жизненной гибкости в аппарате, и он с этим делом справится при полной помощи нашей и партии. Не святые горшки лепят. У Бердникова вся идеология, все у него, эти люди, которые помогают радиовещанию. Этого самого Бердникова можно посадить тут, он будет вести дело только под более крепким руководством, с меньшими расходами и меньшим головотяпством.

Вопрос насчет торговли. Товарищи из промышленности и торгующие друг на друга валят вину: те говорят, что промышленность виновата, эти говорят, что товаропроизводящая сеть...Все эти недостатки и трудности имеются. Но то отношение, которое было по отношению к кино и радио как побочному делу, никуда не годится. Надо поставить вопрос о кредитовании, надо идти, надо агитировать за радио, надо поставить его и показать, надо известную рассрочку дать. Мы предлагаем по советской линии и считаем, что Госшвеймашину надо превратить в торгующую организацию, чтобы она кино-, радио- и другими предметами точной механики торговала, потому что до сих пор этого не было...

Теперь приходится посмотреть, как своевременно партия поставила этот вопрос. Я переживаю и чувствую, как это своевременно, как это ценно. Почему мы говорим? Мы видим, что была группа коммунистов, которая на этом важном культурном фронте была в загоне, на 10-м году революции была в загоне. Тов. Косиор, надо решать и смело решать. Мы будем сидеть и подрабатывать глубже и глубже, а «Радиопередача» скомпрометирована, мы во всех газетах называли ее бесхозяйственной, торгашеской организацией, никто не верит ей, она сидит ликвидированная полгода, она не работает и живет полутрупом. Дальше терпеть этого нельзя, надо это решать.

Косиор. Мое слово. Так вот, что мы имеем сейчас, какие факты, определяющие всю дальнейшую работу?

Номер первый — кризис сбыта радиоаппаратуры. Это налицо. Затем массовое молчание радиоприемников и в связи с этим все более уменьшающееся общее количество их. Часто выбывают из строя, происходит закупорка; о причинах дальше скажу. И выходит, что мы сейчас в области радио переживаем определенный кризис. Поэтому надо себе ясно отдать отчет, почему это происходит, и уже дальше, после соответствующего анализа, поставить перед собой практические задачи. Я не думаю, чтобы в молчании, в кризисе сбыта решающую роль играло бы содержание. Не думаю я, чтобы это играло основную роль. Это, во всяком случае, вопрос третьестепенный, неважный. Я думаю, что нужно установить общее положение в отношении радио, что мы не можем на радио смотреть как на большое культурное дело, которому мы должны деньги давать. Все-таки мы должны также подходить к

этому делу, как к коммерческому делу, которое должно доход известный давать, а не только как к культурному делу. Конечно, не сразу мы можем ждать дохода от радио, но мы должны таким образом дело двинуть, чтобы убытка по крайней мере сейчас не иметь (*возгласы*: «Правильно!»).

Какие причины имеются? Мне кажется, что на вопрос о причинах никто из товарищей не ответил. Почему происходит затоваривание? В общей форме сказал Жуков: «Страна некультурная, отсталая, и с таким сложным делом справиться не может». Мы дело развернули, набили оскомину, и теперь интерес к этому делу пропадает. Отсюда вопрос технической помощи и о распространении технических знаний. Это вопрос первостепенный (*возглас*: «Правильно!»). Мало толковать только об этом, надо, чтобы определенная помощь была. Мы имеем определенные кадры людей, которые разбираются в этом деле, которые могут помочь, которые знают, как ухаживать за аппаратами и т.д. Я думаю, что лучше медленней идти, но идти на более здоровых началах...

Дальше насчет содержания радиовещания. Я считаю, что есть все элементы к тому, чтобы дело постановки радиовещания поставить крепко на ноги. Мне кажется, что все элементы к этому имеются, и хаять вовсю, что, кроме радиогазет, ничего нет — это неправильно. Надо хорошего хозяина дать, и из того опыта, который имеется, он сможет создать настоящую программу, план работы и т.д. Мне кажется, что для этого все элементы налицо. О газетах я говорить не буду. А вот насчет докладов, я не знаю. Относите ли вы сюда лекции?

Антипов. Лекции отдельно.

Косиор. Доклад и лекция — это такая тонко различимая штука, что можно доклад назвать лекцией и наоборот. Это дело вкуса. Вот насчет всяких лекций —...я считаю, что эта вещь необходимая и очень полезная. Я однажды слушал одну лекцию совершенно случайно о каких-то раскопках в Рязанской губернии, где раскопали какой-то старый город. Вы знаете, я с величайшим интересом слушал. Это было так интересно преподнесено, что я с удовольствием и с большим интересом прослушал. Минут 20 продолжалась эта лекция. Хуже обстоит дело по художественной части. Тут надо больше поработать.

Теперь относительно плана жесткого. Я думаю, что план нужен, и централизовать это дело нужно, но если поставить этот вопрос так, чтобы централизовать сейчас все до основания, то я думаю, что здесь будет ошибка. Мне кажется, что к этому надо подойти более осторожно. Мне кажется, что в резолюции это дело поставлено механически: согласовать, запросить и все.

Антипов. Например?

Косиор. Ты хочешь у всех отобрать все станции, сверху донизу, передать Наркомпочтелю. Возьмем насчет Украины, я бы не спешил сейчас с этим делом, насчет Украины.

Антипов. В резолюции этого нет.

Косиор. Резолюция пропитана таким духом, что гони все до конца. Все эти штуки, объединение станций и т.д., мы с соответствующими органами будем согласовывать, это мы будем проводить...

Затем организационный вопрос. Я считаю, что все-таки дело радиовещания надо передать Наркомпочтелю. Тут тов. Захарченко очень уничтожающе говорил, но мне кажется, что по существу совершенно неправильно. Прежде всего — отделение техники от радиовещания. Я все время слышу о разделении, причем доказательство дают так, что само собой понятно: радиовещание есть такое великое дело, что куда там Наркомпочтелю с его куцыми ведомственными мозгами постигнуть эту штуку. «Радиопередача» сыграла свою роль. Если бы мы это дело раньше передали Наркомпочтелю, это было бы ошибкой, потому что это дело нужно было поставить как общественную задачу, нужно было развернуть широчайшую агитацию, и благодаря тому, что это дело попало в руки всяких общественных организаций, оно было поставлено на ноги. Сейчас нужна государственная организация, мы вышли из пеленок, нужна не кустарная, а настоящая организация этого дела. Вы говорите: все доказательства от прошлого, что Наркомпочтель ничего не дал, не понимал. «Отец» радиовещания, тов. Шотман, говорил со слезами на глазах: если вы радиовещание передадите Наркомпочтелю, вы загубите это дело, поставите крест на это дело. Я думаю, что это неверно, сейчас радиовещание погубить невозможно, сейчас любой работник Наркомпочтеля понимает, что это за штука. Это не малюсенький ребенок, которого можно затереть, где-нибудь искалечить, когда он между ногами взрослых путается, вертится, — радиовещание вышло из этих пеленок, у нас оно в почтенном возрасте.

Голос с места. Совершеннолетний...

Косиор. Да, более или менее совершеннолетний. Радиовещание завоевало себе сейчас определенное место.

Жуков. Я очень рад этим словам, раньше над нами за это издевались.

Косиор. И поэтому мне кажется, что сейчас аргументы, с точки зрения прошлого, совершенно отпадают. Что, вы будете доказывать, что Бердников лучше дело наладит, чем Любович или Антипов? Не докажете. Для меня Наркомпочтель — это вообще не есть анафемское учреждение, это есть определенная группа людей, которым мы доверили важнейшее дело.

Радиовещание и техника — как можно эти вещи отделить? Нельзя этих вещей отделить, невозможно отделить. Вы этого не хотите, ваша линия направлена на то, чтобы зазубрить, что вот это твое, это мое, здесь техника, здесь радиовещание...

Я считаю, что дело, безусловно, должно быть передано Наркомпочтелю. Все эти аргументы насчет общественности и государства — все это пустяки. Сейчас, мол, мы кроем Чемберлена и других, неудобно нам это делать, давайте при ВЦИК устроим радиовещание. Это пустяки, тов. Бердников.

Теперь о средствах. Надо, говорит, средства не на технику, а на радиовещание. В чем дело? Само по себе радиовещание требует оплаты небольшого персонала людей, которые будут заниматься подработкой и т.д. А главное не это — главное в технике. Когда вы устроите радиостанцию, которая с точностью будет устанавливать длину волн, то это

будет вашим успехом. И вот куда нужно деньги тратить. А все остальное есть результат той огромнейшей работы технической, которую нужно переделать. Мне кажется, я считаю, что здесь особенно важную роль должны взять на себя ОДР. Поскольку вы, общественная организация, ликвидируетесь и дело передается государственному органу, здесь общественная организация должна взять на себя роль организатора радиослушателей и радиолюбителей. (*Голос*: «Роль критикующей организации?») Нет, не только критикующей, но и помогающей. Это с одной стороны. С другой стороны, у ОДР будет уклон главным образом в область техники. Мне кажется, что в резолюции надо поставить вопрос и о Наркомпросе, который надо притянуть вплотную к этой работе, а все те органы, которые ведают этой работой, должны иметь право контроля. Таким образом повседневное участие Наркомпросу должно быть обеспечено. Мне кажется, здесь напрашивается вопрос о радиосовете, о его правах и о составе его. Я лично против того, чтобы создавать огромную организацию. Надо создать узкую организацию, которая бы всецело руководила этим делом. Этот вопрос должен быть разработан здесь. Совет должен быть небольшой. Таким образом я представляю это дело.

Относительно профсоюзов. Профсоюзы должны быть привлечены к этому делу вплотную. Они должны играть роль иную — как совершенно свободная, ничем не связанная организация. Они ведь государство в государстве (*смех*). Они хотят все иметь: свою физкультуру, свое радио, свой Осоавиахим и т.д. (*смех*). У них есть такая тенденция.

Антипов. Тов. Косиор процентов на семьдесят облегчил мою задачу. Я остановлюсь на отдельных маленьких вопросах...

С места. Не порть впечатления.

Антипов. ...чтобы не портить общего впечатления. Относительно того, что тов. Жуков говорил. У нас определенно сказано в резолюции: «Поручить Наркомпочтелю совместно с Наркомпросами республик организовать краткосрочные курсы по обучению низовых работников связи, избачей и учителей элементарным знаниям по установке и уходу за радиоаппаратурой». (*Смех.*) И то, что говорил тов. Косиор относительно техники, уже соответствующие разработки ведутся, через неделю мы с Наркомпросом этот вопрос согласуем, это сказано, это будет и, таким образом, это провели.

С места. Что-то очень скоро!

Антипов. Этим вопросом мы занимались не сегодня, мы это дело давно начали. Теперь относительно стоимости. В докладной записке стоимость аппаратуры указана, у меня было слишком мало времени для доклада, поэтому я там не упомянул, цифр не приводил, но, конечно, задача должна быть поставлена на снижение, это бесспорно...

Теперь относительно Надежды Константиновны. Надежда Константиновна говорит, что мало содержания. Это понятно, потому что базу надо создать, потом легче будет маневрировать относительно содержания.

Насчет руководства. Дело это у нас будет. В чем тут будет основная цель? Все от начала до конца будет в одном месте. Я не говорю,

что Наркомпочтель претендует на идеологическое руководство. Идеологическое руководство должны осуществлять Центральный Комитет и Наркомпрос. Вот что сказано в резолюции: «Вся политико-идеологическая и художественная работа по радио должна вестись под наблюдением и при непосредственном участии органов Наркомпроса. На обязанности наркомпросов должно лежать: предложение программ в части политико-просветительной работы, осуществление постановки по радио самообразования и заочного обучения, изучение запросов радиослушателей, учет совместно с Наркомпочтелем программно-методического опыта радиовещания и т.д». Если этого мало, еще сделаем, мы за этим не гонимся, карты в руки им, потому что они лучше знают это дело, они грамотные люди, поэтому им и карты в руки, и книги в руки. Надо это дело сконцентрировать в одном месте.

Насчет профсоюзов тут сказано: «Профсоюзы, ведя по радио культурно-просветительную работу, должны время работ своих станций, а также и характер программ увязать с Наркомпочтелем, дабы этим самым избежать параллельных передач. Руководство широковещательной деятельностью профсоюзов в целом оставить за АППО»...

Насчет Совета. Мы считаем, что Совет должен быть из 7–9 человек, постоянный Совет, утвержденный ЦК, который несет всю ответственность за радиовещание. А при АППО ЦК, мы думаем, должна быть комиссия, которая должна всю работу учитывать, должна давать общую принципиальную линию. Совет — это вспомогательный орган, который выполняет все эти решения. Я думаю, это будет правильным...

Насчет жесткой централизации — как раз не жесткая. Когда мы хотим дом строить и на пути встречаем маленький домик, надо этот домик снести.

Косиор. Ты хочешь расчистить место, а потом строить?

Антипов. Я говорил, что в первую очередь дело должно быть передано Наркомпочтелю. Те станции, которые Наркомпочтель хочет строить, крупные станции...

Захарченко. А если Украина не согласится?

Антипов. Тогда надо будет это дело поставить в партийном порядке. Вот мы в Ленинграде новую станцию строим, Ленинград имеет, пожалуй, возможность передавать и со старой станции. Я не хочу обижаться, что работа недостаточно точна, понимаю, что много времени нужно было им на другое, но в резолюции сказано точно: «Там, где мы должны строить, надо строить».

Я тов. Бердникову отвечать не буду, но должен сказать, что он много лавирует. Вот ваше заявление от 18 июня. Ведь там совсем о другом говорится.

Насчет тов. Захарченко — резолюция неграмотная. Он столько грамотных слов наговорил, что там в течение трех недель не разобрать это. На такую грамотность мы не претендуем. Если будет более грамотно изложена резолюция, мы протестовать не будем. Теперь, когда он начал выступать, он все на свете перепутал, какие-то кривые, как волны, идут.

Ройзенман. У него язык не украинский.

Антипов. Он перепутал частные телеграммы с широковещательной станцией, все перепутал.

Захарченко. Ведомство...начальник связи.

Антипов. Мы ведомство такое, каким нас заставят быть, а пока у нас все коммерческие предприятия, нет у нас богоугодных заведений, которые сидят на печке и денежки получают.

По существу, все дело должно быть в Наркомпросе (я этим кончаю), ведь это же нелепость получается — все дело в Наркомпросе. Значит, вся техника в Наркомпросе? Каждому ясно, что мы имеем кризис...Тут надо не только нажимать на агитацию, а пересмотреть и самые методы работы, и производство, и все. Вот мы сейчас к чему пришли? К тому, что надо использовать всю проволоку, которая у нас есть, потому, что она в несколько раз дешевле, она проще, она не требует никаких источников энергии, достаточно простого штепселя. Люди не хотят понять этого, поэтому качают головами.

Поэтому я считаю, что, если это дело будет в Наркомпросе, это будет кустарничеством, какое только можно себе представить. Они сами тянут отдельную проволоку, проводят сами трансляцию, все сами. Вот Наркомпрос чем занимается — по столбам тянет проволоку.

Захарченко. Таких фактов, чтобы Наркомпрос тянул проволоку, нет.

Антипов. Я о Харькове говорю, вот попался человек?

Захарченко. Конечно, это не проволока.

Антипов. Я сам вашу проволоку видел и слышал, как ваши станции работали. Поэтому я считаю, что это будет сплошным кустарничеством. Мы должны дело организовать на основе той техники, которая у нас есть. Я думаю, что мы с украинским правительством сумеем договориться без всякой драки, а практически. Если хотите дело серьезное организовать, давайте работать по-новому.

Косиор. Я предлагаю резолюцию в основном принять. Нужно будет комиссию в три человека выделить и поручить ей на основе тех замечаний, которые были сделаны, окончательно отредактировать резолюцию. Комиссию я предлагаю: Косиор, Антипов и Надежда Константиновна... Заседание кончено.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 102. Л. 132–232. Подлинник.

Приказ № 58 Акционерного общества «Радиопередача»[17]

14 июля 1928 г.

1. В связи с постановлением чрезвычайного собрания акционеров о-ва «Радиопередача» от 9.VII. с.г. и с постановлением Правительства от 13 июля 1928 г. (протокол № 381) функции радиовещания передаются НКПиТ и акц. о-во «Радиопередача» с 15 с.м. обращено к ликвидации.

2. Состав правления акц. о-ва «Радиопередача» с 15 с.м. освобождается от исполнения своих служебных обязанностей. Уполномоченными по сдаче дел ликвидационному комитету являются тт. Чечик, Матвеев и Разводов.

3. Работники акц. о-ва «Радиопередача», перечисленные в предлагаемом списке, освобождаются от исполнения своих служебных обязанностей с 15 с.м. с выдачей полуторамесячного выходного пособия и компенсации за неиспользованный отпуск, согласно списка, объявленного приказом за № 6 от 24/V с.г. и приказа № 55 от 7 июля с.г.

Председатель правления Гузаков
зав. адм. фин. хоз. отделом Минченко

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 8. Л. 4. Подлинник.

Выписка из постановления Коллегии Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции Союза ССР (пр. № 7 П.З.)

3 ноября 1928 г.

По вопросу: о результатах обследования акц. о-ва «Радиопередача».

1. В целях вовлечения средств как местных, так и различных общественных организаций в дело строительства и использования радиостанций — оставить в ведении исполкомов, профсоюзов и т.п. организаций станции, им принадлежащие, усилив контроль и руководство НКПиТ.

2. Ликвидировать акц. о-во «Радиопередача» и создать при Управлении делами СНК СССР радиовещательное агентство по аналогии с ТАССом.

3. Оставить широковещание на хозрасчете и передать дело взимания целевых сборов аппарату НКФ СССР.

4. Предложить НКТоргу СССР:

а) взять в свои руки регулирование цен на радиорынке и пересмотреть накидки как торгующих, так и производственных организаций (при участии ВСНХ СССР) на предмет их снижения, обратив особое внимание на удешевление массовой радиоаппаратуры;

б) в месячный срок проработать вопрос о расширении круга торгующих радиопроизведениями организаций путем привлечения кооперации и низового почтового аппарата.

5. Предложить ВСНХ СССР:

а) принять меры к укреплению и расширению радиопромышленности в целях удовлетворения ею спроса на массовую радиоаппаратуру по доступной цене. Усилить выпуск массовой аппаратуры и деталей на основе стандартизации, а также термобатарей и щелочных аккумуляторов. Упростить конструкцию и улучшить качество радиоаппаратуры;

б) поставить неотложной задачей немедленно наладить массовый выпуск, в первую очередь, для широких рабочих и крестьянских масс, комплектов доброкачественных, простых и стандартизированных детекторных приемных установок не дороже 5–6 руб. за комплект в розничной продаже (в месячный срок поставить в известность НК РКИ СССР о принятых мерах).

6. Предложить акц. о-ву «Радиопередача» и НКПиТ: в двухнедельный срок заключить договор о способах и условиях технического обслуживания и контроля НКПиТ над техникой «Радиопередачи» в той части, которая в данное время находится в ее непосредственном ведении.

Зам. народного комиссара РКИ СССР Яковлев[18]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 617. Л. 153–153 об.

Из стенограммы заседания, посвященного трехлетию ОДР

16 ноября 1928 г.

...Председатель. Слово имеет представитель Общества друзей радио тов. Палкин.

Палкин. Позвольте мне приветствовать вас от имени президиума ЦС ОДР и 200 000-го актива советских радиолюбителей. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, хорошо критиковать общественность, но когда мы подходим к нашей практической работе, в частности ОДР, то мы непосредственно всегда упираемся в один вопрос — в вопрос о деньгах. Из пальца ничего не высосешь. Если мы отбросим Осоавиахим и посмотрим на остальные организации, то увидим, что вся общественность упирается только в вопрос о финансах. Нет финансов — нет работы... (*Возгласы:* Правильно!) Если мы будем говорить о том, чтобы существовать на членские взносы, то на это далеко не уйдешь. Если мы обратимся к нашей общественности, к нашим профсоюзам, то увидим иногда очень и очень мало сочувствия к нашей работе. Наша работа идет неровно, временно становится ударной, чтобы на следующий день вновь упасть...

РГАЛИ. Ф. 2495. Оп. 1. Д. 7. Л. 23. Подлинник.

Протокол № 6
Заседания комиссии по деревенскому вещанию

от 30 августа 1929 г.

Присутствовали: ЛОПАШОВ, КАЗЬМИН, КАРДАШОВ, КАШПЕРОВА, КУРЖИЯМСКИЙ[19], МАРКОВ[20], ЛЕБЕДЕВ, ЛЮБИМОВ, ВАШКЕВИЧ.

Председатель — ЛОПАШОВ; секретарь — КАЗЬМИН.

Заслушали:

1. Перечень пьес для деревенского оркестра, составленный тов. Кашперовой (в переделке).

т. Кардашов. На чем исполнять эти вещи и могут ли быть исполнены для деревни эти вещи симфоническим оркестром? Исходной точкой, по-видимому, будут ансамбли гармонистов и так называемые великорусские оркестры, затем более усложненный деревенский оркестр (балалайки, домры, жалейки, свирель, гармоники). Возможно введение и фисгармонии. Для этих инструментов и ансамблей на них инструментовать предложенные т. Кашперовой музыкальные произведения. Когда вещь та или иная будет много раз сыграна, можно будет давать ее в исполнении симфонического оркестра. Потом запросить слушателей, как принята ими та или иная вещь.

т. Любимов. Нельзя рассчитывать на систематический цикл концертов. Состав слушателей текучий. Слушает не одна и та же аудитория. Радио приобщает и будет приобщать все время новые кадры слушателей, с которыми надо начинать работу сначала. От симфонического оркестра отказываться нельзя, вкрапливать небольшими дозами.

Желательно давать гармоники (трио, квартет); большие оркестры давать не стоит (трудно настроить). Фисгармонию можно давать в любой оркестр, но ее не услышишь сквозь оркестр. Надо идти вперед, создавая оркестр из новых, усовершенствованных нар. инструментов (домры, гармоника, свирель, жалейка и т.д.).

т. Лопашов. Наряду с названными инструментами хорошо бы давать и орган.

т. Кардашов. В одном и том же концерте надо давать игру на разных инструментах. Создание оркестра — дело хорошее. Но пока надо исходить из того, что есть, и инструментовать для оркестров существующих. В передаче надо иметь в виду не только текучий состав слушателей, но и постоянный, а такой имеется.

Постановили:

Список принять; переработку названных в списке произведений делать, равняясь на существующие ансамбли гармоник и оркестра народных инструментов.

2. Сообщение т. Любимова об уличной песне.

Уличная песня актуальный вид искусства, музыкальный выразитель массового движения (маршевая музыка), песня, связанная с событиями общественной жизни. Она может служить и художественно-воспитывающим материалом, и явиться отрицательной художественной величиной. Песня эта имеет свою историю, момент апогея, упадка. Сейчас она выродилась. И хороших уличных песен нет, за небольшим исключением. Потребность в такой песне громадна. Берется часто пошлый мотив («Белая акация»), дается твердо революционный текст, и песня бытует. Надо прийти на помощь. Есть много хороших старых песен, уличных, донские песни; по текстовому материалу они непригодны, но мотивы хороши. Надо использовать, дав новый текст. Надо заняться созданием уличных песен, менять текст их, вкрапливать новые, созвучные моменту, куплеты.

т. Марков. Надо подумать и о лирической песне, и песнях, поющихся во время отдыха, или когда идут на работу.

т. Кардашов. Необходимо давать городские уличные песни.

т. Казьмин. В деревне идет непрерывный процесс творчества. Колоссальное количество материала, бесконечные отклики на события исключительно художественной ценности. Надо собирать все это, изучать, давать заказы на полученные хорошие, в деревнях записывать мелодии. Особенно присмотреться надо к песням колхозов, совхозов, устраивать с ними тесную связь. Работа эта исключительной важности не только в том отношении, что мы соберем богатейший этнографический материал, но обогатим уличную маршевую лирическую песню новыми текстами, созданными деревенскими поэтами, художниками.

т. Куржиямский. Зачем взваливать на лабораторию такую работу? Потонет она в этих письмах, работы не будет. Надо боятся этого потока писем.

т. Лебедев. Горячо приветствую мысль т. Казьмина. Лаборатория должна это сделать своими силами. Нужен человек — специалист этого дела. Работу провести обязательно.

т. Марков. Напрасно т. Куржиямский волнуется, горячится. Эту работу необходимо проделать. Гоните ее в дверь — она в окно влезет. Мы все свои рассуждения базируем на своих личных деревенских впечатлениях. А тут поток материала непосредственного, ценного. Мы организованно войдем в связь с деревней.

т. Вашкевич. Надо самому народу дать возможность инструментовать новые тексты. Дадим им тексты, и последние обрастут мелодиями гораздо лучшими, чем это сделает порою музыкант.

т. Любимов. По моему мнению, мысль т. Казьмина чрезвычайно ценна. Наши городские подделки звучат фальшиво. Собрать и использовать богатство народного творчества — наша задача.

т. Казьмин. Необходимо в лаборатории определенному лицу поручить все это дело: запрашивать материал, разрабатывать, отобрать, передавать музыкальным литераторам. Надо не бояться потока писем, надо уметь их использовать.

т. Куржиямский. Боюсь, бросим лозунг, но не выполним. Людей мало, надо свежих лиц, живой влаги.

Постановили:

Вопрос об уличной песне, ее создании и пропаганде поставить остро в работах будущей лаборатории. Необходимо ввести в число сотрудников лаборатории специалиста по собиранию этнографического материала, которому поручить всю работу собирания, отбора и разработки материалов по деревенскому художественному творчеству.

3. Сообщение т. Любимова о танцевальной музыке.

Два вида танцевальной музыки: для слушания и для танцев. В программу первой категории танцевальной музыки должны войти танцевальные произведения народов разных стран (испанские, венгерские, норвежские, русские плясовые песни и т.д.). Все это необходимо, конечно, обработать, гармонизовать, инструментовать для небольшого духового оркестра нар. инструментов, гармоник.

Что же касается музыки для танцев, то нужно давать вальс, польку, краковяк, венгерку, конечно, и эту музыку гармонизовать должным образом. Надо поручить специалисту по нар. пляскам проработать данный вопрос более детально.

т. Марков. Надо повести борьбу с танцами эротического характера, провести работу по привитию в деревне физкультурных, массовых танцев, сделать то, что делает комсомол.

Постановили:

Сообщение тов. Любимова принять за основу.

Председатель (Лопашов)
Секретарь (Казьмин)

Приложение № 1

Календарный план тем для деревенскнх передач на 1929/30 год

1. Темы по основным вопросам сезона, вытекающие из хозяйственных, бытовых моментов жизни деревни. Материал на эти темы необходимо заранее смонтировать, заранее сделать заказ для райка на му-

зыкально-литературно-художественные произведения, заранее оповестить широкие массы о предстоящих передачах.

2. Темы, которые должны быть учтены при всякой передаче; материал на эти темы также должен быть заранее подготовлен и вкраплен в дерев[енские] передачи.

3. В календарном плане не указан целый ряд тем, которые дает ежечасно, ежедневно сама жизнь, которые трудно учесть заранее. Здесь уже придется идти «по следам жизни».

Октябрь	Ноябрь
Основные темы	
1. Новый хозяйственный год (в разрезе пятилетки) 2. Хулиганство 3. На культурном фронте (изба-читальня, радио, ребята за учебой и т.д.) 4. Невылазная грязь (коллективная борьба с ней… что нужно сделать?)	1. Годовщина Октябрьской революции 2. Посиделки (старые и новые формы работы, индивид. и коллект. формы работы. Комсомол — организатор коллективной работы) 3. Деревенские вечорки 4. Свадьбы (положение женщины в старой крестьян. семье, пьянки и т.д. Новые свадьбы) 5. В крестьянской избе (грязь, духота, требования гигиены, бани)
Темы второстепенные	
Праздник «покров» Хлебозаготовки Сельхозналог (эти две темы должны войти в одну основную) Хранение овощей и фрукт. Готовься к Октябрьской революции	Вести из города (призывники, рабочие, прибывшие из деревень, — новички) Небывалая грязь (что сделано). Скот на зиму (подстилки, утепление хлева) Филипповки (пост) Ликвидация неграмотности

Декабрь	Январь
Основные темы	
1. Николин день (престольные праздники в деревне с пьянкой, обжорством, с кулачными боями) 2. Охрана лесов (порубки) 3. Вести вузовца (вести из города) 4. Сельхозкружки	1. Солнцеворот (думки об урожае: старое — колядки, гадания; новое — научные данные) 2. Комсомольское рождество (в противовес церковному) 3. Кровавое воскресенье и смерть Ленина 4. Машинные товарищества
Темы второстепенные	
Зимние развлечения молодежи на воздухе	Крещение («святая водичка», купание в реке во время водосвятия, октябрины и крещение в купели церковной) Вузовцы о деревне по возвращении оттуда Снова свадьбы

Февраль	Март
Основные темы	
1. Масленица и великий пост 2. День Красной Армии 3. Приплод (ягнята, телята, улучшение пород) 4. Подготовка к севу (сортировка, ремонт инвентаря, удобрение, ранний пар)	1. Низвержение самодержавия 2. День работницы и крестьянки 3. Парижская коммуна 4. Вечер автодора (невылазная грязь)
Темы второстепенные	
Бескормица Заготовка льда Скоро Женский день Скоро снова грязь	Борьба за урожай продолжается Дни равноденствия

Апрель	Май	Июнь
Основные темы		
Текст утерян	1. День Интернационала 2. День книги 3. Весенние развлечения 4. День леса 5. День Кр. Флота 6. К борьбе с красным петухом	1. Вознесение и Троица (русалки, водяные, лешие) 2. Купальские дни (хозяйствен. подоплека празднеств) 3. Вечер отпускника 4. Красная Армия в лагерях 5. На стройке (в городе и деревне) 6. Колдуны и ведьмы
Темы второстепенные		
Текст утерян Радуница (культ. предков, старые способы погребения умерших, крематорий) Текст утерян	Молебствия деревенск. девушек (на кладбище, в полях) Сезонники (вести из города) Поздний пар — чума сельского хозяйства Юрьев день (выгон скота в поле)	Подготовка к покосу

Формы работы комиссии по художественному вещанию для деревни

1. Формы художествен. вещания.

1. Формы, пригодные для деревенского художественного вещания определяются, с одной стороны, прошлым опытом художественных передач Радиоцентра, с другой — составом аудитории, с третьей — культурно-художественными задачами, стоящими перед радиовещанием.

2. Из отдельных форм проверены опытом и безусловно приемлемы:

а) Оркестровая музыка (преимущественно народн. инструменты).

б) Художественное рассказывание, диалоги и драматические инсценировки.

в) Хоровое пение.

г) Музыка для танцев.

д) Гротеск разговорного жанра (Петрушка на радио).

е) Частушки.

ж) Художественное чтение в сопровождении звукового монтажа.

з) Раек.

и) Игры подвижные и игры остроумия.

3. Перечисленные формы являются отправными для данного этапа радиовещания. В дальнейшем необходимо искать новые формы, производя опыты и систематизируя их. Для подобной работы необходимо организовать при М.Р.Ц. студию-лабораторию по художествен. вещанию.

4. Такие сложные формы, как драм. пьеса, опера, оперетта, симфоническая музыка, должны вводиться в программу постепенно, по мере накопления лабораторного опыта, воспитания кадра радиоавторов и кадра радиоисполнителей, а также по мере постепенного роста художественного воспитания радиослушательских масс. Причем по преимуществу пользоваться отрывками произведений.

5. Все отрезки времени, отведенные по производственному плану М.Р.Ц. на 1929/30 год под деревенские художественные передачи, заполняются указанными в пункте 2 формами. Разнообразие передач определяется не формами как таковыми, а составом программы, пропорциональными взаимоотношениями отдельных форм и каждой из специфических передач.

6. В настоящее время можно зафиксировать следующие специфические программы передач:

а) Деревенская вечеринка-гулянка.

б) Деревенская посиделка.

в) Предпраздничная и воскресные передачи.

г) Концертная программа.

7. Деревенские вечеринки-гулянки по радио составляются по программе, рассчитанной на отвлечение деревенской молодежи от неорганизованных форм развлечений, в которые часто просачивается хулиганство, и приучение молодежи к формам разумного проведения отдыха и досуга.

8. В соответствии с такой целевой установкой, деревенские вечеринки-гулянки составляются примерно по следующей программе:

а) вначале для сбора аудитории (пока займут места и приготовятся к слушанию) дается инструментальная музыка;

б) в дальнейшем программа развертывается как смешанный концерт, построенный по принципу контраста, где серьезные номера перемежаются с номерами сатиры и юмора, а номера музыкально-вокальные — с номерами художественного чтения и драматических инсценировок;

в) к концу программы постепенно вводятся формы, рассчитанные на вовлечение в активное участие аудитории слушателей (игры остроумия, отделение вопросов и ответов, викторина, массовое пение и т.д.);

г) конец программы составляется из подвижных игр под музыку и танцевальной музыки с таким расчетом, чтобы по окончании передачи аудитория, получив зарядку через радио, перешла к самодеятельному продолжению вечеринки в плане разумного развлечения…

д) всю программу связывает конферанс затейнического типа, не переходящий, с одной стороны, в шутовское балагурство, с другой — в официально скучное прозаическое дикторство. Желательно в стихотворной форме.

9. Программа для деревенских посиделок строится с установкой на перевод трудовых посиделок из частных «избушек» и «квартирок» в избу-читальню.

10. По формам программы для таких вечеринок-посиделок отличаются подбором номеров, рассчитанных на слушание в процессе руководителя (худож. чтение, спокойные музыка и хоровое пение).

11. Программы предпраздничных и воскресных художественных передач должны быть рассчитаны на отвлечение крестьян (по преимуществу женщин и старших поколений) от церкви. Помимо тематических особенностей, определяемых такой целевой установкой, эти передачи по форме должны быть наиболее увлекательны, т.к. церковь в условиях деревенской бедности впечатлений дает своими богослужениями суррогат эстетических воздействий (пение, вещественное оформление, костюмировка, декламация), которые привлекают в стены церковных зданий не только верующих, но и арелигиозных крестьян. С этой эстетической притягательностью богослужебных зрелищ нужно бороться программой, интересно и увлекательно по своей форме составленной.

12. Деревенские концерты рассчитаны на обслуживание аудитории с повышенными художественными требованиями. Их задача — художественное воспитание.

13. Концертные программы составляются из серьезных номеров пения, музыки, художественного слова. Причем конферанс концерта мыслится в плане художественного просвещения.

14. Исходя из учета привычных для крестьян звучаний, необходимо в концертных номерах использовать по преимуществу народные инструменты для исполнения серьезных музыкальных пьес.

15. Более подробная характеристика всех возможных разновидностей программ выявится в результате рассмотрения тематики деревенских передач в связи с хозяйственно-бытовыми условиями деревни в разные времена года и в связи с очередными государственно-хозяйственными и политическими кампаниями.

16. На особом месте стоят художественно-инструктивные передачи для деревенских самодеятельных художественных кружков, которые осуществляются совместно М.Р.Ц. и ЦДКД им. Поленова. Художественный радиоинструктаж осуществляется как заочное обучение в приемах «пойте вместе с нами», «играйте вместе с нами», «читайте вместе с нами» и т.д.

РГАЛИ. Ф. 2382. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–7. Машинопись.

Из приказа № 104 по Радиоуправлению НКПТ СССР «О радиофонической квалификации»

4 сентября 1929 г.

§ 1. В связи с введением в систему радиовещательной работы радиофонической режиссуры приказываю все ансамбли и солистов, систематически выступающих перед микрофоном в Московском радиоцентре, в промежуток времени между 5 и 20 сентября с.г. подвергнуть специальной радиофонической квалификации[21]...

§ 3. Все ансамбли и солисты, не прошедшие радиофонической квалификации без уважительных причин, к участию в радиопередаче привлекаться не будут.

Начальник Радиоуправления Н. Смирнов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 1L. Л. 112. Подлинник.

Из приказа № 31 по Радиоуправлению НКПТ СССР

12 марта 1930 г.

...§ 6. Диктор отдела выпуска тов. Абдулов О.Н.[22] с 16 марта с.г. переводится на работу в отдел искусств на должность помощника режиссера с окладом содержания в 200 руб. в месяц.

Начальник Радиоуправления Н. Смирнов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 14. Л. 32. Заверенная копия.

Из приказа № 139 по Радиоуправлению НКПТ СССР «О реорганизации политического отдела Центрального радиовещания»

28 июня 1930 г.

1. Политический отдел Центрального радиовещания реорганизовать в политико-просветительный сектор, в него включив деревенский отдел, отдел массовой работы и отдел социально-бытовых передач.

2. Профсоюзный отдел также включить в политпросветсектор, сохранив его внутри сектора как редакцию с непосредственным соподчинением ВЦСПС...

7. Реорганизовать дикторскую группу на основе специализации и дифференциации между тремя основными секторами — политическим, художественного вещания и научно-образовательным, предварительно пропустив весь состав их через специальную отборочную комиссию...

9. В составе политпросветсектора предусмотреть организацию дикторско-музыкальной группы, задачей которой является осуществление как самих передач, так и художественного их оформления. При дикторской группе организовать обязательную корректуру всего материала, идущего к микрофону. Художественными оформителями газет при дикторско-музыкальной группе назначаются т.т. Масолов и Машистов. Редактором цикловых, эпизодических, а также врид. руководителя дикторско-музыкальной группой назначается тов. Юровская...

Начальник Радиоуправления Н. Смирнов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 15. Л. 70–71. Заверенная копия.

Из протокола № 36 заседания президиума Совета по делам искусств и литературы от 18 июля 1930 г.

Слушали: О работе Радиоцентра. — Докладчик т. Логинов.

Постановили: а) Признать ненормальным отрыв художественного радиовещания от общего руководства художественной политикой Совета по делам искусств и литературы.

б) Обратиться к т. Бубнову с просьбой выяснить вопрос об участии Сектора искусств и литературы в идеологическом и художественном руководстве работой Радиоцентра, в частности о переходе контроля художественного радиовещания от Главлита в ГРК...

РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 378. Л. 27. Подлинник.

Распоряжение по Наркомпросу РСФСР

[Не позднее 3 ноября 1930 г.[23]]

В целях достижения согласованности в идеологическом руководстве и единстве в репертуарной политике по всем видам художественного радиовещания с... августа с.г. контроль и наблюдение за художественным радиовещанием (как музыкальным, так и текстовым) возлагается на сектор искусства и литературы, который он осуществляет через Главрепертком. За Главлитом остаются функции контроля и наблюдения за всей остальной частью радиопередач (политическая, информационная, учебная и т.д.).

Замнаркомпрос Эпштейн

РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 378. Л. 25. Копия.

Из приказа № 316 Всесоюзного комитета по радиовещанию

2 августа 1932 г.

...§ 2. Диктору сектора выпуска Левитану Ю.Б. за добровольную замену неявившихся дикторов на передачу обзора утренних газет 25 июля с.г., чем предотвратил срыв передачи, объявляется благодарность.

Зам. председателя Мочалов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 25. Л. 24. Заверенная копия.

Из приказа № 341 Всесоюзного комитета по радиовещанию «О ликвидации радиогазет и создании редакции центральной информации»

31 августа 1932 г.

§ 1. На основании постановления Комитета по радиовещанию от 28 августа за № 27/44 редакции радиогазет «Пролетарий», «Крестьянской», «Комсомольской правды», «Красноармейской газеты» и «Пионерской правды» ликвидировать с 1 сентября.

С 1 сентября организовать в системе ВКР редакцию центральной информации со штатом в 30 единиц и 45-минутным вещанием:

а) функции секции политпропаганды и информации из сектора выпуска передать во вновь организуемую редакцию центральной информации...

§ 4. Находящуюся в «Крестьянской радиогазете» редакцию агротехпропаганды передать в сектор культтехпропаганды, увеличив штаты последнего на 3 единицы.

§ 5. Организовать в системе Управления художественным вещанием специальную редакцию по обслуживанию художественным вещанием Красной Армии со штатом в количестве 15 единиц...

И.о. председателя ВКР Норицын

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 27. Л. 200, 200 об. Копия — стеклограф.

Из приказа № 115 по Наркомпросу РСФСР «О массовой пропаганде по радио»

11 сентября 1932 г.

Наркомпрос совместно с Всесоюзным комитетом по радиовещанию выделили в системе радиопередач специальный раздел «Культурный фронт», в котором будут освещаться вопросы культурной революции — всеобуч, педобразование, политпросветработа, строительство политехнической школы, культстроительство в национальных районах, педпропаганда, агротехпропаганда в системе политпросветучреждений, вопросы культурно-бытового строительства и ряд других. Систематические передачи по этому разделу начнутся с 1 октября...

И.о. наркомпроса М. Эпштейн

ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 17. Д. 28. Л. 8. Заверенная копия.

Докладная записка В. Маркова о студии-лаборатории по художественному вещанию при МРЦ

[Начало 1930-х гг.]

Можно провести аналогию между художественным радиовещанием в настоящее время и первоначальными художественными кинопостановками. К кино в начале настоящего столетия подходили как к «театру для глухих». К художественному радиовещанию теперь зачастую подходят как к «театру для слепых». Теперь мы уже знаем, что кино не есть только «живая фотография», а самостоятельная форма искусства. Радио в такой же мере не есть только «беспроволочный телефон», но и эмбрион новой формы искусства. В начальном периоде кинопостановок считали, что хороший актер драмы или оперы должен быть и хорошим киноактером; теперь мы знаем, что одно другое не только не покрывает, но зачастую находится в разных плоскостях; теперь каждый знает, что существует «киногеничность» и «кинотренинг». В художественном радиовещании мы пребываем еще при представлении, что хороший рассказчик, певец, декламатор, актер, работающий на театре, должен быть хорошим радиоартистом. Нужно поставить четко задачу отбора и воспитания специфического радиоисполнителя на основе «радиогеничности» и «радиотренинга».

В такой же степени можно говорить о «радиогеничности» музыкальных инструментов: как в кино хороший артист драмы может быть «никаким» киноартистом или восприниматься с экрана совсем иным, чем с подмостков сцены, так и через аппаратуру радио прекрасный концертный инструмент может звучать «никак» или хорошо, но необычно, подругому. Наоборот, как кино «открывает прекрасный исполнительский материал» в людях, не интересных для использования на театре, так и в радио могут быть открыты новые радиоинструменты, незаменимые перед микрофоном и ни в каких других условиях не пригодные.

В начальном периоде кино полагали, что грамотный режиссер драмы может быть постановщиком художественных фильмов. Теперь мы знаем, что есть режиссерская «киногеничность» и кинематографическая специфическая постановочная техника. В радио мы еще полагаем, что всякий хороший дирижер, хормейстер и режиссер будет хорошим руководителем радиопередач. Нужно перед режиссерами и дирижерами, желающими работать в области радиоискусства, поставить задачу: «переучиваться в процессе экспериментальной работы».

В начальном периоде киносъемок массовые сцены строились режиссурой по принципам массовых постановок на театре и заснимались общим планом, теперь мы знаем, что кино сменой планов открыло иные возможности интерпретации драматического действия коллективов (вспомним работы Эйзенштейна). В радио мы все еще полагаем, что весь вопрос в том, как рассадить в большом помещении большой симфонический оркестр.

В начальном кино полагали, что нет ничего лучше в смысле репертуарном, как заснимать образцовые произведения романистов и дра-

матургов, писавших для чтения и игры на театре, правда, расширяя их тему (так как кино может покрывать пространства, недоступные театру-коробке) и видоизменяя детали их произведений соответственно «немоте» экрана. Теперь мы знаем, что есть особый литературный жанр — киносценарий, требующий особой авторской «киногеничности» и овладения особой драматургической техникой. В радио мы все еще полагаем, что автор, пишущий для чтения или исполнения на театре, в такой же мере, как композитор, пишущий для обычного исполнения, могут быть с небольшими исправлениями использованы для художественного радиовещания. Конечно, и тут жизнь приведет к созданию особых литературного и композиционного жанров — радиовещательных. В кино есть целый ряд своих «трюков», законов, правил и сноровок. Таковые же есть в радиоделе, хотя (как и в кино, но в большей степени) многие еще не открыты. Как в кино «трюк» — законный прием для максимального художественного воздействия на зрителя, так и в радио «трюк» — такой же законный и необходимый прием.

Эти и целый ряд других ошибок были обусловлены в первую очередь тем, что в начальном периоде художественных киносъемок не заметили «технического работника — оператора». А именно он, именно «оператор» и держал в своих руках ариаднину нить, выводящую из лабиринта кустарных подражаний «подлинному театральному искусству» на широкие просторы самостоятельного «искусства кино». Аппаратура, инженерия, оптическая техника и изобретательство — вот что определяет в конечном счете «киногеничность» и специфические формы и технику постановочного искусства кино. В художественных радиовещаниях мы также не сдвинемся с мертвой зыби кустарничества, не уйдем от «беспроволочного телефона» к радиоискусству, пока не поставим перед каждым дирижером, перед каждым режиссером, работающими на радио, задачу «быть не только художником, но и радиотехником».

Наряду с требованиями, которые ставят перед художественным вещанием специфические условия работы перед микрофоном в эфир, встает ряд требований, обусловленных тем, что радиовещание охватывает, как ни одна из форм искусства, многомиллионную массовую аудиторию. К слушанию привлечены широчайшие пласты крестьянства, радио разносит продукцию художественного вещания в глухие, медвежьи углы. Перед громкоговорителем стоит крестьянская масса, в своем большинстве с художественной продукцией города не знакомая и в то же время зачастую имеющая в своем художественном багаже навыки и привычные формы народного самодеятельного искусства, складывавшегося на протяжении столетий под различным историческим воздействием. Боярско-дружинное песенное творчество, церковное пение, солдатские песни, продукция фабрично-заводской улицы различных исторических периодов, чувствительные романсы городского мещанства, Некрасов, переложенный на музыку, и другой репертуар деревенской интеллигенции, цыганщина городских пивнушек, наконец, песни революции — все это в различных пропорциях и взаимодействии вплелось в слушательский багаж привычных звучаний крестьянства. То же самое касается инструментальной музыки —

от бандуры и гуслей через балалайку, гармонику, скрипку учителей и регентов, вплоть до реквизированных роялей и обмененных на муку граммофонов — прозвучали в ушах крестьянина в разных местах поразному. То же касается и мастерства художественной речи: от сказок бабушек и прибауток свадебного дружка до самодеятельной декламации и разыгрывания пьес местными молодежными кружками — таков путь привычных представлений о живой художественной речи. В такой же мере широк и своеобразен диапазон крестьянских представлений в области литературной и музыкальной композиции.

Для того, чтобы на основе предыдущего слушательского опыта крестьянства создавать такие программы художественных передач, которые легко воспринимались бы крестьянской аудиторией и привлекали их к слушанию художественного вещания, — необходимо все время производить опыты и изучать аудиторию.

Наконец, недостаточно учитывать привычные художественные вкусы крестьянского слушателя — необходимо вести его к смычке с пролетарским городом как в идеологическом (по линии содержания), так и в формально-художественном (по линии приобщения к городской пролетарской художественной культуре) отношениях. Эта предпосылка обязывает к исканиям и экспериментам в области художественного воспитания и просвещения.

Исходя из всего изложенного, мы невольно приходим к выводу, что для надлежащей постановки дела художественного радиовещания для деревни необходимо создание экспериментально-производственного научного института, который можно назвать: студией-лабораторией.

В задачи такой студии должны входить:

1) Отбор, проработка и оформление художественного репертуара (как литературного, так и музыкального).

2) Отбор, обучение и использование сил и средств исполнения (артистов, музык. инструментов, шумовых машин и проч.).

3) Изучение реакции и требований крестьянской аудитории (переписка и непосредственное наблюдение на местах).

4) Изучение и усовершенствование как воспринимающей, так и передающей радиоаппаратуры в целях максимальной эффективности ее использования в художественном плане.

Перечисленные задачи определяют состав руководящей группы студии-лаборатории. В нее должны войти:

1) радиотехнический руководитель, 2) музыкальный руководитель, 3) литератор, 4) режиссер, 5) методист-теоретик (искусствовед), направляющий и объединяющий всю работу членов руководящей группы. Помимо основных руководителей, в качестве лаборантов и учеников должен быть кадр работников, распределенных по мастерским: 1) радиотехнической, 2) музыкально-инструментальной, 3) вокальной, 4) театрально-речевой, 5) литературно-тематической, 6) секретариат.

Для работ лаборатории-студии должно быть предоставлено помещение, оборудованное для экспериментов перед микрофоном.

РГАЛИ. Ф. 2382. Оп.1. Д. 41. Л. 24–26. Машинопись с авторской правкой.

Из протокола № 47 заседания Президиума ЦИК Союза ССР об организации Комитета по радиовещанию

7 сентября 1932 г.

Слушали: ...4. О выделении радиовещания из ведения НКсвязи и передаче его в ведение специально организуемого Комитета по радиовещанию при ЦИК Союза ССР.

(Вн. Секретариатом ЦИК Союза ССР)

Дело № Пр. 723/1

Постановили: 1. Вопрос о целесообразности выделения радиовещания из ведения НКсвязи Союза ССР и о передаче его в ведение специального комитета при ЦИК или СНК Союза ССР передать на предварительное рассмотрение комиссии.

2. Поручить Секретариату ЦИК Союза наметить состав комиссии и внести его на утверждение ближайшего заседания Президиума ЦИК Союза ССР[24].

ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 511. Л. 2. Типограф. экз.

Из постановления № 19 Всесоюзного комитета по радиофикации при СНК СССР[25] «О проведении Дня авиации»

15 июня 1933 г.

1) Поручить под ответственность т. Фонштейна организовать в период с 18 июля по 18 августа широкую пропаганду достижений советской авиации, ее роли в обороне и народном хозяйстве страны, в частности в таких массовых хозяйственно-политических кампаниях, как сев, борьба с сельскохозяйственными вредителями, лесоразработки, заготовки пушнины и т.д.

2) Привлечь к этой работе колхозное, молодежное, детское и красноармейское вещание, включив их конкретные передачи в общий план, составляемый редакцией «Последние известия».

3) Считать необходимым привлечение к микрофону виднейших деятелей военного и гражданского воздушных флотов, ЦАГИ, организаторов агитэскадрильи им. М. Горького, работников авиапромышленности, Осоавиахима и ЦК ВЛКСМ — тематический план и список привлекаемых товарищей согласовать с Агитмассовым отделом ЦК ВКП(б)...

5) Считать необходимым организацию сбора средств на постройку самолета «Ударник радио»...

Председатель ВКР при СНК СССР Керженцев П.М.[26]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 19. Подлинник.

Из постановления № 51 ВРК при СНК СССР о работе редакции «Последние известия» и Культтехпропа

7 сентября 1933 г.

...Комитет постановляет:

1. Указать редакции на необходимость повышения идейно-политической бдительности. Ввести в практику внутриредакционные обзоры

микрофонных номеров и их обсуждение на редакционном коллективе с точки зрения политической бдительности и идейной выдержанности материала…

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 82. Подлинник.

Из приказа № 1 по Управлению вещания ВРК при СНК СССР

20 сентября 1933 г.

1. Назначения и перемещения

§ 1. Художественным руководителем и главным режиссером литературно-драматического вещания назначается тов. Рошаль Г.Л.[27] с 1 сентября с.г...

Помощник начальника управления вещания Кветневский

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 36. Л. 3. Подлинник.

Письмо Леноблгорлита в радиоотдел

28 сентября 1933 г.

В целях всестороннего охвата предварительным и последующим политконтролем не только печати, а и радиопередач, Лен. облгорлит организовал группу радиовещания, на которую и возложена эта работа.

Группа радиовещания для обеспечения политконтроля проделала соответствующую работу и предлагает использовать всех работников в Лен. облгорлите путем систематического слушания радио и проверять все передачи. Для этого необходимо обеспечить радиоприемниками и репродукторами, а следовательно надо сделать радиоточки на квартирах работников.

Об установках радиоточек была с вами договоренность тов. Гофберга (Горлит) с тов. Финкелем (радиоотдел). Они договорились провести радиоустановки по списку Лен. облгорлита за 65 рублей с рассрочкой на три месяца. Поэтому Лен. облгорлит при сем препровождает список работников нашего отдела на установку радиоточек и просит Вас произвести эту работу в непродолжительное время. В первую очередь установить радиоточки у т.т. Орлова, Гофберга, Статыгина, Чекабото, Романовского и др.

Кроме этого Лен. облгорлит просит Вас, если можно, поставить ламповые радиоприемники у т.т. Орлова, Гофберга, Кочергина, Статыгина и Чекабото, так как указанным товарищам необходимо проверять радиопередачи области и другие пункты.

Зам. нач-ка Лен. облгорлита Кочергин
Ст. п/редактор радиовещания Статыгин

ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 23. Л. 63. Копия.

Постановление № 81 ВРК при СНК СССР «Об утверждении положения о секторе звукозаписи»

29 сентября 1933 г.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

Представленный проект положения о секторе звукозаписи и телевидения утвердить.

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев
Ответственный секретарь ВРК при СНК СССР Коппе

Положение о секторе звукозаписи и телевидения ВРК при СНК СССР

В задачу сектора входит:

1. Организация во всесоюзном масштабе звукозаписи для целей радиовещания по плановому заданию ВРК, включая и хронику.

2. Использование и введение для целей звукозаписи всех достижений современной советской и заграничной техники, как то запись на пленку, грамм-диск, бумагу, металл и пр., а также применение технических и производственных методов, достигнутых современной звуковой кинематографией и радиовещанием.

3. Привлечение к делу звукозаписи лучших специалистов-звуковиков в целях поднятия технического уровня записи на высоту, полностью отвечающую той большой роли, которую должно сыграть радиовещание в области строительства социализма в СССР.

4. Организация технической базы для производства аппаратуры звукозаписи в системе промышленности.

5. Контроль совместно с Управлением вещания за идеологическим и художественным качеством как производства, так и демонстрирования звукозаписи, постоянная инспекция демонстраций, качества и состояния как звукозаписи, так и аппаратуры.

В области телевидения задачами сектора являются:

1. Скорейшая организация высококачественных телепередач, ставя дело телевидения в СССР на службу социалистического строительства.

2. Немедленная организация телепередач с существующим стандартом, подготовка перехода на более высокие стандарты в соответствии с научно-техническими разработками научно-исследовательских организаций.

3. Содействие производству оборудования и аппаратуры для целей телепередач.

Ответственный секретарь ВРК при СНК СССР Коппе

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 152–153. Подлинник.

Приказ № 60 по Управлению центрального радиовещания ВРК при СНК СССР «О реорганизации дирекции литературно-драматического вещания»

...декабря 1933 г.

Установить разделение работы дирекции литературно-драматического вещания на три сектора:

1. Сектор литературных передач.

2. [Сектор] театральных передач и трансляций.

3. [Сектор] драматических передач.
Начальниками секторов назначить:
а) Литературного — Немченко Н.В.[28]
б) Театрального — Дорменко А.А.[29]
в) Драматического — Чалую З.А.

Начальник Управления центрального радиовещания Черных

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 36. Л. 87. Подлинник.

Из постановления № 34 ВРК при СНК СССР «Об увеличении количества открытых концертов»

8 февраля 1934 г.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию постановляет:

1. В целях усиления связи с рабочей общественностью и радиослушателями и ознакомления их с лучшими образцами музыки и литературы предложить Управлению центрального радиовещания увеличить количество открытых концертов (как по эфиру, так и без него), проводя их на основе самоокупаемости...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 3. Л. 87. Подлинник.

Из постановления № 119 ВРК при СНК СССР «О работе редакции молодежного вещания»

26 мая 1934 г.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

1. Рекомендовать редакции молодежного вещания расширить и укрепить связь с комсомольскими руководящими организациями (ЦК и МК ВЛКСМ, «Комсомольская правда», «Колхозный комсомол», «Молодая гвардия»), проводя совместно с ними оперативные комсомольские кампании, включаясь в конкурсы, смотры, олимпиады и т.д.

2. В сетке молодежного вещания больше уделять места вопросам технической пропаганды, популяризации опыта лучших молодых инженеров, научных работников, техников, мастеров и т.д., усиливая оперативность и действенность во всей системе своей работы.

3. Организовать для систематической работы вокруг молодежного вещания молодые творческие силы (писателей, композиторов, инженеров, архитекторов, художников, педагогов), широко популяризируя их творчество путем организации специальных вечеров, перекличек, смотров, концертов, проводя среди них конкурсы на лучший фельетон, на бытовую молодежную песню, рассказ, скетч, пьесу и т.д...

6. Во всей системе молодежного вещания особое внимание обратить на сатиру, юмор, разнообразного типа занимательные передачи, в особенности по колхозной тематике, революционную романтику, по

линии путешествий и приключений и т.д., проводя, кроме этого, каждый месяц не менее 2–3 специальных вечеров эстрадного типа...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 4. Л. 39. Подлинник.

Из постановления Всесоюзного творческого совещания о задачах художественного радиовещания

13 апреля 1934 г.

1. Решения XVII съезда партии и доклад т. Сталина, вооружившие партию, рабочий класс и трудящиеся массы Советского Союза на дальнейшую борьбу за выполнение второй пятилетки бесклассового социалистического общества, целиком определяют собою задачи художественного радиовещания.

Используя литературный материал, музыку, очерки, пьесы, фельетоны и т.п., художественное вещание должно показать борьбу за вторую пятилетку, соцстроительство, разоблачать классовых врагов пролетариата и их пособников, дать образы героев — ударников полей и заводов, биографии крупных борцов за освобождение пролетариата и т.д.

Художественное вещание должно активно участвовать в проводимых партией политических и хозяйственных кампаниях, находя для этого все новые и новые своеобразные формы. Сейчас эта работа по пропаганде партийных решений проводится слабо, а иногда и с грубыми политическими ошибками.

Во всей своей повседневной работе радиовещание должно руководствоваться решениями XVII партсъезда, а также директивами партии о литературе, искусстве, театре и т.д.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» имеет особое значение для радио, где перегибы РАПМ и РАПП сугубо давали себя чувствовать. Не везде еще эта директива партии проведена с полной четкостью.

Борьба против буржуазных влияний, против замазывания классовых противоречий, против политических прорывов в местном вещании (нацдемовщина в Белоруссии и др.), против упрощенчества, вульгаризаторства, упадничества должна вестись с собой настойчивостью.

Борьба за социалистический реализм в искусстве — директивная линия для художественного радиовещания. Борьба за большие художественные произведения, отражающие нашу эпоху в искусстве, есть важнейшая задача радио. Особое внимание радиовещание должно также обратить на выявление и показ художественного творчества народов СССР в области музыки и литературы, на организованный показ творческой самодеятельности рабочих и колхозников.

Особая задача перед радиовещанием стоит в деле освоения классического наследия. Радио должно знакомить широкие массы с основными классическими работами в области музыки и литературы, сопровождая показ марксистским истолкованием культурного наследия.

Необходимо радикально улучшить пояснения, которые часто упрощены, вульгарны, формалистичны. Поднятый М. Горьким вопрос об искажении языка особенно важен для радио, имеющего многочисленную аудиторию.

2. Поднятие культурного уровня и политическое воспитание масс в духе коммунизма и организация разумного отдыха радиослушателя — вот основные задачи художественного радиовещания...

Для организации разумного отдыха важно разнообразие типов передач, широкое введение легкой музыки, танцевальной музыки, передач на материалах юмора, сатиры и т.д. Основная беда радиокомитетов — боязнь веселья и смеха на радио и неумение сделать передачи бодрыми, жизнерадостными, веселыми. Другой вопрос — упрощенчество, дешевое эстрадничество, подчинение развлекательного репертуара мещанским вкусам...

3. Радиокомитеты должны вести активную работу в области искусства, в частности музыки, настойчиво проводя линию партии, смыкая вокруг радио крупнейшие художественные силы, деятельно участвуя во всей творческой жизни страны.

Радио — одно из орудий партии по культурному строительству. Радиовещание должно быть тесно связано с соответствующими партийными организациями...

О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений. М., 1935. С. 17–23.

Договор № 552

7 июня 1934 г.

гор. Москва

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР в лице зам. директора Дорменко А.А. — с одной стороны и народный артист Республики — Мейерхольд Всеволод Эмильевич, именуемый в дальнейшем Режиссер, — с другой стороны, заключили настоящий договор в следующем:

1. Радиокомитет приглашает Режиссера для разработки авторского плана постановки «Каменного гостя» Пушкина и осуществления этой постановки для передач по радио и для записи на пленку (радиофильм).

2. Для постановки Режиссер привлекает артистов театра им. Мейерхольда по согласованию с Дирекцией драмат[ического] вещания.

3. Отказ от участия в постановке какого-либо из привлеченных артистов не освобождает Режиссера от постановки, и Режиссер, по согласованию с Дирекцией, вводит нового актера и продолжает работу над постановкой.

4. Музыка к постановке «Каменного гостя» заказывается Дирекцией композитору по согласованию с Режиссером.

5. Оркестр и вокалисты для постановки предоставляются Радиокомитетом.

6. Репетиции для оркестра и вокалистов назначаются Режиссером по согласованию с Дирекцией.

7. Общие микрофонные репетиции назначаются Режиссером по согласованию с Дирекцией и по заранее установленному плану и утвержденному Дирекцией расписанию.

8. Премьера постановки «Каменного гостя» должна быть выпущена Режиссером не позднее 15–25 декабря 1934 г.

9. Запись на пленку постановки «Каменного гостя» при участии и под руководством Режиссера должна быть проведена не позднее 7 июня 1935 г., с правом Радиокомитета пролонгации на 1 месяц.

10. За указанную в пункте 1 договора работу Радиокомитет уплачивает Режиссеру 12 000 (двенадцать тысяч) рублей, из них 3000 (три тысячи) рублей за участие и руководство записью постановки «Каменного гостя» на пленку[30].

Платежи производятся в следующие сроки:

а) при подписании договора — 3000 (три тысячи) рублей,

б) после первой передачи в эфир — 6000 (шесть тыс.) рублей,

в) после записи и приема пленки — остальные 3000 (три тысячи) рублей.

11. Помимо предусмотренного пунктом 10 договора вознаграждения, Радиокомитет не выплачивает Режиссеру никаких других видов вознаграждения или компенсации.

12. Режиссер обязуется подчиняться всем существующим в Радиокомитете правилам внутреннего распорядка, в частности — специальным правилам работы у микрофона и в студиях.

13. Все споры и разногласия по настоящему договору разрешаются в общем порядке разрешения трудовых конфликтов.

14. Юридические адреса сторон:

Радиокомитета — г. Москва — 9, ул. Горького, 17

Режиссера Мейерхольда —...

15. Подлинник настоящего договора хранится в Радиокомитете, а копия его выдается тов. Мейерхольду.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР
Режиссер

РГАЛИ. Ф. 988. Оп.1. Д. 2783. Л. 9. Копия.

Из постановления № 181 ВРК при СНК СССР «О работе с письмами и о массовой работе Управления центрального вещания»

23 июля 1934 г.

Всесоюзный Комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, констатируя неудовлетворительное состояние работы с письмами и массовой работы по всем дирекциям и секторам Управления центрального вещания, постановляет:

...2. Обязать зав. секторами, директоров и редакторов Управления центрального вещания в порядке производственной обязанности привлечь всех работников вещания к активному участию в работе с письмами и массовой работе, используя в зависимости от состава радио-

слушателей следующие мероприятия: конференции радиослушателей, выезды на предприятия, в школы, клубы и общежития, посещение квартир радиослушателей, организация комнат прослушивания передач, организация коллективного слушания консультаций, заочных конференций, посылка выездных бригад, организация работы в кружках художественной самодеятельности, максимальное расширение письменной связи с слушателем...

4. Предложить сектору искусств Управления центрального вещания перед постановкой крупных музыкальных вещей и крупных литературно-драматических постановок за месяц до вещания в эфир проводить предварительную подготовку радиослушателей (на заводах, в художественных кружках, в группах коллективного слушания) к восприятию этих вещей, а также широко использовать в этих целях печать (журнал «Говорит СССР», «Радиогазета», Методбюллетень, газеты г. Москвы, программы радиовещания крупных городов СССР, издание либретто, пояснений)...

6. Систему концертов по заявкам слушателей коренным образом реорганизовать. Обычное обращение о заявках прекратить и перейти к организации концертов по заявкам определенных, точно установленных категорий слушателей — концерты по заявкам ударников лучших заводов Союза, лучше всего выполняющих свою годовую и полугодовую программы, концерты по заявкам лучшего колхоза, успешнее всего выполнившего уборочную и хлебосдаточную кампании, концерты по заявкам работников определенных совхозов и МТС, концерты по заявкам ИТР какого-нибудь лучшего завода и т.п.

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 5. Л. 43–44. Подлинник.

Из Постановления № 270 ВРК при СНК СССР о художественном вещании ВУРКа, Одесского и Харьковского областных радиокомитетов

1934 г.

Заслушав доклад бригады (тт. Белецкого и Гуменника), Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

Констатировать:

а) разоблаченный украинскими большевиками двурушник и националист Карпенко совместно с ближайшими помощниками проводил в ВУРКе националистическую линию. Карпенко после разоблачения его националистической политики в Наркомпросе, придя на радио, декларировал преданность генеральной линии партии и готовность бороться за проведение ее, но на деле он не разоружился и как двурушник, прикрываясь партбилетом, продолжал свою националистическую деятельность. Чтобы облегчить проведение своей националистической деятельности, Карпенко передавал командные посты своим верным сподвижникам-националистам (начальник республиканского

вещания Руденко и др.), а менее ответственные посты — своим подхалимам. Вся эта националистическая группа декларировала на словах готовность борьбы за большевистское радиовещание, а на деле всячески стремилась проводить в открытой и скрытой форме свою линию;

б) карпековщина* как форма проявления националистической деятельности в радиовещании выражалась:

1. В повседневном стремлении отвести радио от участия в борьбе с национализмом, в игнорировании и извращении директив партии о развернутом наступлении на национализм, смыкающийся с империалистическими интервентами. Эти стремления отводить радио от участия в борьбе с национализмом особенно осуществлялись тотчас же после ноябрьского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК КП(б)У и XVII съезда ВКП(б);

2. В буржуазно-националистической, по существу контрреволюционной, контрабанде. В ряде передач по радио утверждалось, что до основания Еврейской автономной области (Биробиджан) якобы не было еврейской советской культуры, что Октябрьская революция открыла возможность строительства буржуазной, а не социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, что Эми-Сяо — писатель якобы империалистического Востока; в нашей стране паразитизм якобы массовое явление. Украинская советская культура противопоставлялась культуре братских республик и систематически игнорировалась молдавская советская культура;

3. В засорении состава радиоработников фашистскими, белогвардейскими, националистическими элементами: директор музвещания Сокил (уволен осенью 1933 г.), националист Дыминский (уволен дважды в 1933 и 1934 гг.), Воскрекасенко — сын кулака-спекулянта (уволен в 1934 г.), зав. сектором общественно-политического вещания Холодный (уволен в 1934 г.) и др. Привлекались к работе враждебные элементы: террорист Влызько, украинский фашист Вороной и др.

4. Карпековщина появлялась не только в республиканском, но и в местном вещании:

а) в Молдавском радиокомитете игнорировалась молдавская советская культура и проявлялись тенденции «импортировать» западную капиталистическую культуру;

б) в Харьковском областном вещании имелись грубейшие политические, буржуазно-националистические извращения и социал-фашистская контрабанда;

в) беспринципность в репертуарной политике Одесского радиокомитета порождала великодержавную практику (игнорирование украинской литературы и музыки) и наряду с этим систематические перегибы в сторону пустого развлекательства, наличие большого количества низкопробных произведений и халтурных программ;

г) большими недочетами радиовещания УССР являются недостаточная работа по интернациональному воспитанию масс; крайне не-

* Так в документе.

значительный удельный вес украинской советской музыки: во многих комитетах незначительное количество передач лучших художественных произведений советских писателей и композиторов РСФСР и других братских республик; очень слабо представлены в художественном вещании произведения искусств, отображающие успехи социалистического строительства УССР;

д) кроме того, радиовещанию ВУРКа и местных комитетов свойственны бесплановость, самотек, «сектантская» замкнутость, почти полное отсутствие массовой работы с радиослушателями, плохое качество музыкальных программ и пояснений к ним, отсутствие обмена творческим опытом. Все эти обстоятельства облегчали карпековщине возможность ослаблять пульс творческой деятельности радио в УССР...

5. В Киеве и Одессе радиотеатры не находятся в орбите влияния художественного вещания, не дополняют его, а, наоборот, противопоставляют себя ему, внося еще больший самотек и бесплановость в работу...

6. Карпенко и его сподвижники всячески игнорировали директивы Всесоюзного радиокомитета (постановление ВРК от 8 января 1934 г. № 5 о необходимости борьбы с национализмом, об усилении классовой бдительности к микрофонным материалам, об очистке аппарата от чуждых людей), игнорировались неоднократные требования Всесоюзного радиокомитета о присылке лучших произведений украинского советского искусства для напечатания и рассылки комитетам братских республик, игнорировались утвержденные Всесоюзным радиокомитетом постановления (всесоюзной творческой конференции, всесоюзного совещания фабрично-заводских радиоузлов и т.д.)

Всесоюзный радиокомитет предлагает ВУРКу и всем радиокомитетам и узлам УССР неуклонно руководствоваться в своей работе решениями всесоюзной творческой конференции, конференции фабрично-заводских радиоузлов и совещания по политической информации...

16. Предложить Белорусскому, Закавказскому, Узбекскому, Туркменскому и Таджикскому республиканским радиокомитетам проработать данное постановление Всесоюзного радиокомитета.

17. Всесоюзный радиокомитет еще раз указывает всем радиокомитетам и радиоузлам на необходимость усиления классовой бдительности к микрофонным материалам и борьбы за проведение ленинско-сталинской национальной политики, твердо памятуя указание тов. Сталина: «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области, они более живучи, так как имеют возможность хорошо замаскироваться в национальном костюме».

О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений. М., 1935. С. 34–36.

Из постановления ВРК при СНК СССР об изменениях в программах радиовещания республиканских, краевых и областных радиокомитетов

31 января 1935 г.

1. Обязать радиокомитеты максимально сократить текстовые передачи по молодежному и детскому вещанию.

2. В связи с тем, что в практике радиокомитетов имеются многочисленные факты вульгаризации и политических срывов в радиопередачах по литературному и драматическому вещанию, категорически воспрещается передача каких-либо радиокомпозиций, монтажей, литературных обзоров, разработанных на местах и посвященных очередным актуально-политическим кампаниям.

Обслуживание художественными и литературными передачами актуально-политических кампаний проводится в точном соответствии с методическими письмами и рекомендательными списками Всесоюзного радиокомитета...

О радиофикации и радиовещании. Сб. постановлений.М., 1935. С. 37.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б)

9 июля 1935 г.

Протокол № 32. П. 21. — О Всесоюзном радиокомитете (т.т. Ангаров, Таль, Шохин, Бубнов).

1. Отметить совершенно неудовлетворительное выполнение Всесоюзным радиокомитетом постановлений ЦК ВКП(б) о радиовещании от 21.III.34 г. и 31.XII.34 г.; формально проведенная перестройка аппарата центрального вещания не обеспечивает укрепления единоначалия, плановости вещания и повседневного контроля за политической выдержанностью и качеством передаваемых материалов.

2. Для улучшения работы предложить ВРК осуществить следующие мероприятия:

а) создать при председателе ВРК программно-репертуарную комиссию для рассмотрения годовых, квартальных и ежемесячных планов вещания;

б) ввиду крайней громоздкости сектора искусств, разделить его на два сектора — музыкальный и литературно-драматический;

в) ввести в секторах самообразования, музыкальном и литературно-драматическом должности главных редакторов, систематически работающих над составлением репертуарных программ радиопередач.

3. Предложить ВРК составлять программы вещания преимущественно из разнообразных коротких музыкальных и литературно-драматических передач, усилив, в частности, передачу лучших образцов юмора и сатиры; кроме очередных выпусков «последних известий», ввести в передачу короткие (2–3 мин.) «новости дня» — по несколько раз в день...

5. Поручить т. Талю в декадный срок направить на работу по центральному радиовещанию 4 ответственных редакционных работников (не ниже зав. отделами областных газет).

6. Принять к сведению сообщение т. Керженцева о сокращении штатов ВРК на 25–30%.

7. Поручить отделу печати и издательств ЦК обеспечить систематическое рецензирование в печати радиопередач.

8. Поручить ЦК КП(б)У, Западному обкому, Лен. обкому, Зап.-Сиб. крайкому заслушать в III квартале доклады местных радиокомитетов

об их работе с тем, чтобы в октябре 1935 г. заслушать доклад ВРК о местном радиовещании с содокладом отдела культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б).

9. Запретить парторганизациям снимать и перемещать без санкции ЦК ВКП(б) председателей республиканских, областных и краевых радиокомитетов.

10. Ввиду ликвидации Комитета содействия радиофикации приЦК ВЛКСМ, руководство радиолюбительским движением возложить на ВРК, а журнал «Радиофронт» превратить в орган ВРК и ЦС Осоавиахима.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 588. Л. 9–10. Подлинник.

Из постановления №...ВРК при СНК СССР «О подготовке к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции»

28 июля 1935 г.

Всесоюзный Комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

1. Принять предложение Управления центрального вещания о заказе композитору Прокофьеву[31] кантаты к 20-летию Октябрьской революции для симфонического оркестра и хора...

Зам. председателя ВРК при СНК СССР Марченко

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 32. Л. 137. Подлинник.

Из постановления № 177 ВРК при СНК СССР «О подготовке и проведении 100-летнего юбилея со дня смерти А.С. Пушкина»

22 декабря 1935 г.

10 февраля 1937 г. исполняется сто лет со дня смерти «великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы — Александра Сергеевича Пушкина, обогатившего человечество бессмертными произведениями художественного слова» (из постановления ЦИК СССР от 16 декабря 1935 г. «Об учреждении пушкинского комитета»)...

Исходя из этого, Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

1. Пропаганду пушкинского наследства проводить на всех языках народов СССР, используя имеющиеся лучшие переводы. Обязать национальный сектор Радиоиздата обеспечить создание новых высококачественных переводов произведений Пушкина.

2. Ввести в центральном вещании с 1/I–36 г. и в местном вещании с 1/II–36 г. специальные циклы пушкинских передач, регулярно давать их, ориентируясь на различные аудитории радиослушателей, и установить определенные часы для этих передач (не меньше часа в шестидневку в первые месяцы 1936 г.)...

4. Радиокомитетам тех городов и областей, которые связаны с биографией Пушкина (Ленинград, Москва, Одесса, Крым, Горьковский край и др.), отметить особыми передачами соответствующие периоды творчества и жизни поэта...

7. Организовать трансляцию пушкинских вечеров и концертов, а также опер, написанных на пушкинские сюжеты, давать выступления «Театра у микрофона», местной самодеятельности и отдельных исполнителей с произведениями Пушкина и на тексты Пушкина...

10. Одобрить решения Управления центрального вещания и Ленинградского радиокомитета о проведении пушкинской олимпиады чтецов. Рекомендовать местным радиокомитетам организовать у себя такие же олимпиады, а журналу «Говорит СССР» широко освещать их творческий опыт.

11. Обязать редакции литературных, детских и музыкальных микрофонных материалов Управления местного вещания ВРК тщательно подготовить и издать не позднее 1 марта 1936 г. специальные пушкинские сборники микрофонных материалов для местного вещания.

12. Предложить фабрике звукозаписи ВРК осуществить высококачественные записи на пленку и пластинку лучших исполнителей произведений великого поэта на русском, украинском, грузинском, казахском и др. языках, а также лучших исполнителей музыкальных произведений на тексты Пушкина...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 33. Л. 158–161. Подлинник.

Приказ НКП РСФСР № 7

27 декабря 1935 г.

В целях упорядочения и укрепления работы цензуры над центральным радиовещанием и обеспечения оперативного руководства радиоцензурой на местах, приказываю:

1. Реорганизовать цензорскую группу радиовещания в сектор Главлита, осуществляющий исключительно последующую цензуру и оперативно-организационное руководство цензурой центрального, местного и низового радиовещания.

2. При Управлении центрального радиовещания организовать самостоятельную цензорскую группу с уполномоченным Главлита для осуществления предварительного контроля над центральным вещанием.

3. Поручить нач. Главлита тов. Ингулову войти в НКФ РСФСР с ходатайством об утверждении на 1936 г. штата для вновь созданного сектора радиовещания в количестве 5 чел.

Зам. народного комиссара по просвещению Б. Волин

ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 60. Д. 79. Л. 84. Подлинник.

Из постановления № 11 ВРК при СНК СССР «О периодических изданиях»

16 января 1936 г.

В целях наилучшего обслуживания периодической литературой радиослушателей и работников системы радио Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

Считать необходимым реорганизацию периодических изданий с 1 апреля 1936 г. и осуществить в следующем виде:

1. Журналы «Говорит СССР» и «Радиопрограммы» объединить и издавать шестидневный массовый радиослушательский журнал под названием «Радиопрограммы» в объеме 12 листов в месяц, тиражом 60 тыс. экз.

Ответственным редактором «Радиопрограммы» назначить т. Марченко Д.А...

2. Журнал «Методический бюллетень» переименовать и назвать его «Работник радио», оставив прежний объем и периодичность, т.е. 4 п.л., 1 раз в месяц, с тиражом 5000 экз.

Ответственным редактором «Работник радио» назначить т. Кокорина М.А.

«Работник радио» рассчитан в помощь работникам радиокомитетов и радиоузлов, в целях повышения их квалификации...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп 1. Д. 34. Л. 54. Подлинник.

Из постановления № 12 ВРК при СНК СССР «Об организации Первого Всесоюзного радиофестиваля»

25 января 1936 г.

Одобряя инициативу стахановцев радиослушателей и радиолюбителей и в целях показа лучших художественных передач советского радиопоказа творческих коллективов радиовещания, в частности, художественных радиоансамблей союзных и автономных республик и автономных национальных областей, а также для закрепления достижений радиостанций, одержанных ими в итоге Всесоюзного конкурса радиостанций, студий и аппаратных, Всесоюзный радиокомитет при СНК СССР постановляет:

1. Организовать в марте 1936 г. Первый Всесоюзный фестиваль радиовещания.

2. К участию в фестивале привлечь все творческие коллективы центрального вещания и местных радиокомитетов...

4. Отпустить на проведение фестиваля 100 000 рублей и выделить 25 приемников, 26 патефонов и 5 тыс. советских грампластинок для премирования лучших радиокомитетов, исполнительских сил радиовещания и активистов радиослушателей.

5. Поручить Комиссии при составлении программы радиофестиваля учесть конкретные заявки стахановцев радиослушателей.

Всесоюзный радиокомитет при СНК СССР обращается ко всем радиослушателям, радиолюбителям и работникам радио активно помочь своими предложениями и заявками Первому советскому радиофестивалю[32].

Зам. председателя ВРК при СНК СССР Марченко

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 34. Л. 69–71. Подлинник.

Из постановления № 132 ВРК при СНК СССР «О радиоустановках коллективного пользования»

11 июля 1936 г.

Постановлением № 1040 от 16 июня 1926 г. Совнарком СССР возложил на Всесоюзный радиокомитет организацию в 1936 году 2000 радиоточек коллективного пользования в сельских клубах и избах-читальнях.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР постановляет:

I. 1) Обязать председателей радиокомитетов под их личную ответственность осуществить реализацию указанного выше постановления СНК СССР ко времени созыва VIII съезда Советов.

2) Обеспечить бесперебойную работу установленных радиоточек коллективного пользования.

3) Установку радиоточек коллективного пользования производить за счет организаций и учреждений, где будет устанавливаться радиоаппаратура...

II. Утвердить районное распределение 2000 радиоустановок коллективного пользования...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

Печатается по тексту: Работник радио. 1936. № 9. С. 57–58.

Из постановления № 142 ВРК при СНК СССР «О мероприятиях по усилеиию пропаганды по радио творчества народов СССР»

1 августа 1936 г.

В связи со статьей «Правды» «На задворках радиовещания» от 31 июля 1936 г., своевременно и справедливо отмечающей явно недостаточный показ у микрофона творчества народов СССР, Всесоюзный радиокомитет при СНК СССР постановляет:

1. Предложить Управлению центрального радиовещания ВРК ввести в союзную сетку специальные концерты, посвященные творчеству народов СССР, организуя их как путем систематического использования на радио крупнейших мастеров искусства союзных и автономных республик и национальных областей, так и с помощью тонфильмов и лучших образцов советской граммофонной записи.

2. Установить, что такие концерты должны идти не реже одного раза в пятидневку во время, наиболее удобное для массового радиослушателя...

Председатель ВРК при СНК СССР Керженцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 38. Л. 65–65а. Подлинник.

Из выступления представителя Агитпропа ЦК ВКП(б) на Всесоюзном совещании политпросветработников и заведующих секторов домов культуры

27 сентября 1937 г.

Мы никогда с вами таких выборов не проводили, никогда еще такая огромная масса населения не приобщалась к активной политической, государственной жизни, как сейчас. И мы впервые только на основе самого развернутого социалистического демократизма будем проводить выборы...

Я вам назову одну цифру — у нас будет 100 000 избирательных участков, не меньше, по всему Союзу, причем если, согласно Положения, примерно от 8 до 10 человек должны будут в каждом участке быть членами избирательной комиссии, то в одних участковых комиссиях потребуется 1 000 000 человек. Избирательных комиссий по округам будет 574 по выборам в Совет национальностей, и примерно такая же цифра по выборам в Совет Союза. Это только те люди, актив, который должен быть вовлечен в самую работу непосредственно по организации выборов. Но ведь это мало — надо будет приспособить огромное количество людей в помощь избирательным комиссиям в проведении выборов, особенно в деревне.

Если вы, товарищи, эту цифру 1 000 000 умножите на 4 или даже на 5, то вы не ошибетесь. Это будет примерно тот гигантский актив, который мы должны будем вовлечь в подготовку и проведение выборов в Верховный Совет, уже не говоря о том, что основная задача состоит в том, чтобы привлечь все взрослое население страны к участию в выборах.

Наша задача — обеспечить, чтобы каждый избиратель знал, куда он будет голосовать, как и за кого он будет голосовать, и чтобы каждый избиратель принял участие в выборах. Это наша основная задача, и эту основную задачу мы будем разрешать...

Надо, чтобы в избе-читальне работало радио. Если бы заведующие облсекторами проявили максимум энергии в этом деле, они бы добились результатов. Радио молчит у нас. Мы недооцениваем это важнейшее средство политической агитации. Неграмотное и малограмотное население или недостаточно культурное по своему уровню, не привыкшее читать газеты, оно слухом больше улавливает. Надо организовать коллективное радиослушание. Я не видела такого избача, который бы об этом заботился. Надо добыть патефон с пластинками — докладом товарища Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов, с выступлением товарища Молотова, с речами В.И. Ленина, с нашими революционными песнями. Это тоже сильнейшее средство агитации.

Все это можно организовать, было бы только большевистское желание и напористость...

Основной смысл всей политической кампании в подготовке к выборам в Верховный Совет, которую мы ведем, сводится к тому, чтобы нам разъяснить каждому избирателю сущность Сталинской Конституции и нашего советского избирательного права, сущность политики Коммунистической партии и Советской власти, поднять особенно бдительность избирателей так, чтобы при выборах в Верховный Совет провести людей, которые будут верны делу партии Ленина–Сталина и никого из врагов не допустят в наши органы власти. И в этой работе, особенно в деревне, наши политпросветучреждения, в особенности избы-читальни и колхозные клубы, радиофицированные, должны и обязаны сыграть большую роль».

ГА РФ. Ф. А02306. Оп. 39. Д. 41. Л. 11–27. Подлинник.

Письмо О. Колесниковой[33] В.В. Вишневскому[34] о подготовке плана литературно-драматического вещания

31 января 1937 г.

Дорогой тов. Вишневский! Тебе моя просьба сначала покажется, вероятно, странной, а вместе с тем, если вникнуть в то, какое огромное политическое значение имеет радио, то естественным станет желание проверить план литературно-драматического сектора через некоторых писателей. Почему вдруг я обращаюсь с этой просьбой, также станет понятным, если я скажу, что месяца два уже как я работаю в качестве заместителя главного редактора Радиокомитета.

План, составленный литературно-драматическим сектором центрального вещания, вызывает у меня ряд сомнений и возражений. Чтобы не отвлекать писателей на совещание и не отнимать у них время, я решила послать план домой.

Прошу раскритиковать его, как он того заслуживает, и дать свои предложения. Очень тебя прошу выискать полчаса и сделать это, т.к. мы должны будем утверждать план 4/1–36 г., необходимо получить заключение 3-го. Я пошлю к тебе курьера 3-го в надежде, что получу хотя бы самые краткие замечания.

Шлю тебе привет и самое горячее поздравление с заслуженной наградой. Несколько раз порывалась поздравить по телефону, но решила, что тебя, вероятно, с этим замучили.

P.S. И еще просьба дать свои предложения о том, как разработать тему «Наша Родина», она должна быть ведущей, а в плане она отражена и бледно и куце.

РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 3567. Л. 19.

Из приказа № 220 по ВРК при СНК СССР «Об образовании редакции “Передач для домашних хозяек”»

16 июня 1937 г.

1. Образовать в системе центрального вещания самостоятельную редакцию «Передач для домашних хозяек», подчинив ее непосредс-

твенно моему заместителю и начальнику отдела художественных передач тов. Кокорину.

2. Установить, что передачи для домашних хозяек должны передаваться через день по нечетным числам (15 раз в месяц) длительностью 55 минут...

Председатель ВРК при СНК СССР Мальцев[35]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 73. Л. 86. Заверенная копия.

Приказ № 511 по ВРК при СНК СССР «О запрещении радиоперекличек»

29 октября 1937 г.

Приказываю прекратить всякого рода радиопереклички, организуемые различными советскими и хозяйственными организациями из студий Центрального вещания. Выполнение этого приказа возлагаю на начальника сектора выпуска тов. Осина.

О всех попытках нарушить настоящий приказ немедленно докладывать мне, привлекая виновных к судебной ответственности.

Председатель ВРК при СНК СССР Мальцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 75. Л. 270. Подлинник.

Из приказа № 319 по ВРК при СНК СССР «Об организации новых трансляционных пунктов»

25 августа 1938 г.

§ 1. Утвердить организацию новых трансляционных пунктов в следующих театрах:

1. МХАТ имени Горького
2. Филиал МХАТ
3. Театр им. Вахтангова
4. Театр им. Станиславского
5. Концертный зал (бывший театр Мейерхольда)
6. Театр «Аквариум»
7. Центральный клуб мастеров искусств
8. Клуб газеты «Правда»...

Председатель ВРК при СНК СССР К.А. Мальцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 81. Л. 27–27 об. Подлинник.

Приказ № 694 Уполномоченного СНК по охране военных тайн в печати и Начальника Главлита

16 сентября 1938 г.

гор. Москва

Устанавливаются следующие сроки представления микрофонных материалов уполномоченным Главлита:

1. Материалы «Последних известий» представляются редакцией уполномоченному Главлита за 60 минут и возвращаются в редакцию за 30 минут до выпуска.

2. Красноармейские выпуски «Последних известий» сдаются уполномоченному за 1,5 часа и возвращаются в редакцию за 30 минут до эфира.

3. «Обзоры газет» представляются уполномоченному Главлита за 30 минут и возвращаются в редакцию за 15 минут до эфира.

4. Следующий микрофонный материал представляется уполномоченному Главлита не позднее чем за 4 часа до выпуска в эфир и возвращается в редакцию не позднее чем за 1 час до эфира:

а) «Международные обзоры»;

б) Материал с газетными статьями текущего дня.

в) Замена одного материала другим по постановлениям редакционных летучек В.Р.К. (уполномоченный Главлита должен быть извещен немедленно после окончания летучки).

5. Срочный оперативный материал сектора передач на иностранных языках представляется уполномоченному Главлита за 60 минут, возвращается в редакцию за 20 минут до выпуска в эфир.

6. Тексты выступлений у микрофона представителей соответствующих организаций и учреждений представляются уполномоченному Главлита не позднее чем за 8 часов и возвращаются в редакцию не позднее чем за 2 часа до пуска в эфир.

7. Прослушивание выступлений, записанных на пленке, осуществляется уполномоченным Главлита не позднее чем за 3 часа до эфира.

8. Весь остальной микрофонный материал, в том числе и репетиционное прослушивание литературно-музыкальных монтажей, композиций представляется уполномоченному Главлита за 36 часов до эфира, а материал, идущий по радио в первые дни недели, — 48 часов.

Уполномоченный Главлита держит у себя этот материал: в первом случае не более 18 часов, во втором — не более 24 часов.

9. Микрофонный материал представляется уполномоченному в двух экземплярах.

10. Текстовой микрофонный материал, представляемый на контроль, должен быть окончательно отредактирован редакцией, отпечатан на машинке, пронумерован и снабжен визой ответ. редактора на каждой странице.

11. Печатные произведения (книги, ноты и т.д.) или отрывки из них, предназначенные для передачи по радио, просматриваются в печатном издании, но не визируются, так как разрешительная виза ставится на папке, где эти печатные издания перечисляются.

12. Все изменения, которые необходимо внести в радиопередачу, после того, как она завизирована уполномоченным, редакция обязана с последним согласовать и получить на это дополнительную визу.

Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн
в печати и Начальник Главлита Н. Садчиков

ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 2. Д. 3. Л. 154–155. Подлинник.

Приказ № 45 по ВРК при СНК СССР «О порядке сдачи микрофонных материалов»

14 февраля 1939 г.

1. С 15 февраля с.г. установить следующий порядок сдачи микрофонного материала:

Весь микрофонный материал секторами и редакциями сдается в сектор выпуска дежурному секретарю.

Установить следующие сроки сдачи микрофонных материалов в сектор выпуска:

По сектору агитации и пропаганды

Беседы, консультации, доклады и другой микрофонный материал — за 36 часов.

Передачи по международной редакции — за 4 часа.

Передачи, связанные с выступлениями у микрофона, сдаются за 8 часов.

По редакциям «Последних» и «Московских известий»

Все выпуски «Последних известий» и «Московских известий» сдаются за 1 час.

Красноармейский выпуск «Последних известий» — за 1 ч. 30 мин.

Арктический выпуск «Последних известий» — за 1 ч. 30 мин.

Внестудийные передачи — за 3 часа.

Обзоры газет текущего дня — за 4 часа.

По музыкальному сектору и редакции народного творчества

Оперы, трансляции концертов, концерты-загадки, студийные концерты (механической записи, живые, смешанные) сдаются за 48 часов.

Трансляции городов, концерты по заявкам, концерты самодеятельности, смешанные концерты с передачами других секторов и редакций сдаются за 48 часов.

По литературно-драматическому сектору

Весь материал сдается за 48 часов.

По сектору детского вещания

Весь материал, за исключением «Пионерской зорьки» и «Пионерских новостей», сдается за 48 часов. «Пионерская зорька» и «Пионерские новости» сдаются в сроки, установленные для редакций «Последних известий» и «Московских известий».

По редакции направленных передач

Передачи для домашних хозяек, для родителей, уроки гигиены, гимнастики и направленные передачи сдаются за 48 часов.

Передачи, связанные с выступлениями у микрофона, сдаются за 8 часов.

2. Все остальные материалы: радиочас, инструктаж информации и другие сдаются в сектор выпуска за 24 часа до пуска в эфир.

3. Все внеплановые передачи, возникающие по решению лётучки Радиокомитета, за исключением выпусков «Последних» и «Московских известий», сдаются за 3 часа до пуска в эфир.

4. Беседы, доклады, концерты, литературно-драматические передачи, музыкально-литературные передачи, направленные и другие, за

исключением выпусков «Последних» и «Московских известий», международных обзоров и внестудийных передач, идущие в первый день шестидневки, сдаются в сектор выпуска за 48 часов.

5. Выступления, записанные на пленку, редакции и сектора с представлением точной стенограммы и соответствующими визами сдают в сектор выпуска, завизированные уполномоченным Главлита, за 1 час до эфира. Уполномоченному Главлита указанные передачи сдаются не позднее чем за 3 часа.

6. Микрофонный материал, сдаваемый в сектор выпуска, должен быть окончательно отредактирован редакцией, сектором, отпечатан на машинке, пронумерован и завизирован ответственным редактором на каждой странице и папке.

7. Внесенные в передачу поправки от руки должны быть обязательно оговорены редактором, отвечающим за передачу.

8. Весь микрофонный материал, за исключением 1-го утреннего выпуска «Последних известий», доставляется к микрофону сектором выпуска.

9. В случае несоблюдения сроков сдачи микрофонного материала секторами и редакциями обязать сектор выпуска материал не принимать, а ответственному дежурному обеспечить снятую передачу резервом.

Заместитель председателя ВРК при СНК СССР В. Гончаров

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 86. Л. 104–104 об. Подлинник.

Из приказа № 186 по ВРК при СНК СССР «О создании оборонной редакции»

23 апреля 1939 г.

1. В целях усиления оборонной тематики в Центральном вещании создать самостоятельную оборонную редакцию.

2. Установить штат оборонной редакции в количестве 5 человек: ответственного редактора, дежурного редактора и 3 литературных сотрудников...

Зам. председателя ВРК при СНК СССР Бердов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с, Д. 87. Л. 215.

Письмо Начальника Главлита Н.Г. Садчикова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову

31 мая 1939 г.

На основании постановления Совнаркома РСФСР от 6/VI-1931 года (СУ 1931 № 31 ст. 273) нами осуществляется цензорский контроль за радиовещанием.

Из облитов поступает немало сигналов, свидетельствующих о том, что ряд руководящих работников, игнорируя цензуру, разглашают государственные тайны.

23.V в Смоленске председатель горсовета Сергеев на митинге без согласования с цензором объявил: «Слово предоставляется начальнику гарнизона, комиссару корпуса т. Курочкину», разгласив этим дислокацию крупного соединения.

Из Махачкалы нач. главлита Дагестанской АССР сообщил, что проводимые горкомом партии трансляции по радио, несмотря на требования цензуры, не цензурировались, в результате чего разглашалась дислокация воинских частей.

Выступивший по радио Председатель СНК Дагестанской АССР Магомедов огласил оборонный завод № 182.

Из Рязани уполномоченный облглита сообщил, что секретарь обкома т. Тарасов, выступая по радио 28/IV, отказался представить текст для цензорского просмотра.

Прошу ЦК ВКП(б) в интересах обеспечения охраны государственных и военных тайн дать указания всем обкомам и Радиокомитету при СНК СССР обязательности цензорской проверки всех материалов, транслирующихся по радио, в том числе и выступлений руководящих работников.

Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн
в печати и Начальник Главлита Н. Садчиков

ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 87. Подлинник.

Из приказа № 281 по ВРК при СНК СССР «О работе сектора литературно-драматического вещания»

8 июня 1939 г.

...Приказываю:

1. Обеспечить всестороннее обсуждение на редакционных производственных совещаниях сектора совместно с творческим активом принципиальных вопросов литературно-драматического вещания (планы вещания, жанры и формы передач и т.п.).

2. Привлечь крупные авторские силы для работы над специальными произведениями для радио. Создать постоянное творческое ядро при литдрамсекторе.

3. До конца текущего года создать не менее 3–4 крупных постановок на советскую тематику.

4. До 1 июля с.г. пересмотреть авторский состав литературного раздела сектора и представить список авторов мне на утверждение.

Установить в работе теснейшую связь с Союзом советских писателей, с писателями и поэтами национальных республик и крупных центров страны.

5. Увеличить количество юмористических и комедийных передач, для чего ввести в штат литдрамсектора специального редактора по разделу малых форм (водевили, скетчи, фельетоны, монологи и т.п.)...

7. Привлечь к участию в передачах крупных чтецов, артистов (Яхонтов[36], Орлов[37], Шварц[38], Журавлев[39] и др.) с лучшими образцами

их репертуара, а также для чтения новых произведений по плану литературного вещания...

10. Передачи «Театр у микрофона» проводить 7 раз в месяц в живом исполнении и 3 раза в месяц — средствами механической записи. Довести длительность передач «Театр у микрофона» до 1 часа 30 минут.

Зам. председателя ВРК при СНК. СССР В. Гончаров

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 88. Л. 152–154. Подлинник.

Из приказа № 355 по ВРК при СНК СССР «Об организации редакции радиовещания Всесоюзной сельскохозяйственной выставки»

23 июля 1939 г.

В связи с открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки организовать редакцию радиовещания ВСХВ. Задачи редакции: проведение вещания на самой выставке (выпуски «Известий», знатные люди у микрофона, очерки, концерты, реклама), организация передач для эфира: показ художественных коллективов, приезжающих для эфира, показ художественных коллективов, приезжающих на выставку, специальных выпусков «Последних» и «Московских известий», актуальные и направленные передачи и другие (согласно особого плана).

Зам. ответственного редактора «Последних известий» тов. Майзлина П.О.[40] назначить уполномоченным ВРК (ответственным редактором) вещания на ВСХВ. Срок — полтора-два месяца...

Зам. председателя ВРК при СНК СССР Гончаров

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 89. Л. 165–166. Подлинник.

Распоряжение № 3 по ВРК при СНК СССР «О проведении специальных спортивно-физкультурных передач»

23 ноября 1939 г.

§ 1. С 1 декабря 1939 г. возложить на редакцию физкультурного вещания организацию и проведение специальных спортивно-физкультурных передач (трансляция матчей, соревнования, выступления у микрофона мастеров спорта, специальный спортивный выпуск «Шахматы и шашки»), освободив от этой работы редакцию «Последних известий».

§ 2. Перевести тов. Синявского В.С.[41] в редакцию физкультвещания на работу в качестве редактора специальных спортивных передач с прежним окладом.

Председатель ВРК при СНК СССР Г. Стуков[42]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 96. Л. 4. Подлинник.

Из приказа № 62 по ВРК при СНК СССР «О реставрации звукозаписей»

21 февраля 1940 г.

Коллективом работников фабрики звукозаписи Всесоюзного радиокомитета восстановлены и приведены в порядок старые записи выступлений великого писателя А.М. Горького, несколько лет тому назад признанные браком и сданные в архив. Несмотря на действительно плохое состояние пленки этих записей, удалось восстановить свыше часа звучания выступлений А.М. Горького.

Проделанная работа позволит миллионным массам страны услышать голос своего любимого писателя, друга Ленина — Сталина.

Объявляю благодарность:

1. Председателю Художественного совета тов. Кореву С.И., руководившему всей работой по восстановлению записи А.М. Горького.
2. Тонмейстеру фабрики звукозаписи тов. Гроссману, восстанавливавшему запись.
3. Звукоассистенту тов. Синицыной, монтировавшей запись.

Председатель ВРК при СНК СССР Г. Стуков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 100. Л. 132. Подлинник.

Приказ № 172 по ВРК при СНК СССР «О цикле радиопередач по роману М.А. Шолохова "Тихий Дон"»

14 мая 1940 г.

В апреле месяце отделом литературно-драматического вещания организован и проведен цикл передач по восьмой части романа М. Шолохова «Тихий Дон» в исполнении засл. арт. РСФСР Д.Н. Орлова.

Передачи встретили широкий отклик среди радиослушателей.

Отмечая оперативность, проявленную литературно-драматическим отделом в организации передач «Тихого Дона», и высокое художественное мастерство засл. арт. Д.Н. Орлова, объявить Д.Н. Орлову благодарность.

Зам. председателя ВРК при СНК СССР В. Гончаров

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 101. Л. 141. Подлинник.

Приказ № 305 по ВРК при СНК СССР «О создании военного отдела»

31 июля 1940 г.

§ 1. Реорганизовать с 1 августа с.г. оборонную редакцию в военный отдел ВРК в составе следующих редакций:

1. Красноармейских и Краснофлотских известий.
2. Оборонной пропаганды.
3. Физкультурной.

§ 2. Начальником военного отдела ВРК и главным редактором назначить тов. Пахомова Г.Ф.

Председатель ВРК при СНК СССР Стуков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 102. Л. 126. Подлинник.

Приказ № 498 по ВРК при СНК СССР «О 10-летней работе на радио Р.М. Иоффе»[43]

1 ноября 1940 г.

Всесоюзный радиокомитет отмечает десятилетний юбилей режиссера отдела детского вещания Р.М. Иоффе на радио.

Являясь одним из первых организаторов художественного вещания для детей, тов. Иоффе создала целый ряд любимых юными радиослушателями передач.

Весь свой опыт, все свои знания тов. Иоффе отдает делу коммунистического воспитания детей.

Всесоюзный радиокомитет поздравляет тов. Р.М. Иоффе с десятилетием работы в ВРК и желает дальнейших успехов.

Отмечая десятилетний юбилей тов. Иоффе, приказываю:

§ 1. За многолетнюю работу на радио объявить режиссеру отдела детского вещания тов. Иоффе Р.М. — благодарность.

§ 2. Наградить тов. Иоффе Р.М. ценным подарком.

Председатель ВРК при СНК СССР Стуков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 104. Л. 42. Подлинник.

Из отчета редакции «Последних известий»

4 февраля 1941 г.

Объем радиовещания за истекший год значительно вырос: в течение суток мы даем 12 оригинальных выпусков «Последних известий» и 9 выпусков — обзоров газет. В целях повышения оперативности «Известий» введены дополнительные выпуски-пятиминутки. Таким образом, через каждые полтора-два часа мы сообщаем о всех новостях из жизни нашей родины и зарубежных стран.

Сеть корреспондентов «Последних известий» за год выросла в 2 раза (с 35 до 70 человек). Это дало возможность увеличить «географический размах» нашей информации прежде всего за счет отдаленных районов СССР (Хабаровск, Якутск, Владивосток, Челябинск, Чита и т.д.)...

Наши корреспонденты, побывавшие на Финском фронте, в Бессарабии, Северной Буковине и в Прибалтике, обеспечивали нас оперативной информацией, проводили записи на пленку исторических событий, эпизодов, встреч. Таковы радиофильмы — «Торжество литовского народа», «В эстонской деревне», «Возвращение бессарабцев на родину», записи выступлений героев боев с белофиннами и т.п. В дни избирательной кампании мы давали в эфир специальные выпуски,

проводили внестудийные передачи с избирательных участков (Рига, Петрозаводск), устраивали выступления кандидатов в депутаты у микрофона.

В связи с Указами Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля мы давали широкую информацию о борьбе за железную трудовую дисциплину, за честь фабричной марки, беседы с крупными партийными и хозяйственными работниками о ходе реализации этих важнейших указов.

Идя навстречу пожеланиям радиослушателей, редакция осуществила ряд нововведений: наряду с короткими выпусками-пятиминутками стали еженедельно даваться обзоры по СССР, военные обзоры полковника Багрова, обзоры военных действий в Китае, справки эконом-географического и научно-популярного характера. (Для этой цели к работе в редакции привлечен ряд опытных специалистов-консультантов.)

Ответственный редактор «Последних известий» Потапов[44]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 48. Л. 22–24. Подлинник.

Приказ № 275 по ВРК при СНК СССР «О реорганизации отделов Радиокомитета»

25 июня 1941 г.

§ 1. С 25 июня с.г. реорганизовать отдел пропаганды и общественно-политических передач в отдел политической агитации.

И.о. начальника отдела политической агитации назначить тов. Полосихина[45], его заместителями товарищей Козицкого и Усачева.

§ 2. Объединить музыкальный и литературный отделы.

И.о. начальника отдела литературно-музыкального вещания назначить тов. Тищенко[46], его заместителями т.т. Шиманович и Ржанова[47].

Председатель ВРК при СНК СССР Стуков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 143. Л. 96. Заверенная копия.

Из приказа № 285 по ВРК при СНК СССР «О введении ежедневной передачи для бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота»

29 июня 1941 г.

§ 1. С 29 июня ввести ежедневную передачу военного отдела для бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота (с 19.15 до 20 часов).

В воскресные дни в этом отрезке времени давать концерты мастеров искусств.

§ 2. Передачу выпусков «Красноармейских и Краснофлотских известий» прекратить...

Председатель ВРК при СНК СССР Стуков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 143. Л. 108. Заверенная копия.

Из приказа № 347 по ВРК при СНК СССР «О реорганизации отдела детского вещания»

24 июля 1941 г.

§ 4. ...В связи с сокращением объема работ ликвидировать с 25 июля с.г. отдел детского радиовещания ВРК.

§ 5. Организовать в составе литературно-музыкального отдела ВРК группу детского вещания...

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов[48]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 143. Л. 186. Заверенная копия.

Приказ № 412 по ВРК при СНК СССР «О гибели на фронте дежурного редактора "Последних известий" Е.Я. Барского»

20 августа 1941 г.

Объявляю сотрудникам ВРК, что тов. Барский Е.Я. — дежурный редактор «Последних известий», специальный корреспондент Радиокомитета в действующей армии, смертью храбрых погиб при исполнении служебных обязанностей на фронте Отечественной войны.

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 144. Л. 58. Заверенная копия.

Приказ № 407 по ВРК при СНК СССР «О порядке визирования радиопередач»

24 августа 1941 г.

С сего числа все радиопередачи «Последних известий» отдела политической агитации, военного отдела и литературно-музыкального отдела будут просматриваться и визироваться лично мною.

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов

ГА РФ. Ф. Р-9603. Оп. 1 л/с. Д. 144. Л. 153. Заверенная копия.

Из приказа № 481 по ВРК при СНК СССР «Об организации выездной редакции "Говорит фронт"»

5 ноября 1941 г.

§ 1. Разрешить редакции «Последних известий» организовать передачи «Говорит фронт» — орган политического управления Западного фронта и Всесоюзного радиокомитета.

§ 2. Утвердить выездную редакцию «Говорит фронт» в составе: ответственный редактор Потапов Н. М., ответственный секретарь и дежурный редактор Платов М.Ф., очеркисты — военные корреспонденты Фетисов А.Т., Синявский В.С., литсотрудники Красавцев Г.Е., Шмонин Л.М.[49]...

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 145. Л. 101. Подлинник.

Приказ № 75 по ВРК при СНК СССР «Об организации отдела писем на фронт и с фронта»

25 марта 1942 г.

1. Установить штат отдела писем на фронт и с фронта в количестве 20 человек.
2. Назначить начальником отдела тов. Каблучко В.В.[50]
3. Утвердить зам. начальника отдела тов. Глейзер М.С.[51]

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 191. Л. 175. Подлинник.

Из приказа № 129/а по ВРК при СНК СССР «Об организации редакции радиовещания для партизан и населения советских районов, временно оккупированных немецкими войсками»

22 мая 1942 г.

Создать редакцию радиовещания для партизан и населения советских районов, временно оккупированных немецкими войсками...

Председатель ВРК при СНК СССР Поликарпов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 192. Л. 31. Подлинник.

Из отчета комиссии по работе отдела писем на фронт и с фронта за период с 15 июля по 15 августа 1942 г.

[Не ранее 15 августа 1942 г.]

Передачи по радио писем на фронт и с фронта Отечественной войны даются ежедневно, десять раз в течение дня — 2 ч. 30 м.

Письма на фронт передаются 6 раз, письма с фронта — 4 раза (три передачи на фронт даются закрытыми)...

В Радиокомитет ежемесячно поступает в среднем 30 тысяч писем на радио. В некоторые месяцы приток писем доходил до 60–70 тысяч...

Радиопередачи писем должны выполнять одновременно две полезные функции: как средство связи между фронтом и тылом и как средство агитации...

Наряду с этим в работе отдела существуют серьезные недостатки по линии содержания работы.

Литературная обработка писем страдает множествам дефектов и стоит не на должной высоте.

Литературные работники, обрабатывающие письма, далеко не все способны сделать хорошую, представляющую общественный интерес передачу, сохранив в ней основное содержание писем, их индивидуальность...

Выводы:

Отделу писем необходимо серьезно заняться вопросом улучшения качества писем по радио, изменить подход к обработке писем, сохра-

няя по возможности их индивидуальность, упразднив газетные формулировки, лозунги и т.д. с тем, чтобы лица, к кому они адресованы, узнавали в письмах своих родных и друзей...

К. Зайцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–7. Подлинник.

Отчет М.С. Гуса[52] о контрпропагандистской работе на радио

19 августа 1942 г.

Опыт контрпропагандистской работы на основе материалов Вестника иностранной служебной информации ТАСС указывает на некоторые существенные недочеты в характере и содержании этих материалов. Мы остановимся на обзорах германского внутреннего радиовещания, передаваемых Лондонским отделением ТАСС, и на выдержках из немецкой прессы, предаваемых преимущественно Стокгольмским отделением ТАСС.

В обзорах внутреннего германского радиовещания нас не удовлетворяет, во-первых, распределение места между темами внешнеполитическими и внутриполитическими, и, во-вторых, чрезвычайная краткость в изложении материалов внутриполитического немецкого радиовещания.

В обзорах за 29 июля (лист 89 за 1 августа), за 30 июля (лист 37 за 3 августа), за 9 и 10 августа (лист 38 за 13 августа), за 8 августа (лист 61 за 13 августа) внутреннему материалу уделено 5–10 проц., а все остальное занято пересказом сообщений дипломатического характера и оценками военного положения. Между тем этот материал мы получаем в Москве непосредственно: он записывается в Бюро прослушивания ТАСС и нашим Бюро прослушивания. Кроме того, этот материал, как правило, передается ДНБ и по телеграфу. Опыт показал, что эта часть обзоров внутреннего радиовещания в нашей работе совершенно не используется. Но этот материал несуществен также и для целей информации, ибо он обычно с опозданием в 2–3 дня повторяет то, что содержится в радиовестнике служебного вестника ТАСС.

Существенное значение должен иметь материал внутреннего вещания, так как Московское бюро прослушивания почти не имеет возможности записывать внутренние германские радиостанции. Но как раз этот материал в обзорах дается настолько сжато, что в большинстве случаев не может быть использован для целей контрпропаганды. Так, например, в обзоре за 8 августа сказано: «Радио Йелею сообщило о начале антидифтерийной кампании в Берлине, а радио Фрисланд об антималярийной кампании в устье Днепра и Буга». В обзоре за 9 и 10 августа единственный внутригерманский материал таков: «Дейчланд Зендер» в передаче для крестьян от 10 августа призывала беречь машинное масло. Также кратки сообщения в обзорах за 29 июля, за 30 июля. Тут, например, сказано: «Станция Йелею сообщила подробности о новом виде быстрой связи между фронтом и тылом — курьерских телеграммах. Бреславльская станция передавала обращение

Красного Креста, который надеется построить общежитие для солдат. Станция Йелею сообщила о том, что издателям предложено соблюдать правильную пропорцию между сообщениями с фронта и тыла». Эти три сообщения из обзора за 30 июля являются важными темами для нашей контрпропагандистской работы. Но они изложены так, что воспользоваться ими, в сущности, нет никакой возможности. Любопытно и то, что в специальном вестнике радиоперехватов этот же материал был изложен подробно и точно — по записям Бюро прослушивания. Особенно досадно, что в обзорах внутреннего радиовещания ютится на задворках и излагается невразумительно кратко материал специального вещания для немецких крестьян. Это как раз та область, с которой мы меньше всего знакомы, а то, что передается в обзорах, из-за краткости не может быть использовано.

Примеры эти можно было бы умножить — для этого достаточно просмотреть любые на выбор обзоры внутреннего радиовещания.

Для исправления этих недочетов необходимо:

1) На первый план в обзорах выдвинуть материал относительно внутреннего положения в Германии и передавать его подробнее и содержательнее.

2) Не повторять важнейших внешнеполитических и военных тем, поскольку этот материал обязательно передается и центральным немецким вещанием и получается в Москве немедленно.

Важное место в нашей работе занимают передаваемые по преимуществу Стокгольмским отделением ТАСС выдержки из немецкой прессы. Но этот материал страдает следующими недостатками: в большинстве случаев в Москву передаются те части данной статьи, которые излагают трудности или неудачи Германии, будь то на фронте или во внутренней жизни страны. А заключительный вывод статьи — то, ради чего она помещена в гитлеровской прессе и что, следовательно, для нас является самым важным — опускается, и получается, что гитлеровская фашистская пресса утверждает точно то же, что сказала бы любая советская газета по данному поводу. Вот, например, сообщение из Стокгольма: «Германские газеты о германской службе ПВО и о налетах английской авиации» (лист 80 за 16 августа), приведены выдержки из «Фелькишер беобахтер», «Франкфуртер цейтунг», «Националь цейтунг», «Данцигер форпостен». В этих выдержках — факты о разрушениях от налетов, о плохом качестве бомбоубежищ, о трудностях воздушной обороны. Но ведь немецкие газеты давали этот материал для того, чтобы успокоить население; совершенно очевидно, что в цитированных статьях этот материал как-то «обезвреживался» выводами гитлеровской пропаганды, но именно как-то! Важнее всего нам знать, что говорит гитлеровская пропаганда немецкому народу для его успокоения, чтоб это опровергнуть, но как раз этого главного в телеграмме из Стокгольма мы не находим. Буквально то же самое нужно сказать о телеграмме из Стокгольма «Германские газеты о загруженности германского железнодорожного транспорта» (лист 87, 16 августа). Тут приведены выдержки из пяти газет о тяжелом положении транспорта, но совершенно опущены те выводы, ко-

торые из этих фактов делает гитлеровская пропаганда. Не приходится доказывать, что для целей контрпропаганды эти выводы являются наиболее важным материалом! Или вот, например, все цитаты из немецких газет о тяжелом продовольственном положении в Германии (лист 75 за 16 августа и любое другое сообщение такого же рода): они даются в таком виде, что можно было бы прийти к выводу, будто гитлеровская пропаганда задалась целью смертельно напугать население Германии. Между тем дело обстоит иначе. В вопросе о продовольственном положении в Германии гитлеровская пропаганда ведет тонкую линию: она подчеркивает трудности, но вместе с тем утверждает, что они будут преодолены. А вот этих основных пропагандистских выводов нам корреспондент ТАСС в своих телеграммах и не передает.

Нередко передаются выдержки из газеты «Дас шварце кор» — о различных серьезных внутриполитических затруднениях Германии. Для нас крайне важна трактовка этих затруднений на страницах такого органа, как газета Гиммлера. Для понимания целей гитлеровской пропаганды и для оценки внутриполитического положения в Германии эта трактовка может дать очень многое. Но мы никогда ее не получаем, так как корреспондент ТАСС ограничивается только передачей самих фактов, которым посвящена данная статья «Дас шварце кор».

Этот же недостаток полностью относится и к выдержкам из статей в немецкой прессе на военные темы. Вот, например, телеграммы «Немецкие газеты о боях на юге и в районе Воронежа» (лист 7 от 15 августа) и немецкие газеты о боях на южном участке советско-германского фронта (лист 38 от 16 августа). Эти две телеграммы типичны для всех сообщений подобного рода. В них даны выдержки только тех мест статьи, которые описывают затруднения немецких войск и силу советских атак. Но совершенно опускаются главные части этих сообщений: как, по словам данной немецкой газеты, эти атаки были отбиты и затруднения преодолены. Ведь очевидно, что газета говорит о затруднениях и тяжелом положении немецких войск, чтобы этим подчеркнуть значение их успехов. В этом — пропагандистская суть всех военных корреспонденций в немецкой прессе, и как раз именно это мы должны систематически опровергать. Но нам сообщают только лишь односторонние извлечения и не передают той пропагандистской сути, ради которой воспроизведены данные факты.

Как вывод из этого разбора недостатков в передаче материалов из немецкой прессы необходимо сказать следующее: нужно, помимо передачи фактического материала из данной статьи, текстуально цитировать ее выводы и кратко пересказывать общий ход ее аргументации. Лишь в этом случае все тассовские материалы и сообщения, посвященные немецкой прессе, станут действительно ценными и важными для нашей контрпропагандистской работы.

РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–4. Машинопись.

Приказ № 341 по ВРК при СНК СССР «О командировании В.С. Синявского на Донской (Сталинградский) фронт»

30 октября 1942 г.

Военный корреспондент тов. Синявский В.С. командируется на Донской (Сталинградский) фронт для проведения специальных радиопередач с 30 октября с.г.

Зам. председателя ВРК при СНК СССР Гончаров

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 194. Л. 164. Подлинник.

Из приказа № 114 по ВРК при СНК СССР «О введении второй программы»

7 марта 1945 г.

§ 1. Ввести с 10 марта 1945 г. вторую (дополнительную) программу Центрального внутрисоюзного радиовещания по станции РВ-II.

Установить время вещания по второй (дополнительной) программе с 17 часов до 23 час. 30 мин. ежедневно.

§ 2. Утвердить новое расписание Центрального внутрисоюзного радиовещания с 10 марта 1945 г. ...

Председатель ВРК при СНК СССР А. Пузин[53]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 357. Л. 150. Подлинник.

Из приказа № 135 по ВРК при СНК СССР «О создании отдела научно-просветительной пропаганды»

15 марта 1945 г.

В целях усиления пропаганды по радио научных знаний приказываю:

1. Создать в составе аппарата Всесоюзного радиокомитета отдел научно-просветительной пропаганды, возложив на него организацию кратких бесед на естественнонаучные темы, а также популяризацию достижений советской науки, техники и культуры.

2. Редакцию научно-популярных радиопередач отдела пропаганды и агитации в связи с созданием самостоятельного отдела научно-просветительной пропаганды упразднить...

Председатель ВРК при СНК СССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 358. Л. 184. Подлинник.

Приказ № 334 по ВРК при СНК СССР «О проведении радиопередач, посвященных Параду Победы на Красной площади»

23 июня 1945 г.

1. Назначаю ответственными за проведение праздничной внестудийной передачи 24 июня 1945 г. по Центральному союзному вещанию — т. Лапина С.Г.[54], по иностранному вещанию (на английском, французском, немецком и итальянском языках) — т. Филиппова А.Н.

2. Возлагаю ответственность за проведение записей парада и демонстрации 24 июня 1945 г. на тонфоль на т. Апарина В.С., на магнитную пленку — на т. Ошерова И.Я.

3. Возлагаю ответственность за подготовку репортажа парада и демонстрации на т. Казакова Г.А.[55] Обязываю т.т. Казакова и Ошерова приготовить к воспроизведению в запись тов. Жукова — к 15 часам и репортажа — к 17 часам 24 июня.

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию
при СНК СССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Од. 1 л/с. Д. 358. Л. 182. Подлинник.

Из приказа № 507 Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР «О работе отдела радиовещания для детей»

16 августа 1945 г.

Приказываю:

1...Во всей практической работе отдел радиовещания для детей должен руководствоваться указаниями ЦК ВКП(б)[56] о том, что радиопередачи для детей должны воспитывать любовь к родине, развивать в детях интерес к науке, расширять знания детей, помогать школе и семье в воспитании детей и в организации их досуга.

2. Обратить особое внимание на литературное редактирование радиопередач для детей, добиваясь живого, простого, доступного детям изложения и безупречной грамотности радиопередач.

Отмечая ценную инициативу отдела радиовещания для детей в организации музыкального радиожурнала, концертов-загадок, в создании постановок по литературным произведениям («Дон-Кихот»[57] и др.), обратить внимание работников отдела на необходимость постоянно проявлять изобретательность в изыскании новых форм радиовещания, добиваясь максимального разнообразия в подаче материала...

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию
при СНК СССР А. Пузин[58]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 359. Л. 170. Подлинник.

Из приказа № 747 Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР «Об организации записей на магнитную пленку»

15 ноября 1945 г.

§ 3. ...в) С 15 ноября 1945 г. организовать перепись на магнитную пленку уникальных грампластинок; при переписи обратить особое внимание на устранение шумов пластинок.

г) Организовать запись на магнитную пленку концертов и спектаклей, представляющих интерес для радиовещания, идущих в Колонном зале Дома Союзов, Большом зале Консерватории, в зале им. Чай-

ковского и в других залах и театрах гор. Москвы, для использования этих записей в вещании на Дальний Восток, Сибирь, Среднюю Азию и в других специальных радиопередачах...

§ 6. Все музыкальные и литературно-драматические записи на магнитную пленку делаются не менее как в двух экземплярах: один экземпляр — для использования в вещании и другой — неприкосновенный — на случай необходимости переписи.

В целях более рационального использования магнитофонов и экономии магнитной пленки все речевые записи, а также записи репортажей и т.п. производить только после утверждения текстов записей.

Все записи на магнитную пленку хранятся в фонотеке в специальных шкафах и выдаются под расписку только дежурным аппаратных по заявкам отделов.

Все речевые записи и репортажи хранятся не более 7 дней, после чего стираются, если нет специальных указаний на более длительное хранение записей. Контроль за своевременным уничтожением записей возлагаю на фонотеку...

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 360. Л. 238–241. Подлинник.

Из постановления Художественного музыкального совета Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О мерах по улучшению музыкального радиовещания»

[Не ранее августа 1946 г.]

Обсудив вопрос о мерах по улучшению музыкального радиовещания в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре театров и о кинофильме «Большая жизнь», Художественный музыкальный совет Всесоюзного радиокомитета отмечает исключительное значение этих постановлений, определяющих важнейшие идейно-художественные задачи развития советской литературы и искусства. Совет считает, что указания Центрального Комитета о задачах литературы и искусства в деле коммунистического воспитания народа, о борьбе с аполитичностью и безыдейностью должны быть взяты в основу всей работы по музыкальному радиовещанию и его решительной перестройке.

Отмечая наличие серьезных ошибок и недостатков в практике работы Управления музыкального радиовещания, Совет признает правильной критику музыкального вещания газетой «Культура и жизнь» (статья «В угоду обывательским вкусам» № 8), в частности, критику недостатков работы Совета по его влиянию на практическую деятельность Радиокомитета в области музыкального радиовещания.

В развитии музыки легких жанров Радиокомитет допустил ошибку, став на путь широкого исполнения по радио западной, в том числе

танцевальной немецкой музыки, которая была популярна в фашистской Германии. В программы эстрадных концертов проникло много пошлых и пустых песенок, засорявших репертуар радиовещания и способствовавших снижению вкусов радиослушателей.

В исполнении по радио оперной, симфонической и камерной музыки не было должной системы и устремленности, обеспечивающей планомерную пропаганду лучших произведений русских классиков и советских композиторов.

Правильной является также критика музыкального радиовещания в отношении недостаточного участия в концертах по радио крупнейших певцов, качества исполнения нового репертуара русской песни, слабости работы по записям музыки народов СССР, качества текстов музыкально-образовательных радиопередач.

В целях улучшения музыкального радиовещания Совет считает необходимым:

1. Сосредоточить основное внимание на усилении идейно-воспитательных начал музыкального вещания, в частности, на обеспечении должной целеустремленности и улучшении системы организации радиопередач оперной, симфонической и камерной музыки. Задачам идейно-художественного воспитания радиослушателей должна быть подчинена вся работа в области музыкального вещания. Успех этой работы решается идейной направленностью репертуара и обеспечением планомерного исполнения по радио наиболее ценных произведений отечественной классической и современной музыки, а также западных композиторов.

В связи с этим одобрить предложение об отборе из репертуара музыкального радиовещания группы самых выдающихся музыкальных произведений отечественной и западной симфонической, оперной и камерной музыки, исполнение которых по радио должно проводиться систематически, в лучшее для слушателей время, с хорошими литературными пояснениями...

2. Особое внимание, как одному из важнейших условий успешного выполнения идейно-воспитательных задач музыкального радиовещания, необходимо уделить улучшению музыкально-образовательной работы. В целях улучшения качества музыкально-образовательных передач — концертов-лекций, бесед о музыке для молодежи, музыкального словаря, музыкально-литературных передач — образовать в составе Управления музыкального радиовещания научно-редакционный совет. К работе по написанию концертов-лекций, бесед, пояснительных очерков привлечь всех лучших музыковедов.

Учитывая огромное значение научно-популярных радиопередач по истории музыкальной культуры, обратиться в Институт истории искусств Академии Наук СССР, Московскую консерваторию и Оргкомитет Союза советских композиторов с предложением об их участии и помощи Радиокомитету в налаживании этой работы.

Рекомендовать Радиокомитету создать более благоприятные условия оплаты научно-популярных работ о музыке, способствующих повышению материальной заинтересованности авторов.

3. Всемерно развить и хорошо организовать работу по заказам советским композиторам и поэтам новых произведений крупной формы на конкретные темы современности. Основное внимание уделить определению и разработке совместно с композиторами тематики намечаемых произведений. К обсуждению этих вопросов привлечь Оргкомитет Союза советских композиторов.

4. Одобрить проведенные мероприятия по пересмотру всего эстрадного репертуара и снятию с репертуара вещания всей современной немецкой танцевальной музыки и различных западных песенок с переводными текстами. Одобрить также намеченные мероприятия по подготовке к исполнению и записи на пленку многих имеющихся удачных работ советских композиторов к театральным постановкам и кинофильмам, а также по заказам для оркестров и концертных ансамблей Радиокомитета оркестровых переложений, фантазий и транскрипций на темы популярных песен и оперетт советских композиторов, фантазий на темы популярных опер, танцевальной музыки славянских народов, балетной музыки.

Широко развернуть работу по заказам композиторам и поэтам массовых советских песен. Ввести также заказы композиторам современной танцевальной музыки...

5. ...Учитывая, что на качество музыкальных радиопередач в механических записях часто отрицательно влияют чисто технические непорядки — неустойчивость частоты электроэнергии, плохая регулировка аппаратуры, небрежность и неопытность звукооператоров, Совет считает необходимым, чтобы делу передач механических музыкальных записей были приданы хорошие и неизменные технические условия, гарантирующие от проникновения в эфир брака по техническим причинам...

В целях повышения исполнительского уровня вещания обеспечить интенсивную запись на пленку выдающихся певцов и инструменталистов с камерным репертуаром, осуществив таким путем постепенный переход от студийных концертов к исполнению по радио произведений основного репертуара лишь в проверенных механических записях.

Придавая делу обеспечения высококачественных записей на пленку первостепенное значение, Совет считает необходимым специально обсудить вопрос о состоянии и мероприятиях по улучшению работы Фабрики звукозаписи и группы записей на магнитофон.

6. Для улучшения работы по исполнению на радио русской песни и музыки других народов СССР:

а) записать по договоренности с руководителями крупнейших песенных ансамблей (Краснознаменный хор имени Пятницкого, хор под руководством Свешникова) все исполняемые ими народные русские песни, отсутствующие в репертуаре музыкального вещания, а также имеющиеся в недоброкачественной записи...

в) создать постоянную выездную бригаду звукозаписи для записей в союзных республиках музыки народов СССР, обеспечив таким путем непрерывное накопление нового репертуара.

г) наладить связь с творческими союзами и композиторами союзных республик, обеспечивая исполнение по радио лучших произведений.

Из личного архива Г.А. Поляновского[59]. Стеклограф.

Из приказа № 742 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О недостатках литературно-драматического вещания и мерах по его улучшению»

19 сентября 1946 г.

Отдел литературно-драматического вещания проделал значительную работу по расширению репертуара литературных и драматических радиопередач. По радио передавались все произведения советской литературы (полностью или частично), удостоенные Сталинской премии, большое количество произведений русской классической литературы, введены новые литературно-образовательные передачи (Пушкинские чтения и др.).

Наряду с этим в работе литературно-драматического отдела имеются серьезные недостатки и ошибки. Руководители отдела (начальник отдела т. Лесючевский[60], главный редактор т. Ардаматский[61]) и редакторы не проявляли необходимой требовательности при отборе для радио литературных материалов, в результате чего для передачи по радио принимались слабые, бессодержательные, малохудожественные, а иногда совершенно пустые и безыдейные произведения (пустые, зубоскальные фельетоны Дыховичного, низкопробные рассказы Ласкина[62] и Котляра[63], очень слабые рассказы Москвина[64], Слонимского[65] и др.). При отборе для радио литературных произведений работники отдела нередко руководствовались не принципиальными соображениями об идейной и художественной ценности произведений, а личными, приятельскими отношениями с авторами.

Недостаточная принципиальность в оценке литературных материалов, проявляемая работниками отдела, забвение политических задач советского радио привели к ряду серьезных промахов и ошибок в литературно-драматическом вещании.

Работники отдела и прежде всего руководители отдела тт. Лесючевский и Ардаматский допустили грубую политическую ошибку, передав по радио два рассказа Зощенко[66], клеветнически изображающего советскую действительность, а также стихотворения Ахматовой[67], представительницы чуждой нашему народу пустой, безыдейной поэзии.

В отделе существовало совершенно неправильное мнение, будто и в плохих книгах можно найти хорошие отрывки для радио. Исходя из такой порочной установки, по радио передавались отрывки из романа Коптяевой[68] «Товарищ Анна», произведения низкопробного, клеветнически изображающего советскую семью. Не вдумываясь в идейную и художественную ценность произведения, работники литературного отдела делячески и беспринципно выбирали отдельные места плохой книги и тем самым популяризировали эту вредную книгу по радио.

Введя в практику радиовещания передачу обзоров литературных журналов, работники отдела недостаточно критически отбирали литературные произведения, публикуемые в журналах, и часто популяризировали в обзорах произведения слабые, малохудожественные (например, «Падение Берлина» — Вс. Иванова[69], рассказы из журнала «Огонек» и др.).

При отборе театральных постановок для радио предпочтение отдавалось западной драматургии. Собственные радиопостановки посвящались, главным образом, историческим темам. Иногда инсценировались произведения случайные, не представляющие интереса для советских радиослушателей («Степной санаторий» — Генри[70] и др.). По радио очень мало передавалось пьес советских авторов на современные темы.

Литературный отдел плохо связан с писателями. Писатели редко выступают по радио и мало пишут для радио. Особенно плохо связан отдел с писателями, литературной и театральной жизнью союзных республик. Творчество писателей союзных республик популяризируется по радио очень слабо.

Руководство отдела не обращает достаточного внимания на подбор чтецов для литературных передач. Чтение литературных произведений иногда поручается недостаточно квалифицированным исполнителям. Круг чтецов, выступающих по радио, ограничен.

Руководство отдела не ведет настоящей борьбы с легкомысленным и безответственным отношением к своим обязанностям работников отдела. Отдельные работники и до сих пор не сделали для себя необходимых выводов из решений Центрального Комитета партии о ленинградских журналах, театре и кино, и продолжают работать недобросовестно, легкомысленно и безответственно относиться к отбору литературных материалов для радио. Так, например, в последние дни т. Ардаматский сдал к микрофону стихотворение Васильева[71] «Пастух», явно надуманное и фальшивое, и недоброкачественный выпуск «Новости литературы и искусства», составленный из мелких, малоинтересных заметок, совершенно не отражающих жизни советской литературы и искусства. Указания ЦК ВКП(б) еще до сих пор не нашли должного отражения в практической работе отдела, в содержании литературно-драматического вещания.

ПРИКАЗЫВАЮ:

I. Начальнику отдела литературно-драматического вещания тов. Лесючевскому, в кратчайший срок устранить отмеченные выше недостатки и ошибки в работе отдела, не допускать проникновения на радио ошибочных, пустых и безыдейных, а также малоценных в художественном отношении произведений. При отборе литературных и драматических произведений для радио, работники отдела должны руководствоваться указаниями ЦК ВКП(б), изложенными в постановлениях о ленинградских журналах, о репертуаре драматических театров и о кинофильме «Большая жизнь».

Работники отдела должны понять, что радио является одним из важнейших средств Советского государства в деле коммунистического воспитания народа, удовлетворения его культурных запросов, в деле пропаганды передовой советской идеологии и морали.

4. Тов. Ардаматскому и Тихонову в недельный срок представить на утверждение план драматического вещания на ближайшие три месяца и план новых постановок, предусмотрев в планах ведущее место советской тематики.

Работники отдела должны стремиться к тому, чтобы по радио передавалась каждая высококачественная в идейном и художественном отношении пьеса на современные советские темы, каждая новая хорошая постановка, подготовленная московскими и лучшими периферийными театрами.

5. Обязать тт. Лесючевского, Ардаматского и Тихонова обеспечить запись на тонфильм и магнитную ленту всех постановочных и других наиболее ценных литературно-драматических передач.

6. Обязать т. Лесючевского привлечь к активной работе в литературно-драматическом радиовещании видных советских писателей, драматургов и режиссеров, литературоведов и критиков для систематического обсуждения планов литературно-драматических передач, наиболее значительных радиопередач и постановок, а также для непосредственного участия в радиовещании (выступления по радио, осуществление постановок, выполнение литературных заказов для радио, поездки по заданиям отдела и т.д.)...[72]

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию
при Совете Министров Союза ССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп.1 л/с. Д. 430. Л. 206–211. Подлинник.

Приказ № 991 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О 15-летней работе на радио Ю.Б. Левитана»

14 декабря 1946 г.

§ I. В связи с пятнадцатилетием непрерывной работы в Радиокомитете диктора Левитана Юрия Борисовича объявляю ему благодарность и премирую месячным окладом в размере 2500 рублей.

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию
при Совете Министров СССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 439а. Л. 247. Подлинник.

Отчет
Я. Гуса о работе корреспондентского пункта радиокомитета на Нюрнбергском процессе

1946 г.

Мой отъезд происходит в начале второго полугодия Нюрнбергского процесса, и я считаю уместным подвести некоторые итоги нашей работы.

Радиокомитет является здесь единственным из всех агентств и вещательных корпораций, располагающим отдельным бюро и студией. Усилиями Ковалева и Симонова в самом начале процесса нам удалось оборудовать в отдельном помещении звукозаписывающую студию и бюро нашего корреспондентского пункта. Помимо звукозаписывающей аппаратуры, мы располагаем двумя линиями из зала суда, позво-

ляющими слушать одновременно выступления на оригинальном языке говорящего и русский перевод. Кроме того, наше бюро располагает прямой телефонной связью с Москвой. Ни ТАСС, ни крупнейшие англо-американские агентства и вещательные компании не располагают ничем подобным, и поэтому к нам происходит постоянное паломничество: иностранные корреспонденты приходят посмотреть, как устроилось «Московское радио». Так как теперь влияние и авторитет московского радио вообще высоки, то тем большее впечатление производит на иностранных журналистов наша студия.

Я указываю на этот факт, так как он характеризует нынешнее положение нашего советского вещания за границей. К этому следует прибавить, что иностранцы постоянно обращаются с вопросами, особенно в напряженные минуты: что нового сообщает Москва? Что передавало московское радио? Это особенно сказалось во время Парижской конференции и Иранского конфликта в Совете безопасности. Был даже такой случай, когда в час ночи ко мне в комнату пришли и разбудили меня корреспондент Рейтера и корреспондент «Дейли Экспресс», чтобы проверить распространившийся в это время в Нюрнберге слух, будто между Ираном и Советским Союзом началась война. Они пришли узнать, не передавала ли что-нибудь об этом Москва.

Небезынтересно привести и такой факт. Месяца два назад сменился начальник отдела «публичных сношений» при штабе Верховного американского командования в Европе. Новый руководитель отдела, генерал Эйстер, приехал также в Нюрнберг, и здесь меня с ним познакомили. Он посетил нашу студию и выразил свое восхищение. Спустя два месяца он вновь приехал в Нюрнберг и подошел ко мне со словами: я очень рад вновь видеть вас и сказать вам, что мы часто слушаем ваши Нюрнбергские комментарии из Москвы.

Это также подтверждает то внимание, которое сейчас уделяется московскому радио, как называют наше вещание все иностранцы.

Я привожу эти факты в подтверждение того, что Всесоюзный радиокомитет сейчас действительно может и должен располагать широко разветвленной самостоятельной заграничной корреспондентской сетью.

За время с 11 декабря по 28 мая (с 20 ноября по 10 декабря я не располагаю данными) мы передали всего в Москву 265 890 слов. Из них только для союзного вещания было передано 148 тысяч слов, только для иностранного вещания — 86 245 и информации для сведения закрытого характера — 31 645 слов. Так как я почти все это время работал один, то из 265 тысяч слов на мою долю приходится 216 тысяч слов. Нам удалось добиться того, что наши отчеты передавались по телефону непосредственно после окончания заседаний, и поэтому мы, во всяком случае, не отставали, а скорее даже обгоняли иностранные агентства.

Мы производили запись судебных заседаний. Нужно подчеркнуть, что американцы с первого дня процесса непрерывно записывают его на языке говорящего и переводы на французский, немецкий, английский языки. Нет необходимости доказывать огромное историческое значение этого материала. Ввиду ограниченных запасов пленки нам удалось записать только полностью весь ход советского выступления, то есть речи

наших обвинителей и показания свидетелей (на языке говорящего), а также показания основных обвиняемых и главных свидетелей защиты (на языке говорящего). Всего записано 148 часов на 435 километрах пленки. К сожалению, запас пленки иссяк, и пришлось эти ценнейшие исторические записи прекратить. Сейчас необходимо добыть новый запас пленки, чтобы записать хотя бы последнюю стадию процесса.

Опыт показал, что очень существенным недостатком в работе нашей, как радиовещательной организации, является отсутствие возможности делать собственно радиопередачи. ВВС непосредственно из Нюрнберга передает в Лондон вещательный материал на английском и немецком языках. Частично он там записывается и потом воспроизводится, а частично прямо идет в эфир. Две крупнейшие американские компании — «Колумбия» и Национальная вещательная компания также вещают прямо из Нюрнберга на Америку. Посещающие нас иностранцы всегда выражают свою уверенность в том, что мы располагаем своей радиостанцией и ведем вещание прямо из Нюрнберга. Мне кажется, что это обстоятельство нужно учесть и поставить вопрос о том, чтобы Радиокомитет, если он будет располагать своими пунктами за границей, имел возможность, хотя бы из немногих стран, давать материал в Москву, в эфир, если не прямо для вещания, то для записи и дальнейшего использования.

В заключение хочу еще раз отметить, что, помимо хорошей организаторской работы, которую в начале процесса провел тов. Ковалев, и хорошей технической работы тов. Симонова, очень хорошо работала тов. Реутт, которая является в нашем отделении и секретарем, и стенографисткой, и телефонисткой.

РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–4. Машинопись.

Приказ № 1060 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О передаче по радио Государственного гимна СССР»

31 декабря 1946 г.

Установить с 1 января 1947 г. передачу по радио Государственного гимна СССР ежедневно в 24 часа после боя часов Кремлевской башни.

Передавать Гимн в исполнении оркестра и хора (через день).

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров Союза ССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 439а. Л. 345. Подлинник.

Докладиая записка Р.М. Иоффе заместителю председателя ВРК при СНК СССР В.Н. Араповой

29 ноября 1947 г.

Разрешите, Валентина Николаевна, написать Вам не заявление, а письмо. Было бы проще прийти к Вам и поговорить о моих делах. Но меня бы это крайне стеснило бы, противно говорить о своих личных делах. Поэтому приношу извинение и пишу Вам деловое письмо.

Вам известно, что в счет своей зарплаты я работаю в два, а то и в три раза больше, чем мне полагается. Я даже по крупнейшим нашим постановкам, как «Дон Кихот», «Капитанская дочка», «Тартарен из Тараскона», все театры у микрофона и многое другое, осуществляю художественное руководство, что совсем не входит в мои прямые обязанности.

Мой режиссерский опыт позволяет думать, что я не плохой режиссер, однако все мои счета проходят, как Вам известно, со страшным скрипом и до анекдотичности снижаются. Вот, например, я поставила, причем это была творческая экспериментальная постановка, «РВС» Гайдара. Приглашенному режиссеру заплатили бы за такую, скажем, интересную работу 4000 рублей. Я выписала 2000 руб. — мне выписали 500 рублей.

С крупнейшими мастерами театра я поставила «Дальние страны» (тоже Гайдара). Постороннему режиссеру моей квалификации предложили бы за такую постановку 5–6 тыс. рублей, мне выписали 3 тыс., а получила я 1500 рублей.

Всю свою жизнь я совсем не стремлюсь зарабатывать деньги, задачи моей жизни совсем другие. Но наступает такой день, Валентина Николаевна, когда чувство уважения к своему труду, чувство человеческого достоинства, не позволяет мне больше не реагировать, скажем, на такую небрежную оплату, ибо финансовые взаимоотношения перешли во взаимоотношения этические, оплата труда определяет квалификацию работника. Объективно получается, что мои крупные режиссерские работы, признанные руководством ВРК как достойные записи в основной фонд, оплачиваются в 2 или в 3 раза меньше режиссерских работ менее квалифицированных режиссеров.

Дело доходит до абсурдности. Например: за передачи, которые пробудут в репертуаре 5–10 лет и прозвучат в эфире 30 или 40 раз, на которые тратятся два или три месяца напряженной творческой работы, я получаю меньше, чем я же — за художественные *периодические* издания, которые пройдут в эфир 2 или 3 раза.

Я уже достаточно взрослая, даже старая, чтобы понимать, что я никогда не научусь зарабатывать деньги, что ни квартиры, ни дачи я себе не куплю, это исключено. Не такой характер! Но я не приступлю ни к одной крупной новой постановке, пока Вы вновь не пересмотрите прилагаемые мною счета. Нельзя так оплачивать человеку его работу, чтобы он каждый раз воспринимал это как оскорбление. Лучше совсем не платить.

РГАЛИ. Ф. 3086. Оп.1. Д. 29. Л. 1–2.

Докладная записка начальника отдела радиовещания для детей М. Калакуцкой заместителю председателя ВРК при СНК В.Н. Араповой

8 декабря 1947 г.

Довожу до Вашего сведения, что Центральная бухгалтерия вновь отказывается оплачивать большие постановочные работы и магнитофонные записи по ним главному режиссеру отдела товарищу Иоффе. Причины те же, что и в прошлом году: Центральная бухгалтерия, ока-

зывается, опять не знает круг обязанностей тов. Иоффе и, так как нет режиссерских норм, не знает, какие и сколько работ могут подлежать оплате.

Прошел год, круг замкнулся, и история повторяется снова. Надо, наконец, внести в этот, ставший уже хроническим, вопрос ясность.

Не наша вина в том, что вот уже третий год, как Планово-финансовое управление не может решить вопроса с режиссерскими нормами. Не раз за это время мы представляли в Планово-финансовое управление и в Центральную бухгалтерию и проекты режиссерских норм, и описание круга обязанностей и объема работы главного режиссера. Но дело, как видите, не сдвинуто с места и по сей день.

Еще раз, надеюсь, последний, напоминаю, что ставка главного режиссера 2000 рублей и за эту зарплату он обязан:

1. Руководить всей режиссерской работой отдела.
2. Проверять и подписывать все финансовые документы за исполнительскую работу.
3. Регулировать распределение студий на репетиции и регламентировать их количество.
4. Осуществлять творческую и организационную помощь во всех постановках с приглашенными режиссерами и во всех спектаклях у микрофона.
5. Вести все постановочные повторы и новые чтецкие передачи по художественной редакции для старших школьников.

Все эти виды работ тов. Иоффе выполняет за 2000 рублей. И единственно, что она просит оплачивать — это крупные постановочные работы, за которые при установленных режиссерских нормах и при полагающейся малой норме главного режиссера стали бы оплачиваться значительно выше тех сумм, которые мы выписываем ей сейчас.

У нас теперь вновь накопилось несколько счетов тов. Иоффе по крупным постановкам и их записям на магнитофон, которые бухгалтерия отказывается оплачивать. Вот далеко не полный перечень не оплаченных тов. Иоффе фондовых записей:

1. Человек-невидимка.
2. Сонечка.
3. Песня о соколе.
4. Как сложили песню.
5. Моцарт и Сальери.

И, наконец, 6. «Оле-Лукойе».

О записи этой постановки следует сказать подробнее.

Тов. Иоффе полтора года тому назад сделала для дошкольной редакции (тов. Иоффе работает режиссером в редакции среднего и старшего школьного возраста) радиопостановку по сказке Андерсена «Оле-Лукойе» с лауреатом Сталинской премии М.И. Бабановой в главной роли Оле-Лукойе.

Постановка была чрезвычайно трудной и сложной, потребовала огромного количества режиссерского труда и является одной из лучших постановок нашего отдела.

Пьеса шла несколько раз в эфир в живом исполнении, а затем, после очень длительного (около года) перерыва, вызванного болезнью и загруженностью М.И. Бабановой, была наконец в апреле текущего года восстановлена и записана на магнитофон. Запись принята в основной фонд постановочных записей нашего отдела. Продолжительность ее — 45 минут.

Однако в настоящее время, когда встал вопрос об оплате Р.М. Иоффе за восстановление передачи (которая не шла больше года) и запись, Центральная бухгалтерия категорически отказывается оплатить ее работу, мотивируя тем же, что есть: что Р. Иоффе является штатным режиссером отдела и обязана выполнять данную работу в счет получаемой ею зарплаты.

Это утверждение, конечно, совершенно несправедливо, так как, во-первых, постановка сделана Р. Иоффе не по основной редакции, где она работает, а по дошкольной, во-вторых, передачу пришлось не просто записывать, а предварительно восстанавливать в очень трудных и сложных условиях и, в-третьих, оплата штатным режиссерам за записи на магнитофон всегда имела место в Радиокомитете.

Из крупных постановок товарищу Иоффе до сих пор не оплачены:

1. Дальние страны.
2. Сергей Тюленин.
3. РВС.

Прошу Вашего распоряжения Центральной бухгалтерии об оплате накопившихся за год вышеуказанных работ тов. Иоффе по крупным постановкам и их записям на магнитофон.

РГАЛИ. Ф. 3086. Оп.1. Д. 29. Л. 3–4.

Из докладной записки Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР заместителю Председателя Совета Мииистров СССР К.Е. Ворошилову[73] «Об утверждении структуры центрального редакционного и административно-управленческого аппарата комитета»

18 февраля 1948 г.

Всесоюзный радиокомитет вносит на утверждение Совета Министров СССР структуру центрального редакционного и административно-управленческого аппарата Комитета.

Структура редакционного аппарата Комитета составлена в точном соответствии с Постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 9 августа 1947 г. «О структуре редакционно-вещательного аппарата Всесоюзного радиокомитета»[74].

В новую структуру редакционного аппарата Комитета, представляемую на утверждение Совета Министров СССР, вносятся следующие изменения по сравнению с действующей структурой:

1. Вместо существующих ныне отделов иностранного радиовещания (англо-американский, западно-европейский, центрально-европейский, Дальневосточный и др.), создаются самостоятельные редакции вещания по странам (редакция вещания на Германию, редакция вещания на Англию и т.п.).

Ликвидация существующих ныне отделов по группам стран и создание самостоятельных редакций вещания по странам вызваны необходимостью обеспечения строгого учета в подготовке материалов национальных, политических и других особенностей каждой страны, на которую ведется вещание.

2. Вместо существующего ныне отдела советской и международной информации, подготавливающего материалы для вещания на зарубежные страны, создается два самостоятельных отдела: отдел новостей советской и международной жизни и отдел статей и комментариев.

3. Создается иностранный отдел, на который возлагается подготовка международных обзоров, статей и других материалов, разъясняющих советским радиослушателям внешнюю политику СССР и важнейшие события международной жизни.

4. Существующий ныне отдел контроля за радиопередачами делится на два отдела: отдел прослушивания радиопередач союзного вещания и отдел прослушивания радиопередач для зарубежных стран.

5. Создается международный отдел, на который возлагается: организация ретрансляции советских радиопередач через радиостанции зарубежных стран; подготовка программ и других материалов, популяризирующих советское радиовещание, для публикации их в иностранной печати и радиопередачах зарубежных стран; изучение эффективности советских радиопередач в зарубежных странах; работа с письмами иностранных радиослушателей.

6. Ликвидируются отделы в составе Управления музыкального радиовещания.

7. Ликвидируется отдел внестудийных радиопередач...

Всесоюзный Радиокомитет просит Совет Министров СССР утвердить дополнительно для работников центрального аппарата Комитета 75 персональных окладов и 50 персональных окладов для работников республиканских и областных радиокомитетов.

В настоящее время Радиокомитет имеет 66 персональных окладов на всю систему. Оклады заработной платы работников Радиокомитета очень низки: начальники отделов получают 1000–1200 руб. в месяц (в министерствах — 2500–3000 руб.), инженеры получают 700–800 руб. в месяц (в министерствах — 1200–1600 руб.) и т.д. Отсутствие необходимого лимита персональных окладов не дает возможности укомплектовать аппарат Комитета квалифицированными работниками.

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию
при Совете Министров Союза ССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. 5446. Оп.50. Д. 2918. Л. 9–11. Подлинник.

Из стенограммы заседания Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О праздновании юбилея А.С. Пушкина»[75]

21 октября 1948 г.

...Бердяев. У нас есть в нашем репертуаре радиокомпозиция «Гибель Пушкина», которая была сделана Марковым и Виленкиным[76]. Она очень своеобразна и очень горячо всегда встречается слушателя-

ми. Мы ее давали редко, но каждый раз имели отзывы о том, о чем я говорю — это носит другой характер. Тут речь шла о гибели Пушкина, последние месяцы перед катастрофой и сама катастрофа, а у нас была мысль создать фильм не о гибели Пушкина, а о жизни Пушкина. Пушкин как творец, как художник, т.е. вот такой биографический радиофильм. И собираемся поставить две вещи из произведений Пушкина: это трагедия «Борис Годунов»; мы этот вопрос очень долго обсуждали. Но хотим дать не сплошной текст, а определенные сцены из этой трагедии — Борис и народ, т.е. основной стержень всей этой трагедии. Тут впервые, если нам удастся, прозвучит для слушателей, для народа эта замечательная первая русская народная драма. Кого мы собираемся тут привлечь к этой работе? У меня есть полная договоренность с Добронравовым[77] о том, что он будет играть роль Бориса; в главных ролях будут заняты лучшие артисты МХАТа. Сложно обстоит вопрос о постановщике. Мы намечаем Кедрова[78], чтобы он был постановщиком, и при нем будет еще режиссер. И вторая вещь, которую мы наметили, — это «Русалка». Она сравнительно легко поддается такого рода воплощению, и думается, что тут может получиться очень интересная вещь. Постановщиком здесь мы наметили заслуженного деятеля искусств П.Н. Каверина[79].

Две вещи, которые я поместил в другом разделе, — это «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость». Мы еще давно, когда был жив Н.О. Волконский[80], говорили о постановке этих двух маленьких трагедий. Намечался даже в общем четкий режиссерский план, но вопрос этот подлежит дополнительному обсуждению по соображениям такого порядка: как ни странно это звучит, но чрезвычайно трудно, в особенности для «Моцарта и Сальери», подыскать и постановщика, и актеров.

Арбузов. А то, что есть у Станиславского?

Бердяев. Это не годится. От МХАТовцев мы категорически отказались. Это вопрос, который подлежит дальнейшему внутреннему обсуждению, и, если мы будет убеждены в том, что мы можем предложить что-то руководству Комитета, мы это сделаем, а если нет, то будем исполнять эти произведения чтецким порядком. Кстати, у нас есть замечательная запись «Моцарта и Сальери» совершенно замечательного ленинградского чтеца Чернявского[81], который приезжал летом, и мы его записали. Теперь уже больше к этому вернуться нельзя, потому что Чернявский смертельно заболел...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–17. Подлинник.

Телеграмма Петра Грима[82] Председателю Совнаркома СССР И.В. Сталину «О совместной подготовке советско-американских радиопередач»

Нью-Йорк [Не позднее 8 апреля 1949 г.][83]

Премьеру Иосифу Сталину

Отмечая свое пятнадцатилетие по радио, съезд американских городов при поддержке небольших вкладов американского народа намеча-

ет кругосветное путешествие в июле и августе с.г. с целью создания программы в четырнадцати столицах мира. Каждая программа должна быть переписана и передана по радио по 260 станциям американской радиовещательной компании и, мы надеемся, такими же средствами в той стране, где эта программа создается.

Наша партия включает двадцать представителей ведущих американских организаций в области промышленности, сельского хозяйства, образования, искусства и науки и производственный штат, состоящий из семи человек от городского съезда.

Два гражданина страны, в которой создается программа, и два американца обратились к послу Панюшкину[84] с предложением возможности включения Москвы в наши планы в связи с недавним съездом, на котором присутствовали представители русской интеллигенции.

Мы надеемся, что вы предоставите подобную привилегию этой американской группе для обмена мнениями в отношении дальнейшего развития взаимопонимания между народами СССР и США[85].

Петр Грим — председатель комитета (комиссии)

ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51. Д. 3057. Л. 177. Заверенная копия.

Из стенограммы совещания у Председателя Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР «О работе научно-исследовательского института звукозаписи»

20 июля 1949 г.

Гольдберг[86]. Мы с прошлого года занимаемся вопросами синтетического звука. Наша лаборатория имеет еще тему — синтетический перфоратор, а также вопросы стереофонии... Речь идет вот о чем. Это запись на магнитной пленке, которая происходит медленно, медленнее того, как течет музыка. Источником звука в нашем случае является электронный аппарат, в котором во многих направлениях может меняться этот звук по желанию исполнителя, причем исполнитель, когда пишет на таком аппарате, не связан с техникой, а должен только знать, чего хочет. Имеет возможность остановить, подумать и записать так, как ему нравится. В отличие от аппарата Шолка мы делаем так, что исполнитель слышит то, что он записал. Если не понравится, может стереть и записать заново, записать так, как ему нравится, любой звук. При этом воспроизведение идет непосредственно с аппарата. Потом все голоса одновременно воспроизводятся. Нормальный тембр; можно переписать на любую магнитную запись, чтобы слушать на любом аппарате. Это замедленная запись с гибким управлением звука...

У нас имеется также тема — синтетический ревербератор[87]. Мы поставили перед собой задачу — сделать аппарат магнитной записи для создания искусственной реверберации любого заданного типа и любой характеристики с тем, чтобы использовать его для записи воспроизведения радиопередач и чтобы наконец с помощью такой аппаратуры решить наши основные вопросы архитектурной акустики. Вопрос подбора реверберации — это старый вопрос, который сложно ре-

шается. Сделать такой аппарат, с помощью которого можно было бы менять величину и характеристику гулкости, было бы очень интересно. До войны в Институте связи не удалось добиться этого. Сейчас с помощью аппарата мы имеем возможность повторять эксперименты на очень высоком уровне и дать ответ: когда, при каких обстоятельствах, какая величина и характеристика реверберации нужны. Это нужно для всех вопросов студийной акустики...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 249. Л. 2, 27. Подлинник.

О мероприятиях по улучшению радиопередач редакции научно-просветительной пропаганды

Из приказа № 119 Комитета радиоинформации при Совете Министров Союза ССР

6 сентября 1949 г.

В целях коренного улучшения постановки дела пропаганды по радио научных знаний ПРИКАЗЫВАЮ редакции научно-просветительной пропаганды:

1. Систематически передавать по радио краткие беседы об успехах советской науки и техники, о превосходстве советской науки и техники над буржуазной наукой и техникой...

2. Систематически передавать по радио беседы о приоритете отечественной науки. Задача этих бесед — восстановить историческую правду о выдающемся значении русской науки и техники, показать ее приоритет, разоблачить буржуазную историографию, пытающуюся приписать замечательные достижения нашей отечественной науки и техники американским, английским и иным капиталистическим дельцам.

Ввести в практику помимо отдельных бесед, посвященных тем или иным ученым, их открытиям и изобретениям, целые циклы передач. В связи с исполняющимся 26 сентября текущего года столетним юбилеем со дня рождения великого русского физиолога И.П. Павлова[88] организовать специальный цикл передач о И.П. Павлове.

3. Одной из важнейших задач редакции научно-просветительной пропаганды является подготовка радиопередач на естественнонаучные темы.

Задача этих передач — вести пропаганду материалистического мировоззрения, разоблачать маразм буржуазной науки, реакционную сущность вейсманизма-морганизма и других буржуазных лжеучений.

4. Особое внимание необходимо обратить на подготовку радиопередач «О великом сталинском плане преобразования природы».

Задача этих радиопередач — показывать выдающееся значение исторического постановления партии и правительства о борьбе с засухой, рассказать о том, как претворяется в жизнь этот великий план, как его осуществление способствует повышению урожайности социалистических полей и ведет к изобилию продуктов в нашей стране, показать преимущества социалистического строя, позволяющего впервые

в истории человечества осуществить столь грандиозное преобразование природы...

6. Систематически передавать по радио «Беседы врача». Задача этих бесед — осветить достижения советской медицинской науки и ее превосходство над буржуазной наукой, пропагандировать среди населения научные знания в области медицины, санитарии и гигиены, показывать Сталинскую заботу об охране здоровья трудящихся, сопоставляя здравоохранение в СССР с положением в капиталистических странах...

Председатель Комитета радиоинформации
при Совете Министров СССР А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 756. Л. 168–170. Подлинник.

О работе редакции радиогазеты «Пионерская зорька»

Из приказа № 301 Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР

12 апреля 1950 г.

В целях коренного улучшения «Пионерской зорьки» ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Главной редакции радиовещания для детей и юношества (тов. Тимофееву) и редакции «Пионерской зорьки» (тов. Бильчинскому) устранить отмеченные недостатки; принять решительные меры к выполнению приказа № 96 от 26.VIII.49 г., обеспечив повышение идейно-политического, педагогического и художественного уровня детской радиогазеты. «Пионерская зорька» должна в понятной детям, яркой художественной форме рассказывать о жизни нашей страны, о творческом труде советских людей, об авангардной роли Советского Союза в борьбе против поджигателей войны, за мир, свободу и демократию, считая своей важнейшей задачей воспитывать у пионеров и школьников чувство беспредельной любви к Родине, к большевистской партии.

2. Систематически знакомить юных слушателей с важнейшими политическими событиями, в популярной форме рассказывать детям о решениях партии и советского правительства, на конкретных примерах показывать преимущества советского строя перед капиталистическим, широко популяризировать наши достижения в области хозяйственного строительства, науки, культуры и искусства. «Пионерская зорька» должна рассказывать о тружениках социалистического общества — новаторах производства и передовиках сельского хозяйства, о новостях науки и техники, о новинках художественной литературы, о новых кинофильмах и спектаклях.

«Пионерская зорька» обязана чаще приглашать к микрофону стахановцев, передовиков сельского хозяйства, лауреатов Сталинских премий; передавать материалы, отражающие сталинскую заботу о со-

ветских детях; включать в выпуски письма деткоров, литературные и музыкальные странички, художественные рассказы, фельетоны, детские игры.

3. Регулярно информировать пионеров и школьников об успехах мирной политики Советского Союза и стран народной демократии, о тяжелом положении трудящихся и их детей в капиталистических странах...

Зам. председателя комитета И. Поздняк[89]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 874. Л. 2. Подлинник.

О работе разъездного корреспондента

Из стенограммы совещания редакции «Последних известий» центрального вещания

24 февраля 1953 г.

Ретинский[90]. ...Условия работы в Сибири несколько отличаются от условий работы в средней полосе и в Москве. Нас все время сопровождали довольно крепкие морозы; выехали мы в декабре, пробыли там декабрь–январь, а на это время выпадают самые жестокие морозы: меньше 42–39 у нас не было. Это создавало определенные трудности...

Что из себя представляют те области, в которых я работал, что можно оттуда давать. Говорят, что по цензурным соображениям там тяжело работать; я не испытывал трудностей, наоборот, я испытывал чувство досады, когда не мог делать кадры: тем было очень много, а использовать их и сделать на эти темы репортажи я не мог, и мне приходилось проходить мимо очень интересных вещей, что было очень досадно. Можно писать из Сибири буквально обо всем. В Сибири — и огромная промышленность, и огромное строительство, там и тайга, лесоразработки, там и очень интересные темы, связанные со звероводством, там интересные темы, о которых можно писать: это решение проблемы малых сибирских рек, правда, эти репортажи нельзя делать зимой, но это очень важная тема. Затем, сельское хозяйство Сибири весьма разнообразно, специфично, и о нем можно много писать. Что касается науки и культуры, то об этом можно дать бесчисленное количество репортажей. Поэтому если говорить о том, насколько была плодотворна моя командировка в Сибирь, то я могу сказать, что я сделал все то, что я мог сделать, а что касается того, чтобы показать как-то Сибирь в моих репортажах, я считаю, что я сделал очень мало для того, чтобы Сибирь как-то представить в эфире. Мне кажется, туда можно ездить постоянно нашим товарищам и там найдется бесчисленное количество интересных, содержательных тем, и только тогда, пожалуй, мы представим Сибирь, если мы будем отражать ее в наших репортажах и выпусках как-то более систематично...

Я сделал следующий кадр — «Байкал». Байкал — очень своеобразное озеро, многие о нем знают...

С этим кадром были трудности в редакции. Я его делал еще тогда, когда Байкал не замерз, там у меня были характерные байкальские шумы, шторм был записан, и я попытался как-то рассказать об этом шторме, дать картину Байкала, насколько он красив, а пока кадр пролежал здесь, в редакции, Байкал замерз. Мне приходилось все это на ходу переделывать, он потерял поэтому некоторую ценность, некоторую колоритность...

Следующим кадром был «Вечер в таежном селе». Я сел на машину и поехал по Якутскому тракту, за 100 с лишним километров, в настоящую тайгу. Там есть большое село Хомутово. Якутский тракт известен, по нему раньше гнали в Якутск каторжан. Отстоит от села на 40–50 км, села расположены в самой настоящей тайге. Есть такое выражение «непроходимая тайга»; я думал раньше, что это условное выражение, но когда мне пришлось поехать на охоту из этого села, то я убедился в том, что там действительно самая настоящая непроходимая тайга, буквально как стена, деревья повалены, они упали не от ветра, потому что в самой тайге тихо, где-то наверху свистит ветер, а внизу тишина; на полянке снег по горло, а в самой тайге в некоторых местах даже снега нет, потому что так густо сплелись наверху кроны деревьев, что снег не падает, образует крышку. Такой тайгой окружены эти села. Когда я ехал в это село — это было под вечер — в довольно мрачной тайге, я думал, что я попаду в такое село, где будет трудно сделать репортаж, потому что бывало так иногда: куда-нибудь забредешь, хочется показать культуру села, а там такая культура, что показывать нечего. Но оказалось, что в селе Хомутово есть что показать...

(*Демонстрация записи.*)

Вопрос. Как Вы готовили «Охоту»?

Ретинский. Просто пошел и побеседовал. Когда я был с Гальпериным в Ростове, он мне преподал наглядный урок. Мы подошли с микрофоном, чтобы записать старичков-боцманов. Я говорю: давайте сначала побеседуем, а потом запишем. Он говорит: ни в коем случае, не надо, а то они «выговорятся» и потом говорить будут хуже, поэтому никакой подготовки не нужно.

(*Демонстрация записи новогоднего репортажа.*)

Мыслится, что сначала возникает эта песня, и на фоне этой песни я даю конферанс...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 371. Л. 2–17. Подлинник.

О работе сельскохозяйственной редакции

Из стенограммы совещания Комитета радиоинформации Министерства культуры СССР[91]

27 февраля 1953 г.

...Крылов[92]. В решениях XIX съезда сказано, что главная задача в области сельского хозяйства — повышение урожайности с.х. культур, увеличение поголовья скота и увеличение его продуктивности. Мне кажется, что наши передачи должны быть направлены на решение

этой задачи. Мы должны пропагандировать по радио такие агроприемы, которые бы способствовали решению задач, поставленных XIX съездом партии...

Шапкин. Прежде чем подойти к конкретным предложениям, я хочу несколько слов сказать общего порядка. И постановление, и выступление в «Правде» требуют от нас лучше пропагандировать коммунизм, чем мы это делали до сих пор. До сих пор мы в своей работе исходили больше из книжных истин в пропаганде коммунизма, мало касались живой жизни. Я понимаю так, коммунизм — это то, что дает радость простому человеку, простому труженику. Радость простой труженик видит только в нашей стране. Это — величайшее завоевание коммунизма. Это — тема наших передач. Это — критерии наших передач. Из этого надо исходить. Конечно, разные бывают радости. И у нас живут разные люди, и разные бывают радости. Нельзя брать радость того, кто обмеривает и обвешивает покупателя и радуется тому, что ему не мешают. Нельзя брать радость того, кто обозревает людей с высоты своего величия и радуется, что это терпят, что есть в учреждениях такие «шляпы», которые не призывают его к порядку. Эти радости, конечно, не нужны для нас. Для нас нужны настоящие радости, те, которые действительно дают завоевания коммунизма простому человеку. Их так много. Если выйти за стены нашего Комитета и поехать в деревню, так много радостей у простого человека, что только успевай подбирать, успевай показывать.

Я почему это говорю? Потому, что я лично не вижу другого материала, способного больше противостоять зарубежной пропаганде, чем материал о радости советских людей, повторяю, по любому поводу вмещающемуся в рамки советских законов и советской морали...

Надо давать задания корреспондентам связываться с председателями колхозов — агрономами, специалистами — это ростки в нашей социалистической жизни в строительстве коммунизма, и за этими ростками мы должны ухаживать. Если печать — оружие нашей партии, то радио — атомная энергия, потому что мы можем десятки мыслей подсказать по радио.

Пузин. ...Я считаю очень полезными передачи насчет передовых колхозов. На областной конференции выступал тов. Хрущев[93] и отвечал некоторым выступающим. Он говорил: вот некоторые выступают и говорят, что надо запретить колхозникам в город на заработки уходить. Все уходят, остаются одни женщины, но, во-первых, запретить нельзя. Откуда же город будет пополнять рабочую силу, а потом нельзя действовать такими методами. Он назвал один колхоз под Москвой и сказал: вот вы попробуйте там завербовать рабочих. Оттуда никто в город не уходит. И он рассказал немного об этом колхозе. Там есть своя средняя школа, есть и другие культурные учреждения. Там есть чем молодежи заняться. Есть курсы при колхозе. Сейчас в колхозе есть возможность для молодежи получить квалификацию. Ну, что раньше могла дать какому-нибудь мыслящему парнишке деревня? Пастухом быть? Не профессия, во всяком случае, не очень-то приятная профессия. И развлечься нечем. Ни книг, ничего нет. А сейчас другое дело. Надо передовые колхозы показывать...

Я не зову к однообразию. Если есть что-нибудь новое, интересное, скажем, о новых сортах лимонов — надо рассказать. Человек переделывает природу, и лимоны у нас есть, и огурцы есть по килограмму каждый — давайте покажем это, это интересно...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. I. Д. 814. Л. 1–3, 7–10, 39–48. Подлинник.

О работе редакции науки и техники

Из стенограммы совещания Комитета радиоинформации Министерства культуры СССР

3 марта 1953 г.

Сытин[94]. Прежде всего надо концентрировать пропаганду науки и техники более определенно в радиокомитете. Все-таки у нас очень много параллелизма в этом деле. Очень часто детское вещание, промышленная редакция, которая дает цикл ответов на вопросы по стройкам коммунизма, целиком в плане нашей редакции...Мне казалось бы, наилучшими формами пропаганды науки и техники являются следующие три, которые и должны стать, с моей точки зрения, основными, остальные все только подсобными. Это — радиожурнал, в котором дается все многообразие возможных форм радиопередач: и репортаж, и интервью, и краткая беседа ученого, и информация, оформленные и музыкальными и соответствующими связками...

Затем надо стараться нам сделать второй ведущей формой передач в области науки и техники — это радиокомпозиции и комплексные радиопередачи, посвященные одной проблеме. Мы дали пока только три радиокомпозиции об ученых. Письма, которые мы получили по этим вопросам в большом количестве, необычайно вдохновляют...

И, наконец, третья форма передачи, которая, с моей точки зрения, должна занять также ведущее место в нашей работе, это «ответы на вопросы радиослушателей» в виде выступлений ученых, в виде такой задушевной беседы на тот или иной вопрос, заданный радиослушателями...

Пузин...Если разрешите, я выскажу некоторые свои соображения, которые мне представляются далеко не окончательными, — для обсуждения и критики. Прежде всего: все-таки по редакции науки и техники важнейшее значение во всех передачах должна иметь воспитательная сторона, воспитание народа. Мы не можем вести передачи в плане только научно-познавательного характера. Мы должны выбирать такие темы, которые бы политически воспитывали народ...

Я беру доклад товарища Маленкова[95]. Я обращаю внимание редакции науки и техники на два места, по-моему, для этой редакции очень интересные и важные. И в решении Комитета эта мысль выражена, но, очевидно, не дошла она до работников. Товарищ Маленков в своем докладе в заключение говорит (*зачитывает цитату*). Вопрос в том, что коммунизм — это вопрос ближайшего будущего, это реальное дело, это наше завтра. По-моему, редакция науки и техники может найти очень много тем. А воспитывать народ, создавать уверенность в побе-

де коммунизма — это есть воспитание. Открыть огромнейшие ближайшие перспективы в строительстве — это и есть то, ради чего мы живем, ради чего переживаем огромные трудности. Коммунизм — наше ближайшее будущее. Коммунизм мы строим, и наша наука, она настолько сильна, настолько высока, что она может использовать природные богатства и сделать нашу жизнь совершенно иной...

Карвантаниди[96]. ...Я ведаю лекциями, которые поступают из Общества по распространению научных и технических знаний. Нам присылают большинство стенограмм, там написано много хорошего и интересного, но мы даем только выдержки по соображениям времени, и в результате получаются скучные беседы, скучные лекции. Недавно у нас проходила лекция «Биологическая наука в пятой Сталинской пятилетке» — это исключительно интересная тема, там можно было рассказать очень много, в результате эта лекция вышла очень скучноватой и, мне кажется, непонятной для простых радиослушателей, не имеющих специального образования. Я считаю, что наши лекции и беседы должны быть понятны для всех, независимо от образовательного ценза. И я уверена, если бы мы эту лекцию дали в виде вопросов ак[адемику] Опарину, на которые он отвечал бы о биологии в пятой Сталинской пятилетке, то получилась бы прекрасная, интересная лекция...

Глиэр[97]. Основной вопрос, который резко мог бы улучшить работу нашего вещания — это вопрос расширения нашего авторского актива. Если просмотрим наши передачи за три-четыре года, то видим тех же самых авторов. Из многочисленной армии ученых 15–16 процентов, не больше. Огромная армия ученых не освещается в наших передачах, не упоминается. Тем не менее на периферии есть очень интересные люди, очень интересные работы. Те же люди, которых мы привлекаем, они настолько к этому привыкли, что многим из них не только не интересно, но относятся они к этому спустя рукава. Я могу привести десятки фактов, когда ученые выступают сегодня у нас, а вчера — в промышленной редакции или в газетах. А с огромной армией ученых, которая работает на периферии, мы не имеет дело...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. I. Д. 419. Л. 7–40. Подлинник.

Из докладной записки Главного управления радиоинформации Минкультуры СССР в Совет Министров СССР «О реорганизации сети местного радиовещания»

25 ноября 1955 г.

Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР товарищу В.М. МОЛОТОВУ[98]

В предложениях комиссии о структуре Министерства культуры СССР предлагается прекратить радиопередачи во всех районах и городах нашей страны. Постановку этого вопроса в таком виде считаю неправильной по следующим соображениям:

1. Нельзя прекращать местные радиопередачи во всех районах и городах. В национальных и отдаленных районах, а также в некоторых крупных городах целесообразно сохранить местные радиопередачи. Многие областные комитеты, а также ЦК компартий союзных республик категорически возражают против ликвидации городских и районных редакций радиоинформации, и с этим нельзя не считаться.

В настоящее время имеется 208 районных и городских редакций радиоинформации. По согласованию с местными партийными органами намечено прекратить местные радиопередачи в 96 районах и городах.

2. В связи с сокращением сети районного и городского радиовещания усложняются задачи областного и республиканского радиовещания. Главное управление радиоинформации, ставя вопрос о сокращении сети районного и городского вещания, имело в виду необходимость расширения редакционного персонала и корреспондентской сети республиканского и областного радиовещания. Без этого сокращение сети городского и районного радиовещания нанесет ущерб местному радиовещанию, чего допускать нельзя...

Начальник Главного управления радиоинформации А. Пузин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 453. Л. 51–52. Отпуск.

Из письма руководства Главного управления радиоинформации Министерства культуры СССР в секретариат Совета Министров СССР «О передаче по радио басен в выпуске радиообозрения “По театрам и концертным залам Москвы”»

26 декабря 1955 г.

Секретариат заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Первухина[99]

тов. Акопяну[100]

Главное управление радиоинформации направляет Вам тексты басни «Кирпич и крупный блок» и «Песни о недоделках» из эстрадного представления художественной самодеятельности института Моспроект. Это представление было показано 4 декабря на концерте в Колонном зале дома Союзов после заключительного заседания Всесоюзного Съезда архитекторов.

8/XII — это представление было показано в зале имени Чайковского и записано на пленку.

Направляемые Вам тексты были переданы по радио 24 декабря в очередном выпуске радиообозрения «По театрам и концертным залам Москвы».

Заместитель начальника
Главного управления радиоинформации И. Андреев[101]

1.

Отрывок из нового эстрадного представления, которое написали и сами поставили участники художественной самодеятельности института Моспроект Советского района Москвы. Выступает Борис Зубков.

Кирпич и крупный блок

Сказал однажды кирпичу бетонный крупный блок:
Ну что? Плохи твои дела дружок. А я?
Я модным стал, я прогрессивный, я индустриальный,
Я самый лучший материал.
Решенье обо мне, надеюсь, ты читал?
Кирпич ответил: ну и что ж, а стоишь ты пока дороже.

Песня о недоделках

Алло! Алло! Вот дом многоэтажный.
Его по плану надо сдать
Он не готов. Но разве это важно.
Ведь важно акты подписать.
И Главмосстрой активно наступает,
За глотку автора берет,
Грозит, клянется, просит, обещает,
И вот комиссия идет.
Дом хоть куда, изъяны мелки,
Все устраним мы недоделки.
А в основном — прекрасная работа.
Все хорошо, все хорошо!
Вот новоселье в доме отмечают,
Поют, танцуют тут и там,
А дом трещит, скрипит и оседает
По всем температурным швам.
Паркет дубовый выгнулся дугою,
Упал на пол кривой карниз,
Упала люстра, следом за собою
Она розетку тащит вниз.
Розетка что? — пустое дело,
Вся облицовка облетела,
А в остальном прекрасная работа.
Все хорошо, все хорошо.
И вот жильцы повсюду отмечают
Работы качественный след,
И очень много жалоб поступает
В АПУ, МК и Моссовет,
Что в окнах щели велики,
И что кривые потолки,
И промерзают эркера,
И куча хлама средь двора,
Что неустойчив унитаз,
И что-то капает на нас,

И мусоропровод засорен,
Барак у дома не снесен,
Что невозможно больше ждать,
Пора к ремонту приступать.
А в остальном — прекрасная работа.
Все хорошо, все хорошо.

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 453. Подлинник.

Из плана выступления председателя Главного управления радиоинформации Министерства культуры СССР А.А. Пузина «О состоянии материально-технических средств радиовещания»

[Не ранее 1956 г.]

...Материально-технические средства радиовещания у нас крайне слабы. Я имею в виду:

а) передающую сеть — радиостанции;

б) студийное хозяйство, радиодома;

в) оборудование радиоузлов и все хозяйство радиотрансляционной сети.

У нас нередко в печати и в документах приводятся цифры роста мощностей наших радиостанций в сравнении с зарубежными странами.

Такие сравнения не дают истинной картины.

Нужно учитывать нашу территорию.

До сих пор у нас не обеспечен уверенный и бесперебойный прием центрального радиовещания на всей территории нашей страны.

Первая (основная) программа центрального радиовещания во многих районах нашей страны принимается плохо, неуверенно, а иногда и вовсе нельзя принять ее.

К таким районам относятся:

а) Дальний Восток;

б) Молдавия;

в) Карело-Финская республика;

г) Калининградская область;

д) северные области Европейской части СССР;

е) а в утренние и дневные часы даже в областях центрально-европейской части СССР.

Во время XX съезда КПСС, для обеспечения уверенного приема радиопередач, вещательные программы из Москвы передавались по проводам примерно в 50 городов СССР. Уже одно это показывает слабость нашей передающей радиосети...У нас фактически нет многопрограммного радиовещания. Радиопередачи по 2-й и 3-й программам ведутся только в вечернее время: 2-я программа — с 3 часов дня; 3-я программа — с 19 ч. 20 м. вечера. Следовательно, утром и днем можно принимать только одну программу…

Таким образом, огромное большинство населения нашей страны и в вечернее время может принимать только одну программу. Тем самым мы толкаем население на прием иностранных радиостанций...

Есть основание опасаться, что качество приема радиопередач, слышимость радиопередач на территории СССР будет ухудшаться в связи с возрастанием помех со стороны иностранных радиостанций, а также в связи с усилением наших средств заглушения иностранных станций.

Американцы захватывают наши волны, строят мощные радиостанции и создают большие помехи нашему внутреннему вещанию.

Можно сказать, что американцы и иже с ними ставят своей задачей парализовать наше внутреннее вещание, и было бы опасным недооценивать возможности и намерения американцев в этом отношении.

Следует сказать, что никогда ранее со стороны иностранных государств не было столь явного стремления помешать нашему внутреннему вещанию, и в наших планах развития технических средств радиовещания эта возможность должным образом не учитывалась.

Наши станции заглушения создают большие помехи советскому внутреннему и иностранному вещанию, и чем больше наших технических средств будет введено для этих целей, тем больше будут помехи нашему вещанию.

Средства заглушения иностранных радиостанций в шестой пятилетке будут усилены настолько, что они могут парализовать наше вещание на коротких волнах...

Делается ли что-либо сейчас для того, чтобы ввести в действие другие методы защиты нашей территории от враждебной пропаганды?

С одной стороны, мы усиливаем средства забивки, с другой — в огромной мере расширяем выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном и тем самым расширяем возможности приема иностранных радиостанций...

К концу пятилетки у нас будет в стране около 35 млн радиоточек. Это закрытая сеть, надежно защищенная от проникновения враждебной пропаганды.

Прием иностранных радиостанций сейчас возможен главным образом на радиоприемники, имеющие диапазон коротких волн. Сейчас у нас таких приемников около 5 миллионов, а к концу пятилетки их будет 20–30 млн.

Не следует ли нам немедленно резко сократить выпуск радиоприемников с КВ-диапазоном и прекратить продажу приемников в городах и на территории тех республик и областей, где обеспечивается прием советских передач на длинных, средних и ультракоротких волнах?..[102]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 452. Л. 134–162. Подлинник.

Из приказа министра культуры СССР № 655 «О мерах улучшения радиовещания для населения СССР»

28 сентября 1956 г.

За время, прошедшее после XX съезда КПСС, Главным управлением радиоинформации проделана некоторая работа по улучшению радиовещания. По радио систематически разъясняются решения XX съезда КПСС, основные задачи шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, успехи хозяйственного и культурного строительства.

Однако, несмотря на некоторую положительную работу, проведенную за последнее время, в постановке радиовещания имеются еще крупные недостатки...

Руководство Главного управления радиоинформации тт. Пузин, Бондарева, Андреев, Чаплыгин, руководители редакций центрального вещания тт. Шаргин, Карцев, Акинфов, Меньшикова, Крылов, Неверов, Чистякова, Ружников и руководители местных органов радиоинформации не проявляют необходимой требовательности к качеству радиопередач, медленно перестраивают работу в соответствии с требованиями XX съезда КПСС, не проявляют должной инициативы и настойчивости в создании новых, интересных и содержательных радиопередач...

На радио выросло много опытных, квалифицированных работников, хорошо знающих и любящих свое дело, способных поднять радиовещание на более высокий уровень. Вместе с тем в некоторых редакциях и отделах имеются работники, непригодные по своим деловым качествам для работы на радио. Руководство главка, руководители редакций и отделов знают об этом, однако замена этих работников затягивается на длительное время, чем наносится ущерб радиовещанию.

В целях улучшения радиовещания ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Главному управлению радиоинформации, республиканским управлениям, краевым и областным отделам радиоинформации устранить отмеченные недостатки и принять необходимые меры, обеспечивающие дальнейшее повышение качества радиовещания.

Считать главной задачей центрального и местного радиовещания дальнейшую пропаганду решений XX съезда КПСС, мобилизацию советского народа на творческий труд по претворению в жизнь величественной программы коммунистического строительства. Пропаганду решений съезда тесно увязывать с практическими задачами хозяйственного и культурного строительства...

2. Редакциям политического радиовещания:

...организовать передачу бесед, лекций и консультаций по вопросам марксистско-ленинской теории и истории КПСС — о роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силе советского общества, роли народных масс в коммунистическом строительстве, о деятельности партии по преодолению культа личности и его последствий, о развитии социалистической демократии и укреплении

дружбы народов СССР. В пропагандистских радиопередачах популярнее и проще излагать марксистско-ленинское учение, ярче показывать его творческий характер, решительно преодолевать отрыв теории от практики, устранять догматизм и начетничество...

3. Редакции международной жизни повысить оперативность в освещении международных событий, улучшить качество радиопередач, широко привлекать к выступлениям по вопросам внешней политики и международных отношений ведущих обозревателей центральной печати, советских людей, побывавших за границей, иностранцев, приезжающих в СССР, а такие практиковать репортажи с места событий, интервью, обзоры газет стран народной демократии, заметки на международные темы, очерки, фельетоны, радиопередачи «У карты мира» и т.п.

...В целях более глубокого освещения по радио жизни зарубежных стран Управлению внешних сношений (т. Степанову) включать работников Главного управления радиоинформации в состав делегаций, направляемых за границу...

10. Обратить внимание руководителей Главного управления радиоинформации и всех работников радио на необходимость улучшения работы с письмами радиослушателей. Письма радиослушателей должны стать одним из важнейших источников информации о жизни СССР — предприятий, колхозов, о запросах трудящихся масс. На основе писем радиослушателей больше готовить специальных радиопередач — обзоров и тематических подборок писем, ответов на вопросы радиослушателей...

Министр культуры СССР Н. Михайлов[103]

В помощь местному радиовещанию. 1956. № 5. С. 4–10.

Из докладной записки Государственного комитета при Совете Министров СССР по радиовещанию и телевидению[104] в ЦК КПСС «О состоянии радиовещания и телевидения в стране и мерах по коренному улучшению их идейно-политического содержания и материально-технической базы»

2 августа 1957 г.

...Недооценка огромного значения радиовещания и телевидения отрицательно сказалась не только на идейно-политическом содержании, но и на состоянии их материально-технической базы, оказавшейся крайне несовершенной, значительно отставшей от крупнейших стран Европы и США. Во многих областях, краях и республиках даже первая программа, не говоря о второй и третьей, принимается с помехами, на что справедливо жалуются многочисленные советские радиослушатели.

Существующее положение, при котором студийно-аппаратная техника радиовещания и телецентры оторваны от Государственного комитета по радиовещанию и телевидению, занимающегося всем делом радиовещания и телевидения в стране и созданием программ веща-

ния, сдерживает развитие и улучшение вещания, тормозит проведение единой технической политики и мешает скорейшей ликвидации весьма серьезного отставания от современного уровня развития техники и требований эксплуатации, какое сложилось в данное время.

Разрыв единого технологического процесса вещания (создание программы и обслуживание техники) снижает оперативность и гибкость радиовещания и телевидения, значительно усложняет решение вопросов улучшения качества вещания, порождает параллелизм и безответственность...

Министерство связи СССР, имея большой объем различных средств связи, от телефонно-телеграфной до почты, не может уделять достаточного внимания развитию всей техники радиовещания и телевидения в стране. На протяжении многих лет с его стороны внимание концентрировалось на развитии техники мощных передающих радиостанций, направленных, главным образом, на зарубежные страны, и объектов специального назначения. Прекратилось строительство 15–30–50-киловаттных радиостанций для местного радиовещания. Десятки областей РСФСР в силу этого лишены своего вещания.

Техника аппаратно-студийных комплексов и низкочастотных трактов длительное время не улучшалась, сильно отстала и находится на уровне 30–40-х годов и является причиной того, что наши радиостанции звучат в эфире хуже зарубежных.

Объединение техники радиовещания и телевидения в организации, создающей программы и отвечающей полностью за качество вещания, позволит значительно лучше использовать как технику, так и технические кадры, и обеспечит коренное улучшение всего дела радиовещания и телевидения. Творческие работники Комитета будут иметь возможность более эффективно и свободно готовить программы вещания, а технические работники Комитета будут более конкретно и ежедневно заниматься улучшением техники вещания и обслуживанием всех запросов работников, создающих программы...

Серьезные недостатки имеются в подборе, расстановке и повышении квалификации работников радиовещания и телевидения.

Большой помехой улучшению личного состава кадров является неправильно установленная, на наш взгляд, система зарплаты. Работники радиовещания и телевидения и прежде всего журналисты, редакторский состав, режиссеры и операторы и многие другие получают зарплату и другие виды оплаты значительно ниже, чем работники газет, театров и кино. В значительно меньших размерах, чем в театрах и кино, оплачиваются пьесы, сценарии и другие произведения, созданные авторами специально для радиовещания и телевидения. В силу этого наиболее квалифицированные работники отказываются работать на радио и телевидении.

Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, докладывая о вышеизложенном, просит ЦК КПСС рассмотреть вопрос о состоянии радиовещания и телевидения в стране и принять свое постановление, а также рассмотреть и

утвердить проект постановления Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего укрепления и развития материально-технической базы радиовещания и телевидения»[105]...

Председатель Государственного комитета
по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Д. Чесноков[106]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. I. Д. 21. Л. 1–7. Подлинник.

Из стенограммы совещания режиссеров радиовещания «О режиссуре на радио»

5 февраля 1958 г.

Севостьянов[107]. ...Если говорят, что, театр начинается с вешалки, то вещание — с колокольчика, которым открывается передача. Прибыл, в частности, к нам в редакцию один из ведущих дикторов Варшавы. Когда он услышал нашу трансляцию, где диктор объявил, что зрительный зал будет включен через несколько минут без предупреждения, он воскликнул: «Как минут! Это мне непонятно, минуты стоят денег!» На Варшавском радио пауза в 15 секунд считается очень большим делом...

Оформление передач. Когда, например, дается обращение ЦК к народу, выдерживается определенный ритуал; такой же ритуал выдерживается, когда объявляют снижение цен на чулочно-носочные изделия. Это неверно, и заниматься этим должен режиссер. Мы в своем вещании одни на все, поэтому, может быть, мы пристально к этим вещам и прислушиваемся. В частности, мы участвуем и в формировании программы. В субботу мне пришлось прийти домой в 3 часа, я включил радио и услышал сюиту Мейеровича на якутские темы, передавали ее 45 минут. Затем был концерт из произведений Гайдна, Глюка, Баха. После Баха шли песни советских композиторов, эстрада. У меня создается впечатление, что союзное вещание состоит из разделов, которые передаются, не ведая, что делает сосед.

Техническая часть и работники технической части считают, что режиссер — никчемный человек на радио, он вечно что-то требует и вечно недоволен. Это приводит к тому, что чтение дикторов лишается подобия живой речи. В иностранном вещании дикторы ошибаются, шелестят страницами, извиняются, когда ошибаются, даже во французском радио дикторы сморкаются. Я говорил с товарищами, которые принимают участие в работе Би-би-си. Они говорили, что там все записывается на пленку, даже шелест бумаги. Диктор должен быть живым, а не говорящей машиной...

Топорков[108]. ...Первой заботой режиссера должно быть бережное отношение к авторскому тексту. На это нужно обратить внимание, не забывая, конечно, что главной задачей является общий замысел постановки. Но замысел требует своего воплощения, иначе он так и останется замыслом в голове режиссера и исполнителей.

Отрицательную роль в практике передач литературных инсценировок играют также чисто организационные принципы, заключающиеся

в том, что зачастую работники радио не имеют ни достаточного времени на подготовку постановок, ни условий для создания постоянных актерских ансамблей, воспитанных в единой школе. Все это отрицательно влияет на работу режиссеров. Видимо, ощущая недостаточность своих усилий, режиссер на радио в поисках воздействующих средств обращается к побочным средствам: к музыке, к шумовым эффектам, пытаясь подчас создать иллюзию, настроение и нужную атмосферу натуралистическими подробностями (колокольчиками, стуком колес, шумом дождя и т.д.). Увлекаясь всеми этими внешними эффектами, режиссеры подчас утрачивают внимание к тому главному, что одно только может воссоздать и внутреннюю атмосферу, и настроение, и донести до слушателей авторский замысел: я имею в виду раскрытие мыслей через четкую подачу слова.

В результате всего этого создается «разбойный», пестрый спектакль, с виду как будто эффектный, но не несущий в себе ни идеи, ни стиля автора...

Я слушал инсценировку «Гранатовый браслет». Одно из лучших произведений А. Куприна, этот рассказ написан им как бы на одном дыхании. И, конечно, было бы гораздо лучше послушать его в исполнении одного чтеца, скажем Д.Н. Журавлева, чем раздробленным на отдельные актерские исполнения. Музыка также «задавила» это произведение. Куприн только один раз упоминает о сонате Бетховена, а ею насытили всю инсценировку до отказа. Но это же произведение слова, так зачем же литературные передачи превращать в музыкальные? Одним из пороков этой постановки было также «играние чувств», любование ими, благодаря чему нередко затуманивались мысли автора. При чтении знаменитого письма, этого замечательного и страшного письма, которое без слез нельзя читать, исполнительница сама рыдала так, что нельзя было понять почти ни одного слова. Такое «играние чувств» не рекомендуется в театре, а на радио оно просто недопустимо.

Однажды объявили, что будут передавать трагедию «Моцарт и Сальери» в исполнении Яхонтова. Я, естественно, воспользовался случаем послушать гениальное творение А.С. Пушкина в исполнении талантливого чтеца. И действительно, чтение Владимира Яхонтова привело меня в восхищение. Артист не менял голоса, великолепно читал и за Моцарта, и за Сальери, и это был Пушкин. Ничто не отвлекало и не мешало наслаждаться мыслями гениального поэта.

Признаюсь, что вначале, когда объявили об этой передаче, я еще предвкушал удовольствие прослушать моцартовский «Реквием», который, как мне казалось, должен быть обязательно сыгран по ходу действия. Но вот Яхонтов подошел к тому месту, где Моцарт говорит: «Слушай же, Сальери, мой реквием». И дальше Яхонтов просто прочел пушкинскую ремарку «играет реквием», и все... И этого было достаточно. Я был потрясен вкусом артиста и сейчас же примерил на себя: пустил бы я здесь реквием? Да, пустил. Значит, у меня недостаточно вкуса. Яхонтов же поверил Пушкину, поверил в силу его лаконизма. Он оказался прав...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 440. Л. 52–57, 148–158. Подлинник.

Приказ № 167 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об образовании главной редакции сатиры и юмора»

27 февраля 1958 г.

§ 1. Для подготовки радиопередач: «У нас хорошее настроение», «Любимые артисты кино», «Разрешите войти» и радиожурнала «Веселый спутник», а также подготовки новых юмористических передач образовать Главную редакцию сатиры и юмора...

§ 4. Назначить тов. Губарева Виталия Георгиевича[109] с 18 февраля с.г. главным редактором Главной редакции сатиры и юмора...

Председатель Государственного
комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Д.Чесноков

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2037. Л. 117. Подлинник.

Из положения «О Художественном совете при Главном управлении радиовещания Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР»

26 июня 1958 г.

1. Художественный совет при Главном управлении радиовещания создан для усиления контроля и оказания помощи в деле улучшения качества передач.

2. На Художественный совет возлагается прослушивание и обсуждение наиболее значительных радиопередач.

3. Художественный совет состоит из творческих работников Главного управления и приглашенных деятелей литературы и искусства. Состав Художественного совета утверждается приказом по Государственному комитету по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР...

5. Художественный совет выносит свои решения в форме рекомендаций Главному управлению радиовещания...[110]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2041. Л. 100. Подлинник.

Из стенограммы заседания Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР[111] «О фактах нарушения порядка цензорского контроля материалов радиовещания и телевидения»

23 марта 1959 г.

Аветисян[112]. В последнее время в работе Радиокомитета имели место нарушения порядка цензорского контроля. К сожалению, это имело место после постановления ЦК от 13.IX.58 г. и неоднократных предупреждений Главлита СССР...

9 декабря 1958 г. была подготовлена внестудийная передача — альманах «Хочу все знать» из Центрального Дома работников искусств.

Материал был представлен без текста выступлений. И без визы цензора материал был передан по телевидению. После этого Главлит предупредил руководство. 11 декабря наши товарищи поговорили с руководящими работниками телевидения, что таких вещей нельзя делать. Несмотря на это, через 6 дней буквально произошла такая же история. Опять то же самое: товарищи представили из ЦДРИ то же самое по устному альманаху «Хочу все знать» бестекстовое выступление. Выступал один ученый по химии из научно-исследовательского института, не помню из какого. Когда наши товарищи попросили представить текст выступления, товарищ... сказал: давайте вместе поедем к автору и там выясним. Это совершенно недопустимо. Вам должно быть известно, что Главлит, вообще цензура, никакого дела с авторами не имеет. Об этом факте также был поставлен в известность Комитет. Мы даже написали в Агитпроп ЦК, там обещали принять меры к тому, чтобы этого больше не было. И все-таки такие случаи продолжаются. 29 января 1959 г. во время съезда, несмотря на то, что наши товарищи предупредили о том, что любая информация о съезде должна быть поставлена на контроль цензуры, товарищи не сделали этого и при изложении речи товарища Джаванадзе передали без визы цензора материал. Речь шла о заводе электровозов.

Суров. О заводе или о количестве выпускаемых электровозов?

Аветисян. Это не имеет значения.

Суров. Как же не имеет значения? Одно дело, что завод есть, а что он выпускает и сколько — это другое дело.

Аветисян. Не моя задача с вами спорить, я за свои слова отвечаю. 23 марта редакция «Последних известий» передала материал о цементном заводе близ города Кемерова без всякой цензуры. Это нарушает установленный порядок, и таких вещей допускать нельзя. Я говорил Борису Павловичу, что мы подготовили материал в ЦК, чтобы таких вещей больше не было, потому что товарищи не чувствуют ответственности за порученный участок. Поскольку сегодня Комитет обсуждает этот вопрос, мы решили воздержаться от посылки материала в ЦК, поскольку Комитет решил принять меры, исключающие подобные факты.

Суров. Совершенно возмутительный доклад в таком категорическом тоне. Ведь, как говорят одесситы, две большие разницы — о заводе или о количестве электровозов. Что там есть завод — это известно всем, а сколько он выпускает — это, наверное, нельзя. А вы говорите, что все равно. Нельзя так возмутительно разговаривать с людьми, мы не мальчики здесь собрались в 9 утра. Нужно познакомить еще раз или дать редакторам в руки ваше запретительное слово, чтобы они знали, что можно и что нельзя. Ваши цензоры тоже не знают, что можно и что нельзя, а вы потом нам даете нахлобучку. Цензура сама часто ошибается. Я знаю несколько случаев, когда они своим цензорам давали нахлобучку.

Андреев. Не нужно горячиться. Это наше общее дело, дело Комитета и Главлита принять меры к тому, чтобы исключить эти вещи. До тех пор, пока у нас будет действовать установленный несколько лет

тому назад порядок, при котором цензуре разрешено читать не все микрофонные материалы, у нас будет какая-то отдушина для проникновения в эфир недозволенных для огласки материалов. Цензура не читает музыкальные передачи, классическую литературу и т.д. Я бы восстановил прежний порядок, чтобы цензоры читали буквально все. И после этого мы можем дать команду диспетчеру: там, где нет пометки Главлита, в эфир не давать...Во-вторых, что касается «Последних известий». Как известно, «Последние известия» работают круглосуточно. Цензоры начинают с 10 часов. Мы передаем выпуски в 6, 8, 9 часов. У нас было время, когда цензор дежурил круглые сутки. Я не понимаю, почему это отменили... Надо восстанавливать старый порядок. Другое дело, будет цензор читать отрывок из Гоголя или не будет — это его дело. Но надо, чтобы на микрофонном материале его пометка была. Второе: я считаю, поскольку мы работаем круглосуточно, цензура тоже должна дежурить...

Киперман. У нас раньше строже было с цензурой. Был такой случай. Вы знаете, что Бещев каждый год выступает в День железнодорожников, выступает в парке культуры и других местах. И был такой случай, что наша цензура, прочитав его доклад, сказала, что такие вещи передавать нельзя. Мы позвонили и сказали, что если вы хотите, чтобы мы доклад передавали по радио, то нужно из доклада изъять такую-то часть, такие-то цифры.

Вот как было поставлено дело еще несколько лет тому назад.

Правильно, так и должно быть поставлено.

Недавно мы давали доклад академика Берга по радио. Доклад был прочитан цензурой. Все было наготове. Бывает так, что сам ученый, сам Берг, или сам министр Бещев могут не знать какой-то детали, которую знают товарищи, к этому приставленные. Поэтому контроль — задача для нас непосильная и брать ее на себя не надо. Никогда в жизни ни один главный редактор не поймет этого перечня запрещений. Мы должны быть рады, что есть люди, которые могут этим заниматься по-настоящему и будут за это отвечать. Была у нас такая практика, что диспетчер получал материал, что бы это ни было — Гоголь, Чехов, Толстой, на каждом материале должен быть красный значок. Есть значок — идет в эфир. Нет — не пускают в эфир. Потом решили: надо облегчить работу Главлита. Но это оказалось во вред. Надо вернуться к старому порядку.

Затем, на радио стали не случайными, а часто повторяющимися передачи бестекстовых записей. Об этом поздно спорить, с этим фактом надо Главлиту считаться и установить такой порядок, чтобы цензор был обязан прослушать бестекстовую запись и завизировать на основании прослушанного. Бестекстовая запись — это лучшая форма радиовещания, перспективная форма. А товарищи отказываются слушать: расшифруйте текст. Мы не будем успевать расшифровывать тексты. Цензор обязан давать визу не только по прочитанному, но и по прослушанному. Цензоры, работающие на радио, должны быть к этому приучены.

Саконтиков. ...Я не очень себе представляю, каким образом будут проводиться и визироваться всякого рода репортажного вида передачи. Я приведу пример. Позавчера я получил письмо директора Новосибирской студии. Он сообщает, что обком партии предложил студии телевидения транслировать слет бригад коммунистического труда. Они были готовы к этому, но цензор запретил им это. Эта передача не прошла. Вероятно, новосибирский цензор — уникум. Но как быть, когда происходит рассказ о крупном событии, которое происходит в этот момент. Это не дает возможности заранее прослушать. Тут нет ни текста, ни возможности прослушать заранее. И хотя докладчик сегодня не упоминал о такого рода передачах, нам нужно поговорить об этом. Ведь нам живое слово выбросить нельзя... Если мы заставим любого приглашенного слово в слово говорить то, что у него записано, как стихи учат в школе, я думаю, что мы медвежью услугу окажем как радио, так и репортажу. Это немыслимо.

Иванов. ...Вы назвали случаи, когда в эфир прошли незавизированные материалы... Но тогда, во время этих передач, ничего не проникло в эфир, чего нельзя было бы сказать. «Техника больших возможностей» — тут надо было решать буквально на ходу, за очень небольшой срок до начала передачи, в которой участвовал директор научно-исследовательского института автоматики и телемеханики[113]... За неделю до этого он выступал с основным докладчиком на всесоюзном совещании в Кремле по автоматизации производства. Цензор говорит, что нужен текст. Наши товарищи побежали звонить. Тот говорит: «Послушайте, мне легче у вас не выступать, чем писать текст. Я был докладчиком. Мой доклад утверждался в ЦК партии, и работники Главлита постоянно у меня консультируются, что по автоматике и телемеханике можно и что нельзя. Для меня ваше требование очень обидно и обременительно». Все это было доложено представителю из Главлита. Он говорит: нет, я не завизирую, берите ответственность на себя...

Мы приняли ряд мер. У нас уже состоялись два занятия, на которых присутствовали редакторы всех редакций с представителями Главлита, которые знакомили нас с новым положением: что можно, что нельзя. Я должен сказать, что это принесло пользу. Музыкальная редакция делает концерт по заявкам и объявляет: такой-то номер просит исполнить учительница такой-то школы, рабочий такого-то завода, военнослужащий такой-то части, т.е. то, что указано в их письмах. Оказывается, этого нельзя. Воинская часть была опубликована по телевизору...

Вот тут говорили, что у нас ряд передач прошло без визы. И в то же время Главлит не предъявил нам претензий по поводу того, что у нас без визы выступали иностранцы. Макмиллан выступал, затем окончилось бюро Всемирного совета мира, и у нас за круглым столом собрались 8 человек из восьми стран — английский ученый, американец, из Франции Елизавета Блюм и другие, которые вели разговор за круглым столом и никакой визы не было и не было никаких возражений.

Ковалев. Здесь, конечно, не антагонисты собрались, а люди, которые имеют общие усилия — не допустить разглашения государственных тайн на радио и в печати и не нанести ущерб государству. Я думаю, что мы уже достигли такого уровня развития, что сами можем знать, что нужно и что не нужно давать. Но без цензуры все-таки нельзя. Это же серьезный вопрос, это не шутка. Ведь не секрет, что у капиталистов существуют специальные базы, летчики там, специальные ракеты, которые нацеливаются на определенные базы. Это ведь их линия. Так зачем же мы им будем помогать? Это серьезные вопросы. В мирное время это кажется далеким и неважным, а на самом деле это серьезный вопрос...

Наша цензура в целом пока не вполне учитывает специфику радио и то новое, что появилось на телевидении. Вы приспособлены к печати, и свою работу строите применительно к печати. Я работал в издательстве, знаю, там тоже были столкновения, но по другой линии. Там можно месяц ждать. На радио, на телевидении это невозможно. Цензура это не совсем учитывает. Радио и телевидение приобрели такое гигантское значение и будут приобретать еще большее. Так и вы, будьте добры, приспособьтесь к этому. Надо подумать, как это лучше сделать. Если речь идет о халатности, о злой воле — тогда будем наказывать, снимать, призывать к порядку. Но если мы хотим информировать и вовремя, так, как мы должны это делать, если мы хотим выполнить свой долг — дать информацию своевременно, это — наша обязанность. И если здесь препятствие какое-то, то, будьте добры, необоснованно, чтобы этого не было. Это — ваша обязанность. Во время передач, может быть, товарищ как раз скажет то, чего не следует говорить.

Аветисян. Что касается передач внестудийных, тут говорили — генерал, профессор и т.д. Авторитетов в этом деле не может быть никаких абсолютно. Просматривается любой материал: и партийных работников, и государственных работников. Все это рассматривается.

У нас принцип такой, что без цензора ничего нельзя пускать. Вы должны знать, что без цензуры вообще передавать ничего нельзя. А если мы будем идти по такой линии, что товарищ знает это дело, авторитет большой, тогда ничего не получится. (*С места:* Без текста вам нельзя обойтись?) Речь идет о том, чтобы не разглашались тайны экономические, военные и т.д. Пусть будут отступления от текста, пусть товарищи говорят, не читают, но чтобы текст у нас был, чтобы мы посмотрели и знали, о чем там идет речь. А во время выступления пусть товарищ будет свободен, пусть говорит.

Действительно, может быть мы несколько отстали от новых форм радио и телевидения. Это мы учтем. Но тут речь идет о принципе. Надо, чтобы товарищи знали, что без визы ничего нельзя давать...

Еще одно замечание насчет музыкальных передач. Зачем нам вести просмотр музыкальных передач. Это не нужно совершенно, это смешно, товарищи. Другое дело, если есть предисловие к музыкальным передачам, это мы должны смотреть...

Имейте в виду, что это не наш каприз. Положение о Главлите утверждено правительством, одобрено ЦК. И мы на своем участке обязаны требовать, чтобы исполнялось это постановление. Речь идет о том, что нельзя без визы цензора давать. Надо в принципе, чтобы считались с цензурой. Это — люди, поставленные партией и правительством, которые следят за порядком.

Вопрос. Как быть с репортажами с места событий?

Аветисян. Из колхоза — пожалуйста, что угодно передавайте.

Вопрос. А с завода?

Аветисян. Смотря какой завод, какой цех.

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 538. Л. 1–25. Подлинник.

Приказ № 880 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об освещении по радио и телевидению визита Н.С. Хрущева в США»

12 сентября 1959 г.

В целях оперативного освещения по радио и телевидению пребывания Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Соединенных Штатах образовать специальную группу в составе: Пахомов З.И. (руководитель), Андреев И.А., Шрагин В.О.[114], Козьяков В.Д., Манькович Д.Я., Шаповалова И.Т., Кастелин Н.А., Староверов Н.И. Возложить на группу ответственность за подготовку и передачу в эфир официальных материалов, связанных с визитом Н.С. Хрущева, а также репортажей и других материалов специальных корреспондентов радио и телевидения.

Обязать Главные управления внутрисоюзного киновещания и телевидения обеспечить своевременный прием и подготовку к передаче всех материалов, которые будут поступать из США в связи с поездкой Н.С. Хрущева, а также откликов на эту поездку в СССР и за рубежом.

Председатель Государственного комитета по радиовещанию
и телевидению при Совете Министров СССР С. Кафтанов[115]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2186. Л. 197. Подлинник.

Письмо редактора Ленинградского радиокомитета Марченко писательнице В.Ф. Пановой[116]

7 декабря 1959 г.

Многоуважаемая Вера Федоровна!

Литературно-драматическая редакция Ленинградского радио начала работать над циклом постановок по пьесам ленинградских драматургов, которые в настоящее время не идут на сценах театров нашего города.

По условиям радио мы не можем ставить эти пьесы целиком. В одних случаях мы ставим отдельные, концертно звучащие, сцены из пьес, в других — создается радиокомпозиция по пьесе с выделением какой-либо сюжетной линии, характера и т.п.

Первая, уже осуществленная, работа этого цикла — радиопостановка сцен из Вашей пьесы «Девочки». В нашу радиокомпозицию мы отобрали сцены, связанные с Томкой. Ее играет артистка Алиса Фрейндлих[117]. Режиссер — В.В. Эренберг[118]. В пленке эта постановка на 50 минут.

Просим Вас ознакомиться с текстом композиции. Если Вы захотите, то мы можем предоставить вам возможность прослушать запись постановки в Доме радио.

РГАЛИ. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 332. Л. 6. Машинопись на бланке.

Из приказа № 1392 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О выездной редакции Всесоюзного радио и телевидения в сибирь и на дальний восток»

21 декабря 1959 г.

1. Принять предложение Главного управления внутрисоюзного радиовещания об организации выездной редакции Всесоюзного радио и телевидения для более широкого освещения по радио и телевидению важнейших строек семилетки.

2. Направить выездную редакцию в Сибирь и на Дальний Восток в первой половине января 1960 г. сроком на 70 дней.

3. Утвердить выездную редакцию в следующем составе: Летунов Ю.А.[119], Ретинский К.И., Раввин И.В.[120], Ананченко В.М. (редакция «Последних Известий»), Лещинской Б.М.[121] (промышленная ред.), Ревенко А.Г. (молодежная ред.), Зубков Г.И.[122] (редакция освещения жизни в СССР), Седов Г.П. (корреспондент по Ярославской области), Дитрих А.К. (ред. вещания для детей и юношества), Александрович Н.В. (режиссер художественного вещания), Кутуб-Заде И.К. (кинооператор Центральной студии телевидения), Сурков А.А.[123], Гранин Д.А.[124] (Союз писателей)...

Председатель Государственного комитета по радиовещанию
и телевидению при Совете Министров СССР С. Кафтанов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2191. Л. 147. Подлинник.

Из приказа № 207 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О новых передачах Главного управления художественного радиовещания»

13 февраля 1960 г.

ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1. ...1. Создать при начальнике Главка художественного вещания редакционную коллегию в составе: Карцев Н.П., Сухаревская В.Л., Головенченко А.Ф., Генкина Р.И., Гришаев В.Н.[125], Буняев В.С., Соколов Е.А., Керова В.В...

§ 2. 1. ...С февраля I960 г. начать выпуск двухмесячного часового радиоальманаха о новостях литературы и искусства, два раза в месяц по 30 минут планировать передачи из цикла «Трибуна писателя» и 2 раза в месяц по 25 минут — передачи из цикла «Поэзия наших дней»...

Председатель Государственного комитета по радиовещанию
и телевидению при Совете Министров СССР С. Кафтанов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2318. Л. I8. Подлинник.

Из приказа № 519 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О создании группы по работе с внештатными комментаторами»

18 апреля 1960 г.

§ 1. Создать группу по работе с внештатными комментаторами Центрального радиовещания и телевидения в составе комментатора (руководитель группы) и двух старших редакторов[126].

§ 2. Назначить руководителем группы по работе с внештатными комментаторами центрального радиовещания и телевидения комментатора тов. Трегубова В.Д.[127]...

Председатель Государственного комитета по радиовещанию
и телевидению при Совете Министров СССР С. Кафтанов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2321. Л. 54. Подлинник.

Из приказа № 773 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О работе редакции пропаганды»

2 июля 1960 г.

После исторических постановлений Центрального Комитета партии о задачах партийной пропаганды в современных условиях и об улучшении советского радиовещания и дальнейшем развитии телевидения редакция пропаганды несколько активизировала свою работу, расширила тематику и повысила качество передач по вопросам внутренней политики Коммунистической партии, марксистско-ленинской теории...

Вместе с тем редакция пропаганды еще не добилась коренной перестройки своей работы и улучшения качества своих передач с учетом задач и требований, выдвинутых в постановлениях ЦК КПСС по идеологическим вопросам. В работе редакции продолжают иметь место серьезные недостатки.

ПРИКАЗЫВАЮ:

I. Обязать отдел пропаганды марксизма-ленинизма в кратчайший срок устранить отмеченные недостатки и обеспечить коренное улучшение работы, повышение качества передач...

Ярко и убедительно рассказывать о превосходстве социализма над капитализмом, о преимуществах нашего строя, экономики, идеологии, советского образа жизни; разоблачать лживую империалистическую пропаганду; организовывать больше передач, помогающих воспитывать советских людей в духе непримиримости к буржуазной идеологии и гордости за свою социалистическую Родину, в духе советского патриотизма и интернационализма.

3. В ближайшее время уделить особое внимание широкому разъяснению итогов и значения исторических решений майской сессии Верховного Совета СССР, доклада товарища Н.С. Хрущева «Об отмене налогов на рабочих и служащих и других мероприятиях по повышению жизненного уровня советского народа», заключительного слова по докладу и других материалов сессии, а также пропаганде миролюбивой внешней политики СССР и важнейших вопросов развития советской экономики и технического прогресса в СССР в связи с подготовкой к июльскому Пленуму ЦК КПСС...

Считать также важнейшей задачей отдела пропаганды подготовку передач, глубоко разъясняющих речь товарища Н.С. Хрущева на Всесоюзном совещании передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, систематически освещать по радио передовой опыт хозяйственного строительства, образцы коммунистического отношения к труду...

Передачи на эти темы готовить в наиболее эмоциональной форме, используя с этой целью в первую очередь такие жанры, как радиокомпозиция, радиоочерк, рассказ у микрофона участников событий и т.п. ...

6. Обеспечить коренное улучшение качества «Радиожурнала для женщин». Радиожурнал должен действенно помогать повышению идейных запросов и интересов женщин, привлечению женщин, особенно домохозяек, к общественно-политической жизни, борьбе против религиозных предрассудков, а также пережитков мещанства.

Председатель Государственного
комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР С. Кафтанов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2323. Л. 418–425. Подлинник.

Из приказа № 1096 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об увеличении вознаграждения выдающимся мастерам искусств за исполнение музыкальных и литературно-драматических произведений, записываемых для радиовещания и телевидения и при озвучении телефильмов»

18 июля 1960 г.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 16 декабря № 1361[128], ПРИКАЗЫВАЮ:

Выдающимся мастерам искусств, имеющим установленные министром культуры СССР повышенные персональные ставки за выступле-

ния в смешанных и сольных концертах, а также в спектаклях в размере 1,5 и 1,75 ставки, вознаграждение, выплачиваемое при записи музыкальных и литературно-драматических произведений, для радиовещания и телевидения и при озвучении телефильмов увеличивать на 50 процентов; исполнителям, имеющим повышенные персональные ставки в размере 1,25 ставки — на 25 процентов.

Увеличение ставки вознаграждения за запись выплачивать со дня установления приказом министра культуры СССР повышенной оплаты за выступления в концертах и спектаклях.

Председатель Государственного комитета по радиовещанию
и телевидению при Совете Министров СССР С. Кафтанов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 2326. Л. 12. Подлинник.

Из стенограммы редакционного совета Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О работе редакции "Театр у микрофона"»

6 февраля 1962 г.

...Липовецкий[129]: Драматическое искусство — это очень важное идеологическое оружие, потому что оно несет мысли через художественные образцы, не просто выраженные в словах, а воплощенные в плоть и кровь живых людей. Это слушается с наибольшим интересом и к этому приковано самое большое внимание слушателей наших художественных передач. Поэтому с их создателей наибольший спрос.

Миллионы людей в самых отдаленных наших местах впервые, может быть, знакомятся с театром по радиопередачам. И это совершенно естественно, потому что, несмотря на огромное количество театров в нашей стране, очень много людей не имеют возможности увидеть театр. Они видят их на экране или слушают по радио. И вот в этом колоссальное значение работы «Театра у микрофона», потому что он помогает формированию новых черт людей коммунистического будущего не только простым языком политического и экономического факта наших других передач, но и художественным образом, который должен быть полнокровным и четким, не должен вызывать ни минуты сомнения в своей достоверности...

Перед «Театром у микрофона» стоят серьезные задачи, где проверяются политическое чутье, художественный вкус и мастерство в передаче драматического спектакля радиослушателю...

Платонов. Состояние нашей техники нередко тяжелое, «драматическое». Выезжаешь в Брянск, где поставлен хороший спектакль, но нечем писать, нет микрофонов, нет даже самой маленькой крохотной студии. Это вопрос чрезвычайно серьезный и наряду с другими творческими вопросами должен стоять на повестке дня нашего государственного комитета. Если можно записать одного исполнителя, то записать сцену в два–три человека просто невозможно. Я писал в Брянске, в ряде других городов. Это немыслимо, в каком состоянии находятся наши хозяйства. Даже в Москве сегодня никто не занимает-

ся трансляционными пунктами. Положение с трансляционными пунктами очень тяжелое. Я хочу привести один пример.

Сейчас одна из центральных площадок, на которой приходится показывать новые работы, это Кремлевский театр. В Кремлевском театре идет все лучшее, что есть на периферии, а когда сцена свободна, показывают оригинальные спектакли новых авторов, которые можно записать по трансляции. Пытались записать по трансляции спектакль ярославского писателя Жижигина «Хозяин...», который был оценен и режиссерами и драматургией. Но тов. Кабанов, директор театра, нам категорически отказал. Он сказал, что у нас настолько кустарная техника, что стыдно приходить. Был случай, из-за которого он получил взыскание. На одном из спектаклей шла запись, наши работники поставили четыре шеста. Зрители возражали, поскольку шесты мешали, а когда начали открывать занавес, один из шестов упал. В этот вечер в правительственной ложе сидели тт. Фурцева[130], Козлов[131] и другие члены правительства. Тов. Кабанову сделали нагоняй.

Я должен сказать, что у нас очень незначительная группа писателей-драматургов и она не велика по своему удельному литературному весу. Голосовский, Приставкин[132], очень молодые интересные люди. А дальше идет очень средненький состав авторов. Оплата авторская у нас чрезвычайно низкая. Это большой и серьезный вопрос, требующий своего разрешения. Нельзя находиться в таком положении, в каком мы сейчас находимся. Нам обещали, когда снижали оплату исполнителям, обещали, что снизят исполнителям в кино, но этого не сделали. И поэтому, конечно, мы вынуждены иногда просто удовлетворяться очень средненькой литературой...

А ведь нас слушают миллионы людей. Один спектакль «Хочу верить», когда дали по второй программе, собрал около 200–300 писем, и более тысячи писем было, когда давали его по первой программе. А ведь сколько людей не пишут. Придаем большое значение кино, но и радиотеатр — не менее массовое искусство, которому нужно придавать большое значение и со стороны привлечения авторов, и со стороны требовательности к нашей работе...

Недавно слышал, позавчера кажется, передачу о природе, по первой программе. Там инсценируется то, что не надо инсценировать. Гораздо проще, лучше, правильней, тактичней, может быть, чтобы диктор рассказал. Мы все стараемся инсценировать.

Голос. Только телефонную книжку не инсценируем.

Гейман[133]. А ее можно бы интересно инсценировать.

Платонов. Мне кажется, о требовательности, художественных вкусах надо повести серьезный разговор, чтобы не варились мы только в собственном соку. Я скажу, что было бы интересно, чтобы на это совещание пришли совсем посторонние люди: театральные критики, радиослушатели, которые выступают на конференциях, из народных театров чтобы пришли, послушали, предъявили нам требования, может быть, неквалифицированные с точки зрения театральной терминологии, но это нужно...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 279. Л. 4–9, 35–46. Подлинник.

Приказ № 75 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О порядке представления радиопередач на контроль цензорам Главлита»

12 января 1963 г.

С целью упорядочения представления радиопередач на контроль цензорам Главлита

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Главным редакциям внутрисоюзного радиовещания[134] все передачи сдавать только в отдел выпуска Главной редакции программ, после чего отделом выпуска они передаются цензорам Главлита.

2) В целях наибольшей оперативности прохождения в эфир событийных материалов, разрешить не представлять на цензорский контроль следующие передачи:

а) расшифрованные тексты репортажей о встречах и проводах правительственных делегаций Советского Союза, стран народной демократии, глав и членов правительств зарубежных стран, парламентских делегаций;

б) репортажи о всесоюзных и международных футбольных и других спортивных соревнованиях;

в) трансляции спектаклей из театров, концертных залов, за исключением концертов художественной самодеятельности.

Во всех случаях репортажи и оперативные записи на пленку передаются в эфир под ответственность главного редактора вещательной редакции или его заместителя.

3) Разрешить передавать в эфир без цензорского контроля также следующие материалы:

а) тексты, перепечатанные из советских центральных газет и журналов, в том числе обзоры печати, а также материалы ТАСС;

б) программы музыкального радиовещания, за исключением дикторских текстов к передачам по заявкам радиослушателей, концертам самодеятельных коллективов, в которых могут быть сведения, не подлежащие оглашению;

в) передачи для детей дошкольного возраста.

Все остальные передачи внутрисоюзного вещания должны сдаваться на контроль цензорам Главлита.

4) Копии завизированных цензором материалов, предназначенных для повтора или обменного фонда, могут использоваться лишь в течение 3-х месяцев после выдачи разрешения на выход в эфир.

Зам. председателя Госкомитета Э. Мамедов[135]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 2. Л. 134–135. Подлинник.

Из приказа № 392 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О радиопередачах для советских граждан, находящихся за рубежом»[136]

6 марта 1963 г.

В связи с необходимостью оперативно информировать находящихся за рубежом советских граждан о жизни Советской страны и событиях международной жизни,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Главной редакции «Последних известий» (т. Трегубову В.Д.) с 5 марта с.г. ввести ежедневные получасовые передачи (с 4 часов 30 минут до 5 часов утра по московскому времени). В передачи включать наиболее важную информацию из выпусков «Последних известий» и обзоров газет...

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР
по радиовещанию и телевидению М. Харламов[137]

ГА РФ. Ф. 6093. Оп. 28. Д. 4. Л. 14. Подлинник.

Из доклада[138] секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева[139] на Пленуме ЦК КПСС «Очередные задачи идеологической работы партии»

18 июня 1963 г.

...Рост культуры и сознательности трудящихся предъявляет повышенные требования к массовым средствам идейного влияния — печати и радио, кино и телевидению. Образно их можно назвать «китами», ударными идеологическими силами партии[140].

Созданная В.И. Лениным советская печать имеет свое лицо, ее неповторимый облик определяется одним решающим фактором — она является выразительницей коренных интересов народа, верным и наиболее близким помощником партии, пропагандистом и организатором строительства коммунизма. Замечательные плоды принесло восстановление и развитие ленинских традиций в печати...

В нашей стране осуществлена ленинская идея массового радиовещания. Советское радио прочно вошло в жизнь и быт народа. Работники радио за последнее время несколько оживили вещание.

Но сколько еще серых, бездумных и скучных передач! Многие недостатки радио порождаются тем, что техническая база и сложившаяся в прошлом система организации радиовещания не соответствуют возросшим требованиям. Радио — это газета без бумаги и расстояний, это театр и музыка для многомиллионной аудитории. Превратить радиовещание в подлинную трибуну масс, поднять его роль в идеологической работе партии, в борьбе за коммунизм, совершенствовать качество и искать новые формы передач — важнейшие задачи советского радио.

Радио должно входить в дом, семью как хороший друг, умный собеседник и добрый советчик...

В последний период в семью массовых средств коммунистического воспитания вошло телевидение. Его развитие идет стремительными темпами.

Подлинным триумфом советского телевидения являются передачи из космоса, сделавшие нашу страну родиной космовидения. Все мы видели по телевидению волнующие кадры из космоса. Советское телевидение с его многомиллионной аудиторией превращается в мощное орудие политического и идейно-эстетического воспитания народа, пропаганды коммунистического образа жизни. Телевидение —

друг советского искусства, оно делает его еще более доступным для миллионов людей...

Как вы знаете, некоторые деятели культуры поддались влиянию чуждых идей, отступили от завоеванных в борьбе и проверенных жизнью принципов советского искусства, сползли на позиции мирного сосуществования с буржуазной идеологией.

Идейная неустойчивость пагубно сказалась на творчестве и поведении некоторых молодых (да и не только молодых), политически незрелых, но весьма самонадеянных и безмерно захваленных литераторов и работников искусства. Они забыли о том, что в мире происходит ожесточенная борьба социалистической и буржуазной идеологии. В своем творчестве они отступили от принципов партийности и народности, противопоставив высокому гражданскому пафосу копание в своих мелких чувствах и переживаниях.

В изображении советской действительности некоторые писатели не сумели отделить извращения, связанные с культом личности, от огромной революционно-преобразовательной деятельности партии и народа на всех этапах развития советского общества. Кое-кто разучился радоваться героическим свершениям народа, с кислой гримасой встречает изображение светлых сторон нашей жизни. Находятся люди, которые пытаются утверждать, что искусство сильно лишь в ниспровержении, в отрицании, а утверждающий пафос социалистического реализма якобы ведет к приукрашиванию действительности.

В таких рассуждениях нет ни грана правды, здесь все поставлено с ног на голову.

Высший критерий, сердцевина социалистического реализма — жизненная правда, выраженная в художественных образах с позиций коммунистического мировоззрения. А жизненная правда строителей коммунизма — это утверждение самого гуманного общества на земле. Она в отдельных проявлениях может быть суровой и «горькой», но это мужественная правда борцов: она укрепляет души и сердца людей, а не сеет обывательскую панику и растерянность перед трудностями жизни.

Подлинная смелость художника не в том, чтобы выискивать факты и фактики, выдумывать и малевать ужасы и недостатки, а в гражданственности его позиции, в последовательном и бескомпромиссном утверждении высоких коммунистических идеалов. Индивидуализм и фразерство, развязность, игра в идеологические поддавки с буржуазным миром, болезненное пристрастие ко всему темному и серому, духовная слепота к светлому и победоносному есть не что иное, как отступление от революционных традиций передовой русской и советской литературы. Не так уж редко приходится сталкиваться с попытками радость созидания подменить скептицизмом, советского человека изобразить нарочито заурядным, обыденным...

Вспомним, с каким гневом выступал В.И. Ленин против чуждых тенденций в идеологии, с каким сарказмом обрушивался на обывательское слюнтяйство и либеральную маниловщину руководства искусством. Партия верна ленинским принципам, она решительно отме-

тает бесхарактерность и безответственность в идейных вопросах. Надо, чтобы никогда не было атмосферы идейной незащищенности для тех, кто отстаивает верные позиции и, наоборот, атмосферы идейной безнаказанности для проповедников чуждых нашей идеологии взглядов.

Одно время под предлогом борьбы с последствиями культа личности отдельные творческие работники вообще стали выражать сомнение в необходимости партийного руководства искусством, иронически относиться к любому упоминанию об общественном долге художника и воспитательной миссии литературы и искусства.

В свою очередь, некоторые партийные и советские работники, потеряв политическую остроту, смирились с явно неправильными тенденциями, спасовали перед демагогами, боясь прослыть ретроградами и консерваторами. Дело дошло до того, что в некоторых организациях стыдились даже произносить: «социалистический реализм», «партийность», «народность», «идейность».

Партия остро критикует литераторов и деятелей искусства, допустивших ошибки, сбившихся с верного пути. В вопросах идеологии не может быть уступок и компромиссов. Но все мы помним, что речь идет о советских художниках, как правило, политически близких нам людях. Задача состоит не в том, чтобы «отлучать» их, а в том, чтобы помочь им понять свои идейно-художественные ошибки, в полной мере поставить свой талант на службу народу, делу коммунизма. Было бы не в духе политики нашей партии творческих работников, допустивших ошибки, зачислять в разряд безнадежных и неисправимых.

Надо отказаться от какой-либо предвзятости, помнить, что борьба идет не против людей, а за людей, против плохих идей. (*Аплодисменты.*)

В то же время тем, кто рассчитывает, что борьба с идейными шатаниями и извращениями — «временная кампания», которая скоро пройдет, что «все забудется», пока же можно отсидеться и отмолчаться, мы говорим: не выйдет! Дело идет о серьезных вещах, партия ведет не кампанию, а последовательную борьбу за утверждение ленинских принципов во всех областях художественного творчества, и ни один честный советский художник не может сегодня выступать в роли этакого «стороннего наблюдателя», замыкаться в себе, а тем более упорствовать в своих ошибках и заблуждениях, искать сочувствия, апеллировать к отсталым и антиобщественным элементам...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 11. Д. 895. Л. 71–87. Микрофонный материал.

Из приказа № 544 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О проверке и изъятии магнитофильмов и кинопленок с устаревшим содержанием»

7 августа 1963 г.

Приказом по Госкомитету от 15 ноября 1961 г. за № 1864 «О проверке и изъятии магнитофильмов и кинопленок, не отвечающих современ-

ным задачам радиовещания и телевидения» главным редакторам и заведующим — редакторам вещательных отделов, а также республиканским, краевым и областным комитетам по радиовещанию и телевидению было предложено проверить и изъять магнитофильмы и кинопленки, устаревшие по содержанию. Кроме того, Госкомитет в письме председателям местных комитетов от 11 октября 1962 г. № 7/958 обратил внимание на то, чтобы любые, прошедшие ранее, передачи давались повторно в эфир только после внимательного прослушивания записей на магнитной ленте и тщательной проверки текста этих материалов.

Однако Госкомитет располагает фактами, которые свидетельствуют о том, что некоторые местные комитеты отнеслись формально к проверке имеющихся магнитофильмов. В результате имеют место случаи, когда в эфир передаются записи на магнитной ленте с устаревшим содержанием.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Под личную ответственность председателей республиканских, краевых и областных комитетов по радиовещанию и телевидению:

а) в месячный срок проверить содержание всех имеющихся в местных комитетах записей на магнитной ленте, устаревшие из них изъять из фонотек и размагнитить. По окончании проверки представить отчет в Госкомитет;

б) обеспечить тщательную проверку содержания включаемых в программы вещания записей на магнитной ленте, обязательно прослушивая их перед эфиром...[141]

Председатель Госкомитета М. Харламов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 6. Л. 8–9. Подлинник.

Из приказа № 610 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О создании Главной редакции политической пропаганды, экономики и науки и Главной редакции радиовещания для молодежи»

25 сентября 1963 г.

§ 1. Объединить Главную редакцию политической пропаганды и Главную редакцию естественнонаучных передач в Главную редакцию политической пропаганды, экономики и науки.

§ 2. Создать Главную редакцию радиовещания для молодежи, исключив из штатного расписания Главной редакции политической пропаганды отдел передач для молодежи...

Заместитель председателя Госкомитета Э. Мамедов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 6. Л. 192. Подлинник.

Из приказа № 15-К Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О реставрации звукозаписи речей В.И. Ленина»

4 января 1964 г.

За успешную работу по реставрации записей речей В.И. Ленина ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объявить благодарность и выдать денежную премию в размере месячного оклада: Гаклину Д.И. — звукорежиссеру ГДРЗ; Жорникову Б.А. — звукорежиссеру; Тоболину В.Н. — оператору; Меерзону Б.Я. — нач. цеха ГДРЗ; Есакову В.Ф. — инженеру...

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению М. Харламов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 3041. Л. 25. Подлинник.

Из приказа № 45-а Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О преобразовании отдела спецслужбы в Главную службу радиоперехватов»

10 февраля 1964 г.

В целях оперативного ознакомления с радиопередачами иностранных радиостанций, анализа направлений, форм и методов зарубежного радиовещания и выработки предложений для пропагандистских и контрпропагандистских выступлений советского радио и телевидения ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Преобразовать Отдел спецслужбы Госкомитета в Главную службу радиоперехватов Госкомитета (на правах Главной редакции).

2. Назначить т. Яроцкого Виктора Ильича главным редактором Главной службы радиоперехватов...

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению М. Харламов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 10. Л. 144. Заверенная копия.

Из приказа № 224 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О фактах нарушения инструкции о подготовке радопередач»

20 июля 1964 г.

За последнее время участились случаи нарушения Инструкции о подготовке радиопередач союзного радиовещания к выходу в эфир. В частности, имеют место факты несоответствия текстов и записей радиопередач. Грубое нарушение инструкции было допущено 7 июля с.г. Главной редакцией пропаганды, экономики, науки (зав. отделом т. Агаян Л.М., редактор т. Горюшкин А.А.). Передача из цикла «В мире науки» «Биология изучает солнце» (Рс-2, 9.15) в результате обзо-

ра, сделанного на планерке, требовала исправлений и дополнений. Однако после доработки снятые из текста места в пленке остались, а дополнение, начитанное диктором, не было включено в текст передачи.

Нередко Главная редакция радиовещания для молодежи сдает на выпуск тексты еще не записанных на магнитофонную ленту передач радиостанции «Юность», вносит дополнительные кадры, не ставя об этом в известность Главную редакцию программ.

В дневной программе радиостанции «Юность» 7 июля (РС-I, 14.00, редактор Васильева З.И.) прозвучала в магнитофонной записи передача о студии ЖАТ, текст которой в микрофонной папке отсутствовал, а редакторы не поставили об этом в известность Главную редакцию программ.

Вечерняя программа «Юность» от 4 июля с.г. (Рс-2, 22.30) была сдана на выпуск с опозданием, текст ее не соответствовал записи передачи. В эфире отдельные кадры не прозвучали, так как заведующий отделом Абакумов Б.М. при прослушивании вырезал их из пленки, а редактор т. Мщевская Г.В., подписавшая передачу, текст их не вычеркнула.

Редактор Главной редакции программ т. Горбунова К.А. допустила грубое нарушение дисциплины, не прослушав эту передачу с эфира полностью, и написала заключение только на основании текста передачи. Дежурные дикторы Фомичев Е.Ф., Богомолов С.А. и Фриденсон О.Д., воспроизводя эти передачи в эфир, не проследили за соответствием текста и записи[142]...

Заместитель председателя Государственного
комитета Совета Министров СССР по радиовещанию
и телевидению А. Рапохин[143]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 12. Л. 218–220. Подлинник.

Из приказа № 231 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О введении информационно-музыкальной радиопрограммы “Маяк”»

22 июля 1964 г.

1. Ввести с 1 августа 1964 г. круглосуточную информационно-музыкальную радиопрограмму «Маяк».

Радиопрограмма «Маяк» должна содержать: оперативную информацию (не реже двух выпусков в час) о важнейших событиях экономической, политической, культурной жизни в СССР и зарубежных странах; краткие комментарии на тему дня; новости спорта; репортажи; интервью. Радиопрограмма «Маяк» должна состоять также из коротких передач симфонической и эстрадной музыки, народных, советских и зарубежных песен, номеров эстрады, коротких рассказов и композиций. Расписание (сетку) программы «Маяк» утвердить (прилагается).

2. Ответственность за подготовку радиопрограмм «МАЯК» возложить на тт. Трегубова В.Д., Гюне Л.В., Вартанову Е.Э. Радиопрограмму «Маяк» организовать на базе второй программы и ее технических средств...

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР
по радиовещанию и телевидению М. Харламов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 12. Л. 251. Подлинник.

Из приказа № 75 Государственного комитета Совета Министров СССР «О повышении ответственности и культуры речи радиожурналистов, работающих у микрофона»

2 марта 1965 г.

В целях повышения культуры речи радиожурналистов, работающих у микрофона, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать квалификационную комиссию в следующем составе: тт. Гюне Л.В.[144] (председатель), Гальперин Ю.М.[145] (заместитель), Высоцкая О.С.[146], Левитан Ю.Б., Герцик В.Б.[147], Державина В.Н. (ответственный секретарь), Озеров Н.Н.[148], Плотников А.К., Горбунов П.А., Зубков Г.И., Таубе Н.И.[149]...

3. Поручить квалификационной комиссии:

а) в двухмесячный срок определить по редакциям союзного вещания радиожурналистов, допущенных к работе у микрофона (в т.ч. постоянно привлекаемых к ведению передач нештатных авторов)...

б) создать группы из журналистов, для которых необходимы постоянные занятия с педагогами — мастерами слова и дикторами.

4. Управлению кадров (т. Дмитриеву П.Н.) совместно с квалификационной комиссией разработать и представить на утверждение учебный план семинара по овладению квалификацией ведущего передачи. Установить сроки прохождения семинара, подобрать педагогов и представить смету учебных расходов...

Заместитель председателя Государственного комитета Совета
Министров СССР по радиовещанию и телевидению Э. Мамедов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 16. Л. 304. Подлинник.

Из приказа № 82 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «Об освещении по всесоюзному радио 20-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией»

4 марта 1965 г.

...Учитывая большую политическую важность этой даты, огромное воспитательное значение передач о героизме советских людей, завоевавших под руководством Коммунистической партии победу в Великой Отечественной войне, а также необходимость собрать и обобщить

с помощью радио документальный материал об исторических событиях 1941–1945 гг., ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всем главным редакциям в соответствии с утвержденными перспективными планами широко и последовательно показывать в передачах массовый героизм советских людей, величие их ратного и трудового подвига, неразрывность фронта и тыла, дружбу народов, могущество советского строя и мощь социалистической экономики, ярко раскрывать международное значение победы Советского Союза, роль Коммунистической партии — руководящей и направляющей силы советского народа, общенародный характер борьбы против человеконенавистнических фашистских захватчиков.

2. Главной редакции информации (т. Трегубову В.Д.) наряду с повсеместным освещением 20-летия со дня Победы, ввести с 9 марта с.г. ежедневную передачу «Это было двадцать лет назад» продолжительностью до десяти минут.

3. Главной редакции пропаганды (т. Журкину В.В.) регулярно готовить передачи о важнейших этапах войны и послевоенного строительства, привлекать к выступлениям у микрофона участников войны, военачальников, ученых, общественных деятелей, партийных и советских работников...

и) программной редакции, во избежание многократного повтора одних и тех же документальных записей, установить порядок, при котором каждая такая пленка может включаться в передачу лишь с визой главного редактора программ...

II. В целях более широкого привлечения авторов и улучшения качества радиопередач к 20-летию Победы над фашистской Германией провести в течение марта–мая 1965 г. открытый конкурс на лучшие передачи, посвященные этой знаменательной дате...

12. Научно-методическому отделу (т. Ружникову В.Н.[150]) обобщить опыт над передачами, посвященными 20-летию Победы над фашистской Германией, и опубликовать лучшие материалы[151].

Председатель Комитета Совета Министров СССР
по радиовещанию и телевидению Н. Месяцев[152]

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 16. Л. 520–324. Подлинник.

Из инструкции по подготовке и проведению радиопередач внутрисоюзного вещания «О порядке оформления микрофонных материалов»

13 августа 1965 г.[153]

... 7. Радиопередачи подписываются (разборчиво) редактором передачи, заведующим отделом (заместителем), главным редактором (заместителем). Редактор передачи подписывает каждую страницу текста, обложку микрофонной папки, этикетку передачи, если она записана на магнитной ленте, и визирует все исправления в тексте. Главный редактор и заведующий отделом подписывают обложку микрофонной

папки с материалами. Источники цитат из важных, ответственных материалов указываются на полях текста.

8. На всех обложках папок передач должна быть виза уполномоченного Главлита или подпись заведующего отделом, удостоверяющая, что визы Главлита не требуется...

II. Сроки сдачи радиопередач в Главную редакцию программ.

1. Тексты микрофонных материалов (и одна идентичная, завизированная копия) сдаются в Главную редакцию программ (в отдел выпуска) не позже чем за трое суток до дня выхода в эфир, не считая воскресных и праздничных дней...

5. Все микрофонные папки, скомплектованные по соответствующим программам, сдаются накануне дня эфира в диспетчерскую выпуска (за исключением выпусков «Последних известий» и оперативных передач, которые сдаются в день эфира)...

III. Подготовка и оформление заявок на воспроизведение записей в эфир.

... 9. Изменение редакциями порядка воспроизведения записи (замена кадров, включение оперативных материалов) может производиться только в исключительных случаях, причем не позднее чем за час до сверки заявок с папкой диктора...

V. Воспроизведение радиопередач в эфир.

1. Дежурный выпускающий отдела выпуска Главной редакции программ, проверив правильность оформления передачи и подготовив ее к выпуску (в соответствии со своей должностной инструкцией), дает диктору необходимые указания о порядке проведения передачи. Вместе с передачей он вручает диктору ключ от студии.

Примечание: а) срочные оперативные материалы могут быть вручены диктору перед самой передачей и во время чтения «Последних известий»;

б) во время передач в особых случаях в студию могут быть допущены редакторы «Последних известий» и другие лица — только в сопровождении дежурного выпускающего отдела выпуска.

2. Подготовившись к проведению передачи, диктор должен быть в студии за 5 минут до выпуска ее в эфир.

Примечание: в театры, концертные залы и другие места, откуда ведется трансляция, дикторы и комментаторы являются не позднее чем за 30 минут до начала трансляции.

6. По окончании передачи на микрофонной папке делается отметка о времени фактического начала и окончания передачи, ставятся подписи диктора и дежурного выпускающего. Все передачи за прошедший день сдаются отделом выпуска в архив...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д.18. Л. 189–198. Подлинник.

Из приказа № 14 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О выступлениях по центральному радио партийных и советских руководителей»

10 января 1966 г.

1. Установить, что все задания на подготовку выступлений по Центральному радио партийных и советских руководителей в республиках, краях и областях даются редакциями Комитета исключительно через Отдел корсети и выполняются его собственными корреспондентами.

Для подготовки оперативных материалов исключение предоставляется Главной редакции информации (программа «Маяк»).

2. В областях, краях и республиках, где нет собственных корреспондентов комитета, выступления партийных и советских руководителей для Центрального радиовещания готовят местные комитеты по радиовещанию и телевидению только по заданию Главной редакции обмена программами радиовещания...

Председатель Комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Н. Месяцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 24. Л. 51. Подлинник.

Из приказа № 172 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об организации отдела звуколетописи»[154]

21 мая 1966 г.

...ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать при Главной редакции литературно-драматического вещания специальный отдел по созданию звуколетописи нашей Родины в составе 5 человек согласно штатному расписанию.

2. Возложить на отдел следующие обязанности:

а) организацию через вещательные редакции планомерных записей воспоминаний, рассказов выдающихся людей нашего времени и в первую очередь — активных участников пролетарской революции и Гражданской войны;

б) пополнение фонда радиовещания наиболее ценными звукозаписями, имеющимися в других хранилищах, у частных лиц и за рубежом;

в) контроль за отбором для хранения всех наиболее ценных записей текущего вещания;

г) контроль за реставрацией и аннотированием всех фондовых записей радиовещания...[155]

Председатель Комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Н. Месяцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 25. Л. 377. Подлинник.

Докладная записка руководства Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в Совет Министров СССР «О расширении прав Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, республиканских, краевых и областных комитетов по радиовещанию и телевидению»

10 сентября 1966 г.

1. ...Установить, что утвержденные председателем соответствующего Комитета... штаты, оклады, а также смета административно-управленческих расходов регистрации в финансовых органах не подлежат.

2. Установить, что комитеты по радиовещанию и телевидению и студии телевидения образуют применительно к условиям, предусмотренным постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729, фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и развития производства за счет экономии по утвержденным сметам расходов и части доходов, полученных от рекламы и объявлений по радио и телевидению, продажи радио- и телевизионных программ; выполнения заказов населения, предприятий и организаций от звукозаписей, обработки, озвучания и тиражирования телефильмов.

3. Разрешить председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР:

а) устанавливать по согласованию с ЦК профсоюза работников культуры тарифные сетки, ставки, схемы должностных окладов и утверждать положения о премировании работников вновь создаваемых предприятий и организаций в системе Комитета, для которых нет утвержденных тарифных сеток, ставок, схем должностных окладов и положений о премировании...

4. Установить, что объемы радиовещания, телевидения, записей (съемок) — радио- и телевизионных программ в планах комитетов по радиовещанию и телевидению, студий телевидения и телевизионных центров утверждаются соответственно председателем Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР и председателями комитетов по радиовещанию и телевидению при Советах Министров союзных республик.

5. Предоставить председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР право утверждать размеры ставок авторского гонорара за материалы, передаваемые по радио и телевидению для системы Комитета...

8. Предоставить председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР право определять в пределах общей сметы Комитета размер расходов, необходимых для проведения конкурсов на литературно-художественные, драматические, музыкальные, музыкально-драматические, публицистические и другие произведения с выплатой премий, организация которых предусмотрена «Положением о Комитете по радиовещанию и телевидению при

Совете Министров СССР», утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 6 сентября 1957 г. № 1076, а также для проведения ежегодных фестивалей лучших радио- и телевизионных программ и фильмов...

11. В целях сосредоточения в едином органе руководства делом развития и эксплуатации телевизионных центров страны передать технические средства телевидения (за исключением стационарных передающих ультракоротковолновых станций с антенно-фидерными устройствами) из Министерства связи СССР и министерств связи союзных республик в ведение соответственно Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР и комитетов по радиовещанию и телевидению при Советах Министров союзных республик[156].

Заместитель председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Э. Мамедов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 23. Л. 138–142. Копия.

Письмо секретаря ЦК ВЛКСМ С.М. Павлова[157] председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву об издании звукозаписи второго Всесоюзного слета победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы

17 октября 1966 г.

Москва, Пятницкая, 25
Товарищу Месяцеву Н.Н.

Уважаемый Николай Николаевич!

В ЦК ВЛКСМ поступило много писем от разных лиц и общественных организаций с просьбой выслать магнитную пленку с записью клятвы советской молодежи на Красной площади во время проведения Всесоюзного слета победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Понимая, что положительное решение всех этих просьб связано прежде всего с техническими проблемами, мы просим Вас рассмотреть возможность выпуска специального тематического номера журнала «Кругозор», посвященного революционным и боевым традициям советского народа, в который бы вошли и материалы Всесоюзного слета и который бы явился очень важным и полезным материалом в работе комсомольских организаций страны по воспитанию молодежи на славных традициях нашего народа. Со своей стороны, мы могли бы широко оповестить молодежь о выходе такого номера «Кругозора» через газету «Комсомольская правда»[158].

Секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 23. Л. 200. Подлинник.

Из Приказа № 243 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О создании музея советского радиовещания и телевидения»

14 июля 1967 г.

В целях развития работы по собиранию материалов по истории советского радиовещания и телевидения, систематического научного изучения и обобщения их исторического опыта ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать Музей советского радиовещания и телевидения и начать его работу в 1968 году.

2. Возложить всю подготовку по созданию Музея и руководство его работой на научно-методический отдел Комитета.

3. Научно-методическому отделу (т. Ружникову В.Н.) до 1 октября с.г. разработать и представить на утверждение Комитета положение о Музее и тематический план Музея; начать работу по собиранию материала для Музея.

4. Заместителю председателя Комитета тов. Максакову Л.С.[159] выделить в здании нового телецентра (Останкино) необходимую площадь для размещения экспозиций Музея и хранения фондов, а также помещение для сотрудников Музея[160]...

Председатель Комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Н. Месяцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 35. Л. 33. Подлинник.

Из служебной записки Ю.А. Летунова председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву о создании документально-музыкальных программ к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции

17 июля 1967 г.

Главная редакция информации предполагает 5, 6, 7 и 8 ноября 1967 г., в дни, когда наш народ, все прогрессивное человечество будут праздновать 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, познакомить слушателей «Маяка» с пятьюдесятью документально-музыкальными программами под общим названием «Здравствуй, Человек нового мира».

Мобильность «Маяка» позволяет подготовить такие программы по 25 минут каждую и разбросать их по вещательному дню. Это позволит сохранить информационные пятиминутные выпуски «Маяка» в начале и середине часа.

Как мыслится нам серия программ «Здравствуй, Человек нового мира»? Прежде всего в них должны быть раскрыты великие успехи нашего народа, путь борьбы и побед, по которому мы шли эти 50 лет...

Самые разные судьбы людей — ветеранов революции и молодых строителей, космонавтов и крестьян, ученых и студентов — лягут в основу программ.

Документальные, исторические выступления В.И. Ленина, голоса В.В. Куйбышева, С.М. Кирова, А.В. Луначарского и других как бы воскресят в памяти слушателей незабываемое огненное время революции, Гражданской войны, первых пятилеток. Свидетели этих событий выступят с воспоминаниями у микрофона. Предполагается пригласить для участия в передаче писателей и журналистов, таких, как Юрий Жуков[161] — автор книги «Люди 30-х годов», К. Симонов[162], Б. Галин[163], Е. Рябчиков[164].

Мы расскажем о судьбах наших современников и об их делах, потому что дела людей 60-х годов — новые города, заводы, космические корабли, научные открытия — одно из ярких доказательств расцвета личности в нашем обществе. Тот, кто был ничем, стал всем. Возможно, эта строка из гимна пролетариата станет рефреном всех 50-ти документальных программ. Перед редакцией стоит задача на ярких и лаконичных примерах раскрыть роль рабочего класса, союза рабочих и крестьян, дружбы народов, преемственности революционных традиций нашей молодежью. И, конечно, через все программы мы будем показывать роль коммуниста, бойца ленинской партии...

В этих 25-минутках должны звучать и песни революции, и любимые мелодии 30-х годов, и песни наших дней.

Для осуществления этой идеи нам кажется необходимым создать рабочую группу из 5–6 человек. Руководитель группы — Голованов Д.А.[165], режиссер Тарханова Е.В., ст. редактор Мелкумян С.Д., комментаторы Гинденбург М.В., Новиков Г.Т., зам. руководителя — отв. секретарь «Кругозора» Есин С.Н...

Ю.А. Летунов

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 741. Л. 139–141. Подлинник.

Из служебной записки главного редактора Главной редакции пропаганды Н.Н. Карева председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву о разоблачении американского образа жизни

[Не позднее 21 июля 1967 г.[166]]

По мере приближения 50-й годовщины Октябрьской революции самые мощные средства американской пропаганды (правительственные и частные) в тесном контакте с аналогичными организациями Англии и ряда других западных стран все чаще грубым образом вмешиваются во внутренние дела Советского Союза. Явно координируя свою пропаганду на Советский Союз и другие районы мира, они всячески стремятся опорочить и облить грязью историю, политику и образ жизни нашей страны.

В то же время анализ пропаганды иновещания, союзного радио и телевидения показывает, что мы слабо реагируем на эту враждебную нам пропаганду. Часто мы не даем отпора даже нелепым измышлениям, дикой лжи и явной клевете в адрес нашей страны...

Вот некоторые соображения, которые могут быть использованы в пропаганде по разоблачению американского образа жизни.

1. Пора дать четкое определение понятию «правящие круги США». Сегодня Америкой правят не вообще капиталисты, а очень небольшая группа заправил военно-промышленного комплекса, то есть представители союза монополий, производящих оружие, и военщины Пентагона.

Это они поглощают все правительственные военные и другие заказы, и именно они вывозят капиталы за границу. Это они, крепко оседлав государственную машину и пропагандистский аппарат, делают конгрессменов, министров и президентов...

Движущей силой антикоммунизма является доллар, тот самый доллар, о котором справедливо сказано, что он запачкан грязью и кровью. Американский вариант антикоммунизма на практике — это агрессия, напалм, газы; это — насилие и колониальный разбой; это — геноцид, то есть массовое истребление людей. Во всей наготе это проявляется во Вьетнаме.

Доллар — это пряник, но есть и кнут в руках у антикоммунистов. Президент Джонсон, опираясь на антирабочие законы, в том числе Тафта—Хартли, в настоящее время регулярно запрещает забастовки рабочих. Запрещение забастовочного движения стало регулярным и чрезвычайно характерным явлением в жизни Америки с тех пор, как США начали агрессию во Вьетнаме.

Одновременно правительство Джонсона жестоко расправляется с теми американцами, которые выступают против войны во Вьетнаме...

2. США являются идеологическим центром империализма. Именно здесь формируются антикоммунистические теории, которые затем с помощью пропагандистских средств западных стран распространяются по всему миру. Следовательно, нанесение удара по антикоммунистическим концепциям американских идеологов практически равносильно разоблачению антикоммунизма вообще...

Нам необходимо не только разоблачать основные идеологические концепции американского империализма, вроде «модной» ныне антикоммунистической теории «растущего сходства» капиталистических и социалистических стран, которые согласно этой теории «сольются в единое общество» в результате индустриализации. Подобные теории предназначены на экспорт. Нам нужно ярко показать, какой идеологической обработке подвергается само население США, и рассказать об этом на весь мир. Как раз именно эту сторону американской идеологии империалисты США хотели бы скрыть от других народов, потому что она красноречиво показывает стремление США к мировому господству.

В Соединенных Штатах чувство тщеславия, надменности и презрения к другим народам сегодня воспитывается «учебниками истории, которые учат, что мы поистине единственный в своем роде народ; обществами поклонения предкам, настаивающими, что мы так или иначе стоим выше всех других народов в моральном и политическом

отношении; тысячами редакционных статей; сотней тысяч радио- и телевизионных программ, раздувающих подлость наших врагов и нашу собственную высокую мораль и благородство». Школьные учебники «представляют собой фальсификацию истории, приписывая благородные мотивы каждому низкому и агрессивному шагу»...

3. Американские идеологи утверждают, что искусство в США является «свободным» и «беспартийным». На самом деле военно-промышленный комплекс отвел искусству определенную роль — роль индустрии убийц. Искусство в США играет роль конвейера, который поставляет убийц и насильников миллионами; конвейера, который чрезвычайно характерен для общества, именуемого президентом Джонсоном «великим»; конвейера, без которого правящие круги США не смогли бы проводить политику насилия и разрушения.

У нас чрезмерно восхищались мастерством Вана Клиберна, нередко забывая в то же время о главном направлении американского искусства, которое, по словам английского драматурга Бернарда Шоу, «перешло от варварства к декадентству, так и не познав цивилизации». Американское кино, театр, телевидение, художественная литература давно воспевают культ насилия, разбоя и поножовщины. Дух садизма пронизывает все творения этого, с позволения сказать, искусства. Раздувая угар милитаризма в стране, кино и телевидение с циничным смакованием показывают бомбежку авиацией США мирных городов и сел Вьетнама, массовое уничтожение людей самым варварским способом...

4. ...Бесстыдному и подлому угнетению подвергается весь негритянский народ в Америке. Нужно показать, что расизм — это не какая-то там местная, южная политика, расизм — это государственная политика США...

Расправа над неграми в Лос-Анджелесе в августе 1965 г., равно как и зверские расправы над неграми ранее в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго и других городах Севера, демонстрирует всю глубину морального падения американского общества, в котором бесчеловечная жестокость со стороны властей, армии и полиции стала нормой. Это и есть одна из самых характерных черт «великого» общества, в котором людей доводят до отчаяния, а затем хладнокровно расстреливают из автоматов и пулеметов...

5. Нужно четко показать, откуда проистекает богатство США, почему там высокий уровень жизни, не оставить камня на камне от пресловутой теории «исключительности» американского образа жизни, который якобы обеспечивает людям высокий уровень жизни...

6. ...«Деньги не пахнут!» — этот лозунг движет современной Америкой. И не случайно именно в этой стране мира в таких гигантских масштабах расцвел гангстеризм. Капитал империи гангстеров в Америке уже достиг 40 миллиардов долларов — это превышает даже капиталы корпораций миллиардеров Рокфеллера, Моргана или Дюпона.

7. В нашей пропаганде, естественно, должны найти место и другие материалы, разоблачающие язвы капиталистической Америки и Аме-

рики рабовладельческой, как-то физическое истребление индейского народа, жизнь трущоб индустриальных районов, разорение односемейной формы, недоступность высшего образования для детей рабочих и мелких фермеров, астрономически высокая стоимость медицинского обслуживания, трагическое положение престарелых, безработица и другие.

Жанры могут быть самыми разнообразными: статьи, очерки, публицистика, фельетоны, перепечатки из иностранных источников, телепередачи и документальные телефильмы.

Главный редактор Н. Карев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 741. Л. 64–72. Копия.

Из положения «О научно-методическом отделе Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР»[167]

16 сентября 1968 г.

...Отдел осуществляет следующие функции:

1) изучает и обобщает опыт центрального радиовещания и телевидения, оказывает научно-методическую помощь вещательным редакциям и отделам, практическим работникам в улучшении содержания и организации вещания путем подготовки анализов и обзоров передач, выработки предложений и методических рекомендаций;

2) изучает и обобщает совместно с Главной редакцией местного радиовещания и телевидения опыт местного радиовещания и телевидения, разрабатывает методические советы и рекомендации для местных комитетов и студий;

3) изучает и обобщает практику и опыт советского радиовещания и телевидения на зарубежные страны; совместно с другими службами Комитета изучает эффективность радио- и телевизионных передач на зарубежные страны, разрабатывает методику изучения зарубежной аудитории;

4) изучает, обобщает и систематизирует материалы о зарубежном радиовещании и телевидении; регулярно информирует работников вещания о содержании, формах, методах, новых тенденциях и явлениях в зарубежном вещании;

5) изучает совместно с другими службами Комитета и научно-исследовательскими организациями запросы и интересы радиослушателей и телезрителей путем проведения анкетных опросов, интервью, организации встреч и других активных методов исследования с целью разработки соответствующих рекомендаций относительно содержания и организации вещательных программ, повышения эффективности вещания;

6) готовит к изданию и выпускает информационные бюллетени, методическую, информационную, справочную и служебную литературу по вопросам радиовещания и телевидения;

7) осуществляет постоянную связь с крупнейшими книгохранилищами страны и другими службами для систематического получения информации и библиографических сведений о поступающих отечественных и зарубежных изданиях по радиовещанию и телевидению; ведет систематическую картотеку выходящих в СССР и за рубежом изданий по радиовещанию и телевидению;

8) ведет работу по изучению истории развития советского радиовещания и телевидения, имеет собственный научно-исторический архив по проблемам радиовещания и телевидения...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Л. 143–147. Подлинник.

Приказ № 460 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об организации записи голосов выдающихся государственных и общественных деятелей и передачи их в ЦГАЗ СССР»

27 декабря 1968 г.

В целях лучшей организации работы по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 5 ноября 1967 г. № 1014 «О создании Центрального Государственного архива звукозаписей СССР и об улучшении организации записи голосов выдающихся советских и посещающих СССР зарубежных деятелей», ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Возложить на главные редакции Центрального радиовещания и телевидения, республиканские, краевые и областные комитеты по радиовещанию и телевидению и отдел звуколетописи нашей Родины обеспечение записи голосов (выступлений, воспоминаний, бесед) политических, государственных, общественных деятелей, представителей науки, литературы и искусства для государственного хранения по планам главных редакций и комитетов и по заказам министерств, ведомств и организаций. Отделу звуколетописи нашей Родины (т. Куканову В.И.) поручить координационную и информационную работу, связанную с указанными записями с последующим обязательным докладом руководству Комитета.

2. Главным редакциям Центрального радиовещания и телевидения в первую неделю каждого месяца производить для государственного хранения отбор (по инвентарным книгам) звукозаписей, не имеющих индекса длительного хранения. Звукозаписи с индексом длительного хранения отбирать ежеквартально.

3. Отделу фонограмм Комитета (т. Рязанову М.В.) по согласованию с Главными редакциями Центрального радиовещания и телевидения и представителем Государственного архива звукозаписи в сроки, установленные действующей инструкцией, передавать звукозаписи в Государственный архив СССР.

4. Установить, что звукозаписи, по какой-либо причине не использованные в передачах главных редакций Комитета (или части этих звукозаписей, имеющие самостоятельное значение и ценность для

длительного хранения), сдаются в рабочую фонотеку для отдела звуколетописи нашей Родины.

Председатель Комитета по радиовещанию и телевидению
при Совете Министров СССР Н. Месяцев

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 51. Л. 321. Подлинник.

Из служебной записки Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в Верховный Совет РСФСР «О передачах радио и телевидения к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина»

8 октября 1969 г.

В преддверии 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина радио и телевидение с середины 1968 г. передают программы, которые ставят целью убедительно и последовательно показывать:

— многогранную жизнь и деятельность В.И. Ленина — основателя Коммунистической партии и первого в мире рабоче-крестьянского социалистического государства, гениального теоретика пролетарской революции и социалистического преобразования общества;

— роль В.И. Ленина в руководимой им партии большевиков в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции;

— всемирно-историческое значение ленинизма, подвига Коммунистической партии Советского Союза — авангарда рабочего класса, партии нового типа в борьбе за победу социализма в нашей стране, в развернутом строительстве коммунизма...

— международный характер ленинизма — интернациональной революционной теории и практики рабочего класса. Коренное преобразование мира под влиянием марксизма-ленинизма. Мировая система социализма и успехи социалистических стран. Распространение в мире революционных идей...

Важнейшей работой на центральном радио и телевидении является «Ленинский университет миллионов»...

На радио эти занятия иллюстрируются документально-постановочными радиокомпозициями, позволяющими наглядно и глубоко проникнуть в суть тех положений, о которых речь идет в теоретических беседах ученых. Широкое признание получила у радиослушателей ежемесячная документальная передача «Ленинский альманах», рассказывающая об основополагающих идеях произведений В.И. Ленина, об исторической обстановке, обусловившей их написание...

Общественно-политические, документально-постановочные передачи и радиокомпозиции, литературные и музыкальные передачи крупных форм, глубоко, убедительно раскрывающие величие идей и дел В.И. Ленина, Коммунистической партии и советского народа, воплощающих в жизнь планы и заветы великого вождя, составят «Радиоленинниану», которая будет сдана на вечное хранение...

Большое значение в радио- и телевизионном вещании придается разоблачению лживых утверждений буржуазной пропаганды об «устарелости» марксизма-ленинизма и других попыток международной реакции подорвать влияние идеологии научного коммунизма, открыто фальсифицировать марксистско-ленинскую теорию и практику...

Разоблачению идеологических концепций западных философов, экономистов, историков систематически посвящаются контрпропагандистские выступления советских ученых. В них ведется речь о так называемых теориях конвергенции, деидеологизации, о теории «национального коммунизма»...

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 55. Л. 44–50. Отпуск.

Из выступления С.Г. Лапина[168] на заседании коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию о недостатках в работе

27 апреля 1970 г.

Товарищи!

Я не претендую ни на какие анализы и обобщения, я только хотел бы сделать несколько замечаний, касающихся нашей повседневной работы.

1. Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно верстки и планирования дня и по радио и на телевидении, особенно на телевидении, в этой области у нас очень много неудач...

2. Нужно решительно избегать включения неподготовленных, не прослушанных, непроверенных передач, дело в том, что это приносит вред во всех отношениях. Люди нервничают, передачи иногда снимают, это воспринимается как какая-то моральная травма... мы имеем возможность, начиная с 3 мая, включать в программы только такие вещи, в которых, безусловно, есть уверенность, что это правильно, нужно, а не таким образом, чтобы в течение недели разбираться, будет это принято или не будет...В течение этой недели было немало таких передач, которые если прослушивал, то только один какой-то главный редактор, а коллектив этой передачи не знает, а потом передачу обсудит редакционный совет на предмет ее оплаты, а предварительно ее не прослушивает, это не мой каприз, от нас требуют решительного улучшения особенно телевизионных передач. В практике нашей работы если нет уверенности в какой-то передаче, то ее надо снять, доработать, посмотреть. На этой неделе придется действовать осторожно, потому что все объявлено, но, начиная с 3 мая, мы должны работать по-другому.

3. Мы должны обратить большое внимание на качество нашей публицистики; комитетом по радиовещанию и телевидению было сделано великое дело, когда была организована трансляция торжественного заседания, и эта трансляция прошла в целом безупречно, и репортаж после этой трансляции был сделан в целом правильно, но когда дело переходит к публицистическому слову, особенно на телевидении[169]...

4. Следующее замечание касается музыки, когда меня сюда посылали, то предупреждали, что с музыкой на радио и телевидении все еще неблагополучно, продолжает прорываться музыка низкопробная, низкосортная и музыкальные номера, воспитывающие дурной вкус, и должен сказать, что наше руководство, секретари ЦК партии этому вопросу придают огромное значение, они считают, что кое-что в этом отношении делается и улучшается, но очень недостаточно, еще с какой-то оглядкой, как бы не засушить, с какой-то неуверенностью и неопределенностью в отборе музыкального материала. Они хотят ободрить товарищей, чтобы они продолжали эту работу и не считали ее законченной. Надо отбрасывать то, что раздражает простых людей, не опасаясь, что какой-то сноб упрекнет нас в отсутствии музыкального миропонимания. Я вас не призываю выступать против джаза: есть разные джазы, разные голоса, разные манеры исполнения и есть такие, которые совершенно недопустимы и чрезмерно раздражают. Я могу некоторые передачи конкретно назвать, в которых звучит такая музыка. Я выражаю не только свое мнение, но и мнение секретарей ЦК, которые настойчиво требуют, чтобы эта работа была доведена до конца. Они спрашивают: способны ли это сделать наши люди, которые работают на радио и телевидении? Я думаю, что способны.

5. Еще одно замечание, касающееся литературных явлений, литературных проблем. Вы замечаете, что с новой силой разгорается борьба вокруг некоторых произведений и некоторых книг. Я не вдаюсь в объяснение этих проблем, только хотел бы сказать и утвердить вас в одном, что мы будем стоять вне этой групповой борьбы, в нее ввязываться не станем, нам это не нужно. Ни в защиту «Комсомольской правды», ни в защиту «Советской России» нам выступать нет ни малейшей необходимости. Я не хочу устраивать таких обсуждений. Пожалуйста, обсуждайте, изучайте сами. Но нам следовало бы работать над тем, что действительно уже проверено и не вызывает каких-либо существенных сомнений и не является отражением какой-то группы. Поэтому я откровенно скажу, что я удивился, когда увидел в программе «Правда и только правда», мне сказали, что этот спектакль улучшен, вероятно, так и есть, но неизбежно, улучшая этот спектакль, мы создаем рекламу тем вариантам, которые не улучшены, которые продолжают оставаться сомнением в этом драматическом направлении. Нам следует проявить известную осторожность, вдумчивость, неторопливость, особенно неторопливость.

В заключение я хотел бы сказать, что своими замечаниями я не умаляю ни заслуг, ни значения радио и телевидения, делается и будет делаться много прекрасного. Сейчас стоит много сложных задач, связанных с популяризацией итогов торжественного заседания, посвященного 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и доклада т. Брежнева, редакторы пересматривают свои штаты, особенно редакторы, связанные с пропагандой. Сейчас предстоит активная работа по выборам в Верховный Совет, 25-летие Победы, поездка в Чехословакию нашей делегации во главе с т. Брежневым. Эта поездка состоится в самом начале мая и, кроме того, празднование 1 мая, наши репортажи,

которые обычно слушает весь народ. Работы предстоит в этом отношении очень много, и я призываю товарищей к тщательности, вдумчивости, осторожности во всех отношениях. Мне хочется еще подчеркнуть, что дело не в количестве, дело в тщательности, в качестве. Не количеством передач мы создаем поддержку политике нашей партии, а тем, насколько это доходит до сердца, до души человека, особенно в этом отношении меня беспокоит «Маяк». Как же товарищи недооценивают информацию? Это я говорю не потому, что пришел из ТАСС, а потому, что и решения ЦК партии, и опыт учат нас, что если говорить о пропаганде, то информация — одно из действенных средств пропаганды. Я призываю товарищей обратить серьезное внимание именно на информацию — короткую, лаконичную, ясную, понятную. Она сильна, и наши противники прекрасно понимают значение этой информации и широко ее используют против нас. Конечно, радио располагает широкими возможностями, но мы должны себя сдерживать, привыкать к лаконичности, краткости, чтобы действовать не обилием, не масштабами, а другими достоинствами. Я горячо призываю, особенно в телевидении, посмотреть там, где политические передачи планируются на 45 мин., нельзя ли сделать на 30 мин., там, где планируется на 30 мин., нельзя ли сделать на 15 мин. и за счет объема пойти по линии улучшения качества.

Я понимаю, что приходится испытывать т. Бирюкову и сколько ему приходится работать. Так, может, нам посмотреть и передачи новостей из 4-й программы убрать не по каким-то другим соображениям, а потому что нам нужно улучшить передачу новостей по 1-й программе? А тем, кто нас упрекнет, мы скажем, дайте нам возможность улучшить качество наших новостей по 1-й программе, а потом вернемся к 4-й программе. Нужно создать возможность для товарищей работать в более спокойной обстановке, менее дергаясь и менее дискутируя, как это приходится им делать сейчас.

Вот все те короткие замечания, которые я хотел сделать, не претендуя ни на какие коренные изменения в работе[170].

ГА РФ. Ф. Р-6903 Оп. 1. Д. 1049. Л. 23–27. Подлинник.

Из Приказа № 711 Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию о радиофестивале советских республик в честь XXIV съезда КПСС

10 сентября 1970 г.

Учитывая положительный опыт проведения радиофестивалей на внутрисоюзном радио и поддерживая предложения ряда республиканских комитетов по телевидению и радиовещанию о проведении очередного, IX радиофестиваля советских республик,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Посвятить радиофестиваль советских республик XXIV съезду КПСС. Фестиваль провести в период с 12 января по 6 марта 1971 г. ...

2. В программах фестиваля предусмотреть освещение важнейших событий в жизни союзных республик, социальных, экономических и культурных преобразований в жизни народов СССР, происшедших под руководством Коммунистической партии между XXIV и XXV съездами КПСС. Отразить успехи партии, советского народа в решении задач создания материально-технической базы коммунизма, формировании и развитии новых общественных отношений, воспитании нового человека, показать преемственность поколений советских людей, их преданность революционным идеалам, Коммунистической партии, раскрыть экономическую взаимопомощь советских республик, взаимообогащение национальных культур, крепнущую дружбу народов нашей страны, их интернациональные связи.

В программах радиофестиваля широко отразить претворение в жизнь решений партии и правительства по сельскому хозяйству, роль социалистической промышленности в его дальнейшем подъеме, упрочение политического союза рабочего класса и крестьянства, стирание граней между городом и деревней, подъем благосостояния трудящихся. Наряду с ярким и убедительным показом достигнутого в развитии народного хозяйства, науки, культуры, рассказать о перспективах дальнейшего развития экономики и духовной жизни советского общества...

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР
по телевидению и радиовещанию С.Г. Лапин

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 1051. Л. 53–55. Копия.

Примечания

[1] Долецкий Я.Г. (1888–1937) — ответственный руководитель РОСТА с 1921 по 1926 г. Покончил с собой в 1937 г.

[2] На документе пометки: «Весьма срочно», «Копия в секретариат Наркоминотдела».

[3] Фамилия неразборчива.

[4] Комаровский К.А. (Данский Б.Г.) (1883–1937) — участник польского и русского освободительного движения, партийный и общественный деятель, журналист. Заведовал отделом внутренней информации в «Правде» и РОСТА. В 1924–1926 гг. являлся ответственным редактором и организатором «Радиогазеты РОСТА». Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1937 г. Впоследствии реабилитирован.

[5] Покровский М.Н. (1868–1932) — советский историк, партийный и государственный деятель, академик. С 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР.

[6] Яковлева В.Н. (1884–[1941]) — советский партийный и государственный деятель. С 1917 г. секретарь Московского областного бюро РСДРП(б). Член ЦК партии, члеи ВЦИК, ЦИК СССР. Осуждена по ложному обвинению и погибла в заключении. Впоследствии реабилитирована.

[7] Любович А.М. (1880–1938) — советский государственный и партийный деятель. С 1919 г. заместитель наркома почт и телеграфов, заместитель наркома связи СССР. Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1938 г. Впоследствии реабилитирован.

[8] Енукидзе А.С. (1877–1937) — советский государственный и партийный деятель. С 1919 г. секретарь Президиума ВЦИК, в 1922–1935 гг. секретарь Президи-

ума ЦИК СССР. Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1937 г. Впоследствии реабилитирован.

[9] Губерман Бронислав (1882–1947) — польский скрипач; Смирнов Д.А. (1882–1944) — русский певец, в начале 1920-х годов уехавший за границу. В 1926 г. оба музыканта находились на гастролях в СССР.

[10] Приложение к протоколу № 28 (81) заседания коллегии НК РКИ СССР от 13 мая 1926 г.

[11] Крупская Н.К. (1869–1939) — советский государственный и партийный деятель, член коллегии Наркомпроса РСФСР; с 1929 г. заместитель наркома просвещения РСФСР, член Радиокомиссии Агитпропа ЦК ВКП(б).

[12] Резолюция Управления театрами т. В.М. Никитину: «Решительно возражать. Указать, что это — уже целая ложа. Драмтеатры они до сих пор ие обслуживали. В декрете просить изъятня. Кам[енева]. 28.9». (Каменева О.Д. — заведующая театральным отделом Наркомпроса РСФСР).

[13] Далее всюду НКПТ СССР.

[14] Садовский А.Л. (1897–1952) — ответственный редактор «Рабочей радиогазеты» в 1926–1929 гг., радиожурналов и печатного органа Радиоуправления НКПТ СССР — журнала «Радиослушатель». В 1928–1929 гг. начальник Московского радиоцентра.

[15] Косиор С.В. (1889–1939) — советский государственный и партийный деятель, председатель Комиссии сов. контроля.

[16] Ройзенман Б.А. — член комиссии НК РКИ.

[17] Это был последний приказ «Радиопередачи» перед ликвидацией.

[18] Яковлев (Эпштейн) Я.А. (1896–1938) — советский государственный и партийный деятель. С 1926 г. зам. наркома РКИ. С 1929 г. нарком земледелия.

[19] Куржиямский М.С. — один из музруков радио.

[20] Марков В.Д. (1890–1978) — артист Малого театра до 1917 г., позднее играл в провинциальных театрах России; режиссер, драматург.

[21] Радиофоническая квалификация — овладение навыками звуковых соотношений между речью исполнителей, музыкой, шумами, а также между группами или отдельными исполнителями (музыкальными инструментами) соответственно партитурному замыслу передачи и требованию всей технической цепи (аппаратные, радиопередатчики и т.д.), а также наиболее оптимальной расстановкой и регулировкой микрофонов. При высококвалифицированной радиофоничиости исполнителей качество передач становится значительно выше в техническом и художественном отношении.

[22] Абдулов О.Н. (1900–1953) — советский актер, режиссер, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР (1951). С 1924 г. работал на радио; один из основоположников радиорежиссуры.

[23] Датируется по отметке о передаче документа в дело.

Левитан Ю.Б. (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио с 1931 г., народный артист СССР.

[24] В состав комиссии вошел А.И. Рыков (1881–1938) — видный политический деятель, председатель ВСНХ, чрезвычайный уполномоченный СТО, член Политбюро ЦК в 1923–1930 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1921 г. заместитель председателя СНК СССР, в 1924–1930 гг. — председатель СНК СССР и СНК РСФСР. В 1931–1936 гг. возглавлял Наркомат связи СССР. Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1938 г. Впоследствии реабилитирован.

[25] Далее ВРК при СНК СССР.

[26] Керженцев (Лебедев) П.М. (1881–1940) — советский государственный и партийный деятель, историк, журналист. В 1919–1920 гг. руководитель РОСТА. С 1933 г. председатель Радиокомитета, с 1936 по 1938 г. Комитета по делам искусства при СНК СССР.

[27] Рошаль Г.Л. (1899–1983) — кинорежиссер, педагог, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР (1950, 1951).

[28] Немченко Н.В. — с 1933 по 1940 г. работала в литературно-драматическом вещанин, переводчик и автор радиоинсценировки «Кола Брюньон» Р. Роллана (1935 г.).

[29] Дорменко А.А. (1899–1953) — в 1930-е годы режиссер радио, начальник секции театральных передач и трансляций. С 1939 по 1953 г. — режиссер телевидения.

[30] Отклики радиослушателей 1936 года, 6 июня. «Сегодня я слушала передачу "Каменный гость", пишу свое впечатление. Я очень довольна и благодариа, мие очень понравилась эта передача — "Каменный гость". Несмотря на то, что я сегодня слышала первый раз, и все же оиа мне так поиятиа, слово в слово. С сегодияшнего дня я берусь читать это произведение — "Каменный гость" — обязательно. Эта передача мне очень запечатлела, я домохозяйка, имею семью 5 чел. детей — муж и сама. Старший сын работает инженером по лесоразработке в Карелии, второй кончает ж. д. техникум в Смоленске, третья — дочь кончает 9-ю группу, дочь — кончает 7-ю группу и младший сын кончает 5-ю группу. Сама я малограмотная, училась только 2 зимы, родители были бедные, а семья была большая — учить нас не было средств. Я жена сотрудника НКВД гор. Смоленска — Федора Дмитриевича Чудова. Мое имя и отчество Анна Евграфовна Чудова».

«6/VI — с.г. слушала по радио радиопередачу произведения Пушкина "Каменный гость" в постановке В. Мейерхольда. Мне чрезвычайно не понравился передаваемый вариант. Мне кажется, что Донна Анна, хотя и молодая вдова, но она еще полна жизни и не лишена к ней интереса. Об этом говорнт ее отношение к Дон-Жуану. Поэтому в ее интонациях должно быть немиого кокетства, хотя бы тень. В данной звукозаписи она говорит таким загробным тоном, что становится нудно слушать. Представляешь себе старую ханжу. И голос артистки должен быть, по-моему, нежней и тоньше. Дон-Жуан видал в своей жизии столько женщни, что, мне кажется, у него и в отношении Донны Анны должен быть оттенок самоуверенности и немного иронии. Ведь он видит, как легко ему удалось покорить сердце Донны Анны. В этой постановке Дон-Жуан производит только впечатление плохого артиста, так и кажется, что при своих словах он должен поочередно одной и другой рукой бить себя по груди, причем пальцы рук растопырены. Музыка маловыразнтельна. Вот то впечатление, какое пронзвела на меня радиопередача "Каменного гостя" по пронзведению Пушкина, в постановке В. Мейерхольда. С товарищеским приветом: М.А. Кочетыгова». (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 3398. Л. 3).

[31] Прокофьев С.С. (1891–1953) — компознтор, пнанист и дирнжер, народный артист РСФСР (1947). 1918–1933 гг. жил за рубежом. Автор опер «Игрок», «Любовь к трем апельсинам», «Семен Катко», «Обручение в монастыре», «Война и мир» (1943; 2-я редакция — 1952); балетов «Сказка про шута, семерых шутов и перешутившего», «Блудный сын», «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Сказ о каменном цветке»; кантаты «Александр Невский», симфоинческой музыки, коицертов для ниструментов с оркестром. Лауреат Государственной премии СССР (присуждалась шесть раз), Ленинской премии (1957, посмертно).

[32] Для органнзацин фестнваля была создана комнссия в составе: Кокорин — заместнтель председателя ВРК (председатель комиссии), Гусман — заместитель председателя комиссии, засл. арт. Гаук, Абдулов, Свешников, Ковалева, Залесский, Калганов и др.

[33] Колесникова О. — заместитель Главного редактора Радиокомитета.

[34] Вишневский В.В. (1900–1951) — писатель, драматург. Лауреат Государственной премии (1950).

[35] Мальцев К.А. (1888–1937) — председатель ВРК при СНК СССР с 1936 по 1939 г., репресснрован, расстреляи.

[36] Яхонтов В.Н. (1899–1945) — артист эстрады, мастер художественного слова. Автор и исполнитель литературных композиций «На смерть Леннна», «Ленин», «Пушкии», «Идиот», «Вечера Маяковского» и др., с которыми выступал на эстраде и на радио.

[37] Орлов Д.Н. (1892–1955) — народный артист РСФСР. С 1922 по 1944 г. актер Московского театра Революции, с 1944 г. актер МХАТ. Выступал как чтец иа эстраде и на радио, лауреат Государственной премни СССР (1947). Наиболее значительные работы у микрофоиа — чтения поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркии», романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и др.

[38] Шварц А.И. (1896–1954) — мастер художественного слова, заслуженный артист РСФСР. Выступал с литературными композициями на эстраде и по радио: «Мертвые души», «Пиковая дама». Пропагандировал поэзию В.В. Маяковского, Н.Н. Асеева, Э.Г. Багрицкого и других.

[39] Журавлев Д.Н. (1900–1991) — мастер художественного слова, народный артист СССР. В 1927–1939 гг. работал в театре им. Е.Б. Вахтангова, с 1931 г. на эстраде и на радио. В репертуаре — произведения А.П. Чехова, А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, А.А. Блока и др., лауреат Государственной премии (1949).

[40] Майзлин П.О. (1911–1986) — радиожурналист, в 1960–1970-е годы — заведующий корреспондентской сетью, заместитель ответственного редактора «Последних известий», зам. заведующего отделом «Маяка».

[41] Синявский В.С. (1906–1972) — радиожурналист, комментатор Всесоюзного радио, основоположник советской школы спортивного радиорепортажа (на радио с 1924 г.); в годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент Всесоюзного радио.

[42] Стуков Г.А. (1902–1942) — работник аппарата ЦК ВКП(б), заместитель заведующего Агитпропа ЦК, председатель ВРК при СНК СССР с 1939 г. В 1942 г. погиб на фронте.

[43] Иоффе Р.М. (1907–1964) — режиссер радио, театра и эстрады, много лет работала в детском вещании, постановщик спектаклей, вошедших в «золотой фонд» советского радио, — «Оле-Лукойе», «Хозяйка Медной горы», «РВС», «Маленький принц», «Буратино» и мн. др.

[44] Потапов И.М. (1905–1978) — радиожурналист, в годы войны был ответственным редактором «Последних известий». В 1950–1970 гг. главный редактор Главной редакции информации радиовещания на зарубежные страны.

[45] Полосихин Н.В. — в дальнейшем работал военным корреспондентом.

[46] Тищенко А.А. — в годы войны сначала начальник сектора музыкального вещания, затем — художественный руководитель и начальник отдела художественного вещания.

[47] Шиманович О.Я. — редактор музыкального вещания в 1941–1945 гг.; Ржанов Г.А. — главный редактор литературного отдела, с 1942 г. — ответственный редактор вещания для партизан.

[48] Поликарпов Д.А. (1905–1965) — партийный работник. В 1941–1944 гг. председатель ВРК при СНК СССР. Позднее работал заведующим отделом культуры ЦК КПСС.

[49] Платов М.Ф. (р.1905) — на радио с 1931 г. В годы войны был военным корреспондентом Всесоюзного радио; Фетисов А.Т. (1914–1942) — сотрудник «Последних известий» с 1939 г., в 1942 г. погиб в партизанском отряде; Красавцев Г.Е. (р. 1907) — литсотрудник «Последних известий», военный корреспондент; Шмонин Л.М. — заведующий сектором тяжелой индустрии радиогазеты «Комсомольская правда» с 1932 г., с 1940 г. литсотрудник оборонной редакции.

[50] Каблучко В.В. (1904–1985) — в 1941–1944 гг. работала начальником отдела писем на фронт и с фронта.

[51] Глейзер М.С. (1904–1989) — в 1941–1944 гг. заместитель начальника отдела писем на фронт и с фронта, с 1944 г.– начальник этого отдела. После войны — политический редактор Главной редакции пропаганды, начальник местного радиовещания, начальник научно-методического отдела.

[52] Гус М.С. (1900–1984) — критик, драматург, публицист.

[53] Пузин А.Л. (1904–1987) — председатель ВРК при СНК СССР в 1945–1960 гг.

[54] Лапин С.Г. (1912–1990) — в 1944–1945 гг. — главный редактор политпросветотдела, в 1945–1953 гг. заместитель председателя ВРК, с 1970 по 1985 г. председатель Гостелерадио СССР.

[55] Казаков Г.А. (р. 1914) — историк радио. В 1933–1936 гг. заведующий отделом журнала «Говорит СССР». С 1936 г. работал заведующим группой Управления местного вещания, затем — ответственным редактором Центрального радиовещания. В годы войны осуществлял техническое обеспечение союзного и зарубежного вещания.

[56] Решение ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. сыграло большую органнзационную роль в перестройке работы всех отделов и редакций в связи с окончанием войны и переходом к двухпрограммному вещанию. Художественный Совет при Комитете по радиофикации и радиовещанию — постоянно действующий орган Радиокомитета. Совет осуществляет: а) рассматривает планы музыкального и литературно-драматического радиовещания; б) рассматривает планы производства записей... в) новые постановки и работы, подготовленные к исполнению по радио и др. Предлагается утверднть совет в колнчестве 27 человек: Пузин А.А. — председатель; Кабалевский Д.Б. (композитор) — заместитель; члены совета: Абдулов О.Н.; Александров А.В. (композитор); Александров Б.А. — компознтор; Барсова В.В. — артистка, Блантер М.И., Гладков Ф.В., Голованов Н.С., Гринберг М.А., Игумнов К.Н., Исаковский М.В., Козловскнй И.С., Кувыкин И.М., Лебедев-Кумач В.И., Мясковский Н.Я., Мигай С.И., Ойстрах Д.Ф., Поляновский Г.М., Прокофьев С.С., Рейзен М.О., Рождественская Н.П., Сурков А.А., Тарханов М.М., Хубов Г.Н., Хренников Т.Н., Шебалин В.Я. Проект постановления ЦК ВКП(б). Имеется запнска зав. отделом УПА ЦК ВКП(б) (Саконтиков) в секретариат Маленкова Г.М. о том, что по пнсьму Пузнна принято постановление СНК СССР «О художественном музыкальном совете» при Радиокомнтете. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 52.)

[57] Приказами № 341 от 27.06.1945 г. и № 887 от 6.11.1948 г. были объявлены благодарности творческнм коллективам радиопостановок «Дон-Кнхот» (В.И. Качалов, М.М. Яншнн, Д.Б. Кабалевский, С.М. Богомазов, О.И. Пыжова, Б.В. Бибикова, Р.Я. Плятт, О.А. Внкланд, М.М. Названов, П.А. Оленев, Б.С. Шерман, Р.М. Иоффе) и радиопередачи «Угадай-ка» (С.М. Богомазов, Ю.Б. Юльская, А.П. Шатов, Н.А. Герман). — ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 1 л/с. Д. 358. Л. 192 и Д. 649. Л. 201.

[58] Пузии А.А. (1904–1987) — председатель Радиокомитета и иачальннк Главного управления радиоинфомации Министерства культуры СССР с 1945 г. по 1957 г.

[59] Документ любезно предоставлен А.Г. Поляновским — сыном Г.А. Поляиовского (1894–1983), нзвестного музыковеда и радиолектора. Постановление Художественного музыкального совета датируется по дате публикацни Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и газ. «Правда» и по плану работы Совета, в котором имеется указание иа сезои 1946/47 гг. (в приложении к постановлеиию, которое не публнкуется).

[60] Лесючевский Н.В. (1908–1978) — литературиый критик, публнцист, издательскнй деятель; заслужениый работник культуры РСФСР (1973), иачальник отдела литературно-драматического вещания в 1946–1951 гг., главный редактор (1951–1957), председатель правления, днректор (1958–1978) издательства «Советский писатель».

[61] Ардаматский В.И. (1911–1989) — писатель, публицист. С 1929 г. выступал как радножурналист, спецнальный корреспондент, ответственный секретарь «Последиих известий», один из ведущих радиорепортеров. В годы войны — военный корреспондент Радиокомнтета.

[62] Ласкнн Б.С. (1914–1983) — писатель-сатирик, работал в творческом содружестве с Е.М. Помещиковым и В.С. Поляковым (сценарии фильмов «Карнавальная ночь», «Девушка с гитарой», «Дайте жалобную книгу» и др.)

[63] Котляр И.С. (1908–1962) — еврейский советский поэт.

[64] Москвин (Москин-Воробьев) Н.Я. (1900–1968) — писатель, миогие произведения которого посвящены военной тематике.

[65] Слонимский М.Л. (1897–1972) — писатель, автор произведений об интеллигенцин (трилогия «Инжеиеры», «Друзья» и др.)

[66] Зощенко М.М. (1895–1958) — писатель, известный автор сатирических рассказов, повестей и пьес.

[67] Ахматова (Горенко) А.А. (1889-1966) — поэтесса. Лауреат премнн «Этиа Таормииа» (1964), доктор Оксфордского университета (1964).

[68] Коптяева А.Д. (1909–1991) — писательница, лауреат Государственной премии СССР (1950).

[69] Иванов Вс.В. (1895–1963) — писатель, автор повестей «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», многие годы не сходивших со сцен советских театров.

[70] Имеется в виду О. Генри (Уильям Сидни Портер) (1862–1910) — американский писатель. Упоминающийся в тексте прнказа радиоспектакль «Степной санаторий» был поставлен по его произведению «Санаторий на ранчо».

[71] Васильев С.А. (1911–1975) — поэт, автор сатирических стихов, пародий, эпиграмм.

[72] В приложении к приказу, плане литературно-драматнческого радиовещания, указаны «лучшие произведения советской литературы» В. Катаева, А. Твардовского, Д. Фурманова, Н. Островского, А. Фадеева, М. Шолохова, Б. Горбатова, В. Инбер, В. Василевской, А. Толстого, П. Вершигоры, К. Симонова, А. Суркова, А. Корнейчука, А. Упита, Я. Коласа которые «следует почитать по радио с целью их популяризации» (Там же. 212–214).

[73] Ворошилов К.Е. (1881–1969) — советскнй государственный, партийный и военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда. С 1940 г. заместитель председателя СНК СССР и председателя Комитета Обороны при СНК СССР, с 1946 г. заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1953–1960 гг. председатель президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро (Президиума) ЦК с 1926 г. по 1960 г.

[74] Из докладной записки от 16.09.1947 г. К.Е. Ворошилову следует, что структура и штаты редакционно-вещательного аппарата подвергались реорганизации по указанию высших партийных органов в связи с возросшим объемом вещания, а также в связи с тем, что «не обеспечивают надлежащей подготовки материалов радиопередач и необходимого контроля за качеством внутрисоюзного и иностранного радиовещания» (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2918. Л. 26).

[75] На заседании присутствовали: Арбузов, Арапова, Беспалов, Лапин, Мурзина, Андреев (члены Комитета); Кованов, Серебрякова (члены ЦК ВКП(б)); Горбачев, Орлов, Майданюк, Глейзер, Малиновский, Севриков, Кои, Гринберг, Бердяев, Проинн, Зенин, Николаев, Ицхокин, Блок, Леонтьев, Кабалкина, Фильшинский, Варфоломеева, Солдатова, Баскова и Посохин (приглашены).

[76] Виленкин В.В. (р.1911) — театровед, исследователь МХАТ.

[77] Доброиравов Б.Г. (1896–1946) — актер МХАТ с 1915 г., нар. арт. СССР.

[78] Кедров М.Н. (1893–1972) — актер МХАТ, режиссер.

[79] Каверин П.Н. — режиссер, заслуженный деятель искусств.

[80] Волконский Н.О. (Муравьев Я.О.) (1890 –1948) — режиссер, театральный деятель, работал в Малом театре. В течение ряда лет был главным режиссером литературно-художественного вещания.

[81] Черняевский В.В. — актер Ленинградского театра кукол.

[82] Грим Петр — председатель комитета съезда американских городов.

[83] Датируется по дате сопроводительиого письма из аппарата ЦК ВКП(б) (особого сектора), в котором указано, что перевод телеграммы (перевела Ардаева) поступил из Совнаркома СССР по распоряжению управляющего делами М.С. Смиртюкова.

[84] Панюшкин А.С. (1905–1974) — советский дипломат. В 1947–1952 гг. посол СССР в США; в 1952–1953 гг. — посол СССР в КНР. С 1953 г. по 1973 г. работник аппарата ЦК КПСС.

[85] Отсутствие какой бы то ии было документации, в которой отразилась ответная реакция руководства Радиокомитета иа предложения американских общественных деятелей красноречиво свидетельствует о надвигающемся периоде «холодной войны» между бывшими союзниками в борьбе с фашизмом. В этих условиях о подготовке совместных международных радиопрограмм не могло быть и речи.

[86] Гольдберг — директор НИИзвукозаписи.

[87] Реверберация — звук, который продолжает звучать в помещении после того, как затихнет исходиый сигнал; отличается от эха, которое просто повторяет звук с некоторой задержкой, «принося» его издалека.

[88] Павлов И.П. (1849–1936) — ученый-физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности. Академик АН СССР (академик Петербургской АН с 1907 г.), лауреат Нобелевской премии (1904).

[89] Поздняк И.И. (р. 1902) — первый секретарь райкома ВКП(б) 1934–1939; 1939–1943 — секретарь крайкома ВКП(б) по пропаганде и агитации; 1943–1946 — второй секретарь крайкома ВКП(б); 1946–1949 — заведующий отделом Управления по проверке парторгаиов ЦК ВКП(б); 1949–1953 — первый заместитель председателя радиоинформации при Совете Министров СССР; 1953–1954 — первый заместитель начальника Главного управления радиоинформации Мииистерства культуры СССР; 1954–1955 — начальник Главного управления по делам культурно-просветительных учреждений Министерства культуры СССР; 1955–1957 — ответственный коисультаит Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями; 1957–1969 — заведующий сектором Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

[90] Ретиский К.И. — корреспондеит «Последних известий».

[91] По Постановлению № 514 Совета Министров СССР от 26 марта 1954 г. «Об организациоииых вопросах министерства культуры СССР» в структуру министерства вошло Главное управление радиоинформации (иа хозрасчете) и Главное управление радиовещания (Сборник постановлений Совета Министров СССР).

[92] Крылов, Шапкин — сотрудники сельскохозяйственного отдела.

[93] Хрущев Н.С. (1894–1971) — советский партийный, государственный деятель. С 1935 г. 1-й секретарь МК и МГК партии; с 1938 г. 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1949 г. секретарь ЦК и 1-й секретарь МК ВКП(б). С 1953 г. 1-й секретарь ЦК КПСС, одиовременно в 1958–1964 гг. председатель СМ СССР. Член ЦК партии с 1934 г., член Политбюро ЦК с 1939–1952 гг., член Президиума ЦК с 1952 г. Освобожден Пленумом ЦК КПСС 14 октября 1964 г. от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС.

[94] Сытин В.А. — главный редактор редакции науки и техники Комитета радиоинформации при СМ СССР, утвержден Протоколом № 466 от 28.10.1949 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 467. Л. 25, 29.)

[95] Маленков Г.М. (1901–1988) — советский государственный и партийный деятель, 1919–1921 — политработник РККА на Восточном и Туркестанском фронтах; 1925–1930 — в аппарате ЦК ВКП(б); 1930–1934 — зав. агитационно-массовым отделом МК ВКП(б); 1934–1939 — зав. отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б); 22.03.1939–05.1946 — нач. Управления кадров и секретарь ЦК ВКП(б); 06.1941–09.1945 — член ГКО; 1943–1945 — пред. Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов; 05.1944–04.1946 — зам. председателя СНК СССР; 05.1946–05.1947 — пред. Комитета по спец. технике при СМ СССР; 08.1946–03.1953 — зам. председателя СМ СССР; 07.1948–14.03.1953 — секретарь ЦК партии; 03.1953–25.01.1955 — председатель Совета Министров СССР; 02.1955–29.06.1957 — зам. председателя СМ СССР и одновременно — министр электростанций СССР; 03.1946–06.1957 — член Политбюро (Президиума) ЦК; 03.1939–10.1952 — член Оргбюро ЦК; 1939–1957 — член ЦК партии; 02.1941–03.1946 — кандидат в члены Политбюро (Президиума) ЦК; 1937–1958 — депутат ВС СССР; 01.1938–10.1946 — член Президиума ВС СССР; 06.1957 — снят с работы, выведен нз Президиума ЦК и ЦК КПСС за принадлежность к т.н. «антипартийной группе»; 1961 — исключен из КПСС Бюро Экибастузского горкома партии. 1957–1961 — директор ГЭС в Усть-Каменогорске, затем — ТЭЦ в Экибастузе; с 1961 — на пенсии.

[96] Карвантанидн — нет сведенй.

[97] Глиэр Р. — начальник отдела научно- технической пропаганды.

[98] Молотов (Скрябин) В.М. (1890–1986) — советский государственный и партийный деятель, Герой Соцналистического труда. В 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком, министр иностранных дел СССР. С 1957 г. посол в МНР. Член ЦК партии в 1921–1957 гг., член Политбюро, Президиума ЦК партии в 1926–1957 гг., член ВЦИК, ЦИК СССР. Июньскнй (1957) Пленум ЦК КПСС вывел В.М. Молотова из Президиума ЦК н исключил из партии. В 1984 г. восстановлен в ее рядах.

[99] Первухин М.Г. (1904–1978) — советский государственный деятель, Герой Социалнстического Труда. В 1940–1946 гг. заместитель председателя СНК СССР и нарком химической промышленности. С 1950 г. заместитель председателя с

1955 г. первый заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1957–1958 гг. министр среднего машиностроения, председатель Государственного комитета по внешнеполитическим связям. В 1958–1962 гг. посол СССР в ГДР. Член ЦК КПСС в 1939–1961 гг., член Президиума ЦК в 1952–1957 гг.

[100] Акопян А.А. (р. 1899) — руководящий работник аппарата Совета Министров СССР. В 1954–1957 гг. — заведующий секретариатом заместителя Председателя Совета Министров СССР.

[101] Андреев И.А. — начальник управления радиовещания для детей и юношества, заместитель начальника Главного управления радиоинформации, главный редактор Главной редакции литературно-драматического радиовещания (1962).

[102] План выступления А.А. Пузина представляет собой развернутые тезисы, в которых автором карандашом подчеркнуты наиболее важные вопросы, на которых предполагалось остановиться более подробно. Стенограмма выступления в деле отсутствует, поэтому мы не можем восстановить окончательный текст. Публикуемый документ является автографом и представляет особый интерес своей остротой и откровенностью, с которыми формулируются поставленные в докладе проблемы, как правило, сглаженные и отредактированные в стенограммах.

[103] Михайлов Н.А. (1906–1982) — советский партийный и государственный деятель. С 1937 г. ответственный редактор «Комсомольской правды». С 1938 г. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1952–1954 г. секретарь ЦК КПСС, 1939–1971 гг. член ЦК партни. В 1954–1955 гг. посол СССР в ПНР, в 1960–1965 гг. — в Индонезин. В 1955–1960 гг. Министр культуры СССР; в 1965–1970 гг. председатель Комитета по печати прн СМ СССР.

[104] Реорганизация Миннстерства культуры СССР 1957 г. многократно обсуждалась в Президиуме ЦК КПСС; проект реорганизации, содержащнй в том числе выделение радиовещания из состава министерства и организацию Комитета радиоинформацин и телевнденння при СМ СССР, был представлен министром культуры СССР Н.А. Михайловым 30 апреля 1957 г. (РГАНИ. Ф. 5. Д. 38. Л. 26–30). Государственный комнтет по радновещанню н телевиденню был образован Постановлением СМ СССР № 531 от 15 мая 1957 г. Председателем Комнтета был назначен Д.И. Чесноков (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 493. Л. 26). Постановлением СМ СССР № 1076 от 6 сентября 1957 г. «Об утверждении положения о государственном Комитете по радиовещанию и телевидению при СМ СССР» былн определены функции и структура органа управления радновещанием (ГА РФ. Постановление СМ СССР за сентябрь 1957 г. Л. 24–28).

[105] Постановлення ЦК КПСС «Об улучшении советского радиовещания» и «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещання и телевиденння» были приняты соответственно в 1960 г. и в 1962 г. и носилн больше декларативный характер, ничего не изменив в системе эксплуатации приемно-передающнх средств связи. Ведомственный диктат Миннстерства связи СССР на техническую базу радиовещания и телевидения, установленный в 1928 г., сохраняется и по сей день.

[106] В результате реорганизации — переподчинения радиоотрасли из Мннистерства культуры СССР созданному Министерству культуры РСФСР — А.А. Пузин был освобожден по собственному желанию от занимаемой должности, руководство передано заместителю министра культуры Н.Н. Данилову (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 36. Л. 46); позднее на эту должность был назначен Чесноков Д.И. (1910–?) — в 1947–1948 гг. зам. зав. отделом УПА ЦК ВКП(б), Председатель Государствеиного Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 38. Л. 26–30).

[107] Севостьянов — режиссер полнтической редакцин Управления радиовещания.

[108] Топорков О.А. — режиссер литературно-драматического вещання.

[109] Губарев В.Г. — главный редактор Главной редакцин сатнры н юмора.

[110] Положение утверждено приказом № 549 от 26 июня 1958 г. председателя Государственного Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

[111] На заседании присутствовали: Степанов Б.П. (председатель Комитета), Андреев И.А., Бадалов А.Л., Иванов Г.А., Ковалев С.М., Соколов З.У., Чаплыгин Н.П. (члены Комитета); Саконтиков, Фомин, Чистякова, Суров, Порген, Андреев, Беда, Новиков, Федотов, Головеиченко, Сухаревская, Меньшикова, Киперман, Сокова, Шаповалова И.Т., Лисенкова, Тимяков, Рачковская, Ксенофонтов, Арутюнянц, Мелькумов, Мушников, Тарасенко, Николаев, Новикова М.И., Леонов (от главных управлений, отделов и редакций); Аветисян (от Главлита).

[112] Аветисян С.П. (1914–?) — заместитель начальника Главлита, 1964–1965 — первый зам. начальника Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати Государственного комитета СМ СССР по печати; 1965–1966 — первый зам. начальника Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати Комитета по печати при СМ СССР; 1966–1968 — зав. 5 сектором Общего отдела ЦК КПСС; 1968–1979 — зав. 3 сектором Общего отдела ЦК КПСС.

[113] Имеется в виду Берг А.И. (1893–1979) — советский ученый, академик АН СССР, адмирал-ннженер, Герой Социалистического Труда. Инициатор и руководитель отечественных исследований по кибернетике.

[114] Шрагин В.О. — журналист-международник.

[115] Кафтанов С.В. (1905–1978) — советский государственный деятель. С 1937 г. в аппарате ЦК, председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. С 1946 г. министр высшего образования СССР, с 1951 г. 1-й заместитель министра культуры, председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению 1959–1962 гг. С 1962 г. на преподавательской работе.

[116] Панова В.Ф. (1905–1973) — писательница, драматург.

[117] Фрейндлих А.Б. (р. 1934) — актриса театра и кино, народная артистка СССР.

[118] Эренберг В.В. — режиссер.

[119] Летуиов Ю.А. (1926–1984) — радиожуриалист, один из основоположников информационного радиовещания и телевидения. Автор киит «О развитии документальной радиожурналистики» (М.,1966), «Великий говорящий» (М.,1966) и др.

[120] Раввин И.В. — радиожурналист.

[121] Лещинской Б.М. — радио- и тележурналист, военный корреспоидеит.

[122] Зубков Г.И. (р. 1926) — телепублицист, драматург, профессор. Один из организаторов радиостанции «Маяк», член Союза писателей России. Лауреат Государственных премий СССР.

[123] Сурков А.А. (1899–1983) — поэт, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии (1946, 1951). С 1930-х гг. много и плодотворно сотрудничал с художественным и общественно-политическим вещанием, вел радиорепортажи с Красной площади.

[124] Гранин (Герман) Д.А. (р. 1919) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1974), Герой Социалистического Труда, иародиый депутат СССР с 1989 г.

[125] Гришаев В.Н. — заведующий отделом литературно-драматического радиовещания в 1960-е гг.

[126] К приказу имеется приложение — список внештатных комментаторов содержит 59 человек, среди которых: Аджубей А.И., Грибачев Н.М., Елютин В.П., Жуков Г.А., Константинов Ф.В., Краминов Д.Ф., Маевский В.В., Пырьев И.А., Романов А.В., Соболев Л.С., Сурков А.А., Федосеев П.Н., Хрениников Т.Н., Чаковский А.Б. и др.

[127] Трегубов В.Д. — с 1962 г. главный редактор «Последних известий по радио», член Государственного комитета по радиовещанию и телевидению. .

[128] Имеется в виду постановление Совета Министров СССР «Об оплате труда некоторым категориям работников радиовещаиия, телевидения, звукозаписи, а также артистов за выступления в концертах и за гастрольные выступления в спектаклях» от 16 декабря 1959 г. (Постановления Совета Министров СССР. М., 1959).

[129] Липовецкий — нет сведений.

[130] Фурцева Е.А. (1910–1974) — партийный и государственный деятель. 1954–1957 — 1-й секретарь Московского горкома КПСС, 1956–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1960 г. — министр культуры СССР.

[131] Козлов Ф.Р. (1908–1965) — партийный и государственный деятель. С 1947 г. работал в Ленинграде. В 1953–1957 — 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС. 1957–1958 гг. — председатель СМ РСФСР, 1958–1960 гг. — 1-й зам. Председателя СМ СССР, 1960–1964 гг. — секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам. С 1964 г. на пенсии.

[132] Голосовский И.М. (р. 1927) — писатель, прозаик; Прнставкин А.И. (р. 1931) — писатель, публицист, общественный деятель. Повести «Ночевала тучка золотая», «Кукушата», «Рязанка (Человек из предместья)». Лауреат Государственной премии СССР (1988). Председатель Комиссни по вопросам помилования при Президенте РФ в 1992–2002 гг.

[133] Гейман В.С. — звукооператор.

[134] На Секретариате ЦК КПСС (Протокол № 26 от 6 июня 1962 г., приложение к пункту 7) «Структура Государственного комитета СМ СССР по радновещанию и телевидению» была утверждена в таком виде: А. Редакционный аппарат. 1. Внутрисоюзное радиовещание: руководитель внутрисоюзного радиовещания (заместитель председателя Комитета) и главные редакторы по программам виутрисоюзиого радиовещания; Главные редакции: «Последиих известий по радио»; политической пропаганды; естественнонаучных передач; музыкального радиовещаиия; литературно-драматического радиовещания; радиовещания для детей и юношества; радиовещания для Москвы; радиовещания для Московской области; обмеиа программами радиовещаиия с республиками и областями СССР; внутрисоюзного радиовещания; Отдел писем; 2. Радиовещанне иа зарубежные страны: Руководитель радиовещаиия иа зарубежные страиы (заместитель председателя Комитета) н главные редакторы по программам на зарубежиые страиы; Главные редакции радиовещания: иа страны Америки; страиы Западной и Южной Европы; Центральной и Северной Европы; страны Ближнего и Средиего Востока; страиы Юго-Восточиой Азии и Дальнего Востока; страиы Африки; иа страны социалистического лагеря и Югославни; информации на зарубежиые страиы; внешнеполитической пропаганды; программ радиовещания на зарубежные страны; Отделы: радиовещания на зарубежные страны из Хабаровска; радиовещаиия иа зарубежиые страиы из союзных республик; писем; 3. Телевидеиие: Руководитель Центрального телевидения (заместитель председателя Комитета) и главные редакторы по программам телевидения; Главиые редакции: общественно-политических программ; литературно-драматических программ; кинопрограмм; программ телевидеиия для детей и молодежи; программ телевидения для Москвы; обмена телевизионными программами в СССР; программ Центрального телевидения; Отдел писем; Главная редакция обмена программами радиовещания и телевидения с зарубежными странами; Главная редакция местного радиовещания и телевидения; отделы: корреспондеитской сети; специальной службы; справочно-информациоииый; редакциоино-издательский; научио-методический; Б. Производственно-административный аппарат. Техиическое управление; Управление кадров. В. Административио-управлеический аппарат: Плановофииансовый отдел; Отдел материально-техиического снабжеиия; Центральиая бухгалтерия; Управление делами; Г. Хозрасчетные организации: Государствеиный дом радиовещания и звукозаписи; Московский телевизиоиный центр; Всесоюзный иаучно-исследовательский институт звукозаписи (РГАНИ. Коллекция).

[135] Мамедов Э.М. (р. 1923) — начальник Управления радиовещания на США и страны Латниской Америки 1953–60 гг., 1-й зам. председателя Государственного комитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению, с 1963 — по радиовещанню, 1970 г. — заместитель по телевидению.

[136] Позже иа Секретариате ЦК КПСС было принято решение о Главной редакции радиовещания на страны Западиой Европы Государствеиного комитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению. Протокол № 80 от 13 августа 1963 г.

(подписал: Л.И. Брежнев, секретарь ЦК КПСС), в котором было принято решение принять предложение Госкомитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению: а) об объединении Главной редакции радиовещания на страны Западной и Южной Европы и Главной редакции радиовещания на страны Центральной и Северной Европы в Главную редакцию радиовещання на страны Западной Европы; б) об утверждении Лосева А.И. членом Госкомитета по радиовещанию и телевидению и главным редактором Главной редакции радиовещания на страны Западной Европы; в) об освобождении Баланднна Г.А. от обязанностей члена Госкомитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению и должности главного редактора Главной редакции радиовещания на страны Центральной и Северной Европы (РГАНИ. Коллекция).

[137] Харламов М.А. (р. 1913) — 1931–1935 — ответственный секретарь «Радиогазеты» и начальник группы выпуска радиокомитета при СНК Белорусской ССР (г. Минск); 1935–1940 — студент Инстнтута истории, философии и литературы (г. Москва); 1937 — сотрудник газеты политотдела Ленинской железной дороги «Ленинский путь» (г. Москва); 1937–1939 — преподаватель, старший пропагандист по истории ВКП(б); 1945 — заместитель заведующего отделом УПА ЦК ВКП(б); 1945–1949 — заведующий отделом УПА ЦК ВКП(б); 1949–1951 — заведующий Кабинетом пропаганды при УПА ЦК ВКП(б); 1951–1953 — зав. отделом стран народной демократии редакции газеты «Правда»; 1953–1962 — первый заместитель заведующего Отделом печати Министерства иностранных дел СССР, заведующий Отделом печати, одновременно: с 1961 г. — член коллегии Министерства иностранных дел СССР; 1962 — председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Мннистров СССР; 1962–1964 — председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, член коллегии Министерства иностранных дел СССР; 1963–1966 — секретарь правления Союза журналистов СССР; 1964–1968 — заместитель главного редактора Издательства политической литературы Комитета по печати при Совете Министров СССР; 1968 — начальник Историко-дипломатического управления Мннистерства иностранных дел СССР.

[138] Текст доклада публикуется по материалам «Вестника союзной информации ТАСС».

[139] Ильичев Л.Ф. (1906–1990) — партнйный и государственный деятель. 1938–1940 — ответственный секретарь и член редакцнонной коллегии журнала «Большевик»; 1940–1944 — ответственный секретарь и член редакционной коллегии газеты «Правда»; 1944–1948 — главный редактор газеты «Известия»; одновременно 1945–1949 — заведующий отделом текущей политикн журнала «Большевик»; 1948 — заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); 1948–1949 — первый заместитель заведующего Отделом пропаганды и агнтацнн ЦК ВКП(б); 1949–1951 — заместитель главного редактора газеты «Правда»; 1951–1952 — главный редактор газеты «Правда»; 1952–1953 — в распоряжении ЦК КПСС; 1953–1958 — заведующий отделом печати и член коллегии Мннистерства иностранных дел СССР; 1956–1958 — главный редактор журнала «Международная жнзнь»; 1958–1962 — заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам; 1961–1965 — секретарь ЦК КПСС; 1962–1965 — председатель идеологнческой комиссии при ЦК КПСС; одновременно — заведующий Идеологическим отделом Бюро ЦК КПСС по руководству промышленностью и строительством; заведующий Идеологическим отделом ЦК КПСС; 1965–1989 — заместитель министра иностранных дел СССР; лауреат Ленинской премин (1960).

[140] О повышении статуса и роли электронных СМИ в запнске В.И. Снастина — первого заместителя заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС; А.Г. Егорова — заместителя заведующего Идеологическнм отделом ЦК; А.Н. Яковлева — заведующего сектором радио и телевидения Идеологнческого отдела ЦК КПСС от 18 января 1964 г. в ЦК КПСС. Подчеркивается необходимость преобразования Государственного комитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению в союзно-республнканскнй Госкомитет и утверждения М.А. Харламова министром

СССР в связи с расширением материально-технической базы радиовещания и телевидения, усилением роли и ответственности Госкомитета за координацию центральных и местных программ, повышение идейно-политического, художественного и технического уровня радиовещания и телевидения. В приложении: проекты постановления ЦК КПСС и указов Президиума ВС СССР по данному вопросу (РГАНИ. Коллекция).

Штатное расписание Государственного комитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению (подписано: М. Харламов — председатель комитета 23 марта 1964 г.) содержит сведения о структуре Центрального аппарата Комитета (ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 7. Д. 565. Л. 1–7). После отставки Н.С. Хрущева 10 октября 1964 г. прокатилась волна кадровых перестановок. 14 октября 1964 г. Президиум ЦК КПСС (Протокол № 164. П. III) освободил М.А. Харламова от обязанностей председателя Государственного комитета СМ СССР по радиовещанию и телевидению и утвердил председателем Н.Н. Месяцева, освободив его от работы в отделе ЦК КПСС (РГАНИ. Коллекция).

[141] Идеологическая комиссия ЦК КПСС, созданная в 1962 г., осуществляла общее руководство культурной политикой и пропагандой. Многие авторы и их произведения оказались под запретом. Эта фильтрация творческих кадров осуществлялась посредством творческих союзов, профильных отделов ЦК, Главлита и других цензурных органов, которые зорко следили за всеми СМИ. Так, 17 мая 1962 г. Союз художников СССР обратился в ЦК КПСС (к секретарю М.А. Суслову) с письмом, в котором говорилось «об участившихся случаях пропаганды по радио, телевидению и в печати сомнительных в идейном и художественном отношении произведений изобразительного искусства, о состоявшемся на ЦТ широком показе ряда формалистических произведений, о просьбе оказать партийное влияние на органы печати, радио и телевидения». В данном документе упоминались московские художники А.Т. Васнецов, Т. Соколова, Ю. Захаров и А. Вознесенский (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 202. Л. 163).

[142] Всем перечисленным в приказе сотрудникам, нарушившим установленный порядок прохождения радиопередач в эфир, были объявлены строгие взыскания различной степени.

[143] Рапохин А.А. — главный редактор Главной редакции местного радиовещания и телевидения 1962 г., заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению; в 1970 г. утвержден заместителем Председателя Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию по вопросам радиовещания.

[144] Гюне Л.В. — радиорежиссер.

[145] Гальперин Ю.М. — радиожуриалист, литератор, автор цикла «Лнтературные вечера».

[146] Высоцкая О.С. (1906–2000) — диктор Всесоюзного радио с 1932 г., народная артистка СССР.

[147] Герцик В.Б. (1912–1997) — диктор Всесоюзного радио до 1993 г., засл. арт. республики.

[148] Озеров Н.Н. (1922–1997) — спортивный комментатор Всесоюзиого радио и Центральиого телевндения, заслуженный мастер спорта, народный артист РСФСР, неоднократный чемпион по теннису (1939–1953).

[149] Таубе Н.И. (р. 1911) — радиожурналист, в 1948–1950 гг. на Лениинградском радио, в 1960-х комментатор «Маяка», затем Главной редакции пропаганды.

[150] Ружннков В.Н. (р. 1922) — радиожурналист, исторнк радио, профессор МГУ. С 1953 г. работал на радио в качестве начальинка отдела пропаганды Главной редакции пропаганды, затем заместителем главного редактора; в 1962–1974 гг. заведующнй-редактор Научно-методического отдела. С 1958 г. преподавал на факультете журиалистики МГУ, автор книг по истории советского радио.

[151] Приказом № 258 от 15 июля 1965 г. были подведены итоги конкурса передач, подготовленных к 20-летию Великой Отечественной войны. Из более 100 работ было отобрано на соискание дипломов с денежиыми премиями 29 работ,

15 работ были награждены поощрительными дипломами. Среди авторов — победителей конкурса — М.А. Микаэлян, А.Н. Мишарин, Е.К. Терещенко, Э.Г. Верник, К.А. Милитонян, Е.П. Широков, А.А. Шерель, О.И. Куденко, Я.С. Смирнов, Г.М. Шергова, Е.П. Тарханова, Э.Д. Азарх, Г.И. Зубков, В.Н. Возчиков, В.А. Соколовская, А.Г. Ревенко и мн. др. (ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 18. Л. 80–84). Кроме этого было отмечено (приказ № 224 от 19 июня 1965 г.), что творческая группа проделала большую работу по розыску документальных записей времен войны н других исторических материалов и использовала их в передачах, что придало программам «Подвиг народа» особую достоверность и конкретность. В программах «Подвиг народа» прозвучали голоса сотен людей: военачальников Советской Армии и Военно-Морского Флота, рядовых ветеранов войны, рабочих, колхозников, партийных работников, представителей интеллигенции, советских и зарубежных общественных деятелей. Передачи цикла «Подвиг народа» получили положительную оценку радиослушателей, прессы н общественности (ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 17. Л. 540).

[152] Месяцев Н.Н. (р. 1920) — советский государственный деятель, дипломат. В 1964–1970 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. В 1950-е гг. сотрудник НКВД; в 1962–1963 гг. советник-посланнк в КНР; в 1970–1972 гг. посол СССР в Австрии. С 1973 г. на научной работе в ИНИОН АН СССР. С 1988 г. на пенсии.

[153] Документ датируется по дате приказа, которым инструкция была введена в действие (приказ № 286 от 13 августа 1965 г.).

[154] Звуколетопись и тесно связанная с ней кинолетопись — понятия, часто встречающиеся в литературе как в обобщенном смысле, так и в связи с конкретными начиианиями, вызванными колоссальным интересом к документализму и документу в середине 1950-х–1960-х гг. Развитию этого направления способствовали решения Пленума ЦК КПСС (1964) и последующнх пленумов, где открыто был поставлен вопрос о субъектнвном, а иногда и откровенно фальсифицированном подходе к освещению исторических событий. Не случайно празднование 20-летия Победы над фашистской Германией в 1965 г. вызвало к жизни не просто огромную волну публнкацнй документов и мемуаров, но и вернуло значительное количество фактов, имен, событий, которые были изъяты в течение нескольнх десятилетий. По сути, к маю 1965 г. впервые массовой аудиторин была предложена сбалансированная концепция истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Естественно, что такой большой поток звукозаписей, появляющнхся в эфире документальных циклов н сериалов, приуроченных к той или иной пропагандистской кампанин, потребовали мер по сохранению исходного архнвного материала. Появнвшийся в структуре Радиокомитета отдел звуколетописн был призван решнть многне задачн. Однако в снлу ряда причин, по мнению бывших сотруднников редакции, главным образом из-за плохой организации работы и неудовлетворительного уровня кадрового состава отдела, он не только не оправдал возложенных на него задач, но и отчасти способствовал развалу самого начинания. После ликвидации отдела звуколетописи в начале 1970-х гг. часть его функцнй была передана Телерадиофонду, другая часть «растворилась» в деятельности редакторов и корреспондентов вещательных редакций. Между тем именно радиожурналистам 1960-х гг. принадлежит заслуга осмысления идеи создания и сохранения звуковой историн страны, или, как принято называть, «устной истории», получнвшей такое широкое распространение в современной социальной практике.

[155] 25 апреля 1967 г. Секретариат ЦК КПСС (Протокол № 25. П. 69) принял предложение Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР об упразднении Главной редакцни массовых звуковых изданий Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР и освобождении первого заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР Э.Н. Мамедова от обязанностей главного редактора звукового журнала «Кругозор». Постановленне было принято опросом секретарей ЦК КПСС. За принятие постанов-

ления голосовали: Демичев П.Н., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Устинов Д.Ф., Соломенцев М.С. (РГАНИ. Коллекция).

[136] Документ был подготовлен в соответствии с поручением Совета Министров СССР от 10 августа 1966 г. в связи с принятием Положения о социалистическом государственном предприятии, утвержденного постановлением Совета Министров СССР № 731 4 октября 1965 г. Данное постановление развивало указания ЦК КПСС о совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства и вводило в действие все экономические факторы хозрасчета на предприятиях. В частности, в Положении было записано, что «предприятие является основным звеном народного хозяйства СССР. Его деятельность строится на сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятия». (СП СССР. 1965 г. № 19–20. Ст. 155. С. 394.) Однако, несмотря на то что хозрасчет имел положительные результаты в развитии ведущих предприятий народного хозяйства страны, все же в целом экономическая реформа не была эффективна и была свернута. Так, в Комитете по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР повышение ставок авторского гонорара, проведенное в 1967 г., было осуществлено по согласованию с Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной плате и Министерством финансов СССР (ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 28. Д. 33. Л. 251–251). Самостоятельность комитета и системы его учреждений в определении финансовой и творческой политики, настоятельная потребность передачи всех технических средств радио и телевидения из Министерства связи СССР — все эти насущные вопросы остались по-прежнему только на бумаге.

[137] Павлов С.М. (р. 1929) — советский государственный деятель. С 1959 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1968 г. председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1961–1971 гг.

[138] Имеется резолюция Н.Н. Месяцева: «Тов. Хессину! Надо поддержать. Ваше мнение? Прошу поговорить со мной».

[139] Максаков Л.С. — заместитель председателя Государственного комитета по радиовещанию и телевидению по материально-техническим вопросам с 1962 г., в 1970 г. утвержден в должности заместителя председателя Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию.

[140] Попытки создать музей радио, а затем радио и телевидения берут свое начало в 1930-х гг. В дальнейшем практически каждый председатель издавал похожие документы, но кроме экспозиции на любительском ведомственном уровне так ничего сделать и не удалось.

[141] Жуков Г.А. (1908–1991) — журналист, политобозреватель, Герой Социалистического Труда, Председатель советского комитета защиты мира. Лауреат Ленинской премии (1960). Кандидат в члены ЦК КПСС в 1976–1989 гг.

[142] Симонов К.М. (1915–1979) — писатель, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии СССР (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950), Ленинской премии (1974). Часто выступал с чтением своих произведений у микрофона. В 1960-е годы создал популярнейший документальный телесериал «Солдатские мемуары», в процессе подготовки которого им были записаны и сохранены многочасовые беседы и воспоминания участников Великой Отечественной войны.

[143] Галин (Рогалин) Б.А. (1904–1983) — писатель, публицист. Лауреат Государственной премии СССР (1948).

[144] Рябчиков Е.И. (р. 1904) — писатель, журналист, киносценарист, автор документальной кинолетописи «Снова к звездам». Удостоен премии М.В. Ломоносова (1963).

[145] Голованов Д. — нет сведений.

[146] Служебная записка была подготовлена специально для заседания Коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР 21 июля 1967 г., по дате которого документ и датируется. Имеется пометка «для служебного пользования». Этот документ был обсужден и одобрен участниками заседания

в качестве одного из материалов для выработки идеологической платформы. Обсуждение подобных установочных документов с принятием решений — характерное явление конца 1960-х — начала 1970-х гг.

[167] Научно-методический отдел был создан приказом № 150 от 23 января 1963 г.; положение об отделе утверждено приказом № 346 от 16 сентября 1968 г.

[168] 24 марта 1970 г. на Секретариате ЦК КПСС (Протокол № 94) Н.Н. Месяцев был освобожден от обязанностей председателя Комитета по радиовещанию и телевидеиию при СМ СССР в связи с переходом на другую работу. Постановление принято без внесения в протокол заседания Секретариата ЦК КПСС. (РГАНИ. Коллекция.)

Лапин С.Г. (1912–1990) — советский государственный деятель, дипломат. На радио в 1944–1945 гг. возглавлял политпросвещенне, в 1945–1953 гг. заместитель председателя Радиокомитета. С 1953 г. по 1967 г. на дипломатической работе: в 1956–1960 гг. посол СССР в Австрии, в 1960–1962 гг. министр иностранных дел РСФСР, 1962–1965 гг. заместитель министра иностраиных дел СССР, в 1965–1967 гг. посол СССР в Китае. В 1967–1970 гг. являлся Генеральным директором ТАСС, а с 1970 г. по 1986 г. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию (с 1978 г. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию, Гостелерадио СССР).

[169] Далее текст опущен, поскольку перечнсленные недостатки имеют отношение только к телевндению.

[170] Структурная и кадровая система Государствеиного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещаиию была утверждена 1 сентября 1970 г. (протокол СТ ЦК КПСС № 107, пуикт 10с). Был утвержден следующий руководящнй состав: Э.Н. Мамедова — член коллегии, первый заместитель председателя Госкомитета СМ СССР по телевидению и радновещанию (по вопросам телевидения); члеиы коллегии и заместители председателя Госкомнтета: А.И. Лосев (по вопросам радиовещания на зарубежные страны); Л.С. Максаков (по материально-техническим вопросам); А.А. Рапохин (по вопросам внутрисоюзиого радиовещаиия); А.Бирюков — член коллегии и начальник Главного управления внешних сиошений; Е.Э. Вартанов — член коллегии и главный редактор Главной редакции пропаганды внутрисоюзиого радиовещаиия; В.Ф. Двинин — члеи коллегии и главный редактор Главиой редакции пропагаиды радиовещания иа зарубежные страны; А.Н. Дмитрюк — член коллегии, начальник Главного управления местного телевидения н радиовещания; В.В. Егорова — член коллегии, главный редактор Главной редакции пропаганды Центральиого телевидения; В.Ф. Железнов — член коллегии, директор Телевизионного технического центра; Н.П. Карцев — член коллегии, главный директор программ Центрального телевидения; К.С. Кузаков — член коллегии, главный редактор Главной редакции литературно-драматического радиовещания; Ю.А. Летунов — член коллегии, главный редактор Главной редакции информации Центрального телевидения; И.В. Петров — член коллегин, главный редактор Главной редакции информации внутрисоюзного радиовещания (программа «Маяк»); Б.М. Хессин — члеи коллегии, директор творческого объединения «Экран»; Н.П. Чаплыгин — член коллегии, главный редактор Главной редакции музыкального радиовещания; П.И. Шабанов — член коллегии, начальник Управления кадров (РГАНИ. Коллекция).

Раздел II

РАДИОПЕРЕДАЧИ: МИКРОФОННЫЕ ТЕКСТЫ, РАСШИФРОВКИ ЗВУКОЗАПИСЕЙ

Радиовестник РОСТА
Москва, 21 октября 1918 г. — РОСТА[1]

Представители районов о торжествах

20 октября в Москве состоялось заседание тов. коммунистов — представителей районов совместно с представителями Совета.

Тов. Беленький сделал доклад на тему о характере предстоящих торжеств.

Предполагается, что празднования годовщины революции должны выразиться не столько во внешнем проявлении. украшениях, шествиях и т.п., сколько в духовной мощи. В шествиях и демонстрациях должны быть спаяны между собой все истинные сторонники Советской власти. В этом празднестве должна выявиться та колоссальная физическая и моральная сила, которой фактически располагает первое в мире социалистическое правительство.

Организовать празднество в этом духе — дело самих районов.

Большую помощь в этом отношении могут оказать митинги, которые надо устраивать в районах теперь же возможно чаще с тем, чтобы на них объяснить назначение празднования годовщины революции.

Далее докладчик говорит, что духовный характер торжества наилучшее выражение нашел бы в увековечении годовщины революции созданием различных фондов. Можно, например, основать «фонд распространения идей коммунизма» и др.

Рабочие дома, бывшие раньше в руках буржуазии, можно преобразовать в рабочие дворцы, в которых сосредоточивалась бы культурно-просветительная работа пролетариата. В этих же дворцах можно заложить начало музеям — революции, социалистическим; можно утвердить галереи портретов вождей социальной революции, а также картин, изображающих ее моменты.

Что же касается шествий, то необходима детальная разработка маршрута, чтобы все прошло без путаницы, в торжественном порядке.

Большая инициатива предоставляется районам в деле выработки праздничного репертуара театров. Надо следить за тем, чтобы репертуар был действительно революционным и в программу не попал ни один банальный номер.

Переходя к предполагаемому порядку торжеств, докладчик сообщил, что 6 ноября днем по гудку прекратятся все работы, а затем районы начнут шествия к Красной площади. Вся местность от «Метрополя» до Красной площади будет особо разукрашена, представляя собою сказочный «Красный городок». По Красной площади пройдут колонны всех районов, а затем направятся обратно, открывая по пути новые памятники.

День 7 ноября пройдет в митингах, а вечер в отдыхе, развлечениях. 7 ноября — это день празднества районов у себя — на своих площадях, в своих театрах. В районах ведь, на окраинах, живут те, кто душой почувствует все величие праздника. Не идти же всем в центр города,

чтобы забавлять зрелищем буржуазию. Правда, в центре расположены наилучшие театры с наилучшими исполнителями, и многие из районов из-за этого потянутся в центр. Чтобы внести порядок в это, необходимо районам наметить число желающих посетить большие театры, чтобы заранее распределить места.

Переходя к внешней стороне празднования, тов. Беленький указал, что всего для устройства торжеств в Москве ассигновано 6 миллионов рублей. Из них районам предполагается отпустить сравнительно небольшие суммы и необходимо настаивать на их увеличении до 100 000 рублей на долю каждого района.

Материи на все районы будет отпущено 9000 аршин. При распределении по районам на каждый завод, фабрику придется материи немного, но все же хватит на новые знамена с новыми лозунгами...

Из лозунгов и изречений для знамен и плакатов Московский комитет партии коммунистов предлагает вниманию районов следующие.

Долой международный империализм! Да здравствует интернациональная рабочая революция! Долой разбойничий союз империалистов! Да здравствует вооруженная борьба рабочих всех стран против врагов Советской России! Смерть врагам коммунистической революции! Да здравствует победоносная революционная война против хищников иностранного капитала! Да здравствует международная Советская республика!

Да здравствует союз революционных рабочих всего мира против союза международных империалистов! Да здравствует III боевой Коммунистический Интернационал!

Да здравствуют пионеры нового Интернационала — Ленин, Либкнехт, Адлер, Маклин, Серота, Дебе! Да здравствует интернационалистическая Коммунистическая партия! Да здравствует Балканская и Австрийско-Германская революция! Да здравствует правительство Либкнехта и Адлера!

Да здравствует наша доблестная Красная Армия!

Да здравствует союз рабочих — бедняков деревни! Вперед, над всеми врагами коммунистической революции!

Да здравствует интернациональный Совет Народных Комиссаров! Буржуазия подняла меч войны — от этого меча она погибнет!

Изречения.

Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, а приобрести они могут весь мир.

Пролетариат — могильщик буржуазии.

Все ценности мира принадлежат тем, кто их создал.

Мы путь земле укажем новый — владыкой мира будет труд.

Кто против Советской власти — тот враг народа.

Через пролетарскую культуру — к коммунизму. Долг каждого рабочего поддерживать свою коммунистическую власть. Право на труд.

Не гражданский мир, а гражданская война — пароль честных социалистов.

Пропаганда классовой борьбы — долг социалиста.

Победа коммунизма — спасение мира.

На смену старому миру идет светлый мир труда.

Над миром наше знамя реет и несет клич борьбы.

Вперед без страха и сомнений.

Прощайте же, братья, вы честно прошли свой доблестный путь благородный.

После доклада выступали представители районов...

Представительница Басманного района возразила, что сейчас не до комиссий, все это хорошо, но до торжеств осталось мало времени и надо усиленно работать. Особое внимание товарищ выражает на желательность в этот праздник доставить наибольшую радость детям, чтобы оставить в их памяти светлое воспоминание. Надо детишек накормить, одеть и обуть, а о проведении этих мер в жизнь пока не слышно...

Товарищ Зарецкий, развивая мысль докладчика, предлагает, чтобы на учащенных митингах перед торжеством трудящиеся обучались пению революционных песен. На этих же митингах можно заучивать и стихотворения Демьяна Бедного, чтобы рабочие могли не на концертах, а в своей среде и обстановке искренне декламировать своего поэта.

Представитель Маршрутной комиссии предостерегал от засилия в торжестве художников-футуристов, которые своей декаденщиной могут помешать выявлению духовной мощи шествий.

Окончательно еще не выбрано центральное место торжеств.

Центральный комитет по устройству торжества останавливается на Театральной площади — Маршрутная комиссия на Красной. Все оркестры переданы в ведение Маршрутной комиссии и будут ею равномерно распределены. Вопрос, будут ли артиллеристы и пулеметчики участвовать в шествии в походном снаряжении (с кухнями и проч.), пока не выяснен...

Оперативная сводка от 21 октября 1918 г.

Восточный фронт.

На левом берегу реки Камы наши части продолжают успешное продвижение вперед.

Красноуфимское направление. Противник выпустил по Красноуфимску до 150 снарядов. Наша разведка имела столкновение с противником у деревни Новый Каршм и Лямна...

Северный фронт.

На Котласском направлении. Наша артиллерия заставила замолчать дальнобойную артиллерию противника, как державшую под огнем форватер у деревни Троицкой (в 42 верстах ниже устья реки Баги).

На остальных направлениях без перемен.

Южный фронт.

На Евстратовском направлении. Казаки пытались переправиться через Дон у деревни Кушин в 14 верстах к югу от города Павловска, но были отогнаны...

Заведующий оперативным отделом Аралов

Продажа кофе

Вследствие технических затруднений продажа кофе начнется не 23 октября, как было объявлено, а с 1 ноября.

Митинг женщин-работниц

В воскресенье организаторами Всероссийского съезда женщин-работниц было организовано несколько митингов для выяснения задач съезда и выбора делегатов.

Особенно оживленно прошел митинг на Даниловской мануфактуре (Замоскворечье), на котором присутствовало свыше 1000 женщин. О повышенном интересе присутствовавших на митинге свидетельствует большое количество записок с вопросами, поданных докладчице тов. Коллонтай.

Наибольшее количество вопросов — на продовольственные темы, о том, как достать молоко для детей, как организовать столовые и т.п.

Многие интересовались в записках судьбой людей, находящихся в плену, некоторые записки затрагивают вопросы о проституции и свободе брака...

Вечером состоялся многолюдный митинг женской домашней прислуги, на котором выбраны делегатки на съезд (РОСТА).

В Белобережском монастыре 18 октября найдены на большую сумму зарытые в земле бриллианты и деньги. Задержаны скрывшиеся там контрреволюционеры. Из них расстреляны Матвеев, Мценский, предводитель дворянства, и монах, заведующий монастырской гостиницей, отказавшийся указать сбежавших контрреволюционеров. В монастыре найдено 25 винтовок, револьверы и патроны.

Яранской чрезвычайной комиссией 16 октября расстреляно пять контрреволюционеров и один дружинник продовольственного отряда, взяточник...

Военная академия

Как мы уже сообщали, в спешном порядке идут работы по организации «Красной Военной Академии Генерального штаба». Большая часть административного и учебного персонала уже приглашена, и в скором времени будет готова разрабатываемая программа сокращенного курса.

Продолжительность курса рассчитана на один год. Прошения от желающих быть принятыми в академию уже поступают. Приниматься будут преимущественно коммунисты, имеющие уже некоторый военный стаж.

Открытие академии, назначенное на 1 ноября, может, однако, несколько запоздать ввиду безуспешных усилий организаторов найти подходящее помещение. Приходится удивляться отношению жилищного совета, остающегося верным себе даже тогда, когда идет вопрос о государственном учреждении, имеющем чрезвычайную важность. Трудно по крайней мере предположить, чтобы в таком городе, как Москва, нельзя было найти скоро нужное помещение и чтобы при учете всех помещений города в центральном органе организаторам академии приходилось лично бегать по целым дням в поисках, в ущерб другим организационным работам. (РОСТА)...

На распределительном пункте беженцев

На Брестском распределительном пункте возле Александровского вокзала вследствие закрытия границы образовался громадный «затор» беженцев. Помещение бывшего городского Брестского госпиталя для раненых переполнено. Максимум здесь могло поместиться 621 человек, ныне же скопилось до 700. Преобладают поляки и литовцы, есть латыши и украинцы.

В большинстве случаев беженцы беднота — женщины, дети или же хилые старики; есть больные, которым здесь же оказывается медицинская помощь.

При распределительном пункте постоянно находится врач, несколько фельдшеров и сестер; работает культурно-просветительная комиссия, снабжающая находящихся здесь беженцев газетами и брошюрами. Находящиеся на распределительном пункте беженцы получают обед из двух блюд и ужин из одного блюда, 1/2 фун[та] хлеба, китайского чаю 1/2 золот[ника] и 3 1/2 золот[ника] сахару. Больным по записке врача выдаются дополнительные порции. Желание беженцев скорее вернуться на родину очень велико; иные открыто высказывают неудовольствие тем, что их долго задерживают здесь.

В минувшее воскресенье на эту тему на Брестском распределительном пункте состоялся митинг, на котором выступил целый ряд ораторов с речами на польском языке. Большинство ораторов отмечало трагическое положение беженцев, женщин и стариков, не имеющих ни средств, ни возможности пойти здесь на заработки и вынужденных вследствие закрытия границы на неопределенное время ютиться по пунктам и беженским домам, в то время как буржуазия успела уже уехать к себе на родину или же с успехом спекулирует, соперничая с местной буржуазией. Передают, что многие из буржуазии даже сейчас проезжают демаркационную линию в санитарных поездах. Беженцами постановлено протестовать против закрытия границы. (РОСТА)

Недостаток материи и украшение столицы (к торжествам)

Вследствие того что Центротекстиль отпускает для празднества лишь 1 000 000 арш[ин] красной и 200 000 арш[ин] белой материи на всю Советскую Россию, недостаток последней художники-москвичи решили компенсировать напряжением всех своих сил и уменья, чтобы, покрыв красками белую ткань, превратить ее в ряд художественных произведений. Высшая школа маскировки примет в этом самое горячее участие и своим умением создаст украшения и при недостаточном количестве материи. (РОСТА)

Центральная закупка махорки

Главный табачный комитет приступает к централизованной закупке сырья — махорки, для этого все свободные средства махорочных фабрик будут переведены на текущий счет Главтабака. В тех же целях предложено махорочной секции Главного табачного комитета в срочном порядке открыть отделы в Козлове, Моршанске, Ельце и Саратове с тем, чтобы эти отделы немедленно приступили к закупочным операциям.

Для закупки всего сырья — махорки потребуется 150 000 000 рублей, между тем как махорочные фабрики смогут ассигновать не больше 30 000 000 рублей.

Ввиду этого Главный табачный комитет вошел с ходатайством в Высший Совет Народного Хозяйства о предоставлении необходимой для закупочной операции ссуды...

Резолюция рабочих

Общее собрание рабочих, мастеровых и служащих депо Смоленск Александровской ж[елезной] д[ороги] приняло следующую резолюцию.

«Мы всегда были и в настоящий момент есть большевики, но благодаря тому, что во главе наших комитетов стояли люди, преследующие контрреволюционные интересы, мы не могли идти совместно с остальным пролетариатом. Теперь же, когда во главе наших советов и комитетов встали люди, защищающие только Советскую власть, единодушно клянемся ее защищать до последней капли крови, а также и ее главу — партию коммунистов-большевиков».

Вычеты за прогульные дни

Народный комиссар труда сделал распоряжение: со всех служащих правительственных учреждений, не работавших 12 июля и 20 июня сего года старого стиля, произвести при ближайшей выдаче жалованья соответственное удержание как за прогульные дни.

При повторении случаев самовольного установления «праздников», помимо установленных законом о 8-часовом рабочем дне от 29 октября 1917 г., виновные подлежат увольнению.

Отмена запрещения на въезд

Народным комиссариатом внутренних дел отменены запрещения на въезд в города Чухлому и Ярославль по северным дорогам, изданные местными властями. Таким образом, въезд в эти города свободен.

Брасова в Киеве

Как нам сообщают, в Киев приехала жена бывшего великого князя Михаила Александровича, графиня Брасова. После побега Михаила Александровича из Перми она была арестована в Петрограде. Впоследствии, после ряда хлопот друзей, графине Брасовой удалось выехать из пределов России, и она направилась в убежище всех «бывших людей» — в Киев. В Германской Орше Брасова была встречена с большим почетом местными германскими властями. Для следования в Киев ей был предоставлен офицерский вагон.

Веселящаяся Москва

В кафе «Бельгия» душно, накурено; через облака табачного дыма в двух шагах ничего не видно. Тесно составленные столики со всех сторон облеплены самой разношерстной публикой. Какие-то типы в солдатских шинелях и френчах, но вряд ли кто из них имеет что-либо

общее с Красной Армией, матросы и штатские. Чуть ли не за каждым столиком пристроились «дивы», нахально и вызывающе разглядывающие окружающих. Непринужденная, разнузданная веселость и бесшабашный смех. Пьяные здесь не редкость. Распорядитель старательно их выпроваживает, но подгулявшие граждане появляются вновь.

Раздается бесстыдная отборная брань. Дикие выходки «свободных див» лишь вызывают на масляных рожах улыбки и ответное крепкое словцо.

Цены на все «божеские». Стакан кофе — 5 р. 75 к., пиво, ситро, лимонная и прочие безалкогольные напитки — 7 р. Про бифштексы, антрекоты и т.п. и говорить не приходится. Каждый тощий кусочек мяса стоит рублей 30, но эти цены никого не смущают. Посетители чувствуют себя как рыба в воде. Пьют и едят помногу.

На эстраде сменяются рассказчики, юмористы, куплетисты, дуэтисты, певицы с пошленьким репертуарчиком, который вызывает бурю рукоплесканий и крики «бис» и «браво».

Публика ежедневно одна и та же, завсегдатаи.

В субботу там агентами уголовной милиции было задержано несколько субъектов, давно уже бывших на примете. Это в одной «Бельгии», а сколько таких в разных «Дианах», «Полониях» и прочих кафе. Всюду та же картина, только в «Питторске» или «Вердене» птицы более высокого полета.

И как-то странно кажется, что до сих пор, в то время, когда пролетариат напрягает все свои усилия в борьбе с контрреволюцией, здесь, в этих вертепах и притонах, идет пир горой. Давно пора прикрыть все эти подозрительные учреждения.

Кроме разврата, пускающего глубокие корни в душах безусых юнцов, составляющих главный контингент посетителей вертепов, они ничего не приносят. В этих кафе тратится за ночь по нескольку сотен рублей, и невольно зарождается вопрос, где берутся деньги, чтобы так щедро разбрасывать их на ветер.

Давно пора прикончить эти пиры во время революции. (РОСТА)

Вниманию редакции

Разосланную 20 октября статью под заглавием «Деятельность оперативного отдела» необходимо не пускать в печать, а задержать, не опубликовывая впредь до особого разрешения РОСТА. (РОСТА)

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 162. Л. 10–11, 15, 23, 38–39, 41, 43–45, 51, 53–54. Копия, восковка.

Л.Д. Троцкий[3]

Братский Союз Советских Республик

Речь, записанная на грампластинке[4]

[Март–апрель 1919 г.][5]

Товарищи! Старая царская Россия была скована воедино железным обручем насилия и произвола. Во время последней мировой жестокой войны этот обруч сломался и распался. И вместе с тем распалась на части старая царская Россия.

И многим казалось, что больше не собраться народам России воедино никогда. Но вот на наших глазах совершается великое историческое чудо.

Советская власть объединяет народы старой царской России воедино. Советские войска освободили Харьков и Киев. И что же? Народ украинский — хочет ли он жить особой жизнью от остальной Советской России? Нет. Он хочет дружного, братского союза и неразрывной связи. Красные полки освободили Ригу и Вильно. И что же? Народ латышский, народ литовский, народ белорусский, стремятся ли они отмежеваться от нас каменной стеной? Нет. Они хотят братского тесного союза. И то же самое произойдет завтра с Эстляндией, с Кавказом, с Сибирью, со всеми, ныне еще разрозненными частями старой царской империи. Это значит, что в сердцах трудовых народов живет непреодолимое стремление к соединению своих сил.

Там, где была железом и кровью скованная царская империя, там было вместе с тем в глубинах народного сознания стремление к братской свободной жизни без вражды, борьбы и свары одной нации с другой нацией. Ныне трудящиеся люди, получившие при посредстве Советской власти в свои руки управление государством, они строят новую Советскую Федеративную Россию. И эта новая Советская Россия протягивает свои руки рождающейся Германии. И будет во всем мире единая Советская республика всех народов!

РГАФД. № 14309. Вр. зв. 01.00. Граморигинал.

Троянов

Каков наш привоз из-за границы

Радиофельетон
«Устная газета РОСТА»

Не позднее 14 августа 1921 г.[6]

Выслушайте, товарищи, эти цифровые данные не в виде скучной таблицы, а в рифмованном раешнике.

Заграничная наша братия — белогвардейская шатия испускает вопли: стали, мол, советские дела плохи, износились большевики до ручки, значит, пора пускать нам в ход последние наши штучки. Надо усилить блокаду, чтобы все белогвардейцы были рады и чтобы мужик да рабочий очутились снова во мраке черной ночи. Будем просить западных буржуев: не давайте Советской власти ни единой сласти, ни машин, ни продуктов. Вот какую песню русские белогвардейцы распевают, но никак ею заграничных купцов не убеждают. Эти купцы — народ деловой, товар у них не лежачий, а ходовой. Коли Советская Русь денежки платит, то у них и товару для нее хватит. Как, мол, ты, Бурцев, сладко ни говоришь, а мы, купцы, видим, где барыш. И вот шлют нам иностранные купцы пароходы да вагоны, несмотря на русских белогвардейцев все препоны. Вот вам последняя сводка, послушайте, кому есть охотка.

В Петроградский порт прибыл товар первый сорт. Могу вам сообщить цифровые данные про эти товары иностранные. Вот советскому хозяйству прибыток есть — получено локомобилей вагонов шесть, а чтобы работа крестьянская шла отлично, прибыло шесть вагонов машин различных: бороны, плуги и веялки, а также маслобойки и сеялки. А чтобы вагоны наши бегали скоро, получены вагонные рессоры. Только вы, господа спекулянты, напрасно улыбаетесь: на тех рессорах вы не покатаетесь. А чтобы не было в пути препонов — рельс получено 28 вагонов. На белогвардейскую тоску в нашу красную подругу Москву прибыло 23 вагона писчей бумаги для писательской отваги.

Не очень за границей считают нас за бедных: прислали два вагона труб медных, а для разных электрооператоров выгружено 3 вагона трансформаторов, да и, кстати, два вагона трансформаторского масла, чтобы электричество невпопад не гасло. Для всяких работников беспартийных пришел один вагон ниток швейных. Пришел также для рабочих-большевиков один вагон глушителей, маховиков, да еще пять вагонов грузов сборных, необходимых нам бесспорно.

Верное мое слово, ей-ей, всего получено 97 вагонов за пять дней. Где ж теперь эта самая блокада, о которой снова шепчут наши заграничные гады. Этой блокаде, видно, пришел капут. Да здравствует наш вольный труд!

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6. Подлинник.

А.В. Луначарский[7]

Культура СССР и значение радио

Из радиолекции[8]

24 ноября 1924 г.

Прогресс человеческой цивилизации мог бы до некоторой степени измеряться прочностью связи, которая существует между отдельными человеческими индивидуальностями и их группировками. На самой заре человеческой цивилизации мы встречаем человека, сильно разъединенного от своих собратьев...

И лишь постепенно начинает прокладывать человек свои собственные пути сообщения вдобавок к тем формам, которые дала ему сама природа. И не удивительно, почему реки явились первыми путями, по которым люди смогли общаться между собой и объединять свои силы для общей борьбы с природой и для общего труда. Один из талантливейших, может быть, хотя не давших всего того, что он мог бы дать, русский социолог Мечников — брат великого биолога Мечникова — создал целую теорию, представляющую большой интерес, о том, что первая человеческая цивилизация возникла именно на реках...

С появлением письменности — будь то нарезанные палочки в виде дырок, или просто дощечки, или нечто затем напоминающее нашу бумагу — пересылка этих писем имеет колоссальное значение для чело-

вещества. Мы не можем точно проследить постепенное развитие этой почты и даже не в этом задача моего доклада — останавливаться на этом продолжительно...

Связь для государства играет первостепенную роль. В нашу революционную эпоху для всех ясно, что захват телефонной станции равен полной дезорганизации и даже при нынешнем положении, когда власть владеет кроме телефона еще другими способами связи. Этот способ связи оказывается весьма могущественным способом, и я повторяю, что, как апокалипсический удар, действует на то или другое правительство захват главной телефонной станции в столице...

Параллельно с ростом техники растет и техника связи, дошедшая до волшебного радио. Связь людей создала единый мировой рынок, и не только единый мировой рынок торговли, но и научных идей, художественных организаций, эмоций — чувств человека, единое сотрудничество — глубокую и широкую связь людей в одной цивилизации. Эта цивилизация дала белых американско-европейских народов, но и за эти пределы эта цивилизация, конечно, выходила и захватывала и другие народы, но в более слабой степени — внутри белых рас. Эта связь — научная, художественная, общекультурная — очень велика.

Сама по себе пресса как раз использует в широкой мере и телеграф, и телефон, и радиотелефон, используя эти способы связи в целях информации туда и обратно, из одной отдельной окраины в другую отдаленную окраину и т.д. Как раз эта пресса является лучшей иллюстрацией того, что достигнуто теперь.

Но эта пресса каждой строкой будет свидетельствовать о классовом разладе, об эгоизме господствующих классов, об отдаленных торгово-промышленных группировках, о религиозных сектах, о философских школах и о всевозможного рода объединениях и, наконец, о конкуренции между отдельными личностями.

В общем связанность людей между собой зарождает угрозу распрей между людьми и не только от организации к организации, но и распыленность человека от человека. Этот демон покоится на идее наживы и коренится на самой беспощадной эксплуатации ближнего, если он попал в твои руки. В этом отношении радиотелефон — это последнее слово человеческой связи — открывает перед человечеством гигантские перспективы будущего и сейчас начинает превращать до некоторой степени всю нашу жизнь в клубок нервов. Но радио продолжает развиваться в этой атмосфере человеческой вражды, а также, конечно, и лжи.

Мощность радио всем известна и не стоит на ней долго останавливаться...

В самом деле, с дальнейшим ростом радио еще усиливается то, о чем так часто говорят нам, то есть постоянно чувствуется связь со всем человечеством. С утра вы начинаете получать газеты, быстро передвигаться с места на место с организацией железных дорог, пароходов, автомобилей и аэропланов, и вы получаете огромное количество впечатлений от внешней среды. Я не знаю, в каких цифрах можно выразить богатство впечатлений, получаемых от людей, а не от природы,

если сравнить нашу связь и богатство связи с тем, что было сто лет тому назад, не говоря уже о двух — трех тысячах лет тому назад.

При условии широкого использования радио дело шагнет с колоссальной быстротой еще дальше вперед. Мы можем сказать уже сейчас так, что вокруг каждого человека в воздухе и на ближайших пластах пространства, прилегающего к поверхности нашей планеты, реют необъятные колоссальные психические ценности, передающие информационные известия, каждую человеческую мысль, распространяющие художественные ценности и человеческие чувства. Она, эта атмосфера, молчавшая до вас, начинает говорить, как только вы приложите ухо к маленькому аппарату — радио, и вам становится слышной музыка, взволнованные речи ораторов, специально извещающие о катастрофах или счастливых событиях, вам слышна обыденная человеческая речь.

Вы получаете всеми способами различные сигналы и не такие примитивные, которые в древности давали простой ответ «да или нет».

Это живая библиотека, несущая гигантский поток человеческого творчества, это нить его жизни, которая вам понятна. Люди и сейчас двигаются за этим потоком и будут двигаться за этим материалом жизни, несущим колоссальные богатства. При помощи радио человек увеличит еще значительные количества получаемых впечатлений и сделает богаче и гораздо более восприимчивой нашу психическую жизнь.

Товарищи, уже сама по себе огромная быстрота этих впечатлений, входящих в нашу психику, в наше сознание, опасна. Быстрота и многократность явлений дают увеличение количества самоубийств, психических заболеваний, тяжелую форму неврастении и истерии, что находится в зависимости от чересчур быстрого темпа, которым мы живем. В больших городах это чувствуется больше. Влияние больших городов распространяется повсюду, и только в захолустье в этом отношении еще царит известная тишина и люди живут почти тихой средневековой жизнью. Как раз в таких центрах цивилизации жизнь идет быстрым темпом и вызывает крайнюю переутомляемость, которая начинает постепенно просачиваться в человека и даже в виде наследственности передается детям. Правда, в городах имеются огромные запасы сил, и не только деревня в этом отношении является резервуаром, откуда можно черпать силы, но было бы неправильным не считаться с тем огромным потоком энергии, который несет за собой жизнь города.

Вот что рассказали мне художники — артисты Художественного академического театра о своем пребывании в Америке. Они говорят, что трудно в Америке представить себе нечто более ужасное, как то, когда вся огромная лавина служащих Нью-Йорка или Чикаго по окончании работ стремится наполнить метрополитены, различного рода трамваи, идущие по мостам, устремляющиеся по улицам, двигающиеся по висячим мостам. Страшно бывает смотреть на утомленные лица этих тружеников.

Очень многие до крайности изнурены и утомлены. У них вялые лица, землистый цвет лица, лихорадочно воспаленные глаза, и все эти

люди устали не только от труда, но от огромного количества впечатлений и известий, ибо это как раз те люди, из которых многие не занимаются физическим трудом, — это преимущественно служащие, различного рода клерки и т.д.

Кроме того, там рабочий физического труда мало работает мускулами, он лишь следит за машинами, к которым он приставлен. Всюду от физического труда наблюдается здоровое физическое утомление, а тут мы видим ясно надвигающееся психическое заболевание. За ночь эти люди кое-как ремонтируют себя, чтобы днем снова броситься на работу...

От массы поверхностных впечатлений утомленному мозгу некогда подумать, некогда прочесть большую книгу и приходится ограничиваться газетным листком. Всякая мысль или отгоняет или отбрасывает волевой импульс. Люди стали жить спеша, и от этого они часто совершают большие ошибки. Недаром великий Толстой проклял людскую цивилизацию как нечто дьявольское, и недаром он говорил, что надо оглядеться, призадуматься, задержаться, и если не оглянешься, не задержишься, то завертишься в чертовом колесе этой цивилизации и будешь воспринимать это вращение как неотложный закон природы, к которому пришла эта чертова культура. И действительно, культура содержит в себе что-то дьявольское и превращает[ся] в орудие против воли человечества. Если капиталисты сумели из машины — этой великой помощницы человека — сделать великую поработительницу, то, конечно, то же самое они постараются сделать и с волшебным радио.

Недавно я имел случай говорить с профессором Погорецким, который вернулся из Парижа. Париж не является совершенно американизированным городом, но тем не менее с того времени, как я там жил, он очень изменился. В Париже насчитывается шесть миллионов жителей, и на эти шесть миллионов жителей приходится более 200 тысяч одних автомобилей. Вследствие этого вся жизнь механизировалась до крайности...

Разве мы когда-нибудь сомневались в огромной важности печатного станка и разве мы не готовы поклониться печатному станку как нашему соратнику? Но разве мы не знаем, что сделала буржуазия с прессой, что она на ней развернула и построила орудие системы лжи, защищающей ее идеи, которые нужны господствующему классу?..

Мы, правда, не откажемся от борьбы с теми, кто против этого объединения и кто ему будет препятствовать. Мы на яд буржуазии можем ответить противоядием, которое мы распространим через рост коммунистической прессы, через коммунистическое кино, коммунистические театры и т.д. Наконец, мы знаем, что и это радио попадет в наши руки и что мы сможем тогда очистить его от слоя пятен, от жирных пальцев буржуазии, которыми захвачена каждая дочь науки и проституциизирована как проституциизирована ее мать — пресса. Ведь буржуазия заставила науку сделаться по преимуществу усовершенствованной техникой истребления людей.

Казалось бы, что с этой точки зрения можно оттолкнуть с ужасом все научные достижения цивилизации, когда сознаешь, что их держат

в своих чудовищных лапах наши отвратительные и грязные враги. Но мы знаем, что сама по себе эта система чистая, что она неповинна в том, что ее так загрязнили, а отсюда — ее надо постараться очистить и дополнить новым содержанием.

И даже те же машины, служащие человечеству, они покажут себя тогда, когда перейдут не в руки новой власти, а когда ими овладеет пролетариат, чтобы сделать их орудием для создания внеклассового общества, когда не понадобится никакой власти и когда люди смогут жить по-братски. И тогда радио постепенно создаст нечто вроде панпсихеи, то есть единодушие между людьми.

Мы, живущие на планете, живем, в сущности говоря, ее мозгом, и мы все находимся под действием того потока мысли и чувств, который течет по ее поверхности. Мы все будем объединены мыслью и творчеством человечества, и все мы будем погружены в тот океан, который творим все вместе и которому каждый отдает все, что есть лучшего. Этот поток не будет наполняться ничем грязным, что могло бы унизить его высокое достоинство.

Его содержание будет дополнено музыкой, пением, поэзией, человеческой мыслью и вообще человеческой душой, и каждая отдельная психика человека будет наиболее восприимчивой творческой раковиной, которая будет отзываться на малейшее колебание и волнение этого потока — океана человеческих мыслей и эмоций.

Говоря о волшебных свойствах радио, мы можем использовать его прежде всего для объединения народов и мы восклицаем: «Да здравствует радио! Да здравствует дальнейший прогресс при глубоком единении с коммунизмом для дальнейшей победы на арене классовой борьбы, которая должна закончиться созданием подлинной человеческой культуры».

РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 91. Л. 33–44. Копия.

Радиогазета РОСТА № 1
23 ноября 1924 г.
Слушайте! Слушайте! Слушайте!
Сегодня выпускается первый номер радиогазеты РОСТА.
Слушайте! Слушайте! Слушайте!

Радиогазета Роста № 1

Воскресенье, 23 ноября 1924 г.

Содержание номера. Что такое радиогазета? Приветствия. Телеграммы РОСТА.

Статья Б.Г. Данского — Английское правительство угрожает Египту жестокой расправой.

Что слышно в Москве? Новости науки и техники. Радиофельетон Валентина Катаева. Объявления.

Сегодня мы выпускаем первый номер первой радиогазеты

Радиогазета — такая же газета, как и всякая другая. В радиогазете есть передовая и фельетон, есть телеграммы РОСТА со всего света, есть события дня в Москве, есть новости науки и техники и т.д.

Но вместе с тем радиогазета совсем не похожа на ту печатную газету, которую можно получить по почте, можно купить у газетчика... Радиогазета — иная газета не только потому, что она доносится до своего читателя электромагнитными волнами.

Радиогазета — самая живая газета в мире. Радиогазета не читается, а слушается. Радиогазета написана живым языком. Радиогазета состоит из живых коротеньких статеек. Живых коротеньких сообщений.

Взявший трубку радиоприемника дослушает радиогазету до конца. Узнает все важнейшие политические и другие события дня.

Первый номер первой радиогазеты слушают тысячи радиолюбителей. Скоро будут слышать десятки, сотни, тысячи и миллионы.

Перед радиогазетой важнейшие задачи, великое будущее.

Приветствия первой радиогазете.

По случаю выхода первого номера газеты РОСТА получены приветствия наркоминдела т. Чичерина, секретаря ЦКК т. Ярославского, наркомпроса т. Луначарского и замнаркомпочтеля т. Любовича.

Тов. Чичерин[9]. Приветствую радиогазету РОСТА. Это громадный успех на пути развития политической осведомленности широчайших масс нашего Союза. Радиогазета дает возможность нашим центральным информационным органам связаться с нашей провинцией в гораздо более широкой степени, чем раньше.

Это — шаг вперед на пути к *проникновению политической активности граждан* Советского Союза.

Тов. Ярославский[10]. Пока СССР является единственной страной, где пролетарские массы могут пользоваться государственным аппаратом.

Эту свою власть рабочий класс использует для освобождения пролетарских масс всего мира.

Только в СССР пролетариат пользуется ничем не ограниченной свободой слова.

Пусть же «радиогазета» несет во все концы мира истину о нашей революции, о нашей борьбе за коммунизм.

Тов. Луначарский. Желаю «радиогазете» мощно содействовать развитию в нашем социалистическом Союзе этой новой изумительной формы междучеловеческой связи.

Тов. Любович. Первый выпуск радиогазеты — первый организационный шаг к охвату при помощи радио всего огромнейшего пространства СССР новым, непосредственно направленным к каждому рабочему и крестьянину словом.

Возможность в один и тот же миг связаться с величайшей аудиторией особо ценна для отдаленных, отброшенных бездорожьем от центров, — сельских мест.

Нужно пожелать, чтобы это начинающееся, имеющее огромное будущее дело было поддержано усиленным вниманием всего советского и партийного аппарата.

Это поможет быстрее устранить технические несовершенства, естественные на первых шагах.

Объединив усилия электротехнической промышленности, РОСТА, Наркомпочтеля в организации «Радио для всех», мы направляем его в первую очередь на службу пролетарской общественности.

Привет газете без бумаги. «Радиогазета РОСТА» — как начало осуществления предположений Ильича.

Что нового за границей? Слушайте последние телеграммы РОСТА.

Париж. Сюда прибыла советская делегация. Она уполномочена принять флот, уведенный Врангелем в Бизерту (Бизерта — французский порт в Северной Африке). Разрабатывается техника передачи этого флота Советскому Союзу.

Идут разные слухи о мерах, якобы предложенных комиссией сенатора де Монзи, для урегулирования положения русских эмигрантов. Де Монзи находит желательным предоставить русским эмигрантам льготы для получения французского гражданства.

Французское правительство секвестировало русскую церковь в Париже. Заведующий секвестированным имуществом заявил, что вопрос о праве собственности на церковь и на имущества в ней может разрешить только суд. Решение может быть вынесено только по окончании франко-советских переговоров.

Первым секретарем французского посольства в Москве назначен чиновник Министерства иностранных дел Анри, вторым — Карро.

Ангора. В Эрзерум прибыл новый советский консул Детистов. Его встретили представители военных и гражданских властей.

Стокгольм. Бывший советский полномочный представитель в Швеции тов. Ясинский выехал в Москву. Кроме советских сотрудников, его провожал весь съезд Шведской коммунистической партии, ныне заседающий в Стокгольме. Пароход отошел под возгласы в честь Советского Союза и пение Интернационала...

Париж. Прибыл прах Жореса для перенесения его в Пантеон. Французская коммунистическая партия призывает рабочих не участвовать в официальной процессии, ибо буржуазия боролась с Жоресом и чествование ею памяти покойного является лицемерием. Коммунистическая партия организует свою манифестацию и предлагает всему революционному пролетариату принять в ней участие.

Афины. На табачных плантациях в районе греческого города Кавалла недавно произошли кровавые столкновения рабочих с полицией. Столкновения были спровоцированы фашистскими организациями. Во время прений в парламенте по поводу этих событий греческий министр внутренних дел вынужден был признать, что правительство поддерживает правые организации против коммунистов.

Ревель. Прокурор на процессе 149 эстонских рабочих сказал в своей речи, что нельзя особенно полагаться на свидетельские показания охранников. Посторонних же свидетелей, заявил прокурор, нельзя было вызвать, потому что они боятся мести рабочих. Прокурор требовал для активных деятелей пожизненной каторги, а для остальных — тюрьмы на срок от 6 лет.

Английское правительство угрожает Египту жестокой расправой

Статья Б.Г. Данского

Несколько дней тому назад в Египте убит английский главнокомандующий генерал Листек.

Откуда в Египте главнокомандующий английскими военными силами?

Ведь Египет как будто независимая страна. Ведь в Египте имеется собственное египетское правительство во главе с Заглулом-пашой.

Египет самостоятельное государство только на бумаге. На самом деле в Египте власть принадлежит английскому главнокомандующему.

Египет такая же колония, как Индия. Трудящиеся Индии, трудящиеся Египта не хотят примириться с владычеством английского империализма. В Индии и Египте происходят постоянные волнения и восстания против англичан. Убийство английского генерала в Египте — одно из острых проявлений борьбы против английского империализма.

Не так давно Макдональд вел переговоры с Заглулом-пашой. Макдональд сулил Египту золотые горы. Но вывести английские войска из Египта Макдональд не согласился.

Нынешнее консервативное правительство Болдуина говорит с английскими колониями другим языком. Болдуин требует удовлетворения от египетского правительства. Болдуин угрожает Египту вооруженной расправой.

Как будут развиваться египетские события?

На этот вопрос сейчас еще нельзя ответить.

Но, во всяком случае, новая более решительная, более жестокая линия английского правительства по отношению к колониям вызовет обострение борьбы.

Трудящимся Египта, Индии и других английских колоний будет еще тяжелее, чем раньше. Но и перед английским правительством встанут новые затруднения в Индии и Египте...

Что слышно в Москве?

Сегодня около часу дня вернулись в Москву участники пробега на мотоциклах по маршруту Москва–Лондон–Москва т.т. Давид, Чигорин, Затулин и Минклер.

Советским спортсменам была устроена теплая дружеская встреча у летнего помещения Московского автомобильного общества против Александровского вокзала.

Командир пробега т. Давид в беседе с корреспондентом РОСТА сказал: «Наш пробег был организован два месяца тому назад Московским автоклубом при содействии ряда организаций.

Пробежали мы на мотоциклах около 7000 километров. Весь путь был проделан без всяких поломок машин.

Блестящие результаты показала резина советского производства. *Мы вернулись из Англии с запасом московского воздуха в шинах.* Таким

образом, покрышки и шины нашего производства оказались выше всяких похвал.

Мы посетили девять государств. Финляндию, Швецию, Норвегию, Англию, Бельгию, Германию, Голландию, Латвию, Эстонию.

Всюду рабочие спортивные организации оказывали нам самый радушный прием.

В Англии мы пробыли две недели и посетили ряд фабрик, где изучали интересующие нас производства».

В заключение тов. Давид заявил, что все участники пробега чувствуют себя бодро.

Сегодня состоялась закладка памятника т. Ногину

С раннего утра к Дому союзов потянулись колонны текстильных рабочих с оркестрами музыки, знаменами и плакатами. У Дома союзов колонны слились с делегатами Всесоюзного съезда текстильщиков. Отсюда все направились на Варварскую площадь, ныне переименованную в Ногинскую, где заложен первый камень будущего памятника т. Ногину.

С речами о т. Ногине как революционере и хозяйственнике выступали председатель ЦК текстильщиков т. Кутузов, секретарь ЦК Союза тов. Лебедев, председатель текстильного синдиката т. Килевейн, т.т. Фулон, Богданов и другие.

По окончании речей колонны направились к могиле т. Ногина. Старейшие текстильщики, проработавшие на текстильных фабриках более 30 лет, возложили на могилу венок от съезда текстильщиков.

Затем съезд в полном составе направился в Мавзолей т. В.И. Ленина. Тов. Кутузов и старейшие рабочие-текстильщики возложили венок на гроб Ильича от имени съезда.

Радиолекция тов. Луначарского

В небольшой комнате собралось около десятка человек и ждут с напряженным вниманием, когда должна начаться по радио лекция наркома просвещения А.В. Луначарского.

Наконец в назначенный срок четко и звонко послышались первые слова лекции. Передан даже и самый тембр голоса лектора...

— Мы можем и должны превратить радио — это чудо современной техники — в свое собственное орудие борьбы с нашими врагами и в орудие, служащее делу объединения народов. Мы очистим радио от следов жирных буржуазных пальцев и заставим его служить для блага всего трудящегося человечества, служить делу подлинной культурной связи людей разных стран между собой.

В нескольких десятках городов вот так же сидели сегодня чуткие слушатели, являя собой живое воплощение тех мыслей, которые высказал в своей речи тов. Луначарский.

В Советской России — в стране трудящихся, радио — действительно орудие культурной связи, прогресса и рассадник знаний.

Товарищи, пишите в радиогазету. Присылайте отзывы о нашей радиогазете по адресу: РОСТА, Армянский переулок, 13, редакция радиогазеты.

Новости науки и техники: аппараты «Клейншмидт» в РОСТА

РОСТА получила из-за границы аппарат «Клейншмидт». Он представляет собой сочетание пишущей машинки с телеграфным аппаратом. «Клейншмидт» пишет не на телеграфной ленте, а на развернутом бумажном рулоне, как и всякая обыкновенная пишущая машинка.

Все, что пишут на «Клейншмидте», получается в отпечатанном виде сразу рядом абонентов, имеющих такие же аппараты.

«Клейншмидт» призван сыграть огромную роль в передаче информации газетам и учреждениям — подписчикам РОСТА.

Это — гигантский шаг по пути ускорения и удешевления информации. Экономия очевидна: без телефонистов, без стенографисток, без размножения копий и т.п. одновременный охват десятков пунктов.

РОСТА в первую очередь ставит «Клейншмидт» на линии Москва — Ленинград и Москва — Харьков.

Радио в Соединенных Штатах

Радио играет крупнейшую роль в жизни Северо-Американских Штатов. Число радиоприемников в стране достигает сейчас 2 $^1/_2$ миллионов. Каждый аппарат обслуживает в среднем четырех человек. А потому общее число лиц, пользующихся радио в Соединенных Штатах, составляет 10 миллионов человек.

Передатчиков радиостанций сейчас в Америке 550.

О крупной роли радио в Соединенных Штатах свидетельствует также рост торговли радиопринадлежностями. Таких принадлежностей продано в 1923 году на 300 миллионов рублей золотом.

По радио передаются в настоящее время научные лекции, доклады, политические речи, религиозные проповеди, детские сказки, последние сведения о состоянии урожая, рыночные цены и многое другое.

Американская буржуазная пропаганда использует в своих интересах крупное агитационное значение радио.

Во время последних президентских выборов радио играло выдающуюся роль в избирательной кампании буржуазных партий.

Радиофельетон Валентина Катаева

До сих пор у меня были читатели и почитатели. Теперь у меня будут слушатели и подслушиватели, так называемые радиозайцы.

Своих слушателей я неоднократно видел собственными глазами в автобусах, трамваях, пивных и прочих культурно-просветительных учреждениях г. Москвы.

Своего читателя я сразу и безошибочно берусь найти в тысячной толпе. Если у человека из кармана торчит свеженький номерок «Красного перца», а на лице написано бесшабашное веселье с примесью легкой тревоги — могу с уверенностью сказать, что именно это и есть мой читатель.

Значительно хуже обстоит дело с радиослушателем.

Было бы более чем легкомысленно определять его по тем же признакам, что и читателя... и лихорадочно искать в тысячной толпе человека, у которого из кармана торчит свеженький номерок... радиогазеты.

Каждый честный радиослушатель сидит у себя дома и, держа в руках установленное разрешение на радиоприемник, с полным сознанием своей чистоты перед законом слушает радиогазету.

Но смеется он или плачет — неизвестно.

Радиозаяц напротив.

Наскоро срезав в ближайшем учреждении телефонную трубку, ловко выкрав аршин 15 первой попавшейся под руку проволоки и таким же способом приобретя все другие принадлежности радиолюбительства, радиозаяц спешно вползает куда-нибудь на чердак и, дрожа от малейшего шороха, начинает лихорадочно подслушивать радиогазету.

Но смеется он или плачет — неизвестно.

По всей вероятности, смеется. Потому что плакать ему нет никаких оснований. Трубка даром, проволока даром, радиогазета даром — не жизнь, а масленица.

Однако я заболтался.

Итак, дорогие радиослушатели и не менее дорогие радиоподслушиватели, сегодня я говорю свой первый радиофельетон.

Радиофельетон. Вдумайтесь в это.

Разве десять лет тому назад мы могли мечтать о чем-нибудь подобном?

Когда в свое время обыкновенные старомодные бумажные газеты писали об успехах радио, недоверчивые старики ворчали:

— Пусть брешут. Бумага все вытерпит.

И что же? Радиогазета налицо. Радиогазета сообщает о мировом рабочем движении. А недоверчивые старики, прижимая к холодным ушам трубки радиоприемника, зловеще ворчат:

— Что? Мировая революция? Пусть брешут. Радиоволна... все выдержит.

Ладно. На то у вас и уши холодные, чтобы ворчать. А мы твердо знаем, что радиоволна несет через слуховые трубки радиослушателей и радиоподслушивателей со всех концов земного шара звуки Интернационала.

* * *

Издатель радиогазеты — общество «Радио для всех».

Ответственный редактор Б.Г. Данский.

Слушайте объявления радиогазеты РОСТА. Мы передаем объявления государственных предприятий и учреждений, мы передаем объявления широковещания, электротреста, Главполитпросвета, Общества радиолюбителей. Слушайте объявления радиогазеты РОСТА.

Акционерное общество широковещания по радио «Радио для всех».

Учредители: Народный комиссариат почт и телеграфов, Электротехнический трест заводов слабого тока, Российское телеграфное агентство РОСТА.

Акционерное общество «Радио для всех» производит. устройство и установку широковещательных радиостанций, продажу радиолюби-

тельских приемников, громкоговорящих установок, усилителей репродукторов, аккумуляторов, всевозможных запасных частей к ним, а именно катодных ламп, телефонов, детекторов, антенных принадлежностей. Акционерное общество «Радио для всех» также производит демонстрирование громкоговорителей в клубах, собраниях, съездах, как для усиления радиоприемника, концертов, лекций и докладов, так и для усиления речей ораторов в залах с плохими звуковыми условиями.

Адрес правления и магазина. Никольская улица, д. 3, тел. 3-07-42.

От Общества радиолюбителей РСФСР

В понедельник 24 ноября 1924 года в 8 часов вечера в Большой аудитории Российского Политехнического музея состоится общее собрание членов Общества радиолюбителей РСФСР, находящихся в Москве. Порядок дня: доклад председателя Общества радиолюбителей т. Любовича, информация о деятельности общества, сообщения о новейших успехах в радиотехнике и демонстрация мощного усилителя системы Сименс и Гальске.

Государственный электротехнический трест заводов слабого тока объявляет всем, всем, всем.

Профсоюзы, партийные и общественные организации, фабзавкомы, месткомы, рабочие клубы, воинские части, учебные заведения!

Устанавливайте у себя громкоговорящие приемные радиостанции. Каждый гражданин может слушать концерты, доклады по радио у себя на дому.

Граждане, покупайте детекторные любительские радиоприемники!

Все материалы по радиолюбительству можете получить в Государственном электротехническом тресте заводов слабого тока.

Шлите запросы и заказы.

В Ленинграде: ул. Желябова, 9.

В Москве: магазины — Мясницкая, 20; контора — Милютинский, 10.

Объявление Главполитпросвета.

Первое: что нужно деревне? Кинопередвижка.

Она несет деревне свет, знания, развлечение и здоровый смех.

Где ее достать?

Главполитпросвет снабжает все партийные, кооперативные, шефские, просветительные, общественные и государственные организации комплектами кинопередвижек с рассрочкой платежа.

В первую очередь будут исполняться заказы учреждений и организаций за наличный расчет, во вторую — при внесении 50% стоимости заказа и в третью очередь — при внесении 25% стоимости заказа.

Цена комплекта кинопередвижки 640 рублей.

Допускается рассрочка платежа на полгода.

Перепродажа комплектов кинопередвижек частным лицам преследуется законом как продажа государственного имущества.

Избегайте посредников, повышающих цену на кинопередвижку «Госз».

Москва, Сретенский бульвар, д. 6; Юшков пер., под. 6, кв. 64; Главполитпросвет, секретариат, отдел инвентаризации.

Объявление Главполитпросвета.

Второе: что нужно избе-читальне? Книги, газеты, плакаты и другой инвентарь.

Где его достать?

Главполитпросвет Республики снабжает *избы-читальни* комплектами и инвентарем, содержащими книги по политграмоте, обществоведению, прикладным знаниям, сельскому хозяйству, кооперации, естествознанию, истории и географии, медицине и ветеринарии и проч., журналами и газетами на год, портретами, плакатами и географическими картами, справочным материалом, пособием по ликвидации неграмотности и малограмотности, письменными принадлежностями, играми и т.д.

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 27. Л. 26–35. Микрофонный материал.

Н.Е. Валевский[11]

О кооперации

Беседа

«Радиогазета» № 12

12 декабря 1924 г.

Каждый день вы читаете в газетах о кооперации. За последние полгода кооперация у нас значительно выросла, кооперация работает много лучше. Но все-таки кооперации далеко до хорошей работы.

Как улучшить работу кооперации? Об этом сейчас побеседует с вами тов. Валевский. Слушайте слово тов. Валевского.

Конечно, о кооперации вы уже слышали и читали очень много. Конечно, почти все вы состоите членами кооперативов. И, конечно, каждый день вы ругательски ругаете кооперацию. А еще больше ругает ее ваша жена, которая чаще посещает кооперативную лавку.

Как только вы являетесь домой с завода или фабрики, жена тотчас засыпает вас бесчисленными жалобами.

— И нужного товару не найдешь, и продавец груб, и дорого берет за все...

А тут тебе еще и радиогазета о кооперации говорить собирается... Кажется, вы кричите: довольно! слышали!

Постойте, дорогие товарищи! Минутку терпения! Радиогазета тоже будет ругаться, но ругать она будет не кооперацию, а кооператоров.

Когда вы ругаете кооперацию, подумали ли вы о том, что плоха не кооперация, а что плохи вы сами, товарищи кооператоры?

Подумали ли вы об этом? Что сделали вы, чтоб кооперация была лучше? Интересовались ли вы серьезно делами своего кооператива? Старались ли вы втянуть в кооперативную работу свою жену, свою семью?

О кооперации вы ведь вспоминали тогда лишь, когда в городе не было сахару или керосину. Ведь это правда? а?

То-то же.

А надо, чтобы все вы были не только покупателями кооперативов, но и кооператорами!

А это значит, что вы должны знать не только о том, что сегодня продают в кооперативе, но и о том, что ваш кооператив покупает, где покупает, как покупает.

Вы должны интересоваться всей работой своего кооператива.

Будьте сами хорошими кооператорами, хорошо вовлекайте в кооперативную работу женщин — тогда вы перестанете ругать кооперацию, а радиогазета не будет ругать вас.

Товарищи рабочие, коммунисты и беспартийные! Помните, что говорит радиогазета.

— Беда не в кооперации — беда в кооператорах!

— Хочешь иметь хорошую рабочую кооперацию — будь сам хорошим кооператором!

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 27. Л. 43–44. Микрофонный материал.

Я.М. Галицкий[12]

Правдивая история о советской рабкории

Радиофельетон
«Радиогазета» № 12

12 декабря 1924 г.

Ребята, о чем по Союзу теперь разговоры?
Что волнует сознательных граждан умы?..
Вот что: в Москве собрались на съезд рабкоры.
О рабкорах с вами побеседуем мы.
Каждый знает, что наша советская природа
Окрепнет и на ноги станет тогда,
Когда наши фабрики, мастерские и заводы
Поднимут производительность рабочего труда...
А между тем — известно для каждого и всякого,
Что работа у нас идет не одинаково:
Иная фабрика несется вскачь,
А другая еле плетется — хоть плачь...
Иной завод, глядишь, перескочит через норму,
Наполняет товаром склады и магазины,
А другой дымит себе только для формы,
А на деле стоит целый год без почину...
Почему?..
Потому что на нем либо директор плох,
Либо пьянство и лень учиняют подвох,
Либо в правлении сидят нерадивые спецы,
Либо рабочий любит в пивной погреться,
Либо инженер окажется бестолковым.
Одним словом,
По вине ли машин, сырья иль людей,
А завод стоит — и никаких гвоздей...

И вот при подобных оказиях впору явиться на сцену советскому рабкору.

Этот парень проводит всю жизнь у станка,
На заводе весь день — от гудка до гудка.
Так ему ли не знать про все недочеты?..
Про болезни и язвы фабричной работы?..
Он заводом живет, а фабрикой дышит.
Что увидит — заметит, что услышит — запишет
И в газету пошлет, чтоб придать огласке.
Глядишь, лентяям дают острастку,

Плохого директора забирают в лапки,
Разгильдяю и взяточнику дают по шапке...
Посмотришь, проходит месяц, другой —
И завод уже шагает твердой ногой...
Конечно, товарищи, весь этот сброд,
Полетевший с мест, успокоится не скоро:
Он от злости бессильной губы грызет
И врагом своим главным считает рабкора.
И бывает, что подобный мерзавец со зла
На рабкора лезет с ножом из-за угла...
Но мы не упустим их из виду:
Не позволим им злобу свою сорвать,
Не дадим, товарищи, рабкора в обиду,
А попросим его почаще писать,
Не страшась ни насилий, ни угроз, ни проклятий,
Обо всем, что делу рабочему кстати,
Как писал он до нынешних пор...
Да здравствует Рабкор Советской Печати!
Да здравствует Советский Рабкор!..

ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 27. Л. 68–69. Микрофонный материал.

А.Д. Калинина[13]

Интервью корреспонденту «Радиогазеты»

«Радиогазета» № 55

11 марта 1925 г.

Разрешите остановить ваше внимание на одной большой теме — судьбе беспризорных детей!

Радиогазета задала вопрос председательнице чрезвычайной комиссии по борьбе с детской беспризорностью тов. Калининой:

— Как обстоит борьба с детской беспризорностью?

Вот что ответила тов. Калинина.

— Не надо себя обманывать... Число беспризорных до сих пор не уменьшилось, а увеличилось. Рост волны беспризорных объясняется бездеятельностью общественных организаций и сокращением на местах детских домов.

Откуда главным образом идут в Москву беспризорные?

Большею частью из провинции, идут самотеком. Зачем? — Устроиться! В провинции прямо так и говорят: «В Москве власть, а на глазах у власти легче устроиться».

Люди стали привозить в Москву сразу по 12–20 человек и оставлять их на улице. Об этом мы должны предупредить неосторожных.

Через приемники Москвы ежедневно проходит до 50 беспризорных. В месяц это 1500 детей.

В чем же выход?

Единственный выход такой. общественные организации на местах должны решительно взяться за устройство судьбы беспризорных.

В этих организациях работницы должны взять на себя самую большую работу. Это дело им ближе и понятнее.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 1. Л. 6. Микрофонный материал.

В.В. Маяковский[14]

Радиоагитатор

«Радиогазета» № 100

3 мая 1925 г.

Преград
человечеству нет.
И то,
что казалось утопия,
в пустяк
из нескольких лет
по миру шагает,
топая.
Была ль
небывалей мечта!
Сказать,
так развесили б уши!
Как можно в Москве
читать,
а из Архангельска
слушать!
А нынче
от вечных ночей
до стран,
где солнце без тени,
в миллион
ушей слухачей
влезают
слова по антенне!
Сегодня нет
ни времен, ни пространств,
не то что
людской голос —
передадим
за сотню стран
и как
шевелится волос!
А, может быть,
и такое мы
услышим по воздуху
скоро:
рабочий
Америки и Чухломы
споются
одним хором.
Чтоб шли
скорей
века без оков,
чтоб близилась
эта дата —
бубни миллионом
своих языков,
радиоагитатор!

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 3. Л. 85–86. Микрофонный материал.

Л.М. Рейснер[15]

Вандерлипп в Афганистане

Очерк

«Утренняя радиогазета» № 166

18 сентября 1925 г.

Из Москвы миллионы Вандерлиппа послали на Восток.

Как все стареющие завоеватели, он стал думать о походе в Азию, о чудовищном объединении Китая, Афганистана, Персии, Месопотамии и Турции в единую танковую и железнодорожную державу.

От Шанхая до Кашгара, от Тегерана до Константинополя в реве паровозов, пересекающих пустыню, прозвучит победоносный гимн дешевой спички и дешевого чулка, общедоступной бритвы и непобедимых в своем ничтожестве подтяжек. И взамен всего этого Америка возьмет чистый кудрявый хлопок, жемчужный рис, раздвоенный посередине, как нежный подбородок, и моссульскую нефть — эту черную душу движения, скорости и силы.

Под треск и вой обанкротившихся английских предприятий, под широкий непрерывный водопадный гул, с которым американский капитал ринется в песчаные русла Азии, под раскаты новой войны, и навязав истории свои акции и векселя на сто лет вперед, — вот как хочет кончить Вандерлипп и вот почему он сегодня гостит в Кабуле, столице Афганистана.

Время Вандерлиппа идет со скоростью курьерского поезда. Слепое, оно дает сильный крен на поворотах, летит на одном колесе, содрогается, скрипит, и опять вперед — по кратчайшей математической линии.

Вандерлиппу безразлично, по какой стране, среди каких людей летит его курьерский. Желтые, красные, советские, пальмы, тундры или пески — лишь бы дела шли без опоздания, ровно стуча маслянистыми колесами, едва переводя дух на остановках, шумно дыша широкой, высоко поднятой паровозной грудью. Все по расписанию. Без потери времени, без лишних слов. И вдруг долгая, мучительная, нелепая остановка в Кабуле.

Темп Вандерлиппа тонет в сыпучих песках восточного красноречья, в лени и слащавой медлительности афганцев, как поезд, сошедший с рельс.

Ему назначают свидание в министерстве. Он едет туда, вооруженный цифрами, короткими и резкими доводами, скупыми словами, пропускающими торопливую мысль, как турникет запоздавшего пассажира.

Но ему предлагают чай. Но его угощают сладкой дыней и справляются о драгоценном здоровье американского друга.

Вандерлипп в двадцати метрах прорывает это сладкое марево... Он вводит в него свои увесистые рычаги, он со всей силой нажимает на их рукоятки.

Напрасно. Дым кальяна и любезность по-прежнему неуязвимы, коварные удары логики бьют улыбающийся воздух, практический Вандерлипп три часа сражается с уклончивым призраком, он сам себе

смешон, как Дон Кихот, его часы твердят, что сегодняшний день просто потерян, и поезд жизни, прождав Вандерлиппа одну минуту восемнадцать секунд, ушел без него.

Верблюды, жаркое небо, богатый базар. Вышивальщики и ювелиры, [...] и гончары, шелк, кашмирские, персидские и бухарские ковры, тысяча живых пустяков, солнечные пятна и густая тень, в которой развешено старинное оружие и качаются перепелки в своих остроконечных клетках, похожих на колдовские шапки. Они качаются в них и, не видя солнца, поют о вечной весне. Вандерлипп осматривает базар, осматривает сады и злится. В самом деле, в других странах он привык к быстрому, экономному труду. Сорок лет он снимал с дикарей их драгоценные цветные шкуры и ни разу не наткнулся на праздное любопытство, а тем паче на неуместное сопротивление. Он даже не сдирал, а только чуть-чуть подпарывал на спине опекаемых их скифские шубы, и все эти желтые и черные, коричневые и красные услужливо сами из них вылезали, получая взамен манжеты на ноги, кольцо с фальшивым камнем в нос, бутылку джинджера и вообще — прогресс. И вдруг эти афганцы не хотят, торгуются часами, требуя особой платы за свои пустыри, непроходимые горы, лишенные всякой ценности, за свою грязь, невежество и голь. Вандерлипп переходит в контратаку — и тотчас министерство исчезает в дымке пустопорожней любезности, и опять миллионер мечется по знойным и пыльным улицам, не спит по ночам, глотает хину и лед.

И все-таки — думает Вандерлипп — кто знает? Посмотрим. Уже усталый, уже больной многодневными перерывами между деловыми свиданиями, он все-таки едет в загородную резиденцию Эмира, на восьмидневный праздник Независимости.

Для того чтобы понять дальнейшую неудачу Вандерлиппа, надо знать, что такое праздник Независимости в Афганистане.

Правительства и иностранные послы придают ему официальный оттенок. Слоны, маневры, бега и речи... Но не в них неотразимая прелесть и торжественность этих дней, посвященных Независимости.

Когда Эмир на четвертый день вместо мундира появляется в одежде пограничных племен: в серой чалме, в темно-синей холщовой куртке, перекрещенной патронташем, в сандалиях на босу ногу... Тогда весь Кабул знает, что начинается жгучая, мистическая и глубоко национальная часть праздника. Завидя за плечами Амануллы-хана старинную винтовку пограничников, английский посол обычно ощущает легкое недомогание и, ласково извинившись, исчезает в облаке автомобильной пыли. Гудок его автомобиля провожает хриплые, ненавидящие рожки воинственных племен, сто лет пролежавших, как нетающий снег, в глубоких складках Гиндукуша.

Под ногами пляшущих вазиров клубится не пыль, а полчища, тучи саранчи цвета хаки, налетевшие с юга и запада, поразившие самые маленькие, запрятанные в горах, пастбища пограничников, отравившие их колодца своими безликими останками и ползущие дальше, через пустыню, вечный снег и голые камни. Племена топчут их ногами, но бесчисленные безымянные истребители просачиваются везде; им нет

числа и меры, конца и названия. Они — тли, им не опасен меч, выкованный во времена Александра... Тогда вдруг все круги пляшущих размыкаются, музыка сливается в пламенный рев, воины — в одну голую горячую стену, все черные взлетающие гривы — в один грозовой черно-синий пламень, мечи над головой и пыль, как дым, и пляска, как пожар.

Он, воплощение скорости, уехал из Кабула в старомодной, чудовищно неповоротливой карете. Перед ним в углу сидел его переводчик— Михмандар. Вандерлипп уже обдумывал обходную дугу своей магистрали, которая делала ненужным Афганистан. Стук расшатанных, гремучих колес по щебню напоминал ровное пульсирование поезда, и мысли выравнивались бесконечными параллельными нитями, закрепляясь то цифрой, то горизонталью итогов, как телеграфные проволоки от столба до столба.

Вандерлипп никогда не возвращался назад и не жалел о совершенном. Но в данном случае его беспокоил не самый факт неудачи, но ее полная необъяснимость. По кожаному верху кареты успокоительно стучал дождь, точно кто-то большой сидел в этой темной ночи, рассеянно барабанил пальцами и тоже думал — почему... почему... почему?

«Нет, нет, — припоминает Вандерлипп, — они не так глупы. Не так уж глупы». Кучер хлещет мокрых, горячих лошадей там, снаружи.

Они упрямы, да, но дело не в упрямстве, не в одном упрямстве. И Эмир — крупный человек. Мне пригодился бы такой энергичный и деловитый парень в Калифорнии. Вечные забастовки на приисках. Да. Карету тряхнуло, стукнуло, жестоко бросило в сторону.

— Сопротивление, вот в чем дело! Сопротивление всему чуждому. Еще бы, народец, который Англия не смогла проглотить за сто лет. И вдруг, улыбаясь, чувствуя, что все ясно, как пара прямых новых логичных рельс:

— Михмандар-Саиб, а что значит Истеклаль?

Истеклаль? И склонив голову на бок, прижав руку к полному животу, Михмандар перевел, улыбаясь лукавой, восточной улыбкой:

— Независимость, ваше превосходительство.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 9. Л. 61–63. Микрофонный материал.

Встреча с А.М. Горьким[16]

Корреспонденция
«Радиогазета» № 264

16 октября 1925 г.

Наши моряки, посетившие Италию, побывали у нашего великого писателя Максима Горького, который живет в городе Сорренто, где лечится от болезни легких. Вот как рассказывает об этом свидании один из наших моряков, который вместе с другими товарищами посетил великого писателя.

Час езды по голубому Неаполитанскому заливу, и мы на пристани в Сорренто. Поднялись по бесконечным лестницам на почти отвесный

берег и быстро зашагали по узеньким улочкам Сорренто. Через несколько минут мы у цели. Стучим. Отворяют. Входим во двор. На садовой дорожке нас встречают сын Горького и сам Горький. Высокий, с нависшими усами. Глаза ушли куда-то вглубь. Горький как-то смотрит искоса. Пригласил войти в дом. Поднимаемся на второй этаж, усаживаемся у круглого стола. Беседа как-то идет вяло. Все не можем нащупать темы. Моряки исподлобья оглядывают курящего папиросу за папиросой Горького.

— Вот теперь у нас, — начал Алексей Максимович, — целый пласт новых писателей вышел. Вот сидишь пишешь, подбираешь, шлифуешь, а он — на тебе, взял, да так сделает, такой образ дает, что и в век не надумаешь. Это все от того, что атмосфера у нас на родине насыщена одной единой волей. А они-то, писатели, пропитываются этой волей и творят. Порыв есть, движение. Вот всего этого были лишены старые писатели. Возьмите-ка, к примеру, кресткора Апушкина. А как пишет — залюбуешься.

— Алексей Максимович, да где вы читали?

— В «Бедноте». Здорово, прямо-таки здорово пишет о крестьянском обиходе, так и стоит образ перед глазами. Да разве мало их теперь.

Перебрали и других писателей и поэтов. Горький очень хорошо отозвался о пролетарском поэте Казине и поэте Есенине.

— Алексей Максимович, а вы почему не напишете из современной жизни?

Горький ерзает на стуле:

— Да это долго объяснять. Кратенько дело вот в чем. Надо итог прошлому подвести, чтобы знать, что хорошего, а что плохого было позади. Мы ведь в новую эпоху перешли, так точку надлежит поставить. Большую повесть пишу.

Неожиданно разговор переходит на тему о памятниках и о памятнике тов. Ленину, в частности. Кто-то жалуется, что до сих пор не представлено ни одного мало-мальски отвечающего задаче проекта.

— Вот действительно, не могут создать ничего, — подхватывает Горький, — отвечающего покойному Владимиру Ильичу. Нельзя же его изображать так просто — в пиджаке, в обычной позе. Нельзя, вот это теперь символ. Да у меня самого не вырисовывалось настоящего образа его памятника. Слишком он близок еще. Как из стихии выпирает могучий, железный человек, весь четкий, строгий. Вот бы как передать. Нет, не могу изложить... точно своих мыслей...

Горький напряженно глядит на угол стола. И мы попритихли. Надо было уходить, скоро должен был прийти в Сорренто пароход. Стали прощаться.

— Алексей Максимович, когда же приедете, — спросил кто-то из моряков, — к нам?

— Вот к весне обязательно приеду, кончу работу, и тогда можно будет. А сейчас нельзя, нужно довести до конца начатое дело.

Долго жали друг другу руки. Горький вышел, проводил до ворот, постояли еще несколько минут, перекинулись на прощание еще не-

сколькими словами и пошли. Шли мы быстро, бодро. Словно выкупались в студеной речке. Ребята все оборачивались назад. Махали белыми бескозырками.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 12. Л. 110. Микрофонный материал.

Ф.Э. Дзержинский[17]

Беседа с сотрудниками печати
«Радиогазета» № 283

5 ноября 1925 г.

Вспомните, товарищи, опубликованный во всей печати и в радиогазете приказ тов. Дзержинского, направленный против спекуляции промышленными товарами некоторых наших госорганов, перепродававших втридорога товары частным торговцам.

Есть такие, которые неправильно истолковывали приказ тов. Дзержинского, предполагая, что приказ направлен вообще против частных торговцев.

Разъясняя смысл своего приказа, тов. Дзержинский в беседе с сотрудниками нашей печати заявил следующее:

— В моем приказе речь идет не о том, чтобы частным торговцам ничего не давать, а исключительно о том, чтобы не было незаконных перепродаж товаров по взвинченным ценам.

Я полагаю, что по состоянию нашего как кооперативного, так и госторгового аппарата мы без частных посредников и без частных торговцев сейчас никоим образом не сможем обойтись.

Поэтому частные торговцы должны быть поставлены в такие условия, чтобы они могли продавать по нормальным ценам, а не получали товар втридорога незаконно от спекулянтов, находящихся в кооперативных и госторговых организациях, а затем сдирали свои переплаты на покупателе.

Некоторую часть товаров, какую можно будет в плановом порядке передавать частным торговцам для продажи, они должны получать на определенных условиях, а не для взвинчивания цен.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 14. Л. 59. Микрофонный материал.

Что слышно в Москве
Корреспонденция[18]
«Радиогазета» № 285

7 ноября 1925 г.

Товарищи рабочие, крестьяне и все, все, все, слушающие радиогазету в близких и далеких городах и деревнях нашего Союза. Вы сидите у ваших радиоприемников, у трубок и громкоговорителей и слушаете Москву. Вам хочется знать, как встречает Москва восьмилетнюю годовщину Октября. Мы не станем передавать вам речей, сегодня произнесенных, потому что их передавали вам по радио с Красной площади и вы их слышали. Но мы расскажем вам, как радуется, движется, кипит сегодня Москва.

Начнем с раннего утра. День начался пасмурно. Моросит дождь. Но это не влияет на настроение. Город сверкает яркими плакатами, свежей зеленью, огненными флагами и художественными портретами вождей революции.

Жизнь в районах началась рано. Спешно заканчивалось кое-где украшение зданий. Каждая фабрика, каждый клуб, каждый кооператив тщательно украшен ярко-красными полотенцами, лозунгами и гирляндами зелени.

Особенно красиво убраны Краснопресненский и Рогожско-Симоновский районы, Краснопресненский райком — центр районного празднества. Здание райкома утопает в зелени и плакатах.

С обеих сторон здания сияют огненные буквы: СССР. Лозунги гласят: «Каждый Совет, каждый Исполком, каждое судебное учреждение должны стать верными стражами революционной законности!», «Пусть растет и ширится союз рабочих и крестьян, пусть крепнет его основа — руководство Коммунистической партии!»

Фасад здания украшен беломраморными бюстами Ленина и Маркса.

У Рогожско-Симоновского райкома через всю улицу перекинут плакат: «Привет миллионам комсомольцев и пионеров!». На самом здании пестрят лозунги: «Да здравствует Российская коммунистическая партия — строитель социализма!»

Заводы «АМО», «Динамо» и другие украшены лозунгами, зовущими трудящихся к укреплению производства и поднятию производительности труда. На зданиях клубов, кооперативов и других учреждений и организаций множество плакатов, зовущих к ясным и определенным задачам момента.

В 10 часов утра начинается сбор трудящихся на демонстрацию. Густую пелену мелкого дождя прорезывает радостный смех, веселая шутка, бодрая перекличка сотен и тысяч взрослых рабочих, пионеров, комсомольцев. Людская масса быстро строится в ряды и колонны.

В 11 часов утра улицы и площади Москвы запружены народом. Непрерывно гудят автомобили, заполненные детворой. Из районов вливаются в центр большие массы народа. Веселый говор демонстрантов смешивается с радостным гулом ребят и бодрыми звуками оркестра. В воздухе стоит торжественный шум Великого Праздника. Москва начинает жить полной жизнью. На Серпуховской, Сухаревской и других площадях, у Красных ворот, у Краснопресненской заставы громкоговорители собирают большие массы трудящихся. Все хотят услышать речи с Красной площади. Настроение праздничное, радостное.

Теперь заглянем в улицы центра, ведущие к Красной площади. Здесь людской поток становится гуще. Идут бесконечные колонны людей. Они тянутся со всех окраин Москвы, и кажется, что нет силы, которая сможет остановить этот нескончаемый поток.

Фабрики, заводы, учреждения, организации, школы — все идут на Красную площадь. В воздухе реют знамена и плакаты. Особенный подъем у детей. Сотни грузовиков развозят их по городу. Детвора машет красными флажками и громко приветствует встречные колонны. Из каждого переулка доносятся радостные возгласы и приветствия

Октябрю. Проезжают разукрашенные автомобили. Вот автомобиль Хлебопродукта. В нем целая постройка из плакатов с лозунгами и рисунками. На плакатах надписи: «Долой хлебовредителей!»

А хлебовредители — это громадные насекомые с головами иностранных капиталистов. Тут же среди профессиональных организаций проходят военные части с музыкой и революционными песнями.

Перед зданием Московского Совета демонстрация задерживается. Звучат крики, поздравления, и все идут дальше к Кремлю, Мавзолею — к сердцу Москвы.

Мы приближаемся, товарищи, к Красной площади.

Какой огромный поток людей. Могучая, великая сила, Октябрьская сила движет этим потоком. И нет в них печальных хмурых лиц. Это настоящий свой, родной, близкий и понятный всем трудящимся праздник.

Праздник трудящихся и их детей. Вот мать-труженица высоко подняла крошку-сына. Он крепко держит крохотное красное знамя.

Мы у гробницы Ленина. В рупор гремит призыв: «Да здравствует победа рабочих во всем мире!» И трепещет маленький красный флаг, и малютка-пролетарий звонким голоском-колокольчиком кричит «Ура!»

Голова колонны уже давно обогнула Красную площадь, а хвост ее далеко там, у Тверской заставы, в 2–3-х верстах. Сотни оркестров бросают в пространство волны маршей. Повсюду звучит песня. Она без всякой указки сама вспыхивает то в одной, то в другой группе. В миллионном море, славящем Октябрь, сегодня все те, для кого знамя и победа пролетарской революции не просто слова, а дело, которое они при первой же попытке врагов пойдут защищать. Вот потому-то нет сегодня конца-краю на Красной площади человеческому морю. И нет конца-краю общей радости трудящихся пролетарской страны.

К полудню небо начинает проясняться, тучи рассеиваются, солнце заливает площади и улицы Москвы, и праздник становится еще светлее и радостнее.

Теперь, товарищи, мы опишем главный момент торжества на Красной площади.

Ровно в 10 часов утра с трибуны площади тов. Угланов объявляет открытие демонстрации. Председатель ВЦСПС тов. Томский обращается к собравшимся с приветственным словом.

Речь эту вы слышали по радио.

Затем происходит передача знамени московским рабочим от Союза германских красных фронтовиков. Знамя передается под звуки «Интернационала». После вручения знамени на Красную площадь вступают головы колонн демонстрантов из районов. Трибуна и колонны обмениваются между собой лозунгами и словами приветствия. На трибуне тов. Калинин, Томский, Ярославский, Енукидзе, Михайлов, Бубнов, Рудзутак и другие. На правой трибуне Мавзолея группа делегатов гостей крестьянской Московской губернии вместе с тов. Рыковым, члены датской и норвежской делегаций, члены делегации молодежи Германии и германского Союза красных фронтовиков.

Сменяя друг друга на трибуне, представители Коммунистической партии, правительства, профессиональных союзов и Красной Армии обращаются к демонстрантам с приветственными лозунгами, которые вы опять-таки, товарищи, слышали по радио. Крестьяне, размахивая шапками, поздравляют московских рабочих от имени крестьянства.

Среди знамен и плакатов появляются смешные изображения. Вот едет мусорная телега, которой управляет красноармеец. На ней в формах армий разных западных европейских государств тесно сидит несколько фигур. Это защитники капиталистического строя. На этом мусорном фургоне надпись: «Буржуазию западноевропейских стран на свалку». Другой плакат изображает вывеску меховой мастерской. На нем надпись: «Московская государственная меховая фабрика принимает выделку Чемберлена, Шейдемана, Гинденбурга, Вандервельда и других хищников. Качество выше довоенного».

В колоннах появляется группа демонстрантов, представителей Красной Армии. Их встречают бурными возгласами и могучим «ура!».

Тов. Михайлов возглашает «ура» новому комиссару по военным и морским делам тов. Ворошилову. «Ура» подхватывается многотысячной массой.

Бурными аплодисментами встречает вся площадь появление на трибуне престарелой Клары Цеткин. Густые людские колонны продолжают вливаться на площадь. Масса идет. А сверху, с трибуны Мавзолея, звучит лозунг за лозунгом, подхватываемые многотысячной толпой.

«Видать, наш староста Михаил Иванович доволен», — говорят в толпе.

Радостная улыбка все время играет на его лице. Но вот оно как-то особенно засияло — это проходят делегации крестьян из уездов.

Вот выскакивает из рядов старый, старый крестьянин, подбегает почти к самому Мавзолею и, размахивая высоко в воздухе шапкой, что есть силы кричит: «Слава нашему дорогому вождю товарищу Калинину!»

Над площадью появляется разведчик самолет, делает несколько мертвых петель и улетает обратно, а потом скоро возвращается с целой эскадрильей, шумно реющей над площадью.

Праздник продолжается. Все рассказать вам, товарищи, нет возможности.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 14. Л. 9395. Микрофонный материал.

Что слышно в Москве?

Корреспонденция
«Рабочая радиогазета» № 31

31 января 1926 г.

Бюро обслуживания учреждено при Наркомпочтеле, помещается оно в здании ГУМа, Ветошный ряд.

Это — большая комната, вся заполненная справочными книгами, словарями, указателями, картами и планами. Во всем Бюро работают около 25 человек. Бюро дает любую справку, интересующую москвича. Какие только вопросы не задают Бюро обслуживания?!

За время, что сотрудник радиогазеты сидел в комнате Бюро, со всех телефонов, а их 12 в одной комнате, поступили такие запросы.

— Скажите, когда прибывает австрийская рабочая делегация?

— В каком московском магазине можно купить сегодня калоши?

— Когда можно записаться на прием к такому-то профессору?

Бюро приходится быть иногда и справочником по части законов о налогах, по жилищным делам и тому подобное. Лозунг этого учреждения — «Нет вопроса без ответа».

Бюро отвечает ежедневно на 3–4 тысячи вопросов. Для получения справок от этого Бюро нужно записаться и внести небольшую помесячную плату.

ГА РФ. Ф.4459. Оп. 7. Д. 36. Л. 9. Микрофонный материал.

Г.Б. Смоленский[19]

Отчет о партактиве в Москве

«Рабочая радиогазета» № 62

27 июля 1926 г.

Товарищи, вчера актив Московской организации Всесоюзной[20] Коммунистической партии (большевиков) заслушал и обсуждал доклад тов. Рыкова о решениях Пленума ЦК и ЦКК. Это решение передавали мы вам вчера.

Послушайте, что было на вчерашнем важном собрании.

Экспериментальный театр полон до отказу.

На трибуне тов. Рыков. Он говорит о важности решений Пленума ЦК и ЦКК.

— Партия никому не позволит вести раскольническую политику.

— Оппозиции были предоставлены все возможности практически работать внутри ЦК, внутри Политбюро. Этой работы не было.

— Постановление ЦК и ЦКК должно быть разъяснено всем членам партии Советского Союза.

Один за другим выходят на трибуну ораторы.

— Партия, — заявляют они, — не допустит, чтобы ее трепала дискуссионная лихорадка.

Бурными аплодисментами встречает собрание выступления т.т. Ярославского и Угланова. И тот, и другой многочисленными фактами разоблачают истинное лицо оппозиции.

Несколько сот записок было подано тов. Рыкову. На многие из них он ответил.

— Мы, — говорит в заключение т. Рыков, — переживаем ряд затруднений; нам предстоит еще много трудностей. Основа дальнейшей работы — единство и твердость партии.

— Мы на подъеме. Мы растем. Пугаться трудностей нечего. Надо крепить ленинское единство. Надо удесятерять работу.

Заслушав доклад тов. Рыкова, 3-тысячное собрание московского партийного актива единогласно, без воздержавшихся, приняло резо-

люцию. В этой резолюции московский партийный актив заявляет следующее:

— Собрание активных работников Московской организации полностью одобряет принятые Пленумом решения.

Собрание актива считает необходимым обратить особое внимание всех членов организации на важность постановления Пленума ЦК и ЦКК по вопросу о сохранении железного единства партии и борьбы с фракционностью.

Московская организация заявляет, что она по-прежнему решительно будет бороться против всяких попыток ревизии ленинизма, за идейную цельность большевистской партии, против раскольников, против фракционности, за единство и сплоченность ленинских рядов.

Актив Московской организации, установив значительные успехи, достигнутые по поднятию и оживлению внутрипартийной работы, установив переход от общих фраз о внутрипартийной демократии к деловому практическому претворению принципов внутрипартийной демократии в жизнь, призывает все местные партийные организации с еще большей энергией добиваться оживления партийной работы на основе решений XIV съезда партии, не допуская никаких группировок и фракций внутри единой, цельной большевистской партии.

Против ненужных дискуссий. За единство партии.

Товарищи, обсуждение решений объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП продолжается.

Сейчас в Москве идут собрания партийного актива 4-х районов: Краснопресненского, Замоскворецкого, Сокольнического и Хамовнического. На этих собраниях делают доклады члены Центр[ального] К[омите]та Компартии.

В провинциальных городах партийные организации так же, как и в Москве, резко осуждают оппозицию.

Послушайте телеграмму из Одессы.

Вчера на 2-тысячном общегородском собрании актива Одесской организации по докладу секретаря окружкома т. Маркитана о единстве партии единогласно принята следующая резолюция:

«Мы знаем, что отдельные представители оппозиции искали связи и поддержки Одесской организации. Они ее не получили у нас и не получат нигде.

Обсудив решения объединенного Пленума ЦК и ЦКК, расширенный партактив целиком и полностью присоединяется к ним, одобряет эти решения и требует проведения в жизнь решений XIV съезда в отношении товарищей, нарушивших единство. Собрание сурово осуждает попытки навязать дискуссию партии, особенно в период хозяйственных затруднений, что может ослабить волю партии и рабочего класса и темп социалистического строительства. Ни талантливость отдельных вождей, ни их авторитет, созданный им партией, не собьют партию с ленинского пути».

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 41. Л. 35–36. Подлинник.

С Новым годом!
Радиокомпозиция
«Рабочая радиогазета» № 295

31 декабря 1927 г.

Товарищи слушатели! Всех вас, рабочих, работниц, крестьян и крестьянок Советского Союза, «Рабочая радиогазета» приветствует с наступлением Нового года борьбы и творческой работы. Пламенный пролетарский привет и нашим зарубежным слушателям, нашим братьям по классу, которые, невзирая на все буржуазные кордоны, держат и будут держать с нами связь.

(*Музыка: туш.*)

Товарищи! Целый год мы вместе с вами вели упорную борьбу против врагов трудящихся. Почти каждый день перед вами проходили наши внешние и внутренние враги: бюрократы, волокитчики, белогвардейцы, спекулянты, попы, пьяницы, лодыри, саботажники, чемберленцы, хиксы, макдональды и детердинги.

Вся эта братия сегодня тоже встречает Новый год и, как полагается, высказывает свои душевные пожелания.

Радио не знает преград, и сейчас мы будем транслировать новогодние пожелания живых мертвецов, они справляют свою встречу втихомолку. Поэтому всем их выступлениям нам приходится дать свою музыку. Слушайте.

(*Ария из оперы Д. Верди «Травиата»: «Налейте бокалы».*)

Конферансье. Мадам и мсье, уважаемые гражданки и граждане! Минуточку внимания! В честь наступившего Нового года почтенный директор Хламтреста желает провозгласить тост. Прошу внимания.

Бюрократ. Высокопочтенное собрание. Истекший год мы можем с гордостью отметить как рекордный в смысле рационализации работы нашего аппарата. Те горы бумаги, которые мы исписали, те тысячи анкет, которые мы заставили заполнить, являются живыми свидетелями и памятниками нашей творческой работы. Пусть же и в наступающем году эти горы бумаг растут и поднимаются еще выше и выше. Пусть растет и крепнет бумажная промышленность, работающая на нас.

Пусть в будущем году строжайшее соблюдение всех циркуляров, приказов и разъяснений явится украшением нашего учреждения. Ибо еще древние римляне говорили: переат мундус, фиат юстициа, что по-русски означает: подохните вы все, только бы было все на законном основании.

Пусть же и в будущем году этот прекрасный, божественный лозунг явится путеводной звездой в вашей работе.

Итак, подохните вы все, только бы все было на законном основании. Ура.

(*Звучит песня. «Алеша-ша, возьми полтоном ниже».*)

Конферансье. Слово принадлежит украшению нашего общества, бесподобной Фофочке...

Фофочка (*заикаясь*). Ах... Ну, что вы... Зайдите завтра. Пардон, это я по привычке. Мое положение к Новому году очень скромное. Ах, мне стыдно... Не смотрите, пожалуйста, на меня... Я желаю, чтобы все

вы, товарищи мужчины, стали завами и взяли меня в личные секретарши; и наконец, мое самое последнее заветное желание — ах (*выкрикивает*), мужа со спецставкой и казенным автомобилем. Ура.

(*Песня: «Эх, вы, Сашки-канашки мои».*)

Конферансье. Браво, Фофочка, брависсимо. Наш дорогой управделами, Иван Логинович, мы ждем вашего тоста.

Управделами. Согласно полученной мной служебной записки за номером 25 68 356 и на основании циркулярного распоряжения за номером 3 873 392 честь имею пожелать, чтобы в будущем году мы увидели наконец заполненными все анкеты о •количестве зайцев и зайчих в СССР, о количестве всех ворон и галок и о количестве печей, которые предположено построить в 1935 году. Доводя вышеизложенное до вашего сведения, честь имею воскликнуть: ура!

(*Песня: «Тихий месяц плывет над рекою».*)

Конферансье. Исай Маркович. Куда вы подевались. Потом поговорите о делах, вы же не на черной бирже. Уважаемое собрание ждет вашего пожелания. Пожалуйста.

Спекулянт. Господа, по-коммерчески: раз, два, три, коротко и ясно, дешево и сердито. Ваш бог, наш бог — наплевать. Дай бог, чтоб в будущем году Советская власть стала еще сильнее. Почему нет. Но чтобы ГПУ занималось своими большими и важными политическими делами, а не нашими маленькими коммерческими пустяками; чтобы финотдел изучал побольше политическую экономию, а не базарную торговлю, — где это видано. И чтобы все мы, с женами и детками, поехали в Крым, а не в Нарым. Ура!

(*Песня: «Пой, ласточка, пой».*)

Пьяница (*заикаясь*). Эй, р-р-расступись, нар-р-род, гр-рязь плывет. Граждане милые... М-мамочки, дайте я вас всех поцелую... м-м-м... С Новым годом, с новым счастьем. Выпьем, товарищи, я что... мне что... я за Советскую власть. Выпьем... Р-работа дураков любит, а я умный... Мне все власти хороши... Пусть только в будущем году водка станет еще дешевле, и чтоб нашему бр-р-рату было больше уважения...

Д-д-д-долой... Ура...

(*Песня. «На последнюю пятерку найму тройку лошадей».*)

Конферансье. Тише, тише, уважаемый. Дайте же сказать несколько слов и батюшке.

Поп. Чада мои, днесь в канун высокоторжественного праздника обрезания господня, аз, яко мерей и пастырь душ ваших, возглашаю: да здравствует в будущем году Советская власть, поскольку несть власти еще не от бога. Такожде искреннейше желаю и молю всевышнего, дабы оная власть призвала в наступающем году нас пастырей к просвещению народа. Тщитесь, чада мои, яко верные слуги церкви, чтобы сей желанный миг наступил скорей, — церкви и отечеству на пользу. Да исчезнут, яко мгла пред ликом солнечным, все хулящие церковь христову и нас, архипастырей, пастырей и причетников.

Да призовет нас в будущем году Советская власть к совместной работе. И тогда церковь христова, купно с вами, чада мои, воскликнет: с нами бог, разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами бог.

За наступление в будущем году оного желанного часа подъемлю я днесь чашу свою. Ура!

(*Звучат частушки: «Сергий поп».*)

Конферансье. Уважаемое собрание. Здесь собрались все свои порядочные люди. У нас не должно быть секретов. Поэтому разрешите мне огласить несколько поздравительных телеграмм, полученных от наших друзей.

Прежде всего телеграмма его высокопревосходительства, сэра Чемберлена. Прошу внимания.

«Приветствую своих друзей, собравшихся в тесном кругу встретить Новый год. Надеюсь в ближайшем времени видеть их в кругу своих соратников.

Искренне желаю, чтобы в будущем году большевики раскаялись и вернули бы законным владельцам земли, заводы и фабрики. Тогда я готов расцеловаться со всем Коминтерном и оказать всяческое содействие Советской власти. За близкое раскаяние большевиков — гип-гип-ура!»

(*Звучит: «Марш Буденного».*)

Конферансье. Следующая телеграмма от мистера Детердинга. Внимание.

«Поздравляю почтенных дам и господ. Желаю получить монополию на всю советскую нефть и видеть всех вас в будущем году в числе своих агентов по распространению ходкого товара— советских червонцев моего изготовления. Да здравствует банкирский дом Детердинг и компания. Ура!»

(*Звучит фрагмент песни: «Понапрасну, мальчик, ходишь».*)

Конферансье. Наконец, последняя телеграмма от нашего дорогого друга, тайного советника его величества мистера Макдональда. Слушайте, слушайте, слушайте.

«Молю всемогущего бога, да поможет он нам в будущем году примирять голодных рабочих с капиталистами. Да исполнятся слова господни, сказанные через пророков: “И да узрим мы волка, пасущегося с ягненком, а льва — с козленком”.

Искренно желаю, чтобы в будущем году все рабочие смиренно, как агнцы Христовы, покорно шли бы за пастырями из второго Интернационала. За покорную, верноподданную, благочестивую паству. Ура!»

(*Хор поет: «Соловей, соловей-пташечка».*)

Алло, алло, товарищи, вы слышали, с какими пожеланиями вступают в Новый год наши враги. А теперь послушайте, что им отвечает наш рабкор.

Эй, вы. Полупочтенные.
Бюрократы, волокитчики отменные,
Попы, лодыри и учрежденцы,
Саботажники — вне конкуренции,
Управделы, замзавы, начканцы
И вы «знатные» иностранцы –
«Миротворцы», блатные «освободители»,
Я вас слушал. А меня послушать не хотите ли?

Мы и сами знаем, как вы дела ладите...
Хорошо поете, да ведь где-то сядете.
Триста лет вы ездили на нашей темноте,
Да ведь нынче все-таки времена не те.
Правда, и сейчас еще вашей братии
Рабочему люду через голову хватит,
Да только раньше мы и пикнуть не могли,
А теперь другие времена пришли.
Пролетарии научились не молчать.
У нас есть радио, стенгазета, печать.
Провести на деле не так уж просто.
За вами следит неусыпным взором
Миллионная армия пролетариев-рабкоров.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 49. Л. 176–180. Микрофонный материал.

Хлеб нового урожая

Радиоперекличка
«Рабочая радиогазета» № 168

19 июля 1928 г.

В сегодняшнем нашем радиомитинге, товарищи, мы обсудим вопрос о задачах советской общественности в предстоящих хлебозаготовках.

Первым имеет слово тов. Алдонин со станции Узуново, Рязано-Уральской железной дороги.

Товарищи! В недалеком будущем начинается новая хлебозаготовительная кампания. Дело не легкое. Это надо сказать прямо. Может ли у нас получиться здесь какая-нибудь заминка? Я думаю, что может, если не учтем и не исправим тех ошибок, которые были допущены в прошлом году.

Я читал где-то в газетах, что хлебозаготовительная кампания в нашей Тульской губернии прошла успешно. Да, товарищи, так-то оно так, но этот успех обошелся довольно дорого.

Почему у нас были неполадки с хлебозаготовками? А потому, что Тула поручила заготовку кредитной кооперации и обещала дать денег, а когда дело дошло до дела, то оказалось, что кредиты выдаются не полностью да еще запаздывают. И выходило так, что кредитная кооперация, получая хлеб у крестьян, должна была рассчитываться с ними товарами через потребительскую кооперацию. А потребительская кооперация сама вела заготовки. Ну и, конечно, в первую очередь давала эти товары тем, кто ссыпал хлеб в ее амбары. В общем же, получился ералаш, на котором выигрывал только частник.

Чтобы этого не было в нынешнем году, надо вовремя обо всем договориться, вовремя распределить кредиты и заготовить нужный товар, и тогда в хлебозаготовках не будет никаких перебоев и не нужно будет прибегать ни к каким исключительным мерам, которые уже осуждены партией.

Следующее слово имеет тов. Бадурин из деревни Залесье Норской волости Ярославского уезда и губернии.

Товарищи! У нас пока еще нет нового хлеба, создалось довольно тяжелое положение с мукой. Особенно страшного, конечно, ничего нет, и я, собственно говоря, собираюсь говорить не об этом.

У нас, я говорю, сейчас получилась маленькая неприятность с хлебом. Наш уездный церабкоп продает хлеб только горожанам.

И вот, товарищи, странное дело, председатель нашего ВИКа тов. Сорокин, коренной крестьянин, и вдруг ему почему-то привилегия. Мало того, что ему выдают такую же норму, как всем городским, он еще ухитряется получать кое-что сверх нормы потихоньку.

Я не хочу этим сказать, что тов. Сорокин кого-то разоряет или кого-то объедает. Не в этом дело. Но я хотел бы знать, с каким лицом придет к нам после этого тов. Сорокин говорить о каких-нибудь нуждах Советского государства?

И вот я думаю, что всем нам нужно решительно бороться против всяких таких поблажек и искажений советской и партийной линии всякий раз, когда мы переживаем какой-либо кризис. С общественным мнением нужно считаться всем, а в особенности местным работникам.

Дальше имеет слово тов. Коваленко из города Аткарска, Средне-Волжской области.

У нас, товарищи, за последнее время наблюдается большая нехватка хлеба или, вернее сказать, большой непорядок при получении хлеба.

Город наш не маленький, а потребительское общество торгует печеным хлебом только в 2-х магазинах. Ясное дело, что создаются очереди, а там, где очередь, там и разговоры, и сплетни, и толчея, и недовольство.

Можно это изжить? Конечно, можно. Надо только, чтобы наши кооператоры сколько-нибудь считались со здравым рассудком и с нами. Тогда не будет ни очередей, ни недостатков. Торгуйте хлебом во всех магазинах, вот и дело с концом.

Несколько заключительных слов имеет редакция.

Товарищи! В некоторых местах на рынках уже появился хлеб нового урожая. В недалеком будущем начинается широкая хлебозаготовительная кампания.

Мы отнюдь не намерены убаюкивать себя предположениями, что все пойдет хорошо, гладко, без заминки.

Чрезвычайные меры прошлого сезона несомненно создали среди крестьянства известного рода панические настроения. Мы это знаем.

Нерасторопность, неумение, а подчас и прямое головотяпство наших заготовительных организаций усилили еще эти настроения.

Почему овладевал рынком частник? Почему его приходилось вышибать с рынка исключительными мерами? А потому, что кооперация не могла договориться вовремя, потому что она подошла к хлебозаготовкам спустя рукава, потому что она не уделила достаточного внимания требованиям и нуждам крестьянства.

Допустимы ли в новой хлебозаготовительной кампании какие-нибудь чрезвычайные меры? Ни в коем случае. Это нужно сказать ясно, четко, определенно. Там, где происходит свободная купля-продажа, не должно быть места милиционеру. Не должно быть места какому бы то ни было административному нажиму. Новая экономическая политика остается незыблемой.

Это должны себе крепко вдолбить в голову все те хлебозаготовители, которые приступают сейчас к выполнению задачи большой государственной важности. И там, где окажется, что кто-либо пытается вести хлебозаготовки по старинке, способами нажима и принуждения, там вся советская общественность должна поднять свой голос против такой системы.

Все внимание местных, профессиональных и других общественных организаций должно быть сейчас направлено на то, чтобы новая хлебозаготовительная кампания прошла гладко, чтобы вовремя были предусмотрены все те требования и запросы, которые предъявляет рынку производитель хлеба — крестьянин.

Только таким путем, мы думаем, нам удастся провести новую хлебозаготовительную кампанию не только безболезненно, но и успешно. Только таким путем будет изжит хлебный кризис, а вместе с ним и все разговоры и разговорчики, на которых пытается заработать политический капиталец контрреволюция. Широкая советская общественность не может этого допустить и безусловно не допустит.

Товарищи слушатели! Редакция ждет ваших откликов по вопросу, затронутому в сегодняшнем радиомитинге.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 94. Л. 9–12. Микрофонный материал.

Ленинград объявил поход против пьянства

Корреспонденция
«Рабочая радиогазета» № 182(1142)

4 августа 1928 г.

Надо ли еще доказывать, каким жестоким бичом является в нашем быту пьянство. Пьянство выросло буквально в общественное бедствие.

Если подсчитать, сколько тратится на пьянство, сколько прогулов приносит пьянство, стало быть, насколько сокращается вследствие пьянства производство полезных предметов, сколько несчастий имеет место на предприятиях из-за пьянки, то получится грандиозная сумма во много десятков и сотен миллионов рублей.

Но пьянство приносит ущерб не только народному хозяйству. Пьянство тесно связано с хулиганством, с дикой некультурностью в быту рабочих и крестьян.

Водка разрушает не только производство, но и семью, и семейный быт.

Водка, враг культуры, задерживает культурный рост пролетарской и крестьянской семьи. Сейчас пролетарская общественность объявила

войну водке, войну пьяницам-прогульщикам, пьяницам — хулиганам и матерщинникам.

Но Ленинград показал пример решительной борьбы с водкой и мерами административными. Там уже закрыто 70 магазинов, торговавших вином, водкой и пивом.

Запрещена продажа спиртных напитков и пива в частных столовых.

В воскресенье и праздничные дни, начиная с завтрашнего дня, с 5 августа, совершенно прекращается продажа спиртных напитков по всему Ленинграду.

Из рабочих районов изгоняются винные лавки и знаменитые «пивнушки», ставшие источником горя и слез рабочих семей.

Ленинград показывает пример деловой борьбы с пьянством.

Примеру этому должны последовать остальные города, особенно рабочие центры.

Там, в глуши страны, водка сделала слишком большие завоевания в последнее время.

За примерами ходить не далеко. Возьмем асбестовые рудники на Урале. Там подвели следующий интересный и показательный подсчет. За месяцы декабрь–апрель нынешнего года население рудников выросло на три процента. А потребление водки поднялось с 207 до 904 ведер в месяц, то есть почти на 350 процентов.

14 процентов, седьмая часть заработка рабочих, тратится на пьянство.

В то же время на культурные нужды тратится почти в 300 раз меньше, какие-то жалкие гроши.

Такую картину мы имеем во многих местах.

Борьба с пьянством должна быть решительной. Полумеры тут не годятся. Водку надо изгонять из рабочих районов, пивнушки надо закрывать, надо действовать по-ленинградски.

Инициатива в Ленинграде в деле энергичной войны с водкой принадлежит самим рабочим.

Мы призываем рабочих всюду и везде самим поднять вопрос о борьбе с пьянством. Через профсоюзы, через советские организации надо ставить вопрос об изгнании гнусных чадных «пивнушек» из рабочих кварталов.

Кто за здоровый быт, за лучшую жизнь трудовой семьи, за рост и успехи социалистического производства — борись с водкой, с пьянством, следуй примеру красного Ленинграда.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 95. Л. 2–3. Микрофонный материал.

Толстовские дни в Москве

Корреспонденция
«Рабочая радиогазета» № 210

7 сентября 1928 г.

Товарищи! Через два дня исполняется 100 лет со дня рождения великого писателя-художника Льва Толстого. Жизнь и художественное творчество его тесно связаны с Москвой, поэтому вам, вероятно, будет

интересно совершить вместе с «Рабочей радиогазетой» маленькую экскурсию по «толстовским местам» в Москве.

Сильно изменился лик старой Москвы. Время не щадит. Свидетелей дней Толстого остается уже немного. Кое-где еще уцелевшие дряхлые особнячки его времен со старинными колоннами дремлют у подножья многоэтажных гигантов из железа, стекла и бетона. Но больше всего толстовского хранит Арбат и примыкающие к нему районы. Вот начать хотя бы с Рещикова переулка, который прежде назывался Мало-Толстовским. Как войдешь в этот переулок, в глаза бросается желтый двухэтажный дом. Он сохранил свой прежний облик. Здесь, наверху, в большой квартире, протекало детство Толстого. Сейчас этот этаж, запущенный и грязный, набит жильцами. Внизу бойко торгует маслом и сыром Молочный крестьянский союз.

Если свернуть на Плющиху, то в первом же квартале обратите внимание на вывеску: «Кинематограф Люкс». По вечерам здесь шумная людская толкотня. И никто из купивших билет на сеанс не предполагает, что в 20-х годах прошлого столетия в этом доме Левушка набирался впечатлений для своего раннего произведения «Детство и отрочество». Отсюда пустынными улочками, сворачивая то вправо, то влево, выйдемте в узенький и тихий Мало-Николо-Песковский переулок. Уже сломан тот старый деревянный особняк, который помнил Льва Николаевича студентом. Теперь на этом месте громадный четырехэтажный дом № 12 уперся в небо тонкими мачтами многострунных радиоантенн.

На Арбате же, в Сивцевом Вражке, стоит другой исторический дом. Это дом № 36. Такие тихие, уснувшие дома можно встретить только в провинции. Когда-то он принадлежал некоему Лобову. В маленьких комнатках наверху сейчас ютятся какие-то старушки. Много лет прожили они в этом доме, не подозревая, что именно в их квартире жил Лев Николаевич.

Старушки сейчас радостно встречают это известие. Их будничноскучные лица становятся сразу важно-торжественными. А дом действительно должен бы стать памятником. Ведь именно здесь Толстой сделал первые наброски своего первого произведения «Детство и отрочество», законченного значительно позже на Кавказе. Жажду писательства пробудила в Толстом, как отмечают историки, его родственница Татьяна Ергольская. Именно в этом доме она уговаривала Льва Николаевича испробовать свои силы в литературе. Позднее великий писатель вывел ее в своем романе «Война и мир» под именем Сони.

На сегодня ограничимся только описанными «толстовскими местами Москвы». Мы продолжим нашу экскурсию по «толстовской Москве» в следующий раз.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 96. Л. 132–133. Микрофонный материал.

Голоса рабкоров
Корреспонденции
«Рабочая радиогазета» № 248

22 октября 1928 г.

Как вы думаете, товарищи, можно ли украсть целый вагон с колесами, с тормозами, как есть?

На станции Москва-товарная Рязано-Уральской железной дороги по крайней мере уверены, что такая комбинация вполне возможна.

Послушайте рассказ нашего рабкора.

Девятого октября у нас на станции творилось форменное светопреставление. Пропали два груженых вагона.

Не иначе, как воры сперли, решила вся станция. Но стащить можно груз, но куда же делись сами вагоны?

Семь дней и семь ночей искала администрация пропавшие вагоны — нет, как в воду канули.

Тогда с горя администрация решила послать гонцов по всему московскому узлу, не найдутся ли где-нибудь пропавшие вагончики.

И гонцам повезло. 18-го повезло. 18 октября тов. Прохоров поймал на станции Перово Московско-Казанской железной дороги оба вагончика. Стоят себе спокойненько, и никто не думал их красть. А простонапросто сама же техническая контора отправила их как порожняк без всякой записи.

Так и прогуляли девять дней неразгруженные вагончики.

И стоит это удовольствие... ну, да не все ли равно, сколько это стоит. Вот если бы пришлось головотяпам заплатить за этот простой из собственного кармана, тогда было бы известно в точности.

На Первой московской ситценабивной фабрике дирекция строгая и аккуратная. Попробуй кто-нибудь попросить, чтобы освободили рабочего для какого-нибудь общественного дела. Ни в коем случае!

Приезжали, например, на фабрику австрийские рабочие. Стал фабком просить дирекцию, нельзя ли отпустить на время встречи гостей мастера Кузнецова, который дирижирует духовым оркестром.

— Кузнецова? Ни под каким видом! Разве можно снимать человека с работы? Производство страдает.

Ну, раз нельзя — так нельзя. Обошлись без музыки. И вдруг 17 октября в самый разгар работы мастер Кузнецов освобождается и спешит к себе на квартиру.

Что же случилось? А ничего особенного. Приглянулась кузнецовская комната директору. Ну и приказали мастеру выбираться оттуда в два счета.

Кузнецов было попробовал протестовать. Дескать, рабочее время, да и не хочу я переселяться в другую комнату. Но, раз директору нужно, разве тут какие-нибудь резоны помогут?

Директор, сами понимаете, не фунт изюму.

Московский государственный кожевенный завод «Посадчик» в 1925 году расширял свое производство. Для этого потребовалось дополнительное помещение. Надо было выселить рабочих, проживаю-

щих на территории фабрики. С этой целью заводу было предоставлено полуразрушенное здание по 7-й Черкизовской улице для производства в нем капитального ремонта и приспособления под квартиры.

Директор завода Брюквин вскоре после ремонта созвал комиссию без участия РУНИ, составил акт о приеме отремонтированного дома и признал его годным для жилья. После этого он немедленно, опять без ведома и разрешения РУНИ, переселил рабочих с территории фабрики в новый дом. При этом рабочий Расторгуев, работающий на заводе с 1908 года и имеющий на своем иждивении жену и шесть детей, был выселен в сырое полуподвальное помещение. Расторгуев заявил директору свое несогласие на переезд, ссылаясь на антигигиенические условия квартиры, но директор его успокоил, обещав в скором времени дать ему более подходящее жилье.

Но обещание осталось обещанием. Начались хождения Расторгуева по инстанциям: от Брюквина — в РУНИ, оттуда — в МУНИ, Наркомтруд, юридическую консультацию, снова к Брюквину и так чуть ли не два года. Наконец Расторгуев, разочаровавшись во всем и во всех и видя бесполезное положение своих больных детей, в невменяемом состоянии сделал покушение на убийство директора завода — Брюквина.

Привлеченный к ответственности директор завода Брюквин обвинялся в том, что поставил рабочего Расторгуева с семьей в угрожающие здоровью жилищные условия.

Мосгубсуд приговорил. Брюквина лишить свободы сроком на 1 месяц, но, учитывая его заслуги перед заводом в течение 6 лет и находя нецелесообразным изоляцию его от завода, решил заменить лишение свободы условным осуждением с испытательным сроком на 1 год.

Дело о Расторгуеве было прекращено, с завода его уволили как больного и перевели на пенсию.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 97. Л. 428–431. Микрофонный материал.

Завадский[21]

Спешка подвела

Комментарий
«Рабочая радиогазета» № 248

22 октября 1928 г.

Все наши слушатели, вероятно, помнят, как было разукрашено в дни октябрьских торжеств здание МОГЭСа, что на Раушской набережной в Москве. Москвичи толпами отправились тогда на Москворецкий мост любоваться иллюминацией. Все остальные граждане любовались прекрасными ночными фотографиями, напечатанными в журналах.

А вот, товарищи, обратили ли вы внимание на то, что на здании МОГЭСа стояла в те дни высокая мачта? На этой мачте предполагалось установить огромную электрическую лампу в десять тысяч све-

чей. Лампу эту установили, но она не зажглась, так как провода не выдержали напряжения тока. А жаль! Москвичи лишены были возможности любоваться не только МОГЭСом, но и окрестностями. Мы очень рекомендуем МОГЭСу в дни предстоящих октябрьских торжеств обязательно зажечь такую лампу и осветить всю территорию, прилегающую к МОГЭСу. Впрочем... не надо. Не стоит... Дело в том, что такой яркий свет вырвет из тьмы кое-какие не совсем светлые дела администрации МОГЭСа и это омрачит праздничное настроение. Давайте лучше сделаем так. Мы сейчас расскажем о некоторых делах МОГЭСа, а тов. Пронин, директор МОГЭСа, пусть примет к сведению наш рассказ, устранит спешно кое-какие безобразия, и тогда смело зажигайте лампы хоть в сто тысяч свечей... Итак, слушайте, товарищи.

МОГЭС производит сейчас сборку новых водоприемников, необходимых ему для нормальной работы электрических машин. Для этих водоприемников надо было проложить трубы. Дело как будто простое, но усложнилось оно благодаря вмешательству МКХ. МКХ потребовало, чтобы трубы были не чугунные, а обязательно железные и чтобы соединение труб производилось только при помощи сварки. Требование МКХ как будто законное. Сваренные трубы долгое время не требуют ремонта и, значит, разрытых мостовых в Москве будет меньше.

На прокладку железосварочных труб объявил МОГЭС торги. Условия такие: срок выполнения работ — два месяца, а цена — 37 тысяч рублей.

Вот тут-то и начинается история. Государственные организации не явились на торги. Некоторые из них заявляли:

— К 1 апреля мы работы не выполним, а вот с 1 мая, если хотите, за работу мы возьмемся, выполним ее вполне доброкачественно и в двухмесячный срок.

Что же делает МОГЭС? Ждет два месяца и сдает подряд солидной государственной организации? О, нет! МОГЭСу некогда. МОГЭС торопится. Он хочет во что бы то ни стало закончить работы обязательно к 1 апреля. Вот это-то 1 апреля и подвело. Несчастный день!.. Короче говоря, подряд был сдан частному заводчику Романову. Романов взялся сделать работы в срок. Действительно, к 1 апреля была сделана работа, и частник получил 37 тысяч рублей.

Куда глядели приемщики и почему это частнику выплатили деньги до испытания работы, нам неизвестно, но зато прекрасно известно, что при первом же испытании трубы не выдержали даже слабого давления и полопались.

Остался МОГЭС у разбитого корыта! Чинить трубы отдали тому же частнику, за что заплатили еще 20 тысяч рублей. Может быть, через некоторое время придется опять чинить трубы и конопатить их новой порцией червонцев. А потом вдруг выяснится, что и чинить-то нет смысла, а лучше всю работу делать заново.

Сэкономил МОГЭС на свою голову. Сказано же ведь: поспешишь — людей насмешишь. МОГЭС эту поговорку целиком подтвердил. Но нам, товарищи, не до смеха. Нам жалко тех 57 тысяч рублей, которые ушли в карман частника. Мы спрашивали директора государственного заво-

да «Котлоаппарат», взялся бы он за сварку труб для МОГЭСа. Вот что он нам ответил:

— Вообще мы таких работ не делаем. Но... иногда нам приходится выполнять работу, так сказать, в принудительном порядке.

Вы слышите, т. Пронин. Надо было вам семь раз подумать, прежде чем поддержать предприимчивого частника, обивающего пороги кабинетов МОГЭСа.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 97. Л. 424–425. Микрофонный материал.

Смотр радиовещания

Комментарий
«Рабочая радиогазета» № 250

24 октября 1928 г.

Сегодня, товарищи, мы открываем широкое обсуждение вопроса о содержании наших радиопередач.

Несомненно, товарищи, многие из вас помнят ту оживленную дискуссию, которую мы вели несколько месяцев тому назад по вопросу о радиовещании. Вы помните, вероятно, товарищи, наш жесткий спор о покойной «Радиопередаче».

Вы сами, товарищи, выступая в наших радиомитингах, говорили:

— Система радиовещания, за которую так цепко держится «Радиопередача», никуда не годится.

И сейчас мы можем сказать, что благодаря выступлению широкой советской общественности — благодаря вам — эта система признана негодной и сдана в архив.

Но, товарищи, осудить одну систему и создать другую — это еще не только половина работы. Самое важное, самое основное, весь гвоздь вопроса заключается в том, чтобы создать такое содержание радиопередач, которое удовлетворяло бы самые разнообразные группы слушателей — рабочих и крестьян.

Вы знаете, что сейчас наше радиовещание ищет новые пути. И вопросы содержания радиовещания по-прежнему находятся в центре внимания широкого советского актива. Да это вполне понятно. В деле культурного строительства радио начинает занимать все большее и большее место.

Итак, система нашего радиовещания изменилась. Ну, а изменилось ли содержание радиовещания? Этот вопрос очень часто ставит в последнее время наша печать.

Разумеется, саму постановку такого вопроса только можно приветствовать. Но для нас совершенно очевидно, что подходить к такому вопросу надо чрезвычайно осторожно и продуманно. И такая необходимость вызывается вот чем.

Мы совершенно не намерены утверждать, что наше радиовещание значительно улучшилось. Не в этом дело. Нам важно сейчас найти тот правильный путь, по которому должно пойти развитие радиовещания. И разумеется, что найти такой путь можно только при активном уча-

стии всей советской общественности и прежде всего при вашей помощи, товарищи слушатели.

А между тем в некоторых наших советах, к сожалению, проскользнули такого рода заметки и статьи, в которых чувствуется большой задор, большая резвость и полнейшее отсутствие понимания того вопроса, о котором идет речь.

Мы не станем сейчас вдаваться в полемику с отдельными газетами и доказывать их неправоту.

Дело не в том. Нам нужно, чтобы оценку содержания нашего радиовещания давали те, для кого оно существует, то есть вы сами, товарищи слушатели. Вы, и только вы можете сказать: вот это нам интересно, вот это нам нужно, а вот это нехорошо, вот здесь-то нужно исправить.

Для этого мы и организуем смотр нашего радиовещания.

Наше первое условие — никому никаких поблажек. Плохое надо назвать плохим; ошибку, нелепость, неудачную постановку надо без всяких обиняков называть своим именем.

Но вместе с тем следует должным образом оценить все новое, все свежее, оригинальное и интересное. Это надо сделать вовсе не для того, чтобы пощекотать чье-то самолюбие, нет. Но такая оценка дает возможность установить, что является действительно ценным, что доходит до слушателя и выполняет, таким образом, свое назначение.

И вот, товарищи, приступая к нашему смотру, мы просим вас держаться этих основных принципов. давайте деловую, здоровую критику.

Наш смотр мы предполагаем вести несколько иным порядком, чем наши обычные радиомитинги, но оценку наших радиопередач будете давать, конечно, вы сами, товарищи слушатели.

Мы намерены развернуть наш смотр-дискуссию возможно шире. В первую очередь мы дадим слушательскую оценку наших радиожурналов и радиопьесы «Пурга».

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 97. Л. 291–293. Микрофонный материал.

М.М. Ипполитов-Иванов[22]

Интервью корреспонденту «Рабочей радиогазеты»

«Рабочая радиогазета» № 250

24 октября 1928 г.

Завтра исполняется 35 лет со дня смерти знаменитого композитора П.И. Чайковского. Часть жизни и музыкальной деятельности композитора протекала в Москве. Здесь живет один из близких друзей его — тоже композитор. Это народный артист Ипполитов-Иванов. Он в беседе с «Рабочей радиогазетой» поделился интересными личными воспоминаниями о Чайковском.

Для Чайковского характерным было очень мягкое, отзывчивое отношение к музыкальной молодежи. Ипполитову-Иванову, тогда еще начинающему композитору, он не только помог техническими советами, но и содействовал выпуску в свет его первых произведений. У Ипполитова-Иванова сохранилось свыше 30 писем от Чайковского.

— Заслуга Чайковского, — говорит профессор, — в том, что он приблизил музыкальное искусство к широким массам, сделал его понятным. Его музыка производит всегда сильное впечатление. Чайковский писал сестре своей: «Может быть, никогда в жизни я не был так польщен и тронут в своем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой слушал "Анданте" моего квартета и, сидя рядом со мной, залился слезами».

Интересное свидетельство Ипполитова-Иванова, что Чайковский в Москве сильно нуждался и еле зарабатывал себе на жизнь уроками в Московской консерватории. Царское правительство ему помощи не оказывало. Потребовалась поддержка одной ценительницы его таланта, которая назначила ему ежегодную субсидию, чтобы Чайковский мог отдаться любимому делу. 16 октября 1893 года в последний раз дирижировал своей 6-й симфонией, и 25 октября его не стало.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 97. Л. 303–304. Микрофонный материал.

Голоса рабкоров

Корреспонденция
«Рабочая радиогазета» № 282

3 декабря 1928 г.

До сих пор мы были уверены, что всякий делопроизводитель должен уметь толково написать бумажку, аккуратно вести дела, и только. Но начальник Каширского дома заключения тов. Лылин имеет на сей счет свои собственные соображения. Слушайте!

Понадобился Лылину делопроизводитель. Биржа присылает тов. Лебедева.

— Вы в Красной Армии служили?

— Нет, не служил. Прошел только допризывную подготовку.

— Уходите, такой нам не подходит.

На следующий день Биржа присылает другого товарища — демобилизованного, который служил в Каширском военкомате.

— Вы нам тоже не годитесь, потому что были зарегистрированы на бирже счетоводом.

Ушел и этот. А через три дня тов. Лылин отправляется на Биржу труда и просит прислать ему для работы тов. Баланковского. Этот товарищ в Красной Армии не был и на Бирже числился счетоводом.

Теперь вы спросите, почему же именно его принял тов. Лылин. А тут, товарищи, есть загвоздочка и очень серьезная.

Жена Баланковского — родная сестра начальника милиции, а начальник милиции — приятель тов. Лылина, а остальное вам, конечно, понятно.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 99. Л. 41–42. Микрофонный материал.

В.Э. Мейерхольд[23]

Интервью корреспонденту «Рабочей радиогазеты»

«Рабочая радиогазета» № 282

3 декабря 1928 г.

Возвратился из-за границы народный артист республики Мейерхольд. Сотрудник «Рабочей радиогазеты», беседуя с ним, спросил его о заграничных впечатлениях и его планах на новый театральный сезон. Тов. Мейерхольд рассказал следующее.

— Театр на Западе испытывает очень сильный голод в пьесах и сценариях. За недостатком их перелицовывают старые классические пьесы. Пьесу Шекспира «Гамлет» там до того осовременили, что принц Гамлет щеголяет по сцене в сюртуке. Театр имеет достижения только в технике, стремясь главным образом поразить, удивить зрителя. Так, в одном парижском театре сцена моментально затопляется водой. На сцене малых театров почти нет искусства. Здесь рекламируются роскошные костюмы, конечно, с указанием фирмы, изготовившей их.

Тов. Мейерхольд сообщил еще такую новость. Виднейший французский драматургический писатель Жироду нашел письма Ленина к известному американскому киноартисту Чарли Чаплину. Содержание писем Жироду держит пока в секрете, но они его настолько заинтересовали, что сейчас он готовит по их материалам пьесу.

В Америке очень добросовестно изучают вопросы искусства и, в частности, с особым интересом следят за советским театром.

О театре своего имени т. Мейерхольд сообщил следующее:

— Репертуарный кризис нашего театра мы наполовину преодолели. Сейчас мы имеем три новые пьесы: Багдасаряна, Эрдмана и Сельвинского. Меня упрекают за малую продуктивность работы в прошлом сезоне. Но этому причиной были крайне неблагоприятные условия нашей работы: отсутствие помещения для репетиций, для склада декораций, для сооружения конструкций. Если нам не возвратят помещения бывшего «Казино», мы и в этом сезоне работать не сможем.

ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 99. Л. 47-48, 56–58. Микрофонный материал.

В шеренгу гигантов

Радиорепортаж[24]

1 октября 1931 г.

Корреспондент. Огромный зал, до отказа набитый народом, 6 тыс. человек, портреты Ленина, Сталина, Ворошилова обрамляют стены. Передвигая юпитеры, готовятся к киносъемке осветители. У знамен — почетный караул. Бурные аплодисменты. За столом президиума появляются товарищи Орджоникидзе, Ярославский, представители фабрик, заводов, колхозов, лучшие ударники, передовики социалистических темпов.

Это — конференция. Рабочие, инженерно-технические работники, и служащие АМО празднуют победу.

Центральный Комитет ленинской партии дал директиву: к 1 октября 1931 года пустить реконструированный завод. Приказ партии амовцы выполнили в срок.

Внимание! Слушайте запись торжественного заседания 1 октября 1931 года. Сейчас мы включаем цех питания завода АМО в Москве. Внимание!

(*Звучит духовой оркестр — «Интернационал».*)

На трибуне — директор завода товарищ Лихачев. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Лихачев И.А. Товарищи! Мы с вами сегодняшний день собрались также во вновь построенной нашими руками столовой, чтобы подытожить проделанную вместе с нами ту громаднейшую работу. Это не реконструкция, а постройка завода автомобильного под названием на сегодняшний день — новый АМО имени товарища Сталина. (*Аплодисменты.*)

Коротенько об истории развития завода АМО. В двадцать восьмом году решено было завод АМО реконструировать на основе производственной программы — 4 тысячи автомобилей в год. Работа, проведенная работниками по проектированию, представлена Московскому Совету и специально утверждена правительством.

Рассматривая этот проект, правительство и партия решили: так как страна развивается, в автомобильном и механическом транспорте есть уже не та нужда, на которую был запроектирован завод — 4 тысячи. И тогда решено было партией и правительством повести проектирование завода не на 4 тысячи машин, а на 25 тысяч машин...

И вот 25 мая 1929 года было приступлено к проектированию нашего завода, и вот проектирование нашими инженерами нового завода АМО на основе последней новейшей американской техники и на основе последней современной европейской техники, выбирая лучшее в этих странах, вкладывали в проект тот завода АМО, который на сегодняшний день построен.

Правда, это тяжело нам давалось. Так сразу... капиталистические страны, а также и находящиеся в них заводы нам не особенно навстречу шли. Самое лучшее старались хоронить подальше, худшее показать, и здесь пришлось с громаднейшими трудностями выбирать и отличать самое лучшее, что бы отвечало новейшему способу и методу нового массового производства автомобилей.

На сегодняшний день мы с вами видим воздвигнутые громаднейшие корпуса, построенные вновь, и использованные старые помещения, которые всего на сегодняшний день к выстроенным вновь зданиям составят всего только 1/20 всех производственных площадей.

А если считать по заграничному капиталу на этот завод, то можно на сегодняшний день твердо сказать, что к пуговице пришивали пальто. В реконструкции нашего завода Центральный Комитет партии и в целом вся партия приняли такое горячее участие, мы получили такое в этом деле содействие, что взятые на себя нами с вами обязательства пустить и реконструировать завод на основе последнего слова техники, на новейшем оборудовании — мы с вами обеспечили срок пуска этого завода... (*Аплодисменты.*)

Корреспондент. На открытие автомобильного гиганта прибыла делегация строителей Харьковского тракторного завода, вступающего в строй одновременно с АМО. На трибуне представитель героических ударников Харьковского тракторного товарищ Шевелев.

Шевелев. От имени партийных, профессиональных, хозяйственных организаций Харьковского тракторного завода имени Орджоникидзе амовцам, первенцам социалистического автостроения, пролетарский привет. (*Аплодисменты.*)

Одновременно разрешите отрапортовать, что под руководством большевистского руководства ленинского ЦК ВКП(б), под руководством Центрального Комитета КП(б)У, нашей местной харьковской партийной организации в результате упорной борьбы, в результате широкого разворота соцсоревнования и ударничества харьковский пролетариат, харьковские рабочие, рабочие Харьковского тракторного завода одержали также победу.

Решение партии и правительства об окончании Харьковского тракторного завода к сроку выполнено нами сегодня с честью.

Рабочие и организации, посылая нас сюда, поручили нам заверить амовцев, заверить представителей партии и правительства о том, что, и далее высоко держа знамя Ленина и далее давая сокрушительный отпор правым уклонистам, левым загибщикам, оппортунистам всех мастей, что, и далее уничтожая обезличку в нашем производстве, что, и далее овладевая техникой, разворачивая соцсоревнование, ударничество, внедряя хозрасчет, хозрасчетные бригады в наших цехах, мы ту задачу, которую возложили на нас партия и правительство в части выпуска 1300 тракторов в четвертом квартале, товарищи, выполним...

Корреспондент. От имени комсомола конференцию приветствует секретарь Московского областного и городского комитетов ВЛКСМ товарищ Лукьянов. (*Аплодисменты.*)

Лукьянов. Товарищи, разрешите мне по поручению областного и городского комитетов комсомола передать рабочим, административно-техническому персоналу, а особенно героическому комсомолу завода АМО горячий привет. (*Аплодисменты.*)

В той огромной работе, которую вы уже проделали, одно из больших и крупных мест несомненно принадлежит Ленинскому комсомолу завода АМО. Надо прямо сказать, руководство комсомола АМО и весь его пятитысячный комсомольский коллектив несомненно доказали свое умение и свою способность бороться за генеральную линию партии и быть тем активным организующим ядром, той разящей армией, которая на всех фронтах нашего социалистического строительства оказывает активную помощь партии в борьбе за ее генеральную линию.

Надо пожелать комсомолу завода АМО и впредь так же героически драться за дальнейшие темпы выполнения производственной программы.

Комсомол завода АМО должен быть непримирим в борьбе за генеральную линию партии.

Комсомол завода АМО должен бороться за указания товарища Сталина о таком политическом воспитании молодежи, своих членов, ко-

торые бы его поднимали и воспитывали в духе безграничного доверия к нашей партии, ее генеральной линии, партии и руководству... (*Аплодисменты.*)

Корреспондент. От Центральной Контрольной Комиссии слово предоставляется товарищу Ярославскому. (*Аплодисменты.*)

Ярославский Е.М. Товарищи, передаю вам привет от Центральной Контрольной Комиссии Коммунистической партии большевиков. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, вся страна следила за вашей работой. Немало было сомневающихся в нашей стране, пущен ли будет завод к сроку, 1 октября. Вы доказали, что вы умеете по-большевистски, по-ленински преодолевать препятствия, которые стоят на вашем пути. Вы знаете, товарищи, что этих препятствий, трудностей будет еще немало. И вот я хочу вам сказать, что созданная по мысли, по плану Владимира Ильича Ленина Центральная Контрольная Комиссия будет вам всегда помогать устранять эти препятствия, бороться с волокитчиками, бюрократами, со всеми, кто тормозит и задерживает наше социалистическое строительство. Будьте уверены, товарищи, в том, что вы имеете всегда от Центральной Комиссии поддержку. Но вместе с тем Центральная Комиссия будет внимательно следить за работой завода и не допустит того, чтобы он снизил темпы, поставленные перед заводом, перед всей страной, нашей партией, рабочим классом нашей страны. Привет вам и пожелания успеха, победы заводу АМО!.. (*Аплодисменты. Духовой оркестр играет «Интернационал».*)

Корреспондент. Слово имеет член Политбюро и председатель Высшего Совета Народного Хозяйства СССР товарищ Серго Орджоникидзе[25]. (*Аплодисменты. Духовой оркестр — «Интернационал».*)

Орджоникидзе С. Товарищи! Первый этап большой работы по окончанию строительства завода АМО, ибо сказать, что это просто реконструкция, было бы просто неправда. Вместо маленького старенького завода построен завод и оборудован лучшими машинами американской и европейской техники — первый этап этот закончен.

Строители и монтажники свое дело сделали. Завод налицо. Побывавший на вашем заводе всего несколько недель тому назад один из директоров американской мировой автомобильной фирмы «Дженерал моторс» передавал одному из наших товарищей, что равному по оборудованию завода во всем мире нет.

Мы сегодня, товарищи, и вместе с вами вся страна празднуем эту победу. Но прямо надо сказать: это пока далеко не все. Мы уже убедились на примере Сталинградского тракторного завода, что построить завод, смонтировать его — это не легко, но все-таки мы его сделали. Но овладеть дальше этим заводом, пустить на службу высокую технику Советскому Союзу — не так легко.

Вы все знаете, товарищи, сколько труда, сколько усилий, сколько энергии пришлось потратить на то, чтобы Сталинградский завод поставить на ноги. И вот когда сегодня мы с вами торжествуем победу первую, я прямо должен сказать: с некоторым волнением, с некоторыми сомнениями жду завтрашний день. И это несмотря на то, что поло-

жение завода, новый АМО ни в какой мере нельзя сравнить ни со Сталинградским заводом, ни с Харьковским заводом, ни с одним строящимся нашим заводом.

Если, товарищи, Сталинградский завод был построен на пустыре, где не было ничего ровным счетом, кроме песков; если даже Харьковский тракторный завод, который вместе с вами торжествует большую победу, тоже не имел ничего на месте, где завод строился; если будущий юбиляр наш — Нижегородский автомобильный завод строится на пустыре; Магнитная, Кузнецк — в пустыне и тундре, то АМО в этой шеренге находится в совершенно иных условиях. Он имеет опытные, прекрасные рабочие кадры. Он имеет прекрасные опытные старые и новые инженерно-технические кадры.

И вот, когда вы завтра с утра подойдете к станкам и начнете ими овладевать, с вас мы требовать будем гораздо больше, чем мы это будем требовать от остальных заводов. Вы должны овладеть этими машинами в гораздо более короткий промежуток времени, чем какой бы там ни был завод в Советском Союзе.

Товарищи, этот гигант и другие гиганты мы строим не для того, чтобы просто собираться, торжествовать, принимать резолюции и так далее.

Нет. Нам нужны машины.

Нашему социалистическому хозяйству надо дать на службу грузовые автомобили. И вот эта задача должна быть выполнена вами. Вы сегодня, товарищи, при общем воодушевлении всего зала, а я прибавлю, когда завтра узнает вся страна, она вместе с вами будет воодушевляться названным заводом имени товарища Сталина...

Иметь имя вождя нашей партии, лучшего, преданнейшего ученика Ленина, — это не просто, дорогие товарищи. Это не значит, что тут предложил один из товарищей, мы встретили аплодисментами, подняли знамена и крикнули «ура», и этим кончено все. Извините, дорогие товарищи, это значит, что вы своей хорошей работой, своими выпусками тысяч и десятков тысяч автомобилей должны завоевать себе право, чтобы можно было носить имя вождя нашей партии. (*Аплодисменты.*)

Еще, товарищи, мне хочется выразить уверенность здесь, что, несмотря на все трудности, которые безусловно имеются впереди, рабочие завода АМО, его инженерно-технический персонал, его административно-хозяйственный персонал безусловно оправдают это высокое звание и уже в этом году выполнят свою программу.

Высший Совет Народного Хозяйства, поздравляя вас сегодня с победой, будет уверенно следить за работой вашего завода и будет иметь возможность и перед Центральным Комитетом и перед товарищем Сталиным и перед всей страной гордо заявить: АМО окончили. Завод дает тысячи грузовиков нашей стране. Да здравствуют амовцы! Даешь грузовик! (*Аплодисменты. Поют «Интернационал».*)

Голос. Да здравствует ленинский Центральный Комитет большевистской партии! Ура! (*Крики «ура».*)

Голос. Да здравствует Высший Совет Народного Хозяйства и товарищ Серго! Ура! (*Крики «ура».*)

Женский голос. Да здравствует завод АМО! *(Крики «ура».)* Да здравствует завод АМО! Ура! *(Крики «ура». Труба. Духовой оркестр.)*

Диктор. Демонстрация записанной на пленке радиофильмы «В шеренгу гигантов» закончена. Фильма записана 1-й производственной бригадой фабрики «Радиофильм» в составе Дика, Додоновой, Ямпольского, Рогового, Бгиозарова, Федулова, Ленобль и Егорова. Товарищи, присылайте ваши отзывы о передаче первых радиофильмов по адресу: Москва, Тверская, 17, Наркомпочтель, фабрика «Радиофильм».

РГАФД. № Ш-27. Вр. зв. 42.55. Шоринофон.

А.А. Тарковский[26]

Повесть о сфагнуме

Художественно-документальная радиокомпозиция

[1931 г.]

Вступление первое — Баллада о торфе.

1-й голос. Велик и пустынен степной простор.

2-й голос. Но я говорю про торф.

1-й голос. Пустынны и холодны выси гор.

2-й голос. Но я говорю про торф.

1-й голос. Спускается в недра земли шахтер.

2-й голос. Но я говорю про торф.

1-й голос. К сосне лесоруб подходит в упор.

2-й голос. Но я говорю про торф.

1-й голос. Машины ползут по широким степям. И люди взбираются по горам. К вершинам холодных гор. И гулкое эхо гремит и гремит. Человек взрывает тяжелый гранит...

2-й голос. Но я говорю про торф.

Но мох зеленеет на топях болот
И ржавым становится через год,
И мох гниет до тех пор,
Пока человек не отыщет болот:
Колонны машин он к болотам ведет
И я говорю про торф.
Машины приходят на торфяники
И торф разрезают на куски,
Уносит его транспортер,
Прессуют и складывают.
А еще рабочие — песни поют горячо.
И я говорю про торф.
И электростанциям — торфяники богатства свои отдают,
И мерно вращаются маховики,
И люди — песни поют,
И в топках звенит торфяной брикет,
И плещет кругом электрический свет,

В широкий плещет простор.
И я говорю: разгорается торф.
Это у нас разгорается торф,
Это пылает торф.

Вступление второе — География.

Возьми географическую карту Советского Союза.
Посмотри: он окружен морями голубыми,
И тридцать две реки его звенят,
Связуя север с югом, и бегут —
Пересекая степи и леса —
По всей стране железные дороги.
Там — вспаханный упругий чернозем,
Там — степь легла,
Там — лес шумит, шумит
Гигантский дуб, сосна шумит, береза,
Пятивековый кедр шумит.
А там — Донбасс.
Кайло звенит, дробя
Накопленный веками антрацит.
Баку. Фонтаны нефти бьют.
А там — Сибирь, Урал.
Ты слышишь:
Растут упрямо города, заводы,
Работают машины Сталинграда,
Москвы, Ростова.
Видишь: там новый город вырастает.
Карта меняется по воле пятилетки.

3. Исторические справки.

В начале XVII века император Петр I принимал в своих покоях голландца Эразма Армуса.

— Что сие?

— Сие есть торф. В топях блат гниет особого рода мох, именуемый сфагнум. Там обращается он, высушен быть, в сие вещество. Торф есть топливо отменно и ни что не ведомо, сколь сильно будет оно по времени.

— А по Руси мужики пели песню. (*Музыка.*)

Ох ты, горе великое,
Тоска печаль несносная,
А куда бежать, тоску девать...
В леса бежать — топоры стучат,
Топоры стучат, рубят сосенки.
А и будет сосенка — перекладинкой
На той виселице, что на площади.

— Был государев рескрипт:

— Нет из россов никого, кто бы смысл о торфе имел. По сему голландцу Эразму Армусу на десять лет привилегии нами даются, дабы торфяное дело было и воссияла слава наша. Петр.

— И пошли мужики на болота.
— В чистом поле трава растет.
— Трава растет шелковая.
— На болоте горе растет.
— Горе растет, беда растет.
— Тонут ноги мои в сырой воде.
С восхода до самой полночи.
А на спину мою ложится туман,
Да на спину накинуть нечего.

— В 1793 году англичанин Медокс открыл разработку торфа у деревни Ивахиной, под городом Гжатском. ...Тонут ноги мои в сырой воде...

— В 1836 году мануфактур-советник Кожевенников начал торфяную разработку на Свибловском болоте (близ Петровско-Разумовского, под Москвой). ...А на спину мою ложится туман...

— В 1869 году открыты торфяные разработки Никольской Морозовской мануфактуры у Орехово-Зуева. ...Да накинуть на спину нечего...

— В той части прежней России, которая теперь составляет РСФСР, в 1916 году было добыто 1 360 000 тонн торфа и только в Московской области — 983 000 тонн, почти исключительно ручным способом.

...Эх, ложится туман, сырой туман...

...С восхода до самой полночи.

4. Леса редеют.

Вот отрывок из письма учеников семегарьевской школы: «...нельзя рубить на дрова лес, когда кругом столько болот. Мы нашли залежь торфа. Посылаем образцы и просим исследовать болото, а если можно — начать его разработку, так как болото находится в двух верстах от фабрики...».

Один га болота может заменить до 30 га леса, а леса... громады лесов... Стройные мачтовые сосны, до самой верхушки свободные от хвои, звенят под ветром. Розовые стволы покачиваются, скрипя.

— Это шумит лес.

— Темные зеленые ели шевелят тяжелыми ветвями, бегут вдоль дорог, поднимают тяжелый груз своей вечной зелени.

— Это шумит лес.

— А там — тысячелетние лиственницы, гребенчатые пихты, могучие черные дубы, белые липы, бук, леший клен, ясень...

— Это шумит лес.

— Каждый ствол, каждая ветвь дерева дорога Советскому Союзу. Мы экспортируем часть нашего леса за границу, получая взамен машины, помогающие нам строить социализм.

Нельзя рубить лес на дрова...

— Звенят топоры... На дрова, на дрова...

— Падают, ахая, деревья — ...на дрова, на дрова...

— Драгоценный лес — ...на дрова, на дрова...

— Лесосека везде чрезвычайно напряжена. Например, Новгородский район ежегодно расходует 4 646 000 куб. метров лесоматериалов, в то время как при использовании торфяных ресурсов мог бы расходовать только 1 860 000.

...Нельзя рубить лес на дрова, когда кругом столько болот... исследовать болото... в двух верстах от фабрики...

— Один га болота может заменить до 30 га леса... розовые стволы покачиваются, скрипя... ...ели, березы, черные дубы, белые липы. Редеют под топорами леса.

5. Нам нужно топливо.

Гудки заводские ревут до хрипа:

— Топлива дай.

Летит паровоз по рельсам Турксиба:

— Топлива дай.

И электростанции голосом полным:

— Топлива дай.

Ревет пароход, разрезая волны:

— Топлива дай.

И требуют домны, топки, печи:

— Топлива дай.

Дома запевают чуть полегче:

— Топлива дай.

И пятилетка приказывает:

— Необходимо максимальное расширение добычи торфа и замена им путем превращения в электроэнергию, брикеты, газ, кокс дальнепривозного топлива, в особенности в нашей Московской области, которая находится на расстоянии 1000 км от Донбасса и располагает огромными торфяными богатствами, постоянно возобновляющимися.

Ежегодный прирост торфа по Европейской части СССР достигает 27 млн тонн.

Лес, нефть, уголь являются ценными экспортными товарами, продавая которые за границу, мы получаем возможность ввоза так необходимых нам заграничных машин и материалов.

Если по Московской области было добыто в 1927/28 году 2 765 000 тонн торфа, то в 1932/33 году Московск[ая] обл. даст стране 6 609 000 тонн. На глухом торфяном болоте — «Оршинский мох» — вырастет мощная электростанция, и слабый по электрофицированности Тверской округ получит могучую энергетическую базу для себя и прилегающих районов. И многие огромные болота станут великими базами индустриализации Советского Союза, строящего социализм. (*Музыка.*)

6. Довольно.

— Был рескрипт императора Петра...

— ...голландцу Эразму Армусу привилегии нами даются... дабы слава наша... Петр.

— Медокс... Торфоразработки у деревни Ивахиной.

— ...Мануфактур-советник. Кожевенников...

— Торфоразработки Московской мануфактуры...

— И только в Московской области 983 000 тонн.

— ...1918 год...

— ...Ручным способом...

— ...Эх, ложится туман, сырой туман.

— ...Довольно!

— ...Довольно!

В тысячи рук берись за дело.

1-й голос. Это — моя страна. Чтоб дни звенели, работа пела.

2-й голос. Это — моя страна. Я на врага трудился до пота.

3-й голос. Это — моя страна. Иди на болото, иди на болото. В тысячи рук на себя работай.

4-й голос. Это — моя страна. Страна моя выходит вперед.

1-й голос. Сто шестьдесят миллионов. Владеет страной — рабочий народ.

2-й голос. Сто шестьдесят миллионов. Тот крестьянин, работай тут. Сто шестьдесят миллионов лопату берут. Молоток берет в крепкие руки рабочий народ. Сто шестьдесят миллионов. На землю свою! На свой завод! Зовет завод! Болото зовет!

Сто шестьдесят миллионов.

Где раньше врастали в землю лачуги рабочих — высятся хорошо оборудованные бараки, электрический свет бьет из окон, красные уголки, столовые служат рабочим.

— Страна — моя!

— Семичасовой рабочий день!

— Страна — моя!

— Торф — наш! Страна — моя! Партия! (*Музыка.*)

Мы под большевистским знаменем революцию делали. Партия нас в бой вела.

— Партия!

— На хозяйственных фронтах мы сражаемся под руководством партии, мы превышаем планы.

— Партия!

— Каждая тонна угля вынянчена промфинпланом. Встречным планом.

— Под знаменем большевистской партии мы побеждаем на хозяйственных фронтах.

— Партия.

— Тот — крестьянин, рабочий — тот, —

— 150 000 000.

— Владеет страной рабочий народ.

— 150 000 000.

— Нас партия ведет.

Голос: Твердые руки, рабочий народ...

Голос: 150 000 000.

Все: Наша страна.

Хор: — Сила!

7. Машины приходят на болото.

В 1918 году в СССР было добыто около 1 098 000, а в 1928-м — 6 000 000 тонн торфа.

— На болота пришли машины!

— Старые элеваторные установки износились, требовали замены или ремонта.

— И пошли стучать молотки на болотах.

— Раз, два.

— Дружно!

— На болото пришли удлиненные, подвесные, коленчатые элеваторы, чтобы облегчить труд ямщиков-карьерщиков, подбрасывавших сырую торфяную массу вверх на полтора аршина.

— Помнишь, мы корчевали пни. Топором стучали. Лопатой рыли.

В тумане слепом проходили дни. По колена в воде, что в могиле были. Разом! Дружней!

— На наши болота

Машины идут. Пни корчуют. Канавы роют.

Время пришло боевому труду: строиться и строить!

— Разом!

— Дружней!

— И «Оршанский мох»

Поет: «Мы знаем, что значит –

Геройство и доблесть». Высокосортный торф дает Советской стране

Московская область, Калуга, Москва или Павлов Посад, — Под Тулой, Рязанью, Тверью, без счета — Лежат торфяные массивы, лежат — Одно за другим — торфяные болота. И электростанции выкормил — торф, — Шатурскую кормит, и кормит другие, — И свет электрический крылья простер — Над сотнями верст Советской России. — И — маховики, вращаясь, поют, — И торфом гордится Московская область. — Мы знаем, что наша работа и труд — Геройство

и доблесть — Геройство, и слава, и доблесть!

8. Что это такое?

— Что это вы мне показываете?

— Это... Погодите. Я читал когда-то такую историю: выдумка, конечно. На подводном корабле (а подводных лодок, когда была написана эта история, и в помине еще не было), на подводном корабле живет какой-то чудак и питается водорослями, переработанными как-то, одевается в водоросли. Из них соткано нечто вроде полотна такого...

— Хорошо, но причем здесь то, что вы мне собираетесь показать...

— Погодите... Эта выдумка имеет прямое отношение ко всем этим предметам.

— Это... это все... из водорослей?

— Нет, я не сказал бы, чтобы это была водоросль.

— Так из...

— Все это из мха. Есть такой мох: сфагнум называется. Растет на болотах. Перегнивает вместе с осокой, хотя чем чище мох, тем лучше получается...

— Торф?

— Торф. Вот образец выработанного торфа.

— А это что?

— Это — кодированный торф. Образец. Получается от пережигания торфа в ямах, вроде угольных. Высокое качество. Топливо.

— А это?

— Торфяной брикет. Прессованный торф! Заменяет дровяное топливо.

— И дает большой жар?
— Как уголь!
— А вот это, на полке — в банке — как сюда попало. Написано. «Дезинфекционная присыпка»...
— А ведь это уголек торфа.
— Ну-у?
— А присыпка эта делается из торфа. Употребляется в медицине. При ранениях. Чтобы не загнивало. Вообще дезинфекция.
— Торф?
— Торф.
— А это?
— Это — изоляционные плиты от холода на постройке. Из торфа.
— А это удобрение из торфа. Смешивается с навозом. — Прекрасные результаты.
— Это?
— Подстилка. Из торфа. В крестьянском хозяйстве, в баночке.
— Нефть. Из торфа.
— Это?
— Смазочные масла из торфа.
— А это?
— А это?
— А это?
— Торф.
— Торф.
— Торф. (*Музыка.*)

Заключение. Песня хора.

— Шумит листва — поет листва, — звенит, что голоса. Нам нужен лес, нам нужен лес, побереги леса. Держи на торф! Раз-два! На торф! На торф вперед!

Торфяники у нас лежат — как море широки. Машины двинь — и сам иди — на те торфяники. Держи на торф! Раз-два! На торф! Дружней в поход!

Чтобы ток бежал к твоей избе — по звонким проводам. Страна моя, страна твоя — приказывает нам. Держи на торф! Раз-два! На торф! На торф вперед!

Расти страна. Заводы строй. Лесами зеленей. Но чтоб еще — была страна — Советская сильней — Держи на торф! Раз-два!

На торф. Дружней в поход!

Радиодекада. 1931. № 1. С. 11–14.

Радиопаноптикум[27]
Сатирическое радиообозрение

[1931 г.]

Эпизод первый. Кабинет восковых фигур. (*Музыка: тихий «старорежимный» вальс «Осенний сон».*)

Балаганщик. Попросю отсчитать в эфире первые 100 тысяч, которые пойдут со мною культпоходом по балагану... Граждане, гражда-

не, не напирайте!.. Всем слышно будет! Мальчик, мальчик... Ты куда?.. Брось наушники, дай папе послушать. А вы куда прете?.. Ах, это свои, с Мойки, 61, ну, ладно, становитесь по 4 человека, стройными рядами... по четыре... по четыре... Мадам в платочке, возьмите вашего беспечного малютку на руки, а то раздавить могут... Ну, пошли!.. (*Громкий вальс «На сопках».*)

Балаганщик. Попросю чуточку вправо, первая дверь. Перед нами радиопаноптикум, или кабинет восковых фигур. Самоновейшие автоматические куклы с французским заводом. (*Музыка: мазурка.*)

Балаганщик. Номер первый — пан Безрассудский. В черепной коробке пана мы видим небольшое, но достаточное отверстие для опускания французского золота. На ваших глазах при помощи моей верхней конечности я опускаю золотую монету в ясновельможную голову, и государственный аппарат с французским заводом моментально приходит в движение. Звякает саблей (*звон сабли*), точит совершенно оголенную шашку (*звук точильного камня*) и производит приветственную речь на открытии польского сейма.

Безрассудский. Ух...У...У...Сволочи!.. Болтуны!.. Дрррряни!.. Мухи навозные!.. Елки-палки!.. У...У...У... (*Хрипит. Контрабас.*)

Балаганщик. Один момент, аппарат, очевидно, засорился. Прошу у граждан женского пола длинную булавку, так называемую шпильку, для прочистки горлышка.

Балаганщик. Спасибо, одной совершенно достаточно. На ваших глазах беру и прочищаю польскую ясновельможную глотку.

Безрассудский. С...с...с...свол...сволочи... болтуны... дрряни... мухи навозные...У...У...У... (*Затихает.*)

Балаганщик. Кукла, как видим, приходит в нормальное, ненормальное состояние и умолкает до следующей монеты. Теперь обратимся чуточку влево: кто это перед нами? Перед нами начальник румынского генерального штаба генерал Лоботреску. Не ест, не пьет, только займы жрет... Сейчас перед нами раскроются довольно неоригинальные чудеса тайной французской пружины, или оживление двух держав сразу. Опускаю при помощи верхней конечности в румынскую башку французский золотой заем, смазываю рычаг бриолином и одновременно нажимаю все педали. (*Скрипка румынского оркестра исполняет надрывный романс.*)

И что же получается, граждане?.. Румыния томно вздыхает, отдает честь французскому капиталу, откашливается. (*Кашель.*)

Подходите молодецкими бодрыми шагами к польскому пану (*шпоры*)... Вы проворно опускаете еще одну монету в пана Безрассудского, и пан подает румыну правую руку для заключения военного союза против СССР. Румыния обнимает Польшу и застывает в жарком объятии, после чего начинается па-де-де, или румынская полька под парижскую дудку. (*Музыка: полька под флейту. Танец.*)

Балаганщик. Виноват, просю не напирать — задним рядам, которые в Архангельске и во Владивостоке, ничего не слышно!.. Чуточку в середину... Фигура № 3 — вымирающий зубр — белогвардейский генерал Миллер — урожденный Кутепов. Во лбу его превосходитель-

ства — дырка, в которую можно опускать любую монету, даже медную. По опущении монеты означенный генерал тотчас же вытягивается во фрунт, протягивает фуражку и исполняет голосом басом небольшое «морсо» — кусочек.

Миллер (*пропойным голосом, басом*). Боже, царя храни! Подайте доблестной армии на пропитание, что милость ваша!

Балаганщик. Сделав два шага назад, генерал возвращается в свое исходное, безысходное положение... (*«Боже царя...» с фокстротом.*)

Наконец, последние заграничные куколки — номер 4 сэр Генри Детердинг. Председатель мирового нефтяного треста «Рояль Детч», в отличие от прочих экспонатов кабинета, никаких отверстий во лбу не имеет, если не считать небольшой воронки, устроенной на самой макушке сэра. Беру обыкновенную столовую ложку советской азнефти и вливаю на ходу в сэра Детердинга... Как вы замечаете, голубые глаза сэра наполняются горючими слезами, слезы текут целиком и полностью самотеком по его бритым щекам, гордые уста сэра в общем и целом разжимаются и сэр тоскливо гадает о советской нефти на манер «российской» птицы-кукушки.

Детердинг (*жалобно*). Ба-ку...Ба-ку!..Ба-ку!! (*с кукушкой*).

Балаганщик. Одной ложки нефти хватает на три минуты гаданья. Однако будем бережливы к нашему народному достоянию и перейдем к номеру пятому. Первосвященник католической церкви наместник бывшего святого Петра, Пий XI, папа римский. Ввиду особой духовности сей священной особы отверстие для приема денег устроено в наперсном кресте папаши у диафрагмы. При опускании доллара сначала шипит, потом свистит и, наконец, изрыгает хулу на СССР. Внимание — опускаю доллар. (*Шипение, свист.*)

Папа Пий (*с трудом*). А...А...А...

Балаганщик. Не разошелся еще старичок, сейчас разойдется.

Папа. Анафема!..Анафема!..Анафема!.. (*Аккорды дисгармонии.*)

Балаганщик. Конец. На большее папы не хватает. Итого три анафемы за один доллар. Крестовые походы по особому соглашению и предварительной записи.

Граждане, больше достопримечательностей не имеется. Выход из кабинета прямо и налево. Не напирайте. Дальше попросю в аквариум и террариум. Рыбы и земноводные. Ввиду осушливости моих голосовых связок вас дальше поведет мой помощник. Пока!

Публикуется по кн.: Стириус М. Большевики завоевывают эфир. Л., 1931. С. 130–133.

Пуск Днепрогэса

Радиорепортаж [28]

10 октября 1932 г.

Корреспондент. Миллионы взоров на Днепровский край, электростанцию, плотину, шлюз. (*Музыка.*)

Советский Союз, слушай! Наш радиомикрофон помещается между двумя столицами. Между тусклым солнцем октябрьского неба и между

социалистическим солнцем Днепрогэса, рожденного героическим Днепростроем. Мы говорим с крыши новорожденной гидроэлектростанции. Мы говорим с крыши величайшей большевистской победы. (*Шум воды.*)

Мы находимся на уровне Днепровской плотины, через искусственные сорокаметровые пороги которой, перекатываясь, низвергаются сорок семь советских Ниагар, сорок семь водопадов, шум которых сливается с праздничным шумом города.

Сейчас к правому берегу усмиренного Днепра радостными волнами стеклось море людей. Взоры этого людского моря устремлены на правительственную комиссию. Сюда, к трибунам, расположенным под боком самой станции, перед открытым лицом сорока семи водопадов еще тянутся колонны героев — строителей Днепростроя, бесчисленных гостей его: рабочих, колхозников, красноармейцев, краснофлотцев, писателей, артистов, инженеров. (*Музыка.*)

Товарища Калинина, проходящего перед сомкнутым строем рабочих-ударников, дружно приветствует аудитория. (*Музыка.*)

Крики «ура» перекатываются из ряда в ряд, из колонны к колонне, с трибуны к трибуне. Крики «ура» сливаются в единый и мощный крик приветствия. Это приветствие правительству и партии, обеспечившим пуск величайшей в мире станции Днепрогэса. (*Музыка.*)

Весь город говорит: говорят пропеллеры реющих самолетов, говорят буквы знамен: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» К трибунам подходят члены ЦК партии и правительства. (*Музыка.*)

Первыми появление на трибунах членов правительства и ЦК партии увидела левая сторона площадки и громкими овациями их приветствует. Совсем низко над площадкой реют самолеты. (*Гул моторов. Музыка.*)

Сейчас первым на трибуну встал Михаил Иванович Калинин. 10 часов 55 минут. (*Музыка.*)

Завыла первая сирена. (*Гул сирен. Музыка.*)

Симфонией гудков вторят ей предприятия, входящие в систему Днепровского комбината. Члены ЦК партии и правительства заняли правительственную трибуну. (*Взрывы.*)

Канонада взрывов неимоверной силы потрясает воздух. На правом берегу Днепра, на верхнем карьере, в честь праздника взрываются гранитные скалы. Этот грохот напоминает о героических днях лихорадочной стройки на Днепре, когда круглые сутки рвались скалы, освобождая место для будущей плотины. Взоры собравшихся тут направлены к правительственной трибуне. (*Гудки.*)

Сирены, гудки вместе с людьми приветствуют мощным говором созидателей Днепростроя. Ясный разум Коммунистической партии, давшей возможность победно гудеть сиренам, поющим песнь о большевистской победе. Слушайте голос сирен! Слушайте голос гудков! Слушайте голос победы! Слушайте славу большевистской партии! (*Взрывы.*)

Сейчас около старшего «Кресла Екатерины» — так называется скала на Днепре — происходят взрывы кусков, частей этой скалы.

Днепр — в дыму взрывов. Днепр — в реве сирен. Днепр — в энтузиазме собравшихся двадцати тысяч строителей Днепростроя и его гостей, тех, чьи сердца сегодня бьются учащенными темпами победы. Слушайте песню сирен! Слушайте песню гудков! Это песня большевистской победы. Это голос энтузиазма победителей, празднующих сегодня торжественный пуск электростанции. Товарищи строители чудес, с победой вас и с богатырским сыном!

Калинин М.И.[29] Товарищи! Сегодня праздник всех трудящихся Союза. Сегодня мы открываем Днепровскую гидростанцию, представляющую даже для современной техники чудо инженерного искусства. На нее затрачено огромное количество материальных средств, труда, инженерного знания и партийных усилий.

Приветствуем рабочих, строителей станции, технический персонал, профессиональные и партийные организации, мистера Купера со штатом иностранных специалистов, консультировавшего и помогавшего строительству, и поздравляем их с окончанием, с великолепным окончанием этого грандиозного строительства.

Товарищи! Это достигнуто волей рабочего класса Союза под руководством ленинской партии. Днепровскую станцию строил весь Союз, но главным практическим выполнителем воли трудящихся Союза являются прежде всего рабочие Украины. И наградой их громадных усилий мы видим сооружение, которое дальше двинет техническую мысль, которая поднимает на большую высоту индустриализацию Украины, а тем самым и весь Союз.

Товарищи! В поле нашего зрения этой электростанции растет комбинат из ценнейших заводов, домны, мартены, заводы электростали, прокаты повышенных сортов стали, алюминиевый, ферромарганца и т.д. Все это производство дает возможность усилить автотракторное строительство и тем самым еще выше поднять сельское хозяйство. Мне бы хотелось еще сказать, что днепровское строительство отличается хорошей организацией и, несомненно, их опыт будет использован и применен на нашем фронте социалистического строительства. (*Аплодисменты.*)

Корреспондент. Слово имеет народный комиссар тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе. (*Аплодисменты.*)

Орджоникидзе Г.К. Товарищи! Разрешите по поручению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии, Совета Народных Комиссаров Союза и Народного комиссариата тяжелой промышленности Союза передать горячий привет героям — строителям Днепра. (*Аплодисменты.*)

Товарищи! Многие десятилетия человеческая мысль билась над тем, как поставить Днепр на службу. Но только Советской власти, нашей партии удалось при помощи лучших наших техников, при технической помощи друга Советской власти — инженера Купера заковать Днепр в железобетон и по команде большевистской партии поставить на службу строительства социализма в нашей стране.

Товарищ Винтер уже докладывал вам, как строилась Днепровская станция и как она уже закончена. Михаил Иванович Калинин опубли-

ковал здесь перед вами, как Советская власть отметила лучших работников, лучших техников, лучших инженеров.

Мы, товарищи, гордимся именами Винтера, Веденеева, Роттерта, Веселого, Рубина, многих десятков, сотен и тысяч строителей Днепровской станции.

Мы, товарищи, сегодня с вами празднуем большую, великую победу на социалистическом фронте.

Мы, товарищи, уже привыкли ежегодно, почти ежемесячно оповещать страну о наших достижениях, о наших победах. (*Аплодисменты.*)

Ни Европа, тем паче ни Азия, ни Америка не имеют ни одной станции, где было бы столько сильных, столько энергии. И тут, конечно, ничего удивительного нет.

Мы, большевики, строящие социализм в нашей стране, мы не можем равняться по этой умирающей стране капиталистов, которая за последние годы все ниже и ниже падает, не только нет развития вперед – но то, что было вчера, то падает вниз.

Только пролетариат нашей страны, только Советский Союз, только наша партия каждый год вводит в строй действующих предприятий социалистической страны все новые и новые предприятия. (*Аплодисменты.*)

Но нам нельзя, товарищи, на этом успокаиваться. Если правый берег закончил свою работу (и сегодня товарищ Винтер рапортовал о том, что Днепровская станция уже сделана), то там, на том берегу, пока еще те заводы, которые мы там строим и которым энергию должна подавать эта станция, еще не готовы. И сегодня, заканчивая здесь торжества открытия этой станции, мы всеми силами, всей энергией должны переключаться так, чтобы эта энергия, которая сейчас переливается там на плотину, эта энергия была полностью взята нами и влита в наши предприятия.

Я уверен, товарищи, вместе с нашим героическим рабочим классом, вместе с нашими дорогими товарищами украинских партийных организаций: не пройдет так много времени, когда мы будем иметь возможность вместе с вами праздновать другой великий праздник — окончание комбината на том берегу.

Да здравствуют победители, лучшие работники, весь коллектив Днепростроя! Да здравствует наша славная ленинская Коммунистическая партия! (*Аплодисменты.*)

Корреспондент. Слово имеет технический консультант, господин Купер.

[Х.Л. Купер произносит речь на английском языке.]

Переводчик. Вчера ночью у полковника Купера был сон. Ему снилось, что он может говорить безошибочно по-русски. Это ему доставило большую радость. Но когда он проснулся сегодня утром, он испробовал свои знания русского наречия с обслуживающим им поваром. И повар ему заявил, что русский язык его никуда не годится.

(*Голоса:* Годится, годится!)

Поэтому очень кратко полковнику Куперу придется говорить с присутствующими товарищами через переводчика. Он никогда не будет

знать, правильно ли я перевожу то, что он желает всем присутствующим товарищам сказать. (*Смех.*)

Но полковник Купер надеется все ж таки, что присутствующие товарищи будут довольны моим переводом. (*Голос:* Мы без перевода поймем.)

То важное значение, которое товарищ Ленин придавал применению электричества в индустриализации Советского Союза, доказывает правильность взгляда товарища Ленина, что наиболее существенной необходимостью для промышленности СССР является энергия. Человеческое счастье не может быть достигнуто без рациональной эксплуатации естественных богатств страны.

В Северо-Американских Соединенных Штатах наш прогресс измеряется тем количеством дешевой энергии, которую мы в состоянии были вырабатывать для удовлетворения всего населения и для использования в различных областях нашего промышленного строительства. Советский Союз располагает огромными естественными богатствами и населением, которое можно обучать искусству практического использования этих богатств. Упомянутое обучение, однако, требует огромного терпения со стороны всего населения, и максимальные ваши успехи будут почти исключительно обусловлены тем количеством практического и достаточно опытного руководства, которым вы сумеете себя обеспечить.

Днепровское строительство в самом деле является величайшим успехом, достигнутым в результате пяти долгих лет тяжелой работы, полного самопожертвования со стороны тех, кто лояльно отдавал свои силы строительству. Тем из вас, кто впервые сегодня видит Днепровские сооружения, я хочу сказать, что вы не можете иметь никакого представления о тех бесчисленных трудностях, которые необходимо было преодолеть.

Свыше 60% строительных работ находятся под водой. Относительно прочности всех сооружений на будущие времена не может быть никакого сомнения. Огромная польза Днепровского строительства, вырабатывающего электроэнергию для строящейся промышленности, в которой весьма нуждаются все народы Советского Союза, также не вызывает никаких сомнений.

Днепрострой сегодня смело глядит на весь мир и как бы говорит: «Я готов выполнить свою долю в деле дальнейшей индустриализации страны, и работа, которую я теперь готов выполнить для вас в течение неограниченного времени, будет представлять значительно большую ценность для Советского Союза, чем затраты Советского Союза на постройку Днепровской гидростанции».

Вместе с тем сегодня Днепрострой бросает вызов всем тем, живущим в Советском Союзе и прочих странах, которые раньше сомневались в мудрости вашего правительства, решившего приступить к такой гигантской работе, как сооружение величайшей гидростанции в мире в условиях технических трудностей такого масштаба, с которыми раньше не приходилось сталкиваться.

Само строительство послужило великой школой, в которой в среднем двадцать тысяч рабочих и работниц накопляли практические зна-

ния. Приобретенные знания являются для них самих и для их родины величайшим благом на будущие времена. Если тем не менее образование, приобретенное массами в этой школе, нельзя считать законченным, то оно, во всяком случае, является прекрасным началом, которое должно воодушевить каждого причастного к этой трудовой задаче.

Всем тем, кто работал на плотине гидростанции и шлюзах, товарищу Винтеру и членам правительства, которые оказывали нам свою активную и реальную поддержку, американская консультация выражает свою благодарность. Она также просит вас принять ее наилучшие пожелания во всех ваших будущих начинаниях и вместе с тем прощается с вами. (*Аплодисменты.*)

РГАФД. № П-20. Вр. зв. 109.50. Тонфильм.

Ликвидацня неграмотности и малограмотности рабочих железнодорожного транспорта

Радиоперекличка[30]

В ночь с 7 на 8 января 1933 г.

Боркина. Товарищи! На повестке нашей сегодняшней переклички стоят два вопроса. Первый вопрос — о ликвидации неграмотности и малограмотности среди рабочих железнодорожного транспорта и второй вопрос — о политпросветительной работе среди беспартийных рабочих. По первому вопросу — о работе среди рабочих железнодорожного транспорта по ликвидации неграмотности и малограмотности — следует сказать, что эта работа поставлена очень плохо по некоторым отдельным районам.

Мы сегодня должны сказать, где у нас плохо, где у нас имеются больные места, что нужно сделать сейчас, с тем чтобы выправить эти больные места и направить нашу работу как следует. Особенно теперь, в период производственного похода к XVII партсъезду, в период проведения этого съезда в такой постановке, как этот вопрос поставлен в тезисах к XVII партсъезду о ликвидации неграмотности и малограмотности. У нас здесь, на перекличке, присутствуют товарищи от Президиума ЦК Союза железнодорожных рабочих, от ЦК ОДН, от Курской дороги, от Северной дороги. Эти товарищи поделятся своим опытом, а вы также в своих выступлениях должны будете поделиться своим опытом, который можно перевести на другие места. Вы должны сказать, где у вас плохо, сказать нам о всех своих недостатках, которые нужно изжить. Сейчас мы начинаем нашу перекличку. Вызываем Воронеж.

Воронеж. Присутствуют заведующий культотделом Дорпрофсоюза Васюков, от дорожного общества «Долой неграмотность!» — Коростелев.

Коростелев. Намечено по плану обучить всего на 1933/34 учебный год неграмотных и малограмотных 9211 человек, из них неграмотных — 1860 человек, малограмотных — 7351 человек. Такой план мы наметили по дороге. Фактически охвачено из этого числа: неграмотных 1488 человек, или 80% того, что мы наметили; малограмот-

ных охвачено 5145 человек, или 70% того, что мы наметили. Охвачено из числа неграмотных послебукварников в количестве 983 человек, букварников 500 человек. Посещаемость в среднем 70%. Ведется работа с допризывниками. Выделены были специальные группы, с которыми занимаются педагоги.

Отдельные места. Следует выпятить такие пункты, как завод Тельмана. Справляется очень плохо. Сейчас мы приняли все меры к тому, чтобы была ясная картина в этой части. Всех допризывников взяли на учет. Организуем учебу. Работа с разъездными проводится путем организации школ на колесах. У нас имеется небольшая группа проводников. Сейчас производится опыт работы в этой части. Мы считаем, что этот опыт нужно практиковать.

Качественный состав культармейцев удовлетворительный. Всего культармейцев по декабрь — 800 человек. Краткосрочные семинары прошли 500 человек, остальные 300 человек проходят учебу под руководством методистов-педагогов 1-й и 2-й ступени. Эти краткосрочные курсы наши культармейцы проходят нерегулярно. Семинары проводим с перебоями. Организовывать придется еще много.

Мы считаем, что в смысле оказания методической помощи и снабжения инструкциями и другим разного рода методическим материалом мы получаем вполне достаточно со стороны отдела народного образования, расположенного на территории Юго-Восточной железной дороги. Материальными средствами наши пункты ликвидации неграмотности и малограмотности сравнительно обеспечены удовлетворительно. Учебными пособиями, тетрадями и карандашами наши пункты обеспечены также. Новых учебников для всех неграмотных и малограмотных мы не имеем. Совет ОДН вместе с ОНО приспособили старые учебники для этих занятий.

Занятия с неграмотными и малограмотными проводятся 15 раз в месяц. Программами обеспечены мы полностью...

Нужно сделать одно замечание, что наши ячейки ОДН в весеннюю посевную кампанию принимали участие в работе среди колхозников... Было обучено за этот период 56 человек малограмотных и 25 человек неграмотных.

Вопрос. Из дорожного отдела будет выступать?

Ответ. Нет, не будет. Считает ненужным, говорит, что достаточно...

Вопросы. Как обстоит дело с прохождением программы для неграмотных и малограмотных? Надеетесь вы программу пройти и к какому сроку? Если вы программу не пройдете, то какую часть программы пройдете к концу года?

Практикуете ли вы сбор средств самих учащихся — самообложение в отношении целевых нужд школ. Ведь это у вас в практике?

Коростелев. Я могу на второй вопрос ответить: нет у нас такой практики.

Боркина. Вам деньги не нужны?

Коростелев. Пока не ощущаем в них нужды. Относительно выполнения программы. Сказать точно, сумеем ли мы программу пройти к намеченному сроку, сказать не [могу].

Цирлина. Вы сказали, что у Вас охват на 80%, как Вы реализуете обращение М.И. Калинина, как Вы развертываете работу вокруг этого обращения? (*Молчание. Тов. Цирлина повторяет свой вопрос.*)

Коростелев. Сейчас мы развертываем массовую работу по проведению ликвидации неграмотности. У нас есть бригада, созданная из лучших культармейцев. Эти культармейцы прикреплены к определенным бригадам.

Цирлина. Вы не отвечаете на вопрос. Видимо, Вы этого обращения М.И. Калинина не читали.

Боркина. Тов. Коростелев, ты отвечаешь невпопад, видимо, этого обращения ты не читал. У меня есть такой вопрос к Воронежу. К XVII партсъезду вы обещаете охватить 100% малограмотных и неграмотных. Вы скажите нам, сколько охвачено у Вас сейчас неграмотных и малограмотных на базе 4-летки и сколько на 7-летку?

Коростелев. На первый вопрос я вам отвечу. Относительно второго вопроса сведений нет.

Боркина. Плохо у тебя дело, хотя ты и говоришь: по цифре охват большой. Но есть большое сомнение. Послушай опыт других городов, потом оценим твою работу.

Ростов. Присутствуют: т.т. Короткова (ОДН), Лысин, Степанов (Лензавод).

Короткова. Отсутствие представителя культотдела показывает лучше всего, как они относятся к работе. Из числа работающих мы имеем 1413 неграмотных, 78 030 малограмотных в 1932 году. В 1933 году — неграмотных 1270, малограмотных 68 184. Приток неграмотных и малограмотных идет за счет вновь приходящей рабочей силы национальных районов. Членов союза железнодорожников неграмотных 850 человек, малограмотных 4752; членов семей железнодорожников 218, малограмотных 1039 человек; допризывников 1912 года рождения неграмотных 40 человек, малограмотных 383, колхозников подшефных неграмотных 132, малограмотных 630 человек...

Работу по ликбезу на Лензаводе до сентября месяца проводила тов. Грачева...

В сентябре месяце была проведена проверка состояния работы по ликбезу и выявилось, что настоящего учета работы не велось, что все цифры с потолка. Тов. Грачева просто занималась очковтирательством. Такое положение было до сентября месяца, пока не было сменено руководство и пока не приступили к проверке состояния работы по ликбезу.

С октября был заведен точный учет, числится 90 человек членов ОДН, с них мы собираем членские взносы, обложения учащихся не практикуется.

Обращение М.И. Калинина я не читала, сознаюсь в этом.

Цирлина. Обращение М.И. Калинина было напечатано 3–4 дня тому назад в «Известиях» и в «Правде». Почему Вы не собираете целевые взносы на нужды школы?

Короткова. Я считаю, даже странно было бы ставить вопрос о сборе денег на нужды школы с учащихся. И без того их трудно соби-

рать на учебу, а если бы стали заниматься обложением, то совсем было бы плохо, совсем на учебу не будут ходить. У нас здесь нигде это не применяется — ни в Ростове, ни в Краснодаре.

Цирлина. Относительно договоров Ценапроса, Наркомпроса и ЦС ОДН.

Ответ. У нас есть приказ крайОНО, который я отпечатал и разослал по всем районам. Я принял дела без копейки денег. Районы все без исключения прогорели. У нас катастрофическое положение.

Цирлина. Вы отвечаете не на тот вопрос. Вопрос идет о выделении методистов...

Вы говорили, что ОНО не хотел давать учебников. Сколько вам денег надо в действительности? Почему не давали?

Ответ. У нас инструктор в Краснодаре по ликбезу очень сильный, имеет методический стаж около 20 лет. Он требовал за обучение 8 рублей с неграмотных и 12 рублей за малограмотных. Тетрадей нет, он приезжал к нам, давал телеграмму. До сих пор учебников и тетрадей получить не может.

Вопрос. Скажите фамилию начальника строительного цеха, где особенно плохо идет работа.

Ответ. Начальник строительного цеха — Васильев.

Тифлис. Тов. Бабаян (заведующий культотделом).

В результате слабой постановки работы среди железнодорожных рабочих, в результате плохого руководства со стороны профсоюзных организаций этой работе не было уделено достаточное внимание, не были в достаточной степени охвачены учебой ни неграмотные, ни малограмотные. В большинстве случаев со стороны организаций была проявлена полная пассивность к вопросам ликбеза...

Наркомпрос никакой помощи не оказывает, в особенности в отношении транспорта. Оказали помощь райсоветы и местные комитеты...

ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 17. Д. 503. Л. 1–18. Копия.

В.Д. Марков

Свои люди — сочтемся

Картины купеческой Москвы по Островскому, Горбунову и Демьяну Бедному[31] Радиофильм[32]

20 ноября 1933 г.

Для ознакомления с этой работой в звучании можно прослушать запись, затребовав пленку из В.К.Р.

Как видно из прилагаемого текста, в основу композиции положен текст Д. Бедного, разоблачающего славянофильско-шовинистическую кичливость «златоглавой Москвы». Пьеса Островского «Свои люди — сочтемся» взята как материал, вскрывающий в образах торгово-мошенническую подоплеку московского «православия и народности». Отрывки из рассказов И.Ф. Горбунова дают жанровые картины быта

Москвы, прикармливающейся возле таких «столпов», «тузов», как московский первой гильдии купец Самсон Силыч Большов.

В целом радиофильм рассматривается как критическое «усвоение и переработка» классического литературно-художественного наследства.

Среди художественной продукции радио данный фильм граничит по своим приемам с тем, что может быть мыслимо как переход от радио к говорящему кинофильму.

С точки зрения кино его можно рассматривать как режиссерский этюд к звуковому кинофильму. При соответствующей переработке, учитывающей специфику кино, он может быть положен в основу сценария.

Общие соображения к сценарию таковы.

1. Под музыку В. Крюкова, имитирующую в симфоническом оркестре колокольный звон (напоминающий соответствующее место из «Царской невесты» Римского-Корсакова) зрительно дается вид Москвы сусально-пряничного стиля в духе работ палехских мастеров. Таким образом, славянофильско-шовинистический «русский дух» дается во всем своем ироническом великолепии (заснять можно макет, оживить его падающим снегом и световыми бликами на «златых главах»).

2. На аккорде, взятом фермата — большой колокол с вибрирующими от удара громадного языка толстыми стенками.

3. Стихи Демьяна читает сам Демьян Бедный.

4. При повторении колокольного звона — зрительный монтаж деталей пряничной архитектуры церкви Василия Блаженного, заканчивающийся сценой на паперти.

5. Крупный план — типаж профессиональных нищих. Их ссора возникает над деревянными чашками с монетами (переносные кассы нищенской «коммерции»).

6. У амвона. Подходят ко кресту жирные затылки и атласные шали. На амвоне — лицом на зрителя — поп с крестом, дьячок с тарелкой, на которую кладутся деньги прихожанами, и просвирница с таковой же тарелкой. Их типаж дублирует нищих, тарелки для пожертвования дублируют деревянные чашки нищих.

7. На паперти. Общим планом: городовой расталкивает нищих, очищая проход именитым, выходящим их храма.

Перебивка кадров: выплывают из церкви «именитые» со своими «дражайшими половинами» и сыпят «копеечки» с высоты своей неприступности. У их ног в сапогах бутылками и прюнелевых полусапожках свалка нищих в погоне за «копеечками».

8. Свалка переходит в суматоху колоколов на колокольне, приводимых в движение звонарем (в руках система веревок, ведущих к малым колоколам, ногой работает на доске-рычаге, приводящей в движение язык большого колокола). Затем из этой фигуры возникает фигура старательного шарманщика, вертящего ручку своего инструмента. (Для зрительного варианта хорошо его снабдить большим барабаном на спине и дурацким колпаком с бубенцами на голове. Правой рукой он

вертит ручку шарманки, левой бьет по барабану, ногой приводит в движение тарелки на барабане, а головой трясет, чтоб звякали бубенцы. Для такого варианта музыку надо писать заново — как пародию на колокольный перезвон.)

Типаж шарманщика — болезненный человек с голодными глазами.

9. Голова певицы — чахоточной (как контраст Липочке). Возникает наплывом и то расплывается, то делается четкой, в зависимости от хода мелодии песни.

10. Липочка — раскормленное животное («чушка») сидит под «душистою веткой сирени» в беседке садика, мечтает и «кушает» сдобнушки. В паузы монолога вмонтируются кадры жилистой со склеротическими сосудами кисти руки шарманщика и лицо «отдыхающей» певицы, жадно поедающей корку черного хлеба.

11. Аграфена Кондратьевна — Липочка в старости. Их суетня во время танца пародируется сценой в свинятнике, где толкутся две чушки.

12. Этот кусок, содержащий часть экспозиции действия комедии «Свои люди — сочтемся» надо дать в спокойном диалоге (крупным планом лица говорящих, то одно, то другое с выразительной мимикой и характерной жестикуляцией).

13. «Четверть блина» дается то языками, мотающимися в колоколах, то языками, болтающимися во ртах обжор, поющих «Четверть блина — блин».

Демьян Бедный читает сам.

14. Общая картина охотнорядской суматохи под «Четверть блина».

15. Лицо Липочки в диафрагму. Из диафрагмы — поросенок, на нее похожий.

Далее жанровые сцены.

«Четверть блина»: а) блины сыпятся в рот обжоры, как галушки к Пасюку в повести Гоголя «Ночь под рождество», б) руки, наливающие водку по рюмкам, чоканье над столом, уставленном блинами и приправой к ним.

16. Под «Четверть блина» общий вид церкви Василия Блаженного. Под звуки органа, играющего «блинный вальс», церковь превращается в горку на стойке трактира. Замысловатые главы «Василия Блаженного» трансформируются в ананасы и иные фрукты, башенки — в бутылки, колонки — в бокалы и т.п. За стойкой — хозяин трактира.

17. Под машиной (орган) сцена у трактирного столика.

18. Над трактирным столом две головы над газетой. Текст газеты давать и зрительно и голосом одновременно.

19. Лестница в трактир. На верхней площадке, у входа в зал, чучело медведя с деревянной тарелкой в лапах. Снизу подымаются Большов и Расположенский. Большов и медведь на одно лицо. Прошли. Музыка на нет.

20. Крупным планом, как № 12. Расположенский похож на крысу. (Перебить кадром — крысы, пожирающие «дела» в канцелярском архиве). При упоминании о Лазаре, на паузе задумчивости Большова («Он у меня…»), дать наплывом лицо Подхалюзина, «малого с понятием».

21. Под громыхающий блинный вальс, убыстряющий темп до стремительности галопа, — завертевшаяся карусель. На «конях» — купцы в единении с полицейскими, в «колясках» — купчики с «барынями», на запятках — приказные и охотнорядские ребята. На последнем аккорде карусель останавливается как вкопанная — живая картина.

22. Демьян Бедный.

23. Ворота дома Большова. Ночь. Большов входит в ворота под звон и крик: «Посматривай».

24. Жанровая сцена. Ночной сторож и приказный.

«Посматривай»: а) Большов входит в дом.

б) Лазарь считает на счетах.

25. Как 12 и 20. На криках «Посматривай» — фигура сторожа на спящей улице. В конце — лицо Подхалюзина крупным планом, мимическая игра.

26. Наплывом певица и шарманка.

27. В саду на скамейке. Заспанная рожа Большова. Перед ним зеркальный шар на столбе в цветнике. В этом шаре отражаются приближающиеся фигуры Аграфены Кондратьевны и Липочки. Вся сцена дается в перебивку то отраженная в шаре, то на натуре.

Подхалюзин появляется неожиданно, раздвинув ветки «душистой сирени», под которыми сидит Липочка.

28. Вся сцена — «под душистою веткой сирени». Одновременно два плана; реальный — Липочка и Подхалюзин на скамейке, мечтательный (вальсовый) — Липочка и военный среди цветов над скамейкой. Одна сцена пародирует другую. (Верхний план хорошо сделать кукольной мультипликацией.)

29. Под «Персидский марш» из диафрагмы свадебный стол и пьяные гости. На крики «горько» поцелуй Липочки и Лазаря. Протодьякон пьян: в одной руке бутылка, в другой вилка с кусищем рыбы. «Ах вы, Сашки» — все гости… и «пошла писать губерния» — под «Сашки Канашки» хоровод танца «Метелица».

Закружились, завертелись, мелькают развевающиеся платья, шали. Трансформируются в хлопья снежной метели. А из нее лакутинская «Зимняя тройка» — с подноса или табакерки.

30. Жанровая сцена с извозчиками у парадного освещенного дома. В окнах мелькают танцующие «Метелицу».

31. Скачка «лихача» — лубок с лакутинского подноса. На одном месте «аргамачки ногами подрыгивают». Мультипликация с живыми лицами седока и кучера.

32. Д. Бедный читает на мелькающем (соответственно замедляющемуся темпу музыки и чтения) фоне.

33. «Помилуй мя, боже». Хор купеческих спившихся распутных рож.

Далее: церковь внутри, по-великопостному слабо освещенная и пустынная.

Разговор церковного старосты с купцом у свечной конторки. На слова: «Из ямы выпустили» — Большов взошел на паперть и бьет поклоны (снимок из церкви в светлый четырехугольник раскрытой двери).

34. Большов спускается с паперти — мальчишки дразнятся (снимок в перспективу улицы).

35. Крупным планом Подхалюзин.

36. Сцена любовных ласк «медового месяца». На канапе под часами с бронзовыми фигурами «пастушка и пастушки» (стиль «рококо»).

37. Танец Подхалюзина с Липочкой. Подхалюзин то в офицерском мундире, то в своем виде.

38. Главная задача этой сцены — снять маски с Большова путем зрительных ассоциаций. То он канючит, как нищие на паперти Василия Блаженного; то сговаривается с Подхалюзиным, как раньше с приказной крысой Расположенским; то ревет, как обозлившийся медведь. Возможно, что для киноварианта эту сцену нужно раскадрировать заново.

39. Как 35.

40. Пляска Липочки и Подхалюзина переходит в карусель из № 21.

41. С началом протяжного пения — картина истомленных бедняков, крутящих карусель, налегая грудью на брусья. Сменяется картиной бурлаков (по репинской картине), тянущих бечевой баржу, на которой среди кип и ящиков «товаров» сидят за стеклом и гоняют чаи «хозяева». Голос Кулигина зрительного воспроизведения не имеет.

42. Демьян Бедный.

43. На беззвучной паузе макет палехской Москвы сотрясается, рассыпается в груды обломков, за ним вырастает Москва заводская (макет-плакат), трубы начинают дымить. Хор гудков.

РГАЛИ. Ф. 2382. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–10. Машинопись с авторской правкой.

Радиофильм «Железный поток»

1932–1933 гг.

Тов[арищи], сейчас вы услышите отрывки из «Жел[езного] потока».

В 18-м году на Сев[ерном] Кавказе поднялись помещики, кулаки, буржуазия. Советская власть временно была уничтожена. И стали богатеи — казаки, офицерство, генералы — вешать, рубить, топить в Кубани бедноту, не щадя детей, женщин, стариков. Беднота похватала ребятишек, какой попался под руки скарб и пошла на соединение с главными силами Красной Армии, за отступавшими отдельными красными отрядами.

Вот это тяжкое отступление и рассказано в «Жел[езном] пот[оке]».

Сегодня, в пятнадцатую годовщину, слышите ли вы грозно нарастающий густой гул шагов, гул шагов сотен тысяч? Это стройно и несокрушимо идет пехота Красной Армии.

Слышите ли вы бесчисленно-звонкий скок кованых копыт? Это несется красная конница.

Слышите ли железный грохот, сотрясающий землю до самой глубины? Это тяжко и грозно надвигаются колонны танков.

Слышите ли шум бесчисленных крыльев в вышине? Это боевые самолеты, шумя, кроют небо, бросая сплошную движущуюся тень на землю?

Слышите ли могуче-радостные клики несметных толп? Это пролетариат, это колхозники приветствуют свою Красную Армию, непоколебимую защитницу Советской страны, страны строящегося социализма против злобно и испуганно оскаленного буржуазного мира.

Радиофильма «Железный поток»

У микрофона писатель Серафимович[33], автор «Железного потока».

Слушайте тов. Серафимовича.

Серафимович. Товарищи, в романе «Железный поток» рассказываются истинные события, которые разыгрались в 18-м году на Северном Кавказе.

Рабочие, моряки, бедняцкое крестьянство и казачество организовали советскую власть. Но так обернулось, что кулаки, помещики, офицеры, генералы свалили на время советскую власть.

Началось страшное истребление трудящейся бедноты: вешали, рубили, расстреливали.

Беднота похватала ребятишек, кое-какой скарб и стала отступать по берегу Черного моря, чтобы присоединиться к Красной Армии.

Пятьсот верст шли с жестокими боями, в страшных испытаниях.

В конце концов присоединились к Красной Армии.

Вот это отступление и описано в «Железном потоке».

Слушайте отрывки из «Железного потока».

Либретто радиопередачи «Железный поток» 1932 г.

Смутно много голосов. Собачий лай. Свиной визг, хрюканье. Лошадиное ржание. Лязг железа. Скрип отдельных возов. Коровье мычание.

На этом фоне.

— Нно и жара — а!.. — мужской голос.

— Да у меня рубаха, портки, как выкупанный.

Охриплый голос поет под гармонику:

«Сколько с бабой ни возился,
Во святые не попал.
За хорошенькой погнался,
И худую потерял».

Взрыв хохота.

Одна гармоника. Удаляется. Уходящие подпевают.

«и ох-ххо-хо ... да и бей, не жалей».

1-й голос. Эй, антиллерия! Коровы сено потравили.

2-й голос. Тю-у, проклятые! Геть...

Далекие удары железа по железу.

1-й крикливый бабий голос. Я те, собака насастая, все зенки выдеру, ежли корову станешь отгонять.

1-й мужской голос. Нну и ба-абы!

3-й мужской голос. Всю орудию пеленками оппакостили. Нашли место сушить.

1-й голос. А к зарядным ящикам люльки прицепили.

2-й злобный бабий голос. Да вы бы поменьше детей родили. А то народят, а мы бейся с ними.

1-й бабий голос (*сквозь злые слезы*). У меня вон все молоко высохло, а он бесперечь надрывается. Ежли корову не покормить, помрет младенчик без молока.

Злые бабьи голоса исступленно:

— У-у, ироды, погубители наши. И когда вы передохнете все!... Когда бы не оставила дома кочергу, уж я бы из твоей башки две половины сделала.

Бабьи голоса азартно:

— Магометы проклятые!.. Да штоб вас выворотило наизнанку... у-у, индрики!... всем зверям звери!..

Голоса удаляющихся мужчин:

— Ну, брат, бабу опасайся хуже казака: энтот налетит, секанет шашкой и все тут. А ведь эта все кишки те вытянет, да на пальцы намотает...

В разных местах голоса.

2-й мужской голос. А, между прочим, никак невозможно без бабы.

Молодой мужской 4-й голос. Това-ари-щи!.. на митинг!..

Молодой мужской 5-й голос в другом месте, дальше:

— Товарищи, на ми-итинг!..

Звонкий девичий голос 3-й женский:

— Хлопцы!.. дивчата!. до громады... на митинг... до витряки!..

4-й и 5-й мужские голоса вместе:

— Товарищи-и!.. на ми-тинг!!!

3-й девичий (*чихает*). Фу ты! Все ноздри забило. Вот пыль.

Они же:

— Ну и народу сбилось! Конца краю не видать. Четь, до самого до кургана — повозки да кони.

— И все едут, все едут. Бачте, со всех краев едут, по всем дорогам едут.

— Мабуть, тысяч двадцать, або тридцать.

— Ды с коровами, ды со свиньями, ды с собаками.

— Всю землю заставили повозками.

— И оглобли сверху постановили, как лес, а пылища-то. Как в тумане все.

3-й девичий (*визжит, хохочет*). Не трожь... а то сопатку на сторону...

Где-то далеко голос:

— На ми-и-тинг!..

— Откеле аратары балакать будут?

— Стой! Ребята, не напирай... Мы и аратаров совсем с ветряком собьем.

— Да не при ты, черт востроносый.

— Ну и народу!

— И все солдаты. Каких частей тут нету.

— А голь-то!..

— Известно, все хозяйство кинули, только что детей похватали.
— Побежишь, как белые вон, как энти горы, тучами отступили.
— Гля, гля, ребята: полез на ветряк аратор.
— Который это?
— Фу, да не знаешь: командир батальену, Воробьев. И голос у него, как труба…
Трубный голос Воробьева: Товарищи!
Голоса возмущенно:
— Кобель тебе товарищ!
— Пошел к черту!
— Долой!
— К бисовой матери!..
— Не надо…
— Начальники, кукареку вам у ноздрю…
— Али в погонах не ходил?!.
— Та вин давно сризав их.
— Чего чавкаешь…
— Бей его, косорылого!..
Воробьев. Да подождите… вы слушайте!
— Пошел к монаху в портки.
Шум, говор, выкрики все время.
— «Га-га»… Не начальство, а сволочи!..
Горпина. И слухать нэ будэмо!.. и нэ вякай, стэрво ты конячее… А-а! Корова була та дви пары быкив, та хата, та самовар — дэ воно всэ!..
— Сказывали, на три дня выйизжаем, а мы уже цилую нэдилю блукаем.
— Да я б теперь с хлебом был, коли б убрал…
— Сказывали, на Ростов надо пробиваться.
— А почему гимнастерок не выдали, ни портянок, ни сапог?
Воробьев. Так зачем же вы потянулись, ежели…
Толпа взрывом:
— Через вас же! Вы же, сволочи, завели, вы сманули. Вси дома сидели, хозяйство було, а теперь, як неприкаянные, по степу шаландаем.
— Знамо, завели!
Солдаты густо стукнули прикладами о землю. Вдали заржала лошадь.
— Куды же мы теперь?!
— Куды жа мы теперь?!
— До Екатеринодара.
— Да там кадеты.
— Никуду податься.
Над толпой проносится:
— Прода-а-али!!
Тонкий голос солдатика.
— Торгуют нашим братом, як дохлою скотиной!..
Закричало несколько голосов:
— Бачьте, хлопцы, матрос до витряка.

— Кожух до витряка полиз…
— Який Кожух?
— Тю-у! Нэ знаешь! Та що с Таманского партизан привел.
— То вояка.
— В турецкую кампанию с пулемета чистил — горы клал!

Кожух. Меня, товарищи, вы знаете, вместях кровь проливали. Сами выбрали в командиры. А теперь коли так будэ, вси пропадем. Казачье с кадетами со всих сторон навалилось. Одного часа упускать нельзя, всих перережут.

Пронзительный голос солдата:

— Та хибы ты погонов не носил?

Кожух. Чи я искал погоны? Сами знаете, дрался на фронте, начальство и привесило. Разве ж я не ваш? Разве ж однаково не нес хребтом бедность та работу, як вол? Не пахал с вами, не сеял?.. Разве ж я не из пастушонков вышел?

Загудело:

— Що правда, то правда — наш!

Смолкло все. Тишина. Потом топот скачущей лошади. Ближе и ближе. Гул голосов, отдельные голоса.

— Гляди, ребята, скачет кто-то…
— Голова на гриве мотается.
— Хлопцы, а за ним другий поспешае.

Скок двух лошадей ближе и ближе. Взволнованные голоса:

— Тпрруу!..
— Стой.
— Хватай за уздечку.

Глухой удар плюхнувшегося о землю тела. Сап, фырканье запаленной лошади. Торопливое взволнованное дыхание людей около лошади и мертвого человека.

— Ось, под самую лопатку пуля.
— Та це ж Охрим.
— Виткиля?
— Тю, сказывай.
— Вись в крови.

Храп лошади.

— Тпру-у! Ты стой.
— Охрима порубыли казаки.

Женский вскрик со слезами.

Приближающийся скок.

— Другий… другий скаче!..
— Бачьте, як поспишае!..

Скок оборвался. Звук спрыгнувшего всадника. Храп, тяжелое дыхание всадника. В толпе.

— Та це ж его батько.
— Бачь, на коленки став, прикилився к грудям.
— Слухае сердце.
— Та ни-и! — мэртвый…

Молчание. Удары копыт, фырканье, тяжелое дыхание.

Толпа сдержанно:

— Вмэр!..

Молчание. Лошадиные звуки. Кто-то вздохнул.

Павло закричал простуженным голосом:

— Славянская станица поднялась, и Полтавская, и Петровская, и Стеблиевская, все ахвицерье та кулаки. И зараз перед церкови на площади в каждой станице виселицу громадят, всих вишают подряд. Тилько б до рук попался. В Стеблиевскую пришли кадеты, шашками рубают, вишают, стреляют, конями в Кубань загоняют. До иного — родних нима жалости — стариков, старух, всих под одно. Дитэй нэ щадят. Воны, кажуть, вси балшевики. Старик, Опанас, бахчевник, хата его противу Явдохи Переперечицы…

Коротко загудела толпа:

— Знамо!

…просил, в ногах валялся — повисили. Оружия у них — тьма. Бабы, ребятишки день и ночь копают на огородах, в садах из земли винтовки, пулэметы; тягают из скирдов целые ящики со снарядами, с патронами — всего наволокли с турецкого фронту, нима ни конца, ни краю. Орудия мают. Чисто сказылись. Як пожар. Вся Кубань пылае. Нашего брата в армии дуже мучуть — так и висять по деревях. Которые отдельно наши отряды в разных местах прабиваются, хто до моря, хто на Ростов, та вси ложатся под шашками.

Молчание. Слышно: садится на лошадь.

— Опять на лошадь!.. Да у тебя конь весь в мыле — запалил!!!

— Куды?! Чи с глузду зъихав?! Павло!!.

— Стой!. Куды?!. Назад!..

— Держить его!..

Слышен удар плети по лошади и удаляющийся скок. Молчание. Толпа.

— Пропадэ ни за грош.

— Та у него семейства там осталась!.. А тут сын лежить.

Молчание. Фон звуков. Пауза.

Кожух. Видали?

Толпа мрачно. Не слепые.

Кожух. — Слыхали?

Толпа мрачно. Слыхали.

Кожух. Нам, товарищи, нэма куда податься: спереду, сзаду — все смерть. Може, сегодняшнюю ночь казаки кинутся нас ризать, а у нас ни одного часового, ни одного дозора и некому распорядиться. Надо отступать. Куда? Прежде надо перестроить армию. Выберите начальников, но только раз, а потом они будут над жизнью и над смертью вольны — дисциплина шоб железная. Тогда спасение. Пробьемся к нашим главным силам, а там и с России руку подадут. Согласны?

Толпа. Согласны!

Кожух. Так добре. Зараз выбирать. А потом сейчас переформировать части. Обоз отделить от строевых. Командиров распределить по частям.

Толпа. Согласны!!

Густой голос бородатого:

— Та куды мы идэмо?! Чого шукаты? Та це ж разорение: всэ бросили, и скотину, и хозяйство.

Толпа зашумела:

— А тебе, борода, куды? Назад? Шоб перебили всих?..

Борода. Зачем бить, як сами придэмо, оружие сдадим — не звери ж воны. Вон моркушинские сдались, пятьдесят человик, и оружие выдали, винтовки, патроны, казаки волоса не тронули. И посейчас пашуть.

Голоса:

— Та це ж кулачье и сдалось.

— Та и ты кулак. Мельницы. То чья?

— Нас без слов вишать начнуть.

Визгливые бабы:

— Кому пахать-то пийцемо?! опять же ахвицерам да генералам...

— Чи опять в хомут?

— Пид кулацкий кнут?!

— Уходи, бисова душа, пока цел.

— Бей его! Свои продают...

Борода. Та вы послухайте... що ж лаетесь, як кобели?..

— Та ты ж и понюхай черного кобеля пид хвист.

— Та и слухать нэма чего. Одно слово — хферт!

— Помолчите, граждане.

Борода. Та постойте. Що вы мине молотите... що я вам сдался, чи сной, чи що!..

Кожух. Товарищи, бросьте. Треба делом заниматься. Выбрать командующего, а уж он остальных сам назначит. Кого выбираете?

Молчание на фоне звуков.

Толпа грянула:

— Кожуха-а-а!!!

Эхо вдали:

— а-а-а-а...

Ночь.

Глухой шум реки.

Голос Кожуха:

— На якого биса лампочку зажгли? Казакам прицел дать, что ли?

Кто-то фукнул. Звон разбитого стекла.

— Эх, пузырь разбил.

Женский голос. Косолапый идол.

— Да ведь зги не видать — ночь-то кромешная.

Кожух. Приходько где?

— В соседней хате.

Кожух. Позвать.

Скрипя, отворились двери. Ворвался явственный шум реки, томительный ночной перекликающийся собачий лай. Затворившаяся дверь обрезала шум. Шаги и скрип половицы.

Приходько. Звали, товарищ Кожух?

Кожух. Обойди лагерь. Посты проверь. Чтобы костров не было.

Приходько. Слухаю.

Шаги, скрип половиц. Отворилась дверь, ворвался шум реки, собачий лай.

Голос Кожуха, догоняя:

— Да чтоб не курили.

Приходько. Слухаю.

Дверь захлопнулась. Явственно бегущий шум реки, собачий лай то далеко, то близко. Шаги Приходько по крепкой иссохшей земле.

Голос. Ты куды?

Приходько. Кожух послал обойти лагерь.

— Ну, брат, не пройдешь. Все улицы завалены, везде повозки.

Густо несется храп, заливистое сонное дыхание. Звук жующих лошадей.

Слышно Приходько споткнулся, затупотел ногами. Заспанный недовольный голос:

— Тю-у-у, бисова душа! Та то ж я тоби котях коровий, чи дерьмо собачье, то ты по рукам, по ногам ходишь. Чисто всю шею оттоптал.

Голос постепенно удаляется.

Приходько. Та вас навалено скризь, як ризанных баранов. Куды не ступнешь, або человек, або зад — ни пройтить, ни проехать, темь, хочь глаз коли.

Молчание. Шум реки. Собачий лай. Лошади жуют.

Голос часового близко и громко:

— Хто идет?

Голос Приходько издали:

— Свой.

Часовой. Хто идет? Стрелять буду.

Приходько (*голос приближается*). Адвитант. (*Шепотом*) «Лафет».

Часовой. Верно.

Приходько. Отзыв?

Часовой (*громким шепотом*). «Коновязь».

Приходько. Не ори! А от самого, как из бочки.

Часовой. Да ни сгинь пороху. С утра маковой росинки в роте не було.

Приходько. Верно, маковой не было, а с четверть залил в глотку. Вино у казаков по хатам, небось, все выхрали. Казачки прибегали, выли. Знаешь, за это расстрел.

Часовой. А ну, попробуй. Это те не старый прижим — зараз на штык сядешь.

Молчание, храп и прочее.

Приходько. Тьфу, черт!

Слышится девичий подмывающий смешок, Анки.

Приходько. Ты, Анка?

Анка (*смеется*). А ты чего оглоблю целуешь?

Приходько. Прямо глызом пришелся. Да ведь все улицы повозками заставлены — везде лошади, коровы, а на земле народ валяется.

Да нажрались, черти, как это казачье не вырезало нас до сих пор. Дурачье. На брата с десяток патронов наберется, нет ли на орудие десятка полтора снарядов, а у них — всего.

Молчание, фон звуков.

Анка. Ежели казаки до нас приступят, заколюсь, во острый.

Помолчали.

Приходько. Анка... пойдем до садов... посидим...

Некоторая борьба. Повозка заскрипела, на которую ускользнула Анка.

Приходько (*прерывающимся от волнения голосом*). Ты чего ж... ты чего ж?..

Анка (*сквозь придушенный смех*). Разбудишь старых, черт!

Горпина (*заспанным голосом*). У-у, полуношница!.. и колы тоби угомон возьме? Хтось такий?

Приходько. Я, бабо.

Горпина. А, а, Алешенька, це ты? Нэ спизнала. Що такэ будэ, солодкий мий? Ой, горя нэсчастья выпьемо. Чуе мое сердце. Як выизжалы, перше кошка дорогу перебигла, така здорова, та брюхата, а писля того заяц, як стриканэ. Боже ж ты мий милосердный! Що ж балшавики думають: усе добро мы оставили. Як замуж мени за старика отдывали, мамо и скаже: от тоби самовар, береги его, як свой глаз. Будэшь помирать, шоб детям твоим и внукам. Як Анку буду выдавать, ей отдам. А теперь все бросили, худобу усю бросили. Що балшевики думают? И що буде совитска власть робиты? Ты нэхай ция власть подохнэ, як пропадэ мий самовар. На три дня, казалы, выйзжайте, через три дня же на мисто стане, а от уж цилу нэдилю блукаем, як нэприкаянные. Як же вона совитска власть, як нэ може ничого для нас робити. Кобелю власть. Геть, казаки пиднялись, як оглашеннии. Жалко Охрима. О, Боже ж мий милый.

Приходько. Э-э, бабо, що скулить — с того добра не будэ.

Горпина. Як же не скулить, солодкий мий. Трудно. Два сыночка на турецком легли. Два тут под ружьем. Старик под повозкой храпит, а эта сорока тыхесенько притулилась, должно, спит. Да разве ее узнаешь? Ой, трудно. Жилы вси повытягалы за свою жисть — шестой десяток пошел. И старик и сыновья — хребтина трещала от работы. А на каво работалы? На казаков, на ихних генералов та ахвицеров. У них вся земля, а иногородний, как собака... Ой, лишенько!.. Так и работали, глядя в землю, як быки. Утром, вечером, каждый день царя в молитвах поминалы, родителей, потом царя, потом дитэй, потом всих православных христиан. А он не царь, а кобель серый, его и спихнули. Ой, лишенько, аж пиджилки затряслись, страшно стало, як услыхала, шо царя спихнули. Я потом так и надо — кобель и кобель.

Приходько. Блох — сила, заели. Должно, утро скоро. Прощай, бабуня.

Пауза, храп и дыхание старика, бабы Горпины.

Сонный голос издали. Що на голову сапогами. Нет, щоб по спине, али по шее, нет, беспременно ему по головах.

Приходько (*издали*). Да ведь ступить никуда нельзя.

Пауза.

Горпина. Балшавики в Бога не верють. Ну шо ж!

— Мабуть, знают свою роблють; прийшлые, все до разу як повалялы: ахвицеры, помещики, утекли швидко... Дай им, Господи, болшевикам, здоровья, даром що в Бога не верють. Опять же свои, не басурманы... кабы пораньше объявились, не было бы этой проклятой войны, живы были бы мои сыночки. У туречине сплять... И откуда ции балшивики узялись? Кажуть, у Москви породылись. А которые кажуть, у Германии — германьский царь породыв, та на Россию наслав. А воны як приихалы в одно горло: землю и землю людям, щоб над той землей робилы себе, и не на казаков та ахвицеров... хорошие чаловики... тильки зачем воны мий си...но...вар...сил...сплять...дит...тье... (*засыпает, храпит*).

Приходько (*проходя*). Скоро заря. А ведь на самой на заре и нападают. Ишь ты, примостились, как дома — под повозкой у плетня. Семейством. Звуки ребянка, усе...

Воркующий грудной голос молодой матери:

— Та що ж ты мое квиточко, мой цвиточек? Та покушай же. Ну на, на. Та що ж ты не берэшь? От як мы умием головой верть, та языком гсть мамкину сиську (*смеется*).

— Нэ хочешь? Що ж ты, мое шишичко. Ой, який сердитый.

— Як мамкину сиську тискае рученятками. А ноготки як бумага папиросна... Дай, поцилую каждый пальчик: раз! та ще два! та три!.. О, о, яки велики пузыри пускае! Великий чоловик буде. А мамка буде старенька тай беззуба, а сыну скаже: ну, стара, садись до стола, буду кашей тай саломатой годуваты. Степан, Степан, та шо ж ты спишь? Та проснись, сын гуляе...

— Постой!.. фу-у... не трожь, пусти... спать хочу...

— Та, Степане, проснись же, сын гуляе. Який же ты неповоротливый! От я тоби сына кладу. Таскай его сынку, за нос, та за губу, от как! от как! Батько твий не нагуляв ще бороды соби и усив, так ты его за губу, за губу таскай.

А в темноте сначала заспанный, а потом такой же радостно-улыбающийся голос:

— Ну, ложись, ложись, сынку, до мене, ничего тоби с бабой возиться, будемо мужиковаты. Зараз на войну пидемо, а там работать с тобой у паре будеме, землю годуваты... Э-э, та що ж ты пид меня моря пущаешь?..

А мать смеется неизъяснимо радостным, звенящим смехом.

Звон железа, лязг. Скрип повозок. Удары кнутов. Пулеметы, винтовки пачками. Крики:

— Но! Но-о!

— Куды лезешь?!

— Ось зацепил, дьявол.

— Вторая рота бего-ом!

Голос девочки. Мамонька, не то заря, не то пожар... Мамонька, страшно.

Солдат (*бежит, кричит*). Где наша рота?! Где наша рота!..

Женский голос (*надрывно, пробегает*). Василь!.. та Василь... куды без порток побиг?! (*издали*) Василь!..

Мальчишка (*другому*). Игнатка, а ноги у его волоса-атые!

2-й мальчик. Ды две винтовки за собой волокет.

Стрельба пулеметов, винтовок. Собачий вой. Испуганные восклицания. Гул повозки.

(*Пробегая, запыхавшись*) — Ну, братцы, загорелась станица, не вырвемся.

— Изрубят нас казаки.

Солдат (*пробегая, вдали кричит*). Иде батько?.. иде батько?

Издали: Возле хаты, що под вербами, там штаб.

Те же смятенные звуки. Пулеметы, винтовки. Пауза. Лошадиный топот обрывается.

Голос Приходько, соскакивающего с лошади. Лошадь отряхивается, звенит стременами, фыркает.

— Товарищ Кожух, казаки наседают от ветряков.

Кожух. Берегти патроны як свой глыз. Расходувать только в самом крайнем случае. Подпускать близко и в атаки без выстрелов.

Приходько. Слухаю, товарищ Кожух.

Слышно садится на лошадь. Удаляющийся скок. Кожух кричит вдогонку:

— Из первого полка возьмите полуроты, отбейте ветряки, поставьте пулемет.

Удаляющийся голос Приходько:

— Слуха-а-ю-у!..

Кожух. Не допуска-ай-те до садо-ов... не допускайте до садо-ов!..

Пауза. Снова скок с другой стороны.

Голос скачущего. Товарищ Кожух, там, в тылу, перед мостом бой идет. Из обоза мужики, беженцы, бабы лупят друг друга чем попадя: кнутами, кольями, топорами рубят друг у друга оглобли. Кажному хочется проскочить мост скорей, штоб из-под казачьих выстрелов уйтить, две забили мост повозками — ни взад, ни вперед.

Кожух (*кричит*). Катите у мосту пулемет.

Топот убегающих людей.

Далекий голос Приходько сквозь скок:

— Слу-у-ха-ю!

Подбегает запыхавшийся солдат:

— Батько Кожух, там столпотворение вавилонское идет!

Кожух. Що такое?

— Чешуть друг друга кнутами, кольями...

Кожух. Да хто?

Солдат. Да мужики, бабы ранены — костылями охаживают друг дружку. Казаки зачали стрелять, ну все и кинулись к мосту, весь обоз. Зарез весь мост забили — ни взад, ни вперед. Вот тут и зачались содома и гоморы: топорами рубят друг у дружку колеса, оглобли — кажный хочет прорваться, ну забивают еще больше. Кровопролития большая будет.

Кожух. Лошадь!

Удаляющийся скок. Некоторое время только отдаленная перестрелка. Небольшая пауза. Потом нарастает шум реки. Возгласы, крики, плач детей, вой, причитания баб. Удары кольев, топоров.

Задыхаясь:

— Куды… кудды прешь?!..

— Голову надвое сделаю…

— Заворачивай!..

— Хлопцы, та що ж вы мене мордуете?!

Бабий голос:

— Ой, батюжки… калаyур!.. сымубиство — колом спину мне расшиб, окаянный!..

Кожух. Стой! Стой!.. остановись… Назад повозки… выводи лошадей на берег!..

Кожух стреляет в голову лошади. Та падает на мосту.

Кожух. Скидывай лошадь, повозку — в воду. Опростай место.

Много разъяренных голосов:

— Га-а! Бисова душа!.. Животину портить. Бей его, христопродавца.

Голоса солдат. Тю-у! Сказылись… Чи стрелять нам по вас, по своим батькам!

Звук стрекочущего пулемета.

Затоптали отхлынувшие. На секунду пауза. Потом много голосов:

— Ух, ты, колдун!

— Во стреляет!

— Як бы такие уси пулеметчики булы.

— У мене-то над самой шапкой, а не задел. Вот удивление.

Кожух. Скидывай повозку в реку!.. и лошадь.

Много голосов — послушно:

— Зараз!.. Зараз!..

Звук возни со сдвигаемой повозкой. Глухой плещущий звук падения. И еще. Шумит река.

Кожух. Взвод, цепью перед мостом. Винтовки на руку. Хто ослухается — на месте!.. Приходько, пропускай по две пары через мост.

Пауза, шумит река.

Приходько. Первая пара — марш!..

Грохот колес и стук копыт по настилу моста.

Солдат. От то порядок. Теперь вси отступим.

Грохот колес, стук копыт.

Голоса. Хлопьята, бачьте, море!

Солдат. Мамонька ридна, чого ж воно стиною стоит.

— Та сыынее!

— А на якой гори мы стоим! Бачьте, Новороссийск внизу нэ город, а щось як наплевано.

— Це придется лизти через стину?

— А спустылось с горы, воно там лежить ривно геть до самого до краю.

— Хиба ж нэ чув, як Моисей выводыв евреев с египетского рабства, от як мы теперь, море встало синею стиною и воны прошлы як по суху.

— А нам, мабуть, загородыло, нэ пускае.

— Та це через Гараську, у его новые чаботы, так щоб нэ размочило.

— Треба попа, он зараз всэ смаракуе.

— Положи его, волосатого, себе в портки.

— Ну, валяй, ребята, спущайся к морю.

Мимо поплыл грохот колес, стук копыт, скрип телег, множество торопливых шагов.

Мимо проходят голоса, сначала — слабые издали, приближаются, усиливаясь, потом слабеют в другую сторону.

— Коровы-то иноходью. Только рогами на веревке мотает. Вот потеха!

Слышен свиной, усиливаясь, ослабевая, голос.

— А свиньи, свиньи-то карьером несутся.

Смех.

Голос. Хлопцы, це броненосец на море стоит.

— Черный, как утюг.

— Та «Гебен» же, немецкий.

— Как бы он полоскать нас не стал.

Те же проходящие мимо звуки.

— От море и легло, як спустились, и ниякой стены нима.

— Эй, Гараська, теперь пропали твои чоботы: наскрозь промокнуть, як побредешь через море.

Смех по рядам. Уходит. Голоса проходящих.

Солдат. Хлопьята, зараз до Кожуха охфицер немецкий с «Гебена» был с двумя матросами, пакет батькови отдал. А в паксте приказ от немца, щоб вся армия, и обоз, и беженцы остановились у городе и ждали б распоряжения от него, а то стрелять им по нас. Кожух звелив нам быйстрийше иттить по шаше, щоб миновать город скорийше.

— Иш, чево захотел! Нэхай вин мени по за портками поцилуе и тоди не остыновлюсь.

Голоса:

— Эй, подтянись...

— Ребята, пошел! пошел!

— Лупи коров, нэ изжай карьером.

— Го-го! хо-хо! Во пошли: хвост крючком, спины другой и во все четыре ноги. Прямо скакуны.

Много голосов:

— Но-но-но-о!

— Ну-у пошли.

— Э-геть!..

Грохот колес, возгласы, удары бичей, громыхание повозок. Лай, визг собак. Хрюканье свиней. Все мимо.

Голос молодки на проезжающей повозке:

— От як мы поскакали, сынку. А ты покеда покушай. На мамкину сиську. О так. Пососи, пососи сыну мий.

Потрясающий гул морского орудия. Звуки смятения, стоны, крики, храп лошадей, мык коров; невероятный визг свиней. Стоны раненых.

Раненые. О-ох!.. смерть пришла...

Раненый. Братцы... братцы, решите живота... все нутро выворотило... нету мочи терпеть... добейте... братцы, милости прошу... добей-ей-те!..

Взволнованные голоса:

— Тащщи повозку... валяй в канаву... загородили.

— И лошадь туда! И лошадь туда.

Крики сзади:

— Пошел... пошел...

Бабы с плачем:

— Да куды вы лошадь.

— Все одно не станет. Волоки в канаву.

— Пошел! Пошел!

Потрясающий гул второго выстрела. Опять крики, стоны. Но, все покрывая, страшный крик молодки (со стороны справа — повозка та прошла прямо перед зрителем — и несколько слабее, чем прямо перед зрителем).

Молодка. Сыне мий!.. сынку мий!.. та що ж у тэбе головка запрокинулась?!. та що ж у тэбе в лобу тэмна дирочка (*по-украински*). Та на, на сиську... Бачь, як у мамки молоко бежить... Та що ж ты нэ бэрешь... Та що ж ты холодниешь?.. Та що вон о такэ зробилось?.. Ай-яй-яй!.. Людэ добри, та поможить... Калану-ар!!

Пауза.

Гул повозок. Торопливые шаги. Понукания. Удары бичей. Фырканье лошадей. Взвизги собак. Восклицания. Плач и голоса детей. Звуковая картина быстро двигающегося обоза мимо слушателя. Слабые нарастают звуки, постепенно затихают в другую сторону.

Голоса проходящих под скрип колес.

— Ннo и жара!

— На море неможно смотреть — блестит, аж бельмо.

— Дюже спешим, как в шею нас гонят. Ноги не успеваешь переставлять.

— А чево бежим: отседа — море, отседа — горы, а мы — по шаше в диречке бежим, — хто нас тронет?

— Ды Кожух! А чего гонит?

— Лошади падают. Вон вдоль обочины так и лежат.

— Ды я за нонешний день напиться не успел. Внутре все сгорело.

— А чево смотрим на Кожуха. Вон и командиры частей говорят — загнал армию.

— Ма-а-мо, пи-ить.

— Та вин с глузду зъихав, ций Кожух.

— Замордував всих.

— Тут и без казаков вси пропадем.

Пауза. Скрип. Стук копыт.

— Сто-ой на бивуак!..

Звуки останавливающихся повозок. Фырканье, ржанье усталых лошадей. Детские голоса, голоса женщин:

— Разводи костер.

— Иде котелок?

— Ребята, купаться.

Звуки стона.

Пауза.

— Ноченька звездная.

— И в море все звезды.

— Гля, вдоль моря — цоп огни, — почитай верстов на десять.

— Народу!

Пауза. Звуки стона. Песни, гармоники, балалайки. Голос Кожуха:

— Товарищ Приходько, собери на даче, которая у самого моря, командиров. Всих.

— Слухаю.

Шаги уходящего. Новые шаги.

— Это хто?

— Та я, товарищ Кожух.

— А-а, ты, Павло? С разведки? Ну що?

— Та дила, кровяные дила.

Кожух. Товарищ Вертихвист, дай огню.

— Та свеч нима.

Кожух. Цирковный огарок оставился?

Вертихвист. Зараз. Павло, спичку е? (чирканье спички)

— От готово.

Кожух. Та як? (*как — по-украински*)

Павло. Та що ж пробрався, у Новороссийск. По всих улицах казаки и охвицеры. Пригналы пивторы тысячи матросив, поставили та и кажуть: копыйте. А кругом пулеметы, два орудия, казаки с винтовками. Ну, матроси копают соби могилы, кидают лопатами. Молодые вси, здоровые. На полугоре народу набилось. Бабы плачуть. Охфицеры ходють с револьверами. Которые не швидко заступами кидають, стреляють ему в живот, щоб долго мучився. Энти копают соби, а которые с пулями в животу, ползают у крови, стогнуть. Народ вздыхае. Ахвицеры: «Мовчать, ви, сукины диты».

Пауза.

Голос солдата. Куды седла деть?

Голос Кожуха. В угол.

Звук сброшенных на пол седел.

Павло. Дуже дивчину мучили, ой, як мудровалы. Козаки, цила сотня... один за одним сгнущались над ней. Так и померла. Сестрой у наших у госпитали була. Стрижена, як хлопец. Босиком все бигала. Работница с заводу. Та ризва така. Нэ схотила тикать от раненых. У тифу богато лежало. Всих порубалы — тысяч с двадцать. Со второго этажа кидалы на мостовую. Ахвицеры, козаки с шашками по всиму городу шукалы. Всих до одного умертвилы. Богато залило увись город.

Пауза. Легкий прибой моря.

Кожух (*задумчиво*). Скилько народу погибло. И якого народу: це ж бойцы. (*Пауза.*) Ну, добре. Иды. Командиры йдуть.

Поднимающиеся по лестнице шаги командиров.

Командиры. Доброго здоровья, товарищ Кожух.

Кожух. Здорово живете.

Командиры. Звал нас?

Кожух. Надо обсоветоваться. Товарищ Вертихвист, расстели карту на полу.

Шелест расстилаемой карты. Пауза. Командиры, кто ходит, поскрипывая, кто:

— Дый-ка прикурнуть...

Кожух (*шепотом*). Товарищ Приходько, приведи солдат — делегатов от всех рот, артиллерии, эскадронов, от обоза.

Приходько (*шепотом*). Слухаю. (*Звук уходящих шагов.*)

Кожух. Я собрал вас...

Командир. Что собрал! Загнал ты все части. Загнал солдат.

Командир. Да у меня часть, не подымешь ее теперь.

2-й командир. А у меня, как пришли, завилились и костров не разводили — как мертвые.

3-й командир. Разве мыслимо идти такими переходами — этак и армию погубить невдолге.

1-й командир. Плевое дело.

3-й командир. Я, во всяком случае, не намерен рисковать своей частью!..

Молчание.

Кожух. Чи я командующий, чи вы?

Командиры. На нас, командирах, тоже лежит ответственность, и не меньшая.

Молчание. Разрастающиеся шаги сотни людей. Наполнили комнату, остановились.

Кожух. От всех частей пришли делегаты?

Загудели:

— Ото всех, товарищ Кожух.

Небольшая пауза.

Кожух. Вы, товарищи, представители рот, и вы, товарищи командиры, щоб вы знали, в яком мы положении. Сзади город и порт заняты козаками. Красных солдат там оставалось раненых и больных двадцать тысяч, и все двадцать тысяч истреблены козаками по приказанию офицеров, то же готовят и нам. Козаки наседают на наш ариергард в третьей колонне. С правой стороны у нас море, с левой — горы. Промежду ними — диря, мы в дире. Козаки бегут за горами, в ущельях прорываются до нас, а нам отбиваться каждую минуту. Так и будут наседать, пока не уйдем до того миста, где хребет поворачивает от моря, там горы высоко и широко разляглись, козакам до нас не добраться. Так дойтить нам около моря до Туапсе, от сиго миста триста верст. Там через горы проведено шоссе, по нем и перевалим опять на Кубань, а там — наши главные силы, наше спасение. Надо иттить з усией силы. Провианту у нас тильки на пять дней, вси подохнем с голоду. Иттить, иттить, иттить, бежать, бегом бежать, не спаты, не питы — тильки бежать з усией силы — в этом спасение, и пробивать дорогу, коды хтось загородить.

— Хлеба и фуража по дороге немае, треба бигты бегом до выхода на равнину.

Пауза.

— Выбирайте соби другого командующего, я слагаю командование.

Заговорили, задвигались, опять стали откашливаться, сморкаться, харкать, растирать ногой, оглядывались друг на друга.

Бригадный. Товарищ Кожух, мы все понимаем, какие трудности, огромные препятствия у нас на пути. Сзади — гибель, если мы задержимся. Необходимо идти с наивозможной быстротой. И только вы вашей энергией и находчивостью сможете вывести армию. Это, надеюсь, и мнение всех моих товарищей.

— Верно!.. правильно... просим!...

Поспешно откликнулись все командиры.

Командир конного отряда. Як же ж вам отказуваться, як вас выбрала громада.

Кожух. Добре, товарищи. Ставлю одно непременное условие, подпишитесь: хочь трошки неисполнение приказания — расстрел. Подпишитесь.

— Так что ж, мы...

— Да зачем?

— Да отчего не подписаться...

— Мы и так всегда...

На разные голоса замялись командиры.

Кожух. Хлопцы! (*железно стискивая челюсти*) хлопцы, як вы мозгуете?

— Смерть! — грянула сотня голосов.

— К расстрелу!.. бабке его! Хиба ж ему у зубы смотреть, як вина не сполняе приказания... Бей их!..

Солдаты опять зашевелились, поворачиваясь друг к другу, размахивая руками, сморкаясь, толкая один другого, торопливо докуривая и задавливая ногами цугарки.

Кожух (*сжимая челюсти, сказал, втискивая в мозги*). Кажный, хтось нарушит дисциплину, хочь командир, хочь рядовой, подлежит расстрелу.

— К расстрелу!.. расстрелять сукиных сынов, хочь командир, хочь солдат, одинаково... — опять с азартом гаркнули.

Кожух. Добре. Товарищ Приходько, пишить бумажку, нехай подписуются командиры: за самое малое неисполнение приказа али за рассуждения — к расстрелу без суда.

— А вы, товарищи, по местам. Объявите в ротах о постановлении. дисциплина — железная, пощады никому.

Солдаты, толпясь, толкаясь и приканчивая цыгарки, стали вываливаться на веранду, потом в сад, и голосами их все дальше и дальше оживала темнота.

— Ну, братцы, трогай.

Скрип повозок. Звуки движения.

— Но, но, ноо!... Ой, мати, родная! Да неужто на эти горы полезем?!

— А шаша, как змея, поползла.

— Гля, гля! Сами облака по верху ходють.

— Как вата.

— Про-опали последние лошади.

— Да как же не пропасть: жрать нечего, а тут надрываться.

— Да я сам третий день еды не видал — сколько наберешь кислицы в лесу, то и твое.

— А кто ее видал?

Пауза. Фон звуков.

Детский голос. Ма-амо! Йисты хочу.

Детский голос. Мамо, хлиба.

Детский голос. ...хли-иба...

Детский голос. ...ма-амо...

Женщина (*с злыми слезами*). Та дэ ж я его вам увозьму, як нэма ни кусочку.

Детские голоса, затихая, уходят.

— ...хли-иба!..

— ...йисты!..

— ...хли-иба!.. мамо... хли-иба...

Пауза. Фон звуков.

Женский испуганный крик:

— Василь!... та Василь! Коняка пада...

Испуганные мужские голоса:

— Нно, но, но!.. Га-а!.. та иди ты, дохла животина!.. Гей!..

— Держить ее за хвист... и за оглобли, помогай... а за морду тяни... Да тяни ты...

— Но-но!..

Слышно падение. Хруст ломающихся оглобель. Рыдание истерическое женщины. Плач детей.

Мужской голос. Пропали!.. ногами итить.

Звуки текущего мимо обоза и войсковых частей.

Женский (*рыдающий*) голос. Да куды мы теперь!... да все бросать?!

Мужской голос (*злобный*). Сымай детей, дура!.. видишь, все уходят. Одним оставаться в горах?! Сымай, а то морду разобью.

Женщина рыдает.

Мужской голос (*злобно*). Куды Иваську тянешь!.. недужный... все одно не донесем...

Женщина рыдает, дети плачут, уходят. Течет обоз.

Голос оставленного мальчика. Чево вы мене бросили?! шо мени пропадать тут голодной смертью!.. возьмить мене... мамо!.. тату!.. возьмить мене... дяденьки, возьмить мене... а-а... (*рыдает*)... нихто не хоче... все отворачивают... один... я... я... (*рыдает*).

Течет обоз. Войсковая часть.

— Шо ж хлопцы — половина лошадей пропала...

— Пешая конница...

— Скоро и мы полягаем по шише. Мочи нету итить...

— Хочь бы привал.

— Куды!! Кожух гонит без передыху...

— Вси копыта на сторону протягнэм.

Звуки проходящих частей.

— Гей, хлопцы! Що ж вы, як коты, що зъилы чужое мясо, хвосты опустили. Грай писни.

Звуки идущих.

— Та заводь грахомона, нехай хочь вин грае.

— Яка така пластинка? Ббим-бом... Кло-у-ны... артис-ты сми-ха... Чудно! а ну оставь.

Слышно, заводят граммофон, вставляют пластинку.

— Та нэ так. Ось сюды.

Граммофон начинает хохотать. Одни приходят, другие приходят. Женщины хохочут с рыданиями. Постепенно уходят, и все потухает. Пауза. Тишина. Медленный стук приближающейся лошади. Стук карьером подскакивающей лошади.

Приходько (*взволнованно*). Товарищ Кожух, там народ скозился.

Кожух. Шо такэ?

Приходько. Та хохочут вси, и старые и малые, и мужики, и бабы, и солдаты, и эскадронцы. Матери несут мертвых младенцев и хохочут. Которые с голоду, с устатку падают, на шаше лежать, а сами хохочуть. Аж страшно.

Кожух. Идем!

Удары плетей. Две лошади поскакали.

Пауза, тишина. Нарастает звук движущихся масс. Смутно слышен хохот, нарастает. Постепенно слышен нарастающий хохот граммофона. Хохот, звук шагов, телег. Скок лошади.

Кожух. Що таке?

Солдат (*сквозь смех и судорожную икоту*). Та, батько... от смиемся... ыык... ха-ха-ха...

Кожух. А-а, будь ты проклят! Замолчать!

Бьет плетью по пластинке. Лопнувший граммофон смолк. Хохот, уходя вдаль, смолк. Только стук, скрип колес, телег, шаги... Пауза.

Голос. Товарищи, перевал.

Вздох облегчения.

Солдат. Хлопцы, це батько полиз на скалу.

— И командиры з им.

Кожух. Товарищество! Спустились мы опять в родную Кубань. И наши близко, наша Красная Армия...

Все. Урра-а!!!

... а белые враги перегородили нам дорогу — ни проходу, ни проезду. Треба биться. Нам, товарищество, нэма чого выбираты: або тут поляжемо, або козаки сзаду всих замордуют до одного. Трудности неодолимые: патронов нема, снарядов к орудию нема. Брать треба голыми руками, а на нас оттуда глядят шестнадцать орудий. Но колы вси, як один... (*перемолчал, диким голосом*)... колы вси, як один, ударимо, тоби дорога открыта до наших!

Все. Як один!.. або пробьемся, або сложим головы.

Кожух. Добре, хлопцы. Теперь так. Все три эскадрона пойдут в обход города. Обход трудный. по тропинкам, лесами, скалами, ущельями да еще ночью, но его во что бы то ни стало выполнить. Обойти с тыла, ворваться в город — всех уничтожить.

Пауза.

Голос в стороне близко к слушателю:

— Ни одной лошади не вернется.

Дружно: Будет исполнено, товарищ Кожух.

Команда: Садись!!

Садятся в седла. Звенят стремена. Храпят, фыркают кони.

Команда: По-оэскадронно шагом арш!

Удаляющийся стук копыт.

Кожух. Пехотный полк...Товарищ Хромов, ваш полк спустите с обрыва к морю. Поодиночке проберетесь по каменьям к порту. С рассветом ударить без выстрела. Захватить пароходы на причале...

Голос (*сдержанно*). Один стрелок весь полк с каменюков поснимает...

— Слухаем, товарищ Кожух!..

Команда: По-олк...

Кожух. Два полка приготовить к атаке в лоб...

Пауза. Удаляющийся топот.

Кожух. Я поведу.

Пауза.

Ребенок. Мамо, хлиба у нас будэ?

Мать. Будэ, будэ, мий ласковый.

Ребенок. А Иваська наш теперь вмер, там, на шаше, в повозке?

Пауза.

Ребенок. Он без хлиба там остався?

Сдавленные, едва слышные рыдания матери.

Пауза.

Ребенок. Мамо, весь обоз мовчить. Сплять?

Мать. Сплять, сплять, сынку. И ты спи, бачишь, яка кромешна ночь, ничого не видно.

Пауза.

Ребенок. Мамо, а дэ тату?

Мать. Тату твий пийшов хлиба добувать.

Винтовочный одинокий выстрел. Потом пачками пулеметы. Ухнуло потрясающе орудие. Все это в отдалении.

Мать. Може, твово тату вже нэма.

Ребенок. Иваськи нэма и тату нэма?

Мать подавленно всхлипывает.

В отдалении разгорается сражение. Постепенно затихает.

Пауза.

Далеко «ура». Все разрастается. Затихает далеко. Лошадиный скок. Подскакавший кричит.

— Победа!! Победа...

Звук падения его с лошади.

Голоса. Та це Павло. Та у его кровь на голове. Берить его.

Пауза.

Голоса женщин в обозе. Пораненных, пораненных несут...

Голоса. Кладить сюда... На воз... на воз...

Стоны раненых. Пауза. Всхлипывания, причитания женщин.

Ребенок. Мамо, це убитых тамотко несут?А наш тату живый?

Мать рыдает.

Голоса. Кладить в ряд.

Голос. Складай руки на грудях.

Рыдания женщин. Длительная пауза.

Голос. Завсим рассвело.

— Наши возвращаются.

— Козаков, сказывают, поклали несть числа.

— А наших мало вот лежит?

Шум, шаги, говор возвращающихся со сражения.

— Ну як же ж вы лизли ни цию гору до козаков?

— Та як. Як подошли к скале, чуем, пропало дило: и к ним не влизем и не уйдем — всих перестреляют.

Кто-то засмеялся.

— Ни туды, ни суды.

— А батько дэ був?

— Та и батько ж — с нами лиз. Як долизлы до верху, осталось сажени две, прямо стиной. Нияк нэ можно — ни взад, ни вперед. А они нас поливают. Много народу нашего полягло. Батько вырвав у одного штык, устромив в скалу и полиз. И вси за ним стали штыки в щели втыскать, да друг дружке на плечи, на головы становиться, так и полизли. А тут як раз обходный полк та эскадроны в тыл им ударили, ну и пошло.

Женщина (*сквозь плач*). Треба наших похорониты, як подобает.

— За попом послали.

— Та вжеж гонють попа, бачь!

— И дьяка.

— Дьяк дуже гарный — пузо, як у кабана.

Молодой солдат. Ты бабку его за ногу, вашего попа.

— А як же ж, хиба без попа?

— Та Кожух звелив оркестр дать, шо у козаков забрали.

— Що ж оркестр. Оркестр — медные трубы, а у попа жива глотка.

— Та ни якого биса его глотка! Як зареве, аж у животи болить. А оркестр — воинска часть.

Голоса молодых солдат. Оркестр, оркестр!

Женщины и отдельные голоса старых солдат. Попа! Попа!

— Та пидите вы со своим попом пид хвист рыжей кобыле.

(*Заглушая*) — Оркестр! Оркестр! Оркестр!

Пауза.

Оркестр играет похоронный марш, постепенно уходят.

Плач женщин. Поют «Вы отдали все...».

РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–50. Автограф и авторизованная рукопись.

М.М. Ботвинник[34]

Первомайское выступление

1 мая 1934 г.

От имени многотысячной армии советских шахматистов горячо поздравляю всех трудящихся нашей великой Родины с радостным пролетарским праздником 1 Мая!

Шахматное движение в Советском Союзе непрестанно разрастается, оно охватывает уже много тысяч трудящихся, но это не все. Наше шахматное движение растет не только количественно, но и качественно. Успехи советских шахматистов на международных шахматных турнирах подтверждают этот качественный рост. Последний московский турнир не есть предел нашего роста. Я глубоко уверен, что в ближайшее же время в предшествующих турнирах мы будем иметь еще лучший успех. Задел этому — глубокая работа советских шахматистов над повышением своей шахматной квалификации.

Я зову всех пролетариев, идущих сегодня в колоннах многомиллионной демонстрации, включиться в изучение шахматного искусства. Каждый трудящийся нашей Родины должен хорошо играть в шахматы.

РГАФД. № ПН-152. Вр. зв. 01.55. Тонфильм.

Н.И. Бухарин[35]

Доклад о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР на Первом Всесоюзном съезде советских писателей[36]

17 августа — 1 сентября 1934 г.

...Мы наблюдаем огромный рост культуры в нашей стране — и экстенсивный, вширь, когда гигантские пласты новых людей поднимаются к настоящей культурной жизни, и рост этой культуры по вертикали, по интенсивному измерению этой культуры, рост этой культуры вглубь, сопровождающийся обогащением всех содержательных элементов человеческой трудящейся личности, которая в настоящий момент гораздо более дифференцирована вопреки всем клеветам наших врагов, чем когда-нибудь раньше, и которая сейчас выступает на мировую арену в качестве надежды, воплощения надежд всего человечества, стоящего перед великой угрозой, которую готовит ему капитализм.

Отсюда вытекает исключительное усложнение всех задач во всех областях, и совершенно естественно, что отсюда вытекает и необычайное усложнение тех задач, которые мы должны ставить на нашем литературном фронте вообще, на нашем поэтическом фронте в частности.

Совершенно не случайно, что в наше время, понимаемое в узком смысле слова, — я говорю о том периоде, который мы сейчас переживаем, — чрезвычайно резко подчеркнута проблематика качества решительно на всех фронтах. Проблема качества — это проблема разнообразности, множественности особенных подходов, индивидуализи-

рования, углубления работы и проч. Такова проблема качества в технике, проблема качества в области экономики, проблема качества в области руководства, проблема качества в области идеологии.

И если мы понимаем — а мы все безусловно понимаем — что поэтическое творчество есть один из видов идеологического творчества, что поэтическая продукция есть тоже своеобразная продукция и что поэзия независимо от того, думает ли об этом поэт или нет, есть один из крупнейших факторов общественного развития в целом (кстати сказать, и древние, скажем, греки, отлично понимали то, чего не понимают некоторые профессиональные литературоведы нашего времени, — прекрасно понимали общественно-воспитательную и воспитательно-боевую роль всей литературы в целом и поэтического творчества в особенности) — так вот, я говорю, если мы имеем в виду эту проблематику качества, то и для нашего поэтического творчества сейчас проблема качества, проблема овладения техникой поэтического творчества, проблема мастерства, проблема овладения литературно-культурным наследством и ряд таких проблем, которые касаются качественной характеристики, мне кажется, выдвигаются на первый план.

Это стоит в связи с общими задачами нашей страны в настоящий момент. В то время как капиталистический мир, побуждаемый развитием своих противоречий, чреват чудовищными катастрофами и все социальные барометры показывают бурю и грозу, в нашей стране происходит сказочно быстрый процесс вызревания нового, социалистического человека, и все проблемы строительства социализма — в том числе и его культурные проблемы — взлетают на новые, гораздо более высокие уровни...[37]

Развитие советской поэзии уже обнаружило такие ее черты, которые не могут не считаться большим завоеванием эпохи. На фоне капиталистического маразма, гипертрофированной и нездоровой эротики, пессимистической разнузданности и цинизма или же вульгарных потуг поэтических «расистов» a la Хорст Вессель[38] у нас выступает поэзия бодрая, глубоко жизнерадостная и оптимистическая, в основе своей связанная с победоносным маршем миллионов и отражающая огромные творческие порывы, борьбу и строительство нового мира.

Здесь нет ни мистического тумана, поэзии слепых, ни трагического одиночества потерявшей себя личности, ни безысходной тоски индивидуализма, ни его беспредметного анархического бунтарства; здесь нет покоя сытых мещан, гладящих холеной рукой вещи и людей, камерных финтифлюшек будуара и гостиной; здесь нет разнузданных страстей зоологического шовинизма, неистовых гимнов порабощения и од золотому тельцу. Советская поэзия имеет своих героев, свою тематику, она стала уже идеологическим рефлексом другого мира, который идет вперед, через победоносную Гражданскую войну, через великие классовые битвы, в огромном трудовом напряжении бесчисленных мускулов и нервов, умов, чувств и страстей — к все более четким формам новой, социалистической культуры.

Разумеется, процесс формирования поэтического творчества в нашей стране предполагал отнюдь не безболезненное рождение новой

тематики и новых форм и приемов поэтического мастерства. Классовая борьба, развившаяся в формах самых разнообразных, находила свое выражение и в этой сфере, и звону реальных мечей соответствовали удары мечей идеологических.

Многочисленные группировки, боровшиеся за утверждение и признание, имели и свой социологический эквивалент, хотя связь формы и содержания здесь неизбежно гораздо более сложна, ибо новый класс и новая эпоха, ставя на голову прежнюю социальную пирамиду, не уничтожают старого языка и законов его развития. Процесс изменения здесь не может быть по самому существу так же радикален, как процесс изменения производственных отношений или политической надстройки; поэтому изменение «содержательных» моментов (тематики) не стоит и не может стоять в точной пропорции с изменением формальных моментов искусства...

...Э. Багрицкий[39] писал про себя:

А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов, Сельвинский, Пастернак.

Это все замечательные поэтические индивидуальности, и на каждом из них следует остановиться особо.

Борис Пастернак[40] является поэтом, наиболее удаленным от злобы дня, понимаемой даже в очень широком смысле. Это поэт — песнопевец старой интеллигенции, ставшей интеллигенцией советской. Он, безусловно, приемлет революцию, но он далек от своеобразного техницизма эпохи, от шума битв, от страстей борьбы. Со старым миром он идейно порвал (или, вернее, надорвал связь с ним) еще во время империалистической войны и сознательно стал «поверх барьеров». Кровавая каша, торгашество буржуазного мира были ему глубоко противны, и он «откололся», ушел от мира, замкнулся в перламутровую раковину индивидуальных переживаний, нежнейших и тонких, хрупких трепетаний раненой и легко ранимой души. Это — воплощение целомудренного, но замкнутого в себе лабораторного мастерства, упорной и кропотливой работы над словесной формой, где материалом служат драгоценности «наследства» и глубоко личные — ассоциации и переплетения душевных движений.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку кликну детворе:
«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?
Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?»

У Пастернака мы найдем и теоретическое оправдание такой поэзии. Вот, например, «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,

Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Или, еще более резко, в стихотворении «Брюсову»:

Что мне сказать?
Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настежь в город дверь открыли,
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разорвали крылья?

И, наконец, обобщающее место («Другу»):

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста.

Вряд ли уместно здесь полемизировать против такой концепции по существу. Что были бы великие греческие трагики без «высших страстей»? Куда девался бы Аристофан? Как был бы возможен Шекспир? Или Гейне? Или даже Байрон, этот «лорд-карбонарий»?

Счастье Пастернака в том, что он далеко не последователен. Вслед за посланием к Брюсову он помещает великолепный панегирик, посвященный памяти Ларисы Рейснер; он воспевает «безумный» 1905 год в целой серии стихотворений; он пишет своего «Лейтенанта Шмидта», «9 января» — и все это в полноценных строфах настоящей поэзии. Он дал очень выпуклый образ Ленина.

Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами загривок,
Как шорох молньи шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол.
Как вдруг он вырос на трибуне,
И вырос раньше, чем вошел.
И проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот в комнату без дыма
Грозы влетающий комок,
Тогда раздался гул оваций
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце поддержек и преград...

И тем не менее даже в его революционных стихах, революционных по своему идейному смыслу, можно найти ряд подходов к этому смыслу через ассоциации, совершенно неожиданные и часто узко индивидуальные.

Пастернак оригинален. В этом и его сила, и его слабость одновременно. В этом его сила, потому что он бесконечно далек от шаблона,

трафаретности, рифмованной прозы. В этом его слабость, потому что эта оригинальность переходит у него в эгоцентризм, когда его образы перестают быть понятными, когда трепет его задыхающегося ритма и изгибы тончайшей словесной инструментовки превращаются, за известной гранью, в перепады непонятных образосочетаний, настолько они субъективны и интимно-тонки. У него можно найти бесчисленное количество прекрасных метафор, и дыхание его поэзии свежо и благоуханно. Вот сад, «обрызганный, закапанный миллионом синих слез»; вот лодка, пристающая к берегу:

Пекло, и берег был высок,
С подплывшей лодки цепь упала
Змеей гремучею в песок,
Гремучей ржавчиной — в купаву.

Вот ощущение времени: «Год сгорел на керосине залетевшей в лампу мошкой». Вот «Степь»:

Как были те выходы в степь хороши!
Безбрежная степь — как марина.
Вздыхает ковыль, шуршат мураши,
И плавает плач комариный.

Вот образ дождя в «Душной ночи»: «Лишь пыль глотала дождь в пилюлях». Замечательно тонки и «сушки с запахом рогожи», и нависшие ивы, что «целуют в ключицы» («Сложа весла»), и «пахнет сырой резедой горизонт» («Сестра моя — жизнь»...) и сотни других образов. Но что значит в «Возвращении»:

Чтоб щелкали с кольца
Клесты по канцеляриям
И тучи в огурцах
С отчаянья стрелялись.

Или в «Нашей грозе»:

В эмали — луг. Его лазурь.
Когда бы зябли — соскоблили.
Но даже зяблик не спешит
Стряхнуть алмазный хмель с души.

Игра на «ц» в первом примере и на «л» и «б» — во втором сочетается с образами, связанными ассоциациями, которые недоступны «обобществленному сознанию». Это уже нарушение законов сложной простоты. Таков Борис Пастернак, один из замечательнейших мастеров стиха в наше время, нанизавший на нити своего творчества не только целую вереницу лирических жемчужин, но и давший ряд глубокой искренности революционных вещей.

И. Сельвинский[41] — это в известной мере антипод Б. Пастернака. Это поэт большого поэтического голоса, рвущийся на просторы широких дорог, массовых сцен, где слышны крики, где топочут кони, где льется удалая песня, где бьются враги, где кипит живая жизнь и где история месит крутое тесто.

...голое мастерство слишком бедно, чтобы дышать ураганом эпохи... — говорит он на одну сторону. И на другую:

А вы зовете: на горло песне!
Будь ассенизатор, будь водолив-де!
Да в этой схиме столько же поэзии,
Сколько авиации в лифте.

Его лозунг: Бросьте, товарищи! Шире глазейте!

Это совершенно справедливо. Только жаль, что поэт — не без влияния критики — не всегда выдерживает свою собственную директиву и попытки работы — очень примечательные — над большими полотнами заменяет иногда рифмованной заводской стенной газетой. У Сельвинского прекрасна песня, опирающаяся на народную песню в точном смысле слова. Ее широкий размах, плавность ритма очень хороши, эта песня действительно льется сама.

Революционный флот стреляет (подражание старинной песне. «Как по морю, морю синему»):

Ну-ка, дуньте, боевые корабли,
Эх товарищи-братишки, корабли,
Так, чтоб окуни под камни загребли,
Рыбы-окуни под камни загребли.

Или песня «Заночуй, милочек», где «конница-буденница»:

Конив надувала,
Со двора съезжала,
Со двора съезжала-ла-ла да
Саблями бренчала;
Саблями бряцала,
Песней величала —
Конники за домики
Цокали сначала.

Сельвинский, опираясь на песню, на разные говоры, при тщательнейшей работе над словом, его звуковой и смысловой стороной, в своей «Улялаевщине» и «Командарме» дал значительные вещи, которые прочно войдут в историю нашей поэзии как один из самых крупных ее достижений. Но нам кажется, что напрасно поэт теперь, когда время «агитки» в стиле Маяковского уже прошло, повышает роль этой «агитки» в своем творчестве. Ему явно в ней тесно. Когда в «Электрозаводской газете» он пишет:

И снова жужжат за огнями огни,
И труд кладется на труд,
Словно в гортани налет ангин —
В печи на шарнирах круг, —

или когда там же мы читаем о женщинах завода:

Во-первых, подумайте — женщины.
Полторы тысячи женщин,

Звонких, как бубенчики,
Гордых, точно Ченчи, —

то это звучит фальшиво, неубедительно и даже — да простит нас автор — немного смешно, ибо бросается в глаза вся искусственность принудительного втискивания более широких ассоциаций, намеков и образов в прокрустово ложе заводской газеты, неизбежно имеющей свою специфику.

Сельвинский — несомненно революционный, очень большой, настоящий и притом культурный мастер стиха.

Н. Тихонов[42] интересен с различных точек зрения: он упорно расширяет самую область тем, проникая в отдаленнейшие части Союза, вовлекая в поэтический оборот кавказские, среднеазиатские и другие национальные мотивы; он упорно работает над стихотворной формой, и навсегда останутся в памяти прекраснопесенные его баллады, он глубоко продумывает самые основы мировоззрения, неразрывно связывая интеллект и эмоцию в поэтическом единстве. Это — «умный поэт» прежде всего.

«Двенадцать баллад» Тихонова замыкают в себе огромную и сдержанную суровую страсть. Это — романтика мужественная и уверенная, где поэт точно берет под уздцы рвущиеся во все стороны трагические и торжественные аккорды, соподчиняя их единой мысли, звучащей как лейтмотив музыкального произведения. Героика боевого долга — в «Балладе о синем пакете», доставленном на упавшем самолете:

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.
Сказал с землею набитым ртом:
— Сначала пакет — нога потом.

Очень сильна «Баллада об отпускном солдате», где дана замечательная картина боя:

...Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон...
Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд,
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

На «Махно» видно сильное влияние пушкинских «Песен западных славян»:

Понатешился батька посевцем.
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К синеусым молдавским панам.

«Смерть бойца» и «Баллада о гвоздях» останутся как один из лучших образцов тихоновского творчества, а заключительные строки по-

следней баллады: «Гвозди б делать из этих людей, крепче б не было в мире гвоздей» — становятся уже прочным историческим афоризмом.

У Н. Тихонова мы найдем смелые и оригинальные сравнения, меткую вязь слов, звуков и смыслов:

Пить чай, развалясь осторожно,
Так, чтобы маузер лег не под бок.
(«Люди Ширама»).

Или:

Их окружает дьявольская ночь
Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом.
(«Весна в Дейнау»).

«Местный колорит» дан в неожиданном образе:
И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон среди чарджуйских дынь.
(Там же).

Или о Тифлисе:

«То хвастал пышной тканью
Или зурной хвалебной,
То падал в серной бане
Снопом воды целебной,
Сбегая с головы,
Прокипяченной дрожью,
На каменные швы
У моего подножья».

«Поэмы» Тихонова всегда глубоки, но стремление вскрыть внутреннее содержание, черпнуть поэтическим ковшом подспудные струи жизни иногда выражается и у Тихонова в том, что образы и слова вяжутся им по слишком субъективным координатам. Очевидно, боясь быть слишком внешним или впасть в банальность, поэт иногда выходит за рамки общезначимого, и в свою очередь, нарушает законы «сложной простоты»...

Мы видели, что развитие нашей поэзии предполагает огромное повышение нашей поэтической культуры вообще. Нужно сказать прямо: наша поэзия иногда — как раз у людей, идеологически наиболее нам близких, — элементарна. Между тем одним из признаков значительного произведения является богатство ассоциаций и чувств, мыслей и намеков, которые оно будит. Если вы сравните целый ряд произведений наших поэтов с тем же Верхарном, вы увидите, сколько у последнего мыслей, часто даже философских, сколько проблем, сравнений, образов, сколько культуры. А у нас нередко рифмованный лозунг принимается за поэзию. Могут сослаться на Маяковского. Но печать времени в известной мере лежит и на нем, ибо жизнь усложнилась до чрезвычайности, и нужно идти вперед. Культура, культура и еще раз культура! Пора решительно кончать с групповой свистопляской и богемщиной.

Нужно помнить, что действительные великие мастера, даже люди «легкого дыхания», как Пушкин, наш замечательный гений, «беспечный» и «легкомысленный», был тружеником, эрудитом и стоял на самой вершине современной ему культуры. Нельзя от всех поэтов требовать, чтобы они были обязательно отличными философами и критиками. Не случайно одни делаются философами, а другие — поэтами. Последние работы академика Павлова объясняют физиологическую сторону этого явления. Но из этого не следует, что нужно отмести требования решительного по всему фронту подъема общей культуры поэтов и культуры поэтической. На теперешних уровнях оставаться нельзя. А те, кто хочет создать на деле «магнитострой литературы», те, вооружившись целомудренным отношением к искусству, должны сделать все, чтобы быть хозяевами во всех кладовых мировой культуры.

Хочу сделать еще одно замечание. Мне неоднократно приходилось встречаться с жалобами поэтов и вообще литераторов на то, что им кто-то не дает «развернуться» и потому что никто, никогда ни при каких условиях никому не помешает, скажем, изучать языки, которых наши поэты почти не знают; изучать иностранную литературу и литературу национальностей, живущих у нас, которой наши поэты почти не знают; знать нашу жизнь, и не только нашу, но и западноевропейскую, так, как ее нужно знать. И если мы берем для примера таких людей, как Александр Сергеевич Пушкин, так ведь каждый из нас знает, что уже в 14 лет он показал исключительную эрудицию, знание современной иностранной и русской жизни. А у нас, товарищи, этого с гулькин нос! (*Смех, аплодисменты.*)

С этим нужно кончать! Поэтому прошу вас, товарищи, не обижаться на кое-какие горькие слова, которые я вам здесь говорю. Давайте вместе с вами будем не только проникаться пафосом величайшей в истории человечества эпохи, но и сделаем для себя из этого вывод: мы должны идти к литературе большой, к литературе громадной, литературе, мощной по своему содержанию. К литературе действенной, к литературе, которая и по своему мастерству будет стоять великим горным хребтом в истории человечества и в истории искусства!

Я кончаю свой доклад лозунгом: нужно дерзать, товарищи! (*Бурные аплодисменты всего зала, переходящие в овацию. Крики «ура!». Весь зал встает.*)

Печатается по кн.. I Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 479, 491–492, 494–497, 502–503.

С.М. Третьяков[43]

Четыре победы
Радиообозрение

1934 г.

Диктор. Слушайте повесть о четырех большевистских победах. (*Музыкальная заставка.*)

Диктор. Слово начальнику Краснознаменного ЭПРОНа товарищу Крылову.

Крылов. На 100-метровой глубине работает советский подводник. Службе ни один водолаз в мире не спускался. 110 поднятых судов — 110 наших побед. Последняя победа — ледокол «Садко». Побился ЭПРОН над его подъемом: три раза поднимали понтоны тушу «Садко», но не выдерживали стальные стропы, и работа двух лет шла на дно. Ох, ты, чертова полундра! Но мы не отступились. Снова идут водолазы на грунт. Промывают новые 12 туннелей. Снова заскрипели стальные полотенца. Пошли компрессоры качать воздух. И вот наконец заколыхались ветки над понтонами, буграми пошла, пожелтела вода, взбурлила пена, и «Садко» всплыл. Слушай команду. (*Сигнал горна.*) «Боцман Дубровкин, с флагом на шлюпку. Смирно! Флаг на "Садко» поднять!» (*Сигнал горна.*)

Диктор. Слова командиру каракумского автопробега товарищу Мерецкому.

Мерецкий. Проверить советский автомобиль, пройти мертвую пустыню Каракумы был нам большевистский наказ. Республики Союза поднялись навстречу пробега. Советский каучук наших шин берегли первоклассные дороги [...]*.

Хлебная Татария встречала нас красными обозами.

Туркмены предостерегали на пороге пустыни: «Не забудь воду, товарищ».

Над хлопковыми полями колхозов звучало приветствие узбеков — нарядных, в шелку.

...Это имя сияло в приветственных кликах 14 разных народов, через земли которых лежали 10 000 км нашего пути. Помню, в степи у Аральского моря к нам подскакал казахстанец и потребовал: «Покажите мне Сталина». Мы объяснили ему, что на сталинских заводах сделаны машины, что сами мы большевики-сталинцы, но что лично товарища Сталина с нами нет. «Не верю, — ответил кочевник, — обманываете. Ваше дело — большое дело. А на земле нет такого дела, где бы ни участвовал сам товарищ Сталин».

(*Музыкальная заставка.*)

Диктор. Слово начальнику таджикской экспедиции товарищу Горбунову.

Горбунов. Мы штурмовали одну из высочайших горных вершин — пик Сталина на Памире. 2 км мы поднимались по отвесной стене, вбивая стальные крючья. Два наших товарища погибли на этом подъеме. Дальше мы шли снегами, ночуя в мешках на 45-градусном морозе. На плечах своих мы подняли двухпудовую радиостанцию на заоблачную высоту. Последние полкилометра пик штурмовали только двое: товарищ Абалаков и я. Четыре куска сахара и леденец — вот была моя порция за этот день. Я крикнул Абалакову: «Высекайте пещеру!» Но голос не долетел до него: так редок был воздух. На каждый шаг мы делали 4 дыхания. Шаг, аха, аха, аха. Шаг. Вот был ритм нашего восхождения. Каждые 10 шагов мы валились на снег, чтобы отдышаться. Пульс был, как у тифозного, — 50 ударов в минуту. Так шли

---

* Плохое качество звука.

мы 8 часов. Последние шаги мы ползли на четвереньках, не чувствуя отмороженных пальцев. Когда взошли на вершину, солнце закатывалось на зелено-фиолетовом небе, розовея над ледниками. Глубоко под ногами разбегались хребты на Индию, Афганистан и Китай. И не было кругом вершины выше пика, носящего имя того, кто сказал: «Нет крепостей, которых не могли бы взять большевики!»

(*Музыкальная заставка.*)

Диктор. Слово — командиру стратостата «СССР» товарищу Прокофьеву.

Прокофьев. Нас трое в металлическом шаре гондолы. За тонкими стенками 63° холода и фиолетово-черное небо. Еще рука моя чувствует пожатия, которыми мы обменялись, побив рекорд Пиккара. Склонясь на колени, Годунов ведет наблюдения за космическими лучами. Бирнбаум держит связь с землей. Наши голоса в гондоле глухи, как в погребе, и вдруг: «Говорит Рыба. Слушай Марс». Это по радио земля вторгается в наше безмолвие. Мы радуемся каждому слову. Прекрасно видим землю. Взлет медленнее был, 2 метра в секунду, метр, полметра, потолок. Эх, выше нельзя. Бирнбаум наклоняется к микрофону: «Слушай, слушай Земля. Говорит Марс. Передайте наш рапорт. "Товарищу Сталину, Ворошилову, Молотову! Экипаж первого советского стратостата успешно выполнил поставленную перед ним задачу и сообщает о благополучном завершении подъема на высоту 19 000 метров. Экипаж готов к дальнейшей общей работе по овладению стратосферой. Прокофьев, Бирнбаум, Годунов"».

РГАФД. № 44166. Вр. зв. 05.47. Грамзапись.

К.Э. Циолковский[44]

Первомайское выступление

1 мая 1935 г.

Из тихого скромного города Калуги позволю себе обратиться к первомайским пролетарским и колхозным колоннам с горячим отеческим приветом. Привет вам! Представляю себе Красную площадь столицы. Сотни стальных стрекоз вьются над головами идущих. Низко, низко проплывают сигары дирижаблей — мечта моей юности. Исполнение заветных и пылких моих фантазий, а пожалуй, и некий результат моих ранних работ. Птицам теснее становится в воздухе. И это стало возможным у нас лишь теперь, в последние годы, когда и партия наша, и правительство наше, и трудовой народ наш, когда каждый трудящийся Родины нашей советской — все, все, дружно принялись за осуществление дерзновеннейшей мечты человечества — завоевания заоблачных высот. Небывалый подъем. Прежде ничего подобного не было. Немудрено поэтому, что именно советские пилоты пробрались выше всех в загадочные слои стратосферы. Понятны и все другие высотные рекорды, легко объяснить и мировые рекорды наших парашютистов, и рекорды на продолжительность полета, и многочисленные проявления геройства наших славных завоевателей воздуха. Теперь-то я точно

уверен в том, что и моя другая мечта — межпланетные путешествия, теоретически мною обоснованные, — претворится в действительность. Сорок лет я работал над реактивным двигателем и был уверен, что прогулки на Марс начнутся лишь через многие сотни лет. Но сроки меняются. Не могу отказать себе в желании поделиться последней новостью, радостью моей. В качестве первомайского подарка вам недавно я сделал открытие, которое, возможно, сделает уже вас, виновников первомайских торжеств, свидетелями первого заатмосферного путешествия. Реализация моего открытия несомненно ускорит ход. Это активнейшее участие миллионов в деле завоевания высот. Юные летатели, так именую я карапузов с авиамоделями, детей у планера, юношей на самолете, — их десятки тысяч у нас.

На них я возлагаю самые смелые надежды. Они помогут осуществить мои открытия. Они дадут талантливых строителей первого межпланетного корабля. Они, герои, смельчаки, проложат первые воздушные тропы: трассы Земля — орбита Луны, Земля — орбита Марса, а еще далее Москва — Луна, Калуга — Марс.

Наверное, оркестры на площади играют сейчас «Все выше и выше...». Прекрасная музыка, хорошие, замечательно правдивые слова. Да, да. Все выше и выше забираются большевики на пользу всего человечества для того, чтобы легче дышалось, радостнее жилось. Для того, чтобы каждый пролетарий, будь то немец, японец, китаец, негр, так же радостно, смело и весело, как и вы, мог бы справлять первомайский пролетарский праздник.

Сердечный вам привет!

РГАФД. № П-241. Вр. зв. 04.50. Тонфильм.

Р. Роллан[45]

Вступительное слово к радиокомпозиции «Кола Брюньон»[46]

[Июль] 1935 г.[47]

Советским друзьям, всем честным трудящимся я приношу привет от рабочего моей страны, от товарища Кола из французской Бургундии. Он жил в давние времена. Но он сам любил приговаривать, да и у нас говорят на манер пословицы: «Жив, курилка».

Многое вы узнаете в нем такое, что вам известно по самим себе и по вашим соседям.

Мне нет нужды знакомить вас с ним. Он сам с вами познакомится, за словом в карман не полезет. Но, и не спрашивая у него разрешения, коротко вам скажу, что смысл его слов вот в чем: ежели человек крепко скроен, то с какими заботами он ни столкнется, домашними и общественными, урочными и неурочными, какие хлопоты ни пошлет ему небо и земля, злые люди, болезнь, несчастные случаи, холод, жара, град и пожар и даже война со всеми ее разрушениями, он твердо будет стоять на своем посту, он поспорит с бурями и аппетита к жизни от этого не потеряет. Наоборот, он признает еще, что борьба с трудностями придает только вкус жизни, что судьбе бросаешь вызов и судьбу свою переделываешь собственной рукой, да еще и посмеиваешься себе в бороду.

Хорошее дело — посмеяться. А откуда идет радость? Настоящая радость не в том, что за нас, не в том, что против нас, она — в тебе, она во мне, в нас, товарищи, в хорошем расположении духа, в гордом сознании, что мы крепки, и наши кулаки крепки, и сердце крепко. Радость — в любой любимой работе, радость — в работе на ниве всего человечества.

Мой бургундский Кола желает всем Кола Советского Союза прекрасной работы, прекрасного урожая, бодрости и веселья.

ГА РФ. Ф. 6953. Оп. 15. Д. 53. Микрофонный материал.

А.Г. Стаханов[48]

Праздничное выступление

Не позднее 7 ноября 1935 г.

Товарищи рабочие, работницы, колхозники, красноармейцы, научные работники! Разрешите мне от своего имени и от имени всех моих последователей в день 18-й годовщины пролетарского праздника Октябрьской революции передать вам пламенный горняцкий стахановский привет.

31 августа я дал 102 тонны угля. Мой почин вызвал новый подъем среди рабочих и показал наличие больших резервов у нас на шахте для высокого выполнения производительности труда. Наша работа заключается в том, что я и остальные товарищи опрокинули все расчеты существующих пределов производительности труда и показали ее такой, какую способен дать пролетарий великой Страны Советов, руководимой Коммунистической партией и вождем товарищем Сталиным. Стоит только сказать, что если раньше давали на отбойный молоток на шахте 14 тонн, то теперь даем 70 тонн. Это дает право заверить, что годовой план по углю выполним, а также Центральное Ирмино, где я работаю, выполнит план угледобычи к 1 декабря. Если большинство шахтеров будут работать так, как я и наши последователи, а они будут так работать, тогда угольная пятилетка в четыре года обеспечена.

Да здравствует 18-я годовщина Октябрьской революции! Да здравствуют лучшие люди нашей страны! Да здравствует ленинский ЦК партии!

РГАФД. № Ш-192. Вр. зв. 02.00. Шоринофон.

С.П. Злобин[49]

Сказка про московское метро, про иностранных специалистов, передовых технических капиталистов, про главного заграничного метрополита, про комсомольца Метрошку, однорукого шахтера Ивана, про московский геройский комсомол и про то, как лучший в мире метрополитен построили

Радиорассказ[50]

[1935 г.]

Нынче сказка — назавтра, глядишь, быль. Не та сказка, на чем старая пыль или которая обросла мохом... Сядет старик да начнет охать: «Ноет, мол, поясница, да колет в спину, да пожалуйте мне, деду, пол-

тину, а как пожертвуете, добрые люди, расскажу вам про то, чего никогда не было и не будет: как, мол, поросеночек яичко снес, как медведь, на веточке сидючи, соловьем щелкал, а я, старый, подслушал в оконную щелку... Обскажу, как жил добрый царь Горох, как беднякам помогает бог, как дураку легко живется и все ему в руки дается...»

— Довольно, старик, такой замазки, повелись у нас нынче другие сказки. Нынче сказка, назавтра, глядишь, быль. Слушайте!!! Как у нас по-новому сказки рассказывают. Говоришь, тебе по ночам не спится, ноет спина, свербит в пояснице. Сил у тебя, конечно, немного, ну, да не в дальнюю дорогу, садись вот тут на лавочку у порога, вот в эту избушку на курьих ножках... Садись. Будешь у нас ночным сторожем в проходной...

— Эй, товарищ, постой. Пропуск. Ну, проходи.

— Вот, дедушка, погляди: по этим книжкам можно во двор пускать, а без книжки — ни-ни. А то, мало ли, вредитель какой пролезет, контра...

— Я чего-то, сынок, за книжки, больно в них писано хитро...

— Это, дед, пропуск на шахту метро. Понял?

— А как его понимать! Чудно чего-то... В мозги-то не идет. «Метро» — говоришь? Хитро говоришь! Он что, кооператив али балаган какой. Там чего, табачку дают али представление показывают?..

— Эх, старик, слушай как у нас по-новому сказки рассказывают.

— Жил-был... Не так! Жило-было... Опять не то! Жила-была Москва.

Да, жила-была Москва. Сорок сороков церквей одних. Лавок, магазинов, кабаков — тьма-тьмущая... В Кремле — царь-колокол, царь-пушка... в магазинах — рябчики да тетерки, осетринка да севрюжка, пирожные да мороженые, соления да варения, пироги — каких свет не видел: с печенкой, с кашей, одно объедение!..

Наторгуется, бывало, купец на ярмарке, велит коней закладать, да верст за пятьсот в Москву скачет: в кабаке — водки попить, в церкви — богу помолиться, в московской баньке помыться, пирогом московским закусить, наутро опохмелиться и сходить поглазеть на царь-пушку, царь-колоколу поклониться, а там — две-три морды разбил не жалея кулака, да пошел опять по кабакам...

Ну, была и другая.

Тоже в городе Москве, подальше от Кремля да от гостиного ряда, у края (чтоб с глаз долой) построили фабрики, мастерские, заводы, делали там всякую всячину, работали горбов не разгибая, пекли хлеба, обжигали кирпичи, шили штаны на разную мерку, а по воскресеньям ходили в церкву. В церкви, бывало, выходит поп, говорит:

— Вот ужотко все ляжем в гроб, а душеньки наши пойдут к богу. К богу пойдут, на страшный суд. И тому там удача будет, кто без удачи жил тут... Кто без спору и да без ропоту потрудится, тот на том свете блаженством насладится...

Ну, пока слушали поначалу, потом мало-помалу, день за днем слушать его надоело, и принялись тут за настоящее дело.

— А какое это, сынок, настоящее-то?

— Пропуск, товарищ. — Ступай.

— Ты, старик, не зевай. Сказка сказкой, а пропуска-то спрашивай.

— Да, настоящее дело такое: чтобы всем рабочим людям понять, что сами они землю пашут, дома строят и гостиницы с зеркалами и церкви с колоколами, и ситцы ткут, и штаны шьют на все размеры, и в солдаты идут, и подыхают от голода, от тифа да и от холода, и на войне гибнут на всякие манеры, а другого счастья им в жизни нету: родился, потрудился, тут твоя песенка и спета! Положут в гроб, побормочет поп, а на твое место поставят сына, на место сына — опять же внука, и не жизнь выходит, а скука да мука!

— Это, сынок, мне не толкуй, вишь — седины у деда! Этакой жизни я сам отведал. Хватит!

— Ну, ладно, послушай дальше. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много ли, мало ли годов прошло, все поняли, что надо бунт подымать и прогонять хозяев купцов, выгнали хозяев с их местожительства, да и посадили в Москве свое правительство. Вот, отец, тут присказке и конец, а дальше пойдет уж сказка. Ночь-то велика, пять часов целых осталось до смены. Слушай, расскажу тебе сказку о постройке метрополитена.

— В бывшем российском царстве, в Советском государстве стала жизнь идти вовсе по-новому. Как отбили от Советского государства генералов да полковников, атаманов да бандитов, гетманов да баронов, тут и оказалось, что всешеньки все-то в государстве покалечено: заводы изувечены, дома пушками поистрелены, села пожарами попалены, хлеба конями повытоптаны. И надо все заново устраивать. Тут все и взялись за работу — работали до седьмого пота, рук не кладя, новые заводы да фабрики строили, да машины ставили, железо добывали, да сталь варили, да уголь копали, да нефть из земли сверлили, да хлеб колхозом сеяли и построили-смастерили многое множество заводов. А какой завод без людей? Стали на заводы людей набирать, стали для них дома строить... И так повсюду повелось: была деревня — стало село, было село — стал городишко, был городишко — стал город, был город — стал городищем, а над всеми городищами городище пуще всех и красивей, город-столица вырос: народу понаехало — прямо беда! А улицы-то, улицы: все, бывало, на них аварии случаются — бежит автобус, на трамвай наскочит, бежит трамвай — на автобус натолкнется... Станут и бодаются, как козлы на узком мосточке, а то и так лбами треснутся, что искры полетят и дым пойдет... Ну, да сколько ни сшибались, а город еще строится. Этаж на этаж, этаж на этаж, не восемь — десять, не десять — так выше, по углам — балконы, а сверху — крыша. А на крыше поставят жердь и без всякого граммофона поет так, что прямо тебе смерть! Иной раз уж и слушать надоест, ты ее пробкой заткнешь, чтобы только замолчала, не найдешь пробки — забьешь тряпьем или мочалом, а из ней музыка как напрет, как пробку вышибет, как заголосит. Тебе и спать пора уж, а ты все пляшешь... Ну тут я, конечно, приврал, чтобы оно было краше: насчет пробки — это все так, буза. Вместо пробки довольно простого штепселя, да и поет она вовсе не всегда весело, иной раз читает доклады, когда-то про нужное, а когда и про то, чего никому не надо... Ну, в эта-

жах живешь, нужно слушать — на то тебе и привешены уши... Вот под марш под этакий, под отважный, под красноармейскую музыку на пользу гражданам, и конечно, тоже для прохлаждения эдаким ангельским голоском вычитывают по утрам правила уличного движения: с какой стороны идти, чтобы не попасть под трамвай, под автобус, как не скакать на ходу под автомобили и что даже для транспорта просто вредно, чтобы людей столько давили... Бывают и несознательные граждане, плохо слушают, а потом под машину на улице лезут...

Долго ли, коротко ли, обсудили все, обрядили и напечатали в главной газете объявление, что, дескать, присуждается тому большая награда, кто придумает исход тесного столичного положения. Чтобы дадут тебе, к примеру, перекресток и народ пустят: так вперед по улице пятьсот тысяч народу, пройти, никого не задеть, не обидеть, взад по улице пятьсот тысяч пройти — никого не задеть, не обидеть...

И стали тут думать все миллионеры, архитекторы, инженеры, вагоновожатые, летчики, шоферы, лифтеры, извозчики, пионеры — всем пользу сделать и премию получить охота.

Тут из Главного Совета объявка вышла, чтобы все со своими планами на большую Ленинскую гору на собранье явились. И сошлось народу видимо-невидимо, и стали все под дерево выходить да планы говорить, а за красным столом, под сиреневым кустом, десять секретарей, все в протоколы пишут.

Выходит перво-наперво летчик, и придумал он, чтобы все на самолетах летали. За ним — пионер: чтобы все рядами ходили и — в ногу, тогда, мол, порядок будет. Потом — шофер: чтобы вовсе запретили пешком ходить, да больше автомобилей сделали. Инженер: чтобы над перекрестками мосты построить, а понизу чтобы только одни машины ходили... Даже поп вышел со своей выдумкой, да как он голосу лишен, то голос его до других не дошел.

Так целый день говорили, да еще день, да ночь, да снова день. Тут и вышел однорукий шахтер. Одной рукой усенки щиплет, от яркого солнца щурится.

— Я, говорит, тоже по своей специальности придумал: выкопать под столицей такие шахты, как у нас в Донбассе, а в шахтах под землей вагоны пустить: одни трамваи будут поверху на улице бегать, а другие — глубоко под землей будут лошадей возить, так они никогда и не сшибутся.

Услышал это набольший столичный инженер. Подбежал он к Ивану-шахтеру, взял его за руку, повел его под сиреневый куст и посадил за красный стол, да и говорит всему народу:

— Что сказал нам сейчас шахтер Иван, то и строить надо — за границей давно уже такие пороги под землей построены и зовутся они метрополитеном, а иные попросту — метро называют и даже есть особый спец — главный заграничный метрополит, он метрополитены строит, это все дело в его власти, у него же и машины по этой части...

Собрались тут председатель с инженером и порешили: нельзя самим браться за новое дело, да народные денежки пускать на ветер,

когда есть по этому делу опытные люди на свете, и решили послать инженеров за границу специалистов звать и самим поучиться...

Тут набольший столичный инженер приоделся на заграничный манер, надел фрак, приколол инженерские знаки, даже в глаз хотел всунуть стекло, только много слезы с непривычки потекло.

Он и решил, что совать не след, сложил чемодан, купил билет и поехал за границу прямо в передовую техническую столицу...

Вошел в подъезд, подали ему подъемную машину, нажали техническую пружину, и понесла его машина этажей на двадцать. — Пешком в этакую гору сколько надо забираться? Поднялся он и в дверь стучится. Выскочил тут специалист, увидел инженерские знаки да как раскричится:

— Кто, говорит, вы есть? Лезете хлеб наш есть? Спущу вас так, что будьте покойненьки. Стучишь, будто живут тут покойники... Коль вы инженер, записались бы к нам смолоду, мы и так без работы помираем с голоду, а тут новые лезут хлеб отнимать...

— Да я, говорит инженер, приехал вас нанимать...

Иные специалисты без метрополита наниматься побоялись, а другие, посмелее — те враз и собрались. Мигом на поезд. Приехали в советскую столицу и за планы взялись. Начертили планы, развесили по стенам и зовут набольшего инженера.

— Планы готовы, говорят, давайте строить.

Посмотрел набольший инженер планы и говорит:

— Планы ваши, я думаю, годятся, а коль в чем не сгодятся — сделайте наново. А сейчас я к вам пришлю мастера нашего самого главного.

И шлет столичный инженер Ивана-шахтера. Приходит Иван. Глядят на него передовые технические специалисты и диву даются.

— Это вы главный мастер будете? — спрашивают.

— Я буду, — говорит Иван.

— А как же вы об одной руке можете?

— Я, грит, и об двух раньше мог, а теперь об одной-то и вовсе управлюсь.

— Ну, вот, говорят, вам ученые планы, идите да начинайте рыть котлованы, начинайте шахты копать, на земную глубь наступать.

Пошел Иван к большевистскому председателю.

— Надо, грит, людей собрать, чтобы постройку начинать.

— Мастеров, говорит председатель, возьмем из рабочего класса, из нашего угольного Донбасса, а простых рабочих клич кликнем.

И велел тогда председатель позвать к себе молодого парнишку, Метрошку, рождения 1910 года, слесаря механического завода, ну, конечно же, и пролетария, молодого ленинского коммунария. Кепка на затылке, синяя блуза, сапоги бутылкой, промаслено пузо...

И откудова-ниоткудова, оттудова да отсудова, с Кунцева да с Лунцева, с Останкина да с Полустанкина, с Солянки и с Лубянки, из Сыромятников, из Садовников, из Марьиной рощи да с Комсомольской площади повалила валом, не удержишь колом, армия: не американская, не испанская, не турецкая, не немецкая, не румынская и не польская — отважная армия комсомольская. Первый полк ведет Прошка,

второй полк ведет Трошка, третий — Гришка, четвертый — Мишка, нынешние комсомольцы, вчерашние пионеры, завтрашние всенастоящие коммунисты, в ряд — по десятку, а рядов — триста. Трубы над ними трубят, знамена шумят, идут комсомольцы — волосы кудрявые, руки у них корявые, голоса-колокольцы...

Стали тут комсомольцы шахту копать. Что ни час — то глубже да глубже. Перво-наперво — ямка, потом — яма, потом — колодезь, а они все роют. Подо дном колодца крепкий белый камень лежал, привезли динамиту, пробуравили в камне дыру, да еще дыру, в каждую дыру — по шнуру! Запалили, да как грохнули — только дым пошел... А под взорванным камнем, глядят, что-то пучится да мутится, словно бы кто живой шевелится. А это — плывучие пески с водой плывут: ты шахту копаешь, а пески ее засыпают. Стали ее тесом да камнем обкладывать, а сверху железом обшивать да бетоном заливать, а сами все глубже роют. Кончились, наконец, пески, пошла глина — сапоги в нее вязнут, ноги грязнут...

Выкопали они колодцы и пошли от колодцев походкой в стороны с разных площадей друг другу навстречу, чтобы под землей тютелька в тютельку встретиться. А по шахтам да по забоям ходят иностранные специалисты, передовые технические капиталисты, головами качают, глазами моргают, ничего не понимают. Как это люди, не слыхамши раньше и не видемши, так ловко план выполняют. Что они за день планов наделают — глядь, а за ночь комсомольцы все и выполнят. И пришли иностранные специалисты к самому большевистскому председателю, сняли цилиндры да котелки, достали золотые мундштуки, сели на мягкий диван, закурили табаку да и говорят:

— Так и так. Ваши коммунарии, молодые пролетарии, больно на работу падки. Мы с планами не поспеваем. Придется вам еще звать иностранных, передовых специалистов:

А большевистский председатель улыбается, очки поправляет, сам серебряным колокольчиком играет.

— Не надо, говорит, нам больше ваших специалистов, я вам своих пришлю в помощь.

— Где же это они у вас — от сырости завелись али из яиц вывелись?

— А вот узнаете, — говорит председатель.

И сидят завтра иностранные специалисты, да ждут. Выбрили начисто скулья, поставили венские стулья, приготовили вина шампанские, сварили макароны итальянские, напекли разных финтифлюшек, заграничных плюшек, нажарили «французских» лягушек, разбрызгали кругом одеколоны, расставили букеты да бутоны и ждут-пождут советской страны ученых, как вдруг приходят к ним Трошка, Прошка да Митрошка, да еще из Донбасса двое сыновей безрукого шахтера — Артем да Клим.

— Здрасьте, говорят. Это вы тут, што ли, с планами не поспеваете?

— Мы не поспеваем, а вы кто такие будете?

— А мы вчерашние пионеры, нынче комсомольские инженеры, молодые коммунисты, передовые технические специалисты, пришли вам помогать.

— Погодите, — это иностранные специалисты удивились, — вы ведь все в шахте забойщиками трудились, когда же вы инженерами стали? И где же ваши инженерские знаки?

— А мы, — это Клим говорит, — ночью в шахте, а днем в рабфаке, потом в техникум, а там в институт. Работали здесь и тут. Конечно, это не легко, а все-таки ушагали далеко. Ну, да что зря трепаться, давайте за планы приниматься.

Идут они по забоям, шаг за шагом берут с боем. Над ними ползут пески, течет вода, под ними вязнет глина, крепостями стоит известка, а в руках кирки. Ну да ребята за дело взялись, ух, как жестко! Бегут вагонетки, скрипят клети, глину да песок выносят. Что ни поднимут — целая тонна, а за день вытащут тыщи тонн.

Сменила Москва старинную рожу — стоит сама на себя не похожа. Выросли домища, а был, говорят, прежде плюгавый Охотный ряд. Где стояли церкви — раскинулись площади, автомобили, а прежде ездили лошади...

Сыплет кресты божья старушка, жалуется старушка старушке-куме.

— Комсомол, говорит, господи прости, и девки-то не в своем уме. Была у меня внучка Нюшка. Девушка на выданье. Я, бывало, ей: «Скоро уж замуж, детка!..» А теперь... господи Иисусе... чистая людоедка!... В шахту в эту ходит в штанах, работает землекопом, а надысь в воскресенье басом и говорит:

— Бабушка, говорит, переименовалась Прокопом!

Закрестились тут обе старушки, молятся о просветленьи землекопа Нюшки...

Долбят да долбят комсомольцы кирками, а забой все идет туго, никак не могут насквозь дойти друг до друга. Но все-таки силы держат, идут. А тут еще тревога случилась: кричат по городу страшную весть:

— Авария! Вода просочилась!...

А это по нечайности жилу водяную лопатой рассекли. Вода как хлынет снизу фонтаном — куда чертежи, куда планы. Из шахты хлещет, на город прет, по улицам целый водоворот... Как тут быть? Сейчас самые лучшие комсомольцы, что ни есть ударники, верные пролетарки да пролетарии, накинулись, как звери лютые, на эту аварию: дерутся смену, две смены, три смены, в воде по пояс, в глине по колена, гудят насосы водяные, работают ребята, как шальные. Жилу закладывают камнем, тесом, бетоном... На ногах не стоят, стонут стоном, а работу нельзя бросить...

Три дня, три ночи бились подряд, а как одолели воду, так наверх выбрались, да тут же, не пимши, не емши, на трое суток спать завалились. И такой от них храп пошел, что небу жарко. Все они спят, храпят, а иностранные технические специалисты ходят мимо да удивляются: сколько на свете не жили, сколько видов видывали, а такого не видали...

Стучат молотки, гудят машины, бегут молотки вперед да вперед. Слышут ребята — навстречу молоток бьет... Задрожали от радости

руки, крепче в стену навалились отбойные молотки. Тут и смена к концу подходит, сверху в шахту сменщики заходят.

— Ну-ка, говорят, пора, ступайте-ка, товарищи, по дворам.

А ребята не хотят отдавать молотков.

— Ну погодите, говорят, погодите, отдохните, говорят, еще посидите...

— Да ведь время пришло нашей смене, у наших ребят вовсе нет лени, зачем нам ждать, коли пора на работу стать?

— А на то, кричит забойщик, я вам отвечу: через двадцать минут устроим встречу...

Зашумели ребята:

— Нечего, кричат, лезть — не успели вы в свою смену, так нам и честь!...

Тут еще раз нажал забойщик на молоток — заработал воздух: «ток, ток», «ток, ток»... И рухнула стена...

— Нюша!

— Андрюша!

— Здорово, ребята!..

— Сюда бы гармошку!..

— Валяй без гармошки — дуй, пляши!

Метрошка бежит, бежит, спешит. Взбежал Метрошка, видит — прошли насквозь из шахты в шахту!

Кричит Метрошка:

— Да здравствуют молодые коммунисты!

В ответ ребята:

— Да здравствуют комсомольские специалисты!

Ура! Ура! Да еще раз — ура!

И вот для радости да для свиданья вызвали они все друг друга на соцсоревнование. Стали тут шахты расти да шириться, шириться да расти, стали под землей коридоры широкие, залы высокие. Машины жрут в сто глоток породу, дают пески, чавкают глину, грызут известку... Камни по штрекам динамитом рвут, динамитом рвут, в вагонетки кладут и наверх поднимают. Тонны да тонны, а вниз спускают тонны бетона. Скоро ли, коротко ли работали, до пота ли, до ломоты ли, только как сказали комсомольские инженеры, молодые коммунисты, передовые технические специалисты, так и вышло: и ровно через год готово метро на полный ход...

Не стерпел метрополит этого срама и прискакал на поглядку. Пришел он, конечно, на станцию, показал пропускную квитанцию. Тут его сторожа пропустили, и пошел он все обхаживать да обсматривать. А метрополитен устроен так, что любому метрополиту смотреть красота. Подходишь к лестнице-самокатке, ты на ступеньку только ступил — она тебя на этаж впустила. Ты — на вторую, она тебя на три этажа. Ты — на третью, а уж сверху тебя и голосом не достать. Думаешь — как в землю провалился, а кругом свет ярче солнца, хоть без единого оконца, цветы заморские цветут, воздушные трубы гудут, бегут по ним пахучие ветерки, с духами нерусскими, с одеколонами французскими, кругом залы мраморные, двери дубовые, скобки медные, белые колон-

ны, и бегут мимо поезда на сто вагонов. что ни минута, то поезд, что поезд — то минута. Ну, конечно, на станциях народу миллион, а кругом красота да чистота! Выходят все, конечно, на перрон, влезают все, конечно, в вагон, и каждому гражданину спокойно так, словно бы в царское время в полковниках!..

Увидел все это главный метрополит — как у него живот заболит. Прибежал он в Главный Совет, сел на кресло и говорит большевистскому председателю:

— И дедушка мой метрополитом был, и папаша метрополитом на всю границу метрополитен строил, ну, никогда и нигде не бывало, чтобы не слыхамши раньше и не видемши так ловко люди все дело сделали. В чем ваш главный советский секрет, дайте вы мне совет, как это работать так скоро да чтобы дело шло споро.

Встал тут председатель очень вежливо и говорит, глядя на метрополита:

— Очень все просто и ни от кого не скрыто. Наш главный советский секрет, что у нас метрополитов нет. И нет никаких хозяев, ни царя, попросту говоря, что сделали мы революцию. Тут тебе вся и революция...

А комсомолец Метрошка, молодой коммунист, передовой технический специалист, больше уж Метрошкой не называется, а зовут его все с почтением товарищ Митрофан, и встает он главным директором метрополитена. Вот по старой памяти поехал он на край столицы, на самый верх башни забрался и крикнул, что по всему капиталистическому миру слышно...

Всем, всем, всем! Говорит Москва! Советская столица! Принимайте радио со всех антенн: выстроили мы лучший в мире метрополитен. По такому радостному событию назначаем торжественное открытие. Закуски хватит на всех. Приезжайте без помех. А беднякам, у кого денег нету, тому особый почет — покупайте себе билеты за наш советский счет.

Лучшие гостиницы день и ночь открыты пролетариям всевозможных стран. Вместо главного метрополита красный директор Митрофан.

РГАЛИ. Ф. 2216. Д. 80. Л. 136–224. Подлинник.

Наказ сыновьям
Радиоперекличка

1 мая 1937 г.

Диктор. Внимание! Говорит Куйбышев, говорит Куйбышев! Предоставляю слово Федору Абросимовичу Лагоде.

Лагода Ф.А. Товарищи! Сегодня, в день радостного праздника, я хочу сказать несколько слов моим сыновьям, танкистам особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Дорогие мои Ваня и Митя, не могу передать радость. Я читаю сообщения о ваших успехах в боевой и политической подготовке. Сбылась моя мечта — теперь вы оба в экипаже одного танка. Я с гордостью всем рассказываю, что ты, Ваня,

стал водителем танка, а ты, Митя, командиром башни, мне это особенно приятно, потому что я хлопотал перед товарищем Ворошиловым о зачислении тебя, Митя, добровольцем в армию. Я обещал товарищу Ворошилову, что ты, как Семен, который погиб на боевом посту, не посрамишь семьи Лагоды, верой-правдой будешь служить народу. Сегодня мне хотелось бы быть вместе с вами. Признаюсь, скучаю о вас, но надеюсь, что скоро мы будем вместе. Вот провожу в армию еще Сергея. Попрошу, чтобы его также направили в вашу часть, тогда будет танковый экипаж из моих сыновей. После этого сам приеду на Дальний Восток. Хотя мне и много лет, но я еще крепок. Если потребуется, в бой пойдем вместе. Поздравляю вас с праздником, желаю здоровья, новых успехов в учебе. Любите свою Родину, как любит ее товарищ Сталин. Учитесь у него стойкости, непримиримости в борьбе с врагами. Передайте от меня привет братьям Исеевым и их отцу, Чуринову, Сочкову, Лукьянову и всем нашим землякам. Крепко обнимаю вас, до свидания!

Диктор. Внимание! Говорит Хабаровск, говорит Хабаровск! Предоставляем слово танкисту особой Краснознаменной Дальневосточной армии Ивану Федоровичу Лагоде.

Лагода И.Ф. Товарищи! Находясь на берегах Тихого океана, в рядах славной особой Краснознаменной Дальневосточной армии, я шлю всему советскому народу, своему отцу, родным, односельчанам боевой красноармейский танкистский привет. Заступив на смену своему брату Семену, который погиб на боевом посту, я с честью заступил на его место, защищая дальневосточные рубежи нашей Родины. Теперь я старший механик-водитель танка. Брат Дмитрий тоже доброволец, командир башни. Вместе с братьями Чуриковыми мы вступили на своей машине в соревнование с экипажем братьев-патриотов Алексеевых. Право участия на первомайском параде мы завоевали своей упорной учебой, успешным овладением машиной. На тактических учениях наш танк показал хорошие результаты. Большое спасибо товарищу Ворошилову, что он дал нам возможность служить на дальней границе нашей любимой Родины, где погиб наш дорогой брат Семен, защищая советские рубежи. Мы, бойцы особой Краснознаменной Дальневосточной армии, по первому зову партии и правительства готовы в любую минуту вступить на защиту священной земли нашей социалистической Родины. Да здравствует наша родная непобедимая Красная Армия, могучий оплот мирного труда народа СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции! Да здравствует товарищ Сталин!

РГАФД. № П-222. Вр. зв. 05.00. Тонфильм.

Возвращение героев

Репортаж с Белорусского вокзала

23 августа 1937 г.

Корреспондент. Здесь Москва, которая, как нежная и любящая мать, встречает трех героев, совершивших беспримерный подвиг и завоевавших мировой рекорд дальности беспосадочного перелета по

прямой[51]. Над колоннами подняты приветственные транспаранты, портреты героев-летчиков, портреты великого Сталина и портреты руководителей партии и правительства.

На транспарантах написано: «Под руководством ленинско-сталинского Центрального Комитета партии, под руководством великого Сталина вперед к новым победам коммунизма!»

Нарядное убранство площади перекликается с праздничным убранством улиц, по которым лежит триумфальный путь героев в центр Москвы.

В руках пришедших встречать товарищей Громова, Юмашева и Данилина букеты цветов.

Кажется, что площадь превратилась в какой-то гигантский сад, где цветут астры, гортензии и пестрят розы и левкои.

Вокзал обвивают зеленые гирлянды. В цветах трибуна, в цветах портреты героев. Над всей площадью возвышается гигантский портрет лучшего друга советских летчиков, великого учителя и вождя советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина, чье имя, чей образ вдохновлял к победе отважных соколов и чье имя звучит, как клятва новых побед и успехов сталинской авиации.

Большая стрелка на часовом циферблате показывает 16 часов 7 минут.

Экспресс, в котором едут товарищи Громов, Юмашев и Данилин, уже на подходах к Москве. Площадь ждет. Она замерла.

Слушайте наш микрофон, установленный на железнодорожных путях, по которым мчится экспресс. (*Звуки паровоза.*)

Корреспондент (*2-й голос*). Внимание! Внимание! Говорит второй микрофон «Последних известий».

Мы стоим у самой стрелки, и отсюда сверкающие под солнцем рельсы, разветвляясь на несколько путей, убегают на запад, к Смоленску, к Минску, в Негорелое, откуда стремительный норд-экспресс мчит в советскую столицу героев самого дальнего в мире беспосадочного перелета Михаила Громова, Андрея Юмашева и Сергея Данилина.

Триста метров отделяют наш микрофон от перрона Белорусского вокзала. Это последние триста метров на обратном триумфальном пути трех сталинских соколов от мексиканской границы, от Южной Калифорнии, Сан-Диего — к Москве.

Сегодня утром под Москвой прошел ливень, и свежеумытый перрон еще блестит от капель дождевой воды. Высокие чугунные колонны вокзала увиты гирляндами цветов. Огромные ворохи цветов сложены у подножия этих колонн. Благоухают георгины, астры, левкои, флоксы, гвоздики, и кажется, будто они только пять минут назад срезаны в садах и цветниках гостеприимной Москвы.

От края и до края вокзала, от празднично убранного перрона к далекой путевой будке, где теряются за поворотом рельсы, тысячи людей застыли в радостном нетерпении. Машинисты и смазчики, кочегары и уборщицы, диспетчеры и проводники, слесаря и сцепщики стоят у ворот депо, у проходных будок, на подножках маневровочных...

(*Гудок паровоза.*)

Вот сейчас прошел поезд, и сотни пассажиров смотрят из окон направо, ожидая появления норд-экспресса.

К четырем часам дня теплый августовский ветер развеял последние дождевые тучи над Москвой. Последние минуты ожидания. Музыканты вскидывают трубы.

Несколько детей, сгибаясь под тяжестью огромных букетов, бегут к месту, где должен остановиться салон-вагон.

Позади них встал дедушка русской авиации, друг и учитель Громова — Борис Иллиодорович Российский.

Во всю длину соседней платформы выстроились знаменосцы делегаций московских предприятий.

Начальник станции Москва-Белорусская т. Климович уже дежурит на платформе. Мы видим, как мелькают среди ожидающих его ослепительно белый китель и красная фуражка. Норд-экспресс будет принят на второй путь.

Среди встречающих мы узнаем отца Михаила Громова — Михаила Константиновича. Широкая плотная фигура, высокий большой лоб, маленькая седая бородка, улыбка ожидания на лице. Михаил Константинович — один из старейших и популярнейших железнодорожных врачей. На лацкане его пиджака значок «Почетному железнодорожнику»...

А рядом с Михаилом Константиновичем высокая и совсем еще стройная, несмотря на свои 60 лет, женщина. В правильных, прямых чертах ее лица, в энергичном овале подбородка мы узнаем знакомые черты славного первого пилота АНТ-25. Это мать Михаила Михайловича Громова — Любовь Игнатьевна. В ее руках первый привет сыну — букет цветов, только сегодня срезанный в маленьком садике в Лосино-Островской, где живут родители Громова.

16 часов 13 минут. Каждую минуту в диспетчерской Белорусского узла звенит звонок. Поезд стремительно приближается к Москве.

Он прошел через Издешково, где его радостно приветствовали лучшие льноводы Западной области.

Он прошел через Вязьму, где тысячи железнодорожников прокричали восторженно «ура» в честь лучших сынов Страны Советов.

Он прошел через Можайск и мчится сейчас мимо дачных мест. Дачные полустанки переполнены. Хотя поезд нигде не замедляет здесь хода. Со всех сторон к дачным полустанкам сбегается народ, чтобы прокричать привет летящему поезду.

Миллионы самых радостных улыбок обращены сейчас к поезду, который везет мужественных орлов советской авиации.

Внимание. Поезд подходит.

Вот до нас доносится его шум. Сейчас уж вы, очевидно, отчетливо слышите шум поезда. И вот из-за поворота выплывает красавец-паровоз.

Нарастающий стук колес. Гудок.

(*Шум колес паровоза.*)

И вот уже люди увидели салон-вагон, Громова, его голову, его плечи, его улыбку.

Корреспондент (*3-й голос*). Слушай, Москва! Встречай, Москва! Включаем наш третий микрофон, установленный как раз у того места, где остановился салон-вагон.

(*Музыка.*)

Едут герои-летчики. [Вагон] находится в конце поезда. Сейчас туда устремились все пришедшие встречать.

(*Музыка.*)

Среди встречающих мы видим Отто Юльевича Шмидта, Героя Советского Союза Бабушкина, Героя Советского Союза Белякова и многих других, которые вместе с отважными героями Громовым, Юмашевым и Данилиным работают в славной советской авиации.

Вот сейчас герои выходят из вагона. Первым показался Михаил Михайлович Громов.

Очевидно, аплодисменты встречающих заглушают сейчас мои слова...

РГАФД. № Ш-301 (1,4). Вр. зв. 20.45. Шоринофон.

Митинг молодых избирателей г. Москвы

Радиорепортаж[52]

9 декабря 1937 г.

Председатель. ...Вся наша молодежь будет голосовать за великого Сталина. Мы знаем, что, голосуя за Сталина, мы голосуем за нашу партию, за Советскую страну, за ленинизм, за торжество коммунизма, за свою настоящую, веселую радостную жизнь, за ее лучшее будущее.

Я призываю вас, молодые избиратели, в день выборов прийти к избирательным урнам и отдать свои голоса за лучшего человека нашего времени, за любимого отца и учителя товарища Сталина! Я призываю вас, товарищи, отдать свои голоса за верного сына нашей социалистической Родины, за Николая Александровича Булганина. Да здравствует наша непобедимая Советская страна! Да здравствует блок коммунистов с беспартийными! Да здравствует наш первый кандидат, Великий Сталин! Ура! (*Крики «ура», «Интернационал».*)

Товарищи! Разрешите митинг молодых избирателей Сталинского района, посвященный обращению Центрального Комитета Коммунистической партии, считать открытым. Слово для выступления имеет молодой избиратель завода № 24 товарищ Балдин.

Балдин. Товарищи! 7 декабря опубликовано Обращение Центрального Комитета... Мы накануне исторического дня, когда коммунисты и беспартийные с чувством глубокой любви подойдут к своим избирательным урнам, чтобы опустить бюллетени с именами лучших людей нашей Родины, с именами тех, кто всю свою жизнь, кто все свои силы посвятил делу освобождения человечества от рабства и гнета, с именами тех, кто увлекал за собой тружеников городов и сел на отвоевание у эксплуататоров того, что по праву принадлежит нам, что достигнуто трудом влачивших нужду и лишения. С именами тех,

кто сегодня показывает работы, разрушает пределы старых норм, кто создает самые большие урожаи, кто выходит на борьбу со стихией. В итоге огромного труда для расцвета и укрепления мощи нашей великой Родины мы получили самый лучший в мире закон. Закон, по которому человек является самым дорогим и ценным, кому даны все права цветущей и радостной жизни. Если раньше, в годы царизма, в годы свирепой эксплуатации, мои отец, мать, деды и прадеды влачили жалкое существование, ворочали черные пласты земли, чтоб получить кусок хлеба, то я, ровесник Октября, не зная ни рабства, ни гнета, жил и живу привольной и счастливой жизнью. Мы получили право на труд. Я имею две специальности: токарь и бухгалтер. Мы получили право на образование. Мать моя ввиду престарелости получает государственное пособие. В нашей стране широко открыта дорога к расцвету талантов. Сколько скрипачей, певцов, художников, архитекторов и композиторов вырастила наша страна. Сотни, тысячи стахановцев дают небывалые рекорды производительности труда. Я имею склонность к поэзии. В нашей стране должен и буду поэтом. Такой жизни нет и не будет, и не может быть в странах капитала. Такая жизнь здесь, у нас, где великим [утесом] стоит партия Ленина — Сталина, партия народа, партия, которая не в стороне от беспартийных, а вместе с ними строит новую жизнь. Вот почему мы, беспартийные, чувствуем любовь и уважение к нашей партии, ее великому вождю товарищу Сталину. Непартийные и коммунисты были, есть одно целое, [у них] одни цели, один путь, начертанный передовыми людьми человечества — Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Вот почему мы сегодня, как никогда сплоченные, отдаем свои голоса за партийных и непартийных большевиков...

Товарищи молодые избиратели Сталинского избирательного округа! Вы самые счастливые, кому выпала честь избирать первого и лучшего депутата в Верховный Совет Союза ССР — великого Сталина... (*Крики «ура», «Интернационал».*)

Председатель. Слово предоставляется молодому рабочему компрессорного завода товарищу Маневичу.

Маневич. Обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем избирателям» — это документ величайшего исторического значения, документ сталинской мудрости. Только партия большевиков могла создать такой документ. Только партия большевиков, ибо наша партия является подлинно народной. Интересы народа — это интересы партии. Вождь партии Сталин — вождь и выразитель воли и желания народа. Когда мы говорим «партия» — думаем «Сталин». Когда мы говорим «Сталин» — мы думаем «партия».

В жарком пламени больших боев,
В грозных бурях яростных сражений
Родилось великое движенье партии большевиков.
Всем векам насилия и гнета,
Всем векам нужды и власти злой,
Именем великого народа,

Именем и силою свободы...
Ты, как мать, взрастила поколенья самых смелых,
Полных дерзновенья, преданных родной стране людей.
Партия! Ты — жизнь всего народа,
Сталин — сердце всех большевиков.
От просторов Арктики холодной
До Памира голубых снегов
Покоренная легла природа
Славой храбрых Родины сынов.
Все, чем жизнь красива и богата,
Все, чем юность горда и светла,
Детство золотое всем ребятам,
Право на любовь, на труд, на радость
Партия большевиков дала.
Мы горды тобою, мать родная,
Сквозь века я вижу далеко,
Родина победная шагает,
Знамя большевистское взвивая,
Сталинскою твердою рукой.
Мы тебя сильнее жизни любим,
Жизнь твоя — народам жизнь и свет,
В мире силы крепче нашей нет.
Мы с тобою были, есть и будем
Защищать свои победы грудью,
Достигать невиданных побед.
Как же нам не радоваться счастью,
Вместе с партией большевиков
Выбирать верховный орган власти
Из народа преданных сынов.
Мы горды, и гордостью по праву пусть сверкают
Всей страны глаза,
Счастью Родины, ее великой славе
Отдаем прямые голоса.
Кандидату всей страны родимой
Лучшему и первому из них,
Сталину — он вождь непобедимый.
Сталину — он наш отец любимый,
Отдадим мы голоса свои.

Ура! (*Крики «ура», аплодисменты.*)

Председатель. Товарищи! Слово предоставляется члену ЦК партии большевиков, Генеральному секретарю Ленинского комсомола Александру Васильевичу Косареву.

Косарев А.В. Товарищи! Многомиллионный советский народ, народ нашей великой социалистической Родины выйдет к своим избирательным урнам и отдаст свои голоса за тех, кто ведет нашу страну к великим победам. Весь народ великой Советской страны отдаст свои голоса за партию, которая уничтожила буржуазию в нашей стране, вы-

рвала власть из лап фабрикантов, заводчиков и помещиков. Наш весь многомиллионный народ отдаст свои голоса за партию, которая построила и учредила в нашей стране новый строй, строй социализма. Вся страна будет голосовать за партию Ленина–Сталина. Наш многомиллионный советский народ отдаст свои голоса лучшему из лучших людей, лучшему борцу за коммунизм, отдаст свои голоса тому, кто уничтожил бедность, нищету, бесправие в нашей стране. Наш многомиллионный народ отдаст свои голоса первому кандидату в Верховный Совет — нашему вождю, другу и учителю, великому гению мировой пролетарской революции товарищу Сталину! (*Крики «ура», аплодисменты.*)

Товарищи молодые рабочие, молодые служащие, работницы и представители молодой интеллигенции, все избиратели Советского Союза! Наша советская молодежь с наибольшей радостью, с чувством наибольшей великой преданности отдаст свои голоса партии Ленина–Сталина и тому, кто всех нас воспитал, выучил, тому, кто всем нам создал счастливую, безмятежную жизнь — нашему учителю, вождю и лучшему другу, отцу советской молодежи — товарищу Сталину!.. (*Крики «ура», аплодисменты.*)

Наша молодежь не знает эксплуатации. Она не знает физического и морального угнетения. Вот почему молодежь всего мира нас с вами, товарищи, считает самой счастливой молодежью, самым счастливым поколением, потому что нас воспитала партия Ленина–Сталина. Она дала нам возможность работы, учебы, отдыха. Поэтому выходите в день 12 декабря к кандидатским урнам. Голосуйте за тех, кто дал нам счастливую жизнь. Голосуйте за тех, кто поведет всех нас к новым победам, к новой борьбе, к еще более лучшей, более счастливой жизни.

Товарищи! Идя к своим избирательным урнам, помните о величайших обязанностях молодого гражданина перед социалистической Родиной. Помните и не забывайте, что мы единственная страна социализма, что мы всюду, со всех сторон, окружены лютыми врагами, врагами, которые ненавидят всех нас, в том числе и нашу молодежь, бешеной, звериной злобой. Голосуя за Советскую власть, за партию Ленина–Сталина, за лучших людей нашей страны, помните о долге перед страной, крепите вооруженную мощь нашей Советской Родины, крепите обороноспособность нашей великой страны социализма. Помните о необходимости крепить нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Повышайте свою злобу к различным бухаринским, троцкистским шпионам, диверсантам, поджигателям. Пусть ни один враг не останется безнаказанным на нашей советской земле. Да здравствует, товарищи, наш великий, непобедимый советский народ! Да здравствует растущее могущество нашей социалистической Родины! Да здравствует партия, друг, руководитель и вождь, наш родной отец, наш великий товарищ Сталин! Ура! (*Крики «ура», «Интернационал».*)

РГАФД. № Ш-315. Вр. зв. 30.00. Шоринофон.

Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

13 декабря 1937 г.

Вчера, 12 декабря, по всей стране происходили выборы депутатов в Верховный Совет СССР.

Население показало огромную активность и организованность. Выборы начались ровно в 6 часов утра.

По сообщениям окружных избирательных комиссий, всюду к 16 часам проголосовало огромное большинство избирателей.

В 12 часов ночи выборы закончились. Участковые и окружные избирательные комиссии приступили к подсчету итогов голосования в Совет Союза и Совет Национальностей.

13 декабря Центральная избирательная комиссия будет иметь возможность сообщить о депутатах, избранных в Совет Союза и Совет Национальностей по СССР.

По предварительным данным, по городам и областям СССР принято участие не менее 95 процентов избирателей.

Центральная избирательная комиссия
по выборам в Верховный Совет СССР

Правда. 1937. 13 декабря. № 341. С. 1

В.В. Вишневский

Дом Сталина в Гори

26 декабря 1937 г.

Товарищи радиослушатели Советского Союза, мы начинаем сейчас передачу из Грузии, из города Гори. Мы находимся сейчас в историческом доме, где 21 декабря 1879 г. родился великий Сталин.

Прежде чем дать миллионам радиослушателей Советского Союза точное описание исторического дома, мы скажем несколько слов о самом городе Гори.

Город Гори основан в VII веке. Крепость Гори в древние и средние века была одной из сильнейших. На горе подымалось 35 могучих башен, сложенных из камня на известковом растворе. К крепости шли подземные ходы, имелись тайники, хранилища воды и припасов. В Горийской крепости мог держаться огромный гарнизон, до 50 000 воинов.

Из крепости открывается величественный вид на равнину. Равнина полна фруктовыми садами, виноградниками... на берегах рек богатая рыбная ловля. В речных зарослях неистощимое обилие дичи.

За 13 веков своего существования город Гори видел много войн, нашествий, осад, пожаров. На Грузию делали жестокие набеги иранцы, турки. Горийская крепость знала блестящие героические подвиги грузинских воинов. Они выдерживали осады и отбивали набеги жестоких орд. Здесь в многовековой борьбе выковывался смелый, рыцарский характер грузин, выше всего ставивших идеи верности, идеи защиты родины.

В XVIII веке, а именно в июле 1783 года, Грузия соединилась с Россией. Соединение было продиктовано интересами национальной самозащиты.

Город Гори был свидетелем многих исторических событий. Самым значительным из них является день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Это событие произошло в конце семидесятых годов прошлого века. Это была пора подъема революционно-освободительного движения и в России, и в Грузии.

Иосиф Виссарионович родился в семье простых рядовых грузинских тружеников. Отец Иосифа Виссарионовича — Виссарион Иванович занимался сапожным ремеслом. Сам Виссарион Иванович по происхождению крестьянин, родом из селения Диди-Лило. Он жил долгие годы в Гори. Мать Иосифа Виссарионовича, Екатерина Георгиевна, также грузинская крестьянка, родом из селения Гамбареули.

Товарищи радиослушатели СССР. Мы находимся сейчас в самом городе Гори, неподалеку от старинной крепости, которая возле города возвышается над Карталинской землей. Мы находимся в квартале, где некогда жила грузинская беднота. Мы стоим сейчас у самого дома, где родился Иосиф Виссарионович Сталин.

Товарищи, я опишу Вам этот дом — его должен знать каждый трудящийся мира. Дом этот совсем маленький, по фасаду всего только 10 шагов. Дом построен из простого плоского грузинского серовато-розового кирпича. На улицу выходят два небольших окна с двустворчатыми простыми рамами. До сего дня сохранилось старое проржавевшее железо подоконников. Сквозь окно я ясно вижу простое убранство комнаты, где родился, рос, играл, делал первые шаги наш великий Сталин. Но сначала внимательно осмотрим дом Сталина снаружи.

Вот входная дверь, вот остатки старой булыжной мостовой. Я говорю «остатки», потому что сейчас кругом прекрасный сад, мраморное убранство, водоем с кавказской прозрачной водой и вечнозеленые деревья. Трудящиеся Грузии, трудящиеся всего Союза бережно, любовно украшают и сохраняют исторический домик.

Мы идем по фасаду... Внизу забранные решеткой два оконца подвала. Там временами работал отец Сталина. У самой входной двери прямоугольный обточенный серый камень. Он лежит, как приступочка.

Теперь мы поворачиваем и подходим к крылечку деревянной террасы. Это был обыденный будничный ход для семьи, для гостей. У самого карниза сохранился до сих пор на небольшом железном листе номер дома — «№ 10». Терраска украшена точеными узкими деревянными балясинами. Слабо сохранилась белая окраска, а на опорных столбах еще видны два голубых пояска. Сделаем три шага по старому, истертому ногами деревянному крылечку — и мы у входа в квартиру. Крашеный красновато-коричневый пол. Местами непогода, а кое-где древесный червь тронули перила на терраске... Но это было в прошлом. Теперь этого не будет: народ так закрыл домик от холодных кавказских ветров, от дождя, что он сохранится на многие столетия...

Вот прямо перед нами вход в квартиру семьи. Здесь провел все свое детство наш Сталин. Снимем шапку, товарищи, и войдем в дом Сталина. Минуту помолчим.

Вот она, квартира Сталина. Это — единственная маленькая комната. Падает декабрьский свет в три окошка. Дверь раскрыта: дом гостеприимен. На двери висит колечко для висячего замка и маленькая медная, старого фасона ручка. Она подается, когда вы ее нажимаете. Дверь открыта, товарищи. Вот комната. Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только 4 человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашеных деревянных табуретки. На столе глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит старая, медная керосиновая лампа. Это она светила маленькому ученику горийского училища — Сосо Джугашвили, который стал теперь для мира Сталиным.

Вот кровать, покрытая двумя крестьянскими рукодельными покрывалами. Одно красное с черным, узорное, другое светлое. Лежит ковровая подушка и два ковровых валика. На стене висит бархатная «туфелька». В ней мать Иосифа Виссарионовича держала нитки, иголки, наперсток. Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось почти все имущество семьи. Вот стоит грузинский ящик для хлеба — «кидобани»... В комнатке, товарищи, тесно. Тесной и трудной была жизнь при старом строе...

В стену вделаны неглубокие шкафы для посуды, для одежды. На дверцах простая резьба. Вот, наконец, парадный кусочек комнаты. стоит маленький буфетец, покрытый желтовато-серой клеенкой. На буфетике медный начищенный самовар, небольшой круглый медный поднос, медная же полоскательница и фаянсовый, расписной чайничек. Он стоит, поставленный на конфорку самовара. Рядом, в деревянной черной оправе, круглое зеркальце с двумя подставками для свечей. Тут же, рядом с зеркальцем хозяйки дома, Екатерины Георгиевны, — большой, толстого стекла отцовский стакан на блюдечке. На гвоздике висит полотенце... Теперь особое внимание, товарищи! Вот наглухо закрытая, уже покосившаяся дверь. Эта дверь вела в половину владельца дома. Мир владельческий и мир тружеников были разобщены. Между ними была стена. Эта закрытая, заколоченная дверь — живой свидетель, памятник старых общественных отношений...

Вот, товарищи дорогие, и вся квартира, все жилище семьи, в которой родился великий Сталин. Стол, четыре некрашеных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар — вот и вся обстановка, все убранство. Поглядим его еще раз... Оглянемся на эту комнату... Сейчас мы перейдем в половину, где жил владелец дома.

Вот мы входим в это помещение. На стенах висят 5 фотографий. Вид старого Гори. Сплошь сады, одноэтажные и двухэтажные домики. И климат, и почва здесь, в Карталинии, благодатны, и фотография отлично передает живописные места. Вот чуть дальше висит портрет матери Сталина Екатерины Георгиевны. Она в национальном грузинском костюме, в головном уборе, в черном платке с белым кружевным

«лечаки». Лицо женщины полно энергии, силы и ума. На вас прямо глядят большие, темные глаза... Вот рядом портрет Владимира Ильича Ленина — с фотографии 1905 г., и тут же портрет 22-летнего Сталина, с фотографии 1902 г. Сталин снят в профиль, глаза устремлены вдаль.

Перейдем к другой стене. Вот висит снимок с метрики Иосифа Виссарионовича. Вот другой снимок: документ об отличном окончании Иосифом Виссарионовичем горийского училища. Это тогдашнее свидетельство с наивысшей оценкой: первый разряд. И над этими документами детства Сталина — замечательная его фотография. Иосиф Виссарионович снят учеником. Лицо юное-юное, ясное. Голова чуть откинута назад. Этот замечательный снимок относится к 1893 году. В ту пору Иосиф Виссарионович заканчивал горийское училище и собирался к переезду в Тбилиси — выходил в мир, навстречу борьбе, навстречу боям, навстречу рабочему классу... Фотография передает силу и мужество юноши, который глядит, ждет без страха любые испытания жизни...

Мы выходим из помещения, мы вновь на террасе. Мы видели почти весь этот домик, такой небольшой. Нам осталось еще посмотреть нижнее, подвальное помещение. Туда ведут семь ступенек. Спустимся — ступеньки идут винтом, полуповоротом. Сюда, играя, не раз сбегал, вероятно, резвый Сосо, как звали в семье Иосифа Виссарионовича.

Вот совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящихся на уровне панели... Простая некрашеная дверь из пяти досок, поцарапанных, со ржавыми гвоздями, висит железная скоба... Вот и подвал — низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина. В середине, подпирая балки потолка, стоит кривой черный столб. Вот три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов на зиму и разные домашние вещи. В стене совершенно черный от копоти очаг. Здесь в холодные зимние дни у огня грелась семья... Стоит единственная поцарапанная некрашеная табуретка. Вот и все, товарищи. Вот так, необычайно просто — до слез, волнующе просто, выглядит исторический домик, где родился, рос, играл и начинал учиться человек, с юношеских лет готовивший себя к борьбе, к великим делам во имя всех народов мира, наш вождь, наш великий Сталин.

Кругом сейчас ясный декабрьский день. Выглянуло солнце. Почти рядом древняя крепость. На горах Кавказа белые пятна туманов и снегов. В тишине стоит исторический домик. Его сохранило время, подчиненное теперь нам, советским людям. Этот дом сохранен трудовым народом, сохранен для того, чтобы десятки поколений — мы, современники, наши дети и будущие поколения — могли здесь, у города и древней крепости, видеть место, где родился великий Сталин.

Домик этот стоит десятилетия. Его не разрушило страшное горийское землетрясение 1920 года. Теперь его не сможет тронуть ничья рука, ничей умысел. Дом Сталина здесь, на неприкосновенной, священной советской земле, здесь — на благодатном Кавказе!.. Вот они

стоят, могучие вершины Кавказа. Это наша социалистическая земля, товарищи. На этой земле наш Сталин. На этой земле ширится наше правое дело — дело освобождения всех людей…

Стой же здесь многие и многие века, маленький домик, в котором родился Сталин. Стой и напоминай людям о том, что каждому из нас надо быть всегда мужественным, всегда волевым, всегда преданным народу… Таков Сталин, который родился здесь, в этом доме[53].

РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1181. Л. 8–15. Машинопись с авторской правкой.

М.Е. Кольцов[54]

Убийца с претензиями
Выступление у микрофона

6 марта 1938 г.[55]

Расчет его довольно ясен.

Конечно, о, конечно, он, Бухарин, с готовностью принимает на себя ответственность за все, по совокупности, преступные деяния «право-троцкистского блока», принимает их как один из руководящих лидеров его...

Это заявление Бухарин повторяет надоедливо, много раз, не понимая трагикомичности своих слов. Ведь этой «готовности» нести ответственность грош цена теперь, когда изменника и шпиона, фашистского агента наконец полностью разоблачили, уличили, засадили за решетку и теперь, на скамье подсудимых, публично, всенародно просвечивают ослепительным прожектором наркомвнудельского следствия, прокурорского допроса. Где была у изменника и убийцы Бухарина эта «готовность» годы и годы, когда он маскировался, увиливал, отмежевывался, проливал слезы, каялся, лгал, лгал и лгал?..

Но не в этом дело. А дело в том, что и сейчас, даже сейчас, подводя последнюю черту, придя к конечному пункту своего позорного и страшного пути, даже сейчас Бухарин виляет хвостом, даже сейчас недоговаривает, юлит и блудит.

Принимая ответственность за нескончаемую цепь кошмарных кровавых преступлений, каких не знает история, Бухарин имеет претензию и старается своей конкретной уголовной ответственности неуловимо придать какой-то все-таки отвлеченный, моральный, идейный, чистоплюйский характер. Прием этот не удается, его без труда подмечают суд и прокурор, но как дополняющая черта в облике правотроцкистской политической проститутки прием этот очень характерен.

Бухарин, изволите ли видеть, занимался только «проблематикой общего руководства и идеологической стороной».

Очень осторожно, с невинным и ужасно искренним видом Бухарин старается провести грань между собой и своими сообщниками, ныне соседями по скамье подсудимых.

Другие убивали, вредительствовали, шпионили — он, следует понимать, по характеру натуры и складу ума, только мыслил, теоретизи-

ровал, изучал «проблематику руководства», но к прозаическим, к грязным, к кровавым делам прямого касательства не имел.

Этакий гнусненький христосик во стане грешников. Этакая валдайская девственница в правотроцкистском публичном доме...

Нужно ли напоминать, насколько эта хитрая, блудливая претензия на самооправдание опровергается обнаженной, чудовищной правдой предварительного и судебного следствия?

Верно, конечно, то, что словесный яд реставраторских, буржуазно-кулацких, фашистских идеек, формулировок и лозунгов Бухарина был таким же бандитским оружием, как пуля террориста, как стекло и гвозди и железные опилки, подсыпанные в муку, масло и молоко, как газ, которым вредители отравляли рабочих в шахтах.

Но ведь кроме террора «идеологического», кроме разговоров, идеек, статеек и лозунгов, были террор и шпионаж и вредительство вполне материальные, физические, ощутимые, и к ним «идеолог» Бухарин имел прямое, вполне сознательное, вполне конкретное отношение. Этот бандит ничем не лучше Шарантовича и Икрамова. Предатель ничем не чище Зубарева и Зеленского, их союзник и сообщник.

Именно это подсудимому Бухарину никак не хочется признавать.

Но придется.

Зал содрогается, когда прокурор тов. Вышинский задает вопрос Бухарину о его планах 1918 года — убить Ленина, Сталина и Свердлова. И обычно столь речистый, бойкий Бухарин еле слышным голосом, запинаясь, подтверждает, что вместе с бандой так называемых «левых коммунистов» хотел «арестовать на 24 часа» руководителей Великой социалистической революции. Он не склонен пока расшифровать подлинный смысл этого провокационного «ареста на 24 часа», но мы знаем о чудовищных убийствах Карла Либкнехта и Розы Люксембург, которых тоже арестовали на «24 часа» палачи германской революции вместе с ее предателями — германскими социал-демократами...

Весь зал холодеет, когда тов. Вышинский задает подсудимому Бухарину вопрос: известно ли было руководителям «правотроцкистского блока» о готовящемся убийстве Сергея Мироновича Кирова? И после уклончиво-отрицательных Бухарина и Рыкова ответов, в мертвой тишине, другой убийца — Ягода — выдает их причастность к неслыханному злодеянию.

И этот Бухарин, готовивший арест и убийство Ленина, Сталина, Свердлова, он же причастный к убийству Кирова, он же связанный с эсеровским террористом Семеновым, он же руководитель среднеазиатских бандитов — икрамовых, ходжаевых и прочих, он же шеф и начальник кулацкого террориста Слепкова, направляющий его на поднятие кулацких восстаний, — этот негодяй смеет говорить об идеологии, о теориях, о «проблематике руководства»!

Недаром прокурор начинает раскапывать возможные полицейские связи террориста и изменника Бухарина в период его разъездов по Австрии, Америке, Японии. Только грязный наемный агент буржуазии мог быть способен, тотчас же после приезда из-за границы, организо-

вать террористический заговор против великого вождя трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ленина.

Безнадежна претензия болтливого, лицемерно подлого убийцы Бухарина изобразить из себя «идеолога», заблудшее в теоретических ошибках создание. Не удастся ему отделить себя от банды своих соучастников. Не удастся отвести от себя полную ответственность за ряд чудовищных преступлений. Не удастся умыть свои академические ручки. Эти ручки в крови. Это руки убийцы.

Правда. № 65. 1938. 7 марта. С. 3.

Вступительное слово к литературному чтению отрывков из второй книги романа Алексея Толстого[56] «Петр Первый» «День боярина Буйносова» в исполнении В.С. Канцеля[57]

24 марта 1938 г.

Владимир Семенович Канцель пришел на радио пятнадцать лет тому назад.

Уже тогда ряд образов, созданных им в театре, получил высокую оценку советской общественности. Это были роли Тарелкина в «Отжитом времени» Сухово-Кобылина, роль Дромио в «Комедии ошибок» Шекспира, роль Наполеона в «Избраннике судьбы» и роль Бланко Поснета в «Суде Линча» Бернарда Шоу, роль лейтенанта Вессена в пьесе «Купите револьвер» Белла Иллеша. Первые же шаги работы на радио убеждают Владимира Семеновича в том, что новая техника открывает перед искусством новые возможности.

И он создает на радио ряд крупных вещей.

Радиокомпозиция «Новости Берлина» была оценена нашей печатью как выдающаяся работа, имеющая принципиальное значение не только для развития радио, но и для развития звукового кино.

Наряду с режиссерской работой Владимир Семенович выступает у микрофона и как исполнитель. Из ряда работ в этой области получили высокую оценку слушателей и печати такие передачи, как рассказ Москвина «Длинная Берта» и Гейневская «Зимняя сказка». Смелость, яркость, неожиданность замысла и средств выражения — вот что отличает эти работы.

Все, что создает Владимир Семенович на радио, подчинено одной основной задаче — все средства звукового воздействия организовать так, чтобы раскрыть смысл произведения.

Все эти годы Владимир Семенович продолжает работать и в театре актером и режиссером. Из ряда его актерских работ этого периода очень высоко была оценена роль Левинсона в пьесе «Разгром» (по одноименной повести Фадеева) в Московском театре Ленсовета.

Этот образ был признан одним из значительных образов бойцов революции, которые появились в театре к пятнадцатой годовщине Октября.

Из других ролей надо отметить роль писателя в пьесе «Азорские острова» Левидова в Театре сатиры.

Наиболее значительными режиссерскими работами Владимира Семеновича в театре были пьеса Бальзака «Гавань бурь», поставленная театром Ленсовета и прошедшая более пятисот раз, затем инсценировка «Сказок Андерсена», показанная на Московском и Всесоюзном театральных фестивалях.

Ныне Владимир Семенович — художественный руководитель Московского театра Наркомморфлота. В этом театре им поставлена пьеса «Живой труп» Толстого, опять привлекшая к себе внимание критики остротой и свежестью режиссерского решения.

Основными приемами чтения Владимир Семенович считает форму живого рассказа, форму интимной беседы, форму монолога от своего имени или от имени героя. Этой форме единого монолога-рассказа он пытается подчинить все части повествования. и описательные куски, и диалоги, и авторские отступления. Все последние свои работы на радио Владимир Семенович стремится обогатить яркими приемами выразительного рассказа. Так читает он Марка Твена, Джека Лондона, Генри, новеллы эпохи Возрождения, рассказы современных сатириков и т.д.

Так сделан им как режиссером, например, один из последних выпусков «Радиокрокодила» и «Повесть о детстве» Штительмана.

Владимир Семенович много дал литературно-драматическому вещанию. Любовное и ответственное отношение к работе у микрофона, которое всегда отличало Владимира Семеновича Канцеля, является залогом его дальнейших творческих успехов. Сейчас Владимир Семенович Канцель прочтет отрывок из второй книги романа Алексея Толстого «Петр Первый» — «День боярина Буйносова».

РГАЛИ. Ф. 2620 Оп. 2 Д. 1023. Л. 1–3. Копия.

И.Т. Спирин[58]

Обед на полюсе
Радиоочерк

1938 г.

Оказывается, что на Северном полюсе аппетит у людей нисколько не хуже, чем в средних широтах. В истинности этого утверждения легко убедится всякий, кто съездит туда. Что касается нас, первых поселенцев, то мы это важнейшее для науки открытие сделали сразу же после нашего прилета на полюс.

Не успели мы как следует пережить величие этого исторического момента и излить друг другу свои восторги и поздравления, как нам напомнила о себе самая обыденная житейская проза: храбрым аргонавтам, завоевателям оси земного шара самым прозаическим образом захотелось есть. Мы были голодны так, что готовы были растерзать первого попавшегося тюленя.

Вот тогда-то и предстал перед нами во всем блеске своих талантов Иван Дмитриевич Папанин. Пока мы размышляли, что бы такое поесть, он выгрузил на лед свой кухонный инструментарий, развел ад-

ский пламень ныне знаменитых «папанинских» примусов и, проделав серию таинственных манипуляций над какими-то тюбиками, пакетиками и коробочками, приготовил обильный обед, который оказал бы честь любому столичному повару. Эта виртуозность привела нас в такое восхищение, что мы тут же наградили его званием первого в мире шефа-повара полюса.

Иван Дмитриевич гордо носил свой пышный титул и несколько дней охотно кормил нас разнообразными и вкусными яствами. Но блаженство наше скоро кончилось. Прилетел Молоков, за ним — Алексеев и Мазурук. Лагерь разросся, и Папанину стало невмоготу одному управиться с такой, как он ворчал, «оравой». Наш титулованный повар подал в отставку. Тогда мы устроили совещание и решили перейти на децентрализованную систему питания. Отныне все должны были питаться на своих самолетах и каждый по очереди готовить пищу для всех остальных.

Какие это были обеды! Ни в одном ресторане, ни в одном меню невозможно было бы найти блюда, похожие на те, какие мы тогда изобретали. Тут были самые фантастические сочетания супов и щей, молочной лапши и мясного соуса и иные диковинные смеси, получившие название «сумбура в пище».

Все это изготовлялось из концентратов, которые впервые попали в наши руки, непривычные к обращению с этими новейшими премудростями современной кулинарии. Каждый экспериментировал на свой страх и риск, и поэтому нам часто приходилось есть жареным то, что испокон веков надлежало есть вареным, и наоборот. Дебюты дежурных поваров обычно кончались провалом, и, хотя чудовищные измышления их кулинарной фантазии поглощались без остатка, это не спасало их от расправы. Как только исчезал со стола последний кусок, незадачливый повар попадал под такой обстрел насмешек, что хоть беги с полюса.

Все это казалось мне забавным до тех пор, пока не наступил мой черед. Я принял сообщение о своем дежурстве без большого восторга и, предвидя неизбежную развязку, всячески пытался отбиться, предлагая совершить любой полет, сделать любой труднейший астрономический расчет вместо заранее ненавистного мне дежурства. Но все было напрасно: полярные пансионеры были неумолимы.

Дежурному повару полагался подручный — «кухонный мужик». Я выбрал себе механика Петенина. Его хладнокровие и настойчивый нрав внушали мне доверие. «С ним как-нибудь вывернусь», — подумал я. То же самое, видимо, думал и он обо мне, и мы приступили к приготовлению обеда с таким видом, как будто всю жизнь только этим и занимались.

— Ну, что будем варить? — спросил я у своего подручного равнодушным голосом.

— А что хотите, — ответил он мне в тон и стал наливать в примус бензин.

— Не сварить ли нам щи?

— Вчера были.

— Тогда, может быть, борщ украинский?

— Что борщ, что щи — разница небольшая. Уж лучше суп какой-нибудь...

— А что хорошего в супе? — возразил я. — Просто вода. Его и есть никто не станет.

— Смотря какой суп и как сварить, — ответил механик и взглянул на меня так, будто речь шла о предмете, изучению которого он посвятил всю свою жизнь.

Я заинтересовался и спросил с любопытством, как его варят, этот суп.

— Обыкновенно, — нисколько не смущаясь отвечал Петенин. — Взять мяса, картофеля, луку свежего... Когда он дошел до сметаны, я не вытерпел.

— Хорошо, но одного супа мало, — спокойно прервал я его.— Тут, говорят, недалеко за торосами водятся замечательные куропатки. Ты б пошел, пострелял на второе...

Петенин озадаченно взглянул на меня и отвернулся. Затем мы оба расхохотались и принялись со вздохом изучать наши концентратные возможности. Это были все те же «борщи украинские», «щи» и «рагу», втиснутые в бумажные пакетики, коробочки и тюбики. Вдруг нам попался пакетик без этикетки. Мы встряхнули его. Там был неизвестный нам порошок розоватого цвета.

— Придется пойти к Папанину, — сказал заметно заинтересованный Петенин.

Но, легкий на помине, Папанин явился сам. Он как раз совершал свой обычный обход лагеря, высматривая, не найдется ли на самолетах чего-нибудь, что могло бы ему пригодиться после нашего отлета. Мы кинулись к нему с нашей находкой.

— Иван Дмитриевич, что это за зелье такое? — начал Петенин.

— Сам ты зелье, — обиделся Папанин. — Это куриный порошок, замечательная штука. Его приготовили в Институте питания по моему специальному заданию. Из такой банки можно сделать...

И, дорвавшись до любимой темы, Папанин начал вдохновенно вычислять, сколько калорий и настоящих живых кур может заменить эта банка и какие замечательные блюда можно из нее состряпать. Например, куриные котлеты...

Куриные котлеты? Мы загорелись.

— Вот это да! — закричал Петенин. — Это вам не борщ украинский. Всех перекроем!

И наспех расспросив Папанина о способе приготовления этого впервые обнаруженного на полюсе деликатеса, мы бодро принялись за дело.

Ответственный процесс смешения порошка с водой взял на себя Петенин. Он священнодействовал при этом с таким видом, как будто ожидал получить из этой смеси по крайней мере сплав золота с серебром. «Разделку» фарша он доверил мне. Я благополучно справился с этой сложной задачей, и вскоре плоды нашего творчества весело шипели на огромной сковороде в виде аппетитных куриных котлет.

Но любоваться этим зрелищем пришлось недолго. Наши котлеты повели себя крайне таинственно. Они вдруг разбухли, расползлись и, слившись воедино, превратились в странную жидкую кашу. Мы в ужасе смотрели на эту метаморфозу.

— Тут что-то не так, — наконец очнулся я и испытующе посмотрел на явно растерявшегося Петенина. Он молча изучал последствия катастрофы, глубокомысленно ковыряя содержимое сковороды ножом.

— Ну, что там? — прервал я это философское занятие. — Забыл чего-нибудь положить?

— Сухари, — мрачно буркнул он в ответ. — Я забыл про сухари.

Сухарей у нас не было. Пришлось натолочь их из галет. Мы уселись друг против друга и принялись очень усердно колотить молотком по галетам, проклиная про себя ту несчастную минуту, когда нам взбрело на ум связаться с злополучными котлетами. Наконец сухари были готовы. Теперь обнаружилось, что ни я, ни Петенин не знаем, что, собственно, надлежит с ними делать. Мы рассудили, что правильней всего будет всыпать в останки погибших котлет. Расчет оказался верным. Мясная каша загустела, но... Новые котлеты развалились на сковороде еще быстрее прежних.

Дело принимало угрожающий оборот. Время обеда приближалось, а мы беспомощно созерцали бешено клокотавшее котлетное месиво, кляня капризы кулинарного искусства, перед которым даже тайны черной магии казались простыми и понятными, как азбука.

За этим занятием застал нас «сам» Бабушкин. Он заглянул в сковородку и, выдержав томительную паузу, уничтожающе произнес:

— Учиться надо, молодые люди. Котлеты надо раньше обваливать в сухарях, а потом уже жарить...

Мы снова, в третий раз, принялись за уже ненавистные нам котлеты. На этот раз мы погрузили их на сковороду с твердым намерением вышвырнуть вон в случае неудачи. Но Бабушкин оказался прав. Критический срок истек, а котлеты прочно держались на сковороде, аккуратные и массивные, словно выпиленные из дерева.

Мы были спасены и, облегченно вздохнув, с наслаждением закурили поодаль от примуса.

Вдруг мой подручный застыл с недотянутой до рта папиросой, затем отчаянно выругался и опрометью кинулся к примусу. Злосчастные котлеты не жарились. Примус потух. В нем выгорел весь бензин.

Онемев от бешенства, мы молниеносно ликвидировали новую аварию, налили примус до краев и накачали так, что чуть не вывернули шомпол. Теперь остывшие было котлеты выкинули новый вольт и начали отчаянно дымиться и трещать, грозя превратиться на наших глазах в уголь. Я кинулся убавлять огонь, сняв сковородку и поставив ее рядом с примусом, повернул краник и... едва успел отпрянуть в сторону. из переполненного резервуара фонтаном брызнул бензин и окатил все котлеты.

— Ну вот, — произнес страшным голосом Петенин.

Я только махнул рукой.

Наступил обед. В «кают-компании» (так назвали мы пассажирскую кабину самолета, игравшую роль столовой) на двух тесинах, положенных на перевернутые ящики, был «сервирован» обеденный стол. Проголодавшиеся Шмидт, Шевелев, Водопьянов и остальные жители Н-170 с шумом заняли свои места и принялись за икру, консервы, рыбу. Ели быстро. Страшный момент приближался. Надо было решать: либо сознаться во всех злоключениях, либо подавать котлеты с бензином. Пока все ели, мы не переставали спорить и совещаться на «кухне».

— Да что ты волнуешься, не понимаю, — убеждал меня злодейским шепотом Петенин. — Водопьянов как-то целую кружку чистого бензина выпил, и то ничего. Бензин — вещь безвредная...

— Эй, повара! — прервали нас крики из «столовой». — Темпы! Не видим обеда!

Петенин махнул на меня рукой, схватил сковороду и с невозмутимым видом понес к столу. Появление котлет вызвало бурю восторга. Все вскочили с мест и разразились удивленными возгласами и криками одобрения. Мы с Петениным скромно уселись у края стола, стараясь не глядеть друг на друга и готовые к близкому скандалу.

Наконец Отто Юльевич первым взял большую землистого цвета котлетину. Он надкусил ее, пожевал с задумчивым видом и, галантно кланяясь в нашу сторону, воскликнул:

— Браво, совсем как в лучших ресторанах!

Вслед за ним за котлетами потянулись и остальные. Я ровно ничего не понимал. Черт знает что! Я еще никогда не видел, чтобы еда исчезала с такой быстротой. Кают-компания расхватывала котлеты и поглощала их с такой жадностью и наслаждением, что просто завидно делалось.

— Отчего ты не ешь? — обратился вдруг ко мне Водопьянов, заметив мое странное поведение.

— Спасибо, что-то не хочется, — невнятно пробормотал я и, быстро отвернувшись, оживленно заговорил с Шевелевым. Но Михаил Васильевич не унимался и продолжал кричать через весь стол:

— Ты это благородство брось, а то ведь все съедим.

— Верно, что вы не едите? — подхватил еще кто-то, приставая на этот раз к Петенину.

— Да мы уже раньше поели. Штук десять наверное съели, пока жарили, — беспомощно отбивался наш подручный.

Я готов был убить его взглядом. Растерявшись, он продолжал нести какую-то чепуху и выдавал нас с головой. Уже кое-кто за столом начинал подозрительно переглядываться, зашептались... И крах наступил. На сковороде остались две котлеты. Один из обедавших встал и решительным жестом положил их передо мной и Петениным. Воцарилось молчание.

— Ешьте, — сказал кто-то грозно.

Сопротивляться дальше было бессмысленно. Мы переглянулись и, едва сдерживая смех, отчаянно вонзились зубами в распроклятые котлеты, заранее предвкушая противный сладковатый запах бензина. Кают-компания не сводила с нас глаз. Мы жевали и смотрели друг на

друга во все глаза. Что за чудо? Котлеты были чудесные и ничем не пахли. Проглотив последний кусок, я уставился на Петенина.

— Ну? — только сумел произнести я.

— Выдохлись, — мрачно ответил Петенин. — Совершенно выдохлись. Зря только мы не ели. Такая досада...

И мы рассказали все.

Долго еще хохотала вся честная компания над нашей трагической историей. А мы сидели голодные, мрачно размышляя об удивительном свойстве авиационного бензина бесследно улетучиваться из куриных котлет, сыгравших с нами такую каверзную штуку...

Микрофонные материалы ВРК для сектора литературно-драматического вещания. М., 1938. № 32.

Встреча на пограничной станции Негорелое[59]

Радиорепортаж

23 мая 1939 г.

Корреспондент. Теплая летняя ночь на 23 мая. Впереди, в темноте, в кустах белого тумана кажутся шапки цветущих яблонь. Направо — наша Родина, налево — граница с другим миром. Я стою на платформе пограничной станции Негорелое. У моих ног проходит рельсовый путь, по которому сюда из-за границы придет поезд с нашими героями-летчиками Владимиром Коккинаки[60] и Михаилом Гордиенко. Поблескивающие рельсы идут вдоль платформы, вот их последний блеск в луче прожектора, и затем они теряются в ночной темноте. Там дальше — линия границы, там дальше — пограничная арка, под которой проходят поезда. Здесь начинается родная земля — Родина. И вот здесь, на первой советской железнодорожной станции Негорелое, славных летчиков уже ждет горячая встреча с родными советскими людьми. Колхозники из колхозов им. Калинина, «Труд», «Ударник», пограничники, учителя местных школ, осоавиахимовцы — все, кто заполнил сейчас просторный перрон станции, встречают славных летчиков как своих родных любимых сынов. Алыми флагами разукрашена станция, любящие руки собрали для вас, героев, большие букеты цветов, в своих садах наломали чудесных веток сирени, черемухи. С минуты на минуту покажется поезд, везущий наших героев.

(*Шум вокзала.*)

Притихли все собравшиеся на встречу. Волнующие последние минуты перед приходом поезда.

(*Шум толпы.*)

Остаются последние приказания караулу. Смолкли последние голоса, раздававшиеся из взволнованных рядов встречающих. Все смотрят налево, на запад. Кто-то сейчас вышел из помещения железнодорожной станции, сказал: «Поезд идет».

Вместе с трудящимися пограничного поселка Негорелое здесь, у границы, встречают героев и их родные. Я вижу жену Владимира Константиновича Коккинаки Валентину Андреевну, жену Гордиенко. Они

стоят с букетами роз в руках. Голубой луч прожектора шарит в темноте на западе.

(*Шум приближающегося поезда.*)

Вот показались огни паровоза, сейчас паровоз выходит из-за поворота, вот я уже вижу его показавшимся из-за станционных построек. Паровоз вышел на прямую. Поезд идет к нам. Вы слышите сейчас приближение поезда.

(*Шум, стук колес поезда.*) Последние метры пути в родную страну.

(*Звук приближающегося поезда.*) Поезд остановился.

(*Шум паровоза, звуки оркестра.*)

Вот вышли Владимир Константинович Коккинаки, с ним Гордиенко. Идем навстречу. Здравствуйте, Владимир Константинович.

Коккинаки В.К. Здравствуйте!

Корреспондент. Советские радиослушатели приветствуют Вас на советской земле!

Коккинаки В.К. Спасибо!

(*Слышатся женские голоса.*)

Корреспондент. Здравствуйте, Михаил Харитонович! Советские радиослушатели приветствуют Вас дома.

Гордиенко М.Х. Спасибо! (*Отдельные голоса.*) Ну, держите пять!

— Здравствуйте!

— Спасибо!

— Ну, держите!

— На! Держи!

— Теперь ты держи!

Корреспондент. Владимиру Константиновичу и Михаилу Харитоновичу переданы букеты цветов. Сейчас мы идем к трибуне.

(*Голоса приветствующих.*)

Прошу Вас. Сейчас все, встретившие героев, направляются к трибуне.

(*Шум голосов, музыка.*)

Группа девушек в белорусских костюмах окружила летчиков, вручает им цветы.

(*Отдельные голоса.*) Пожалуйста!

— Спасибо!

— Не уроните, не уроните!

— Нет, нет!

— Завтра буду рад!

(*Аплодисменты, крики «ура», музыка.*)

Вместе с героями-летчиками мы поднимаемся на трибуну, устроенную на перроне вокзала.

(*Музыка, аплодисменты, голоса: «Так все поднялись?», «Сейчас, ребята».*)

Владимир Константинович не может справиться с букетами цветов, которые без конца передают встречающие.

(*Музыка.*)

Непредвиденное обстоятельство задерживает начало митинга. Владимир Константинович Коккинаки и Михаил Харитонович Гордиенко

заняты подписыванием приветственных телеграмм в адрес читателей многочисленных газет, представители которых встречают их здесь, в Негорелом.

(*Шум толпы.*) Начинается митинг.

Корреспондент. У микрофона от имени бойцов пограничной охраны товарищ Тиканов.

Тиканов. Товарищ Коккинаки, товарищ Гордиенко, Вам, бесстрашным сталинским пилотам, бойцы, командиры, политработники, пограничники и их семьи передают боевой чекистский привет.

(*Аплодисменты.*)

Горячо поздравляют Вас с благополучным завершением выдающегося перелета Москва — Северная Америка, с возвращением в СССР — нашу великую Родину. Мы, пограничники, вместе со всем советским народом искренне восхищаемся Вами, товарищи Коккинаки и Гордиенко, гордимся славой, которую принес нашей Родине Ваш новый подвиг. По пути, которым никогда не пролетал ни один самолет и все попытки лететь по которому кончались неудачей, Вы, советские люди, сквозь препоны — ветер, снег, дождь и туманы — бесстрашно, с огромной уверенностью в победе и в короткий срок провели советский самолет кратчайшим расстоянием, доказав реальность ближайшей связи СССР с Америкой через Атлантический океан, блестяще выполнив задание своего народа и товарища Сталина. (*Аплодисменты.*)

Перелет показал всему народу, всему миру могущество и силу советской авиации, мужество и уверенность ее пилотов, сталинских соколов, людей типа товарищей Коккинаки и Гордиенко, типичных представителей нашего героического народа, воспитанников большевистской партии и товарища Сталина. Товарищи Коккинаки и Гордиенко показали еще раз, что не кто иной, а именно советская авиация и ее люди решают труднейшие задачи мировой авиации, но они служат всеми силами не только науке и прогрессу человечества. Советская авиация, ее люди отдают все делу укрепления военной мощи нашей родины, во имя процветания коммунизма и освобождения всего трудящегося человечества от ярма фашизма, ига мракобесов и человеконенавистников. Ваш перелет, товарищи Коккинаки и Гордиенко, исключительный по его значению и трудности, новый подвиг советских людей, увеличивших славу нашей родины в области авиации. Он воодушевляет нас в нашей работе, в борьбе за отличные показатели в боевой и политической подготовке, за конкретные результаты в нашем трудном почетном деле — охранять священные рубежи нашей родины. Бойцы и командиры, партийные и непартийные большевики-пограничники включились в социалистическое соревнование имени 3-й сталинской пятилетки. Они взяли на себя обязательство охранять границы, как подобает советским патриотам, как охраняли и обороняли их герои Хасана.

Пограничники знают и понимают, что охрана советских рубежей от враждебного капиталистического окружения есть борьба за материальное осуществление генеральной линии партии и решений

XVIII съезда ВКП(б) и в этой борьбе они дают слово не отставать от всегда победоносного советского народа.

Так да здравствуют героические советские летчики товарищи Коккинаки и Гордиенко, умножающие славу своей родины — великого Советского Союза! Да здравствует могучий советский народ, породивший таких славных сынов, какими являются советские летчики товарищи Коккинаки и Гордиенко! Да здравствует вождь народа, вдохновитель новых побед в борьбе за коммунизм, родной и великий Сталин!

(*Крики «ура», аплодисменты, музыка.*)

Корреспондент. Слово имеет Герой Советского Союза товарищ Коккинаки. (*Аплодисменты.*)

Коккинаки В.К. Товарищи, самым тяжелым и самым томительным в нашем перелете было возвращение в Негорелое. (*Аплодисменты.*) Больше всего мы этого хотели. (*Аплодисменты.*)

И томительнее всего был обратный путь, хотелось скорее добраться сюда, до вас, до первых представителей великого советского народа — народа, который кует своими руками свое же счастье, народа, который стремится к тому, чтобы во всем мире засияла звезда коммунизма. (*Аплодисменты.*)

Великий народ творит героические дела, творит лучшую жизнь, о которой только можно мечтать на земле; народ, который без всякого исключения, весь в целом, является героическим народом; народ, который имеет прекрасные машины и хорошую авиацию. Все у нас, товарищи, идет к тому, чтобы как можно скорее добиться счастливой хорошей жизни. Я горжусь тем, что я сын советского народа. Горжусь тем, что я могу использовать своими руками то, что мне вручено народом, то, что мне вручено партией и правительством, выполнять ту работу, которая поручена мне. Вот за этот народ, за великий советский народ, за нашу партию и великого вождя народа товарища Сталина «ура!».

(*Крики «ура», звучит «Интернационал».*)

Корреспондент. Слово имеет товарищ Гордиенко. (*Аплодисменты.*)

Гордиенко М.Х. Товарищи, нам трудно сейчас говорить, трудно от того избытка чувств, которые получили по возвращении на Родину, от той встречи, от радости встречи с нашим великим могучим народом и представителями его — вами, здесь.

Я хочу сказать большое спасибо товарищу Сталину, партии, стране, которая дает нам такие могучие крылья, на которых мы в состоянии пересекать океаны на громадные пространства. Только в нашей стране и только наша страна имеет такие могучие крылья. Да здравствуют могучие крылья Страны Советов! Да здравствует наша пограничная охрана, держащая наши границы на замке! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует вождь народа товарищ Сталин! (*Крики «ура», аплодисменты, музыка.*)

Корреспондент. Митинг окончен. Наши герои-летчики Владимир Константинович Коккинаки и Михаил Харитонович Гордиенко

направляются назад, в поезд, который ожидает их по другую сторону станции Негорелое. Через несколько минут поезд отойдет от пограничной станции, чтобы идти триумфальным путем к столице Родины, к Москве. Передача со станции Негорелое окончена.

ЦГАЗ. СССР. № Ш–230. Вр. зв. 20.00. Тонфильм.

«Последние известия»
Сообщение ТАСС

26 июня 1939 г.

Начиная с 15 мая ряд иностранных газет, основываясь на неверных сообщениях штаба Квантунской армии, дают сведения о столкновениях между частями Монгольской Народной Республики и японо-маньчжурскими войсками. Японские газеты лживо утверждают, что эти столкновения вызваны нарушением монгольскими войсками маньчжурской границы. В то же время японские газеты хвастливо кричат о «больших» потерях, понесенных войсками и авиацией Монгольской Народной Республики.

На основании данных, полученных из штаба монгольско-советских войск в МНР, ТАСС имеет возможность сообщить проверенные данные о событиях на монгольско-маньчжурской границе.

В действительности на границе с Маньчжурией в районе озера Буйр-Нур произошли следующие события.

11 мая монгольские пограничные заставы, расположенные в районе Номон-Кан-Бурд-Обо (юго-восточнее оз. Буйр-Нур и 16–20 км восточнее р. Халхин-Гол), подверглись неожиданному нападению со стороны японо-маньчжурских войск и вынуждены были отойти на запад от границы к реке Халхин-Гол. Начиная с 12 мая в течение 10 дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные столкновения, в результате которых были убитые и раненые с обеих сторон. 22 мая усилившиеся японо-маньчжурские войска, попытавшиеся атаковать наши части и углубиться на территорию МНР, со значительными потерями были отброшены за границу. 28 и 29 мая японо-маньчжурские войска, получив свежие значительные подкрепления японскими войсками, прибывшими из Хайлара с танками, бронемашинами, артиллерией и с большим количеством авиации, вновь вторглись на территорию Монгольской Народной Республики. Подошедшими войсками Монгольской Народной Республики налетчики были разбиты и рассеяны. Оставив на поле боя много убитых, раненых и брошенного вооружения, маньчжуро-японские войска отступили на свою территорию.

В этом бою маньчжуро-японские войска потеряли более четырехсот убитыми.

Монгольская народно-революционная армия потеряла в этих боях 40 убитых и 70 человек раненых.

В числе захваченных документов трех разгромленных японских штабов, из которых один — штаб отряда подполковника Адзума, име-

ется подлинный приказ командира 23-й японской дивизии генерал-лейтенанта Камацубара из Хайлара от 21 мая. В этом приказе генерал Камацубара, между прочим, объявляет своим частям, что «дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гол».

Наряду со столкновениями наземных войск имели место также столкновения авиации. 28 мая группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох монгольско-советские истребители поднялись в воздух с некоторым опозданием, что дало противнику преимущество. В этом бою монгольско-советская авиация потеряла 9 самолетов, а японцы — 3 самолета. В конечном счете японские самолеты вынуждены были поспешно отступить на свои базы. 22 июня произошло новое нападение японо-маньчжурской авиации в количестве 120 самолетов. Монгольско-советская авиация вступила в бой в составе 95 самолетов. В этом бою были сбиты 31 японо-маньчжурский самолет и 12 монгольско-советских самолетов. 24 июня японо-маньчжурская авиация вновь предприняла нападение уже в количестве 60 самолетов. Монгольско-советская авиация приняла бой тоже в количестве 60 самолетов и сбила 25 японо-маньчжурских самолетов. В этом бою монгольско-советская авиация потеряла лишь 2 самолета.

25 июня не отмечено никаких инцидентов на границе МНР и Манчжоу-го.

Советско-монгольские войска занимают все пункты на границе с Маньчжурией восточнее реки Халхин-Гол. За весь период столкновений советско-монгольские войска ни разу не нарушали установленной границы, если не считать отдельных случаев, когда советско-монгольская авиация, преследуя японо-маньчжурскую авиацию, оказывалась вынужденной залетать на территорию Маньчжурии.

Красная Звезда. 1939. 26 июня. С. 2.

Б.М. Лапин, З.Л. Хацревин[61]

У Великой Китайской стены

Радиоочерк[62]

1939 г.

Картины из первых дней японско-китайской войны.

— Оставь меня здесь! Все равно я никуда не гожусь.

— Чепуха! Старайся идти осторожно... Опирайся на меня!

— Я не могу передвигать ноги... Оставь меня здесь!

— Давай я понесу тебя?

— Я слишком тяжел для этого... У тебя не хватит сил... Оставь меня здесь! Разве ты не понимаешь, что это конец?

— Неправда! Опирайся на меня, и ты дойдешь.

— Я уже бесполезен...

— Неправда! Ты еще будешь носить винтовку.

— Я пустой, как кисет без табака.

— И будешь воевать за народный Китай!

— Это только слова утешения. Оставь меня здесь! Ясно, что я кончился.

— Ты еще увидишь своих стариков, приятель! Ты мой друг! Я тебя никогда не оставлю... Держи меня за пояс! Идем!

— Эй, идем на склон горы!... Эй, по берегу реки!..

Двое взбирались вверх по склону. Раненый поминутно останавливался, с тоской глядя на тропинку среди высоких трав, которой, казалось, не было конца. Полчаса назад его ударило осколком в живот, и он чувствовал, что умирает.

Раненый с трудом стянул с себя ватную кофту и бросил ее на землю. Она скользнула в обрыв, как черный зверек.

Они медленно подвигались к перевалу. За высшей точкой горизонта был спуск. В долине они надеялись догнать товарищей, бойцов партизанского отряда.

Внизу, на широкой равнине, лишь кое-где исчерченной бурыми полосами сжатого гаоляна[63], по недавно покинутой китайскими бойцами дороге движутся обозы вражеской армии.

Три дня спустя газеты сообщали: экспедиционный отряд во главе с майором Исия занял после жестокого боя городок Хан-Ин. Китайские части, находившиеся здесь, отошли в холмы вместе с половиной городских жителей.

Утром японские солдаты были выстроены на главной площади. Оркестр играл гимн императору. На площадь выехал автомобиль, в котором солдаты увидели генерала, командующего фронтом. Он сидел откинувшись и смотрел куда-то поверх крыщ. У него было плотное, коренастое тело, круглая голова и стриженые седые усы. Его грубое лицо выражало холодную самоуверенность...

Войска кричали «банзай». Комендант города, низко кланяясь, отдал рапорт. Старшина купечества, не успевший вовремя скрыться из города, озираясь, поднес «семь белых подарков» — азиатские хлеб-соль. Генерал ответил короткой репликой. У него был отрывистый, крикливый голос. Дойдя до слов «верность нашей империи...», он перешел в тонкий, визгливый фальцет.

После парада майор Исия приступил к обследованию оставшегося в городе населения. Он проводил его планомерно, разбив город на участки. В недельный срок чинам внешней охраны было предложено представить список всех домовладельцев, а также людей с невыясненным имущественным положением.

В штабе день и ночь шли допросы арестованных китайцев. Здесь царствовало равенство перед лицом смерти. Во дворе транспортной фирмы, наспех оборудованном под кутузку, можно было встретить купцов и рабочих, врачей, студентов и крестьян.

— Введите арестованного... Уведите арестованного... Что же вы, говорят, произносите речи против нас? Не кажется ли вам, что это поспешно? Вы рискуете языком.

— Позвольте сказать...

— Японская армия... Стоять смирно!.. Это добрый факел коммерции. Оставьте ваши приметы, возраст и оттиск большого пальца. Введите арестованного!

— Здесь!

— Чем питаетесь вы теперь в ваших бандах?

— В нашей армии всего достаточно!

— Разве ваши банды получают поддержку с юга?

— Наша армия...

— Я сказал — банды!

— Вы ведь отрезали нашу армию от юга. Но от китайского народа вы нас отрезать не можете... Нам помогают все честные китайцы!

— Не имея связи с югом, ваши банды лишены патронов?

— Не знаю... Сегодня утром достаточно было патронов у каждого.

— Не лги! Отчего ваши партизанские банды сегодня мало стреляли, если у них было достаточно патронов?

— Должно быть, и не следовало стрелять.

— Стало быть, ты, китаец, только шпион и плут!

— Нет, это неправда!

— А есть хочешь?

— Хочу!

— Скажи мне, где теперь находятся партизаны!

— Я этого не знаю.

— Сколько тебе лет?

— Будет двадцать.

— Ошибаешься! Тебе не будет двадцать!

(*Выстрел.*)

Войдем в городские ворота Хан-Ина. Направо от нас — зеленая базарная кумирня и кинематограф с содранными афишами. Здесь начинается бывший проспект Китайской республики, состоящий из покрытых торговыми вывесками стен и театра, обращенного в дополнительную тюрьму. На мостовой, перед театром, томятся люди. Это отцы и братья арестованных. У ворот стоят японские стражники в плащах с большими медными пряжками. Город выглядит пустынным. На улице нет ни рикш с их рессорными колясочками, ни продавцов галантереи с лотками. Прохожих очень мало. Магазины закрыты. На углу улицы валяется разбитая повозка. По-видимому, сегодня с утра происходили волнения.

На перекрестке прохожих останавливают японские патрули. Прохожие идут скромно, прижимаясь к домам, втянув головы в плечи. Всем своим обликом каждый старается сказать: «Я — мирный человек, я скромно прохожу по улице, я желал бы уменьшиться в размерах. Да, да, и превратиться в косяк, в притолоку или фонарь». Прохожий идет по городу, останавливаемый патрулями, безоружный, зависящий от каприза часового. Часовой знает: завтра этот прохожий будет скрываться в горах или с винтовкой войдет с партизанским отрядом в одно из соседних селений. Он груб и подозрительно оглядывает прохожего.

— Куда едешь? Кто такой? Зачем ходишь близко от стен?

После заката солнца Хан-Ин представляет собой любопытное зрелище. Казарменные дома, освещенные с улицы двухцветными фона-

рями, японские солдаты, гуляющие молчаливыми группами, лысые черные псы, пары прачечных, кухонной гари и пороховой копоти с полигона. Казалось, что ненависть проникает всюду: в наглухо закрытые двери домов, в трактир, брошенный хозяином, в тишину площади, на которой отчетливо виднелись следы от проезжавшей, вероятно, два дня назад крестьянской телеги.

Покинем на время этот город. Мы снова выйдем за городские ворота, по длинной грунтовой дороге...

Проехав почтовую станцию, попадаешь в монастырь. Здесь ставка монгольского князя. Гоби представляет собой равнину, которую японские деятели надеются сгладить и сравнять с Манчжоу Го.

Японцы издали учебник, предназначенный для обучения монгольских детей. Он разбит на маленькие уроки и состоит из коротких изречений.

Мораль: Отец и мать думают обо мне и памятуют. Япония думает о монгольском и китайском народе и памятует.

История: Доказано, что предки Чингисхана происходят с японских островов, значит Чингисхан был японец.

Диктант: Япония хранит веру предков. Мир попал в заколдованное колесо, потому что отошел от религии.

Советы: Кругленькие мячики — лучшая игра для детей. Станем играть в войну и сражения.

География: Китай — это есть жизненное пространство для японской империи. Надо верить японским солдатам. Все они одарены умом и счастьем.

Школа помещается вблизи степного монастыря, состоящего из громадных юрт, золоченых храмов китайско-тибетского стиля и сараев, где сонные монахи дьяконскими басами бубнят молитвенные формулы...

У желтой стены буддистской кумирни перед группой японских офицеров стоит солдат без фуражки, с разбитым лицом.

Его обвиняют в подстрекательстве к революции и разрушительных разговорах среди рядовых, в частях, действующих в Китае. Вдалеке видна цепь пехотинцев, присланных сюда из Хан-Ина.

Обвиняемый отвечает на вопросы и говорит:

— Фамилия — Нарияма. Да. Нарияма, господа! Тысяча девятьсот седьмой год рождения. А когда вы собираетесь меня расстрелять? Завтра на рассвете или ночью? Судя по выражению ваших лиц, это совершится скорее, чем я предполагал. Не должен ли я просить о помиловании?.. Я попробую это сделать... Сейчас я встану на колени и почтительно закричу: «Начальники, полководцы, сволочь! Пощадите меня!..» Это вам не нравится?..

— Сержант Охава, как видно, хочет меня зарубить на месте... Я ведь смеюсь, чтобы вам не было скучно... Солдаты говорили, что майор Исия заработает награду на последней операции. Он проявил храбрость, заняв кусок степи, где кочевали шесть женщин и два старых монаха...

— Странно наконец, что вы не затыкаете мне рот... Я догадываюсь... Может быть, я проговорюсь... А затем, как я понимаю, вы оста-

вите меня здесь лежать лицом вниз. Мое почтение, господин майор. Я не заметил, как вы появились... Вас из-за меня разбудили?

— Вам нужны еще сведения обо мне? Извольте!

— Мои сообщники? Пишите — госпожа Нищета, госпожа Прокламация и молодой человек — Не выдавай никого! Моя религия? Бродить вдоль рыбацких поселков Японии, в оккупационных отрядах, по дождливому Китаю и беседовать с людьми. До того, как вы меня раскрыли случайно, знайте это, я был бесшумным, послушным, осторожным и немым, как все рядовые, на которых вы смотрите с седла.

— Не наводит ли это вас на размышление? Завтра вы сможете отослать в штаб полка мою личную карточку — родился столько-то лет назад, умер сегодня...

— Истинные события моей жизни!

— Книжка, прочитанная мною в поезде Мураноской железной дороги; утро, в которое я впервые решился рассказать свои мысли о справедливости другому человеку и узнал, что он думает одинаково со мной; собрания в помещении театра Мисуя, где мы разучивали роли и учились скрывать свои желания под чужими словами; армия, где я был лучшим в роте, никто не мог бы догадаться, что я — это я! Вы плохо изучили своих солдат! (*Барабан.*)

— Знаете ли вы, о чем они думают, когда им запрещено думать? Не боитесь ли вы, что после смерти я буду подходить к ночным пикетам — светящийся, толстый, с пулями в животе — читать солдатам наизусть ту самую брошюру, которую вы у меня отобрали и сожгли?

— Мои двойники, может быть, будут не похожи на меня — они возникнут перед вами в виде сердитых крестьян с севера или осакских мастеровых.

— Слушаюсь! Я иду!

— Здравствуйте, друзья-солдаты! Рад вас видеть...

— Прикажете отойти к воротам и снять сапоги? Я вижу здесь Кудзи... Это значит — мне не придется прыгать в глине недострелянным... Он меткий человек...

— Прекрасный парень, Кудзи! Если бы он был таким исполнительным!

— Доброй жизни, приятель!

Нарияма, поставленный к желтой стене, повернулся лицом к винтовкам, и его прикончили. Пять японских солдат, производивших эту операцию, вернулись в полевую казарму...

Микрофонные материалы ВРК при СНК для сектора литературно-драматического вещания. М., 1939. № 56.

«Последние известия»

Оперсводка штаба Ленинградского военного округа .

20 февраля 1940 г.

В течение 19 февраля на Карельском перешейке наше наступление продолжало успешно развиваться. Наши части продолжали очищать от противника Бьёркский укрепленный район и заняли: остров Рион-

Сааи, в 3 километрах западнее города Юханнес, остров Ревон-Саари, в 5 километрах юго-западнее Юханнес, станцию Ляхтеенмяки и станцию Хумол-Иоки Приморской железной дороги.

На остальных участках фронта без существенных перемен.

Наша авиация вела активные боевые действия по войскам и военным объектам противника. В происшедших воздушных боях сбито 14 самолетов противника.

Правда. 1940. 20 февраля. № 50. С. 1.

Я.Ф. Попов[64]

Дворец Советов строит вся страна[65]

Беседа[66]

1940 г.

Дворец Советов... Миллионы советских людей произносят эти слова с восхищением и гордостью. С того дня, когда архитекторы нанесли на бумагу первые контуры этого величественного сооружения, оно завоевало у народа огромную популярность. Мы знаем немало подлинно всенародных строек. Магнитогорск, Днепрострой, метро создавала вся страна. Названия их звучат одинаково близко и знакомо для каждого советского человека, где бы он ни жил — на Крайнем ли Севере, в республиках Средней Азии или на далекой Камчатке.

Еще большим вниманием трудящихся пользуется Дворец Советов. Размах этой небывалой в истории стройки увлекает и захватывает наш народ. Какого высокого уровня экономического развития должна достичь страна, если она создает такие сооружения? Понятна гордость советских людей, их любовь к этому строительству. Дворец Советов будет прекрасным памятником гениальному вождю социалистической революции Владимиру Ильичу Ленину, величайшим достижением социализма, художественным выражением могущества, культурного развития, счастья и братства народов СССР.

Идея сооружения Дворца Советов зародилась в 1922 году в радостные дни Первого съезда Советов СССР, положившего начало Союзу Советских Социалистических Республик. Сергей Миронович Киров[67], обращаясь к делегатам съезда от имени Закавказской делегации, сказал:

— Я думаю, что не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда... Это здание должно являться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

— О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богата Советская страна, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Предложение товарища Кирова было принято. Съезд вынес решение о строительстве Дворца Советов...

Человечество создало немало великих произведений архитектуры и скульптуры, среди них «семь чудес света» Древнего мира — висячие сады Семирамиды, Колосс Родосский, пирамида Хеопса, маяк Фарос в Александрии, величайшее произведение Фидия — колоссальная статуя Зевса в Олимпии и другие. Позже были воздвигнуты собор Петра в Риме и Кельнский собор. Затем удивленное человечество увидело Эйфелеву башню и, наконец, высочайшие американские небоскребы — Вульвортстейтсбилдинг, Крайслерстейтсбилдинг, Эмпайрстейтсбилдинг.

Все это — выдающиеся творения человеческого гения. Но все же советские инженеры и архитекторы создадут дворец более величественный и прекрасный, чем все то, что дала архитектура до сих пор...

Вечерами, когда кончается трудовой день советской столицы, на Каменном мосту можно часто видеть много людей. Отсюда открывается перед нами вид на строительство Дворца Советов.

Высоко над площадкой горят яркие электрические огни. Но еще выше поднимаются гигантские краны, и взор невольно обращается к темному небу, пытаясь представить монументальность и красоту чудесного здания.

Заглянем и мы с вами в это недалекое будущее. Начнем свой обзор с главного помещения Дворца Советов — Большого зала. Он рассчитан на двадцать одну тысячу человек. Представьте себе зал, высота которого в три раза больше высоты московского Большого академического театра, — зал, в котором можно поместить колокольню Ивана Великого или Исаакиевский собор...

«Скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение», — говорил товарищ Киров на Первом съезде Советов. Большой зал — достойное помещение для социалистического парламента...

Он не напомнит зрителю обычного театрального зала, с привычным для глаза расположением сцены, ярусов и балконов. Зал будет иметь форму круга, диаметром в сто сорок метров. По этому кругу амфитеатром расположены кресла. Президиум и трибуна для ораторов поместятся в одном из боковых секторов зала, на специальной мраморной террасе.

Партер будет подлинным шедевром инженерного искусства. Центральная часть его в дни массовых представлений в течение несколь-

ких минут при помощи электрического подъемника может быть заменена огромной ареной. Из трюма, когда опустится центральная часть партера, тот же электрический подъемник может подать спортивную площадку с соответствующим оборудованием, киноплощадку с экранами, цирковую арену, искусственный ледяной каток и даже водный бассейн.

Воздвигая крупнейшее в истории человечества сооружение, строители его предусмотрели, однако, все мелочи, которые обеспечат присутствующим наибольшие удобства. Каждое кресло, например, оборудуется специальной аппаратурой для подсчета результатов голосования, улучшения слышимости и для связи с президиумом.

На заседании, в котором участвует двадцать одна тысяча человек, невозможно было бы, разумеется, обходиться обычными способами связи между президиумом и аудиторией. В Большом зале Дворца Советов нам приходит на помощь оригинальное оборудование кресла. В специальном служебном помещении на щитах будет расположена, по количеству кресел в зале, двадцать одна тысяча лампочек. Нажав на ручке кресла кнопку «прошу слова», вы закажете на щите лампочку под вашим номером. Дежурному останется только найти в списке вашу фамилию и сообщить об этом в президиум.

И еще одна подробность. На каком бы языке ни произносил оратор свою речь, его поймет весь зал. Переводчики, помещенные в закрытых кабинах под трибуной оратора, тут же переведут ее на свой язык и через микрофон передадут в зал. Маленький ультракоротковолновый приемник, устроенный на ручке кресла, позволит участнику собрания настроиться на родной язык.

Зал будет блистать великолепным внутренним убранством. Не тяжелая роскошь и мишура старых дворцов украсит его. Оформление зала, жизнерадостное и светлое, отразит идейное содержание нашей великолепной жизни. Художники и скульпторы создадут новые великолепные произведения, братские республики пришлют лучшие сорта мрамора.

Юго-западная часть Дворца Советов отводится под Малый зал на шесть тысяч человек. Чтобы представить себе его размеры, укажем, что московский Большой театр вмещает лишь около двух тысяч зрителей. Здесь будет построена сцена, оборудованная по последнему слову техники.

Несмотря на огромные размеры помещения, зритель прекрасно услышит и увидит все, что происходит на сцене. Это обеспечит специальная акустическая техника и остроумное расположение зрительных мест.

Всего во Дворце Советов будет около шести тысяч помещений. Кроме Большого и Малого залов, наиболее крупными из них будут залы сталинской Конституции и героики строительства социализма, героики Гражданской войны, два зала, предназначенные для сессий Верховного Совета СССР, Орденский зал, зал приемов Правительства СССР и другие залы. В высотной части Дворца будет помещение для Президиума Верховного Совета.

Оформляя внутренние помещения, строители применят новые материалы, различные ткани, мебель и так далее. Будет широко применена монументальная живопись: фреска, мозаика, темпера, энкаустика. О размахе этой работы можно судить хотя бы по тому факту, что одна только стенная живопись займет тридцать одну с половиной тысячу квадратных метров.

Дворец Советов — памятник великому гению социалистической революции Владимиру Ильичу Ленину. Все здание как бы послужит грандиозным пьедесталом для статуи Ленина. История скульптуры не знает таких колоссов. Высота фигуры Владимира Ильича — сто метров. Статуя Свободы в Нью-Йорке, в свое время потрясавшая воображение людей, — меньше половины нашей скульптуры. Распростертая над Москвой рука Ильича достигнет в длину больше тридцати метров, а указательный палец — четырех метров.

Материалом для статуи послужит никелевая бронза. Путем длительных экспериментов установлено, что этот металл не поддается коррозии и окислению, обладает прекрасной ковкостью, хорошо сваривается.

Фигура Владимира Ильича будет видна за десятки километров. На долгие века вознесется она над миром как символ великой эпохи, положившей начало счастью человечества.

Чтобы вы, товарищи радиослушатели, яснее представили себе гигантский размах строительства Дворца Советов, я приведу некоторые общие данные. Площадь всех помещений Дворца Советов — пятьдесят пять га, что равно площади девяти стадионов «Динамо» в Москве.

Высота Дворца Советов — четыреста семнадцать метров, то есть в полтора раза выше Эйфелевой башни и в три раза — пирамиды Хеопса. Стальной каркас Дворца Советов будет весить триста тридцать тысяч тонн. Если из этого количества металла сделать рельсы, то их хватит, чтобы проложить железнодорожный путь в три с половиной тысячи километров.

На фундаменты сооружения пойдет триста тысяч кубометров бетона. Дворец Советов сможет одновременно вместить сорок одну тысячу посетителей. К их услугам будет двести пятьдесят восемь лифтов и сто сорок один эскалатор. На стенах Дворца нужно уложить шестьсот тринадцать тысяч квадратных метров облицовочного материала. Чтобы доставить конструкцию статуи Ильича на монтажный двор, потребуется двадцать железнодорожных составов...

Можно смело заявить, что нет почти ни одной отрасли промышленности, которая в той или иной степени не участвовала бы в нашем строительстве. Металлургическая, электротехническая, текстильная, машиностроительная — все они вырабатывают для Дворца лучшую, новейшую продукцию. Выполнение наших заказов оказывает в то же время определенное влияние на дальнейшее поднятие технического уровня социалистической промышленности.

Наряду со значительной загрузкой многих предприятий нам пришлось создать своеобразный вспомогательный, подсобный центр

строительства. Помещается он в Лужниках, под Москвой. Здесь уже работает лесопильный завод, камнедробильный завод, готовящий из бутового камня щебенку трех различных сортов. Здесь же находится завод санитарно-технических изделий, строится завод, который будет изготовлять окна и двери.

Попутно отмечу, что высота некоторых окон Дворца достигнет пятидесяти метров. В Лужниках работает также заготовительный цех всех конструкций Дворца Советов. На этой, так сказать, второй площадке также видна кипучая жизнь нашего строительства.

По решению Восемнадцатого съезда партии Дворец Советов должен быть в основном закончен в третью сталинскую пятилетку.

Микрофонные материалы ВРК для сектора агитации и пропаганды. М., 1940. № 43.

Е.П. Корчагина-Александровская[68]

Письма избирателей к депутату

Беседа[69]

1940 г.

Однажды ко мне на прием в Ленинграде, в Дзержинский районный Совет депутатов трудящихся, пришла пожилая женщина. Она села и, видимо, волнуясь, не сразу начала свой рассказ.

Я смотрела на посетительницу и думала: с какой обидой пришла она, какие заботы ее тревожат?

— Екатерина Павловна, ведь это же неправильно... — горячо заговорила она. — Наш райсовет отдает освобождающиеся прекрасные помещения различным организациям, а для детей — ничего не делается. Забывают, что растет рождаемость и нужно увеличивать число детских яслей и садов.

Домашняя хозяйка, товарищ Горбушина, мать большой семьи, ставила перед своим депутатом большой общественный вопрос, волнующий население района, и говорила о нем как о своем личном, глубоко ее затрагивающем деле.

Я слушала старую женщину, с таким увлечением говорившую о государственном деле, и думала о том, как стремительно растут, подымаются к общественной деятельности рядовые советские люди...

Чуткое отношение к людям — первая обязанность каждого руководителя, каждого работника советского аппарата. К сожалению, об этом некоторые товарищи подчас забывают.

Ко мне обратилась гражданка Тяжева, работавшая бухгалтером в конторе. Товарищ Тяжева болела. У нее была ангина и затем осложнение. Она пролежала в постели два месяца.

После выздоровления Тяжева пришла на службу. Там ей предложили другую работу с меньшим окладом, мотивируя это тем, что она долго болела и на ее место взяли другого работника. Когда Тяжева не согласилась перейти на другую работу, ее уволили. Она обратилась к депутату, веря, что ее дело в конце концов будет справедливо разрешено.

Формально администрация учреждения была права, но по существу — это явный образец невнимательного, нечуткого отношения к кадрам. Ведь товарищ Тяжева хороший, знающий специалист, работала в этой конторе много лет. Разве можно бросаться такими людьми? По-моему, ее нельзя было увольнять, и я написала письмо в Москву, в Центральный Комитет Союза. Недавно я получила извещение о том, что ЦК Союза дал указание пересмотреть ее дело.

За минувший год я получила от своих избирателей более двух тысяч писем. Во многих письмах нет ни заявлений, ни просьб, ни предложений. Избиратели дружески пишут своему депутату, рассказывая ему как близкому человеку о работе, поверяя ему свои горести и радости.

В пачке писем, которые я получила от избирателей накануне двадцать второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, было письмо одной молодой девушки. Она писала о том, что когда-то совершила уголовное преступление, была осуждена, отбыла наказание и вернулась в Ленинград. Сейчас она работает в одном из ленинградских учреждений, но у нее тяжелое настроение. Ей кажется, что товарищи по работе не могут забыть ее прошлое.

«Сегодня вечером, — писала девушка, — ярко и весело зажгутся праздничные огни на улицах Ленинграда... миллионы советских людей радостно будут встречать великий праздник, а мне тоскливо и одиноко».

Я немедленно написала два письма: одно, ободряющее и ласковое, — девушке, другое — руководителям и работникам учреждения. Девушку окружили вниманием, поручили ей общественную работу, молодежь втянула ее в свой круг. Товарищи стали проводить с ней часы досуга. Жизнь девушки изменилась. Ее второе письмо ко мне было жизнерадостным и бодрым...

«Мы — две сестренки, Нина и Вера, хотим быть артистками, — пишут юные корреспондентки. — Мы часто участвуем в школьных постановках и можем даже прислать вам документы о наших достижениях по театру. Возьмите нас, пожалуйста, на сцену».

Эти на первый взгляд забавные ребячьи письма — серьезное дело; на них должны реагировать и школа, и родители, и наша общественность. Увлекаясь театром, убежденные, что артисту необязательно знать географию, геометрию и физику, ребята начинают небрежно относиться к учению, часто, не доучившись до конца, бросают среднюю школу.

Я ответила моим дорогим юным друзьям:

— Нужно упорно и хорошо учиться, чтобы стать настоящими советскими артистами, и прежде всего надо успешно окончить среднюю школу. Потом уже можно заняться выбором профессии. В нашей замечательной стране для каждого из вас открыты пути к любой профессии, к осуществлению самой смелой и красивой мечты.

Каждый день почта доставляет мне двадцать — двадцать пять корреспонденций. И когда среди них встречаются письма, пронизанные теплым чувством благодарности за оказанную помощь, мне становится особенно радостно и приятно.

Недавно, например, я получила письмо, которое доставило мне искреннюю радость.

«Екатерина Павловна! Искренне Вам благодарен за то, что Вы помогли мне в трудную минуту, — писал боец Владимир Земницкий. — Даю Вам слово, что, находясь в рядах Красной Армии, не уроню высокого звания бойца. Не пожалею сил своих и самой жизни для защиты нашей отчизны».

Письма избирателей к депутатам являются выражением доверия, любви и близости народа с его избранниками. Эта близость к народу несказанно обогащает меня, воодушевляет и помогает еще лучше выполнить свой депутатский долг — быть подлинным слугой народа.

Микрофонные материалы ВРК для сектора агитации и пропаганды. М., 1940. № 29.

В.М. Молотов[70]

Выступление по радио

22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъ-

являло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

РГАФД. № П–253. Вр. зв. 15.38. Тонфильм.

И.В. Сталин[71]

Выступление по радио

3 июля 1941 г.

Товарищи! Граждане!

Братья и сестры! Бойцы нашей Армии и Флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между

ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказываться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость вои-

нов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение

всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими.

В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помо-

щи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина–Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Правда. 1941. 3 июля. С. 1.

А.П. Гайдар[72]

В добрый путь

Выступление по радио

30 августа 1941 г.[73]

Ребята!

Беспрестанно гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны. Это ваши отцы, братья, родные, знакомые идут на фронт — туда, где отважная Красная Армия ведет с врагами бой, равного которому еще на свете не было.

По ночам, отражая нападения вражьих самолетов на наши города и села, ослепительно вспыхивают огни прожекторов и грозно грохочут орудия наших зенитчиков.

Утром вы слышите слова военной команды, мерный топот. Это мимо окон вашей школы проходят батальоны народного ополчения.

Но так же, как всегда, ни днем, ни часом позже, первого сентября вы начинаете свою школьную учебу.

В добрый путь!

Этот суровый, грозный год покажет, кто из вас действительно трудолюбив, спокоен и мужественен.

В этом году вы должны будете не только хорошо учиться, не только крепить дисциплину — эту основу победы в тылу и на фронте — вы должны будете много работать, помогать старшим дома, во дворе, на заводе, в поле — повсюду и всем чем можете.

Грош цена тому пылкому стратегу, который, стоя и тыкая пальцем в карту, азартно и складно предрекает врагу погибель, взмахом руки окружает и уничтожает его полки и дивизии, а сам боится натереть мозоль на своей ладони, принести ведро воды, помыть пол или выкопать из грядок мешок картошки.

Позор и тому «герою», который мечтает, вскочив на коня, ринуться в гущу боя, изрубить шашкой десяток-другой танков, а сам бокомбоком, трусливо норовит отлынить, свалить на плечи товарищей всю черную и непарадную работу. Таких болтунов окружайте дружным, холодным презрением.

В славе у нас всюду те честные, скромные ребята-труженики, пионеры-тимуровцы, которые по примеру своих отцов и старших братьев будут упорно учиться, работать, терпеливо постигать сложное военное дело, помогать семьям бойцов и заботиться о наших героях—раненых.

Это много? Да, это немало. Но для победы нужны немалые усилия.

Страна о вас всегда заботилась, она вас воспитывала, учила, ласкала и частенько даже баловала.

Пришло время и вам — не словами, а делом — показать, как вы ее цените, бережете и любите.

РГАФД. III-19к. Вр. зв. 02.30. Шоринофон.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.

Радиорепортаж[74]

7 ноября 1941 г.

Комментатор. Говорит Москва! Говорит Красная площадь! Сегодня, 7 ноября 1941 года, мы провозглашаем наш боевой лозунг: «Да здравствует 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей власть империалистов в нашей стране и провозгласившей мир между народами всего мира!»

В грозной суровой обстановке встречает наша родина Великую Октябрьскую годовщину. Над миром, над советской землей полыхает зарево войны, затеянной подлыми гитлеровскими бандитами. Фашистские орды вероломно напали на Страну Советов. Весь советский народ поднялся на защиту своей отчизны, своей свободы и независимости.

На всех фронтах Великой Отечественной войны — от Ледовитого океана до Черного моря — происходят невиданные в истории сражения. Гитлеровский фашизм, напав на СССР, ставит своей целью пора-

ботить свободный народ Советской страны, захватить наши заводы, фабрики, богатства недр, залить кровью нашу землю, превратить нашу Родину в колонию германского империализма. Двухсотмиллионный могучий советский народ говорит: «Этому никогда не бывать». Как бы ни бесновался подлый фашистский зверь, его гибель неминуема. Советский народ полон решимости довести до конца борьбу против осатанелого врага. Эта борьба будет продолжаться до тех пор, пока не будет уничтожена вся коричневая фашистская мразь. Убежденный в своей победе над фашистскими ордами, советский народ говорит: «Долой гитлеровских империалистов-разбойников, нарушивших мир между народами мира и бросивших Германию, Европу, СССР в пучину войны! Да здравствует Красная Армия и Военно-Морской Флот, героически защищающие свободу и жизнь народов СССР от немецко-фашистских захватчиков!».

Сурово, торжественно выглядит сегодня древняя Красная площадь. Над Москвой, родной нашей столицей, нависла серьезная опасность. Фашистские орды рвутся к Москве. На подступах к столице в этот час идут ожесточенные бои, бои не на жизнь, а на смерть, против коварного врага. Москва ощетинилась штыками, стволами зенитных орудий, баррикадами. По широким улицам шагают бойцы, проходят рабочие батальоны. Здесь славные сыны Красной Пресни, фрунзенцы, куйбышевцы, старики и молодежь, славные патриоты нашей родной земли. Город на осадном положении. И Москва — по особому собранная, подтянутая в боевой готовности.

Все для фронта, все для победы!

Этот лозунг пронизывает сегодня жизнь и деятельность великого города-бойца. Этот лозунг вошел в сознание и сердце каждого москвича, каждого патриота Родины. И днем, и ночью не утихает гул станков на заводах. И днем, и ночью куется оружие для фронта. Москва посылает фронту снаряды, гранаты, мины, пулеметы, смертоносное оружие для разгрома врага.

В этот день мы обращаем наши взоры туда, на запад, где наши славные воины — танкисты, артиллеристы, летчики, пехотинцы, моряки, связисты — бесстрашно сражаются с гитлеровской сворой. В этот день мы обращаем взоры и слова привета к родному городу Ленина, где советские люди, преисполненные мужества и отваги, героически отражают натиск наглого и озверелого врага. В этот день красная столица приветствует верных сынов Отчизны, сражающихся в лесах Карелии, в степях Украины, в Донбассе, в Крыму и на далеком Севере. Будьте стойки и мужественны, товарищи! Беспощадно истребляйте немецко-фашистских мерзавцев, вторгнувшихся на нашу родную русскую землю! Гитлеровским извергам не жить на нашей земле. Священным испепеляющим гневом против фашистского отребья горят сердца советских людей. Врагов надо истреблять! Пусть крепче бьют их с неба краснозвездные самолеты! Пусть беспощадно сметают их смертоносным огнем отважные артиллеристы! Пусть уничтожают их как зловонную мразь доблестные танкисты и пехотинцы! Пусть разят их отовсюду меткие партизанские пули и гранаты! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Комментатор. Говорит Красная площадь! Зеленые ели у стен Кремля покрылись белым ноябрьским снегом. Снегом запорошена площадь. Снег лежит на крышах правительственных зданий, на зубцах Кремлевской стены. Снег покрыл зимние шапки бойцов, стоящих ровными квадратами и треугольниками на площади.

На Красной площади воцарилась тишина. Глаза присутствующих обращены к трибуне Мавзолея. На трибуну поднимается товарищ Сталин — человек, к которому обращены сейчас взоры трудящихся всего мира. Человек, который гениально руководит отпором гитлеровским захватчикам. Человек, который всегда вел страну к победам и который приведет ее к окончательной победе над полчищами оголтелых фашистских бандитов.

За товарищем Сталиным на трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Молотов, Каганович, Микоян, Берия, Маленков, Щербаков, Кузнецов, Попов, Черноусов, Пронин, Павлюков, Тарасов, Щаденко, Косыгин, Поспелов и другие.

Командующий парадом маршал товарищ Буденный поднимается на трибуну Мавзолея и здоровается с товарищем Сталиным и руководителями партии и правительства.

К микрофону подходит народный комиссар обороны товарищ Сталин[75]:

— Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии (мы ее только начали создавать), не хватало хлеба, не хватало вооружения, не

хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда легче, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, подпавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суво-

рова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

(*Возгласы «ура», «Интернационал».*)

Комментатор. Войска, заполнившие Красную площадь и прилегающие к ней улицы, готовы к торжественному маршу. Слушайте Красную площадь!

(*Команда, барабан, музыка.*)

Четко отбивая шаг, в походной боевой форме, с первоклассным вооружением по площади идут пехотинцы. Они открыли торжественный марш, как открывали его 24 года назад. Это традиция. (*Музыка.*)

И каждый год здесь, на Красной площади, в этот день, в день Великой Октябрьской социалистической революции будут проходить войска доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Эта традиция вечна.

По площади идет пехота, идут войска, которые своей винтовкой и штыком, гранатой и пулеметом отстаивают каждый шаг и вершок советской земли. Можно привести миллионы примеров беззаветной храбрости наших героев-пехотинцев. Они залегли в канавах, щелях и ямах, с невиданным хладнокровием ждут приближения вражеских танков. Они смело смотрят в глаза смерти. И когда гибель кажется уже неминуемой, они бросают под гусеницы вражеского танка связку гранат, бутылки с горючим. Это пехотинцы, которые смелым прыжком вскакивают на вражеский танк и сильным ударом по дулу танковой пушки сгибают ее ствол, выводя пушку из строя.

Идут разведчики — бесстрашные, смелые, хитрые, спокойные, расчетливые, люди нашей Родины. Недавние колхозники, рабочие, учителя, счетоводы и инженеры — вот кто эти бесстрашные люди.

Вчера в своем историческом выступлении товарищ Сталин сказал. «Оборона Ленинграда и Москвы, где наши бойцы истребили недавно десятка три кадровых дивизий немцев, показывает, что в огне отечественной войны куются и уже выковались советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецких армий». Так говорил Сталин.

Идет пехота. Ее твердый шаг, образцовая выправка говорят за себя. Вот они, кадровые резервы нашего фронта. Резервы, которые завтра превратятся в грозу для немецких армий.

Вы слышите: идут рабочие батальоны. Они только что прошли по улицам Москвы, мимо Большого театра, мимо всемирно известного университета. Они видели следы разрушений. Зияет рана на фронтоне Большого театра, окнами без стекол смотрит на площадь университет. Несколько раз фашистские тупые мерзавцы бомбили Музей Толстого. Сейчас они добились своего — бомба разрушила здание. Нам больно

видеть эти раны, но тем беспощаднее будет наша месть. «Помним об этом» — клянется вооруженный москвич. Мы помним все — горящий Минск, испоганенный Киев, мужество Одессы, черной водой залитые шахты Криворожья, искалеченные верфи Николаева. Наш счет велик, и мы не простим ничего. Мужество народа заградило путь врагу. Женщины строят укрепления. Эти крепости сцементированы высокой страстью, непоколебимой волей к победе. Мужчины взяли в руки оружие. Они проходят мимо нас, подтянутые, крепкие, готовые к бою. Вот они шагают через площадь. Огнем и пламенем ощетинится каждый камень на подступах к Москве.

Комментатор. Каждый владеет оружием. Мы раньше ковали это оружие, теперь рабочие батальоны будут сражаться этим оружием за нашу землю, за наши семьи, за нашу родную Москву. Мы знаем размеры опасности, и тем тверже наша решимость. Об этом рабочие батальоны говорят всей стране. Помни, наша страна! (*Музыка.*)

Идут наши красные конники, овеянные славой героических походов в годы Гражданской войны. В великой схватке с фашистскими полчищами они не только сохранили, но и преумножили свою боевую славу. В этой войне моторов они прочно нашли себе место и час за часом, день за днем продолжают показывать примеры бесстрашия и отваги. Мы знаем, с каким трудом на Украине дивизии... (*Музыка заглушает.*)

Немецкие солдаты говорили, что ничего нет страшнее этих... (*Музыка заглушает.*)

Храбро и бесстрашно дерутся наши конники и в спешенном строю. Несколько дней назад Военный совет Западного фронта наградил группу командиров и кавалеристов, командира товарища Доватора. Отважные конники несколько раз ходили в глубокие походы по тылам врага. Точно ураган возникали они, нанося врагу огромные потери. Они отвлекали на себя большие силы немцев, но едва противник сосредоточивал силы, чтобы ударить по ним, они... (*Музыка заглушает.*)

...в знаменах и в сердцах говорит немеркнущий день освобождения человечества от ужасов фашизма. Пожелаем же нашим кавалеристам новой боевой удачи.

Комментатор. С приглушенным рокотом моторов по площади, заполняя от края до края, проходят зеленые грузовики с пехотой, стройно держа равнение. Лица бойцов повернуты к Мавзолею. Здесь, на трибуне Мавзолея, ласково улыбаясь сынам своим, приветливо подняв руку ладонью вперед, стоит наш Сталин — организатор грядущей победы. Крепче сжимают бойцы оружие, доверенное им страной. Отлично вооружены эти быстрые, подвижные части. Они не раз демонстрировали свои высокие боевые качества и не раз еще их докажут.

Тысячи подвигов совершили и совершают моторизованные части Красной Армии. Доблесть перестала быть уделом выдающихся. Мы помним бесстрашного бойца Мартынова. Он яростно отбивался от окружившей его группы фашистов. Троих настигла его меткая пуля. Они получили свою долю русской земли и русского свинца. Но все же враги подошли вплотную. Мартынов стал отбиваться прикладом.

Он был ранен. На него бросился шестой фашист. Раненый боец придушил его, как паршивого котенка.

Воины Красной Армии, истребляйте врага так, как это делал товарищ Мартынов!

Комментатор. Красную площадь заполняет артиллерия. Идут дальнобойные орудия, легкие пушки и гаубицы, противотанковые и зенитные орудия. Вот она, артиллерия, — бог войны. Пять месяцев мы бьемся с озверелым и сильным врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Пять месяцев справляемся мы с самой чудовищной военной машиной, которая существовала когда-либо в мире. Ни одна страна не смогла бы выдержать коварного, вероломного нападения механизированных бандитов. Но мы выдержали. Свыше 4 с половиной миллионов немцев выбито нами из строя.

И в этом массовом истреблении бешеных фашистских псов одно из первых мест принадлежит нашей советской артиллерии. Громким голосом своих орудий из каждой рощи, из каждого придорожного куста они диктуют врагу волю советского народа. Вот почему так ненавидят немецкие фашисты советских артиллеристов. В самые решительные минуты боя, когда нельзя поднять головы от немецкого огня, от воющих пикирующих немецких самолетов, когда бросаются на нашу пехоту немецкие танки, когда идут в психическую атаку пьяные гитлеровские молодчики, начинает огневой разговор артиллерия и исчезают с линии фронта фашистские самолеты, и останавливаются танки, взлетают на воздух и ложатся тогда на землю, чтобы никогда не встать, немецкие солдаты.

Пройдут годы, столетия, историки и ученые будут с изумлением изучать подвиги советских артиллеристов. Наши славные артиллеристы страшны врагу не только огнем, уничтожающим его полчища. Они страшны ему своей железной стойкостью, презрением к смерти. Сейчас мы не можем не вспомнить о героях Отечественной войны — артиллеристах. Несколько дней назад на бойцов командира Рокоссовского немцы бросили огромное количество танков. Но танки эти не прошли. Их не пропустили артиллеристы. Метким огнем противотанковых орудий многие танки были разбиты, остальные повернули назад. (*Музыка.*)

Комментатор. Привет и слава героическим советским артиллеристам! (*Музыка.*)

Советские артиллеристы! Уничтожайте кровавые банды Гитлера. Этим вы спасете свободу и независимость народов нашей страны.

Говорит Красная площадь. Вы слышите: это идут танкисты. Сколько задушевных песен сложил народ о мужестве этих людей, управляющих грозными стальными машинами. Тысячи советских танкистов сейчас сражаются на фронтах Отечественной войны, за честь и свободу своей отчизны.

На Красной площади гулко отдается железная поступь танков. Идут танки, легкие, средние, тяжелые, любовно сделанные руками советских людей. Сколько трудов, инициативы, заботы вложили рабочие, стахановцы, мастера, инженеры, снаряжая эти грозные машины

для Красной Армии, для истребительных боев за Родину! Славными подвигами прославили себя танкисты в схватках с врагом. На Западном фронте блестящие рейды в тыл врага совершил комсомольский экипаж товарища Михеева. Невзирая на артиллерийский обстрел, танк двигался в разведку, засекая боевые точки противника. Танкисты внезапно ворвались в селение Д., где засели немецкие бандиты. Среди немцев началась паника. В неудержимом порыве танк мчался вперед, разя огнем фашистских бандитов. Танкисты истребили 50 фашистов. После удачной разведки экипаж вернулся невредимым в свою часть.

На Калининском фронте, под Тулой, на Можайском направлении — всюду и везде бесстрашно дерутся славные танкисты. На Малоярославецком направлении чудеса храбрости показали танкисты части товарища Бородавкина. Был дождливый октябрьский день. Танкисты получили задание овладеть деревней Е., где засели немецкие сволочи. Под ураганным огнем противника танкисты товарища Бородавкина шесть раз ходили в стремительные атаки. Гусеницами своих танков они беспощадно давили фашистских солдат, расстреливали из орудий вражеские укрепления. Деревня была взята. Мужество советских людей, их стойкость и упорство в бою решили исход этого боя. Враг был разбит.

В летописи героических боев 1941 год будут записаны подвиги танкистов части товарища Кузнецова. 1 ноября эта часть уничтожила 15 немецких танков, 2 противотанковых орудия и более 450 солдат противника.

Замечательными боевыми делами прославили себя танковые соединения майора Бабенко, танкисты капитана Щавелева, танковый экипаж Лавриненко и многие, многие другие. Слава храбрым танкистам, героям Отечественной войны!

Танкисты Красной Армии! Смело уничтожайте врага, никакой пощады немецко-фашистским мерзавцам! Да здравствуют советские танкисты!

Комментатор. Участники парада уходят в свои казармы, землянки, на танкодромы и полигоны.

Мы видели с вами славных пехотинцев, чей четырехгранный оцененный еще Суворовым штык наводит ужас на фашистских захватчиков.

Мы видели лихих кавалеристов, чьи клинки остры и готовы рубить головы зарвавшихся врагов.

Мы видели быстрых мотопехотинцев, чьи стремительные налеты вносят панику в ряды фашистских головорезов.

Мы видели артиллеристов, чьи залпы накрывают врага точно и сокрушительно.

Мы видели танкистов, танкистов бесстрашных, чьи огромные стальные машины громят вражеские доты, кромсают пушки вместе с их расчетами, ломают и коверкают немецкие укрепления.

Комментатор. Славные сталинские соколы над Москвой, над подступами к столице, к Красной площади. Они — виртуозы воздуха, мастера тарана и точной пулеметной очереди — сейчас вместе с зе-

нитчиками Московской зоны ПВО охраняют наш парад, охраняют сотни тысяч жизней наших братьев и отцов, матерей и сестер, жизни наших детей.

Комментатор. Парад окончен. Через Красную площадь прошло 200 танков. В воздушном параде должны были принимать участие 300 самолетов. Однако ввиду плохой погоды воздушный парад был отменен. Парад окончен, парад красных войск в красной Москве. И как бы Гитлер ни силился, как бы он ни старался придать своим кошачьим повадкам видимость льва, он не запугает нас. Он может лишь лопнуть от натуги, лопнуть, как мыльный пузырь. И так будет. А наш парад, традиционный, ежегодный будет вечен на Красной площади Москвы, столицы великого Советского Союза.

Доблестные воины советской Родины оставили Красную площадь. Здесь многомиллионный советский народ словами своего любимого великого вождя товарища Сталина напутствует их. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победное знамя великого Ленина! За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость! Под знаменем Ленина вперед к победе!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 17а. Л. 21–26. Микрофонный материал.

«Последние известия»
Вечерний выпуск

3 декабря 1941 г.

Зимний сезон в Омске открыл московский театр имени Вахтангова спектаклем Шекспира «Много шума из ничего». Коллектив работает над новым репертуаром. Сейчас идут репетиции пьесы Ржешевского и Каца «Олеко Дундич» и пьесы о Баумане «Грач — птица весенняя» Мстиславского.

* * *

Тысячи трактористов, комбайнеров и рабочих ремонтных мастерских будут подготовлены на зиму в механизаторских школах Алтая. Большинство обучающихся — женщины. Кроме того, женщины, уже работавшие минувшим летом на машинах, пройдут переподготовку.

* * *

Массовый сбор плодов дурнишника начали колхозы Уссурийской области. Дурнишник — прекрасное сырье для производства мыла и олифы.

* * *

Новые животноводческие фермы организуют передовые колхозы Чувашии. С начала войны в республике организовано шестьдесят сви-

новодческих, двадцать четыре овцеводческих и двадцать три коневодческих фермы. Государственный план развития птицеводства республика перевыполнила почти в полтора раза.

(ТАСС)
ГА РФ. Ф. 6903. Оп. И. Д. 18. Л. 220. Микрофонный материал.

Р.Л. Кармен[76]

С киноаппаратом на бомбардировщике

Корреспонденция

7 декабря 1941 г.

Еще задолго до знаменитого удара по аэродромам, где стояли самолеты знаменитого германского корпуса «Рихтгофен», энская авиационная часть прославилась своими боевыми действиями на фронтах Отечественной войны.

В жестоких боях с врагом летчики этой части громили немцев, обогащали свой опыт, вписывали одну за другой славные страницы в боевую летопись своей части.

В тот день, когда наша киногруппа прибыла в расположение части, ее летчики совершили уже более тысячи вылетов; они сбросили на головы немцев сотни тысяч килограммов бомб, уничтожили на земле семьдесят четыре самолета и в воздухе сбили восемнадцать самолетов врага.

Нашу киногруппу летчики приняли в свою семью, окружили вниманием.

Помощник командира полка, Герой Советского Союза капитан Сдобнов как-то в разговоре обронил:

— Я ведь, собственно, тоже кинематографист. Ведь до того, как быть летчиком, я был киномехаником...

Двое из нашей группы — оператор Рубенович и я — получили разрешение на боевой вылет с киноаппаратом.

Но выяснилось, что для этого мало владеть киноаппаратом: нужно было еще изучить пулемет, ознакомиться с оборудованием пилотской кабины, точно запомнить все кнопки и рычажки, которые в отдельных случаях нужно нажимать или тянуть или до которых ни в коем случае не дотрагиваться.

На земле я изучил пулемет, выпустил из него несколько очередей. Но больше всего меня привлекал и волновал рычаг с деревянной рукояткой, расположенный справа у ног штурмана корабля, место которого я займу в полете. По сигналу летчика там, в воздухе, я натяну на себя этот рычаг и опущу на головы немцев весь смертоносный груз из люков боевого корабля.

Перед самым полетом меня очень подробно инструктировали о возможном прыжке с парашютом, если самолет будет поражен зенитным снарядом. Мы условились с летчиком о том, как найдем друг друга на земле, как будем идти через линию фронта обратно к своим. В наружные карманы было положено несколько запасных обойм, ручная граната.

Перед самым полетом ко мне подошел командир части подполковник Забелин и, крепко пожав руку, сказал:

— Ну, желаю успеха. Получайте воздушное боевое крещение. Учтите, что Таряника, с которым Вы летите, зовут победителем зениток. Говорят, что нет такой зенитки, которая бы сбила Таряника.

Таряник смущенно заулыбался:

— Ну, это вы преувеличиваете, товарищ командир. Но пока, действительно, верно.

Туго застегиваю под подбородком шлем, карабины парашютных лямок и забираюсь вслед за Таряником в пилотскую кабину. Здесь очень тесно, но удобно. Еще раз проверяю свой киноаппарат. Это «Аймо» — мой старый боевой товарищ. С ним мы побывали в знойных песках Каракумов, на вершинах Памира, на фронтах Испании и Китая, в ледовых пространствах Полярного бассейна. И вот опять мы в боях.

Таряник дает полный газ, и машина, пробежав по аэродрому, отрывается от земли и идет с набором высоты, пристраиваясь к остальным воздушным кораблям нашей группы.

Над истребительным аэродромом мы делаем большой круг. Я гляжу вниз. Там по широкому полю несутся крохотные серые точки, они свечой взмывают вверх и, когда мы завершаем круг, они уже пристраиваются к нам с боков и сверху, и мы продолжаем свой путь.

Открыв боковое стекло, приступаю к съемке. Снимаю боевой строй самолетов. Как красивы наши советские воздушные корабли! Они похожи на металлические торпеды, несущиеся в воздухе навстречу врагу, а в застекленных кабинах люди, затянутые в кожаную одежду, как бы слились с этими машинами, неотделимые от них.

Иногда мы подходим настолько близко к соседней машине, что, кажется, крылья сейчас коснутся друг друга, а в кадре помещается лишь одна пилотская кабина.

Мы приближаемся к линии фронта, продолжая набирать высоту. Навстречу несутся легкие белые облака. Под ними раскинулась широкая панорама лесов, полей и озер. Вот впереди мелькают на земле яркие вспышки. Это линия фронта.

Наша артиллерия бьет по врагу. Там, вдалеке, ответные выстрелы батареи противника.

Еще минута — и линия фронта осталась позади. Мы теперь летим над территорией, занятой противником.

Боевая задача, поставленная перед нашей группой, — обнаружить и разбомбить мотомеханизированную колонну противника, которая направляется к линии фронта от города Д. Удар будет нанесен с тыла, поэтому группа сейчас держит курс на запад, чтобы потом развернуться и, пройдя над городом, ударить с тыла по немецкой колонне.

Первые кассеты в «Аймо» кончились. Я быстро, тут же, на коленях, перезаряжаю аппарат. Теперь я буду снимать бомбометание. Кроме аппарата, находящегося у меня в руках, в самолете укреплены еще две камеры — один аппарат помещен в бомболюке.

В момент сбрасывания бомба пойдет прямо у объектива аппарата вниз к земле.

Другой аппарат, работающий у аккумулятора, укреплен в задней кабине стрелка-радиста, который в нужный момент включит мотор, чтобы зафиксировать результаты бомбометания.

Под крылом возникают развалины города. Еще кое-где тянется дым от пожаров, город совершенно уничтожен артиллерией во время неравных боев.

И вдруг через ларингофон я слышу голос Таряника: «Зенитка!» — и вижу на земле четыре вспышки. Ведущий корабль капитана Асаулова делает рывок вправо, и четыре черных кружка разрывов вспыхивают перед нами — с боков, снизу. Неожиданно наш самолет резко взмывает вверх. Где-то снизу раздается удар, вся машина вздрагивает и — в тот же момент переходит в крутое пикирование.

«Неужели сбили?» — проносится молнией мысль.

Но это новый маневр Таряника, который швырнул машину в крутое пике. Все это произошло в одно мгновение — самолет тут же выравнивается. На мгновение в кабине резко запахло порохом. Это мы проскочили через дымовые облака разрывов.

Несмотря на резкие броски машины вверх, вниз и в сторону, мне все же удалось запечатлеть кадры разрывов зенитных снарядов. Но вот уже гремит в наушниках голос Таряника:

— Через зенитки проскочили! Открывай люки!

Берусь за рукоятку и открываю бомболюки. Вижу, что у самолетов, летящих с нами, тоже открылись люки.

Далеко впереди под нами идет дорога, а на ней длинная вереница машин. Это идет колонна немецкой пехоты.

«Приготовиться, внимание!» Все мысли и чувства стянуты в тугой узел. Справа от нас, совсем вплотную, сомкнутым строем идет звено. Прильнув к визиру «Аймо», я подсознательно ощущаю, что нужно включать аппарат. Нажимаю кнопку — и в этот момент из люков самолета высыпаются бомбы.

В следующий момент Таряник поднимает руку, и я берусь за рычаг бомбосбрасывателя. Он махнул рукой, и я, медленно беря рычаг на себя, опускаю серией весь груз бомб. Теперь уже работает аппарат, укрепленный в бомболюке, и задняя камера у стрелка-радиста.

Смотрю вниз. Идущие к земле бомбы становятся все меньше и меньше. От машин панически бегут немецкие солдаты, падают в канавы, зарываются в щели. На дороге и около нее возникают густые разрывы и вспышки рвущихся бомб. Летят вверх колесами тяжелые грузовики.

Боевое задание выполнено. Врагу нанесен точный и сокрушительный удар.

Пересчитываю идущие впереди и сбоков наши корабли — все здесь, нет потерь. Мы возвращаемся на аэродром.

Сопровождающие нас истребители подходят совсем близко — так близко, что я уже вижу, когда летчик улыбается нам сквозь очки.

...Свыше трех недель провела наша группа на аэродроме части. За это время мы совершили с Рубеновичем по четыре боевых вылета.

Три недели, проведенные нашей группой среди летчиков, останутся в памяти каждого из нас самыми дорогими, незабываемыми эпизодами нашей боевой работы на фронтах Отечественной войны.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 5. Микрофонный материал.

И.Г. Эренбург[77]

Слушай, Париж!
Очерк[78]

7 декабря 1941 г.

«Лучше смерть, чем рабство» — говорили солдаты французской революции. С этими словами на устах побеждали санкюлоты у Жемап и Вальми.

«Лучше рабство, чем смерть», — говорили французские капитулянты летом сорокового года. Слепцы, они получили сначала рабство, потом смерть.

Капитулянты отдали бошам Эльзас и Лотарингию. Они говорили, что хотят этим спасти Шампань и Бургундию, но Реймс и Дижон стали немецкими казармами. Нельзя спасти ноги, отрезав руки, и нельзя спасти руки, отдав ноги.

Капитулянты отдали бошам сердце Франции — Париж. Они говорили: «Лучше отдать Париж на месяц, чем отдать его навсегда». Но немцы твердо расположились в Париже. Они покрыли его стены гнусными надписями. Они загадили его памятники. Они выпачкали его совесть. Нельзя стать проституткой на месяц, а потом выйти замуж и жить семью добродетелями.

Капитулянты отдали бошам самолеты и танки, пулеметы и винтовки. Они говорили: «Лучше отдать танки, чем молоко, мы хотим спасти наших детей». Немцы взяли сначала танки, потом они потребовали и молоко. Они забрали уголь. Они вывезли скот. Они сожрали хлеб. Французы дрожат от холода. Французы умирают от голода. В Марселе тиф. В Париже тишина кладбища. Франция — пустыня. Нельзя спасти брюхо, отдав врагу сердце.

Капитулянты хотели быть друзьями бошей, их сотрудниками. Они стали лакеями. А с лакеями не ведут дипломатических бесед. Лакеев не удостаивают объяснений. Разговоры Абетца с Дарланом. Так говорит сапог с задом. Почему убрали из Африки Вейгана? Потому, что Гитлеру нужны порты Туниса и Алжира. Когда-то французских министров скидывал парламент. Теперь их скидывает Гитлер. Не только Гитлер — шпион Абетц, может быть, лакей Абетца, может быть, девка, которая живет с лакеем Абетца.

Боши все взяли: честь и территорию, уголь и вагоны, хлеб и масло, оружие и шерсть, яйца и мыло, машины и статуи, золото и чугун. На бошей работают в Германии полтора миллиона пленных. На бошей работают во Франции пятнадцать миллионов французов. На бошей работает маршал Петэн. На бошей работают французские рабочие. На бошей работает французская земля. Для кого восходят нивы Босс?

Для бошей. Для кого тяжелеют гроздья Бургундии? Для бошей. Боши выдали французам прах «Орленка». Они взяли в обмен всю Францию.

Гитлер самодовольно усмехается. Он превратил великую Францию и Андорру в Монако, в курорт для немецких убийц. Тирольский шпик не знает, что такое Франция.

Вторая война Франции против Гитлера началась. Это не та война без войны, это не курьезная война, которую придумала «пятая колонна» два года тому назад. Нет, это — настоящая война, освободительная война, истребительная война. Она началась с отдельных выстрелов, с разведки. Завтра она превратится в великое сражение. Бош, который топчет землю Франции, не уйдет из Франции живым. По французским городам ходят еще живые трупы в немецких мундирах. Им не уйти от народного гнева.

Заложники Нанта, герои нации, ваша кровь скрепила французское единство. Париж, великий Париж, колыбель свободы, твои муки разбудили гнев народа.

Земля колеблется под ногами захватчиков. Раздаются взрывы в ночи. Боши вопят от страха. Они отняли у Парижа все. Они закрыли кафе. Они шарят по домам. Они накладывают контрибуции. Они хотят запугать французский народ. Им страшно и они жаждут устрашить Париж, устрашить народ, который взял Бастилию, устрашить бельфортского льва, устрашить солдат Вердена. Но в ответ Париж поднимает голову. Париж говорит: «Вторая война началась».

Рано наступает ночь. Темно над милыми старыми крышами Парижа... Тихо-тихо. И вдруг доносится смутный гул.

«Слушай, Париж! Говорит Ростов. Я узнал твою судьбу. Я узнал сапог захватчика. Моих детей убивали гитлеровцы. Над моими камнями издевалась мерзкая немчура. Но вот подошли к городу солдаты Красной Армии, солдаты свободы. Мои дети кричали: "Смерть насильникам!" Кровь насильников омыла мои камни. Я на свободе. Я дышу. Я говорю. Я шлю тебе привет, брат Париж. Придет и твой час. Мужайся! Мы увидим Париж свободным».

Париж слушает. Париж кует оружие. А в знойной пустыне Африки солдаты де Голля, солдаты свободы бьют немцев. Они видят перед собой плененный Париж. Это не мираж пустыни. Это правда войны. Каждый убитый немец — шаг к освобождению Парижа.

Убежав из Ростова, немцы нахально заявили, что они очистили город, чтобы иметь возможность беспощадно наказывать население. Бежали эс-эсы, бежали танкисты Клейста, бежали «горные стрелки» Кюблера, бежали «викинги», бежали, как будто они не викинги, но самые обыкновенные итальянцы. Убегая, они вопили: «Мы уходим, чтобы вас наказать!»

Они не ушли из Парижа, чтобы наказать Париж. Они предпочитают расправляться с Парижем в Париже. Они не ушли бы из Ростова, если бы их оттуда не выгнали. Настанет день, бошей выкинут из Парижа. Тогда им придется «по-новому» наказать парижан— уйти прочь. Но уйдут только самые хитрые, самые быстроногие. Под Ростовом день и ночь роют могилы — закапывают мертвых бошей. Это хорошее

и полезное дело. Настанет день, будут рыть могилы вокруг Парижа, день и ночь. Французы начали с бомб. Они кончат лопатами.

Старому другу[79]

Я тронул ветку — ветка зашумела.
Зеленый сад, как молодость, наивен.
Утешить человека может мелочь:
Шум листьев или летом светлый ливень.
Когда омыт, оплакан и закапан,
Сад ясен весь — в одной повисшей капле.
Когда доносится тяжелый запах
Цветов, что прежде никогда не пахли.
Домов и городов провалы, бреши,
Дорог крутых, как виселицы петли,
Нет, человека не легко утешить,
И все же я скажу про сад, про ветви.
Мы победим — за нас вся свежесть мира,
Все жилы, все побеги, все подростки.
Все это небо синее навырост,
Как мальчика веселая матроска.
За нас все звуки, все цвета, все формы,
И дети, что, смеясь, играют в мячик,
И птицы удивительное горло,
И слезы простодушные рыбачек.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 5. Микрофонный материал.

Л.А. Кассиль[80]

Девять минут
Радиорассказ

15 марта 1942 г.

Это — рассказ о том, как однажды жизнь человека в течение девяти коротких минут... Но прежде, чем прочесть этот рассказ, который уже вам объявили, мне нужно рассказать об одной встрече, очень неожиданной. Это было несколько минут назад. Я из-за этого едва не опоздал к началу передачи.

...Шел я сейчас из дому сюда, в студию. Ночь у нас в Москве сегодня темнющая. На улице у самого подъезда я едва не наткнулся на маленькую фигурку. На груди слабо светится ромашка с фосфором — московская новинка. Меня окликнул голос. Ломкий, низковатый. Мне показалось сперва — мальчик-подросток.

— Товарищ, где здесь можно передать письмо на фронт по радио?

Подошел поближе, вижу — это девушка, в шинели, с вещевым мешком за спиной, в шапке-ушанке. Писем к нам приносят много, я не удивился вопросу. Сказал только, что сегодня день воскресный, выходной, да и поздно, никого в отделе нет.

— Нет, мне обязательно сегодня нужно, сейчас. Пожалуйста, я вас очень прошу, передайте сейчас же по радио это письмо...

И сует мне в темноте маленькое письмецо.

Хорошо, говорю, я отнесу завтра вашу записку в отдел писем на фронт, завтра ее и передадут.

— Нет, нет. Завтра уже поздно будет, сегодня надо, сейчас же! Он там ждет, на фронте. Я вам сейчас все объясню. Понимаете. У меня есть... одна подруга.

— Угу. Подруга. Понимаю.

— Да, подруга. И вот она... то есть я... вернее, я обещала ей, что он...

Я говорю:

— Слушайте, как вы сами разбираетесь в таком количестве личных местоимений: она, я, ей, он?.. Тут так темно, что я уже сам заблудился среди этих дремучих местоимений.

— Ну, ладно, — говорю, — выкладывайте, девушка, все ваши местоимения, а то я опоздаю. Так, кто он такой? Лейтенант?

— Младший.

— Прекрасно. Так где он, ваш младший лейтенант?

— Никакой он не мой... Просто одна моя подруга...

— Уф! Уф!.. Ладно! Где одной вашей подруги младший лейтенант?

— Вот в том-то и дело, — говорит, — что мы не знаем. Мы были в одной группе... с подругой моей. Мы обе комсомолки и пошли добровольцами в партизаны. Действовали там на одном участке. А отряд этого лейтенанта, которому подруга письмо передает, отряд этот тоже там действовал. И мы выполняли одно важное задание. У нас целая группа была — все девушки. А этот самый лейтенант, младший — они с этой моей подругой еще с института друзья. Он у нас военные предметы преподавал. Он очень интересный и славный такой, его все у нас любят.

— Чувствую, — говорю я.

— Нет, правда! Замечательный человек! Смелый такой! И он очень хорошо относился... к моей подруге...

— А она?

— Она какая-то странная. Очень уж скрытная. Это прямо ее несчастье. Я ей говорю: «Ты скажи ему, ведь он тебе сам...» А она мне...

— Ну, опять пошли местоимения.

Девушка тихонько усмехнулась в темноте:

— Хорошо, я без местоимений постараюсь. Вот, понимаете, перед тем как идти нам на задание, у них там что-то вышло. В общем, обидела она его. Не так сказала, как надо. И сама теперь мучается. Они даже не попрощались как следует. Он только сказал мне... то есть нам... конечно: «Вы, девушки, там за Лидой посмотрите. Знаете, какой у нее характер: Зарвется далеко и пропадет нипочем. Обещаете?» Ну, конечно, все обещали. И так как задание было очень трудное, опасное, могли нас окружить или отрезать, условились: если через три месяца о себе весточки не подадим, значит, нет нас в живых. Крайний срок — три месяца. Это было пятнадцатого декабря, а сегодня пятнадцатое марта. Понимаете? Последний день срока. Он ждет там...

— А что же, — спрашиваю я ее, — вы на последний день это оставили?

— Мы в госпитале лежали обе, подруга и я. Мы тогда попались, и меня... Ну, то есть подругу, ранили... А я... словом, одна наша девушка, тоже раненая в обе ноги, на себе вытащила ее. Пять километров тащила. Взвалила на себя, сама локтями на лыжи оперлась, так и ползла двенадцать часов... Потом, пока нас подобрали, да пока в госпиталь отвезли, лечили покуда, вот три месяца и прошло. Конечно я ему... то есть мы писали. Только ответа никакого нет. Сегодня пятнадцатое марта, последний день, как мы условились. И подруга очень мучается, и он, наверное, там страдает, беспокоится. Я вас очень, очень прошу, передайте сейчас же. Вы только скажите, что лейтенанту Сергею Тарасовичу Власюку кланяется его... ну, знакомая... Лида Коромыслова. Тут все написано. Пожалуйста, сделайте это. Я сейчас прямо с вокзала, думала не поспею, только что поезд наш пришел...

Мне надо было спешить на передачу, я двинулся к подъезду, она пошла рядом. По неровному звуку ее шагов я понял, что она прихрамывает.

— Знаете, — сказал я, — не очень-то хорошая у вас подруга. Во-первых, прячется за вашей спиной, во-вторых, заставила вас ночью с больной ногой бежать сюда, прямо с вокзала.

— Ну и что ж такого? Она устала с дороги, а я хоть и маленькая, а сильнее ее. Правда, правда.

Я видел перед собой в темноте ее маленькую крепкую фигурку, но не мог рассмотреть лица. Только слабо и застенчиво светилась на груди фосфорическая ромашка.

— А где же это вы успели московскую ромашку приобрести?

— А это в метро у вокзала продавали. Хотите я вам подарю на память, чтоб не забыли. Нет! Это уже не от подруги. Это от меня, лично. — И прежде чем я успел возразить, она отколола с шинели и сунула мне в руку светящуюся брошку. — Так вы передадите сейчас? Да? Ну и спасибо же вам за это. Прямо не знаю как спасибо! Если бы вы только знали...

— Я знаю.

— Нет, не знаете вы ничего... Вот вы, наверное, думаете, это я и есть Лида Коромыслова. Совсем нет. Вы там прибавьте, когда передавать будете, что еще привет шлет Кутя. Это меня в отряде так звали, Кутя... А вот ползла-то пять километров, это верно — я. Это я Лиду вытащила. Только вы этого не передавайте, а то он подумает, что я отличиться захотела, ради него старалась, а я тогда об этом и не думала.

Я нашел в темноте ее руку в заячьей варежке и крепко пожал.

— Знаете, — сказал я, — на месте лейтенанта я бы...

— Нет, что вы... Лида хорошая, красивая, видная собой... И потом... — она вздохнула, — когда я ее тащила, у меня лицо сильно обмерзло... даже операцию делали. В темноте незаметно. Это уж на всю жизнь.

Она мягко высвободила свою руку и исчезла в темноте. Только на ладони моей остался светлячок — ромашка. И вот я выполняю свое обещание. Младший лейтенант Сергей Тарасович Власюк! Передаем Вам привет от ваших друзей — от Лидии Игнатьевны Коромысловой

и от девушки, которую зовут Кутя, очень хорошей девушки, поверьте мне, товарищ младший лейтенант. У ней только один недостаток — слишком много местоимений, за которыми она прячет свое прекрасное сердце.

Да! Теперь прочту рассказ под названием «Девять минут»... Э, у меня уже кончается время. Но я думаю, товарищи, вы не в обиде за то, что я не по назначению использовал отпущенное мне время. Кстати, это было как раз девять минут. Неужели вам жалко девяти минут вашей жизни, которые вы уступили такой славной девушке?..

А я пойду сейчас со спокойной совестью по затемненным московским улицам, полным скрытой жизни, зеленый огонь светофоров укажет мне дорогу, я услышу мерный шаг комендантского патруля. И на моем пальто будет легонько светиться подаренная мне Кутей ромашка — скромный ночной цветок военной Москвы, от которого исходит голубоватый свет, нежный и затаенный.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 11. Микрофонный материал.

«Говорит Западный фронт»
Радиообозрение

25 марта 1942 г.

(*Марш, на фоне марша читается текст.*)

Диктор. Внимание! Внимание! Начинаем очередную радиопередачу с Западного фронта. (*Пауза.*)

Говорит Западный фронт! Говорит Западный фронт! Смерть немецким оккупантам!

* * *

Части Западного фронта продолжают наступательные бои. Они разрушают укрепленные узлы и опорные пункты сопротивления врага.

Пытаясь остановить продвижение наших войск, немцы на ряде участков пробуют переходить в контратаки. Все контратаки красные воины успешно отражают и наносят противнику большой урон в технике и живой силе.

Бойцы и командиры Н-ской части за несколько дней истребили две тысячи восемьсот шестьдесят пять немцев, взяли в плен тридцать шесть солдат. Захвачено пятьсот тридцать восемь винтовок, шестнадцать автомашин, шестьдесят пять пулеметов. Уничтожено тринадцать танков, девять орудий, десять пулеметов, двадцать один миномет, сорок пять автомашин.

На другом участке фронта одна наша часть в боях за населенный пункт захватила четыре орудия, двенадцать пулеметов, восемь минометов, две тысячи патронов, истребила до двухсот солдат и офицеров, уничтожила склад боеприпасов, четыре пулемета и шесть минометов.

Прекрасно действуют артиллерия и авиация фронта. Артиллеристы и летчики разрушают немецкие наблюдательные пункты и блин-

дажи, уничтожают орудийные и минометные батареи, бомбят скопление войск противника.

Бойцы, командиры и политработники Западного фронта крепко держат инициативу в своих руках. Они настойчиво и упорно продвигаются на Запад, очищая родную землю от фашистских захватчиков!

* * *

Корреспондент. На снегах бескрайних полей ложились розоватые отсветы заката. Огненный шар солнца медленно спускался к горизонту. Тишина плыла над заснеженными перелесками, над соседней деревней, сожженной фашистскими разбойниками.

Железнодорожный пустынный полустанок. Рельсы, уходящие вдаль. Показался дымок паровоза. (*Шум поезда.*)

Вот здесь, на огневой позиции, куда прибыл бронепоезд, и установлен микрофон редакции «Говорит Западный фронт».

Внимание! Наш микрофон на бронепоезде, которым командует орденоносец капитан товарищ Малышев. (*Гудок, пыхтение.*)

— Товарищ капитан, на левом фланге у опушки леса сосредоточиваются фашистские танки.

— Вижу. По гитлеровским танкам бронебойной гранатой! Левее сто двадцать. Уровень триста. Прицел пять. Бронепоездом огонь!

— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Стой!

— Товарищ капитан! Четыре фашистских танка уничтожены.

— По гитлеровским оккупантам шрапнелью! Угломер восемнадцать-двадцать. Наводить точку наводки сзади фронта. Уровень триста. Прицел семьдесят восемь. Трубка семьдесят восемь. Бронепоездом огонь!

— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Третье. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Второе. (*Выстрел.*)
— Первое. (*Выстрел.*)
— Стой!

Сейчас я с микрофоном подымаюсь по отвесному трапу бронированного паровоза.

Еще несколько секунд, и я в боевой рубке командира бронепоезда капитана Малышева.

— Командиры бронеплощадок, ко мне!

— Командиры бронеплощадок, к командиру бронепоезда!

— Товарищ капитан! Командир первой бронеплощадки, лейтенант Жуков по вашему приказанию явился.

— Товарищ капитан, старший лейтенант Осколышев по вашему приказанию явился.

— Слушайте боевой приказ! В районе Д. фашисты пытаются занять переправу. По приказу командования наш бронепоезд должен обстрелять эту переправу. Сейчас мы пойдем в огневой налет. Бронеплощадкам открыть огонь по моему сигналу! Огнем управляю я. Сигнальные паровоза. Задача ясна?

— Товарищ капитан, задача понята.

— Товарищ капитан, задача понята.

— По местам!

— Есть по местам.

— Задний ход.

— Есть задний ход! (*Гудок, пыхтение.*)

— Больше ход!

— Есть больше ход!

В минуты сражений, когда артиллерийская канонада, треск пулеметов и разрывы снарядов заглушают слова команды, управление боем ведется посредством сигналов паровозного гудка.

Из боевой рубки паровоза командир бронепоезда капитан Малышев управляет боем.

— Внимание! Внимание!

— К бою!

— Есть к бою! (*Гудок.*)

— Правый борт!

— Есть правый борт! (*Гудок.*)

— Огонь!

— Есть огонь! (*Гудок, выстрелы.*)

— Стой! Отбой!

— Есть отбой! (*Гудок.*)

Наш микрофон на бронеплощадке. Здесь, у грозных пушек, рядом со сложными приборами наблюдения, у стеллажей, заставленных поблескивающими металлом снарядами, у пулеметных установок мы встретились с орденоносцем старшим лейтенантом товарищем Осколышевым. Ему — слово.

(*На фоне пулеметов.*)

— Наш бронепоезд вышел на выполнение поставленной боевой задачи.

По правой стороне железнодорожного полотна видно было, как передвигались немецкие пехотные части, как шли их танки. Фашисты сразу заметили нас и сразу же открыли по бронепоезду ураганный огонь из орудий и минометов.

Танки врага двигались с флангов, очевидно, намереваясь окружить не только нас, но и город Д., который мы должны были защищать. Большая группа автоматчиков и вражеские танки успели перерезать железнодорожный путь, и, таким образом, мы не могли продвинуться дальше.

Надо было начинать бой, и мы первыми начали его. После первых же наших выстрелов немцы, как видно, сразу поняли, что они встретились с грозной силой. И они принялись обстреливать наш бронепоезд со всех сторон — в лоб и с флангов.

Мы крепко отвечали врагу.

В этом бою исключительно отважным показал себя командир товарищ Малышев. Он указывал наводчикам самые важные цели, корректировал стрельбу и время от времени поворачивал своими богатырскими руками тяжелую стальную башню.

Спустившись с башни, наш командир смело руководил и пехотным десантом.

И вдруг мы потеряли из виду нашего командира. Кто-то из бойцов сказал мне, что капитан лежит на снегу, недалеко от нашей бронеплощадки.

Тревожная мысль пронеслась у нас: неужели убит или ранен?

Один из наших лучших бойцов, пулеметчик товарищ Фомичев молниеносно открыл тяжелую стальную дверь бронеплощадки и бросился искать своего командира. Под градом осколков, под пулями он разыскивал нашего капитана, который залег в снежном рву. Радостным вернулся к нам пулеметчик и сообщил о том, что командир цел и невредим, что только осколок разорвал его меховую ушанку.

И с новой силой мы открыли огонь. С нами был наш боевой командир, наш друг, отец и товарищ.

«Вперед, друзья, смелее! За Родину, за Сталина!» — воскликнул капитан. И сотни килограммов смертоносного металла полетели на головы фашистов.

Мы приняли решение драться до конца, до последнего снаряда, до последнего патрона в пулеметной ленте. Мы дрались смело, и враг отступил.

Три часа длилась артиллерийская дуэль. Наша победа была предрешена, и мы победили.

К нашему микрофону подошел командир бронепоезда орденоносец капитан Малышев:

— Наш бронепоезд прошел большой, трудный, но славный путь.

Мы сражались на подступах к городу Ленина, мы дрались на полях и в лесах Подмосковья, защищая от фашистских разбойников нашу любимую столицу.

Боевой экипаж моего бронепоезда — дружная советская семья. И вот эта дружба — залог наших успехов.

Высокой чести удостоила нас Родина — в наших руках грозная боевая сила, защищенная стальной бронью.

Высокой чести удостоила нас Родина, — недавно правительство наградило многих наших бойцов, командиров и политработников за

образцовое выполнение боевых заданий орденами и медалями Советского Союза. И мы стали еще крепче, еще сплоченнее.

В боях с немецкими оккупантами отличились наши сверхметкие артиллеристы — командир орудия орденоносец сержант Лякин, наводчик красноармеец орденоносец Петров, ефрейтор орденоносец Кулешов, пулеметчики младший сержант Мурдат и погибший смертью героя сержант Фомичев.

На нашу бронированную крепость нажимали танки и моторизованные части фашистов. Казалось, воздух стал горячим от ураганного артиллерийского и минометного огня. Звенела броня нашего поезда.

Наши бойцы сражались как львы. Сотни снарядов обрушивались на головы фашистов. И вот в одну из таких горячих минут в башне бронированной площадки, откуда наши славные артиллеристы товарищи Петров и Лякин вели огонь, вдруг взрывается немецкий снаряд. Его осколками был ранен весь расчет. Особенно тяжело были ранены Петров и Лякин, у них были перебиты ноги. Однако они не прекратили огня. Держась одной рукой за стеллаж для снарядов, Петров заряжал и стрелял, и стрелял.

Душой этого неравного, но победного боя был военком нашего бронепоезда старший политрук товарищ Крискевич.

С возгласами «За Родину, за Сталина!» славные артиллеристы-броневики довели дело до конца. Под шквалом нашего огня немцы отступили.

Неувядаемой славой покрыл свое имя командир расчета товарищ Семенкович. В минуты налета на наш бронепоезд двенадцати пикирующих бомбардировщиков он сбил из своего зенитного пулемета два вражеских самолета и обратил в бегство остальных.

Советские броневики умирают, но побеждают...

Мы свято храним боевые традиции славных броневиков времен Гражданской войны. Их заветы — наше знамя.

Мы ходили в лоб против фашистских танков, мы расстреливали пехоту, орудия, пулеметы, дзоты врага.

Вот наш боевой счет: 16 немецких танков, 5 минометных батарей, 4 бронемашины, 50 автомашин с пехотой, 6 пулеметных гнезд, 2 дзота, 1 наблюдательный пункт, парашютный десант, 3 бомбардировщика и около тысячи фашистских солдат и офицеров.

Смерть немецким оккупантам! (*Пыхтенье паровоза, гудок.*)

Еще несколько месяцев тому назад эта могучая бронированная крепость на колесах, этот славный бронепоезд стоял на запасном пути, но всегда, в любую минуту он был готов к бою.

Сотни километров прошел бронепоезд капитана Малышева. Его героический экипаж не раз сражался с фашистами в лесах Белоруссии, на берегах Волхова, на подступах к Москве.

В ожесточенных битвах с немецкими оккупантами прославились отважные патриоты земли советской бойцы Клименко, Сапронов, Пажитных, командиры: капитан Холопов, лейтенант Жуков, старший лейтенант Сколышев.

Сотни километров прошел этот славный боевой бронепоезд. На плитах его брони виднеются вмятины от ударов вражеских снарядов, причудливые росчерки пулеметных очередей, пробоины,

Мы шлем привет славным советским броневикам! Честь им и слава!

* * *

Диктор. Вы прослушали радиорепортаж «На бронепоезде». Вел передачу наш военный корреспондент Юрий Арди. Звукооператоры студии «Радиофильм» — Николай Калашников и Юлий Терлецкий.

На этом радиопередачу с Западного фронта заканчиваем.

Очередную нашу передачу слушайте в пятницу в 19 часов 15 минут.

Привет вам, товарищи!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 53. Л. 157–168. Микрофонный материал.

Спецпередача для партизан[81]

6 июня 1942 г.

Диктор. Говорит Москва!

Говорит Москва!

По московскому времени 20 часов 30 минут. Братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск, временно подпавшие под иго немецких угнетателей! Народные мстители — партизаны и партизанки, ведущие героическую борьбу против немецких оккупантов! Слушайте нас ежедневно в 5 часов 30 минут и в 6 часов 35 минут по радиостанции на волнах 50,93 метра и 41,7 метра; в 12 часов 40 минут, в 13 часов 30 минут, в 20 часов 30 минут, в 22 часа и в час ночи на радиостанции на волне 50,93 метра.

Передаем «советы партизанам». Разрушайте средства связи и транспорта врага.

Партизаны, уничтожайте врага, разрушайте его средства связи и транспорта всюду, любыми средствами, любым оружием. Помните, что без средств связи и транспорта враг бессилен.

Много способов и приемов борьбы с техникой врага изобрели советские партизаны в период Великой Отечественной войны.

Способы, применяемые для разрушения средств связи и транспорта, весьма разнообразны. Они зависят от наличия подрывных средств, технического оснащения партизан, действий противника, времени года и суток.

Каковы простейшие способы разрушения средств связи и транспорта врага? Для повреждения провода связи не требуется каких-либо сложных инструментов. Пила, топор и прочная веревка с грузиком, шест с крюком вполне обеспечивают выполнение этих работ.

Самым простым способом повреждения проводов является их обрыв железным крюком, закрепленным на конце длинного шеста.

Для этого крюк следует забросить на провода, а затем с некоторым усилием потянуть на себя — до полного обрыва линии. В последнее время очень распространен способ порыва проводов связи с помощью обыкновенной веревки с грузиком: гирей, камнем или чем-либо подобным. Делается это так: к одному из концов прочной веревки, длина которой должна быть десять-пятнадцать метров, прикрепляется грузик. Затем веревка с грузиком быстрым кругообразным вращением закидывается на провода. Если с некоторым усилием потянуть свободный конец веревки к себе, произойдет разрыв линии. Для облегчения разрыва провода веревку рекомендуется забрасывать на середину пролета линии между двумя столбами.

Одним из простейших способов разрушения проволочной связи в тылу врага является валка телефонно-телеграфных столбов, которые предварительно подпиливаются или подрубаются. Заваленные столбы растаскиваются по сторонам от линии связи. При наличии времени необходимо столбы распиливать или разрубать на мелкие чурки, чтобы лишить врага возможности вновь использовать подпиленные столбы при восстановлении линии.

Повреждение линий высокого напряжения можно производить замыканием их землей. Для этого нужен кусок проволоки длиной восемь–десять метров. К одному концу проволоки крепится отвес — грузик, другой конец проволоки зарывается в землю на тридцать–сорок сантиметров. Для обеспечения лучшего контакта земля в том месте, где зарывается провод, поливается водой. Свободный конец провода с отвесом забрасывается на провода линии электропередачи. Ток по заземленной проволоке пойдет в землю. Линия будет повреждена. При забрасывании проволоки на провода линии электропередач будь осторожен. Не оставляй проволоки в своих руках, не стой на ней, так как это грозит тебе смертью.

При повреждении полевых телефонных линий разрезай провод ножом, ножницами, перебивай его ударами камней. Помни, что вырезанный провод надо сматывать и уносить с собой или закапывать в землю где-либо в стороне от места повреждения, чтобы противник не мог его использовать.

Работы по разрушению средств связи должны проводиться быстро и по заранее намеченному плану...

Диктор. Братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск, временно подпавшие под иго немецких угнетателей! Красная Армия идет освобождать вас от тяжелого гнета гитлеровских палачей. Помогайте ей, чем только можете. Вместе с партизанами громите немецких оккупантов, взрывайте посты, рвите связь врага, помогайте окружать немецкие войска, беспощадно уничтожайте врага.

Смерть немецким оккупантам!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 20. Д. 1. Л. 188–195. Микрофонный материал.

Интервью с Г.С. Бугой

Западный фронт

[Август] 1942 г.

Буга Г.С. По специальности повар я. В Красной Армии — тоже. Гвардейцам борщ, кашу варю, пирогами иногда балую. Но в бою, если нужно, за винтовку берусь! Орден Красной Звезды мне дали за боевые дела.

Корреспондент. А за что именно?

Буга Г.С. За что? Да я и сам не знаю. Много у нас разных дел было.

Скорее, вот за что. Заняли мы деревню одну. Остановились там. Вдруг немецкая автомашина — прямо в деревню! Увидали немцы красноармейцев, заскочили с машиной в пустой двор. А сами из автоматов строчить начали и скрылись, куда — неизвестно.

Получили мы приказ: уничтожить этих автоматчиков либо живых в плен забрать. Пошли. Наскочили — автомашина в сарае стоит, а мотор работает. Людей — никого. Возвращаемся назад. В одном месте растет кукуруза густая. Говорю я сержанту товарищу Сидоренко:

— Пойдем посмотрим, не тут ли немцы хоронятся.

— Посмотри, — говорит сержант. — А я за постройки загляну.

Развернул я стебли кукурузы, смотрю, 5 немцев лежат. Четверо ногами ко мне, а пятый (...) наблюдает за сержантом. И все, видать, офицеры. Я во всю мочь кричу немцам:

— Сдавайтесь, гады!

Тут один поворачивается и пистолет на меня наставляет. Я из винтовки — прямо в голову! Так и свалился немец. Другой вскочил и пистолет ко мне ко лбу приставляет. А я — за пистолет, вырвался, ору и тем же оружием застрелил немца. Опять за винтовку схватился, третьего немца штыком ковырнул и вбок откинул. Четвертого мы вдвоем с подоспевшим сержантом штыками закололи. Пятый, шофер, руки поднял и кричит:

— Пане, я вам! — Мы его живьем взяли.

Вот за это меня, наверное, и наградили.

Да, еще я восемь гвардейцев раненых с поля боя вывел, лейтенанта Жильцова на себе вынес. Вот и все.

РГАФД. № М–3400. Вр. зв. 02.32. Магнитная запись.

В. Гранов[82]

На штыке

Сатирическая радиокомпозиция для детей[83]

26 октября 1942 г.

Ведущий. Внимание, ребята! Слушайте нашу передачу «На штыке».

В сегодняшней передаче мы вам расскажем об окнах. Я имею в виду не простые окна. Это окна особые. Из этих окон стреляют, бьют, разят огненным словом фашистских выродков и призывают бойцов Красной Армии на ратные подвиги.

Догадались, какие это окна? Это окна ТАСС... Ребята! В окнах ТАСС, как вы знаете, зарекомендовали себя хорошими снайперами — поэт Маршак и художники Кукрыниксы. Сегодня мы передаем сатирические стихи поэта Самуила Яковлевича Маршака.

Сейчас вы услышите музыкальный номер... Фашисты не отличаются склонностью к музыке. Фрицам, например, режет слух и не только слух, но и головы, руки и ноги — музыка советской артиллерии.

Не нравятся фашистским людоедам и некоторые другие музыкальные произведения. Так, например, в оккупированной Голландии немецкие власти запретили исполнять произведения русских, польских и английских композиторов. Эту музыку и пытается заглушить фашистская джаз-банда.

Грозный немец-генерал
В Амстердаме приказал:
— Запретить под страхом смерти
Петь Чайковского в концерте.
Конфискуются пластинки
Даргомыжского и Глинки.
Исполнение Шопена —
Величайшая измена.
Дирижерам Амстердама
Предлагается программа:
Гитлер. Марш «Моя борьба»
(Кастаньеты и труба).
Антонеску. «Баркаролла».
(Барабан румынский соло).
«Тарантелла» Муссолини
На немецкой мандолине.
Гиммлер. «Вечером над Шпрее» —
Новый вальс на топоре.
Две рапсодии фон-Листа —
Генерала и фашиста.
Генерал фон-Маннергейм.
— Шансонетка «Финский сейм».
Доктор Геббельс. «Клевета».
Квислинг. Ария шута.
Геринг. Опера «Паяцы»
или «Новые эрзацы».
Менуэт. Дарлан-Лаваль
(Две собаки и рояль).

Ведущий. Фашистские правители не доверяют и боятся немецкого народа. Так, например, один из видных руководителей фашистской партии доктор Лей писал в своей статье:

«...народ — это большое дитя. Ребенок легковерен и доверчив, но он страдает также своенравием и упрямством, причиняющим нам много забот... Ребенку нельзя давать в руки нож, спички и другие опасные предметы...»

Слушайте, как эта усатая нянька убаюкивает немцев колыбельной песней.

Баю-бай, народ немецкий!
Спи-усни в коляске детской.
Над подушкою твоей
Наклонился доктор Лей.
За тобой следят, ребенок,
Сто шпионов и шпионок,
Спи спокойно, как в раю,
Баю-баюшки-баю.
Гитлер — твой приемный папа,
Мать — приемная гестапо
В колыбель глядят твою
Баю-баюшки-баю!
Спи-усни в своей коляске,
Мы тебе расскажем сказки.
Только — боже упаси! —
Есть, младенец, не проси.
Зная детские привычки,
От тебя мы прячем спички.
Станешь ты играть с огнем —
Подожжешь фашистский дом!
Баю-баю, баю-баю,
Я тебя оберегаю,
Не свожу с тебя я глаз.
Если будешь непослушен,
Мы совсем тебя придушим
(Или ты придушишь нас!).

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 15. Микрофонный материал.

Антифашистский митинг работников искусства и литературы[84]

29 ноября 1942 г.

Толстой А.Н. (*председатель*). Слово предоставляется композитору, заслуженному деятелю искусств Дмитрию Шостаковичу[85].

Шостакович Д.Д. Товарищи! Антифашистский митинг работников искусства собрался в исторические дни. Под мощными ударами Красной Армии терпят жестокое поражение гитлеровские полчища под Сталинградом. Рушатся злодейские планы фашистских варваров. Уже не раз хваленые немецкие волки испытали удары Красной Армии. Близок час окончательного разгрома и исчезновения с лица земли того, что мы именуем «фашизм».

Много горя принес человечеству фашизм. И задачей всего человечества является его уничтожение и создание таких условий жизни, при которых фашизм ни при каких обстоятельствах не мог бы возродиться.

Мы, работники искусства, не можем стоять в стороне от гигантской исторической схватки между культурой и варварством. Мы должны

стоять в первых рядах борцов за счастье, свободу, культуру, независимость народов.

Всего несколько дней тому назад наша страна отмечала великий праздник — 25-летие Октябрьской революции. Для нас, советских музыкантов, эта знаменательная дата подытоживает богатый путь творческих планов и достижений. В этих достижениях находят свое продолжение и развитие лучшие традиции мирового и русского искусства — искусства больших идей и чувства, жизненной правды и благородного служения народу. Перед нашим взором всегда стоят светлые образы прошлого — Бетховен, Чайковский, Мусоргский, Глинка, Шопен, Бородин. Великие музыканты, они связали свою творческую жизнь с народом, они жили его радостями, сострадали его горю, были вдохновенными певцами его светлого будущего.

«Я желал бы всеми силами души, — говорил Чайковский, — чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличилось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору». Эти замечательные слова великого русского композитора мы всегда должны помнить. Они вызваны огромной любовью к своему народу, своей родине, к человеку. Все свои силы мы должны отдать народу. Нашим стремлением должно стать создание такой музыки, которая помогала бы бойцу на фронте бить врага, бойцу в тылу — лучше работать. Нельзя в наши дни стоять в стороне от происходящих событий, замыкаться в свою скорлупу. История осудит таких людей. В дни, когда решаются судьбы человечества, судьбы нашего искусства, которому мы отдали свою жизнь, свои лучшие помыслы, нельзя отгораживаться от жизни и ждать в надежде, что война сама окончится без активного нашего участия. Нет! Победа придет в результате дружных и общих усилий. И позор тем, кто не творил победу, кто не боролся вместе со своим народом.

Не так давно в газете «Литература и искусство» была опубликована статья московского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Вольфа Паркера. Он писал о настроениях, существовавших в первый период войны среди некоторых кругов художественной интеллигенции Америки, стремившихся обособиться от народа, от участия в войне. Некоторые молодые писатели смотрели на войну с Германией как на бедствие, как на большую глупость, как на нечто бесцельное. В битвах сражаются за что-то и против чего-то, а некоторые из интеллигентов Запада — так утверждает Паркер — по их собственному признанию, не знают, за что и против чего они борются. И это незнание они сами считают результатом своей неспособности слиться с народом. Они говорят, что нация для них это — «они», а не «мы».

Подобные настроения в значительной мере относятся, надо полагать, к первым месяцам войны и, судя по всему, уже не могут характеризовать сегодняшнего состояния умов интеллигенции стран, борющихся с гитлеризмом.

Сегодня сознание людей во всем мире стало более высоким. Каждый, в ком теплится хотя бы искра стремления к свободе, кому дороги завоевания человечества, культуры, понимает сегодня значение и не-

обходимость борьбы, самой решительной и беспощадной борьбы с современными вандалами, именующимися немецкими фашистами.

И все же я считаю своей обязанностью обратиться с этой трибуны к вам, мои дорогие друзья и коллеги в зарубежных странах, с призывом объединить все свои силы вокруг героической борьбы, которую ведут сегодня свободолюбивые народы на полях сражений с полчищами гитлеровских разбойников.

Гитлеризм — враг искусства. Он несет человечеству рабство, голод, смерть. А искусство не может существовать там, где человечество порабощено, где человеческое достоинство попрано, где человек сведен к положению раба. Так неужели же мы, работники искусства, можем равнодушно взирать, как жестокий вандал наступает на горло нашим музам. Не бывать этому!

Сейчас, когда Красная Армия сокрушает гитлеровцев под Сталинградом, а армии наших союзников одерживают победы в Африке, музыканты всего мира должны соединиться и всеми своими силами способствовать нанесению окончательного удара Гитлеру и стремиться к тому, чтобы приблизить тот момент, когда он будет зажат в Европе в железные тиски с востока и запада.

Нам предстоят еще тяжелые испытания, огромное нечеловеческое напряжение сил, гигантские битвы, прежде чем наступит желанная пора, когда миллионы людей, ввергнутые в пучину войны, вновь смогут вернуться к своему мирному, творчески-созидательному труду.

Но победа сама не придет. Ее надо завоевать. Во имя этой грядущей победы борются и мужественно умирают лучшие люди нашего времени, во имя ее покрыли себя неувядаемой славой героические защитники Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда; во имя ее, принося великие жертвы, борется и побеждает советский народ; во имя ее все более активизируются силы, противостоящие немецкому фашизму во всем мире. Сегодня нет и не может быть среди нас равнодушных. В нашем единении — сила. Так же, как это делают армии, сражающиеся под Сталинградом и в Африке, должны объединить свои усилия и художники всех демократических стран для того, чтобы помочь армиям, которые завтра встретятся для окончательного разгрома гитлеризма на полях Европы.

История возложила на нас, современников гигантской битвы с немецким вандализмом, миссию быть выразителями идеалов борьбы за освобождение человечества от коричневой чумы. Заклеймить фашизм, разжечь ненависть к нему, показать средствами искусства подлинное обличье гитлеризма, воодушевить наших воинов — вот к чему должно быть устремлено сегодня все наше творчество.

Нет более благородных задач!

Так пусть же сердца наши будут обращены к войне, как обращены к ней сердца миллионов людей на всем земном шаре. Пусть лозунг «Все для фронта!» станет целью нашего ежедневного труда, всех наших творческих устремлений.

Недалеко то время, когда и на нашей улице будет праздник.

Будем же достойны участия в этом празднике!

Пусть каждый из нас, когда наступит послевоенное время и на земле водворится мир и счастье, сможет с гордостью сказать, что свое творчество военных лет он посвятил борьбе с кровавым фашизмом за светлое будущее человечества!..

Толстой А.Н. Предоставляю следующее слово народному артисту РСФСР, артисту ленинградского театра имени Пушкина Черкасову.

Черкасов Н.К[86]. В 1939 г. в годовщину Хасана я был на сопке Заозерной у наших пограничников гостем из Ленинграда. Мой творческий вечер длился уже около четырех часов, стало темно, я почти не видел своих зрителей, только светлячок цигарки изредка освещал загорелое лицо. Я спросил: «Может быть, устали, товарищи?» «Нет, нет! — отвечали мне, — будем слушать, продолжайте, спать не будем». И вечер продолжался. Он превратился в горячую, дружескую беседу. Меня спрашивали: что такое талант? как работает автор над историческим образом? писал ли для театра Стендаль? Этот вечер затянулся до глубокой ночи, но вопросы, которые поднимали бойцы, были так значительны и интересны, что я, как бойцы, забыл о времени и не чувствовал усталости.

Не знает усталости дружба работников искусств с бойцами и командирами нашей Красной Армии. В тяжелые, грозные дни Гражданской войны зарождалась эта дружба. И с тех пор без устали идет беседа ума и сердца, оживляющая нас, авторов, заставляющая лишний раз задуматься о таланте и о скромности, о силе воли и о настойчивости в работе над собой. Эта беспримерная в истории мировой культуры связь работников искусства с армией приняла характер взаимного шефства: и в парадных приемах, и в интимных встречах на пограничной заставе всегда актеров вдвое больше, чем зрителей. Каждый день укреплял эту дружбу, дружбу актера с его личными, самыми дорогими зрителями — бойцами Красной Армии. И когда грянули первые выстрелы финской кампании, ленинградские актеры приехали на передовые линии к своим старым друзьям и стали их постоянными спутниками и боевыми товарищами.

Первый опыт работы в боевой обстановке был отмечен Наркоматом обороны, и ленинградские работники искусства заслуженно получили переходящее Красное знамя Наркомата обороны.

Ярость и гнев пробудило коварное нападение гитлеровских полчищ на нашу Родину. Не страх и смятение вызвали первые разрывы бомб над нашими городами, а подъем духа и сплочение советского народа вокруг партии и великого вождя товарища Сталина. И в ответ на историческую речь 3 июля подавляющее большинство актеров города Ленина влилось в ряды народного ополчения, чтобы с винтовкой в руках, плечом к плечу со своими старыми друзьями стать на защиту отечества.

Многие из работников искусства сложили свои головы, защищая наш любимый город Ленина, многие продолжают биться с оружием в руках и на передовой линии, и в тылу у врага вместе с партизанами.

Лучшая актерская молодежь Ленинграда соединила профили актера и бойца, организовала агитвзвод Ленинградского фронта и дает уже

вторую тысячу выступлений в осажденном городе. Актер—боец и агитатор — сегодня как никогда верен горячей, крепкой братской дружбе с нашими героическими защитниками.

Дорогие товарищи, бойцы и командиры! На нас с надеждой и любовью смотрит весь мир. Низко кланяются вам свободолюбивые народы, они гордятся вашими успехами. Но больше всего гордимся вами мы, ваши друзья и братья. С великой благодарностью кланяемся вам и мы. Вы отстаиваете самое дорогое для сердца каждого патриота — Родину. Вы отстаиваете нашу русскую культуру, вы даете нам, русским актерам, возможность работать и творить на своем родном языке.

Дорогие товарищи бойцы и командиры, мы с вами!

Дорогие защитники Ленинграда, моряки Краснознаменной Балтики — мы с вами!

Дорогие защитники города Сталина, мы с вами! Поздравляем вас с победами, продолжайте бить и гнать фашистских выродков, приближайте час победы. Она не за горами. Мы твердо уверены, что каждый боец и командир нашей армии и флота завоюет законное право сказать врагу, повторяя слова великого русского патриота Александра Невского: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости, но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская Земля».

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 182. Л. 710, 36–37. Микрофонный материал.

И.Г. Эренбург

Выступление[87]

[1942] г.

В этот день весь мир смотрит на Москву. О Москве говорят в Нарвике и в Мельбурне. Провода мира повторяют одно имя: Москва. Москва теперь не только город — Москва стала надеждой мира.

И Москва осталась городом, русским городом. С каждым ее переулком связаны наши воспоминания. В ее запутанном плане, в чередовании старых особняков и новых многоэтажных корпусов — вся наша жизнь, вся наша история. Днем Москва живет обычной трудовой жизнью. Только стон стекла под ногой и суровость человеческих глаз напоминают о драме этой осени. Ночью Москва темна. Ее звезды не освещают путь врагу. Эта черная, побратавшаяся с ночью Москва остается светом для измученного человека.

Мы знаем героизм других народов. Мы обнажаем головы перед чужими могилами. Защитники Москвы с волнением думают о стойкости Лондона.

Два года Лондон, город-порт и город милого диккенсовского уюта, живет под бомбами, под бомбами работает, под бомбами думает. Слава Англии — чистосердечно восклицает русский народ — слава высоко поднятой голове, слава коленям, которые не сгибаются. Не пролив остановил немцев — воля английского народа, его гордость. Мы приветствуем английских летчиков. Они первые сказали на добром языке

фугасок: «как аукнется, так и откликнется». Они били и бьют логово проклятого зверя. Слава английским морякам. Они несут вахту свободы. Они везут бойцам за свободу танки и бязь, снаряды и зерно. Они снова сделали якорь символом надежды. Мы приветствуем английскую армию. Мы верим в ее будущее. Мы встретились с ней в благодатном Иране. Мы встретимся с ней и в стране зверя — в Германии.

Мы приветствуем тебя, пионер свободы, неукротимый народ Франции. Ты пал на поле боя, преданный и обманутый. Мы помним героев Арраса, защитников Тура, твою отвагу и твою беду. Немцы думали, что ты умер, что народ Вальми и народ Вердена станет народом изменника Дарлана, вора Лаваля. Ты ранен, но ты жив. Мы приветствуем армию генерала де Голля, армию изгнания, армию мести. Мы приветствуем французских патриотов, которые не сложили оружья. Слава заложникам Нанта. Их пытали страхом. Их агонию растянули на недели. Перед смертью они пели песню свободы «Марсельезу». Эту песню услышали и защитники Москвы.

Мы приветствуем чехов. Они первые узнали всю меру горя. Они не сдались. Орудия защитников Москвы салютуют мученикам Праги.

Мы приветствуем народ воинов — сербов. Не впервые их страна сожжена и залита кровью. В горы ушел народ. На немецкие приказы он отвечает свинцом, немцы вынуждены издавать в Белграде военные сводки — война в Югославии закончена на бумаге. Но на югославской земле война только начинается. Под Москвой мы платим за Белград, за его развалины, за его ночи.

Мы приветствуем храбрых греков. Мы были с ними душой на горных перевалах Албании. Мы восторгались тогда их стойкостью. Теперь мы вознаграждаем их за мужество, мы истребляем их палачей.

Мы приветствуем неустрашимых норвежцев, рыбаков, которые стали солдатами, партизан Ларсена, молчаливых и стойких людей севера. Мы приветствуем спокойных голландцев. Они отказались от счастья ради чести. Мы помним и развалины Роттердама. Мы приветствуем народ труда — бельгийцев, их каждодневное, упорное сопротивление. Брюссель снова узнает радость восемнадцатого года, он увидит бельгийскую армию в своих стенах.

Мы приветствуем нашу сестру Польшу. Слава польским партизанам. Мы слышим их выстрелы. На нашей земле строится теперь польская армия, и поляки, защищавшие Варшаву, получив винтовки, благоговейно целуют оружие. Они с нами пойдут на врага. С нами отвоюют свою землю.

Мы приветствуем арсенал свободы — Америку. Молодость не бывает равнодушной. Америка — это молодость мира. Руку и сердце дает она смятенной Европе. Слава труженикам Америки, ее инженерам и рабочим, ее народу и ее президенту — это тыл Европы, это наш тыл.

Мы приняли на себя страшный удар. Мы не уклонялись от него. Мы не хотим жить на коленях. Наш всенародный, наш национальный праздник в этом году омрачен развалинами и могилами. Свободу мы защищаем на своей земле, и мы оплачиваем ее своей кровью. Великим народам суждены и великие испытания. Нам выпала другая судьба.

Мы должны взрывать наши заводы. Мы должны рыть противотанковые рвы. Мы должны защищать Москву — здесь, под Москвой. И вот слово «Москва», как призрак, обходит мир. Утром люди, просыпаясь на другом полушарье, с тревогой спрашивают: «Как Москва?..» Они еще могут спать. Их сон охраняют орудия Москвы.

У русского народа большое сердце. Он умеет любить. Он умеет и ненавидеть. В этот торжественный и грозный день мы даем клятву любви и ненависти. Мы истребим гитлеровцев. Мы отплатим немцам за все обиды, за все горе. Они идут к нам в надежде поживиться. Они считают города и десятины, копи и склады. Они не сочтут своих могил. Немки пишут мужьям: «Пришли мне русскую шубенку». Мы заставили этих самок проплакать свои глаза. Улицы Берлина ответят за улицы Москвы. Крестьяне Украины будут допрашивать прусских баронов. И русские вдовы будут судить мерзкого Гитлера.

Они получат за все, они их лакеи. Румыны проклянут тот час, когда вшивый Антонеску ворвался в Одессу. Венгры ответят за Днепропетровск. Сто лет итальянцы не будут спокойно глядеть на Восток. Час расплаты придет. И теперь, в самые трудные часы русской истории, в день омраченного праздника, мы еще раз присягаем на верность свободе, на верность Родине, на верность России. Смерть врагам, говорит Москва. Слава союзникам! Слава друзьям! Слава свободным народам! За себя сражается Москва, за себя, за Россию и за вас, далекие братья, за человечество, за весь мир.

РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 175. Л. 4–7. Машинопись с авторской правкой.

С.И. Кирсанов[88]

Заветное слово Фомы Смыслова

Радиофельетон[89]

13 января 1943 г.

Против немецкой лжи — ухо востро держи!

Был у меня народ из солдатских рот. Нет ли у вас такого — Фомы Лукича Смыслова? Есть говорю, имеется! — Ежели вы не прочь, просим нашим бойцам помочь разобраться в одном вопросе. — Что, говорю, толковать, я приехал сюда воевать! А они:

— Бойцы приглашают, а командир разрешает. — Ежели для победы просит боец беседы — я за вами последую и побеседую.

В немца надо стрелять, надо его, подлеца, истреблять. Бей, закрепляйся прочно! Это точно. Но немец воюет не только миной, нас он бомбит и своей писаниной. Немец не только танком прет — он по-змеиному вьется и врет. Немец стреляет не только снарядом — целится в душу обманным ядом. Мы воюем с неслыханным гадом!

Лезет на нас фашистская вошь с низостью, с подлостью, с ложью растленною. Всякую гнусь и всякую ложь немец призвал на службу военную. Каждый немец — фашист паршивый, всякий слух от него фальшивый. Против немецкой лжи — ухо востро держи!

Пошел один боец за кусток, он глядит — на траве листок. Боец пошел для естественных дел, а листовку в руках повертел, поглядел — бумажка узкая, надпись русская. Стал боец разбирать слова, содержание — трын-трава, не слова, а тина — сатанинская писанина! Пишет немец — «войну долой», говорит, чтобы шел домой, уговаривает сдаваться, в ихнем лагере оставаться.

А у того бойца немцы убили в деревне отца. Из деревни-то немцев выбили, и боец убедился тут, сколько муки и сколько гибели оккупанты с собой несут. Увидел на пороге хаты, как отца истерзали гады. Грудь исколота, лоб изрезан, немцы выжгли глаза железом. Видел лагерь, где пленных мучили, видел изгороди колючие, видел клещи немецкой стали, чем бойцов палачи пытали.

Возмутилась душа бойца — и не стал читать до конца! Если встречу того писаку, когда буду идти в атаку, — штыковое перо всажу, не пощажу! Я по-русски ему скажу:

— На немецкий листок поганый мой ответ — огонь ураганный! За товарищей, за отца дам ему проглотить свинца.

Рассердился боец не на шутку, надорвал листок на закрутку, но от дыма листка того — сразу вытошнило его. Не вдыхать же заразу с дымом — уничтожить необходимо! Чтобы избавить себя от пакости, смял боец листовку до мягкости... Что к чему, дерьмо к дерьму!

Шутки шуткой, а слушай чутко. Немец — опасный зверь, хочет пробраться в каждую дверь: всюду поганый рыщет, в душу лазейку ищет.

Ежели спросишь: «Фома Лукич, слышал я нынче такую дичь. После сражения попал боец в окружение. Как-то пробрался через рубеж и возвращается цел и свеж. Ни синяка, ни царапины, только салом штаны закапаны: — Ну, говорит, попал в переделку, побыл у немцев ровно недельку. Спросишь его: — Каково? —А он: Ничего! — Что ничего? — А не бьют никого, ничего и харчи, бывали борщи, бывало и сало. Хлеба хватало...»

— Я, брат, на это отвечу короткой речью. Как он смеет шипеть о сале да гадючью пускать слюну! Наши люди глину кусали, ели мох в немецком плену. Под дождями в червивой яме там живые спят с мертвецами. От хваленой немецкой пищи каждый день умирают тыщи. Значит, гадина эта врет. Зажимай этой сволочи рот!

Этакий бывший пленник — лжец и прямой изменник. Был он и раньше змеей втайне, а побыл в немецком стане — выдал ему противник за шпионаж полтинник, дал ему враг наказ, как разводить шпионскую грязь. С таким не болтай, а хватай! Это пособник врага, лживый немецкий слуга с сердцем блошиным, с душонкою вшивою. Даром, что нашу форму надел! Бери такого за шиворот — и в особый отдел!

Хочет немец задуть нашу ненависть, чтобы бойцы не сердились, не гневились. Хочет ненависть потушить, а потушивши — нас задушить. Хочет наши штыки затупить, а затупивши — нас и убить!

А разве мы сами своими глазами не видели после незваных гостей груды обугленных детских костей?

Мало ли стыло бойцовское сердце, видя немецкие страшные зверства?

Скольких они повели на расстрел! Скольких на рабство они увезли?

Сколько мы видели девичьих тел, немцем растерзанных после насилья!

Сколько расстрелянных, сколько повешенных, сколько оставлено вдов безутешных, сколько трупов лежит у ворот, сколько осталось голодных сирот, сколько пролито горючих слез, сколько смертей безвинных, сколько кровавых звезд вырезано на спинах!

Это, ребята, факты. Мы и составляли акты.

...В каждой деревне немцев следы. Видели, знаем, сколько беды натворили грабители!

Нет такой статьи у судьи, мала и высшая мера, чтобы покарать изувера! Мало тюрьмы и казни для ответа немецкой мрази! Каждый немец — черный преступник, слава тому, кто немца пристукнет! А немецких слуг, шептунов и шлюх — выуживай, обнаруживай, арестовывай силой оружия!

Помни мое заветное слово — и воюй, и живи сурово! Будь душой крепок и чист, чтоб тебя не использовал тайный фашист. Помни, что ты надежда родины, родине преданный, родине отданный. Делу борьбы отдавайся всецело — душою и телом.

Вспомни, как бился летчик Гастелло. Он, когда выхода не было, — взглядом окинул синее небо, вспомнил родителей перед кончиной, ринулся в немцев горящей машиной, под обломками погребя и врагов и себя! Смелый боец никогда не сдается, и песня о нем веками поется.

А сейчас, ребята, конец покою, немец такает за рекою. Настораживай ухо, нацеливай глаз! Будет сегодня работка для нас!

Бою — время, беседе — час!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 156. Л. 91–94. Микрофонный материал.

В.Б. Шкловский[90]

Из фронтового блокнота

19 апреля 1943 г.

Александр Ковалев

Краснознаменный отряд мостовиков-ремонтников восстанавливал мост через Гжать.

Было это между Гжатью и Вязьмой. По путям уже прошли минеры, прослушивая тело насыпи. По обочинам прошли связисты, подымая столбы и навешивая на них новые провода. Уже пришли желдорбатовцы, рубили рельсы, сверлили обломки и клали новую линию.

Мост уже поднялся.

Ночью пришли минеры и сказали, что около устоя есть подозрительное место. С моста убрали рабочих. Минеры работали до утра, раскапывая глубокий колодец. Еще не рассвело.

Ударил взрыв. Трое минеров было убито.

В фугаски кладут немцы по полтонны своей и бельгийской взрывчатки. Колодцы приготовлены еще летом. Надо было продолжать пре-

следовать немцев, надо было восстановить мост. Железнодорожная широкополая, двухтавровая балка рухнула при взрыве, продавила лед и легла на дно реки.

Рассветало, но еще не теплело, и полынья покрылась звездчатыми морщинами свежего льда.

Мостремовцы — все туляки, из русского города, знаменитого своими слесарями. Город этот сам отбился от немцев, не пустил их, задержал.

Мостремовцы работают маленькой, крепкой компанией, инженеры у них молодые, все москвичи, одного выпуска года войны.

Там стоял среди мостремовцев Александр Ковалев, двадцатисемилетний любитель-фотограф, мечтавший когда-то о работе кинооператора. Сейчас он — монтажник.

— Для быстроты я не разденусь, –сказал он, в воду так и влезу, как есть в ватнике. А под водой, что холодно, сообразить будет поздно.

Товарищ еще раз попробовал шестом глубину и сказал: три с половиной метра.

— Давай трос,— сказал Ковалев.

Он снял шапку и со стальным тросом в руках нырнул под лед.

Стояли над полыньей, смотрели на часы. Прошло две-три минуты, потом вылез Ковалев и закричал:

— Тащите! — завязал морским, а потом закричал: — Раздевайте!

Его раздели, растерли керосином, он накинул на себя тулуп и голым в валенках побежал в деревню. Бежал полтора километра, и рядом с ним бежал его товарищ и кричал:

— Саша, не останавливайся, это для здоровья вредно! Балку подняли, поставили, мост отремонтировали вовремя.

Вечером пришел Ковалев и сказал:

— Сделано это в память минеров, потому что они против нашего на страх пошли.

Главное, — сказал Ковалев потом, — надо не забывать о своей жизни и на войне уметь ею пользоваться. Плаваю я хорошо и работал как любитель, легким водолазом. Ходил из интереса по дну Москва-реки с ранцем и с загубником и зажавши рот щипчиками. Прибора у меня этого не оказалось, а память есть.

И пошли мостремовцы на следующий мост и опять поднимают балки и оттаскивают старое тело убитого немцами моста, и вместе с другими работает Ковалев — почетный железнодорожник.

Дуванов Алексей Васильевич

Дуванов стоял на том месте, где когда-то был перекресток. Немцы взорвали все четыре дома. Дома рухнули. Сейчас женщины и ребята кирками и ломами расчищали дорогу. Дуванов, хоть он и не горожанин, хоть он и из деревни Сокрово Воробьевского сельсовета, помогал ребятам.

А в Сокрово вернуться было нельзя. Сокрово сожжено. Рядом, того же колхоза, деревня Быково, двадцать дворов осталось и осталось еще четыре курицы — сидели в сундуке. А петуха зарезали. Петух запоет — немцы придут и забирают.

Дуванову Алексею Васильевичу пятьдесят семь лет. Сгорела его изба и спеклась картошка под избой.

Он мне говорит:

— Остались у меня собачка и кошечка, и то хорошо. Немцы и собаку хотели убить. Как они приходят, первым делом выгоняют всех из избы: живите где хотите. Жили мы в блиндажах брошенных. Если к тебе немец придет, ты лучше на меже умри, ты лучше сегодня его поленом бей, большая выгода. Сегодня умрешь — завтра немцев не увидишь.

Заблевали они нас, загадили. Ништо, что стояла у нас санитарная часть.

Курица — какое ничтожное мясо, а он за нее дрожит.

Уходить начали: скот угоняют, теленок однодневный, он ему в ухо стреляет, ягненка режет.

В Быкове умный старик был, он корову свою так запрятал, что к ней только через крышу ходил, и корова умная — не мычала. Рожала корова, морду ей старик держал. Вынес теленка через крышу, принес к соседу, на печку положил, в шубу завернувши. И качала соседская баба теленка и пела — баю, баю, чтобы немцы теленка не убили. Ну, не зашли.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 31. Микрофонный материал.

Советы огородникам[91]

16 июня 1943 г.

Диктор. Отвечаем на вопросы огородников.

Товарищ Никитина спрашивает: до какого срока можно производить посадку картофеля?

Отвечаем на вопрос. Лучшим сроком для весенней посадки картофеля в Московской области является время между 10 и 25 мая. В тех случаях, когда имеется хорошо обработанный и удобренный участок и проращенные клубни картофеля, посадку его на индивидуальных и коллективных огородах можно производить до 20–25 июня.

Этот срок является предельным. При более поздней посадке клубни картофеля не вызреют и урожай будет значительно пониженным.

Диктор. Через сколько дней всходит картофель? С таким вопросом обращается к нам товарищ Морозова.

Товарищ Морозова! При посадке картофеля на нормальную глубину в 10–12 сантиметров непроращенными клубнями всходы картофеля начинают появляться на 20–23-й день. Картофель, посаженный яровизированными клубнями, всходит на 12–15-й день.

Для ускорения всходов картофельный участок нужно разрыхлять, регулярно уничтожать граблями или мотыгой почвенную корку.

Первое рыхление производят до появления всходов, на 10–12-й день после посадки, а второе — в начале появления единичных всходов картофеля.

Диктор. Передача окончена.

Следующую передачу «Советы огородникам» слушайте в пятницу, 18 июня, в 6 часов 45 минут утра.

Товарищи огородники! По всем интересующим вас агротехническим вопросам обращайтесь по адресу: Москва, 6, почтовый ящик № 3734, отдел пропаганды и агитации.

Редакция сельскохозяйственных передач.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 55. Л. 148–149. Микрофонный материал.

В.В. Сумин[92]

Стахановцы — фронту

Выступление

25 августа 1943 г.

Я стоял у станка и обтачивал деталь. Пришел начальник нашего цеха товарищ Ершов Михаил Сергеевич. Говорит: «Красная Армия взяла Харьков. Ждали мы эту весть со дня на день. И вот она пришла. Большая победа, большая радость!»

Мы продолжали работу, а в душе волнение. Хорошо воюет Красная Армия. Очень хорошо! Ее удары по фашистам усиливаются...

Тут подошел к нашей бригаде товарищ Медькин— бригадир. Спрашивает: как, товарищи, отметим новую победу?

— Ясно — как.

— Увеличим выработку! Бригада наша — фронтовая. Полторы дневных нормы за смену даем. Красная Армия возвратила нашей Родине вторую столицу Украины — большой и всем нам дорогой город Харьков. Армия наша идет вперед, тесним немцев с их «тиграми» и «фердинандами».

Пойдем и мы — станочники — дальше вперед. Увеличим выработку еще на половину дневной нормы за смену. Будем давать две нормы вместо полутора.

Так и решили. Уплотним рабочее время. Улучшим организацию рабочего места.

На митинге мы гласно объявили о нашем решении и сразу взялись за его выполнение. Дело пошло отлично. Я на своем токарном станке уже в первые часы обточил на несколько деталей больше обычного. Револьверщики Волков, Быков, Иванов, Трейман, Павловский, Гончаров — вся бригада сейчас на большом подъеме.

Красная Армия наступает. И мы не отступим от новых наших достижений.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 254. Л. 475–475 об. Микрофонный материал.

Л.М. Маграчев[93]

Ленинград в декабре

Документальная радиокомпозиция[94]

26 декабря 1943 г.[95]

Корреспондент. Мы присутствуем при вручении медалей «За оборону Ленинграда» большой группе школьников Выборгской стороны.

Нужно видеть, какой радостью сияют лица ребят. Многим из них едва минуло двенадцать лет. Вместе со всеми ленинградцами юные

патриоты стойко и мужественно защищают родной город от врага. Мальчики и девочки подходят к председателю исполкома Выборгского райсовета товарищу Тихонову и получают из его рук прославленный навек знак ленинградской доблести...

(*Идет вручение.*)

Медаль вручается Наталье Беликовой, ученице 105-й школы. Товарищ Тихонов поздравляет школьницу с наградой, крепко жмет ей руку.

Беликова Н. Товарищи! Сегодня, получая медаль «За оборону Ленинграда», я и мои подруги испытываем такую радость, такую гордость... Трудно передать словами то, что мы чувствуем.

Медаль напомнит нам о тех трудностях, которые пришлось пережить. Мы вспомним о холодной зиме 41-го года, об уроках в нетопленых классах. Желание учиться было так сильно, что мы шли в школу, несмотря ни на что.

Вспомним весну 42-го года, когда после школьных уроков шли на очистку родного города, вспомним о лете 43-го года у станка, на заводе, и лете этого года в совхозе.

Немцы бросали на нас бомбы, они и сейчас обстреливают наш город снарядами, но мы все равно учились и учимся. Мы всегда будем с благодарностью вспоминать отношение партии и правительства к нам, к школьникам. Никогда мы не забудем, что в такое тяжелое время нам всем так много помогли и дали возможность учиться. Никогда мы не забудем, что нас отметили наградой наравне с бойцами Красной Армии, которые своей кровью завоевывают наше счастье.

В нашей семье сегодня особенно большая радость. Теперь мы все имеем медали «За оборону Ленинграда» — папа, мама и я.

Получая медаль, я хочу сказать, что мы, школьники, должны стать достойной сменой нашим отцам и братьям.

Так будем же, ребята, еще лучше, еще дружней учиться и помогать старшим завоевывать победу над врагом! (*Аплодисменты.*)

Диктор. Слушайте выступление поэта Веры Инбер.

Корреспондент. Мы посетили Веру Михайловну Инбер[96]. Сегодня она закончила последнюю главу своей поэмы «Пулковский меридиан».

Предоставляем слово Вере Михайловне Инбер.

Инбер В.М. Моя поэма «Пулковский меридиан» казалась мне совершенно законченной. Но, подготовляя ее ко второму изданию, я убедилась, что это не совсем так. Появилась небольшая шестая глава — о прошлом лете, когда наметился перелом в ленинградской жизни.

Как много птиц и маленьких детей
Опять щебечет в гнездах Ленинграда.
О детский мир, цвети и не скудей
В пределах комнат и в аллеях сада,
И после двух блокадных наших зим
Чаруй нас возрождением своим.

Но самое главное — потребовалась в поэме заключительная, седьмая, глава, которая называется «Восстановленье». Без этой главы ле-

нинградская эпопея не может считаться законченной. Да, Ленинград — еще фронт. Еще на его улицах, на стенах домов — знаменательная надпись: «Граждане, во время артобстрела эта сторона наиболее опасна», и все же город восстанавливается.

Уже начался ремонт отдельных зданий. Уже повсюду лежат штабеля дров. Уже все выше, из этажа в этаж, подымается вода по восстановленным трубам.

И кран, где все, казалось, испито,
Где не было уже ни капли жизни,—
Оттуда вдруг мелодия как брызнет.
Все выше, выше. И на верхнем «до»
(Как эта нота радостно свежа!),
«До»... пятого доходит этажа.
Уже снова горит электричество.
Взамен коптилок, плошек и лучинок,
Над письменным столом и над плитой
Опять горит огнем своих тычинок
Электролампы венчик золотой.
Да здравствует, дающая нам ток,
Энергия, взрастившая цветок!

Образ неиссякаемой, бессмертной энергии советского человека является основным в главе. Энергия, «бегущая по проводу, по стеблю», возрождает к жизни и электричество и пальму в Ботаническом саду. Она переполняет аудитории вузов, восстанавливает здания и произведения искусства, поврежденные врагом.

Да здравствует великий русский город,
С энергией, невиданной дотоль!
Да здравствует энергия, в которой
Спрессованы десятки тысяч вольт.
Тепло и свет которых не могла
Осилить никакая сила зла!

Так заканчивается моя поэма «Пулковский меридиан» — работа, которой я была занята эти два года...

Диктор. В Ленинграде живет известный русский балалаечник Борис Сергеевич Трояновский. Несмотря на преклонный возраст, талантливый музыкант продолжает свою музыкальную деятельность и с большим успехом выступает перед бойцами Ленинградского фронта и трудящимися Ленинграда. Наш корреспондент посетил Бориса Сергеевича Трояновского.

(*Игра на балалайке.*)

Корреспондент. От Мурманска до Тбилиси, от Минска до Владивостока — почти во всей России побывал за 40 лет своей музыкальной деятельности Борис Сергеевич Трояновский.

Его замечательные концерты на балалайке, этом, казалось, весьма ограниченном в своих музыкальных возможностях инструменте, поражали и восхищали слушателей.

Создав новые приемы игры, Трояновский впервые показал балалайку как сольный инструмент, имеющий наравне с другими самый широкий доступ в фортепианную, скрипичную и симфоническую музыку.

Борис Сергеевич — исключительный виртуоз. Великолепная техника и легкость его игры вызывали громкие аплодисменты на всех эстрадах мира. Русский балалаечник Трояновский выступал в Англии, Дании, Швеции. Его концерты с большим успехом проходили в Нью-Йорке, Чикаго, Балтиморе и многих других городах Америки.

Его игру не раз с удовольствием слушал Лев Николаевич Толстой. И сегодня мы застаем Бориса Сергеевича в полном расцвете своего незаурядного таланта...

(*Трояновский заканчивает играть, подходит к микрофону.*)

Трояновский Б.С. Дорогие товарищи! Много тысяч концертов пришлось мне дать за сорок лет своей жизни в музыке...

Я очень тронут и взволнован тем, что в такие напряженные дни вспомнили обо мне. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем моим слушателям. Сейчас я вам исполню русскую песенку. Как и сорок лет назад, мне аккомпанирует Михаил Тимофеевич Дулов. (*Исполняется песня «Полноте, ребята!»*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 275. Л. 2–6 об. Микрофонный материал.

Угадай-ка[97]
Радиоигра

22 февраля 1944 г.

Ребята. Сегодня мы передаем игру-загадку «Угадай-ка». Какая это игра? А вот какая. Мы зададим вам вопросы, на которые вы должны будете ответить; загадаем загадки, которые вы должны разгадать.

У нас есть знакомый мальчик Боря. Мы спросили его:

— Боря, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Танкистом, как мой папа. Танк крепкий, его пуля не прошибет. И снаряд тоже. А всех фашистов он просто подавит. Раз-два — и все тут! А лошадь я себе выберу самую сильную, самую быструю.

— Постой, постой, Боря! Какую лошадь? Зачем лошадь?

— Я хочу на лошади ездить верхом... Как дядя Сеня. Сяду, шашку возьму, на врагов помчусь и шашкой всех порублю! Раз-два — и все тут!

— А как же танк?

— Что танк?

— Ты ведь хочешь быть танкистом?

— Ну да, танкистом. Я и буду танкистом, и на лошади ездить.

— Тогда, брат, тебе надо идти не в танкисты, а в кавалерию.

— В кавалерию? Это, которые на лошади, кавалеристы?

— Да, на лошади.

— Ну, хорошо. Я буду кавалеристом. Сяду на лошадь и поеду. А если немцы близко подойдут, я возьму свою пушку, как наведу, как выстрелю — всех убью!

— Погоди, Боря. Ты опять что-то путаешь. Ты кавалерист?

— Кавалерист... который на лошади.

— А пушка при чем же?

— Так ведь стрелять-то надо? Немцы подходят, их много. Вот я и выстрелю.

— Да разве из пушек кавалеристы стреляют?

— А кто же?

— Артиллеристы, Боря. А не кавалеристы.

— Ну, пусть я буду артиллеристом! Я выстрелю из пушки, а потом пойду мины искать. Немцы много мин положат. Спрячут их, закопают, а я все мины найду. Вытащу их, и мины никого не убьют. Немцы будут думать, что всех убили, а мы все живы. А мины в кучку сложены — это я сложил!

— Просто беда с тобой, Боря. Все, все ты перепутал. Кто мины обезвреживает, кто из пушки стреляет, кто на лошади воюет — ничего не разберешь.

А вы, ребята, хорошо знаете военные специальности? Знаете, что делают артиллеристы, кавалеристы, связисты, саперы? Чем занимаются разведчики, кто называется снайпером? Знаете? Так помогите Боре во всем разобраться. Сейчас мы прочтем рассказы и стихи, а вы угадайте, о бойцах каких специальностей говорится в этих рассказах. Угадайте и Боре напишите, чтобы он тоже знал.

Первый рассказ называется «Вдвоем с братишкой».

«Наши войска шли в наступление. Связисты тянули телефонные провода. По этим проводам артиллеристы сообщают, куда стрелять, штабам — как идет атака, куда посылать подкрепление, танки.

И вдруг в разгар боя оборвались провода, и всякая связь прекратилась. Немедленно на линию выслали связистов. Провод был протянут по уцелевшим телеграфным столбам. Смотрят связисты, один конец провода валяется на снегу, а другой торчит на столбе.

— Наверное, шальная пуля подстрелила, — решили связисты. — Следов вокруг нет. Кто же мог его оборвать?

Вдруг раздался негромкий выстрел. Где же затаился вражеский снайпер? Не успели разглядеть бойцы.

Он притаился под столбом, притворяясь мертвым. Он выжидал, не пошевелится ли враг. Так пролежал он до самого вечера. Только ночью вернулся Жнивин в свою часть. Сел у костра и крепко задумался.

Через некоторое время прибегают бойцы к командиру:

— Афанасий Жнивин, видно, с ума сошел: куклу себе делает.

И верно. Сидит Жнивин у огня и шьет из белой портянки голову для куклы величиной с человеческую.

Командир отозвал его в сторону и о чем-то с ним говорил. А потом сказал бойцам:

— Не мешайте товарищу. — А старшине приказал:

— Выдайте ему для куклы старую шинель и разбитую каску.

Афанасий пришил голову к воротнику шинели, к голове прикрепил каску, шинель набил соломой и получился человек. Он ему даже дере-

вянное ружье на спину приделал и посадил рядом с собой. У костра. Когда принесли ужин, Жнивин сказал бойцам:

— А ну-ка, покормите моего братишку Ваню. Он мало каши ел.

На рассвете наши войска снова перешли в наступление. И снова фашисты оборвали во многих местах провода. Афанасий Жнивин вызвался идти на ту линию, где его чуть не убил снайпер. Он оделся в белый халат, положил Ваню на лыжи и пополз, толкая куклу впереди себя шестом.

Бой был сильный. Вражеский снайпер сидел на том же месте. Он пристально смотрел вокруг и вдруг увидел — вдоль линии ползет человек в серой шинели. Ползет, ползет и остановится, словно раздумывает. Вот он у столба. Привстал, дернулся вверх, словно его подтолкнули, и снова остановился. Враг выждал, когда человек еще раз приподнялся, и выстрелил.

Странный человек только дернулся, но не упал.

Враг прицелился еще тщательней и снова промахнулся. От злости он забыл осторожность и выстрелил в третий раз.

И в тот же миг получил удар в лоб, словно к нему вернулась собственная пуля. Фашист взмахнул руками и повалился вниз.

А Афанасий Жнивин встал из-под столба, почти невидимый в белом халате, и сказал:

— Ну, Ваня, один готов!

Посмотрел, а у его приятеля в шинели три дырки от пуль. Метко стрелял немецкий снайпер, да попадал в солому.

Когда он в первый раз выстрелил, Жнивин повернулся на выстрел. Когда он второй раз ударил — Жнивин заметил, как снег с одного сучка осыпался. А в третий раз они выстрелили одновременно. Только враг попал в куклу, а наш боец — врагу в лоб.

Перехитрив одного снайпера, Жнивин перехитрил также и второго. Так он всю войну охотился на вражеских снайперов, подманивая их на куклу. И охотился всегда успешно.

Ему доставались похвалы бойцов и офицеров, а его Ване только вражеские пули. Но соломенному братишке не приходилось ложиться в госпиталь. Жнивин сам зашивал его раны суровыми литками.

И когда бойцы его спрашивали:

— Как это ты так ловко врагов бьешь? — Он отвечал:

— Это я не один, а вдвоем с братишкой».

Вот, ребята, какую хитрость придумал Афанасий Жнивин. И эта хитрость помогла ему убить много врагов. Какой же специальности боец Жнивин? Подумайте и напишите об этом Боре. Это первый вопрос нашей игры-загадки «Угадай-ка»...

А сейчас послушайте небольшой рассказ писателя Кассиля «Невидимка».

«Застряли в лесу немецкие грузовики. Снег идет, вьюга. Мерзнут немцы с непривычки. Боятся фашисты русской зимы. А боец наш пробрался к самым немцам в лесу и спрятался в кустах. Все выследит, все запомнит, все заприметит, а самого его не видно. На нем белый халат, и кругом снег белый. Немцы идут мимо и думают: это снежная кочка.

Но вдруг полетели из этой кочки пули. Повалился немецкий офицер, упали рядом два фашиста. Наш боец меткий стрелок. Ни одной пули даром не потратит.

Стали немцы стрелять по лесу, а куда метят — сами не знают. Разве поймаешь невидимку?

Давно уполз он, пробрался к нашим. Говорит командиру:

— Так, мол, и так, все высмотрел. В лесу немцы завязли. Пять машин, а фашистов я стал считать — тринадцать насчитал. Для ровного счета троих уничтожил...»

Боец, о котором говорится в этом рассказе, пробрался к немцам, высмотрел, где они, сколько их и доложил об этом командиру. Как называются такие люди, которые узнают, что делается у врага? Как можно назвать нашего невидимку? Напишите об этом Боре. Это третий вопрос игры-загадки «Угадай-ка».

А еще, ребята, пришлите рисунки к тем рассказам и стихам, которые мы передавали. Нарисуйте танки, самолеты, братишку Афанасия Жнивина, невидимку, который прячется в лесу, — кому что понравилось, тот пусть то и рисует.

Присылайте скорей, ребята, ответы и рисунки. Мы с Борей ждем ваших писем с нетерпением. Пишите по адресу: Москва. Почтовый ящик № 3734. Отдел радиовещания для детей.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 34. Микрофонный материал.

«Письма на фронт»

6 августа 1944 г.

М.П. Чехова[98] — В. Стеженскому

Мария Павловна Чехова — сестра великого писателя Антона Павловича Чехова — ежедневно получает много писем со всех концов Советского Союза.

Ей пишут люди, глубоко чтящие память Антона Павловича; они горячо благодарят Марию Павловну за то, что в тяжелые дни немецкой оккупации она сумела сохранить родной каждому русскому человеку белый домик в Ялте, где последние годы жил и творил Чехов.

Советский народ широко отметил сорокалетие со дня смерти великого писателя. Много прочувственных писем получила Мария Павловна в эти дни.

Сегодня мы передаем ответ Марии Павловны Чеховой старшему лейтенанту Владимиру Стеженскому.

Старший лейтенант Владимир Стеженский! Слушайте письмо Марии Павловны Чеховой.

«Здравствуйте, товарищ Стеженский! Сердечно признательна вам за письмо. Вы спрашиваете, помню ли я вас, одного из первых посетителей дома Антона Павловича Чехова в день освобождения Ялты от немецких варваров. Конечно, помню. Разве могу я забыть день 16 апреля?!

Как первые ласточки весной, в час освобождения города дорогие воины сразу же посетили дом Чехова. Я бережно храню запись, которую вы преподнесли мне от имени бойцов и офицеров вашей воинской части. Вот пишу эти строчки, а письмо лежит передо мной. Десятки раз перечитываю незабываемые слова, которыми вы так хорошо выразили, как дороги и близки советским людям самые сокровенные мысли и чувства великого писателя:

"Сейчас мы идем в бой. Во имя любви к жизни, во имя того, чем жил и что любил Чехов, мы будем уничтожать орды немецких злодеев, заливших кровью нашу родную землю".

В письме вы вспоминаете, как выглядел музей после освобождения, когда вокруг дома в саду чернели свежие воронки от немецких бомб, были выбиты окна и в комнатах гулял весенний апрельский ветер.

Рада вам сообщить, что разрушения в саду и в комнатах, причиненные вражеской бомбардировкой, ликвидированы. Военное командование распорядилось сделать необходимый ремонт. Перестали хрустеть под ногами стекла, и мы начали принимать в доме Чехова наших избавителей от немецкого ига. Жизнь снова закипела в доме-музее.

Я счастлива, что после тяжко пережитой немецкой оккупации снова широко открылись двери дома-музея моего брата.

Двадцать девять месяцев крымская земля была в плену у немцев. Страшно вспомнить об этих днях, о пережитых волнениях. Когда в Ялту вступили немцы, я почувствовала себя оторванной от жизни, от родины. Я легла на кровать и горько заплакала.

Вступив в город, немцы в тот же день явились к нам и поселились в нижнем этаже. Каждое утро меня будили тяжелые шаги немецких солдат. Потянулись месяцы мучительного существования бок о бок с врагами, которые где-то рядом расстреливали ни в чем не повинных людей.

Жизнь в доме-музее замерла. Опасаясь как бы гитлеровцы не отобрали дом, мне пришлось извлечь на свет купчую. Согласно этой бумаге, я являлась полной хозяйкой дома.

Мне было чрезвычайно грустно, когда один из немецких солдат влез на голубую испанскую сосну, когда-то посаженную Чеховым, и спилил ее вершину, потому что немецкому майору в день Рождества нужна была елка. Эта обезглавленная сосна под окнами живо напоминает о фашистских варварах, еще недавно хозяйничавших в Ялте. Теперь это страшное время позади.

Счастлива, что знаменательную дату — сорокалетие со дня смерти Антона Павловича — мы отметили в освобожденной Ялте.

Правительство высоко оценило мой скромный труд, наградив меня орденом Трудового Красного Знамени.

Я знаю, как ценен для народов нашей Родины дом Антона Павловича — этот памятник-музей великого русского писателя. И, пока я жива, я буду хранить его с такой же любовью, как в течение всех истекших сорока лет.

Буду очень рада увидеть в Ялте вас и ваших боевых товарищей — освободителей нашего города.

Привет им горячий от меня и моих сотрудников.

Желаю вам боевых успехов.

Мария Павловна Чехова. Пишите мне по адресу. Крым, Ялта, Домм музей Чехова».

Е.А. Потапова — В.В. Потапову

Радист Владимир Васильевич Потапов! Вам весточка из Москвы от матери Евгении Ананьевны Потаповой.

«Любимый мой сынок Володенька!

Поздравляю тебя с днем рождения и желаю, чтоб в жизни тебе сопутствовали удача и счастье. Вот уж четвертый раз свой день рождения ты встречаешь в разлуке со мной. Но сердцем я всегда с тобой, мой сынок, и в тяжелые дни блокады Ленинграда, и в Кронштадте, и под Нарвой. Еще раз желаю тебе, мой Володенька, боевого счастья и успехов в делах. Спасибо за письма, за заботу. Крепко целую. С приветом. Твоя мама Евгения Ананьевна Потапова».

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 19. Д. 232. Л. 10–13. Микрофонный материал.

Письма с фронтов Отечественной войны

8 августа 1944 г.

А.И. Бородин — родным

Александра Ивановна и Нина Ивановна Бородины! Слушайте письмо брата, гвардии старшего сержанта Алексея Ивановича Бородина.

«Добрый день, дорогие сестры Шура и Нина!

Шлю вам свой горячий братский привет, пожелания всего лучшего в вашей жизни, а главное — здоровья.

Дорогие сестрицы! Я служу в войсках Первого Украинского фронта. Дела у нас идут хорошо.

Как-то перед рассветом — это было в начале июля — мне приказали выдвинуться со своим орудийным расчетом к переднему краю. Мы прибыли сюда вместе с начальником штаба полка майором Житковым и командиром батареи лейтенантом Скибицким. Они указали мне место, где занять позицию.

— Стой, — говорят, — здесь, обороняй рубеж!

Мы, понятно, сразу же начали окапываться. Не успели все сделать, как увидели, что сотни четыре немцев идут в полный рост цепью. Я — к телефону. Вызвал командира батареи, доложил обстановку.

— Бей сколько снарядов хватит, продержись до вечера! — приказал комбат.

Я огляделся. Слева от меня — река Прут, справа, в километре, — наша третья батарея. У меня, кроме орудия, станковый пулемет. Всего нас — десять человек. Пехоты нашей на этом участке было мало, да и та в полкилометре, у лесопильного завода. Но мы решили, что врага не пропустим, встретим его, как полагается.

Открыл беглый огонь осколочными. Немцы залегли. Только прекратили стрельбу, они поднялись и опять пошли. Да тут еще появилось их четыре танка. Дал прицел наводчику, гвардии сержанту Пасечнику. С первого же выстрела головной танк задымил. Остальные, видя, что с нами шутки, плохи, повернули назад. А мы тогда перенесли огонь на пехоту. У нас было шестнадцать пулеметных лент, да еще четыре поднесли, так мы все и израсходовали.

Тем временем подошла наша пехота и ринулась на врагов, смяла их и погнала назад. На поле боя мы насчитали сто пятнадцать вражеских трупов. А у меня в расчете ни одного убитого, ни одного раненого.

За это дело все мои бойцы получили награды. Меня и Пасечника наградили орденами Красной Звезды.

Дней через десять после этого участвовали в прорыве вражеской обороны под Львовом. Здесь тоже мы крепко погромили немцев. В первый же день нашего наступления продвинулись на девять километров, а во второй — еще больше. Мы двигались вперед в боевых порядках пехоты, хорошо ей помогали, стрелки были довольны.

А на третий день наступления около меня разорвался немецкий снаряд, несколько осколков угодили мне в спину. Пришлось отправиться в санбат.

Очень обидно было расставаться с боевыми товарищами, но скоро надеюсь выписаться из госпиталя и вернуться к своим верным фронтовым друзьям. Буду их догонять. Ведь они уже далеко ушли за Львов.

Ждите моих новых писем, сестрицы. Пишите и вы мне. Остаюсь — ваш брат Алексей Бородин».

* * *

Георгий Евдокимович Черенков телеграфирует другу Михаилу Тихоновичу Кузнецову.

«Горячо поздравляю с высшей правительственной наградой — присвоением звания Героя Советского Союза. Желаю новых боевых удач.

Обнимаю, жму руку.

Твой друг Жорж.

Пиши мне по адресу: полевая почта номер ноль семь тысяч сто двадцать восемь, Георгию Евдокимовичу Черенкову».

* * *

Передаем приветы от фронтовиков родным и близким в освобожденные города и села.

В город Яунлатгале Латвийской республики отцу Федору Васильевичу Березкину, матери и всем родным — от Анастасии Федоровны Рудзиш, полевая почта номер пятьдесят одна тысяча девятьсот двадцать два; в город Минск, сестре Марии Федоровне Мазаник— от Андрея Васильевича Ладутько, полевая почта номер ноль семь тысяч семьсот двадцать семь «Г»...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 19. Д. 232. Л. 89–91. Микрофонный материал.

А. Глебов[99]

Русское сердце
Радиопьеса

1944 г.

Тихо, печально звучит мотив русской колыбельной песни. Его прерывают сдерживаемые рыдания. И снова звучит песенка. На фоне ее так же тихо, сдержанно звучит голос диктора.

Диктор. В двадцати минутах езды от Москвы, в поселке Ховрино, в одноэтажном деревянном коттедже под номером 6 по 1-му Железнодорожному переулку живет Мария Александровна Козина. Ее сын Юрий с начала войны на фронте. В течение первого года войны он писал матери. Потом письма перестали приходить. Мать знала, что ее сын находится среди защитников героического Севастополя, осажденного тогда нацистскими армиями. После беспримерной восьмимесячной обороны руины этого исторического города были оставлены русскими. Немцам взятие Севастополя обошлось в триста тысяч солдат и офицеров. Но они потеряли больше этого. Они потеряли темп и самоуверенность. Севастополь в значительной мере подготовил и предрешил триумф Сталинграда. Со времени сдачи Севастополя Мария Козина не получила от сына ни одного письма. Только мать, у которой сын пропал без вести где-то далеко от родного дома, поймет переживания Козиной. Только мать поймет, с какой невыразимой тоской и щемящей болью немолодая женщина, сидя в одиночестве у тлеющих угольков очага, шьет что-то и тихо напевает ту самую песенку, которую некогда певала над колыбелью первенца. Увидит ли она его когда-нибудь? Вернется ли он к ней? И каким вернется? Не калекой ли? Не слепым ли? Не лишившимся ли рук и ног? Узнает ли она вообще что-либо о нем? Или навсегда его конец останется для нее горькой тайной?

Снова колыбельная песня, переходящая в заглушенные рыдания.

Веселый голос девушки. Мария Александровна!

Мать. Что это? Неужели письмо?!

Девушка. Целых два! И одно...

Мать. От Юры?!

Девушка. Да.

Мать. О, господи! Где оно? Где? Покажите скорей! Да! Это его рука! Это он мне пишет! Он жив! Жив! Родная моя, дайте я вас расцелую! Вы вернули мне жизнь! (*Смеется и плачет.*) Вы вернули мне сына! Юра жив, он жив! А это от кого? Николаев. 5-я Военная улица, 58. От Н.П. Мироновой. Кто это? Я не знаю ее. У меня в Николаеве ни одной знакомой души.

Диктор. Взволнованная, вскрыла Мария Козина письмо сына, потом другое. Они дрожали у нее в руках. И письма рассказали ей простую, но поразительную повесть, один из бесчисленных эпизодов героической русской эпопеи.

Музыка. Грохот взрывов. Вой мин. Гул пикирующего самолета. Взрыв. Крики, стоны.

Капитан (*с тревогой*). Козин! Козин! Неужели тоже убит?!

Юрий Козин (*не сразу, с трудом*). Жив, товарищ капитан. А пятерых еще потеряли.

Авдеенко. Скоро всем конец.

Капитан. Кто это там затянул панихиду? Авдеенко?

Авдеенко. Нет больше сил, товарищ капитан!

Капитан. Нет, так умри, а у нас под ногами не путайся! Мы себя дешево не отдадим. Верно, Козин? Ложитесь к пулемету! Бейте их, проклятых! По сотне за каждого нашего убитого! По тысяче за каждого живого!

Бьет пулемет и смолкает.

Капитан. Бейте, Козин, бейте!

Козин. Больше нету патронов, товарищ капитан.

Капитан. Проклятие! Связи тоже нет. Перебили. Радиопередатчик разбит. Что ж, единственная надежда пробиться вдоль берега, под укрытием скал. Может быть, вырвемся. Лейтенант Козин! Мальцев! Прикрывайте отход гранатами, потом отходите сами.

Козин. Есть.

Взрывы. Гул самолета. Вой и разрывы мин. Снова стон. Музыка.

Диктор. Маленькая кучка героев, железных людей, которые под беспримерным огнем, в условиях огромного превосходства немецкой артиллерии и авиации, восемь месяцев удерживали крохотный клочок скалистой крымской земли, стала отступать вдоль прибрежных скал. Но куда? Всюду уже — и справа, и слева — были нацисты, озверевшие от понятной ярости. Слишком дорого обошелся им Севастополь. Сломив последнее сопротивление защитников крепости, они продолжали бояться их. Больше недели кучка героев, укрывшихся под гранитными навесами скал, отбивалась от сотен их танков, минометов, авиабомб. Кончилось продовольствие. Не было ни глотка пресной воды. Они пили горько-соленую воду моря. Почти все были ранены. Юрию Козину осколок снаряда раздробил плечо. Он уже не мог больше стрелять, но продолжал помогать товарищам, подавал морскую воду, собирал патроны. Наконец упала на песок пустая гильза от последнего винтовочного патрона. И тогда немцы стали выкуривать кучку безоружных, израненных героев гранатами.

Хриплый голос немца. Проклятые русские! Выходите, если не хотите, чтоб мы вас всех превратили в форшмак!

Козин (*тихо*). Сдаемся, товарищи. Будь что будет. Может быть, кому нибудь посчастливится бежать из плена и опять взять винтовку. Помните: это еще не конец.

Голос немца. Наконец-то! Ну, упорные бестии. Мир не видел таких. (*Свирепо.*) Стройся! Вперед — марш!

Музыка. Протяжная русская песня.

Голос. Куда они гонят нас?

Козин. В Николаев.

Первый. Ты никогда не бывал в этом городе?

Козин. Нет. Что ж, он не лучше и не хуже всякого другого города, который захватили немцы. Те же немецкие зверства. Те же русские люди в городе, что и везде. Нам помогут. Верь русскому сердцу!

Песня.

Диктор. Колонну голодных, заросших, грязных и больных русских военнопленных пригнали под охраной в центральный лагерь города Николаева. И сразу, не дав отдохнуть, погнали на работу: грузить уголь в порту, чинить дороги, рыть котлованы. На обед давалась сырая вода, в которой плавали омерзительно пахнувшие волокна гнилых овощей. Каждый день умирали сотни людей, не получая никакой медицинской помощи. Больше двадцати тысяч человек погибло в Николаевском лагере, одном из сотен и тысяч таких же немецких лагерей — лагерей, сетью раскинутых по всей Европе. У единственного крана, дающего воду, стоял немецкий часовой и никого не подпускал к воде. Раненых не только не лечили, их истязали и били наравне со здоровыми, даже с еще большей жестокостью, чтобы скорее свести в могилу. Козин решил скрыть, что он ранен, и с незатянувшейся раной на плече ходил на работу. Друзья скрывали его ранение, выполняли работу за него. Военнопленным строжайше запрещалось разговаривать с русскими людьми или брать от них пищу. Так жили тысячи солдат, превращенных немцами в каторжников, до января 1943 года, когда Козину неожиданно улыбнулось счастье.

Хриплый голос с немецким акцентом. Юрий Козин!

Козин. Я.

Немец. У вас в документах написано, что вы техник.

Козин. Так точно.

Немец. Сегодня отправитесь на военный аэродром, в особое отделение лагеря.

Козин. Слушаю.

Музыка. Русская песня, более радостная. Поют ее женские голоса.

Диктор. На аэродроме военнопленные работали вместе с пригнанными сюда местными жителями, которые общались с внешним миром. Это было огромным преимуществом, несмотря на то, что здесь немцы кормили военнопленных еще хуже, чем в большом лагере. Через русских женщин и девушек, уходивших на ночлег в город, пленным удавалось получать кое-что из продовольствия. Вместе с женщинами рыли они канавы и рвы, грузили и выгружали различные грузы, ремонтировали здания, делали в них печи, трубы. Наиболее работоспособных и умелых немцы подготовляли на спецкурсах и эшелон за эшелоном отправляли на работу в Германию.

Голос девушки (*шепотом*). Нина! Миронова!

Нина. Я!

Девушка. Тебя ищет Козин. Что-то хочет сказать.

Музыка.

Козин (*тихо*). Ниночка, я точно узнал, что меня внесли в списки на отправку в Германию. Завтра отправят.

Нина. Неужто?

Козин. Германия — это хуже смерти.

Нина. Я с вами согласна. Лучше умереть от пули. Я бы на вашем месте убежала.

Козин. Именно об этом я мечтаю. Но как? Из лагеря выбраться можно, вместе с рабочими, когда они уходят с аэродрома. Но куда пойти дальше?

Нина. Ко мне! Вот смотрите! Я вам начерчу на песке дорогу. Запомните...

Музыка.

Диктор. В тот же вечер Козин вызвался сходить за топливом. Его пропустил первый часовой, охранявший лагерь военнопленных внутри территории аэродрома. Но, чтобы покинуть аэродром, надо было миновать еще два немецких поста. Уже темнело. Смешавшись с уходящими рабочими, Козин, одетый так же, как они, в комбинезон, сунул часовому клочок белой бумаги. Часовой, не посмотрев, равнодушно наколол бумажку вместе с другими пропусками. Боясь, что второй часовой окажется внимательней, Козин не рискнул повторять опыт с бумажкой, а, пользуясь вечерней сменой караулов, проскользнул через заранее подмеченную лазейку. И вот он в городе! Правда, город этот сам в плену у того же ненавистного врага! В плену эти дома, эти деревья, эта мостовая, эти исхудавшие, молчаливые люди, идущие мимо. С какою ненавистью билось сердце Козина, когда он думал об огромных пространствах родной земли, так же плененных самыми ненавистными из всех ее врагов! Он должен жить! Он будет жить. Он еще будет бить этих проклятых заносчивых жестоких моторизованных варваров! Он еще увидит родную страну очищенной от них, совершенно свободной, победившей безграничным своим мужеством все препятствия! Он вернется победителем к своей милой маме, в далекое Ховрино, под Москву! Он будет жить!

Тихий, осторожный стук.

Нина. Это Козин, мама! Это он!

Мама. Ты не ошибаешься, Нина? Мы рискуем жизнью...

Нина. Он, он! Я знаю! Как я рада, что он вырвался! (*Шепотом.*) Юра! Ты?

Козин (*так же*). Я, Нина. Открой.

Скрип двери. Пауза. Тикают часы.

Козин. Неужели я больше не пленный? Как во сне!

Нина. Знакомься, Юра. Моя мама. А это бабушка.

Мать. Здравствуйте, милый. Как звать-то?

Козин. Юрий.

Мама. Дальние сами?

Козин. Из-под Москвы. Там у меня мама... Очень похожа на вас... (*Вдруг зарыдал приглушенно.*) Простите. Сегодня ровно шестнадцать месяцев, как меня взяли в плен. За это время я не плакал ни разу. Простите.

Мать. Родной вы мой! Что же вы стыдитесь? Сколько вы вынесли! Дайте, я вас обниму и поцелую крепко вместо вашей матери. Бог даст, и она вас тоже скоро обнимет. Наши-то наступают. Громят извергов.

Нина. Наша возьмет. Будь уверен.

Козин. Никто в этом не уверен больше, чем я.

Нина. Иди за мной. Ты там встретишь целое общество.

Музыка.

Диктор. Нина провела его в чулан, осторожно приподняла половицы и пригласила спуститься в подпол. Там три советских патриотки — Нина Миронова, ее мать и бабушка — ежеминутно рискуя собственной жизнью, оборудовали убежище для бежавших военнопленных и для русских мужчин, скрывающихся от угона в Германию. За все время немецкой оккупации в убежище Мироновых нашли себе приют восемь человек. Женщины находили силы кормить их в пору, когда еле-еле перебивались сами. Больных и раненых они лечили, как умели. Падавших духом ободряли. Это было в городе Николаеве, в доме № 58 по 5-й Военной улице. Но это вовсе не было исключительным явлением. В сотнях домов отважные русские женщины делали то же самое, бесстрашно обманывая бдительность врага и спасая таким образом тысячи жизней. Ничто не принуждало их к этому, кроме великой любви к своей родине, к ее свободе, кроме замечательного боевого единства и дружбы, характерных для советских людей, кроме горячего патриотизма, которым пылало русское сердце. В этой сырой и темной норе Юрий Козин прожил пять месяцев, до 28 марта 1944 года, когда...

Гул орудий. Рокот самолетов.

Нина. Наши! Наши! Красные звезды на крыльях! Смотри!

Звуки боя.

Мать. Осторожней, Нина!

Нина. Ах, мама! Как можно сейчас быть осторожной?! Смотри, смотри! Бегут! Немцы бегут!

Мать. Неужели конец неволе?..

Нина. Юра! Товарищи! Выходите! Наши вступают в город! Немцы бегут!

Козин. Боже мой! Сердце, кажется, разорвется от счастья... Мы свободны! Совсем свободны! Совсем свободны! И вы тоже, вы тоже...

Звуки боя. Лязг танка.

Козин. Наш танк! Наш! Ура-а-а-а!

Голоса красноармейцев. Ур-а-а-а!

Музыка победы.

Диктор. В радостный весенний день вернулась весна жизни в измученный город, вновь ставший свободным. Юрий Козин, как все другие освобожденные военнопленные и молодые мужчины города, тотчас же направился в военный комиссариат и вновь получил назначение в армию. В тот же вечер Нина Миронова провожала его, получившего новое обмундирование и оружие и уезжающего по направлению к Западу.

Отдаленный паровозный гудок. Свистки. Шипенье пара.

Козин. Мы будем переписываться, Нина.

Нина. Конечно.

Козин. Будь добра, отправь это письмо моей маме. Я не успел..

Нина. Я тоже ей напишу.

Трель свистка.

Козин. Напиши. Ну, пора! До свидания, Нина! Спасибо за все! Не знаю, чем отплатить тебе и твоей матери за все, что вы сделали для меня.

Нина. Победой!

Козин. Правда! Это единственная достойная плата.

Нина. И не забывай меня...

Козин. Нина! Могу ли я тебя забыть?

Нина. Будь здоров!

Козин. Пиши мне! Слышишь? Как можно чаще!

Нина. Ты тоже!

Музыка. Звук отходящего поезда.

Диктор. Оба эти письма, от сына и Нины Мироновой, и получила сразу мать Юрия Козина. А еще через несколько месяцев он сам появился в дверях родного дома, возмужавший, окрепший, с боевым орденом и медалью за оборону Севастополя, и матери, распростершей к сыну руки, показалось, что качнулась земля. Она на минуту потеряла сознание от невыразимого счастья видеть живым и здоровым того, кого она оплакивала в течение стольких дней и ночей. Счастливая звезда провела ее сына через тысячи смертельных опасностей. Этой счастливой звездой была боевая дружба и неразрывное единство советских людей в борьбе за свободу своей родины. Имя этой счастливой звезды — Русское сердце.

РГАЛИ. Ф. 2503 Оп. 1 Д. 60. Машинопись с авторской правкой.

С.П. Злобин

«Тиль Уленшпигель»

Радиокомпозиция по роману Ш. Костера.
План. Сцены I–IV.

Август 1945 г.

Сцена первая

Сооткин. Тиль!.. Ти-иль!.. Куда он опять пропал, этот пострел... Неле, ты, девочка, не видала нашего сорванца...

Неле. Не видала, тетенька Сооткин.

Сооткин. А вон кто-то тащится там по дороге?

Неле. Что вы, тетенька, это уже катится толстяк Ламме... Разве это Тиль... Тиль ветром летает...

Сооткин. Ох уж мне этот ветер!.. Стоят они друг друга, эти бездельники!... Одно несчастье матерям! Эй, Ламме, не видал Тиля?

Ламме. Не видал. Я думал, он дома.

Сооткин. У тебя глотка-то здоровая — крикни разок, только прожуй свою колбасу.

Ламме. Это можно. (*Кричит.*) Ти-иль-берт, бродяга!.. Куда тебя унесло!..

Сооткин (*кричит*). Ти-иль!..

Ламме. Ти-иль!..

Клаас. Чего вы разорались! Опять сынок сбежал?.. Ну и вырастили на радость!.. Я думал, будет помощник, а получился прохвост!.. Поделом мне, старому дураку, мало бил я его!..

Сооткин. Не тебе сердиться, Клаас: а сколько раз ты его сам колотил, если он приходил битым и ревел, сам ты его учил давать сдачи, вот он и стал теперь коноводом всех шалопаев и драчунов...

Клаас. Я его не только... учил, да не помнит он всех других-то уроков...

Сооткин. Я только боюсь, не валяется ли он где-нибудь под забором, избитый за свой язык.

Клаас. Языком он, верно, заправски треплет, а работать не умеет, хватается за все, а до конца ничему не обучается...

Сооткин. Разве не все, за что возьмется, он делает хорошо? Вот он год целый учился на скрипке, а спроси-ка Ламме, кто на свадьбе его сестры играл лучше всех.

Неле. Погодите, тетя, он сосиску проглотит, тогда скажет.

Клаас. Какую сосиску?

Неле. Он у матери стащил полный карман сосисок и все время жрет.

Ламме. Это не сосиски, а свадебные колбасы. От свадьбы сестры остались... Я вот, скажу правду, так их люблю, что скрипку мне было некогда слушать...

Неле. Вот обжора!

Сооткин. А вот хоть за живописцем он таскался, наш-то шалопай, так ты видел, какой портрет написал он с Неле...

Клаас. Не видал. Ну-ка, покажи, Неле, да чего ты застыдилась, дурочка!..

Неле. Он его оставил себе.

Клаас. Ах, во-он что!.. Ну, вот я тебе что скажу: он хоть мне и сын, а лодырь и бродяга... Я тебе хочу добра, девушка... Ты ему не верь, что он портреты пишет!... Пусть он ремеслу какому-нибудь выучится лучше... так и скажи ему, а то я его все равно из дома выгоню, понимаешь!.. Портреты пишет!.. На скрипке, а!..

(*Фанфары и барабан.*)

Сооткин. Господи, помилуй, что это, пожар?!

Ламме. Это, наверное, свадьба какая-нибудь!

Клаас. Хуже, это новые похороны, похороны нашей свободы. Последние свадьбы Фландрии умирают. Это, верно, читают какой-нибудь новый императорский приказ.

(*Трубы и барабан ближе.*)

Клаас. Тише. Слушайте.

Чтец (*глашатай*). Воспрещается читать, хранить и распространять все писания, не согласные с матерью нашей — католической церковью; воспрещается всем и каждому спорить и рассуждать о церковном писании; воспрещается слушать такие споры, а также незаконно рисовать господа бога, богородицу и святых угодников... Ослушники будут строго наказаны лишением права заниматься своим ремеслом, изгнаньем, отрубанием рук и сожжением на костре.

(*Трубы, барабан.*)

Все имущество казненных преступников наследует король.

(*Трубы.*)

Клаас. Хватит с него.

Сооткин. Тише, муженек! Вот страшно-то... Теперь и вздохнуть нельзя.

Песня:

Бей барабан, греми труба!..
Всплывает черный дым...
А что же, плакать что ли, нам,
Гулякам молодым?!
Бери мушкет, ложись в кусты,
Да наточи клинок...
Коль крови фландрской парень ты,
Верней нажми курок...
В седле протри насквозь штаны.
Погибнем? Все равно!..
Встань на свободу всей страны
За фландрское вино!..

Клаас. Ты что распелся, хочешь, чтоб язык отрезали?

Тиль. За девушек родной страны.

За фландрское вино!

Сооткин. Тиль, да замолчишь ли ты, господи, ты слышал новый указ?

Тиль. Сквозь холод, ветер, дождь и мрак
Без страха и вперед
Мы знаем, будет сломлен враг,
Освобожден народ!..

Клаас. Ты что, бродяга, в самом деле хочешь и мать и отца на костер отправить... Где ты взял эту дурацкую песню?

Тиль. Дурацкую?! Эту песню я сложил сам. Нет, вру. Я только подслушал эту песню, ее поют волны моря, ею звенит дождь на черепице крыш, ее вызванивают пивные кружки в трактирах, ее ветер несет с долин, листва шумит... Эту песню скоро запоет вся Фландрия...(*поет*).

Бери мушкет, ложись в кусты
Да наточи клинок...

Неле. Тиль, я совсем не хочу, чтобы тебе отрезали язык. Замолчи наконец. Мы все тебя едва дождались, думали, что с тобой что-нибудь случилось...

Тиль. Что со мной может случиться!

Клаас. То, что с каждым из нас. Ты слишком горяч, монахи — жадны, король — хитер, законы — жестоки... Смерть гуляет по всей Фландрии. Испанцы и монахи хватают каждого, кто скажет лишнее слово, чтобы казнить его и чтобы его имущество получил король...

Тиль. Ну, с нас-то его величество не разбогатеет!..

Клаас (*шепотом*). Они не пренебрегают ничем. Доносчик ведь получает половину королевского наследства. Есть люди, которые погонятся за оловянной миской да за мешком угля...

Сооткин. Спаси, господи!
(*Трубы и барабан.*)

Сцена вторая.

Музыка ярмарки, гомон.

Неле. Скорее, Ламме, скорей... Где же этот бездельник устроил свой балаган?!

Ламме. Разве легко разыскать в такой толпе? Кажется, где-то здесь...

Неле. Вот ведь бестолковый! Ты же говоришь, что был в его балагане.

Ламме. Ну что же, был... Что мне, свет клином, что ли, сошелся на твоем Тиле!.. Я всю ярмарку обошел, что же, я запомню все балаганы и всех проходимцев!.. Вот то же девчонка — ее же провожаешь, человек намучается, истощал, а она только ругается...

Чтец. Так ворчал толстобрюхий приятель Тиля Ламме Годзак, вместе с Неле пробиваясь сквозь ярмарочную толпу на площади города Брю...

Дудки пищали на разные голоса, стонали и скрипели волынки, слышалось пенье, прибаутки торговцев. Ламме, падкий до съестного, поводил носом, как голодный волк. Он почти пьянел от запаха лакомств. Вот пахнуло теплым запахом сладких цветов...

— Вот сладкие пряники, сладкие коржи, на сале, на меду, мимо пройдешь себе на беду... — кричал торговец и, завидев толстую рожу Ламме, замахал ему. — Эй, господин, попробуй хоть один, спросишь еще два — про заклад моя голова...

Ламме не мог удержаться от пряников.

Кругом надрывались торговцы и балаганщики:

— Ножи, погремушки, гребенки, для мужа, для жены, для ребенка... Всякие безделушки для честного дома — не купишь ты, продам другому...

— Дешево, дешево, почти даром, вдвое дешевле всех базаров...

Жирные монахи сновали в пестрой толпе горожан, вперебой пытаясь обмануть дурацкую темную толпу и выкачать из нее деньги за всякую дрянь. Они выкликали тонкими сладкими голосами нараспев:

— Чудотворная вода из Рима и Ерусалима.

— Ларец без замка. Что в него положил — то закрыто. Ни одна нечестная рука не коснется к тому, что в нем скрыто...

— Чудотворная вода избавляет от ревматизма и колик...

Чернорясые торгаши, обманывая народ святой водой, крестиками да четками, в то же время зорко шпионили в толпе и подслушивали толки, и тут же указывали на смелых болтунов городской страже...

— Шкурки кошачьи, шкурки на перчатки и оторочки, кошачьи шкурки!..

Божьи птички, птички-невелички, с зари до зари славят творца всегда без конца, но всю жизнь века радуют человека!.. Соловьи, дрозды, синицы, по паре всякой птицы...

— Вот пряники сладкие, горячие, на меду...

— Шкурки кошачьи...

— Колбаса, сосиски...

И вдруг, сквозь весь этот пестрый гам, Неле услышала звонкий веселый голос балаганщика.

Тиль. Ваше зеркало, ваш портрет, теперь и вперед на двадцать лет... Мужья и жены, купцы и скопцы, девочки и дамы из Брюне и Даме, — все без различия возраста и красоты здесь вам портрет теперь и на двадцать лет...

Неле. Ламме, слышишь, вот он тут, направо, за каруселью!..

Ламме. Слышу. Здоровая глотка у бродяги.

Тиль. Их бен Улен Шпигель. Я зеркало совы. Взгляните — не узнаете, где зеркало, где вы!.. Ваше зеркало, ваш портрет, теперь и впредь на двадцать лет!..

Неле. Ну же, Ламме, скорее! Если ты будешь на каждом шагу съедать по сосиске, то мы и вовек не доберемся!

Ламме. Я тебя обещаю довести и доведу... Надо же закусить человеку!

Тиль. Ну, с такой красавицы я и денег не спрошу за портрет, подойди-ка еще поближе...

(*Визг и хохот.*)

Неле. Тиль! Что это такое... Ты всех девушек на ярмарке целуешь!..

Тиль. Неле, милая, ни одну не целовал с таким удовольствием, как тебя!.. Здравствуй!.. Откуда ты?.. И брюхан тут!! Здорово, Ламме, не хотите ли, почтеннейший, ваш портрет теперь и еще через 20 лет...

Ламме. Ищи других дураков.

Тиль. Дураков искать?! Что я, с ума сошел, зря трудиться — за смертью бегать, в море воду наливать, дураков искать... сами придут — искать не надо... Хочешь, толстяк, по дешевке твой портрет?

Ламме. Ну, пожалуй, покажи, сынок, коли ты такой... художник.

Тиль. В прошлом ты был хорошим фламандским парнишкой, теперь ты — ящик ветчины, а в будущем — пивная бочка... Разве не верно.

(*Хохот толпы.*)

Ламме. Слушай, Тиль, брось свои глупые шутки, дома несчастье.

Тиль. Ну, плати за свой портрет, мешок сала! (*Тихо.*) Что случилось?

Ламме. Твой отец арестован. (*Громко.*) Таких бездельников бить надо, а не деньги платить.

Тиль. За что? Ну, ну, раскошеливайся, толстяк...

Ламме (*тихо*). По доносу рыбника за то, что смеялся над монахами прощением грехов, которые они продают.

(*Звуки ярмарки в стороне.*)

Неле. Тиль, Клаас, наверно, попадет на костер. Надо спешить домой. Свертывай свой балаган, бездельник...

Тиль. Сейчас закроется ярмарка и пойдем, только не брани меня, Неле.

Неле. Как же не бранить, ты хвастался, что будешь защищать народ, а сам обираешь бедных дураков...

Тиль. От этого им только польза. Все равно, если не я, их бы обобрали попы, а то, что я собрал с дураков, пойдет на освобождение Фландрии... Ты погляди, какой мешок денег! Сколько тут сабель, сколько картечи, сколько пороху и ружей?! Понимаешь, Неле?!

Неле. Понимаю, Тиль, но ты еще зайдешь домой? Твой отец в тюрьме, а мать истекает слезами.

Тиль. Ты утешишь ее, Неле. Ты будешь ей дочерью, пока я вернусь...

Монах. Подай, хозяин, на заупокойные молитвы.

Тиль. Ступай, монах, я не подаю бездельникам.

Монах. Сегодня день поминовенья мертвых. Души твоих родителей мучаются и просят молитвы.

Тиль. Уходи, уходи. От всех этих панихид польза будет монашескому брюху.

Толпа. Правильно, Уленшпигель... Верно, парень! молодец!..

Монах. Так ты еще и народ смущаешь, негодяй! На костер тебя.

Тиль. Лови ветра! Неле, бежим!

Монах. Стражник, стражник!.. Люди добрые, кто знает, откуда балаганщик? Половину его имущества получит, кто скажет... Люди добрые!.. Стражник, стражник!..

Сцена третья.

Песня:

Дорога длинная лежит,
Осел бредет в пыли...
Уздечка медная звенит
И ляжки затекли...
Котомка с хлебом за седлом...
Осел бредет в пыли.
Изгнанник молодой на нем,
А дом родной вдали.
Шагай, шагай, ушастый плут,
По селам и полям,
Вчера — мы там, а нынче — тут,
А завтра... (*Крик осла.*)

Тиль. Не реви, Иеф. Успокойся, плут, успокойся, серый бродяга, мне тоже не хочется уходить от матери и Неле. Ну, да что же поделаешь!.. (*Осел кричит.*)

Тиль. Понимаю, дорогой друг мой, почтенный осел, понимаю. Ты голоден, у меня тоже подвело брюхо... Ничего, ушан, потерпи... Потерпи... Моей матери, Сооткин, еще хуже, чем нам с тобой... Она сразу потеряла мужа и сына... И тебя потеряла тоже... Но погоди, мы с тобой вернемся и отомстим... Да... они сожгли отца, они изгнали меня, но пепел сожженного Клааса стучит в мое сердце... Слышишь, осел, как стучит... Слышишь?! Это ничего, что нас с тобой изгнали из города... Они сожгли на костре отца... я сожгу их власть... Я войду в свой город, когда страна будет освобождена от монахов и испанцев... (*Осел кричит.*)

Ревешь, мой серенький товарищ, мы победим!.. Мы победим их! А пока пойдем вперед. Будем мотаться по дорогам, смеяться над запуганными дураками, бороться против монахов и попов и будить на борьбу спящих... (*Осел кричит.*)

Будем будить их добрым ослиным криком... В путь, в путь! Я иду по дороге, идите и вы все, идите с нами — от села к селу, от трактира к трактиру, по полям, по кузницам, по городам, идите все с нами!..

Панихиды набивают брюхо только монахам. Не давайте трудовых денег на церковь, лучше купите меч или ружье и идите с нами!.. Что это за горбун идет по дороге? Ему, верно, тяжело идти, этому бедняжке — горбатому, ну-ка, догоним его, Иеф, мне будет веселей, а тебе легче, потому что этот маленький калека вдвое легче меня... Гляди, как он устал, он едва бредет. Ну-ка, вперед, товарищ, догоним его.

Шагай, шагай, ушастый плут.
По селам и полям.
Вчера мы — там, а нынче — тут.
Тра-ля-ля-ля-ля-лям...
Тра-ля-ля-ля.
Тра-ля-ля-ля.
Тра-ля-ля-ля-лям...

Сцена четвертая.

Горбун. Вот спасибо, добрый странник, что посадил меня, мои ноги совсем уже отказывались служить. Спасибо тебе...

Тиль. Зато ослу легче, а так он уже устал тащить такого рослого парня, как я.

Горбун. А далеко ты едешь?

Тиль. В Рим. На поклон к папе...

Горбун. В чем же ты согрешил, что тебя послали в Рим?

Тиль. Ужасный грех! Я сказал, что панихиды приносят пользу только монахам.

Горбун. Ай-ай-ай, какой грех!

Тиль. А ты куда идешь?

Горбун. Я — ко гробу святого Ремакля. Каждый год вот уже тридцать лет хожу я сюда в монастырь, помолиться об исцелении от горба.

Тиль. Не помогает?

Горбун. Да я уж и не жду больше исцеления, а только бы выпить за здоровье другого счастливца.

Тиль. За чье здоровье?

Горбун. За здоровье исцеленного. Кто-нибудь да исцелится же — вот за его здоровье и пьют все, кто пришел на праздник. Ведь в честь исцеленного каждый жертвует по флорину...

Тиль. Значит, святой Ремакль дерет с вас, как паршивый лекаришка, хоть он и святой!

Горбун. Безбожник! Сними меня с твоего осла. Ты оскорбляешь святого. Я не хочу быть с тобой, а то и меня покарает бог.

Тиль. Ой — ой — ой!.. Не уходи, товарищ, ой, мне страшно!.. Ой, ты видишь, я упал, ой, больно спину!..

Горбун. Так тебе и надо, грешник, у тебя вырастет горб за то, что ты оскорбил святого... Так тебе и надо!.. Я не хочу с тобой оставаться, валяйся здесь... (*Осел кричит.*)

Тиль. Не реви, ушастый. Ты испугался, что я стану горбатым и тебе придется возить меня вместе с горбом? Не бойся. Это просто первая панихида, за которую мне заплатят монахи... Ну-ка, гляди, что это — пустой пузырь от волынки, а это рыбьи кости... Вот так... Теперь приладим. Черт возьми, надо еще прибавить крови. Жалко мне обидеть тебя, серячок, я уж лучше возьму своей крови... Вот и монастырь... Едем дальше...

Песня:

Осел мотается в пыли,
Горбатый шут на нем.
Пред ними монастырь вдали
С едою и питьем.
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля
Ля-ля, ля-ля, ля-лям...

Горбун. Вот, видишь, ваше преподобие, этот самый богохульник, вот у него вырос уже горб.

Тиль. О-ох... не стыдно тебе радоваться... Когда я был здоров, я посадил тебя на осла, я помог тебе...

Горбун. Я не хочу ничего от проклятого безбожника...

Тиль. Грешен я, грешен, ваше преподобие, я согрешил, я каюсь... Допустите меня ко гробу, помолиться. Мой горб еще совсем свежий, может быть, святой смилуется.

Монах. Подойди, сын мой. (*Тихо.*). Вижу плута по глазам. Что у тебя в горбу?

Тиль. Пустой пузырь от волынки, рыбий хребет и немного крови.

Монах. Дай ощупать твой горб. Да, горб совсем свежий. Он еще мягкий... иди, сын мой, иди, я тебе помогу влезть на подставку... Так (*тихо*), теперь я скажу этим дуракам слово. Погоди. Братья, вот вас в этом храме собралось три тысячи несчастных горбатых людей. Три тысячи калек! Многие из вас носят свой горб от рождения за грехи отцов. И вот перед вами богохульник, горб которого вырос час назад. Он оскорбил святого Ремакля, и святой наказал его. Теперь пришел он с покаянием. Он уверовал в святого и молит о снятии горба. Помолимся же за него. (*Орган и пенье.*)

Монах. Ну, шут гороховый, трись горбом о крышку гроба, да посильней. Они все так делают.

Тиль. Я стараюсь, да он не лопается. (*Визг, крик, звон.*)

Тиль. Я исцелился! Слава святому, я исцелился... Слава святому...

(*Крики, визг. Голоса: «Молись за нас, исцеленный! Прости нас, мы над тобой смеялись... Святитель, исцели меня... Святитель, я пожертвую целого барана, исцели меня, как его».*)

Монах. Тише вы! Тут не базар, а церковь! Братья во Христе! Жертвуйте во имя исцеленного на содержание монастыря! (*Музыка.*)

Монах. Ну, теперь давай сюда свой горб.

Тиль. Возьми, святой отец, на память и вовсе бесплатно.

Монах. Ну, ну, не зубоскаль. Вот тебе флорин на дорогу и ступай с богом.

Тиль. Ну, нет, шутишь! Отдай мне все, что собрано в кружку. Я устрою хороший пир для всех этих дураков.

Монах. Проваливай, проваливай!

Тиль. Ты у меня останешься без дохода, подлая крыса!

Монах. Ну, ладно. Вот тебе пять флоринов и катись.

Тиль. Все, что собрано в честь исцеления в кружку и на блюдо. Хватит с тебя радости, что святитель совершил чудо...

Монах. Я тебя узнал, негодяй! Ты балаганщик из Брюне. Это ты смеялся над панихидами.

Тиль. Я самый, приятель, и сегодня я отслужу первую панихиду по церковным денежкам...

Монах. Быть тебе на костре.

Тиль. Раньше тебе за обман народа. (*Громко.*) Богомольцы! Братья во Христе!

Монах. Получай десять флоринов!

Тиль. Все, что собрано. (*Громко.*). Вы видели чудо...

Монах. Двадцать пять.

Тиль. Все, что собрано. (*Громко.*). Вы видели как... ощупал мой горб...

Монах. Пятьдесят...

Тиль. Все, что собрано! (*Громко.*) Что же было в моем горбу?

Монах. Я согласен. Бери деньги и убирайся вон! Слышишь, негодяй!

Тиль. В нем было мое горе, мое несчастье, мой великий грех!.. И вот все пропало. По милости святого я прям и счастлив... я хочу радоваться вместе с вами... Во всех кабаках будем мы сегодня есть и пить... (*Тихо.*) Давай денежки, святой отец.

Монах. Будь ты проклят! На, подавись!

Тиль. Ну, ну, не забывайся, а то сейчас при людях достану пузырь...

Сцена пятая.

Стучат копыта по камням,
Растерло зад седло,
И еду я по целым дням
Все из села в село...
Осел, голодный старый друг,
Дорога далека,
Но мы не выпустим из рук
Заветного древка...
Мы знамя повезем сквозь ночь,
Поднимем над страной,
Терпеть народу... (*Кричит осел.*)

Опять ты ревешь, бесстыдник Иеф! Ну, чего разорался! Близко уже хороший корм, теплое стойло. Нынешнюю ночь мы с тобой будем спать под крепкой крышей. (*Осел кричит.*) Не веришь? Ах ты, шалопай!.. Разве я нарушаю свое слово? Если Тиль сказал, ты должен верить!.. (*Осел кричит.*) То-то, бродяга! Сегодня мы встретимся с твоим старым приятелем Яном. Помнишь его? Тоже добрый осел, а на нем увесистый парень, Ламме, помнишь?.. Не помнишь... Да, бродяга, скоро наступят горячие дни. Вся Фландрия встанет, и мы с тобой посланцы свадьбы, везем ее тайный пароль. Вот работают на поле пятеро земледельцев, я запою жаворонком, и, ты знаешь, Иеф, сразу ответит пенье петуха... Это наши, Иеф. Это гезы, это бедняки, это нищие... Гезы, которые поднимают знамя борьбы... Ну, давай засвистим жаворонком. (*Свист жаворонка.*) Теперь слушай, Иеф. (*Крик петуха.*)

Ты слышишь, Иеф!.. Слышишь, мой верный осел!

(*Осел кричит.*)

Ламме. Приятно слушать дружескую беседу двух мудрых ослов. Здравствуй, Тиль! Как нежно ваши сердца знают друг друга.

Тиль. Ламме, здорово! Откуда ты взялся? О каких сердцах говоришь?

Ламме. Взялся я из трактира, где хорошо закусил, а говорю о двух ослиных сердцах — о твоем и Иефа. Ты ведь с ним разговаривал?

Тиль. Когда осел самый верный спутник и единственный друг умного человека, он становится и сам умным...

Ламме. Не стану спорить с вашей ослиной мудростью.

Тиль. Не спорь, не спорь, не стоит, Иеф тебя забьет в любом споре... Скажи лучше: ты выполнил все поручения?

Ламме. Конечно. Я отдал, кому надо, деньги и получил сведения об испанских солдатах.

Тиль. А названье корабля ты узнал?

Ламме. «Мария» — написано золотом по голубому полю. Оно идет с овощами по реке Маасу, на парусах снизу вверх.

Тиль. Тогда мы свернем сразу к берегу и едем навстречу по течению реки.

Ламме. Заберем немного вправо. Там у моста есть хороший трактир, пообедаем.

Тиль. Ладно, едем.

Песня:

Бей барабан, греми труба,
Осталась мать одна.
Ей не убрать морщин со лба
И слез не разогнать...
Отец скончался на огне,
И сын падет в бою,
Но знает мать — он на войне
За родину свою.
Но знает мать, что сын восстал
За счастье, за народ,

И шепчут дряхлые уста:
«Счастливый путь, вперед...»

Тиль и Ламме (*вместе*):

Ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля, ля-ля...

Сцена шестая.

Чтец. Ламме и Тиль ехали вдоль реки. Тиль зорко следил за судами, проходящими по Маасу. Вот он остановился и толкнул в бок локтем толстяка, указав на проходящую баржу. На носу ее был голубой щит. Ламме прочел золотую надпись: «Мария». Оба остановили ослов, и Тиль громко засвистал жаворонком. Тогда с баржи в ответ закричал петух, и на палубе показался хозяин баржи с мальчиком. Он искал на берегу в толпе людей тех, кто вызвал его из трюма птичьим свистом. Тиль снова засвистал, и в то же время закричал его осел. Судовщик ответил ослиным ревом. Ослы Уленшпигеля и Ламме, насторожив уши, присоединились к этому родному звуку. Женщины, полоскавшие белье, и мужчины — погонщики лошадей смеялись, оборачиваясь на ослов.

Тиль обратился к Ламме:

— Этот судовщик смеется над нами и над ослами. Отлупим его на его барже.

— Нет, пусть лучше он придет сюда.

— Это же Стерке Пир — Петр-силач, — сказала прохожая женщина. — Не связывайтесь. Он одной рукой останавливает тройку и поднимает телегу, полную бочек с пивом.

— Иа-иа-и-а...и-а... — ревел судовщик.

— И-а, и-а...— кричали ослы.

— Не боимся мы твоего Петра-силача. Мой друг Ламме пару таких может слопать на ужин, — возразил Тиль женщине.

— Что ты говоришь! — воскликнул Ламме.

— Нечего скрывать твою силу, — ответил Тиль. — Эй ты, судовщик, сходи сюда, мы тебя расколошматим. Попробуй посмеяться над нами на земле.

— Приходите ко мне на баржу. Я вам наломаю ребра... — ответил судовщик и снова заревел ослом.

— Нет, иди ты сюда, подеремся при свидетелях. — Разошелся Ламме.

— Плыви ко мне, мешок сала, здесь удобней драться, а свидетели будут на берегу.

— Давай лодку.

— Садись в лодку, — мальчик с баржи подвел лодку. Ламме и Тиль прыгнули в нее, а мальчик взялся караулить ослов. Едва войдя на палубу баржи, Ламме свирепо бросился на судовщика. Он наскакивал, как разъяренный бык, осыпая его ударами. Стерке Пир отбивался, а толпа с берега глядела с удивлением, как толстый, с виду расслабленный Ламме одолевает известного по всей реке богатыря. Пир Стерке вдруг свалился на палубу и, не в силах говорить, жестом попросил по-

щады. Ламме отпустил его и гордо прошелся по палубе, счастливый своей победой.

Судовщик поднялся.

Пир. Теперь выпьем в знак мира.

Ламме. Выпьем.

Тиль. Выпьем.

Пир. Только сначала я привезу ваших ослов. Погодите здесь.

Тиль. Вот видишь, Ламме, а ты еще скромничал.

Ламме. Как я его...

Тиль. Ла-а... а вон гляди — он несет твоего осла в лодку, как ягненка.

Ламме. Тиль, как же это? Как я его одолел?

Тиль. Эх ты, простофиля. Это же Гез. Он дал поколотить себя при свидетелях, чтобы нас никто не обидел. Теперь перед тобой все будут почтительно расступаться. Ты же силач, ты богатырь, ты победил Пира Стерке, который носит на руках ослов, как котят...

Ламме. Так он нарочно дался...

Тиль. Ах ты, простак. Но теперь ты можешь ходить героем, и я в твоей тени буду под надежной защитой... Господин могучий Ламме Годзак...

Пир. Ну, вот ваши ослы... Теперь выпьем. Пойдемте в трюм.

Ламме. Кстати, у тебя дымится кухня, а я голоден, как волк.

Пир. Пойдем. Моя кухня — боевая кухня. Осторожно на лестнице, здесь темно.

Ламме. Вот так кухня. Это же кузница.

Пир. Она и кузница, и кухня. Здесь варится похлебка свободы. Вот наш горох — верные пули, вот бычьи ребра — стволы мушкетов, вот салат — наконечники для алебард и клинки для мечей, а вот бараньи бедра — ружейные приклады... Вкусная будет похлебка... Не унывай, толстяк. Я тебя угощу и других кое-чем... Какие приказы вы привезли?

РГАЛИ. Ф. 2175 Оп. 5. Д. 11. Л. 23–40. Машинопись с авторской правкой.

А. Глебов

Пять новогодних ночей майора Смолина

Радиопьеса

31 декабря 1944 — 1 января 1945 г.

Гремит вальс, исполняемый духовым оркестром. Слышен смех, звуки многих голосов.

Смолин. Таня! Танюша! Еще один тур!

Таня. Не могу. Устала.

Смолин. Только один!

Таня. Не могу, Борис. Голова кружится. Я хочу выйти на воздух.

Смолин. Не опоздать бы. Смотри: без четверти двенадцать. Надо занять места за столом. Через четверть часа Новый год. 1941-й год. Что он несет нам?

Таня. Счастье.

Хлопнула дверь. Стихают звуки новогоднего бала. Оркестр еле слышен.

Таня. Как хорошо здесь! Смотри, какие яркие звезды!

Смолин. Тебе не холодно? Сейчас градусов двадцать ниже нуля.

Таня. Нет, чудесно.

Смолин. Закутайся в шубку получше.

Таня. Мне тепло. Борис! Будем мы счастливы в этом году?

Смолин. Не знаю.

Таня. Не знаешь?!

Смолин. Слишком много туч вокруг.

Таня. Где?

Смолин. Во всем мире. Мы живем, как на чудесном, счастливом острове. Но кто знает, надолго ли? (*Пауза.*) Идем? Уже без пяти.

Таня. Идем.

Смолин. В сущности говоря, пять минут роли не играют. Можно я тебя поцелую? С Новым годом, дорогая.

Таня. С новым счастьем!

Смолин. Не хочу нового счастья. Хочу, чтобы осталось при нас то, которое уже есть. Идем!

Снова шумный вальс, крики, смех. Музыка несколько отдаляется, и на фоне ее слышен голос Смолина.

Смолин. Так, друзья мои, встретил я 1941-й год. Это было в Москве, в сияющем огнями великолепном зале Дворца культуры автозавода имени Сталина, где я работал перед войной в бухгалтерии. Таня Смирнова работала на этом же заводе чертежницей и была моей невестой. В марте мы поженились. А в июне наше безоблачное счастье надолго затмилось тучами войны, начатой Гитлером. На второй день войны ваш покорный слуга, счетовод Борис Смолин, сделался младшим лейтенантом и уехал на фронт, где находится по сей день, теперь уже в звании майора. Скажу коротко: мне было что защищать. И я без ложной скромности могу сказать, что неплохо выполнял свой долг перед Родиной, перед моей Танюшей и нашим ребенком, родившимся в следующем году. Орден Красного Знамени, два ордена Славы и три медали, полученные мною, могут подтвердить, так же как и три серьезных и четыре легких ранения. Я упоминаю об этом лишь по настоянию редакции W.N.E.W., с тем чтобы больше не возвращаться к своей особе, а рассказать о других новогодних ночах, пережитых за годы войны. Они этого стоят, как вы сейчас увидите.

Музыка, иллюстрирующая. лес, ночь, тревогу.

Смолин (*тихо*). Вот и кончился сорок первый годок.

Бас. И неплохо кончился. За последние двадцать дней декабря немцы потеряли Ростов, Керчь, Феодосию, двадцать с лишним городов под Москвой. Говорят, от второй танковой армии Гудериана осталось одно воспоминание.

Тенор (*радостно*). Товарищи! Еще новость!

Смолин. Какая?

Тенор. Только что освобождена Калуга!

Бас. Да ну?

Голоса. Ур-а-ра!

Бас. Вот это подарок к Новому году! Черт возьми, давайте, ребята, встречать Новый год. Пусть мы в дремучем лесу, в землянке, на переднем крае. Не это важно. Важно, что каждый из нас среди родных и близких. Разве не сроднила нас война на всю жизнь?

Хор голосов. Правильно!

Бас. Значит, близкие есть. Выпивка есть?

Голоса. Есть!

Бас. Закуска есть?

Голоса. Есть!

Бас. И музыка есть! Чем не музыка? (*Раскаты артиллеристской стрельбы.*)

Голос. Почище патефона гремит. (*Взрыв.*)

Смолин. А вот вам и елочная хлопушка!

Тенор. Весом в тонну.

Бас. А иллюминацию видите какую немцы зажгли? Ракету за ракетой пускают. Боятся, мерзавцы. Вместо конфетти — пули, вместо серпантина — колючей проволоки и спиралей Бруно до черта. Одним словом, все необходимое и достаточное для самой шикарной встречи Нового года. Лейтенант Смолин!

Смолин. Слушаю, товарищ капитан.

Бас. Сколько на вашем безупречном хронометре?

Смолин. Двадцать три пятьдесят пять. Без пяти двенадцать — по-граждански.

Бас. Приказываю приготовить все для встречи.

Смолин. Есть приготовить.

Смех. Веселые голоса. Бульканье водки, разливаемой по кружкам.

Бас. Итак, друзья, поздравляю всех и себя в том числе с наступающим...

Встревоженный голос. Товарищ капитан!

Бас. Ну? Что там?

Голос. В селе Сковоротыно перестрелка, гранатами бьют и что-то горит.

Бас. Впереди фронта? У немцев?

Голос. Так точно. (*Звук зуммера.*)

Телефонист-девушка. Товарищ капитан, вас. Штаб полка.

Бас. — Капитан Басов слушает. Так. Так. Понятно, товарищ подполковник (*сурово*). Снова в наступление, друзья. Давайте же допьем. Всем быть живыми, здоровыми. Всех с Новым годом. С новыми победами в новом году!

Голоса. Ур-ра!

Музыка. Звуки боя нарастают.

Смолин. И вот, во главе своей роты я с боем двинулся через темный, хмурый, занесенный глубоким снегом лес. Впереди, над верхушками сосен и дубов, рыжело зарево. Скоро показался и огонь. Пылало большое двухэтажное здание посреди села. Огоньки выстрелов вспыхивали вокруг него там и сям. Одна за другой разорвались у дверей две гранаты. А откуда-то сверху, с чердака, кто-то отстрели-

вался от немцев. Опрокинув немцев у околицы, я направил две группы своих бойцов в обхват здания. Сотни две блокировавших дом немцев, не ждавших нашего нападения с тыла, обратились в бегство. Мы преследовали их еще три километра, и в пылу боя я не имел времени во всех подробностях узнать о том, что произошло до нашего появления в Сковоротыне. Лишь на рассвете, легко раненный в плечо, на перевязочном пункте встретился с героем этого происшествия, местным учителем Михаилом Хайновским. Вот что он мне рассказал.

Хайновский (*голосом очень взволнованного, измученного и не могущего успокоиться человека*). Я был сельским учителем, товарищ Смолин. По болезни меня освободили от военной службы. Но когда наш район заняли немцы, я оставил жену и троих детей и присоединился к партизанам. Месяц назад мы уничтожили немецкую конную разведку. После этого немцы стали нас жать вовсю, тем более что началось наступление Красной Армии. Вчера я случайно оказался вблизи дома, где не был уже четыре месяца, и попросил командира отпустить меня к семье. Я пробрался тайком, не замеченный немцами, расцеловал жену и малюток и сел с ними ужинать. Но кто-то донес немцам на меня. Встревоженный, я увидел, что здание школы окружено и врагов больше сотни. Я решил не сдаваться живым и принял бой. Немцы стали ломиться в дверь. Я стрелял сквозь нее. Двоих я убил, одного тяжело ранил. Они отступили от двери и стали бросать гранаты. Я велел жене скрыться с детьми в подвале, а сам бросился на чердак. В этот момент, разбив двери, немцы ворвались в дом. Перепуганная жена успела спуститься в подпол только с грудным ребенком. Пятилетний Миша и трехлетняя Галя задержались в комнате, наверху. И вдруг я слышу страшные, раздирающие крики детей. До сих пор звучат они у меня в ушах и будут звучать, пока я жив. Забыв все, я бросился вниз, подбежал к приоткрытой двери и едва не упал без чувств. Изверги схватили детей. Один, рыжий, огромный, резал тесаком пальцы моей девочке, все лицо которой было в крови, так как у нее уже был отрезан нос и уши, а двое других держали так же изуродованного Мишу и выкалывали ему глаза. У меня потемнело в глазах. Я бросил одну за другой две гранаты. Лишь в следующую секунду я понял, что вместе с пятью извергами уничтожил и искалеченных детей. Я сам убил их! Пусть меня судят за это, если я виновен! Но лучше пусть дадут мне оружие, чтобы мстить немцам. (*Глухое рыдание.*) На звук взрыва ворвалась целая орда немцев. Я опять бросился на чердак и открыл оттуда бешеный огонь. Они заметили люк, бросили в подпол гранату. Жену и третьего ребенка спасло только то, что они скрылись за кирпичным выступом фундамента. Разграбив дом, немцы подожгли его. Пламя охватило верхний коридор, где я был, чердак и стропила. Я пробился через огонь, через трупы трех врагов, убитых мною там, выскользнул в окно и прыгнул в сугроб. Там меня и подобрали ваши бойцы, которые подоспели как раз в это время. Вместе с ними я вытащил из подвала полузадохшихся от дыма жену и сына. Остальное вы знаете...

Музыкальная пауза.

Смолин. Дорогие друзья в Америке, которые слушают этот рассказ! Заверяю вас честью советского офицера, что он мною не выдуман. Михаил Хайновский — живой человек, с которым я продолжаю поддерживать связь. После этой страшной ночи он ушел с частями нашей 178-й дивизии, воевал, был ранен, а сейчас вновь преподает в школе села Прямухино в Калининской области. Он будет рад получить от вас привет по адресу: СССР, город Калинин, областной отдел народного образования.

Музыкальная пауза.

Смолин. В упорных боях прошел этот год. К исходу его я оказался в Сталинграде, где решалась судьба войны. Вернее, она уже решилась. Шестая немецкая армия, во главе с фельдмаршалом Паулюсом, была взята Сталиным в стальные клещи. Бронетанковой группе фон Манштейна не удалось прорваться к ней на помощь. Ее разбили у Котельникова и обратили в бегство. Накануне нового 1943-го года я и мои боевые друзья шаг за шагом отбирали обратно разрушенные до основания кварталы Сталинграда, систематически громили бесчисленные немецкие доты, готовились к решающему удару.

Звуки гитары. Солдатская песня.

Бас. Что-то делается, Смолин, сейчас, под Новый год, в Москве?

Смолин. Говорят, завтра вступает в строй третья очередь метро — от центра до нашего завода. Три четверти миллиона кубометров вынутого грунта, двести тысяч кубометров бетона, сто тысяч тонн металлических тюбингов! И это во время такой войны, в самую напряженную ее пору! Только подумать! Нет, друзья, мы живы и будем жить так, как хотим. Не такой мы народ, чтоб согнуться.

Бас. Еще бы. По этому случаю, как в прошлом году, приготовимся к подобающей встрече Нового года.

Голос. Капитан Смолин!

Смолин. Я.

Голос. Вас немедленно требует генерал.

Смолин. Есть. Ну что ж, друзья, не судьба. Встретите без меня.

Музыка.

Смолин. Мне поручили одну весьма ответственную боевую операцию в районе площади Свободы. Не представляет интереса сейчас подробно рассказывать, в чем она состояла. Интересен ее финал. Для меня лично он выразился в том, что мне с группой бойцов-минеров пришлось неожиданно столкнуться лицом к лицу с тяжелым немецким танком, атаковавшим нас из засады. Внезапно взревел его мотор, рухнула стена руины, за которой он укрылся, и из пролома ринулось прямо на меня черное чудовище, показавшееся мне в мутном сумраке лунной ночи особенно громадным. Я увидел пламя выстрелов и огненный хвост позади танка, из выхлопной трубы. И в ту же секунду упал, оглушенный, в какую-то яму. Вероятно, я сам бросился в нее, но это не успело дойти до моего сознания. Секундой позже я понял, что нахожусь в канализационном люке, а надо мной, герметически закрыв выход, стоит танк. И тут же я услышал два взрыва, потом третий, такой оглушительный, что у меня чуть не хлынула кровь из

ушей, и в люк полилось жидкое пламя. Отскочив, я прижался к стене. Я понял, что произошло. Мои друзья взорвали танк противотанковыми гранатами. На меня лился сверху горящий бензин! Спасаясь от огненного каскада, я бросился в сторону. По канализационному ходу. И вдруг столкнулся в темноте с кем-то живым.

Женщина. Кто?!

Смолин. Свой! Кто вы?

Я осветил ее электрическим фонарем. Изможденное, бледное лицо казалось белым, как мел. Испугом и радостью горели на нем темные глаза.

— Что вы здесь делаете под землей? Кто вы?

Она убедилась, что я не немец, и вдруг зарыдала тихо, беззвучно, вся сотрясаясь.

Женщина. Я здесь не одна. Со мной дочь. Идемте.

Еще через минуту я, согнувшись, вошел в бетонированное подземное помещение, тускло освещенное маленькой свечой, и увидел девочку лет тринадцати, такую же бледную, замерзшую, измученную, как ее мать. Они рассказали мне короткую и простую (как все истинно трагическое) историю. Они спаслись сюда от немцев, которые попали в «котел», и начали жестоко голодать. Стали с немецкой жестокостью истреблять «лишние рты». Женщина знала, что ее муж, отец дочери, местный рабочий, воюет где-то рядом, быть может, в сотне шагов отсюда.

Женщина. Вы не встречали его?

Смолин. Нет. Но уверен, что если он жив, мы с вами завтра же увидим его. Немцам каюк. Выпьем же за эту встречу, за Новый год, за победу, а главное — чтоб вы хоть немного согрелись.

Женщина. С Новым годом!

Девочка. С новым счастьем!

Смолин. У меня не было с собой ничего, кроме фляжки с несколькими глотками водки. У моих неожиданных новогодних друзей — ничего, кроме нескольких мороженых, печеных в золе картофелин. Но это не помешало нам встретить Новый год в самом бодром настроении. Наверху грохотал бой. Женщины указали мне другой выход из коллектора и я, простившись с ними, благополучно присоединился к своим.

Музыка.

Смолин. Время славно работало на нас и наших союзников весь следующий год. В течение его Красная Армия освободила центральные области страны, север Кавказа, левобережную Украину. Перешагнула через Днепр и взяла Киев, а союзники выбросили немцев из Африки и вывели из строя Италию. Я к этому времени стал уже майором и работал в штабе дивизии, стремительно наступавшей к западу от Киева, по направлению к Житомиру, большому областному городу. Он был нами взят 1 января 1944 года. В канун этого дня начальник штаба поручил мне вылететь на маленьком связном самолете в один пункт. Неподалеку от Житомира. Неожиданно мы столкнулись в воздухе с «мессершмиттом». Немец превосходил нас в скорости и маневренности, как быстроходный танк превосходит кабриолет. Тем не

мнее пилот моего «У-2», лейтенант Сухарев, в течение нескольких минут маневрировал так ловко, что «мессер» ничего не мог с нами сделать. Стремительно набрав высоту, немец в пятый раз ринулся на нас ястребом, поливая из пулеметов. Сухарев круто отвернул, прижав машину к земле. И не ожидавший этого «мессер», вихрем пронесшись в двадцати метрах от нас, врезался в землю. Я едва успел осознать это, как раздался второй взрыв — на нашем самолете. Погибнув, враг сумел-таки поджечь и наш бак. И меня выбросило взрывом из открытой машины, как и летчика. Все-таки я успел дернуть кольцо парашюта. Он раскрылся, но... нисколько не помог мне, потому что я падал с высоты едва ли большей, чем тридцать метров. Спасло меня то, что я рухнул в овраг, полный мягким снегом. Пробив собой метра два снежного пласта, оглушенный и ослепленный, я не сразу пришел в себя. Потом понял все, что произошло, и осторожно выглянул из снежной ямы. Никого вокруг не было. Я отстегнул лямки парашюта, рассчитал по компасу направление и со всеми предосторожностями направился к нашему самолету, дымившему в нескольких сотнях метров от меня. Не доходя до него, я нашел своего славного летчика. Увы, он был мертв. Уже стемнело. Как быть? Куда идти? Кругом немцы, их патрули. Положение было трудным. Вдруг я услышал скрип лыж. Притаился за деревом и увидел мальчика-подростка, по всем признакам русского, бегущего мимо. Я свистнул.

Звук осторожного свиста.

Мальчик (*шепотом*). Кто это?

Смолин. Не бойся. Подойди ближе. Я не немец.

Мальчик приблизился, робея.

Смолин. Не бойся, тебе говорю. Ты здешний? Школьник?

Мальчик. Да...

Смолин. А я советский командир, со сбитого самолета. Наши наступают, к утру будут здесь. Нет ли где поблизости жилья? Мне только переночевать. Как тебя зовут?

Мальчик. Сомов Володя.

Смолин. Родители живы?

Мальчик. Мать жива. А отец... не знаю. Вы не обманываете, что вы наш?

Смолин. Ты-то меня не обманешь ли? Тогда мне не жить.

Мальчик. Я?! Я для вас — если правда, что вы с того самолета, который упал час назад — я для вас все сделаю, жизни не пожалею. Идемте!

Смолин. Глаза мальчика горели, как звезды. Он схватил мою оледеневшую руку и от тепла его маленькой, но сильной руки, мне сразу стало хорошо. Мы поверили друг другу. И через двадцать минут я, как в сказке, очутился в тепле, уюте, среди друзей. Узнав от меня, что завтра приходит конец немецкому рабству, в котором он прожил больше двух лет, эти милые, скромные, намучившиеся при немцах люди, устроили настоящее импровизированное торжество. Эта встреча Нового года была самой веселой и пышной по сравнению с двумя предыдущими. На столе была баранина, маринованные огурцы и помидоры,

сметана и чай с медом и даже бутылочка чудесной вишневой запеканки, сохраненной в земле именно для этого самого дня — для праздника освобождения родной земли, для дня нового счастья. Словом, эта была настоящая, заправская встреча Нового года. Переночевав у вновь обретенных друзей, я утром явился в Житомир, уже занятый нашими.

Так, друзья мои, встретил я четыре последних Новых года. Сегодня мне, как и вам, предстоит провести пятую новогоднюю ночь, встретить год нашей окончательной общей победы над врагами человечества. Не знаю, где проведете эту ночь вы. Мне предстоит ее провести в Восточной Пруссии. На пути к Кенигсбергу. Я желаю себе и вам, дорогие друзья, чтобы эта ночь была счастливой и удачной. В особенности желаю я этого тем веселым и мужественным сынам Америки, которые, подобно мне, встретят Новый год на немецкой земле, в окопах и землянках, в танках и самолетах. Они лучше, чем кто бы то ни было, поймут то, что переживаю я в эту ночь. И я лучше многих пойму их чувства там, в Эльзасе и Рурской области, и так искренно, как только могу, скажу им:
— С Новым годом, друзья! С новым счастьем! С победой!

Музыка.

РГАЛИ. Ф. 2503 Оп. 1. Д. 60. Машинопись с авторской правкой.

Радиоэкскурсия по театрам и концертным залам Москвы

Обозрение

6 января 1945 г.

Товарищи радиослушатели, радиопередача, которую вы сейчас услышите, имеет не совсем обычный характер. Она называется «Экскурсия по театрам и концертным залам Москвы».

Последовательно мы включаем Большой театр, Художественный театр, Большой зал Московской консерватории, студию Всесоюзного радиокомитета и театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Начинаем нашу экскурсию.

Сегодня в Государственном ордена Ленина Академическом Большом театре Союза ССР идет опера Бородина «Князь Игорь».

Семь столетий отделяют оперу Бородина от запечатленных в ней исторических событий — похода Игоря Святославича, воспетого в «Слове о полку Игореве»:

...Так начнем же,
Братие,
Повесть сию —
От Владимира Старого
До нынешнего Игоря,
Что опоясал ум
Крепостию,
И изострил сердце свое
Мужеством,
И, ратного духа исполнившись,

Направил полки свои храбрые
На землю на половецкую
За Русскую землю...

События того времени, такие давние и как будто бы безвозвратно прошедшие, воскресают вновь, вызванные к жизни творческим гением Бородина.

Князь Игорь, сын его Владимир, хан Кончак — все они были участниками борьбы, разыгравшейся в конце XII века между Русью и кочевниками-половцами.

Без сомнений и колебаний вступает в борьбу за землю русскую князь Игорь.

...И Игорь сказал
Дружине своей:
«О, братия,
О, дружина моя!
Лучше убиту быти,
Нежели полонену быти.
Хочу копие переломить
На конце половецкого поля,
Хочу с вами,
Русичи,
Либо главу свою положить,
А либо шеломом испить
Дону».

Образ Игоря — образ древнего витязя, одного из тех людей русских, кто в битвах отстоял Русь и русскую государственность.

Гениальное произведение Бородина составляет национальную гордость русского искусства. По своим художественным достоинствам, эпической широте опера Бородина является одним из замечательнейших произведений во всей мировой музыкальной литературе..

Сейчас вы услышите увертюру, за которой следует пролог.

Сегодня партию князя Игоря исполняет артист Прокошев. Заслуженная артистка республики Александрова поет Ярославну; лауреат Сталинской премии народный артист СССР Козловский — Владимира Игоревича; князя Галицкого — народный артист СССР Пирогов; в роли скоморохов Скулы и Брошки — артисты Колтыпин и Дольский. Спектаклем дирижирует народный артист СССР Штейнберг.

Включаем сцену Большого театра.

* * *

Продолжаем нашу радиоэкскурсию. В Большом зале Московской государственной консерватории имени Чайковского выступает Государственный симфонический оркестр Союза ССР под управлением заслуженного артиста республики Александра Гаука. Солист — лауреат Сталинской премии Давид Ойстрах.

В программе первого отделения — «Вариации на русскую тему» лауреата Сталинской премии Шебалина и скрипичный концерт лауреата Сталинской премии Хачатуряна.

Композитор Шебалин[100] рассказал нам. «Вариации на тему русской народной песни "Уж ты, поле мое, поле чистое!" написаны мною в 1939 году. Мелодия русской народной песни, точнее, крестьянской, всегда привлекала мое внимание и богатством интонаций, и ритмической прихотливостью, и большой художественной правдой. Хотя мне неоднократно пришлось испытать самое непосредственное влияние народной мелодии в целом ряде написанных мною сочинений, исполняемые сегодня вариации являются первым опытом обращения именно к определенной песенной мелодии, хорошо известной по сборнику Балакирева. Лирический характер песни определил и саму форму сочинения — "вариации" и камерный состав оркестра, несколько отличающийся от обычного состава».

Вариации Шебалина исполнялись уже по радио оркестром под управлением автора. Сегодня — в открытом концерте — они исполняются впервые.

Концерт Хачатуряна для скрипки с оркестром, удостоенный Сталинской премии, завоевал широкое признание нашей аудитории. Об этом красноречиво говорит частое появление концерта в программах симфонических вечеров.

«Это — выросшее из народного танца и песни, блестящее, подлинно концертное произведение. Живое, непосредственное, открытое, чистосердечное выявление сильных человеческих эмоций составляет душу этой музыки.

И потому так легко и просто слушать ее, потому так пленяет ее веселье, так трогает ее страстность».

Итак, слушайте первое отделение концерта...

* * *

Продолжаем радиоэкскурсию. Из Большого зала консерватории перейдем в зрительный зал Московского Художественного театра имени Горького. Здесь сегодня идет пьеса советского драматурга лауреата Сталинской премии Николая Погодина «Кремлевские куранты». Этот спектакль — одна из последних творческих работ театра, в которой принимал непосредственное участие Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Первое действие спектакля уже прошло. Через одну-две минуты начнется второе действие.

Время действия — 19-й год. Действие происходит в Москве, у памятника Гоголю. Балтийскому моряку Александру Рыбакову выпало счастье стать солдатом революции, быть около великого Ленина, ощущать на себе пламенное веяние его мысли. Мир по-новому открывался Рыбакову. Ему хотелось познать этот мир. В свободные часы Рыбаков читал, читал много, со страстью.

В Москве встретил Рыбаков Машу Забелину и полюбил ее. Когда отец Маши, старый инженер Забелин, узнал, что у дочери появился странный знакомый — матрос, жизнь Маши в семье очень осложнилась. Она любила отца, опасалась его гнева, но уже не могла освободиться от яркого, хотя и не вполне осознанного чувства к Рыбакову и

ко всему тому новому, сильному, что она чувствовала в нем. Встречи с Рыбаковым привлекали Машу, но когда моряк пытался неловкими словами выразить свое чувство, Маша насмешливо отмахивалась и уходила.

...Несколько дней Рыбаков был занят выполнением срочного поручения Ленина. Он искал часовщика — такого, которой мог бы пустить в ход молчавшие Кремлевские куранты, вдохнуть в них жизнь, чтобы с древней башни Кремля зазвучала новая мелодия, разносясь по всей земле. Увлеченный этим делом, Рыбаков опоздал на свидание с Машей — они условились встретиться на бульваре, у памятника Гоголю. Когда Рыбаков запыхавшись пришел, почти прибежал, к памятнику, он не нашел там Маши. Одна лишь старушка сидела на скамейке и рядом с ней стояла детская плетеная колясочка.

В шестой картине спектакля «Кремлевские куранты» заняты артисты: в роли матроса Александра Рыбакова — лауреат Сталинской премии Ливанов, в роли Маши — артистка Пилявская, в роли старушки с ребенком — артистка Вронская.

(*Включается сцена МХАТ.*)

* * *

Продолжаем радиоэкскурсию. Сейчас мы включаем студию Всесоюзного радиокомитета. Здесь начинается эстрадный концерт. У микрофона выступают джаз-оркестр ВРК под управлением Александра Цфасмана, солисты ВРК, заслуженные артисты республики Надежда Казанцева и солист ВРК Михаил Михайлов.

(*Вспыхивает сигнальная лампочка на дикторском пульте: «Микрофон включен».*)

* * *

Сегодня в театре имени народных артистов СССР Станиславского и Немировича-Данченко идет опера Джузеппе Верди «Бал-маскарад». Это романтическая драма.

Сейчас начинается третий акт оперы, в котором сплетаются все основные линии драматического действия.

В центре развертывающейся трагедии — судьба героев оперы Ричарда, губернатора Бостона, его советника Ренато и жены Ренато — Амелии. В диком горном ущелье ночью встречаются Амелия и Ричард. Они любят друг друга, но верность долгу заставляет их подавить чувства любви. Ренато узнает о свидании Ричарда и Амелии. Готовый поверить в измену жены, он решает мстить и присоединяется к дворцовому заговору. Это решает судьбу Ричарда и обрекает его на гибель.

В сегодняшнем спектакле партии исполняют:

Амелия — заслуженная артистка республики Крейс,

Ричард — Воскресенский,

Ренато — заслуженный артист республики Юницкий.

Хор и оркестр театра. Дирижер — заслуженный артист Республики Алевладов.

(*Включается театр.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 14. Д. 105. Л. 1–5. Микрофонный материал.

Е.И. Габрилович[101]

В пути
Очерк

22 февраля 1945 г.

Обычно это бывает так.

Поздно вечером мне звонят из редакции и говорят, чтобы завтра утром был готов к отъезду. Утром я собираю вещи в зеленый походный мешок, именуемый на фронте «сидором», и еду на аэродром. Там уже ждет нас — обычно я еду с фоторепортером — летчик редакционного самолета.

Вылетаем мы часов в девять, когда уляжется утренний туман.

За долгие месяцы путешествий я побывал на многих аэродромах. Я знаю, где хороша и где плоха ночевка, знаю многих дежурных по аэродромам, и с некоторыми из них мы встречаемся как друзья, ведь осенью, зимой и ранней весной приходится иногда просиживать по нескольку дней, ожидая летной погоды. Бывает, что ждешь и неделю.

Прибыв на конечный аэродром, мы едем на попутных машинах к фронту.

И там — на фронте, да и по дороге на фронт, — видишь многое, очень многое, всего не запишешь. Видишь факты удивительного героизма, высокого воинского труда, боевой доблести. Видишь и мелочи войны, ту обыденность мужества, испытаний, стойкости, без которой нет войны.

И вот, когда думаешь написать свои заметки военного журналиста, сталкиваешься с серьезной трудностью: не каждый сюжет войны является сюжетом рассказа. Сюжеты войны быстротечны, их экспозиция нередко мало связана с ходом развития действия, а концовок почти никогда не видишь: мелькнет и исчезнет. Мелькнет человек, мелькнет слово, мелькнет дорога — и нет их! К примеру.

В город П. мы приехали под Новый год, часов в десять вечера. Впрочем, от города-то почти ничего не осталось. Не осталось даже обычных безглазых кирпичных коробок, среди которых нет-нет да и мелькнет серый теплый дымок: живет человек! Да, не было даже пробоин, даже развалин — снежная горбатая пелена вместо города, и эти горбы были той кирпичной пылью, которая осталась от города.

И все же мы раздобыли себе ночлег. Была ли это удача, которая, согласно сказаниям, сопутствует в новогоднюю ночь страннику, было ли в этом умение нашего шофера Миши находить выход из самых трудных положений в автомобильном деле и в жизни, не знаю. Но мы раздобыли себе ночлег и встретили Новый год под крышей, как и подобает каждому, у кого есть что вспомнить и что пожелать себе и близким своим в грядущем году.

Да, на окраине, недалеко от железнодорожной станции, оказалось несколько уцелевших домов, и добрый гений скитаний привел нас сюда. Ворота были наглухо закрыты. Миша перелез через забор, пробыл в отлучке минут пятнадцать, перелез назад, сел за руль и сказал: «Порядок!». И словно по мановению чьей-то невидимой руки ворота раскрылись, и мы въехали в довольно просторный двор.

Так я попал к Воротниковым. Старик (впрочем, какой же он был старик — лет пятьдесят или немного побольше) встретил нас несколько растерянно.

— Ну, и народу! — сказал он, хотя нас было всего-навсего трое. И он обратился к Мише:

— Да как ты, цыган, меня нашел?

— Нашел, — уклончиво и сумрачно возразил Миша, — не таких находил!

— А чем я вас кормить буду? — спросил старик.

— Мы с собственным ездим, — ответил Миша и потряс в воздухе вещевым мешком. — Ты, старик, пьешь?

— Потягиваю, — ответил Воротников.

— Ну, значит, нынче будет тебе радость.

В общем, все наладилось на славу. Жена старика — Анна Сергеевна — в содружестве с Мишей приготовила на кухне отличный ужин. Тем временем Воротников (он был невысокий, седой, вихрастый, веселый и разговорчивый) рассказал нам о себе.

Двадцать пять лет работал он машинистом на станции П. Отступив из П. семь месяцев тому назад, немцы разрушили станцию, железнодорожные пути, взорвали мосты. Теперь все это восстановлено. Воротников по-прежнему работает машинистом. Жена работает на товарном дворе. Есть ли у них дети? Да, есть. Дочь. Семь месяцев тому назад она ушла в Красную Армию добровольцем. Вот уже месяц как от нее нет известий.

— Бывает! — сказал мой спутник. — На войне все бывает. Бывает, что и по году нет сведений, а после разыскивается.

Старик посмотрел на него, потом вдруг сразу отвел глаза,

— Да, бывает, — сказал он. — Ну-с, москвичи, какие есть новости в политической жизни? Как Америка?

Мы поговорили об Америке, о военных действиях на Тихоокеанском театре, о Бирме, потом о Втором фронте. Вошел Миша.

— Ужин готов! — провозгласил он. Он был весел, оживлен, и руки его были тщательно вымыты бензином. — К столу! — Он подмигнул Воротникову. — Идем, старик! Есть тебе радость!

Но старик оказался не очень охоч до «радостей», которые ему щедрой рукой предложил Миша. Старик пил совсем мало. И только все говорил, говорил, так и сыпал словами, тревожно и озабоченно поглядывая на жену.

Пробило двенадцать, наступил Новый год. И вот мы, пятеро человек, встретили этот Новый год в городе П. И, право, мы встретили его с теми же надеждами, с теми же думами, с теми же воспоминаниями, как и все другие.

Было провозглашено несколько тостов. Разговор стал общим, Миша сделал подробный анализ правил уличного движения в Москве и потом вообще перешел на жизнь в Москве, кое-что похвалил, кое-что отверг, а потом приступил к описанию Большого театра и «Спящей красавицы», где тоже кое-что похвалил, а кое-что подверг осмеянию. Мы слушали и улыбались, хотя рассказ о «Спящей красавице»

был для нас далеко не нов — это был Мишин конек, пользовавшийся в шоферских кругах неизменным устойчивым успехом. Слушал, улыбаясь, и Воротников. Но все время поглядывал на жену, и глаза его бегали тревожно и беспокойно. Потом поднялся и сказал:

— Друзья мои! Нас всего пятеро здесь в этот торжественный вечер, когда каждому верится, что жизнь его станет великолепной. Нас всего пятеро, но с каждым из нас невидимо сидят здесь за столом его друзья, знакомые, дорогие. Давайте приветствовать их. За тех, кто невидимо с нами! Ура!

— Ура! — произнес Воротников. — Так, значит, вы думаете что Америка...

— Товарищи! — сказала Анна Сергеевна, — вот вы люди военные, знающие... Я вас вот о чем хочу спросить...

— Так, значит, вы думаете, что Америка... — сказал старик.

— Я вас хочу спросить, — сказала Анна Сергеевна, — может ли быть, чтобы целый месяц...

— Что Америка, — пролепетал старик, — сделает все возможное...

— Может ли быть на войне, — сказала Анна Сергеевна, — чтобы человек почти каждый день писал с фронта, а потом перестал писать, месяц не пишет, и чтобы все-таки он был жив-здоров?

Наступило молчание. Я никогда не забуду тех тревожных глаз, какими смотрел старик на Анну Сергеевну. Не забуду я и ее взгляда, устремленного на нас.

— Ваша дочь — кто? — спросил мой спутник, — медсестра?

— Нет, связистка.

— В штабе фронта? — спросил я...

— Нет, в полку, — сказала Анна Сергеевна.

— Д-да! — сказал Миша.

— Что да? — спросила Анна Сергеевна.

— Да, конечно, она вернется, — быстро сказал мой спутник.

— Вот и я говорю, — подхватил старик, и глаза его забегали, — твердо ей говорю, а она плачет... Так, значит, Америка...

И посыпались, и посыпались слова.

Часа через три, когда мы уже улеглись, старик пришел к нам в комнату.

— Плачет! — сказал он, отчаянно и тревожно глядя на нас. — Опять плачет. Вот так — каждую ночь. А ведь какая крепкая старуха. При немцах мы с ней партизан в подвале прятали. Ее три раза по доносу в гестапо вызывали, плеткой хлестали, — она хоть бы слово! Сейчас на товарной станции работает. Людей не хватает, так она иногда по суткам домой не возвращается. Молодчага!

Что мы могли сказать? Мы молчали.

— Верьте мне, — сказал старик, — вот я под немцем полтора года прожил, я ему, извергу, сволочи, глаза в глаза посмотрел. Нет для меня ничего хуже немца. Так вот верьте мне, не вру, стар, — и за дочь свою горд. Горд, что из нашей семьи хоть один на фронте. Знаю, могут ее убить, может, уже убили. Что ж, почти у всех есть погибшие, надо и мне претерпеть. Мне даже легче терпеть, чем другим, — я старше, старик...

Что могли мы ему ответить?

— А все-таки, вот здесь, — сказал старик и прижал руку к сердцу, — вот здесь жжет, хватает...

Мы молчали.

— Как вы думаете, по-серьезному, — сказал старик, — только по очень серьезному: может человек, с которым ничего не случилось, целый месяц домой не писать, если раньше писал каждый день, без пропуска?

И он посмотрел на меня так же, как смотрел на Анну Сергеевну тогда за столом.

— Может! — ответил я.

Он перевел глаза на моего спутника.

— Может, — ответил спутник.

Старик перевел глаза на Мишу. Тот повертелся на своем жестком ложе и спросил:

— Раньше каждый день писала?

— Да, почти каждый.

— Она связисткой в полку?

— Да.

— Не знаю, — сказал Миша.

Вот и все. Вот и весь рассказ. Наутро мы уехали, и больше я ни разу не повстречался с Воротниковым. Да и, наверное, не повстречаюсь. Где там! Фронт далеко ушел вперед, за тысячу километров, а то и больше!

И вот я спрашиваю себя — интересна ли эта заметка писателя? В ней нет ни конца, начало туманно... Можно было бы, конечно, придать сюжету большую силу, большую ясность. Например, письмо от дочери могло бы прийти именно тогда, в новогоднюю ночь. Это было бы очень уместно. Или сама дочь могла бы явиться домой в тот ночной час, когда мы сидели впятером за столом. Ведь бывает и так в жизни? Бывает!

А все-таки я оставлю заметку такой, какая она есть. Тот, кто видел войну, поймет меня. Он видел великие битвы, бессмертное мужество, и видел костры, где варились солдатские щи, и видел детей, играющих на изрытой земле, под рев орудий, пробивавших путь на запад.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 53. Микрофонный материал.

А.К. Тарасова[102]

Музы ведут в бой
Беседа

5 марта 1945 г.

Дорогие женщины нашей Родины, поздравляю вас с Международным днем 8 марта!

Встречая этот праздник в дни Отечественной войны, в дни, когда наша Родина переживает наряду с радостными блестящими победами, как Сталинград, Ржев и ряд других городов, многие трудности, хочется думать и жить с нею вместе, помогая ей всемерно, не щадя себя.

Каждый из нас, любящих свою страну, не может, не имеет права сидеть сложа руки. Мы, актеры, стараемся нашим искусством помочь нашей дорогой Красной Армии. Три дня тому назад я приехала из боевых частей Красной Армии, где была с бригадой Московского Художественного академического театра имени Горького.

Это были для нас чрезвычайно волнующие дни. Я второй раз езжу с бригадой и, если понадобится, поеду еще. Мы встретили столько замечательных людей, героев, защитников нашей Родины. Бывали дни, когда нам приходилось давать по два или три концерта в день, но это нас не утомляло. Мы это делали с радостью. Что нам дают эти люди? Ведь они отдают самое дорогое, что есть на свете, — свою жизнь!

Так как же мы, живущие в тылу, должны им отплатить, чтобы нам не стыдно было им в глаза глядеть?

Выступления наши в необычных для нас помещениях, в землянках, наполнялись зрителем, самым для нас сейчас дорогим, — бойцами. Тишина и внимание, с которыми они нас слушали, и их прием были для нас лучшей наградой. После одного из выступлений один боец сказал: «Вот я сейчас зарядился, хочется идти и штук 20 немцев уничтожить». На что один из моих товарищей заявил: «Значит, двух на мою долю». Нас было 10 человек.

Нам было радостно, что годовщину Красной Армии мы праздновали на фронте. Сплоченность, бодрость, бесстрашие наших героев достойны поклонения.

Часто задерживались наши выступления. Ожидали тех, кто ушел на задание. Мы догадывались, кого мы ждем, где они, — так волнительно было их ждать! Ведь не всегда все они возвращаются, и, когда распахивалась дверь и появлялись молодые, розовые, веселые лица, свидетельствующие о том, что задание выполнено, так хотелось крепко обнять этих людей и даже от радости заплакать. Им освобождали первые ряды в землянке, и мы начинали наши выступления.

Заботой окружена наша армия, и женщина в ней играет большую роль. Мы встретили поистине материнскую заботу молодой женщины, которая подает во фронтовой столовой. Ее зовут Таня. Она мне сказала: «Они мне все как братья. Ведь к ним подход нужен, разное у них бывает состояние. Я им ужин приготовила, а они сидят, к нему не притрагиваются. Я знаю, что другие товарищи ушли на задание, время для возвращения прошло. И я их все утешаю — вернутся, не беспокойтесь! Нет, сидят... не едят. Вдруг распахнулась дверь и с шумом входят. Вернулись. Так что тут поднялось!.. И знаете, все подарки мне отдали. Нам только, говорят, оставляй вино. Ты сказала, что вернутся, — вот тебе награда. До утра танцевали, но женщина-то одна я, со мной по очереди танцевали. Ох, уж я и устала! Да, хорошие они у нас». Рассказ Тани говорит о нашей главной силе, о единстве: один — за всех, все — за одного.

Помимо бойцов, мы всюду встречали в избах наших русских женщин, стойких, переживающих тихо глубокое свое горе. На нарах в одной избе я разговорилась с одной из них. У нее три сына. Один сейчас инвалид, второй пропал без вести, а 15 февраля она получила из-

вестие о гибели младшего — Коли, видно, самого любимого. «Его уже нет, — говорила она. — А какой был красавец, какой хороший, все писал мне: "Не горюй, мать, мы стойко защищаем нашу Родину. Мы не пустим врага!" А теперь его нет». Она заплакала. Я крепко обняла ее, поцеловала, потому что трудно найти утешения. Я сама мать и всем сердцем могла почувствовать горе этой женщины.

Так разве можно не отомстить нашему врагу за слезы тысяч русских матерей? Наша Родина приняла на себя большую часть тяжести всей войны. Не всегда нам сопутствовал успех, но мы не пали духом. Неудачи, тяжести закалили всех нас. Война научила нас новому, суровому мужеству и беспощадности к врагу. В этом огромная сила русского народа.

Один немецкий пленный о положении в данный момент на фронте сказал: «Русс рассердился». Да, это так. А если русс рассердится, то серьезно. Верно сказал товарищ Сталин: не успокаиваться, трудности предстоят еще большие. Но дух нашей Красной Армии крепок. Верю глубоко в наш народ, в нашу дорогую, поистине героическую Красную Армию, которой восторгается весь мир. Она уже начала громить врага, она вытащит его из-под земли и выбросит за пределы нашей Родины. Слава нашей Красной Армии! Слава полководцу Сталину!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 45. Л. 373–388. Микрофонный материал.

Д.М. Гармаш[103]

Чем и как я помогаю фронту

Выступление

13 марта 1945 г.

Проводив своего мужа в армию, я задумалась над тем, чем и как я могу помочь фронту. Я осталась со старухой матерью и маленькой дочкой Люсей. Посоветовалась я со своими друзьями, с директором нашей Рыбновской МТС, и он мне сказал: «Ты, Даша, хорошая трактористка, знаешь прекрасно машину, людей у нас осталось мало, мужчины ушли на фронт, поставим тебя бригадиром, управлять девушками».

Вначале как-то боязно было мне взяться за новое дело. Но подумала я о наших воинах-фронтовиках. Ведь им в сто крат тяжелей. И устыдилась. Так я стала бригадиром. Вот уже четвертый год пошел. Моя бригада все время держит первенство, и каждый год мы заставляем наши трактора обрабатывать все больше и больше колхозных земель.

Меня многие спрашивают: «Даша, расскажи, в чем секрет твоих успехов?» Много писем я получаю от трактористов, и все задают мне этот вопрос, а рассказать — сама не знаю. Мне кажется, что самое главное — это дисциплина и крепкая дружба в работе. В моей бригаде шесть девушек. Трактористка Нюра Облезова работает со мной с первых дней. Она никогда не уйдет с трактора, пока не выполнит задания, не проверит, все ли в порядке. Мои трактористки Маруся Кострикина, Нюра Демидова, Катя Кочеткова теперь сами стали бригадирами.

Мы все любим свои машины, ухаживаем за ними и перед работой и после нее проверяем каждый винтик, каждую деталь. Никто из нас не уйдет домой, пока не приведет в порядок трактор. Летом вся наша бригада живет вместе в колхозе «Красный пахарь». Колхозники заботятся о нас. Мы всегда живем в хорошем доме, нас снабжают продуктами и кто-либо из колхозников готовит для нас пищу. Вот такая обстановка, забота тоже очень нам помогает. Зимой мы все учимся. Я живу в домике на усадьбе МТС. Посещаю партийную школу. Во время войны я вступила в партию. Часто бываю на курсах трактористов, директоров МТС, где читаю лекции. Все девушки моей бригады тоже учатся.

Скоро весна. Каждый из нас еще раз проверяет себя, все ли сделано для того, чтобы выполнить свое новое обязательство. Ведь в этом году мы решили обработать каждым трактором 2 тыс. гектаров. Это очень трудно. Но думается мне, что мы справимся. Свои машины мы отремонтировали хорошо: плуги, бороны, сеялки в порядке, горючее завезено. Девушки хорошо отдохнули и подучились. Была я в колхозе, где мы будем работать. Там уже все готово к севу. Семена засыпаны и очищены, бригада и звенья организованы, всем отведены участки. Одним словом, все мы готовы приступить к полевым работам хоть сегодня. Я надеюсь, что в этом году мы будем работать еще лучше, чем в прошлом. И я смогу написать своим друзьям-фронтовикам о своих новых победах. Это будет для меня большой радостью. У меня с ними большая дружба.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 616. Л. 116–117. Микрофонный материал.

Пионерская зорька

Детская радиогазета[104]

17 апреля 1945 г.

Диктор. Ребята! Совсем недавно в подмосковный детский дом, расположенный на станции Чкаловская Северной железной дороги, прибыли советские дети, освобожденные нашей доблестной Красной Армией из немецкого рабства.

Мальчики и девочки, которым теперь только минуло пять, восемь, десять, пятнадцать лет, прожили в лагерях Майданека, Лодзи и других по два, по три года. Это были годы страшных мучений. Немцы не щадили детей. Они морили их голодом, избивали, заставляли выполнять непосильную работу. Каждый день дети были под угрозой смерти. Немцы увозили в крематорий сотни тысяч детей, умерших от голода и заразных болезней.

Вот Старовойтов Ваня из деревни Горково Суражского района Витебской области. Ему сейчас только восемь лет. Три года он прожил в лагерях. В лагере уничтожения, на Майданеке, погибла его мама. Старшую сестру Галю немцы угнали на каторжные работы в Германию, а его самого, после восьмимесячного пребывания в Майданеке, отправили в детский лагерь в Лодзь. Орещенко Катя из деревни Островское

Суражского района Витебской области, одиннадцати лет, Болдышев Ваня девяти лет и его семилетняя сестра Маня из деревни Большое Заборочье того же района Витебской области, Алик Стефанович и его брат Игорь — из Бобруйска, Ваня Ершов из деревни Брыли Суражского района, Витебской области и многие другие — все эти дети прошли один и тот же страшный путь от родного дома до Майданека, Кракова, Лодзи. На их глазах умирали от пыток и истязаний матери, братья, сестры.

Рассказы детей о годах, прожитых ими на немецкой каторге, — это живая книга, обличающая немецких палачей и повествующая о героической стойкости советских детей, которые никогда не забывали своей Родины, которые горячо верили в нашу победу, которые жили мечтами о скором возвращении в любимую Советскую страну. Об этом говорили им умирающие матери: «Потерпите, родные! Скоро придет конец этим извергам. Настанет и на нашей улице праздник!»

Вот Петя Артемьев. Ему четырнадцать лет. Послушайте, что он расскажет о себе.

Артемьев Петя. Мы жили в городе Витебске. В начале войны мы с мамой переехали к дедушке в деревню Изохово Суражского района Витебской области. Деревня была партизанской. И вот однажды нашу деревню окружили немцы. Население угнали в Витебск, а деревню подожгли. Бабушка, дедушка, мама и мы с сестренкой Зиной взялись за руки и пошли вместе, чтобы не растеряться. Шли целый день. Бабушка была очень старенькая. В Витебске она умерла. Дедушка заболел, а нас в тот же день погрузили в товарные вагоны и увезли в Польшу, в концлагерь около Кракова. Как только мы приехали в лагерь, началась перекличка. Сначала вызывали женщин и девочек.

— Артемьева Зинаида!

Мы все вздрогнули. Первой вызвали мою сестренку Зину. Ей было тогда только шесть лет.

— Вытянуть левую руку! — скомандовали ей и стали накалывать номер — 61447. А затем маме — 61448.

Потом началась перекличка мужчин и мальчиков. Тут я был первым. Слышу, кричат:

— Артемьев Петр!

Я подошел. Мне тоже выжгли клеймо.

Потом всех — взрослых и детей — остригли наголо, выдали нам грубые полосатые халаты и деревянные колодки на ноги.

Детей и женщин отправили в барак номер один. Был уже вечер. Нам принесли обед: сто граммов каштанового хлеба и щи из травы. Утром в пять часов раздался пронзительный свисток. Все встали и пошли на поверку. После завтрака, во время которого нам дали маленький кусочек хлеба из каштанов и немного черного кофе. Нас всех угнали на работу. В бараке остались только маленькие дети.

Прошел месяц нашей жизни в лагере. Дети стали болеть, многие умирали. Как-то раз, когда матерей отправили на работу, пришел блоковой — это надзиратель — и приказал всем выйти на улицу. «Вас повезут в баню!» — сказал он. Посадили нас в машину и повезли. А мы

только на днях наблюдали, как с другого поля увезли несколько машин еврейских детей. Позднее выяснилось, что их живыми сожгли в крематории. «Ну, думаем, пришел и наш конец!» Мы знали, что налево расположена «станция, а направо — крематорий. Смотрим, куда пойдет машина. Затаив дыхание, ждали поворота. Машина завернула налево. Привезли нас на станцию, погрузили в товарные вагоны, закрыли их, и состав тронулся. Мы приехали в Лодзь, в детский концлагерь. Это было трехэтажное здание, обнесенное колючей проволокой. Здесь мы жили до тех пор, пока не освободила нас Красная Армия.

Диктор. Толя Головач, двенадцати лет, из города Бобруйска, был в Люблинском лагере уничтожения на Майданеке. Слушайте рассказ Толи.

Толя Головач. Я очень завидовал своей старшей сестре Лиле, которая по дороге из Бобруйска в Люблин выпрыгнула из вагона и не попала в Майданек. Я тоже за ней хотел спрыгнуть, но не успел.

Диктор. А за что, Толя, вас увезли в этот лагерь?

Толя. Немцы забрали моего папу и посадили в бобруйскую тюрьму. Но он сбежал. Он был партизаном. Часто ночью папа приходил домой и жил у нас по нескольку дней. Он узнавал, где помещался немецкий штаб, склады, гарнизон, а потом опять уходил в лес. Немцы об этом проведали и всю нашу семью — маму, меня, сестру Лилю, шестнадцати лет, сестренку Галю, шести лет, — повезли в Люблин. По дороге Лиля выпрыгнула из вагона, а мы все попали в лагерь на Майданек. В этом лагере было шесть полей, а на каждом поле — по двадцать четыре барака. Лагерь и каждое поле были обнесены двумя рядами колючей проволоки, по которой проходил электрический ток. На высоких вышках сидели часовые с пулеметами. Жили мы в деревянных бараках с трехэтажными нарами. В лагере нас сразу же отделили от матерей. Их угнали на первое поле, а нас — на третье. Мы плакали. Плакали наши мамы, и их били на наших глазах. Потом нас увезли в Лодзь, а старших ребят — в Германию. Мы с Галечкой до прихода Красной Армии жили в Константиновском детском лагере около Лодзи.

Диктор. А много ребят было в этом лагере?

Нина Козлова. Тысяча сто семьдесят шесть человек! Я работала хлеборезкой и должна была нарезать столько порций хлеба.

Диктор. Скажи, пожалуйста, как тебя зовут, откуда ты и как попала в этот лагерь?

Нина. Зовут меня Нина Козлова. Я из Витебской области, Россовского района, из деревни Рубаки. Отец мой работал на железнодорожном разъезде грузчиком. Когда немцы близко подошли к нашей деревне, он ушел к партизанам, а потом и мы всей семьей жили в лесу. Однажды немцы устроили облаву на партизан. Нас повезли в Полоцк, а потом под Краков, в тот самый лагерь, о котором рассказал Петя Артемьев. Сюда мы приехали ночью. Нас пешком повели по шоссе. Казалось, мы шли в большой город. Много огней виднелось впереди. Но это был лагерь. Он тянулся на десятки километров. Бараки в лагере каменные. И пол, и стены, и трехэтажные нары — все было из кирпича.

Нары разделены кирпичными перегородками. В каждой такой клетушке — мы называли их печками — спало шесть человек. Лежать можно было только на боку, тесно прижавшись друг к другу. Спали мы на соломенных подстилках. Было очень холодно и грязно. Многие из нас болели тифом и другими заразными болезнями. Наши матери скрывали, что мы больны. Боялись, чтобы немцы не увезли нас живыми в крематорий. Как только по утрам раздавался свисток, мы вскакивали вместе со взрослыми. Мой четырехлетний братишка Ваня, бывало, со слезами просил: «Мама, я спать хочу!» Но мама, чтобы избежать побоев, снимала его сонного с постели и вела в строй, на поверку. Больные тоже, чтобы не быть заживо похороненными, вставали и на четвереньках ползли на свои места. На то, чтобы блоковая надзирательница пересчитала всех и немцы приняли лагерь, уходило обычно не меньше двух часов. После этого, по свистку, все взрослые отправлялись на работу, а маленькие дети — в блок. У меня тоже есть клеймо на руке. Мой номер 70080. Это значит, что к тому времени, когда мы прибыли в лагерь, через него уже прошло столько женщин и девочек, а мужчин еще больше, потому что у моего маленького брата Вани был номер 167294.

В детский лагерь, в Лодзи, я попала вместе с Петей и другими ребятами. Сюда мы приехали чуть живыми. На второй этаж поднимались ползком. Как мы остались живы — не знаю. В лагере нас заставляли много работать. Каждый должен был сплести из соломы двадцать пар туфель. Коли не выполнишь норму — бьют. Многие работали в швейной мастерской. Остальные ходили на разные полевые работы «к помещикам». Перед самым приходом в Лодзь Красной Армии из нашего лагеря всех ребят старше четырнадцатилетнего возраста увезли в Германию.

Никогда я не забуду дня, когда к нам пришли войска Красной Армии. Слышим — начали артиллерийский обстрел. Уже недалеко от нас разрывались снаряды. Осколки летели в здания, мы все выскочили на улицу и залегли в канавы. Уже совсем близко шел бой. Выглянули: по направлению к нам движутся советские танки. Мы бросились к ним навстречу. Кто плачет, кто кричит «ура», не знали, что делать от радости. Танки остановились. Бойцы вышли из танков и говорят: «И здесь русские дети страдают». Начали нас обнимать, целовать, расспрашивать, как мы жили. Надавали много продуктов. консервы, хлеб, сахар. У нас был настоящий праздник. Потом пришел комендант. В лагере навели порядок, как в настоящем детском доме. А через несколько времени нас увезли из Польши в детский дом, под Москву. Мы скоро совсем поправимся и начнем учиться. Мы ведь четыре года не учились.

Диктор. Окончились страдания наших советских детей. Они снова на родине. Много заботы и внимания уделяет им сейчас наш народ. Лаской и любовью окружают их воспитатели детского дома. Они создали для детей теплую, уютную обстановку, чтобы ребята могли скорее забыть мрачные дни неволи, прожитые на немецкой каторге.

Вот начался обед. Так как некоторые дети страдают цингой, им принесли перед первым блюдом шинкованную свежую капусту. Потом

подали картофельный мясной суп, на второе — капустную солянку с мясом и на сладкое — компот из сухих фруктов,

— Галочка, почему ты не доела второе? Обязательно скушай! — настаивает Анна Давыдовна, заведующая учебной частью детского дома.

После обеда все дети идут в спальню. Сон обязателен для них. Каждый подходит к своей кровати, снимает и аккуратно складывает белое покрывало и накидку с подушек, раздевается и ложится в чистую, теплую постель. Малыши уже обзавелись игрушками. Шестилетняя Маня укладывает с собой в постель куклу.

К детям вернулось счастливое детство. Давайте, ребята, пожелаем им здоровья и счастья!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 53. Микрофонный материал.

П.И. Мануйлов, А. Фрам[105]

В Берлине

Радиорепортаж

Не позднее 2 мая 1945 г.[106]

Звуки пулеметной стрельбы, разрывы снарядов.

Корреспондент[107]. Наш микрофон установлен в автомашине, идущей по Берлину. Перед нами раскрывается панорама южной части немецкой столицы. Автомашины бесконечной вереницей направляются к линии фронта, скопились у переправы через канал. Южная часть Берлина в зелени. Цветут яблони, вишни и декоративные растения, которыми немцы любят украшать свои дома. Но много домов берлинских однотипных. В их архитектуре что-то напоминает военный строй казармы. Сейчас один из таких домов догорает. Широкая улица, обсаженная большими дубами и тополями, Мохавер-штрассе, выходит на площадь Андрея Цейле. Почти посредине площади немцы построили огромное бомбоубежище. Но тонны металла и бетона рухнули от прямого попадания тяжелых бомб во время одного из налетов авиации союзников. Гаккен-штрассе, Гоейрц-аллее, Вифман-штрассе и другие улицы, похожие друг на друга. Всюду видны разрушения от налетов нашей и союзной авиации. Вот квартал на Генерал-Вебер-штрассе. Ни одного дома! Здесь немцы успели расчистить площадь от развалин и на месте каждого дома на вкопанном столбике прибили номер. Вместо дома один номер!

Среди зелени огромная коробка 15-этажного дома. С верхнего этажа этого дома видна панорама центра Берлина, затянутого сейчас дымом от пожаров. Наши артиллеристы воспользовались этим удобным наблюдательным пунктом и с верхних этажей корректируют огонь своих орудий. Мы миновали Целендорфердамм — улицу особняков, уцелевших от разрушений. Перед нами большие заводские здания авиазавода. Немцы взорвали только один из корпусов. На высокой башне центрального корпуса — большие часы. Стрелки часов символически остановились на двенадцати. Роковой час германской столи-

цы наступил. В Берлине на каждом шагу видим воина Красной Армии. Вот группа бойцов хлопотливо устанавливает свои автомашины в подземные гаражи полуразрушенного известного завода Цейса. А потоки грузов и боевой техники продолжают идти все мимо — туда, к передовой. Метро... Берлинское метро! Серое маленькое здание станции. Это первая станция центральных районов Берлина.

В зелени одной из улиц замаскировались танки. Возле них молодой офицер, на груди которого красуется Золотая Звезда. Герой Советского Союза в Берлине.

— Товарищ лейтенант, можно узнать вашу фамилию? Мы военные корреспонденты радио.

Пузыркин. Лейтенант Пузыркин.

Корреспондент. Скажите, товарищ лейтенант, ваши танки участвовали в боях за Берлин?

Пузыркин. Да. Моя рота, начав наступление с берегов Нейсы, первая ворвалась в Берлин с юга.

Корреспондент. Может, расскажете об этом подробнее?

Пузыркин. Пожалуйста. После форсирования Шпрее мы с упорными боями продвигались на запад. Нашей заветной мечтой было желание ворваться в Берлин первыми. И это счастье выпало на нашу долю. Мы прорвались к южной окраине германской столицы. На железнодорожном узле Тельтов, в предместье Берлина, скопилось несколько поездов. Я принял решение не допустить выхода поездов.

Неожиданным для немцев маневром я обошел вокзал и ворвался на железнодорожные пути. Пока немцы собирались организовать оборону, мы разбили паровозы. Все эшелоны были захвачены нами. После этого мы сделали новый бросок, ворвались в Тельтов и завязали уличные бои. Канал Тельтов также был форсирован нами. И вот мы в Берлине.

Корреспондент. Товарищ Пузыркин, из танка сейчас вышла девушка. Она тоже принимала участие в боях за Берлин?

Пузыркин. Да. Это гвардии старшина Люба Деордейчук. Она медсестра. Она сама расскажет о себе. Люба!

Деордейчук. Слушаю, товарищ лейтенант.

Пузыркин. Расскажите, как взяли в плен немца.

Деордейчук. А тут ничего особенного. Когда наши танки идут в бой, я всегда нахожусь в одном из танков для оказания медпомощи. Когда танки пошли на Берлин, я, конечно, пошла тоже. В этом бою я взяла в плен одного фрица. Он оказался старик и уже вторично попадает в плен. В Первую мировую войну, в 1914 году, он был в русском плену.

Корреспондент. Вы имеете правительственные награды?

Деордейчук. Да. Правительство оценило мою скромную работу. Я награждена медалью «За отвагу», орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны». Мне можно сказать девушкам Советского Союза?

Корреспондент. Пожалуйста.

Деордейчук. Дорогие девушки Советского Союза! Как я счастлива, что вместе с Красной Армией прошла большой боевой путь. Я счастлива и приветствую вас, дорогие девушки, из Берлина.

Корреспондент. Мы на командном пункте генерал-майора танковых войск Дмитрия Дмитриевича Бахметьева. Слушайте. Говорит генерал-майор Бахметьев.

Бахметьев. Около 200 километров прошли танкисты соединения генерал-полковника Рыбалко от своих исходных позиций до Берлина. Особенно ожесточенные бои разыгрались между реками Нейсе и Шпрее. Нам приходилось драться за каждый населенный пункт, за каждый перекресток шоссейных дорог. Противник сопротивлялся упорно. Танкистам приходилось действовать самостоятельно в трудных условиях местности, в лесных массивах. Сломив сопротивление противника в междуречье, мы подошли к реке Шпрее. Часть танков форсировали Шпрее вброд и захватили плацдарм. Быстро построив переправу, мы за одну ночь перебросили и остальные танки на западный берег реки. О Шпрее танкисты думали четыре года. Когда мы бились с немцами на берегах русских рек, мечтали о Шпрее, и танкисты хотели быть первыми.

На Шпрее стоит Берлин. Немцы понимали, что мы идем в их логово, в Берлин. Они подготовили новые рубежи для обороны с хорошо организованной системой оборонительных сооружений. Первый рубеж проходил через Куммерсдорф — Шперенберг — Клаусдорф — Юисдорф — Ягдцеибрюх — Тойпитц и далее на северо-восток. Танкисты на этом рубеже нанесли немцам сокрушительный удар.

В этих боях только части генерала Новикова захватили 74 немецких танка, 20 самоходных пушек, 20 бронетранспортеров и склад с боеприпасами. Развивая успешное наступление, соединение генерала Рыбалко приблизилось к Берлину.

Второй рубеж противник подготовил по каналу Тельтов, канал сам по себе является труднопроходимым препятствием. Ширина его достигает 30–60 метров, а глубина — до трех метров. Сразу за каналом начинались немецкие траншеи. А каменные дома за каналом противник превратил в опорные пункты. В домах были установлены пушки, пулеметы. В них укрывались немецкие снайперы. Но никакие преграды не могли остановить советских танкистов. Все солдаты, офицеры и генералы были воодушевлены одним стремлением: скорее в Берлин. Через сутки наши танки были уже в предместьях Берлина. Лихтенраде, Малов, Ланквиц, Тельтов — и подошли к каналу. После мощной артподготовки наступающие ринулись за канал. Подразделение полковника Богданова первое форсировало канал, отвоевало плацдарм. Понтонеры полковника Каменчука сразу приступили к сооружению переправ. Вскоре танкисты полковника Куриста и подполковника Якунина оказались на северной стороне канала и ворвались в Берлин. Мечта танкистов первыми войти в столицу Германии сбылась! Сейчас бои ведутся за центр Берлина. В уличных боях советские танкисты проявляют чудеса храбрости, очищая от немцев квартал за кварталом.

(*Заключительные фразы звучат на фоне гула авиационных моторов.*)

РГАФД. № М-1316. Вр. зв. 13.00. Магнитная запись.

К.Г. Паустовский[108]

Утро победы
Комментарий

2 мая 1945 г.

Наши войска в Берлине. Рушится и горит черная столица Германии. Дым тяжелых пожаров — последний дым войны — еще клубится над измученной и освобожденной Европой. Но в глубине Германии, «в долине, где Эльба шумит», уже встретились победители — наши бойцы и американские солдаты — и протянули друг другу руки.

Нет ни одного человека в нашей стране, который бы на протяжении четырех тяжелых лет войны не ждал бы этого дня, этого часа победы со страшным напряжением, с неистребимой верой, с надеждой на осуществление справедливости и возмездия.

Сбылись древние слова, и поднявший меч пал от меча. Он втоптан в прах и грязь стальными гусеницами танков.

Невольно мне вспомнилось утро под Николаевом на берегу Тилигульского лимана в августе сорок первого года, в дни первых наших испытаний. Мы отходили из Одессы. Враг наседал. Позади нас горели села и поля созревшей пшеницы. Пыль подымалась к зениту. Небо ревело от черных самолетов. Горячая земля дрожала под ногами от взрывов.

Но неожиданно утром на берегу лимана наступила короткая, почти неправдоподобная тишина. Ветер унес пыль, и над головой открылось сверкающее и чистое небо Украины. Огромное солнце подымалось на востоке. Пели степные птицы, горьковато и свежо пахло полынью и вдалеке, на юге, сонно шумело во мгле Черное море. И мой спутник — замкнутый, очень молчаливый человек — неожиданно сказал:

— Вот таким будет, наверное, утро нашей победы.

И оно действительно пришло таким — это утро там, на Эльбе, где встретились союзные армии. Бойцы, сняв каски, вытерев потные лбы, улыбались и слушали давно позабытые мирные звуки земли: бормотанье родника, шелест ветра в траве, свист птичьих крыльев и собственные, как будто совсем иные, чем все эти четыре года, голоса. Среди неподвижной листвы трепетал только какой-нибудь один листок на дереве — будто радовался и пытался что-то рассказать. И этот трепет листка вдруг стал необыкновенно заметным и милым сердцу людей, перенесших четыре года непрерывного железного урагана.

Победа вернула нам великолепное ощущение жизни и в малом и в большом. В эти дни мы по-настоящему поняли, как стосковалась земля по умным и добрым человеческим рукам. С какой силой она ответит мирному нашему человеку на заботу о себе. Ответит тучными урожаями, мощным своим расцветом.

Сейчас мы знаем: мир спасен. Спасен великими страданиями, кровью, смертью отважных наших бойцов, поправших саму смерть, их верой, их мужеством. Благородство уничтожило подлость.

Все, чем жил человек и что делало его человеком, было фашистами «назначено к уничтожению»: труд, искусство, любовь, счастье, досто-

инство, вольная человеческая мысль, материальные ценности и даже природа. Все!

Во имя чего все это было обречено на гибель? Во имя чего фашизм начал превращать землю в месиво из крови и грязи? Во имя чего многомиллионные трудолюбивые и прекрасные народы должны были гибнуть или превращаться в рабов? Ради идиотической корысти выродков и истериков Гитлера и Муссолини, больных манией власти. Достаточно посмотреть хотя бы на экране этих двух фашистских шутов, чтобы понять все их ничтожество, подлость, растленную сущность.

Победа пришла. На горьком опыте свободолюбивые народы убедились в страшной опасности насилия и пренебрежения к человеку. И свободолюбивые народы не допустят повторения этого зла. Для этого у них есть все возможности, и главная возможность — добрая воля народов.

Утро победы восходит над землей. Солнце победы освещает неизмеримые развалины недавно еще цветущих стран, но освещает и первый скромный подорожник, расцветший на этих развалинах.

Жизнь победила. Победил светлый человеческий разум. Мы не изменили себе. Потому что недаром были великие революции, недаром жили на свете такие люди, как Ленин и Лев Толстой, Пушкин и Диккенс, Леонардо да Винчи и Пастер, Рузвельт и Шекспир. Потому что недаром мы выросли в великой сталинской стране, давшей всему миру образцы высоты человеческого духа и справедливости.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 57. Микрофонный материал.

Парад Победы

Радиорепортаж[109]

24 июня 1945 г.

Ю.Б. Левитан. Говорит Москва! Говорит Москва!

Товарищи! Наши микрофоны установлены на Красной площади Москвы. Работают все радиостанции Советского Союза.

По приказу Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА в ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне сегодня, 24 июня 1945 года в Москве, на Красной площади состоится парад войск Действующей Армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — ПАРАД ПОБЕДЫ.

Парад Победы принимает заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза ЖУКОВ.

Командует Парадом Победы Маршал Советского Союза РОКОССОВСКИЙ...

Л.Н. Кассиль. Много праздников было на Красной площади. Не раз видели мы ее оживленной, нарядной, многолюдной. Но такого торжества, такого праздника, как сегодняшний, никогда еще не знавала Москва и ее Красная площадь.

Строго и величаво убранство Красной площади. Огромные пурпурные стяги на здании ГУМа. На них портреты Ленина и Сталина и огромный герб Союза Советских Социалистических Республик. Ниже — гербы всех союзных республик. Над зданием развеваются на ветру знамена.

Стягами украшено и здание Исторического музея.

На лобном месте — 26-метровый макет Дворца Советов. Колоннаду венчает скульптура рабочего и колхозницы с рубиновой звездой в поднятых руках. Каскады воды, переливаясь всеми цветами радуги, окружают девятью возвышающимися одно над другим кольцами величавую колоннаду.

Ю.Б. Левитан. На площади выстроены для торжественного парада сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Фронтовики, герои, победители — славнейшие из славных — сошлись сегодня здесь вместе со своими полководцами. Над ними реют боевые знамена, под которыми одержано столько славных побед. Немеркнущая память об этих сражениях сверкает в орденах, прикрепленных к шелку знамен. Цветные орденские ленты с золотыми кистями украшают древки боевых знамен. Эти знамена пронесены через битвы Великой Отечественной войны, они гордо реяли над поверженными германскими городами и ныне красуются здесь, на Красной площади.

Вот она, могучая, живая слава Красной Армии! Вот ее лучшие сыны, гордость нашей Родины, слава народа!

Все самое лучшее, самое доблестное, самое испытанное, все, чем так богата наша армия, собрано здесь, на Красной площади.

Какое это захватывающее и чудесное зрелище! Боевые знамена в орденских лентах, идеально четкие ряды воинов, загорелые, обветренные, мужественные лица людей, в тяжелой военной страде добывших нашей Родине победу.

Вс. Вишневский. Войска выстроены к параду... Здесь представлена вся великая Красная Армия, спасшая после почти 4-летних битв культуру и цивилизацию Европы и мира... Каждый из фронтов представлен сводным полком... Вот они стоят, блистая парадной формой, выстроившись в идеальном равнении. Правофланговый полк представляет героев Заполярья. Карельский фронт... Это те, кто сберег Мурманск и нужный стране путь к морю. 36 знамен, сверкающих орденами и орденскими шелковыми лентами ярких тонов, — лентами, красиво ниспадающими вдоль древков, — вынесены перед фронтом сводного полка северян...

Рядом стоит сводный полк Ленинградского фронта. Это те, кто первыми сумели остановить механизированные орды Гитлера... Это те, кто выдержал 900 дней беспримерной осады. Доблестные ленинградцы... 14 Героев Советского Союза стоят у знамен своего фронта.

Левее стоит сводный полк Прибалтийского фронта, и снова мы видим 36 знамен, развернутых перед строем. Блистают стальные

шлемы пехоты. Воины этого фронта победили в битве на Волхове, в битве за древний Новгород и Псков. Они подали руку помощи народам Эстонии, Латвии и Литвы и вышли к древним берегам и портам Балтийского моря...

И еще один полк левофланговый, сверкающий белизной и всеми оттенками моря и небесной синевы: сводный полк Военно-Морского Флота СССР... Бело-голубые знамена с гвардейскими лентами... Здесь участники обороны Таллина и Ленинграда, Одессы и Севастополя, Сталинграда и Москвы. Здесь герои десантов и штурмов Новороссийска и Керчи, Констанцы и Варны, Даго и Эзеля, герои дунайских боев и океанских северных конвоев и поводов...

Лица всех этих закаленных, славных воинов полны энергии, гордости и сдерживаемой радости... Они пришли сюда, посланники многомиллионной, могучей кадровой Красной Армии, чтобы сказать:

— Великий народ, твое поручение, твоя воля выполнены!

— Наше дело правое. Под руководством великого Сталина мы победили!

Л. А. Кассиль. Слышите аплодисменты? Словно теплое дуновение ветра пронеслось по площади...

На трибуну Мавзолея поднимается товарищ Сталин.

(*Пауза, заполненная шумом площади, приветствиями.*)

И тысячи уст повторили это имя: «Сталин»... «Товарищ Сталин!..» Овация облетает всю площадь. Товарищ Сталин всходит по гранитным ступеням на трибуну.

Руководители Советского правительства и Коммунистической партии, члены Государственного Комитета Обороны следуют за ним. Представители народа и армии с горячей радостью сердечно встречают своего вождя. Взоры всех собравшихся на Красной площади прикованы к трибуне Мавзолея, где стоит товарищ Сталин и его ближайшие соратники...

Уже близка минута, которой все ждут с нетерпением. Сейчас начнется парад. Стрелка на циферблате часов Кремлевской башни подходит к 10-ти. Стихает говор на площади. Минуты молчаливого ожидания.

(*Куранты.*)

Десять часов... Из ворот Спасской башни Кремля верхом на белом коне выезжает принимающий парад трижды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Жуков. Белоснежный конь легко несет маршала к центру площади. Войска, построенные на площади, делают равнение на середину. Навстречу маршалу Жукову скачет верхом командующий парадом дважды Герой Советского Союза маршал Рокоссовский. Два прославленных полководца, два знаменитых маршала Великой Отечественной войны встречаются на середине площади...

Приняв рапорт командующего парадом, маршал Жуков начинает объезд войск, участвующих в параде, и здоровается с каждым полком.

Маршал Рокоссовский сопровождает маршала Жукова.

Адъютанты следуют за ними. Оркестры полков играют марш.

Послушно останавливаются по неуловимому движению руки всадников белый и вороной кони. Чувствуется, что оба боевых маршала — отличные, бывалые кавалеристы.

Принимающий парад маршал Жуков вместе с командующим маршалом Рокоссовским на некоторое время покидают площадь, они объезжают сейчас войска, построенные на улицах, примыкающих к Красной площади...

Вс. Вишневский. Двинулся торжественным маршем сводный полк Ленинградского фронта. Колышутся пурпурные знамена, среди них знамя 254-го гвардейского стрелкового имени Александра Матросова полка...

Ленинградцы, остановившие в сентябре 1941 года натиск шестикратно превосходивших их полчищ гитлеровской группы «Норд» и бросившие немцев в болотную грязь и в снег! Сыны гордого и великого города, навеки связавшие с ним свою душу, и русские, и украинцы, и белорусы, и грузины, и казахи, и узбеки... Они идут, благородные воины, осененные знаменами Победы. Идет Евгений Лучанский — участник битв за Пулково, Мгу, Синявино, Нарву. Он начал в 1941-м рядовым — ныне гвардии майор, орденоносец...

Сверкают на груди у каждого бронзовые медали «За оборону Ленинграда».

Ленинградцы!.. Как идут!

Идет пехота, выдержавшая все морозы и метели, голод и жажду... Сама смерть попятилась перед этими бойцами, которые сказали: «Ленинграда не отдадим!» Не на то Россия построила этот чудо-город, взлелеяла, украсила его, воздвигла дворцы и памятники; не на то бережет Россия в городе этом прах Петра, Суворова, Кутузова; не на то Россия подняла в этом городе таких людей, как декабристы, таких людей, как путиловцы, чтобы нога Гитлера испакостила мостовую, старинные дворцы, набережные города... Не на то!

Идут артиллеристы Ленинграда, поставившие такой огневой вал, о который расшиблись танки Германии. Идут саперы Ленинграда, которые стлали мосты, когда ленинградские войска, прорвав блокаду, двинулись на Запад — до самой Пруссии...

— Ленинград, тебя и твоих воинов приветствуют в эту минуту Сталин, вся Россия и весь Советский Союз!..

Ю.Б. Левитан. Сводные полки прошли.

Смолкли оркестры, игравшие победные марши. Затихли трубы и фанфары. Минутная тишина...

Восемьдесят барабанов выстукивают сухую дробь.

Под барабанный бой выступает на площадь необычная колонна. Двести воинов несут двести знамен.

Бьют барабаны.

Много знамен видали мы сегодня на Красной площади. Алые, славные, победные, они гордо развевались над рядами победителей.

Знамена, которые несут сейчас под дробь барабанов, — не реют. Их древки опущены. Полотнища касаются мостовой. Они словно метут площадь, лижут ее шелковыми языками.

Гулко бьют барабаны...

Это — знамена немецких частей, разбитых Красной Армией.

Нет нужды рассказывать историю этих знамен — она известна всем. Эти знамена некогда кичливо проносили гитлеровцы под Бранденбургскими воротами, мимо чугунных Вильгельмов, Фридрихов и, размахивая ими, грозились завоевать весь мир. Фашистам удалось притащить эти пестрые тряпки с черной свастикой в Варшаву и в Париж, в Осло и в Копенгаген, в Вену и в Афины. Эти флаги покорно вылизывают сейчас шелковыми языками Кремлевскую площадь. И пришпиленные к древкам металлические ленты, изображающие ордена, звенят похоронным звоном. Сухо, как перед казнью, бьют барабаны.

Да, это и есть политическая казнь фашизма! Пусть запомнит поверженный враг: кто с мечом на Русь придет — от меча и погибнет.

Мощно бьют барабаны...

Двести воинов несут знамена. Двести воинов-богатырей олицетворяют собой победоносную Красную Армию.

Это она в ратном поле разгромила хваленую немецкую армию, она взяла эти стяги, она принесла их сюда, эти тряпки с черной паучьей свастикой, чтобы никогда больше свастика не омрачала светлый, радостный мир человечества.

Бойцы несут плененные и побежденные флаги к Мавзолею. Победно гремят барабаны.

У подножья Мавзолея — два деревянных помоста. На эти помосты и брошены флаги врага. Полотнища устилают помост. Теперь эти вымпелы гитлеровских разбойников — только груда пестрого тряпья...

Л.А. Кассиль. Сводный оркестр выстраивается в глубине опустевшей площади, недалеко от Исторического музея. Целый полк музыкантов! Одних лишь трубачей 1200 человек! Строй оркестрантов занимает огромную площадь во всю ширину — правым флангом у самых трибун, левым — у здания бывшего ГУМа. В первых рядах идут сорок маленьких барабанщиков и фанфаристов, перед ними дирижер с жезлом, возглавляет этот гигантский оркестр генерал-майор Чернецкий. Сегодня он в 71-й раз ведет по Красной площади сводный оркестр. Бравые музыканты — полноправные участники сегодняшнего парада.

И вот грянул марш, и, замыкая парад, двинулся во всю ширь Красной площади блистающий оркестр!

(*Звучит оркестр: «Славься!»*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 673 г. Л. 172. Микрофонный материал.

Сила сталинского предвидения

Беседа

3 июля 1945 г.
21.05–21.25

Когда теперь, торжествуя победу, мы вспоминаем об ее истоках, в памяти нашей возникает прежде всего 3 июля 1941 года. Это — одна из самых знаменательных дат Великой Отечественной войны. В этот

день, четыре года тому назад, товарищ Сталин выступил по радио с речью, ставшей знаменем и программой всей нашей героической борьбы за честь, свободу и независимость Отечества, за разгром немецко-фашистских захватчиков. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» — так начал товарищ Сталин свою историческую речь. И вся наша страна слушала слова вождя с тем глубоким и суровым вниманием, с каким бойцы слушают перед боем приказ своего начальника. И миллионы советских людей навсегда сохранили в своих сердцах каждое слово любимого вождя, проникнутое железной волей к борьбе и победе.

Товарищ Сталин выступил на 12-й день гитлеровского нашествия на нашу Родину. То была грозная и тревожная пора...

Большевистская партия с первых же дней своего существования всегда, при любых обстоятельствах, говорила народу правду и только правду. Руководствуясь этим непреложным большевистским правилом, товарищ Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года раскрыл перед страной всю глубину опасности, создавшейся в результате вероломного нападения гитлеровской Германии...

Товарищ Сталин как никто другой понимал глубину опасности, угрожавшей нашей Родине. Как никто другой он видел тяжесть надвигающихся испытаний. Но величайший мыслитель современности, корифей марксистско-ленинской науки, наш гениальный вождь и как никто другой видел единственно возможные пути и средства для преодоления опасности, для разгрома врага.

В речи по радио товарищ Сталин вскрыл важнейшую причину успехов гитлеровской армии на первом этапе войны. Эта причина таилась во внезапности и вероломстве нападения врага, поставившего немецкие войска в выгодные условия по сравнению с советскими войсками. Но это было лишь временное военное преимущество врага. Непродолжительный военный выигрыш Германии был лишь эпизодом...

«Наши силы неисчислимы, — сказал товарищ Сталин. — Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа». Это предвидение товарища Сталина полностью оправдалось. Все народы советской земли во главе с великим русским народом грудью встали на защиту Отечества. Наша война с фашистской Германией, как и предсказывал товарищ Сталин, явилась не только войной между двумя армиями. Она явилась вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей была не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма...

Светочем своего гения озарив наш путь к победе, товарищ Сталин решительно и мужественно повел народ и армию по этому славному пути. В самые опасные для Родины дни он взял на свои плечи самую гигантскую ответственность, какую когда-либо возлагала история на

человека. Товарищ Сталин возглавил государственный Комитет Обороны, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти в государстве. Товарищ Сталин возглавил все вооруженные силы Советского Союза.

И непреклонная сталинская воля полностью восторжествовала, гениальное сталинское предвидение целиком сбылось!..

ГА РФ. Ф.6903. Оп. 12. Д. 102. Л. 262–270. Микрофонный материал.

В.В. Кригер[110]

Труд актера
Выступление

28 июля 1945 г.
19.15–19.30

Передо мной объемистая пачка писем, написанных то крупным, размашистым почерком, с непомерно большими восклицательными знаками, то мелким, напоминающим ажурный рисунок, вышитый бисером; письма, испещренные шатающимися, как бы неуверенными в себе буквами, или разукрашенные причудливыми виньетками и завитушками.

Их много, этих писем... И все они начинаются почти одной и той же трогательной фразой.

«Вам пишет неизвестная девушка с далекой Камчатки...»

«Вам пишет девушка из Запорожья...»

«Вам пишет девушка из Томска...»

Я с нежностью смотрю на эти исписанные листки бумаги, иногда тщательно сложенные в самодельные конверты-треугольники.

Сколько в этих письмах порыва, трепетных надежд, жадных пытливых вопросов.

«Трудна ли артистическая профессия?..»

«Как мне хочется быть артисткой!..»

«Искусство... как красиво звучит это слово...»

«Как мне поступить в театральный техникум?..»

«Я мечтаю быть балериной...»

«Цель моей жизни — учиться пению...»

Дорогие, славные девушки! Я всегда с радостью отвечаю на ваши письма, но сейчас мне хочется ответить не только тем, кто пишет, но и тем, кто, молча, ни с кем не делясь своими сокровенными мыслями, также мечтают стать артистками.

Вы спрашиваете: трудна ли артистическая профессия?

Да, трудна, ибо помимо природного дарования надо неустанно работать над собой, над развитием своего мастерства, над шлифовкой каждой детали исполняемой роли. Пока артистка на сцене, ее всю жизнь сопровождает труд.

Шумные аплодисменты, бурный успех, которые, вероятно, вас так привлекают, даются нелегко. Их надо завоевать, надо добиться признания публики. Для этого одного дарования недостаточно: дарование

требует неустанного совершенствования, а это дается только упорным трудом.

Многие из вас пишут: «Я мечтаю быть балериной». И никто по-настоящему не знает, какого огромного физического напряжения требует такое воздушное, кажущееся легким, искусство хореографии. Чтобы стать настоящей балериной, необходимо начинать учебу с очень раннего возраста. Лично я начала заниматься с восьми лет, поступив в Балетное училище при Большом театре. Окончив училище, выступая уже на сцене Большого театра, я всю свою артистическую жизнь продолжаю учиться, совершенствую технику и драматическое мастерство.

Балерина глубоко и серьезно работает над образом, ибо техника в нашем искусстве не должна быть самоцелью, а только средством к созданию на сцене образа, к выявлению внутреннего его содержания.

Вечером мы исполняем ответственные партии в спектаклях Большого театра, а утром, как начинающие ученицы, занимаемся под руководством выдающихся педагогов хореографии.

Мы проходим целую гамму упражнений, начиная от самых простых и кончая технически виртуозными.

...В некоторых полученных мною письмах встречаются такие фразы: «Я так мечтаю быть артисткой, что не хочу учиться ничему другому...»

Дорогие друзья! Помните, что искусство прежде всего требует образования, больших знаний, культуры в широком смысле этого слова...

Чем разностороннее эта культура, чем шире образование, тем значительнее и глубже образы, созданные актером, тем выше и совершеннее его творчество.

Милые девушки! Вы спрашиваете моего совета относительно поступления в театральную школу. Причем большинство из вас, будто сговорились, жаждет учиться только в Москве!

Это не обязательно. Почти во всех городах имеются театральные студии, а там, где их нет, можно обратиться за помощью к опытным работникам искусства, которые всегда пойдут вам навстречу.

И наконец, в любом городе и селе имеются кружки самодеятельности...

Многие юноши и девушки, занимавшиеся в кружках самодеятельности, теперь приняты в театральные школы, музыкальные училища и техникумы. Многие из них выдвинулись затем на профессиональную сцену. Дарование Надежды Чубенко, ныне оперной артистки Большого театра, выявилось в кружке самодеятельности. Точно такой же творческий путь прошла молодая певица Соколова.

Друзья! Послушайте мой искренний совет: идите заниматься в кружки самодеятельности, помогайте создавать их, обращайтесь за советами к профессиональным мастерам искусств. Это поможет воплотить в жизнь вашу мечту — стать артистами.

Советуйтесь по вопросам литературы и музыки с вашими школьными педагогами, ходите в библиотеки, театры и музеи. Изучайте

живопись, скульптуру, всячески и разносторонне повышайте свое развитие. Собирайте народные песни, сказы, изучайте народные пляски. Ведь все это необходимо для искусства. И тот из вас, у кого имеется подлинное дарование, настоящая целеустремленность, достигнет своего...

Для вас кружки самодеятельности будут первой ступенью. Перешагнув ее, вы сможете подняться очень высоко. Помните, что нигде в мире нет и сотой доли тех творческих возможностей, которые в изобилии предоставлены народам нашей страны...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 103. Л. 260–264. Микрофонный материал.

И.Г. Эренбург

Первый салют
Комментарий

5 августа 1945 г.
21.40–21.57

Это было два года тому назад. 5 августа Москва услышала первый салют Победы. Всего два года... Порой кажется — два века. Мы много пережили, больше, чем вмещает сердце, и прожили мы не одну — сто жизней.

5 августа сорок третьего. Люди у репродукторов. Приказ Верховного Главнокомандующего... Битва за Орел кончилась нашей победой. Почему тогда впервые загремели орудия Москвы? Честь ли особая Орлу, бóльшая, чем Воронежу или Ростову? Нет, Орел был началом того неслыханного наступления, которое закончилось в Берлине. До Орла еще, казалось, колебались чаши весов. Еще немцы, а за ними и зарубежные скептики делили год на зиму и лето: зиму они давали нам, лето — фрицам. Орел был летом. Я помню знойные дни у Хотынца и капли пота, как жемчуг, на виске танкиста. Там мы отвоевали лето, и лето, красное лето стало снова русским. Там мы показали миру, что дело не в климате страны, а в климате сердца: в стойкости, в мужестве. И начиная с того дня непрерывно шла на запад Красная Армия, шла в жару и в мороз, шла по степям, переходила через широчайшие реки, переступала через высочайшие горы, шла и снова шла, шла по родной земле и по чужой, по румынской, по мадьярской, по немецкой, шла и дошла до столицы страны разбоя. Берлин был долго — годы, десятилетия — пугалом мира, его тень ложилась на все колыбели Европы, оттуда неслись стрелы, пропитанные ядом нового анчара, и казалось, нет больше людям жизни — ложись, умирай, отдавай насильникам и города, и жен, и совесть. Но нет, была на свете земля — наша, армия — наша, был Сталин — наш Сталин, и от Орла мы прошли до Берлина. И вот в Берлине заседали главы союзных держав, и спокойно они обсуждали, как Германии искупить свои грехи. И ничто не остановило героев — ни «фау», ни «фаусты», от истерзанной врагом орловской земли прошли русские солдаты пол-Европы, спасли себя и других, спасли мир. Дошли!

После того первого было очень много салютов. Каждый раз, прислушиваясь к их грому, мы думали о другой грозе: там не зарницы — там молнии, там не праздник — там бой. И, глядя на ракеты, мы думали о жизни наших соотечественников, наших друзей и родных: быстро сгорали молодые жизни в огне боя и лучшие умирали за то, чтобы жили другие. Я был недавно на собрании инвалидов. Герой Советского Союза летчик Кузнецов, потерявший зрение, благородно и просто сказал: «Для нас жить стало темнее, но миру стало светло...».

И вот раздался последний салют. Мы особенно запомнили голос двух: первого и последнего — Орел и капитуляция Германии. Тишина. Мы как будто забыли о прекрасной тишине. В этой тишине слышно все: и как поет жаворонок, и как дышит ребенок, и как шумит дождь. Есть другие салюты — салюты мира. Кто знает, как бьется сердце женщины, которая встречает мужа. Это тоже салют. И салют — майские слезы тех, кому некого было ждать, слезы тех, кто радовались счастью других. И салют — стук молотка, визг пилы, скрип пера. И салют та тишина, когда слышно, как трава растет.

Победитель имеет право на все — он имеет право и на скорбь. Нас спасли хорошая память и ясные глаза. Мы и теперь ничего не хотим забыть. Мы и теперь не отводим глаз от страшных ран, от печали матерей, от пепелищ, от тех оврагов, яров и рвов, где лежат растерзанные палачами наши дети, наши внуки. И если может порасти яр травой, ромашкой, гвоздикой, то не порастет ничем горечь в сердце каждого. Пришлось мне проехать по орловской земле, и снова я увидел места жестоких битв. Есть у миллионов полянка, перелесок, бугорок или околица села, где он расстался навек с близким другом... Ранена наша земля. Эти раны закроются, и будет Россия светлой, счастливой, богатой и зерном, и смехом, и книгами, и цветами. Но и тогда мы не забудем, что кровью лучших оплачены и сады, и стихи — вся радость нового поколения.

Идет другое наступление — в тишине мира. Мы хотим скорее залечить раны, ведь еще дороже нам стала эта земля. Конечно, для мирового спокойствия нужно, чтобы и в Германии был порядок. Но почеловечески мне безразлично, идут ли в Берлине трамваи, дымят ли трубы Рура. И с благоговением я гляжу на первую неуклюжую сковородку, изготовленную минометным заводом. Привет тебе, очаг мира, ужин семьи вокруг круглого стола! Больше не будет мать тревожно просыпаться среди ночи, думая о своем первенце. Больше не увидит верная жена конверта или треугольника с горькими словами «выбыл из части». Больше нет войны. И мы улыбаемся первым огням города, первым плохоньким пиджачкам, первым встречам, первым планам, черновику, проекту, наброску будущего счастья.

Я скажу о деревьях, потому что деревья живые, и, когда говоришь о судьбе дерева, чувствуешь судьбу человека. Погибли вырубленные немцами липы Петергофского парка. Погибли каштаны киевского Крещатика. Я видел новые каштаны — крохотные. Это — дети. И они станут настоящими деревьями, когда на наше место придут наши дети. Мы глядим вперед — мы думаем о колыбелях. За счастье детей сража-

лись герои Орла, Минска, Кенигсберга. Ради счастья детей впряглись мы в колесницу мира, мы сдвинем ее с места, доведем до конца, до отстроенных городов, залеченных сердец.

Мы не прежние. Мы слишком много узнали, мы научились мужеству в сорок первом и сорок втором. Никогда так не закаляли сердец! Этот сжатый рот жены! О, эти обручи на сердце матери! О, труд Урала! О, подвиг — не только двадцати восьми — нет! — двадцати восьми миллионов, отстоявших Родину в бою! О, путь Красной Армии, путь крови! Мы знаем теперь все. Мы и в мирные годы не забудем закала войны. Мы будем работать, как мы сражались: мужественно, без бахвальства, выручая один другого, не страшась своей ответственности. В годы войны мы поняли, какое счастье — человеческая жизнь. Ее легко задуть, как спичку, и все же не задуть человеческого достоинства, это негасимый огонь. Счастье быть дома, обнять близких, поглядеть на дерево возле дома, погладить собаку и, сидя на скамейке, увидеть первые звезды. Счастье жить! И кто из нас поскупится на труд, на ласку, на дело и на слово, чтобы шла жизнь рядом, жизнь другого, чтобы не только твои, но и чужие дети весело кричали в сумерки за рекой?

В годы войны мы научились ценить один другого. Мы помним, как Сталин, обратившись к нам, назвал нас друзьями, и каждый воин знал, что он — друг Сталина, значит, друг народа. И столько было у каждого из нас друзей, сколько честных людей на нашей земле! Эту дружбу мы сохраним до могилы. Мы теперь знаем, что помочь другому — это значит помочь другу, помочь народу, это значит помочь Сталину, это значит помочь себе. И мы залечим раны земли. И мы отвоюем у щебня, у пепла, у могил счастье. Вырастут и липы, и каштаны, и яблони, и березы. Вырастут дети, которые не слыхали весенних салютов, для которых грохот орудий будет музыкой парадов, а ракеты фейерверком. Будет настоящее счастье: за ним мы шли, за ним дошли до Берлина. И теперь в эти первые месяцы нового века, когда еще смутны все контуры, когда еще нет с нами друзей, когда еще чернеют развалины Орла, Курска, Брянска, мы глядим и назад и вперед: мы глядим на тот август, когда возле Хотынца или у Понырь в страде сражались, падали, умирали защитники Родины; мы глядим и вперед — там август будущий, месяц зрелых плодов, солнца в зените, месяц ослепительных полдней, месяц совершенства. И мы знаем, что он придет.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 60. Микрофонный материал.

Д.Д. Шостакович

Музыкальный радиожурнал для детей № 1

30 сентября 1945 г.
10.00–10.55

Дорогие друзья!

Когда в первый раз я обратился к вам с приветствием, я еще не знал, как вы примете наше начинание, понравится ли вам музыкальный радиожурнал.

Пожалуй, я испытывал тогда то же чувство, которое охватывает человека, только что вошедшего в огромную незнакомую аудиторию. Собираясь говорить с вами о музыке — предмете, который мне очень дорог, — я думал: найдут ли мои слова отклик у юных слушателей?

Теперь я уже не сомневаюсь в этом. Письма со всех концов нашей страны говорят о том, что музыкальный радиожурнал хорошо принят нашей большой аудиторией.

Меня искренне тронули строки Марка Палея, ученика 101-й школы Москвы. «Я не получил музыкального образования, — пишет Палей, — но это не ослабляет моей любви к музыке и ее значения для меня. Музыка смягчает мое горе, она умножает мое счастье». А сколько таких хороших строк, сколько серьезных мыслей о музыке встретили мы в письмах школьников!

Теперь я уже не чувствую себя человеком, который вошел в незнакомую аудиторию. И когда, обращаясь к вам, я говорю «друзья», это слово полно для меня нового большого смысла.

Итак, друзья, мне хотелось бы ответить на ваши вопросы. Я выбрал сегодня один — о серьезной и легкой музыке. Не только потому, что этим вопросом интересуются многие, но и потому, что, мне кажется, не все его правильно понимают.

Приведу выдержку из одного письма. Его прислала нам пятиклассница Светлана Журавлева.

«Я очень люблю классическую музыку, — пишет Светлана, — но недавно я была в театре оперетты и смотрела "Сильву" Кальмана... Мне очень понравилось. И сейчас я не знаю, в какую уклониться сторону: в сторону изучения серьезной классической музыки или перейти к легкой, вроде оперетты. Очень прошу, посоветуйте мне, пожалуйста».

Хотелось бы спросить Светлану и всех, кто думает так же, как она: разве мы говорили о том, что при изучении музыки нужно «уклоняться» в ту или иную сторону? Нет. Мы говорим, что это две разные области одного большого музыкального искусства, и обе имеют право на существование.

Оперетты Кальмана и Оффенбаха — это подлинно художественные произведения. Правда, оперетта по своему характеру отличается от оперы или симфонии, но ведь музыкальное искусство разнообразно так же, как разнообразна и литература.

Для сравнения я снова обращусь к хорошо знакомому вам миру книг.

Представьте себе, что все свое знакомство с литературой вы ограничили бы только приключенскими романами Майн Рида и детективными повестями Конан Дойля.

Это интересные и отлично написанные книги, но как бедно было бы ваше литературное развитие, каким узким, маленьким казался бы вам мир человеческих чувств и переживаний без произведений таких корифеев литературы, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Диккенс, Шекспир. Вы не знали бы Наташу Ростову, Дубровского, тургеневскую Асю, крошку Доррит и еще многих, многих литератур-

ных героев, с которыми так близко познакомили, сроднили вас великие писатели.

То же самое и в музыке. Кто слушает только оперетту, сам лишает себя того богатства, той радости, которую дают гениальные произведения Баха, Бетховена, Моцарта, Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова.

Серьезная классическая музыка создана великими музыкантами мира. В своих произведениях они отразили всю многогранность человеческих переживаний, весь мир чувств, близких людям во все времена.

Это не значит, конечно, что у этих композиторов не встречаются забавные и так называемые «легкие» произведения.

Многие гениальные композиторы с любовью создавали музыкальные шутки.

И не в том дело, чтобы, как говорит Светлана Журавлева, «уклониться» в ту или другую сторону. Дело в другом: и среди серьезной и среди легкой музыки *надо уметь отличать хорошие произведения от плохих*. А этому можно научиться, только развивая свой вкус на образцах музыкальной классики, точно так же, как вы делаете это в литературе. Чем больше и внимательнее вы будете слушать серьезные классические произведения, тем шире вам откроется мир музыки, тем глубже вы начнете понимать и любить ее.

Конечно, легкая музыка требует меньшего напряжения чувств и мыслей. Она доступнее. Но старая истина: чем больше преодолеешь трудностей, тем больше постигнешь, — относится также и к музыке.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 64. Микрофонный материал.

А. Глебов

Купе номер три
Радиопьеса

25 октября 1945 г.[111]

Действуют:
Артемьев, пожилой рабочий
Масальский, инженер-капитан флота
Сафронов, журналист
Зайцева, колхозница
Проводница
Диктор

Диктор. Мягко падает снег за окном вагона. Но тут же бесследно тает на мокрой дощатой платформе. Еще только седьмое ноября. Знаменательный день! Двадцать восьмая годовщина Великой Октябрьской революции. Даже на маленькой станции, где остановился поезд, ощущается праздник. Рдеют флаги. Повешены украшенные зелеными гирляндами портреты Ленина и Сталина. Девушка в железнодорожной фуражке с ярко-красным верхом, дежурная на станции, приколола к черной шинели алый бант.

Пыхтенье паровоза. Первый звонок.

В четырехместном купе мягкого вагона только три пассажира. Могучего сложенья старик с крутыми бровями, густой седеющей шевелюрой и такими же усами. Молчаливый офицер-моряк. И подвижный, импульсивный молодой человек в коричневом костюме с иголочки.

Сафронов. Десятое место так, по-видимому, и останется свободным.

Артемьев. Не накличьте беду, молодой человек!

Сафронов. Какую беду?

Артемьев. Женщину.

Сафронов. Вы такой женофоб?

Артемьев. Да нет. Шучу, конечно. Но что может быть лучше одних мужчин в купе? Можно курить сколько душе угодно, разговаривать, не следя за каждым своим словом, спокойно раздеться на ночь. А в связи с тем, что сегодня праздник, даже распить бутылочку винца. Я думаю, в буфете найдется.

Сафронов. Зачем так далеко искать? Вот она, к вашим услугам!

Артемьев. Эта что ж за марка? Впервые вижу.

Сафронов. Румынская. Я только что из Болгарии и Румынии, самолетом. Еле поспел в Харьков к поезду.

Артемьев. Можно полюбопытствовать насчет профессии?

Сафронов. Журналист. Сафронов. Из «Труда».

Артемьев. А-а! Очень приятно. Читал не раз. Артемьев. Кооператор. В прошлом ткач. Будем знакомы. В такой день, раз уж он застал нас в пути, хочется ближе знать попутчиков. А вы, капитан, откуда?

Масальский. Из Севастополя. Масальский.

Артемьев. Очень приятно. В командировку?

Масальский. Нет. Совсем. Домой, в Ленинград.

Сафронов. Демобилизовались?

Масальский. Да. Из инженер-капитана опять превращаюсь просто в инженера, строителя.

Артемьев. Как сказать...

Второй звонок.

Проводница. Дальше гражданка, дальше! Это второе купе, а ваше третье.

Артемьев (*трагическим шепотом*). Накликали, чтоб вас совсем!

Зайцева. Сюда?

Проводница. Да. Вот ваше десятое место.

Зайцева. Спасибо, милая. О, господи! Чуть сердце не разорвалось, так спешила. Главное, в такой день. А обязательно нужно ехать. Вызывают. От торжественного собранья в колхозе уехала. Уф, жарко! Раздеться, что ли?

Сафронов. Разрешите, я ваши вещи поставлю наверх. Будет свободней.

Зайцева. Пожалуйста. Большое спасибо вам.

Артемьев (*с сарказмом*). Вот и все в сборе, гм-гм...

Диктор. Трое мужчин молча рассматривают женщину лет тридцати пяти, плотную, темноглазую, в белом шерстяном платке и синем драповом пальто. Она сняла его и повесила на крюк.

Зайцева. Что вы так смотрите?

Артемьев. Больше думаю, чем смотрю.

Зайцева. А что думаете?

Артемьев. Когда вы вошли, я, признаться, и не думал, что входит член правительства. А теперь вижу у вас значок члена Верховного Совета и еще орден Ленина. Вот вам и колхозница!

Зайцева. Все-таки я была и есть колхозница. От этого не отказываюсь.

Артемьев. Вот об этом-то я и думаю. Я, друзья мои, лично знал Ленина.

Зайцева. Вы?

Сафронов. Серьезно?

Артемьев. Да. Я старый ленинградский рабочий. Для вас, молодых, Октябрь — история, а Ленин — вот этот серебряный профиль на ордене его имени и монумент из гранита или бронзы на постаменте, тридцать томов его сочинений. А я его помню живым. Сколько сейчас на ваших часах капитан?

Масальский. Четырнадцать часов десять минут.

Артемьев. Ровно двадцать восемь лет назад я сидел в Смольном на заседании Петроградского совета. Ленин три с половиной месяца перед тем скрывался в подполье. Но мы, рабочие, знали, что палачи и предатели не нашли его и что сегодня он выступит перед нами. И вот в два тридцать пять он поднялся на трибуну. Что это было! Какие рукоплескания! Какое волнение! Как сейчас, вижу его лицо, когда он сказал: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась!» Свершилась! Трудно вам, дорогие мои, сейчас понять, что эти слова значили для нас, для людей, у которых отняты были буквально все человеческие права. Ни права на труд, ни права на отдых, лечение, образование, ни свободы слова и печати для нас, для крестьян и рабочих, — ничего этого мы не имели. Все было только для господ, для богатых — кроме труда, разумеется. Нам — только труд да слезы, горе да водка. А теперь вот я вижу крестьянку — члена правительства и на груди у нее орден имени того, кто двадцать восемь лет назад сказал: «В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».

Сафронов. Как ваша фамилия, простите?

Зайцева. Зайцева, Анастасия Ивановна.

Масальский. Анастасия Ивановна?

Зайцева. Да.

Артемьев. Но что, товарищи, сказал тогда Ленин прежде всего? Ведь это характерно и знаменательно. Мир! «Справедливый немедленный демократический мир!» — это было первое его слово, первое, что сказала его устами Советская власть человечеству!

Сафронов. Во имя мира и Гитлеру, и японцам шеи свернули.

Артемьев. Правильно. Война войне — вот наша незыблемая позиция. Не хочешь жить мирно — поучим этому силой. Большие мы жертвы, товарищи, понесли. Но ради этого стоило их принести. Стоило.

Масальский. Да, жертвы страшные.

Артемьев. Я двух сыновей потерял на фронте.

Масальский. А я жену в Ленинграде. Умерла от голода.

Зайцева. У вас жена умерла? А я мужа потеряла. Как ушел в сорок первом, так без вести и пропал.

Масальский. Как его звали, скажите? Он не моряком был?

Зайцева. Моряком. Терентий Максимыч.

Масальский. Терентий Максимыч? Так я ж его знал! Он был у меня в отряде!

Зайцева. У вас?

Масальский. Высокий, синеглазый такой? Вот здесь родинка?

Зайцева. Он! Господи... Расскажите ж о нем! Где вы его видели? Когда? Может, жив он?

Масальский. Мне сразу так и подумалось, когда вы сказали: «Анастасия Ивановна». Он говорил мне о вас, описал вашу внешность.

Зайцева. Жив он, скажите?!

Масальский. Не буду вас в этом уверять, Анастасия Ивановна. При мне он ушел на катере в море и не вернулся. Должно быть, на мине подорвались.

Зайцева. Терешенька... Бедный мой... (*Плачет.*)

Артемьев. Страшное дело: нет семьи без потерь. А сотни миллиардов материальных убытков! И еще не перевелись ведь на свете прохвосты, которые валят с больной головы на здоровую и кричат, что мы провоцируем новые войны, какие-то маневры на границах с Турцией устраиваем и тому подобную ересь! Вот вы, товарищ Сафронов, с Балкан. Видели ли вы там маневры?

Сафронов. Как я мог их видеть, если их не было?

Артемьев. Двадцать восемь лет мы боролись за мир во всем мире! И будем дальше бороться! Будем! Кому из нас, вы скажите, нужна война? Кому? Мне, кооператору, нужна она? Вам, колхознице, нужна?

Зайцева. Ах, если б хоть десять — пятнадцать лет не было никаких войн! Как бы все у нас расцвело в колхозе! Мы только что свою пятилетку восстановления в колхозе разработали. Что у нас будет через десяток лет! Диву дадитесь, если приедете.

Артемьев. А вот вы, капитан, как-то неясно сказали, когда я вас спросил, рады ли вы, что переходите на мирное положение.

Масальский. Я сказал о другом. Вы спросили, рад ли я, что возвращаюсь к себе в Ленинград. Сами судите: вернуться туда, где все мне напоминает жену, друга, которого я потерял...

Зайцева. А дети есть у вас?

Масальский. Нет.

Зайцева. Что ж, женитесь. Будут.

Масальский. Может быть.

Зайцева. Я только и живу сейчас детьми и работой. Вы говорите: хочу ли я войну? Зачем она мне? Ну скажите, зачем?! А как мать я своими руками задушила бы всякого, кто сейчас, после того горя, которое принесла людям эта война, опять раздувает пожар. Честное слово, задушила бы проклятых. Не лгу. И так каждая мать, поверьте, вам скажет. Не только у нас, а и в Америке, в Англии, во Франции, и в каждой стране. Если бы миром правили матери, не было бы войн, и не плакали ли б в каждом доме, как нынче.

Артемьев. А кто, как не Ленин, в нашей стране открыл женщине, матери путь к управлению государством? Вот вы — и мать, и государственный деятель — можете сказать свое слово от имени всех матерей с самой высокой трибуны страны.

Зайцева. И скажу! На весь мир крикну об этом!

Масальский. О себе я скажу, товарищи: ничего мне сейчас не хочется так, как забыться в работе. Строить, строить, строить! Восстановить все, что разрушено, выстроить в сотни, тысячи раз больше, красивей, величественней! В этом и радость, и забвенье, и смысл жизни. Единственный ее смысл, единственное утешенье.

Сафронов. Это то, что чувствуем мы все, капитан.

Артемьев. Все, как один! Этим, друзья мои, и велика наша родина, что стояла она и стоит на страже мира, что не была война никогда для нее самоцелью и радостью. Не в нашем это духе, чужое для нас, для русских. И не нужно, действительно, нам. Слишком велика наша страна, слишком богата любыми возможностями, любым сырьем, чем хотите, чтобы зариться на чужое добро. Хватает у нас своего. Не нужно чужого. Не хотим мы его. Оставили б нас только в покое, чтоб мы свое могли как следует разработать. На тысячу лет хватит. Верно?

Сафронов. Этого-то кое-кто и боится пуще всего. То, что мы так беспредельно богаты возможностями и не знаем ни кризисов, ни безработицы, — как сучок в глазу у тех, кто бессилен у себя вылечить свои язвы. Для больного чужое здоровье иногда, вы знаете, хуже своей болезни. Есть такие субъекты.

Масальский. Полбеды, если б только субъекты. Есть, к сожалению, такие партии и государства.

Артемьев. Ну, что ж, будем по-прежнему начеку, как были все время, но все-таки, я вам скажу, теперь этим субъектам и их партиям не так-то просто будет не считаться с отвращеньем к войне народов, в том числе их собственных.

Сафронов. Еще бы! Эти годы даром нигде не прошли.

Артемьев. Товарищи! Два тридцать пять. Я предлагаю поднять стаканы в честь того дня и часа, когда Ленин впервые на весь мир потребовал «справедливого демократического мира»! Вечная светлая память ему и тем, кого каждый из нас потерял в этой борьбе за мир всему миру. (*С суровым подъемом.*) За мир, за ваш колхоз, Анастасия Ивановна, и за ваших детей, чтоб прожить им всю жизнь счастливыми в мирном мире, не знать и не видеть бед, которых мы с вами хлебнули!

Зайцева. Спасибо. За всех матерей и детей!

Масальский. За творчество, за мысль человеческую, за мирный труд и расцвет!

Сафронов. И опять-таки за сегодняшний день, товарищи, за Великий Октябрь и того, кто сумел пронести знамя Ленина, на котором начертано «Мир!» сквозь все штормы и бури нашей эпохи! За Сталина, первого стража мира, первую нашу надежду на долгий мир!

(*Гудок паровоза. Стук колес.*)

Диктор. Ровно стучали колеса. И, примолкнув на миг, четыре человека в купе сосредоточенно смотрели в окно, за которым мелькали опушенные первым снегом деревья, без конца и без краю простиралась великая страна, так много принесшая жертв делу мира и готовая к новым жертвам, лишь бы предотвратить ими новые войны.

Артемьев. Если б спросил меня кто-нибудь: «Скажи, товарищ Артемьев, что чувствует сейчас весь Советский Союз?», я бы ему без запинки ответил: то самое, что чувствуем здесь, в купе номер три, мы четверо, помножьте на пятьдесят миллионов, и вы узнаете это!

Конец.

РГАЛИ. Ф. 2503 Оп. 1. Д. 60. Машинопись с авторской правкой.

Избранники народа
Корреспонденция

9 января 1946 г.
11.00–11.14

Вчера на предприятиях Сталинского избирательного округа города Москвы происходили митинги, посвященные согласию товарища Сталина баллотироваться в депутаты Верховного Совета РСФСР по Сталинскому избирательному округу города Москвы.

Больше пяти тысяч электрозаводцев собрались на митинг.

— Товарищи! — открывая митинг, говорит председатель завкома трансформаторного производства товарищ Богатов, — наш великий вождь и учитель, наш родной и любимый Иосиф Виссарионович Сталин дал согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета РСФСР по Сталинскому избирательному округу города Москвы.

Могучая волна оваций была ответом на эти слова.

Один за другим поднимаются на трибуну представители многотысячного коллектива...

«Комсомольская правда» печатает материалы о заседаниях окружных избирательных комиссий по выборам в Верховные Советы союзных республик и митингах, посвященных регистрации первых кандидатов в депутаты. С огромной радостью узнают трудящиеся о согласии ближайших соратников Сталина баллотироваться в депутаты по тому или иному избирательному округу. Рабочие, инженеры, техники и служащие завода «Точизмеритель» с волнением услышали о согла-

сии Вячеслава Михайловича Молотова баллотироваться по Молотовскому избирательному округу города Москвы. В связи с этим вчера на заводе «Точизмеритель» с большим подъемом прошел многотысячный митинг. Митинги состоялись также на заводе «Манометр», фабрике имени Клары Цеткин, шахте Метростроя № 2 и на ряде других предприятий Молотовского избирательного округа. Ближайший соратник великого Сталина, Анастас Иванович Микоян, дал согласие баллотироваться по Ленинскому избирательному округу города Ростова-на-Дону. Это сообщение было встречено продолжительными аплодисментами на заседании Окружной избирательной комиссии Ленинского округа города Ростова-на-Дону. Окружная избирательная комиссия постановила зарегистрировать кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Анастаса Ивановича Микояна.

Сообщение о том, что Лаврентий Павлович Берия дал свое согласие баллотироваться по Москворецкому избирательному округу Москвы, вчера стало известно всем коллективам предприятий и учреждений округа. На многолюдных митингах трудящиеся Замоскворечья выражали глубокую признательность товарищу Берия за данное им согласие. Окружная избирательная комиссия Москворецкого избирательного округа города Москвы единодушно зарегистрировала кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Лаврентия Павловича Берия.

На заседании Окружной избирательной комиссии Жовтневого избирательного округа города Киева председатель Окружной избирательной комиссии сообщил о том, что общее собрание коллективов предприятий и учреждений единодушно выставило кандидатом в депутаты Верховного Совета Украины председателя Совета Министров УССР, секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Никиту Сергеевича Хрущева, который дал согласие баллотироваться по Жовтневому избирательному округу. Это сообщение было встречено бурной овацией в честь товарища Сталина и его верного соратника товарища Хрущева. Окружная избирательная комиссия под бурные аплодисменты всех присутствующих зарегистрировала Никиту Сергеевича Хрущева кандидатом в депутаты Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики.

Вчера состоялось заседание окружной комиссии Володарского избирательного округа Ленинграда, на котором председатель комиссии сообщил о единодушном решении общих собраний ряда предприятий Володарского округа выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР секретаря ЦК ВКП(б) товарища Жданова. Весть о согласии товарища Жданова баллотироваться по Володарскому округу была встречена с большим воодушевлением. Окружная комиссия зарегистрировала кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Володарскому избирательному округу города Ленинграда Андрея Александровича Жданова.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 112. Л. 255–260. Микрофонный материал.

М. Цейтлин, Б. Яглинг

«Необычайные похождения микрофона»
(Выпуск четвертый)
Микрофон в гостях у избирателей.
Сценарий еженедельного радиоревю
для англо-американского отдела

3 февраля 1946 г.

(*Веселая джазовая музыка, мелодия песенки микрофона.*)

Ведущий (*сдерживая волнение*). Алло, радиослушатели!.. К сожалению, часы показывают семнадцать часов по гринвичскому времени!.. Простите, я не то хотел сказать!.. К сожалению, я должен буду сейчас прекратить передачу!.. Простите, я опять сказал не то!..

Микрофон (*раздраженно*). Да перестаньте же, наконец! Ведь все так просто! Объявите радиослушателям, что я — Ми-кро-фон и что сейчас я буду вести передачу сам, без вашей помощи, так же как делаю это каждое воскресенье в семнадцать часов по Гринвичу. Радиослушатели уже давно привыкли к моим постоянным воскресным прогулкам, а вы никак не освоитесь. Погуляйте пока без меня! Можете даже поспать, пока я буду отсутствовать — мне совершенно безразлично. Ми-кро-фон не нуждается в опеке! Прощайте!

Ведущий. Только, ради бога, не исчезайте надолго, умоляю! Я буду ждать вас и считать каждую минуту вашего отсутствия!..

Микрофон (*утешительно*). Все будет в порядке! Я не намерен сегодня отправляться далеко. Я хочу сегодня побывать в гостях у жильцов какого-нибудь обыкновенного дома, где-нибудь по соседству. Не посоветуете ли вы какой-нибудь дом?.. Где вы сами живете?

Ведущий (*успокоенно*). На улице Алексея Толстого. Это очень высокий и красивый дом со множеством квартир. Вот вам моя визитная карточка с адресом. Если зайдете к управляющему домом — захватите, пожалуйста, мои очки. Я забыл у него свои очки.

Микрофон. Конечно, конечно! Я это обязательно сделаю. Спасибо за адрес! Я отправляюсь в ваш дом! Прощайте!

Ведущий. Прощайте!

(*Свист движения.*)

Микрофон. Вот этот дом!..

(*Топотание маленьких ножек по лестнице.*)

Микрофон. Вот на двери карточка: «Управляющий домом». Позвоню!

(*Звонок. Шум отворяющейся двери.*)

Микрофон (*по-английски*). Здравствуйте! Вы — управляющий домом?.. (*Спохватившись, повторяет сказанное по-русски*).

Мужской голос (*по-русски*). О-о, это Микрофон! Здравствуйте! Войдите, пожалуйста! (*На ломаном английском языке*). Войдите, пожалуйста! Я умею говорить по-английски. Мне нравится этот язык. Он напоминает мне о моем недавнем прошлом.

Микрофон (*изумленно*). О вашем прошлом?

Управдом. Я недавно демобилизовался из флота. Я служил старшим краснофлотцем. В годы войны я был некоторое время в Америке и научился английскому языку. Мы получали там тральщик, на котором я потом плавал. Этот тральщик попал в верные руки — мы потопили три немецкие подводные лодки. Вот эта голубая ленточка на мне — медаль «За оборону Советского Заполярья»... Хотите послушать нашу боевую песню моряков?.. Я поставлю для вас пластинку...

Микрофон. Пожалуйста!

(*Звучит песня моряков. Дальнейший диалог продолжается на фоне песни.*)

Управдом. Теперь я вернулся к своему довоенному делу.

Микрофон. Управляющего домом?

Управдом. Ну да. Это очень важное дело. Ведь это — забота о людях! Сейчас у меня предпраздничные хлопоты. В нижнем этаже нашего дома помещается избирательная комиссия нашего участка. Через неделю, 10 февраля, туда придут голосовать избиратели всего участка. Я хочу, чтобы весь дом к этому дню выглядел празднично и нарядно, был украшен флагами. День выборов — это ведь очень большой праздник для каждого из нас.

Микрофон. Еще бы! Я хорошо понимаю вас!

Управдом (*спохватившись*). Но чем могу я вам служить?

Микрофон. Я хотел бы, чтобы вы посоветовали, кого из ваших жильцов посетить. Я хочу познакомиться с избирателями одного дома. И, кроме того, у меня поручение от нашего диктора. Он забыл у вас очки.

Управдом. О, пожалуйста! Вот они, очки!.. Но я затрудняюсь вам дать совет. У нас живут обыкновенные люди, рядовые москвичи. Начните просто с верхней квартиры. Там живет со своей семьей мастер электрозавода. Зайдите к нему. Воспользуйтесь лифтом.

Микрофон. Спасибо.

(*Хлопок двери.*)

Микрофон. Ну, я могу обойтись и без лифта. (*Свист движения*). Вот я и наверху. На двери написано: «Сергей Фролов».

(*Звонок. Дверь открывается. Шум детских голосов.*)

Мужской голос (*по-русски*). Заходите, пожалуйста.

Микрофон (*по-русски*). Спасибо! Вы товарищ Фролов?

Мужской голос. Да!

Микрофон (*по-английски*). Здесь мужчина и две девочки. У них в руках коньки. Видимо, они собираются на каток. Я не задержу их долго. (*По-русски.*) Я — Микрофон. Я просил бы вас рассказать о себе.

Фролов. Я — рядовой рабочий, ставший мастером. Я работаю в ламповом цехе электрозавода уже пятнадцать лет. Наш кандидат в Верховный Совет Николай Булганин был когда-то директором электрозавода, и я отлично помню его по заводу.

Микрофон (*переводит, двойная экспозиция*). Я попросил его рассказать о себе. Он ответил, что он рядовой рабочий, ставший мастером. Он работает в ламповом цехе московского электрозавода уже пят-

надцать лет. Он отлично помнит по заводу своего бывшего директора Николая Булганина, ставшего в годы войны генералом и баллотирующегося сейчас в Верховный Совет. (*По-русски.*) Где вы будете избирать? За кого намерены голосовать?

Фролов (*отвечает по-русски. Микрофон переводит. Двойная экспозиция*).

Микрофон. Он говорит, что их избирательный участок помещается в этом же доме, внизу. Он будет голосовать здесь. Кандидат в Совет Национальностей, за которого он хочет отдать свой голос, — известный всей стране человек, генерал армии Николай Булганин, заместитель Народного Комиссара Обороны. А в Совет Союза у них баллотируется Татьяна Федорова. Это молодой инженер, строитель московского метрополитена, популярная в стране общественная деятельница. Она уже была депутатом и оправдала надежды избирателей. Она баллотируется в Верховный Совет вторично. Сейчас Татьяна Федорова работает на новостроящейся станции метро «Калужская». Она строит эту станцию... Надо будет обязательно повидать ее...

Фролов. Извините меня, но я обещал моим девочкам пойти с ними на каток...

Микрофон. Он извиняется, но он обещал пойти со своими дочками на каток. Это я должен извиниться, что задержал его. Узнаю у него только: кто живет в соседней квартире? (*По-русски.*) Кто живет в соседней квартире?

(*Фролов отвечает. Микрофон переводит. Двойная экспозиция.*)

Микрофон. Он говорит, что в соседней квартире живет Николай Маслов. Это большой специалист по экспорту русской пушнины, служащий Внешторга, отлично говорящий по-английски. Фролов близко познакомился с ним в годы войны, когда они вместе дежурили на крыше их дома и тушили зажигательные бомбы. (*По-русски.*) Благодарю вас, товарищ Фролов, и пожелаю вам всего лучшего!

Фролов. До свидания!

(*Захлопнув дверь, удаляется, сопровождаемый радостными голосами дочерей.*)

Микрофон (*читает на двери*). «Николай Маслов». Позвоню!..

(*Звонок. Дверь открывается.*)

Микрофон. Здравствуйте!

Маслов (*по-английски*). О-о, здравствуйте, дорогой Микрофон! Очень рад вам! Заходите! Я пламенный радиолюбитель и всегда вас слушаю.

Микрофон. Спасибо!

(*Маслов включает радиоприемник. Свист и визг эфира.*)

Маслов. Я могу слушать любую страну мира. Что хотите?..

Микрофон. Благодарю вас. Просто хорошую русскую песню.

Маслов. Пожалуйста! Вот вам... Это передает Ленинград...

(*Звучит старинный русский романс. Диалог продолжается на фоне песни.*)

Микрофон. Не помешал ли я вам? Чем вы были заняты?

Маслов. Я разъяснял старушке, матери моей жены, один важный вопрос.

Микрофон. Какой?

Маслов. Она очень огорчена, что живет не в том избирательном округе, где дал согласие баллотироваться товарищ Сталин. А ей, как и каждому из нас, очень хотелось бы голосовать за кандидатуру товарища Сталина.

Микрофон. Что же вы ей сказали?

Маслов. Я объяснил ей, что товарищ Сталин дал согласие баллотироваться в другом избирательном округе, не в нашем. А все наши кандидаты, в том числе Федорова и Булганин, выдвинуты избирательным блоком коммунистов и беспартийных. Этот избирательный блок единодушен и могуч, и его называют в нашей стране сталинским избирательным блоком. Я объяснил ей, что, отдавая голос любому из кандидатов сталинского избирательного блока, она тем самым голосует за товарища Сталина.

Микрофон. А она?

Маслов. Разумеется, согласилась с моими доводами. Ведь то, что я сказал, правда.

Микрофон. Расскажите мне, пожалуйста, о людях, живущих в вашем доме.

Маслов. В этом доме такое разнообразное население! Инженеры, педагоги, рабочие, служащие, ученые, деятели искусств... Вы найдете здесь представителей любых профессий. Здесь нет только ни капиталистов, ни безработных. Но их вообще нет в нашей социалистической стране... Я, например, специалист по экспорту русской пушнины. Я очень люблю свою специальность. Если бы вы заглянули ко мне на службу, я показал бы вам образцы нашей замечательной русской пушнины, из последней партии на экспорт. Черно-бурые лисы, голубые песцы... Какая шелковистость!..

Микрофон. Благодарю вас, я как-нибудь загляну к вам. Но сейчас я спешу дальше. Всего хорошего!

Маслов. До свидания!

(*Хлопок двери. Шаги маленьких ножек по лестнице.*)

Микрофон. Вот почтальон поднимается навстречу. Он несет в эту квартиру груду писем. У кого такая большая переписка? (*По-русски.*) Здравствуйте! Кому столько писем?

Девушка-почтальон (*по-русски*). Михаилу Горбунову. Он директор школы № 324. Ему пишут бывшие питомцы школы.

Микрофон (*переводит*). Это все корреспонденция Михаилу Горбунову. Он директор школы № 324. Его бывшие воспитанники пишут ему много писем. Интересно, откуда эти письма? (*По-русски.*) Можно посмотреть, откуда эти письма?

Почтальон. Пожалуйста!

Микрофон. Ого!.. Из Германии, из Австрии, из Румынии, с Дальнего Востока, из Заполярья... Я хочу с ним познакомиться. Подожду, пока почтальон позвонит.

(*Звонок. Открывается дверь.*)

Голос пожилой женщины. Нет, он в школе. Сегодня у него там встреча с бывшими воспитанниками школы.

Микрофон (*переводит*). Его, к сожалению, нет дома. Он в школе. Там сегодня встреча с бывшими воспитанниками школы. Кто они? (*По-русски.*) Кто они?

Женщина. Я его жена и хорошо знаю их. Это дети из трудовых семей. Они стали инженерами, офицерами, архитекторами, учеными, артистами. Одни конструируют новые автомобили, другие пишут книги, третьи строят красивые здания. Это замечательное и счастливое поколение. Мой муж счастлив встречаться и переписываться с ними.

Микрофон (*двойная экспозиция, переводит*). Она его жена и хорошо знает воспитанников мужа. Это дети из обычных трудовых семей. Они стали теперь инженерами, офицерами, архитекторами, учеными, артистами. Одни из них конструируют новые автомобили, другие пишут хорошие книги, третьи строят красивые здания, чтобы людям было удобно жить. Это замечательное поколение, выросшее в советское время. Ее муж счастлив встречаться и переписываться с ними... (*По-русски.*) Спасибо, товарищ Горбунова!

Женщина. Пожалуйста!

(*Захлопывает дверь.*)

Микрофон. Теперь вниз, в первый этаж, в избирательный участок!

(*Свист движения. Затем шум многочисленных голосов.*)

Микрофон. У-у, как здесь много народу! Что здесь происходит? (*По-русски.*) Что здесь происходит?

Мужской голос (*по-русски*). Проверка списков избирателей. Это все одна семья москвичей Шуваловых — 26 избирателей! Здесь дети, внуки и правнуки «матери-героини» Анны Шуваловой. Эта седая женщина — Анна Шувалова...

Микрофон (*переводит*). О-о, как интересно!.. Избиратели приходят сюда проверить, правильно ли они занесены в списки. Сейчас здесь присутствуют представители семьи Шуваловых. Их — 26 человек! Седая женщина — это Анна Шувалова. На ее груди орден «Мать-героиня». Ее окружают ее дети, внуки и правнуки! (*По-русски.*) Анна Степановна, пожалуйста, о себе...

Голос старухи (*по-русски*). Мне 72 года. Я воспитала десятерых детей...

(*Микрофон переводит весь дальнейший текст рассказа. Двойная экспозиция.*)

Микрофон. Ей семьдесят два года. Она воспитала десятерых детей и награждена за это орденом «Мать-героиня». В дореволюционное время ее семья очень нуждалась. Ее муж был рабочим, она сама швеей. В 1905 году, во время Первой русской революции, муж Анны Шуваловой за участие в забастовке целый год нигде не мог получить работы. Тот год был самым тяжелым. Анна Шувалова работала и сама содержала большую семью. Потом муж снова получил работу, но Шуваловым не хватало средств, чтобы учить детей. Зато ее внуки, вырос-

шие в советское время, почти все получили высшее образование. Одна из ее внучек — хирург, другая — топограф, третья — студентка физико-математического факультета. Ее младший сын был слесарем, но при советской власти окончил Военно-инженерную академию и теперь — подполковник инженерных войск. Другой сын — техник, начальник гаража. Третий — монтажник. Муж Анны Шуваловой несколько лет назад умер, но она говорит, что дети и внуки очень любовно и заботливо относятся к ней, стараются смягчить ее тяжелую утрату. Анна Шувалова говорит, что у нее спокойная и счастливая, обеспеченная старость и этим она обязана Советскому правительству. Она благодарит Советское правительство за предоставленные советским людям великие права — право на труд, право на отдых, право на образование, право на обеспечение в старости. В ее семье 26 избирателей, и все они с радостью будут голосовать 10 февраля за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Девичий голос (*вмешиваясь, по-русски, очень резко, почти плача*). Ну, почему, почему? Какое это имеет значение?..

Микрофон. Какая-то ссора! В чем дело? (*По-русски.*) В чем дело?..

Мужской голос (*весело объясняет по-русски*). Это прибежал 27-й член этой семьи, правнучка, которой минет 18 лет 10 марта. А она обязательно хочет голосовать!..

Микрофон (*смеясь*). Бедная девушка! Это прибежала правнучка Анны Шуваловой, которой еще не исполнилось 18 лет. Ей минет 18 лет 10 марта, ровно через месяц после дня выборов. А ей хочется голосовать вместе со всеми. Но закон есть закон, и этой бедняжке придется подождать четыре года до следующих выборов... Но мне пора спешить дальше!.. (*По-русски.*) До свидания, Анна Степановна! До свидания, товарищи!..

Шувалова. До свидания!

Микрофон. Теперь я хочу повидать одного из местных кандидатов — Татьяну Федорову. В тоннель метро! (*Свист движения.*) Вперед!..

(*Свист движения прекращается. Песня метростроевцев, производственные шумы, где-то слышны гудки и грохот подземных поездов.*)

Микрофон. Я в глубоком подземелье! Работы здесь идут полным ходом. Здесь строится станция «Калужская». Это строительство четвертой очереди Московского метрополитена. Вот идет какая-то девушка в комбинезоне. Может быть, это Федорова? (*По-русски.*) Здравствуйте! Вы не Федорова?

Девушка. Нет, я Петрова. Я только бригадир проходчиков. Федорова у главного инженера. Она будет через час.

Микрофон. Какая досада! Федорова будет через час, она у главного инженера. (*По-русски.*) Расскажите мне о Федоровой.

Девушка. Неужели вы ее не знаете? Это замечательная женщина...

(*Микрофон переводит дальнейший текст. Двойная экспозиция.*)

Микрофон. Она удивилась, что я расспрашиваю о Федоровой, которую знает вся страна. Она говорит, что Федорова — замечатель-

ная женщина, депутат Верховного Совета. За отличную работу Федорову выдвигают в Верховный Совет вторично. Она еще совсем молода и совсем недавно окончила институт. Она активный деятель женского антифашистского движения, член президиума международного Антифашистского женского комитета. Она была работницей, строила метро, училась, стала инженером и теперь отлично руководит новым строительством. Избиратели хорошо знают Федорову и доверяют ей…

(*Песня метростроевцев звучит все громче.*)

Микрофон. Хорошо поют!.. Станция «Калужская» будет одной из самых красивых. Молодежь с удовольствием строит ее! (*Спохватившись.*) Но который час?.. Боже мой, мне давно пора в студию!.. До свидания! До свидания!..

(*Свист движения. Джазовая музыка.*)

Ведущий. Какое счастье, что вы вернулись, дорогой Микрофон!.. Я уже звонил в скорую помощь. Я думал — вы стали жертвой автомобильной катастрофы…

Микрофон. О, не беспокойтесь, все в порядке! Получите ваши очки!..

Ведущий. Благодарю вас! Я так нуждался в них…

Микрофон. Я был в одном лишь доме. Но я видел и слышал столько интересного! Избиратели готовятся к выборам и единодушно будут голосовать за своих кандидатов. Они верят своим кандидатам — лучшим сынам и дочерям народа. Выборы, которые состоятся через неделю, будут настоящим всенародным праздником.

Ведущий. Я советовал бы вам побывать на выборах.

Микрофон (*с энтузиазмом*). О, обязательно! В следующее воскресенье, ровно в 17 часов по Гринвичу, я совершу новое необычайное путешествие! Слушайте меня, дорогие радиослушатели! До свидания! До следующего воскресенья!..

Ведущий (*как эхо*). До свидания!.. До следующего воскресенья!..

(*Музыкальный финал.*)

РГАЛИ. Ф. 2965. Оп. 1. Д. 40. Л. 21–37.

Невидимка

Литературный радиожурнал № 3[112]

24 марта 1946 г.
10.00–11.00

После вступительной песни «Невидимок».

Кассиль. Итак, друзья, пришел час очередному заочному свиданию невидимок... Пора нам выпускать номер третий...

Архивариус (*напевая песенку*). Пора, пора... (*напевает «Должен вам, друзья, признаться...» Музыка подхватывает мелодию песенки.*)

Кассиль. Товарищи, товарищи, музыкальные иллюстрации потом... А какие у нас есть стихи?

Секретарша. А вот поэт Арсений Александрович Тарковский[113] принес нам свои новые стихи.

Кассиль. Отлично! Послушаем.

Тарковский. Кузнечики.

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.
Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.
Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил — строитель и плотник,
Каменщик — я бы им камень толок.
Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пильщик,
Я бы им песню пропел, наконец!

Кассиль. В постоянном отделе нашего радиожурнала, посвященном Пушкину, у нас выступает сегодня профессор Григорий Осипович Винокур[114] со статьей «Словарь языка Пушкина».

Винокур. ...Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей,
Уже старушки нет, уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни постоянного ее дозора.

Постоянного дозора? Разве у Пушкина так? Нет, у него какое-то другое слово, выразительное, как раз такое, какое нужно, которым сразу все сказано, выражено самое существенное. Но выскочило это слово из памяти, вертится где-то около сознания, а в руки не дается, а между тем оно как раз сейчас оказывается нужным, подходящим к случаю. Не каждый сразу найдет соответствующий том Пушкина, вспомнит, из какого стихотворения данный отрывок. И тут на помощь приходит словарь языка Пушкина. Открываем страницу со слов «дозор» и читаем: «Ни кропотливого ее дозора». Да, вот это самое слово! «Кропотливый дозор»: оно соединило в себе и характеристику постоянной заботы любящей старушки, и ласково-иронического отношения к ней поэта.

Такой словарь мы составляем сейчас в Институте русского языка Академии Наук СССР. Первый том словаря будет готов в 1949 году к стопятидесятилетию со дня рождения поэта. В этом словаре ученые-филологи смогут получить нужные им справки по специальным вопросам состава слов и грамматики пушкинской эпохи; литературоведы, поэты, писатели и учащиеся найдут образцы пушкинского художественного слова.

Кто из учащихся не ощущал бедности своего языка, когда не хватает слов, чтобы выразить свою мысль, чтобы подобрать нужный эпитет или синоним? Вдумчивое ознакомление с употреблением слова у Пушкина по словарю обогатит язык учащихся. Откроем словарь на слове «ум», и перед нами развертывается целая вереница самых разнообразных эпитетов, каждый раз оправданных в своем употреблении: ум точный, зыбкий, наблюдательный, темный, здравый, смятенный, обширный, ограниченный, великий, покорный, блестящий, вкрадчивый, оригинальный, книжный, природный, резкий, охлажденный, растроганный, хладный, томный, надменный, озлобленный и другие определения...

Глубоко познавая творчество Пушкина, учась правильно понимать его язык, мы в то же время отчеканим и свой язык, сделав его сильным и гибким. Словарь языка Пушкина будет этому содействовать...

Секретарша. Мы получили много писем. Видите сколько? А вот целая охапка писем, в которых наши слушатели просят лауреата Сталинской премии, писателя Вениамина Александровича Каверина[115] рассказать, как он работал над своим романом «Два капитана».

Кассиль. Вениамин Александрович — член редколлегии нашего журнала, и я надеюсь, что он не откажет в этой просьбе, не так ли? Пожалуйста, Вениамин Александрович!

Каверин. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году, отдыхая в Петергофском санатории, я познакомился с человеком, судьба которого поразила меня. Он рассказал мне историю своей жизни, и через несколько лет вы прочли ее в романе «Два капитана». Я не пересказал эту историю без всяких изменений — так не пишутся романы. Но я понял жизнь современного советского человека как роман, и именно эта точка зрения помогла мне довести до конца сложную и новую для меня работу. Мне почти не пришлось выдумывать героев, тем более что хотя мой Саня Григорьев и моложе меня, однако не настолько, чтобы это помешало мне воспользоваться моим жизненным опытом для того, чтобы нарисовать круг его друзей и врагов.

В многочисленных письмах читателей мне часто задают одни и те же вопросы. В какой мере автобиографичен ваш роман? Изобразили вы свою или чужую жизнь? Существовал ли в действительности Саня Григорьев и какова его судьба — не в романе, а в жизни? Вот мой ответ. «Автобиографичен лишь фон романа, то есть сцена, на которой происходит действие всех его десяти частей. Школа на Садовой-Триумфальной — это школа, которую я кончил в тысяча девятьсот девятнадцатом году. Я жил на Второй Тверской-Ямской, в той квартире, где Саня впервые встретился с Катей. Я был на Крайнем Севере в годы войны и т.д. Но история Сани Григорьева так же не похожа на мою, как только может быть не похожа история профессионального летчика на историю профессионального беллетриста. Что касается вопроса, существовал ли в действительности летчик Григорьев, то вместо ответа я расскажу два маленьких эпизода.

Еще в тысяча девятьсот сороковом году я получил письмо от одной женщины. Я распечатал его — и остолбенел. «Я прочла ваш роман, —

писала эта женщина, — и убедилась в том, что вы тот человек, с которым я была знакома в юности и которого разыскиваю вот уже восемнадцать лет. В этом убеждает меня не только сама история Кати и Сани, рассуждения в вашей книге, но такие подробности, которые могли быть известны только вам, и никому другому. Даже даты наших встреч в Триумфальном садике, у колонны Большого театра, указаны вами совершенно точно. Это не случайность, это не может быть случайностью! Я убеждена, что вы сделали это нарочно — с тайным намерением дать мне понять, что вы не забыли меня».

Признаться, я решил, что моя корреспондентка немного больна. Но вдруг простая мысль явилась передо мною: ведь я описал не свою, а чужую жизнь! Быть может, письмо адресовано не мне, а тому, кто под именем Сани Григорьева выведен в «Двух капитанах»? Представьте же, как я изумился, когда оказалось, что я прав! Между старыми друзьями завязалась переписка и мой роман оказался мостом, который перекинулся для них между годами туманными юности и зрелых совершенных лет.

... В тысяча девятьсот сорок первый суровый год — в окруженном Ленинграде — мне позвонили из Радиокомитета и предложили выступить от имени Сани Григорьева с обращением к комсомольцам Балтики и Ленинграда. Я попробовал возражать: «Позвольте, но как же я могу взять на себя смелость выступить от имени литературного героя?» — «Э, не беда! — был ответ. — Ребята в большинстве считают, что он существует. Да ведь, в сущности, так оно и есть! Не все ли рано, под какой фамилией вы описали его в вашем романе».

Я согласился. Нетрудно было себе представить, что при таких обстоятельствах должен был сказать комсомольцам Ленинграда мой Саня Григорьев. Я произнес эту речь, и в ответ на имя летчика Григорьева стали поступать письма. Это были клятвы, которые, как известно, с честью были выполнены девушками и юношами великого Ленинграда. Но одно письмо — это было самое любопытное — пришло на мое имя. Это было письмо от самого Сани. «Дорогой мой, — писал он, — вы нашли во мне много хорошего, даже слишком много, и рассказали об этом в своей книге. Но делать из меня оратора, да еще такого пылкого — вот этому никто из моих друзей не поверит». Так переплетаются в наши необычайные времена литература и жизнь.

Репортер. Перевернем страницу, приоткроем, как занавес, другую и заглянем в отдел «Пять минут на сцене». В Московском театре им. Ленинского комсомола с успехом идет сейчас спектакль «Наш общий друг» Диккенса. Вам, друзья школьники, будет интересно посмотреть этот спектакль. А пока послушайте песенку, которую поет там Белла Уильфер.

Лунная соната

На старой колокольне колокол звонит,
Над старой колокольней сияет свет зари,
Тоскует крошка Эмми у своего окна:
«Я в тихий этот вечер забыта и одна»,

На старой колокольне колокол звонит.
Чей конь дорогой лунной без устали пылит?
Кто шепчет имя Эмми с нежною тоской,
Завидев колокольню над бледною луной?
Луна сияет в небе, колокол звонит,
Замолкнул у калитки ретивый стук копыт.
И сладко шепчет Эмми у своего окна:
«Как эта ночь прекрасна, волшебная луна».

(*Второе появление архивариуса.*)

Кассиль. Ну-с, дорогой товарищ архивариус, что вы сегодня припасли для нашего журнала? Прошлый раз вы были в таком дурном настроении. Надеюсь, что это прошло?

Архивариус. О, у меня сегодня преотличное расположение духа. Я человек чувствительный, а, как сказал небезызвестный поэт, «чувствительный человек подобен сосульке. Пригрей его — он растает»... Но я боюсь, что я так растекусь в мыслях, оттаяв, что вы вспомните другое изречение того же прославленного поэта: «Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить».

Кассиль. Что вы, мы всегда готовы слушать вас.

Архивариус. Благодарю. «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколько необходим канифоль смычку виртуоза», как сказал поэт.

Репортер. Извините... вы все цитируете сегодня изречения поэта, а не называете его имени.

Архивариус. Я полагаю, что вы и без моих пояснений знаете имя этого поэта. Я имею честь цитировать афоризмы Козьмы Петровича Пруткова. Вы, конечно, все знаете об этом чрезвычайно примечательном писателе. Очень часто люди приводят в разговоре выражения Козьмы Пруткова, не зная, кто автор этих знаменитых афоризмов. Это напоминает мне мудрое замечание самого Козьмы Пруткова: «Гений мыслит и создает. Человек обыкновенный приводит в исполнение. Дурак пользуется и не благодарит»...

Кассиль. А вот было бы очень хорошо, если бы вы рассказали нам подробнее о Козьме Пруткове.

Архивариус. С превеликим удовольствием. Конечно, как говорил Козьма Петрович, «никто не обнимет необъятного», и я не берусь говорить обо всем творчестве Пруткова, но попытаюсь рассказать главное. Самое удивительное в этом знаменитом человеке то, что его никогда не было на свете. Его придумали в тысяча восемьсот пятидесятом году русские писатели Алексей Константинович Толстой и двоюродные братья Жемчужниковы.

В смешной автобиографии Пруткова, которую выдумали его веселые создатели, Козьма Прутков говорит о своем рождении так: «В тысяча восемьсот первом году одиннадцатого апреля в одиннадцать часов вечера в просторном деревянном, с мезонином, доме — владельца деревни Теньтелевой, что близ Соль-Вычегодска, впервые раздался крик здорового новорожденного младенца мужского пола; крик этот принадлежал мне, а дом — моим дорогим родителям».

В феврале тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в «Литературном ералаше», в приложении к «Современнику», были напечатаны стихи, подписанные именем «Козьма Прутков». Стихи всем понравились. С тех пор каждое новое произведение Козьмы Пруткова встречалось читателями с большим интересом. Ныне Пруткова знает каждый грамотный человек. Этот в шутку придуманный писатель оказался куда знаменитей многих на самом деле существовавших литераторов. В тысяча восемьсот шестьдесят третьем году в журнале «Современник» был напечатан некролог, котором извещалось о смерти Козьмы Петровича Пруткова.

Кассиль. У вас такая замечательная память, что, может быть, вы что-нибудь процитируете из творений Козьмы Пруткова?

Архивариус. Козьма Прутков говорил: «Слабеющая память подобна потухающему светильнику». Если угодно, я поделюсь с вами некоторыми мыслями и афоризмами Козьмы Петровича Пруткова. Ну, вот, например: «Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то они и носят в себе». Или вот еще: «Если у тебя спрошено будет, что полезнее — солнце или месяц, ответствуй — месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло, а месяц — ночью». (*Смех.*) М-да. Я понимаю, как говаривал Козьма Прутков, «продолжать смеяться легче, чем кончить смех». Припоминается мне также кое-что из исторических материалов, записанных дедом Козьмы Пруткова. Например, история про знаменитого французского ученого Лефебюре де-ля-Фурена. Он был приглашен на королевскую охоту. И когда оная королевская охота, изрядно утомившись, обратно путь свой к дому направила, то король узрел знаменитого математика, на земле сидящего и тщательно с превеликим прилежанием на ладони дробь перебиравшего, а мушкет и прочие охотничьи доспехи от него в стороне лежащие, и, крайне сему удивляясь, громко его вопросил: «Что вы делаете, господин Лефебюр де-ля-Фурен?» На королевский вопрос, нимало не смешавшись, но с видимым отчаянием ученый тот ответствовал: «Вот уже два часа, государь мой, как тщетно силюсь я привести сию дробь к одному знаменателю!»... Ну вот, я опять заболтался, как и в прошлый раз, а Козьма Прутков не раз говаривал: «Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану»...

(*Музыкальная заставка.*)

Кассиль. Пора кончать и нам. Мне кажется, что материалов для номера собралось достаточно. И так как невидимые страницы наши были открыты для всех, все слышали их содержание, то будем считать, что номер третий литературного радиожурнала «Невидимка» вышел в свет! Ждем писем и откликов, советов и указаний. На этом закрываем заседание редакции, посвященное выпуску третьего номера радиожурнала «Невидимка».

(*Заключительная песня.*)

ГА РФ. Ф. Р. 6903. Оп. 16. Д. 74. Л. 241–247. Микрофонный материал.

Д.С. Лихачев[116]

Национальное самосознание[117]
Беседа

26 марта 1946 г.
07.20–07.51

Первый русский летописец, восстанавливая предшествующую ему историю Руси за годы, когда восточные славяне не имели еще своей письменности, сумел воссоздать прошлое Русской земли за несколько столетий. Он пишет о походах и о договорах, об основании городов, дает живые характеристики князьям и рассказывает о расселении племен.

Исторические сказания, отложившиеся в Начальной Киевской Летописи, восходят ко временам глубокой древности.

Равнина, населенная русскими племенами, сохраняла исторические предания глубокой старины.

Нетрудно различить главные типы исторических произведений, использованных летописцами, их несколько.

Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. К этим могильникам относились сказания, жившие в окружающем населении. Число таких холмов на территории Древней Руси было велико.

Но не только с могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. На всем пространстве Руси хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом» своим великим собиравших Русскую землю. Предания говорят о широте исторического кругозора народа.

Но многочисленные легенды шестого–десятого веков, связанные с местными памятниками прошлого, не были единственным видом исторического припоминания в древний дописьменный период истории Руси. Та же начальная летопись, которая сохранила нам многочисленные местные легенды, свидетельствует и о других формах исторической памяти.

Внимательный анализ киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании устных рассказов.

Эти рассказы выражали не только узкоместные или родовые тенденции, они пропагандировали идеи крепкой защиты Русской земли, далеких походов.

Третьим видом устной исторической памяти народа в дописьменный период русской истории была дружинная поэзия.

Образцом такой дружинной поэзии сравнительно позднего времени является дошедшее до нас «Слово о полку Игореве».

Особенно рельефна в летописи созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава.

Замечательна одна из речей Святослава, включенная составителем начального свода тысяча девяносто пятого года, очевидно, на основании дружинных преданий.

«Да не посрамим Земли Русские, но ляземы костью ту, и мертъвы бо сорома не имаеть, аще ли побегаем, то срам нам. И не имам убегнути, но станем крепко. Аз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжеть, тоже промыслите о себе». Верная своему князю и родине, дружина отвечает: «Иде же глава твоя ляжеть, ту и главы наша сложим».

Таким образом, уже дружинная поэзия дописьменной Руси неразрывно связана с идеей воинской чести.

Введение на Руси христианства приобщило русский народ к древнейшей европейской культуре Византии.

До самого падения Константинополя императорская власть представлялась в Византии властью всемирною и исключительною.

Притязания византийских императоров распространить свою власть на всю вселенную основывались на воззрении, что император является не только главою государства, но и главою церкви.

До самого падения Константинополя Византия постоянно пыталась привести «варварские» народы к признанию того, что все христиане являются одновременно и поданными императора. Среди новообращенных народов, а также на территориях, занятых у Византии «варварами», церковный строй призван был заменить собою недостающую, с точки зрения греков, византийскую государственную организацию.

На обязанности духовенства в новообращенной стране лежало ознакомить варварский народ с римским правом и римской культурой.

Таким образом, принятие христианства Русью, с одной стороны, приносило вновь обращенному народу европейскую византийскую культуру, с другой же стороны, принятие христианства угрожало политической самостоятельности Руси. И эта опасность была вовремя осознана русскими князьями.

Борьба за свою самостоятельность захватывала все области духовной культуры Киевского государства. Печатью этой борьбы отмечены и литературные произведения той поры, и летопись, и бурное архитектурное строительство, и изобразительное искусство княжения Ярослава.

Торжество русской политики, крупный политический успех в отношениях с Империей и свои надежды на жизненно крепкое будущее Руси Ярослав подкрепил богатым строительством.

Поразительно стремление летописца как можно шире и полнее представить ход русской истории не только с момента принятия христианства от Империи, но и значительно раньше...

Но самым разительным в работе составителя Древнейшего свода был тот патриотический подъем, который руководил им при составлении характеристик русских князей.

Центральное событие свода — крещение Руси и Владимира.

Крещение Руси выдвинуло на историческую арену новый народ — русских.

Свод Ярослава был тем дипломатическим и юридическим актом, которым русские заявили о своем равноправии всем народам Европы.

Верою в будущее русского народа были продиктованы грандиозное строительство эпохи Ярослава и ее великолепное изобразительное искусство.

Итак, русская литература эпохи Ярослава, русская историческая мысль, русская архитектура, русское изобразительное искусство этого периода были подчинены общей задаче — утвердить равноправие русского народа среди других народов мира...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. д. 108. Л. 476–489. Микрофонный материал.

Б.А. Галин[118]

Сегодня в донбассе

Радиоочерк[119]

26 сентября 1946 г.
21.45–22.04

Когда видишь Донбасс, его города — Горловку, Краматорск, Макеевку, Енакиево — в их новом облике и сравниваешь с тем, что было так недавно, как-то полнее и глубже охватываешь все величие сотворенного большевиками в разоренном немцами Донбассе.

Битва за восстановление Донбасса, за возрождение его городов, шахт и заводов была начата на другой же день после освобождения этого индустриального края войсками Красной Армии. Вслед за частями Красной Армии в тот же день и час в города и поселки, охваченные еще дымом пожарищ, входили секретари райкомов партии, председатели райсоветов, партийные и непартийные большевики, руководители заводов и шахт, чтобы по воле партии возрождать советскую жизнь, объединять, сплачивать и поднимать на трудовые подвиги массы трудящихся...

Донбасс сорок шестого года как бы весь в движении. Охваченный строительными лесами, еще в рубцах и ранах, но уже полный жизни, побеждающей смерть, — таков образ сегодняшнего Донбасса. История поднимающегося из руин крупнейшего индустриального центра — это история его людей. Когда осенью сорок третьего года по улицам освобожденной Макеевки прошел старейший доменщик страны Иван Григорьевич Коробов, вернувшийся на родной завод с Урала, встречные люди почтительно раскланивались со стариком и, обернувшись, долго и любовно смотрели вслед широкому в плечах обер-мастеру и радостно говорили друг другу: «Наш Коробов вернулся...» Вместе с ним как бы вернулась живая душа Макеевки — столько воспоминаний о прошлом, о вчерашних днях Донбасса связано с этим замечательным человеком.

И он же, обер-мастер Коробов, разогревал первую доменную печь, которую люди Макеевки после немцев возвращали к жизни. К этому времени ожили и доменные печи в Енакиеве, Сталине, Мариуполе, и из пробитых леток огненным потоком хлынул металл — основа основ нашей промышленности.

В Мариуполе, на заводе «Азовсталь», молодой инженер Лепорский, как реликвию, хранит маленький слиток стали. Это сталь первой плавки в возрожденной мартеновской печи. Кусок металла напоминает Лепорскому осень сорок первого года, когда он на полном ходу остановил все печи мартеновского цеха и забил их намертво медленно остывающим металлом. В это время немецкие танки ворвались в Мариуполь.

На долю инженера Лепорского выпала тяжелая и почетная задача — возродить взорванные немцами печи. Он прибыл в Сталино на самолете в первые же дни освобождения края. Золотая осень кружила листьями кленов, акаций на размытых дождями дорогах. Лепорский пошел пешком: хотелось скорее увидеть Мариуполь, море, «Азовсталь». Иногда приходилось сворачивать с грейдера — дороги еще были заминированы. На вторые сутки его взяли к себе в тачанку бойцы, и вместе с автоматчиками он доехал до родного города. У заводских ворот он встретил директора, окруженного толпой. Директор был в солдатской защитной гимнастерке.

— Приехал? — быстро спросил директор, и его выпуклые, горевшие возбуждением глаза радостно блеснули.

Он сказал мягко, с кавказским акцентом:

— Иди, дорогой, к себе... Иди, посмотри и подумай...

И едва Лепорский увидел взорванные, разрушенные доменные печи, как он сразу же понял, что ждет его в мартеновском цехе. Девять блоков, на которые разделен огромный мартеновский цех, были завалены. Этот железный хаос только условно можно было назвать мартеновским цехом. Теперь он уловил смысл слов директора: «Посмотри и подумай...»

В тот день, когда на первой возрожденной мартеновской печи варили сталь, рядом с инженером-металлургом Лепорским стояли и с живым интересом наблюдали за плавкой строители: прорабы, такелажники, монтажники...

Я встретился с инженером Лепорским и слушал его короткий рассказ об этапах борьбы за вторую жизнь мартеновского цеха. Лепорский стоял у пульта управления печью. Медленно, повинуясь воле человека, приведшего механизм в действие, трехсоттонная качающаяся печь наклонилась, и сильная струя расплавленной стали хлынула в огромные ковши. Все озарилось вокруг нежно-багровым сиянием. Искры, подобно молниям, взлетали над ковшами и рассыпались...

В Горловке, на лесах строящейся школы, я увидел кумачовый плакат, на котором рукою безвестного поэта было выведено: «Минуло время горечи и бед — пришла пора восстановленья». В Краматорске, на заводе имени Сталина, сохранилась фотография первых дней освобождения завода. Рабочие отдирают со стены вывеску фон Круппа и крупповский фирменный знак — три железных круга. Эти знаки немцы-стяжатели привезли из Рура и как символ своей власти повесили на воротах одного из крупнейших в нашей стране заводов тяжелой индустрии. Все это теперь отошло к истории, близкой и живой: фирменные знаки фон Круппа, немецкие приказы, запугивавшие русских

рабочих, и даже железобетонный дот со щелью для кругового обстрела, который немцы поставили на шоссе, у завода. Он стоит, этот немецкий дот, и по сей день, напоминая о том, что было только вчера в Донбассе.

Как ни тяжелы были раны, нанесенные немцами Краматорскому заводу, люди, взявшиеся восстановить это огромное, раскинувшееся на двести гектаров предприятие, думали и о цветах. С Урала был вызван старый садовод: он работал до войны в Краматорске; перед ним поставили задачу — создать новые фруктовые сады, оранжереи, теплицы. Со всех концов страны в Краматорск шли грузы с оборудованием. А однажды с черноморских берегов в адрес завода пришел и вагон с цветочной рассадой...

Вечерние огни Зугрэса, полные тепла и жизни, ровное, ритмичное дыхание его машин невольно вызывали в моей памяти видения недавнего прошлого... Тогда, три года назад, в дни великой битвы за Донбасс, когда Красная Армия прорвала немецкую линию обороны — Миусс-фронт, взору наших бойцов предстала страшная картина разрушений, народного бедствия: города и поселки, заводы и шахты — весь Донбасс лежал дымящийся и разоренный. В зону пустыни хотели немцы превратить этот непокорный край, могучий даже в своем страдании. Ветер свистел в провисших проводах высоковольтных электропередач, гремел железными листами обрушившихся крыш, пыль и ржавчина, точно тлен, покрывали прекрасную донецкую землю...

В один из дней на шахту «Никанор» приехал министр угольной промышленности западных районов СССР товарищ Оника. Он всю рабочую смену пробыл под землей. Опытным глазом горного инженера министр присматривался ко всему, что делалось в забоях. Поднявшись на-гора, два горняка-специалиста — министр и начальник участка — долго и оживленно беседовали. Они были в спецовках, с шахтерскими лампами. Товарищ Оника сказал начальнику участка: «Хорошее дело родилось у вас...»

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 70. Микрофонный материал.

В.А. Чувиков[120]

Сталинский устав — закон колхозной жизни

Беседа

30 октября 1946 г.
19.30–19.44

В феврале тысяча девятьсот тридцать пятого года, на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников, при непосредственном участии товарища Сталина был разработан Устав сельскохозяйственной артели. Этот устав является основным законом колхозной жизни.

В сельскохозяйственной артели товарищ Сталин открыл такую форму социалистического хозяйства, которая в полной мере отвечает жизненным интересам крестьянства и общим задачам социалистического строительства.

Устав законодательно закрепил основы социалистического способа производства в колхозах: обобществление основных средств производства, коллективный труд, полное использование машинной техники, тягловой силы и инвентаря, культурное ведение земледелия, плановый характер производства, социалистический принцип распределения по труду, демократические основы управления делами артели.

За истекшее десятилетие Сталинский Устав колхозной жизни показал свою великую организующую и преобразующую роль. За годы сталинских пятилеток колхозный строй окончательно сложился, окреп и превратился в могучую силу социализма.

Тысячи колхозов стали колхозами-миллионерами. «Метод коллективизации, — как сказал товарищ Сталин, — оказался в высшей степени прогрессивным методом...»

Великая Отечественная война воочию показала несокрушимую силу и жизненность колхозного строя. Война закалила союз рабочего класса и крестьянства. Советское крестьянство показало в войне небывалую сплоченность, высокую политическую зрелость, понимание общегосударственных задач и самоотверженное служение Родине. Несмотря на оккупацию врагом крупных зерновых, животноводческих, свекловичных районов, социалистическое сельское хозяйство оказалось способным бесперебойно снабжать армию и страну продовольствием, а промышленность — сырьем.

В законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства сказано: «В целях всемерного укрепления и развития общественного хозяйства колхозов:

обеспечить дальнейший рост общественного богатства колхозов — их доходов, неделимых фондов, построек, скота, инвентаря, а также страховых, семенных, фуражных фондов;

обеспечить охрану общественных колхозных земель и колхозной собственности, не допускать нарушений Устава сельскохозяйственной артели...»

В этом — залог дальнейшего процветания колхозного строя.

Однако эту истину некоторые партийные, советские и земельные работники на селе стали забывать. За последнее время в ряде областей были выявлены факты грубого нарушения Устава артели. Эти извращения касаются важнейших вопросов колхозной жизни.

Совет Министров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) своим постановлением «О мерах по ликвидации нарушений Устава в колхозах» вскрыли грубые извращения политики партии в колхозном строительстве.

Во многих артелях неправильно расходовались трудодни, расхищались общественные земли, разбазаривалось колхозное добро, нарушались демократические основы управления колхозами. Правительство и партия осудили подобные нарушения и злоупотребления, подрывающие общественное хозяйство колхозов и крайне опасные для всего дела социалистического строительства.

Правительство и партия указали конкретные меры по ликвидации нарушений Устава. Местные, партийные и советские органы обязаны

в двухмесячный срок проверить и сократить раздутые штаты административного и обслуживающего персонала; снять с оплаты трудоднями лиц, не имеющих отношения к колхозному производству.

Партия и Правительство обязывают к пятнадцатому ноября провести повсюду проверку сохранности колхозных земель и все незаконно захваченные земли возвратить сельскохозяйственным артелям.

Колхозам должны быть возвращены взятые у них имущество, скот, денежные средства и приняты меры к виновникам расхищения артельного имущества. Все организации обязаны погасить задолженность и впредь своевременно и добросовестно расплачиваться с колхозами за их продукцию и выполненную работу.

Сейчас в колхозах страны идет большая работа по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели.

В Полтавской области специальные комиссии производят обмер приусадебных участков колхозников, проверяют нарушения в общественном землепользовании. Уже выявлено много случаев, когда колхозной землей пользовались различные учреждения, организации и частные лица, не имеющие никакого отношения к колхозам. Одиннадцать тысяч четыреста пятьдесят девять гектаров такой земли возвращены ее законным владельцам — 373 колхозам.

В тридцати пяти районах области сокращено 3 168 человек администартивно-управленческого аппарата колхозов. Только в одном Гадячском районе сокращено 270 человек, которым начислялось ежемесячно более шести тысяч трудодней.

В Ростовской области проделана уже большая работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Управленческий аппарат сокращен на 5550 человек. Это даст экономию около двух миллионов трудодней. Выяснилось также, что 1627-ми лицам начислялись трудодни, хотя по роду своей деятельности эти люди ничего общего с колхозным производством не имели. Выявлено много других фактов нарушения устава, которые теперь устраняются.

В Грозненской области колхозам возвращаются незаконно взятое имущество, скот, денежные средства. В Сунженском районе сельскохозяйственные артели получили обратно 280 гектаров земли, погашено около ста тысяч рублей задолженности, сокращены излишние штаты. Более ста колхозников направлены в производственные бригады.

Там, где строго соблюдается Устав, артельное хозяйство растет, крепнет, колхозники живут зажиточно...

Партия и правительство создали Совет по делам колхозов при Правительстве СССР.

В Положении о Совете по делам колхозов определены его задачи: это улучшение Устава сельскохозяйственной артели на основе предложений деятелей колхозного строительства; выработка мер по расширению общественного хозяйства колхозов; выработка мер поощрения колхозов, честно и аккуратно выполняющих свои обязательства перед государством; наконец, созыв, по мере необходимости, съездов представителей колхозов. Осуществление этой программы поднимет на новую, еще более высокую ступень все дело колхозного строительства в нашей стране.

Совет по делам колхозов, как гласит Положение, должен «стоять на страже общественного хозяйства колхозов и следить за неуклонным осуществлением мероприятий партии и правительства по дальнейшему укреплению колхозов и росту благосостояния колхозников».

Колхозники нашей страны с большим удовлетворением встретили опубликованное в печати Положение о Совете по делам колхозов при Правительстве СССР. Во многих артелях состоялись общие собрания, посвященные изучению Положения.

В сельхозартели имени Восемнадцатого партсъезда Родионово-Несветайского района Ростовской области колхозник Гуриенко, выступая на собрании, сказал:

— От всего сердца благодарим родного Сталина за отцовскую заботу о нас, колхозниках. Если бы в нашем колхозе строго соблюдался устав, хозяйство наше было бы еще крепче. До сих пор у некоторых наших колхозников раздуты приусадебные участки. Члены правления редко советуются с рядовыми колхозниками. Теперь мы поведем жизнь свою строго по уставу, будем блюсти сталинский закон колхозной жизни.

Забота государства о всемерном укреплении общественного хозяйства поднимает авторитет колхозов, пресекает антигосударственные попытки тех работников на местах, которые стали распоряжаться самолично колхозным добром, повышает заинтересованность членов артели в развитии общественного хозяйства, от чего в первую очередь зависит их личное благосостояние. Многое предстоит сделать для укрепления трудодня в колхозах. Доходы в некоторых колхозах подчас распределяются еще далеко не так, как предусмотрено Уставом. Этим пользуются рвачи и дармоеды, которые не прочь поживиться плодами трудов честных колхозников. Блага колхозной жизни могут и должны принадлежать только тем, кто честно, не покладая рук, трудится в артельном хозяйстве. Совет по делам колхозов поможет сельскохозяйственным артелям всемерно укрепить дисциплину труда, применить наиболее правильные и передовые способы ведения крупного общественного хозяйства.

Совет по делам колхозов призван обеспечить соблюдение демократических основ управления колхозами.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. III. Л. 145–152. Микрофонный материал.

М. Златогоров[121]

Народные подарки Ленину и Сталину

Корреспонденция[122]

21 апреля 1947 г.
09.30–09.49

О духовной жизни народа повествуют исследования историков, поэмы и романы художников слова. Но иногда о думах и чувствах миллионов простых людей ярче, чем книги, рассказывают вещи.

В Москве, в залитых светом залах Центрального музея Владимира Ильича Ленина и Музея Революции хранятся многочисленные народные подарки Ленину и Сталину.

С глубоким волнением по залам музеев проходят тысячи посетителей, приехавших в Москву со всех концов нашей родины. Подолгу останавливаются они перед витринами с подарками.

Подарки вождям — это воплощение высокого чувства советского человека, его любви к Ленину и Сталину. Это создания ума и рук бесчисленных мастеров-искусников, плоды бессонных ночей резчиков и гранильщиков, ткачей и ковроделов, токарей и художников. Каждая вещь — слиток вдохновенного труда. И у каждой вещи своя история.

Когда осенью 1923 года в болезни Владимира Ильича Ленина наступило ухудшение, вся страна, все советские люди переживали это как личное несчастье. Миллионы мужчин, женщин, детей с тревогой думали об Ильиче, всем сердцем желали ему скорейшего выздоровления.

В те дни работницы Косогорского завода и крестьянки Бассовской волости Тульского уезда послали Ленину подарок. Это был подарок русских людей, простой, трогательный и сердечный, — холщовое полотенце с вышитыми словами: «Будь здоров, наш отец!»

Рабочие Тулы тоже готовили подарок больному Владимиру Ильичу. Тульские оружейники мастерили охотничье ружье для Ленина. Рабочие знали, что Владимир Ильич любил на досуге заниматься охотой. Им хотелось доставить удовольствие самому дорогому для них человеку на земле.

Надо вспомнить те годы. Тульский завод переживал тяжелые времена. Многие станки бездействовали, не хватало самого нужного — инструмента, материала. Но туляки сумели изготовить замечательное ружье. Всю душу вложили они в эту работу.

«Дорогой Ильич! — писали они в письме, посланном вместе с подарком. — Красная кузница, продолжая неустанно ковать оружие для отражения нападений на советскую землю, с замиранием сердца следит за твоей болезнью, за течением тяжелого недуга, который нестерпимой болью отражается в душах трудящихся.

Пусть это ружье, до последнего винтика выкованное любящими руками, в самые ближайшие дни будет в твоих руках брать прицел так же точно, как за всю твою жизнь ты брал на мушку всех врагов пролетариата.

Прими наш скромный подарок, дорогой Ильич, от рабочих и служащих Первых Тульских оружейных заводов республики».

Сегодня можно увидеть это ружье в Центральном музее В.И. Ленина. Ружье лежит в стеклянном шкафу вместе с другими подарками Ленину. Можно разглядеть и тщательно отшлифованный ствол, и украшенное резьбой ложе. Крышка добротного футляра изнутри разрисована. Сколько любви вложено в отделку каждой детали!..

Вот великолепная сабля из Узбекистана. Клинок гравирован, эфес и ножны отделаны золотом. Но больше, чем золотом и украшениями, дорог этот подарок другим: сабля выкована из металла, который дает недавно построенный Узбекский металлургический комбинат.

Движущаяся электрифицированная модель локомотива «Победа» — создание рабочих и инженеров Коломенского завода. Парово-

зик свистит и мчится по миниатюрному полотну, демонстрируя отличную работу всех механизмов. Любуясь моделью, мы вспоминаем, что высокую марку «Победа» имеют и другие замечательные изделия нашей промышленности, например, новые комфортабельные легковые автомобили Горьковского автозавода имени В.М. Молотова.

Трогателен один из подарков фронтовиков — коробочка для табака. Гвардии старшина Игорь Никольский смастерил эту коробочку на фронте, в редкие часы солдатского досуга.

«Вот, как я, участник войны, прошедший с начала и до конца ее тяжелый путь, решил отблагодарить вас за победу, — говорит в письме к Иосифу Виссарионовичу Игорь Никольский. — Коробочка для табака сделана из материала сбитого немецкого самолета. Я не ювелир, мой инструмент — шило, ножик, сверло и кисть, а мастерская — свежий воздух. Как мог, так и сделал. В коробочке нет золота и драгоценностей, в ней любовь русского солдата к своему предводителю Генералиссимусу Сталину. Примите мой скромный подарок на память от солдата Великой Отечественной войны. Писал, как думал. Делал, как мог...»

В одном из уголков Центрального музея В.И. Ленина висит небольшой ковер с портретом Владимира Ильича. Ленин мало похож, рисунок наивный, почти детский, но что-то трогательное есть в этом портрете.

Ковер выткала своими руками восьмидесятилетняя Софья Кеворкова из города Мерва. Долгие месяцы трудилась она, вышивая ковер. Под портретом вывела даты рождения и смерти Ленина, а еще ниже слова: «В память дорогого сына Александра, погибшего на фронте за дело рабочего класса».

У одинокой старухи память о сыне неразрывна с памятью о Ленине.

В Музее Революции хранятся подарок и послание от другой матери — товарищ Рутман. Мать геройски погибшего под Сталинградом воина-комсомольца обращается к товарищу Сталину. Сын завещал ей послать Иосифу Виссарионовичу свою любимую вещь, с которой он никогда не расставался, — мундштук из розового янтаря. И осиротевшая мать с гордостью выполняет завещание сына и в этом простом акте находит утешение в своем горе.

Шлют подарки люди старшего поколения, шлют и дети. Ученики ремесленного училища построили маленький несгораемый шкаф, «чтобы товарищу Сталину было куда прятать важные бумаги». Школьники выткали на гобелене пейзаж Гори и смуглого мальчика Сосо. А сколько прислано Иосифу Виссарионовичу от ребят трубок, альбомов, скатертей, платочков, пионерских галстуков!

Вот мандолина. Она обладает удивительным по красоте звуком. Ее смастерил мастер-самоучка колхозник товарищ Криворук. Рассказывают, что в поисках особого сорта дерева для деки инструмента Криворук исходил всю Украину.

У жителя Еревана — резчика по дереву Азатяна — была тяжело больна жена. Азатяну помогли. В стране Сталинской конституции не пожалели средств, чтобы спасти больную от смерти. Когда горе ушло

из дома Азатяна, он задумался. Чем отблагодарить Родину, Сталина? Несколько лет мастер вдохновенно трудился. И вот перед нами подарок Азатяна Сталину — изумительный буфет резной работы: стенки и дверцы украшены рельефными картинами армянской природы, образами героического армянского эпоса «Давид Сасунский».

Безвестный чукча вырезает для Сталина тонкий узор на клыке моржа. В лесах далекого Приморья орочи — сын маленького народа, спасенного советской властью от вымирания, — пишет письмо вождю и вкладывает письмо в чудесную расписную папку из бересты...

Рисовое зерно в крохотной стеклянной пробирке. Пробирка уложена в целую серию футляров все большей и большей величины. Зерно везли в Москву как величайшую драгоценность, как редчайший бесценный камень. И это на самом деле драгоценность. На этом зерне крестьяне-индусы начертали приветствие Сталину от народа Индии. Безвестные народные мастера нанесли на зернышке триста восемьдесят два печатных знака. С помощью искусно приставленной к пробирке лупы можно прочитать слова, с которыми обращаются к другу угнетенных всего мира представители миллионов колониального населения.

Крестьяне Кореи долгие годы прятали в земле от японцев национальный шелковый костюм. Когда японцев прогнали, крестьяне выкопали костюм из земли и прислали его Сталину.

Индейцы Северной Америки охотились в лесах и степях за орлами, чтобы сделать из орлиных перьев головной убор «для великого вождя Сталина». Это было в дни разгрома немцев под Москвой. 27 свободолюбивых индейских племен избрали Сталина своим почетным вождем. Их подарок — знак этого избрания...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 77. Микрофонный материал.

В.И. Качалов[123]

Великий Источник Правды
Выступление

7 мая 1947 г.

Сердечный привет всем, кто сейчас слышит меня. Дорогие друзья! Подумайте только, какое великое открытие подарил нам наш русский ученый Александр Сергеевич Попов.

Представьте себе на минуту жизнь без радио: без того, чтобы можно было услышать новости мира, услышать хорошую музыку. Без возможности где бы ты ни находился услышать спокойный голос Иосифа Виссарионовича Сталина. Не могу себе представить жизнь без радио.

Я часто думаю вот о чем. Наша страна единственная, живущая великой народной правдой. С этой правдой в сердце наш народ выступил против дикой неправды фашизма и уничтожил ее, дикую неправду фашизма. Этот поединок видал весь мир. И каждый человек труда, где бы он ни жил, не мог не задуматься о силе и благородстве нашей правды.

Ну, а люди не любящие правды?! О! Они бы хотели построить вокруг нашей страны великий глухой забор, без единой щели, чтобы никто не мог увидеть нашей дружеской, творческой жизни.

Но радио несет голос нашей Родины через все границы, и к голосу этому прислушиваются все-все, кто ищет правду жизни! Я славлю чудесное русское изобретение радио. Славлю советское радио, несущее в мир нашу великую правду свободной жизни.

РГАФД. № М-IIOI. Вр. зв. 2.30. Магнитная запись.

В.М. Крепс, К.Б. Минц[124]

Клуб знаменитых капитанов[125]

Радиопьеса

21 сентября 1947 г.
10.00–11.00

...Мюнхгаузен. Кто-то сходит с самой верхней полки...

Робинзон. Тише... этот странный незнакомец хочет нам что-то сказать...

Песенка Паганеля

Вам жизнь моя давно знакома,
Мы с вами старые друзья!..
Меня нельзя увидеть дома.
Всегда, всегда в дороге я.
Шуршат страницы фолианта
В библиотечной тишине...
Пусть «Дети капитана Гранта»
расскажут правду обо мне!
Сквозь стекла трубки длинной
Свою я вижу цель.
Таков ваш друг старинный,
Географ Паганель!
Со мною поздно или рано
Всегда случится что-нибудь!
Вот так и на борту «Дункана»
Я совершил случайно путь.
К науке сердцем я прикован!
Мне все невзгоды нипочем,
Я даже был... татуирован,
Хоть тут наука не при чем!
Сквозь стекла трубки длинной
Свою я вижу цель.
Таков ваш друг старинный
Географ Паганель!

Гаттерас (*громко*). Паганель?

Тартарен. Не может быть, мсье и медам...

Гулливер. Будьте столь любезны, и ответьте нам: действительно ли мы имеем честь говорить с самим знаменитым Паганелем?

Паганель. Вы беседуете с Жаком Элиасеном Франсуа Мари Паганелем, секретарем парижского Географического общества, членом-корреспондентом географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены и Нью-Йорка, почетным членом Восточно-Индийского королевского института географии и этнографии, короче говоря, с человеком, который после двадцати лет географических исследований в четырех стенах своего кабинета пожелал стать рядовым бойцом науки...

Тартарен. Как мы рады, месье Паганель, что вы посетили наше общество!

Робинзон. Но каким счастливым ветром занесло вас в «Клуб знаменитых капитанов»?

Немо. И почему у вас в руках чемоданы, дорогой Паганель?

Паганель (*скороговоркой*). Видите ли, мне предложили предпринять любопытную и важную экспедицию. Речь идет о путешествии по следам братьев Шлагнтвайт, полковника Ноу, Вебба, Ходжсона, миссионеров Куха и Габэ, Муркрофтт, Жюля Реми и ряда других знаменитых исследователей... Короче говоря, я намереваюсь исследовать течение реки Яру-Двангбо-Чу, орошающей Тибет!

Гаттерас. Но отсюда тысячи миль до Тибета!

Паганель. Совершенно справедливо... Со мной это часто бывает... В прошлый раз вместо путешествия в Индию я случайно попал на борт яхты «Дункан»... а сейчас, как видите, уже с чемоданами собирался сесть на борт корабля... и вдруг я услыхал вашу игру «Путешествие вокруг света, не выходя из комнаты». Друзья мои, она меня чрезвычайно заинтересовала, и я решил прийти вам на помощь в трудный момент.

Гулливер. Как вы добры и любезны, достопочтенный Паганель...

Робинзон. И как вы всегда во время появляетесь!

Мюнхаузен. Ха-ха-ха... Ох, вы меня уморили, Паганель. Неужели вы знаете, как создавалась карта? Да этого никто не знает — даже я!

Паганель. Я предлагаю вам пари, барон Мюнхгаузен. Я ставлю свою подзорную трубу работы Секстана.

Мюнхаузен. Идет! Я ставлю свою шпагу, сделанную из обломка земной оси!

Немо. Мы слушаем вас, Паганель!

Паганель. Первые карты, которые пробовали начертить люди, были очень мало похожи на современные. И немудрено. Многие сотни лет люди не знали, что такое наша планета — земля, как она выглядит.

Отважные мореплаватели древности — финикияне — плавали по морю без приборов и карт, определяя свой путь по звездам. Вселенная казалась им круглым плоским блином, который сверху прикрыт куполообразным сводом, а под ним движутся облака и звезды.

За шестьсот лет до нашей эры греческий философ Анаксимандр составил первую карту земли. Это была очень смешная карта. Греки верили, что где-то на побережье Африки сидит великан — Атлас и по ведению бога Зевса держит на голове и руках небесный свод. В центре земли было Средиземное море. «Вокруг него люди живут, как лягуш-

ки вокруг пруда», — говаривал один древнегреческий философ. А от берегов Средиземного моря «до самого конца», то есть до того места, где небо сходится с землей, идет во все стороны суша.

Позднее древнегреческий ученый и философ Эратосфен доказал, что земля — шар, и впервые точно вычислил ее окружность. Но и на карте Эратосфена земля — все еще круглый блин, нет ни Америки, ни Австралии, в Азии нет Китая и Сибири, а Европа и Африка сильно искажены.

Немо. Но с годами карта все меняется и становится точнее и полнее, Паганель.

Паганель. Не спорю. Ее создают не только ученые, но и полководцы, предпринимающие многолетние военные походы, и купцы, везущие по суше и по морю во все концы мира свои товары, и путешественники, которые едут в неизведанные страны только затем, чтобы увидеть и описать то, чего еще никто не видел и не описал. За два столетия до нашей эры александрийский ученый Клавдий Птолемей составил карту мира, где впервые были введены понятия о широте и долготе. Эта карта все еще мало похожа на современные, но очертания материков уже более напоминают то, что мы видим на карте теперь.

Однако в средние века человечество забыло многое из того, что уже было ясно людям древности. Снова на картах рисуют плоскую землю.

Если земля — шар, значит, половина людей ходит по ней вверх ногами, как же это может быть? — утверждали невежды средневековья — монахи и лжеученые.

И всякий, кто осмеливался спорить с ними, рисковал отправиться на костер и быть сожженным живым как еретик.

Робинзон. Вы знаете, я еще помню эти времена...

Паганель. Но наука шла вперед неудержимо. Настало время, когда нельзя уже больше рассказывать сказки, что где-то на севере живут странные люди, закрывающиеся нижней губой от солнца, или циклопы, которые завертываются в свои уши, точно в одеяла. Исследователи земли проникали все дальше и дальше на юг, на восток, на север; чукчи и эскимосы чертили им на песке и бересте изображения своих рек, гор и берегов океана, эти рисунки проверялись не один раз и попадали на карту, белые пятна которой таяли с каждым годом.

Так, в течение сотен и тысяч лет создавалась современная карта земли.

Тартарен. Дайте я вас заключу в свои объятья, мсье Паганель!

Робинзон. Я думаю, мы все должны признать победу за Паганелем. Бесспорно, он лучший знаток географии среди нас!

Паганель. Вашу шпагу, барон! Я думаю, она теперь по праву принадлежит мне.

Мюнхгаузен (*ворчливо*). Ну, знаете, Паганель, с таким запасом сведений вы могли бы выиграть не одну шпагу, а целый музей холодного оружия... Но главное не это! А что вы думаете о самом важном...

(*В отдалении кричит петух.*)

Паганель. Я думаю, капитаны, что самое важное сейчас успеть вернуться на свои страницы...

Мюнхгаузен. Тревога! Свистать всех наверх! (*Боцманская дудка.*)

Мюнхгаузен. А признайтесь, капитаны, что я лучше всех отдаю команду? (*Громче кричит петух.*)

Финальная песенка капитанов:

За окошком снова
Прокричал петух...
Фитилек пеньковый
Дрогнул и потух.
Допивайте чашу
В честь далеких стран...
До свиданья — вашу
Руку, капитан!
Снова мы недвижно
Станем там и тут,
Но клянемся честью
Всем, кто слушал нас...
Будем с вами вместе
Мы еще не раз!

(*Задорно, весело кричит петух.*)

Конец.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 64. Микрофонный материал.

Завод заводов

Документальная радиокомпозиция[126]

16 июля 1948 г.
20.00–20.22

Диктор. Пятнадцать лет назад на восточном склоне Уральской гряды, близ Свердловска, вступил в строй завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе.

Уралмаш называют заводом заводов.

Замечательный путь прошел за пятнадцать лет крупнейший машиностроительный гигант — гордость советской индустрии. За это время Уралмаш дал для отечественной промышленности столько продукции, сколько выпустили все машиностроительные заводы царской России за все время своего существования.

В нашей радиопередаче мы расскажем о прошлом и настоящем Уральского завода, о его лучших людях.

У микрофона — главный инженер Уралмашзавода, лауреат Сталинской премии Сергей Иванович Самойлов. Предоставляем ему слово.

Самойлов. 15 июля 1933 года, ровно через пять лет после закладки первого цеха, Уралмашзавод вошел в строй действующих предприя-

тий. Это была огромная победа советской индустрии. Приветствуя строителей и весь коллектив завода, Алексей Максимович Горький писал: «Пролетариат-диктатор создал еще одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик. С каждым месяцем, с каждым годом рабочая энергия все более мощно и грандиозно воплощается в жизнь, творя чудеса трудового героизма. Еще два–три года и вы, товарищи, явитесь непобедимыми для всех врагов, которые и теперь боятся вас».

После войны уралмашевцы быстро перестроили производство на мирные рельсы. Были созданы цехи — буровых машин, экскаваторный, металлоконструкций. Уже в конце 1945 года были выпущены первые мощные нефтебуровые установки, пробуривающие скважины глубиной до трех километров. В прошлом году был начат выпуск трех кубовых электрических экскаваторов. За создание этой конструкции две группы работников нашего завода удостоены Сталинской премии...

На заводе созданы участки высокой производительности, где все рабочие перевыполняют нормы. Уже организован первый высокопроизводительный цех — экскаваторный. За последнее время участки высокой производительности в полтора–два раза увеличили выпуск продукции.

Большое внимание мы уделяем внедрению новой техники и механизации процессов.

Сотни передовых стахановцев уже завершили пятилетние задания. Почетное место среди них занимают старые кадровики завода — токарь Спехов, кузнец Коваленко, лекальщик Чугунов, сталевар Сидоровский, награжденные орденами Ленина, а также зуборез Пономарев, сборщик Демидов и другие.

Сейчас мы заканчиваем первый советский рельсобалочный стан и работаем над изготовлением трубопрокатного агрегата, колесопрокатной установки, больших 150-метровых цементных печей. Вступая в 16-й год своего существования, наш многотысячный коллектив стремится сделать еще больше для дальнейшего развития самого передового в мире советского машиностроения. (*Шум площади.*)

Диктор. Площадь имени Первой пятилетки — центр заводского города. Отсюда расходятся асфальтированные проспекты с многоэтажными каменными домами. Нелегко поверить, что всего двадцать лет назад здесь шумели густые сосны. Впрочем, это время еще живо в памяти многих уралмашевцев.

Мы беседуем с одним из первых строителей завода Павлом Родионовичем Малофеевым. Он пришел сюда двадцать лет назад. Работал арматурщиком. Сейчас он — главный механик Уралмаша. Предоставляем ему слово.

Малофеев. Когда я вместе со своими товарищами пришел на строительную площадку, мы прорубили небольшую просеку, по которой из города доставляли все необходимые материалы для строительства. Эта дорога получила название «веревочка».

В 1929–1930 годах на этой площади были построены первые деревянные здания. А через несколько лет здесь выросли кварталы многоэтажных каменных домов.

Вот прямая, как стрела, тянется улица Культуры. Рядом с ней — улица Машиностроения и проспект Сталина.

Мы не раз видели на нашей стройке ближайших соратников товарища Сталина. Осенью 1931 года здесь был Климент Ефремович Ворошилов. В 1933–1934 годах на строительство приезжали товарищи Калинин, Куйбышев, Каганович, Андреев, Микоян. Они внимательно следили за ходом стройки.

В памяти у всех строителей завода приезд Вячеслава Михайловича Молотова в марте 1932 года. Мы крепко запомнили указание товарища Молотова: «Не вносите в новые цехи традиций старых заводов, старайтесь создать наиболее совершенную форму организации производства». Неоднократно бывал на стройке непосредственный ее руководитель Серго Орджоникидзе. Наш коллектив повседневно чувствует большое внимание и заботу партии и правительства.

Мы досрочно выполнили задание по сборке узлов рельсобалочного стана. Таков наш подарок к юбилею Уралмаша.

Эти дни для меня лично связаны еще с одним знаменательным событием. Я заочно учусь в машиностроительном институте. Несмотря на большую работу в цехе, успешно сдал все экзамены и перешел на третий курс.

Диктор. На соседнем участке производится сборка трехкубового электрического экскаватора для добычи известкового камня, угля и руды. Это огромная машина. 165-тонный великан двумя взмахами ковша полностью загружает шестнадцатитонную платформу. Последние монтажные работы проводит один из наших лучших сборщиков товарищ Неминующий! У вас все в порядке?

Неминующий. Да. Все готово. Можно пускать мотор. (*Шум мотора.*)

Сейчас контролеры осмотрят машину, и сотый экскаватор можно отправлять потребителям.

Мы ежедневно посылаем во все концы страны много оборудования. (*Паровозный гудок.*)

Только что из цеха ушел состав с очередными узлами рельсобалочного стана. Скоро на нефтепромыслы будут отправлены новые буровые установки...

Диктор. Около шести с половиной тысяч рабочих, мастеров и инженерно-технических работников учатся в вузах, техникумах, школах рабочей молодежи, стахановских школах. В вечернем машиностроительном институте обучается около двухсот стахановцев и мастеров завода. Без отрыва от производства они получают высшее образование. Около семисот молодых рабочих занимаются в вечерних школах, готовятся к сдаче экзаменов на аттестат зрелости.

Хорошо умеют уралмашевцы и отдыхать. Особенно многолюдно в заводском дворце культуры имени Сталина. Здесь прекрасно оборудованный театр на 750 зрителей, библиотека, большие комнаты для занятий кружков.

В двадцати четырех кружках художественной самодеятельности принимают участие около тысячи уралмашевцев.

Директор Дворца культуры Сергей Яковлевич Головин говорит:

Головин. Наши лучшие коллективы художественной самодеятельности известны не только всему Уралу, но и далеко за его пределами. 13 лет существует хор русской народной песни, временно руководимый товарищем Княжевым. В нем участвуют сто десять уралмашевцев. В прошлом году отметил свое десятилетие драматический коллектив, руководимый Смирновой. В его репертуаре «Сказка о правде» Алигер, «Обыкновенный человек» Леонова, пьесы Островского. Многие воспитанники этого коллектива успешно выступают на профессиональной сцене. Наш кружковец Трошин — ныне артист Московского Художественного театра. Бывшие участники самодеятельности Александрова и Чикин — актеры Свердловского драматического театра...[127]

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. II. Л. 601–615. Микрофонный материал.

Р.О. Фиш[128]

В великом долгу

Выступление на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня рождения академика Т.Д. Лысенко[129]

2 ноября 1948 г.

Дорогой Трофим Денисович! Весь советский народ, радуясь победе мичуринского учения, в эти дни празднует 50-летие со дня вашего рождения, и наряду с колхозниками, к которым вы непосредственно обращали ваши труды, наряду с учеными, которых вы ведете вперед к новым высотам материалистической науки, разрешите эту общую радость разделить с вами советским писателям. Разрешите принести вам поздравления от имени Союза советских писателей.

С самого начала вашей великолепной деятельности к ней было приковано внимание писателей и журналистов. Совершенно естественно, что советские писатели и журналисты, невзирая на некоторые трудности, по мере своих сил и талантов, пропагандировали дела и идеи Ивана Владимировича Мичурина и ваши, Трофим Денисович.

Совершенно естественно, что менделисты были недовольны позицией широкой прессы, ведь еще в 1930 году со страниц центрального органа нашей партии «Правды» прозвучали едкие и острые фельетоны «Евгеника» Демьяна Бедного, высмеивающие книгу менделиста Серебровского. Еще во время прошлых дискуссий, выворачивая истину наизнанку, проникнутые кастовым высокомерием, менделисты были недовольны позицией нашей печати, в 1936 году менделист Заводовский, негодуя, писал, что «страницы нашей широкой прессы обеспечили идеям Лысенко широчайшее распространение в умах народов СССР».

Да, советская пресса может гордиться тем, что руководимая партией, служа высшим интересам народа, она обеспечила широчайшее распространение в умах народов СССР идеи мичуринской биологии и хоть как-то помогла вам, Трофим Денисович, в вашей замечательной борьбе.

Сегодня мы должны прямо сказать: советские писатели еще в долгу перед народом, потому что нет еще в наших книгах полноценного образа того настоящего ученого сталинской эпохи; ученого, который одновременно — выдающийся исследователь и непременно государственный деятель; ученого, который является плотью от плоти народа; ученого, который иначе не может мыслить, как только партийно. В своем замечательном тосте за науку товарищ Сталин говорил о том, каким должен быть ученый-революционер.

Вся ваша деятельность, весь ваш творческий облик, дорогой Трофим Денисович, ваша служба народу, ваш повседневный научный подвиг показывают в живой замечательной нашей жизни, каким должен быть и какой уже есть выдающийся ученый сталинской эпохи.

Ваша жизнь, ваша работа и деятельность руководимых вами ученых от академии до хаты-лаборатории — вот благодарнейший, благороднейший материал для будущих книг, которые во всем мире за всю историю человечества смогут написать только советские писатели.

Для всех нас, деятелей идеологического фронта, принципиальность и партийность вашего мышления — вдохновляющий нас пример.

Темы ваших научных исследований вы брали непосредственно из прямых заданий партии. Так, в решениях февральского пленума ЦК вам было поручено в течение одного года на площади в миллион гектаров поднять урожайность проса до 15 центнеров, то есть в 3–5 раз. Вы это задание выполнили!

Решением февральского пленума было записано всего год назад поручить вам и руководимой вами академии разработать проблему вегетативного размножения кок-сагыза. И вы это задание выполнили и, выполняя его, двигали вперед науку, открывая все новые закономерности.

В решении февральского пленума было записано: «До настоящего времени колхозы Сибири не имеют зимостойких сортов пшеницы». И хотя это не было прямо вам поручено, вы, Трофим Денисович, сделали так, что нет теперь ни одного сорта озимой пшеницы, который не мог бы перезимовать в Сибири.

Просто удивительно, как много, несмотря на противодействие консерваторов всех мастей, успели вы сделать за 25 лет вашей работы, и второе 25-летие вашей работы вы начинаете тоже с выполнения личного задания товарища Сталина: вы работаете над разрешением проблем ветвистой пшеницы, которая призвана больше чем вдвое, больше чем втрое повысить урожайность наших полей.

Участники исторической сессии были на полях в Горках Ленинских. Они видели эти богатырские нивы, на которых колыхалась гордая, ветвистая пшеница. Потом прошли все в дом, где жил последние годы и скончался великий гений человечества — Владимир Ильич Ленин.

В одной из комнат дома Владимира Ильича в Горках под стеклянным колпаком бережно хранится снопик — маленький снопик маленьких колосьев пшеницы. Эту первую пшеницу, высеянную в Горках, принесли в подарок Владимиру Ильичу крестьяне в 1920 году. Как,

наверное, доволен был Ильич, как улыбался он, разглядывая этот трогательный подарок — пшеницу, возросшую на считавшейся до революции неплодородной земле Подмосковья. Как мечтал он, должно быть, в эти минуты о могучих, налитых крупным золотым зерном колосьях на неоглядных социалистических полях новой россии.

И вот участники сессии в благоговейном молчании стояли в этой комнате у кресла, сидя на котором Владимир Ильич нет-нет, да взглядывал на снопик пшеницы, стоящий на камине. Сюда, в этот дом, к Владимиру Ильичу часто приезжал Сталин. Как был бы он счастлив, если бы мог показать Владимиру Ильичу словно вышедшие из сказки поля неполегающей под бурями ветвистой пшеницы здесь же, в Горках Ленинских, — пшеницы, казалось, далекого будущего, которая волей партии, силой народной науки становится настоящим.

И вот за вашу работу, приближающую полную победу коммунизма, от всех советских писателей и журналистов спасибо, Трофим Денисович! (*Аплодисменты.*)

Товарищи! А вместо адреса будут те книги, которые напишут советские писатели о великом деле мичуринской науки! (*Аплодисменты.*)

РГАФД. № М-92 (7–9), вр. зв. 07.10. Магнитная запись.

М.К. Калатозов[130]

В голливуде
Радиоочерк

30 июля 1949 г.
16.00–16.25.

Мне довелось побывать в одном из знаменитых голливудских клубов на Сан-Сет-бульваре. Этот клуб известен тем, что в нем каждую субботу пытают счастье люди, мечтающие попасть если не в «звезды», то хотя бы в звездную пыль на небосклоне Голливуда. На подмостки этого клуба попадают уже зарекомендовавшие себя таланты. Большей частью это знаменитые иностранные танцоры, певцы, акробаты или молодые американские дарования, завербованные специальными агентствами, ищущими пополнение для Голливуда. Сюда, на смотр свежих талантов, каждую субботу приходят продюсеры, режиссеры и «звезды». Я был в этом клубе вместе со старым жителем Голливуда, по сценариям которого поставлен не один десяток фильмов. Он многое знал об Америке и был интересным собеседником. Он-то и обратил мое внимание на одно лицо среди присутствующих. Это была немолодая женщина, манерная и в то же время поразительно развязная, экстравагантно и пестро одетая. Даже в пестрой толпе этого клуба она резко выделялась.

— Запомните это лицо, — сказал мне мой спутник, — это гангстер в юбке. Ее зовут Лоуэлла Персоне.

То, что я узнал от него об этой женщине, имело прямое отношение к человеку, которого в Соединенных Штатах называют «Преступник № 1». Я имею в виду Виллиама Ренделя Херста.

Херст считает, что не дело прессы заниматься выяснением истины; правда — удел простаков, а задача прессы — возбуждать страсти.

Общеизвестен его ответ корреспонденту Фредерику Релингтону. Релингтон был гордостью Херста. Херст послал Релингтона освещать войну на Кубе. Но корреспондент, приехав на Кубу, послал своему шефу телеграмму следующего содержания: «Херсту. Нью-Йорк. "Джорнал Нью-Йорк". Все спокойно. Не слышно ничего о каких бы то ни было волнениях. Никакой войны не предвидится. Хотел бы вернуться домой. Релингтон».

В ответ на это Херст телеграфировал: «Релингтон. Гавана. Прошу остаться. Присылайте любые фото. Войну сделаю сам. Херст».

Так всю свою жизнь Херст «делал» информацию, которая печаталась американской прессой и выдавалась за правду, за объективное выражение идеалов американского народа.

Как пришел Херст в кино?

Он купил акции «Метро — Голдвин — Маер» («М.Г.М.») и организовал при этой компании выпуск киножурналов «Метро Ньюс». Руководили этими выпусками подручные Херста. Таким образом Херст, по существу, превратил кинохронику в своеобразный филиал своей печати.

Затем Херст организовал «Космополитен пикчерс», выпускающую фильмы с участием его возлюбленной — актрисы Марион Дэвис. Лидерство в республиканской партии Калифорнии, контроль над всей прессой создали Херсту такое положение, при котором наиболее влиятельные хозяева Голливуда искали покровительства Херста.

Осуществляя ту роль, которая отведена ему в мрачном концерте американской реакции, Херст стремился завладеть мыслями всех работников Голливуда.

Где подарками, а где запугиванием и шантажом действовал Херст. Его газеты замалчивали имена одних и создавали шумиху вокруг других.

Продажный и беспринципный хозяин самой отвратительной прессы вскоре стал «первым» человеком в Голливуде.

Херст не зря завоевал Голливуд. «Идеалы» Херста, которые сперва навязывались среднему американцу, посредством газет теперь проникли в фильмы, героем которых стал преуспевающий делец.

Чаще всего в его фильмах варьировалась одна и та же сюжетная схема: бедняк по воле случая становится миллионером.

Итак, простой американец, на которого утром обрушилась ложь херстовских газет и насквозь лживых радиопередач, придя вечером отдохнуть в кино, вынужден смотреть фильм, в котором каждое слово, каждый образ пропитаны той же херстовской пропагандой и ложью.

Лоуэлла Персоне — полномочный представитель Херста в Голливуде.

Но что же связывает «Преступника № 1» с Лоуэллой Персоне?

— Ее карьера, — сказал мой собеседник, — своего рода история Золушки. Правда, жизнь всегда грубее сказки. Много лет тому назад, когда Херст только начинал делать головокружительную карьеру

своей возлюбленной Марион Дэвис, он из ревности застрелил небезызвестного продюсера. Это произошло на яхте Херста во время увеселительной прогулки по океану. На борту яхты были только друзья Херста. В момент убийства никого, кроме Херста, Марион Девис и самой жертвы, в кают-компании не было: все были заняты танцами на нижней палубе. Следствие не установило, кто был убийцей. По существу, следствия даже и не было. Единственным посторонним человеком, знавшим тайну убийства, была официантка Лоуэлла Персоне. Свое молчание она продала за фантастическую карьеру королевы сплетен американской желтой прессы.

— Лоуэллу Персоне в Калифорнии называют цепной собакой «лорда прессы», — продолжал мой собеседник, — это гангстер в юбке, она создает карьеры одним и низвергает в пропасть других.

Херст ловко использовал природу современного капиталистического общества. Он сделал предметом всеобщего смакования и нездорового интереса все, что относится к самым интимным человеческим чувствам и переживаниям. Он создал в своих газетах разделы сплетен. Он издает специальные журналы, посвященные голливудской скандальной хронике.

Теперь каждый лавочник из Небраски или почтмейстер в Канзасе знают, сколько раз любили, женились, изменяли или разводились «звезды» экрана. Неудивительно, что многие из «звезд» делают свою карьеру не сообразно таланту, а в зависимости от того, насколько сенсационна ее (или его) репутация.

С помощью своей широкой агентуры Лоуэлла Персоне коллекционирует эти новости для Херста. Если кто-либо из «звезд» не сообщит ей первой о намерении выйти замуж, развестись или родить, то это может стоить карьеры неосторожной артистке. Если артист не задобрит Лоуэллу дорогим рождественским подарком, это также припомнится ему: на протяжении всей дальнейшей жизни его будут преследовать оскорблениями на страницах прессы или же вовсе замолчат о нем как об актере...

* * *

Через несколько дней я выехал в Нью-Йорк. Там должны были наконец завершиться затянувшиеся переговоры о советско-американском киносотрудничестве...

На встречах говорилось немало приятных слов, после чего переходили от шутливого американского разговора к бизнесу. Все эти встречи и переговоры родили декларацию о добром намерении американских кинодельцов показывать в СССР американские картины и в Соединенных Штатах — советские...

Выяснилось, что американских картин должно показываться на всех экранах СССР сто — сто двадцать в год, относительно же показа советских картин в Соединенных Штатах была полная неопределенность.

Во-первых, нам заявили, что советские картины хотя и очень интересны, но непонятны американскому зрителю, так как в них трактуют-

ся проблемы, связанные с социалистическим укладом жизни. Говорилось также, что советские фильмы противоречат американским идеалам индивидуализма и частной инициативы.

Потом был выдвинут следующий аргумент против показа советских картин в Соединенных Штатах. Нам сказали: «Ваша государственная система великолепна. У вас государство — хозяин; оно прикажет, и все восемнадцать тысяч кинотеатров будут показывать американские картины, а у нас с этим очень плохо! У нас частное предпринимательство. Мы никого не можем заставить показывать ваши картины».

Трудно судить о психологии американской массы, но психология заправил кинематографии была очевидна: проникнуть на советские экраны как можно шире и выгоднее и не допустить советские картины на экраны Соединенных Штатов...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 104. Микрофонный материал.

Вечером после рабочего дня[131]
Радиоочерк

18 августа 1950 г.
18.04–18.31

Диктор. Представьте себе такую сцену — увы! довольно обычную в быту. Куда же нам деваться сегодня вечером?.. Эти вопросы задают себе миллионы молодых людей капиталистического мира. В Мельбурне и Чикаго, Париже и Токио, Риме и Лондоне — всюду, куда проникает растленная американская культура, юноши и девушки обречены на духовную нищету.

Изнуренный, отупевший от бессмысленного однообразного труда, возвращается молодой рабочий домой, что же ждет его вечером, после долгих часов, проведенных у конвейера? Американские фильмы, смакующие убийства, визгливая музыка джазов, книги, восхваляющие гангстеров и «добродетель» банкиров, феерические рекламы, навязывающие наркотики и развращающие зрелища...

Диктор (*другой голос*). Теперь представьте себе другую сцену — самую обычную в нашей советской жизни...

Кончился рабочий день, полный напряженного радостного труда, у проходных ворот слышатся разговоры:

— На лекцию придешь сегодня?

— Непременно. Значит, встречаемся в клубе?

— Поспеши. Через час тренировка.

— Собираемся во дворце культуры — едем в гости к шефам.

— Сегодня не могу — мне вечером в школу.

Много интересных и полезных занятий ждет юношей и девушек после рабочего дня. Партия и правительство делают все, чтобы советская молодежь могла разумно и весело проводить досуг, обогащать себя новыми знаниями, расширять свой политический кругозор. «...советский гражданин, свободный от цепей капитала, — говорит то-

варищ Сталин, — стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Диктор (*другой голос*).

Обойди все страны света,
Все равно к тому придешь,
Что в одной Стране Советов
Всех дружнее молодежь.
Обгоняя даже время
И во всем стремясь вперед,
Наше сталинское племя
На глазах у всех растет!
Изучая все науки,
Мы не любим унывать.
Нам на то и книга в руки,
Чтобы счастье добывать!
(С. Михалков)

Диктор (*другой голос*). Со всех концов нашей страны приходят письма на московский завод «Калибр», это предприятие коллективного стахановского труда...

Мы попросили секретаря комитета комсомола Николая Шеванкова рассказать о том, как комсомольцы организуют досуг молодежи.

Шеванков. День ото дня расширяется кругозор молодых рабочих, разнообразнее становится их духовная жизнь, сейчас на заводе нет ни одного комсомольца, который не изучал бы историю большевистской партии, жизнь и деятельность великих вождей — Ленина и Сталина, произведения классиков марксизма-ленинизма. Более шестидесяти юношей и девушек поступили в техникум и около двухсот — в вечернюю школу рабочей молодежи...

Юноши и девушки завода полюбили комсомольские вечера отдыха, охотно выезжают на массовки. Недавно молодежь механического цеха побывала на станции Хлебниково, ребята расположились на берегу канала имени Москвы, время шло незаметно: играли в волейбол, пели, танцевали. Шахматисты провели небольшой турнир.

Очень охотно посещают молодые рабочие лекции и беседы. По их просьбе была проведена беседа «Ты вступаешь в комсомольскую семью». Лауреат Сталинской премии Николай Российский, побывавший за рубежом, рассказал о борьбе за мир молодежи стран народной демократии, сейчас мы начали цикл бесед о моральном облике советского молодого человека, на заводе создается молодежный лекторий.

Вечером, после рабочего дня, юноши и девушки не скучают. Каждый может найти применение своим способностям: одни проводят свободные часы на заводском стадионе, занимаются в спортивных секциях, другие направляются в клуб, где собираются кружки художественной самодеятельности, любители театра идут на новый спектакль. Пожалуй, невозможно перечислить все, чем увлекаются ребята...

Диктор. Мы в зрительном зале. Через несколько минут начнется репетиция пьесы Максима Горького «Последние». Здесь мы видим не только молодых рабочих, занятых на сегодняшней репетиции, но и других участников драматического кружка.

Евгений Николаевич Феоктистов знакомит нас с Геннадием Баскаковым. Комсомолец Баскаков работает слесарем-сборщиком в цехе микрометров, он большой любитель театра.

— Товарищ Баскаков, много ролей вы уже сыграли?

Баскаков. В кружке я занимаюсь третий год. Конечно, не сразу вышел на сцену, мы много занимались дикцией, мимикой, разыгрывали этюды, знакомились с творчеством великих русских актеров — Станиславского, Качалова, Москвина. Первую роль мне поручили в спектакле «Вас вызывает Таймыр», я играл геолога Гришко. Потом работал над ролью молодого стахановца Николая Веселова в пьесе «Кто виноват». В спектакле «На той стороне» я исполнял две роли — Болдырева и Денисова.

Диктор. А в спектакле «Последние», который сейчас готовится, вы участвуете?

Баскаков. Да, я готовлю роль Александра Коломийцева. Это большая и ответственная работа. Я внимательно знакомился со многими пьесами Горького, читаю критические статьи. Все это помогает мне глубже понять роль.

Диктор. А в театрах вы часто бываете?

Баскаков. Комсомольцы завода нередко устраивают коллективные посещения театров и музеев. Каждый месяц я бываю в театре два–три раза, хотелось бы, конечно, чаще бывать, но времени не хватает, я ведь еще занимаюсь в школе рабочей молодежи. Перешел в восьмой класс...

Пройдемте в зал, где репетирует наш духовой оркестр. Он создан год назад. Руководит оркестром наш старейший производственник Корней Михайлович Листочкин.

Диктор. Корней Михайлович, что вы сейчас репетируете?

Листочкин. Марш «Триумф победителей».

(*Звучит марш «Триумф победителей».*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 18. Микрофонный материал.

Б.С. Ласкин[132]

Дорогие мои москвичи

Радиопьеса[133]

7 ноября 1950 г.
18.00–19.30

Пассажир. Еще до Москвы ехать сколько, а уже огни видны.

Петрович (*напевает*). «Дорогая моя столица, золотая моя Москва».

Екатерина Кузьминична. Ты чего это запел, старый?

Петрович. А я, между прочим, не старый. Это раз. А второе — у меня настроение бодрое.

Пассажир. Это, наверно, потому, что впервые в Москву едете.

Петрович. Нет, милый человек, не угадали. Я Москву частенько навещаю.

Пассажир. По служебным делам?

Петрович. Нет. По семейным. У нас в Москве четыре сына да две дочери.

Пассажир. Чем же они занимаются?..

Петрович. Старший, Сергей, — инженер. Про высотные дома слыхали? Это вот он строит. Другой — Евгений, гражданский летчик. Аркадий — тот в газете работает, в «Вечерней Москве». Еще сын — Юрий. Этот по искусству пошел. Музыку сочиняет.

Пассажир. Так. Это сыновья. А дочки?

Екатерина Кузьминична. Младшая — Наташа — техник по звуковой записи.

Петрович. А старшая, Валентина, — научный работник. Может, вы случайно в газете читали, как одна женщина из зоопарка на воспитание львицу взяла. Это аккурат про Валентину было написано. Дома у ней львица живет, по имени «Сиротка».

Петрович. Приедем мы, старуха, в Москву, отвезу тебя на квартиру к Сергею, а сам Аленку возьму...

Пассажирка. А кто ж такая Аленка?

Петрович. Внучка. Да. Возьму ее для компании и обойду всех наших. Погляжу, как с делами управляются. Одним словом, как в сочинении Гоголя: к вам приехал ревизор. Дома любой из них и похвастаться может, а там, на месте, я все увижу...

(*На фоне оркестрового сопровождения звучит голос диктора поездного радиоузла.*)

Диктор. Говорит радиоузел поезда номер тридцать шесть. Внимание!.. Граждане пассажиры, поезд прибывает в столицу нашей Родины — ордена Ленина город Москву...

(*Музыка.*)

Вера. Вот мы и дома... Раздевайтесь. Сюда чемодан, Владимир Петрович...

Екатерина Кузьминична. Ох, Верочка, хорошо-то у вас как!..

Петрович. Что же вы не написали, что в новую квартиру переехали?..

Вера. Сергей не велел. Пусть, говорит, сюрприз будет...

Петрович. Сколько комнат-то?

Вера. Две. И все удобства.

Петрович. Красота!.. Ну, давай, Аленку скорей показывай...

Вера. Аленушка!.. Дочь!.. (*Гостям.*) Заснула.

Екатерина Кузьминична. Ну, ладно, Верочка не буди, не буди...

Петрович. Супруг-то скоро приедет?

Вера. Задержался немного. Собрание у него сегодня. Ну, а вы пока себя в порядок приводите. Екатерина Кузьминична, вот пожалуйста — ванна-душ...

Екатерина Кузьминична. Пусть уж он сперва, а я поначалу разберусь малость...

(*Слышен звонок.*)

Вера. Сергей приехал. Это его звонок (*Открывает дверь.*)

Сергей (*входя*). Здравствуй, Верочка. Гостей встретила?

Вера (*шутливо*). Так точно, товарищ начальник!

Сергей (*так же*). Вольно!.. (*Проходя.*) Здравствуй, мама. С приездом!.. (*Целуются.*)

Екатерина Кузьминична. Здравствуй, сынок, здравствуй. Дайка я гляну-то на тебя. Вроде похудел малость...

Сергей. Это ты каждый раз говоришь. Как доехали, мама?

Екатерина Кузьминична. Все в исправности, Сереженька. Лучше нельзя...

Сергей. А отец где?

Екатерина Кузьминична. А разве с улицы не слыхать, как он в ванной разоряется?

(*Доносится голос Петровича: «Всю-то я вселенную проехал, нигде милой не нашел...»*)

Сергей (*смеется, стучит в дверь*). Отец!.. Смотри не утони!..

Петрович (*громко, из-за двери*). Сережа, ты? Ничего, не утону. Я возле берега держусь, (*Открывается дверь.*) Здравствуй. О-о, а ну поворотись-ка сынку!.. (*Целуется.*)

Сергей. С легким паром, отец!..

Петрович. Благодарствую. С дороги это дело в самый раз. Мамаша, прошу. Душ к вашим услугам. Пожалуйте, сударыня.

Екатерина Кузьминична. Гляньте, старый-то, старый-то разыгрался!..

Петрович. А у меня настроение бодрое.

Вера. Ну, ладно, соловья баснями не кормят. У меня все готово. Будем ужинать...

(*Музыкальный бой часов.*)

Петрович. Ну вот что, Аленушка, обстановка такая. Утро хорошее, ясное. Папа на работе. Мама с бабушкой хозяйством занялись. А мы с тобой что делать будем?.. Нет ли у тебя такого желания с дедом по Москве поездить...

Аленушка. Ой, поедем, дедушка!.. Поедем!

Петрович. Решено — подписано. Надевай пальтишко. Давай помогу. Та-ак. Теперь шапочку. Вот, хорошо... (*Зовет.*) Вера!.. Мы с Аленой Сергеевной гулять отправимся...

Петрович. Такси!! Такси!..

Шофер. К вашим услугам.

Петрович. Садись, Аленка. Вот. И я с тобой рядом... (*Стук дверцы.*)

Шофер. Куда прикажете?

Петрович. Ну, говори, внучка, куда поедем.

Аленушка. Отвезите нас к папе...

Шофер. А где ж твой папа работает?

Аленушка. Мой папа строит высокий дом.

Шофер. Высоких домов Москве строят много, девочка. И на Смоленской площади, и на Котельнической набережной, и у Красных ворот, и на Ленинских горах...

Петрович. А вот вы нас на Ленинские горы-то и доставьте.

Шофер. Понятно. Строительство Московского университета.

Петрович. Поехали!..

(*Тронулась машина. Бодрая музыка...*)

Петрович. Смотри, Аленушка, красота какая!.. (*Звучит «Песня будущих студентов».*)

Петрович. Как бы нам тут инженера Смирнова Сергея Владимировича найти?

Строитель. Инженер Смирнов? Он скорей всего вон там.

Петрович. На самом верху?.. Ох, оттуда до неба рукой подать...

Строитель. Не беспокойтесь. Все будет в порядке. Заходите сюда, в кабину...

Петрович. Скажи пожалуйста!.. Еще дом не достроен, а уже лифт ходит.

(*Гудение лифта, шумы строительных работ. Остановился лифт. Щелкнула дверь.*)

Сергей. Для нас, товарищ Захаров, график — не формальность, а закон. А насчет качества мы говорить не будем. На наш объект вся страна смотрит. Вот так... (Подходя.) Кто меня зовет? Отец, ты что же не сказал, что приедешь?..

Петрович. А мы уж так решили. Без предупреждения. Ой, высота-то какая, батюшки!..

Сергей. Да, домик не маленький.

Петрович. Голова-то у тебя не кружится?

Сергей. От высоты?

Петрович. От успехов. Быстро строите. В прошлый-то мой приезд — совсем недалеко шестой этаж еще только возводился. А сейчас... Сколько лет на свете живу, а такого не видывал!.. Ты-то, надо думать, здесь не последний винтик. А?

Сергей. Инженер участка.

Петрович. Ну и как он, твой участок?

Сергей. Покамест в числе передовых. На прошлой неделе «Вечерняя Москва» про нас писала...

Петрович. В «Вечерней-то Москве» Аркадий работает. Может, он тебя, как брат брата, по знакомству славит?..

Сергей (*смеется*). Аркадий в другом отделе работает. Он по международным делам...

Петрович. А это-то, что думаешь, не международное дело?.. Я так считаю, что эта вот махина всему миру видна. Да-да!.. Ты вот возьми, в Америке где или там во Франции рабочий в газете прочитает, чего советская власть народу предоставила, и подумает: скоро ли у нас, к примеру в Америке, такое время наступит, когда для моих детей государство подобные дворцы строить будет?.. А ?..

(*Треск пишущих машинок. Звонок телефона.*)

Петрович. Разрешите войти. Это я вам только что звонил.

Машинистка. Присаживайтесь. Он сейчас зайдет.

Аркадий. Анна Николаевна, дорогая!.. Кончили мой международный обзор?

Машинистка. Одна страница осталась, Аркадий Владимирович. Вас ждут...

Аркадий. Батя!! Товарищи!.. Вот так встреча! Ты когда приехал?

Петрович. Вчера.

Аркадий. А как сюда попал?

Петрович. А вот мы с ней объезд семейства делаем.

Аркадий. О-о!.. Алена-малена. Здравствуй. (*Целует.*)

Аленушка. Здравствуй, дядя Аркадий.

Аркадий. Батя, ты меня извини. Я додиктую страничку, а то мне в набор засылать.

Петрович. Давай, сынок, работай. Если мешаем, в коридор выйдем...

Аркадий. Что вы... Вы совсем не мешаете. Аленка, лови конфетку. Вот так!.. (*Машинистке.*) Анна Николаевна, вы где остановились?..

Машинистка. Вот здесь — «Заокеанских поджигателей войны...»

Сотрудник. Привет!.. Маргарита Степановна, перепечатали «Советы огороднику»?

2-я машинистка. Заканчиваю, товарищ Клюев.

Сотрудник. Давайте я для быстроты подиктую.

2-я машинистка. Пожалуйста. Вот отсюда.

Аркадий. Пишите, Анна Николаевна. Абзац. Заокеанских поджигателей войны... (*Треск машинки.*)

Сотрудник. ...следует закапывать не в целом виде, а предварительно разрезать их на части. Точка.

Аркадий. ...Ачесон, Эйзенхауэр, Маршалл, Бредли и проч.

Сотрудник. ...примерно равные доли навоза создают благоприятные условия для роста...

Аркадий. ...безумных захватнических планов. Точка. Абзац. Прямых наследников печальной памяти форрестола...

Сотрудник. ...необходимо вырывать с корнем и отбрасывать в сторону...

Аркадий. ...Джон Фостер Даллес, запятая, которого ...

Сотрудник. ...следует тщательно и своевременно обработать тяпкой или лопатой...

Аркадий. ...приложил немало усилий для разжигания американской агрессии в Корее. Точка. Мистеру Даллесу уместно будет...

Сотрудник. ...отделить верхнюю часть, которую можно с успехом использовать как удобрение...

Аркадий. Абзац. Великое спокойствие советского народа показывает пример такой глубокой веры в народную мощь, перед которой бессильны...

Сотрудник. ...сорняки и вредители всех видов, включая колорадского жука. Точка...

Аркадий. ...Мы уверенно смотрим в будущее и никакая сила не помешает нам...

Сотрудник. ...собирать высокие и устойчивые урожаи.

Аркадий. ...За мир во всем мире. Восклицательный знак. Конец.

Сотрудник. Все. Точка. Спасибо.

Аркадий. Анна Николаевна, у вас правильные часы?

Машинистка. Да, по радио.

Аркадий. Я опаздываю, батя!.. Извини. Мне надо вычитать статью.

Петрович. Давай, давай, действуй. Вот что, завтра вечером приезжай к Сергею. Соберемся всем семейством...

Аркадий. Есть такое дело. Будь здоров. До свидания, Алена-малена!..

Петрович. До свидания. Пошли, Аленушка!

(*Музыка.*)

Диктор. Маршрут героев вам неведом.
Столица очень велика...
В прямом согласии с сюжетом
Аленушка приходит с дедом
В белоколонный ЦДКА

(*Слышны отдаленные звуки настраиваемых инструментов.*)

3-й музыкант. Юрий Владимирович, тут вас спрашивают...

Аленушка. Здравствуй, дядя Юра!

Юрий. Аленушка!.. Ты откуда здесь?

Аленушка. Я с дедушкой пришла. Он там...

(*Шаги по паркету.*)

Юрий. Папа!.. Папа!..

Петрович. Здравствуй, сынок! (*Целуются.*)

Юрий. С приездом!.. Я очень рад, что ты пришел именно сюда. Пойдем... Сейчас оркестр и солисты впервые исполнят мою новую песню. Садись, послушай... Иди сюда.

(*Стук палочки дирижера. Исполняется песня «Москвичи».*)

Юрий. Ну, как папа?

Петрович. Нравится мне, Юра. Хорошо.

Юрий. Я очень рад, папа... Борис Григорьевич, вам не кажется, что медные вот здесь — третья и четвертая цифра — немного форсируют звук?..

Петрович (*доверительно Юрию*). А что ж, если музыка хорошая можно малость и пофорсировать. Дескать, знай наших!... (*Смеется.*) Ну, вот что, Юра. Мы тебе мешать не будем. Работай. Завтра у Сергея на квартире все наше семейство собирается. Приходи.

Юрий. Обязательно.

(*Из тишины возникает рычанье диких зверей.*)

Петрович. Извиняюсь, нельзя ли мне повидать научную сотрудницу товарища Смирнову?

Секретарша. Валентину Владимировну?

Петрович. Так точно.

Секретарша. Ее нет, но она просила вам передать, что оба лося уже оформлены. Вопрос с горными козлами также в принципе решен. Для них уже отведен барьер. Так что, через пару деньков можете привозить.

Петрович (*удивлен*). Кого привозить?

Секретарша. Козлов.

Петрович. Каких козлов?

Секретарша. Горных.

Петрович. Вы меня, конечно, извините, гражданка, только я что-то ничего не пойму. Об каких козлах идет речь, когда я Валентине Владимировне отец родной...

Секретарша. Ой, товарищ, извините. Я была уверена, что вы из «Зооцентра»!

Петрович. Нет. Я с периферии. И козлами покамест не торгую.

Секретарша (*смеясь*). Да, да, я понимаю. Дело в том что Валентина Владимировна не в Москве. Она в командировке в заповеднике Аскания-Нова. Валентина Владимировна ведет там большую научную работу.

Петрович. Так. А вернется-то она скоро?

Секретарша. Ждем со дня на день... А я была убеждена, что вы из «Зооцентра».

Петрович. Понятно. Извините за беспокойство. Всего хорошего.

Секретарша. До свидания...

(*Шум улицы.*)

Наташа. Теперь, Нина, возьми в третьей коробке...

Нина. Вчерашнюю ночную запись?

Наташа. Да. Ставь сразу второй вариант.

(*Исполняется лирическая песня.*)

Нина. Ну как?

Наташа. Все в полном порядке. Запись отличная. И песня очень хорошая. Лирическая такая...

Нина. У тебя и настроение сегодня лирическое, и глаза задумчивые...

Техник (*входя*). Товарищ Смирнова, к вам пришли.

Наташа. Кто?..

Техник. Интересный мужчина.

Наташа (*взволнованно*). Высокий? С цветами?..

Техник. Невысокий. С девочкой. (*Зовет.*) Гражданин заходите сюда. (*Стук двери.*)

Наташа. Папа!.. Здравствуй!..

Петрович. Ты уж извини, Наташа, что мы тебя от дела оторвали, но такой уж план у меня сегодня — всех своих повидать.

Наташа. Я Сергею домой звонила. С мамой разговаривала. Молодцы что приехали. Садитесь.

Петрович. Да я на минутку. Это что ж такая за машина?

Наташа. Магнитофон, он дает идеальную запись, папа. На этой пленке мы записываем оркестры, певцов, целые спектакли, а потом транслируем их в эфир.

Петрович. Интересно. Вроде как пластинка, только еще... Техника!.. Наташа, ты когда работу кончаешь?

Наташа. Минут через пятнадцать.

Петрович. Тогда прошу тебя — Аленушку к Сергею завези домой, а я в аэропорт поеду. Женя сегодня прилетает.

Наташа. Хорошо...

Радиорупор. Внимание! Говорит радиоузел аэропорта. В честь отлета спортивной делегации исполняется «Спортивный марш». (*Звучит «Спортивный марш».*)

Радиорупор. Производится посадка на самолет № 4995 Москва — Ашхабад. (*Голоса.*)

1-й. Роман!.. Как прилетишь, прямо сходу начинай снимать для «Новостей дня». Материал присылай самолетом.

2-й. Понятно. Говорят, на них здорово укачивает...

3-й. На этих самолетах не укачивает.

2-й. Причем тут самолеты?... Я про верблюдов говорю, когда по пустыне поедем, по трассе.

1-й. Ерунда!.. Держись за горб и думай о работе!..

Петрович. Товарищ летчик, можно вас на минуточку?..

Евгений. Слушаю вас. О, отец!.. Здорово, дорогой!... (*Целуются.*)

Петрович. Здорово, здорово! Ой, ой!.. С пенсионерами надо бы поаккуратнее!.. Раздавишь.

Евгений (*смеется*). Да, тебя раздавишь!.. Ты что, прилетел, что ли?..

Петрович. Поездом вчера с матерью приехал. А я смотрю, ты столько верст отмахал, а вид хороший, вроде и не устал.

Евгений. Привычка.

Петрович. Пассажиров привез. Что за люди?

Евгений. Советские люди, батя. Строители. На многих линиях летал и повидал многое. Такое, дорогой мой, страна строит, что с земли и взглядом не охватишь! А подымешься тыщонки на две — такая ширь перед тобой откроется, что и словами не расскажешь...

(*Музыка. Слышны голоса, смех, звон посуды.*)

Екатерина Кузьминична (*постучав ножом по тарелке.*) Тихо! ...Позвольте уже мне, старой, сказать несколько слов... Дети мои дорогие! Приехали мы со стариком в кругу своего семейства праздник отметить. Сидим мы сейчас сообща в твоей квартире, Сережа, за этим вот хорошим богатым столом, и в душе у меня большая радость от того, что все вы, сыны мои, дочки мои родные, все до одного в люди вышли.

Петрович. Правильно! Да ежели бы мне до революции гадалка бы наворожила, что вот, дескать, Петрович, будет у тебя один сын главный инженер, а другой — композитор музыки, я бы сказал: иди, бабушка, иди... Только по правде-то ведь никто мне моего счастья не нагадал. Обо всем народ распорядился. Советская наша власть...

Вот я смотрю на вас, вижу вы на отца улыбаетесь: чего, дескать, старый длинную речь завел?.. Дело, мол, известное, все нормально. Это правильно: для нас это нормально, а ведь кое-где от этого большое беспокойство. В Америке-то этот очкастый думает: беда мне со старым Смирновым и со всем его семейством — люди коммунизм строят, им каждый день росту прибавляет. Надо, вроде, войну заварить...

А только народ наш говорит — нет!.. Тому не бывать. Мир победит войну!..

Дети мои, каждый раз, когда в Москву еду, рассуждаю так: еду в дом родной. Приезжаю, вижу — дома все в порядке!

Давайте подымем свои бокалы за самый правильный наш советский порядок, за мир, за счастливую нашу жизнь.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 14. Д. 169. Микрофонный материал.

С.Г. Лапин

Провал лживой американской радиопропаганды

Беседа

7 мая 1951 г.
21.27–21.42.

В начале марта Трумэн вновь обратился к американскому конгрессу с просьбой увеличить ассигнования Государственному департаменту для радиопередач «Голоса Америки». На этот раз президент просил дополнительно девяносто семь с половиной миллионов долларов. За последние два года Госдепартамент неоднократно получал дополнительные ассигнования на радиопропаганду. Но каждый раз при обсуждении расходов «Голоса Америки» в Вашингтоне возникает изрядная перепалка между частью конгрессменов и сенаторов, с одной стороны, и Госдепартаментом — с другой. Каждое новое требование денег на радиопропаганду вызывает пререкания, споры и обследования. И на этот раз бюджетный комитет палаты представителей решил поторговаться и урезал в десять раз смету добавочных расходов на американские заграничные радиопередачи.

Нет никаких оснований заподозрить американский конгресс и его комитеты в скупости. Разумеется, в Вашингтоне отлично понимают, что расходы на американскую радиопропаганду — составная часть военных расходов США. Почти всюду, где создавались и создаются американские военные базы, быстро вырастают мачты мощных радиостанций. Всюду, где действует план Маршалла, национальное радиовещание перестраивается на американский лад, и лучшие технические средства передаются для ретрансляции лживых передач «Голоса Америки». Споры и дискуссии по поводу бюджета «Голоса Америки» объясняются весьма просто. Даже в Вашингтоне не могут не видеть, что рост расходов на американскую радиопропаганду не увеличивает популярности «Голоса Америки»...

Недавно в Париже на одном из секретных совещаний по вопросам пропаганды американские и французские специалисты пришли к выводу, что пропаганда «Голоса Америки» чаще всего достигает результатов противоположных тем, на которые она рассчитана.

Участники совещания определили «Голос Америки» как «нерентабельное предприятие» и настаивали на том, чтобы пропаганде «Голоса Америки» была придана «хотя бы видимость правдоподобия».

После того как началась открытая американская интервенция в Корее, перед американской радиопропагандой были поставлены задачи — скрыть от народов правду о событиях в Корее, ввести в заблуждение общественное мнение. Но эта задача явно не по силам радиопропагандистам Вашингтона. Один американский комментатор, сетуя на трудности своей профессии, как-то справедливо заметил, что «бомбы — плохое средство завоевания друзей и оказания влияния на людей». Даже американская реакционная печать не в состоянии скрыть глубокого беспокойства по поводу неудач американской пропаганды в связи с интервенцией в Корее и американской агрессивной политикой в Европе...

Года полтора назад в связи с резкой критикой «Голоса Америки» в конгрессе Ачесон пообещал развернуть «тотальную пропаганду». Критика на время поутихла. Госдепартамент получил новые миллионы долларов на радиопередачи «Голоса Америки». В конце прошлого года, когда провал «тотальной пропаганды» стал очевиден для каждого, Ачесон пообещал развернуть «психологическую войну». При Госдепартаменте было создано так называемое «Национальное управление психологической стратегии». Предполагалось, что это Управление обеспечит централизацию американской пропаганды и предложит новые, более действенные приемы обмана и лжи.

Новое Управление предложило провести пышно разрекламированный «Крестный поход за свободу». С большим шумом этот поход был начат Эйзенхауэром и Клеем. Все было предусмотрено: сбор подписей под так называемыми «свитками свободы», специальные радиопередачи с колокольным звоном, сбор средств на строительство новых радиостанций в Европе и так далее. Однако «поход», как и следовало ожидать, бесславно провалился... Мутными потоками лицемерия и лжи невозможно прикрыть агрессивную сущность американской политики, так же как нельзя прикрыть флагом ООН кровавую интервенцию в Корее.

Долгое время американская пропаганда пыталась доказать будто передачи «Голоса Америки» отражают мнение американского народа. Теперь и это, правда, чисто символическое, прикрытие снимается с американской радиопропаганды. «Голос Америки» открыто предстает перед всем миром как голос морганов и рокфеллеров.

Американским миллиардерам, жаждущим войны и сверхприбылей не удается опутать ложью народные массы и навязать народам свои агрессивные планы. Новые миллионы долларов не помогут «Голосу Америки». Простые люди всех стран усиливают бдительность и все более уверенно и решительно разоблачают и бойкотируют продажных пропагандистов войны.

ГА РФ. Ф. 6903, Оп. 12. Д. 301. Л. 509–515. Микрофонный материал.

«Великая река, великий путь...»
Радиорепортаж о параде судов речного флота в день открытия Волго-Донского канала[134]

27 июля 1952 г.

Корреспондент. Митинг окончен, начинается парад судов Волго-Донского речного флота, который выстроился в кильватерную колонну на Волге. Взоры всех присутствующих устремляются к великой русской реке: здесь, на крутом ее повороте, правый берег как-то незаметно переходит в откосы нового канала, из-за Сардинского острова показывается теплоход «Иосиф Сталин». Чудесный монументальный ансамбль, оформляющий вход в канал, вырастает на пути теплохода, проделавшего путь от священных стен Кремля до стен героического Сталинграда. Напротив величественной скульптуры това-

рища Сталина, на зеленом мысе Сардинского острова возвышается ослепительно белый маяк, указывающий путь в канал судам, плывущим по Волге.

Мимо этого белоснежного сооружения, с его врезанными в цоколь рострами, сейчас проходит теплоход. Затаив дыхание, тысячи людей с высокого берега следят за его продвижением. Вот теплоход в сопровождении судов Волго-Донского речного флота, участников парада, уже входит в канал, и перед ним вырастает огромная триумфальная арка, поднимающаяся над основанием первого шлюза. Золотом горят начертанные на ней слова «Слава великому Сталину!». Гостеприимно открыты ворота шлюза, и на фоне голубого неба, на фоне белоснежной арки мы отчетливо сейчас видим протянутую с берега на берег красную ленточку. Еще несколько секунд, и, перерезав ленточку, теплоход «Иосиф Сталин» откроет навигацию на великом Волго-Донском водном пути.

(*Гудки пароходов.*)

Корреспондент. Под торжественный салют гудков всех пароходов, теплоход «Иосиф Сталин» входит в Волго-Донской канал имени Владимира Ильича Ленина.

(*Гудки пароходов.*)

Корреспондент. Теплоход «Иосиф Сталин» вошел в судоходный Волго-Донской канал и направляется к первому шлюзу. Впереди перед нами триумфальная арка канала.

(*Гудки пароходов.*)

Корреспондент. У самого входа в триумфальную арку с берега на берег переброшена красная лента. Мы приближаемся сейчас к этой ленте под громовую овацию народа, заполнившего берега канала.

(*Крики «ура!», аплодисменты, звуки духового оркестра.*)

Корреспондент. Наступает торжественная минута, министр речного флота товарищ Шашков разрезает ленту .

(*Гудки пароходов, звучит Гимн СССР в исполнении духового оркестра.*)

Корреспондент. Теплоход «Иосиф Сталин» медленно входит в сборы первого шлюза.

(*Крики «ура!». Аплодисменты.*)

РГАФД. № 5134. Вр. зв. 13–00. Магнитная запись.

Партитура похорон И.С. Сталина

[5 марта 1953 г.]

От исполнительного комитета московского совета депутатов трудящихся

По случаю кончины Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА Исполнительный Комитет Московского Совета объявляет в Москве 6-е, 7-е, 8-е, 9-е

марта сего года днями траура и извещает, что все спектакли, киносеансы, концерты и другие увеселительные мероприятия в Москве в эти дни отменяются.

ИСПОЛКОМ МОСКОВСКОГО СОВЕТА
(*время 22.40*
22.42
23.04
23.07)

6 марта 1953 г.

От Комиссии по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина.

Гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина установлен в Колонном зале Дома Союзов.

Доступ в Колонный зал Дома Союзов открыт с 4 часов дня 6-го марта.

Читали: 1.15.35 — 2 раза Сообщение о доступе в КЗДС
2.15.57 — 2 раза
3.15.55 — 2 раза
4.16.34 — 2 раза
5.17 00 — 1 раз
6.17.30 — 1 раз
(*Читал Герцик.*)

Трудящиеся столицы!

Доступ в Колонный зал Дома Союзов для прощания с Иосифом Виссарионовичем СТАЛИНЫМ открыт круглосуточно.

Маршрут для прохождения к Дому Союзов установлен следующий: от Садового кольца по улице Чернышевского до Покровских ворот и далее по Бульварному кольцу к Трубной площади, Петровским и Страстным бульварами до Пушкинской улицы.

При движении к Дому Союзов просьба соблюдать организованность и порядок.

(*время 21.10–21.12*
О. Дмитриева,
21.25–21.27
О. Дмитриева,
21.49–21.51
О. Дмитриева,
22.48–22.50)

Репортаж из Колонного зала Дома Союзов в 21.35 — не было, а было в 22.30 (папки не было) № пленки II — 82935.

(*время 1.01.17*)

Призывами Коммунистической партии, партии Ленина — Сталина живет сейчас наш народ. В эти скорбные дни поклянемся как один отдать свои силы, всю нашу жизнь священной борьбе за торжество ком-

мунизма, за счастье народов, как учил нас своим примером дорогой Иосиф Виссарионович. Мы непоколебимо пойдем вперед, и, если кто посмеет стать на нашем пути, всякого, кто попытается остановить нашу работу, народ уничтожит.

Вечная слава великому человеку, бессмертному, горячо любимому отцу — товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину!

Сталин всегда с теми, кто живет во имя счастья простых людей, кто борется за мир во всем мире.

Великая утрата застилает слезами наши глаза.

В эти скорбные дни все люди нашей страны стали еще ближе друг другу.

Великое братство народов, воспитанных гением Сталина, великая объединяющая сила партии — свидетельство бессмертия Сталина, бессмертия его дела!

Все мы, советские люди, должны сплотиться вокруг нашего Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, вокруг нашего советского правительства!

Выступление народной артистки СССР Т.Ф. Макаровой[135]

Товарищи!

Советский народ и все свободолюбивые народы мира переживают сейчас великое горе. Перестало биться сердце самого большого, самого прекрасного человека — нашего любимого Иосифа Виссарионовича Сталина.

Всю свою сознательную жизнь мы прожили, освещаемые светом его ясного ума, его доброго огромного сердца.

Он научил нас беззаветно любить свою Родину, трудиться на благо своего народа, отдавать все силы, ум, знания во имя высокой и светлой цели.

Товарищ Сталин учил нас беззаветно служить своему народу — так, как всю свою жизнь служил он народу сам.

Товарищ Сталин учил нас быть мужественными, такими, каким он всегда был сам.

Товарищ Сталин учил нас быть скромными, всегда сам являясь примером скромности.

Кому хоть один раз выпало видеть великого человека и великого друга человечества — Иосифа Виссарионовича Сталина, тот никогда не забудет его дружеских и простых слов, его мудрых советов, его лучистого взгляда, ободряющей доброй улыбки.

Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ Сталин открыл глаза на единственную и великую силу правды трудящимся всего мира.

Имя Сталина навсегда останется для благодарного человечества символом правды и справедливости.

Выступление народного артиста РСФСР Александра Евгеньевича Хохлова[136]

Трудно найти слова, выражающие всю нашу скорбь, нашу боль.

Весь советский народ, все прогрессивное человечество живет в эти дни одним чувством — чувством утраты лучшего друга всех трудя-

щихся, всех честных людей мира, величайшего человека нашей эпохи — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Но разве Сталин и смерть совместимы?!

Сталин — победа, бессмертие. Сталин — великий соратник Ленина, творец нашей партии и государства, с ним наша страна одерживала величайшие победы. Он столько лет стоял у руля и своей волей и твердой рукой провел нашу строну через тягчайшие испытания. Он — человек великой воли и великого сердца — указал нам путь к коммунизму.

Разве такое сердце может перестать биться? Нет, оно бьется в миллионах человеческих сердец и будет биться в веках.

Бесконечна скорбь, и тяжела утрата... Но его жизненный подвиг столь велик, что он победил смерть. Сталин жив, он с нами. С нами его гениальное учение. С нами партия Ленина — Сталина. Наш долг, наша святая обязанность — быть верными сталинским заветам, продолжать каждому на своей работе дело его жизни — построение коммунизма.

Выступление Анненкова[137]

Неразрывно связана жизнь советского человека с именем товарища Сталина. Вся красота советского человека, его высокий моральный облик, его беззаветная любовь к Родине, его подвиги связаны с вдохновляющем именем лучшего из лучших в мире людей, мудрого учителя жизни — товарища СТАЛИНА.

Святое дело — построение коммунизма. Этому великому делу отдал свою жизнь товарищ Сталин.

Товарищ Сталин привел советский народ к победе социализма в нашей стране, товарищ Сталин привел советский народ к победе над фашизмом в Великой Отечественной войне, товарищ Сталин вооружил нас программой строительства коммунизма. В этот тяжелый момент советский народ, воспитанный товарищем Сталиным, живет одним — сплотившись под руководством коммунистической партии, каждым своим шагом служить делу Ленина — Сталина, строительству коммунизма в СССР.

Неугасимый огонь зажег товарищ Сталин в душе советского человека: этот огонь, освещающий человечеству путь к коммунизму, будет разгораться все больше, и нет силы, которая могла бы помешать этому.

Колонный зал Дома Союзов. Сейчас у гроба товарища Сталина сменился воинский караул. Плотно сжаты губы солдат, прямо вперед устремлены взоры. Тяжело солдатам стоять у гроба своего полководца. Среди них есть и те, которые выполняли его волю, шли по его гениальному плану, завершая битву под Сталинградом.

Мимо гроба в скорбном молчании проходят в людском потоке жители Сталинграда, приехавшие проститься с великим вождем и полководцем.

Сталинград. Город-герой. Гениальное сталинское полководческое искусство, вписанное золотыми буквами в военную историю, дважды принесло нам великую победу под стенами это города.

Первенцем первой пятилетки был Сталинградский тракторный завод, построенный по мысли товарища Сталина. Рука Сталина начертала на сталинградских просторах линии лесозащиты. Его гений решил то, что стало величественным сооружением эпохи, — Волго-Донским каналом имени Владимира Ильича Ленина. Заботясь о счастье советских людей, он указал место, где сейчас возводится плотина Сталинградской ГЭС.

Великие замыслы Сталина мы выполним. Порукой этому — морально-политическое единство советского народа, его твердая решимость идти вперед и вперед.

16 алых бархатных полотнищ с гербами союзных республик вокруг гроба товарища Сталина. Сюда, к Колонному залу, в эти скорбные дни устремлены взоры народов всей нашей страны, взоры людей всего мира, всех людей, жаждущих жить свободно. 16 союзных республик, призванных к социалистической жизни гением Ленина и Сталина, принесли в Колонный зал клятву хранить как зеницу ока нерушимую дружбу советских народов.

Над изголовьем товарища Сталина склонено большое знамя с Гербом Союза Советских Социалистических Республик и надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Народы Советского Союза верны знамени пролетарского интернационализма. Народы Советского Союза укрепляют и развивают братскую дружбу.

Выступление народного артиста СССР Р.Н. Симонова[138]

Горе, великое горе постигло человечество. Умер Сталин. «Наш дорогой и любимый друг и учитель» — так обращались к Иосифу Виссарионовичу миллионы людей. Этими простыми словами определялась великая любовь, которая жила в сердцах детей, юношей, стариков во всех уголках земного шара к гениальному гражданину-человеку Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Сталина нет.

Мы склоняем свои головы перед памятью любимого вождя и учителя и клянемся чтить твою светлую память не словами, а делом — так, как учил нас в скорбные дни смерти Владимира Ильича Ленина Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Каждый честный человек в мире будет трудиться на своем посту, помня заветы Сталина, который звал нас к миру, к борьбе за счастье детей, за высокие гуманистические идеи человечества. Единство и сплоченность вокруг Советского правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, держащих в руках всепобеждающее знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — вот к чему призывает нас бессмертный СТАЛИН примером величественной и светлой жизни.

(*На фоне музыки.*)

В этот зал, что зовем мы Колонным,
Что известен народам земли,
Если б можно пройти миллионам,

Сто и двести и триста б пришли.
Отовсюду — с далекой Чукотки
И с Памира, от снежных хребтов,
Шли и шли бы печальной походкой
Бесконечною цепью годов;
Шли бы рядом солдаты Кореи,
Что слезою глаза обожгли.
И, оставив на миг батареи,
Добровольцы б китайские шли;
Шли бы войны — дети Вьетнама,
Партизаны, борцы Филиппин,
Шли б по-воински тесно и прямо
От лесов, из-за рек и вершин.
Шли бы матери Гавра, Лиона,
Как бы ни был тернистым их путь,
Чтобы в траурном зале Колонном
На защитника мира взглянуть;
Посмотреть на того, кто о детях
Так заботился сердцем своим,
Что на тысячи тысяч столетий
Будет вечно, как солнце, любим;
Шли б индусы Бомбея и Дели.
Мог бы длиться безмерно поход,
Чтоб запомнить глаза, что смотрели
Так тепло на индийский народ!

Не верится! Голова и сердце не могут, не хотят воспринять того, что случилось. Ушел от нас дорогой и всем нам родной Иосиф Виссарионович Сталин.

Некоторым из нас посчастливилось близко видеть Иосифа Виссарионовича Сталина, видеть его лицо, его добрую улыбку, его мудрые глаза и даже пожать ему руку.

Но и те из нас, кто близко не видел Иосифа Виссарионовича, ежедневно ощущали его любовь, его внимание и заботу к человеку.

Мы воспитаны Сталиным. Он всю жизнь боролся за единство партии, единство советского народа, и борьбу за это единство он завещал нам. В эти трудные дни еще теснее сплотимся вокруг нашей партии и Советского правительства.

М.: Идут люди, и из глубины сердец вырываются слова, исполненные любви и горя: «Родной!», «Отец наш!».

Старик, убеленный сединами, на мгновенье остановился у гроба и сказал:

— Ровесник! Как же это ты?! Возьми у меня сердце — оно твое!

Ж.: Уходя, люди оглядываются, чтобы навсегда запечатлеть в памяти такие знакомые и близкие черты сталинского лица. На пороге зала поднимают головы, и в глазах их, и во всей осанке нетрудно прочесть, что горе не сломило людей, а еще больше сплотило.

Отвечая на Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии, Советского правительства, они не пожалеют сил, чтобы

выполнить заветы Ленина и его гениального продолжателя — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Колонный зал Дома Союзов.

Мимо гроба, где в своем военном кителе лежит Сталин, непрерывным потоком идут и идут советские люди. Многие тысячи людей разных возрастов и профессий уже прошли за эти траурные дни через Колонный зал Дома Союзов. А поток все нарастает.

А людской поток все течет и течет и, кажется, нет ему конца. Многие москвичи всю морозную ночь провели на улице, чтобы принести сюда, в зал, одетый в траур, свою беспредельную любовь Сталину, свою безграничную преданность партии Ленина — Сталина.

Монолитно, величественно выглядит поток советских людей, спаянных единством цели, величайшим единодушием.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

У гроба великого Сталина советские люди клянутся непреклонно идти по указанному им пути — по дороге к коммунизму.

Слово о Сталине — это Слово,
Хранимое каждым из нас сердечно,
Вечно оно, и свежо, и ново,
И справедливо, и человечно.
Слово о Сталине — это Вера,
Та, что живет в нас не остывая,
Чувство победы, сила примера,
Исповедь сердца, всегда живая.
Сердце шахтера — в душе поэта,
В думах колхозного бригадира.
Сталин — это источник света,
Символ счастья, труда и мира.

7 марта 1953 г.

Непрерывно сменяется почетный караул. Его несут ткачихи и академики, металлурги и писатели, машиностроители и архитекторы, строители и студенты, представители партийных, советских и общественных организаций всех районов столицы.

В числе стахановцев московских предприятий в почетный караул становится прославленный мастер Краснохолмского комбината депутат Верховного Совета Союза ССР Александр Чутких. Поздно вечером он закончил трудовую вахту, а затем пришел в Колонный зал Дома Союзов, чтобы сказать последнее прости тому, кто вдохновил и выпестовал стахановское движение, которое под руководством товарища Сталина превратилось в мощный рычаг нашего движения вперед.

— Со скорбью в сердце я пришел сюда, — говорит Александр Чутких. — Но в душе моей твердая вера. Советский народ еще теснее сплотится вокруг Коммунистической партии и Советского правитель-

ства. Мы выполним заветы великого Сталина и построим в нашей стране коммунизм.

Ночью, среди другой группы стахановцев, мы видели знатного бригадира обувной фабрики «Парижская коммуна» лауреата Сталинской премии Лидию Корабельникову.

— Никто никогда столько не делал для народа хорошего, сколько сделали Ленин и его верный друг и соратник Сталин. Работать по-ленински, работать по-сталински — долг всех нас. В эти тяжелые для нашей Родины дни моя бригада увеличила выпуск продукции, улучшила качество.

(*На фоне музыки.*)

Говорит Москва! Колонный зал Дома Союзов.

Сегодня, как и вчера, к нему со всех концов столицы стекаются живые человеческие реки. Ни поздним вечером, ни глубокой ночью не прекращался этот многотысячный людской поток у гроба Иосифа Виссарионовича Сталина, который был так близок и дорог каждому советскому человеку. С глубоким волнением вглядываются советские люди в дорогие черты, чтобы запечатлеть их навеки.

Под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина наша партия, наш многонациональный советский народ построил социализм в своей стране.

Иосиф Виссарионович Сталин указал и предначертал ясный и верный путь к величайшей цели человечества — коммунизму.

Знамя великого Ленина долгие годы держал в своих могучих руках и понес дальше его лучший ученик, самый верный соратник и гениальный продолжатель его дела — Иосиф Виссарионович Сталин.

В долгие годы грозных битв и героического труда великий Сталин закалил славную партию коммунистов и выпестовал стальную когорту своих верных учеников и соратников.

Знамя великого Сталина передано в верные, сильные руки, которые бесстрашно понесут его дальше и по начертанному Сталиным пути донесут до великой цели и победоносно водрузят над сияющей вершиной коммунизма.

В тысячелетиях бессмертным будет имя Великого Сталина!

Бессмертным будет его великий труд, величайший подвиг, когда-либо совершенный человеческим гением.

(7III 33 Д/9 — 6077 — хр. 5 м.

Время 21.29–21.32) Литер.

Слушайте выступление писателя Вилиса Лациса[139]

Умер самый великий, самый дорогой и любимый человек на земле, гениальный зодчий коммунизма, совесть человечества. Перестало биться сердце великого строителя нового мира, мира общечеловеческого счастья и справедливости. Как никто другой, он любил человечество и посвятил всю свою изумительную героическую жизнь великой борьбе за создание лучшего мира — мира счастья для всех тех, которые трудятся. Но не могло умереть и никогда не умрет бессмертное дело Сталина, его гигантский бессмертный труд.

В.И. Ленин в Кремле
у звукозаписывающего
аппарата. Москва.
29 марта 1919 г.

А.В. Луначарский перед
рупором записывающего
аппарата в помещении
«Центропечати».
Москва. 29 марта 1920 г.

Радиофикация
Советского Союза.
Жители села слушают радио.
1925 г.

Голос Москвы

А.Я. Закушняк.
[1918 г.]. РГАЛИ

М.Л. Старокадомский.
2 января 1927 г. РГАЛИ

Н.Н. Асеев.
1927 г. РГАЛИ

Н.С. Нароков.
1927 г. РГАЛИ

А.В. Февральский.
Лето 1928 г. РГАЛИ

Э.П. Гарин.
1929 г. РГАЛИ

Н.Р. Эрдман.
[Конец 1920-х — начало
1930-х годов.] РГАЛИ

А.Я. Таиров.
[Начало 1930-х годов.] РГАЛИ

В.Б. Шкловский.
[1930 г.] РГАЛИ

М.З. Цейтлин.
[1930 г.] РГАЛИ

О.Н. Абдулов в радиостудии.
1931 г. РГАЛИ

О.Н. Абдулов в радиостудии.
1931 г. РГАЛИ

Афиша радиокомпозиции Б.Л. Пастернака «1905 год». РГАЛИ

А.Н. Афиногенов.
1931 г. РГАЛИ

Артисты радиопередачи
«Октябрятская звездочка».
[1934 г.]. РГАЛИ

В.С. Канцель.
1935 г. РГАЛИ

В.А. Сперантова.
[1930-е годы.] РГАЛИ

Опера Мусоргского «Женитьба». [1930-е годы.]
В центре сидят на стульях: Н.П. Аносов, дирижер, И.И. Ипполитов-Иванов, И.Я. Судаков, режиссер. РГАЛИ

Е.А. Юзвицкая (вторая справа) с актерами Радио-трама: М. Койфман, З. Груздевой, Ник. Поповичем, Ю. Фроловым и др.
11 июня 1935 г. РГАЛИ

Б.Л. Горбатов.
1936 г. РГАЛИ

В.В. Вишневский.
[1937 г.] РГАЛИ

М.П. Михайлов, З.А. Бокарева
в радиостудии. 1935 г. РГАЛИ

В.Д. Марков.
[1937 г.] РГАЛИ

Квартет имени Глинки Всесоюзного радиокомитета.
Слева направо: А.М. Хазин (1-я скрипка), П.Я. Шольц (2-я скрипка),
А.В. Багринцев (альт), М.А. Калужский (виолончель),
Альшерман (концертмейстер). [1940 г.] РГАЛИ

Е.А. Юзвицкая в группе слушателей курсов дикторов
местных радиокомитетов. 17–19 февраля 1940 г. РГАЛИ

О.Ф. Берггольц в Ленинградском радиокомитете.
Справа Яков Бабушкин. 1941 г. РГАЛИ

В.М. Гусев. Весна 1941 г.
РГАЛИ

Н.Г. Фрид, В.Н. Козлинский, Е.Н. Соковнин. 1941 г. РГАЛИ

О.Н. Абдулов.
[1940-е годы.] РГАЛИ

С.С. Прокофьев,
Москва, 1943 г. РГАЛИ

А.Л. Кубацкий, Р.Я. Плятт, Л.Г. Пирогов, Н.В. Литвинов.
[1940-е годы.] РГАЛИ

О.Ф. Берггольц.
Лето 1945 г. РГАЛИ

В.М. Инбер.
1947 г. РГАЛИ

Н.С. Тихонов.
Рисунок А. Игнатьева.
Автографы и надписи
на рисунке:
«Вечер в Союзе Советских
писателей. А. Игнатьев»;
«Наш закаленный
в боях за родной Ленинград
поэт и председатель
на обсуждении
7-XII-44». РГАЛИ

Д.Н. Орлов на концерте,
г. Иваново.
29 января 1947 г. РГАЛИ

А.А. Остужев.
[Конец 1940-х — начало
1950-х годов.] РГАЛИ

Ю.А. Завадский и С.В. Михалков.
[Конец 1940-х — начало 1950-х годов.] РГАЛИ

В.Е. Ардов.
[1950-е годы.] РГАЛИ

Портрет Р.М. Иоффе.
Рисунок Г. Успенской-Малининой. 31 марта 1956 г.
РГАЛИ

Н.В. Литвинов.
[1947 г.] РГАЛИ

Р.М. Иоффе.
1961 г. РГАЛИ

Л.А. Кассиль.
[1960-е годы.] РГАЛИ

Р.Я. Плятт в радиостудии.
[1960-е годы.] РГАЛИ

Вечер, посвященный радиопередаче
«Клуб знаменитых капитанов». [1960-е годы.] (№№ 1–4) РГАЛИ

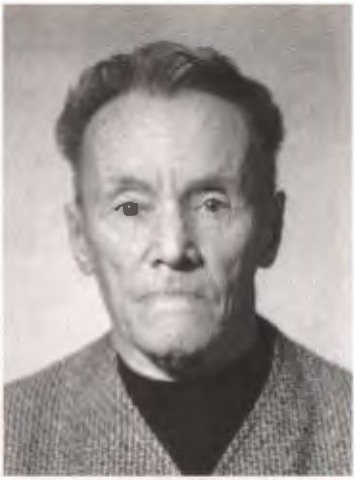
№ 1 Р.Я. Плятт

№ 2 Оскар Фельцман. РГАЛИ

№ 3 В.А. Сперантова

№ 4 Е. Весник

Р.В. Зеленая.
1966 г. РГАЛИ



С.М. Богомазов.
[1970-е годы.] РГАЛИ

К.М. Симонов и И.С. Рахилло
на вечере, посвященном
75-летию со дня рождения
В.В. Маяковского в ЦДЛ.
18 июля 1973 г. РГАЛИ

О.Ф. Берггольц и И.С. Рахилло
на вечере, посвященном
75-летию со дня рождения
В.В. Маяковского в ЦДЛ.
18 июля 1973 г. РГАЛИ

М.И. Жаров в радиостудии. [1970-е годы.] РГАЛИ

В.М. Крепс на вечере, посвященном 75-летию со дня рождения В.В. Маяковского в ЦДЛ. 18 июля 1973 г. РГАЛИ

Д.Б. Кабалевский на вручении премии Ленинского комсомола. 1978 г. РГАЛИ

Е.А. Благина. [Конец 1970-х годов.] РГАЛИ

Вместе с великим Лениным товарищ Сталин создал великую партию коммунистов и образовал первое в мире социалистическое государство.

8 марта 1953 г.

От Комиссии по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина

Комиссия предупреждает, что похороны Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина состоятся на Красной площади в понедельник, 9 марта с.г., в 12 часов дня.

Доступ в Колонный зал Дома Союзов прекращается с 2-х часов ночи.

Делегации трудящихся районов города Москвы, участвующие в похоронах Иосифа Виссарионовича Сталина, собираются на свои сборные пункты в районах и следуют на Красную площадь организованно по установленным маршрутам.

Доступ на Красную площадь лиц, идущих по специальным пропускам, прекращается в 9 часов 30 минут.

Движение всех видов транспорта, за исключением автомашин со специальными пропусками, будет прекращено в районе центральных площадей в 8 часов утра; в кольце «А» — в 9 часов утра и в пределах Садового кольца — в 10 часов утра.

8 марта 1953 г.

Третий день идут у гроба великого вождя и учителя народов всего мира — Иосифа Виссарионовича Сталина — бесконечные колонны трудящихся, и нет конца человеческому потоку, как нет границ народной скорби. К Дому союзов всю ночь двигались вереницы людей.

В Москву прибывают посланцы республик, далеких городов и сел. Вчера на гроб Иосифа Виссарионовича возложили венки делегации Узбекистана, Казахстана, Латвии, Карело-Финской Республики. Глубокой ночью прибыли делегации Закарпатской Украины, Харьковской области, Краснодарского края. Рано утром в зал вошли делегации Марийской Республики.

В Колонном зале, неумолкая, звучат печальные мелодии оркестров.

Сменяя друг друга, в почетном карауле стоят лучшие люди столицы, посланцы братских республик. В 12 часов ночи на траурную вахту у гроба Иосифа Виссарионовича стали товарищи Маленков, Берия, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин, Шверник.

Не убывая, проходит через Колонный зал людской поток. Советский народ прощается с гениальным продолжателем дела Ленина,

мудрым вождем и учителем. У гроба товарища Сталина советские люди дают клятву еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета и Советского правительства, мобилизовать все силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Льются скорбные звуки в Колонном,
Бесконечен народный поток,
А за ним всей земли миллионы,
Мир труда, что могуч и высок,
Мир свободы, что Сталиным создан,
Что сплотила великая Русь,
Нерушимый союз краснозвездный,
Богатырский Советский Союз,
Нашей партии воля и сила,
Взгляд орлиный, что вечно остер.
Наша Родина, наша Россия,
Все шестнадцать республик-сестер!
Пусть советская крепнет держава,
К коммунизму простерта рука.
Слава Сталину, вечная слава
И бессмертье ему на века!

У гроба стоят ленинградцы, руководители колхозов, знатные люди союзных республик, индийцы в своих национальных костюмах.

Народ отдает последний долг своему учителю и другу.

Когда мы возле гроба проходили,
Последний раз прощаясь молча с ним,
Мы вспоминали о великой силе
Того, кто тих сейчас и недвижим.
О том, как жил он — лучший на планете,
Который побеждал в любой борьбе,
Который думал про всех на свете
И слишком мало думал о себе.
А горе так сердца людей сближает
Как радостный не может сблизить час,
И руки крепко весь народ сплетает,
На сталинскую вахту становясь.
Ты поведешь нас от побед вчерашних
К великим зорям завтрашних побед.
Ты, партия бессмертных и бесстрашных,
Наш сталинский Центральный Комитет!

Передать 9 марта в 6 часов утра 2 раза подряд.

От Комиссии по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина

Комиссия извещает трудящихся, что о дне доступа в Мавзолей на Красной площади будет объявлено особо.

...50–52 (2 раза)
...10 раз.
... 2 раза
(время) 7.37–7.39 (2 раза)
8.20–8.22 (2 раза)
14.44 (2 раза)
15.03 (2 раза)
15.22–15.23 (2 раза)
16.23–16.24
17.34–17.35
18.19 (2 раза)
20.33–20.34

Программа передач «Последних известий» на 10 марта 1953 г.

13.45–14.02 — Статья тов. Берута (из «Правды»)
16.00–16.10 — «Последние известия»
17.30–17.45 — Отклики (из газет)
18.00–18.10 — «Слово прощанья» Л. Леонова и отклики (из «Правды»)
19.00–19.20 — «Последние известия»
21.20–21.40 — «Последние известия»
23.30–23.59 — «Последние известия»

16.30–17.01 — Музыка. *Панфилов*
17.01–17.27 — Камерный концерт. *Шашкова*
17.31–18.01 — Концерт оркестра народных инструментов. *Панфилов*
18.07–18.17 — Концерт из произведений Грига. *Шашкова*
18.17–18.58 — Концерт. *Панфилов*
19.00 — Симфонический концерт. Д 33. *Петров*
19.30 — Сцены из спектакля Московского театра драмы «Путь в грядущее». Д 33. *Иванова*
20.35–21.05 — Концерт оперной музыки. *Шашкова*
21.05–21.18 — Фортепианные пьесы. *Шашкова*
21.20–21.41 — Последние известия. *Соловьева, Панфилов*
21.41–22.01 — Чайковский. Увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта».
22.01–22.30 — Русские песни. *Дубравин, Соловьева*
22.30–22.54 — Концерт инструментальной музыки
22.55 — Симфонический концерт
23.30 — Музыка народов СССР. *Богомолов*
00.05 — Симфонический концерт. *Кириллов*
00.35 — Концерт оперной музыки. *Емельянова*

Программа центрального радиовещания
на 10 марта 1953 г.

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА

6.04 — Отчет о похоронах. *Чхисов, Нелина*
6.25 — Музыка. *Нелина*
... — *Чхисов. Нелина*
7.00 — Последние известия. *Толстова, Матвеев*
7.20 — Музыка. *Лазученкова*
8.00 — Материалы из газет. Отчет о траурном митинге на Красной площади, речи т.т. Маленкова, Берия, Молотова. *Левитан*
9.00 — Музыка. *Отъясова*
9.30 — Статья Мао Цзедуна. *И. Левитан, Гольдини*
9.56 — Музыка. *Измайловская*
... — *Гольдини*
11.00–11.42 — Материал из газет. *Отъясова*
11.43 — Музыка (по ...). *Гольдини*
... — *Фомичев, Измайлова*
... — *Отъясова*
12.00–12.59 — Материалы из газет. Отчет о траурном митинге на Красной площади, речи т.т. Маленкова, Берия, Молотова и другие материалы. *Левитан*
13.00–13.46 — Музыка. *Измайловская*
13.47–14.06 — Материалы из газет. *Шумаков, Викторова*
14.07–14.31 — Музыка. *Фомичев*
14.32–14.46 — Материалы из газет. *Викторова, Шумаков*
15.00 — Перерыв.
15.45 — Программа передач на 11 марта (для узлов и местных радиокомитетов). *Шашкова*
16.00–16.13 — Последние известия. *Черных, Тобкаш*
16.00 — Последние известия. *Отъясова, Боков*
16.10 — Концерт. *Измайловская*
16.30 — Материалы из газет. *Шумаков, Викторова*
16.45 — Концерт. *Панфилов*
17.30 — Материалы из газет. *Кириллов, Соловьева*
17.45 — Концерт. *Панфилов*
18.00 — Литературная передача (выступления). *Шашкова*
18.15 — Концерт. *Фомичев*
19.00 — Последние известия. *Викторова, Тобкаш*
19.20 — Концерт. *Шашкова*
20.00 — Беседа. *Тобкаш.*
20.30 — Концерт. *Фомичев*
21.30 — Последние известия. *Тобкаш.*
21.50 — Концерт. *Соловьева*
22.30 — Последние известия. *Чхисов, Нелина*
23.05 — Концерт. *Лазученкова*
23.50 — Последние известия. *Толстова, Матвеев*
00.00 — Концерт. *Галаев*

ГА РФ.Ф. 6903. Оп. 11. Д. 702а. Микрофонный текст.

А.В. Софронов[140]

Возмездие
Выступление

23 декабря 1953 г.
19.23–19.28

С чувством величайшего гнева советские люди прочли сообщение Прокуратуры СССР, изложившее состав преступления изменника родине Берия и шайки его сообщников, подлых заговорщиков, вознамерившихся поднять руку на самое святое — на нашу Родину.

Весь подлый клубок гнусных преступлений, которые творили эти выродки в течение долгих лет, маскируя и скрывая свое подлинное лицо, вызывает у каждого человека ярость и единодушное чувство омерзения. Подонок и предатель Берия вынашивал в своем гадючьем сердце планы захвата власти и реставрации капитализма в нашей стране. Его подручные, бандиты и проходимцы Меркулов, Кобулов, Деканозов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский послушно выполняли повеления своего главаря. Зная, что они не имеют никакой опоры в народе, смертельно ненавидя наш народ, они пытались посеять ядовитые семена национализма, поссорить народы нашей страны с великим русским народом. Подлые торгаши и карьеристы, они хотели ввергнуть в ярмо иноземного рабства наши народы, лишить наших детей, прекрасную советскую молодежь радости свободной жизни. Захватив командные посты в органах Министерства внутренних дел, они пытались стать над Коммунистической партией, над Советской властью.

Нет предела подлости, заполнившей их продажные душонки! Бесконечен список их преступлений перед советским народом, Коммунистической партией, нашим государством.

Звери в человеческом облике, они, как и всегда в таких случаях, глубоко просчитались. Всевидящее око партии разглядело врагов. Их схватили за руку, скрутили и поставили перед лицом нашего правосудия.

Возмездие наступило!

Трепещут в смертельном ужасе их трусливые мелкие душонки, липким холодным потом покрываются подлые изменники, сгибаясь под тяжестью неопровержимых улик. Они пытались запираться, юлить, уйти от ответа, вывернуться.

Не удалось! И никогда не удастся! Еще видны следы их тяжких злодеяний, преступлений без счета, без числа.

И нет им пощады, и не может быть им милости, изменникам и предателям.

Советский народ, его великое и благородное правосудие по заслугам воздаст, каждому, сметет и растопчет подлую банду заговорщиков во главе с преступником против человечества Берия.

Да будут прокляты их имена!

В эти дни каждый из нас с огромной благодарностью обращает свои взоры к Коммунистической партии, к ее мудрому и несгибаемому Центральному Комитету, разоблачившему преступника Берия и его банду: весь советский народ, каждый из нас, рабочий или колхозник,

деятель науки или культуры, — все мы со своей Коммунистической партией, преданные ей, своему государству, своему народу, сердцем, делами, каждым вздохом, всей своей жизнью!

И никогда и никаким гадюкам типа Берия и его приспешников не погасить солнца нашей счастливой жизни!

Да здравствует солнце, да скроется тьма![141]

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 237. Л. 437–439. Микрофонный материал.

Две страницы истории эстонии[142]
Документальная радиокомпозиция

15 декабря 1953 г.
18.00–18.26.

1-й диктор. Идет лишь второе десятилетие с того знаменательного дня, когда над Эстонией взвилось знамя Советов, но республика прошла уже такой яркий и длинный путь, что недавнее прошлое кажется далекой-далекой историей.

Канули в вечность времена, полные народного горя, народной печали. Совсем иным стал облик Эстонии, она светится нынче радостью созидания коммунизма, счастьем обретенной свободы. Новая жизнь еще отчетливее выступает в сравнении с тем, что знала Эстония в годы буржуазного владычества. Воскресим в памяти страницу прошлого, сопоставим ее с нынешними делами народа Советской Эстонии...

(*Возникает мрачная музыка, символизирующая буржуазную Эстонию.*)

2-й диктор. Пожелтевшие, покрытые пылью времен буржуазные газеты... Крикливые заголовки... наглые рекламы... хвастливые сообщения... Но за всем этим ощущается растерянность, тревога — тревога за будущее... Перед глазами встает Эстония, зажатая в костлявую руку опустошительного кризиса...

Номер газеты «Пяэвалехт» от 5 ноября 1933 года... Напрасно искать в нем правдивой картины жизни народа, но нет-нет да и прорвется на страницы буржуазного листка тень мрачной действительности... Внимательный читатель обнаружит на пятой странице газеты скупые строки, которые скажут ему о старой Эстонии больше целых полос.

Чтец. «На ситцевой фабрике ликвидирована вторая смена. Еще совсем недавно машины здесь гудели до десяти часов вечера. Теперь жизнь здесь замирает в половине четвертого дня... Люди уволены...»

Так было!

(*Возникает мрачная музыка и быстро уходит. Аккорд арфы. Слышится шум текстильных машин.*)

1-й диктор. Мы находимся в цехах той же ситцевой фабрики, только теперь она называется комбинатом «Балтийская мануфактура». В прядильном цехе нас познакомили со старой работницей Эльвиной Тульп... Товарищ Тульп, давно вы работаете здесь?

Тульп (*говорит по-эстонски, диктор переводит*). Товарищ Тульп говорит, что она на «Балтийской мануфактуре» с 1925 года, пришла

сюда еще молодой... Так что скоро тридцать лет будет, как она трудится на этом производстве.

1-й диктор. Непрерывно тридцать лет?

Тульп. Нет, с перерывами... как кризис — тебя за ворота! Помню, в тридцать третьем году разразился кризис. Нас пачками выгоняли... Утром идешь на работу, а у самой сердце заходится: а вдруг уволят? Ведь без куска хлеба останешься!

1-й диктор. Как сейчас идет работа?

Тульп. А сами взгляните! Сколько в нашем цехе света и воздуха!.. А машины? Вы знаете, что это за машины? Ташкентского завода! Работать на них — одно удовольствие. Я обслуживаю три агрегата, зарабатываю столько, что мы с дочкой уже подумываем о покупке автомобиля «Москвич». А главное — я спокойна за будущее, мне и старость не страшна. Я уже сейчас получаю дополнительно к заработной плате пенсию... Раньше меня за ворота выставляли, а сейчас мой портрет на почетную доску вешают. Нужный я человек на фабрике!.. Очень меня радует, что правительство решило увеличить выпуск...

(*Фон уходит. Аккорд арфы.*)

2-й диктор. Много следов человеческого горя хранят столбцы одного номера «Пяэвалехт». И тут же рядом в глаза бьет нахальная реклама, сенсационные заголовки... Перед нами типичная растленная пресса, источающая яд, ослепляющая глаза, убивающая ясность мысли...

(*Возникает джаз*).

Чтец.

— Кино «Сатурн» — только сегодня и завтра: «Вальс в спальном вагоне»...

— Пойман одиннадцатилетний преступник!

— Кто убийца?

— Кино «Орион»: «Петер Фосс — похититель миллионов...»

— «Кто хочет знать день сошествия Христа на землю и конца света? Теперь это уже близко! Последний зов к тебе, придешь — не пожалеешь!»

— Кино «Би-Ба-Бо»: Грета Гарбо — «Ночная королева Будапешта». Сенсация!

— Дансинг-кабаре «Астория»...

— Пееп — истинный пророк и ясновидец! Раскрывает счастье жизни... С точностью до одного дня!

(*Джаз уходит. Появляется и усиливается радостная, жизнеутверждающая мелодия.*)

1-й диктор. В шесть часов вечера оживают многочисленные клубы, дома культуры и красные уголки Таллина... Вспыхивают огни в театрах и кино... Советская власть создала все условия для здорового и культурного отдыха...

(*Фон — мелодия на виолончели.*)

Мы в клубе работников торговли... В одной из комнат занимаются музыканты. Есть здесь, кроме того, хор, кружки народного танца, драматический кружок, кружок изобразительного искусства. Каждый найдет себе занятие по вкусу, по способностям...

(*Музыка народного танца.*)

Группа девушек разучивает народные танцы. Раньше они были в загоне, их третировали. Сейчас чудесное народное искусство во всех своих видах переживает пору расцвета. Девушки танцуют старинный народный танец. По-новому выглядит он в этом красивом, уютном зале, полном света и счастливых улыбок. Старинный танец словно подчеркивает путь, который прошел за эти годы народ...

1-й диктор. Давно ли газеты донесли до народа постановление Советского правительства и Коммунистической партии о расширении производства продовольственных товаров, а на предприятиях Эстонской ССР уже могут рассказать вам о том новом, что выпускается для населения.

Вот что рассказал директор Таллинского мясокомбината товарищ Ланберг о том, какие новые продукты выпускает сейчас комбинат, насколько увеличилось производство мясных изделий.

Ланберг. Мы значительно увеличили выпуск колбас. Так, с августа по ноябрь этого года выработка колбас возросла на комбинате более чем в два раза. Расширился и их ассортимент. Так, в группе фаршированных колбас выпускаем: глазированную, экстра, слоеную, прессованную, языковую и многие другие. Увеличился выпуск высших сортов вареных колбас: любительской, докторской, столичной, белорусской. Впервые таллинцы получают краснодарскую колбасу. Начато изготовление телячьих и в десять раз увеличивается производство ливерных колбас...

(*Звучит музыка из «Берега бурь».*)

Расцветает эстонская музыка, на которую «не хватало» денег у буржуазных правителей прежней Эстонии. В период буржуазного рабства была написана только одна национальная опера. Композиторы Советской Эстонии создали четыре оперы и один балет. Мы пригласили к микрофону композитора Эдгара Арро...

Арро (*говорит по-эстонски, диктор переводит*). Никогда наши композиторы не работали над таким большим количеством крупных произведений, как сейчас. Народный артист республики Густав Эрнесакс завершает работу над созданием оперы «Рука об руку». Лео Нормет создал оперу «Свет в Коорди», которая будет поставлена весной в театре «Ванемуйне». Над новой оперой, посвященной борьбе за мир во всем мире, трудится Вилем Рейман. Новые симфонии пишут Эуген Капп и Вилем Капп. Анатолий Гаршнек закончил свою первую симфонию и пишет ораторию. Лидия Аустер трудится над национальным балетом «Тийна»...

Мы хотим запечатлеть в музыке пафос и красоту нашей замечательной эпохи!

(*Финал из оперы «Берег бурь».*)

Диктор. Две страницы истории — две эпохи, два строя. Как далеко ушла Советская Эстония за годы новой жизни. На ее примере явственно видны преимущества социалистического строя, способного влить могучие силы и в малый народ.

Сейчас эстонский народ пишет самую замечательную страницу своей истории.

(*Финал из оперы «Берег бурь» усиливается, звучит в полную мощь.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 237. Л. 451–462. Микрофонный материал.

Ю.А. Семенов[143]

Новое снижение розничих цен[144]

Беседа

1 апреля 1954 г.
19.23–19.29

Сегодня в газетах опубликовано Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары».

Шесть раз за послевоенные годы снижались государственные розничные цены на товары народного потребления. В результате этого уровень розничных цен уже до нынешнего снижения цен был в два с лишним раза ниже, чем в четвертом квартале 1947 года.

Последовательное ежегодное снижение цен на товары — важнейшее средство повышения жизненного уровня рабочих, крестьян, служащих. Все советские люди уже получили огромные выгоды от того, что на свои заработки, на свои доходы они с каждым годом могли покупать возрастающее количество продовольственных и промышленных товаров.

Седьмое по счету снижение розничных цен имеет большое значение для дальнейшего повышения благосостояния советского народа. Постановление партии и правительства о снижении цен на товары учитывает интересы всех слоев советского общества. Снова подешевел основной продукт питания населения — хлеб. Цены на ржаной хлеб понижены на восемь процентов, на пшеничный хлеб, булки, баранки, макароны, лапшу — на пять процентов. На двадцать процентов подешевели летние плательные хлопчатобумажные ткани. Значительно дешевле стала обувь, галоши, сапоги. Намного снижены цены на ряд галантерейных и спортивных товаров, готовую одежду, трикотаж, на культтовары и игрушки, на товары хозяйственного обихода и на строительные материалы.

Сегодня за те же деньги можно купить больше товаров, чем вчера.

В результате нового снижения цен население нашей страны получит прямую выгоду за год только по линии государственной и кооперативной торговли (не считая колхозной торговли) в размере не менее двадцати миллиардов рублей.

Вновь повышается покупательная сила советского рубля. Вновь возрастает реальная заработная плата рабочих и служащих, улучшается положение пенсионеров и стипендиатов. Доходы колхозников значительно увеличатся в связи с тем, что розничные цены на ряд изделий социалистической промышленности снижены, а заготовительные и закупочные цены на многие сельскохозяйственные продукты были недавно повышены.

Неуклонный рост благосостояния советского народа вытекает из самой природы социалистического строя. Политика систематического снижения цен — это не временное, случайное и преходящее мероприятие Советской власти. Это одна из главных основ всей политики Ком-

мунистической партии и Советского правительства. Партия и Правительство твердо и последовательно проводят намеченную программу повышения жизненного уровня народа, отвечающую требованиям основного экономического закона социализма.

Новое снижение цен стало возможным благодаря непрерывному подъему социалистической экономики. Мощный подъем всех отраслей народного хозяйства, непрерывный рост производительности труда, снижение себестоимости продукции — вот та гранитная основа, которая позволяет Советскому государству снижать цены на товары народного потребления. Трудящиеся СССР, своим самоотверженным творческим трудом умножая богатства Родины, создали материальные предпосылки непрерывного повышения своего благосостояния.

Решения сентябрьского и февральско-мартовского пленумов ЦК КПСС и последующие важнейшие постановления партии и правительства предусматривают дальнейшее мощное развитие социалистической экономики, крутой подъем сельского хозяйства и производства предметов народного потребления.

Успешное осуществление исторической программы, намеченной Коммунистической партией, обеспечивает создание в ближайшие годы в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой и пищевой промышленности. Это позволит еще лучше, еще полнее удовлетворять растущие материальные и культурные потребности советского народа.

Последовательное снижение розничных цен, проводимое партией и правительством, — яркое и убедительное подтверждение великих преимуществ социалистического строя и его превосходства над строем капиталистическим.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, навсегда избавил себя от ужасов и потрясений капиталистического строя, от кризисов и безработицы, от нищеты и бесправия. С каждым годом новыми, полнокровными силами наливается наша Родина.

Советский человек уверенно и бодро смотрит в свой завтрашний день. Трудящиеся СССР горячо поддерживают и воплощают в жизнь политику Коммунистической партии, выражающую коренные жизненные интересы народа.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 293–296. Микрофонный материал.

Для советских женщин
Радиожурнал № 1[145]

29 апреля 1954 г.
11.15–11.59

Диктор. В московском ГУМе. Утро. Солнце выглянуло сквозь дымчатые облака и быстро развеяло морозную пелену тумана.

Семь часов сорок пять минут утра. Еще тихо на торговых линиях ГУМа. Здесь отчетливо слышен мелодичный перезвон кремлевских курантов.

Взвиваются шелковые шторы широких витрин. Продавцы занимают свои рабочие места в секциях и салонах. И вот раскрылись дубовые двери ГУМа, и людской поток начинает разливаться по галереям и балконам. Пройдем и мы по линиям магазина, посмотрим, как идет здесь торговля...

Во всю длину ГУМа, а это целый квартал от улицы 25-го Октября до улицы Куйбышева, расположены отделы с предметами домашнего обихода. Тут мебель, которую выпускают все крупные фабрики страны, хрусталь, фарфор, фаянс... Много покупательниц в секциях тканей, трикотажа, готового платья. На каждом шагу они чувствуют, что о них здесь думают, заботятся. На помощь приходят продавцы, консультанты, с которыми можно посоветоваться о том, какое пальто, платье, шляпа больше к лицу, какой фасон лучше выбрать...

Что этой весной будут носить женщины, какие покрои платья будут наиболее модными — ответы на эти вопросы покупательницам подсказывают большой экран, где, непрерывно сменяя друг друга, проходят кадры специального диапозитивного фильма, выкройки и журналы мод, которые продаются здесь же.

(*Запись.*)

Ведущий. Как в отделе тканей, так и в других секциях и отделах ГУМа мы встречаем представителей фабрик, продукция которых продается в универмаге. Они приходят сюда, чтобы лучше ознакомиться с запросами потребителей, выслушать их замечания, предложения.

В секции шерстяных тканей, где особенно бойко идет торговля, мы знакомимся с художником-диссинатором московской тонкосуконной фабрики «Освобожденный труд» Софьей Самойловной Черняк.

Софья Самойловна, вы, очевидно, не впервые в ГУМе. Как продукция вашей фабрики, пользуется она здесь успехом?

Черняк. Наши ткани не лежат долго на полках универмага. Они очень быстро раскупаются.

Ведущий. И что говорят о них покупатели? Вы, должно быть, интересовались этим?

Черняк. Покупатели просят, чтобы к весенне-летнему сезону наша фабрика выпускала больше тканей светлых тонов...

ГА РФ. Ф. 6093. Оп. 12. Д. 238. Л. 484–486. Микрофонный материал.

Б.Л. Горбатов

Поездка на целину
Выступление

16 марта 1955 г.
21.30–22.24.

...Рано зимой наступают сумерки в Северном Казахстане, зажигая в небе огоньки то там, то здесь. И вот над вами черное небо, усеянное звездами.

Прорезая светом фар ночную темь, по извилистой дороге катится автобус. Пассажиры молча всматриваются в темноту ночи, из «глаз-

ков» заледенелых стекол — степь, степь, которой, кажется, нет ни конца, ни края. «Десять часов уже едем, а так редки селения», — говорит кто-то. «Целина», — коротко заметил шофер. И опять тихо.

Ветер усиливается. Шофер, что-то невнятно забормотал, похоже было, что он выругался.

— Что вы? — спросили его.

— Да поземка потянула, будь она неладна, — ворча, ответил водитель. — Поземка в степи.

Через несколько минут можно было видеть, как автобус, содрогаясь всем своим телом, пытался пробиться сквозь снег, наметенный поземкой на дорогу. Задние колеса его быстро вращались, тщетно пытаясь найти точку опоры.

Пятнадцать пассажиров с криками «раз-два, взяли!», налегая плечами на корпус автобуса, с трудом сдвинули машину с места и выкатили ее на твердую уже дорогу.

— Спасибо, ребятки, спасибо, — благодарил водитель, — молодцы! Дружно сработали. Ведь вон сколько намела эта самая поземка. Узнали теперь, что такое поземка в степи?

— Узнали, — тяжело дыша и вытирая влажные головы, весело ответили пассажиры.

Наш неразговорчивый водитель заметно оживился.

— Вот молодцы! — не унимался он.

— Почему же молодцы?

— А потому, что я-то думал: вы так только, стихи там... прочитать, ну там, на пальчиках побегать по сцене, а вы вон как голосисто — «раз-два» и, почитай, пятьдесят метров протащили машину. Молодцы! Молодцы!

Так выехали из Кустаная в Джетыгаринский район на свой первый концерт для тружеников сельского хозяйства, осваивающих новые земли, артисты Большого и Малого театров в декабре месяце 1954 года.

За месяц нашей работы в четырех районах — Кустанайском, Джетыгаринском, Орджоникидзевском и Тарановском — мы сыграли сорок четыре концерта, провели несколько встреч с самодеятельными коллективами, рассказывая им о наших театрах, о мастерах, о системе Станиславского, устраивали репетиции и уроки по гриму.

Сейчас, когда поездка уже позади, когда за месяц пройдено на машинах около двух с половиной тысяч километров, приятно, очень приятно вспомнить наши зимние гастроли в Северном Казахстане...

Новая сельскохозяйственная техника, виденная нами на бесконечных платформах, стягиваемая к паркам МТС, новые мощные тракторы... Вспоминается многое, а главное... Главное, конечно, люди — тысячи самоотверженных, красивых духовно и физически людей, поднимающих целину.

Я забыл вам сказать, что Малый театр послал бригаду своих артистов для обслуживания тружеников сельского хозяйства в Кустанайскую область вторично. Первый раз бригада Малого театра выезжала в мае–июне месяце. Мы тогда обслужили своими концертами и спектаклями три области: это Северо-Казахстанскую, Кокчетавскую и Кустанайскую. И вот буквально тогда, просто по пятам, как говорится,

вслед за новоселами, мы приехали к ним в гости. И вот это было особенно ценно для них, потому что они говорили тогда, что Москва рядом, не так уж далека от них Москва. И вот мы с большим удовольствием тогда поработали. И сейчас нам было тоже очень приятно выехать во второй раз, потому что мы опять же ехали в знакомую нам Кустанайскую область.

После концерта мы беседовали с трактористами-передовиками братьями Михаилом и Александром Храминьми, они сказали, что в новом году план поднятия целины увеличен еще на 4300 га.

Мы дружески пожимаем руки трактористу Владимиру Лихнобатову, Ивану Зайцу, Владимиру Пилипчику. Они остались после концерта, чтобы побеседовать с нами, узнать московские новости. Со многими мы знакомы, встречались, как я уже сказал, не так давно, шесть месяцев тому назад. Они благодарят нас, очень рады, что Малый театр прислал свою бригаду к ним уже во второй раз. Механизаторы просят приехать к ним и в третий раз.

— Как можно быстрее, — добавляет кто-то басом и получает всеобщее одобрение.

А в сторонке, на сцене, сидят и беседуют два человека — артист Малого театра Борис Попов и шофер Александровской МТС Анатолий Григорьев. Сейчас на целине, надо сказать, происходят самые неожиданные встречи. Ведь люди съезжаются сюда строить новую жизнь действительно из разных концов нашей родины. Интересная встреча произошла здесь, в Александровской МТС, двух фронтовых друзей, проведших несколько лет Отечественной войны бок о бок.

После окончания концерта на сцену поднялся стройный юноша с большими светлыми глазами.

— Бориса Попова можно видеть? — спросил он.

Мы позвали артиста Малого театра Попова. Две–три секунды длилась пауза. Попов напряженно всматривался в лицо шофера Анатолия Григорьева. Анатолий Григорьев приехал с Украины в Казахстан так же добровольно, как и в сорок первом добровольно ушел на фронт. И вот после этой короткой паузы вдруг Попов спрашивает тихо, так тихо:

— Анатолий?

— Борис, здравствуй!

Ну, через несколько минут друзья уже сидели в сторонке, на сцене, никого не слушая. Ничто их не интересовало, казалось. И вот, оживленно, наперебой беседовали. Вот только до нас долетало:

— Сиваш помнишь?

— А Севастополь?

— А Латвию? Литву? Польшу?

— А где Орлов Иван?

— А где? Помнишь? Помнишь?..

...Уложены декорации, убавлен свет в зале, зрители покинули клуб, артисты давно в автобусе, а Борис Попов и шофер-доброволец Анатолий Григорьев не могут расстаться, вспоминают общих друзей, походы, делятся планами на будущее...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 210. Микрофонный материал.

Перелистывая страницы календаря...
Радиообозрение

31 декабря 1955 г.
21.10–21.53

(*Музыка.*)

Ведущий. Пожалуй, во всех домах сегодня можно видеть новые календари. Объемистые, еще пахнущие типографской краской, они через три часа начнут вести счет дням, неделям и месяцам нового 1956 года. И у нас здесь вот, в редакции, на столе тоже уже лежит новый календарь. Но подождем его трогать, обратим свое внимание на старый, 364 странички которого перевернуты на левую сторону. Можно перевернуть и 365-й листок, ведь последний день 1955 года кончается, но сделаем не так...

(*Шелест листков календаря.*)

Перевернем все листки на правую сторону. Теперь начинаем перелистывать календарь... Его странички густо испещрены заметками. В них — краткие записи важнейших событий, о которых мы сообщали вам в 1955 году по радио. Богат был уходящий год большими и радостными событиями.

Вот запись о пуске металлургического завода в Череповце, вот — о богатом урожае на Украине, Дону, Кубани, заметки о героическом труде советских людей в ледовых лагерях у Северного полюса и о строителях канала в знойных Кара-Кумах, о научной экспедиции в Антарктику и о работе первой в мире советской атомной электростанции... Много заметок о гидростроителях — Каховка, Горький, Кама, Нарва, Княжья Губа, и на предпоследнем листке календаря — о волжском гиганте у Жигулей, о Куйбышевской ГЭС. Это заметки о крупнейших гидростанциях, давших ток в 1955 году.

Итак, товарищи радиослушатели, мы перелистали и бегло, очень бегло просмотрели записи в нашем календаре 1955 года. Слушая нас, вы, пожалуйста, продолжайте готовиться идти в гости или принимать гостей, накрывайте праздничные столы, зажигайте огни на елках. А мы тем временем заполним заметками последний листок календаря, расскажем о самых последних предновогодних событиях.

Другой голос. Начнем с Москвы. Она такая чудесная сейчас...

(*Музыка, шум улицы.*)

Шумны и бурливы в эти минуты улицы столицы. Небо над Москвой разноцветное. Голубые, синие, зеленые, оранжевые, неоновые зарева пылают над домами.

Нарядно одетые москвичи спешат кто куда — в гости, в клубы, во дворцы культуры. Многолюдно у метро, на автобусных, троллейбусных, трамвайных остановках, не видно зеленых огоньков такси — сегодня все такси заняты. Полны народа магазины. Продавцы мобилизуют всю свою сноровку, чтобы как можно быстрее обслужить покупателей, а покупают нынче помногу.

Всюду слышны шутки, смех. Вряд ли на улицах столицы встретишь сейчас человека, который не улыбался бы.

Кипит весельем новогодняя Москва. (*Шумовая пауза, музыка.*)

Наш рассказ о Москве был бы неполным, если бы мы не упомянули о тех, кто в эти часы несет трудовую вахту. О последних производственных победах москвичей в 1955 году вы услышите сейчас от нашего корреспондента Гавриила Красавцева.

(*Шум литейного цеха.*)

Красавцев. Мартеновский цех московского завода «Серп и молот». Славно потрудился коллектив этого завода в уходящем 1955 году. 13 тысяч тонн высокосортной стали, 8 тысяч тонн проката сверх годового задания выпустили столичные металлурги.

Сейчас в мартенах завода варится сталь выпуска 1956 года. У мартенов на вахте знатные сталевары — лауреат Сталинской премии Виталий Константинович Михайлов, Иван Васильевич Ерошкин, Вячеслав Вячеславович Орнст, Яков Степанович Алпатов.

Поздравим их с Новым годом и пожелаем успеха.

Москвичи с гордостью вспоминают о минувшем годе. На 16 дней раньше срока промышленность Москвы и Московской области выполнила годовой план.

Ведущий. Теперь мы включим пленку, которая самолетом только что доставлена из Куйбышева, от нашего корреспондента Владислава Семенова.

Семенов. Гудит первая турбина могучего гидроэнергетического гиганта на Волге. Зажглась еще одна лампочка на Ленинской карте электрификации нашей страны.

Если мы сегодня взглянем на эту карту, то увидим нашу землю, всю озаренную светом Ильича. С каждым годом он горит все ярче.

(*Шум Падунского порога.*)

Это шумит вода на знаменитом Падунском пороге на Ангаре. Пленку с записанным на ней вот этим шумом мы, товарищи радиослушатели, бережно храним. Когда советский народ завершит шестую пятилетку, в которую мы вступаем, только с пленки можно будет слышать шум Падунского порога. Гигантская гранитная баррикада уйдет глубоко под воду. Высоко поднимет ангарские воды плотина самой мощной в мире Братской гидроэлектростанции. Давайте, товарищи радиослушатели, перенесемся мысленно на берега Ангары, туда, где будет стоять Братская ГЭС.

(*Музыка.*)

Озаренные голубым лунным светом в глубоком безмолвии стоят, обняв друг друга ветвями, вековые сосны и ели. Сверкает на них серебро инея, будто специально к празднику сибирская зима одела деревья в новогодний наряд.

Тайга... Пушистые сугробы, следы зверей, вечная тишина...

(*Музыка.*)

И вот здесь, на месте этой дремучей девственной тайги, через пять лет будет огромный город. Он поднимет ввысь трубы своих заводов и фабрик, рассечет таежный мрак широкими, сияющими ярким светом улицами...

Ведущий. — А теперь отправимся на станцию ленинградского метрополитена «Нарвская».

(*Песня.*)

Сразу можно сказать, что сегодня вечер необычный, и станция будто стала еще более светлой и торжественной, в публике приподнятое, праздничное настроение. Все живут сейчас одними заботами. И торопятся сегодня все более, чем обычно. Ведь до встречи Нового года осталось только несколько часов.

Не торопитесь, друзья, успеете! Все теперь быстро, все близко.

Метро вошло в привычку у москвичей, а ленинградцы первый раз поедут на встречу Нового года не только в такси или на троллейбусе, но и в поездах метрополитена.

(*Смех, шутки.*)

Голос. Тише, тише, девушки, ведь микрофон включен.

Ведущий. Вот напрасно, девушка, Пусть все услышат, как вы умеете петь, как лихо пляшете. (*На фоне музыки и песни.*)

Мы находимся в семье бывшего солдата Советской Армии Александра Афанькина...

Голос. Саша, дорогой! Три года назад мы провожали тебя в армию. В колхозе не то было, как сейчас. И все твои товарищи вместе уезжали с тобой, прибыли сейчас, видят большие изменения в нашем колхозе. У нас мало было и построек, и животноводства, слабы еще были денежные доходы. Сейчас дела у нас улучшились во много раз. Если вы уезжали — денежный доход колхоза составлял три миллиона, сейчас он будет составлять, в этом 1955 году, около девяти миллионов.

Голос. Я дополню Степана Ивановича. Когда вы уходили в армию, мы совершенно не сеяли кукурузу.

— А в этом году сколько посеяли?

— В этом году мы посеяли 560 гектаров. Кукуруза ведь нам здорово помогла в животноводстве... (*Дальше речь микшируется.*)

(*Песня.*)

Ведущий. Допоздна затянулась эта беседа. Говорили о радостных итогах минувшего года, о широкой дороге, открывающейся перед колхозом в новом 1956 году.

(*Песня микшируется.*)

Вопрос. Товарищи Дыховичный и Слободской, расскажите, пожалуйста, над чем вы работали в истекшем году?

Ответ. Вы хотите заслушать годовой отчет нашего небольшого производственного коллектива? Значит, как в каждом коллективе, у нас был годовой план, на выполнение которого мы оба мобилизовались — все как один. Однако в ряде случаев у нас имела место штурмовщина, с которой мы беспощадно боролись с 1-го по 20-е число каждого месяца. Только в последней декаде, окончательно победив ее, мы со всей энергией приступали к выполнению месячной программы. Со всей прямотой мы должны признать, что, по сравнению с другими писателями, мы допустили раздутие штатов ровно вдвое. По отдельным названиям мы имели недоперевыполнение программы, которое мы покрывали перенедовыполнением по другой номенклатуре. В ре-

зультате к концу отчетного года в средних цифрах, по валу, мы план выполнили.

Вопрос. Не можете ли вы конкретизировать ваш отчет?

Ответ. Охотно! Поскольку самым конкретным показателем являются цифры, приведем некоторые цифровые данные.

Из общего количества 600 рабочих дней нами затрачено: непосредственно на работу — 200 человекодней (или 33 и 3 десятых процента). На производственные простои — то есть на споры об образе положительного героя, на хождение по инстанциям, на болезни, склоки и обиды на критиков, — 178 человекодней.

За отчетный период в наших произведениях было: смеха ради смеха — 23 процента; нацеленного смеха — 77 процентов, в том числе не попадавшего в цель — 38 процентов.

Вопрос. Простите, цифр нам достаточно. Мы хотели бы узнать, что вы сделали посуществу?

Ответ. По существу? Ну, что ж, вы правы: очень часто в таких отчетах есть все, кроме существа дела. Поэтому мы и позволили себе эту маленькую пародию на любителей средних цифр. А если говорить серьезно, мы сами только что получили новогодний подарок — издательство «Молодая гвардия» выпустило нашу новую юмористическую повесть «Стакан воды».

Вопрос. А с чем еще вы входите в новый год?

Ответ. Прежде всего с новой пьесой, которая называется «Воскресенье в понедельник». Эта сатирическая комедия уже идет в ряде театров страны. А в Москве, в Московском театре сатиры, ее сейчас начинают ставить Эраст Гарин и Локшина.

Вопрос. Ну, эта пьеса уже готова, а о новой вы думаете?

Ответ. Да. Мы задумали написать в этом году комедию, которая явится продолжением нашего водевиля «Свадебное путешествие» .

Вы знаете, про некоторые пьесы у нас говорят так: «После премьеры публика долго вызывала автора — всем хотелось посмотреть, кто написал такую скучную пьесу». А нам хочется написать пьесу веселую — водевиль с песнями, с куплетами, чтоб избежать такого печального финала.

Вопрос. Скажите, а как с юмористической прозой?

Ответ. Как раз начали большую сатирическую повесть.

Вопрос. И всю программу вы сумеете осуществить в 1956 году?

Ответ. Сумеем ли?.. Видите ли, когда-то один владетельный князь спросил человека слывшего волшебником: «Правда ли про вас говорят, что вы умеете вызывать духов?» — «Умею, ваше сиятельство, — ответил тот. — Только они не являются...»

Вот и духи литературы, даже сатирической, очень капризные духи. Удастся ли нам их вызвать? Во всяком случае, мы попытаемся.

Вопрос. Что бы вы хотели пожелать нашим радиослушателям на Новый год?

Ответ. Того же, что самим себе, то есть самого лучшего: счастья, здоровья, мира, творческих успехов в работе, словом, удачного, интересного и веселого Нового года!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 341. Л. 20–42. Микрофонный материал.

Дневник XX съезда КПСС[146]

Специальный выпуск «Последних известий»

14 февраля 1956 г.
23.00–23.09

Сегодня в Большом Кремлевском дворце открылся двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза. К десяти часам утра зал заседаний заполнили делегаты съезда, прибывшие в столицу со всех концов великой Советской державы. Присутствуют многочисленные гости — передовики промышленности и сельского хозяйства, государственные и партийные работники, ученые, представители Советской Армии и Флота, работники литературы и искусства.

Советский народ встретил двадцатый съезд своей родной Коммунистической партии новым мощным подъемом политической и трудовой активности. За годы, прошедшие со времени девятнадцатого съезда, под руководством Коммунистической партии народы советской страны добились новых крупных успехов на пути завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Эти успехи наполняют сердца советских людей гордостью за свою могучую Родину, за великую и мудрую партию — вдохновителя и организатора всех побед коммунизма.

Бурными аплодисментами встречают делегаты съезда и гости появление в ложах членов Президиума и секретарей ЦК КПСС, руководителей делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий. Все встают.

Съезд открывает первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Хрущев.

— За период между девятнадцатым и двадцатым съездами, — говорит товарищ Хрущев, — мы потеряли виднейших деятелей коммунистического движения — Иосифа Виссарионовича Сталина, Клемента Готвальда и Кюити Токуда. Прошу почтить их память вставанием.

Все присутствующие в зале встают...

Съезд переходит к избранию руководящих органов...

Утверждается порядок дня двадцатого съезда Коммунистической партии Советского Союза...

Затем председательствующий на заседании товарищ Булганин предоставляет слово для отчетного доклада Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву. Делегаты встречают Никиту Сергеевича Хрущева бурными аплодисментами. Все встают.

Доклад, продолжавшийся на утреннем и вечернем заседаниях, был выслушан с огромным вниманием и неоднократно сопровождался горячими одобрениями всего зала.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 777. Л. 58–60. Микрофонный материал.

Перед дальней дорогой
Радиорепортаж[147]

9 июля 1956 г.
17.29–18.01

Корреспондент. Есть у русских людей обычай — посидеть перед дальней дорогой. Совсем недавно нам довелось побывать на одном собрании молодежи, которое чем-то напоминало этот древний обычай. В тот вечер зеленый театр парка Краснопресненского района Москвы заполнили юноши и девушки, которым скоро предстояло отправиться в далекие неведомые края...

На скамейках там и тут слышатся оживленные разговоры. Вот друзья интересуются, как Женя Алехин подготовился к поездке, что купил в дорогу.

Алехин. К поездке я почти уже готов. Осталось путевку получить. Купил себе одежду теплую: валенки, сапоги и теплые шаровары, и телогрейку, и рукавицы, и свитер. Осталось шапку-ушанку купить.

Голос. Это небольшое дело.

Алехин. Небольшое, конечно. А так все куплено вроде...

Корреспондент. А неподалеку группа ребят осаждает вопросами сибиряка, приехавшего в гости к молодежи. Это главный инженер одного из строительных трестов города Красноярска Семен Васильевич Рожков.

Голос. А морозы сильные?

Рожков. Есть такие места, скажем, мороз 20 градусов — безветренно, 25 — уже поднимается ветер, 30 градусов — такой ветер поднимется, что мороз переносить невозможно. А в Сибири там наоборот: 20 градусов — есть ветерок, 25 — меньше, 30 — нет, 40 градусов — все тихо.

Голос. Значит, совсем безветренно?

Рожков. Да, не шелохнется ничего. Поэтому они, сухие морозы, переносятся легко. Да я вам так скажу: что мне уже пятидесятый год, слава богу, прожил полвека почти и все это время жил и работал в Сибири, в Красноярске главным образом. И не раскаиваюсь. Очень хорошо, и доволен тем, что там прожил.

Голос. А охота там есть?

Рожков. Ну, охотники у нас очень довольны. Во-первых, водоплавающей птицы много. Там гуси, утки, значит, боровая дичь, косачи, глухари. Там для охотников раздолье.

Голос. Вот еще некоторых вопрос такой интересует: в чем разница между сибирскими пельменями и московскими?

(*Смех, голоса.*)

Рожков. Я могу сказать, что такое сибирские пельмени, а вы можете сказать, что такое московские пельмени.

(*Смех.*)

Да, сибирские пельмени. В Сибири раньше, как известно, никаких железных дорог не было и все грузы шли по Сибирскому тракту так называемому, на лошадях. Вот в зимнее время выходит такой обоз, с каким-то товаром идет, скажем, из Томска в Красноярск или от селения к селению идет. Ну и, значит, люди, которые сопровождали обоз,

пельмени делали, замораживали, и они в мороженом виде с собой их возили, и в любом месте, куда ни заедут заночевать, через десять минут готовая вкусная пища. Ну, с течением времени пельмени совершенствовались, и теперь уже пельмени настоящие — сибирские. Чтобы их сделать не просто так: любое мясо взял, любое тесто намесил, изготовил и вари. Нет, для того чтобы сибирские пельмени изготовить, надо определенным образом приготовить тесто, то есть должна мука определенными свойствами обладать, лучше всего пшеничная. Из этой муки готовят тесто, на яйцах обязательно; мясо не просто, скажем, говядину или свинину, а так, примерно, 50 процентов свинины, 50 процентов говядины или там 40 и 60 процентов. Вот, значит, такое мясо. Затем, бульон надо сварить. Тоже так, как его положено варить. Не просто воду вскипятить, а, значит, надо хорошую мозговую косточку туда опустить, чтобы бульон жирный был от кости этой. Ну, туда положить надо лавровый лист, перец, это необходимо. Дальше — пельмени нужно не разварить. Это тоже важно. Когда закипел у вас бульон, опускайте туда пельмени и после этого давайте уже следите...

Голос. Пока всплывут?

Рожов. Мало, всплыли — еще мало. Они должны морщиться начинать. Вот когда начали морщиться, тут их и лови, хватай, снимай и выкладывай. Тогда получаются настоящие сибирские пельмени.

Корреспондент. Ну вот, пора и начинать собрание. На открытой сцене за столом появляются приехавшие на вечер к молодежи гости, юноши и девушки с предприятий Красной Пресни. Вечер открывает секретарь райкома комсомола товарищ Куроптев.

Куроптев. Сотни тысяч девушек собираются в дальний путь, чтобы выполнить очередное задание партии. В Сибирь, на Дальний Восток, на Север — вот куда по призыву Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства едет молодежь, туда, где земли обладают поистине сказочными природными богатствами.

Нет сомнения, что молодые рабочие Красной Пресни, которые изъявили желание поехать на новостройки шестой пятилетки, справятся с этой трудной, но почетной задачей. Ведь где бы ни были вы, дорогие товарищи, наши посланцы — в Магадане или Норильске, Красноярске или Иркутске, вы постоянно должны помнить, что вы потомки славных пролетариев Пресни, первыми поднявших знамя восстания, знамя борьбы за лучшее будущее человечества...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 346. Л. 395–410. Микрофонный материал.

В гостях у Марка Бернеса[148]

Радиообозрение

30 сентября 1956 г.
20.15–21.25

Бернес. Проходите, ребята! Будьте моими гостями вместе с радиослушателями. Проходите.

Корреспондент. Марк Наумович, эти молодые люди приехали с целины.

Бернес. Вот как? Вы в отпуск или в командировку в Москву?

Миша. В отпуск. Я приехал знакомиться с тещей, Леночкиной мамой.

Бернес. Ага, значит, вы женаты?! И давно?

Миша. Очень давно, уже шестой месяц! А до встречи с Леночкой я был убежденным старым холостяком!

Бернес. Простите, сколько же вам лет?

Миша. Уже скоро девятнадцать!

Бернес. Солидно... Ну, это хорошо, Миша, что вы вовремя женились, а то ведь могло получиться и так... Послушайте... (*песенка — «Мужской разговор».*)

Я участвовал в массовых сценах фильма «Человек с ружьем». Вы знаете, в этом фильме у меня не было роли, не было даже эпизода, но я искал себе грим, костюм, которые бы соответствовали духу того времени. И вот однажды в Музее революции я увидел фотографию молодого паренька. Белобрысый, чуб свисал, он был обвешан пулеметными лентами, на поясе висели гранаты... И я решил повторить образ этого безвестного героя революции. Обвешанный оружием, достаточным для вооружения целого батальона, явился я к постановщику фильма С.В. Юткевичу. Он долго смотрел на меня, а потом утвердил меня адъютантом к Чибисову. Чибисов — это был командир отряда. Его играл артист Лукинский.

Он долго смотрел на меня и наконец сказал: «Этот парень должен обязательно петь!» Но композитор Шостакович написал уже всю музыку, а песни в фильме не было вообще.

Съемки задерживать было нельзя. И вот сорежиссер Павел Арманд написал и слова, и музыку песни. Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу эта песня понравилась, и он даже разработал ее тему для увертюры... Песня в фильме исполнялась дважды. Первый раз я напевал ее, когда все брали винтовки, уходя на фронт, а второй раз — над умирающим другом Евтушенко. А его играл Борис Петрович Чирков. Сейчас я вам напомню эту песню. Но предупреждаю вас, уже тогда, давно, было ясно, что я не певец, однако песня имела успех, и я стал напевать, хотя голос у меня с тех пор не улучшился...

(*Поет песню «Тучи над городом встали...».*)

Бернес. Вот это и была моя первая работа в кино и моя первая песня! И родилась она двадцать лет тому назад. А вот автор песни, которая была написана восемнадцать лет назад.

Богословский. Неужели восемнадцать?! Да... Мы были тогда совсем молодыми... Это песня (*начинает наигрывать*) из кинофильма «Истребители»...

(*Песня «В далекий край товарищ улетает».*)

Корреспондент. А какие песни вы исполняли еще?

Бернес. Если бы я захотел их напеть, то они заняли бы, пожалуй, целый вечер! В письмах есть просьбы исполнить, например (*вполголоса напевает, а Богословский наигрывает «Темную ночь»; напевает «Спят курганы темные», «Морскую песенку»...*)

Миша. Какие все хорошие песни... Хоть и старые...

Лена. Марк Наумович, простите мое любопытство, а кто этот человек у вас на портрете? Может быть, это вы в какой-нибудь роли?

Бернес. Нет, Леночка. Это народный артист Радин. Ведь до кино я был артистом театра, и Радин был моим первым учителем!

Лена. А кто эта девочка?

Бернес. Это моя дочка Наташа. Очень веселая и общительная особа. Сейчас она на прогулке, и поэтому в доме такая тишина.

Лена. А это — Ив Монтан!! Видишь, Миша, я сразу его узнала! Ух, как я люблю его!..

Бернес. Ух, как я люблю его!..

Богословский. Судя по надписи на фотографии, он тебя тоже любит (*читает надпись по-французски и переводит на русский язык*). Вам, Марк Бернес, мой дружеский подарок. Спасибо за пластинки, до скорой встречи. Ив Монтан...

Корреспондент. Марк Наумович, а что вы расскажете нашим радиослушателям о своих последних работах?

Бернес. Последние мои работы — в фильмах «Дело № 306» и «Они были первыми», но я думаю, что многие радиослушатели сами их видели. Что о них рассказывать? А вот недавно вышел на экраны новый фильм — «Разные судьбы», в котором я должен был играть роль Рощина — композитора. Но все мы, как говорится, живые люди, и я заболел в разгар съемок. Уже были утверждены пробы, уже я записал песню Рощина... И хоть в фильме играет и поет другой актер — Фрейндлих, я полюбил несыгранного героя, его песню... (*Песня Рощина из фильма «Разные судьбы».*)

(*В дверь раздается звонок. Слышен детский голос.*)

Наташа. Папа, где ты?

Бернес. Ну, кончилась наша тишина. Маленькая хозяйка вернулась с прогулки. Я вас предупреждал, что она очень активный ребенок!..

Ну вот, товарищи, наша встреча подходит к концу. Вы только, пожалуйста, не подумайте, что я такой негостеприимный хозяин, но наше время кончается... Радио... Сами понимаете... Я не прощаюсь с вами, мы еще не раз встретимся и у меня дома, и на экране, и в эфире!..

До свиданья, до новых встреч. А в заключение нашей встречи я напою вам новую песню Бориса Мокроусова на стихи Якова Хелемского, она называется «Песня посвящается моя». А посвящается она всем ребятам, таким же, как вы, Леночка, таким же, как вы, Миша!..

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 14. Д. 219. Микрофонный материал.

Праздник мира и дружбы

Радиорепортаж об открытии шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве[149]

28 июля 1957 г.

Диктор. Говорит Москва! Говорит Москва! Наши микрофоны на Центральном стадионе имени Владимира Ильича Ленина, где состоится сейчас торжественное открытие шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Работают все радиостанции Советского Союза. Одновременно передачи идут на английском, французском, немецком, арабском языках, на языках хинди, урду, бенгали...

(*Звучание стадиона.*)

Гигантская чаша стадиона наполнена взволнованным гулом. Все посматривают на часы, установленные на южной и северной трибунах. До чего же медленно движутся их двухметровые стрелки! Как тянутся эти последние минуты ожидания!..

(*Звучание стадиона.*)

Торжественное шествие в честь открытия фестиваля, проследовавшее по «трассе счастья» через просторы Москвы, вливается сейчас на площадь стадиона, направляясь к большой спортивной арене. Шествие следует по главной аллее стадиона. Высоко бьют струи всех десяти фонтанов. Шествие идет как бы по аллее волшебного сада, где вместо деревьев шумят кроны взлетающих гибких водяных струй...

Подняты все флаги, кроме одного — вон на той высокой мачте... Когда он взовьется, этот флаг, шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов будет официально открыт.

Сто две тысячи мест насчитывают овальные трибуны Большой спортивной арены Центрального стадиона...

Ложи прессы, специально отведенные секторы прессы на трибунах заняли почти полторы тысячи советских и иностранных журналистов, представители отечественного и международного радио, телевидения, кинематографа. Больше шестисот иностранных корреспондентов приехали на фестиваль...

Ардаматский. Грянул первый марш парада. В широкой арке появляется головная колонна торжественного фестивального шествия. Начался парад открытия всемирного праздника юности.

(*Звучание стадиона.*)

Головная колонна движется по противоположной стороне стадиона, и нам отсюда пока не разглядеть всех ее деталей. Но зато издали глаз сразу схватывает все веселое сочетание красок, движущееся вместе с колонной. Белые-белые, как горный снег, и синие, цвета утреннего неба, спортивные костюмы. На фоне этой чистой белизны и синевы еще ярче цвета поднятой над колонной окаймленной позолотой эмблемы фестиваля — синий земной шар, обрамленный полукругами: желтым, голубым, зеленым, оранжевым, красным. Пять полукружий, символизирующих пять континентов... Над колонной подняты флаги всех наций, чья молодежь участвует в фестивале. Вот они, эти флаги, слитые в единую многоцветную волну, символизирующую дружбу и единство честной юности человечества!.. Еще одна любопытная деталь в шествии головной колонны — позади нее на гаревой дорожке как бы остается разноцветный след. Что же это такое?.. Как завидуешь сейчас кинооператорам. Им не нужно подыскивать слова, сравнения, чтобы передать всю волшебную игру красок шествия. Их камеры с подлинной объективной точностью зафиксируют каждую деталь многоцветной панорамы шествия. Ну что ж, заранее спасибо вам, работники документального кино. Спасибо от всех, кто не находится сейчас

здесь на стадионе, но кто с вашей помощью скоро увидит все то, что видим сейчас мы...

Рябчиков. Крылатые стаи взвились с восточной трибуны. 25 тысяч голубей! Белая стая. Кружат и стремятся в небо цветастые птицы. Летят красные голуби, вертикально вздымаются тучелеты.

Двадцать пять тысяч голубей! Они уже заполняют все небо над бетонной чашей стадиона.

Есть старая легенда: бог войны Марс, собираясь в поход, обнаружил в своем боевом шлеме гнездо голубки, сжалился над птицей, не тронул ее и отложил поход. С той поры — гласит легенда — голубка стала почитаться вестником мира.

Прошли века. Рисунок голубя, созданный известным французским художником Пикассо, стал эмблемой многомиллионной армии борцов за мир.

В Москве 86 тысяч голубятников — рабочие, инженеры, ученые, воины Советской Армии, писатели, художники. В Москве — 746 общественных голубятен: на автомобильном заводе, на заводе «Серп и Молот», на школьных дворах, во Дворцах пионеров.

Среди взлетевших двадцати пяти тысяч голубей выделяются необычные, единственные в мире — тучелеты...

Тучелет — птица особая. Если у всех голубей крылья откинуты назад, что придает им особую «летучесть», то николаевские голуби «вертикального полета» — тучелеты — имеют выдвинутые вперед крылья серпообразной формы. Из-за этого они не могут лететь вперед, а набирают высоту, как вертолеты, вертикально, пробивают тучи и, налетавшись, вертикально опускаются на землю. Вот они взмыли в небо и будто зависли над большой спортивной ареной огромного стадиона.

Голуби... голуби... голуби... Яркое, необычайное зрелище.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 786а. Л. I. 18, 51. Микрофонный материал.

Слово молодежи

Музыкальный радиожурнал

8 сентября 1958 г.
21.27–22.04

Холминов[150]. Друзья, сегодня у нас радостное, волнующее событие — открывается новый радиожурнал.

Полухин[151]. В этом журнале будут выступать молодые композиторы, молодые поэты, молодые режиссеры и, я надеюсь, молодые артисты.

Пахмутова[152]. В этом журнале важно то, что молодые композиторы, поэты будут не только приносить свои произведения, исполнять их, но молодежь имеет возможность критиковать произведения своих товарищей, отбирать лучшие и выпускать самостоятельно в эфир.

Таривердиев[153]. Это очень важно.

Самойлов[154]. Я не композитор, я не поэт, я не создал того, что называется рассказом, повестью или романом, но я здесь не посторонний человек. Но об этом потом...

Пахмутова. Сейчас, вероятно, надо познакомить радиослушателей со всеми членами редакционной коллегии и узнать мнения молодых поэтов и композиторов о том, что они думают о дальнейшей работе журнала.

Самойлов. Вот за роялем сидит композитор Александр Фляр-ковский. Его песни слышали многие, но сейчас можно услышать, что он думает о журнале.

Фляр ковский[155]. Хочу, чтобы каждая песня, каждое стихотворение приносили людям радость, отдых и удовольствие. Я хочу, чтобы каждое слово молодежи было прежде всего сердечным и умным.

Самойлов. Поэт Роберт Рождественский. Вы читали его стихи? Если нет — читайте.

Рождественский[156].

Не поможет здесь ни песня, ни ласка,
В доме все воспринимают без обид.
Лишь тогда, когда качается коляска,
Мальчик спит.
Слышно: за стеной соседи кашляют,
Слышно: ветер снег сдувает с крыш...
Я не знаю, что врачи на это скажут!
Но, по-моему, отлично, что малыш —
Только именем пока еще отмеченный,
Примеряющийся к жизни еле-еле,
Ничего пока не видевший,
Трехмесячный —
И уже стоянки не приемлет!
Так и надо! Он увидит страны разные.
Так и надо! Задохнется на бегу...
Я с коляски тоже начал странствия
До сих пор остановиться не могу.

Пахмутова. Марк, а знаешь, мне кажется, наш журнал должен быть очень разнообразным по форме. И каждый раз в нем должно быть что-то новое, неожиданное, приятное, как подарок, правда?

Ковалев[157]. Замечательная мысль, ты абсолютно права.

Самойлов. Это Александра Пахмутова и композитор Марк Ковалев, автор и режиссер нескольких музыкальных передач... Молодой поэт Евгений Евтушенко.

Евтушенко[158]. «Армия».

В палате выключили радио,
И кто-то гладил мне вихор...
В Зиминском госпитале раненым
Давал концерт наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.
Двумя рядами у стены
Стояли мальчики и девочки
Перед героями войны.

Они родные, некрасивые,
С большими впадинами глаз,
И сами жалкие, несильные
Глядели с жалостью на нас.
О, сострадание сестер!
Но вот «Встает страна огромная»
Запел, запел наш детский хор.
И вот запел хохол из Винницы,
Халат был в пятнах киселя.
И войлок сквозь обивку выбился,
На черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике,
Запел сапер из Костромы,
Солдаты пели, словно школьники,
И, как солдаты, пели мы.
Вошли смущенно шефы-грузчики
И, встав тихонько за кровать,
Большие, гордые и грустные,
Нам тоже стали подпевать.
Все пели праведно и доблестно,
И няня в стареньком платке,
И в сапогах кирзовых докторша,
Забывши градусник в руке.
Разрывы слышались нам дальние,
И было свято и светло:
Все это вместе было — Армия,
Все это — Родину спасло!

Катин-Ярцев. Аля, а что ты написала?

Пахмутова. Я написала песню «Надо мечтать» на слова Гребенникова и Добронравова.

(*Пахмутова, «Надо мечтать».*)

Пахмутова. Вот эту песню я написала к сорокалетию комсомола...

Ковалев. Ребята, немного потише, слушаем следующее: музыка — Зива, слова — Гайковича, «Комсомольская песня».

(*Зив, «Юность комсомольская».*)

Пахмутова. Послушаем песню или стихи?

Полухин. Ребята, давайте по порядку.

Пахмутова. Да, пожалуйста, у микрофона Игорь Кобзев.

Кобзев[159]. «В восемнадцать лет».

В тихий час цветения акаций
На пороге счастья и весны
Девушкам, которым восемнадцать,
Снятся одинаковые сны.
Всем им снится город лучезарный,
Ярким блеском залитый дворец,
И вокруг восторг и благодарность
К их ногам поверженных сердец.
В снах они — владелицы экрана,

Лебеди, скользящие в лучах,
Ледоколы водят сквозь туманы,
Раненых выносят на плечах.
Девушки — они умеют верить
В золотые восемнадцать лет,
Будто б им дано по меньшей мере
В жизни осчастливить целый свет...
Потому они так ходят прямо
Гордо, независимо глядят
И своим незнаменитым мамам
Иногда немножечко дерзят.

Пахмутова. Вы не удивляйтесь, что в нашем журнале звучат песни и стихи о весне, ведь весна всегда в душе молодежи, поэтому мы поем про радость, солнце и весну.

Самойлов. Да, весну в любое время года!

Катин-Ярцев[160]. Послушаем песню композитора Фляркovского на слова поэта Вадима Семернина «Комсомольские года».

(*Фляркovский, «Комсомольские года».*)

Пахмутова. Вероятно, наши радиослушатели узнали, кто ведет передачу. Все мы от своего имени и от имени вашего должны поблагодарить нашего старшего товарища и друга, большого любителя песни, всем вам известного актера, народного артиста республики Евгения Валериановича Самойлова. (*Аплодисменты.*)

Самойлов. Спасибо, спасибо, друзья. Я рад был побыть сегодня с вами, почувствовать себя таким же молодым и, как все вы, помочь по мере сил и возможности провести это открытое заседание редколлегии, этот первый номер журнала. Сейчас молодежь готовит второй, который они хотят посвятить спортивной теме.

Ковалев. Евгений Валерианович, не забудьте сказать, что у нас еще очень мало песен и стихов о наших спортсменах — о теннисистах, волейболистах.

Полухин. Песня о теннисистах, о, это интересно!

Пахмутова. Или песня гребцов!

Рождественский. Или шахматистов!

Пахмутова. Товарищи, будем надеяться, что молодые композиторы и поэты напишут к следующему номеру нашего журнала новые стихи и песни о спорте. До новой встречи!

ГА РФ. Ф-6903. Оп. 14. Д. 240. Микрофонный материал.

В.Е. Семичастный[161]

Праздник нашей юности!

Из доклада, посвященного 40-летию ВЛКСМ

30 октября 1958 г.

...Наша важнейшая задача — неустанно формировать у молодежи трудовое отношение к понятию коммунизма, воспитывать у юношей и девушек чувство ответственности за судьбы страны, понимание своего высокого патриотического долга перед народом.

Коммунизм нам несет не барскую жизнь, а жизнь трудовую.

Не должно быть в нашей стране ни одного молодого человека, который бы оставался в стороне от великого труда народа!

Как никогда прежде, нетерпимы сейчас такие пережитки прошлого, как пьянство, хулиганство, неуважительное отношение к женщине, эгоизм, иждивенчество.

Среди наших юношей и девушек встречаются еще молодые люди, которые порой забывают, какой ценой достигнуто все то, что мы имеем теперь, что получили в наследство от старших поколений. Наш комсомольский долг — решительно бороться со всем, что позорит высокое звание советского человека. Комсомолец должен, безусловно, быть примером для всей молодежи — в труде и быту, в общественной и личной жизни.

Необходимо разъяснять молодежи, что условия, в которых она живет сегодня, права, которыми она пользуется, — право на труд и на его оплату наравне со взрослыми, на бесплатное образование и на отдых, на государственную стипендию, бесплатную медицинскую помощь и многое другое — все это получено из рук старших поколений, завоевано ценой огромных усилий и упорным трудом.

Нельзя приумножать народных богатств, если не ценить и не беречь их...

Комсомол гордится, что среди выдающихся мастеров советской культуры, прославивших Родину, очень много молодежи, что рядом с лауреатскими медалями на их груди часто горят скромные красные флажки — ВЛКСМ.

Даже открытые враги нашей страны не могут не признавать (если они, конечно, не ослепли и не оглохли) расцвета советской социалистической культуры во всех пятнадцати братских республиках нашей Родины. И все чаще и чаще наиболее здравомыслящие деятели Запада говорят, что Западу надо догонять Советский Союз по всем областям культуры. Этот великолепный расцвет нашего искусства, литературы, музыки, кино рожден заботами Коммунистической партии о народных талантах, рожден великим единством всей армии деятелей советской культуры со своим народом, с Коммунистической партией. (*Аплодисменты.*)

Но, как говорится в русской пословице, и в хорошем стаде заводится паршивая овца. Такую паршивую овцу мы имеем в нашем социалистическом обществе в лице Пастернака, который выступил со своим клеветническим так называемым «произведением». Он настолько обрадовал наших врагов, что они пожаловали ему, не считаясь с художественными достоинствами его книжонки, Нобелевскую премию. Есть у наших мастеров слова произведения, которые являются бесспорными по своему художественному достоинству, но их авторы не были удостоены премии; а за клевету, за пасквиль против социалистического строя, против социализма, против марксизма Пастернак удостоен Нобелевской премии.

Пастернак прожил 41 год в социалистической стране. 41 год он питался хлебом и солью народа, который строил новое на обломках ста-

рого, который пережил холод, голод, поднял бывшую Россию к новой жизни, создал из бывшей России могущественное государство, которое потрясает умы всех прогрессивных людей и приводит в страх врагов социализма; народа, который прошел войны, разгромил фашистскую гидру. И этот человек жил в нашей среде и был лучше обеспечен, чем средний труженик, который работал, трудился и воевал. А теперь этот человек взял и плюнул в лицо народу. Как это можно назвать?

Иногда мы, кстати совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая-сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья — все люди, которые имеют дело с этим животным, знают особенности свиньи — она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит.

Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. (*Аплодисменты.*) А Пастернак — этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества — он это сделал. Он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит. (*Аплодисменты.*)

Я хотел бы высказать по этому вопросу свое мнение.

А почему бы этому внутреннему эмигранту не изведать воздуха капиталистического, по которому он так соскучился и о котором он в своем произведении высказался. (*Аплодисменты.*) Я уверен, что наша общественность приветствовала бы это. (*Аплодисменты.*) Пусть он стал бы действительным эмигрантом и пусть бы отправился в свой капиталистический рай. Я уверен, что и общественность и правительство никаких препятствий ему бы не чинили, а наоборот, считали бы, что этот его уход из нашей среды освежил бы воздух. (*Аплодисменты.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 240. Микрофонный материал.

С. Урунходжаев[162]

Вот она, колхозная зажиточная жизнь

Выступление

4 ноября 1958 г.
6.45–6.59

В нашем артельном хозяйстве ведущее место занимает хлопководство. Оно дает колхозу наибольший доход. Эта отрасль быстро развивается. За последние пять лет площади под хлопчатником возросли почти на двести гектаров и составляют теперь около полутора тысяч гектаров.

Следует при этом отметить, что хлопковые посевы со старопахотных земель переместились на целинные. За последние пять лет колхоз освоил 1200 гектаров новых земель.

Колхоз ежегодно увеличивает валовые сборы хлопка-сырца. Нынче соберут не менее четырех тысяч тонн — это на две тысячи с лишним тонн больше, чем в 1953 году. Урожайность хлопчатника тонковолокнистых сортов возросла за это время более чем на пять центнеров, а других сортов — на восемь центнеров с гектара...

Садоводство — вторая по доходам отрасль колхозного производства. В этом году сады дали более двенадцати миллионов рублей дохода: в два раза больше, чем в 1953 году. Знаменитые абрикосовые сады, дающие прекрасные плоды, не знающие себе равных в мире,— гордость колхоза. В нынешнем году каждый гектар абрикосового сада дал по ... центнеров фруктов. Такого высокого урожая на больших площадях давно уже не было. Из свежих абрикосов, которые сдал колхоз, Ленинабадский консервный комбинат изготовил более восьми миллионов банок фруктовых консервов...

В общественном животноводстве сейчас происходят большие изменения. Колхозники поставили своей задачей иметь высокопродуктивный скот и такие фермы, которые позволили бы колхозу внести достойный вклад в решение всенародной задачи — в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству продуктов животноводства на душу населения. Эта задача успешно претворяется в жизнь...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 376. Л. 370–376. Микрофонный материал.

К.И. Ретинский, Ю. Соловьев[163]

Мелиховская новь

Радиоочерк
Радиожурнал «Последних известий»
«С микрофоном по родной стране»[164]

19 января 1959 г.
10.00–10.31

Ведущий. Мелихово — самое что ни на есть обыкновенное село. Таких сел тысячи в средней полосе России... Но есть в истории этого села примечательное: здесь несколько лет подряд жил, работал врачом и создавал свои гениальные литературные творения Антон Павлович Чехов.

(*Музыка.*)

В километре от Мелихова — прозрачная березовая роща. Говорят, что особенно она красива, когда кудрявится ее зеленый наряд. Может быть. Но и зимой, пронизанная солнцем, опушенная серебристым инеем, она заставляет любоваться собой.

Сейчас роща, как в хрустале. После недавней оттепели капельки воды застыли на ветвях и сверкают, позванивают от легкого дуновения ветра. Дальше, за высокими сугробами, синеет бор. Даже теперь, когда в поле гуляет морозный ветер, далеко-далеко вокруг разносит синий бор свой дивный хвойный аромат. За березовой рощей, за лесом в небо поднимаются белые дымки. Там село...

(*Музыка.*)

Любил эти места Чехов. Да и всякий человек, любящий родную землю, не может равнодушно смотреть на эти дивной красоты, чарующие картины природы. Русская природа...

Входим в дом. Здесь у нас первая беседа с директором музея Юрием Константиновичем Авдеевым.

Авдеев. Антон Павлович Чехов участвовал в первой всероссийской переписи населения. Он был счетчиком в 15 деревнях, и сам непосредственно переписал крестьян двух деревень — Мелихово и Вершово. Это время отразилось в записных книжках Антона Павловича, в частности, есть, например, такая характерная деталь, записанная в записных книжках Антона Павловича. «Изба, большая, неуютная, печь, на печи девочка, босая. — А кошка у нас глухая. — Отчего? — Так, побили». Эта запись в записной книжке Антона Павловича послужила ему началом рассказа «Мужики». В «Мужиках» Антон Павлович описал жизнь вот этого нищего, убогого села Мелихова. Наиболее характерные слова, написанные в «Мужиках», Антон Павлович также записал их в записной книжке, это получено было во время переписи. «Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, тяжкие зимы, скудные урожаи, а помощи нет и нет и не откуда ждать ее». Вот это наиболее яркое выражение, которое характеризует жизнь крестьян всех вот этих деревень, виденных Антоном Павловичем.

Ведущий. Так было 62 года назад. 62 года... Это ведь ничтожно малый срок для истории. Среди нашего поколения живут люди, которые не по книгам, а сами на себе испытали тяжесть той жизни, о которой писал Чехов. Вот один из тех, с кого Антон Павлович Чехов писал портреты героев своего рассказа «Мужики». Это Михаил Прокофьевич Симанов — один из старейших жителей села Мелихово.

Симанов. Отец мой пошел на колодец за водою. Антон Павлович подъехал на извозчике к трактиру, трактир был рядом с этим колодцем. Он, значит, видит, что мой отец, значит, у колодца, и подходит и говорит: «Здравствуйте». Здравствуйте, — говорит отец. — Скажите, пожалуйста, говорит, где это Сорочкино имение? Вот, говорит, здесь, вот, говорит, дескать, барин, сюда идите. — Он говорит: нет, не барин я, доктор. И говорит: а вы где живете? — Вот рядом. — А чем же занимаетесь? — Сапожничаем. — Ага, тогда я к вам приду завтра. — Пожалуйста, приходите.

И на второй день Антон Павлович пришел к нам. Начал сидеть за верстаком и рассказывать, так сказать, приехал сюда зачем, посмотреть, как крестьяне здесь живут. Он говорит: был на Сахалине я, говорит, был на Сахалине и вот теперь приехал сюда и смотрю, говорит, тоже, значит.

При Чехове деревня была нищенской, 28 домов, побиралися. Ведь все топят по-черному, полов ни у кого нетути, два окна. Я очень хорошо все это помню. Почему? Потому, что наша семья была 18 человек, я работал тоже за верстаком. Дедушка, папаша, дядя Егор работали мы все для крестьян: вот у кого подошвы оторвались, кому нужно сшить сапоги. Вот они к нам приходили. Антон Павлович всегда тоже, значит, к нам приходил и рассказывал про холеру мужикам, а потом мужики вышли курить, в нашем доме не курили. А я говорю: «Антон Павлович, от холеры мы все помрем». А он меня по правому плечу — ладошкой и сказал: «Миша, ни одна холера тебя не возьмет». Я говорю: «Почему, Антон Павлович?» — «Потому, что у тебя губы в дегтю, руки в дегтю, весь ты дегтем пропитан. Она не только тебя взять, она боится твоего воздуха одного».

— Как ваша семья жила?

— Наша семья жила, 18 нас человек, хлеба у нас всегда не хватало, очень плохо вся деревня жила.

— Вот вы сказали тут, Михаил Прокофьевич, что побирались.

— Побирались, да, да, да.

— И только на подаяние жили, да?

— Только на подаяние, не хватало хлеба только у одного, но не хватит, или совсем вымокнет или, понимаете, очень мало родится.

— Михаил Прокофьевич!

— Я.

— А вот по уезду вам приходилось ездить?

— И в Шатуре был, и в Кашире был, и в Семеновском был.

— Вот в селах так же жили, как в вашем?

— Да, бывали места, где и получше маленько жили. Но все-таки против теперешнего время совсем далече, потому что сейчас совсем другая стала жизнь: электричество везде. А раньше что у нас было? Три трактира здесь, и один вот Родионов, значит, выскочит разумши зимой, бежит до самого трактира, насчет папироски. Когда подойдет к трактиру, увидит народ из трактира, дескать, разумши мужик пришел, и ему дают папироску; он схватит папироску да бегом домой. Вот люди как жили: побирались ходили, ну, одним словом, бедный народ жил, ну, так же и в других местах. Ну, там, может быть, хлебушек еще родился, а у нас плохой урожай. А сейчас совсем другое дело...

Ведущий. А сейчас мы в одном из 48 домов села Мелихово. Кстати, столько же их было здесь и при Чехове. Но это уже совсем не те дома. Добротные, светлые, просторные. Дом колхозницы Зинаиды Михайловны Ерасовой, которая позвала нас в гости, крыт железом, окрашен в веселый ярко-голубой цвет, широкие окна окаймлены белыми резными наличниками. К дому пристроена застекленная веранда. Возле нее лежит свежеоструганный длинный шест. Его назначение мы поняли, когда вошли в дом. В одной из комнат на полу нераспакованный только что купленный телевизор.

Мы не знаем, что ответила Зинаида Михайловна на вопрос переписи о том, кто является главой семьи, но хозяйкой дома она называет себя уверенно. И, судя по убранству комнат, хозяйка она хорошая.

Ерасова. Семья у меня семь человек — мы с мужем, трое детей и двое стариков, мои отец с матерью. Работаем вдвоем с мужем в колхозе. Я стала дояркой в колхозе. Ну, и доярка была не самая плохая, награждена медалями, и за свою работу меня наградили орденом «Знак почета».

— Ну, как вот вы живете, испытываете недостатки какие-нибудь или...

— Никаких.

— Обуты, одеты, хлеба хватает?

— Хватает всего, конечно. Мы так никогда не жили.

— Ну, наверное, не одним хлебом кормитесь?

— Ну, всего достаточно у нас.

— Всего достаточно. И вот телевизор купили?

— Телевизор купили, дом построили новый.
— Еще не распаковывали?
— Ну, дом построили с помощью колхоза.
— А чего же вы не распаковываете телевизор?
— Там чего-то не хватает немножечко, стабилизатора, что ли, нет, ну, это мы купим...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 795. Л. 1–27. Микрофонный материал.

А.Г. Ревенко[165]

Народная героиня
Радиорассказ[166]

10 июля 1959 г.
18.30–19.00

Корреспондент. Вы простите меня, товарищи радиослушатели, если свой рассказ о Вале Гагановой[167] я начну с сетования на собственную судьбу. Только что был в Вышнем Волочке, виделся с ней, говорил; вроде бы, как говорится, собрал материал, сел на попутный автобус, поехал в Москву, чтобы здесь уже отобрать записи и, спокойно обдумав все впечатления, рассказать вам об этой замечательной девушке, и вдруг — на тебе. Подъезжаю к Москве, шофер включил приемник, слышим, диктор: «За самоотверженный личный пример беззаветного служения интересам советского общества, выразившийся в добровольном переходе из передовой бригады с более высокой оплатой труда в отстающую и поднятии ее до уровня передовой, за выдающийся почин, имеющий большое значение для дальнейшего роста великого движения за коммунистическое отношение к труду, присвоить бригадиру прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината товарищу Гагановой Валентине Ивановне звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и Молот”»...

Я пожаловался на свою судьбу: вы понимаете, как жалел я, что в эту минуту был уже далеко от Вышнего Волочка, что не могу пойти, побежать к Вале и поздравить ее, увидеть ее счастливую, радостную... Она наверное, плакала от счастья, когда услышала указ. Впору было вернуться в Волочок, но позвонил туда — ее земляки раздосадованы куда больше: Валя уехала в Ленинград. Но все равно в Волочке сегодня праздник, а у ее товарищей, рабочих комбината — двойной: ведь Гаганову вырастил их коллектив. Здесь она стала комсомолкой, здесь она стала лучшим бригадиром, здесь принимали ее в партию.

Какая же она — наша народная героиня Валентина Гаганова? До встречи с ней я видел много ее фотографий в газетах, но, когда первый раз увидел, не узнал ее. На фотографиях — симпатичная девушка в косынке и в комбинезоне, с большим открытым лбом, чуточку лукавыми глазами, хорошей широкой улыбкой. Все это так, все, конечно, похоже, но передо мной была живая Гаганова — смеющаяся, говорливая, энергичная и без всякой ретуши: на лице конопушки, волосы рыжие,

руки крепкие, сама быстрая, как в народе говорится, не девка — огонь! Увидела мою сумку с магнитофоном, взмолилась: «Не фотографируйте меня, пожалуйста! Хватит с меня!» Ну, успокоил ее, что я не фотограф и что раз уж ее так замучили корреспонденты, не буду приставать к ней с расспросами.

Навестил я и другую нашу старую знакомую — Римму Осипову. Об этой девушке я готов говорить часами. И о ее быстрых рабочих руках, и о ее редкостной скромности, ее органическом трудолюбии, о ее лучистых глазах, в которых так и светится ум, о том, что наблюдать ее за работой — будто видеть наяву сказку: двадцать две машины заставляет она ткать, ткать безостановочно, без огрехов, молнией летает она по цеху, ни одного лишнего слова, ни одного лишнего движения.

И вот сейчас ткачиха Римма Осипова, возглавляющая бригаду, которая соревнуется за звание бригады коммунистического труда, решает.

Осипова. Думаю я так. С 46-го комплекта — наше гнездо — перейти на 49-й комплект, так как он отстающий. У нас недавно было сменное собрание, и вот там говорили, что наша бригада работает хорошо, а вот бригада 49-го комплекта отстает. Они объясняют свое отставание тем, что у них будто бы плохое оборудование, но у нас станки одной марки и одни и те же основы, а работа идет разная. Вот я и хочу предложить моей бригаде всем перейти на эти станки, 49-го комплекта, а они перейдут на наши, и доказать, что можно на отстающем комплекте работать.

Я уверена, что станки 49-го комплекта мы заставим работать не хуже, чем наши теперешние, конечно, надо с ними повозиться. Но зато они у нас будут давать продукции больше и лучше, правда, это только мои мысли пока что, но, я думаю, наша бригада согласится со мной.

Корреспондент. Мы уверены, что твои товарищи, Римма, поддержат тебя, ведь это новое замечательное предложение, новый почин! Вот какие люди на вышневолоцком комбинате!..

Может показаться, что я совсем забыл про героиню нашего рассказа — Валентину Гаганову...

Большая радость сейчас у Вали, большое счастье. И есть еще одна радость: Валя скоро станет матерью.

Врачи предписывают ей режим. Это вполне понятно. А Гаганова совсем не соблюдает этот режим. И это тоже вполне понятно... Надо видеть этого человека, чтобы понять, как чуждо ей безделье, даже вынужденное, и она работает не покладая рук. У нее уже две подопечных бригады, в разговоре с ней я затронул эту тему, спросил, что она будет делать после, когда поправится.

Гаганова. А что ж, бригад нет, что ли!..

— В другую или старую?

— В новую, конечно! Куда мне в старую, кто там во мне нуждается, там без меня вон они работают как.

— Ну, а все-таки вот какую будешь бригаду выбирать, отсталую?

— Ну, так что ж мне хорошую-то брать?! Конечно, мне — где похуже.

Корреспондент. Мне — где похуже. Вот ответ Вали: где похуже, где потруднее. В этом — вся она. Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше, — кажется, эта рыбья пословица отжила свой век. Видно, только так вот, коли не будешь бояться трудного, коли будешь жить за народ, только так и можно найти счастье...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 41. Микрофонный материал.

В.С. Зорин[168]

Выставка в Сокольниках
Радиорепортаж[169]

1 августа 1959 г.
19.30–9.40

Американская выставка в Сокольниках... Вот уже вторую неделю москвичи и приезжие из разных городов нашей страны с любопытством рассматривают экспонаты, привезенные из-за океана.

Как на всякой выставке, уже выявились центры притяжения и пустые места. Много народу около автомобилей американского производства, это машины самых последних марок. Здесь же указаны и цены — три с половиной, четыре, пять тысяч долларов. Знатоки осматривают машины со всех сторон, забираются внутрь, открывают крышку мотора и даже пытаются включить зажигание.

— Можете ли вы купить такой автомобиль? — спрашивает кто-то у гида, который стоит у машины фирмы Дженерал моторс.

— Нет, не могу, — честно отвечает тот. — Здесь показаны машины очень дорогих марок, — и чтобы сгладить впечатление от этого ответа рассказывает о том, какую машину имеет он сам.

У стендов с обувью и одеждой посетителей сравнительно немного. Посетители проходят мимо, лишь бросив беглый взгляд на ботинки и нейлоновые юбки. Публика не задерживается здесь, возможно, еще и потому, что у этих стендов нет экскурсовода. Но вот ниже, на первом этаже, мы заметили группу любопытных, которая плотным кольцом окружила молодого американца. Гид объясняет устройство новейшей электрической посудомойки, которая установлена на кухне типовой квартиры.

Интересует посетителей и сама квартира: она удобно распланирована и обставлена современной мебелью. И, конечно, у каждого возникает законный вопрос.

Да, 85 долларов, или, как переводят здесь гиды, 850 рублей в месяц, — это по карману немногим, даже в Соединенных Штатах Америки...

На одной из центральных площадей выставки под широким шатром установлено несколько металлических ящиков, напоминающих тяжелые банковские сейфы, но это не сейфы. Это американские машины голосования.

Как и у каждого примечательного экспоната, здесь стоит американский гид. Он объясняет, как устроена эта машина, сообщает, что с ее помощью посетитель может высказать свое мнение о выставке...

Вопросы сыпятся один за другим. Кандидаты от двух партий? А какая же между ними разница?

— Ну, прежде всего они отличаются друг от друга как люди.

— Хорошо, а в политике? Чем они отличаются друг от друга?

— Как сказать, вообще-то ничем.

Среди посетителей шум. Гид спохватывается. Он явно дал промашку. Он пытается выйти из положения.

— Дело в том, — говорит он, — что по принципиальным вопросам в обеих партиях нет расхождений, потому что у нас в Америке все основные проблемы уже разрешены.

Посетители не скрывают улыбок. Некоторые открыто смеются.

— Ну а что вы скажете о расовой дискриминации?

Гид говорит что-то о вопросах воспитания, обычаях, традициях.

— Ничего себе традиция, — говорит кто-то из присутствующих, — когда негритянских детей не пускают в школу, где учатся белые дети — это что, тоже обычай?

Трудно приходится гиду...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 404. Л. 9–12. Микрофонный материал.

Флагман арктического флота
Радиорепортаж

15 сентября 1959 г.

Голос. Давайте ход среднего. Слушаю Вас.

Голос, отдающий команду в мегафон. Прошу дать ход правым бортом.

Другой голос. Добро. Правой машиной ход давайте.

Корреспондент. Эту запись, которую Вы слышите, по праву можно назвать исторической. Записан момент, когда флагман арктического флота атомный ледокол «Ленин» дал первый ход. Это была волнующая минута. За кормой вырос белопенный бурун, и могучий корпус атомохода рассек первую набежавшую волну.

(*Гудок.*)

Корреспондент. Ледокол подает голос.

(*Гудок.*)

Корреспондент. Его приветствуют встречные и провожающие суда. Итак, первый в мире атомный ледокол начал плаванье. Вы уже знаете, что его использование продлит навигацию на Северном морском пути...

(*Гудок пароходов.*)

Корреспондент. Волнующий, торжественный момент. Вы слышите, товарищи радиослушатели, гудки. Это стоящие на Неве суда приветствуют атомный ледокол «Ленин». Атомный ледокол только что снялся с якоря и теперь идет вниз по Неве. Вот мы видим здесь, на набережных Невы, тысячи людей, которые приветственно машут руками, провожая ледокол в свой первый рейс. Ледокол идет в Финский залив. Он взял курс на Кронштадт. Сейчас здесь, на палубе, состоится

митинг. Сюда прибыл руководитель Французской коммунистической партии Морис Торез. Вместе с ним прибыли на ледокол первый секретарь Ленинградского областного комитета партии товарищ Спиридонов и первый секретарь Ленинградского городского комитета партии товарищ Родионов.

(*Аплодисменты.*)

М. Торез[170]. Дорогие товарищи! Я очень счастлив выразить вам не только мои личные чувства и переживания, но также чувства и переживания всех трудящихся Франции за тот новый подвиг советской науки и техники, нашедший свое выражение в строительстве первого атомного ледокола «Ленин». Последнюю неделю я имел возможность ознакомиться со многими новыми достижениями Советского Союза, с теми успехами, которые одержал Советский Союз во всех отраслях знания и строительства, в том числе и в области использования атомной энергии. Последние дни нашего пребывания озарены всеобщей радостью, вызванной прилунением ракеты. Вся работа советских рабочих, техников и ученых под руководством славной Коммунистической партии свидетельствует о той высокой степени развития, которой может достигнуть общество при коммунизме. Эта одна из основных причин, вызывающих радость среди трудящихся капиталистических стран. Мы знаем также, что ваша мощь поставлена на службу интересам мира. И это является второй причиной, которая обусловливает объединение всех народов мира с Советским Союзом. Все это резюмируется в той поездке, которую в настоящее время совершает товарищ Хрущев в Соединенные Штаты Америки. От глубины сердца еще раз приветствую вас. Да здравствуют успехи советских рабочих, техников и научных работников! Да здравствует партия Ленина! Да здравствует коммунизм![171]

(*Аплодисменты, крики «ура!».*)

Голос. Слово предоставляется первому секретарю областного комитета партии Ивану Васильевичу Спиридонову.

(*Аплодисменты, гудки пароходов.*)

Спиридонов. Сегодня в жизни трудящихся Ленинграда особый день. Сегодня здесь, на борту корабля-красавца, встретились те, кто создавал этот корабль, и те, в руки которых передается этот корабль. Этим самым актом мы сегодня как бы завершаем работы по сооружению корабля и начинаем его эксплуатацию.

(*Гудки пароходов, свистки.*)

Спиридонов. Это нам салютуют. Ничего не сделаешь... Никита Сергеевич дал очень высокую оценку работникам советской науки, советской техники, трудящимся Советского Союза, которые сумели создать космическую ракету, запустить ее на Луну и попасть прямо на Луну. Наряду с этим он дал высокую оценку и трудящимся, которые создали этот корабль...

Позвольте мне также выразить уверенность в том, что команда, которая принимает этот корабль во главе с испытанным моряком арктического флота товарищем Пономаревым, будет достойна нести вахту на этом корабле и будет всему миру демонстрировать мирные устрем-

ления Советского Союза, советского государства, людей всех советских. Свидетельством этих мирных устремлений являются вся наша жизнь, весь наш труд. И поездка сегодняшняя, вернее, полет Никиты Сергеевича Хрущева в Америку служит этим же самым целям. Позвольте от вашего имени сказать Никите Сергеевичу горячее пожелание успеха ему в переговорах с президентом Америки за дело мира...

Корреспондент. Митинг окончен. Товарищ Морис Торез и сопровождающие его лица садятся на катер, который следует рядом с ледоколом. Этот катер отходит и направляется к берегу. Ледокол медленно и величаво плывет вниз по Неве. Вот мы уже проходим гранитные набережные, и сейчас ледокол уже в устье реки. Он проходит мимо родного завода, и здесь, с бортов строящихся судов, сотни людей машут приветственно руками. Итак, первое плавание атомного ледокола «Ленин» началось.

РГАФД. № Н-2908 (1–2). Вр. зв. 15.30. Магнитная запись.

Н.М. Коржавин[172]

Для чего пишут стихи

Выступление
Передача для старших школьников

20 мая 1960 г.
11.25–11.40

Семиклассница Лида Грачева пишет: «Дорогая редакция! Прошу передать мои стихи по радио. Прошу не отказать в моей просьбе». Это письмо одновременно похоже на заявление и горячую мольбу.

Взволнованно море шумит,
Корабли на причал зовет,
Белокрылая чайка над морем летит,
Все быстрее буря растет.
Чуть заметно вдали
Парус одинокой лодки вьется,
Навстречу идут корабли,
И подводная лодка несется.

Прочтя эти стихи, можно было бы сказать, что они очень неточно и несовершенно написаны... В конце концов Лида — еще не профессиональный литератор, и нет ничего удивительного, что она еще просто мало умеет.

Но, возможно, и необходимо писать так, чтобы чувствовалось, что тебя — именно тебя, сейчас — именно сейчас, в переживаемый тобой момент жизни, взволновало море — так взволновало, что даже заставило поделиться этой взволнованностью с другими, незнакомыми тебе людьми и даже говорить об этом не так, как люди говорят между собой в обыденной жизни, а как-то совершенно по-особому — стихами...

Но мне кажется, что я понимаю, чем вызвана просьба Лиды. Ведь, когда она писала, она думала о море, а оно в нашем сознании очень

прочно связано с поэзией, настолько прочно, что само упоминание о каком-нибудь предмете, который имеет какое-либо отношение к морю, будь то корабль, будь то галера, будь то парусная лодка, уже может показаться поэзией. Кроме того, она старалась писать наиболее красивыми (по ее мнению) словами.

И нет ничего удивительного в том, что ей показалось, будто она создала нечто — пусть не вполне совершенное, но (это она понимала) все же красивое и потому важное, чем ей и захотелось поделиться с другими. Желание праздника, которое жило в ее душе, она приняла за сбывшийся праздник, каким является всякий акт творчества.

Разумеется, в том, что с ней это произошло, нет ничего стыдного. Она мало читала стихов, мало о них думала... А ведь это обязательно не только для тех, кто собирается работать в поэзии, но и вообще для всякого культурного человека.

Надо читать стихи, стараться понять, чем взволновало вас то или иное стихотворение, какими средствами передано чувство, вызвавшее ваше волнение. Иначе говоря, для того, чтобы писать стихи, нужно проделать большую предварительную работу. И только тогда будет ясно, может человек быть поэтом или нет. Причем если даже окажется, что он не может (а так бывает чаще всего), то усилия его все равно окупятся. Он научится хорошо понимать искусство, а это намного обогащает человеческую жизнь...

Умение осознавать эти чувства, умение, я бы так сказал, понимать, что в этих чувствах представляет интерес для всех людей, а что мимолетно и интересно только ей, дается не сразу и уж, конечно, не легко. Для этого надо уметь быть таким человеком, чтобы твоя жизнь, твои переживания представляли общественную ценность. Чтобы красота мира и его безобразие, правда и неправда стали твоим личным интимным делом. И не «понарошку», а всерьез.

А это далеко не так легко. На этом люди иногда и сгорали. Вспомните строчки Маяковского:

И снова боль моя острей.
Стою огнем обвит
На несгорающем костре
Немыслимой любви.

Стихи людей, чьи сердца не горят на таком костре, никого не греют. Но я не хочу, чтоб вы думали, ребята, что поэзия — это каторга. Это счастье.

Но счастье — вещь нелегкая. «Ты думал счастье — шутка?» — иронически спрашивает себя один из крупнейших поэтов Александр Твардовский в стихотворении, где он жалуется на трудности своей работы.

Нет! Счастье — не шутка. Поэт его добывает трудно и имеет редкую возможность делиться им с другими... Для того и пишут стихи.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 354. Микрофонный материал.

День мира
Хроника[173]

27 сентября 1960 г.
12.47–13.07

(*Позывные.*)

Диктор. Вы слышите необычные позывные. Так начинаются радиопередачи в московском государственном университете, откуда мы ведем сейчас наш репортаж.

Корреспондент (*другой голос*). Все, что вы сейчас услышите, произошло сегодня в Москве, в самом высоком и, может быть, самом интересном здании города — в здании Московского государственного университета. Нас было пятеро студентов-журналистов, которым было поручено рассказать об одном дне университета — дне 27 сентября. Мы собрались в гостиной, поставили на стол микрофон и...

Другой голос. Опять старая история. (*Шум.*)

Другой голос. Ни к чему не приведут, ни к чему не приведут, ни к чему не приведут.

Другой голос. Ребята, одну минуточку, я знаю, с чего начать. Расскажем, какое это величественное здание, сколько здесь аудиторий, комнат, залов.

Другой голос. Да, да, да, да, сколько здесь окон, пылесосов, дверных ручек.

Другой голос. Да, конечно.

Другой голос. Вечно у тебя, Генка, какая-то любовь к статистике. Ребята, я предлагаю рассказать об учебе.

Другой голос. Ну, об учебе.

Другой голос. Ну, да, да, да.

Другой голос. Вот если мы возьмем 35-й год, ведь в 35-м году в университете училось всего 3 тысячи 900 студентов. А сейчас в университете 22 тысячи студентов. Подумайте, это почти в пять раз больше, каждый год университет выпускает... 3 тысячи студентов.

Другой голос. Все, что ты говоришь, Наташа, это, конечно, верно. Но разве можно говорить об университете и не рассказать о спорте? У нас ведь вот даже свои олимпийцы есть — Куринной, Галкин, чемпион СССР Петров. Но ведь самое главное в нашем спорте — это большая массовость. Вы знаете, сколько у нас спортсменов в университете? Десять тысяч.

А ведь вот у меня здесь записано: в 1935 году в МГУ был всего-навсего один студент, сдавший на «ГТО-2». Это студент-второкурсник Макушкин. Правда, у нас тогда и база была куда меньшая. Представьте нашу базу: у нас трехзальный корпус и манеж легкоатлетический, и залы спортивные. Ну, вот посмотрите хотя бы наш бассейн. Это же чудесный бассейн. В нем не только плавать — утонуть приятно...

Другой голос. Ребята, но как можно говорить о занятиях и ничего не сказать об ученых, воспитанниках нашего университета? Ну вот, посмотрите, 35 академиков у нас работают, 52 члена-корреспондента Академии наук. Я уверен, большинство из них учились в нашем уни-

верситете. Я вот вчера смотрел нашу университетскую газету за 35-й год. Я увидел в номере от 27 сентября такую табличку: «620 окончивших университет и аспирантуру, 152 окончивших рабфак даст в выпуске 35-го года нашей великой Родине старейший вуз страны — МГУ».

Вот интересно было бы проследить их судьбу, а?

Другой голос. Да, интересно было бы проследить.

Другой голос. Хотя, знаете что, о некоторых из 120 аспирантов 35-го года мы знаем кое-что. Вот посмотрите, в том же номере напечатано: «Высокую оценку получила кандидатская диссертация Блохинцева (физфак)». Член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии Дмитрий Иванович Блохинцев сейчас возглавляет Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, является одним из наших крупнейших ученых-физиков. Конечно, здорово было бы записать его на пленку сегодня, но, понимаете, мне никак не удалось. Зато кое-что другое есть у меня.

Несмеянов. 1935 год... Четверть века назад. В этом году я получил докторскую степень и стал профессором Московского университета.

Корреспондент. Знаете, кто это говорит? Президент Академии Наук СССР академик Александр Николаевич Несмеянов.

Другой голос. Да, да, в 1922 году он окончил наш университет, а в сентябре 1935 года стал доктором химических наук, профессором. Кстати, и предыдущий президент Сергей Иванович Вавилов, он тоже учился в нашем университете.

Ой, простите, ребята, я ведь так и не дал вам послушать, что же рассказал мне академик Несмеянов.

Несмеянов. Тогда я не знал, что впоследствии мне придется и возглавить кафедру органической химии Московского университета — ту самую, на которой я был профессором с 35-го года, а далее быть и ректором Московского университета, и принять активное участие в строительстве гигантского здания университета на Ленинских горах.

Корреспондент. Значит, как раз в то время, в период строительства нового здания, вы были ректором университета?

Несмеянов. — Я тогда был ректором, и я начинал это дело. Так что все планы строительства при моем участии шли, и я считаю это одним из главных дел моей жизни в прошлом...

(*Музыка.*)

Другой голос. Ребята, а я предлагаю, рассказать о студентах-иностранцах. Вот вы знаете, например, такой факт, что первый самый большой набор студентов-иностранцев в университете был в 1950 году. Всего 10 лет назад. Тогда было принято только 170 человек иностранцев.

А сегодня вот пошел на физический факультет и узнал, что только на этом одном факультете учится триста человек.

Другой голос. Саша, а сколько всего учится?

Другой голос. А всего учится две тысячи человек.

Другой голос. Да, речь 50 национальностей сегодня звучит в стенах нашего высотного здания.

Чиоффи-Атты Клаудио. Я очень хотел учиться здесь, в Москве, потому что я знал, я думал, что физический предмет здесь очень развивается и можно учиться хорошо.

Корреспондент. Вы слышите, здесь можно учиться. Это сказал итальянский студент Чиоффи-Атты Клаудио. Клаудио приехал в Москву всего лишь шесть месяцев тому назад. И он сейчас учится на первом курсе физического факультета. Правда, он не новичок у нас в Москве: когда-то, в 1957 году, три года назад, Клаудио был в составе итальянской делегации на международном Всемирном фестивале здесь.

Чиоффи-Атты Клаудио. Я должен говорить, что я видел новую Москву сейчас: больше машин, больше хороших зданий, город, как сказать, развивается больше. И сейчас много красивее, чем три года назад. Я жил всегда вместе с русскими и должен сказать, что они очень хорошие товарищи. Да, я, конечно, хочу возвратиться домой как хорошим специалистом, но тоже я хочу знать глубоко и Советский Союз и жизнь советского народа...

Другой голос. Ну что же, ребята, пора кончать. Надо теперь решить, что же мы будем рассказывать по-настоящему: или то, что Генка рассказывал, или то, что предлагала Наташа?

Другой голос. Время совсем мало, конечно.

Другой голос. Ребята, а микрофон-то включен?

(*Пауза.*)

Другой голос. Слушайте, ребята, а чего вы испугались?

Другой голос. Ведь все, что мы хотели рассказать радиослушателям, мы уже рассказали, здорово, а?

(*Смех.*)

Диктор. Репортаж из московского государственного университета вели студенты радиогруппы факультета журналистики МГУ Виген Гаспарян, Геннадий Остапенко, Виль Палипов, Александр Порошин, Наталья Прокофьева, Виктор Феоктистов.

(*Музыка.*)

17.05–17.18

Гальперин. Письма, письма, письма... Их бесконечно много идет к нам со всех концов страны. Почему же так охотно откликнулись люди на призыв рассказать о себе, почему так щедро раскрывают перед миллионами сограждан свои сердца, делятся сокровенными мыслями? Ответ — в самих письмах...

Инженер паровозного депо Тернополь Львовской железной дороги Леонид Григорьевич Башлаков взялся за перо, чтобы рассказать о том, как 27 сентября 1935 года он с трепетом впервые открыл дверь комнаты, куда вошел как преподаватель. Его ученики были необычными. Здесь сидели паровозные машинисты, у многих из которых производственный стаж превышал возраст самого педагога.

«С тех пор прошло 25 лет. Мои первые слушатели уже давно на пенсии. Мне полюбилась профессия педагога. Я закончил еще педагогический институт, и хотя меня направляли в школу, но все же неудержимо влекло к взрослым, к рабочим. И нет для меня большего счастья,

чем открывать перед ними новые знания, помогать им обогатить свой практический опыт теорией».

У Екатерины Пономаренко другая профессия. Она молодой медик и самое большое счастье испытала, приняв в этом году первые роды. «Что может быть тревожнее и прекраснее в жизни женщины, — пишет медсестра Пономаренко, — чем рождение нового человека?»

Кочегар Белозеров, инженер и педагог Башлаков, медсестра Пономаренко одинаково счастливы и горды своей профессией, своим служением людям. И это главное, что заключено в любом из полученных нами писем.

Солдат-пограничник Василий Лихачев навсегда запомнил 27 сентября 1959 года — день принятия военной присяги.

«Я поклялся навсегда быть верным своей родине, партии и народу. Мы зорко охраняем мирный труд страны, и советские люди могут быть спокойны. Враги мира не застанут нас врасплох...»

Нашу родину, нашу счастливую жизнь люди воспевают в стихах, посвящают ей рассказы. Их множество в нашей почте...

Радиослушательница Богданова из поселка Царицыно Московской области, выражая чувства горячей признательности Коммунистической партии и Советскому правительству, заключает свое стихотворение такими словами:

Простые люди твердо знают,
Что миру мир несет Хрущев.

«Миру — мир» — так завещал нам великий Ленин, мечтавший о светлой и счастливой жизни для всех тружеников земли.

Заканчивая этот выпуск хроники дня мира, мы познакомим вас с песней, которую ученик 4-го класса школы номер 4 из города Алма-Ата Алеша Дубровский написал к 27 сентября на слова поэта Маршака.

«Я дарю эту песню, — пишет Алеша Дубровский, — Дню мира. И от всего сердца желаю, чтобы знамя Ленина принесло мир и счастье всем людям на свете».

(*Песня.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 829. Л. 44–51, 101–107. Микрофонный материал.

В.И. Амлинский[174]

Разговор о любви

Передача по письмам юных радиослушателей

27 января 1961 г.
11.10–11.39

Начинают говорить письма... тихие тонкие листки бумаги, исписанные аккуратными и небрежными почерками. Они очень разные: тревожные, недоуменные, самоуверенные, взволнованные. Это письма о самом сложном — письма о любви.

Начинают говорить письма, и я вслушиваюсь в их голоса, и я различаю их интонации...

«Я не знаю, как это объяснить... Даже писать трудно... Но вот я слушала вашу передачу, вашу постановку "Станция первой любви" и думала о своем... Почему-то и у меня вдруг все изменилось в один день, и все люди стали какие-то другие, и деревья, небо и даже дорожка в школьном саду другая...

Мне шестнадцать лет, меня зовут Маша. Учусь я ничего, люблю литературу, но сейчас стала учиться хуже... А его, как и вашего героя, зовут Сергей, и он тоже какой-то странный и неровный человек... но, в общем, он очень хороший... Да, в общем-то, для меня он самый хороший.

А познакомились мы осенью, в августе, на Чистых Прудах, знаете, там, где зимой каток, а летом кафе. Вода в Чистых Прудах была тогда голубая, а сейчас она замерзла...

И если даже все это пройдет, я буду ходить на Чистые Пруды летом и бросать крошки хлеба лебедям, и смотреть, как вода от солнца становится золотой... Но, может быть, я приду туда и зимой, когда еще не вышли на лед конькобежцы, когда лед еще белый, матовый, и ветер гонит по нему снег...

Мы познакомились на Чистых Прудах, и я люблю Чистые Пруды и всю жизнь буду любить их...»

Это сказала нам Маша, которая не написала свою фамилию...

«Я учусь в 8-м классе в городе Орджоникидзе, вот уже два года я дружу с мальчиком из нашего класса. Вместе с ним готовим уроки и ходим домой. Но есть у нас в классе такие мальчики и девочки, которые смеются над нашей дружбой и обзывают нехорошими словами. Я уже несколько раз спрашивала себя: может быть, оставить нашу дружбу? Посоветуйте, дорогая редакция, как мне быть».

Говорят письма. Разные люди писали их и думали они о разном... И все об одном и том же. Люди просят советов, люди жалуются, люди делятся своей радостью и бедой, рассказывают о себе.

Что же ответить вам, дорогие адресаты?

Может быть, есть какие-то рецепты, какой-то справочник, где на 70-й странице написано, что делать, если она тебя разлюбит, на 25-й — приведена таблица человеческих настроений, а на 47-й — даны краткие сведения о ходе и последствиях болезни, именуемой «первая любовь».

Я бы не взял на себя смелость объяснять Лене К., как ей поступить с Васей С., который к ней равнодушен.

Лена К. и Вася С., может быть, вы сами разберетесь в своих чувствах, если они у вас есть, а если их у вас нет, то, может быть, это тоже вы поймете сами? Больше уважения, доверия к себе.

К сожалению, многие из вас, вступающих в жизнь, почему-то считают, что все движения человеческой души можно разложить по полочкам, что на всякий жизненный душевный вопрос приготовлен заранее составленный ответ, как на задачу по алгебре в конце учебника. Нет, искусственных рецептов здесь не бывает.

Одна девочка из Новгорода огорчена тем, что парень ее разлюбил, просит устыдить его: «Я буду рассчитывать на вашу помощь. Вы назовите его фамилию по радио, может быть, он услышит и поймет все...»

Вряд ли такой способ поможет.

Человеческое чувство — это большой, радостный, а иногда тяжелый груз... Но нести его надо не перекладывая на чужие плечи, нести мужественно и честно, не выбирая легких, проторенных дорожек...

Станция первой любви — это не только первая радость и первое страдание, первая смятенность души, но и начало взрослости, начало пути в большую и непростую жизнь. И на этой станции «завязывается» характер, рождаются первые раздумья, раскрывается человеческая красота.

И первое чувство проходит через всю жизнь, наполнив ее высоким солнечным светом, или гаснет, не разгоревшись, не засверкав, бедное огнем, бедное теплом, скудный, негреющий жалкий костерок...

ГА РФ. Ф-6903. Оп. 16. Д. 369. Микрофонный материал.

Р.М. Иоффе[175]

«Молодожены»
Радиопьеса[176]

[Начало 1960-х гг.]

Сцена. На сцене газ[овая] плита, на ней две кастрюли, входит немолодая женщ[ина].

Она. Господи! Опять гарью пахнет! Опять вонь! Господи, где же тряпка! (*Сняла с плиты кастрюлю.*) Ну и вонь! Все сгорело. Вот так — каждый день, угар, вся плита в сале, в кухню не войдешь. Человек женился и сошел с ума! Раньше никогда ничего не готовил, дома его не видно. Соседям радость, а не жилец. Женился и кухаркой сделался! Баба в штанах! Смотреть противно. (*Увидела книжку.*) Книжки кулинарные накупил. Бред! (*Читает.*)

«Проф[ессор] Лорье. Лечебное питание в домашних условиях. Советы врача». (*Злорадный смех, перелистывает.*)

О, здесь нежная надпись (*читает*):

«Моей дорогой, родной, моей единственной женушке, радости моей, другу моему, моей любимой».

(*Перелистывает книгу, читает заголовки.*)

«При вздутии и болях в животе...»

«Диета при хроническом энтероколите с поносом»

«Диета при хронических запорах»...

Совершенно неприлично, и при этом каждый день адский угар на кухне. (*Идет к плите, снимает крышку с другой кастрюли*). Суп, все выкипело, черт знает что, плюнуть, что ли...

(*Входит сосед.*)

Он. Ах, Марья Ив[ановна], простите, заработался, забыл про обед.

Она (*грозно*). Послушайте, [П.] Агапович, надо же иметь совесть!

Каждый день угар, плита вся в сале, дышать нечем. Ну, хорошо, вы женились, но почему вся квартира должна страдать?

Он. Ну, простите. Я никогда раньше не готовил, у меня нет проф[ессиональных] навыков…

Она. Постыдитесь! Вы же мужчина! Какой же порядочный женатый мужчина готовит?

Он. Но, Марья П[?], вы же знаете, Олечка работает, я бюллетеню. Почему же мне ей не помочь!

Она. Но это же не мужское дело. Надо же иметь стыд. Книжки неприличные покупаете и на кухне оставляете.

Он. К сожалению, М[арья] П[?], по кулинарии нет спец[иальных] книг, вот мне и пришлось купить эту, тут много прекрасных советов, как надо приготовлять, ведь ни я, ни Олечка, никогда раньше не готовили…

Она. Я знаю, вы учились, вы с высшим образованием, но кто вам дал право безобразничать в общей квартире?! Где это видано, чтобы муж готовил!

Я 16 лет замужем, а мой муж ни разу даже чайника не поставил на плиту.

Он. Простите, М[арья] П[?], но вы не работаете…

Она. Не прощаю. Что значит не работаю? Я всего год не работаю, я стахановкой была, но чтобы мой муж да с кастрюльками… Чтобы он дошел до такого разврата? Позора этого никогда не было, не будет!

Он. Я прошу вас меня не оскорблять! Это не разврат, не позор. Это — любовь и дружба. Моя жена работает, так же как и я. Почему она должна меня обслуживать?

Она. Потому, что она жена! А вы ненормальный мужчина.

Он. Нет, позвольте, это вы ненормальная женщина с отсталыми, доисторическими взглядами.

Она. Что?! Это у меня доисторические взгляды?! Ну, знаете, приедет мой муж, он с вами поговорит!

Он. Приедет! Три месяца человек в командировке и ни разу не написал своей жене…

(*Звонок.*)

Это к вам, М[арья] П[?]. Ничего! Нет, я настоящий мужчина. Я привык ухаживать за женщинами, я открою. (*Бежит открывать.*)

Она (*кричит ему вслед*). Мне не нужны ваши ухаживания! У меня, слава богу, есть свой нормальный муж!

Он (*приносит письмо*). Вам письмо. (*Уходит.*)

Она. От Васечки! (*Читает.*)

«Дорогая Маша!

Я здоров и через неделю 21-го приеду в 9 ч. вечера. Позвони Н.И. и попроси подъехать с машиной. Успела ли ты отремонтировать комнату?

Я потерял перчатки, купи новые, но не кожаные.

Зайди [к] П.П. и предупреди его о моем приезде.

Жди. Твой Вася».

(*Берет книжку и сквозь слезы читает ее надпись.*

Входит сосед. Она поспешно бросает книгу и вытирает слезы.)

Он. Что с вами? Что-нибудь случилось?

Она (*молчит*).
Он. Он заболел?
Она (*плачет*).
Он. Он не приедет?
Она. Нет, он приедет, через неделю… Вы знаете, я вспомнила, у меня есть чудесная поварская книжка, я ее купила давно, в молодости… Идемте, я вам ее подарю.

РГАЛИ. Ф. 3086.Оп. 1.Д. 18. Л. 15–28. Машинопись.

Э.А. Мнацаканов[177]

Негодование
Комментарий[178]

15 февраля 1961 г.
19.20–19.30

...Я только что вернулся с митинга протеста на московском заводе «Серп и Молот». Я видел слезы на глазах у людей, видел гневно сжатые кулаки, слышал страстные, идущие от сердца слова позора и проклятья в адрес бельгийских колонизаторов и их чомбистских псов, в адрес презреннего лакея колонизаторов Хаммаршельда, который по чудовищному недоразумению все еще занимает ответственный пост в Организации Объединенных Наций. Мощная волна таких митингов прокатывается сегодня по всей нашей необъятной стране. Рабочие, колхозники, ученые, учителя, военнослужащие, студенты с гневом говорят о тех, кто зверски растерзал пламенного сына конголезского народа, премьер-министра Республики Конго, человека, чья короткая и славная жизнь, чья стойкость в борьбе за счастье родного народа сделала его символом свободы всего великого африканского континента.

В советских газетах опубликованы портреты Патриса Лумумбы[179]. Высокий, стройный африканец, с интеллигентным лицом, маленькой бородкой, с чуть грустной улыбкой... За что его так ненавидели колонизаторы, за что они его бесчеловечно замучили?..

Убийство Патриса Лумумбы — международное преступление. Народы хорошо знают, кто убил Лумумбу и его соратников. Это прежде всего бельгийские колонизаторы. Представитель бельгийского министерства иностранных дел вчера заявил: «Бельгия выражает свое сожаление по поводу обстоятельств, при которых бывший премьер-министр Конго встретил свою смерть. Бельгия абсолютно не связана ни с арестом, ни с заключением в тюрьму, ни с переводом, ни со смертью бывшего премьер-министра». Какая чудовищная ложь! Какое фарисейство!

Товарищи! Начиная с той минуты, когда мы передали в «Последних известиях» скорбную весть об убийстве Патриса Лумумбы, почта приносит к нам в редакцию сотни телеграмм и писем, в которых советские люди требуют сурово наказать всех вдохновителей и исполнителей этого злодеяния. Сейчас здесь, в студии, лежит целая гора таких телеграмм. Они пришли и продолжают поступать из всех уголков

нашей родины. Вот некоторые из них. Телеграмма из Воронежа: «Полны гнева убийством Лумумбы. Позор Хаммаршельду. К ответу убийц! Преподаватель Барбарин, пенсионеры Масловы, Яковлева». Из Кировска: «Коллектив учителей и учащихся средней школы номер один возмущены варварской расправой над героем конголезского народа. Смерть убийцам». Из Вильнюса: «Мы, работники управления машиностроения, выражаем гневный протест кровавым убийцам Лумумбы, от души возмущены бесчеловечным отношением к жене и детям героя».

Лумумба убит, и весь мир переживает тяжесть утраты. Но смерть героя зовет к подвигам. Она посеяла новые семена неугасимой ненависти к колонизаторам и сплотила миллионы конголезских патриотов на смертный бой с ненавистным игом чужеземцев и предателей.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12 Д. 460. Л. 251–254. Микрофонный материал.

В космосе гражданин страны советов!
Специальный выпуск «Последних известий»

12 апреля 1961 г.
10.02–10.20

СООБЩЕНИЕ ТАСС О ПЕРВОМ В МИРЕ ПОЛЕТЕ ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик-майор Гагарин Юрий Алексеевич[180].

Старт космической многоступенчатой ракеты прошел успешно, и после набора первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя корабль-спутник начал свободный полет по орбите вокруг Земли.

По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89 целых одну десятую минуты; минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) равно 175 километрам, а максимальное расстояние (в апогее) составляет 302 километра; угол наклона плоскости орбиты к экватору 65 градусов 4 минуты.

Вес космического корабля-спутника с пилотом-космонавтом составляет 4 тысячи 725 килограммов, без учета веса конечной ступени ракеты-носителя.

С космонавтом товарищем Гагариным установлена и поддерживается двусторонняя радиосвязь. Частота бортовых коротковолновых передатчиков составляет 9 целых 19 тысячных мегагерца и 20 целых 6 тысячных мегагерца, а в диапазоне ультракоротких волн 143 целых 625 тысячных мегагерца. С помощью радиотелеметрической и телевизионной систем производится наблюдение за состоянием космонавта в полете.

Период выведения корабля-спутника «Восток» на орбиту космонавт товарищ Гагарин перенес удовлетворительно и в настоящее время чувствует себя хорошо. Системы, обеспечивающие необходимые жизненные условия в кабине корабля-спутника, функционируют нормально.

Полет корабля-спутника «Восток» с пилотом-космонавтом товарищем Гагариным на орбите продолжается.

Сообщения из космоса.

По полученным данным с борта космического корабля «Восток», в девять часов двадцать две минуты по московскому времени пилот-космонавт майор Гагарин, находясь над Южной Америкой, передал: «Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо».

В 10 часов 15 минут по московскому времени пилот-космонавт майор Гагарин, пролетая над Африкой, передал с борта космического корабля «Восток»: «Полет протекает нормально, состояние невесомости переношу хорошо».

19.00–19.24

Президент Соединенных Штатов Америки Кеннеди[181] поздравил советских ученых и инженеров с выдающимся достижением — запуском космического корабля с человеком на борту и благополучным возвращением его на землю.

«Достижение СССР, который вывел человека на орбиту и благополучно вернул его на землю, — заявил Кеннеди, — представляет собой выдающийся успех техники. Мы поздравляем советских ученых и инженеров, которые сделали возможным этот подвиг.

Исследование нашей солнечной системы — цель, которую мы и все человечество разделяем с Советским Союзом, а данный успех — важный шаг к этой цели».

Вот что нам сказала народная артистка Советского Союза Ольга Лепешинская[182]:

— То, что мы сегодня услышали по радио, настолько великолепно, что трудно подыскать слова, чтобы определить, как это много значит для человечества.

Я только что прилетела из Целинограда и очень сожалею, что эта поразительная новость не застала меня там. Мне очень хотелось услышать о ней в кругу тех замечательных людей, которых мы встретили на целине.

По телевизору показывали портрет Юрия Гагарина. Видимо, он молод, очень молод. Таких же, как он, его сверстников, встретили мы в Целинограде, и мне подумалось, глядя на этого храброго, простого советского человека, что таких, как он, в нашей стране множество.

Юрием Гагариным гордится и наш Советский Союз, и все прогрессивное человечество, ибо они двигают время вперед.

13 апреля 1961 г.
0.45–0.58

Вскоре после сообщения о благополучном завершении первого космического полета и приземления Ю.А. Гагарина в заданном райо-

не состоялся разговор по телефону между товарищем Н.С. Хрущевым и первым космонавтом Ю.А. Гагариным. Это произошло в 13 часов по московскому времени. Н.С. Хрущеву сообщили, что с ним хочет поговорить Ю.А. Гагарин.

— С большим удовольствием поговорю с товарищем Гагариным, — сказал Н.С. Хрущев.

Взяв телефонную трубку, Никита Сергеевич говорит:

— Рад слышать вас, дорогой Юрий Алексеевич.

Гагарин. Я только что получил вашу приветственную телеграмму, в которой Вы поздравляете меня с успешным завершением первого в мире космического рейса. Сердечно благодарю Вас, Никита Сергеевич, за это поздравление. Счастлив доложить Вам, что первый космический полет успешно завершен.

Хрущев. Сердечно приветствую и поздравляю Вас, дорогой Юрий Алексеевич. Вы первым в мире совершили космический полет. Своим подвигом Вы прославили нашу Родину, проявили мужество и героизм в выполнении такого ответственного задания, своим подвигом Вы сделали себя бессмертным человеком, потому что первым из людей проникли в космос.

Скажите, Юрий Алексеевич, как Вы себя чувствовали в полете, как протекал этот первый космический полет?

Гагарин. Я чувствовал себя хорошо. Полет проходил очень успешно, вся аппаратура космического корабля работала четко. Во время полета я видел землю с большой высоты. Были видны моря, горы, большие города, реки, леса.

Хрущев. Можно сказать, что Вы чувствовали себя хорошо?

Гагарин. Вы правильно сказали, Никита Сергеевич, чувствовал себя в космическом корабле хорошо, как дома. Еще раз благодарю Вас за сердечное поздравление и приветствие с успешным завершением полета.

Хрущев. Я рад слышать Ваш голос и приветствовать Вас. Буду рад встретиться с Вами в Москве. Мы вместе с Вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий народ, наша советская наука.

Гагарин. Пусть теперь все страны догоняют нас!

Хрущев. Правильно! Очень рад, что Ваш голос звучит бодро и уверенно, что у Вас такое замечательное настроение. Вы правильно говорите — пусть капиталистические страны догоняют нашу страну, проложившую путь в космос, пославшую первого в мире космонавта. Все мы гордимся этой великой победой.

Здесь присутствует Анастас Иванович Микоян, он передает Вам сердечное поздравление и приветствие.

Гагарин. Передайте мою благодарность Анастасу Ивановичу и лучшие пожелания ему.

Хрущев. Скажите, Юрий Алексеевич, у Вас есть жена, дети?

Гагарин. Есть и жена Валентина Ивановна, и две дочери — Лена и Галя.

Хрущев. А жена знала, что Вы полетите в космос?

Гагарин. Да, знала, Никита Сергеевич.

Хрущев. Передайте мой сердечный привет Вашей жене и Вашим детям. Пусть ваши дочери растут и гордятся своим отцом, который совершил такой великий подвиг во имя нашей советской Родины.

Гагарин. Спасибо, Никита Сергеевич. Я передам им Ваш привет и навсегда запомню Ваши сердечные слова.

Хрущев. А Ваши родители, мать и отец, живы? Где они сейчас находятся, чем занимаются?

Гагарин. Отец и мать живы, они живут в Смоленской области.

Хрущев. Передайте Вашим отцу и матери мои сердечные поздравления. Они вправе гордиться своим сыном, который совершил такой великий подвиг.

Гагарин. Большое спасибо, Никита Сергеевич. Передам Ваши слова отцу и матери. Они будут рады и глубоко признательны Вам, нашей партии и советскому правительству.

Хрущев. Не только Ваши родители, но вся наша Советская Родина гордится Вашим великим подвигом, Юрий Алексеевич. Вы совершили подвиг, который будет жить в веках.

Еще раз от души приветствую Вас с успешным завершением первого космического полета. До скорой встречи в Москве. Желаю Вам всего наилучшего.

Гагарин. Спасибо, Никита Сергеевич. Еще раз благодарю Вас, родную Коммунистическую партию, Советское правительство за большое доверие, оказанное мне, и заверяю, что и впредь готов выполнить любое задание Советской Родины. До свидания, дорогой Никита Сергеевич.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 841. Л. 164–214. Микрофонный материал.

Б.С. Волов

В гостях у Юрия Власова[183]

Радиоочерк

16 февраля 1962 г.
17.50–18.00

Я ехал к Юрию Власову — самому сильному человеку на земле. Машина подъехала к дому Власова. Дом этот ничем не отличается от своих собратьев, выросших недавно в районе Октябрьского Поля Москвы. В пять этажей, со строгими прямыми линиями, он весело смотрит своими широкими проемами окон на проспект, окаймленный двумя рядами деревьев, на ажурные стрелы башенных кранов, где воздвигаются новые дома.

Юрий Власов встает рано. Если это рабочий день, он успевает до начала занятий потренироваться, если воскресенье — на зорьке в лес, на охоту. Зная этот традиционный распорядок дня, я приехал в половине восьмого утра...

Юрий сидел за небольшим журнальным столиком и печатал на машинке. Что?

— Повесть заканчиваю, — ответил Юрий. — Конечно, о спорте. Точнее, о судьбе спортсмена. Ведь литература — моя вторая страсть.

На письменном столе стопки исписанных листов: мысли, наблюдения, а может быть, будущие рассказы. Я оглянулся по сторонам. Книги, книги, книги. Они поднимаются стеллажами от пола до самого потолка. Пять тысяч томов художественной литературы: книги по истории, философии, психологии, медицине и, естественно, о спорте. Я обратил внимание на портрет Хемингуэя.

— Хэмингуэя люблю — воскликнул Власов. И тут же показал мне собрание сочинений Хемингуэя на английском языке.

— Свободно читаете по-английски? — спросил я.

— Нет, — ответил Юрий. — Французский знаю лучше, но, думаю, через годик осилю и английский, чтобы лучше читать Хемингуэя, вернее, не читать, а чувствовать.

На свете так много прекрасного, а времени совсем мало. А узнать хочется еще много. Мой собеседник оживился.

— Вы знаете, — продолжал Юрий, — я иногда завидую людям, у которых остается больше времени для книг. А читать надо. Ведь каждая прочитанная книга откладывает в тайнике твоих знаний еще одну драгоценную крупицу. Я, например, после каждой книги чувствую себя повзрослевшим и, если хотите знать, умнее. Да, да, умнее...

Спорт, литература, кино, нумизматика, иностранные языки... Какая неуемная натура у этого человека, какая ненасытная жажда знаний! Да, не понапрасну Власов жаловался на недостаток времени.

На стене напротив письменного стола — маленький листок бумаги с заданием на день.

Сегодня: тренировка, зайти в книжный магазин и получить очередной том, позаниматься английским языком, пойти на занятия кружка по изучению Программы партии, поработать над повестью...

Наш разговор зашел о человеческих возможностях в спорте. Я напомнил Юрию Петровичу его статью в газете «Известия», где он пишет, что в тяжелом весе возможен результат 600 килограммов.

— Статья эта вызвала много толков, — сказал Власов. — В мой адрес посыпались упреки, мол, я переоценил свои возможности. Но когда мы говорим, что человек полетит на Луну, то мы не имеем же в виду определенного человека. И так в спорте: 600 килограммов не обязательно осилю я, но я не сомневаюсь, что этот результат под силу человеку.

Сейчас спорт — это не только грубая физическая сила и выносливость, нет. Это прежде всего наука. Это медицина, это психология и много других отраслей знаний, которые помогают преодолевать большие нагрузки, находить более короткие и рациональные пути развития силы, скорости, прыгучести...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 869. Л. 10–15. Микрофонный материал.

В.В. Шульгин[184]

Стучите, и дверь откроется
Выступление

27 февраля 1962 г.

...Начну я с пушкинского монаха. Вы помните, Пимен говорит так: «На старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною». Так и я вспоминаю то, что было 50 лет назад. К этому времени мои политические убеждения вполне сложились. Я был убежденный столыпинец. Петр Аркадьевич Столыпин, тогдашний премьер, была меркантная личность. Это был последний человек, которым старая Россия, царская Россия блеснула. Он высказался как-то в Государственной думе, в одной из своих речей сказал, обращаясь к революционерам. Он сказал так: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Этими словами он хотел сказать, что он видит развитие государства и общества на путях эволюции, или как он выражался в других речах: «Вперед, на легком тормозе».

Но Столыпина революционеры убили в 1911 году в Киеве. И этим они нанесли жестокий удар всем эволюционистам... Первая мировая война привела к Февральской революции сначала, потом к Октябрьской революции. Затем мировая война перешла в гражданскую войну, и события пошли так, как всем известно.

Я был убежденный контрреволюционер. Почему? Потому, что я не верил в то, что коммунисты исполнят то, что они обещали. Они говорили: «Надо разрушить старое, чтобы на его месте воздвигнуть новое». Я не верил, что они могут воздвигнуть новое, но очень хорошо видел, как безжалостно они разрушали старое. Вот почему я в пределах своих сил боролся с коммунистами и с революцией.

Но прошли большие года — 40 лет с гаком. И я должен сказать, что, в общем, революционеры, то есть в данном случае коммунисты, исполнили то, что они обещали. На месте старой России они воздвигнули новую. Это я должен признать, что все-таки еще не угас разум и еще жива совесть. Даже больше того. Нужно сказать, что великая Россия прошла через великие потрясения. И это в особенности заметно в международном плане. Старая Россия, царская Россия была глубоко унижена тем, что она проиграла японскую войну и как она проиграла. И когда Столыпин говорил о великой России, он прежде всего думал, как загладить это унижение: не новой войной, но чем-то новым, во всяком случае. А революционная Россия отбила нападение с востока и нападение с запада. И вышла на положение одной из первейших держав мира, и вообще на такую высоту, на которой Россия еще никогда не была.

Если бы я сейчас остался тем, чем я был 50 лет тому назад, то я бы этим неистово гордился. Но я сейчас другой. Я видел изнанку этих красивых слов — «великая Россия». Почему? Потому что если мечтают о великой России русские, то о великой Японии мечтают японцы, о Китае великом мечтают китайцы. Германия тоже мечтает быть великой, и Франция, и Англия, и Америка и т.д. — все хотят быть велики-

ми. Раз все хотят быть великими, то на этой почве возникают соперничество, вражда, борьба и войны. И потому красивые слова «великая Россия» померкли в моих глазах, и на их место вырисовывались тоже два слова и тоже с употреблением слова «великий». Великая любовь — вот что меня сейчас интересует. Потому что это выход — выход из невозможных затруднений. Великая любовь ко всем людям, ко всему человечеству. И вот почему, когда была объявлена Коммунистическая программа, я написал прочувственное письмо Никите Сергеевичу Хрущеву, потому что в этой Программе я увидел великую любовь ко всем малым и великим. После этого я получил приглашение на XXII съезд Коммунистической партии, который был созван для рассмотрения этой Программы. Я получил приглашение — весьма почетное приглашение на XXII съезд Коммунистической партии. Но я не почувствовал великой любви к великим, не только великой любви, но и всякой любви. И это меня крайне огорчило... Без любви может быть только перемирие, но мира без любви я себе не представляю. Но я мистик, поэтому не боюсь этого повторять. Я ищу ответа на земные великие трудности в небе — не только в том небе, которое называется космос, но и в небе повыше. Я вспоминаю евангельское изречение, которое говорит так: «Стучите, и дверь откроется».

И думаю, что надо стучать и крепко стучать во всякую дверь, за которой находится истина. В числе этих дверей есть та, которую открывает совесть. Надо стучаться в дверь, за которой совесть — совесть и чужая, совесть и своя собственная.

РГАФД. № М-6636 (1–2). Вр. зв. 14.10. Магнитная запись.

И.А. Гришманов[185]

На строительных площадках страны

Интервью

3 ноября 1962 г.
18.50–19.00

Корреспондент. Иван Александрович! Как известно, в ближайшее 20-летие в стране будет полностью решена жилищная проблема. Сколько же нужно построить за это время жилья, чтобы не ощущать в нем никакого недостатка? Какой станет, если так можно сказать, жилплощадь страны?

Гришманов. Во всяком случае, она будет такой, чтобы каждый человек мог получить благоустроенную площадь для жилья и по самым высоким санитарно-гигиеническим нормам. Для этого в ближайшие 20 лет жилой фонд страны будет увеличен примерно в три раза. Цифра эта огромная, но вполне реальная...

Корреспондент. Вот вы упомянули о высоких темпах строительства. Чем обеспечиваются эти высокие темпы? Откуда они?

Гришманов. Прежде всего это достигается повышением сборности зданий и сооружений, увеличением заводской готовности конструкций и изделий, поставляемых строителям, все большей механи-

зацией работ и применением современных поточных методов строительства. Главное направление в повышении технического уровня строительства заключается в широком применении конструкций из сборного железобетона. Вы, наверное, знаете, что Советский Союз сейчас стоит на первом месте по объемам и темпам роста производства сборных железобетонных конструкций...

В современном строительстве большая роль принадлежит типовым проектам. Только путем широкого применения типовых проектов мы сможем обеспечить громадный объем строительства технической документацией, повсеместно поднимать индустриальный уровень наших строек и снижать их стоимость. По типовым проектам у нас теперь строится более 90 процентов жилых домов...

Корреспондент. Простите, я перебью вас. Мне вспомнилось недавнее письмо одного из радиослушателей, где он сетовал на однообразие типовой застройки. Он писал, что в новом районе все дома похожи друг на друга. Даже сам он частенько путает свой подъезд с другими, когда возвращается домой.

Гришманов. Правда, трудно не узнать свой подъезд... Но некоторые новые микрорайоны, к сожалению, пока однообразны. Но тут не типизация виновата. Вот сегодня у вас по радио, наверное, прозвучали десятки мелодий, а ведь в гамме всего семь нот. Архитекторам надо умело варьировать, используя гамму типовых проектов. Применять в застройке различные сочетания зданий по этажности и протяженности, различные расцветки фасадов, умело используя особенности рельефа местности и зеленые насаждения. Вот, например, девятый квартал в московских Черемушках и район Агенскальских сосен в Риге. Здесь тоже стоят новые типы зданий, но компоновка этих жилых кварталов сделана очень продуманно и с большим вкусом...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 880. Л. 226–230. Микрофонный материал.

Н.С. Хрущев

Творить с партийных позиций

Из выступления на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства

8 марта 1963 г.

...Колеблющиеся люди в сложных условиях борьбы классов, иногда не желая того сами, попадают в незавидное положение. Напомню такой случай, который произошел с Луначарским. Испугавшись, что стрельба вооруженных рабочих по врагу может задеть исторические памятники и причинит им вред, он пришел к Владимиру Ильичу Ленину с возражениями и даже угрожал выходом из состава Советского правительства. Владимир Ильич высмеял это обывательское представление о революции. Потом Луначарский это и сам понял. В этой связи мне хотелось бы сказать несколько слов о товарище Эренбурге. Было время когда товарищ Эренбург приезжал к Владимиру Ильичу Ленину в Женеву и был сочувственно им принят, как он сам об этом

пишет. Даже в партию вступил товарищ Эренбург, но затем отошел от нее. Непосредственного участия в социалистической революции он не принимал, занимая, видимо, позицию постороннего наблюдателя. Думается, что не будет искажена правда, если сказать, что с таких же позиций товарищ Эренбург оценивает нашу революцию и весь последующий период социалистического строительства в своих мемуарах «Люди, годы и жизнь».

Высший долг советского писателя, художника, композитора, каждого творческого работника — быть в рядах строителей коммунизма, служить своим талантом великому делу нашей партии, бороться за торжество идей марксизма — ленинизма. Надо помнить о том, что в мире идет острая борьба двух непримиримых идеологий — социалистической и буржуазной. Это, товарищ Сурков, вам надо знать тоже. Задача художника — активно содействовать своими произведениями утверждению коммунистических идей, наносить сокрушительные удары по врагам социализма и коммунизма, бороться против империалистов и колонизаторов. Замечательным примером патриотического понимания задач художника является творчество нашего выдающегося писателя Михаила Александровича Шолохова. Возьмите его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», рассказ «Судьба человека», главы из романа «Они сражались за Родину». Это высокохудожественные произведения, огромной силы, революционного пафоса, проникнутые коммунистической партийностью и духом классической борьбы рабочих и крестьян нашей страны за победу революции и социализма. Товарищ Шолохов сам активно участвовал в борьбе во время Гражданской войны, в период ликвидации кулачества как последнего эксплуататорского класса и в годы Отечественной войны против фашистских захватчиков. Он участвовал в этих боях не как наблюдатель, а как воин. И в мирное время он остается таким же бойцом за счастье трудящихся. (*Аплодисменты.*)

Михаил Александрович Шолохов обладает огромным даром глубокого понимания существа общественных явлений и событий, хорошо видеть друзей, распознавать врагов и талантливо с партийных позиций изображать картины реальной жизни. С большой любовью он воссоздает в своих произведениях образы коммунистов, людей труда. С непримиримой классовой ненавистью он разоблачает и разит врагов нашего общественного строя. С какой яростью и убедительностью он рисует картины боев, боевых схваток, и уж если сходятся в рубке, то так скрещивают сабли, что искры летят. Рубятся за правду народную, и она побеждает! На примере творчества Михаила Александровича Шолохова все видят, что коммунистическая партийность писателя не только не связывает в проявлении его художественной индивидуальности, напротив, активно способствует расцвету таланта и поднимает его произведения до уровня самого высокого общественного значения. Мы стоим на классовых позициях в искусстве и решительно выступаем против мирного существования социалистической и буржуазной идеологий. Искусство относится к сфере идеологии, и те, кто думает, что в советском искусстве могут мирно уживаться и социали-

стический реализм, и формалистические, абстрактные течения, — те неизбежно сползают на чуждые нам позиции мирного существования в области идеологии. С такими настроениями мы столкнулись в последнее время. На эту удочку, к сожалению, попались некоторые коммунисты, писатели, художники. Это я вас имел в виду, теперь не выдержал, легализовал. Ну, это на пользу вам пойдет, товарищ Сурков. У вас, так сказать, характер есть, и хребет у вас хороший. Вы переживаете эту критику. Она и вам пользу принесет и некоторым другим, чтобы удержать их от этого поступка...

Давайте разберемся: что бы произошло в советском искусстве, если бы верх захватили сторонники мирного сосуществования различных идейных направлений в литературе и искусстве? Какой бы, как первый шаг, был бы нанесен удар по нашим революционным завоеваниям в области социалистического искусства? По логике борьбы, дело на этом вряд ли кончилось. Не исключено, что эти люди, накопив силы, предприняли попытки выступления против революционных завоеваний. На нашей памяти развивались события в Будапеште. Там началось с того, что литературная группа из клуба «Петефи» вначале выступала в защиту в области идеологии, а закончилось это контрреволюционным мятежом. Кто знает начало, тот не должен забывать и о возможном конце. У нас, конечно, и мысли нет о том, что нечто подобное может еще раз случиться. Москва — не Будапешт. Здесь не будет такого начала, а следовательно, и такого конца. (*Аплодисменты.*)...[186]

РГАФД. № М-2396. Вр. зв. 10.00. Магнитная запись.

К.И. Ретинский, Г.Т. Новиков

Енисей покорен

Документальная радиокомпозиция

24–25 марта 1963 г.

(*Фанфары.*)

Диктор (*мужской голос*). Микрофоны радио на ударных стройках.

Диктор (*женский голос*). Передача, которую вы сейчас услышите, товарищи, была названа в радиопрограмме «Енисей, покорись!», но строители Красноярской ГЭС, о которой рассказывается в передаче, трудом своим внесли поправку. Они перекрыли Енисей раньше предполагаемого срока. Мы поздравляем строителей с большой победой и с удовлетворением изменяем название передачи — «Енисей покорен!»...

Корреспондент (*мужской голос*). Атака на Енисей — это небывалая схватка. В истории еще не было такой. Люди дерзнули посягнуть на реку, которую называют осью Сибири, братом Северного океана. Рождаясь в Саянах, Енисей несет свои воды с юга на север через всю нашу страну. Он питается силой тысяч больших и малых рек. И вот пришла пора, когда человек сказал сибирскому богатырю: «Хватит, Енисей! Довольно впустую растрачивать свои могучие силы, послужи людям!»

Когда мы приехали на красноярскую стройку и узнали, свидетелями каких поистине исторических событий нам доведется быть, мы решили вести дневник. Страницы нашего дневника — рулоны магнитной пленки. И сегодня, в день победы над Енисеем, мы предлагаем их вашему вниманию, друзья. Быть может, они в какой-то мере расскажут вам о том, как готовилась, началась и завершилась победой атака на великую реку Сибири.

(*Удар колокола или гонга.*)

Корреспондент. Страница первая. «Знакомство со стройкой». Она записана три дня назад, когда заканчивалась подготовка к штурму реки.

(*Раскаты и грохот взрыва.*)

Корреспондент (*другой голос*). Вы заметили, товарищи радиослушатели, как разнеслось эхо взрыва. Даже записанное на пленку и переданное по проводам за 4 тысячи километров, оно, наверное, дает все-таки представление о том месте, где строится Красноярская ГЭС. С обеих сторон Енисей стиснут здесь высокими-высокими скалами. В эти скалы через несколько лет упрется плечами платина высотою в 120 метров. Это — через несколько лет, но и сейчас Енисей почти перегорожен земляной перемычкой. Лишь у правого берега он гремит, пенится, вздымает высокие волны. Слушайте сегодняшний голос Енисея.

(*Шум воды.*)

Корреспондент. Нет, это теперь уже не сегодняшний голос Енисея — это теперь только пленка. Пленка, которая теперь будет лежать в музее, в фонотоке, как документ прошлого. За три дня Енисей изменил голос, но об этом дальше, а пока возвратимся на три дня назад и продолжим наше знакомство со стройкой. В тот день вместе с экскурсантами, которые бывают частыми гостями гидростроителей, мы слышали выступление директора Красноярской ГЭС Растоскуева.

Растоскуев. Несколько слов о Красноярской ГЭС. Я уже вам сказал: первая станция, которая строится на Енисее, это Красноярская ГЭС мощностью 5 млн квт. Это станция, которой нет равной в мире. Кроме того, Красноярская ГЭС в будущем может увеличить свою мощность, доведя ее до 6 млн квт...

Сооружение Красноярской ГЭС поистине грандиозное. Плотина у нас массивная, гравитационная. Вот вы ее на этом разрезе видите. Плотина будет иметь размеры по высоте более 100 метров. Здание станции, в котором будет расположено 10 агрегатов и два резервных гнезда, в котором в будущем будут смонтированы два дополнительных агрегата... На Красноярской ГЭС предусмотрено строительство судоподъемника...

Что еще примечательного? Только в этом году красноярцы увидят ледоход. На будущий год ледохода уже не будет. Весь лед будет кинуть в водохранилище. Так что ледоход будет только в этом году...

Корреспондент. Следующая страница дневника. Утро 23 марта. (*Грохот взрыва.*)

Первая атака на Енисей. В воздух взлетели смерзшиеся куски красноватой земли. Взорвана низовая перемычка. Перемычками — продольной, низовой, верховой — была ограждена бетонная чаша котлована, она должна стать новым искусственным ложем реки. Но Енисей пойдет по новому пути только тогда, когда будет взорвана и верховая перемычка, а для этого нужно как можно быстрее разбирать нижнюю: ведь с могучей рекой шутить нельзя. Просчет в каком-нибудь лишнем кубометре земли, который может оказаться на пути Енисея, и... Впрочем, не стоит об этом говорить. Низовая перемычка была разобрана быстро, и героем дня стал экскаваторщик Иван Пойда.

(*Гул работы экскаватора.*)

Мы с ним беседовали буквально за несколько минут до того, как ковш его экскаватора врезался в разорванную землю.

Пойда. У меня отец, начиная с 1927–1928 года, он все время на тракторах — механизатор... Наверное, так передалось, что и дети идут по этому пути...

В 1952 году у меня была мечта уехать в Сибирь. Ну, я и уехал в Иркутск. И вот я с 1952 года в Иркутской ГЭС. На этой же машине, как получили ее новую в 1952 году. Иркутскую ГЭС кончили в 1960 году. Вместе с машиной нас Бочкин пригласил — начальник строительства. Ну, вот я и начал. Первый куб бетона заложили.

Корреспондент. Иван Михайлович, а какой у вас был самый тяжелый день на стройке?

Пойда. Да мы так привыкли, так что трудно определить этот тяжелый момент.

Корреспондент. А самый радостный?

Пойда. Ну, а самый радостный — это у нас...

Корреспондент. Нет, лично у вас.

Пойда. Вот у меня, когда, допустим, начинаем ложить первый бетон. Ну, а потом второй период — это перекрытие, третий — это пуск. Это самые такие радостные дни.

Корреспондент. У вас получается уже первый куб бетона, и на перекрытии вы участвуете первым.

Пойда. И первую ГЭС на Ангаре строил, и первую на Енисее.

Корреспондент. Ну, а как вы думаете, не подведет вас экскаватор?

Пойда. Еще не подводил. Таких случаев не было. Любая машина, если за ней не ухаживать, то она через год, через два будет непонятно, что она — машина или нет? А мы за ней следим, и вот она нам за это благодарна.

Корреспондент. Ну, и экипаж, конечно, подобрался хороший?

Пойда. Экипаж, правда, молод. В экипаже у меня четыре человека. Мощных два машиниста, но второй машинист мало еще работал. Ну, я думаю, он старательный парень — Степанов Семен. Ну, если чего не получается, то я буду больше дежурить. В эти дни мы будем дежурить все. В случае чего, взаимовыручка...

Корреспондент. И вот наконец наступил день сегодняшний — 25 марта 1963 года. Этот день войдет в славные страницы в истории

советского гидростроения: ровно в 6 часов утра по московскому времени разделенный вчера на два русла Енисей ослабил напор в проране, начальник строительства Красноярской ГЭС Андрей Ефимович Бочкин отдает приказ начать перекрытие.

(*Гул машин, сигналы.*)

По штормовой трассе идут 25-тонные самосвалы. Впереди машина, которую ведет Леонид Назинко. На машине надпись: «Нам строить коммунизм — нам жить при коммунизме!» В кузовах самосвалов — бетонные пирамиды. Леонид Назинко подводит самосвал к прорану.

(*Гул поднимающегося кузова, грохот.*)

Поднимается огромный кузов, и первая пирамида летит в воду.

(*Гул машин, крики «ура!».*)

Решительная атака на Енисей началась! Свидетелем этой исторической минуты был поэт Александр Безыменский[187].

Безыменский. Это торжественное зрелище. Я счастлив, что его вижу. Счастлив тем, что присутствовал и на пуске Днепрогэса 33 года назад, и сейчас на перекрытии Енисея, рождающего самую большую станцию в мире — Красноярскую ГЭС. Я стою около прорана, и сердце мое бьется от радости. Я сейчас прочту самое последнее стихотворение, которое напечатано сегодня в маленькой газетке, которую мы здесь выпускаем, бригада «Правды». Для того, чтобы было все понятно, надо вам сказать, что начальника строительства Красноярской ГЭС Аидрея Ефимовича Бочкина рабочие, в разговорах между собой, именуют сердечно «дед». Стихотворение называется «Единство».

Мимо нас прошел начальник стройки.
Поглядев ему, седому, вслед
Прошептал бульдозерист, парнишка бойкий,
Уважительно и нежно: «Дед»...
Через миг сказал бульдозеристу
Пожилой прораб: «В кратчайший срок
Разровняй участок каменистый!»
И добавил ласково: «Сынок»...
До чего ж мне дороги все трое!
Я глядел и думал про страну,
Где один — десяток ГЭСов строил,
Три — второй, а третий — лишь одну...
Прочно обеспечена победа
Родине, рожденной Ильичом!
В ней и внуки, и отцы, и деды
Строят коммунизм к плечу плечом.

Корреспондент. 25 марта 1963 года. 10 часов 50 минут по московскому времени. В штабе перекрытия раздается телефонный звонок, к аппарату стройки подходит начальник стройки Андрей Ефимович Бочкин. Звонит Никита Сергеевич Хрущев. Он интересуется, как идут дела на стройке. Бочкин отвечает, что перекрытие идет успешно и завершится через 2–3 часа. Весть о том, что звонил Никита Сергеевич Хрущев, молнией разнеслась по стройке. С утроенной энергией

трудились водители самосвалов, крановщики и бульдозеристы и через полтора часа.

(*Гул машин.*)

Самосвалы сбрасывают бетонный камень в центре бывшего прорана. Сомкнулись берега могучей реки. Водители двух самосвалов, пришедших с разных берегов, спускаются по лесенкам из своих кабин, идут навстречу друг другу. Встречаются как раз на том самом месте, где еще семь часов назад вздымалась серая грива клокочущего Енисея. Штурм богатырь-реки завершен! Одержана блистательная победа. Люди впервые в истории человечества покорили такую могучую реку, как Енисей. Это — советские люди!

РГАФД. № М-2596. Вр. зв. 25.04. Магнитная запись.

Ю.А. Летунов, Д.П. Морозов

Бдительность — наше оружие

Записки из зала суда

Корреспонденция

9 мая 1963 г.
13.00–13.10

...Корреспондент. В первый день суд допрашивал Пеньковского[188]. Он, подробно отвечая на вопросы суда, признавал все факты своего тягчайшего преступления. И вот, глядя на него, мы старались понять, каким образом этот негодяй, торговавший родиной, некоторое время мог оказаться на такой большой и важной должности? Ведь он жил вместе с нами, ходил с нами по одним улицам, ел наш хлеб, дышал нашим воздухом. Наверное, на собраниях он аплодировал, когда говорили об успехах нашей страны, аплодировал, когда взлетали в космос наши космонавты, а на деле предавал все это — и людей, с которыми жил, и страну, и успехи ее науки. На первый взгляд естественно задать вопрос: почему люди не замечали этого?

Попробуем ответить на этот вопрос. Нужно видеть Пеньковского, чтобы понять, какую непроницаемую маску изо дня в день носил этот человек. У него наготове запас привычных штампов и формулировок на все случаи жизни. С ними он не может расстаться даже здесь, на скамье подсудимого. Даже будучи разоблачен, он продолжает произносить громкие слова о преданности Родине. В его устах это звучит кощунством. Но ведь несколько месяцев назад люди верили этим громким словам и заученным интонациям. Верили потому, что мы привыкли верить людям, потому, что нам чужда подозрительность. Весь наш строй основан на доверии человеку. И именно здесь предатель пытался нанести коварный удар нашему обществу. Безусловно, рядом с Пеньковским работали люди, потерявшие всякую бдительность. Но не было бы этого процесса, не был бы разоблачен шпион Пеньковский, если бы бдительность — это ценное качество — не была присуща советским людям. Иногда задают и такой вопрос: как же случилось, что Пеньковский и Винн могли действовать безнаказанно такое длитель-

ное время. Здесь, на процессе, слушая точные данные материалов следствия, мы поняли, что это не совсем так. Задолго до ареста каждый шаг преступников был в поле зрения наших чекистов. Шпионов не спасла ни тщательная маскировка, ни многолетняя школа конспирации английской и американской разведок...

Гревилл Винн крутится на скамье подсудимых в буквальном и переносном смысле. Крутится так, что вызывает смех не только у присутствующих в зале — представителей общественности столицы, советских и иностранных журналистов, но даже у собственной супруги, которая, как известно, прибыла на процесс с адвокатом.

Действительно, порой трудно удержаться от смеха, слушая, как Винн, пять минут назад подробно рассказывавший о том, как проходила передача секретных материалов, вдруг начинает говорить: что это такое, что он не знал смысла этого, что он ими, видите ли, обманут. Нет, этот человек сам специализировался на обмане. Вот Винн рассказывает о том, как он входит в квартиру, встречается с английским дипломатом, причем они не говорят друг другу ни слова, молча приступают к своим шпионским операциям. Гревилл Винн передает разведчику шпионский материал, закамуфлированный в коробке из-под сигарет. Английский разведчик, приложив палец к губам, еще раз предупреждает, чтобы не было разговоров. Это была немая сцена, комментирует сам Гревилл Винн на суде. Действительно, к чему разговоры, когда им, шпионам, понятно все без слов.

Корреспондент. Смотришь на этих двух шпионов — ровесников, людей, которые носили паспорта разных государств, но служили одним хозяевам, и думаешь о коварстве английской и американской разведок, которые не гнушаются ничем...

И вот, пробыв два дня на этом процессе, узнав многие детали, мы хотим еще раз сказать. бдительность! Бдительность настоящая, бдительность революционная нам нужна постоянно!

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 891. Л. 1–4. Микрофонный материал.

А.К. Гладков[189]
В.Э. Мейерхольд

Документальная радиокомпозиция[190]

16 февраля 1964 г.
19.30–20.03

(*Звучит музыка, потом стихает.*)

Ведущий. Двадцатый год. По пыльным улицам Новороссийска на палящем южном солнце часами маршируют колонны призывников Всевобуча... Ать-два, равняйся! Среди безусых юнцов, еще не успевших понюхать пороха, коренастых портовых грузчиков в тельняшках и пожилых рабочих цементного завода странная фигура немолодого человека в длинной шинели, с выбивающимися из-под фуражки клочками седеющих волос и резким профилем. Он старательно и ловко следует команде: марширует, делает перебежки, манипулирует вин-

товкой, хотя бледное лицо его давно уже покрыто мелкими капельками пота. Он болен и только недавно вышел из врангелевской тюрьмы, но ему и в голову не приходит просить освобождения от воинского обучения. Он коммунист и должен быть примером.

Этот человек — Всеволод Мейерхольд, знаменитый петербургский режиссер. Он один из первых в среде столичной художественной интеллигенции вместе с Александром Блоком и Владимиром Маяковским приветствовал Великий Октябрь и поставил свое искусство на службу революции. А в восемнадцатом году вступил в партию большевиков.

И вот он марширует в рядах призывников Всевобуча, готовый, если понадобится, защищать Советскую республику с оружием в руках... Ать-два! Ать-два!

На освобожденный от белых юг приезжает первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Он удивился и обрадовался, узнав, что Мейерхольд, вопреки всем легендам, оказался жив. Встретившись с ним, удивился еще больше. Оказалось, что голова этого чудака уже битком набита всевозможными проектами реорганизации театрального дела в стране. Увлеченный его планами, Луначарский увозит Мейерхольда в Москву и назначает заведующим театрального отдела Наркомпроса, в просторечии называемого кратко — ТЕО.

И вот, все в той же самой шинели, в которой он только что маршировал с винтовкой по улицам Новороссийска, Мейерхольд входит в старинный дом и садится за письменный стол заведующего ТЕО.

Проходит всего несколько дней, и все машинистки отдела не успевают переписывать многочисленные — составленные Мейерхольдом и его молодыми помощниками — проекты и приказы. Его планы благородны, но фантастичны и во многом несбыточны. Впоследствии многое, что задумывалось им, было осуществлено, но не за несколько недель и месяцев, а в длительной перспективе лет. А многое было отброшено как утопичное, нежизненное. Он не был особенно практичным, этот фантазер и художник, воображавший себя опытным администратором.

Административная деятельность Мейерхольда продолжалась недолго — всего пять месяцев, он снова вернулся к постановке спектаклей в созданном им молодом театре, носившем вначале гордое название — Театр РСФСР Первый.

В той же красноармейской шинели он входит в нетопленый театральный зал, и, кашляя от затяжек махорки, ведет репетицию «Зорь» — пьесы бельгийского поэта Эмиля Верхарна. На одном из первых спектаклей «Зорь» происходит вошедший в историю советского театра эпизод. Получено сообщение о взятии Красной Армией Перекопа. Кто-то предложил Мейерхольду объявить об этом зрителям в антракте. Но Мейерхольд иначе распорядился: телеграмма Фрунзе о взятии Перекопа была прочтена тут же прямо со сцены актером, игравшим роль Вестника.

В эти годы Мейерхольд окружил себя талантливой молодежью. Это вчерашние красногвардейцы — Сергей Эйзенштейн, Эраст Гарин,

Николай Боголюбов; юнцы из театральных студий — Игорь Ильинский, Мария Бабанова, Василий Зайчиков; приехавшие в Москву с далеких окраин, начинающие актеры — Николай Охлопков, Лев Свердлин, Иван Пырьев и многие другие. Называем не все, а только первые вспомнившиеся имена. Нам они хорошо теперь знакомы.

В самых талантливых спектаклях Мейерхольда лучшей поры его театра всегда был дружный и высокий актерский ансамбль, а музыка являлась еще одним превосходным актером, выразительно выполнявшим данную ей постановщиком задачу.

Когда-то в ранней юности сам Мейерхольд колебался: какой ему сделать выбор — стать музыкантом или актером? Впоследствии он любил подшучивать над этим. Его постановки опер Глюка, Вагнера и «Пиковой дамы» Чайковского — это вехи в истории оперной режиссуры. И не было равных ему в том искусстве, с которым он вводил музыку в драматические спектакли.

(*Звучит третья соната Скрябина.*)

Скрябин! Это была одна из самых необыкновенных режиссерских находок Мейерхольда. Под эту музыку в финале пьесы Всеволода Вишневского «Последний решительный» на пограничной заставе умирал матрос Бушуев. Его роль играл Николай Иванович Боголюбов. Эта музыка звучала как бы в радиорупоре в те первые минуты и часы войны, когда на границах уже сражаются и погибают люди, а весь мир еще об этом не знает. «Мейерхольд оказался пророком!» — сказал об этом впоследствии Вишневский, вспоминая о том, как начался зловещий день 22 июня 1941 года.

(*Звучит третья соната Скрябина.*)

Музыка Скрябина прерывалась выстрелами, потом на ее фоне звучал пулемет, потом стрельба затихала и снова врывалась музыка.

2-й голос. Художник должен увлекаться многим, отзываться на разное, что-то отбрасывать, что-то оставлять в себе...

Ведущий. Так говорил Мейерхольд. Он был человеком сложной творческой биографии.

Студентом он с галерки восторженно аплодировал Ермоловой и Ленскому, потом был актером Художественного театра, затем работал с Комиссаржевской, основывал студии и бесчисленные новаторские маленькие театрики, преподавал, писал статьи и детские пьесы... Оглядывая все это, можно подумать, что он прожил не одну, а несколько жизней.

Однажды во время беседы с молодыми актерами его спросили, что особенно влияло на него в жизни. Вот как он ответил.

2-й голос. Влияний много было... Во-первых — великая русская литература, лично Антон Павлович Чехов, лично Константин Сергеевич Станиславский, замечательные мастера старого Малого театра, Блок, Метерлинк, Гауптман, изучение старинных театральных эпох, изучение восточного театра, снова возврат к творчеству русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, буря Октябрьской революции и ее суровая красота, новое молодое искусство кинематографа, Маяковский, снова Пушкин и все с возрастающей силой.

В 20-х годах Мейерхольд обращается к классике. В спектаклях «Лес», «Ревизор», «Горе уму» он пытался создать монументальные сценические произведения, осмеивающие, уничтожающие прошлое. В этих спектаклях было много режиссерской фантазии, но одновременно Мейерхольд, как бы переступал через пьесу. Чисто постановочные, формальные задачи все больше разжигали фантазию, режиссерские трюки дразнили зрителя, и тогда отдельные формальные приемы и детали затемняли замысел режиссера, а перемонтировка пьесы разрушала живую ткань произведения. Если спектакли «Лес», «Ревизор», «Горе уму» вызывали в ту пору горячую полемику и резкую критику за вольное обращение с классикой, то «Доходное место» было признано как большой успех режиссера. Замечательно играла в «Доходном месте» Полиньку Бабанова.

Ведущий. У Мейерхольда был меткий глаз, он сразу замечал талантливых людей, тянулся к ним и безошибочно угадывал, что их талант со временем разовьется. У него было много учеников. Одним из них был Игорь Ильинский.

Ильинский. Всеволод Эмильевич — путанный и в то же время замечательный педагог и глубокий мыслитель, трепетно ощущавший и впитывавший все ценное, все талантливо-необычное, новое, что окружало его в жизни, литературе, поэзии, живописи, скульптуре, музыке, кинематографе, театре.

Соприкосновение с ним обогащало любого художника, проведшего с ним несколько минут, вводило его в тот захватывающий дыхание круг жизни в искусстве, в котором всегда пребывал Мейерхольд.

Его образ — то в изломанной позе на портрете художника Бориса Григорьева во фраке и цилиндре на фоне маскарадных масок, то в феске, склонившийся над экземпляром пьесы, то в военном картузе со значком — портретом Ленина или в шапке буденовке.

Что это? Любовь к переодеваниям, рисовка, позерство, к которому может возникнуть сомнительное отношение? Нет, в том-то дело, что это сама мятущаяся суть Всеволода Эмильевича. Он органичен в своей природной театральности, в своих страстных увлечениях. Многие его ученики, как и следовало ожидать, подражали и теперь подражают ему. Как мелки и неудачны все эти подражания. Ведь самому Всеволоду Эмильевичу принадлежит выражение «мейерхольдовщина», осуждающее легковесное восприятие и внешнее подражание Мейерхольду.

Он необычайно широко чувствовал стихию юмора. Вероятно, для многих это утверждение покажется неожиданным, но оно бесспорно, и думаю, что именно это качество Всеволода Эмильевича сделало его для меня особенно близким и любимым. Он восхищался сокрушающим юмором Маяковского.

Мейерхольд был очень увлечен работой над «Клопом», и ни в одной из своих постановок он не привлекал автора к репетиционной работе в такой степени, как это было с Маяковским в «Клопе». Не помню, по каким причинам, но я запоздал к первым читкам и репетициям «Клопа».

«Мы должны обязательно послушать, как читает пьесу сам Маяковский», — сказал мне Мейерхольд после первой встречи за столом, видимо, неудовлетворенный моей читкой.

Я попросил об этом Владимира Владимировича, и он прочел мне ряд отрывков из пьесы, где фигурировал Присыпкин.

В своем авторском чтении Маяковский не давал образу Присыпкина каких-либо характерных черт или бытовизмов. Читал он эту роль в своей обычной манере монументальной безапелляционности особенного, ему одному свойственного торжественного и даже благородного пафоса. Этот пафос был у него всегда особенно убедителен, когда рядом звучала вдруг неожиданно простая, жизненная, почти бытовая интонация.

Маяковский читал:

— Я требую, чтоб была красная свадьба и никаких богов!

В этой фразе громыхал пафос. Затем весь пафос сходил на нет, когда просто, неожиданно просто, Маяковский добавлял: «Во». И получалось. «Я требую, чтоб была красная свадьба и никаких богов. Во...»

От этого неуверенного и тупого добавка «Во» вставал вдруг образ Присыпкина. Вот то «зерно» образа, которое я ухватил в чтении самого Маяковского. Я и стал делать Присыпкина «монументальным холуем и хамом».

Новые краски появились у актеров, а также подсказывались режиссером и автором. Рождались они у меня в острых сценах игры на гитаре и в манере пения: «На Луначарской улице я помню старый дом, с широкой чудной лестницей, с изящнейшим окном». Мейерхольд очень хорошо показал непосредственное удивление Присыпкина «автодорами» в городе будущего, а особенно удался Мейерхольду показ финала, когда Присыпкин замечает вдруг зрителей в зале «своих в доску» и предлагает им идти к нему, в клетку.

Маяковский тоже показывал актерам. Вообще на репетициях «Клопа» он бывал порой сорежиссером. Он очень хорошо показывал, как стонет Присыпкин в больнице, надеясь опохмелиться, после того как его разморозили, и как меняются его интонации, когда он зовет:

— Доктор, доктор, а доктор!

Надо сказать, что работа над спектаклем «Клоп» протекала очень быстро. Спектакль был поставлен немного более чем в месячный срок.

Ведущий. Всех впервые попадавших на репетиции Мейерхольда поражала кажущаяся как будто легкость его работы. Репетиция движется так стремительно, один показ следует за другим в таком темпе, как будто все совершающееся здесь не будничная черновая работа — некий своеобразный спектакль.

Шестидесятилетний старик, он взбирался на высочайшие сооруженные на сцене конструкции, показывая пример, падал со всех лестниц, прыгал, танцевал, фехтовал, боксировал, валялся, если это было нужно, на полу, обладая поистине сверхъестественной способностью не пачкать и не мять костюм. Во время одной рядовой репетиции в

апреле тридцать седьмого года Мейерхольд шестьдесят один раз поднимался на сцену, чтобы что-то показать исполнителям. А сколько замечаний он делал еще из зала! Вот какая феноменальная энергия, какой неиссякаемый темперамент были у этого человека! Он бывал мрачным, бывал веселым, бывал страстно увлеченным, бывал злым, бывал бешеным, но никогда не был равнодушным...

Мейерхольд считал, что одна из первых задач, стоящих перед советским театром в пору его рождения — это создание новой драматургии.

Он привлек к своему театру вслед за Маяковским поэтов Сергея Третьякова, Николая Эрдмана, Илью Сельвинского, Александра Безыменского. Он активно работал с молодыми драматургами — Всеволодом Вишневским и Юрием Германом.

В 1933 году была поставлена пьеса Юрия Германа «Вступление». Главную роль, безработного архитектора Гуго Нунбаха, играл Лев Наумович Свердлин...

Мейерхольд искал для себя союзников среди поэтов и драматургов, которые могли бы утверждать героизм и красоту эпохи и сатирически уничтожить ее врагов. И он побеждал, когда эта идея полностью подчиняла себе спектакль, и проигрывал, если формальные задачи заслоняли от него тему пьесы. Его вера в народ, его вера в коммунизм позволила ему создавать подлинные художественные ценности в спектаклях о нашей современности.

Горько сознавать, что этот замечательный человек оказался жертвой культа личности. Жизнь его трагически оборвалась в ту пору, когда он мог сделать еще так много хорошего и нужного для нашего советского театра.

2-й голос. Жизнь всякого подлинного художника — это жизнь человека постоянно раздираемого недовольством самим собой. Мейерхольд всегда строг к себе. Ему несвойственны самодовольство и зазнайство. Жизнь настоящего художника — это ликование одного дня, такого дня, когда на полотно брошен последний мазок и величайшее страдание многих других дней, когда художник видит только свои ошибки. Кто не отдал искусству всего, тот ничего ему не отдал...

Ведущий. Так говорил своим ученикам Мейерхольд...

(*Музыка.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 426. Микрофонный материал.

А.Б. Чертков[191]

Почему это страшно

Выступление. Передача для школьников

18 июня 1964 г.
10.37–10.55

Сегодня я хочу поговорить с тобой о нашем общем враге. Враг этот не крадется тайной тропой. Он не боится суда и милиции. Он действует открыто. И все-таки это — враг. Враг хитрый. Он, как хамелеон, ме-

няет окраску и ловко приспосабливается к нашей жизни, но от этого не становится менее опасным.

Враг этот — религия.

Ты, кажется, разочарован? Я даже слышу, как ты возражаешь:

— Да кто в наше время верит в бога? Разве что бабушки и дедушки. Вот с ними и надо разговаривать. Мы — пионеры и в бога не верим!

— Подожди, подожди! Не торопись!

Да, большинство наших детей учится в советской школе, и в семье у них никто не верит в бога. О боге им никогда не говорят. Наоборот, внушают, что бога нет. Стоит ли удивляться, что эти ребята выросли неверующими? И все-таки иногда приходится слышать или читать в газетах, что в такой-то школе ученик 7-го класса верит в бога. А в таком-то городе юноша, получив аттестат зрелости, поступил учиться в духовную семинарию. А теперь представь, что тебе пришлось столкнуться с мальчишкой или девчонкой, которые верят в бога!

Что тогда ты будешь делать? Смеяться? Но только глупые и злые смеются над чужим несчастьем.

Нет, это уже не смешно. Это — страшно, когда среди верующих оказываются и молодежь, и дети. Тут нельзя сидеть сложа руки и размышлять: как же такое могло случиться? Надо, будто ты услышал сигналы SOS, спешить, мчаться на помощь. Потому что эти люди попали в беду, хотя, может быть, еще и не поняли, что с ними произошло.

Ведь религия затягивает человека незаметно. И как нужна в это время опора! Крепкая опора, без которой одному очень трудно выбраться из религиозного плена.

Я не преувеличиваю, поверь мне. Ведь я сам раньше искренне верил в бога, был священником.

Родился я в 1932 году, но моя судьба, по крайней мере первая половина жизни, во многом отличается от судьбы моих сверстников. Родители мои жили в городе Риге. В те годы Латвия еще не стала советской республикой. У власти там стояло буржуазное правительство. Оба моих дедушки были священниками. Один из них, правда, умер до моего рождения. Зато со вторым дедом мы жили вместе.

Дом наш стоял близко от церкви, в которой служил дедушка. Из окон виднелись и церковь, и окружавший ее сквер.

На церковной колокольне висело два колокола: один большой, басистый (в него звонили по праздникам) и маленький, будничный. По тому, в какой колокол звонили, я, просыпаясь по утрам, определял, праздничный сегодня день или нет. В доме было много икон. Они висели везде: в нашей комнате, в столовой, в кухне, даже в передней и кладовой. Перед иконами горели лампады...

Но особенно много икон было в дедушкиной комнате. Большие и маленькие, они занимали всю стену. В комнате дедушки всегда горели лампады и пахло ладаном. И еще у моего дедушки было много всяких таинственных вещей: какие-то кресты, книги в золотой оправе, серебряные чашечки, ложечки, кисточки, особые одежды. Меня все это, конечно, очень интересовало...

С мамой, с бабушкой, а иногда и с папой мы ходили в церковь не только каждое воскресенье, но и во время церковных праздников.

Я тогда еще не понимал, что происходит в церкви. Но слаженное и красивое пение хора, люди в блестящих необычных одеждах производили на меня большое впечатление. Люди эти чинно расхаживали, церемонно раскланивались друг перед другом, пели, говорили какие-то непонятные слова...

Однажды, когда у дедушки было хорошее настроение, я осторожно завел с ним такой разговор:

— Дедушка! Можно, я буду прислуживать тебе в церкви?

Бывая в храме, я видел мальчиков, одетых в стихари — особые церковные одежды, наподобие рубах с широкими рукавами — принимавших участие в богослужении. Как я завидовал им!..

Так я жил. Быстро бежали дни, месяцы, годы... Когда я пошел в школу, научился читать, дедушкина комната стала для меня еще привлекательней.

Там стоял старый-старый книжный шкаф. В этом шкафу хранились книги. Когда я был маленьким, дедушка строго-настрого запрещал мне их трогать. Зато я видел, как он в свободное время брал какую-нибудь из этих книг, садился за стол, не спеша надевал очки и погружался в чтение. В это время его старались не отвлекать разговорами.

И вот теперь мне разрешили самому читать дедушкины книги.

Из них я все больше узнавал о боге. Если раньше я просто верил в «боженьку», смутно представлял его себе, то теперь моя вера приобрела большую четкость...

Конечно, то, что мы узнаем и видим в раннем детстве, надолго западает в душу. Я вырос верующим, окончил Московскую духовную семинарию и академию. Около пяти лет прослужил священником — почти 30 лет моей жизни прошли впустую. Вера в бога никогда еще не делала людей счастливыми. Она приносит лишь вред, горе, страдания, а иногда и вовсе губит человека...

Мало того, религия с детства учит лгать, лицемерить, хитрить, двоедушничать. Когда я учился в школе, историю у нас преподавала Мария Ивановна.

Однажды — дело было в десятом классе — Мария Ивановна подзывает меня после урока.

— Алеша, — пристально глядя на меня, сказала учительница, — я узнала, что ты... Ты веришь в бога?

— Да, Мария Ивановна, вы не ошиблись, я верю в бога, — твердо ответил я.

— Жалко мне тебя, Алексей.

— Почему? — со злостью спросил я. — Жалеть меня нечего. Чем я хуже других ребят, оттого, что верю? Учусь хорошо, уроки отвечаю, а чем занят в свободное время — мое дело, никого это не касается! Другие ребята в футбол играют, а я в церковь иду. Мне так нравится.

— Плохо уже то, что религия тебя лгать учит!

— Простите, Мария Ивановна, она этому не учит!

— Погоди... Вы дарвинизм изучали?

— Да. В прошлом году.

— А какая у тебя отметка по этому предмету?

— Пятерка.

— Значит, дарвинизм ты знаешь хорошо? Скажи мне, пожалуйста, от кого произошел человек?

— Дарвин пишет, что человек произошел из животного мира путем эволюции. Ближайшие предки его — человекообразные обезьяны...

— Ты мне все время отвечаешь: «Дарвин, дарвинизм, наука говорит». Разве существуют другие мнения?

— В библии сказано иначе.

— А как там сказано?

— Священное писание говорит, что бог создал всех животных. И все растения создал бог, а человека сотворил по своему образу и подобию...

— Ну что ж. Ты — взрослый человек и понимаешь, что насильно заставить тебя не верить я не могу. Рано или поздно ты сам поймешь, что религия — неправда, как это уже поняли миллионы людей. Религия приучила тебя лгать, лицемерить, говорить не то, что думаешь. Началось это с малого. на уроке ты отвечал одно, а думал другое. Кончиться это может тем, что вся твоя жизнь будет ложной, лицемерной, двоедушной...

Ох, как права была старая учительница! К сожалению, я понял это не сразу, а значительно позже.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 425. Л. 1–11. Микрофонный материал.

Собеседник[192]

Радиожурнал № 9

28 июня 1964 г.
10.30–11.30

...Ермилов. Когда я брал интервью у директора физико-энергетического института в Обнинске Родионова, он вскользь упомянул о том, что за десять лет существования станции на ней *не было ни одного несчастного случая*. На атомной станции, где работает атом, штука довольно-таки опасная. Через час после разговора с Родионовым, я шел по коридорам атомной станции. Белый халат, белая шапочка, впрочем, и сопровождавший меня инженер был одет точно так же, да и почти все здесь были одеты в белое. На ногах поверх ботинок — прозрачные синтетические бахилы. Вот послушайте, как звучат в них шаги. (*Шаги.*) Мы проходим через лабиринт узких коридоров, с двух сторон зажатые толщенными бетонными стенами, и вот последний поворот. И перед нами открывается большущий зал. Это огромный зал, очень высокий, посередине — реактор. Насколько я понимаю, реактор работает бесшумно. Однако и я, и, наверное, радиослушатели слышат сейчас шум, который даже наши слова заглушает. Это что такое?

Родионов. Это у нас работают мощные вентиляторы, которые освежают воздух в залах, поскольку в воздухе у нас не должно нахо-

диться пыли. У нас пыль может быть активной, радиоактивной. Поэтому у нас в помещении всегда немного шумно, но зато свежо.

Корреспондент. Мы проходим в помещение, сплошь увешанное мелкими приборами. Это помещение называется... помещение...

Родионов. Пункт дозиметрического контроля.

Корреспондент. Это говорит, очевидно, дежурный по...

Родионов. Да, дежурный техник.

Корреспондент. Объясните нам назначение всех этих приборов. Я понимаю, что всех невозможно объяснить, конечно.

Родионов. Это щит контроля за состоянием активности воздуха в помещениях.

Корреспондент. Это вы имеете возможность проконтролировать воздух?

Родионов. Да, мы контролируем воздух. Звенит звонок.

Корреспондент. Мигает красная лампочка...

Родионов. И по этому сигналу все люди, естественно, покинут помещение.

Корреспондент. Бывали такие случаи?

Родионов. Были такие случаи. Но, правда, концентрации активности воздуха были очень небольшие. Но, во всяком случае, все равно выходили.

Корреспондент. Я вижу еще один прибор, который расположен вот у вас на груди. Это что такое?

Родионов. Это индивидуальные кассеты. В них заложена обычная рентгеновская пленка, которая через две недели проявляется в специальных лабораториях, и смотрится доза, полученная за рабочее время.

Корреспондент. Они даже именные. Вот здесь ваша фамилия написана.

Родионов. Да, у каждого работника своя кассета. Уходя домой, он оставляет ее здесь. Приходя, он забирает ее, ходит с ней...

Корреспондент. Можно мне попробовать?

Родионов. Пожалуйста.

Корреспондент. Так вот я кладу руку на этот прибор. Так вот... Стрелка не отклоняется.

Родионов. Значит, вы чистый.

Корреспондент. Значит, я чистый?..

Родионов. Ну, вот, как видите, у нас собрано очень много приборов для контроля за безопасностью работы. И все эти приборы очень хорошо обеспечивают нам контроль за радиоактивной обстановкой зданий атомной станции. Обеспечивают полную безопасность...

Корреспондент. В нашей хронике мы не упомянули, об одной дате — она записана в календаре на листке: 22 июня, день начала войны. «Мне показалось, что сейчас нужно сделать документальную кинокартину и воскресить одну из самых мрачных страниц в истории человечества. Потому что фашизм в той или иной форме поднимает голову то там, то здесь». Эти слова сказал Михаил Ромм, известный советский кинорежиссер.

Другой голос. «Девять дней одного года», «Секретная миссия» (*перечисляется*). Название будущей картины, документальной, — «Необыкновенный фашизм». Вот что Михаил Ильич говорит дальше в своем интервью, которое он дал нашему корреспонденту Светлане Розен.

Ромм[193]. Работа невероятно трудная. Просто мне впервые даже пришлось столкнуться с такой трудной задачей. Дело в том, что то, что мне очень нужно, или не снималось, или можно найти только отраженные свидетельства очень многих вещей, которые происходили при фашизме. Скажем, вот вопрос концлагерей. Казалось самым важным скорее распахнуть ворота, выпустить этих людей; как можно скорее накормить их, одеть, вывести. Вот что делали наши войска. Между тем, как сейчас выясняется, что чрезвычайно важно было бы немедленно документировать то, что мы застали в концлагере. Но, к сожалению, часто таких документов нет. Еще кое-где есть, как распахиваются ворота, — успели, значит, схватить. Но самая страшная картина, что такое концлагерь, — не снята. Это относится к очень многим сторонам жизни Германии. Следы заметались. Надо еще сказать, что Гитлер очень много снимал документальных фильмов, но это все были парадные, официальные, лакированные фильмы. Например, даже такой мрачный и страшный факт — что угон наших женщин в Германию и молодых людей для работы на заводах, фабриках в условиях каторги. Он снимался в виде рекламных роликов. В виде рекламных роликов снималось даже гетто варшавское. Выбирали отдельных девушек, откармливали их, снимали с ними интервью и изображали эту жизнь, как рай, а не как ад. А она была адом...

Я делаю картину не об истории фашизма. Тема ее такая: для чего существует человечество, для чего рожден человек, человек-созидатель, человек-творец, и что такое явление фашизма, как абсолютно античеловеческое, противное природе человека, враждебное природе человека, опасное...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 11. Д. 932. Л. 1–17. Микрофонный материал.

М.А. Константиновский[194]

О событиях... невероятных[195]

Репортаж № 1
Радиопьеса

29 июня 1964 г.
6.20–16.49

1-й диктор. Наш микрофон установлен в лесу около большой поляны на берегу лесного озера. Ярко светит солнце, шелестит листва... и — слышите? — поют птицы.

(*На фоне лесных шумов.*)

2-й диктор. Чтобы не спугнуть пернатых, мы спрятались в кусты. Вот, словно по заказу, они слетаются на поляну. Ого, сколько! Словно они собираются на птичий базар. И, конечно, первым прилетел везде-

сущий воробей. А это что за странная птица? Я что-то такой никогда не видел...

1-й диктор. Да это птица-секретарь!

2-й диктор. Птица-секретарь?! Но ведь... она как будто водится только в Африке...

1-й диктор. Да-а... вы правы. Странно... А это что за черная туша выползает на поляну? Послушайте, ущипните меня! Ой, не так сильно!.. Значит, я не сплю? Ведь это тюлень!

2-й диктор. Тюлень?!! На лесной поляне?!! (*Вполголоса.*) У меня, кажется, начинаются галлюцинации... Я вижу кашалота...

1-й диктор. Я тоже. Но у меня еще и слуховая галлюцинация. Я совершенно отчетливо слышу человеческие голоса...

2-й диктор. И я. Смотрите, смотрите, что тут происходит? Вся поляна заполнена птицами, зверями, пресмыкающимися, насекомыми...

1-й диктор. И даже рыбами!.. Нет, одно из двух: или мы оба сошли с ума, или же это...

2-й диктор. — Или же это...

(*Шум, какой бывает в больших залах перед началом концерта или заседания.*)

1-й голос (*старческий*). Послушайте... что здесь происходит?

2-й голос. Зачем нас собрали?

3-й голос. Я не могу утверждать, но, кажется, кто-то что-то у кого-то украл. Простите, Воробей, Вы не знаете, что случилось?

Воробей. У Медузы свистнули ухо.

1-й голос. Медузе свистнули в ухо?

2-й голос. Но какое отношение все это имеет к нам?

(*Колокольчик, Шум стихает*)

Зычный голос. Прошу присутствующих занять свои места.

Шопот. Это Кашалот. Тише, тише!

Кашалот. Мы собрали вас в связи с чрезвычайным происшествием. У всеми нами уважаемой Медузы украли ухо.

2-й голос. Какой ужас!

Кашалот. Наш Комитет по охране авторских прав природы...

Птица-секретарь. КОАПП, КОАПП.

Кашалот. Птица-секретарь правильно заметила: сокращенно он называется КОАПП. Итак, КОАПП решил срочно созвать животных, чтобы обсудить это чрезвычайное происшествие. Председательствую я — Кашалот. Протокол ведет Птица-секретарь. Итак, я продолжаю... Это не обычная кража. Это вопиющее нарушение Патентного права.

(*Невообразимый шум.*)

Выкрики. Непонятно! Что еще за Патентное право?

Кашалот. Я вижу, не всем ясно, о чем идет речь. Придется начать с небольшого вступления. Друзья! Случай с Медузой это только капля, переполнившая чашу нашего терпения. Все вы знаете Человека. Это самый молодой член нашей семьи и, надо отдать ему должное, самый способный. Но, к сожалению, он отделился от нас, поставил себя над

нами. По мере того как человек рос, он все более бесцеремонно присваивал открытия, которые стоили огромных усилий нашей великой матери Природе. А ведь мы ее полномочные представители, не так ли?

(*Крики: «Правильно!»*)

Кашалот. Она, одна лишь она — Природа — с помощью эволюции за какой-нибудь миллиард лет терпеливо перепробовала множество вариантов всего живого. Неисчислимые поколения наших предков отдали свои жизни во имя того, чтобы мы с вами достигли нынешнего совершенства, которым Человек справедливо восхищается (*одобрительный гул.*)... (*выкрикивает, перекрывая шум*)... но которому он и завидует! Человек уже воспользовался отдельными нашими конструкциями. Такими, например, как паутина: по ее образцу он построил свои висячие мосты. В мою родную стихию — в море — он пустил подводные лодки, придав им наиболее удобную для плавания обтекаемую форму акулы. И вот, пока мы благодушествовали и смотрели на проделки человека сквозь... ласты...

Возгласы. Сквозь плавники! Сквозь крылья! Сквозь копыта!

Кашалот. Пока, повторяю, мы смотрели сквозь все перечисленное, произошел случай, который должен был бы нас насторожить... Вот тут присутствует Тюлень, пусть он сам расскажет, как из-за его преступной лени... Встаньте, Тюлень, объясните, что там вышло с Вашим ухом.

Тюлень. Ну вот, значит, когда же это было-то... Да, почитай, годков этак с пятьдесят прошло. Лежу это я себе на беряжку, никого не трогаю...

Выкрики. Короче!

Тюлень. А я что? Ежели желаете, можно и короче. Значит, лежу это я на беряжку, вдруг подходит Человек и наклоняется над самым что ни на есть моим ухом...

(*Вздох в зале.*)

Кашалот. Хватит! Я закончу за него. Действительно, лет пятьдесят назад Человек сделал гидрофон.

Голоса. Что сделал?

Кашалот. Гидрофон — это нечто вроде искусственного подводного уха. Надо признаться, придумал он эту штуку самостоятельно, потому что считал почти всех нас, подводных жителей, глухими и немыми. Но когда это искусственное ухо поставили на корабли, то во время хода корабля струи воды поднимали такой шум, что ничего нельзя было разобрать. И вот тогда человек украл у Тюленя конструкцию специального ушного обтекателя, вот этого самого, смотрите...

(*Возгласы: Ах... Надо же, а...*)

Тюлень. Без обтюкателя в нашем деле никак невозможно...

Кашалот. Так какого же вы морского дьявола позволили Человеку...

Тюлень. А я что? Мне и невдомек...

(*Крики: «Долой! Вон его! Пусть убирается».*)

Кашалот. Друзья, мы все виноваты, все мы проявили близорукость. Сам я, каюсь, недооценивал возможностей человека даже после

того, как он самостоятельно изобрел ультразвуковой локатор. Конечно, до моего гидролокатора Человеку еще далеко, ведь, вы знаете, я ныряю на глубину больше километра, в кромешной тьме, и всегда нахожу то, что мне нужно.

Кальмар. Еще бы не знать! У меня вместо трех щупальцев протезы...

Кашалот. Дорогой Спрут...

Кальмар. Прошу называть меня Кальмаром!

Кашалот. Не будем сводить здесь старые счеты. У меня тоже осталась память о нашей встрече — вот эти шрамы. Но, поверьте, вы самый замечательный мой сосед по океану, во всяком случае, самый интеллигентный, я о вас еще буду говорить. Да, на чем я остановился?

(*Крики: На гидролокаторе!*)

Кашалот. Стало быть, пока Человеку до нас далеко. Вот мой родственник Дельфин, он с закрытыми глазами не только найдет мельчайший предмет, но и определит, что это такое.

Голоса. Удивительно, невероятно.

Голос. Пусть Летучая Мышь скажет! Она у нас чемпионка по ультразвуковой локации в воздухе...

Кашалот (*про себя*). Подумать только, такая фитюлька, а тоже ультразвуковой локатор. (*Громко.*) Пожалуйста, пожалуйста, летите сюда... Итак, слово предоставляется Летучей Мыши.

(*Пауза.*)

Голоса. Громче! Что это она, рот раскрывает, а ничего не слышно?

Кашалот. Прошу без паники, она владеет только ультразвуком, а здесь, кажется, не все его слышат. Я сейчас переведу. Она сказала, что в полной темноте... ушами, если можно так выразиться, видит крохотную мошку в конце этой поляны.

Ну и ну... нет, что ни говорите, ультразвуковые локаторы, созданные человеком, еще примитивны в сравнении с нашими.

(*Странный резкий хохот. Все замолкли, пораженные.*)

Кашалот (*сердито*). Что за неуместный смех? (*Снова хохот.*)

Голос. Да это птица Кукабара, я ее знаю. Зимородок из Индонезии. Она хохочет утром, в полдень и вечером. А сейчас как раз полдень.

Кашалот. В самом деле, посмотрите на Солнышко — ровно полдень. Послушайте, Ку...Ку... э... м... как это вы так точно узнаете время? У вас где-нибудь внутри часы? Это как будто называется биологическими часами...

(*Хохот.*)

(*Кое-кто начинает подхихикивать...*)

Кашалот. Не очень-то вразумительный ответ. Мм-да, любопытно, чрезвычайно любопытно...

Голос. Послушайте, вы там, Медузин-то вопрос решать будем или как?

Кашалот. Ах, да... Итак, друзья, я продолжаю. Случай с Тюленем должен был послужить нам грозным предостережением, но не послужил... Человек между тем не терял времени даром. Он открыл заново многое из того, что задолго до него было открыто нами, то есть, я хотел сказать, нашей высокоуважаемой матерью Природой...

Кашалот. А знает ли человек, что такое запах?

(*Молчание.*)

До сих пор он строит лишь догадки по этому поводу...

Муха. О, мои ганглии, мои бедные ганглии! (*истерически рыдает*).

Голоса. Опять эта назойливая Муха. Эта истеричка... Дайте ей воды!

Кашалот. Может быть, вы все-таки объясните, Муха, почему вы меня перебили? Какие еще ганглии?

Муха. Мои нервные узлы. Я такая вся нервная, такая чуткая — малейший запах, и в моих ганглиях тут же появляется электрический ток.

Кашалот. Ну и что же?

Муха. А он представьте, этот ужасный Человек, воткнул в мои ганглии маленькие шпильки...

Кашалот. Электроды, что ли?

Муха. Электроды. И соединил их с какими-то приборами... Когда я чувствую запах ядовитого газа, сразу же громко звенит звонок. Это такая вредная работа, такая опасная при моем здоровье (*плачет*).

Таракан. Вот чудачка, чего же ты ревешь? Гордиться надо. Это ведь значит, что Человек еще не может заменить тебя прибором. Мне, Таракану, он тоже воткнул в нервные узлы электроды. Я, видишь ли, ужасно чувствителен к температуре. А у тебя электроды, между прочим, золотые. Они тебе здорово идут.

Муха. Золотые? Вы не шутите, они мне к лицу? Ну, тогда, пожалуй...

Кашалот (*возмущенно*). Вы дадите мне наконец договорить?

Голоса. Тише!

Кашалот. Так вот, друзья, до поры до времени человек не обращал на нас особенного внимания. Случай с обтекателем Тюленя, когда Человек с заранее поставленной целью позаимствовал, мягко выражаясь, нашу конструкцию, этот случай был скорее исключением, чем правилом. Но лет пятнадцать назад человек впервые стал сравнивать живые организмы с машинами и приборами, созданными его руками. И сравнение оказалось отнюдь не в пользу приборов.

Возглас. Так это же хорошо!

Кашалот. Хорошо-то хорошо, но послушайте дальше. Убедившись в своем отставании, Человек создал науку — Бионику.

Крики. Что? Повторите!

Кашалот. Би-о-ни-ку. Задача этой науки — раскрыть и похитить все наши технические секреты!

(*Мертвая тишина, шепот: «Кошмар! Дожили...»*)

Девиз бионики: живые организмы — ключ к новой технике. Это мы с вами — ключ!

(*Возгласы возмущения.*)

Некоторые из нас уже стали жертвами этого планомерного, поставленного на широкую ногу грабежа. У Дельфина похищен принцип устройства его замечательной кожи, которая позволяет ему мчаться быстрее любого судна. Человек уже сделал на некоторых своих кораблях такую искусственную кожу.

(*Крики негодования.*)

Человек построил электронный глаз лягушки (*шум*), краба (*шум*), пчелы (*шум*). Я не буду сейчас останавливаться на этом подробно, ибо нам следует рассмотреть все случаи краж на заседаниях нашего Комитета по охране авторских прав природы.

Птица-секретарь. КОАПП! КОАПП!

Кашалот. Совершенно верно, на заседании КОАППа.

Далее. У многих из присутствующих есть так называемые жужжальца.

Голос. У двукрылых насекомых!

Кашалот. Да, у двукрылых, у Мухи например. Эти два придатка сзади крыльев — прекрасный навигационный прибор. Человек сделал жужжальца из металла и установил их на сверхзвуковых самолетах. Однако назвал их для отвода глаз вибрационным гироскопом.

И последней каплей, как я уже сказал, была эта история с ухом Медузы. Дорогая Медуза, расскажите собранию об этом преступлении.

Медуза. Тяжело говорить, но и молчать я не могу. Сама я жизнь провела скромно, обходилась малым — зонтик да бахрома. Простая я, прозрачная — вся перед вами, как стеклышко. Но нашелся вдруг недруг злой, попользовался моей прозрачностью. Была у меня гордость одна-единственная, от прапрабабушки досталась, свято берегла я ее — мое ухо. Вот оно перед вами, скрывать мне нечего, глядите. Сосуд круглый под зонтиком моим на стебельке висит, а в сосуде камешки плавают.

Голос. Что-то на ухо не очень похоже.

Медуза (*обиженно*). Как же не ухо? Я ведь им слышу. Если где буря, я голос ее слышу задолго, часов за пятнадцать до того, как сама она объявится. Сосуд звучать начинает, гудеть, камешки на нерв давят, и я слышу. И тотчас подальше от берега отплываю. А то ведь о камни разобьешься. Человек голоса бури не слышит. Раньше он узнавал о приближении бури по барометру. Узнавать-то узнавал, а приготовиться к встрече гостьи не успевал.

Вот и украл он мое ухо, и сделал такое же. Да ведь мне не то обидно, что сделал, а то, что украл. Нехорошо это, не по чести.

Кашалот. Слышали? Такая же участь ждет каждого из нас! (*Возгласы ужаса, паника, колокольчик.*)

Тише! Не время предаваться панике. Надо действовать, и действовать решительно. Я уже говорил, что организован Комитет охраны авторских прав природы... Будем собираться на этой поляне. Тут есть лес, озеро, поляна, воздух — все необходимое, чтобы каждый мог продемонстрировать свои возможности. Начинаем работу. Становитесь в очередь.

(*Шум, визг, писк, рычание и т.д.*)

Голос (*шепотом*). Смотрите, смотрите... Человек идет! Собственной персоной. Собака его привела.

Человек. Рад приветствовать вас, дорогие друзья. Простите за опоздание.

(*Угрюмое молчание.*)

Муха? И ты здесь? Как же это ты оставила рабочее место... Если все будут улетать, на вас золотых электродов не напасешься. Что же вы молчите, друзья! Что здесь случилось?

(*Молчание.*)

Ну, хорошо. Собака мне все рассказала. Эх вы, и подумали же такое... Приоритет, Патент, Природа... а что же вы меня-то от Природы отлучили, да? Меня, по-вашему, не Природа создала? Да я, если хотите знать, своего собственного устройства еще как следует не знаю... А вы — приоритет. Я ведь повсюду указываю, где что взял, так прямо и называю: электронная модель уха медузы.

(*Смущенные реплики: А мы думали... Кашалот говорил... А Кашалот заладил: украли ухо, украли ухо.*)

Человек. Тише, друзья, не все сразу. Так это вы, значит, уважаемый Кашалот, изволили всех взбаламутить?

Кашалот. Видите ли, это недоразумение. Я всегда был самого высокого мнения... Мы немедленно распустим КОАПП...

Человек. Нет, зачем же?.. КОАПП нужно оставить. И примите меня в его члены... Мы будем встречаться раз в две недели и сообща разбирать, какими замечательными устройствами наградила всех нас Природа и как их можно применить в технике... Кстати, у меня есть друзья — ребята, которые увлекаются бионикой... Я их называю юониками... Я поговорю со своими юониками, пусть они и их товарищи присылают на заседания КОАПП свои наблюдения. Ведь для бионики имеют значение, казалось бы, незначительные факты...

Кашалот. Итак, будем считать, что мы договорились! Объявляю общее собрание животных закрытым...

(*Шумы.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 425. Микрофонный материал.

Ю. Визбор[196]

Новогодний рейс

Радиообозрение[197]

31 декабря 1964 г.
20.15–21.59

(*Шум самолета.*)

...Визбор. Ну вот, видите, дорогие друзья, я в начале нашего рейса говорил, что мы встретим здесь немало интересных людей. Так оно и выходит. А теперь...

Вера. Извините, это у вас микрофон?

Визбор. Да.

Вера. А я думала — гитарист.

Визбор. Это вот из-за гитары-то?

Вера. Да.

Визбор. Нет, я не гитарист. Но гитара в какой-то степени мое профессиональное оружие. Дело в том, что в году я бываю дома четыре–пять месяцев, а все остальное время провожу в командировках. На дорогах страны. А дороги-то эти в большинстве случаев — воздушные. Так что привык к аэродромным ожиданиям. Как сказано в песне:

Льется дождик с небосвода
Грохочут желоба,
Нелетная погода,
Нелегкая судьба.

Сначала брал с собой гитару, чтобы время коротать, потом стал и песни пописывать... На Курильских островах по пять суток ждал самолета... Курильская погодка. Туман... И на Севере «загорать» приходилось... Друг у меня есть, геолог, Саша Городницкий. Тоже песни пишет. Представьте вот себе маленький северный аэродром, занесенный снегами, одинокий самолет, привязанный всеми возможными средствами к земле, чтобы ветром не унесло... Поземка по бревенчатому срубу гуляет, в окно скребется... и русская печка горит... тепло от нее...

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Ходит за ангаром северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно.
Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрет второй пилот,
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоет...
И настроение у ребят неважнецкое.
Прогноз плохой.
Эту песню грустную позабыть пора нам,
Наглухо моторы и сердца зачехлены,
Снова тянет с берега снегом и туманом,
Снова ночь нелетная даже для луны...

Да... И вот там, на севере, кажется тогда, что все радости мира несправедливо сконцентрированы только в одном месте — на юге. Но что касается меня, то мне дороже Сибирь. Хребты, которым только-только дали названия. Города, над которыми летчики удивленно качают головами: ведь вчера же здесь была глухая тайга. Надо внести поправку в полетные карты. В этих городах живут дети, которые ни разу не видели паровоза. Они видят только самолеты. На крохотной посадочной площадке стоит Антонов-2 — самолет рабочий. Вот он только что сгрузил геологов. Или первые строители вытаскивают из его зеленого брюха первую палатку. Или вот уже первые молодожены летят в район: «записываться» — как там говорят.

И когда я вижу в небе этот совсем не стремительных форм самолет, я всегда с благодарностью думаю о ребятах, которые с бóльшим, может быть, правом, чем кто-либо, могут назвать себя летчиками. Я знаком с одним таким парнем — отчаянным, веселым парнем, который всегда живет и работает там, где трудно.

Идет на взлет по полосе мой друг Серега,
Мой друг Серега, Серега Санин.
Сереге Санину легко под небесами,
Другого парня в пекло не пошлют.

То взлет, то посадка,
То снег, то дожди.
Сырая палатка,
И почты не жди.
Идет молчаливо
В распадок рассвет.
Уходишь? — Счастливо!
Приходишь? — Привет.

В песне этой, честно говоря, я фамилию изменил. Но что Серега — это уж точно.

С недавних пор я стал знаком с еще одним летчиком, человеком, который два раза в неделю небольшим усилием руки поднимает в воздух самый большой из всех существующих в мире самолетов — Туполев-114. Это Герой Советского Союза летчик первого класса Яков Киреевич Минин. С Яковом Киреевичем я летал до Хабаровска и обратно. Тоже летал с гитарой.

Горит фонарик на крыле,
Всю ночь качаются во мгле...
Меж предрассветных облаков
Пять молодых выпускников,
Три капитана корабля,
Посол чужого короля,
Сто пассажиров на борту
Несут сквозь ночь турбины ТУ.
И спят под ними города,
И подо льдами спит вода.
Лишь наш суровый командир
Всю ночь работает в эфир.
А бортмеханик все поет,
А бортрадист сигналы шлет,
И принимают их в порту,
Где замолчат турбины ТУ.
(*Музыка.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп.14. Д. 299. Л. 23–26. Микрофонный материал.

Кристианзен-Клаузен[198]

Я работал с Зорге

Интервью[199]

4 января 1965 г.
18.00–18.59

Корреспондент. Товарищ Кристианзен-Клаузен, вы и ваша жена Анна — оставшиеся в живых члены группы разведчиков доктора Рихарда Зорге[200] в Токио. Не могли бы вы немного рассказать нашим слушателям о вашей работе?

Ответ. Находясь в марте 1929 года в Шанхае в качестве немецкого коммерсанта, я начал свою нелегальную работу радистом. В мою задачу входила сборка передатчиков и приемников, поддержание связи с центром и закодирование передаваемых сообщений.

Именно в Шанхае я впервые встретился с Рихардом Зорге. Это было в отеле «Катей» на одном вечере. К нашему столику подошел Рихард Зорге. Нас познакомили. В этот вечер Рихард, конечно, внимательно приглядывался ко мне, однако мы сразу же почувствовали симпатию друг к другу. Потом последовали другие встречи. В конце концов мы стали близкими друзьями и хорошими боевыми товарищами.

Корреспондент. Товарищ Кристианзен-Клаузен, каким образом вы потом попали в Токио?

Ответ. Это было так. С 1933 года, после окончания работы в Китае, меня отозвали вместе с женой Анной в отпуск. В 1935 году меня вызвали в Москву. Меня принял Рихард Зорге. Я должен был вместе с ним отправиться в Токио, где он работал в немецком посольстве, являвшимся рассадником фашистских идей на Дальнем Востоке. Снова закипела работа. Я построил два неприметных передатчика: один в квартире нашего соратника Бранко Вукелича, другой — в своей собственной квартире. Здесь я чувствовал себя особенно уверенно, ибо всего в 50 метрах находилась казарма японского гвардейского полка: кто уж станет искать в таком окружении противника? Передатчик я спрятал за деревянной обивкой в стене моей комнаты. Чтобы замаскировать свою разведывательную работу, я основал товарищество по изготовлению приборов для научных исследований. В свои деловые поездки я всегда брал с собой передатчик и в разных местах, в окрестностях Токио, устанавливал связь с центром. До сих пор мы гордимся тем, что японские специалисты-пеленговщики не обнаружили наш передатчик, а зафиксированные японцами передачи не были ими расшифрованы.

Корреспондент. Рихард Зорге был вашим другом и боевым соратником. Что вы можете рассказать о нем?

Ответ. Для меня было высокой честью работать вместе с этим выдающимся человеком и коммунистом. Рихард был молодцом! Он отправился в фашистское логово ради победы социализма. Он часто приходил ко мне и Анне на квартиру. Важные сообщения он обычно передавал мне сам, в том числе и историческое сообщение о том, что 22 июня 1941 года начнется нападение фашистского вермахта на Советский Союз.

Еще накануне нашего ареста я был вместе с Рихардом. Мы оба испытывали беспокойство, так как двое из наших хороших японских друзей уже давно не появлялись. Однако мы в конце концов успокоились, зная, что соблюдали все правила конспирации.

Корреспондент. На следующий день, 18 октября 1941 года, вы были арестованы японской тайной полицией. После этого вам довелось еще увидеть Рихарда Зорге?

Ответ. После внезапного ареста членов нашей группы я попал в тюрьму в Токио. Во время одного из бесчисленных допросов я прохо-

дил мимо одной камеры для ожидания и увидел Рихарда. Надо сказать, что японские камеры для ожидания не прикрыты. Весной 1945 года мне удалось перебросится несколькими словами в умывальной комнате с одним японским арестантом. Он сообщил мне, что Рихарда нет больше в живых, что он умер гордо, как коммунист.

Корреспондент. После того как дважды выносился приговор о смертной казни, вы были приговорены к пожизненному заключению, а ваша жена Анна к семи годам заключения, что было дальше с вами?

Ответ. Я сидел после этого в разных японских тюрьмах. 8 октября 1945 года меня освободили. В это время я весил всего 99 фунтов. В Токио один японский адвокат взялся вести мое дело, и ему наконец удалось устроить встречу с женой, с которой я был разлучен с момента своего ареста. Товарищи из советского посольства позаботились затем о том, чтобы мы прилетели во Владивосток, чтобы прошли курс лечения и отдохнули. Потом в 1946 году мы приехали в Берлин...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 115. Л. 16–19. Микрофонный материал.

С.С. Смирнов[201]

Мы не должны забывать

Выступление[202]

14 февраля 1965 г.
11.00–11.58

...Во время войны Мария Лагунова, которая живет в городе Хмельницком, добилась того, чтобы ее направили управлять танком. Она потеряла обе ноги. Вместо того чтобы пойти на пенсию, сумела вернуться в строй, но уже не танкистом, а связисткой. И когда эта женщина пришла в магазин и хотела что-то получить без очереди, сказав, что она инвалид Отечественной войны, вдруг кто-то сказал: «Хватит, прошли ваши времена».

И никто не вышвырнул негодяя, который посмел сказать инвалиду Отечественной войны. Или наденет фронтовик свои ордена и медали и услышит: «Вот, надел побрякушки». Как можно, чтобы люди, награжденные Родиной за боевые заслуги, стеснялись носить награды?! Нужно создать общественное мнение вокруг этого. Уважению к героям войны, к памяти погибших мешает равнодушие, мешает косность.

Возьмите состояние могил Московской области. Сколько еще могил с покосившимися обелисками, со смытыми надписями. И сейчас, перед двадцатилетием победы, важно привести их в порядок. Нужно подумать о памятниках нашей славы. Нельзя допустить, что до сих пор в Москве нет памятника Неизвестному солдату, Неизвестному партизану, Неизвестному подпольщику, Неизвестному борцу гитлеровского плена — нет памятника с вечным огнем, около которого миллионы людей, потерявших своих близких, могли бы в столице положить цветы. Такой памятник должен быть. Он должен быть в центре Москвы (я считаю таким местом Манежную площадь, где люди проходят потоком), чтобы он все время напоминал о подвигах, чтобы всег-

да лежали на нем цветы, как они всегда находятся у памятника Пушкину как символ народной любви.

Нам нужно бороться за хлеб, за пуды зерна, за литры молока, за тонны стали. Но мы с вами не можем забывать о тех ценностях, которые нельзя измерить никакими деньгами, — о биографии народа, которую передает одно поколение другому, как эстафету, потому что на этой биографии воспитывается характер народа, характер молодежи.

В мирной обстановке новые поколения будут совершать свои дела, но для этих дел нам нужна биография народа, подвиг народа в Великой Отечественной войне, чтобы вы могли опираться на него, черпать из него силы, чтобы быть достойными своих отцов, старших братьев, которые совершили эти подвиги.

(*Песня «Люди мира, на минуту встаньте».*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 117. Л. 4–7. Микрофонный материал.

Артист балета — Владимир Васильев[203]

Радиоочерк

Программа радиостанции «Юность»[204]

24 февраля 1965 г.
21.00–21.59

(*Позывные радиостанции «Юность».*)

Зал номер два... Сегодня здесь репетиция, обыкновенный рабочий день. В большом танцевальном зале с зеркалом во всю стену — всего трое: репетитор Галина Сергеевна Уланова, танцовщики Володя Васильев и Катя Максимова.

Через неделю у Кати первое выступление в балете «Дон Кихот», а Володя — ее партнер по партии. Галина Сергеевна сама тут же показывает, что и как нужно делать,

(*Музыка, фон.*)

Это репетиция, обычный рабочий день. В нашей передаче всего три–четыре минуты, а на самом деле — шесть, восемь, десять часов в день не только физического, но и умственного труда.

Это радости и огорчения, бессонные ночи и труд, труд с полной отдачей всех сил, до изнеможения.

Это было вскоре после войны... Для Володи Васильева занятия балетом начались довольно неожиданно... Маленький московский дворик. Трое первоклашек сидят на лавочке.

Володя. И вдруг из подъезда вышел еще один мальчик — Слава. Говорит: «Слушай, не хочешь ты пойти в Кировский дом пионеров?» Я говорю: «А что там делать?» — «Ну, — говорит, — заниматься» — «Заниматься? А чем заниматься?» — Говорит: «Танцевать не хочешь?» — Я говорю: «Ну что ж, ладно, пойду».

А мама мне как раз сказала, чтобы я обязательно ждал ее во дворе, потому что мы должны были с ней пойти ко врачу. Короче говоря, я забыл об этом и пошел в Кировский дом пионеров. Пришел туда, сначала позанимался с младшей группой. Потом Елена Романовна

Расе (а это она тогда там работала) сказала, что вот ты мальчик (показала на меня), ты, говорит, останься, будешь еще со старшими заниматься.

Пришел домой, было уже поздно. Мама меня, конечно, отругала как следует и сказала, чтобы я никогда не уходил один со двора, ну и так далее, в общем, в конце концов я не бросил заниматься, мне это понравилось. И я стал ходить туда три раза в неделю.

Однажды, это, наверное, было через месяц, вдруг приходит маме открытка: явиться в Кировский дом пионеров. Она стала меня расспрашивать, а я сам ничего не знаю, сам перепугался, думаю, я вроде ничего не натворил. Она все-таки пошла туда в назначенное время, а я ждал ее, пока она была в комнате директора. Вышла она оттуда сияющая. Ей сказали, что я должен обязательно заниматься дальше.

Когда стало 9 лет, Елена Романовна как раз посоветовала подать заявление в хореографическое училище московское. Мы подали, то есть я и мама, скорее мама, и мы не ожидали, что пройдем, говорили, набор большой, но когда вывесили списки, то в числе принятых был и я.

Ведущий. Так Володя оказался в числе учеников прославленной школы советского балета.

Учился много и жадно.

Но вот последний класс — выпускной спектакль.

(*Музыка. Адажио, 3-й акт.*)

В балете «Щелкунчик» Володя Васильев танцевал принца.

(*Музыка.*)

Настоящая сольная партия.

(*Музыка.*)

Школа окончена. Владимир Васильев принят в кордебалет Большого театра.

Володя. Танцевал я много. Сначала во всех операх был занят. Мне очень нравилось танцевать, все абсолютно без исключения партии в кордебалете. Месяца через два не было исполнителя на роль Пана в «Вальпургиевой ночи», ну, и мне предложили. Это была моя первая сольная роль уже в труппе Большого театра.

Ведущий. Эта партия стала первой большой удачей молодого артиста. Роль Пана в «Фаусте».

(*Музыка.*)

Ведущий. Вскоре труппа театра начала работать над новым балетом. Это была «Шопениана». В ней Володя готовил главную партию — роль юноши.

Володя. Вспоминать мне об этом как-то всегда не очень приятно, потому что это был мой полный провал. Возможно, что это оказалось ранним выступлением. Я очень расстроился, когда станцевал ее, один раз всего станцевал.

Ведущий. Но после этого буквально на следующий день к Володе подошел художественный руководитель труппы и сказал, что ставится новый балет «Каменный цветок». И постановщик этого спектакля Юрий Григорович назначил на роль Данилы Васильева.

Володя. Это было так неожиданно, что я даже не знаю, обрадовался я или нет, ну, конечно, обрадовался, наверное.

Ведущий. Данила в «Каменном цветке» — одна их первых крупных работ молодого танцовщика. Он справился с ней превосходно. Постановщик Юрий Григорович не ошибся, поверив в творческие силы артиста.

(*Музыка.*)

Так уж как-то получилось, что молодой артист стал танцовщиком широкого диапазона. Ему одинаково удавались комедийные, порой даже гротесковые партии и лирические. Очень серьезной проверкой всех способностей и мастерства Владимира Васильева была партия Паганини в балете, поставленном Лавровским.

Володя. Дело в том, что ставился этот балет для артиста Сеха, очень яркого исполнителя, очень хорошего актера. И два года он танцевал эту партию один.

Когда я взялся за нее, я как-то поверил в свои силы и от репетиции к репетиции уверенность росла. И вот — премьера. Премьера «Паганини».

(*Музыка.*)

Ведущий. Володя умалчивает о том, что прошла она успешно.

Володя. После «Паганини» самая долгая работа была у меня над балетом «Дон Кихот», над партией Базиля.

Эту партию мы готовили вместе с Алексеем Николаевичем Ермолаевым, изумительным хореографом и великолепным репетитором-педагогом. Работали около года.

Ведущий. Партию Базиля Володя сделал великолепно. Он танцевал ее уже много раз. А на конкурсе в Варне он получил золотую медаль. Об этом международном состязании молодых танцовщиков рассказывает Галина Сергеевна Уланова[205].

Уланова. В Болгарии, в городе Варна, был первый балетный международный конкурс. Этот конкурс был очень волнительный, потому что собралось много молодежи из разных стран, представлялась Англия, Франция и целый ряд других стран. К своим выступлениям они готовились, конечно, очень серьезно. Мне пришлось присутствовать, но, к сожалению, не репетировать с Максимовой и Васильевым, потому что по правилам жюри полагалось, если я была председателем жюри, то я не должна была встречаться с моими подопечными.

Конечно, у меня было двойное волнение, но как будто бы так обошлось все очень хорошо. Всех поразил (я могу сказать за всех членов жюри, не говоря уже о публике), конечно, Володя Васильев. Мне кажется, что на сегодня он вообще среди балетной молодежи не только нашей страны, конечно, самый талантливый и самый лучший танцовщик.

Володя на этом конкурсе танцевал с Катей Па-де-де из «Дон Кихота», он это делает превосходно. Мне приходится с ним встречаться и в классе, и в репетициях, и всегда я получаю какое-то удовольствие, работая вместе с ним, потому что просто замечать какие-то маленькие недостатки — это довольно скучно, а мне кажется, что и репетитор и педагог, старший вообще товарищ, работая с молодыми, должен как-

то чувствовать и какой-то контакт, и друг от друга заражаться вот той творческой атмосферой, которая должна происходить на этих репетициях, тогда это интересно.

Потом второй номер он танцевал Нарциса в постановке Голейзовского.

Это тоже большой успех, тем более что весь конкурс проходил в такой уютной очень зеленой обстановке открытого театра, масса зелени, и как раз это молодое существо, которое как-то выросло и выпрыгнуло буквально из кустов зеленых, и очень хорошо было это освещено, и произвело впечатление какого-то существа (человек — не человек), какого-то очень поэтичного и очень живого, какой-то самой жизни.

Мне кажется, все участники получили огромное удовольствие, просто выступали на этом конкурсе, именно на этой сцене, и в этой какой-то теплой обстановке. И поэтому как-то весь конкурс прошел на очень хорошем, высоком уровне.

Теперь конкурс будет продолжаться и дальше. Вот уже сейчас я получила приглашение также участвовать в этом конкурсе...

(*Музыка.*)

Ведущий. Новая партия, новый успех, теперь уже заслуженного артиста РСФСР Владимира Васильева...

А утром снова репетиционный зал номер 2 на пятом этаже Большого театра. Труд упорный, настойчивый. Да, нелегкая жизнь у артиста балета... Спектакли, занятия в классе с педагогом, репетиции и снова спектакли.

Володя. Ну, почему, бывает и свободное время. Правда, его не очень много. Тогда спорт, сейчас, зимой, — лыжи, коньки, волейбол. И еще я люблю рисовать. Пишу маслом. В этом году хочу полепить.

Ведущий. Девять работ Владимира Васильева можно увидеть на выставке «Второе призвание» в ВТО в Москве.

(*Музыка.*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 118. Л. 2–12. Микрофонный материал.

Первый шаг в космос
Интервью[206]

8 марта 1965 г.

Корреспондент. Товарищ главный конструктор[207], разрешите от всей души, от миллионов радиослушателей поздравить Вас с началом завершения первого этапа огромного эксперимента.

Главный конструктор. Большое Вам спасибо. Я могу только Ваше поздравление отнести к большому коллективу разработчиков, испытателей, которые создали и провели этот сложнейший эксперимент. Надо сказать, что первый выход человека в космос — это событие в космических исследованиях очень крупное, я бы сказал, событие, которое откроет путь большому направлению в разработке космических аппаратов и космических исследований. Мне пред-

ставляется, что трудно представить космический корабль ближайшего даже будущего, из которого члены его экипажа не могли бы выйти в космос для самых различных целей, не говоря о том, что подобная возможность значительно повышает надежность и безопасность, особенно при длительных полетах. Поэтому первый опыт, который столь блестяще выполнен экипажем товарищей Беляева и Леонова, и первые шаги в космосе, осуществленные подполковником Леоновым с высоким знанием техники, и выполнение им, полное выполнение всей программы имеют огромное значение для будущего, для новых разработок. Мне кажется, что мы сегодня можем отметить это достижение как новый крупнейший успех советской науки при исследовании космического пространства. Мне хочется передать большой привет всем товарищам, которые разделяют нашу радость в связи с этим достижением, и выразить надежду, что советская наука на этом не остановится и мы будем продвигаться все дальше и дальше. Всего хорошего.

Корреспондент. Большое спасибо Вам.

РГАФД. № 3694. Вр. зв. 02.00. Магнитная запись.

К.И. Чуковский[208]

Беседа о языке

3 апреля 1965 г.
16.30–17.00

Я слышал своими ушами, как некий посетитель ресторана, желая заказать себе свиную котлету, сказал официанту без тени улыбки:

— А теперь заострим вопрос на мясе.

И как один дачник во время прогулки в лесу заботливо спросил у жены:

— Тебя не лимитирует плащ?

Обратившись ко мне, он тут же сообщил не без гордости:

— Мы с женой никогда не конфликтуем!

Причем я почувствовал, что он гордится не только отличной женой, но и тем, что ему доступны такие слова, как конфликтовать, лимитировать.

Мы познакомились. Оказалось, что он ветеринар, зоотехник, и что под Харьковом у него есть не то огород, не то сад, в котором он очень любит возиться, но служба отвлекает его.

— Фактор времени... Ничего не поделаешь! — снова щегольнул он культурностью своего языка.

С таким щегольством я встречаюсь буквально на каждом шагу.

В поезде молодая женщина, разговорившись со мной, расхваливала свой дом в подмосковном колхозе:

— Чуть выйдешь за калитку, сейчас же зеленый массив.

— В нашем зеленом массиве так много грибов и ягод.

И видно было, что она очень гордится собой за то, что у нее такая «культурная» речь.

Та же гордость послышалась мне в голосе одного незнакомца, который подошел к моему другу, ловившему рыбу в соседнем пруду, и, явно щеголяя высокой «культурностью речи», спросил:

— Какие мероприятия предпринимаете вы для активизации клева?

— Стерегу индивидуальных свиней! — сказал мне лет десять назад один бородатый пастух.

Как бы ни были различны эти люди, их объединяет одно: все они считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в свою речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов.

Официозная манера выражаться отозвалась даже на стиле объявлений и вывесок. Уже не раз отмечалось в печати, что «починка белья» на нынешних вывесках называется «ремонтом белья», а швейные мастерские — «мастерскими индпошива» («индивидуальный пошив»).

«Индпошив из материала заказчика» — долго значилось на вывеске одного ателье.

Эта языковая тенденция стала для меня особенно явной на одном из кавказских курортов. Там существовала лет десять лавочка, над которой красовалась простая и ясная вывеска: «Палки».

Недавно я приехал в тот город и вижу: лавчонка украшена новой вывескою, где те же палки именуются так: «Палочные изделия».

Я спросил у старика продавца, почему он произвел эту замену. Он взглянул на меня, как на несомненного олуха, не понимающего простейших вещей, и не удостоил ответом. Но в лавке находился покупатель, который пояснил снисходительно, что палочные изделия гораздо «красивше», чем палки.

Едва только я вышел из этой лавчонки, я увидел вывеску над бывшей кондитерской: «Хлебобулочные изделия».

А за углом в переулке меня поджидали: «Чулочно-носочные изделия».

Соберите эти отдельные случаи, и вы увидите, что все они в своей совокупности определяют собой очень резко выраженный процесс вытеснения простых оборотов и слов канцелярскими.

Особенно огорчительно то, что такая «канцеляризация» речи почему-то пришлась по душе обширному слою людей. Эти люди простодушно уверены, что палки — нижний слог, а палочные изделия — высокий. Им кажутся весьма привлекательными такие, например, анекдотически корявые формы, как «обрыбление пруда карасями», «крысонепроницаемость зданий», «удобрение в лице навоза» и т.д., и т.д., и т.д.

Многие из них упиваются этим жаргоном как великим достижением культуры.

Та женщина, которая в разговоре со мною называла зеленым массивом милые ее сердцу леса, несомненно, считала, что этак «гораздо культурнее». Ей, я уверен, чудилось, что, употребив это ведомственное слово, она выкажет себя перед своим собеседником в наиболее

благоприятном и выгодном свете. Дома, в семейном кругу, она, несомненно, говорит по-человечески: роща, перелесок, осинник, дубняк, березняк, но чудесные эти слова кажутся ей слишком деревенскими, слишком простецкими, и вот в разговоре с «культурным» городским человеком она изгоняет их из своего лексикона, предпочитая им «зеленый массив».

Это очень верно подметил П. Нилин. По его словам, «человек, желающий высказаться "покультурнее", не решается порой назвать шапку шапкой, а пиджак пиджаком. И произносит вместо этого строгие слова: головной убор или верхняя одежда».

«Головной убор», «зеленый массив», «в курсе деталей», «палочные изделия», «конфликтовать», «лимитировать», «гужевой транспорт» для этих людей — парадные и щегольские слова, а шапка, лес, телега — затрапезные, будничные. Этого мало. Сплошь и рядом встречаются люди, считающие канцелярскую лексику коренной принадлежностью подлинно литературного, подлинно научного стиля.

Ученый, пишущий ясным, простым языком, кажется им плоховатым ученым. И писатель, гнушающийся официозными трафаретами речи, представляется им плоховатым писателем.

«Прошли сильные дожди» — написал молодой литератор В. Зарецкий, готовя радиопередачу в одном из крупных колхозов под Курском.

Заведующий клубом поморщился:

— Так не годится. Надо бы литературнее. Напишите-ка лучше вот этак: «выпали обильные осадки».

Литературность виделась этому человеку не в языке Льва Толстого и Чехова, а в штампованном жаргоне казенных бумаг.

Здесь же, по убеждению подобных людей, — главный, неотъемлемый признак учености.

Некий агроном, автор ученой статьи, позволил себе ввести в ее текст такие простые слова, как «мокрая земля» и «глубокий снег».

— Вы не уважаете читателя! — накинулся на него возмущенный редактор. — В научной статье вы обязаны писать: глубокий снежный покров и избыточно увлажненная почва.

И «научность» и «литературность» мерещится многим именно в этом омертвелом жаргоне. Многие псевдоученые вменяют себе даже в заслугу такой тяжелый, претенциозно-напыщенный слог.

Это явление не новое. Еще Достоевский писал: «Кто-то уверял нас, что если теперь иному критику захочется пить, то он не скажет прямо и просто: "принеси воды", а скажет, наверное, что-нибудь в таком роде:

— Привнести то существенное начало овлажнения, которое послужит к размягчению более твердых элементов, осложнившихся в моем желудке».

Конечно, со стороны представляется диким, что существует эстетика, предпочитающая бесцветные, малокровные, стерилизованные, сухие слова прекрасным, образным, общенародным словам. Но невозможно отрицать, что эта эстетика до самого последнего времени была очень сильна и властительна.

У многих и сейчас существуют как бы два языка: один — для домашнего обихода и другой — для щегольства «образованностью».

Константин Паустовский рассказывает о председателе сельсовета в среднерусском селе, талантливом и остроумном человеке, разговор которого в обыденной жизни был полон едкого и веселого юмора. Но стоило ему взойти на трибуну, как, подчиняясь все той же убогой эстетике, он тотчас начинал канителить:

— Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидации ее отставания по плану надоев молока?

«Назвать этот язык русским, — говорит Паустовский, — мог бы только жесточайший наш враг».

Канцелярский жаргон просочился даже в интимную речь. И что печальнее в тысячу раз — он усиленно прививается детям чуть ли не с младенческих лет.

Конечно, невозможно считать шаблоны человеческой речи всегда, во всех случаях жизни свидетельством ее пустоты. Без них не может обойтись, как мы знаем, даже наиболее сильный, наиболее творческий ум. Привычные комбинации примелькавшихся оборотов и слов, стертые от многолетнего вращения в мозгу, чрезвычайно нужны в бытовом обиходе для экономии наших умственных сил: не изобретать же каждую минуту новые небывалые формулы речевого общения с людьми!

Такие трафареты, как «здравствуйте», «прощайте», «добро пожаловать», «милости просим», «спит как убитый» и пр., мы всегда говорим по инерции, не вдумываясь в их подлинный смысл, подобно тому, как мы говорим «перочинный нож», невзирая на то, что уже более ста лет никто никаких перьев им не чинит.

Но есть такие житейские случаи, когда словесные трафареты немыслимы.

Хоронили одного старика, и меня поразило, что каждый из надгробных ораторов начинает свою унылую речь одной и той же заученной формулой:

— Смерть вырвала из наших рядов...

И мне подумалось, что тот древний надгробный оратор, который впервые произнес эту живописную фразу над каким-нибудь древним покойником, был, несомненно, человек даровитый, наделенный воображением поэта. Он ясно представил себе хищницу-смерть, которая налетела на тесно сплоченных людей и вырвала из их рядов свою добычу.

Но тот двадцатый и сотый оратор, который произносит эту фразу как привычный, ходячий шаблон, не вкладывает в нее ни малейшей эмоции, потому что живое чувство всегда выражается живыми словами, хлынувшими прямо из сердца, а не попугайным повторением заученных формул.

Нет, подумал я, они не любили покойного и нисколько не жалеют, что он умер.

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

Но вот попрощаться с умершим подвели его ближайшего друга. Он буквально ослеп от слез. Видно было, что горе у него непритворное. Встав у самого края раскрытой могилы, он молча смотрел в нее, потрясенный отчаянием, и, наконец, к великому моему изумлению, сказал:

— Смерть вырвала из наших рядов...

Вот до чего порабощает ослабевших людей мертвая сила шаблона. Даже самое искреннее, свежее, непритворное чувство выражают они стертыми, стандартными фразами.

К счастью, это случается редко, так как в огромном большинстве случаев каждый словесный шаблон — и здесь его главная суть — прикрывает собой равнодушие.

Шаблонами люди чаще всего говорят по инерции, совершенно не переживая тех чувств, о которых говорят.

Поэтому в старое время было так много шаблонов именно в бюрократической речи, созданной специально затем, чтобы прикрывать наплевательство к судьбам людей и вещей.

Подлинная жизнь со всеми ее красками, тревогами, запахами, бурлившая вдали от канцелярий, в ней не отражалась никак. Уводя нашу мысль от реальной жизни, затуманивая ее мутными фразами, этот жаргон был по самому своему существу — аморален. Жульнический, бесчестный жаргон. Потому что вся его лексика, весь его синтаксический строй представляли собой, так сказать, дымовую завесу, отлично приспособленную для сокрытия истины. Как и все, что связано с бюрократическим образом жизни, он был призван служить беззаконию. Вспомним хотя бы казенную бумагу, название которой воспроизводится Герценом: «Дело о потере неизвестно куда дома волостного правления и об изгрызении плана оного мышами».

Конечно, и сама по себе отвратительна формула этого чиновничьего жаргона — эта «потеря неизвестно куда», это «изгрызение плана», но в тысячу раз отвратительнее то, что крылось за этим жаргоном. Ведь дело шло о чудовищной краже: в городе среди бела дня на глазах у всех жителей был похищен огромный дом, и, чтобы упрятать следы преступления, чиновники уничтожили те чертежи, на которых был изображен этот дом, и свалили свою вину на ни в чем не повинных мышей.

Такие воровские дела сплошь и рядом скрывались в ту пору за дымовой завесой «канцелярского стиля».

Оттого-то в нашей стране «бюрократ» — одно из наиболее ругательных слов...

Этот департаментский, стандартный жаргон внедрялся и в наши бытовые разговоры, и в переписку друзей, и в школьные учебники, и в критические статьи, и даже, как это ни странно, в диссертации, особенно по гуманитарным наукам.

Стиль этот расцвел в литературе, начиная с середины 30-х годов. Похоже, что в настоящее время он мало-помалу увядает, но все же нам еще долго придется выкорчевывать его из наших газет и журналов, лекций, радиопередач и т.д...

Молодая аспирантка, неглупая девушка, в своей диссертации о Чехове захотела выразить ту вполне справедливую мысль, что, хотя в театрах такой-то эпохи было немало хороших актеров, все же театры оставались плохими.

Мысль незатейливая, общедоступная, ясная. Это-то и испугало аспирантку. И, чтобы придать своей фразе научную видимость, она облекла ее в такие казенные формы: «Полоса застоя и упадка отнюдь не шла по линии отсутствия талантливых исполнителей».

Хотя «полоса» едва ли способна идти по какой бы то ни было «линии», а тем более по «линии отсутствия», аспирантка была удостоена ученого звания — может быть, именно за «линию отсутствия».

Другая аспирантка приехала из дальнего края в Москву собирать материал о Борисе Житкове, о котором она предполагала писать диссертацию. Расспрашивала о нем и меня, его старинного друга. Мне почудилась в ней тонкость понимания, талантливость, и видно было, что тема захватила ее.

Но вот диссертация защищена и одобрена. Читаю — и не верю глазам: «Необходимо ликвидировать отставание на фронте недопонимания сатиры».

«Фронт недопонимания!» Почему милая и, несомненно, даровитая девушка, едва только вздумала заговорить по-научному, сочла необходимым превратиться в начпупса? Я высказал ей свое огорчение, и она прислала мне такое письмо. «Жаргон, которым вы так возмущаетесь, прививается еще в школе... Университет довершил наше языковое образование в том же духе, а чтение литературоведческих статей окончательно отшлифовало наши перья».

И она совершенно права.

Представьте себе, например, что эта девушка еще на университетской скамье заинтересовалась поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и, раскрыв ученую книгу, прочитала в ней вот такие слова: «Творческая обработка образа дворового идет по линии усиления показа трагизма его судьбы...»

Тут и вправду можно закричать караул.

Что это за «линия показа» и почему эта непонятная линия ведет за собой пять родительных падежей друг за дружкой: линия (чего?) усиления (чего?) показа (чего?) трагизма (чего?) судьбы (кого?)?

И что это за надоедливый «показ», без которого, кажется, не обходится ни один литературоведческий труд? («Показ трагизма», «показ этого крестьянина», «показ народной неприязни», «показ ситуации» и даже «показ этой супружеской четы».)

Нужно быть бездарно глухим к языку и не слышать того, что ты пишешь, чтобы создать эту чудовищно косноязычную фразу.

Дальше девушка читает о том, что: «Островский проводит линию отрицания и обличения», а Некрасов «идет по линии расширения портрета за счет внесения сюда...»

И в конце концов ей начинает казаться, что это-то и есть настоящий научный язык!..

Между тем нынче не всякий управдом рискнет написать приказ: «О недопущении жильцами загрязнения лестницы кошками».

А литераторы без зазрения совести пишут: «Освещение Блоком темы фараона», «показ Пушкиным», «изображение Толстым»...

«Надо отметить», «необходимо признать», «приходится снова указывать», «приходится отметить», «особо надо остановиться», «следует особо остановиться», «необходимо указать», «необходимо добавить», «необходимо прежде всего отметить», «следует иметь в виду» и т.д.

И все это зря, без надобности, ибо каждый, кто берет в руки перо, как бы заключает молчаливое соглашение с читателями, что в своих писаниях он будет «отмечать» только то, что считает необходимым «отметить». Иначе и Пушкину пришлось бы писать:

Надо отметить, что в синем небе звезды блещут,
Необходимо сказать, что в синем море волны хлещут,
Следует особо остановиться на том, что туча по небу идет,
Приходится указать, что бочка по морю плывет.

Я убежден, что изучение русской литературы станет лишь тогда живым и творческим, если из школьного обихода будет самым решительным образом изгнан оторванный от жизни штампованный, стандартный жаргон, свидетельствующий о худосочной, обескровленной мысли.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 444. Микрофонный материал.

Секрет вечной молодости Л.О. Утесова[209]

Радиообозрение[210]

19 апреля 1965 г.
16.00–16.58

(*Музыка.*)

Гердт[211]. Уважаемые товарищи, слушающие передачу! Сейчас рядом со мной находится герой нашей сегодняшней встречи народный артист РСФСР Леонид Утесов. Разрешите мне поздравить его от всех нас со славным семидесятилетием.

Утесов. Спасибо.

Гердт. Мы желаем вам здоровья, здоровья и здоровья, чтобы вы еще долго-долго радовали нас, молодили нас, вы нам нужны.

Утесов. Спасибо, спасибо большое.

Гердт. Итак, мы остановились на том, как трудно начинать в Одессе.

Утесов. Трудно — это не то слово.

(*Музыка.*)

Житель любого города, желая подчеркнуть его красоту, скажет: «Наша Рига — маленький Париж», или «Наша Варшава — маленький Париж», или «Наш Бухарест — маленький Париж». Не знаю почему, но всегда сравнивают с Парижем.

Если вы скажете одесситу: «Одесса — это маленький Париж» , он смерит вас с головы до ног и с презрением ответит: «Одесса — маленький Париж? Одесса — это О-дес-са, и за весь Париж я не отдам даже один наш Городской театр».

Я не знаю, может ли состояться этот обмен, но театр действительно великолепный. Вы можете смотреть на него снаружи, и это уже удовольствие. Что же касается «внутри», то здесь столько прекрасного, что словами не выразить. Опера. И какая! Итальянская!

Одесситы воспитаны на итальянской опере. Они знают многие оперы наизусть. В театре люди сидят с клавирами и даже с партитурами. Они следят за всем: за оркестром, за певцами. Их не обманешь. Они трепетно ждут теноровое до, баритонное соль. Они настоящие ценители музыки.

«Если певец прошел в Одессе, он может ехать куда угодно» — гордо заявляют они. Даже миланская «Ла Скала» для них не указ. «Одесса — пробирная палата для певца».

— Вы слышали, как вчера Батистини выдал Риголетто?

— Нет, не слышал.

— Так вам нечего делать в Одессе, можете ехать в Херсон.

— Зачем мне ехать в Херсон?

— Де Нери поехал туда продавать петухов, которые он пускает в «Гугенотах».

— Слушайте, перестаньте кидаться на Де Нери, он хороший певец.

— Хороший? Может быть, для Италии, но не для Одессы. (*Музыка.*)

Гердт. Вы знаете, мы ведь, Леонид Осипович, к этой передаче готовились очень серьезно. Искали материалы, рылись в архивах и нашли кое-что такое, что, может быть, и вам будет интересно вспомнить...

Утесов. Если вспоминать серьезно, о моей жизни, о моей молодости — нужно начинать с тревожных лет всей нашей страны: с прекрасных лет революции и Гражданской войны. Эти годы были так полны событиями, что я просто не знаю, с чего начать.

Гердт. Вы знаете, Леонид Осипович, у нас есть очевидцы. Люди, которые встречались с вами в те времена. Помните ли вы Поляновского?

Утесов. Поляновский, Поляновский...

Гердт. А он вас очень хорошо помнит. Одесса, 1918 год, Молдаванка, «музыкальный университет». Вот что он пишет об этом.

(*Музыка.*)

На Молдаванке, рабочей окраине Одессы, в железнодорожных мастерских было организовано что-то вроде «музыкального университета». Сюда приезжали энтузиасты-вокалисты, инструменталисты, артисты балета и давали там концерты для рабочих железнодорожников.

Здесь собиралась тысячная масса любителей искусства — рабочие, служащие, матросы, солдаты.

Состоя в Союзе оркестрантов (так называлась наша первая профсоюзная организация), я присутствовал на любопытнейших собраниях. Помню, как однажды, после очередного разгрома белых, в большой комнате Союза оркестрантов на стол вдруг взобрался ершистый паренек и громко нараспев выкрикнул: «Товарищи! Запись в Красную Гвардию продолжается». Это был Леонид Утесов...

Утесов. Отгремели бои, наш агитпоезд вернулся в Одессу. Но безоблачного мирного времени для советской эстрады не наступило. То, что сейчас называют «пережитками», «родимыми пятнами», ходило тогда по Дерибасовской, пило оранжад в кафе Фанкон, занималось контрабандой и чувствовало себя пока еще неплохо. Пока. Но мы уже стояли лицом к лицу этого врага. Багрицкий пошел работать в Чека, Катаев каждый день «выдавал» новый хлесткий фельетон, а я — я каждый вечер выходил на эстраду.

(*Куплеты газетчика.*)

Гердт. В 1922 году Леонид Осипович переезжает в Ленинград. И если уж я взялся за роль биографа нашего дорогого юбиляра, позвольте мне и изъяснить приличествующими этому занятию словами. С этого момента, как выразился бы биограф, начался ленинградский период творчества Утесова.

Утесов. Не забудьте сказать самое главное. Я очень люблю этот город. Почти как Одессу. Это моя вторая родина. Я могу без конца говорить о нем, без конца о нем петь.

(*«Песня о Ленинграде».*)

Дорогие друзья! Закончилось первое отделение нашей вечерней программы, посвященной семидесятилетию народного артиста республики Утесова.

Через 15 минут мы снова встретимся в эфире, и вы узнаете, как складывалась дальше творческая биография Леонида Осиповича Утесова.

(*Спортивный выпуск.*)

Продолжаем нашу вечернюю программу, посвященную Леониду Осиповичу Утесову.

В первой части нашей программы мы рассказывали о начале творческого пути этого артиста и остановились на годах, которые Леонид Осипович прожил в Ленинграде.

У микрофона Зиновий Гердт.

Гердт. Итак, продолжаем освещать «ленинградский период» творчества Утесова.

Все ли вы знаете, товарищи, что Утесов был вполне знаменитым драматическим артистом. Передо мной лежит рецензия за 1923 год, и, несмотря на решительные протесты Леонида Осиповича, я ее все-таки зачитаю. Рецензия... называется она «Смех на производстве».

(*Музыка.*)

Прогудел гудок. Отшумели трансмиссии и станки. На заводе имени Энгельса обеденный перерыв. Небольшая столовая набивается до отказа. В конце столовки перевернутый ящик приготовлен для выступающего актера. Театр на производстве.

Столовка — не зрительный зал, здесь ничем не огородишься, из слушателей «публику» не сделаешь. Здесь актер просто плечом к плечу встречается с рабочим. Сегодня на «Энгельсе» впервые выступающий в такой аудитории Леонид Осипович Утесов. Бабель — «Соль», Зощенко — «Агитатор», «Собака-сыщик» были мастерски,

сочно и ярко рассказаны Утесовым. Каждое меткое, острое словцо находило живой отклик, переходящий в дружный, непосредственный, неудержимый смех. Забыты обед, кружки, бутылки. Улыбающиеся глаза, смеющиеся рты. Рты кричат: «Повесть о рыжем Мотеле», «Еристократку», «Баню». Утесова, оказывается, знают и здесь.

(*Музыка.*)

Гердт. Ну, Леонид Осипович, просто грех, если вы нам не прочтете что-нибудь из того, что любила та ваша аудитория. Хотя бы для исторической достоверности.

Утесов. Я могу, только ведь многое уже устарело...

Гердт. Видите ли, настоящий юмор...

Утесов. Понятно. Что читать?

Гердт. Ну, хотя бы знаменитую зощенковскую «Баню».

Утесов. «Баня».

Бани у нас неплохие. Мыться можно. Но только у нас с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню. Дают два номерка — один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки девать? Прямо сказать — некуда. Карманов нету. Кругом — живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь.

Ну, я привязал к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое же мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третью левой рукой придерживает, чтобы ее не унесли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпущает.

— Ты что ж это, говорит, чужие шайки воруешь? Как ляпну тебе шайкой между глаз — не зарадуешься.

— Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо ж, говорю, и другим помыться. Не в театре, говорю.

А он задом повернулся и моется.

Не стоять же, думаю, над его душой. Теперича, думаю, он нарочно три дня будет мыться.

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался — не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться — какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще что-то крутит. И шум такой стоит от стирки — мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

Ну их, думаю, в болото. Дома домоюсь.

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу — все мое, штаны не мои.

— Граждане, говорю. На моих тут дырка была. А на этих эвон где.

А банщик говорит:

— Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальтом. Пальто не выдают — номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок — нету номерка.

Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

Подаю банщику веревку — не хочет.

— По веревке, говорит, не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок — не напасешься. Обожди, говорит, когда публика разойдется — выдам, какое останется.

Я говорю.

— Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рваный, другого нету. Что касается пуговиц, то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл. Вернулся снова. В пальто не впущают.

Я говорю:

— Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают — не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Любая баня, которая за вход берет гривенник.

(*Музыкальная отбивка.*)

Гердт. А что в эти годы, когда вы были драматическим артистом, вы совсем не пели?

Утесов. Что вы, что вы! Именно в эти годы я организовал свой джаз-оркестр, с которым потом снимался в кинофильме «Веселые ребята».

(*Песня.*)

Утесов. Посмотрите на эту фотографию. Среди многих фронтовых снимков, этот я храню с особой тщательностью. Видите: большая группа автоматчиков. Они только что вернулись с боевой операции. А рядом с нами артисты Государственного джаз-оркестра РСФСР.

Государственный джаз-оркестр РСФСР побывал на Калининском и Волховском фронтах, а позднее выступал и перед воинами Дальневосточного фронта. Мы пели о разном: о фронте и тыле, о друзьях, о близкой победе. Но всегда стремились к одному — найти слово и песню, доходящие до сердца бойца.

(*Песня.*)

Гердт. Знаете, Леонид Осипович, мне кажется, пришло время дать слово человеку, который работал с вами в те военные годы и который, я по глазам вижу, именно сейчас хочет сказать что-то важное.

Аркадий Ильич Островский — прошу вас.

(*Выступление Островского.*)

Островский. Дорогой Леонид Осипович! Что бы там ни говорили, все равно не верю, что вам 70 лет. Сколько лет я вас знаю? Ну, почти тридцать — и совсем-то вы не меняетесь. Помните, как я пришел к вам в оркестр? Играл я тогда на рояле, аккордеоне, сочинял для оркестра, и как я был счастлив, когда вы спели мою первую песню. У нее было очень суровое название — «Гадам нет пощады!» Я даже помню день, когда она впервые прозвучала. Леонид Осипович! Помните Калининский фронт? Мы выступаем на передовой. Эстрадой нам служит танк. Вы поете, я аккомпанирую на аккордеоне.

(*Песня «Гадам нет пощады!».*)

И вдруг по лицам бойцов замечаю, что что-то происходит... Поднимаю голову и вижу, как над нами кружат самолеты со свастикой. Я стараюсь каким-то образом обратить ваше внимание на это немаловажное обстоятельство, но вы поете, потому что (и это было всегда), когда вы поете, для вас ничего не существует, кроме песни, кроме зрителя. Мне даже казалось, что если танк, на котором мы выступаем, вдруг двинется прямо на врага, вы все равно будете петь. Так было и в этот раз — песня была спета до конца. Спасибо вам, дорогой Леонид Осипович, за ваш талант и за ваше актерское мужество.

Утесов. Спасибо, Аркаша. Но, пожалуй, больше других я люблю твою песню «Сторонка родная», хотя она была сочинена тогда, когда ты не был знаменитым композитором и заслуженным деятелем искусств. Помнишь, как ты мне аккомпанировал на аккордеоне?

(*Песня.*)

Утесов. Много в те годы было встреч, забыть которые невозможно. Я помню 1942 год...

Москва суровая, ощетинившаяся. Фашистская военная машина стукнулась о московские ворота и покатилась назад.

Мы гордились Ленинградом, гордились Москвой и оплакивали Одессу — город, сраженный в неравной борьбе.

Поэт Владимир Дыховичный написал песню «Одессит Мишка», композитор Михаил Валовец написал к ней музыку, а я запел:

Широкие лиманы,
Зеленые каштаны,
Качается шаланда
На рейде голубом.
В красавице Одессе
Мальчишка голоштанный
С ребячьих лет считался
Заправским моряком.
И, если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет,
Скажет мать:

Ты одессит, Мишка,
А это значит,
Что не страшны тебе
Ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка,
Моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда...

Дальше рассказывалось о том, как Мишка защищает Одессу, уходит отсюда последним — с твердой верой в то, что с победой вернется в родной город.

Я пел эту песню в Москве, на Малой Дмитровке, в театре имени Ленинского комсомола, где выступал наш оркестр.

И вот получаю я письмо.

«Здравствуйте, дорогой и многоуважаемый Леонид Осипович! Вам пишет письмо гвардии красноармеец, который вас слушал 30.V.1942 г. в Комсомольском театре. Надо признаться, что у вас замечательный коллектив. Люди, которые способны работать так, как требует эстрадная работа. Мне очень понравился ваш коллектив. И вот, Леонид Осипович, подхожу к основному моего письма. Вы вчера исполняли одну песню. Одессит Мишка.

Не знаю, кто эту песню сочинил и где он взял материал для нее. Но я знаю, что эта песня только про меня, ибо кто последним ушел с Одессы — это я. Я оставил там мать, я оставил там свою любовь, я оставил все, что мне было дорого в моей жизни. И вот когда я услышал эти слова ваши, у меня загорелись глаза, я стал весь дрожать, у меня потекли слезы, ибо я не в силах был удержать их.

Когда вы ее исполняли, во мне чуть душа не разорвалась в клочья, Леонид Осипович, ваши слова в песне, где вы поете "ты одессит, а это значит"... В этой фразе можно только догадаться: одесситы — это люди смелые, отчаянные, которые не боятся смерти, ибо я, когда оставлял Одессу, штыком своей винтовки я прикончил трех мародеров и вышел с этой схватки невредим. Я тогда не плакал, и вот теперь, когда я услышал эту душераздирающую песню, я заплакал, что все вокруг сидящие обратили на меня внимание, Леонид Осипович. Вы меня извините, что так написано скверно, возможно, что и не сложно. Но я лучше не умею, но дело в том, я хотел вам изложить свою благодарность за хорошее исполнение этой песни, ибо она только сложена про меня. И поэтому прошу вас выслать мне эту песню, и с этой песней я буду еще больше гадов бить, чем бил до сих пор. Буду мстить за нашу красавицу Одессу!

Мой адрес: Действующая Красная Армия ППС 636 п/я одиннадцатый Гвардейский Батальон Минеров Бондарскому Б.М.

Еще раз прошу выслать мне эту песню, за что заранее благодарю...»

(*Музыка.*)

Конечно, я послал ему песню. Завязалась переписка. Он писал, я отвечал. Однажды ко мне в комнату вошел солдат.

— А вот и я! — сказал он.

— Мишка?!

— Получил отпуск на три дня.

Мы вспоминали наш чудо-город. Мишка плакал и говорил:

— Ничего, будет полный порядок, и чтобы я солнца не видел, если я туды назад не приду!

— Мишка, а кем вы были до войны?

— Шофер я был. Шофер!

— Ну вот, кончится война, Миша, вы приедете в Москву, ко мне...

— А иначе и быть не может!

— Так и договорились: после войны Мишка приедет ко мне.

Война кончилась, и Мишка не приехал. А он был человек слова.

(*Музыка.*)

Гердт. Итак, с песней, как с оружием, пройдены все дороги войны. Берлинская улица была последней в этом славном походе.

И — здравствуй, мир! Здравствуй, Москва! Здравствуйте, новые песни, мирные песни — о любви и счастье, о мамах и детях, о весне и радости!

(*Песня.*)

Гердт. Ну, а теперь, уважаемый Леонид Осипович, я полагаю, что мои функции в качестве вашего биографа исчерпаны. Тем более, что в соседней комнате у меня томятся ваши друзья и поклонники, которые жаждут вас поздравить». Так что, во изменение всех традиций, после художественной части давайте перейдем к торжественной.

Вас хочет поздравить Тихон Николаевич Хренников.

Хренников. Дорогой Леонид Осипович! Я счастлив, что в эти торжественные минуты я присутствую здесь вместе с вами и что я имею огромное удовольствие поздравить вас со славным вашим семидесятилетием.

Ваша жизнь самым тесным образом связана с историей советской песенной культуры.

Нам очень приятно, что действительно нас, советских композиторов, с вами связывает многолетняя творческая дружба, и мы счастливы поздравить вас, воздать вам должное за ваше славное, замечательное творчество, за вашу пропаганду советской песенной музыки, за то, что вы действительно являетесь нашим другом и сейчас в ваши 70 лет вы по-прежнему стоите на боевом посту — на эстраде, являетесь энтузиастом, пропагандистом и нашим истинным другом, другом наших произведений.

Позвольте вам пожелать по-прежнему крепкого здоровья и чтобы вы еще много лет блистали на нашей советской эстраде, как это было до сих пор.

Утесов. Ну как мне благодарить за такие прекрасные слова?! Только вашей песней от чистого сердца.

(*Песня «Московские окна».*)

Гердт. Поэт Михаил Матусовский.

Матусовский. Дорогой Леонид Осипович! Есть песни, которые нельзя уже представить себе в другом исполнении, кроме вашего, на-

столько они связаны с вашим голосом, с вашими интонациями, с самим вашим образом. «Раскинулось море широко», «Песня веселых ребят», «Песня о сердце, которому не хочется покоя» — все это песни «утесовские», и мне бы просто никогда не хотелось слышать их в другом исполнении. Я всегда был счастлив и горд, когда вы исполняли песни, написанные мной в содружестве с Дунаевским, Фрадкиным, Хренниковым. Мне казалось, что эти песни сразу становились лучше, приобретали особый смысл и обаяние. Наверное, в этом и заключается секрет настоящего таланта артиста. И знаете, часто, когда я остаюсь один, я включаю проигрыватель, и снова звучит и ведет со мной беседу такой знакомый голос, в котором мне мила даже хрипотца, будто приобретенная где-то на открытой палубе, в дальнем плавании, на свежем черноморском ветру.

Леонид Осипович! Вы знаете, что я написал много песен, которые вы пели не раз, но, наверное, все-таки я не написал еще одной, самой главной и самой заветной, которую вы еще споете.

Утесов. Спасибо, дорогой Михаил Львович, спасибо большое...

Гердт. А это телеграмма от одного из ленинградского почитателей вашего таланта.

«Дорогого, доброго друга, большого артиста поздравляю с 70-летием его блестящей жизни тчк. Присоединяюсь к всенародной любви, которую вы заслужили своим неустанным трудом и ярким талантом. Ваш Аркадий Райкин».

Утесов. Спасибо. Очень благодарен.

(*Музыка.*)

Утесов. Дорогой мой, я очень, очень вас благодарю...

Гердт. А это звуковое поздравление мы получили с Кубы.

Утесов. Откуда?

Гердт. С Кубы. Слушайте...

У микрофона знаменитейший кубинский певец Карлос Пуэбло.

Пуэбло. Дорогой Леонид Утесов! Хочу сердечно поздравить вас не только потому, что вам исполняется 70 лет, но и потому, что Вы прекрасно сумели использовать эти годы, пройдя их с песней для народа — этого великого советского народа, достойным сыном которого вы являетесь. Я уже тоже не юноша и искренне завидую вам и хотел бы так же, как и вы, с песней для моего народа прожить всю жизнь. Сердечно поздравляю вас, дорогой коллега.

Ваш Карлос Пуэбло.

Гердт. Вы знаете, Леонид Осипович, если бы мы предоставили слово всем желающим вас поздравить, наша передача никогда бы не кончилась.

Утесов. А вы знаете, о чем я сейчас думаю? Сколько в душе моей благодарности ко всем, кто меня пришел поздравить, ко всем моим зрителям и слушателям. Ведь это они не дают мне состариться, не дают моему сердцу покоя. А что может быть для артиста важнее, чем постоянное беспокойство? А что касается собственно возраста, то это понятие относительное. Недавно я написал стихи об этом.

(*Стихи, песня.*)

Гердт. Ну вот, дорогой Леонид Осипович, ваш день рождения в эфире подходит к концу. И еще раз от имени всех радиослушателей я хочу пожелать вам здоровья, вечной молодости, счастья.

Утесов. Спасибо вам всем, дорогие друзья.

(*Музыка.*)

В передаче, посвященной семидесятилетию народного артиста республики Леонида Осиповича Утесова принимали участие народный артист Советского Союза Борис Толмазов, артисты Леонид Усач, Виктория Чаева, звукооператоры Александра Ершова и Раиса Глухова, литературный редактор Наталия Сухаревич, музыкальный редактор Анатолий Горохов, режиссер Екатерина Тарханова.

На этом радиостанция «Юность» свою программу заканчивает. До завтра.

ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 13. Д. 122. Л. 98–111. Микрофонный материал.

С.М. Богомазов[212]

Марусина почта

«Угадай-ка». Выпуск 236
Радиообозрение

[Декабрь 1965 г.]

Маруся (*поет*). Письма разные лежат
У Маруси в сумке.
Есть ответы от ребят,
Детские рисунки!

Обойду я все дома,
Дела не боюсь я…
Тук, тук, тук! — стучит сама
Почтальон Маруся!
Здравствуйте, кого не видела!..

Дедушка. А-а, Маруся-почтальон! Милости просим, Марусенька. Письма принесли?

Маруся (*весело*). Со всех концов земли: с севера и юга, с запада и востока!.. Везде Угадайку слушают, отовсюду ей отвечают.

Дедушка. А вы-то сами наш последний выпуск слышали?

Маруся. Вот мне-то как раз и не пришлось, на работе была.

Дедушка. А жаль: в прошлый раз были очень любопытные загадки — музыкальные. У нас ведь теперь новая соседка в доме — скрипачка из Детского музыкального театра, тетя Лариса. Вот мы вместе с нею и придумали для ребят музыкальные загадки. Первая называлась «Певучая коробочка».

Маруся. Ее сразу отгадала Люба Новоселова из башкирского села Алегазово. Люба отвечает: «Это губная гармошка».

Дедушка. Правильно!.. Так же думает и шестилетний Саша Доценко из Целинограда.

Маруся. Со станции Полуночное Свердловской области пришло письмо от Светланы Евдокимовой, ей тоже шесть лет (*читает*): «Певучая коробочка — это моя губная гармошка. Я часто на ней играю».

Дедушка. Есть такая коробочка и у маленького москвича Кости Литвинова, ему мама ее подарила.

Маруся. Леночка Пузанова — она слушает Угадайку в Омске — нарисовала нам губную гармошку и раскрасила ее цветными карандашами.

Дедушка. В городе Карасук Новосибирской области живет Тоня Анищенко. Она еще маленькая, но все-таки постаралась и сама написала нам письмо. Пусть с ошибками, пусть буквы еще не очень красивые, но главное — сама писала, вот что хорошо! «Я очень люблю слушать вашу Угадайку» — пишет Тоня. А мы, милая Тоня, очень любим, когда ребята сами нам отвечают.

Маруся. Но, конечно, если девочка или мальчик еще не умеют писать — это не беда. Скоро научатся! А пока пусть им старшие помогают. Вот мама Саши Плотницкого так и сделала: по просьбе своего шестилетнего сына Нина Петровна прислала нам большое письмо из поселка Максимовское Кировской области.

Дедушка. Отгадал первую загадку и наш старый друг шестилетний Алеша Кремлев из Архангельска.

Маруся. А вот что мы узнаем из письма Гали Горбачевой; она живет в селе Преображенка, около города Орехова. «У меня тоже есть губная гармошка. Мне подарила ее бабушка, и я сейчас взяла и стала играть, так, как и вы»... (*Смеется.*)

Дедушка. Вторая загадка была похитрей! В ней мы рассказывали будто бы о столе: и крышка у него есть, и ножки. Но на самом деле это вовсе не стол, а...

Маруся. А рояль!.. Так отвечает пятилетний Саша Хмелевский из города Джанкой Крымской области. Саша нарисовал нам рояль. Видите, Константин Петрович, черные и белые клавиши, подставка для нот, блестящая крышка... Просто молодец Саша, а ведь ему всего-навсего пять лет.

Дедушка. Люся Сурина из города Горького тоже нарисовала рояль, только не черный, а темно-синий. Ей кажется, что так красивей. Может, она и права. А может, просто под рукой оказался синий карандаш!

Маруся (*читает*). «Я живу в городе Ступино Московской области. Мне скоро будет шесть лет, я очень люблю вашу Угадайку и всегда ее слушаю...» Все это сообщает нам Лена Зайцева. Загадку она, конечно, отгадала.

Дедушка. А вот что пишут нам по поручению маленькой москвички Нади Титовой. «Нарисовать рояль Наденька не умеет, но очень хочет научиться играть на рояле». Ну что ж, учись, Наденька, старайся! В один прекрасный день ты нам сыграешь... ну, хотя бы вот это...

(*На рояле — музыкальный куплет песенки Угадайка.*)

Маруся. А как называлась третья загадка?

Дедушка. О, название у нее было самое необыкновенное — «Бумбурум и Бам-барам»!

Маруся (*весело*). Это барабан, да?

Дедушка. Ну, Маруся, с вами невозможно иметь дело, вы по одному названию отгадываете!

Маруся. Просто я немножечко схитрила и поглядела ответ Виталика Гуськова из города Мурома. Кстати, мама недавно купила Виталику барабан, и он усердно на нем играет.

Дедушка. А вот ответ из Актюбинска от Нюры Ержановой. «С барабаном идут впереди отряда, и барабан поет: "бум-бурум и бам-барам!"».

Маруся. Мы получили много рисунков: кто гармошку нарисовал, кто — рояль, но больше всего, все-таки, барабанов! Вот барабанчик с зелеными и лиловыми узорами. Нарисовала его семилетняя Наташа Мухамеджанова из Чернигова.

Дедушка. Другая Наташа, Большакова, слушает Угадайку в городе Альметьевске. Барабан у нее получился большой, нарядный, желтый с красными узорами.

Маруся (*подхватывая*). А сверху — две барабанные палочки лежат. Возьмешь их в руки, и — «бум-бурум... бам-барам»!..

Дедушка. Шестилетней Оле Пасечник из поселка Калкаман понадобились для барабана три краски: зеленая, красная и желтая. Барабан у нее получился — просто загляденье!

Маруся. Любит рисовать и шестилетняя Жанна Крушельницкая. Она живет в Аркалыкском совхозе Кустанайской области.

Дедушка. Не пожалела красок на свой рисунок Надя Трофимова из города Болхова Орловской области. Красно-желто-зеленый барабан стоит на темно-синей подставке. А весь рисунок обведен розовой каемкой.

Маруся. Письмо из города Измаил Одесской области от шестилетней Оли Польной (читает): «Загадку я отгадала сама и нарисовала сама: это — школьный барабан. А еще я умею песенки петь по-испански и по-английски. Меня научили папа и мама...»

Дедушка. Если уж речь зашла о песенках, то надо сказать, что наши музыкальные загадки особенно понравились тем ребятам, которые любят музыку. Вот Марина Пирожкова из города Уфы так и начинает свое письмо: «Здравствуй, Угадайка! Я очень люблю музыку...»

Маруся (*серьезно*). Константин Петрович! А вы умеете петь песенку «Ах, попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети»?

Дедушка. Нет, не умею.

Маруся. Как же быть? Я тоже не умею.

Дедушка. А в чем дело?

Маруся. Понимаете, нас очень просит спеть эту песенку пятилетняя Леночка Юдина из города Великие Луки. Она даже попросила бабушку написать нам об этом.

Дедушка (*комически пробует петь*). «Ах, по-палась... ах, по-палась, птичка...» Нет, ничего не выходит! Но зато я предлагаю всем ребятам послушать другую песенку. Она у нас на пластинке записана.

Маруся. Какую же?

Дедушка. Эта песенка словно подсказана нам музыкальными загадками. Ведь через два дня — Новый год, елка... Верно?

Маруся. Верно!.. Вот Люда Шевчук из города Суоярви даже нарисовала зеленую елочку. Ее несет ребятам в подарок большой мохнатый медведь в теплом жилете и валенках.

Дедушка. Красивая елочка!.. Поставят ее в комнате, начнут украшать шарами, хлопушками, серебряным дождем — и среди других украшений, быть может, повесят на ее зеленые ветки и музыкальные игрушки...

Маруся. Музыкальные игрушки?

Дедушка. Да, да! Вот я и предлагаю послушать песенку, которая так и называется — «Музыкальные игрушки». (*Музыка.*)

(*Женский голос поет.*)

Висят на елке разные
Хорошие игрушки.
Снегурочки прекрасные,
Матрешки и хлопушки.
Они видны среди огней
Веселых, ярких, бальных...
Но нет дороже и милей
Игрушек музыкальных!
Вот пузатый барабан –
Бум, бум, бум
И трам, там, там!
Вот веселая труба.
Ду, ду, ду — вставать пора!
Динь, дилинь, — поет гитара, —
Балалайка мне не пара...
Собрался из разных мест
Наш игрушечный оркестр!
Они живут, не ссорятся.
Звучит за нотой — нота,
У них и дело спорится:
И ладится работа!
Водою их не разольешь,
Всегда шагают в ногу,
И если песню ты начнешь –
Они тебе помогут!

Припев:
На елке есть блестящие
Шары, флажки, зверушки...
Но всех милей — звучащие,
Поющие игрушки!
Они нам любят отвечать своими голосами.
Едва ты начал в них играть –
Они играют сами!

Маруся. Мне нравится эта песенка!

Дедушка. Надеюсь, она придется по вкусу и нашим маленьким друзьям — тем, что так усердно пишут нам, отвечают на загадки. А друзей у нас видимо-невидимо.

Маруся. Еще бы! Возьмем любое письмо. Ну, хоть это... (*читает*) «Дорогая Угадайка! Пишет вам Лена Набокова из Ставрополя. Ей шесть лет. Вы ее не знаете, а она Вас хорошо знает...»

Дедушка. Теперь и мы будем знать, что в Ставрополе у нас есть маленький друг по имени Леночка.

Маруся. В городе Апшеронске Угадайку очень внимательно слушает Танечка Скорик. Она прилежная девочка, постаралась — и сделала для нас хорошие рисунки.

Дедушка. В Риге отгадывает загадки Люда Иванова. Третьего января ей исполнится ровно шесть лет. Заранее поздравляем тебя, милая Люда!

Маруся. В Тамбовской области, в поселке Уваровского сахарозавода, живет Коля Матюшин. Он просит принять его в Угадайку.

Дедушка. Охотно принимаем! Коля хоть и маленький, да удаленький. Отгадал все загадки, а ведь ему только четыре года.

Маруся. Есть у нас друг и в селе Шведино Петровского района Ставропольского края. Это — семилетняя Шурочка Доценко. Она сообщает, что недалеко от ее родного села вырос новый город с красивым названием Светлоград.

Дедушка. В Туле нас слушает Вова Пименов, в Калининграде — Люба Чесалова, в Ленинграде Ира Кожевина... Всех не перечтешь!

Маруся. Семилетний ленинградец Сережа Шипилов пишет: «Здравствуй, любимая Угадайка! Я очень жду передачи "Волшебное Такси". Когда это будет?»

Дедушка. Могу ответить совершенно точно. Свою новую праздничную поездку наше Волшебное Такси совершит в воскресенье, второго января...

Маруся (*подхватывая*). Тысяча девятьсот шестьдесят шестого года...

Дедушка. Ровно в десять часов утра по московскому времени. В этот день и час маленький клоун Бим-Бом, оставшись один-одинешенек в пустом игрушечном магазине... Впрочем, что это я раньше времени выдаю наши секреты?! Ведь пройдет всего три дня — и ребята сами все узнают. А потому...

Маруся (*весело*). А потому нам остается только поздравить всех с наступающим Новым годом...

Дедушка. И пожелать всем нашим друзьям веселых зимних праздников!

Маруся. А письмам вашим, ребята, мы будем в Новом году рады так же, как и в Старом. Только помните, что

Письма надобно писать
Без одной помарки,
И прошу не забывать
О почтовой марке!
Кто сегодня ждет письма?
Принести берусь я...
Тук, тук, тук — идет сама
Почтальон Маруся!

Конец.

РГАЛИ. Ф. 1846. Оп.1. Д. 20. Л. 112–118. Машинопись с правкой.

М.А. Шолохов[213]

Позор предателям[214]!
Из речи на XXIII съезде КПСС

1 апреля 1966 г.

...Где бы на каком языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты. Кому-то это может прийтись не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться. Более того, именно это уважают всюду. (*Аплодисменты.*) Где бы не выступал советский человек, он должен выступать как советский патриот. Место писателя в общественной жизни мы, работники советской литературы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой Родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека. (*Аплодисменты.*)

Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом — осквернить этот язык бешенной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято. Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся тем, что они малая частица народа великого и благородного, гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины! Она создала нас, дала нам все, что могла. Безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу советскую Родину матерью. Все мы члены одной огромной семьи.

Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода». Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно, что ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку. (*Аплодисменты.*)

Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину, облил грязью все самое светлое для нас. Они — аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. (*Аплодисменты.*) Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (*Аплодисменты.*) Слишком дорогой ценой досталось нам всем то, что мы завоевали, слишком дорога нам всем Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее. (*Аплодисменты*). Иные, прикрываясь словами о гуманизме, говорят о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если в каком-либо из их подразделений появились предатели? Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не слюнтяйство. (*Аплодисменты*). И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 1920-е годы (тогда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь револю-

ционным правосознанием), ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни. (*Аплодисменты.*) А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора!

Мне хотелось бы обратиться и к зарубежным защитникам пасквилянтов. Не беспокойтесь, дорогие, за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем, развиваем. Она остро звучит и на нынешнем нашем съезде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краска из палитры художника! (*Аплодисменты.*)

РГАФД. М-3338(29-30). Вр. зв. 05.00. Магнитная запись.

Ч. Айтматов[215]

Задача ответственная и благородная
Выступление

21 апреля 1966 г.
13.00–13.11

Я хотел прежде всего сказать о том, что в эти минуты, в этот час я все еще под огромным, неизгладимым впечатлением съезда.

В заключение съезда после многодневной нашей работы, успешной работы, хорошей работы, которая всем нам оставила большие раздумья для нашей жизни, для нашего труда, весь зал, все делегаты исполняли партийный гимн «Интернационал». Мне не впервые присутствовать при исполнении замечательного нашего гимна, но в этот раз я особенно глубоко прочувствовал величие этого гимна и особенно остро почувствовал свою принадлежность к партии. И когда я стоял в зале и вместе со всеми другими делегатами пел «Интернационал», я подумал о том, что этот гимн когда-то пел и мой отец. И, наверное, он так же волновался, потому что жизнь его, сознательная жизнь его начиналась в бурное революционное и послереволюционное время. Он был одним из первых коммунистов у нас в Киргизии. Я вспомнил о нем и подумал, что вот теперь я представляю его здесь как его последователь, и теперь я тоже принимаю посильное участие в жизни партии. И участие это выражается в моей работе прежде всего, конечно.

Литература и искусство чем дальше, тем больше играют исключительно важную роль в воспитании наших людей в коммунистическом духе, в развитии культуры, в воспитании большого эстетического и интеллектуального, духовного мира нашего народа...

И сам человек уже неизмеримо вырос в духовном и интеллектуальном отношении. Поэтому, если мы говорим, что нашим первым писателям (которые впервые начинали нашу литературу и писали первые книги), было трудно, то я считаю, что нам не легче. Не легче потому, что требования возросли колоссально.

И здесь невольно напрашивается один из самых главных коренных вопросов, относящихся к нашей литературе и искусству, к советской литературе и искусству. Он заключается в том, что каждый художник должен ясно и четко представлять свое место в обществе, свое место в жизни. Конечно, человек должен обладать талантом. Талант — это от-

личительное свойство художника. Но этот талант обогащается и оплодотворяется мировоззрением человека, мировоззрением художника...

Еще на заре нашего века взаимоотношения и революционное сотрудничество Ленина и Горького послужили началом взаимоотношений партии с писателями, и я считаю, что эти два великих мыслителя дали начало новому содержанию всего искусства, литературы и культуры. Вся наша жизнь во всех ее проявлениях всегда и всюду напоминает о том, что во всем этом — мысли, заветы и начинания самого Ленина. Будь то хозяйственная сторона нашей жизни, будь то культура, наука — везде и всюду мы самым непосредственным образом связаны с Лениным, с его временем, с его работой, с его большой и всеобъемлющей мыслью.

Я думаю, что не только первое поколение, которое особенно живо, ярко ощутило величие Ленина, но и мы, потомки этих людей, и наши потомки будут так же живо воспринимать этого большого Человека, Человека, давшего начало целой эпохе! Именно этот дух проявился, мне кажется, на нашем съезде, на XXIII съезде КПСС, где вся работа съезда, все мысли наши, все выступления, все решения, принятые нами на съезде, были проникнуты именно мыслями Ленина, его верой, его проникновением в будущее.

В своем творчестве, в своей работе я также пытался обращаться к образу Ленина. Вот у меня есть такая небольшая повесть «Первый учитель», где есть эпизоды, сцены, связанные с тем, как впервые наши киргизские дети начинали учиться в школе, и это для них было с первого дня связано с именем Ленина. И потом все, что ни переживали они, находясь где-то глубоко в горах, всякий раз они точно бы сверяли свою жизнь с Лениным. И тот день, для всех нас тяжелый и исполненный большой скорби, день смерти Ленина, был воспринят ими как день самого большого горя в их жизни...

Я давно мечтал написать повесть о коммунисте, давно вынашивал эту мысль. В нашей советской литературе есть интересные книги, есть интересные образы коммунистов — людей передовых, людей сильных, мужественных и действенных. Я хотел показать коммуниста, которого никакие невзгоды жизненные не могли сломить, не могли вытравить из него то, что мы называем «партийным духом», то, что мы называем «партийным началом» в человеке...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 668. Микрофонный материал.

П.Г. Буниц[216]

Хозяйственная реформа в действии

Выступление[217]

5 сентября 1966 г.
18.30–18.49

Комплексная и глубокая экономическая реформа, которая проводится в нашей стране, все шире охватывает все отрасли народного хозяйства — промышленность, строительство, сельское хозяйство,

транспорт, торговлю. Она распространяется на все звенья организационной структуры управления общественным производством, начиная с первичных ячеек — цехов, предприятий и кончая объединениями, главками, министерствами. Новые экономические условия проникают в работу научно-исследовательских институтов, проектных организаций. Новая хозяйственная реформа меняет привычные, ставшие традиционными формы и методы деятельности центральных плановых, хозяйственных, финансово-банковых органов.

Такое широкое, всеохватывающее распространение реформы является единственным средством создания в народном хозяйстве сплошной системы подлинного хозяйственного расчета, взаимной ответственности, строгой дисциплины.

В чем же экономическая сущность проводимой во всех отраслях народного хозяйства реформы? Ее сердцевина состоит в усилении механизма материального стимулирования высокой эффективности хозяйствования. Одна из задач реформы — материально заинтересовать коллективы предприятий в снижении затрат на производство, в улучшении качества изготовляемой продукции, в обновлении ассортимента, рациональном использовании производственных фондов, связать экономические показатели работы каждого предприятия с уровнем доходов его работников.

Поэтому в основе реформы лежит усиление принципов полного хозяйственного расчета, всемерного перевода предприятий на самопланирование, самофинансирование и оплату труда в соответствии с полученными результатами. Предприятия сами планируют конкретную номенклатуру выпускаемой продукции, ее себестоимость. Они самостоятельно устанавливают численность работников, производительность их труда, размеры средней заработной платы, нормы использования оборудования, расхода материалов...

Усиление самофинансирования выражается также во введении кредитов для покрытия дополнительных затрат, связанных с обновлением ассортимента и улучшением качества продукции. Убытки, связанные с неправильным использованием оборотных средств, уценкой выпускаемой продукции, перерасходом фонда заработной платы, теперь перекладываются также на плечи предприятия. Хорошо работает коллектив — много у него останется собственной прибыли, плохо работает — мало. В первом случае никто не заберет приращения, во втором — никто не восполнит ущерба. Именно в этом состоит механизм подлинной самоокупаемости, полной материальной ответственности и заинтересованности.

А что произойдет, если предприятие не выполнит принятые на себя задания по уровню рентабельности и приросту продукции (или прибыли)? Естественно, его фонды поощрения резко сократятся. К таким же последствиям ведет невыполнение централизованного планового задания по номенклатуре важнейших видов производимой продукции...

Прибыль, как вы знаете, исчисляется только на реализованную продукцию. Уже одно это заставляет поставщиков думать о потребителях, о высоком качестве изделий, о соблюдении всех договорных

условий. К тому же реализованная (а не валовая) продукция учитывается как особый фактор поощрения. В результате произошел явный поворот внимания предприятий-производителей к нуждам спроса, развивается служба конъюнктуры.

Первые результаты обнадеживают. Но положено только начало. Распространение реформы вширь и вглубь, преодоление возникающих трудностей и нерешенных задач, короче говоря, главное в проведении реформы — еще впереди. Впереди и основные выгоды...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 675. Микрофонный материал.

В.С. Зорин

Некоронованные короли америки братья-разбойники

Беседа

4 февраля 1967 г.
21.00–21.15

Рокфеллеры сегодня — это огромный бизнес: нефть и финансы, бомбы и автомобили, ядерное горючее и химия. Это безжалостная эксплуатация десятков тысяч рабочих и тайная дипломатия, большая политическая игра и мелкое интриганство. Но Рокфеллеры — это еще и семья, группа мужчин и женщин, владеющих огромными богатствами и располагающих в сегодняшней Америке властью почти неограниченной.

Во главе семейства — пять братьев, внуков основателя семейного бизнеса: шестидесятилетний Джон Рокфеллер-третий, пятидесятивосьмилетний Нельсон, затем пятидесятисемилетний Лоуренс, пятидесятишестилетний Уинтроп, родившийся через три года после Уинтропа Дэвид. Весьма многочисленно четвертое и пятое поколения этого семейства — сыновья и внуки пяти братьев: их несколько десятков.

Семейная традиция и лукавый расчет велят расписывать скромность и суровость обстановки, в которой растут юные отпрыски этой семьи, живут ее главари. Вот образчики такого рода сусальных идиллий. Один из официальных биографов семейства в выпущенной им недавно книге умиляется: «Они могли бы сажать гостей верхом на белых лошадей и подавать шампанское в стеклянных туфлях, но они не делают этого. Большинство из них никогда не занимали деньги по пустякам. В один из редких случаев, когда они действительно в них нуждались, для того чтобы отпраздновать покупку для ООН здания на Манхеттене стоимостью в 8,5 миллиона долларов, они могли набрать только один доллар 80 центов карманными деньгами и не смогли даже выпить в честь знаменательного события». — «В течение ста с лишним лет, члены семьи вели умеренный образ жизни, и новое поколение также не подает никаких признаков несдержанности».

«Джон–третий, к примеру, — продолжает свое подхалимское повествование автор, — по утрам прерывает свои дела, для того чтобы подкрепиться молоком и печеньем так же, как это делал их отец тогда,

когда их еще не было». Автор панегирика умиляется: смотрите, дескать, миллиардеры, а не глотают сырого мяса, запивая его теплой кровью своих жертв, и даже не устраивают с утра пораньше в своих служебных кабинетах лукулловых пиров с паштетом из соловьиных язычков и вином из подвалов Людовика XIV, а, как обыкновенные смертные, вкушают обыкновенное молоко. А отсюда рукой подать до вывода о том, что Рокфеллеры не эксплуататоры и кровососы, а люди скромные, целиком посвятившие себя благу ближних.

Но молочная диета — это не больше чем ловкая реклама. Все Рокфеллеры, каждый из представителей этой невероятно богатой семьи, с рождения до смерти окружены роскошью поистине царской. Джон Рокфеллер-младший, убеждая своих сограждан в необходимости смирения и ожидания «божьей благодати», своим пятерым сыновьям и дочери оборудовал рай на земле. Зимой юные Рокфеллеры жили в Нью-Йорке в девятиэтажном фамильном особняке. К их услугам была собственная поликлиника, собственная гимназия, бассейны для плавания, собственные теннисные корты, концертные и выставочные залы. Лето молодые Рокфеллеры проводили в огромном поместье в Сил-Харборе, в штате Мэн. На воскресные дни они уезжали в другое имение — роскошный Покантино-Хиллс в тридцати милях от Нью-Йорка, на Гудзоне. В этом имении богомольного Рокфеллера, размером в три тысячи акров, были манежи для верховой езды, велодром, домашний театр, стоящий полмиллиона долларов, пруды для плавания на яхтах и прочее. Оборудование одной только комнаты для игр, в которой резвились сиятельные шалуны, обошлось чадолюбивому нефтяному королю ни много ни мало в 520 тысяч долларов. И все это лишь для пятерых юнцов и одной юницы, единственной заслугой которых было то, что их папа в свободное от благочестивых проповедей время наживал миллиарды долларов.

Когда подрос самый младший из братьев, они перестали бывать в этом поместье. Каждый получил в свое распоряжение городские особняки, летние виллы и прочую недвижимость, необходимую для «светской» жизни. Теперь у каждого столько домов в личном пользовании, что они часто путают собственные адреса. Правда, это обстоятельство третьим Джоном не рекламируется. Зато взахлеб расписывают получившие подачку репортеры, как приучает к экономии своих отпрысков старший из братьев. Каждому из детей в качестве недельной нормы, умиляются они, миллиардер выдает 10 центов.

Что касается Дэвида, возглавляющего финансовый бизнес семьи, то, послушать американскую печать, единственное, чем он увлекается, это коллекционирование жуков. До чего трогательно и невинно — букашки-таракашки общим количеством 40 тысяч, наколотые, засушенные и заспиртованные. Дэвид Рокфеллер, сообщают газеты, всегда носит с собой бутылку, куда сажает пойманный интересный экземпляр. О том, что, в перерыве между двумя прихлопнутыми мухами, воротила успевает прихлопнуть целый банк, загнать в бутылку сотни зависящих от него людей и пустить по миру тысячи, американская пресса не распространяется. Невыгодно!

Еще об одном из братьев, Лоуренсе, журнал «Тайм» писал: «У него дома в Нью-Йорке на 5-й Авеню, имение на Гудзоне, 15-комнатный летний дом на Фишерс-Айлед — уединенном пристанище миллионера в 135 милях от Нью-Йорка». Коллекция картин, принадлежащая ему, среди которых свыше ста полотен кисти великих мастеров, оценивается в миллион долларов. Кроме живописи мистер Лоуренс любит быструю езду. Поэтому с картинной галереей уживается целый парк самых быстроходных машин и катеров. Самолеты имеются тоже.

Десятки дворцов и вилл, принадлежащих Рокфеллерам, оцениваются в сотни миллионов долларов. Только один из особняков этого семейства обслуживают около 350 слуг...

Братья Рокфеллеры сами управляют своим бизнесом. Официальный биограф Рокфеллеров, Джо Алекс Моррис, рассказывает, как функционирует семейный директорат Рокфеллеров. Он пишет, что пятеро братьев раз в неделю, где бы они ни находились, съезжаются в Нью-Йорк, чтобы принять участие в совещании, на котором решаются все вопросы, связанные с их промышленной, финансовой и политической деятельностью.

Каждый из членов этого директората руководит какой-либо определенной отраслью или участком. Во главе всех финансовых операций находится один из братьев — Дэвид. Лоуренс руководит военным бизнесом семьи. Это его сфера деятельности, о которой он докладывает братьям на еженедельном совещании. Нефтяными компаниями Рокфеллеров ведают Уинтроп Рокфеллер, по образованию инженер-нефтяник, и Джон Рокфеллер-третий, который помимо нефтяных компаний руководит рекламой и пропагандой.

Особая роль в семействе Рокфеллеров отведена пятому из братьев — Нельсону Рокфеллеру.

С ранних лет Нельсона Рокфеллера готовили к политическому бизнесу. Именно этими делами он занимается, именно о них докладывает своим братьям на еженедельных совещаниях.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 777. Микрофонный материал.

Литературные вечера
Передача № 64. Радиожурнал

11 июня 1967 г.
20.45–21.32

Гальперин. Мы с вами уславливались обязательно побывать на первом Всесоюзном пушкинском празднике поэзии.

Из газет, радиопередач, вы уже знаете многое об этой удивительной встрече народа с любимым поэтом, гением, предвидевшим, что к нему никогда «не зарастет народная тропа...».

Я не собираюсь повторять официальные отчеты, не буду соблюдать хронологии событий праздника на Псковской земле, а просто перелистаю страницы своего радиоблокнота, которые составили десятки километров магнитофонных записей...

Вот давайте зададимся таким вопросом: как Пушкин проводил свой день рождения? А я вам точно расскажу. Это я уж докопался до этого дела.

Во-первых, будили Александра Сергеевича низким поклоном и осторожным стуком. Пекли пироги. Рубаху ему шили. Потом торжественно всем выводком Михайловских молодых и старых шли в Святогорский монастырь. Там — молебен за здравие боярина Александра. Потом он одаривал всех конфетами, пряниками, бубликами. Потом дирижировал хором, потом плясал, потом напевал и писал своим «друзьям»: «Прощайте, друзья, я пьян». (*Смех.*)

Вот так оно было.

И не только это. А русские песни, а русские сказки. Вот все написанное, чем наполнены сегодня пушкинские рукописи.

Они тоже здесь. Где же нянька-то рассказывала, не у себя же лежа, а вот здесь сидя.

Дальше идут две комнаты, которые Пушкин закрыл. Они ему не нужны.

Ему нравилось, что в этом доме еще есть зальце. Когда приехал Пущин, зал открыли, печи затопили. Ему хотелось показать...

Это пушкинское кресло, вот из вещей сына Пушкина — Григория Александровича. По стилю оно немножко не подходит. Но все-таки оно пушкинское, и этого достаточно. А остальное здесь представлено в копиях, но когда вы смотрите на этот дорожный баул, настоящий, ободранный, кожаный, удобный, там есть место и для дорожного кофейника, и для дорожного самовара, и для дорожной кожаной подушки — все это там есть.

А там вот эта таинственная лампа, которая по заказу Пушкина была сделана, когда он задумал бежать таинственно отсюда за границу. Эта дорожная лампа в списке вещей, подготовленных Пушкиным для побега, значится.

В этой комнате происходили беседы Пушкина с его друзьями, с его братьями. Здесь он ведет душевные разговоры сам с собой. Он очень любил воображаемые разговоры. С кем только он не вел воображаемые разговоры! С Жуковским, с Вяземским, с царем; вызывал тени людей, с которыми ему хотелось поговорить по душам, остро, зло, а временами беспощадно, а было о чем поговорить. Ведь именно по этой комнате Пушкин бегал, когда Бориса прочитал сам себе вслух, ахнул и закричал: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Ведь это все здесь. Вот, вот почему когда восстанавливалась эта комната, то она восстанавливалась с учетом всех возможностей, известных пушкиноведению и литературоведению...

Гейченко[218]. Там, с той стороны, голубятня, поэтому эта строчка в известном стихотворении Пушкина, «голубка дряхлая моя», это не просто так абстрактный образ — это конкретный образ, потому что вечно с голубями, их кормит, возится, это его мамушка.

Вот ее светлица.

Вот когда в этом доме было уж совсем невмоготу, хоть волком вой, хоть задавись... вот тогда он шел к няньке, а она находила добрые

слова утешения. Она нашла все, что нужно, она моя единственная подруга — говорил Пушкин.

Ведь не случайно, когда он работал над «Дубровским», ведь он почти процитировал письмо ее целиком, целиком. Она в этом отношении может считаться его соавтором. Ведь она сочинила молитву (помните, Пушкин говорит) — молитву в духе молитвы Ивана Грозного. Она уж русскую речь понимала, она знала великолепно все обряды, и, кстати сказать, поблагодарим ее за то, что она заставляла Пушкина почаще в церковь ходить. Это ему оказалось на великую пользу. Он узнал всю обрядность песнопения. Он понял всю силу колокольного звона, что писатель знать обязан, эту деревенщину. Это все и преподнесла ему Арина Родионовна, которая сделала ноги Пушкина крепкими, голову — ясной, язык — цветастым и сердце — русским.

— Теперь пойдем сюда... (*Переговоры.*)

— Вот такие часы в старину, при Пушкине, и покрывали перезвоном вечер в Михайловском. Я считаю, что это приводит сердца в соответствующее настроение. Это вот такой же почти флигелек, только крылечко сдвинуто. Вон там кухня, такая темная, как вот красиво это Паустовский описал. А рядом, значит, людская, где весь арсенал для всяческого такого рукоделия, чтоб даром-то хлеб барский не ели, а то так подумаешь, отбил часы, нет, ты что-нибудь вытки, ты там сбей что-нибудь такое, ну а если ни черта не хочется, то хоть на гуслях шпарь.

Вообще гуслярское искусство, оно было в Михайловском очень широко. И вообще величайшим музыкантом пушкинского времени в деревне, на гуслях, был, конечно, Михаил Иванович Калашников. Это фигура... Я вот даю вам слово: еще придет время, о нем будет написано, вообще об этой семье — большая умная книга. Пушкина он встретил. Пушкина он хоронил, и на месте ему памятник он ставил. Если бы он был пустяковый человек, то судьба бы не доверила ему останки Пушкина...

Ну, вы знаете, что Пушкин ведь был очень неприхотлив, аппетит всегда у него был хороший, ел, выпивал, вкушал, угощался — все, что, так сказать, было у него. Пироги любил, сыр лимбургский любил, вина острые любил, приправлять горчичкой любил мясцо по-разному, и баранину, и телятину, и все такое, а когда ничего не было, то печеную картошку ел, о чем он и сообщал своим друзьям, что его увлекает сейчас печеная картошка. Ну, вообще-то хозяйство у них было неплохое: у них было 30 коров, сорок индеек, бесчисленное количество цыплят, уток и утят. Чего еще нужно!

А уж рыбы-то воз! Всех сортов! Имейте в виду, что эти все озера и пруды еще при Иване Грозном были описаны. Есть такая книга «Архив большого чертежа Российского государства». Так там описаны и Маланец, и Кучанец Петровское, и Сороть, и вот мы проверяли, как при Иване Грозном водились эти сорта рыб — лещ, шестопер, плотва, разноперка, ерш, и все это такое, и налим, и сом, который я впервые вкусил, когда приехал сюда. И скажу вам, что не ел этой рыбы: эта рыба удивительно вкусная, костей нет, сладкая, под эту рыбу очень хорошо вкушается...

Андроников[219]. Друзья Пушкина, испытывающие сейчас, как нетрудно понять, чувства глубочайшего волнения от соприкосновения с величайшим гением поэзии, без которого мы не можем представить себе самих себя, наши души, наши жизни.

Мы стоим сейчас возле могилы А.С. Пушкина, мы стоим сейчас среди буйной зелени, этой роскоши природы, и невольно вспоминаем зимние дни, когда Пушкин, затравленный, доведенный до величайшего отчаяния в тысячу раз ужаснее физической смерти, был расчетливо и хладнокровно убит, был отнят у десятков тысяч, у сотен тысяч вдохновенных своих читателей, был привезен сюда — в Святогорский монастырь — в сопровождении жандарма и одного из друзей, которого царь назначил сопровождать тело поэта. Зимней ночью копали здесь землю и тусклым зимним утром опустили в могилу гроб, и не было почти никого, кто мог бы пролить хотя бы слезу сочувствия на этой горькой могиле. И вот теперь, по прошествии 130 лет, десятки тысяч, сотни тысяч людей приходят на это святое место и стоят в глубокой задумчивости, стараясь соединить представления несоединимые: бессмертие и могила, отнятая жизнь и вечная жизнь, жизнь в сердце поколений, свершивших великую революцию и несущих Пушкина в коммунизм как свое бесценное наследие, как свой величайший дар. Мы не расстанемся с Пушкиным никогда. Нас много. Мы приехали сюда, как на родину русской поэзии. Здесь поэты разных народов нашей страны, здесь гости нашей поэзии. Мы одинаково чтим в Пушкине величайшего из великих поэтов нашей земли и великого поэта всех земель и народов мира. Это не траурный митинг. Мы приехали к Пушкину накануне его дня рождения, приехали на праздник его поэзии, и пусть в наших словах прозвучат слова благодарности и восторга перед этой удивительной, невероятной, небывалой на свете поэзией...

Гальперин. Мне думается, что даже вот так, заочно, можно почувствовать, сколь неповторимы пушкинские места, как совсем поиному словно бы перечитываешь с детства родные строки.

И хочется сказать вам: при малейшей возможности, будь то летом или зимой, обязательно побывайте у Пушкина...

До свидания, друзья, всего вам доброго...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 15. Д. 494. Микрофонный материал.

Они были первыми

Документальная радиокомпозиция[220]

31 октября 1967 г.
12.30–12.59

Диктор. Мысль всегда опережает время. И, наверное, поэтому нынешний Октябрь — пятидесятый — пришел к нам значительно раньше той минуты, когда на всех календарях страны появится красная дата — 7 ноября. Он вошел в нашу жизнь, дела, мечты, свершения.

...Пятьдесят лет! Трудных и прекрасных, суровых и счастливых, стремительных и гордых пронеслось с 1917 года, когда восставший

«мир голодных и рабов» сбросил цепи капитализма и возвестил о начале новой жизни на шестой части земного шара...

О последних часах старого мира, о штурме Зимнего дворца рассказывает Эдуард Янович Ныу — бывший матрос минного заградителя «Амур», активный участник Октябрьского восстания.

Ныу[221]. Рано утром 25 октября вошли мы в Петроград. К нам на корабль прибыл Антонов-Овсеенко — член Военно-революционного комитета. Он собрал на нашем корабле комиссаров всех кораблей, в том числе и комиссара «Авроры» Белышева, и условились так: если Временное правительство в 9 часов вечера не даст положительного ответа на ультиматум, то есть не сдастся, то Петропавловская крепость даст холостой выстрел, «Аврора» продублирует этот выстрел, и этот выстрел будет служить сигналом для перехода в штурм.

Когда мы пришли со своим отрядом к Зимнему дворцу, то наше положение по сравнению с юнкерами, с казаками было значительно хуже. Они стреляли по нас сверху вниз, а мы — снизу вверх. Так брали одну комнату за другой, пока наконец юнкера не начали сдаваться...

Диктор. Федор Николаевич Петров пришел в революцию более семидесяти лет назад, пришел, как и сотни его сверстников, рабочих парней, испытавших на себе всю несправедливость капиталистического строя...

Верный ленинец-искровец, страстный пропагандист, талантливый организатор, руководитель местных большевистских организаций в Прибайкалье, мужественный солдат Октября, член правительства Дальневосточной республики, один из видных организаторов советских научных кадров в 20-е годы — таков далеко не полный послужной список доктора исторических наук Федора Николаевича Петрова.

Петров[222]. Невольно мысль обращается к тем дням, когда приходилось мне в Иркутске после каторги, ссылки, работать подпольно, организовывать боевые дружины, Красную гвардию.

Сам я участник этих боев, красногвардеец. И вот сейчас, держа в руках свою красногвардейскую книжку, я вспоминаю те девять дней, которые принесли много жертв нашим красногвардейским и воинским частями. Вскоре к нам примкнули рабочие из Черемхово и из других рабочих районов, и мы взяли город и установили Советскую власть, выбрали Ревком...

Диктор. О борьбе за Советскую власть на Харьковщине рассказывает член партии с 1917 года Фекла Андреевна Присяжнюк.

Присяжнюк. В бурном 1917 году я была в Харькове. Я приехала сюда потому, что здесь в это время нелегально поселился мой муж.

В Харькове я включилась в работу Дома общества рабочих на Петинской улице. На собраниях и лекциях, которые мы организовывали, часто выступали большевики. Мы вели и большую нелегальную партийную работу. В начале января 1917 года 35 членов нашей организации, в том числе меня, арестовали. Попал в тюрьму и мой муж...

В тюрьме я сидела в одиночке. 2 марта вечером меня вызвали в контору. Там я увидела и многих своих товарищей. Нас выпустили. А на улице собралась огромная масса рабочих.

Они кричали: «Да здравствует революция!» Меня и моих товарищей подхватили, и все мы двинулись к зданию Городской думы. Здесь был проведен митинг...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 777. Микрофонный материал.

Опять — двадцать пять
Сатирическое радиообозрение

12 февраля 1968 г.
8.35–9.00

Дорогие друзья! В эфире передача «Опять — двадцать пять»!

(*Музыка.*)

Старый барабанщик, Старый барабанщик, Старый барабанщик крепко спал. Он проснулся, перевернулся и ударил в барабан!

(*Громкая барабанная дробь.*)

Этот нехитрый стишок, знакомый всем вам с детства, мы зачитали для того, чтобы барабанная дробь, которая, безусловно, эффективнее звона будильника, не прозвучала слишком неожиданно.

Ну вот, теперь мы не сомневаемся, что вы взглянули на часы и поняли, что пора на работу. Слышите, ваш сосед наверху уже трубит вовсю...

(*Песенка о трубаче.*)

В эфире передача «Опять — двадцать пять», которая напоминает, что сейчас самое время проверить часы. Товарищ диктор, который час?

Диктор (*из студии*). Московское время... часов... минут.

(*Вступает инструментальная музыка.*)

Эта музыка на четыре четверти даст верный ритм вашим утренним сборам. Ну, как под музыку зубы чистить? Лучше? А ботинки еще лучше, верно?

По ходу музыки на четыре четверти сообщаем, что передачу «Опять — двадцать пять» на эту неделю готовят режиссер Александр Столбов, редактор Наталия Королькова и музыкальный редактор Борис Вейц. Все претензии к передаче «Опять — двадцать пять» за эту неделю следует предъявлять вышепоименованным лицам. Те, кто до ухода на работу должны отвести ребенка в ясли или детский сад, должны выйти из дома заблаговременно: в утренней толчее возможны всякие ЧП...

(*Песенка «ЧП».*)

Если вы оставляете ребенка дома на попечении любвеобильной бабушки, не забудьте объяснить ему, «что такое — хорошо, что такое — плохо»!

Сынок Паташонских и дружная ватага его приятелей вчера несколько поуродовала отчий дом, за что юный Паташонский был строго наказан родителями. Целый день при виде Паташонского-младшего Паташонский-старший отворачивался. Паташонская плакала.

Вечером Паташонские провели с сыном так называемый разговор по душам. Топали ногами и откровенно выкладывали ребенку все, что они о нем думают. Атмосфера в доме была не из приятных.

В восемь утра маленький Паташонский добровольно вошел в ванную и сам, без понуканий, умылся. На следующий день утром он без сопротивления съел кашу. Уши у него были чистые.

Поднимаясь из-за стола, сказал «спасибо», потом самостоятельно приступил к урокам.

— Какой-то он странный, — тихо сказал Паташонский.

— Вроде сам не свой, — согласилась Паташонская. Она подошла к сыну и пощупала его лобик.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, мама, спасибо, — ответил Паташонский-младший. Родители вышли в другую комнату.

— Ты слышал? — воскликнула мать.

— Да, — глухо произнес отец.

После обеда Паташонский-младший по собственной инициативе почистил зубы. В доме повеяло бедой.

— Мы сами виноваты, — сказала Паташонская.

— Из-за какой-то царапины на мебели духовно надломили нашего ребенка. Может, он теперь будет моральным уродом на всю жизнь... Я себе этого никогда не прощу.

Когда мы пришли к Паташонеким на ужин, родители находились в состоянии крайней депрессии. Паташонская всхлипывала, Паташонский бормотал что-то о докторах и новейших достижениях психиатрии. В доме было мрачно и тоскливо...

Вдруг страшный взрыв потряс квартиру. это Паташонский-младший взорвал переднюю динамитом.

Дурное настроение лопнуло, как мыльный пузырь, все вздохнули свободно. Дитя вернулось к нормальному состоянию.

Видимо, само оправилось от временного шока.

К сожалению, наши пальто, висевшие в передней, погибли безвозвратно.

(*Песня «Филиппинки».*)

Товарищи, а вы не опаздываете на работу? Послушайте точное время.

Диктор. В Москве... часов... минут... Где можно лучше ощутить, что такое «чувство локтя», как не на городском транспорте в часы «пик»? Может, поэтому все виды городского транспорта так любовно воспеты в песнях?

(*Калейдоскоп песен о троллейбусе, метро, трамвае, такси.*)

Наверняка по дороге на работу вы встретите своего сослуживца. Как скоротать остаток пути? Говорить о погоде? Вроде все уже сказано. О работе? Тогда о чем вы будете говорить на работе? Вот что! Расскажите ему анекдот.

Хозяйка комнаты взволнованно стучится в дверь своего квартиранта:

— Что вы там делаете, жилец?

— Ничего особенного. Я только играю на скрипке.

— Слава богу! Я уж подумала, что вы отпиливаете ножки от кровати.

(*Музыка.*)

Если ваш сослуживец — человек с юмором, то на анекдот он ответит анекдотом.

Одна женщина спрашивает другую:

— Ну, как поживает твой муж?

— Хорошо. У него легкая работа. Три раза в неделю он ходит в цирк, сует голову в пасть льву, и потом он весь день свободен.

(*Музыка.*)

И еще один анекдот. Его вам споют.

(*Песенка «Пастух и принцесса».*)

Тем, у кого осталось еще немного свободного времени, передача «Опять — двадцать пять» предлагает традиционный детектив «Записки тайного советника». Очередная глава.

— Ну-ка, тряхни его как следует. Бей! Бей еще!

— Боюсь, следы останутся...

— Накрой тряпкой — тогда не останутся...

— На молоток.

— Ты его держи, а я бить буду.

— Тише, соседи проснутся.

— Не проснутся! Бей!..

— Смотри — пробил!

— Капает...

Новое начало совета...

Накипь в чайнике сколоть или соскоблить очень трудно. Есть более простой способ удаления накипи. Для этого полстакана соляной кислоты... смешать с половиной стакана воды, полученную смесь перелить в чайник и прополоскать его. Если накипь не растворится, то следует еще раз повторить весь процесс. Потом в чайнике надо вскипятить воду и вылить ее.

(*Песня.*)

Вы слушали передачу «Опять — двадцать пять», подготовленную отделом сатиры и юмора Всесоюзного радио.

Вели передачу Вера Васильева и Всеволод Ларионов.

Автор передачи Наталия Сухаревич.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 857. Микрофонный материал.

Г.П. Вишневская[223]

Искусство — моя судьба, моя любовь

Интервью[224]

13 июня 1968 г.

Корреспондент. Как вы стали, Галина Павловна, оперной певицей? Мы знаем, что вы выступали сначала в других жанрах — в эстраде и оперетте. И вот хотелось бы узнать, что вас привело на оперную сцену?

Вишневская. Вы знаете, я мечтала стать певицей, как только себя помню. Я даже не представляю, что бы я делала, если бы я не

пела. Еще в войну я начала учиться — это были последние годы войны. Было очень трудно. Я перенесла блокаду в Ленинграде. Осталась совершенно одна. Мне было пятнадцать — шестнадцать лет. И нужно было работать, чтобы жить. Учиться я не имела возможности. И поступила в театр оперетты. Разъездной такой был театр, гастрольный.

Я до этого никогда на сцене не работала, хотя знала очень много арий, много романсов и любила это очень все. Буквально через год я вдруг спела там ведущую партию, абсолютно случайно, потому что заболела актриса. Мы были на гастролях, и некому было петь в «Свадьбе в Малиновке». А так как я сидела все спектакли в кулисах и знала все роли наизусть, и старух, и комиков, и героев — кого угодно я могла тут же заменить сходу. Утром сказали, что нужно петь. Утром у меня была репетиция, и вечером я пела весь спектакль.

И так же было со второй моей ролью: нужно было петь Нинон в «Фиалке Монмартра», тоже из-за заболевшей актрисы, вот. Я вот так начала работать и спела довольно много ролей. Но работа в оперетте все-таки нё привлекала меня. Хотелось петь по-настоящему. Петь по-настоящему надо было учиться, конечно. Но как-то так получалось, что не находила я педагога, который мог бы мне помочь, и сокращался диапазон голоса. Все стали говорить, что у меня меццо-сопрано, хотя у меня было от природы сопрано.

Я ушла из театра. Стала работать на эстраде, потому что работа на эстраде, она дает больше возможности заниматься. Когда сама не связана с коллективом, то можно больше распоряжаться своим временем. Я пела песенки. Пела, подражая нашей замечательной певице — Клавдии Шульженко. Я очень ее люблю.

Пела сольные концерты этих эстрадных песен. Очень много разъезжала. Конечно, пела не в больших городах, а в маленьких, и в колхозах и в деревнях пела, в очень тяжелых условиях. После войны очень трудно было: холодно и голодно.

Я научилась работать, я воспитала в себе волю. Если надо было выходить играть, то, несмотря ни на что, я должна была это делать. Школа тяжелая, но очень полезная. Большое событие в моей жизни того времени — это была встреча с моим педагогом, с Верой Николаевной Гариной, ныне покойной уже.

Я пришла вот к ней, чтобы она меня послушала.

Она не преподавала в консерваториях. Ей было 83 года. Она в прошлом оперная певица. И когда я пришла к ней, я думала, ну, надо же все-таки и форму сохранять, даже если поешь песенки. Надо заниматься, хочется заниматься. И хотя я уже где-то думала, что, наверное, уже с оперой все покончено.

И когда я пришла к ней, она говорит: «Какой же у тебя голос, деточка?». Я говорю: «У меня меццо-сопрано». «А, — она говорит, — ну, давай послушаем». Я внизу пою басом. Думаю, сейчас я ее удивлю, какое у меня меццо-сопрано. Потом она говорит: «Знаешь что, у тебя сопрано». Я говорю: «Что вы говорите, вот я тоже всегда так думала, что у меня сопрано, а все говорят, у меня меццо». — «Ну, давай заниматься».

Я занималась с ней в общей сложности два года. Через полгода у меня вернулись все мои верхние ноты, которые были когда-то, и я уже о них забыла. Это первый педагог, который научил меня самому, казалось бы, элементарному, что есть в пении, но, конечно, и самому главному: она научила меня дышать.

Она стала проходить со мной довольно скоро оперные арии, в частности, стала смотреть со мной «Аиду». И мне говорит: «Ты будешь в опере, вот посмотришь, обязательно будешь в опере». А я думала: «Ну, педагоги все всегда увлекаются».

Вот так прошло два года. И тут приехала комиссия из Москвы. Был объявлен конкурс в стажерскую группу в Большой театр. Я даже не знала, что такое стажерская группа. Вот, это было в ВТО на Невском проспекте. Я зашла. Пошла слушать. Слушаю и думаю: почему же, собственно, я не пойду, я же, по-моему, не хуже. Объявили перерыв. Я подхожу к Николаю Алексеевичу Дугину (он был секретарь): «Вот конкурс у вас, я бы хотела спеть». А он говорит: «А вы не записывались?» Я говорю: «Нет, не записывалась». «А чего же вы не записывались?»

— Да вот, я не хотела, а теперь хочу.

— А что вы будете петь?

Я говорю: «Аиду».

— «Аиду»? Вот, проходите.

Спела. Волновалась страшно. Ну, мне сказали, что меня вызовут в Москву.

Ну, присылают мне телеграмму, что меня вызывают в Москву. И я приехала. Я все три тура пела «Аиду», и с оркестром пела «Аиду» тоже. Спела, столько эмоций выдала; пять спектаклей, наверное, я сыграла.

(*Исполнение.*)

Вишневская. Ну вот, спела. И меня приняли в стажерскую группу.

Корреспондент. Ну, а в дальнейшем какие факторы влияли на становление вашего творческого облика, что ли, и вообще, какие компоненты требуются певцу, чтобы стать большим артистом?

Вишневская. Больше всего, конечно, имела влияние встреча с Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым. Огромный был человек, огромной какой-то совести музыкантской, невероятного отношения к искусству, и большой друг певцов. Когда он дирижировал, то вы чувствовали, что это такой ваш доброжелатель, он все хочет сделать для того, чтобы вы спели. Он как будто нес вас на руках весь спектакль. Он умел передать артисту свое, и от артиста, если он ему верил, он умел получить. Вот это взаимное слияние в музыке — это давало всегда огромные результаты. Но я хочу ответить на ваш вопрос: какие компоненты требуются певцу, чтобы он стал большим артистом?

Ну, естественно, оперному певцу требуется прежде всего голос, конечно. Но кроме голоса, такой же талант другой — это талант работоспособности. Даже не то, что желание работать, а уметь работать и знать, как работать. Чтобы певец ставил перед собой самые трудные задачи и всегда обязательно их выполнял, воспитывал в себе высокий вкус и был бы себе самым строгим судьей. Вот этому меня научил

Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. И Борис Александрович Покровский. Я сделала с ним почти все роли свои. Это великий, конечно, талант и наш самый лучший оперный режиссер.

Корреспондент. Сколько ролей вы спели?

Вишневская. Первая роль была в «Фиделио», Татьяна в «Онегине», потом Купава в «Снегурочке», «Чио-Чио-Сан», Керубино в «Свадьбе Фигаро», «Аида», «Война и мир», «Фальстаф», Лиза в «Пиковой даме».

Корреспондент. Какие наиболее значительные вехи этого пути вы могли бы припомнить?

Вишневская. Это «Фиделио», для меня была эта опера огромной школой. Я научилась относиться с большим уважением к музыкальному тексту композитора, к его замыслу. Это была для меня огромная работа и с вокальной точки зрения тоже. Потому что придя в театр, не имея музыкального образования консерваторского, я поняла, что если в такой труднейшей партии, как Леонора, если я начну форсировать звук, петь выше своих возможностей, то я просто не то что потеряю голос, я просто не спою эту партию, это невозможно спеть будет. И меня именно эта труднейшая партия научила правильно петь, правильно расходовать свои силы и не кричать на сцене. А встреча с таким гением, как Бетховен, была первая моя школа воспитания и вкуса, музыкальности...

(*Исполнение.*)

Корреспондент. Мне бы хотелось спросить, как проходит у вас процесс работы над оперной партией? С самого начала, на всех стадиях.

Вишневская. Сначала вот я беру клавир. И стараюсь, выключив все эмоции, просто читать. Читать музыкальный текст. Потом начинаю учить. Учу как азбуку, сухо и неинтересно, может быть, для того, кто это услышит. Когда я пройду этот этап, тогда я уже стараюсь раскрыть свое сердце. Ну, и впевание, конечно, потом идет. У меня благодаря моей учительнице никогда не было вокальных проблем таких чисто технических. Проблемы бывают уже другие — музыкальные, раскрыть музыкальный образ и выразить это уже красками голоса. Текст я никогда не учу отдельно. Он уже сам укладывается.

Потом начинается работа сценическая, с режиссером. Знаете, вот Борис Александрович Покровский, он очень интересно работает. Огромное наслаждение с ним разговаривать на репетиции. Вы знаете, он так будоражит мысль у артистов, он их тормошит, он хочет их вывернуть совершенно наизнанку, обнажить им нервы. С ним очень интересно работать.

В «Травиату», которую он ставил, я вошла без него. Его не было в Москве. И буквально, в общем, за три дня до спектакля я его поймала: «Борис Александрович, расскажите мне про Виолетту». И мы с ним полчаса просто поговорили. Совершенно по-другому роль зазвучала во мне.

(*Исполнение.*)

Корреспондент. От оперной сцены отвлечемся. Вот ваша концертная деятельность, так ли она для вас дорога, как сценическая?

Вишневская. Очень дорога. В концерте, в программах концертных можно, во-первых, выбирать по своему желанию, по своему вкусу то, что не всегда можно сделать в театре. Потом разнообразие образов, все это ужасно привлекательно.

Корреспондент. Насколько нам известно, вы очень любите циклы какие-то давать, включать в программу.

Вишневская. Да. Конечно. Если я беру цикл Мусоргского, это тоже, это немножко от театра идет, раскрытие образов, и потом это все в одно целое слить. Шостакович. Удивительная музыка Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич мне играл последний цикл, это на стихи Блока.

Знаете, когда такой великий композитор, великий человек играет первый раз вам свою музыку, это, вы знаете, это просто страшно. И от ответственности, которая ложится на тебя каким-то камнем огромным. Я получила от него ноты, прибежала домой. Сидела и боялась. Я сидела, и без конца, без конца мы играли. И чтобы не ошибиться и не пойти в какую-то сторону не ту, понимаете, нужно было очень много это все играть, чтобы найти вот этот вот путь, по которому надо идти и который указан Дмитрием Дмитриевичем. Удивительный цикл и удивительная музыка. Необыкновенная красота, вы знаете, ни на что не похожая, что он писал раньше. Это какое-то откровение, какое-то, мне кажется, обозрение жизни целой своей.

(*Исполнение.*)

Корреспондент. Вот каково ваше отношение к записи на грампластинки? Приносит ли эта работа вам творческую радость? Какие записи вы свои цените больше других?

Вишневская. Вы знаете, не люблю записываться на пластинку. Атмосфера вот этой пустой комнаты, микрофон. И потом все время какое-то ощущение, что тебе кто-то, какой-то посторонний человек делает голос. Это ужасно выбивает и раздражает. Уже не говоря о том, что никогда артист не будет на записи играть или петь так, как он играет в театре, при публике и при полной отдаче.

И, в общем, считаю, что у нас и техника не очень еще хороша в пластинках. А из каких записей я считаю наиболее удачные, я думаю, это Прокофьева цикл ахматовский, романсы Чайковского и Мусоргский «Песни и пляски смерти», Ростропович аккомпанировал. Эта пластинка в 1963 году получила большой приз у французской музыкальной академии.

ГА РФ. Ф. 69О3. Оп. 14. Д. 836. Микрофонный материал.

Ю.Я. Яковлев[225]

Горькое сено

Выступление

21 июня 1968 г.
21.00–21.14

Я перелистываю сочинения ребят. Читаю.

«Медленно плывет круглая луна, дремлет степь. Откуда-то издали доносится песня, однообразная, унылая, как жизнь бедняков. Песня про верблюжонка: ищет его, зовет мать. Плачет она. Белое молоко струится по ногам...»

«Наши родители помнят запах горелой ржи...»

«В войну в папиной семье погибло семнадцать человек...»

Откуда эти строки? Из повести, из дневника, из исповеди? Они написаны неокрепшей рукой подростков. Взяты из школьных тетрадей в линеечку. Они написаны по линейке, но широтой чувств и мыслей ломают привычные рамки и выходят на простор времени...

Я склоняюсь над этим нескончаемым родником, прислушиваюсь к его чистому дыханию и стараюсь определить, в каких пластах земли он рожден и куда он пробивает свое русло, о чем думают дети шестидесятых годов, какие они?

Мне вспоминаются послевоенные годы, когда мы, фронтовики, как бы пытались приглушить память войны, уберечь детей от нашей суровой кровоточащей памяти... Утихли грустные фронтовые песни. Все реже в кругу боевых друзей раздавалось: «А помнишь, брат!..» Дети читали о капитане Гастелло и об Александре Матросове, но воспринимали их как героев книг, без сопричастия, без боли сопереживания... Мы берегли детей... Мы забыли, что нашим детям принадлежит не только светлое будущее, но и суровый вчерашний день.

И вот сегодняшние дети со всем жаром своего чистого романтического настроя рванулись к этому дню. Они потребовали у нашей солдатской памяти: поделись с нами! Они спросили: чем пахнет горелая рожь? Что такое «похоронная»? Как зовут безымянного солдата?

Они со всей остротой почувствовали несправедливость забвенья и двинулись в походы по следам полков, сделав своим девизом слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». В них пробудилась жажда сопричастия к подвигам отцов.

Дети способны делать открытия, которые порой не под силу взрослым. У них свой ход мыслей, своя логика чувств. Своя, детская мудрость.

Мальчик пришел в класс и положил на стол охапку сухой травы.

— Что это?

— Сено!

— Зачем же ты принес сено... в класс?

— Это горькое сено. Его не едят даже коровы.

— Что же это за сено?

— Это цветы... с братской могилы... Как положили в День Победы, так они и пролежали все лето.

Горькое сено — горькая трава забвенья. Все проходили мимо. Никто не замечал, что цветы превратились в сено. Никому не пришло в голову, что это горькое сено. А он остановился. Потрогал увядшие цветы рукой. Они мертво зашуршали. И маленького человека обожгла обида за тех, кто освободил его село, кому было трудно, нестерпимо больно... До него долетело эхо этой боли. Он почувствовал горечь. Он восстал против несправедливости.

Передо мной старенькая фотография. Пожилая женщина в белом платке наливает бойцу-освободителю молоко из кувшина. В этой фотографии ничего примечательного. Но ее прислали ребята из Сумской области с такой припиской: «Нам удалось найти кувшинчик, из кото-

рого воины пили молоко. Теперь мы храним его в своем музее боевой славы, как реликвию победы».

Нет в сельском музее старых знамен, заржавевшего оружия, комсомольского билета, пробитого пулей... Кувшинчик. Только детское воображение и детская справедливость возвели кувшинчик в ранг реликвии. Он попал в детский самодеятельный музей войны, конечно, не потому, что не нашлось ничего более существенного. Этот кувшинчик как бы помог детям коснуться далекого времени, стал мостиком в прошлое. Его держали бойцы — теперь ребята сами могут коснуться его рукой. Кувшинчик, как колокол, будил воображение и, как свидетель, подтверждал: это было. Это было, здесь. Из села с боем выбили фашистов. А потом оставшиеся в живых пили молоко. Из этого кувшинчика...

«Меня пронизывает щемящее чувство боли: не воскресить погибших, среди них — мой дедушка. Мое начало. Я — его продолжение...»

Начало — продолжение. Сегодня дети не желают быть Иванами-непомнящими, они хотят знать «свое начало», хотят быть продолжателями благородных жизней. И зажигают в полуразвалившихся землянках фронтовой светильник, сделанный из позеленевшей орудийной гильзы, и поют «Бьется в тесной печурке огонь...» — они оплакивают тех, кого некому было оплакать, выбирают себе кумиров в порыжевших от дождя шинелях.

Что случилось с нашими детьми? Может быть, их мудрость одержала верх над взрослой мудростью? Нет, этот новый великий посев сделали взрослые, и он попал на благодатную почву. Всходы этого посева поразили всех.

Мне вспоминается, как ребята рассказывали о своей любимой учительнице. Я их спросил:

— За что вы ее любите?

— За то, что она думает, как мы, — был ответ.

И передо мной сразу встал образ мудрого воспитателя, который так тонко сумел привить детям свои взгляды и мысли, что дети приняли их за собственные. Примерно такое же произошло и с ребятами шестидесятых годов. У взрослых вдруг появилась потребность поделиться с детьми самыми сокровенными пластами своей памяти, передать им на вечное хранение свою военную память, чтобы великая жертва народа не забылась, не превратилась в горькое сено. Отцы принесли детям память военных лет, неожиданно возникло огромное патриотическое детское движение — красных следопытов.

Сколько упорства, терпения и любви в ребячьих поисках! Они собирают правду о войне как нечто необходимое для своего собственного естества. И в этих поисках, в этом сопричастии обретают ту необходимую зрелость, без которой немыслима любовь к Родине.

«Мой ровесник! Сегодня на тебе нет остроконечного шлема-буденовки, не стреляют пушки, не шагают отряды матросов в черных бушлатах. Но бой идет. Бой за новую счастливую жизнь. Бой нового со старым. В этом бою, какой идет сегодня, никто не спросит, сколько

тебе лет, потому что ты нужен в этом бою. Больше того, без тебя его могут проиграть!»

Так рассуждают дети, подростки. Обыкновенные дети, которые любят играть, озорничать, которые иногда приносят домой двойки, огорчают родителей, с удовольствием смотрят детективы, дерутся, плачут, не всегда почтительны со старшими. В них зрелость граничит с наивностью. Но в их поступках порой раскрывается такая широта, что дивишься.

«Я учусь во втором классе. Недавно видела по телевизору, как американцы разбомбили вьетнамскую школу. Я хочу, чтобы дети всей земли не знали войны и учились. Я накопила 3 рубля и решила послать их в Фонд Мира на книжки и тетрадки вьетнамским детям. Оля Шошина, гороховецкая школа Владимирской области...»

Детям, наивным и непосредственным, верящим в сказки и гоняющим неизменную шайбу в ногах у стариков, нашим детям свойственно стремление осмыслить жизнь, понять дух времени, им свойственно активное сопричастие к событиям. Есть среди них и маленькие циники, из которых, увы, вырастут большие, приспособленцы, которые рано осваивают неприглядные премудрости этого дела; и маленькие подхалимы, и жестокие есть среди них, и равнодушные ко всему, и озлобленные. Поколение никогда не бывает круглым отличником. В нашем обществе еще определенное время будут плохие люди. Появляться они будут не извне — будут вырастать из детей. Но не они же составят ядро народа!

Дети шестидесятых годов. Думающее поколение, вооруженное прекрасными идеалами, но нуждающееся в том, чтобы его бережно защищали от всего, что может растлить, сбить с дороги. Взрослые всегда мечтают, чтобы дети были лучше их, счастливее их, — это один из приводов человеческого прогресса. Но этот привод должен активно действовать, должен крутить колеса...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 16. Д. 513. Микрофонный материал.

Г.А. Шахов[226]*, А. Погодин*[227]

Контрреволюция не пройдет!
Корреспонденция

26 августа 1968 г.
19.53–20.05

Диктор. Свидетельствуют очевидцы! Специальные корреспонденты Всесоюзного радио Гелий Шахов и Александр Погодин передают из Праги.

Контрреволюционные силы в Чехословакии продолжают активизировать свою подрывную деятельность, направленную против социалистических завоеваний страны, против единства социалистического содружества. Эта деятельность ведется одновременно в различных направлениях, с использованием самых различных грязных методов. Реакционные силы готовы на все, лишь бы вызвать хаос, недовольство

населения и обратить это недовольство против социалистического строя, против Советского Союза и других братских стран.

Так, сегодня в Чехословакии на ряде предприятий была проведена пятнадцатиминутная забастовка. 15 минут! Как будто бы и не так много. Однако на тех предприятиях, где работа была приостановлена, нарушился установившийся ритм, среднедневной объем продукции резко сократился. Значительный ущерб был нанесен и смежным предприятиям. Все это — результат враждебной деятельности антисоциалистических сил, преднамеренно предпринимающих действия, которые дезорганизуют хозяйственную жизнь Чехословакии.

Чтобы вызвать замешательство среди населения, посеять в нем недоверие к братским социалистическим странам, вдохновители контрреволюции прибегают к самой грязной клевете. Так, например, вчера по подпольному радио выступал некий Вокроуглицкий. Он не остановился перед самой откровенной и грязной ложью. Ничтоже сумняшеся он заявил, что советские солдаты... отбирают у прохожих часы и золотые кольца. Конечно, Вокроуглицкий и ему подобные, распространяя такие гнусные измышления, не могут рассчитывать на то, что им поверят широкие массы. Ведь всем известно, что честность и благородство так же присущи советскому солдату, как мужество, самоотверженность, преданность своей Родине и идеалам пролетарского интернационализма. В этом каждодневно снова и снова убеждаются сейчас и жители Чехословакии.

Но клеветники и провокаторы не унимаются. Авось, думают они, все же найдутся наивные люди, которые поверят этим измышлениям. Провокаторы чувствуют, что они теряют почву под ногами. Им крайне важна поддержка со стороны каждого неустойчивого человека. А поддержки этой они получают все меньше. Именно поэтому силы контрреволюции усиливают кампанию преследований против честных граждан, всех чехов и словаков, преданных идеям социализма. Подпольные радиостанции и газеты вчера и сегодня призывали к расправе над теми чехословацкими коммунистами, которые не желают признавать и поддерживать самозванный Центральный комитет, избранный сборищем, которое провозгласило себя съездом Чехословацкой компартии.

Все более ясной становится и связь между деятельностью контрреволюционных сил в самой Чехословакии и западными державами. Так, вчера одна из подпольных станций, именующая себя «Свободным чехословацким радио», внезапно прекратила свои передачи и сразу же после этого на той же волне начались передачи оголтелой реакционной радиостанции «Свободная Европа». Иными словами, передачи так называемого «Свободного чехословацкого радио» координируются с действиями все той же «Свободной Европы», которая собрала вокруг себя десятки предателей из социалистических стран.

Многочисленные факты свидетельствуют о причастности различных ведомств Западной Германии к событиям, происходящим в Чехословакии. На тайных складах оружия, обнаруженных в Праге и других городах страны, значительная часть автоматов и пулеметов была изготовлена в Западной Германии.

В Праге раскрыта штаб-квартира неонацистов, которые, судя по неопровержимым данным, получали оружие, пропагандистскую литературу и средства тайнописи от своих единомышленников из Западной Германии.

Сегодня в Праге стало известно о том, что канцлер Западной Германии Кизингер призвал собрать сессию НАТО на высшем уровне в связи, как он выразился, «с последними событиями в Чехословакии». Здесь обращают внимание на то, что с такой инициативой выступил именно канцлер Западной Германии.

Эти и многие другие факты вызвали глубокую тревогу в Чехословакии. Для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от открытого вмешательства реваншистов Федеративной Республики Германии во внутренние дела Чехословакии, боннский канцлер поспешил выступить с инициативой об обсуждении положения в Чехословакии.

Обсуждение пресловутого «чехословацкого вопроса» в совете агрессивного Северо-Атлантического пакта является вопиющим нарушением норм международного права. Ни один представитель Чехословакии не обращался к канцлеру Федеративной Республики Германии или к другому лидеру Запада с просьбой о такого рода дискуссии. Что касается внутренних дел Чехословакии — событий, происходящих в этой стране, то они не имеют никакого отношения к деятельности НАТО. Инициатива Кизингера свидетельствует о полной растерянности правящих кругов империалистических держав в связи с тем, что их планы на отрыв Чехословакии от социалистического содружества терпят провал, что их расчеты на реставрацию капитализма в этой стране построены на песке.

Видимо, этим и продиктованы намерения западных держав начать обсуждение новых планов наступления на Чехословацкую Социалистическую Республику. Канцлер Кизингер предлагает провести такое обсуждение на самом высшем уровне. Но нет никаких сомнений в том, что даже самый высший уровень не спасет инициаторов новой атаки на социализм в Чехословакии от банкротства, не поможет им оторвать Чехословакию от братских социалистических стран. Об этом говорят последние события в Чехословакии, в ходе которых трудящиеся страны, все здоровые силы нации подтверждают свою приверженность идеям и принципам социализма.

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 848. Микрофонный материал.

Е.А. Фурцева[228]

Расцвет народной культуры
Выступление

24 декабря 1968 г.
15.15–15.29

...Многие из вас хорошо знают и по материалам прессы, и по сообщениям радио и телевидения, что недавно в Москве завершил свою работу четвертый Всесоюзный съезд советских композиторов.

«Жить и творить для народа!» — эта мысль была главной в многодневной творческой дискуссии. А по вечерам словно становилась в повестку дня сама музыка. И в ее различных жанрах наши композиторы демонстрировали, как своим творчеством они служат самой благородной для советского художника задаче: обогащать духовный мир строителя нового общества, воспевать средствами своего искусства могучую преобразующую силу ленинских идей, светлых идеалов коммунизма.

В большом творческом разговоре и в отчетных концертах, состоявшихся во время съезда, участвовали представители республик, которые богаты своими музыкальными традициями, а также и тех республик, народы которых не только не имели профессиональной музыкальной культуры еще несколько десятилетий тому назад, но и не знали даже нотной грамоты. А сейчас в каждой республике выросла целая плеяда талантливых композиторов, их лучшие произведения стали достоянием всей страны и во многих случаях принесли мировую славу нашей многонациональной социалистической культуре.

Все это я могла бы сказать применительно и к другим видам искусства. В конце ноября закончился III Всесоюзный съезд советских художников. Как и съезд композиторов, он еще раз показал безграничную преданность мастеров советского искусства делу партии и народа, тесную сплоченность нашей творческой интеллигенции вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС. Наши художники, как и все деятели советской культуры, верны ленинским принципам коммунистической партийности и народности искусства, коренным принципам социалистического реализма.

Всесоюзная юбилейная выставка в Москве, состоявшаяся в минувшем году, еще раз показала общий высокий уровень изобразительного искусства всех республик нашей страны, рост многих художественных школ. Наряду с произведениями прославленных мастеров большой успех имели работы молодых живописцев, графиков, скульпторов...

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла невиданные горизонты для обогащения духовного мира человека. Она разбила оковы, которые веками закрепощали творческий разум народа, ликвидировала эксплуататорский строй, который душил таланты и способности трудящихся.

В своей гениальной программе построения социализма и коммунизма в нашей стране Владимир Ильич Ленин отводил культурной революции одно из важнейших мест. Впервые в истории общественной мысли В.И. Ленин создал стройное и целостное учение о культурной революции. Он подчеркивал, что ее основные цели и задачи не сводятся к совокупности просветительных мер, не ограничиваются приобщением трудящихся к духовным ценностям, эти цели и задачи, главным образом, идеологические: полное духовное обновление общества на социалистических и коммунистических принципах, ликвидация всех форм порабощения человека, воспитание трудящихся в духе

марксистско-ленинского мировоззрения, создание новой идеологии и морали, искоренения пережитков прошлого в сознании людей, формирование активного творческого участия всех граждан в труде и в управлении государством...

...В 1905 году в своей знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература» Владимир Ильич Ленин говорил, что пролетарская литература и искусство будут «служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения верхним десяти тысячам, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составят цвет страны, ее силу, ее будущность».

Есть глубокий смысл в том, что для мастеров искусства и литературы самым высоким званием в нашей стране стало слово — «народный»... Народный артист, народный поэт, народный художник! Это ли не прекрасно?! И разве не столь же символично, что жизнь, беззаветно отданная творчеству на благо Родины, приравнивается у нас к подвигу: народ глубоко почитает и любит ученых, писателей, композиторов, живописцев, скульпторов, удостоенных высочайшего признания — звания Героя Социалистического Труда.

Но не одними почестями и наградами воздает советский народ дань уважения мастерам литературы и искусства. Его признательность находит самые широкие проявления. И в том, что страна наша — самая читающая в мире: ведь каждая четвертая книга на нашей планете издается в Советском Союзе. Труды классиков марксизма-ленинизма, философскую, научную, техническую и художественную литературу советские люди читают на 90 языках народов нашего государства. Но миллионы человек, почти половина населения Советского Союза — читатели в государственных библиотеках! Ежегодно сто с лишним миллионов зрителей бывают на театральных спектаклях и примерно 4,5 миллиарда смотрят кинофильмы. А можно ли вообще учесть, сколько людей поют песни наших композиторов, какую аудиторию собирают у телевизоров и радиоприемников новые симфонические программы или спектакли музыкальных театров советского балета. Сколько людей ежедневно в раздумье останавливается перед монументальными творениями наших скульпторов и архитекторов!..

...Неизмерима роль коммунистического воспитания трудящихся в условиях ожесточенной идеологической борьбы между капитализмом и социализмом. Коммунистическая партия Советского Союза и ее Центральный Комитет всегда проявляли огромную заботу о развитии нашей культуры, о ее мастерах, особое внимание всегда уделялось идейной зрелости, боевитости нашей литературы и искусства. Широко известные партийные решения имели огромное направляющее значение для судеб художественного творчества в нашей стране, для совершенствования всех форм идеологической работы...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 804. Микрофонный текст.

Радиостанция «Юность»
Вечерняя программа

11 января 1969 г.
23.35–23.50

(*Позывные.*)

1-й ведущий. Говорит радиостанция «Юность».

2-й ведущий. Добрый вечер!

(*Музыка.*)

2-й ведущий. Добрый вечер, дорогие радиослушатели! Открываем для вас нашу субботнюю программу.

1-й ведущий. В ней вас ждет встреча с лауреатом Ленинской премии композитором Арамом Хачатуряном...

2-й ведущий. ...Передача, посвященная памяти Рубена Николаевича Симонова. В этой передаче будет участвовать Цецилия Львовна Мансурова...

1-й ведущий. ...А в поэтической рубрике сегодня мы знакомим вас со стихами драматурга Володина.

2-й ведущий. И наконец, вы услышите эстрадное обозрение «Юности» — «Мелодии года»...

(*Музыка.*)

1-й ведущий. Редактор выпуска Ирина Страженкова и режиссер Ирина Елыпевская желают вам приятно провести вечер!

(*Музыка.*)

Ведущий. Раиса Мкртчан. Это имя принес нам прошлый 1968-й год. Она солистка государственного эстрадного оркестра Армении Константина Орбеляна, где, впрочем, еще недавно была пианисткой. Вокальная культура и артистизм, подаренные ей природой, выдвинули молодую эстрадную певицу в число известных. Раису Мкртчан знают по гастролям далеко за пределами Еревана, а пластинка с ее записями, выпущенная недавно фирмой «Мелодия», была раскуплена мгновенно.

Сейчас вы будете иметь возможность оценить искусство этой артистки, она исполняет песню Роберта Амирханяна.

(*Звучит песня.*)

А сейчас...

(*Отбивка.*)

... поэтическая рубрика.

(*Музыка.*)

Ведущий. Имя драматурга Александра Володина[229] известно достаточно широко — равно и в театре, и в кинематографе, но поэтические страницы Володина известны меньше. А у него есть интересные стихи. Те, кто бывал на концертах Сергея Юрского, слышали их в интерпретации этого талантливого актера. Читает их и сам Александр Володин.

«Попрошу вас: мне того салата.
И, пожалуй, этого вина...»
«Тишина, товарищи! Соната!!!

Митя исполняет нам сонату!»
...пианиста слушает жена...
Музыка между столами бродит,
Неуместно так обнажена.
Вина, воды, фрукты, бутерброды
...пианиста слушает жена...
«Нет, кому нужна сейчас соната?»
— Ладно, ее дело сторона...
«Кстати, он сильней играл когда-то».
... пианиста слушает жена...
Листопад аплодисментов пылких,
Лишь одна не хлопает она.
Тосты, крики, вилки и бутылки!..
... пианиста слушает жена...
«Все же попрошу того салата
И, пожалуй, этого вина!»
А она все слушает сонату
Пианиста слушает жена...
(*Пауза.*)
Добился я того, что не звонят!
Почти что не звонят — по телефону...
Я занят, занят я, занят! —
Твержу долдону, звонарю, пижону.
Добился я, что больше не звонят.
Но телефон чудовищен молчащий!
К чему мне этот незвонящий ящик,
С округлым миром порванная нить...
Но чу... звонок... «Кого? Постой, постой!
Таких здесь нет, и не было.
Едва ли... вы не туда попали...
А какой вы телефонный номер набирали?
Увы, не тот. А вы проверьте в книге,
По адресу, ведь это так несложно!
Ну, в справочном... хотите, справлюсь мигом?
А вы мне позвоните. Если можно...»

Ведущий. Слушатели наших программ, вероятно, знают, что раз в месяц по субботам Арам Ильич Хачатурян выступает у нас с беседами о музыке, он знакомит молодежь с главами своей книги «Музыка и народ».

Прошлую беседу автор посвятил проблеме новаторства. Сегодня — беседа третья.

Итак, у нашего микрофона народный артист СССР, лауреат Ленинской премии композитор Арам Хачатурян[230].

Хачатурян. Помнится, в прошлый раз мы остановились на достижениях советской музыки. И вот сегодняшнюю беседу мне хотелось бы начать с такого вопроса: каковы требования, с которыми мы подходим к явлениям искусства? Конечно, однозначно ответить на это невозможно. И все-таки. Мне кажется, что основной силой, опреде-

лившей лучшие завоевания современной музыки, можно считать талант, помноженный на упорный труд, помноженный на дух высокой гражданственности.

И это не громкие слова. Меня радует, что молодое поколение художников развивает традиции, заложенные нашей музыкой, что нас, молодых и старых, прочно объединяет взгляд на идейное содержание искусства, отношение к национальной традиции, к слушателям.

Уже многие годы я веду классы композиции в Московской консерватории и в институте Гнесиных. И вот, наблюдая за развитием молодых композиторов, я с особенной радостью отмечаю проявление творческой самостоятельности. Правда, порой их опыты представляются мне чрезмерно нарушающими традиции, даже выходящие за пределы дозволенного в искусстве. Естественно, что мое композиторское нутро восстает против этих экспериментов. И все же не хочу мешать молодым и талантливым музыкантам искать новые приемы письма. Я только хочу, чтобы ученик умел обосновать и ответить мне, для чего он применяет тот или иной композиционный прием. Ощущает ли он внутреннюю потребность так говорить в музыке?

Для меня ясно, что если молодой человек живет интересами своей родины, серьезно и ответственно трудится, если он понимает высокие задачи современного искусства, то любые его эксперименты с музыкальным материалом в конечном итоге пойдут ему на пользу, помогут становлению его творческой индивидуальности. Сегодня он в чем-то ошибается — не страшно, завтра он поймет, в чем была его ошибка и уже не повторит ее. Мне такие творческие ошибки ищущего художника порой милее «безошибочной гладкописи» иных композиторов, твердо усвоивших все правила музыкальной грамматики и синтаксиса, но не умеющих творчески развивать мысль, вносить в свое искусство фермент художественного беспокойства и здорового риска.

Оригинальность творческого мышления. Что это? Мне представляется это свойство одним из важнейших элементов творческого характера композитора, которому невозможно обучить, но без которого трудно себе представить художника-новатора. Это понимают все, в том числе и начинающие композиторы. И, может быть, именно они чаще других обращаются к новым приемам письма не столько из органической потребности, сколько из стремления быть оригинальным, непохожим на других своих коллег.

Можно ли стать оригинальным по заказу? Мне думается, на этот вопрос можно ответить только отрицательно...

Так и в искусстве. Чтобы стать оригинальным в музыкальном творчестве, вовсе не обязательно обращаться к каким-то необычным сверхновым выразительным средствам (тем более, если они уже стали обиходными на Западе). Можно быть оригинальным, сочиняя в тональной манере и используя самые обычные оркестровые средства, и опираясь на фольклорный материал. И быть при этом «впереди» самых ультрамодерных композиторов, не умеющих связать двух тактов без какого-нибудь штукарского приема...

Меня никогда не пугали новации авангардистов. Я даже готов в своем творчестве, если этого потребует замысел, применить тот или иной прием, «придуманный» композиторами этого лагеря. Но внутренняя сущность их теорий, отрицающих все, что связано с традицией, отказывающихся ради погони за новизной от одной из основ музыкальной речи, от народных корней искусства, мне представляется опасной и вредной...

Теоретики — «авангарды» — обычно делят всех современных композиторов на две группы: строителей-изобретателей «нового музыкального языка» и так называемых «фольклорных композиторов», якобы застрявших в тисках узконародной художественной традиции. К первой группе с почтением причисляются всевозможные эпигоны «новой венской школы», а также сторонники новейших систем композиции на основе метода алеаторики, сонористики, конкретной и электронной музыки. А к «фольклористам» относят Бела Бартока, Золтана Кодая, Вилла Лобоса, Бенджамина Бриттена, Карла Орфа и, кстати, автора этих строк. Ну, что ж, я в неплохой компании, однако по свойству своего характера не могу безразлично пройти мимо этих теорий.

Для меня никогда не существовало дилеммы: писать музыку в том едином стиле, быть близким к народу, к его музыкальной речи или выдумывать какие-то новые формулы и приемы письма. Стиль композитора, как мне представляется, есть неотъемлемое свойство его творческой индивидуальности, его слышания мира, результат музыкальных впечатлений, впитанных с раннего детства, и пройденной школы жизни и искусства.

Мой жизненный опыт поддерживает меня в этой позиции.

И я бы хотел в следующей беседе специально остановиться на теме «Композитор и народ».

Ведущий. Ну что же, Арам Ильич, мы с интересом будем ждать ее в эфире. А сегодня благодарю вас от лица всех слушателей.

И сейчас хочу предложить музыкальный антракт. Будет исполнен фрагмент из нового сочинения Арама Ильича Хачатуряна «Рапсодии для фортепиано с оркестром». Солирует молодой пианист Николай Петров.

(*Музыка.*) (*Отбивка.*)

Ведущий. «Юность» продолжает свою субботнюю программу.

(*Музыка*)

«Его дар — сродни солнцу?» — передача памяти народного артиста Советского Союза Рубена Николаевича Симонова.

У нашего микрофона — артистка Цецилия Львовна Мансурова.

Мансурова[231]. Начну с того, что мне очень трудно говорить о Рубене Николаевиче. Я как-то о нем в прошедшем времени не могу еще говорить. Я помню его очень давно. И вот помню один очень обаятельный случай. Нас как-то Евгений Багратионович Вахтангов, совсем еще маленьких и глупых сравнительно, позвал в Шаляпинскую студию. И когда Рубен Николаевич играл самое драматическое место, взволнованно и чудесно — нам казалось: лучше невозможно — Евгений Багратионович наклонился ко мне и сказал: «Ах, какой из него чудесный комик получится».

Это на меня на всю жизнь произвело впечатление. Хотя Рубен Николаевич и драматические роли, и комедийные играл с одинаковым блеском.

Мне еще потому особенно трудно, что он — мой постоянный партнер. О нем как о партнере говоришь с наслаждением, потому что он был до такой степени одаренным человеком, завидно одаренным. Он был и музыкален, и легок, и ловок, и изящен. Это уж потом он пополнел, многие его не помнят таким. А я-то помню его совсем худым юношей. Он блестяще играл бессловесную почти роль тоже в одной из замечательных постановок Вахтангова. Он играл в «Чуде святого Антония» — лакея, по-моему. Он так блистательно двигался, что, когда мы начали «Турандот», Евгений Багратионович поручил ему заниматься с нами движением, потому что он совершенно безукоризненно был музыкальным, завидно.

Он был моим всегдашним партнером, любимым и просто любимым товарищем и любимым партнером. Это было... не знаю, какое слово подобрать... мы отвечали друг другу не только репликами, а на то, что я угадывала, что он хочет сказать. А он уже знал, что я захочу сказать. Это особенный метод общения, тончайший...

А какой он режиссер, очень многие знают. Очень много его постановок видели, я и не знаю, какую из них предпочесть: каждая из них является самостоятельным совершенно и очень его произведением искусства. Он так любил музыку, любил пение, он где мог — непременно вставлял, и мне казалось, что это очень хорошо, я думала, что и публике это нравилось.

(*Фрагмент из спектакля «Филумено Мартурано».*)

Мансурова. Я могла бы о нем очень много сказать. Но сейчас мне трудно говорить. В памяти сердца сохраняются вещи, которые являются твоим вкладом и которые тебе помогают жить, и помогают работать, и сейчас стараться быть не хуже, чем мы были при Рубене Николаевиче...

Ведущий. Продолжение «Юности» вы сможете послушать через 20 минут, после выпуска спортивных новостей. Итак, до скорой встречи.

(*Музыка*)

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 13. Д. 212. Микрофонный материал.

Минута молчания, посвященная памяти погибших в годы великой отечественной войны

Документально-публицистическая композиция[232]

9 мая 1970 г.
17.50–18.10

(*Позывные сигналы Всесоюзного радио.*)

Диктор[233]. Слушайте Москву! Сейчас работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение. Слушайте Москву! (*Звучат удары метронома.*) (*Исполняется Р. Шуман «Грезы».*)

Диктор[234]. Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, памяти вашей. Вспомните тех, кто не вернулся с войны, кто не дошел с нами до Дня Победы. Нет семьи, которая не потеряла бы отца или брата, сына, сестру, дочь. Нет дома, которого не коснулось бы военное горе. У каждого свой счет к войне.

У матерей — за сыновей, в чью гибель они никогда не поверят и до самых последних дней будут все ждать и ждать их.

У детей — за отцов, от которых в памяти остались только прощальный поцелуй да сильные руки, когда-то высоко поднявшие ребенка.

Проходят весны и зимы, проходит год за годом — а они все те же, какие ушли от нас. Они всегда с нами и в нас. Не может быть забвения для тех, кто до последней капли крови своей защищал нашу землю советскую; кто отстреливался до последнего патрона у пограничных столбов; кто жизнь свою отдал, защищая столицу — нашу Москву — и не допустил врага на улицы ее.

Никогда не забыть мужества ленинградцев, подвига защитников Сталинграда, Севастополя, Одессы, Минска, Харькова, Киева, Бреста — всех, кто грудью своей прикрывал каждую пядь земли родной.

Кровью советских солдат-освободителей полита земля многих стран Европы. Перед подвигом советского воина склоняет голову благодарное человечество.

Свято чтим мы память поляков, чехов, словаков, югославов, венгров, албанцев, болгар, румын.

Мы помним солдат Англии, Америки, Франции.

Мы чтим память бойцов Сопротивления, антифашистов, погибших в борьбе с гитлеровской Германией.

Почтим память павших народных мстителей — партизан и героев подпольщиков.

И подвигом солдатским останется в нашей памяти труд женщин, стариков, подростков. Они не щадили сил и жизни самой во имя Победы.

Минутой молчанья мы чтим всех погибших в Великой Отечественной войне. Они всегда с нами: в наших домах; цветущих садах и лесах новостроек; в светлых улыбках детей; в том счастье, что принесла на родную землю наша Победа.

История, как самое заветное, хранит пожелтевшие листки бумаги с торопливо написанными словами: «Ухожу в бой. Прошу считать меня коммунистом». Это и клятва, и завещание нам построить коммунизм.

Дети приняли эстафету отцов. Они высоко несут Красное знамя — ленинское знамя, обагренное кровью революционных поколений.

Склоним головы перед светлой памятью не вернувшихся с войны сыновей, отцов, мужей, братьев, сестер, товарищей, друзей.

Наступает минута молчания.

(*Звучит бой Кремлевских курантов.*)

Диктор. Минута молчания...

(*Звучит колокольный звон начального фрагмента марша «Вы жертвою пали».*)

Диктор. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

(*Фрагмент 2-го концерта С.В. Рахманинова.*)

РГАФД. № М-5110. Вр. зв. 19.15. Магнитная запись.

Я.М. Белицкий[235]

Архитектор и строитель здания социализма

Документально-публицистическая радиокомпозиция

22 мая 1970 г.
21.20–21.59

(*Музыка.*)

Чтец. Однажды к Владимиру Ильичу пришла группа рабочих с просьбой освободить их от назначения в один из наркоматов. Он ответил им:

— Я тоже никогда не управлял государством, но партия и народ поручили мне эту работу, и я должен оправдать доверие народа... Рекомендую и вам делать то же самое...

(*Музыка.*)

Диктор (*на фоне*). Архитектор и строитель социализма — радиокомпозиция.

Ведущий. Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет...

Эти стихи были опубликованы пролетарским поэтом Николаем Полетаевым в 1923 году. Несколько лет спустя Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях об Ильиче напишет: «Работая бок о бок с ним, мы слишком привыкли к окружающей обстановке и забывали, а часто и не понимали, что среди нас жил тот, кто судьбой отмечен для жизни в тысячелетиях...»

То, о чем я скажу сейчас, испытано, наверно, многими. Берешь в руки том ленинских произведений, и знакомые страницы вдруг дарят тебе неизъяснимое чувство новой встречи с Лениным...

11 марта 1918 года была написана ленинская статья «Главная задача наших дней». Дата под статьей поставлена не совсем точно: вернее было бы написать — в ночь с 10 на 11 марта. А теперь вспомним, что это была за ночь...

(*Музыка.*)

Чтец. «Ночь была черная, ледяной дождь барабанил по вагонным крышам. Справа, где неясно проступали очертания Ижорского завода, мутно различалось огненное сияние, — должно быть, выпускали сталь из мартена.

Владимир Ильич постучал ногтем в стекло:

— Вот это — символ, если вы уже хотите... несмотря на голод, на то, что немцы в Пскове — льют сталь...

Поезд, где находился Ленин, вышел в составе трех поездов. Но уже через час машинистом было обнаружено, что впереди идет не один поезд, а два. Какой-то неизвестный состав товарных вагонов с двумя паровозами вклинился где-то на стрелках между головным поездом, где ехали члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, и вторым — с Лениным...

Латыши распахнули на площадках дверцы, приготовили пулеметы. Был третий час ночи. Дождь перестал, за волочившимися над чахлым ельником туманными облаками начала показываться половинка луны. Впереди, в полуверсте, ясно различался красный огонь загадочного поезда, замедлявшего ход...

Ведущий. Это отрывок из повести Алексея Толстого «Хлеб». Здесь все описано с документальной точностью.

...Пулеметы, ощерившиеся в предрассветную мглу, состав с анархистами, загородивший путь, тревожно на душе у людей, столпившихся на площадке правительственного поезда...

И только в одном купе — тишина, и строки одна за одной ложатся на скудно освещенный ночником листок бумаги.

Ленин работает.

Совет народных комиссаров тайно переезжает из осажденного Петрограда в Москву. Переезжает всего лишь через четыре месяца после провозглашения новой власти. Трудно быть спокойным в эти горькие часы долгой и опасной дороги.

Серый, с прожилками опилок листок бумаги, чуть слышно поскрипывающее перо.

«У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция...»

За окнами вагона топот солдатских сапог, лязганье затворов, короткие команды командира красных латышских стрелков...

«...дала народному творчеству великая революция — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Какой непоколебимой верой в будущее, какой прозорливостью надо обладать, чтобы написать эти строки в ночь с 10 на 11 марта 1918 года?

Это — Ленин.

А вот еще один документ — совсем небольшой, в одну строчку, на бланке Председателя Совета Народных Комиссаров, помеченный 28 августа 1919 года. Что это за день был, 28 августа?

Газета «Правда». Телеграммы с фронтов.

Голос. В Судженском направлении нами оставлен Рыльск на реке Сейме.

Другой голос. Как стало известно, Колчаку американскими банкирами предоставлен заем в пять миллионов долларов.

Голос. В Ростове белыми расстрелян комиссар Кисловодска рабочий Араев.

Ведущий. Газета «Известия». Продовольственные дела.

Голос. 30 августа хлеб будет выдаваться по следующим купонам: первой и второй категории 3/4 фунта и 1/2 фунта.

Голос. С завтрашнего дня в Пресненском районе начнется продажа простого мыла для детей в размере 1/4 фунта на купон.

Голос. Продовольственный отдел Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов постановил приостановить выдачу спичек, соли, сахарного песка...

В груде неотложных дел могла показаться совсем незаметной просьба старого учителя чувашской школы Ивана Яковлева, которого притесняли местные чиновники. И, наверно, многим сегодня покажется, что можно было бы отложить это письмо на несколько дней в сторону. Или перепоручить его рассмотрение кому-нибудь другому.

Но в этот же день была послана срочная телеграмма.

«Симбирск. Губчека. Не выселяйте старика Ивана Яковлевича Яковлева и его жену из квартиры. Об исполнении сообщите. Предсовнаркома Ленин».

Мария Николаевна Скрыпник, работавшая в первые годы советской власти в аппарате Совнаркома, вспоминает.

Скрыпник. ...Это было время неудержимого паломничества к Ленину. Каждый день с утра до вечера я заставала десятки людей, которые приезжали с мест повидать Владимира Ильича. Они часами сидели в приемной Совнаркома, терпеливо ожидая приема. Несмотря на все уговоры, делегаты не хотели возвращаться на места, не повидав Ленина хотя бы издали. Некоторые после приема просили дать им на руки «бумагу» от имени секретаря. В этой «бумаге» они требовали написать, что такой-то действительно был принят Лениным. Чаще всего такие бумажки приходилось выдавать крестьянам-ходокам. Эти документы крестьяне-ходоки бережно, как святыню, клали за пазуху, обернув в чистую тряпочку.

Помню, однажды пришли крестьяне-ходоки из разных губерний.

Я привела их к Владимиру Ильичу. Он сам открыл дверь и, подавая руку ходокам, пригласил их к себе. Прошло минут пятнадцать. Я вошла в кабинет. Как обычно на приеме, Ильич уютно сидел в кресле в позе отдыхающего человека, опустив руки в карманы брюк.

Крестьяне, положив шапки на колени, не торопясь и солидно рассказывали Ильичу о том, что делается у них на селе. По-видимому, беседа была в разгаре. Прищурив один глаз, Ленин пытливо всматривался в лица крестьян...

Наконец ходоки вышли. Они положительно были опьянены беседой, общением с «главным большевиком». Так они при разговоре со мной назвали главу рабоче-крестьянской власти. Это были люди сдержанные, привыкшие не доверять городу, осторожно относившиеся ко вся и всему. Но и на них неотразимо подействовала сила ума и духовное обаяние Владимира Ильича. Эта сила выражала ясную и четкую пролетарскую линию и его твердое сознание и убеждение в необходимости дружбы рабочих и крестьян. Я видела, как подействовало на крестьян прикосновение к живому источнику мысли гениального человека. Ходоки окружили меня и твердили:

— Поедем на село — расскажем, что видели его. Все он растолковал нам, как есть, справедливо...

Ведущий. Сибирский крестьянин Осип Чернов, учитель Михаил Плотников, рабочий-путиловец Александр Фомин, ученый-энергетик Генрих Графтио, вождь болгарских коммунистов Георгий Димитров... долгими столбцами фамилий исписаны тетради дежурных секретарей Совнаркома.

Из дальних и ближних мест шли люди к Ильичу. Шли, чтобы посоветоваться, поделиться своими думами и заботами; шли, чтобы набраться новых сил для долгой и нелегкой борьбы...

«Неутомимый борец за победу социалистических идей — Ленин стал архитектором и строителем величественного здания социализма, — говорил товарищ Брежнев в докладе на торжественном заседании, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. — Культура и просвещение, наука и техника, судьба классов и судьба наций — все было в поле его зрения. За шесть с небольшим лет после победы Октября вождь нашей революции проделал исполинскую работу, содержание и результаты которой будут еще долго оказывать воздействие на ход мировой истории».

Все было в поле его зрения... В штабы фронтов, в исполкомы губерний, в прокуренные комнаты ЧК врывалась торопливая дробь морзянки:

— Вас вызывает товарищ Ленин.

(*Вводится морзянка.*)

Голос (*на фоне*). Суздаль Владимирский, Успенскому, возвратить хлеб, отобранный заградительным отрядом у голодающих рабочих. Сообщите подробности этого случая. Предсовнаркома Ленин.

Голос. Предложить саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Николая Гавриловича Чернышевского и квартира его сына... и принять меры к охране его и поддержанию в полной исправности. Владимир Ульянов-Ленин.

(*Морзянка уводится.*)

Голос крестьянина. Москва, Председателю Совнаркома. Доносим вам — крестьяне ярославской губернии Любимского уезда Черностанской волости деревни Будилова: у нас председатель волостного комбеда отнял хлеб зерном, у нас лишнего хлеба не было. Произвели ночью большой переполох, мы находимся под большим гнетом волостной власти, просим защиты вас, как главу крестьянского правительства.

(*Вводится морзянка.*)

Голос. Народному комиссару внутренних дел РСФСР Петровскому. Требую немедленного назначения строжайшего следствия и доклада мне о назначении его и об итоге. Ленин.

Голос рабочего. Главное правление каменноугольных копей Восточной Сибири с выборными представителями Рудкомов и профсоюза от лица шести тысяч углекопов Черемховского района, а также и технический персонал приветствуют вас как вождя российского пролетариата...

Мы уверены в том, что под вашим руководством и руководством Коммунистической партии через миллионы препятствий, через разруху, голод, болезни, в борьбе с обезумевшими от отчаяния предпринимателями, банкирами, помещиками и генералами пролетарии всего мира добьются своего полного и окончательного освобождения...

Да здравствует вождь революционного пролетариата Российской Коммунистической партии товарищ Ленин!..

(*Вводится морзянка.*)

Все было в поле его зрения... Вновь и вновь постигаешь это, когда читаешь ленинские документы первых лет советской власти. «Совнарком — его частица мозга» — писал Маяковский в поэме «Сто пятьдесят миллионов». Это сказано точно и емко.

Бричкина. Вопросов, которые рассматривались на заседаниях Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны, было неимоверное количество — буквально до тридцати, до сорока, иной раз даже больше, ибо время было очень тревожное, тяжелое, голодное.

Вопросы, которые особенно волновали тогда правительство, — это был прежде всего вопрос продовольственный, тяжелый в то время вопрос, вопрос налаживания железнодорожного транспорта, вопросы международного характера и вопросы военные, конечно. И надо сказать, что всеми этими вопросами занимался Владимир Ильич. Атмосфера, которая царила на заседаниях, была настолько деловая, напряженная, что во время заседаний соблюдалась абсолютная тишина.

Весь аппарат настолько был привязан к Владимиру Ильичу, настолько его любил, что каждый был преисполнен одного желания, одной мысли так работать, чтобы Владимир Ильич нас похвалил за то, что мы сделали необходимое для нашей страны дело.

Ведущий. Вы слушаете запись выступления секретаря Совнаркома Софьи Борисовны Бричкиной. Эта запись хранится в фондах Всесоюзного радио...

Ведущий. По воспоминаниям Анатолия Васильевича Луначарского, первый разговор первого дня заседания Совнаркома 27 октября 1917 г. был об образовании. Владимир Ильич высказал свое мнение «относительно первых шагов революции в просвещенском деле» — писал Луначарский.

Владимир Ильич говорил: «Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям... Что касается высшей школы, то... всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи».

Днем состоялось заседание Совнаркома, на котором были приняты законопроект «Положение о рабочем контроле», Декрет о печати и другие важные документы.

Шел час за часом, а напряжение первого рабочего дня Председателя Совета Народных Комиссаров не спадало. Уже поздней ночью Ленин приехал в штаб Петроградского военного округа.

На улице проливной дождь. «На Ленине — насквозь промокшее пальто, с кепки ручейками течет вода». Это — из воспоминаний Николая Ильича Подвойского.

В штабе пошел серьезный разговор о том, каким образом можно организовать оборону Петрограда военными кораблями, что сделано для формирования отрядов красных моряков.

— Помните, время не терпит. Дорога каждая минута, — сказал Владимир Ильич.

Да, каждая минута на счету. И Ленин глубокой ночью идет на телеграф штаба округа, чтобы связаться по прямому проводу с председателем Центробалта Николаем Федоровичем Измайловым...

Измайлов. Поздно ночью раздается телефонный звонок. «Измайлов, немедленно приезжайте на телеграф, вас срочно вызывает к прямому проводу Ленин».

Я быстро поехал на телеграф. Подойдя к аппарату, я прочитал на телеграфной ленте первый вопрос Владимира Ильича: «Сколько можете вы послать миноносцев и других вооруженных судов?» Отвечаю:

— Линейный корабль «Республику» и два миноносца.

— Через сколько часов? — спрашивает Ленин.

— Максимум через восемнадцать часов. Есть ли необходимость сейчас послать?

Ленин ответил быстро: «Да, правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно».

Потом Владимир Ильич дал подробное указание о том, где расставить боевые корабли на Неве и какие задачи перед ними ставятся. Поинтересовался, будут ли обеспечены экипажи продовольствием, боеприпасами, есть ли с ними радиосвязь. Под конец разговора, чтобы быть уверенным, я спросил:

— Вы ли говорили? Скажите имя.

Аппарат вновь заработал, и на ленте появилось всем нам дорогое слово: «Ленин»...

Ведущий. Каждый ленинский документ, каждая строка воспоминаний соратников его — это еще один штрих в недорисованном портрете Ильича, это еще одно свидетельство той гигантской созидательной работы, которую вел «архитектор и строитель величественного здания социализма»...

ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 935. Микрофонный материал.

Примечания

[1] Публикуется в сокращении.

[2] Золотник — русская дометрическая мера массы (веса), равная 4,266.

[3] Троцкий (Бронштейн)Л.Д. (1879–1940) — партийный, государственный и военный деятель. В 1917 г. нарком по иностранным делам РСФСР, в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам, одновременно председатель РВСР, нарком путей сообщения, председатель ЦК союза транспортных рабочих. Член ЦК партии, 1919–1926 гг. член Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1926 г. выведен из членов Политбюро ЦК, затем выведен из ЦК и исключен из партии. В январе 1928 г. в ссылке в Алма-Ате, в 1929 г. выслан за границу, в 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в 1940 г. в Мексике.

[4] Выступление записано в 1919 г. После начала экспериментального радиовещания (1922) неоднократно передавалось в эфир.

[5] Датировано по содержанию и номеру граморигинала.

[6] Матернал датируется по дате документа, удостоверяющего право их автора — Троянова, сотрудника РОСТА — в получении гонорара (ГА РФ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 4). Инициалы Троянова не установлены.

[7] Луначарский А.В. (1875–1933) — литератор, советский государственный деятель, член редколлегий газеты «Пролетарий» и журнала «Просвещение»; 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР, одновременно 1918–1920 гг. уполномоченный Реввоенсовета Республики по культурно-пропагандистской работе в войсках; 1924–1927 гг. редактор журнала «Красная Нива», член редколлегии «Учительской газеты»; 1929–1933 гг. председатель Ученого Комитета ЦИК СССР, одновременно директор Института литературы и языка Комакадемии и ответственный редактор «Литературной энциклопедии». В 1933 г. назначен послом СССР в Испании.

[8] А.В. Луначарский выступил с докладом 23 ноября 1924 г. (15.45–16.30) перед выходом первого номера «Радиогазеты (19.15–20.00) со станции им. Комиитериа. Публикуется в сокращении.

[9] Чичерин Г.В. (1872–1936) — советский государственный деятель, дипломат, с 1918 г. нарком ннострапиых дел СССР.

[10] Ярославский (Губельман) Е.М. (1878–1943) — советский партийный и государствеииый деятель. В 1921–1921 гг. секретарь ЦК РКП(б), член Коллегии Главполитпросвета и Госиздата, члеи комиссии по борьбе с бандитизмом. Председатель «Союза безбожников СССР». Член дирекции Иистутита Ленииа, 1931–1935 гг. председатель «Общества старых большевиков», член редакций журналов «Большевик», «Безбожник», «Историк-марксист», газеты «Правда»; 1934–1939 гг. члеи Комитета Партийиого Контроля при ЦК ВКП(б); член Главной редакции и ответственный редактор отдела истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма Государственного института «Советская эициклопедия», зав. кафедрой истории ВКП(б) в ВПШ при ЦК ВКП(б). Лауреат Сталинской премии.

[11] Валевский Н.Е. (1883–?) — в 1924–1927 гг. заведующий отделом исходящей информации, в 1927–1931 гг. — заместитель заведующего отделом внутреиней информации РОСТА.

[12] Галицкий Я.М. (1890–?) — литератор, с 1925 г. заведующий литературным отделом «Радиогазеты».

[13] Калинина А.Д. (1884–?) — заместитель заведующего отделом Наркомпроса РСФСР.

[14] Маяковский В.В.(1893–1930) — поэт, основоположник футуризма. В 1920-е гг. сотрудничал с РОСТА, вел активную общественную деятельность, участвовал в дискуссиях иа литературные темы. Первое выступление В.В. Маяковского по радио состоялось 2 мая 1925 г., в конце мая того же года несколько дией подряд «Радиогазета» передавала стихи и частушки, написанные специально по заказу редакции. Тогда же, специально для сотого номера «Радиогазеты», написано стихотворение «Радиоагитатор», впервые опубликованное в газете «Призыв» (г. Владимир). Во второй половине 1920-х гг. сотрудничество поэта и радио становится постояниым. В.В. Маяковский более 15 раз сам выступает с чтением стихов и пьес, с рассказами о зарубежных поездках, по заказу «Рабочей радиогазеты» и других редакций пишет стихи и стихотворные лозунги. 9 сентября 1928 г. в журнале «Радиослушатель» опубликовано стихотворение «Счастье искусств». 7 декабря 1920 г. в Ленинграде в Институте живого слова и 9 января 1926 г. в Институте истории искусств были проведеиы записи голоса В.В. Маяковского на фонограф. Последний раз В. В. Маяковский выступал у микрофона Всесоюзного радио 20 марта 1930 г. с чтеиием антирелигиозных стихов иа пленуме Центрального совета Союза воинствующих безбожииков.

[15] Рейсиер Л.М. (1895–1926) — писательница, публицист. В годы Граждаиской войны боец, политработник Красной Армии. Автор сборников очерков «Фроит», «Уголь, железо и живые люди» и др. Серия очерков об Афганистане иаписана после пребывания там с мужем Ф.Ф. Раскольниковым, находившимся иа дипломатической работе.

[16] Горький А.М. (1868–1936) — писатель. В течение ряда лет, с 1921 по 1923 г., затем — в 1929–1930, 1932 и 1933 гг. писатель жил за границей, главным образом

в Италии. В 1933 г. окончательно вернулся в СССР. Осенью 1925 г. Советское правительство послало с демонстрационной целью в Италию и Турцию два новейших миноносца — «Петровский» и «Незаможник». 30 сентября пять советских моряков посетили в Сорренто А.М. Горького, который находился там на лечении.

[17] Дзержинский Ф.Э. (1877–1926). В этот период — председатель ГПУ и ОГПУ и нарком внутренних дел. Одновременно занимал пост наркома путей сообщения, а с 1924 г. — председателя ВСНХ СССР, председателя комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. Член ВЦИК и ЦИК СССР, с 1924 г. кандидат в члены Политбюро ЦК.

[18] В этот день впервые была передана трансляция парада и демонстрации с Красной площади; речи М.И. Калинина, Клары Цеткин и др. Радиогазета вышла в эфир в 14 часов, сразу после окончания трансляции.

[19] Смоленский Г.Б. (1890–?) — заведующий отделом центральной входящей информации РОСТА.

[20] Так в документе. Должно быть: Всероссийской.

[21] Ииициалы и биографические данные установить не удалось.

[22] Ипполитов-Иванов М.М. (1859–1935) — композитор и дирижер, народный артист республики, профессор, ректор Московской консерватории.

[23] Мейерхольд В.Э. (1874–1940) — режиссер и актер, народиый артист республики, работал в Московском Художественном театре, в Петербурге и других городах России, прннимал активное участие в строительстве нового советского театра, автор организационно-эстетической программы «Театральный Октябрь», с 1920 по 1938 г. руководил Государственным театром им. Вс. Мейерхольда. В 1930-е гг. работал на радио, осуществлял радиоадаптации своих театральных спектаклей — «Дама с камелиями» (1934) и др., постаиовку пушкинских пьес «Каменный гость» (1936) и «Русалка» (1937). Творческие поиски Мейерхольда оказали огромиое влияиие иа развитие советской и мировой художественной культуры, в том числе и на радиоискусство. По ложному обвннению осужден и расстрелян в 1940 г., реабилитирован в 1955 г.

[24] Публикуется в сокращении.

[25] Орджоникидзе Г.К. (1883–1937) — партийный и государственный деятель. С 1926 г. председатель ЦКК ВКП(б), зам. председателя СНК и СТО СССР и нарком РКИ. С 1930 г. председатель ВСНХ. С 1932 г. нарком тяжелого машиностроения.

[26] Тарковский А.А. (1907–1989) — поэт, переводчик, в 1931–1932 гг. один из руководителей художественного радиовещания, референт председателя Радиокомитета.

[27] Публикуется в сокращении.

[28] Фрагмент фонодокумента.

[29] Калинин М.И. (1875 –1946) — советский государственный и партийный деятель. С 1919 г. председатель ВЦИК, с 1922 г. председатель ЦИК СССР, с 1938 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК партии с 1919 г., член Политбюро ЦК с 1926 г.

[30] Публикуется в сокращении.

[31] Музыка В. Крюкова. Режиссер и автор композиции В.Д. Марков.

[32] Публикуется режиссерская разработка радиофильма, хранящаяся в личном фонде В.Маркова. На первом листе имеется его помета «На радио шло, и было записано на пленку. О кино лишь мечты».

[33] Серафимович (Попов) А.С. (1863–1949) — советский писатель, лауреат Сталинской премии (1943), трижды орденоносец.

[34] Ботвинник М.М. (1911–1995) — шахматист, гроссмейстер СССР (1935) и международный гроссмейстер (1950), неоднократный чемпион мира.

[35] Бухарин Н.И. (1888–1938) — с декабря 1917 г. редактор «Правды», с декабря 1934 г. редактор «Известий». Член ЦК партии в 1917–1934 гг. (кандидат в члены

ЦК — 1934–1937), член Политбюро ЦК (1924–1929), член ВЦИК и ЦИК СССР. Член Исполкома Коминтерна. Автор научных работ в области теории марксизма-ленинизма. Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1938 г. Впоследствии реабилитирован.

[36] Доклад транслировался по радио, публикуется фрагмент из доклада.

[37] Международные контакты с писателями использовались в пропагандистских целях; для них организовывались ознакомительные поездки по специально разработаным маршрутам и объектам. Так, после пребывания Б. Шоу в СССР в 1931 г. он выступил по радио перед американцами с речью, в которой «призывал разорвать американскую конституцию и провозгласить советскую власть» и об «огромном впечатлении от этой речи у американцев на фоне развивающегося экономического кризиса» (из письма Аросева — И.В. Сталину, направленного из полпредства СССР в Праге 21 ноября 1931 г.). Позднее текст этой речи был опубликован в «Правде» по указанию И. Сталина. См. резолюцию Мехлиса на переводе записи этой речи по радио (перевод с английского из газеты «Форвард» от 30.04.1932 — органа английской независимой партии): «Перевод варварский. Надо обязательно опубликовать. И. Сталин». В правом верхнем углу помета неизвестного: «В[есьма] срочно». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 695. Л. 91–92; Д. 202. Л. 71–84.)

[38] Ханс Хорст Вессель (1907–1930) — один из идеологов германского национал-социализма. Автор гимна национал-социалистов. Убит в 1930 г.

[39] Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. (1895–1934) — поэт, входил в группу «Перевал» вместе с М.А. Светловым, М.М. Пришвиным, А. Веселым и другими.

[40] Пастернак Б.Л. (1890–1960) — писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии (1958) за роман «Доктор Живаго», от которой он был вынужден отказаться. Исключен из ССП в 1959 г.

[41] Сельвинский И.Л. (1899–1968) — поэт, драматург.

[42] Тихонов Н.С. (1896–1979) — писатель, поэт, общественный деятель. Трижды лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда. В 1949–1979 гг. председатель Советского Комитета защиты мира, секретарь СП СССР.

[43] Третьяков С.М. (1892–1939) — писатель, один из теоретиков ЛЕФа. Активно сотрудничал на радио в конце 1920-х и в 1930-х гг.

[44] Циолковский К.Э. (1857–1935) — ученый и изобретатель, основоположник космонавтики.

[45] Ромен Роллан (1866–1944) — французский писатель, музыковед, общественный деятель.

[46] Публикуется перевод выступления Р. Роллана, записанного на пленку, в связи с премьерой радиокомпозиции «Кола Брюньон» (автор композиции Н.В. Немченко, режиссер С.П. Алексеев, исполнитель О.Н. Абдулов, музыка В. Кочетова). Премьера в эфире 6 апреля 1935 г.

[47] Датируется по времени пребывания Р. Роллана в Советском Союзе.

[48] Стаханов А.Г. (1905/06–1977) — зачинатель массового движения новаторов производства, Герой Социалистического Труда.

[49] Злобин С.П. (1903–1965) — писатель, автор популярных исторических романов.

[50] Публикуется в сокращении.

[51] Беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — США на самолете АНТ-25 осуществил экипаж в составе Героев Советского Союза М.М. Громова, А.Б. Юмашева, С.А. Данилина.

[52] Публикуется в сокращении.

[53] В.В. Вишневский был постоянным автором радиопередач и бесед, посвященных И. Сталину. В его архиве сохранились отклики радиослушателей, в том числе и на передачу «Сталин и флот» 7 июля 1940 г. Радиослушатель, помощник командира отдельного батальона тов. Братов (Харьков), член ВКП(б): «Большое

вам спасибо за очерк "Сталин и флот", прочитанный по радио Вс. Вишневским. Я не моряк, но почему слезы застилают глаза и комок подкатывается к глотке. Наверное, потому, что в этом выступлении чувствуется матрос и большевик, участник борьбы за власть Советов. Ожили в памяти картины прошлого и Флота, и Красной Армии — сынов русского народа, народа-богатыря, чьей волей и силой на развалинах России создан СССР. Спасибо сказочному, былинному богатырю Владимиру Ильичу Ленину, спасибо Иосифу Виссарионовичу Сталину, кто сумели поднять массы трудящихся на высокий подвиг, равного которому не знала история человечества... Невольно вспомнилась "Цусима". И с ненавистью ждешь, когда же флот японских гадов найдет свою Цусиму, и твердо веришь, что он найдет ее...

Пусть бы и другие писатели почаще выступали по радио с такими волнующими очерками, которые и зовут, и бодрят, и крепят ненависть к заклятым врагам трудящихся. Еще раз горячее товарищеское спасибо».

Радиослушатель Авдеев И.М. (Челябинск): «Нельзя без волнения было слушать выступление писателя-орденоносца т. Вишневского о большевистском флоте и товарище Сталине. Надо только пожелать Всесоюзному Радиокомитету, чтобы побольше было таких выступлений. Почему-то у нас говорят по радио больше всего бесстрастно, сухо или с фальшивым актерским пафосом, но совсем нет почти у микрофона пламенных ораторов. Выступление писателя Вишневского оставило среди всех нас, слушавших эту передачу, неизгладимое впечатление...»

Радиослушатель Вл. Попов (Орел): «Я уже инвалид, но в семнадцатом г. был организатором советской власти, теперь мой сын командир артполка на границе Японии, но я готов в любую минуту бить врага. Ничего, что старик, пусть только скажет Иосиф Виссарионович, мы с сыном будем бить самураев и всякую сволочь, посягающую на нашу счастливую родину. Спасибо вам за передачу по радио о Сталине и флоте, будьте сталинцами до конца своей жизни» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1181. Л. 15–16).

[54] Кольцов (Фридлянд) М.Е. (1898–[1940]) — писатель, публицист, член-корреспондент АН СССР. Автор проблемных очерков и фельетонов в «Правде», книги «Испанский дневник». Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1940 г. Впоследствии реабилитирован.

[55] Датируется по дате выступления М.Е. Кольцова на процессе так называемого «правотроцкистского блока» (1938), который частично транслировался по радио.

[56] Толстой А.Н. (1882/83–1945) — писатель, общественный деятель, академик АН СССР. Трилогия «Хождение по мукам», исторический роман «Петр I». Трижды лауреат Сталинской премии.

[57] Канцель В.С. (р.1896) — режиссер, художественный чтец, заслуженный деятель искусств РСФСР.

[58] Спирин И.Т. (1898–1961) — летчик, штурман, член экспедиции И.Д. Папанина.

[59] Репортаж о встрече летчиков Героев Советского Союза В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко на пограничной станции Негорелое после беспосадочного перелета через Атлантический океан в Америку. 28–29 апреля 1939 года на самолете ЦКБ-30 «Москва» В.К. Коккинаки со штурманом М.Х. Гордиенко совершил беспосадочный перелет Москва — Новгород — Хельсинки — Тронхейм — остров Исландия — мыс Фарвель (южная оконечность Гренландии) — США (остров Мискоу) протяженностью 6516 км по прямой. С 1959 года этот маршрут используется для регулярных беспосадочных перелетов из Москвы в Нью-Йорк и обратно. 14.01.1965 решением Международной Авиатранспортной ассоциации (IKKA) В.К. Коккинаки награжден бриллиантовым ожерельем «Цепь пионера розы ветров» как первопроходец кратчайшего авиапути между Европой и Америкой.

[60] Коккинаки В.К. (1904–1985) — летчик-испытатель, Герой Советского Союза (1938).

[61] Лапин Б.М. (1905–1941) — советский прозаик, поэт и публицист, автор (совместно с З. Хацревиным) серии книг и документальных новелл, неоднократно передававшихся по радио в 1930-е гг. С первых дней войны находился на фронте в качестве военного корреспондента «Красной звезды», его корреспонденции с фронта неоднократно передавались по радио. Погиб в 1941 г. в окружении.

Хацревин З.Л. (1903–1941) — советский писатель, переводчик, востоковед. Ряд произведений документального характера написан совместно с Б. Лапиным. С первых дней войны находился на фронте в качестве военного корреспондента «Красной звезды», его корреспонденцин с фронта неоднократно передавались по радно. Погиб в 1941 г. в окружении.

[62] Публикуется в сокращении.

[63] Однолетнее травянистое растение.

[64] Попов Я.Ф.— заместитель главного инженера строительства Дворца Советов.

[65] Дворец Советов проектировался в 1931–1933 и 1957–1959 гг. на месте взорванного храма Христа Спаснтеля. В 1939 г. началось строительство (проект архитекторов Б.М. Иофана, В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха), прерванное войной. Проект остался нереализованным.

[66] Публикуется в сокращении.

[67] Киров (Костриков) С.М. (1886–1934) — советский партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП(б) с 1923 г., член Политбюро ЦК с 1930 г., член Оргбюро и секретарь ЦК с 1934 г. В 1920 г. полпред РСФСР в Грузии, член Кавбюро ЦК РКП(б). В 1921–1926 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Убит 1 декабря 1934 г. в Ленинграде в Смольном в результате покушення.

[68] Корчагина-Александровская Е.П. (1874–1950) — народная артистка СССР, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР (1943).

[69] Публикуется в сокращении.

[70] Молотов В.М. (Скрябин В.М.) (1890–1986) — государственный и партийный деятель. В 1930–1941 гг. председатель СНК СССР, одновременно (с 1939 г.) нарком иностранных дел. Член Политбюро (Президиума) ЦК партни, член ВЦИК, ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из членов КПСС. В 1984 г. восстановлен членом партии с 1906 г.

[71] Сталин (Джугашвили) И.В. (1879–1953) — политический, государственный и военный деятель. В 1917–1919 гг. член Политбюро ЦК, в 1919–1952 гг. член Оргбюро ЦК. В 1922–1934 гг. Генеральный секретарь ЦК партии, с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), с 1941 г. председатель СНК (с 1946 г. СМ) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. председатель ГКО и Верховный главнокомандующий, нарком (министр) обороны СССР. В 1946–1947 гг. нарком (с 1946 г. министр) Вооруженных Сил СССР. Герой Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1939), Маршал Советского Союза (1943), Генералнссимус Советского Союза (1945).

[72] Гайдар А.П. (Голиков А.П.) (1904–1941) — русскнй советский писатель. Погиб на фронте под Каневом.

[73] Датируется по дате выхода в эфир. Запнсь на пленку произведена 23 августа 1941 г.

[74] Подготовка партитуры радиорепортажа осуществлялась сотруднпками редакции «Последние известия» Н.М. Потаповым, М.Ф. Платовым, В.С. Синявским, А.Т. Фетисовым, заместителем председателя ВРК прн СНК СССР В. Гончаровым (Радно в дни войны. 2-е изд. М., 1982. С. 14). Публикуется текст «расшифровки» звукозапнси репортажа.

[75] Текст выступления И.В. Сталина в микрофонной папке отсутствует, его звукозапись сохранилась в РГАФД. Публикуется по тексту «Правды» (1941. 8 ноября).

[76] Кармен Р. Л. (1906–1980) — советский режиссер и оператор документального кино, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР (1942, 1947, 1952, 1975) и Ленинской премии (1960).

[77] Эренбург И.Г. (1891–1967) — русский советский писатель, поэт, публицист, неоднократно выступал по радио с публицистическими речами, чтением мемуаров и стихов, общественный деятель, вице-президент Всемирного Совета Мира, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственных премий СССР (1942, 1948), Международной Леиинской премии (1952).

[78] Один из материалов И. Эренбурга, прочитанный им самим у микрофона.

[79] И.Г. Эренбург заканчивает выступление своими новыми стихами.

[80] Кассиль Л.А. (1905–1970) — русский советский писатель, член-корреспондент АПН СССР, много работал на радио как драматург и публицист. В 1930-е гг. один из ведущих репортеров и комментаторов Всесоюзного радио, неоднократно принимал участие в праздничных репортажах с Красной площади.

[81] В выпусках спецпередач для партизан и населения, находящегося на временно оккупированной территории, передавались также очерки и корреспонденции писателей-фронтовиков, раз в неделю — письма родным и близким с Большой земли. Данный выпуск также содержит корреспонденцию И.Г. Эренбурга «По дорогам войны», которая здесь не публикуется.

[82] Биографические данные установить не удалось.

[83] Публикуется в сокращении.

[84] В митинге приняли участие академик К.С. Алабян, композитор Д.Д. Шостакович, академик В.А. Веснин, народная артистка СССР В.В. Барсова, заслуженный деятель искусств А.М. Герасимов, председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, народный артист СССР И.М. Москвин, народная артистка СССР А.А. Яблочкнна, писатель Н. Бажан, народный артист РСФСР Н.К. Черкасов, народная артистка СССР Л.П. Александровская, поэт Самед Вургуи, заслуженый деятель искусств УССР А.П. Довженко, заслуженный деятель искусств В.И. Мухина, драматург А.Е. Корнейчук, заслуженный деятель искусств И.А. Пырьев, народный артист РСФСР И.Я. Судаков.

[85] Шостакович Д.Д. (1906–1975) — композитор, пнанист, дирижер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. С 1937 преподавал в Московской консерваторни, с 1957 г. секретарь СК СССР, в 1960–1968 первый секретарь СК РСФСР, член Советского комитета защиты мира, депутат ВС СССР с 1962 г., шестикратный лауреат Государственной премии. История с запретом оперы Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» вошла в мифологию XX века как одии из ярчайших примеров абсурдной и трагической истории судьбы композитора в условиях диктатуры власти и диктатуры единомыслия. Статья в «Правде» 28 января 1936 г. «Сумбур вместо музыки» явилась кульминацией борьбы с формализмом в 1930-е гг. Арест Малевича, арест и гибель Клуциса, статьи в «Правде» «О художниках-пачкунах» (В. Лебедев, А. Лентулов, А. Фонвизин, В.А. Фаворский, Д. Штеренберг). Им вменялась в вину «иепонятность» и отсюда пренебрежение к «широкой аудитории». Последняя прижизнеииая статья Горького в «Правде» «О формализме» 9 апреля 1936 г., в которой он пытался хотя бы напомнить о старых гуманистических традицнях искусства, вместо которых пришли «простейшие формы укрощения строптивых: строптивым рубят голову топором. Это, коиечно, не лучшая форма лишения человека способности честио мыслить...»

[86] Черкасов Н.К. (1903–1966) — советский актер, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР (1941, 1946, 1950 гг., 1951 г. — дважды) и Ленинской премии (1964).

[87] В тексте имеются варианты заголовков выступления. 1. Любовь и ненависть, 2. Прнвет друзьям, 3. Друзьям свободы.

[88] Кирсаиов С.И. (1906–1972) — русский советский поэт, публицист, лауреат Государственной премии СССР (1951).

[89] Рассказы о бывалом солдате Фоме Смыслове пользовались большой популярностью и включались в выпуски «Красноармейского радиочаса» — передачи для воинов действующей армии.

[90] Шкловский В.Б. (1893–1984) — русский советский писатель, литературовед, лауреат Государственной премии СССР (1979).

[91] Публикуется в сокращении.

[92] Биографические данные установить не удалось.

[93] Маграчев Л.М. (1914–1989) — корреспондент Ленинградского радио.

[94] Публикуется в сокращении.

[95] Датируется по дате эфира.

[96] Инбер В.М. (1890–1972) — русская советская поэтесса, в 1930-е годы и в годы Великой Отечественной войны часто выступала у микрофона, лауреат Государственной премии (1946).

[97] Публикуется первый выпуск (в сокращении).

[98] Чехова М.П. (1863–1957) — сестра А.П. Чехова.

[99] Глебов А.Г. (1869–1968) — драматург и театровед, писатель.

[100] Шебалин В.Я. (1902–1963) — композитор, директор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского в 1942–1948 гг., одновременно член ВАК Миннстерства высшего образования (до 1948 г.), лауреат Государственной премии (1943, 1947). Подвергался неоднократной критике в постановлениях ЦК, особенно в 1948 г. «за формалистические извращения в музыке».

[101] Габрилович Е.И. (р. 1899) — кинодраматург, Герой Социалнстического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1943, 1967).

[102] Тарасова А.К. (1898–1973) — народная артистка СССР, Герой Соцналистического Труда. С 1924 г. в труппе МХАТа, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946 — дважды, 1947, 1949).

[103] Гармаш Д.М. (р. 1919) — трактористка, иницнатор соревнования женских тракторных бригад в годы войны, Герой Социалистнческого Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР (1946).

[104] Публикуется в сокращении.

[105] Мануйлов П.И. (1900–1990) — радиожурналист, с 1940 г. корреспондент «Последних известий». В годы войны военный корреспондент Всесоюзного радио; Фрам Л. — военный корреспондент Всесоюзного радио в годы войны.

[106] Датируется по времени завершения Берлинской операции.

[107] Голос ведущего не установлен.

[108] Паустовский К. Г. (1892–1968) — писатель.

[109] Публикуются фрагменты партитуры радиорепортажа о параде на Красной площади. Среди авторов и чтецов Л. Кассиль, В. Лебедев-Кумач, Вс. Вишневскнй, А. Сурков, Б. Горбатов, Б. Полевой, В. Ардаматский и другие. Вели радиорепортаж Ю.Б. Левитан и О.С. Высотская.

Лебедев-Кумач В.И. (Лебедев Вас. И.) (1898–1949) — поэт, лауреат Государственной премии СССР (1941), выступал у микрофона с сатирическими и публицистическими стихами, с рассказами об истории создания своих песен — «Марш веселых ребят», «Широка страна моя родная», «Священная война» и др., писал стихи по заказу различных редакций к праздничным датам и специально для репортажей с Красной площади в праздничные дни.

Горбатов Б.Л. (1908–1954) — прозаик и публицист, лауреат Государственных премий СССР (1946, 1952), неоднократно выступал у микрофона с чтением своих произведений — «Обыкновенная Арктика», «Донбасс» и др. В 1930-е и 1940-е годы участвовал в подготовке и проведении праздничных репортажей с Красной площадн.

Полевой Б.Я. (Кампов Б.Н.) (1908–1981) — писатель и публицист. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий (1947, 1949), постоянно выступал у микрофона с чтением фрагментов из своих произведений — «Повесть о настоящем человеке», рассказы из цикла «Мы — советские люди», путевые заметки «Американские дневники» и «По белу свету», публицистические статьи «Нюрнбергские дневники» и др., участвовал в литературных программах как редактор журнала «Юность», часто вел репортажи с Красной площади.

Вишневский В.В. (1909–1951) — писатель, драматург, киносценарист, активно участвовал в работе Всесоюзного и Ленинградского радио, регулярно вел праздничные репортажи с Красной площади. В дни блокады Ленинграда 1941–1943 гг. неоднократно выступал у микрофона с публицистическими речами.

Сурков А.А. (1899–1983) — поэт и общественный деятель. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР (1946, 1951). В 1930-е гг. активно сотрудничал с различнымн редакциями радио. В 1940–1960-е годы участвовал в проведении трансляций и репортажей с Красной площади в праздничные дни;

Ардаматский В.И. (1911–1989) — писатель, публицист. В 1960-е и первые послевоенные годы работал ответственным секретарем «Последних известий», один из ведущих репортеров радио. В годы войны военный корреспондент Всесоюзного радио.

Высоцкая О.С. (1906–2000) — диктор Всесоюзного радио, народная артистка СССР.

[110] Кригер В.В. (1896–1978) — балерина, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР (1946). В 1910–1948 гг. солистка труппы Большого театра, в 1929–1939 гг. руководитель труппы Московского художественного балета.

[111] Передана в эфир на Англию — США 7 ноября 1945 г..

[112] В состав редколлегии радиожурнала входили В.М. Инбер, К.Г. Паустовский, В.А. Каверин, С.В. Михалков и другие. Публикуется фрагмент радиопередачи.

[113] Тарковский А.А. (1907–1989) — поэт, переводчик. Лауреат Государственной премии СССР (1989, посмертно). Атмосфера непонимания и практически полное отсутствие возможностей публиковать свои произведения (первый сборник стихов вышел в 1962 г.) наделяют каждое упоминание об участии поэта в общественной жизни илн обнародовании своих стихов в этот период особым смыслом и значением. Так, первая радиопередача, посвященная творчеству А.А. Тарковского, в цикле радиоальманаха «Поэзия» прозвучала 11 ноября 1966 г. (автор О. Грудцова, редактор В. Левитанская).

[114] Винокур Г.О. (1896–1947) — языковед, литературовед, профессор МГУ с 1942 г.; исследователь истории русского литературного языка, текстологии, культуры устной речи, творчества А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, В.В. Маяковского.

[115] Каверин В.А. (1902–1989) — писатель, лауреат Государственной премии (1946), автор остросюжетно-психологических произведений мемуарной прозы.

[116] Лихачев Д.С. (1906–1999) — литературовед и общественный деятель, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда. Исследователь культуры Древней Руси, текстолог. Лауреат Государственной премии СССР (1952, 1969).

[117] Беседа Д.С. Лихачева приурочивалась к выходу в печать его книги с одноименным названием с подзаголовком «Очерки из области русской литературы XI–XVII веков».

[118] Галин (Рогалин) Б.А. (1904–1983) — писатель, публицист.

[119] Очерк у микрофона читал О.Н. Абдулов.

[120] Чувнков В.А. — член коллегии Министерства земледелия СССР.

[121] Биографические сведения не установлены.

[122] Корреспонденцию у микрофона читал М.М. Штраух.

[123] Качалов (Шверубович) В.И. (1875–1948) — актер, народный артист СССР, Лауреат Государственной премии СССР (1943). С 1900 г. во МХАТе. Со второй

половины 1930-х годов часто принимал участие в радиопередачах «Театр у микрофона» и выступал с литературными чтениями произведений А.С. Пушкина, А.П. Чехова, М. Горького, А.С. Грибоедова, У. Шекспира и др.

[124] Крепс В.М. (р. 1903) — киносценарист, лауреат Государственной премии СССР (1950). Автор сценариев художественных, научно-популярных и документальных фильмов.

Минц К.Б. (р. 1908) — киносценарист, режиссер главным образом комедийных фильмов, кинокрнтик.

[125] Публикуется фрагмент 18-й встречи детского географнческого радиожурнала. (Режиссер Н. Герман, компознтор А. Александров, текст песен С. Богомазова, научный консультант В.А. Обручев, исполнители — Нороков, О.Н. Абдулов, Р.Я. Плятт, Хованский, Шихматов, Фавейский, Ю.С. Лавров, И. Потоцкая, В. Захаров, М.М. Названов, редактор М. Гумилевская.) Первый выпуск «Клуба знаменитых капитанов» прозвучал в эфире 31 декабря 1946 г. (17.00–18.00) — «Радиопрограммы». 1947. № 19. С. 4. С тех пор Капитан Немо, Гулливер, Робинзон Крузо, Дик Сэнд, Барон Мюнхаузен и другие герон любимых детских книг рассказывали школьннкам о великих путешественниках и географических открытиях. Специальная передача «Почтовый дилижанс» посвящена ответам на многочнсленные письма ребят. К сожалению, первые выпуски радиожурнала в архиве не сохранилнсь.

[126] Указан автор радиокомпозиции — Дембо, без иннциалов и иных сведений.

[127] Публикуется в сокращении.

[128] Фиш Г.С. (1903–1971) — пнсатель, публицист. Автор сборников стихов, путевых очерков.

[129] Лысенко Т.Д. (1898–1976) — биолог и агроном, академик АН СССР и АН УССР, президент ВАСХНИЛ (1938–1956, 1960–1962), Герой Социалнстического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1941, 1943, 1949). Выдвинутая Лысенко антинаучная концепция наследственности, изменчивости и видообразования административно внедрялась в 1930-х — начале 1960-х годов. Монополизм Лысенко сопровождался уничтожением других научных школ, шельмованием ученых, их физической гибелью. Нанес большой ущерб советской генетнке и биологии в целом.

[130] Калатозов М.К. (1903–1973) — кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР (1951).

[131] Публикуется третья передача этого цикла.

[132] Ласкин Б.С. (р.1930) — писатель.

[133] Режиссер радиоспектакля — О.Н. Абдулов; композитор И.О. Дунаевский; оркестр под управлением С.Н. Кнушевицкого. В спектакле принималн участие артисты Н.С. Плотников, Лаврова, Карташева, Коршунов, И.А. Любезнов, Рина Зеленая и другие.

[134] Протекая в одном направлении, русла двух могучих рек — Волги и Дона — лишь в одном месте сближаются на 90 километров, а их небольшие притоки — Камышинка, Грязновка и Иловля — сходятся и того ближе. Поэтому ндея прорыть канал между Волгой и Доном зародилась давно. Еще во второй половине XVI века это попытался сделать турецкий султан Селим. По этому каналу он намеревался перебросить войска и артнллерию для нанесения удара России на Нижней Волге. Трудности с обеспечением продовольствием, болезни, угроза наступления русских войск вынудили его отказаться от этой затеи. Важность соединения Волги с Доном прекрасно поннмал Петр I. Дважды, в 1697 и 1704 годах, по его приказу начинались работы по прорытию канала между Иловлей и Камышинкой по пути древнего волока, соединявшего Дон с Волгой. По указанию Петра I, в Амстердаме был даже выпущен специальный атлас для капитанов судов, плавающих по Дону, Волге и Азовскому морю, где был нанесен подробный проект Волго-Донского канала. Однако война со шведами, временный отход Азова к туркам не далн возможности довести работы до конца. Канал был заброшен

и лишь несколько полузасыпанных впадин напоминают о предпринятых усилиях. Волгу с Доном удалось соединить только в советское время. Канал был сооружен в чрезвычайно сжатые сроки: начатое в 1948 году строительство было завершено в июле 1952 года. На этом строительстве было произведено 150 кубометров земляных и 3 миллиона кубометров бетонных работ. По официальным сообщениям, строительство канала за необычайно короткое время было осуществлено потому, что якобы 98 процентов земляных работ и все бетонные были механизированы. На самом деле такие сроки были возможны только благодаря даровому труду десятков тысяч заключенных ГУЛАГа. Система принудительно-лагерного труда была создана и отработана в 1920-х (Соловки) — 1930-х годах при строительстве Беломорско-Балтийского канала, канала им. Москвы и других «удачных» строек социализма.

Канал имеет большое народнохозяйственное значение. Через Беломорско-Балтийский канал и Мариинскую систему он связывает Белое и Балтийское моря с Каспийским, Азовским и Черным морями. Помимо решения транспортной проблемы, сооружение канала преследовало также цель обводнения, посредством создания оросительных систем, степей в этом хозяйстве, чтобы сделать их пригодными для сельскохозяйственного производства. Однако к концу 1980-х годов оросительная система Волго—Дона пришла в негодность, упали качественные показатели плодородных земель и как следствие — низкая урожайность сельскохозяйственных культур (картофель меньше 1/3, зерновые всего 18%, овощные только 14% от планируемых урожаев).

[135] Макарова Т.Ф. (1907–1997) — актриса кино, педагог, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда.

[136] Хохлов Н.Е. (1892–1966) — актер театра Советской Армии, заслуженный артист РСФСР.

[137] Анненков [Кокин] [Н.А.] (1899–1999) — актер, народный артист СССР, в Малом театре с 1924 г., профессор училища им. Щепкина.

[138] Симонов Р.Н. (1899–1968) — видный деятель театрального искусства, актер и режиссер, народный артист СССР, трижды удостаивался Государственной премии СССР, а в 1967 г. — Ленинской премии. Творческая жизнь Рубена Николаевича, одного из самых талантливых учеников и последователей Е.Б. Вахтангова, была связана с театром, носящим его имя, где он работал с 1924 г. режиссером, а с 1939 г. — главным режиссером.

[139] Лацис В.Т. (1901–1966) — писатель, государственный деятель, после восстановления советской власти в Латвии написал эпопею «Буря». Лауреат Государственной премии (1949, 1952). В 1940 г. член правительства Латвии и ЦК КП Латвии, 1940–1946 — председатель СНК, 1946–1959 — председатель СМ Латвийской ССР.

[140] Софронов А.В. (1911–1990) — писатель, Герой Социалистического Труда. В 1953–1986 гг. главный редактор журнала «Огонек»; лауреат Государственной премии СССР (1948, 1949).

[141] 18–23 декабря 1953 г. в Москве состоялось закрытое судебное заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Председателем Специального судебного присутствия, как указано в протоколе, являлся Маршал Советского Союза И.С. Конев. В число членов входили председатель Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов Н.М. Шверник; первый заместитель председателя Верховного Суда СССР Е.Л. Зейдин; генерал армии К.С. Москаленко; первый секретарь Московского областного комитета КПСС Н.А. Михайлов; председатель Совета профессиональных союзов Грузии М.И. Кучава; председатель Московского городского суда Л.А. Громов; первый заместитель министра внутренних дел СССР К.Ф. Лунев. В приговоре, объявленном 23 декабря 1953 г., Берия обвинялся в том, что он сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу (Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З.,

Гоглидзе С.А., Мешик П.Я., Влодзимирский Л.Е.), которые ставили целью «использовать органы внутренних дел против Коммунистической партии и советского правительства, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии». В связи со всеми этими и другими тяжкими преступлениями (массовые убийства ни в чем не повинных людей, моральное разложение и др.) суд приговорил всех подсудимых к расстрелу, указав, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит. В тот же день приговор был приведен в исполнение. (Берия. Конец карьеры. — М., 1991. С. 300–414.)

[142] Радиопередача подготовлена эстонским радио.

[143] Семенов Ю.А. — работал в Главной редакции пропаганды, один из руководителей радиостанции «Маяк».

[144] Тема эта требует особого пояснения, поскольку до сих пор в народе жива легенда о том, что «при Сталине цены снижали». «Было время, и цены снижали» — как когда-то пел В. Высоцкий. В 1947 г. в нашей стране, как, впрочем, и сегодня, существовали три основных вида цен: низкие государственные, по которым все покупалось с помощью карточек, относительно умеренные рыночные и предельно высокие коммерческие. Затем карточки были отменены, и начался стремительный рост цен. За несколько месяцев они выросли в 3–5 раз и «подтянулись» к коммерческим. В качестве выхода из создавшегося положения была использована конфискационная денежная реформа, благодаря которой государство сумело изъять из обращения не только «лишние» деньги, но и значительную часть сбережений граждан. Сложилась ситуация, когда объем товарной массы стал значительно превышать платежеспособный спрос. А откуда же взялась эта товарная масса? Полностью рычаги экономического развития страны в первые послевоенные годы еще не изучены, но среди них можно выделить следующие: бесплатная работа около 10 миллионов советских граждан в местах заключения и несколько миллионов пленных из стран германского блока, практически бесплатный труд почти 50 миллионов бесправного крестьянства, результаты победы в Великой Отечественной войне (аннексии, контрибуции, трофеи, технические и технологические новинки, вывезенные из оккупированных стран, вместе с учеными, «помогавшими» их внедрять и т.д.). В результате введения в действие этих и не только этих рычагов появилось затоваривание. Чтобы преодолеть его, нужно было снижать цены. И цены снижали, выдавая это за своего рода благодеяние. Но как только экономические факторы, определявшие рост товарной массы, перестали действовать (в 1953–1956 гг. почти все советские заключенные были освобождены, не говоря уже о пленных, контрибуционные фонды были исчерпаны, технические новинки устарели), стали готовиться мероприятия по повышению цен. Они нашли свое отражение в денежной реформе 1961 года, которая, на первый взгляд, была уравнительной: ведь менялись в отношении 10 к 1 не только цены, сбережения и зарплаты, но и прочие доходы населения. Эта реформа, однако, была скрытым повышением цен на все «мелочи», городской транспорт, газеты, спички и т.д. Эти цены выросли в 3–10 раз. Примерно во столько же раз выросли и цены на рынках. К тому же были «временно» повышены цены на мясо и молоко, а также «заморожены» выплаты по облигациям госзаймов прошлых лет. С высоких же трибун в то время произносились не менее высокие слова о скором построении материально-технической базы коммунизма.

[145] Публикуется одна из «страниц» радиожурнала.

[146] Материалы для «Дневника XX съезда КПСС» передавались специальными корреспоидентами Всесоюзного радио А.А. Усковым, А.А. Ильиной, Кахановым. В прессе полностью отсутствует информация о докладе Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

[147] Публикуется в значительном сокращении.

[148] Бернес М.Н. (1911–1969) — актер, народный артист РСФСР, популярный эстрадный певец. Лауреат Государственной премии (1951).

[149] В передаче принимали участие А. Сурков, А. Алексин, В. Ардаматский, Е. Долматовский, В. Захарченко, Л. Кассиль, Е. Рябчиков, С. Смирнов, Т. Тэсс, Ю. Гальперин, К. Рятинский, О. Высоцкая, Ю. Левитан, Г. Шумаков, Л. Черных. Публикуется фрагмент репортажа.

[150] Холмннов А.Н. (р. 1925) — композитор, народный артист СССР. Автор симфонических произведений, опер, кантат и др. Лауреат Государственной премии СССР (1978).

[151] Установить не удалось.

[152] Пахмутова А.Н. (р. 1929) — композитор, народная артистка СССР. Автор популярных песен гражданского и лирического содержания. Лауреат Государственной премии СССР (1975, 1982).

[153] Тарнвердиев М.Л. (1931–1996) — композитор, народный артист РСФСР. Автор популярной музыки к кино- и телефильмам, оперетт, балетов, песен. Лауреат Государственной премин СССР (1977).

[154] Самойлов Е.В. (1912–1994) — актер, народный артист СССР. С 1934 г. в ГОСТИМе, с 1940 г. в Театре им. Маяковского, с 1968 г. в Малом театре. Лауреат Государственной премнн СССР (1941, 1946, 1947).

[155] Флярковский А.Г. (р. 1931) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Главным образом известен как автор массовой советской песни.

[156] Рождественский Р.И. (1932–1994) — поэт, лауреат Государственной премии СССР (1979).

[157] Ковалев М. — радиожурналист, автор и режиссер музыкальных передач.

[158] Евтушенко Е.А. (р. 1933) — поэт. Его творчеству свойственна остропублицистнческая нота. В последние годы имеет режиссерские работы в кинематографе. Лауреат Государственной премни СССР (1984). С 1989 г. народный депутат СССР.

[159] Кобзев И.И. (1924–1986) — поэт, лирик.

[160] Катин-Ярцев Ю.В. (1921–1994) — актер театра и кино, профессор Щукинского училища.

[161] Семичастный В.Е. (р. 1924) — советский, комсомольский, партийный и государственный деятель. В 1946–1950 гг. секретарь, первый секретарь ЦК ЛКСМ Укранны, в 1958–1959 гг. первый секретарь ВЛКСМ, в 1961–1967 гг. председатель КГБ при СМ СССР. Член ЦК КПСС в 1964–1971 гг.

[162] Урунходжаев С. — председатель артели, дважды Герой Соцналистического Труда.

[163] Соловьев Ю.А. (р. 1922) — журналист. На радио с 1947 г., корреспондент «Последних известий», ответственный редактор радиопрессбюро, обозреватель спецгруппы Управления местного вещания.

[164] Публикуемый в сокращенин радиоочерк был включен в воскресный радиожурнал «Последних известий» — «С мнкрофоном по родной стране». (Режиссер выпуска А. Качалова, звукооператоры В. Кедров и К. Данилина.)

[165] Ревенко А.Г. — радиожурналист, автор книг «Заповедное слово», «У микрофона наш корреспондент» и др.

[166] Публнкуется в сокращении.

[167] Гаганова В.И. (р. 1932) — Герой Социалистического Труда, инициатор почина перехода передовиков производства в отстающие брнгады, чтобы поднять их до уровня передовых. Член ЦК КПСС в 1961–1971 гг.

[168] Зорин В.С. (р. 1925) — журналист-международник, профессор, политический обозреватель Центрального телевидения н Всесоюзного радио.

[169] Публикуется в сокращении.

[170] Торез М. (1900–1964) — деятель французского и международного коммуннстнческого н рабочего движения, Генеральный секретарь ФКП в 1930–1964 гг. С 1932 г. бессменный депутат парламента Франции.

[171] В фонодокументе речь звучит на французском языке с синхронным переводом, который и публикуется полностью.

[172] Коржавин (Мендель) Н.М. (р. 1925) — поэт, эссеист, литературный критик. С 1973 г. живет в США.

[173] Идея «Дня мира» на радио заключалась в создании грандиозной панорамы одного дня жизни страны и имела свои корни в изданной в 1930 г. по инициативе А.М. Горького книге «День мира», тридцатилетие со дня выхода которой отмечалось в те дни. Тогда, по замыслу Горького, был дан «обыкновенный, будничный день со всей безумной фантастической пестротой его явлений... показано "художественно" творчество истории в течение одного какого-то дня». В предисловии к книге говорилось: «Перелистайте сначала ее, познакомьтесь с построением, бегло посмотрите иллюстрации, задержитесь на тех страницах, какие вас задержат. Затем, не спеша, погрузитесь в чтение, пусть с передышками, но подряд. Вы не пожалеете. Могучая симфония человеческой жизни захватит вас и понесет с собой» (День мира. — М., 1930. С. 16–17). Радиодень состоял из радиорепортажей, радиоочерков, интервью со всех концов страны, представляя собой своеобразную звуковую радиокнигу дня — 27 сентября 1960 г. Радиослушатели высоко оценили эту форму вещания, которая впоследствии получила свое развитие в виде тематических радиодней, посвященных литературе, природе, молодежным и другим проблемам.

[174] Амлинский В.И. (1935–1989) — писатель, публицист. В течение ряда лет работал в «Правде».

[175] Иоффе Р.М. (1907–1966) — режиссер радио. Имя Розы Марковны Иоффе, талантливейшего режиссера советского радио, памятно не одному поколению радиослушателей, потому что с ним связаны яркие, впечатляющие, незабываемые передачи. Впервые это имя прозвучало в эфире в 1930 году. Без преувеличения можно сказать, что Роза Марковна Иоффе была среди тех, кто положил начало художественному вещанию для детей. Более двадцати лет она была на радио режиссером вещания для детей, а затем еще тринадцать лет работала и над постановками для взрослых. Те, кому сейчас за сорок, помнят первые «дошкольные» передачи «Маша-растеряша» и «Горошина», а затем появились «Флаги над городом», инсценировки сказов Бажова, «Буратино», «Маленький принц» Сент-Экзюпери и многие другие передачи. Некоторые из них звучат в эфире уже по двадцать лет и вошли в золотой фонд радиовещания. Николай Литвинов, Николай Александрович, Александр Столбов, Антонина Ильина — все это режиссеры, прошедшие школу Розы Иоффе. С ее именем связано возникновение сначала на радио, а затем на эстраде «театра одного актера». Она была убежденным сторонником, энтузиастом «постановочного чтения». Р.М. Иоффе считала, что только при постановочном чтении можно сохранить и донести до слушателя первозданное писательское слово, что только при нем возможна «живопись словом». Забота о точном воспроизведении авторской мысли, авторской интонации заставляла Розу Марковну самой браться за инсценировки, она является одновременно и режиссером и инсценировщиком многих передач.

[176] Этот текст, как и многие другие, не был поставлен на радио и не записан на пленку. Хранится в личном фонде Р.М. Иоффе в РГАЛИ.

[177] Мнацаканов Э.А. — политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио, специальный корреспондент в ФРГ.

[178] Публикуется в сокращении.

[179] Лумумба П. (1925–1961) — первый премьер-министр (июнь–сентябрь 1960 г.) независимой Республики Конго (совр. Заир). Отстранен от власти реакционными силами, злодейски убит.

[180] Гагарин Ю.А. (1934–1968) — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза. 12 апреля 1961 г. впервые в мире совершил полет в космос на космическом корабле «Восток». В 1968 г. трагически погиб во время тренировочного полета.

[181] Кеннеди Дж. (1917–1963) — тридцать пятый президент США (1961–1963 гг.) от Демократической партии. В 1963 г. был злодейски убит в Далласе.

[182] Лепешинская О.В. (р. 1916) — балерина, народная артистка СССР. В 1933–1963 гг. — солистка Большого театра. Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946, 1947, 1950).

[183] Власов Ю.П. (р. 1935) — тяжелоатлет, заслуженный мастер спорта, чемпион СССР (1959–1963), Европы (1959–1962, 1964), Мира (1959, 1961–1963), Олимпийских игр (1960) в тяжелом весе, многократный рекордсмен мира. Последние годы часто публикуется в прессе; с 1989 г. народный депутат СССР.

[184] Шульгин В.В. (1878–1976) — русский политический деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла 2–4 Государственных дум. Будучи членом Временного исполнительного комитета Государственной думы, убеждал Николая II передать престол сыну, а потом (всего лишь на несколько часов) провозгласил императором царского брата Михаила. После Октябрьской революции один из организаторов борьбы против Советской власти. Белоэмигрант. В 1945–1956 гг. в заключении по приговору советского суда за контрреволюционную деятельность. В 1960-х гг. призвал русскую эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР.

[185] Гришманов И.А. — член Бюро ЦК КПСС по РСФСР, заведующнй отделом строительства ЦК КПСС в 1958 г.

[186] Об атмосфере этих лет вспоминает Е.А. Евтушенко. «Перед первой встречей, правда, была еще "предпервая" — если не ошибаюсь, в пятьдесят седьмом году, в правительственной загородной резиденции. Я тогда не был приглашен, но по рассказам очевидцев вполне представляю, что там происходило. Н.С. Хрущев был напуган "клубами Петефи" в Венгрии, которые, по трактовке нашей пропаганды, были "змеиными гнездами контрреволюции". Наша информационно-идеологическая служба постоянно подсказывала ему, что в Венгрии "тоже все началось с писателей", делая сопоставления с публикацией романа Дудинцева "Не хлебом единым", статьей Померанцева "Об искренности в литературе". На обсужденни в ЦДЛ этого первого "перестроечного" задолго до перестройки романа, направленного против бюрократни, с громовой речью выступил мягкий акварелист Паустовский. Он в неожиданной для всех роли разоблачнтеля описывал наш "новый класс" партбюрократии, с коим впервые с ужасом столкнулся во время первого советского зарубежного круиза. Самодовольное невежество наших социалистических иуворишей потрясло его. Однако выступление Паустовского было поддержано лишь короткой импульсивной речью Александра Бека. Другие выступавшие начали буквально уничтожать Дудинцева. Дудинцев со слипшимися от холодного пота волосами, с затравленно озверелыми глазами, которые в ответ на обвинения отплевывались вспышками ненависти поверх полусвалившихся с носа очков, мужественно держался, похожий иа загнаиную в угол дворнягу, огрызающуюся иа вцепляющуюся на нее со всех сторон волчью стаю. Меня глубочайше потрясло в его речи воспоминание о том, как в сорок первом наши иесчастные солдаты драпали под бомбами, сыпавшимися иа иих с бесчисленных немецких бомбардировщиков, и только одинокий советский "ястребок" обреченио пытался им помешать. Дудинцев говорил о том, что именно под той убнйственной бомбежкой он впервые понял всю преступность хвастовства партийных бюрократов нашей на самом деле не существующей военной мощью. Мария Павловна Прилежаева, сентиментальный беллетрист-биограф Ленина, завизжала с трибуны: "Товарищи, ведь если придут американцы, они нас всех повесят, кроме Дудинцева!"

Я тогда был студентом Литинститута, самым молодым членом Союза писателей, и в своем выступлении с негуманным ехидством чеховского "злого мальчика" спросил у Прилежаевой: "А собственно говоря, почему вы так уверены в том, что американцы обязательно прндут? Неужели вы не верите в силу нашей Красной Армии?" Прилежаева впала в панику, стала писать в президиум жалкие объяснительные запискн. Защищая Дудинцева, я прочел новое, еще не известное никому

стихотворение Межирова "Артиллерия бьет по своим...". Обстановка была такая, что по просьбе Межирова я приписал это стихотворение убитому под Сталинградом неизвестному поэту. Межиров слушал собственные стихи, как чужие, на балконе, и я увидел его. Подбородок его дергался, глаза были полны слез. После собрания он с горькой иронией сказал мне: "А ведь это правда. Все поэты моего поколения, даже выжившие, были убиты на войне".

Вскоре после этого выступления меня исключили из Литинститута.

В разгар тогдашних "ревизионистских шатаний" Хрущев и созвал писателей на загородную предпервую "исторнческую встречу".

Во время предпервой встречи подлейшую роль сыграл Леонид Соболев, всегда кичившейся своей верноподданнической беспартийностью и наконец-то улучивший возможность пожаловаться на недооценку самого себя столь горячо любимой им советской властью.

Он привел такую бесстыдно прагматическую метафору.

— Здесь вот, Никита Сергеевич, присутствует председатель Моссовета товарищ Бобровников. Я ему уже несколько раз писал заявления с просьбой, чтобы мне предоставили теплый гараж, и никакого результата. Если бы на моем месте был писатель-очернитель, то на основе этого конкретного факта он бы сделал свои негативные обобщения о работе Моссовета и лично товарища Бобровникова. Но мы как писатели должны вставать над нашими лнчными обидами, памятуя, что все это — легко устранимые мелочи по сравнению с интересами нашего народа.

Таким-то беззастенчивым образом этот эрзац-интеллигент получил не только теплый гараж, но и Союз писателей РСФСР, где он беспринципно и помпезно председательствовал много лет, совершая декадные набеги, заканчивавшиеся многосотенными банкетами, на российскне автономные республнки и областн.

Когда Константин Симонов на той предпервой встрече пытался обуздать Соболева и других бьющих себя в грудь "недооцененных патриотов" и обратился к Хрущеву с напоминанием о том, что писателн и партработники были фронтовыми товарищами, Хрущев резко оборвал его:

— Чего же вы хотите, товарищ Симонов, чтобы мы специально для вас организовали новую войну, в которой вы бы снова проявили ваш патриотизм?

Хрущев бестактно вел себя, грубо обрывая Маргариту Алигер, пытавшуюся защитить своих товарищей-литераторов.

Помню интервью одного художника, где он делился восторженными впечатленнями о том, как его дружески брали за бороду, словно в сказке, встреченные на правительственных аллеях такие легендарные личности, как Буденный и Ворошилов. (Тогда почти невозможно было представить, что Ворошиловград снова станет Луганском.)

Через пять лет, в 1962 году, не на предпервой, а на первой "исторической встрече с интеллигенцией" нас уже брали не за бороду, а за глотку». (Евтушенко Е.А. Фехтование с навозной кучей. — Литературная газета. 1991. 23 января. № 3. С. 9.)

[187] Безыменский А.И. (1898–1973) — поэт гражданственной комсомольской тематики.

[188] «Дело Пеньковского». 7 мая 1963 г. в Москве в зале судебных заседаний Верховного Суда СССР начался открытый судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и подданного Великобритании шпиона-связника Гревилла Винна. Олег Пеньковский (1919–1963) был не рядовым сотрудником советской разведки: полковник, заместитель начальника иностранного отдела Управления внешних сношенний Госкомитета по координации научно-исследовательских работ СССР. В 1962 г. был арестован. Следствие выявило, что в октябре 1961 г. Пеньковский был завербован англнйской и американской разведкам н активно сотрудничал с ними по октябрь 1962 г. Расстрелян.

[189] Гладков А.К. (1912–1976) — писатель, драматург («Давным-давно» и др.)

[190] Эта радиопередача была подготовлена в связи с 90-летием со дня рождения В.Э. Мейерхольда. В эфире впервые после многих лет молчания были обнародованы факты биографии и воспоминания о жизни и творчестве великого режиссера. В передаче приняли участие Гердрих, А.А. Консовский, М.И. Бабанова, И.В. Ильинский, Свердлин, А. Лукьянов. Воспоминания о том, как готовилась эта передача, мы публикуем в четвертом разделе книги.

[191] Чертков А.Б. — бывший священник (так называемый поп-расстрига), кандидат богословия. Выступал с атеистическими лекциями. Выступление публикуется с сокращениями.

[192] «Собеседник» — воскресное еженедельное приложение к «Последнim известиям», в котором звучали радиорепортажи, интервью, корреспонденции, подготовленные журналистами редакции в течение предшествующих дней рабочей иедели. Этот выпуск вели Г. Никулина, Л. Петрушевская, А. Ермилов.

[193] Ромм М.И. (1901–1971), советский кинорежиссер, народный артист СССР, выдающийся мастер игрового и неигрового кинематографа. Профессор ВГИКа. Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946, 1948, 1949, 1951).

[194] Константиновский М.А. (р. 1930) — журналист, писатель, радиоинженер по образованию, изобретатель, имеющий авторские свидетельства, автор 162 радиопьес серии КОАПП н ряда научно-популярных кнпг.

[195] Около тридцати лет в эфире звучат позывные «КОАПП», знакомя юных и взрослых радиослушателей с удивительным в мире животных и растений, с новейшими достижениямн бионики, экспериментальной биологии, этологии — науки о поведенни животных. Популярность «КОАППа» — результат труда большого коллектива сотрудников Главной редакцией радиовещания для детей и юношества. Помимо автора М.А. Константнновского, это редакторы Т. Красина и В. Ядрова, режиссеры Н. Герман и В. Иванов, актеры, исполнители участников «заседаний», заслуженные артисты РСФСР М. Погоржельский (Кашалот), Ю. Юльская (Стрекоза), С. Цейц (Гепард и Рак), Б. Иванов (Рыба-Удильщик), артисты З. Нарышкина (Сова и Мартышка), К. Устюгов (Человек и птица-Секретарь) и др. В качестве коисультантов передачи — орнитолог П.П. Смолин, биологи В. Бибикова и Н. Балунова.

[196] Визбор Ю.И. (1934–1984) — актер, сценарист. Популярный автор и исполнитель песен. В 1950–1960-х гг. работал в молодежной редакции радио, был одним нз создателей программы радиостанции «Юность».

[197] Публикуется фрагмент радиообозрения.

[198] Биографические данные установить не удалось.

[199] Интервью по просьбе радиостанции «Юность» было проведено корреспондентом Берлнпского радио (имя корреспондента не указано).

[200] Зорге Р. (1895–1944) — советский разведчик, Герой Советского Союза (1964, посмертно). В 1930–1940-е годы, находясь в качестве немецкого журналиста в Германии, Китае, Японии, добывал ценную развединформацию. Сообщнл дату предстоящего вторжения немецко-фашистских войск. В октябре 1941 г. арестован японской полицней, в ноябре 1944 г. казнен.

[201] Смирнов С.С. (1915–1976) — писатель, автор документальных произведений о неизвестных героях Великой Отечественной войны, в т.ч. «Брестская крепость» (1957). Первое обнародование глав из этой книги осуществлялось по радио (1956–1957); отклики на эти передачи переросли в общенародное движение поиска неизвестных героев и пропавших без вести. Лауреат Ленинской премии (1965).

[202] Выступление С.С. Смирнова на Московской областной комсомольской конференции было передано в звукозаписи по радиостанции «Юность». Публикуется в сокращении.

[203] Васильев В.В. (р. 1940) — артист балета, балетмейстер, народный артист СССР. В 1958–1988 гг. ведущий солист Большого театра. Лауреат Ленинской премии (1970), Государствеиной премии (1977).

Максимова Е.С. (р. 1939) — советская балерина, народная артистка СССР. В 1958–1988 гг. ведущая солистка Большого театра. Лауреат Государственной премии (1981).

[204] Редактор программ Гробовников.

[205] Уланова Г.С. (1910–1998) — балерина, ведущая солистка ГАБТ, народная артистка СССР.

[206] Интервью проведено специальным корреспондентом Всесоюзного радио Ю.А. Летуновым на космодроме сразу после завершения эксперимента — выхода в космос А.А. Леонова, члена экипажа космического корабля «Восход-2».

[207] На период записи интервью имя главного конструктора не раскрывалось. В текстовой сопроводительной документации к фоидокументу говорится, что в качестве интервьюируемого был записан С.П. Королев (1906/1907–1966), советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда. Под руководством С.П. Королева созданы космические корабли «Восток» и «Восход», на которых впервые в истории осуществлен полет человека в космос и выход в космос. Лауреат Ленинской премии (1957).

[208] Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) (1882–1969) — писатель, литературовед, доктор филологических наук. Автор ставших классическими произведений для детей в стихах и прозе, с чтением которых он часто выступал у микрофона.

[209] Утесов Л.О. (1895–1982) — артист эстрады и кино, народный артист СССР. Организатор (1929), руководитель и солист первого советского «Теа-Джаза», исполнитель советских песен.

[210] Вечер, посвященный 70-летию Л.О. Утесова, прозвучал по радиостанции «Юность». В передаче приняли участие А.И. Островский, М.М. Матусовский, Б. Толмазов и др. Режиссер Е. Тарханова.

[211] Гердт З.Е. (1916–1996) — актер театра и кино. С 1945 г. в Центральном театре кукол, с 1989 г. в театре им. М. Ермоловой.

[212] Богомазов С.М. (1900–1983) — драматург, сценарист.

[213] Шолохов М.А. (1905–1984) — писатель, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР. Лауреат Ленинской премии (1960), Государственной премии СССР (1941), Нобелевской премии (1965).

[214] В феврале 1966 г. Верховный Суд РСФСР приговорил к длительному сроку лишения свободы сотрудника Института мировой литературы Андрея Синявского и поэта-переводчика Юлия Даниэля. Скрываясь за псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак, А.Д. Синявский и Ю.М. Даниэль опубликовали за рубежом ряд своих литературных пронзведений — «Любимов», «Говорит Москва» и др., направленных против сталинизма, против его пережитков и рецидивов в советском обществе. Реакция за рубежом на судебный процесс была однозначной: суровое наказание двух писателей вызвало глубокое сожаление Луи Арагона, коммунистов Великобритании, видных общественных деятелей Запада.

По разному отнеслись к процессу в Советском Союзе. 62 советских писателя подписали письмо на имя XXIII съезда КПСС с просьбой выпустить Андрея Синявского и Юлия Даниэля на поруки. Иную позицию занял лауреат Нобелевской премии М.А. Шолохов, о чем свидетельствует публикуемый фрагмент речи писателя на XXIII съезде КПСС. На эту речь Л.К. Чуковская откликнулась в своем письме автору «Тихого Дона» следующими строками: «За все многовековое существование русской культуры я не могу припомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил сожаление не о том, что вынесенный приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок». (Евграфов Г., Карпов М. По статье 70-й // Огонек. 1989. № 19. С. 21–24.)

[215] Айтматов Ч. (р. 1928) — писатель, народный писатель Киргизской ССР, академик АН Киргизской ССР, Герой Социалистнческого Труда. Лауреат Ленинской премии (1963), Государственной премии СССР (1968, 1977, 1983), Государственной премии Кнргизской ССР (1976). С 1988 г. главный редактор журнала

«Иностранная лнтература». Народный депутат СССР с 1989 г., член ВС СССР с 1989 г., член Президентского Совета с 1990 г.; с 1990 г. посол в Люксембурге.

[216] Бунич Л.Г. (р. 1929) — экономист, член-корреспондент АН СССР. Народный депутат СССР с 1989 г.

[217] Публикуется в сокращении.

[218] Гейченко С.С. (1903–1993) — писатель, директор Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина, в Михайловском с 1945 г., автор книг о Пушкине. Герой Социалистического Труда.

[219] Андроников И.Л. (1908–1990) — русский советский писатель, литературовед, мастер устного рассказа, народный артист СССР. Лауреат Ленинской премии (1976), Государственной премии СССР (1967). С 1946 г. выступал у микрофона с устными рассказами, а с 1954 г. — на телевидении, где создал целый сериал «театра Андроникова»: воспоминания, лнтературоведческие и архивные поиски.

[220] Публикуется в сокращении.

[221] Ныу Э.Я. — участник Октябрьского переворота 1917 г., матрос мииного заграднтеля «Амур».

[222] Петров Ф.Н. (1876–1973) — участник революционных событий 1905 г. С 1907 г. на каторге, с 1914 г. в сибирской ссылке. В 1917 г. депутат городской думы Иркутска, участник подавления юнкерского мятежа (декабрь 1917 г.). С 1918 г. один из организаторов мед.-сан. службы в сибирской Красной Армии. С 1923 г. на государственной н научной работе.

[223] Вишневская Г.П. (р. 1926) — певица (сопрано), народная артистка СССР. С 1952 г. солистка Большого театра. С 1974 г. в эмиграции, незаконно лишеиа гражданства. В 1990 г. восстановлена в правах.

[224] Беседу с Г.П. Вишневской вели журналнсты Л. Грнгорьев н Я. Платеа; редактор передачн Е. Баркова.

[225] Яковлев Ю.Я. (р. 1922) — писатель, автор повестей и рассказов для детей и юношества. Лауреат Государственной премии (1985).

[226] Шахов Г.А. (р. 1928) — журналист. На радио с 1951 г., обозреватель отдела международиой информации Главиой редакции иифорыации на зарубежные страны, корреспондент в Кеннн, Танганьике, Уганде и др. Заслуженный работник культуры РСФСР.

[227] Погоднн А. — специальный корреспондент.

[228] Фурцева Е.А. (1910–1974), советский партийный и государственный деятель. С 1950 г. второй, в 1954–1957 гг. первый секретарь МГК. С 1957 г. секретарь ЦК КПСС, в 1960–1974 гг. мннистр культуры СССР.

[229] Володин (Лившнц) А.М. (р. 1919) — драматург, киносцеиарист.

[230] Хачатуряи А.И. (1903–1978) — композитор, народный артнст СССР, Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1943, 1946, 1950, 1971), Леиинской премии (1959).

[231] Мансурова Ц.Л. (1897–1976) — актриса, иародная артистка СССР. С 1919 г. в Студии, затем в Театре им. Вахтангова; с 1946 г. профессор Театрального училища им. Щукина.

[232] «Мииута молчання светлой памяти павших в годы Велнкой Отечественной войны» — ежегодная традицнонная передача ЦТ н Всесоюзного радио, один нз торжественно-траурных ритуалов праздника Победы. Впервые в эфире прозвучала 9 мая 1965 г. Авторы текста журналисты А.Г. Ревеико, Е.Л. Синицын, Г.М. Шергова; режнссеры — Н.С. Левицкая, Е.Т. Тарханова. Публикуется «расшифровка» звукозаписи 9 мая 1970 г. В дальнейшем текст неоднократно подвергался переработке.

«Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...» — звучал голос диктора радио Веры Енютнной, несколько лет спустя уехавшей нз страны. Как было прннято в то время, по распоряжению руководства ЦТ СССР передача должиа была быть уничтожена. Гостелераднофонд вынужден был выполнить этот

приказ: были сожжены позитивные копии и фондовые документы. Но сотрудникам фонда удалось сохранить исходные материалы — негативы. С большим трудом нами была восстановлена кинопленка сорокалетней давности — и снова слышен негромкнй голос, произносящий слова, полные боли и горечи, обращенные к вечности, и горнт, горит величественный негасимый огонь...

[233] Левитан Ю.Б.

[234] Енютина В.В. (1914–?) — актриса Московского академнческого театра им. Вл. Маяковского, диктор Всесоюзного радио.

[235] Белицкий Я.М. (р. 1930) — журналист, на радио с 1960 г., заместитель заведующего отделом Главной редакции вещания для Московской области. В настоящее время главный редактор программ радиостудии «Собеседник». Знаток старой Москвы, историк-краевед, коллекционер, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премий Московской журналистской организации.

Раздел III

РЕЦЕНЗИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ. МЕМУАРЫ. РАДИОПРЕССА

Л. Турин[1]

«Всем, всем...»

...Переданные по радиотелеграфу (тогда ведь еще не было радиоламп и нынешнего вещания!) первые слова Советской России были словами о мире и дружбе между народами...

Что представляла собой радиостанция тогда? Это была искровая радиостанция полевого типа, и стояла она недалеко от Смольного — в саду Таврического дворца. Мы, радиотелеграфисты, жили в самом Смольном, тут же помещалась канцелярия радиостанции. Оборудовало станцию «Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов» (сокращенно РОБТиТ), но еще до Октябрьского восстания станция перешла к Петроградскому Совету. Два киловатта — вот и вся ее тогдашняя мощность.

Дни были тревожные, и работать приходилось так: сидишь, бывало, наушники плотно прижаты к ушам, перед тобой на столе журнал, в правой руке карандаш, а в левой — револьвер... Контрреволюционеры всякий час могли попытаться захватить радиостанцию.

Однажды собирался я идти из Смольного в Таврический на дежурство. Приходит кто-то из ответственных работников Совнаркома с телеграммой, подписанной Лениным. Срочно передайте, говорит, немецкому командованию, а потом с распиской о передаче вручите лично Владимиру Ильичу. И вот, вызывая Псков, я шесть раз повторил текст этой исторической телеграммы о согласии Советской России на условия мира, а потом поехал на радиостанцию Балтфлота в «Новой Голландии» и оттуда вновь повторил телеграмму. И лишь когда убедился, что она дошла, сделал на обороте ее пометку: «Передал Турин» — и вернулся в Смольный. Когда Ленин вышел навстречу, я отрапортовал:

— Разрешите доложить, товарищ Ленин, ваша радиограмма передана.

Взяв листок, Владимир Ильич посмотрел на пометку, где было указано время передачи, и улыбнулся...

Советская культура. 1959. 5 ноября. С. 2.

В.Д. Бонч-Бруевич[2]

В.И. Ленин и радио

Владимир Ильич в самые трудные месяцы Октябрьской революции не переставал пристально следить за всеми сторонами нашей промышленной деятельности и, в частности, за всевозможным изобретательством, которому он всегда придавал огромное значение. Многие его письма Г.М. Кржижановскому, инженеру Классону и другим товарищам красноречиво свидетельствуют об этом. Характерно для Владимира Ильича, что и в этих вопросах, которые, казалось бы, отдаленно соприкасались с ним, он также всегда был настойчив, изумительно внимателен и успевал по нескольку раз запрашивать об одном и том

же деле различные органы Советской власти и отдельных работников, пока не добивался удовлетворявшего его ответа.

Придавая огромное значение политической пропаганде и всякому иному просвещению масс, он сейчас же ухватился самым энергичным образом за радио, как только успел ознакомиться с деятельностью наших специалистов — теоретиков и практиков радио. Он неоднократно делает распоряжения об отправке на радио различных сообщений и заявлений, касающихся международных отношений, желая оповестить весь мировой пролетариат о тех или иных событиях, о тех или иных решениях, принятых Советской властью, Коммунистической партией.

Эти сообщения, снабженные крылатым, беспокойным восклицанием «Всем, всем, всем!», передавались по его приказанию мощными станциями в соседние государства, и я помню, как Владимир Ильич был заинтересован, когда ему сообщили, что «англичанка портит», что, очевидно, правительства капиталистических государств дали распоряжения своим мощным станциям бороться с нашими радиограммами, произведя скандал в мировом эфире и заглушая наш мощный радиоголос какофонией звуков, перебивающих наши сообщения. Владимиру Ильичу это очень понравилось.

— Разве это можно? — спросил он наркомпочтеля тов. Подбельского.

— Можно!

— А мы можем?

— Нам трудней... У нас нет таких мощных станций.

— А построить можем?

— Пожалуй что!

— Есть у нас специалисты?

— Есть.

— Прошу их мне прислать, я хочу с ними познакомиться.

И вот на этой боевой почве начались первые знакомства Владимира Ильича со специалистами по радио. Он вскоре свиделся с инженером — теоретиком и изобретателем в области радио М.А. Бонч-Бруевичем, неоднократно с ним беседовал и оказал ему всяческое содействие в постройке Нижегородской лаборатории и в других делах, с радио связанных.

С этих пор Владимир Илъич неоднократно делал распоряжения передавать крайне важные декреты по радио, этим самым вводя в действие законную силу с молниеносной быстротой. Владимиру Ильичу не давала покоя мысль, что наши радиостанции перебиваются империалистами, и он много раз возвращался к мысли построения в Москве мощной радиостанции, голос которой был бы настолько мощен, чтобы он не мог перебиваться в соседних странах.

Такую станцию стали возводить, и когда тонкая ажурная сеть металлической мачты стала возвышаться где-то там на горизонте, так великолепно видимая из Кремля со стороны променада перед дворцом, Владимир Ильич всегда, прогуливаясь, заходил сюда и нередко любовался этой постройкой.

— Какая красота, — воскликнул он, — и какая мощная сила.

Он был доволен этим сооружением и горячо благодарил строителей. Но и другая мысль относительно радио не переставала докучать Владимиру Ильичу. Ему всегда хотелось использовать радио для широкого просвещения масс:

— В каждой деревне должно быть радио! Каждый волком и сельком, а также наши клубы при фабриках и заводах должны знать, что в определенный час им сообщат все политические новости, все главнейшее в событиях дня, и таким образом наша страна должна будет жить повышенной политической жизнью, зная ежедневно все, что делает, что осуществляет правительство, что свершается важнейшее, составляя общественное мнение по главнейшим вопросам. Страна не будет жить в потемках; газеты приходят медленно, с опозданием, и теперь радио, при наших условиях разрухи, особенно важно.

И так начала по личной инициативе Владимира Ильича создаваться постоянная радиопередача, радиогазета. Владимир Ильич неустанно следил за этим делом, нередко интересуясь, что именно передают, собирая сведения, где удалось установить радио, охотно отпускал средства на расширение сети радиоустановок и даже хотел одно время иметь карту, чтобы на ней отмечать все новые установки с указанием как мощных и иных станций, так и всех мест, принимающих радиопередачи.

Для этого потребовалась бы огромная стенная площадь для нашей необъятной страны, так как пришлось бы иметь карты в крупном масштабе, и от этой мысли за неимением таких свободных стен в Кремле пришлось отказаться. Владимир Ильич удовольствовался лишь списками установок, постоянно ему доставляемыми. Когда появились первые громкоговорители и усилители речей ораторов, Владимир Ильич ужасно радовался этому новому усовершенствованию, так как он по себе знал отлично, что это значит — говорить часовые речи в наших залах с невероятно плохими акустическими условиями, где ораторам приходилось ранее надрывать голосовые связки, чтобы их услышали хотя бы до половины зала. В первое время усилители работали не очень исправно — они еще хрипели и сипели, но, несмотря на это, первое их появление произвело фурор на съездах, и ораторы вздохнули свободно.

Так постепенно развивалось в нашей стране это культурнейшее дело радиосношений, и Владимир Ильич следил за ним постоянно и упорно, помогая ему решительно всем, чем было возможно.

Без преувеличения мы можем сказать, что благотворное вмешательство Владимира Ильича в это дело дало огромный толчок его развитию, и если мы теперь имеем величайшие достижения в этой области, если благодаря радиолюбительству мы в настоящее время могли своевременно оповестить мир о несчастье с дирижаблем Нобиле, осуществить знаменитые полеты Чухновского и Бабушкина, если благодаря радиосвязи мы могли блестяще выполнить экспедицию ледокола «Красин», то, несомненно, это дело в своем развитии шло и идет по тому пути, который так энергично и так правильно в общем и целом наметил Владимир Ильич.

И мы убеждены, что это дело и в дальнейшем будет так же широко развиваться, как это было при жизни Владимира Ильича, как оно развивалось до сих пор.

Радиослушатель. 1928. № 9. С. 1–2.

В.В. Хлебников[3]

Радио будущего[4]

Радио будущего — главное дерево сознания — откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество.

Около главного стана Радио, этого железного замка, где тучи проводов рассыпались, точно волосы, наверное, будет начертана пара костей, череп и знакомая надпись: «Осторожно», ибо малейшая остановка работы Радио вызвала бы духовный обморок всей страны, временную утрату ее сознания.

Радио становится духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем.

Вообразим себе главный стан Радио: в воздухе паутина путей, туча молний, то погасающих, то зажигающихся вновь, переносящихся с одного конца здания на другой. Синий шар круглой молнии, висящий в воздухе точно пугливая птица, косо протянутые снасти.

Из этой точки земного шара ежесуточно, похожие на весенний перелет птиц, разносятся стаи вестей из жизни духа.

В этом потоке молнийных птиц дух будет преобладать над силой, добрый совет — над угрозой.

Дела художника пера и кисти, открытия художников мысли (Мечников, Эйнштейн), вдруг переносящие человечество к новым берегам... Советы из простого обихода будут чередоваться с статьями граждан снеговых вершин человеческого духа. Вершины волн научного моря разносятся по всей стране к местным станам Радио, чтобы в тот же день стать буквами на темных полотнах огромных книг, ростом выше домов, выросших на площадях деревень, медленно переворачивающих свои страницы.

Радиочитальни

Эти книги улиц — читальни Радио! Своими великанскими размерами обрамляют села, исполняют задачи всего человечества.

Радио решило задачу, которую не решил храм как таковой, и сделалось так же необходимым каждому селу, как теперь училище или читальня. Задача приобщения к единой душе человечества, к единой ежесуточной духовной работе, проносящейся над страной каждый день, вполне орошающей страну дождем научных и художественных новостей, — эта задача решена Радио с помощью молнии. На громадных теневых книгах деревень Радио отпечатало сегодня повесть любимого писателя, статью о дробных степенях пространства, описание полетов и новости соседних стран. Каждый читает, что ему любо. Эта книга, одна и та же для всей страны, стоит в каждой деревне, вечно в кольце читателей, строго набранная, молчаливая читальня в селах.

Но вот черным набором выступила на книгах громкая научная новость: химик Х., знаменитый в узком кругу своих последователей, нашел способы приготовления мяса и хлеба из широко распространенных видов глины.

Толпа волнуется и думает: что будет?

Землетрясение, пожар, крушение в течение суток будут печатаны на книгах Радио... Вся страна будет покрыта станами Радио...

Радиоаудитории

Железный рот самогласа пойманную и переданную ему зыбь молнии превратил в громкую разговорную речь, в пение и человеческое слово. Все село собралось слушать.

Из уст железной трубы громко несутся новости дня, дела власти, вести о погоде, вести из бурной жизни столиц.

Кажется, что какой-то великан читает великанскую книгу дня. Но это железный чтец, это железный рот самогласа; сурово и четко сообщает он новости утра, посланные в это село маяком главного стана Радио. Но что это? Откуда этот поток, это наводнение всей страны неземным пением, ударом крыл, свистом и цоканием и целым серебряным потоком дивных безумных колокольчиков, хлынувших оттуда, где нас нет, вместе с детским пением и шумом крыл? На каждую сельскую площадь страны льются эти голоса, этот серебряный ливень. Дивные серебряные бубенчики, вместе со свистом, хлынули сверху. Может быть, небесные звуки-духи низко пролетели над хатой. Нет...

Мусоргский будущего дает всенародный вечер своего творчества, опираясь на приборы Радио в пространном помещении от Владивостока до Балтики, под голубыми стенами неба... В этот вечер ворожа людьми, причащая их своей душе, а завтра обыкновенный смертный, он, художник, околдовал свою страну; дал ей пение моря и свист ветра!

Каждую деревню и каждую лачугу посетят божественные свисты и вся сладкая нега звуков.

Радио и выставки

Почему около громадных огненных полотен Радио, что встали, как книги великанов, толпятся сегодня люди отдаленной деревни? Это Радио разослало по своим приборам цветные тени, чтобы сделать всю страну и каждую деревню причастницей выставки художественных холстов далекой столицы. Выставка перенесена световыми ударами и повторена в тысяче зеркал по всем станам Радио. Если раньше Радио было мировым слухом, теперь оно — глаза, для которых нет расстояния. Главный маяк Радио послал свои лучи, и московская выставка холстов лучших художников расцвела на страницах книг читален каждой деревни огромной страны, посетив каждую населенную точку.

Радиоклубы

Подойдем ближе... Гордые небоскребы, тонущие в облаках, игра в шахматы двух людей, находящихся на противоположных точках земного шара, оживленная беседа человека в Америке с человеком в Ев-

ропе... Вот потемнели читальни; и вдруг донеслась далекая песня певца, железными горлами Радио бросило лучи этой песни своим железным певцам: пой, железо! И к слову, выношенному в тиши и одиночестве, к его бьющим ключам, причастилась вся страна.

Покорнее, чем струны под пальцами скрипача, железные приборы радио будут говорить и петь, повинуясь ее волевым ударам.

В каждом селе будут приборы слуха и железного голоса для одного чувства и железные глаза для другого.

Великий чародей

И вот научились передавать вкусовые ощущения — к простому, грубому, хотя и здоровому обеду Радио бросит лучами вкусовой сон, призрак совершенно других вкусовых ощущений.

Люди будут пить воду, но им покажется, что перед ними вино. Сытый и простой обед оденет личину роскошного пира... Это даст Радио еще большую власть над сознанием страны...

Даже запахи будут в будущем покорны воле Радио: глубокой зимой медовый запах липы, смешанный с запахом снега, будет настоящим подарком Радио стране.

Современные врачи лечат внушением на расстоянии по проволоке. Радио будущего сумеет выступить и в качестве врача, исцеляющего без лекарства.

И далее.

Известно, что некоторые звуки, как «ля» и «си», подымают мышечную способность, иногда в шестьдесят четыре раза, сгущая ее на некоторый промежуток времени. В дни обострения труда, летней страды, постройки больших зданий эти звуки будут рассылаться Радио по всей стране, на много раз подымая ее силу.

И наконец — в руки Радио переходит постановка народного образования. Верховный совет наук будет рассылать уроки и чтение для всех училищ страны — как высших, так и низших.

Учитель будет только спутником во время этих чтений. Ежедневные перелеты уроков и учебников по небу в сельские училища страны, объединение ее сознания в единой воле.

Так Радио скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество.

Печатается по кн.: Хлебников В.В. Собрание произведений. Л., 1930. Т. IV. С. 290–295.

Обращение группы «Радиомузыка» в связи с первым радиопонедельником[5]

В апреле месяце сего года при НКПиТ образовалась инициативная группа, получившая наименование «Радиомузыка», в составе ее членов: Е.М. Линник (скрипка), проф. М.Г. Эрденко (скрипка), артист К.И. Малышев (тенор), А.А. Самсонов, артист Госуд. Академич. Большого театра М.С. Куржиямский (тенор) — и двух технических сотрудников группы: М.М. Красовский и Б.С. Хаскин.

В процессе работы группы в ее состав вошли проф. М.М. Ипполитов-Иванов, директор Академического Большого театра И.М. Лапицкий и зам. директора Политехнического музея Р.В. Лариков.

Не имея возможности в настоящем номере остановиться подробно на задачах группы, обрисованных слегка в вышедших номерах журнала «Радиолюбитель», скажем вкратце, что единая и конечная цель группы «Радиомузыка» — создание концерта по радио путем проведения лабораторно-музыкальных занятий на станции имени Коминтерна.

Организация Общества радиолюбителей РСФСР в центре и ряда обществ и кружков на местах настолько расширила интерес к радио, что явилась необходимость ввиду отсутствия еще на рынке радиоаппаратуры демонстрировать публично радиоприем.

Поэтому группа приняла на себя организацию публичного концерта в Государственном Академическом Большом театре. Как легко видеть из самой программы концерта, группа «Радиомузыка» смотрит на «первый радиопонедельник» как на свой первый и очень ответственный и далеко не последний экзамен.

В этих целях в программу включены различные голоса и разнообразные инструменты. Слушателям будет предоставлена возможность критической оценки достижений в области передачи по радио сравнением радиоконцертного и концертного отделений.

Группа «Радиомузыка» обращается ко всем радиолюбителям и интересующимся передачей музыкальных мелодий по радио, в особенности к лицам, музыкально образованным, с просьбой сообщить ей свои отзывы и впечатления от концерта, а радиолюбителей, имевших возможность судить ранее о работе группы, дать также и сравнение слышимости прежде ими прослушанных концертов со слышимостью при передаче на громкоговоритель, с указанием условий приема прошлых радиоконцертов (расстояние от станции, тип антенны, тип приемника, наличие усилителя, его тип и проч.). Эти отзывы необходимы группе также и потому, что у нее не было возможности испытать установленный трестом заводов слабого тока в ГАБТ громкоговоритель и изучить его особенности.

Указания наших слушателей будут ценным вкладом в нашу общую дорогую нам всем работу.

Группа «Радиомузыка». Адрес: Москва, Наркомпочтель, группа «Радиомузыка».

Печатается по кн.: Радиомузыка, 8 сентября 1924 г. М., 1924. С. 12–13.

М.И. Калинин

Ответ на анкету газеты «Новости радио»[6]

Открылась Первая Всесоюзная радиовыставка[7]!

Выставка эта имеет огромное значение. Трудно учесть его, если вспомнить, какую колоссальную роль играет у нас радио в деле культурного просвещения масс, в деле смычки города с деревней.

При наших необъятных расстояниях, при наших необозримых пространствах, отделяющих «глухие углы», до которых от столицы «год скачи, не доскачешь», радио сослужит огромную пользу.

Радиолюбительство у нас еще молодое дитя. Оно еще в пеленках. И все-таки, несмотря на это, наша радиотехника достигла очень многого и в некоторых областях даже опередила заграницу.

Но если так дело обстоит в смысле радиодостижений, то далеко не то в деле развития и усовершенствования нашей радиопромышленности. В этом отношении нам еще многому следует поучиться у заграницы.

Вот почему так важно участие иностранных фирм на нашей выставке — мы у них кое-чему поучимся.

Но выставка имеет и другое значение.

Радиотехника идет вперед такими крупными шагами, что радиолюбителям, да и не одним радиолюбителям, трудно уследить за ней. А наше юное радиолюбительство жаждет знаний, оно стремится идти нога в ногу с радиотехникой.

И радиовыставка дает ему возможность познакомиться со всем тем, что сделано за последнее время радиотехникой. Выставочные экспонаты дадут ему полную картину того, чего мы достигли до настоящего времени, и укажут ему новые пути для работы в деле улучшения и усовершенствования.

А продукция Треста заводов слабого тока и Нижегородской радиолаборатории даст радиолюбителям массу ценного материала. Там они будут учиться. По этим образцам они поймут, что и как нужно сделать, чтобы поднять нашу радиотехнику на такую высоту, чтобы Европа и Америка не только бы нас учили, но и у нас могли поучиться.

И радиовыставка именно тем и ценна, что она дает — как образно выразился Наркомпочтель тов. Смирнов — «смесь французского с нижегородским».

Более того, она явится тем мостом, который соединит нашу радиотехнику с заграничной. И этот мост установит постоянную связь Союза Советских Социалистических Республик с трудящимися всего мира. Вот в чем значение радиовыставки.

Пожелаем же ей полного успеха.

Новости радио. 1925. 14 июня. № 19. С. 1.

Ф.Э. Дзержинский

Впечатления о радиовыставке[8]

Выставка советской радиотехники наглядно доказала с полной очевидностью ее блестящие успехи — как в области технической мысли, так и промышленности. Эти успехи, темп достижения их нам вселяют полную уверенность, что через несколько лет мы догоним и обгоним капиталистические страны и в этой области. Наши достижения, демонстрируемые на выставке, говорят о любви и преданности делу и огромнейшей энергии наших работников радио — в фабриках и лабораториях. Привет им!

Торгово-промышленная газета. 1925. 14 июня. С. 1.

Д.А. Вертов[9]

«Киноправда» и «Радиоправда»
(В порядке предложения)

...Мы выдвигаем агитацию фактами не только в области зрения, но и в области слуха.

Как установить слуховую связь по всей линии мирового пролетарского фронта?

Если по отношению к зрению у нас кинонаблюдатели фиксировали киноаппаратами видимые жизненные явления, то здесь придется уже говорить о записи слышимых фактов.

Мы знаем записывающий прибор — граммофон. Но есть и другие, более совершенные записывающие приборы: они записывают каждый шорох, каждый шепот, шум водопада, речь оратора и т.д.

Демонстрация этой слуховой записи после ее организации — монтажа — может легко передаваться по радио в виде «Радиоправды».

И здесь в программе радиопередачи всех радиостанций может быть установлена определенная пропорция между радиодрамами, радиоконцертами и радиохроникой «из жизни народов разных стран».

«Радиогазета» без бумаги и расстояний (Ленин) — вот основное назначение радио, а не передача «Кармен», «Риголетто», романсов и пр., с чего наше радиовещание начало развивать свою работу.

Пока еще не поздно, надо спасти наше радио от увлечения «художественной радиопередачей» (сравните с засильем художественной кинематографии).

«Киноправду» и «киноглаз» противопоставляем мы «художественной кинематографии», «Радиоправду» и «радиоухо» противопоставляем мы «художественной радиопередаче».

Техника быстро шагает вперед. Уже изобретен способ передачи изображений по радио. Кроме того, найден способ записи слуховых явлений на кинопленку.

В ближайшее время человек сможет записанные радиокиноаппаратом зрительные и слуховые явления одновременно передавать по радио всему миру.

Мы должны готовиться к тому, чтобы эти изображения капиталистического мира обратить ему же на погибель.

И не к демонстрации опер и драм мы будем готовиться. Мы будем усиленно готовиться к тому, чтобы дать возможность пролетариям всех стран организованно видеть и слышать весь мир, видеть, слышать и понимать друг друга.

Правда. 1925. 16 июля.

Н.А. Толстова[10]

У истоков радиопередач

...Сенсацией для московских слушателей явился юбилейный выпуск радиогазеты. Он был посвящен первой годовщине ее выхода в эфир и проходил в Большой аудитории Политехнического музея.

Большая часть билетов на этот вечер была разослана по московским предприятиям и по подмосковным деревням. Оставшиеся были раскуплены молниеносно.

У подъезда стояла толпа жаждавших «лишненького». В толпе преобладали молодежь и чистенькие старушки в старомодных шляпках.

Когда надежда на лишний билет была окончательно потеряна, молодежь ринулась к дверям музея. Старушки как могли скоренько побежали по домам, чтобы успеть к началу передачи. А молодежь, ворвавшись в помещение, хотела штурмом брать лестницу, но тут кто-то вспомнил: «Ведь мы на радио идем! Тише, братва! Спокойно! Чтобы ни шага, ни вздоха не было слышно! Даешь тишину!»

И наступила тишина. Без единого шороха взлетели ребята на лестницу и бесшумно вошли в аудиторию. Там все места уже были заняты. Вошедшие располагались на ступеньках, в проходах.

Эстрада изображала радиостудию: вместо обычной кафедры стоял стол, покрытый красным сукном, перед столом — поражавший всех своим внушительным видом микрофон.

После вступительного слова и приветственных речей редактор объявил, что стрелка часов приближается к семи. «Уважаемые товарищи, конечно, знают, что ровно в семь мы начинаем нашу передачу, поэтому просьба — соблюдать тишину и не мешать тем, кто вместе с нами будет слушать газету по радио». Уважаемые товарищи все знали. Аудитория замерла. На эстраду вышли три диктора: Михаил Лебедев, Александр Скавронский и Александр Цвиленев (к огорчению многих, Турин был болен и в выпуске не участвовал).

Медленно подошли они к столу и сели. Лебедев занял место ведущего. Скавронский рядом с листочками текста осторожно положил на стол балалайку. Цвиленев карандашом делал последние пометки в тексте. В глубине эстрады у рояля разместились пианист, певцы и трио баянистов.

Все ждали сигнала к началу передачи. Секунды тянулись бесконечно. Но вот наконец в дверях, ведущих за кулисы, техник взмахнул электрическим фонариком и передача началась.

«Алло! Внимание! Говорит Москва!»

Большую аудиторию Политехнического музея заполнил негромкий голос Лебедева. Были в его тембре и благородство, и мягкость, и певучесть, и металл — и всего этого ровно столько, сколько надо, чтобы, услышав его, сказать: какой же редкой красоты голос!

Живо, убежденно и просто читал информации Цвиленев — диктор, отличавшийся правдивостью интерпретаций, выразительной подачей очерков и бесед.

С острым юмором исполнил Скавронский сатирические частушки. Виртуозная игра на балалайке удивила зрителей. «Что за дикторы у нас! Все умеют: и читать, и себе на балалайке подыгрывать»; — послышалось из зала, но реплики сейчас же смолкли, как только ведущий поднял руку и указал на микрофон.

Иногда на эстраде появлялся дежурный редактор и передавал дикторам свежую, только что полученную восковку. И снова в зале пробе-

гал шепот: «Каково им без просмотра читать! Ошибиться нетрудно! Наши дикторы не ошибаются!»

В музыкальном антракте выступали солисты Большого театра и трио баянистов. Тут уж зрителей нельзя было удержать от аплодисментов.

Никто не заметил, как пронеслись 45 минут. Ведущий объявил концовку передачи. Техник выключил микрофон.

— Вот и все, — сказал редактор. — Вот так у нас в студии всегда бывает. А теперь можно и поговорить.

Разговор был долгим. Из аудитории он перекинулся в кулуары музея, где была открыта большая радиовыставка.

Кроме технических приборов — макетов радиостанций, образцов микрофонов, аппаратуры и прочего — на ней экспонировались лучшие номера радиогазеты, радиожурналы «Пионер», «Октябренок», радиогазета «Молодой ленинец», образцы программ радиоконцертов и литературно-драматических передач. (Тогда уже начали работать студии на Никольской, откуда и шли все эти передачи.) Отдельный стенд был отведен для портретов работников радио — артистов, редакторов, дикторов.

— Так вот как они выглядят, наши незримые друзья! Наконец-то с них сняли шапку-невидимку, — говорили люди.

Кто-то задал вопрос: «А какие таланты надо иметь, чтобы поступить в дикторы?»

На этот извечный вопрос каждое поколение дикторов отвечает по-своему. С каждым годом требования к диктору будут расти. Ведь уже рецензенты, с отзывами которых мы познакомились, начали писать о логике, о разговорности, о контакте со слушателем и т.д.

Но, когда самых первых артистов, чтецов приглашали на радио читать информации и даже вести первый номер радиогазеты, от них требовались лишь красивый голос и безукоризненная дикция. Другие требования возникли позже — с появлением новых видов передач, с расширением их тематики. А эти пионеры радиовещания лишь поднимали радиоцелину, они положили начало дикторской профессии в нашей стране.

Печатается по кн.: Толстова Н.А. Внимание, включаю микрофон! М., 1972. С. 29–31.

А.Л. Минц[11]

Начало пути. Радиостанция ВЦСПС

На долю нашего коллектива выпало большое счастье — нам поручили строительство самой крупной в мире радиовещательной станции ВЦСПС.

Вначале предполагалось, что эту станцию будет строить германская фирма «Телефункен». Это было в самом конце 1927 г. Фирма «Телефункен» провела предварительные переговоры и дала согласие на строительство радиостанции, однако мощностью не свыше пятидесяти киловатт. За ее строительство немцы хотели получить несколько

миллионов золотых марок, и срок сооружения назначили не менее двух с половиной — трех лет.

Этому решительно воспротивился Серго Орджоникидзе, который утверждал, что в Советском Союзе найдутся свои люди, способные построить не худшую радиостанцию.

Как раз в то время по решению Центрального Комитета партии всю группу, работавшую раньше на Сокольнической радиостанции, должны были перевести из Москвы в Ленинград с тем, чтобы создать первую в стране специализированную организацию по радиостроению — Бюро мощного радиостроения Треста заводов слабого тока.

Предложение Орджоникидзе очень горячо поддержал Сергей Миронович Киров, который тоже сказал, что не может быть, чтобы в Ленинграде не могли сделать того, что немцы в Берлине. Это были справедливые слова. Благодаря поддержке Орджоникидзе и Кирова строительство радиостанции и было поручено нам.

Кто же участвовал в этой работе? В первую очередь мне хотелось бы назвать своего заместителя Порфирия Порфирьевича Иванова, инженеров Виталия Ивановича Шавыкина, Николая Ивановича Оганова, Александра Ивановича Басалаева.

Эта группа выехала в Ленинград и приступила к делу. Работали мы не только много, но и по-иному, чем это было принято в Тресте заводов слабого тока. Мы считали, что при большом количестве потребуется много времени на различные обсуждения, а семь человек вполне смогут справиться с разработкой N-ского проекта и сделают это быстрее. Очень скоро мы это доказали на деле. За два с половиной месяца была сделана работа, на которую обычно уходило полтора — два года.

Вскоре наше бюро преобразовали в отраслевую лабораторию передающих устройств, которая примерно до 1935 г. осуществляла проектирование, конструирование, разработку и строительство всех мощных радиостанций Советского Союза.

После завершения проекта радиостанции все, вместо того чтобы перепоручить работу по ее монтажу и строительству специалистам-монтажникам, выехали на строительство в качестве прорабов.

За день до отъезда в Москву у нас был прощальный ужин. Каждому из отъезжающих я подарил по небольшому зеркальцу, на обороте которого была надпись: «Если в трудную минуту ты спросишь, какой дурак спроектировал это и что делать, переверни зеркальце и посмотри в него».

Радиостанцию ВЦСПС мы построили мощностью не в 50 киловатт, как предлагала германская фирма, а в 100 и вместо двух с половиной — трех лет закончили ее через [...] месяцев. Построена она была по оригинальной схеме, разработанной нами же. Впервые в ней применялась так называемая кварцевая стабилизация частоты.

Эта станция позволила получить настолько высокое звучание и воспроизведение, что вызвала восторг не только слушателей Советского Союза, но и всей Европы, откликнулись на ее передачи многочисленными письмами.

...Это было начало новой эпохи в радиостроительстве. Советский Союз быстро занял первое место по мощности всех радиостанций.

Вслед за радиостанцией ВЦСПС было сооружено еще четыре — каждая по 100 киловатт. Нужно заметить, что в то время крупнейшие радиовещательные станции Соединенных Штатов Америки имели мощность всего 50 киловатт. И только в 1934 г. американцы построили первую 500-киловаттную станцию в Цинциннати, в то время как мы закончили такую же к 1933 г. Я назвал ее именем Коминтерна... — имени Коминтерна.

Все большую территорию страны требовалось охватить радиовещанием. Поэтому в начале тридцатых годов было решено построить 500-киловаттную радиостанцию.

Если взглянуть на карту европейской и азиатской частей Советского Союза, то мы увидим, что они образуют фигуру, похожую на овал. Значит, при проектировании радиостанции следовало так «распорядиться» энергией радиоволн, чтобы большая ее часть распространялась на запад и на восток, а меньшая — на север и на юг. Чтобы убедиться, можно ли это сделать, мы не только произвели расчеты, но и построили модель антенны в масштабе 1:8 и провели ее испытания на берегу так называемой Маркизовой лужи (это восточная часть Финского залива).

Наши сотрудники, погрузив на катер приемную аппаратуру, ездили с ней по заливу и снимали диаграмму направленности антенны. Она оказалась действительно овальной и именно той формы, которую мы хотели получить. Впоследствии, когда радиостанция была построена, мы облетали ее вокруг на дирижабле на расстоянии ста двадцати километров. Диаграмма повторилась с идеальной точностью.

Разработанная нами антенна обладала еще одним свойством. Она имела очень большое сопротивление излучения, т.е. мощность не терялась в земле, в проводах, а в основном излучалась в пространство. И самое главное, нам удалось добиться очень большой мощности излучения при сравнительно скромной мощности электронных ламп.

Наши лампы имели мощность порядка ста киловатт, а нам нужно было получить пятьсот. Поэтому была предложена (и я считаю, что это одна из лучших работ в моей жизни) система, впоследствии названная блоковой. Она позволяла производить сложение мощностей шести 100-киловаттных передатчиков. Несколько более пятидесяти киловатт терялись в различных цепях, но пятьсот в антенне получались с избытком. Сооружение радиостанции было закончено к 1 мая 1933 г. Назвали ее именем Коминтерна.

В связи с этим событием я позволю себе вспомнить довольно забавную дискуссию на страницах «Радиофронта». Один из самых выдающихся советских радиоспециалистов, член-корреспондент Академии Наук СССР Михаил Александрович Бонч-Бруевич в своей статье, опубликованной в журнале, в частности, отметил, что страна наша очень велика и поэтому нам необходимо значительно увеличить мощность центральной радиостанции. Он назвал тогда мощность в 500–1000 киловатт. Меня это задело за живое, и я ответил ему на страницах того же журнала примерно в таком духе: конечно, написать, что требуется тысяча киловатт — просто, но как их получить? Как их вместить в антен-

ну? Как сделать, чтобы эта энергия не терялась на так называемую корону, т.е. на свечение проводов, связанное с потерей электрической энергии? Не решив этих задач, ставить такие проблемы нет смысла.

Потом, когда 500-киловаттная станция была построена и специальная антенна создана, Бонч-Бруевич посмеивался надо мной: «Вот видите, вы спорили, а сами сделали». Я согласился быть неправым.

Радио. 1974. № 8. С. 30.

В мире радио
(Звуковые эффекты)[12]

В практике нашего широковещания с этой целью нередко применяют обычные звуковые эффекты: свисток паровоза, звонок телефона и т.д. В Америке в этом отношении пошли значительно дальше, и во всех пьесах, представляемых радиослушателям, стараются дать наиболее полную звуковую иллюстрацию, которая максимально возбудила бы их воображение и зрительную память.

Последнее стремление, несколько отзывающее теорией, на самом деле объяснить довольно просто. Артист перед микрофоном может быстрее нарисовать в уме радиослушателей картину какого-либо пиршества или действия, происходящего за обедом, если будет слышаться характерный звук ножей и вилок, придвигаемых к столу стульев, подаваемых блюд.

Рев пароходной сирены поможет слушателю воспроизвести в своем воображении страшную трагедию в океане, петух или индюк — описание деревенской жизни, стук печатающей машинки — действие, происходящее в учреждении.

Например, в одной из пьес, специально написанной для радио, заключительная сцена — когда муж и жена проснулись среди ночи и обнаружили, что все услуги, предоставляемые современной цивилизацией, не действуют и они, таким образом, оказываются отрезанными от мира, — передавалась так: муж бросается к телефону — он не работает (воспроизводится неистовое нажимание рычага телефонной трубки); звонок к прислуге — не звонит (передается нажимание кнопки); электричество — не горит (поворот выключателя); соответствующие комментарии действующих лиц также передаются в микрофон, когда муж в безрезультатных поисках помощи сходит вниз по ступенькам лестницы, слышатся его шаги в ночных туфлях, постепенно замирающие вдали. Для получения впечатления голоса, зовущего снизу, из другой комнаты, артист заглушает свои слова, прикрывая рот рукой. Во время искания дороги в темноте — чиркались спички и т.д.

В отношении реализма особенно отличаются пьесы, передаваемые компанией «Эдисон». В них, например, представление об автомобиле никогда не вызывается одним лишь звуком гудка — слушателю дается почувствовать пуск мотора стартером и его работу. Последний эффект достигается швейной машиной, расположенной перед микрофоном; передавались звуки кипения воды, разбития яиц, жарения на плите.

Однажды для получения нужного эффекта в студии была выпущена стая голубей; в другой раз перед микрофоном была устроена настоящая драка кошки с собакой!

По ходу действия одной из пьес в студии была в точности воспроизведена автомобильная катастрофа: был слышен треск, звук разбиваемого стекла, лязг металла, переворачивание столкнувшихся машин, возгласы и крики толпы, приезд кареты скорой помощи и даже операционная комната больницы.

Как же все это было сделано? В надлежащий момент ударили два куска металла друг о друга, разбили несколько стекол, медленно повернули несколько раз трещотку и, наконец, ввели в действие толпу. Толпа состояла из четырех человек, которые в известной последовательности выкрикивали нужные слова и создали эффект гула большого числа людей. Карета скорой помощи была воспроизведена специфическим для нее звонком, а операционная — звуком перекладываемых хирургических инструментов и разрыванием бинтов.

Радиослушатель. 1928. № 5. С. 2.

Л.А. Кассиль

Никольская, 3

Никольская, 3!.. Эти два слова не вертятся перед глазами, а стоят в ушах. Они вызывают представление не зрительное, а слуховое. Такими вот, металлически-картавыми, встают они в памяти: «Никольская тррри!..» Тогда вспоминаешь черную, взошедшую над столом луну «Рекорда» (громкоговорителя), скобу наушников, берущую голову, как ухват берет горшок со щами, и... Никольскую, на волне 1450 метров.

— Это — откуда радио играет, — говорят о «Никольской, 3» дети.

— Это — радиоузел Наркомпочтеля, — скажут осведомленные люди.

Узел памяти накрепко завязан. В доме № 3 на Никольской бывает ежедневно весь СССР и полмира. Дом № 3 на Никольской бывает ежедневно в гостях у всего мира. В доме № 3 помещаются радиостудии, откуда передаются через станцию им. Коминтерна лекции, концерты, радиогазеты и т.д. Дом № 3 преобразил улицу, он дал ей другое лицо, он властвует над кварталами асфальтовой Никольской, этот дом с гигантской рекламой — «микролампой», похожей на лобовую часть цеппелина.

В этом доме все настроено на волны тех радиостанций, через которые идет передача. Весь дом служит микрофону. Во всех этажах, комнатах, коридорах заготовляется пища для этих маленьких ящичков, стоящих в студии на золоченых подставках. Аппетит у ящичков неуемный. Их утроба — массовое радиослушание.

Весь день отщелкиваются и защелкиваются в аппаратной радиоузла рубильники, включая и выключая станции, скользят по полукругам контактов ползунки реостатов, егозят вертлявые стрелки приборов. По коридорам снуют дикторы, артисты, оркестранты. Дикторы бегло

просматривают последние телеграммы, артисты легонько, под нос, пробуют голоса, напевают арии, нервно прохаживаясь по коридорам. Шумливые музыканты из оркестра бережно перетаскивают с места на место укутанные в чехлы инструменты, начиная от младенчески спеленутых скрипок и кончая громоподобными футлярами контрабасов. Из комнаты репетиций доносятся звуки скрипок, фиоритуры флейт, рявканье труб и стук дирижерской палочки, за которым все стихает, чтобы сразу грянуть оркестром.

Так заготавливается радио.

В боковых стенах аппаратной проделаны большие, невысокие, но длинные окна, выходящие на большую и малую студии узла по окну в каждую. Когда попадешь в студию, первое мгновение кажется, что тебя укутали невидимой ватой. Люди ходят по полу, и шагов их не слышно. Голоса мягко вязнут в какой-то ощущаемой всем телом ватности. Звук здесь короток, плотен. Он не «раздается», а возникая, тотчас же пропадает. Так ведут себя звуки на вершинах высоких гор, где воздух разрежен. Здесь, в студии, эта «ватность» создана искусственно: стены сплошь задрапированы материей, ею обиты двери, потолок, пол весь застлан ковром. Это сделано для того, чтобы в микрофон шел только основной звук, а отраженные звуки поглощались стенами. Впрочем, сейчас уже в радиотехнике существует течение, утверждающее, что стены радиостудии должны быть тщательно отполированы, а вся комната построена с точным расчетом, продиктованным законами акустики.

Перед началом передачи в студии царит удушенный стеклами шум. Пробуют голоса, настраиваются, рассаживаются. Мечется музрук. Музрука не надо путать с Мурзиком, небезызвестным персонажем комедии масок. Музрук — музыкальный руководитель. В радиопередаче он то же, что режиссер на киносъемке. Вообще между Великим Немым и Великим Слепым, как это ни странно на первый взгляд, — близкое родство. Они братья, эти величайшие из искусств нашего века, сумевшие сочетать в себе буйную мощь человеческого интеллекта со строгой четкой мощью машины.

Нервно звонит звонок. Музрук отчаянно шикает. В длинной щели окна аппаратной видна настороженная фигура, застывшая у рычага рубильника. Опять троекратно неистовствует звонок.

Над столом микрофона вспыхивает ярко-красная рамка. Мир включен. В рамке вспыхивает: «Начинайте».

Мы отчаливаем в эфир. И музрук у стола говорит самым будничным, до обиды обыденным голосом столь знакомые всем слова. Так вот просто стоит у стола и говорит:

— Слушайте, слушайте, говорит Москва. Радиостанция им. Коминтерна...

Люди микрофона научились разговаривать жестами, как глухонемые. Жестами передаются перед микрофоном восторг, гнев, радость, советы, указания, брань и прочие камерные эмоции, не предназначенные для широковещания.

Самые лучшие актеры театра часто оказываются совершенно беспомощными перед объективом киноаппарата. Кино имеет свои законы

и требует от человека подчинения этим законам. Радио имеет тоже свои особые законы. Хороший артист может оказаться перед объективом радио, перед микрофоном. Не всякий голос хорошо удается в радиопередаче. Голос должен обладать какими-то особыми качествами, быть, так сказать, радиогеничным, как фотогеничными бывают лица, удачно передаваемые кинопленкой. В кино актер лишен языка. Киноактер говорит своей «видимостью»: мимикой, жестом, телом, движением. В радио человек перед микрофоном лишен зрительного облика, лишен движения, жеста. Все это должен заменить голос. Он должен обладать максимумом выразительности. И тогда, услышав пояснения музрука, радиослушатель верит звуку, ощущает образ.

— Представьте себе, что это поет пьяный монах... Высокий, рыжий. Хотя перед микрофоном и стоит маленький, лысый актер.

В доме 3 по Никольской улице работают люди, которых близко знают во всех концах нашего Союза, знают в Польше по именам и знают уже в советских деревнях. Знают не в лицо, а «в голос». Люди дома № 3 по Никольской улице — «невидимые» люди. Но «слух» о них идет по всему свету на волне 1450 метров.

Радиослушатель. 1928. № 13. С. 5.

П.С. Коган[13]

Мысли о радио

Часто случается, что, приложив к уху трубку телефона, слышишь неведомые голоса, несущиеся неведомо откуда. Еще лучше, когда слушаешь их естественно, в комнате, из жерла громкоговорителя. Мысли о посевах переплетаются с гневными протестами против империалистических, хищнических планов. Трогательный романс сменяется стихами революционного поэта. Если когда-нибудь человечество будет представлять собою единую семью, организованную, говорящую на общем языке, то, несомненно, переживания будущего члена этой многомиллионной семьи имеют свой прообраз в тех настроениях, какие рождаются у трубки радио. Атмосфера, окружающая землю, стала говорящей. Города и страны, отделенные друг от друга тысячеверстными пространствами, перекликаются между собою. Радио проникает туда, куда нет доступа почте и телеграфу. Радио преодолевает океаны, непроходимые пустыни, ледяные глыбы, свободно пролетает места, где не ступала нога человека.

Трудно в настоящее время понять ту преобразующую революционную роль, которую играет это открытие во всех формах человеческой жизни. Трудно сказать, чем завершились бы поиски «Красина», если бы не было радио. Быть может, скоро станут легендами рассказы о людях, переживающих страшные трагедии одиночества и оторванности от мира, носящихся на обломках разбитых кораблей без всякой надежды на спасение; поэты лишатся одного из самых любимых сюжетов, и Байрону будущего нельзя будет рассказывать о волнениях, пережитых злополучными спутниками Чайльд-Гарольда.

Будущему исследователю придется задуматься над многими вопросами в связи с радио. Но, несомненно, уже сейчас мы чувствуем его преобразующую силу в одном чрезвычайно важном явлении, именно в творческом процессе, поскольку последний связан со звуками. Несомненно, психология артиста, певца, музыканта, чтеца, лектора должна стать совершенно иной. Художник, посылающий звуки в невидимое пространство, — это художник совершенно нового типа. Всякому, кому приходилось говорить перед бездушным, немым аппаратом, ясно, что он переживает иные ощущения по сравнению с теми, которыми сопровождается чтение перед живой аудиторией. Я беседовал на эту тему с поэтами и артистами. Некоторые из них смотрят на радио как на неизбежную ремесленную обязанность. Другие переживают творческий восторг, истинное вдохновение. Их окрыляет чувство единства с человеком. Это слово, когда-то такое абстрактное, такое книжное, становится живым образом, почти физически ощущаемым. Впервые слово «человечество» непосредственно волнует. Есть много признаков, отделяющих живую аудиторию от аудитории радио. Прежде всего признак количества. В живой аудитории человеческий голос имеет пределы. Немыслимо представить себе залу, число слушателей в которой будет когда-нибудь измеряться миллионами. Но радио не знает границ, и вовсе не такой уже фантастикой будут представлять себе когда-нибудь мирового артиста или мирового оратора, которого одновременно слушает все миллиардное население земли. Соревнованию тех, кто влияет голосом, открыты такие перспективы, которые не могут не опьянить истинного художника нашей современности, эпохи головокружительных перелетов, гигантских небоскребов и невиданных машин.

Есть и другое различие. Художник или оратор, говорящий перед радио, не слышит аплодисментов. До него не доносятся свистки и протесты. Перед ним нет ни сочувствующих, ни восторженных лиц. Художник впервые так свободен, впервые получает возможность без влияния, без насилия отдаваться процессу чистого творчества. Какой изумительный парадокс! Человек, говорящий миллионам, более независим, чем человек, говорящий сотням. Это не значит, конечно, что мы отказываемся от своей веры, будто всякий художник есть выполнитель коллективного заказа. Но во взаимодействии между личностью и массой радио открыло совершенно новые пути, которые обеспечивают одновременно и свободу творчества, и ясный ответ на запрос бесчисленной массы. Конечно, и качества творца должны быть иные, и приемы отбора новые, и многое должно измениться. Но это тема не одной статьи, а ряда статей, и даже не статей, а целых исследований.

Новости радио. 1928. 22 июля. № 30. С. 3.

Н.И. Бухарин

Текущий момент и задачи нашей печати[14]

...Наша печать должна, во-первых, возможно более правильно информировать о положении вещей. Мы, разумеется, не можем рассказывать «всем, всем, всем» о некоторых вещах, не можем потому, что

это принесет вред пролетариату. Мы не можем ничего печатать, например, о наших военных тайнах. Ведь мы живем не в закупоренной бутылке. Нельзя ставить такой лозунг, что все, мол, до конца выкладывайте в газетах. Но мы должны правильно информировать о существующем положении, потому что если мы что-нибудь замалчиваем или недостаточно смело информируем, то это в конце концов отражается в худую сторону на нашем общем деле. Представьте, что мы стали бы скрывать трудности, которые у нас есть и которые нам еще предстоят. В ходе этих трудностей нас справедливо спросили бы: откуда все это свалилось, почему же вы об этом молчали? Рабочий класс у нас способен на большие жертвы, но он требует — и он вправе требовать, — чтобы мы вовремя говорили то, что есть. Без этого не может быть ставки на рабочий класс, без этого не может быть мобилизации трудящихся масс.

Второе: мы должны правильно учитывать настроение масс. Мы тем и сильны, что всегда слушали массу, и даже тогда, когда масса иногда заблуждалась, мы терпеливо разъясняли положение дел по косточкам и делали понятным и доступным массе тот путь, по которому партия идет. Но для всего этого надо уметь слушать массу. И в первую очередь это задача рабкоров, потому что рабкор, который превращается в чиновника, рабкор, который теряет живую связь с массой и не отражает того, что говорит масса, такой «рабкор» перестает быть рабкором. Такой «рабкор» социалистическому строительству никакой пользы не приносит...

Печатается по кн.: Бухарин Н.И. Текущий момент и задачи нашей печати. Йошкар-Ола, 1928. С. 22.

Стадион в эфире[15]

Человек смотрит в окно, не отрываясь. Взгляд его скользит по склонам котловины, усеянным людской массой, опускается на ярко-зеленое дно и надолго задерживается у перекладины через велотрек. Человек ждет...

Вот и заметил что-то внизу и, не поворачивая головы, бросает назад:

— Готово?

— Готово, — раздается рядом.

— Начали.

Щелкает рычажок аппарата. В углу вспыхивают четыре лампы. В комнате становится тихо, как в склепе. Человек приближается к белой коробочке у окна, губы его почти касаются микрофона.

— Слушайте, слушайте! Говорит Москва, стадион «Динамо». Сейчас идут приготовления к легкоатлетическим соревнованиям. На беговой дорожке показались участницы женского бега на сто метров. Они роют ямки у старта.

Передача началась. Стадион отчалил в эфир.

Место, откуда производится трансляция спортивных состязаний, находится на верхнем краю северной трибуны стадиона «Динамо».

Серая деревянная будка, окруженная с двух сторон крытой площадкой, напоминает рубку капитана. Два окна ее, словно четырехугольные очки, обращены на поле. Они заменяют глаза радиослушателям. Сквозь них на поле стадиона глядит гораздо больше народу, чем с трибун.

На «радиостанции» тесно и душно. Это, пожалуй, единственная радиостанция и студия, занимающие так мало места, что диктору приходится стоять рядом с мощным трансляционным усилителем, неосторожное прикосновение к которому неизбежно грозит смертью.

Четыре девушки в красных и голубых майках, начавшие состязания, три раза вырывают старт, прежде чем начать одновременно бег. На 50-м метре красная майка москвички Шамановой уже виднеется впереди всех. Она эффектно разрывает белую нить у финиша. Раздаются первые аплодисменты.

Дождь не испугал ярых любителей физкультуры — «болельщиков» — они явились в полном составе. Он оказался неприятным лишь для участников состязаний, ибо круги, откуда происходит метание ядра и диска, залились водой, дорожка сделалась тяжелой для бега, трава — слишком скользкой для игры в футбол.

Некоторые «болельщики» не в силах следить за состязанием с трибуны, высыпали на поле стадиона и расположились в десяти шагах от места, отведенного для прыжков в высоту. Здесь от них не ускользало ни одно движение прыгающего. Они болели его неудачами, радовались его победам и порой сокрушительно качали головами:

— Тяжеловато у Грея получается.

Иногда они заботливо указывали проходившему мимо участнику прыжков:

— Ты оттолкнулся на один сантиметр раньше черты.

Когда земля у шестов чуть взрывалась от прыжков, ее укатывали валом. Человек, тащивший огромный деревянный вал, вытирая потную голову, укоризненно говорил:

— Эх вы, болельщики, ничего не делаете! А ну, давайте!

И «болельщики» срывались с места, волокли тяжелый вал, и на лицах их светилась блаженная улыбка.

Бег на пять километров особенно взволновал зрителей. Тридцать пять тысяч глаз слились с фигурами бегунов и обвели беговую дорожку двенадцать раз. Напряжение нарастало. Когда москвич Потемин, шедший вначале третьим, на последнем повороте круга вдруг выскочил вперед, трибуны дрогнули аплодисментами. Под шум, крик, овации Потемин прибегает первым.

Бег на пять тысяч метров закончил легкоатлетические состязания. Наступает долгожданный момент футбольной игры. Среди зрителей начинается обычный спор: Ленинград или Москва? С серьезными лицами бьются об заклад, высыпая при этом на колени ириски.

Но вот у входа появляются ленинградцы в голубых майках, за ними — москвичи в красных рубашках. Поле усеивается яркими пятнами игроков, словно цветами. Пари на время прекращаются. Трибуны стадиона кажутся покрытыми монументами, так неподвижно сидят «болельщики».

Свисток судьи. Игра началась. Некоторое время она идет на середине поля с явным перевесом Ленинграда. Его ликвидирует сильный и точный удар Блинкова. Не помогает прыжок вратаря Соколова, мяч попадает в ворота Ленинграда. Гол поднимает дух москвичей. Нападение их становится все смелее и смелее. Мяч снова у ворот Ленинграда, и Старостин головой забивает второй гол.

Во второй половине игры Ленинграду удается комбинация, приведшая мяч в ворота Москвы...

Состязания окончены. Стадион пустеет. Оголились скамьи трибун. Кое-где еще виднеются группы увлекшихся обсуждением игры людей.

В будке тихо. Спокойным голосом поясняет диктор преимущества обеих команд.

— Алло, на этом мы заканчиваем.

Все. Стадион «Динамо», пробыв в эфире четыре часа, отшвартовывается у берега.

Радиослушатель. 1929. № 28. С. 10–11.

Н.Г. Базилевский[16]

Радио в театре

Случай этот произошел лет 18 тому назад. Тогда кино в России было еще в зачаточном состоянии. Один кинопредприниматель обратился к крупнейшему русскому актеру с просьбой сняться в кинокартине. Артист отказался, мотивируя свой отказ следующим: «Кино — это искусство для бедных. Я вовсе не собираюсь принимать участие в этом балагане».

Впоследствии этот артист снимался в ряде картин. Понадобился ряд лет для того, чтобы этот актер перестал думать, что кино — это «искусство для бедных».

К разделу «для бедных» в свое время было причислено и радио. Нередко еще и сейчас можно слышать от артиста, впервые выступающего перед микрофоном, примерно такую фразу: «Нет, знаете, это не то, что перед публикой».

Однако наряду с этими не чувствующими микрофона артистами, с этими людьми, не понимающими, что микрофон соединяет его с аудиторией, которую не смог бы вместить величайший театр мира, есть другие люди, пришедшие из театра, работающие с энтузиазмом. Эти люди и были начальными связующими звеньями между радио и театром.

Сейчас уже мы можем найти целые театральные коллективы, которые приспосабливают свою работу к требованиям радиовещания. Это было не только техническое приспособление к специфическим условиям, но и желание найти наиболее удачную манеру сделать спектакль наиболее выразительным, наиболее легко воспринимаемым радиослушателями.

Такими коллективами, несомненно, являются группа артистов студии Малого театра, поставившая «Пургу» и «Дегаевщину», и группа

артистов МХАТа со своими постановками «На дне» и «Квадратура круга». В особую группу нужно выделить артистов МХАТа II, которая работает специально для радио. Эти артисты уже начинают всерьез изучать методы радиоработы.

Через эти коллективы и зачастую даже через отдельных лиц радио стало просачиваться в театр, стало входить, если можно так выразиться, в театральный обиход.

Те, кому часто приходится бывать в театрах, вероятно, наблюдали такие явления: в одном сезоне поражало большое количество пьес, в которых обязательно один из действующих лиц был матрос, в следующем сезоне матроса сменяли инженеры самых разнообразных видов — преданных работников, вредителей, общественников, мещан, и т.д.

Можно было наряду с матросами и инженерами насчитать десятки пьес, в которых обязательно были пароходы или, чаще того, паровозы, вагоны или железнодорожные станции.

Минувший сезон прошел под знаком радио. Радио вошло в ряд спектаклей не только как оформление, но как одна из составных частей самой пьесы.

В пьесе «Клоп» в театре Вс. Мейерхольда радио посвящена целая картина.

В опере «Джонни наигрывает» в театре им. Немировича-Данченко радио — часть фабулы. Оно входит как одно из звеньев интриги спектакля.

В спектакле «Квадратура круга» на малой сцене МХАТа радио применяется как концовка. Громкоговоритель, объявляющий о том, что «спектакль "Квадратура круга" на малой сцене МХАТа закончен», здесь как бы заменяет классических слуг просцениума.

Ленинградский театр рабочей молодежи — ТРАМ использует радио в двух спектаклях: в «Дружной горке» и «Клеше задумчивом».

Для ТРАМа радио — техническое средство. Например, в «Дружной горке» почти все дуэты проходят у прекрасно замаскированного микрофона. Размещенные в зале репродукторы усиливают звук. Нужно сказать, что это весьма удачный прием хотя бы потому, что у многих трамовцев не хватает голосовых средств, чтобы заполнить звуком весь театр.

Примерно так же использовано радио и в «Клеше задумчивом».

Участвует радио как один из элементов спектакля в пьесах «Огненный мост» и «Раффке и К°».

Среди патриотов радиодела нередко можно встретить людей, заявляющих, что недалеко то время, когда театры станут просто студиями, в которых артисты будут главным образом для радиослушателей, а со временем и для радиозрителей.

Пожалуй, это время действительно не за горами. Уже в ближайшее время драматург, постановщик и артисты должны будут рассчитывать свою работу не только на 1000–1500 человек, сидящих в зале, но и на миллионы слушателей, находящихся далеко за пределами театра.

Если когда-то, не так давно, классическим правилом для артиста было — «не поворачиваться спиной к публике», то теперь для артистов не менее классическим должно стать — «не поворачиваться спиной к микрофону».

Радиослушатель. 1929. № 31. С. 13.

Г.А. Поляновский[17]

Радиогазета и музыка

Вопросу — какое место в радиогазетах должна занимать музыка — посвящено было немало принципиальных и формальных споров. Десять разновидностей газет требуют, очевидно, отличительных друг от друга звуковых оформлений. Характерные особенности содержания каждой из газет — «Красноармейская», «Женская», «Комсомольская» и т.д. — предвосхищают саму сущность их звукового оформления; например: если рабочая газета носит деловой, серьезный характер, — ясно, что и музыка, обрамляющая отделы, должна быть соответственно серьезная, не отнимающая пустяками времени у слушателя. Детская газета — «Пионерская правда» — добрая, жизнерадостная. И музыка в ней должна быть такая же по настроению. «Комсомольская газета» — всегда с задором, смелая, вскрывающая всюду язвы, где они есть. Музыка в ней — напористая, боевая, призывная.

Но, помимо сказанного, каждая газета должна иметь еще и свой, только ей свойственный, звуковой лозунг, музыкальную эмблему, наподобие формата газеты печатной, шрифта заголовка, набора. Примеры: «Красноармейская газета» имеет фанфарный подзаголовок — и это глубоко правильно; детская — глокеншпиль — колокольчики; комсомольская — ансамбль ударных инструментов; рабочая — должна начинаться двумя тактами из «Интернационала» в оркестровом исполнении; «Пионерская правда» — звуками флейты пикколо «Взвейтесь кострами». Все это — примерно.

Возможен и нужен конкурс среди молодых советских композиторов, который выявит наиболее пригодные звуковые эмблемы для каждого вида радиогазет.

Нужны такие номера внутри газет после соответствующих отделов, т.е. музыкальные виньетки, заставки, концовки, отбивки.

Наподобие альбомов к кинематографическим картинам составим мы радиоигровые сборники. Войдут в них сочинения и молодых наших композиторов, и обработки мастеров-классиков— Шуберта, Грига, Шумана, Глазунова, Бетховена и т.д. Эти короткометражные пьесы, расписанные на любого состава оркестр — симфонический, духовой, народных инструментов, дадут гибкое и логическое музыкальное оформление каждой из газет.

«Пары» поэтов и композиторов, ежемесячные совещания лиц, «делающих» газету, и музыкальных оформителей — последние звенья, завершающие цепь улучшения музыкального обслуживания радиогазет. За это надо приняться теперь же, и зимний план реконструировать соответствующим образом.

Радиослушатель. 1929. № 36. С. 9.

Я.Ф. Погодин[18]

Микрофон в деревне

Вечером мы прошлепали по грязи города Щигры в знаменитый щигровский радиоузел, проникли в аппаратную и стали недоумевать: это и есть сердце радиофицированного района, питающее токами своими систему радиоточек?! Чепуха это, а не радиоузел. Мы много шумим в Москве и мало занимаемся самокритикой.

Какой-то малец «под городом» на приемник БЧН принимает «Коминтерн» в комнате, расположенной рядом с аппаратной телеграфа, радиотехник подкручивает кустарный усилитель, пять ламп шумят без всякого согласия, цепь дает чудовищные искажения, репродуктор воет и нежно, и страшно... Нам говорят:

— Это — фон «Коминтерна».

Может быть. Здесь все возможно. В трех шагах от репродуктора в самом радиоузле трудно понять язык передачи. Какие там интонации, чистота шипящих, если время от времени русский язык переходит в помесь цыганского с древнееврейским. Тогда нам говорят:

— Это разряды.

Я понимаю радиотехника — ему больно. Он не виноват. Он удостоверяет в конце концов, что в наушнике еще хуже получается. Я проверяю, что означает в жизни это «хуже», и полагаю, что хуже ничего быть не может. Можно было бы утверждать, что тихая техника радиофикации компрометирует радио, если бы мы знали настроение «радиоточек»... Слыхал я как-то в поезде замечание крестьянина:

— Радио... что с него спросить?

Делать в радиоузле было нечего. К тому же нас в «радиоцентре» кто-то частным образом ввел в заблуждение, рассказывая о том, что Щигровский район — район сплошной радиофикации. Выяснилось не то. В Воронеже нам туманно намекнули, что в Щиграх «плохо». В Щиграх нам что-то говорили о ста двадцати «радиоточках». А мы не частным образом, а по официальному заданию ехали выпустить «Крестьянскую газету по радио» из Щигровского района.

В жизни так часто бывает.

И вот дождь, заквашенный чернозем. Мы путешествуем в Охочевскую тракторную колонну, в район сплошной коллективизации, чтобы оттуда выпустить газету. Как бы то ни было, но сам по себе ответ интересен, выйдет газета. Мы будем писать о присутствующих; каждое наше слово — под контролем аудитории. Этот опыт станет большим актом пропаганды радиовещания...

Тракторная колонна разместилась в службах, храминах и кельях Тихвинского монастыря, недавно уничтоженного. Монастырь был старинный, но не великий. Жить в нем нам с привозной машинкой и машинисткой определенно негде. Воткнули нас в свечную мазанку о двух половинах, — ложись на пол животом вниз и пиши. Холодно.

Завтра день коллективизации. Люди в колонне, в общем приятные люди, стали сердитыми. Гостей прет армия. Забот — сотни. И мы что-то такое требуем — смешно! Мы поняли все и пока никто не догадался, оккупировали школу.

Машинку тащит на плечах редактор. Фельетонист движется независимо. Машинистка прячет на груди бумагу от ливня. До школы полверсты. Тут все пешком ходят. Включая ночь, мы имеем 28 часов до того момента, когда будет включен наш микрофон.

В школе можно жить на партах и на полу.

Мы уже имеем статьи районных работников — большие статьи, написанные для передачи на радио. Работа кипит. Мы имеем лампу и сухую бумагу.

Учитель Булгаков дает нам замечательные материалы. Утром является селькор «Красное жало» с сатирическим произведением о кулаках. Мы популярны. Пока переписывается передовая, подоспевший из Щигров репортер воронежской радиогазеты записывает будущие речи колхозников у микрофона. Они учат друг друга, что надо сказать, и у них ничего не получается. Мы беседуем, пишем фельетон, распределяем музыкальные номера, в то время как двадцать артистов, прибывших из Воронежа, везут на прицепе трактора. У артистов синие носы... Погодите, голубки, не то еще будет.

Студия?.. Вот студия... Наперекор всем законам науки и техники, наперекор стихиям, в сарае, наполовину крытом, в присутствии развеселившихся людей устанавливается микрофон. Наш репортер тащит стол из жилья заведующего колонной. Стол устанавливается на подмостках сцены. И студия оборудована.

Но где же председатели колхозов, которые должны читать свои речи?

— Милай, — шепчет мне добрый и знающий старичок.

Я все понимаю. Не выдержали до семи часов тридцати минут.

— Праздник какой, душа моя! — обнимает меня колхозник руками своими и хлебным духом.

Праздник был необычайный. Это правда. Девки кумачами рдели. Ухажеры для них носили карамель на демонстрации тракторной колонны. Дед, информирующий меня, показывал с высшим юмором работу сохи, и так он это изображал, что три тысячи людей хохотали, как на представлении.

В общем, наши ораторы удалились. Рабочий, приехавший из Москвы, к микрофону пойдет, но трактористка...

— Я, — сознается она, — могу заплакать.

И пытается исчезнуть. Перед самым выпуском газеты мы ее находим дома и действуем на ее самолюбие, занимаясь явной демагогией.

Махнула рукой. Пошла,

И вот в популярной форме музрук объясняет собранию, почему надо молчать. Мне кажется, он никого не убедил. Загипнотизировало само радиодейство. В самом деле, даже страшно стало, когда диктор объявил:

— ...одновременно работают радиостанции в городах: Воронеже, Курске, Нижнем Новгороде, Тифлисе.

12 станций.

Наш сарай стал студией. Где-то фыркал трактор. Но это — колорит.

Газету многие слыхали. Она не была блестящей. Дело не в этом. Вот идет заметка селькора о кулаках. Медленно рассказывает диктор,

как здесь на полях колья ставили кулаки в хлеба, чтоб ломать уборочные машины, как в снопы загоняли железные прутья и в молотилки бросали подковы и вилы.

Вот артисты поют частушки о кулаках... И вот на крышу сарая полетели камни, железо загремело... Кто-то прекрасно понял, как можно сорвать газету... Кто-то бросился ловить.

Газета идет. Идет фельетон, в котором приводится пример о вдове Гурлихе. Вдова не имела своего хлеба, нищенствовала, жила по дворам, а ныне получила до ста пудов хлеба, обеспечена чистосортными семенами, засевает все свое поле и по уплате всех долгов еще получила чистого дохода от своего хозяйства до пятидесяти рублей впервые в жизни.

Как только дошел диктор до этого места, Гурлиха отозвалась:

— Да я еще всех денег-то и не получила.

Контроль жесткий. На днях тракторная колонна произведет окончательный расчет с колхозниками. Мы забежали вперед. Далеко от микрофона стояла Гурлиха.

Хорошо бы было, чтобы ее поправку услыхали радиослушатели, и жаль, что не могли мы передать по радио ее последующий разговор.

— Что правда, то правда, — доказывала она. — А насчет денег сбрехнули. Как получу все, тогда и объявляйте — получила. А то там подумают...

«Там»... прекрасно сказано. Женщина впервые увидела радиопередачу и поняла, что «там» это слышно. Опыт удался. Сотня-другая крестьян, наблюдавших передачу радиогазеты, будут самыми пылкими популяризаторами радио. Они все видели сами.

В общежитии рабочих БЧН принимал в это время Москву. Из сарая прибежали деревенские ребята узнать, верно ли, будто Охачевку передает Москва?

— Кто это, по-твоему, говорит? — сердито спрашивал ребят более или менее искушенный радиолюбитель. Ребята косились на «Рекорд»:

— Харин.

Потом открывали окно и прислушивались:

— И там говорит Харин.

Опять глядели в «Рекорд».

— Харин... Ну, что ты скажешь!

И если бы в самом деле Щигровский район был радиофицирован, если бы мы там имели более или менее приемлемую технику, то, несмотря на передачу из открытого сарая, несмотря на 18 километров микрофонного провода, этот опыт во всех отношениях стал бы блестящим.

Радиослушатель. 1929. № 45–56. С. 4–5.

М. Лохвицкий[19]

Радиобоязнь

Микрофон — маленькая ехидная штучка — гипнотизирует исполнителя. Странное действие производит микрофон на артистов, даже прославленных и «обожаемых».

Белый квадратик верхом на штативе молчит и одновременно говорит миллионам слушателей. Миллионы — это очень серьезное обстоятельство. Здесь, в радиостудии, каждый звук — всесоюзный звук, каждый чих — всесоюзный чих.

Бывают на этой почве неприятные случаи.

Оркестр исполнил симфонию. Далее следовало сольное выступление певца, затем снова — оркестр. Музыканты в большинстве на время вышли покурить и выпить чаю, кое-кто остался в студии. Был там седой виолончелист, от природы очень музыкальный человек. Он остался на своем стуле и погрузился в глубокую думу. Вокалист запел что-то знакомое, и виолончелист в полусне стал подпевать. Сначала тихо, затем громче и громче. Присутствовавшим в первый момент стало страшно. Кто-то догадался наконец толкнуть несчастного в бок. Виолончелист от неожиданности вскрикнул и затем както очень смешно икнул... Микрофон не замедлил передать эти звуки в эфир.

Слушают миллионы; это обязывает, но не в этом тайна власти микрофона. Пусть бы собрались сюда миллионы и слушали. Дышали, сопели, сморкались — словом, все вместе по-человечески молчали. Ужас в том, что микрофон молчит бесчеловечно и невозможно.

После долгого перерыва выступал в студии знаменитый певец. Знаменитый певец — очень самоуверенный и самодовольный человек. У него такой вид, точно он уже не в первый раз живет на свете и все решительно испытал.

Вышел он, слегка гарцуя, к роялю. На ходу показал музруку на горло: «Я сегодня не в голосе, но вот услышите, как поет такой-то, когда он не в голосе...» Затем величаво помахал ручкой аккомпаниатору и решительно повернулся к микрофону. Через секунду лицо его вытянулось...

Он удивительно плохо спел, жалко махнул рукой и бежал от микрофона в панике.

В студии все же есть публика: музрук, диктор, оркестранты. Если бы их не было, боязнь микрофона могла бы обратиться в психоз.

...Утром, днем и вечером поют и играют в студии. Как же дикторы и постоянные кадровые радиоартисты? Страдают ли они радиоболезнью?

Сейчас в студиях Московского радиовещательного центра комиссия специалистов производит акустические исследования. Уже скоро будут установлены «точки» — наиболее выигрышные позиции относительно микрофона. Радиогеничность, доходчивость голосов будет когда-нибудь определяться по точно разработанному графику. В грандиозном радиодоме, который будет строиться в Георгиевском переулке, главный дирижер будет когда-нибудь расставлять «фигуры» из сигнальной рубки. Но и тогда не прекратится радиоболезнь, гипноз микрофона.

И моряки подвержены морской болезни. Так и радио.

Радиослушатель. 1929. № 48. С. 8.

Н. Подкопаев[20]

Радиопередача с точки зрения физиологии

Безвозвратно прошло то время, когда огромная культурно-политическая роль радио сводилась со стороны передающих станций к беспорядочному «радиовещанию», а со стороны владельцев приемников — к наивному удовольствию вливать себе в уши через одноухий телефон искаженные звуки жиденького оркестра или второразрядной певицы, нередко притом прерываемые «по техническим причинам». Сейчас работа радиостанций значительно улучшилась. Выросли и уточнились требования радиослушателей. Зарождается новое, подлинное искусство — радиоискусство, как удачно назвал его в своей статье тов. Смирнов.

Всякое искусство, как и всякая идеология, — явление биосоциальное. То же целиком относится и к молодому радиоискусству.

Во всяком искусстве есть два явления: предмет искусства (картина, книга, музыка и проч.) и человек, на которого данный предмет искусства действует. Предмет искусства — объект, человек, на которого оно действует, — субъект. В каком соотношении находятся между собой объект и субъект?

Человек, воспринимающий какое-либо явление искусства, подчиняется в этом процессе всем обычным законам высшей нервной деятельности. Данный предмет или явление действует на его воспринимающие аппараты — ухо, глаз и т.д., воспринятое раздражение проводится к тому или иному участку коры головного мозга, в результате наступает та или иная реакция организма — двигательная, сосудистая и т.п. Однако такой простейший нервный процесс, в сущности, абстракция. Он возможен только в первые недели жизни ребенка. У взрослого же организма каждое одиночно воспринятое раздражение (звук, например), придя в большие полушария головного мозга, сейчас же связывается в одно целое с оживившимися следами прежних раздражений. В результате даже изолированное внешнее раздражение, идущее от объекта, вызывает по ассоциации в мозгу возбуждение сложной цельной системы очагов нервной деятельности.

Фактически дело обстоит еще сложнее: наше знание о предмете или явлении тем полнее, чем большее число наших воспринимающих поверхностей «органов чувств» участвовало в ознакомлении с ним. Мы «знаем» предмет как «яблоко» и отличаем его от других предметов потому, что мы видим его своеобразную форму и цвет, осязаем его гладкую поверхность, обоняем его запах, пробуем его на вкус, слышим его глуховатый звук при ударе о твердую поверхность. Только синтез всех этих возбужденных точек в коре мозга дает нам знание и различение «яблока». Необходимо ли, однако, чтобы всякий раз при встрече с тем или иным явлением внешнего мира мы получали наличное раздражение от всех его свойств? Каждый знает по опыту, что нет. Достаточно одного–двух наличных раздражений, чтобы в мозгу оживились по ассоциации следы от бывших раздражений других органов чувств и возник весь комплекс данного предмета.

Радиопередача воздействует (пока что) исключительно на слуховой воспринимающий аппарат. И если мы с чрезвычайной иногда яркостью восстанавливаем по слуху целостную картину радиоспектакля, то только в силу вышеуказанных физиологических законов мозговой деятельности. Но раз это так, то к звукам, выходящим из радиоприемника, должны предъявляться особенно строгие требования чистоты звука, т.е. отсутствие малейшего искажения. Достаточно, чтобы скрипка радиооркестра зазвучала, как виолончель, чтобы выстрел из орудия в радиоспектакле прозвучал, как шлепок — и целостность комплексного восприятия, а следовательно, и художественность его безнадежно пострадали. А как часто нарушается это элементарное физиологическое правило!

Очень интересен, но в то же время очень, по-моему, спорен вопрос о введении в радиоискусство телевидения. С точки зрения физиологии нервной системы, как это ясно из предыдущего, реальность и точность восприятия тем больше, чем большее число пунктов головного мозга, связанных с органами чувств, возбуждается наличными, а не следовыми раздражителями. Казалось бы поэтому, что применение зрительных картин к радиопередаче — вещь безусловно полезная. Но это лишь с точки зрения физиологической. В искусстве же законы нервной физиологии должны быть применяемы непременно, но мне думается, лишь в «снятом» виде. И потому эта интересная проблема подлежит еще длительной и практической, и научной проработке.

Наконец, последнее. Воссоздание целостной синтетической картины путем одного наличного раздражителя (звукового) требует от мозга гораздо большей работы, чем восприятие через многие наличные раздражители. Поэтому длительность всякой радиопередачи, в особенности сложной (нап[ример], радиоспектакля), не должна быть большой. Если для длительности драматического действия (акта пьесы), где дело идет о наличном раздражении двух мощных воспринимающих поверхностей — глаза и уха, практика установила норму около 40 минут, то продолжительность акта радиоспектакля не должна, по-видимому, превышать 20–25 минут.

Радиослушатель. 1930. № 18. С. 3.

А.Н. Афиногенов[21]

Как я писал «Дніпрельстан»

Признаюсь, начал я работать над «Дніпрельстаном» не без недоверия к самому понятию «радиопьеса».

Специфичность восприятия определяла совершенно особый подход к материалу. Вероятно, лучшую радиопьесу напишет «слепой», внешний мир которого постигается только через звуки. А нам, зрячим, почти невозможно отделаться от зрительных образов, возникающих при чтении или слушании. Вот почему внутреннюю задачу при работе над материалом я определил для себя в таком виде: 1) перевести для себя зрительные образы в звуковые и 2) так построить звук, чтобы он вызывал у слушающего зрительный образ.

В первом — мне много помогло знакомство с литературой о слепых, восприятии мира, звуков и организации звуковых ощущений. Во втором — задача определялась лишь степенью литературного мастерства (языковой материал как основа и его расположение в системе образных восприятий).

Все это определило собой и форму произведения, названного мною не радиопьесой, а радиофильмом, т.к. в «Дніпрельстане» место действия и время движутся и уплотняются, чего нет в пьесе, оперирующей в каждом данном эпизоде, картине и т.п. местом статичным, а временем почти не уплотненным.

В «Дніпрельстане» я хотел показать один из участков нашей социалистической стройки в несколько ином, чем это обычно бывает принято, разряде. «Дніпрельстан» не только как мощный энергокомбинат, но и как невиданная в мире школа социалистической переделки людей, вливающихся и создающих все эти дамбы, плотины, мосты, здания.

Вот почему в центре фильма — фигура украинского крестьянина, вырванного с насиженного места фактом затопления родного села, пришедшего на строительство и проходящего различные стадии своей переделки: артельный труд (национализм, местничество, рвачество); машинная техника (через отрицание машины к овладению ею); машинный труд (создающий иные, отличные от артели интересы и качества работы); социалистический труд (субботник, соревнование).

В соответствии с этим в фильме должны звучать три ярко выраженных ритма:

1. Ритм артельной работы (дубинушка и ругань).
2. Ритм переходного периода (поломки машин, овладение ими, забастовка).
3. Ритм социалистического «Дніпрельстана».

Радиослушатель. 1930. № 23–24. С. 5.

Е. Степной[22]

Днепрострой[23]

Подготовительные работы к передаче по радио Днепростроя вчерне уже закончены. В течение двух недель мы следовали с микрофоном за работой по сверлению гранитных скал, за клепкой турбин, за гибелью громадных камней «изюмов» в объятиях камнедробильных машин, за укладкой бетона на той самой плотине через Днепр, которая по окончании не будет знать себе равных во всем мире.

Передача с начала до конца будет подлинным отображением натуры. Ни один радиоочеркист не будет иметь ни одного слова написанного текста, ни один кадр не будет инсценирован. В этом ценность и трудность работы.

Экспедиция дала по проводам две репетиции «звуковых фотографий» в Москву. Первая репетиция дала большое искажение звуков. Она показала, что провода на расстоянии 1100 километров дают такое искажение, что немыслимо думать о чистой, ясной передаче.

Установленный на месте передач в г. Кичкасе американский усилитель Вестер № 3 был заменен ко второй репетиции усилителем советского производства УПС, а на промежуточном пункте в Харькове был установлен специальный усилитель. Эти технические мероприятия дали совсем иной эффект. Вторая репетиция показала техническую возможность передачи.

Особняком стоит вопрос о трансляции бурлящего Днепра и взрывов гранитных скал. Вторая репетиция не внесла в эти кадры никаких улучшений. Несмотря на то что при прослушивании этих звуковых фотографий (в штабе передачи в г. Кичкасе на телефонной станции) получались совершенно отчетливые звуки всплесков бурлящей воды, до Москвы провода не донесли этих звуков. И эти тонкие звуки, оказалось, «съедаются» проводами не только на расстоянии в 1100 километров, но и значительно ближе; даже в Харькове, который отстоит от места передачи на расстоянии 400 километров, вода «не получается». Это обстоятельство заставляет нас сочетать новые технические комбинации, которые, возможно, принесут нам победу и позволят «донести» воду до Москвы.

Подготовка к передаче Днепростроя еще далеко не закончена. Предстоит еще напряженная работа, которая, мы надеемся, завершится успехом.

Говорит СССР. 1930. № 32. С. 14.

Э.Я. Гарин[24]

Радио

...Режиссер Малого театра Н.О. Волконский задумал на основе очерков Г. Гаузнера, написанных им после поездки в Японию, создать своеобразный культурфильм в эфире. Никаких накоплений, опыта на радио по этому разделу не было. Родство этого нового жанра с научно-популярным кинематографом никак не помогало, потому что основная сила кино заключается в зрительном ряде, полностью отсутствующем на радио.

Большое количество цифровых данных, обилие других информационных сообщений открывали прямой путь к лекционному решению передачи. Надо было искать свои, особые приемы художественного решения и эмоционального воздействия для преодоления внешней сухости материала.

«Путешествие по Японии» — так называлась передача, режиссер Волконский пригласил на роль основного путешественника. Вместе с ним мы прежде всего продумали образ этого путешественника.

Кто он? Не лектор. Не диктор. Наш турист обладал не только обычными свойствами, так сказать, «зеленого туриста»: неуверенностью иностранца, зазубрившего «энциклопедические» сведения о стране, удивлением перед невиданным, любознательностью неофита; основным и главным в нем была неистребимая, органическая потребность немедленно поделиться с радиослушателем всем своим запасом све-

дений, непосредственностью на своеобразие уличной жизни. Своим протестующим восприятием социальных контрастов Японии и т.д. и т.п. Изобретение образа путешественника подсказало и прием решения всей передачи.

«Японский архипелаг представляет собой дугообразную цепь островов, протянувшуюся с северо-востока на юго-запад...» — эти занудливо заученные со слов скучного учителя, тысячу раз слышанные и всем знакомые сведения по географии Японии преподносились с таким привкусом ироничности, который настораживал слушателя своей неожиданностью, обострял его и снимал банальность привычного звучания.

Жанровые зарисовки уличных сцен, живо написанные автором, вызывали детское удивление и звучали как неожиданные курьезности; посещение города Осаки — города фабрик и заводов, города японского пролетариата, оголтелой полицейщины, лучших в мире железных дорог и худших в мире условий труда — окрашивало впечатления нашего рядового советского путешественника гневным недоумением и протестом; эта часть путешествия звучала патетически.

Слово на радио, не подкрепленное воздействием зрительным, должно было принять на себя, впитать добавочную весомость. Оно должно было стать объемным, вещественным, действенным. Слово должно было стать результатом непрерывной жизни путешественника, движения его, и тогда слово, то сопровождаемое движением, то опережающее его, приобретало огромную выразительность.

Начались репетиции, разработка кусков по отдельным игровым сюжетам. Общение с неодушевленным предметом (микрофон) вместо партнеров; монологи, направленные «никому»; зависимость от микрофона для соблюдения звуковой мизансцены — все это было для меня ново.

Но уже в этой первой работе многие наблюдения привели к выводам, которые стали для меня законами работы на радио.

Первый закон — это «географическое» определение, где происходит сцена, — место действия.

Я заметил, что для радиослушателя недостаточно литературного повествования (ну, например, «он изменился в лице и после минутной паузы вышел в другую комнату»); для того чтобы радиослушатель был убежден в реальности происходящего, необходимо создать точную мизансцену, пантомиму действия.

И хотя пантомима, естественно, не слышится, все же она делает воздействие слова убедительным. Видимо, потребность эта сходна с той, которая диктовала Эмилю Золя его подробный план деревни, где он намечал развернуть действие своего романа «Земля».

Техника радиопередач того времени была одновременно и примитивной и сложной. Еще не было магнитной пленки, которая позволяла бы монтировать звук и оставалась навечно; не было перезаписей, которая позволяла бы сводить воедино все компоненты передачи: речь, музыку, шумы. Передача шла непосредственно в эфир, и все ее составные части действовали самостоятельно, что требовало безукоризненной точности от всех участников.

Передача могла повторяться, но только так же, как повторяется спектакль. Какой же штат постоянных сотрудников разных профессий должно было содержать радиовещание при многообразии его передач?!

И в «Путешествии по Японии» музыка, шум и говор японских улиц (в данном случае документально записанные на граммофонные пластинки) вводились каждый раз непосредственно в живую передачу и, естественно, требовали их точного и ритмичного освоения...

Печатается по кн.: Гарин Э.П. С Мейерхольдом. М., 1974. С. 219–229.

Покойная деревенская вечеринка[25]
Вместо некролога

В первые годы радиовещания в деревенских передачах безраздельно господствовала агитка. В свое время агитка сыграла очень важную роль. Было бы величайшей ошибкой недооценивать ее историческое значение.

Новый этап — развернутое социалистическое строительство. Голая агитка теперь уже не только недостаточна, но и вредоносна. Политическое воспитание художественными средствами — вот задача, которая встала теперь перед Радиоцентром. Напомним этапы развития деревенских художественных передач.

Чем была деревенская вечеринка до 1 октября 1930 года, т.е. до первой реконструктивной для нас даты?

Она была единой во многих лицах: и концертом, и вокальным вечером, и инструментажом самодеятельных кружков.

Вечеринка была эстрадой. Считалось, что вечеринка должна быть смешной во что бы то ни стало. Политическая установка? Ее не было.

Вечеринка одновременно была и радиоинсценировкой: это было еще тяжелей. Говорилось об этом так: вечеринка в художественной драматической форме отражает такую-то политическую кампанию. В продолжение сорока–пятидесяти минут она обязана развернуть некоторое драматическое положение. Герои разговаривали друг с другом на так называемом «народном» языке. Было, конечно, и «оформление» — натуралистические шумы. Музыка служила привеском к тексту. Сцены с пением или с игрой на гармошке считались совершенно обязательным блюдом.

Подведем итоги: в этот период наиболее частой и привычной передачей деревенской вечеринки являлась радиоинсценировка. Сам термин этот заключает в себе некоторое противоречие: в радио механически были перенесены навыки театрального искусства. Деревенская радиоинсценировка постепенно оправдывала подозрение в искусственности и несамостоятельности. Она выродилась в бытовое рассказывание в лицах. Естественно, что возник вопрос о новом радиометоде. Таким методом, а на первых порах и формой художественно-литературной передачи явилась так называемая «программа-комплекс».

Деревенская вечеринка должна быть злободневной, политически актуальной, художественной передачей. Радиоинсценировка, будучи формой отображающей, в политическом смысле измельчала. Надо было одновременно оживить форму передач, найти принципы ее построения, т.е. метод, а также насытить ее политически. В связи с этим деревенская вечеринка видоизменяется: приобретая некоторый условный характер, широко пользуясь приемами монтажа, она становится более сухой и значительной. С другой стороны, в полную противоположность прежней деревенской эстраде новая деревенская вечеринка имеет целью не сохранить единство настроения, но, наоборот, посредством быстрой смены настроений, резких жанровых сдвигов (раек, фельетон, стихи, драмсценка, очерк и т.д.) довести до сознания слушателя единство политического задания, поворачивая его различными сторонами. Комплекс призывал действовать. Стилистическое обновление пошло по линии полного изгнания «расейских» простонародных оборотов речи. В противовес бытовому языку был поставлен опыт ритмической прозы, речитатива. Изменилась деревенская вечеринка и вот в каком смысле: если прежде она была рассчитана только на деревенского слушателя, то теперь было признано своевременным не проводить столь резкого разграничения. Комплексы о деревне предназначаются и для города точно так же, как городские мотивы использовались для деревни.

Новая форма деревенских вечеринок вызвала к жизни ряд экспериментов в области музыкального оформления. Режиссерами был продуман и неоднократно осуществлен принцип наибольшего слияния текста с музыкой.

В первые дни своего существования комплекс приобрел серьезный героический характер. Комплекс редко смеялся, слушатель часто зевал. Постепенно делаются попытки исправить эту ошибку. Комплекс хочет быть смешным. В передачах «Зачеркнутые рубежи», «Зерно», «Поразительное свинство» комплекс с большим или меньшим успехом смешит аудиторию. Это было правильно: нужно ли говорить, что хороший яркий целеустремленный смех — могучее орудие социалистической пятилетки. Но комплекс был только методом, но не формой...

В новый 1931 год деревенские передачи выступают в обновленном виде. Одинаково учтены и занимательность, сюжетная и политическая острота программы-комплекс, из которой постепенно намечаются основные жанры деревенских передач:

1. Радиоочерк, соответствующий во многом культурфильму.
2. Веселый микрофон — веселая, сатирическая, острокомедийная передача.
3. Художественная газета, показывающая в простом, многоголосом чтении, что делается в нашем Союзе.
4. Радиопьеса — большая, полуторачасовая передача проблемного характера.
5. Оратория — стиховая многоголосая радиопоэма.
6. Эстрада, оставленная для популяризации среди масс лучших произведений пролетарской литературы и музыки.

Насколько оправдает себя новая сетка деревенских литературных передач, покажет будущее и отзывы наших рабкоров — рецензентов и колхозников. Деревенская вечеринка начала свое существование в новых более зрелых формах.

Говорит Москва. 1931. № 2. С. 13.

В.Б. Шкловский

Преодолеем письменную речь

Началось с полного подражания чужому искусству. Первая русская игровая картина, которую вы вряд ли видели, была «Песня о купце Калашникове», снятая с театральными декорациями. Это была полная копия театра (передавали «оперу по радио», если перевести на язык радио).

Потом началась попытка усилить жестикулирование. Чем же заменить отсутствующий язык? И вот для того, чтобы налить стакан воды, актер подходил к графину и долго жестикулировал сначала на графин, потом на стакан, потом наливал в стакан воду и все понимали, что стакан воды налит.

Этот период в кино продолжался в течение двух лет. Этот же период переживается теперь в радиоискусстве: мы чрезвычайно нажимаем, называем героев и т.д., и это зависит не только от малой развитости радиоискусства и его работников, но и от того, что сравнительно мало развит и радиослушатель. Он (в свое время — кинозритель) нуждается в подчеркнутости. Но я думаю, что радиослушатель растет и можно уже переходить на более сложную форму искусства.

Тут возникает вопрос о радиоязыке.

Я обращаю ваше внимание на первого выступавшего, который говорил: «Об этом я скажу ниже». И это он говорит «ниже»! Это означает строку, напечатанную строку. Он в своей речи употребляет графический прием. Или, например, другой товарищ — в своей [...] над «и», тогда как никаких «и» и никаких точек в радио нет. Это не вина кого-либо из нас: это происходит потому, что вся литература отравлялась письменностью в течение сотен лет. И вот преодоление письменности речи — это одна из задач радио. Радио только восстанавливает настоящую речь. Нужно освободить слово от графики! Ведь та грамматика, тот синтаксис, которые созданы в речи, — это условность. В живой речи ее не существует. В живой речи существует диалог и диалог с неосуществленной фразой, которая держится на интонации. А мы пользуемся вот этими самыми мертвыми, графическими, литературными фразами.

Сегодня говорили о радиогазете. К чему она может приближаться? Она может приближаться к ораторской речи. Если вы возьмете любую стенограмму и посмотрите, как ее человек правит, то увидите, что он всегда вычеркивает повторение. Живая речь выстраивается по своим законам, и ее нельзя перестраивать. Она имеет свою образность.

Мне кажется, что в радио основной задачей является — бросить читать. Когда я чувствую, что человек читает, — это совершенно обессиливает, и это надо преодолеть.

Затем, другая детская ошибка в радио. Мы в звуковом кино только что хворали этой болезнью. Мы думали, что зритель не услышит, и начали замедлять так, что получается диктант. Отвратительное впечатление! Очевидно, произведение надо писать вслух.

Расскажу вам об опыте кинематографий, когда разрешался вопрос о шуме. Например, был такой: ходит по полу — шумит при этом или не шумит? Если начнет все шуметь, то тогда жить будет невозможно. Но как же тогда он идет и не шумит? И вот мы говорили: расстелим ковер, и тогда он не должен шуметь. В результате оказалось, что если я разобью графин, то это не имеет отношения к главному, к смыслу, то пусть он не звучит — зритель этого не заметит. Если же человек хочет пройти тихо, а он шумит при этом — тогда это важно. Радиоискусство — не вещь, которая работает изображением и звуком, а вещь, которая работает смысловым звуком. Смысловой звук — слова и шум, определенным образом осмысленный. Для чего шум, как работает шум? Когда мы изучим, для чего шум, тогда насколько легче будет стоять вопрос о шумовом жесте.

Какие у нас трудности? Оказывается, зритель и слушатель ни одного шума не знают. Если вы воспроизведете шум или скрип, то зритель и слушатель его не узнают, потому что у них есть свое представление о всяком шуме. Неосмысленного шума зритель не узнает.

Новое изобретение обыкновенно не вытесняет старое, а только суживает это применение. Я, например, убежден, что немое кино будет существовать несмотря на существование звукового кино. Я думаю, что даже при появлении телевидения будет существовать радиоискусство. Радиоискусство — определенная система художественного воздействия, и поэтому самой грубой ошибкой является представление о радио как об искусстве для слепых. Вы ассоциируете ряд, который существует только для зрячих.

Каковы специфические ближайшие задачи в области радиоискусства? Прежде всего нужно быть ближе к науке. Насколько я знаю, радиоискусство и радиотехника чрезвычайно мало связаны с лингвистикой, а в лингвистике есть кое-какие практические достижения.

Я знаю по опыту кино, что мы в этом отношении безграмотны. Режиссер стер записанную речь, которая записана не так, как она звучит, и начинает осуществлять ее по записанному. Получается «питерское произношение» грамотного человека, который выговаривает буквы. Значит, надо в самых элементарных вопросах учиться у лингвистов.

Стихотворная речь должна войти в радио как один из элементов. Встает большой вопрос: люди вообще не умеют читать стихотворений! Записанное стихотворение — это трагедия Маяковского. Его стих мог читать только тот, кто слышал его. Но это относится не только к одному Маяковскому. Чтобы стихотворение засуществовало, должна появиться стихотворная традиция. Я думаю, что напечатанное стихотворение — это только либретто к реальному звучанию стихотворения, которое будет существовать в радио.

В радиоискусстве должны принять участие талантливые поэты, которые создают лучшие, так сказать, селекционные стихотворения. Эти

стихотворения должны быть включены в радиоискусство, чтобы радио их изменило, и они, в свою очередь, изменяли радио.

Затем должна быть огромная исследовательская работа. Плавание вдоль театра или плавание вдоль литературы должно быть прекращено. В области кино мы исследовательской работой не занимались и очень больно ушиблись. Я думаю, что радио это может преодолеть.

Митинг миллионов. 1931. № 1(5). С. 22–23.

С.В. Шервинский[26]

Декламация[27]

[1930-е гг.]

Декламация — искусство произнесения вслух произведений художественного слова, преимущественно стихов (ср. чтение). В Древней Греции д[екламация] сопровождалась часто музыкальным аккомпанементом (эпос, лирика); составляла основу драматического исполнения. Рим культивировал уже д[екламацию], эмансипированную от музыки. Вплоть до Нового времени д[екламация] не занимала видного места среди самостоятельных искусств. В народном бытовании границы д[екламации] и пения нередко сливаются. Ныне исполнение под музыку, т[ак] н[азываемая] мелодекламация, является исключением.

Искусство д[екламац]ии требует ряда навыков. По отношению к исполнению требуются: 1) обработанность дыхания и голоса, дающие возможность правильно подавать звук и пользоваться разными тембрами и регистрами; совершенство дикции; правильность орфоэпическая; 2) умение входить в общение со слушателями, а также пребывать в состоянии изолированности; 3) овладение техникой выразительности (распределение сильных и слабых моментов, паузировка, учет реакций слушателей). По отношению к произведению: 1) установление того, на какой объект направлено произведение — на присутствующего слушателя (повествование, агитация, драматический диалог), на себя (лирика), на мыслимый объект (послание, обращение к отсутствующему); 2) овладение ритмической структурой произведения; для стихов это не должно ограничиваться установлением мертвых схем, что ведет к «скандированию»; так, в русском ямбе, при богатстве его ритмических отклонений, метрическая схема должна оставаться лишь началом, нормирующим, но не грубо подчиняющим себе звучание стиха; для овладения ритмической структурой требуется главным образом воспитанность слуха, позволяющая непосредственно улавливать организацию произведения во времени и без которой изучение ритма произведения может превратиться в один схоластический разбор; для стихов требуется знакомство с основами стиховедения; 3) ориентированность в формально-композиционных моментах произведения (для прозы — фразеология, периодичность, для стихов — стих, сочетание стихов, строфика, «твердые формы»); 4) овладение фонической стороной произведения; 5) по содержанию: умение делать логический разбор, т[о] е[сть] понимать мысль; постижение эмо-

циональной стороны; ими определяется естественная мелодия, овладение образностью; 6) умение разобраться в том, как организован язык данного произведения (синтаксис, выбор слов). Синтез указанных черт позволяет найти стиль произведения и в основном определяет характер произнесения вещи. Из самого понятия конкретного стиля вытекает, что какая-либо определенная декламатором, на все налагаемая «манера» есть д[екламацио]нный дефект.

Гипертрофия какой-нибудь одной черты, неграмотность разбора, неумение уловить стиль вещи — обычные причины неудовлетворительности д[екламац]ии. В современной декламации существуют два направления: одно считает, что д[екламация] есть такое раскрытие произведения, где воля исполнителя должна прежде всего сливаться с волей автора, что обеспечивает цельность и органичность результата, другое полагает произведение носителем разных и свободных д[екламацио]нных возможностей и выдвигает понятие «композитора» д[екламацио]нной схемы.

РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 176. Л. 2–3. Машинопись с авторской правкой.

Н.И. Бухарин

О технической пропаганде и ее организации[28]

...«Мы ленивы и нелюбопытны» — писал когда-то Пушкин про русский народ. С тех пор утекло много воды, представители дворянства канули в вечность, «народ» переделан в самом своем «естестве»; пролетариат обнаруживает в себе все что угодно, но только не леность. Но у нас еще остались навыки провинциалов, хотя они не выпирают наружу с прежней силой. Мы крайне отстали с технической базой технической пропаганды. У нас почти нет производственно-технических кинолент. У нас буквально ничего нет в области социально-продуманных наглядных учебных пособий. Наше радиовещание еще не приспособлено к задачам техпропаганды. Звуковая фильма только появилась, хотя немых фильм в крупнейших центрах Запада нет и в помине. Цветная кинофильма у нас неизвестна. Стереоскопическая фильма тоже неизвестна. Передача изображений на расстояние не практикуется и т.д. ...

С этим надо покончить раз и навсегда: нужно гораздо смелее идти по линии использования новейшей техники передач звуков и изображений. При бедности нашей квалифицированными силами нелепо, чтобы крупный ученый или техник ездил из города в город с лекциями и докладами: он может сразу говорить десяткам миллионов по радио; малоцелесообразно, чтобы, спеша и задыхаясь, бросая научную работу, в промежутках между заседаниями, наиболее квалифицированные силы изустно читали изо дня в день лекции; гораздо целесообразнее, если бы они написали первоклассные стандартизированные учебники для заочного обучения (по категориям учащихся), которые можно было бы напечатать и распространить в сотнях тысяч и миллионах экземпляров вместо подчас макулатурных изданий; ветхозаветным можно было бы считать и метод частных созывов съездов и кон-

ференций в одном географическом пункте, когда многие из таких конференций можно было бы созывать и проводить по радио. Понятно, какое исключительно важное значение имеют эти средства связи для технической пропаганды, обмена опытом, борьбы за техпромфинплан. Мы должны добиться первоклассной постановки технического радиовещания, цветной и звучащей стереоскопической киноленты с производственно-техническим содержанием, мы должны добиться передачи изображений на расстояние.

Печатается по кн.: Бухарин Н.И. О технической пропаганде и ее организации. М., 1931. С. 23.

С.М. Третьяков

Радиомай

Нас пятеро человек — радиовещательная бригада — на балконе ГУМа под гигантским Лениным, глядящим в сторону Москвы-реки, куда бежит по фасаду здания и гигантская надпись: «Под руководством большевистской партии и ее ленинского ЦК вперед к новым победам».

Шестой наш товарищ в гуще демонстрации, около телефона, что на углу Исторического музея; от него к нам идет репортаж о том, чего мы не в состоянии разглядеть в бинокли с балкона.

Кроме нас, у микрофона иностранные дикторы: немец, англичанин, француз. Нам в первый раз вести репортаж с Красной площади, рассказывать происходящее перед глазами.

Поделив работу на три части — до парада, парад и демонстрацию, набрасываем на бумагу каркасы каждой из этих частей.

Площадь бесшумно покрывается геометрической расцветкой — то войсковые части занимают свои места. Светло-серый камень трибун обрастает чернотой людей.

Сигнал из центра, управляющего единой на весь СССР сегодня майской передачей, где будут сменяться Красная площадь, Свердловская, Таганская, Харьков, Баку, Рязанский колхоз, Ногинская и снова Красная. Передача начинается, товарищ волнуется. Он еще держится за спасательный пояс каркаса и боится глянуть на движение площади.

Прямо против нас красный ступенчатый гранит Мавзолея, над которым по Кремлевской стене — «Да здравствует Первое мая».

Фигуры рабочих, во вздетых и сомкнутых руках которых красные знамена, обставили барьер Лобного места.

Время близится к девяти. На Мавзолей всходят члены Политбюро ЦК с тов. Сталиным во главе. Тут же и недавно приехавший сутулится высокий тов. Горький.

Особое внимание примагничивает ложа турецких гостей с Исметпашою во главе.

Из Спасских ворот, пока еще бьют колокола часов, выезжает тов. Ворошилов.

Командующий парадом рапортует наркому. Ура, длинное и звонкое, провожает тов. Ворошилова, здоровающегося с войсками, и вслед ему укатывается в улицы Китай-города.

В эфире слова тов. Ворошилова, говорящие о нашей готовности к обороне, о нашей стройке, обеспечивающей борьбу за мир. За вождем повторяют слова красной присяги отряды.

Диктор учит нас, новичков, обращаться с микрофоном:

— Микрофон не любит, чтоб на него кричали, говори просто. Не мешай радиослушателю слушать звуковую картину, вводи его в нее. Дай зрителю вслушаться и в цокот конницы, и стрекот танкеток, и грохот танков, и рык самолетов. Не тщись перекричать этот грохот, а просто подойди вплотную к микрофону, и тихое и внятное твое слово перекроет любой ураган звуков.

Прошли за пехотой красные партизаны и вооруженные пролетарии.

Идут тачанки и орудия. Иностранные фразы дикторов поминают имя тов. Буденного под цокот подков конницы. Идут артиллерия, танки, броневики.

Лица на всей площади и на всех насыщенных людьми и стягами улицах подымаются вверх, навстречу невиданной фаланге самолетов, ринувшихся наперерез небу.

То и дело прерывая передачу, поворачиваем к площади, чтобы и ее было слышно. Учимся искусству монтажа в рофоне звуковых отрядов, так чтоб наши пояснения и давали спайку, установку, окраску.

«Говорит площадь Ногина. Подошел завод "Шарикоподшипник"».

«Говорит Пушкинская. Идут цыгане. Медведь танцует в толпе».

«Говорит Свердловская. Заводы несут на шестах портреты лучших своих ударников».

Парад кончается. Тысячеголовый оркестр сдвигается к краю площади. Проезды Исторического музея перегорожены районами, портретами Фрунзе, Дзержинского, рощами знамен. И вот хлынуло. И уже через несколько минут Красная стала руслом невиданной реки, над которой красные гребни стягов и всплесками — плакаты, рапорты об успехах, отчеты, кривые роста, портреты героев стройки.

Телефонный приказ из центра — организовать перекличку площадей. Красной площади быть председателем.

Но перекличку надо продумать заранее, надо выработать план, остроумную сценку положений, вопросов, ответов. Здесь же просто перекликается информация.

— Пушкинская площадь. Бери слово. Что у тебя?.. Нет ответа...

— Пушкинская, бери слово... Молчание, а потом отчаянный голос:

— Микрофон на улице. Кругом такой шум, что не слышно.

Газ несет в воздухе модели дирижаблей и гигантскую шину, которую долго не можем признать, что это — то ли бублик, то ли спасательный круг, — ибо солнечный ветер полощет стяги и в бинокль не видно, кто идет.

Плывет галоша над шеренгами «Богатыря». Поэт-крокодилец спешит к микрофону:

Хорошая у богатырцев ноша:
— Галоша,
Но в нее вглядись ты:
Ведь это же та самая галоша,
В которую уселись уклонисты.

Лозунг за лозунгом. Портреты ударников, и над ними «наш бригадир» тов. Сталин. И он же сам, скинув шинель, — жарко ведь по-летнему — приветствует с Мавзолея проходящие по площади колонну за колонной.

А из колонны к трибуне Мавзолея приветственные крики, радостные майские глаза, переплеск пионерских галстуков, алых косынок пролетарок, песен.

Готовые к отпору, идут строители социализма. Сто тысяч, пятьсот, миллион, полтора.

В половине третьего микрофон переключается на концерт.

Трудная, почетная передача закончена.

И вдвойне радостно в этой передаче то, что она была не только передачей, но и учебой. А учеба так нужна, ведь впереди пятнадцатый Октябрь, к которому можно и нужно подготовиться загодя, полнее, чем мы это успели сделать к Первому мая.

Говорит СССР. 1932. № 13. С. 7.

Что такое радиофильм?[29]

Каждый день, в 24 часа по московскому времени, радиостанция им. Коминтерна заканчивает свою радиовещательную программу трансляцией Красной площади и боем часов с Кремлевской башни. Как только отзвучит последний удар часов, в мировой эфир врываются мощные звуки «Интернационала».

Возьмите в руки секундомер. Заметьте какой-нибудь такт или паузу в музыке. Проделайте это несколько дней, и вы заметите, что изо дня в день наши наблюдения будут совпадать на 100%. Обратите внимание на другие характеризующие музыку показатели, и в них вы не найдете никакой разницы. Кто же этот «хронометрический» дирижер и такой до феноменальности натренированный оркестр? Ответ будет такой:

— Оркестр — это записанная на обыкновенной кинопленке фонограмма музыки «Интернационал», а роль дирижера... исполняет синхронный мотор. Это — радиофильм.

Ежедневно дежурный механик заряжает звукопроизводящий аппарат бобиной радиофильма, включает мотор, и оркестр начинает играть в эфире.

Что представляет собой и как делается радиофильм?

Радиофильм, тонофильм — это тот же звуковой кинофильм, на ленте радиофильма отсутствуют кинокадры.

Это обыкновенная стандартная кинопленка с нанесенной на ней сбоку, у внутреннего края перфорации, фонограммой, фотографией

звука, представляющей собой полоску шириной приблизительно в 2 мм... Продолжительность звучания радиофильма колеблется от минуты («Интернационал» передается 4 минуты) и до 1 часа 20 минут непрерывного звучания. Скорость транспортирования радиофильма равняется 27,4 метра в минуту.

Радиофильм должен сыграть большую роль в делении на местах художественных и учебно-производственных программ, почти недоступных для отдаленных от центров, а также в смысле удешевления и улучшения качества радиовещания вообще, вследствие возможности записи крупных и часто повторяющихся радиопрограмм.

Начало производства радиофильма в крупном масштабе относится к весне 1931 г., когда была организована первая в Союзе при ВКР опытная фабрика радиофильма.

Говорит СССР. 1932. № 22. С. 14.

А.М. Горький

О советском радиовещании

Роль радио в социалистической стране. У нас так привыкли к гигантским темпам строительства, к нашим, нигде в другой стране невиданным и невозможным, достижениям, что все это воспринимается как обычное явление. И вместе с тем о многих наших успехах никто ничего не знает.

Например, сейчас идет строительство Беломорско-Балтийского канала, на котором занято 126 тысяч человек. Это строительство заканчивается благодаря встречному плану самих рабочих, самой массы, благодаря неслыханному энтузиазму строителей в значительно меньший срок, чем предполагалось. Или: есть в Армении озеро Гохча, иначе — Севан, богатое форелью. Теперь это бездействовавшее озеро будет орошать совхозные и колхозные поля советских Армении, Азербайджана и Грузии.

Если бы каждым было усвоено сознание, что он работает на себя, что он хозяин страны, мы сделали бы еще больше того, что делаем.

Было бы хорошо, если бы радио, помимо всех прочих передач, в доступной и художественной форме давало сводки достижений за декаду или за несколько больший срок. Нечто вроде «Наших достижений» по радио.

Роль радио в культурной революции. Необходимо обратить особое внимание на ознакомление миллионных масс радиослушателей с научными вопросами.

Пусть радио дает знания по геологии, медицине, агрономии. В этом особенно нуждается наш колхозник, ибо много у нас непорядков.

Вот в Старицком районе колхозники не видели в этом году еще ни разу агронома..

Радио должно уделить большое внимание вопросу женщины в нашей стране, в деле полного раскрепощения ее. Она — на любых мужских работах, от рабочей физической силы до руководства всесоюзными организациями, но кое-где с этим еще не считаются.

Какой должна быть газета без бумаги — радиогазета. Радиогазета должна строиться по типу общепечатных газет, но с разницей подачи ее. В ней должны преобладать фельетон, короткий художественный очерк, частушка. Радиогазета должна очень сжато, экономно давать существенные сведения по вопросам текущей действительности. Статьи должны подаваться в форме афоризмов, лозунгов. Наша действительность такова, что она сама выдвигает лозунги. Возьмите капиталистический Запад. В прошлом году в Германии за 10 месяцев на улицах в схватках националов и полиции с рабочими было убито 4618 человек. Ведь это же настоящая гражданская война! А Чапей? Неслыханное и наглое разрушение целого города без «объявления войны»! А побоище в Вашингтоне, когда бывших инвалидов избивали солдаты армии?

А ведь много этих солдат после будущей войны тоже станут инвалидами, и их точно так же в свое время будут убивать солдаты своей же армии.

Вот я считаю, что по всем этим вопросам должна говорить радиогазета.

Как использовать радио в деле создания истории Гражданской войны и истории фабрик и заводов. Давать краткие отчеты о ходе работы. Организовать читки наиболее красочных воспоминаний участников Гражданской войны и старых рабочих.

Для того чтобы радио действительно стало митингом миллионов, как я об этом говорил ранее, надо, чтобы радио хорошо работало, чтобы радиовещание действительно стало на высоте задачи, предъявляемой ему нашей грандиозной действительностью.

Правда. 1932. 8 августа. № 218. С. 1.

А.Е. Новогрудский[30]

«Железный поток» против скуки

«Я полагаю, что все искусства хороши, кроме скучного» — желчно заметил в свое время Вольтер. В этом утверждении мы с ним не расходимся.

Мы всю нашу работу в области искусства пересматриваем и перестраиваем под углом зрения борьбы с мертвящей скукой, казенщиной, схематизмом.

Мы ставим радио на помощь культурному отдыху трудящихся.

Немудрено, что слухи о скором появлении новой, удачной, увлекательной радиофильмы по достаточно хорошо известной повести Серафимовича «Железный поток» вызвали в среде радиоработников радостное волнение.

Фильма рождалась, как долгожданный первенец, в общем внимании и нетерпении.

И она родилась.

Об уважении к творческой работе и энтузиастах от хирургии

По теории наследственности первенец должен был походить на свою родную мать — повесть «Железный поток» А.С. Серафимовича.

И действительно, сходство было очень большое, по крайней мере на первый взгляд. В фильме происходило очень похоже из того, что описывается в повести. Так же шли беженцы, солдаты, повозки, Кожух, Горпина.

Правда, новорожденному пришлось делать опасную хирургическую операцию, и остался он жить с изъянцем. Целый ряд сцен был выкинут по указанию неведомого, но всесильного администратора, предоставившего для фильмы час времени вещания.

— А если фильма в час не лезет?

— Все равно, 59 минут 60 секунд. И ни секунды больше. Пользуйтесь ножницами...

— Но если не выходит?

— Возьмите ножницы.

— Но если все-таки...

— Пользуйтесь и т.д.

Случай с «Железным потоком» свидетельствует прежде всего о неуважении к творческому работнику. О подходе к нему как к ремесленнику.

Еще раньше, чем фильма кем бы то ни было апробирована, раньше, чем установлена художественная целесообразность купюр, автор получает совершенно непререкаемое задание:

— Отрежь столько-то.

Разве можно представить себе такое положение, чтобы, к примеру, А.С. Серафимович принес в советское издательство свой «Железный поток» и ему бы сказали:

— Ваша повесть хороша, но сделайте, пожалуйста, два печатных листа из шести. Выкиньте десяток сцен и пару персонажей и, вообще, сократитесь. А не то мы вас сами подрежем.

Разумеется, это абсурд. Потому что писателя принято уважать и с продуктом его творческой работы обращаться бережно.

Почему же радиофильма попадает прежде всего в руки человека, вооруженного сантиметром, а не более хотя бы элементарной теорией марксистского искусствознания.

Крах теории наследственности

Тут пора сообщить читателю новое обстоятельство. Рожденный и недорезанный младенец пошел неизвестно в кого.

Не то чтобы радиофильма была не похожа на повесть, наоборот, очень похожа. И все же литературный «Железный поток» и его радиотезка — два произведения, совершенно разные и неравноценные.

Констатируя это, мы отнюдь не собираемся ратовать за то, чтобы радиопьеса представляла собой точную копию литературного произведения, стереотипный радиовариант повести. Это было бы не только неправильно, но и вредно.

Само собой разумеется, что при переводе повести на язык радио неизбежно должно возникнуть новое качество.

Если мы проводим здесь параллель между повестью и радиофильмой, то только потому, что в этом сопоставлении многое спорное становится ясным.

В «Железном потоке» А. Серафимовича без труда обнаруживаются две основные тематические линии.

Первая: личность в коллективе, сила вождя, подкрепленного массой, и массы, руководимой вождем. Это — линия Кожуха.

Вторая: переделка мелкособственнической крестьянской психологии в горниле классовых боев.

Вторая тема в радиофильме намечается в эпизоде с самоваром.

Говорит баба Горпина:

— Як замуж мине за старика отдавали, мамо и каже: «От тоби самовар, береги его, як свой глаз, шоб детям твоим и внукам...»

Но вслед за этим слушатель тщетно будет ждать продолжения завязанной истории с самоваром. Если это продолжение где-нибудь и существует в фильме, то дано оно настолько невнятно, что совершенно недоступно нормальному восприятию.

Таким образом, вторая тема «Железного потока» (о крестьянской массе) в радиофильме развернута явно недостаточно.

Что же касается первой темы, то она вовсе пропадает бесследно. Образ Кожуха дан настолько нечетко, что для слушателя, не знакомого с повестью, он может остаться совершенно нераскрытым.

За батальной трескотней, бабьими причитаниями, скрипом телег пропадает основная фигура «Железного потока» — командир Кожух, он, решивший каленым железом, своей кровью, своей жизнью выжечь следы погонов и послужить громаде бедноты, «кость от кости которой он был», человек, овладевший буйной полуанархической массой, сумевший опереться на нее и, преодолевая нечеловеческие трудности, привести ее к победе.

Оттого, что утерян образ Кожуха, оттого, что он поблек и растворился в массе менее значительного материала, в множестве общих планов, все произведение в значительной степени теряет свою весомость.

В этом одна из основных причин того, что радиофильма, чисто внешне давая обстановку великого перехода Таманской армии, лишена большой идейной глубины и устремленности.

О «широких полотнах» и узких кругозорах

Анализируя причины этого явления, мы приходим к предположению, что автор поставил себе формальную задачу — дать «широкое полотно» эпопейного порядка, рисующее героическое устремление массы к победе. Попробуем принять эту точку зрения.

Значит ли это, что образ отдельного человека, будь то Кожух или баба Горпина, должен отодвинуться на задний план?

Наивно было бы думать, что нагромождение общих планов и есть создание «широкого полотна». Ведь это первое, что может прийти в голову человеку, задумавшему показать «дыхание массы»: многоголосый рев, речь, гул, топот шагов и т.п. Проще всего показать устремление массы вперед в широких батальных сценах.

В противовес этому задачей подлинного художника является показ общего в частном, так же как и частного в общем. Изображение мощи

коллектива через образ человека, носителя определенных классовых и личных черт.

Это особенно относится к радио, потому что радиоискусство, по нашему глубокому убеждению, есть искусство крупного плана.

В отличие от театра радио берет движение человеческой психики крупно, усиливает и доносит до слушателя, не искажая его актерским напряжением, как это неизбежно делает театр.

Актер у микрофона в этом отношении несравненно богаче актера на театральной сцене.

Поэтому так привлекательна в обсуждаемой радиофильме сцена с маленьким ребенком («Та що ж ты мое квиточко, мой цвиточик? От як мы умием — головой верть» и т.д.), доведенная до огромной толпы.

В то же время довольно напряженная в потенции сцена обстрела, сделанная на общем плане, эмоционально слабо впечатляет.

Некоторые радиоработники предпочитают почему-то сами себя обкрадывать, ошибочно считая, что дорога большого радиоискусства идет по линии «широких полотен», а «широкие полотна» создаются нагромождением широченных общих планов.

Основная линия спора

Основная дискуссия в связи с появлением «Железного потока» развертывается по вопросу о творческом методе режиссера. Не случайно именно этот вопрос стоит в центре внимания. Это вызвано тем, что «Железный поток» является грубой реставрацией уже поставленного и осужденного метода — натуралистического использования звука.

И подобно тому как рецидив болезни часто опаснее самой болезни, возврат к старым, заведомо непригодным методам творческой работы вреднее, чем случайная ошибка.

В чем же заключается спор?

Радиофильма «Железный поток» оформлена натуралистично. Это значит, что звук в ней попросту иллюстрирует происходящее и сделан с претензией на максимальную «похожесть». Например: едет телега — скрип колес, скачет лошадь — цоканье копыт.

Музыкальный материал — богатейшее средство эмоционального воздействия, особенно в таком искусстве, как радио, — использован также сугубо иллюстративно, и поэтому включается только с бытовыми мотивировками: хоронят человека — похоронный марш.

Что означает грубый натурализм на радио?

Он означает обеднение и, по существу, уничтожение радиоискусства. Сведение его к простой технике.

Как в первые дни существования кино зрителю интересно было видеть движущийся на экране паровоз, так же какой-нибудь начинающий радиослушатель может восхититься «настоящим», всамделишным, натуральным свистом и шипением паровоза в эфире.

Но советские радиослушатели давно вышли из возраста ребяческих увлечений натуралистическими звучаниями и требуют более высокого уровня радиоискусства.

Перед нами открыты богатейшие возможности использования звука как носителя семантики, т.е. смыслового значения использования звука как носителя определенной эмоции и т.д. Звук в радиоискусстве — не простой привесок к слову, и это авторам фильма хорошо известно.

Говорит СССР. 1932. № 35–36. С. 3–5.

Н.О. Волконский[31]

Из дневника радиослушателя

Редактор. Будет ли ваша рецензия понятна тем, кто не слушал передачу?

Автор. Разумеется, нет. Она не для них написана.

Радио принято ругать. Когда на том или ином собрании докладчик, знающий свое дело, хочет дать «уголок» юмора, радио избирается мишенью его остроумия. Этот прицел — прицел наверняка. Бурный смех вознаграждает оратора и дает бодрую зарядку его аудитории...

Радио ругают все. Больше всего те, кто никогда не слушает. Не потому ли радиоругатели лишены оригинальности, не потому ли в деле радиоругания маячит угрожающий штамп?..

Радиоругань заразительна. Увлечение ею, лукаво пробравшись по «тропинкам» самокритики, захватило радиокадры. Сверху донизу. Кристаллизовалось в привычное самобичевание, с жертвенно-радостной улыбкой на челе, но без последствий...

Я заразился. Я отдал щедрую дань радиоругани и (связь с радиопрактикой) уверенно продвигался к штампу, смех звучал в мощном хоре собраний. В моем жилище тихо покоится молчащая установка...

Ноябрь 1932 г. В минуты сладостного досуга мой взор уловил обрывок программы радиовещания: в 23 часа... «15 раундов»... Бокс... Так... Анри Декуэн и Емельянченко... Сенкевич... Гарин и Гарин... Бокс... в 23 часа... Так, так... Нет, меня не поймаешь....

Часовая стрелка неуклонно пробирается к 23 часам. Осмотревшись, я убеждаюсь, что никто из сожителей не обращает на меня внимания, и тихо подкрадываюсь к углу, где молчит радиоустановка. ...Бокс ...Дикое зрелище. Оно стоило недавно рублей. Одно признание: я люблю бокс, и еще одно (в этом я никогда никому не откроюсь) — я люблю бокс не «у нас», а «у них». Люблю пятнадцать раундов, нокаут, полноценные удары профессионалов, люблю кровь. Кажется, в соседней комнате никого нет, через пять минут — 23 часа. Но слушать радио...

Что если соседи узнают, что я слушаю радио... Засмеют...

Через пять минут — 23 часа. Бокс. Полно. Я не школьник. 32 года. Я взрослый человек. Я свободен в своих поступках, вообще никто не может заставить меня насильно слушать радио. Бокс... Я сижу в своем молчащем углу. Начало приближается... Сегодня я слушаю радио последний раз в жизни...

Голос Гарина звучит уверенно. На что он надеется? Его певучая манера не убеждает, она неестественна, вызывает чувство досады.

Он надеется убедить меня. Мне все ясно. Он будет агитировать против «пятнадцати раундов». Нет, не обманешь. Но он надеется. Больше того, он уверен: ученик большого мастера Мейерхольда, он знает свое дело. А почему бы ему не быть уверенным? Художник, который не уверен в себе, не имеет шансов на победу.

Голос Гарина «пляшет» вокруг меня, обходит со всех сторон. Удары его изобретательности я блокирую холодным контролем рассудка. Меня не обманешь. Он подталкивает мое воображение, вызывает ассоциации. Я отражаю все это с улыбкой предубеждения. Я знаю бедность доступных вам воздействующих средств, радио-Гарин. Вы не можете дать мне зрительные впечатления! Я знаю, что сейчас в небольшой душной радиостудии вы размахиваете руками и что два человека изображают ревущую толпу. Ха-ха! Над этим зло смеялся старик Диккенс...

Гарин немного задыхается. Ага! Я терпеливо буду ждать, пока он выдохнется. Хитрым маневром он завлекает меня. Я заинтересован, больше того — он волнует меня... Стойте! Каким приемом вы этого достигли? Подождите! Я заставлю вас раскрыться! Репродуктор хрипит. Ага! Еще один разок... Самообладание возвращается ко мне.

Как приятно передохнуть... Вот мой угол... Он меня успокаивает... Я знаю, где поместить установку...

Я все-таки более тонкий тактик, чем Гарин...

Трактовка Гарина никуда не годится. Спросите любого профессионала. С самого начала он звучит, как обреченный... Это никуда не годится. Вы должны, товарищ Гарин, дать уверенного в победе боксера, профессионала, чемпиона, постепенно, от раунда к раунду, теряющего веру в себя, в свою победу. Вот тогда, быть может, вы еще могли бы убедить меня в чем-то... Вот тогда...

Я люблю оказывать сопротивление воздействию искусства. Я доволен, что сопротивляюсь Гарину. Голос Гарина баюкает меня. Его манерная певучесть обволакивает мое сознание. Способность к сопротивлению слабеет... Нет, нет!.. Буду думать о чем-нибудь другом... Придет лето — я на берегу моря, солнце светит во всю, жизнь прекрасна... Что это?.. Ах, это хрип репродуктора. Милый, благодарю тебя. Ты даешь мне возможность освободиться от натиска Гарина. Ваша манерность, т. Гарин, — гарантия вашего поражения!

Который час? Двадцать две... двадцать три... двадцать четыре минуты двенадцатого. Только? Еще тридцать пять минут боя. Часы против меня. Часы покушаются на мою победу. Я не хочу биться еще тридцать пять минут...

Не хочу...

Этот Гарин сошел с ума. Он наносит мне удар за ударом. Он «поет», и я вижу, как течет кровь. Он считает, и я с волнением слежу за его счетом. Какая огромная толпа следит за боем. Я слышу ее рев. Что это? Я сам в нем участвую? Где я и где он?! Я не хочу продолжения боя! Пятнадцать раундов — это бессмысленно! Это слишком много! Надо кончать!! Прекратите это дикое зрелище!.. Я требую!!

Простите. Это я вскрикнул. Я загнан в свой угол... Радиоустановка надвигается на меня неумолимо... Я хочу знать, что будет дальше... Осталось только десять минут... Как мало...

Вы правы, Гарин, что дали обреченность с самого начала. Потому-то вы и волнуете. Вы правы, Гарин, потому что сумели показать бессмысленность и ужас пятнадцати раундов. Вы правы, Гарин! В пятнадцать раундов вы показали всю жизнь боксера, всякого боксера-профессионала, бессмысленный ужас его профессии, его обреченность. Вы правы, и потому вы убеждаете. Вы правы, и потому ваше искусство агитирует...

Еще пять минут. В этом бою трудно одержать победу. Приходится иметь дело не только с Гариным, но и с... Впрочем, я перечислил всех главных участников боя вначале... Паф!.. Я получил новый удар. Этот дирижер... он знает свое дело. Паф!.. Раз! Два!.. Неужели они не понимают, что мне просто необходимы две–три секунды передышки... Голос Гарина добивает меня. Это дьявол — человек не может с такой силой воздействовать после пятидесяти минут боя... Опять нужно драться... Сердце мое увеличилось в объеме, заполняет всю грудь, оно подымается к горлу! Где я нахожусь?.. Что здесь происходит?.. Часы... Еще две секунды и конец... Две секунды, и я нокаутирован...

Я понял. Я против пятнадцати раундов... Я против... Я понял... Радио может быть могучим... Я понял. Радиомитинг миллионов!

Радио хуже, чем оно могло бы быть. Но лучше, чем о нем говорят. Надо слушать! Истина находится в пути! Я не помню, кто сказал это. Пятнадцать раундов измучили мое воображение. Я лежу в молчащем углу «без памяти»...

Говорит СССР. 1932. № 35–36. С. 9.

И.Р. Бехер

Радио — обыденное чудо

8 ноября 1933 г.

Если чудо входит в наши будни,
Чудом мы его и назовем.
Но оно нам говорит о чудном
Времени, в котором мы живем.

Ну, присядь. И в твой приемник скромный,
Если рычажок ты повернешь,
Шлет поэт из-за пространств огромных
Стих такой, что не всегда поймешь.

Поверни еще, и кто предстанет
Пред тобой, послушен волшебствам?
Песня ли героя в мертвом стане?
Птицы ль защебечут по кустам?

Или голос водолаза на земь
Из морей дойдет, и над тобой

Моря шум. И сам ты водолазом
Под зеленою идешь водой.

Человек невидимый поет
Для тебя на самой грани света.
В песне другом он тебя зовет,
Но поет как бы с другой планеты.

Через горы, взброшенные к солнцу —
К вечности земной прибой —
Голос слышный сквозь твое оконце
В темноте владеет над тобой.

Взял рычаг. И голоса нет снова.
Вновь молчит эфир в небытии.
Это ли не чудо? Ты взволнован,
Ты забыл про горести свои.

Одолев и время и пространство,
Сохраня вечерний свой уют,
Все радисты самых дальних станций
Для веселья твоего поют…

В мой барак, что снегом отовсюду
Занесен, я [заманил] волну.
Радио — обыденное чудо
Вежливо нарушит тишину.

Из кроватки, слыша эти звуки,
Мальчик мой не хочет больше спать —
К радио восторженные руки,
Забывая пальчики сосать.

Наш барак от города далеко,
Часто в зимнюю большую ночь
Радио нас тешило высоко,
Заставляя драму превозмочь.

Если чудо входит в наши будни,
Чудом мы его и назовем,
Но оно нам говорит о чудном
Времени, в котором мы живем.

РГАЛИ. Ф. 2382. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–4. Подлинник[32].

А.Я. Таиров[33]

ВРК при СНК

10 декабря 1933 г.

Мне кажется, что роль радио в области искусства и театра у нас ещё в недостаточной степени оценена. Каждый актёр, поэт, писатель, творческий работник должен понять, что когда он стоит у микрофона,

его слышат и слушают миллионные массы нашей страны и что только при помощи радио есть возможность общаться с такой огромной аудиторией.

Мои пожелания радиокомитету заключаются в том, чтобы он в возможно краткий срок сумел заинтересовать лучшие творческие силы нашей страны выступлениями у микрофона, и с другой — создать такие технические и творческие условия, при которых они стали бы интересными и органически нужными для всех выступающих.

РГАЛИ. Ф. 2328. Оп. 1. Д. 91. Л. 1. Машинопись.

Н.К. Крупская

Приветствие по случаю 10-летия советского радиовещания

Радиовещание имеет громадное значение. Оно вырывает из прежней, старой заброшенности самые глухие углы СССР. Оно несет знания в самые широкие массы, ведет широкую разъяснительную работу, пропагандирует, агитирует, помогает широким массам организоваться по-новому. Перед ним лежит возможность дальнейшего всестороннего развития. Если в странах капитала радиовещание дезориентирует и дезорганизует массы — в Стране Советов радио является могучим орудием социалистической стройки.

Говорит СССР. 1934. № 1. С. 3.

Писатели у микрофона

Беседы с делегатами Первого Всесоюзного съезда советских писателей об их творчестве на радио

А.С. Серафимович[34]

Радио удивительно хорошо явилось ко времени нашей революции, и революция с первого момента своего существования учла и использовала его. Достаточно вспомнить наши первые радиопередачи — «Всем, всем, всем».

Работа писателей на радио имеет большое значение и для них, и для нашего рабочего и колхозного населения. Правда, писатели раскачиваются еще с трудом. Но несомненно, что не сегодня завтра писатели на радио придут. А войдя «во вкус», они его не покинут.

Мариэтта Шагинян[35]

Нам, писателям, нужно научиться общению не только через написанное, но и через произнесенное слово. Когда я говорю перед микрофоном, у меня острое ощущение связи с миллионами людей; и я направляю слово в пространство с чувством реального, ответственного прицела. В этом огромное значение работы писателя для радио.

Думаю, что и радиослушатели слово самого писателя воспринимают сильней и глубже, нежели слово интерпретатора наших произведений.

К.И. Чуковский[36]

Тиражи детских книг растут в арифметической пропорции, а спрос на них — в геометрической. Если несколько лет назад 5000 экз. книги насыщали рынок, то сейчас вышедший в тираже 350 000 экз. «Мойдодыр» уже распродан, и у меня многие спрашивают, где его можно купить. Иркутск только для Восточно-Сибирского края затребовал 500 000 экз. «Мойдодыра» и «Почты» Маршака. Детская литература стала рукописной. Зачастую к автору приходят главным образом приехавшие из провинции люди и просят дать списать какое-либо произведение, ибо другим путем его нельзя достать.

Здесь на помощь приходит радио. Пока мы не можем дать книгу каждому ребенку (для этого нужно было бы издавать в одном тираже 60 млн экз.), наилучшим способом обслуживания детей литературой является радио.

Я часто выступаю по радио и после выступлений получаю целые корзины писем. Спрашивают, где можно достать книгу, которую я читал, просят выступить и прочесть еще раз, ибо с одного раза всего не запомнили. Память у читателей поразительная: прослушав один раз, запоминают около ста строк.

Очень хороши слеты радиослушателей — ребят. На них отбираются «сливки» ребят, «детская интеллигенция» — наиболее умные и развитые дети. Выступление живого писателя, знакомого раньше по голосу или книге, является для детей своего рода романтикой. В их представлении известные им писатели уже давно умерли. Помню, когда покойный Анатолий Васильевич Луначарский знакомил меня со своей падчерицей, отрекомендовав меня в качестве автора «Крокодила», она, заложив ручки за спину, заявила, что Чуковский давно умер.

Однажды, приехав с Маршаком к ребятам рабочих «Красного путиловца», мы услышали вопрос: «А где же Некрасов?» Если мы ожили, то почему же не ожить бы Некрасову?

Радио не только «оживит» в представлении детей действительно живущих в наше время детских писателей, но и свяжет их крепкими узами с многомиллионной аудиторией читателей — радиослушателей.

«Живому» писателю, голос которого дети слышат по радио, они будут охотнее давать свои оценки его произведений, будут требовать от него книг на интересующие их темы.

И мы, писатели, даем такой же заказ художественному радиовещанию.

Укрепляйте связь писателя с его аудиторией, расширяйте и организуйте эту аудиторию!

Ю. Юзовский[37]

Писатель пойдет на радио тогда, когда оно ему будет очень нравиться.

Слушая писателей, я часто выдергиваю штепсель, а вот, например, когда читал Олеша или Всеволод Иванов, я слушал с большим интересом. Очевидно, не каждая вещь звучит хорошо по радио. Что хорошо заметно по драматическим передачам, которые меня особенно интере-

суют. Если радио не хочет разогнать свою театральную аудиторию, пусть не делает передач непосредственно из театров. Это ужасная вещь! Очевидно, необходима специальная работа по переводу театральной пьесы на радиоязык.

То же относится к актерским передачам: тот ассортимент исполнительских средств, который хорош в театре, пропадает в радио. Масса, столь величественная на сцене, превращается в невыносимую радиокакофонию.

Нужно поменьше слов! Острый диалог, реплика, короткий монолог, пауза и музыка — вот что нужно. Музыки мало, хочется больше. Ведь не все время слушать речь — очень хорошо слушать музыку. Хорошо работать под музыку. Побольше музыки!

Артем Веселый[38]

В декабре 1933 г. я написал для радио пьесу «Пирующие победители». Пьеса была принята, уже демонстрировалась, а меня даже не сочли нужным предупредить об этом, и я не мог принять участия в процессе работы над ней. Сейчас я веду переговоры о работе над двумя новыми пьесами и боюсь, что они также будут реализованы без моего участия.

Необходимо более чуткое отношение к писателю. Надо периодически организовывать просмотры радиопьес и приглашать представителей прессы, критики. Нужно создать постоянные кадры квалифицированных писателей, работающих на радио, а не использовать писателя от случая к случаю.

Говорит СССР. 1934. № 19. С. 6–7, 31, 37–39, 43, 57.

М.Е. Левитин, В.С. Поляков[39]

Демониада
(Из радиожизни)

На сцене большой стол. На столе — стаканы с чаем, печенье и бутерброды с чайной колбасой, с полтавской колбасой и с сыром.

Как вы уже догадались, идет заседание. Подводятся итоги прежних радиопремьер и обсуждается план подготовки новых. За столом — председательствующий, секретарствующий, главный и неглавный режиссеры, постоянный радиоавтор и сотрудники комитета радиовещания...

1-й режиссер. Если уж брать классику, то я бы предложил лучше что-нибудь Тирса дэ Малина. Можно прекрасно вмонтировать в фамилию автора. Например (*поет*): «Ты зашухерила все наши тирсы дэ малины, а теперь маслину получай».

2-й режиссер. А я бы предложил инсценировать «Анну Каренину». Вы представляете себе, как может блестяще получиться это место, когда она бросается под поезд? Коля, милый, сделай это местечко.

Коля (*гудит, пыхтит, сопит, шипит, свистит*).

2-й режиссер. Вот так сконцентрирован в этом моменте весь Лев Толстой! Я предлагаю «Каренину» или в крайнем случае «Онегина».

1-й режиссер. Что вы с «Онегиным» будете делать?

2-й режиссер. С «Евгением Онегиным»? Я его буду подавать в плане радиоцирка... В особенности это место, где дядя сидит на облучке и правит тройкой орловских рысаков...

Председательствующий. Вы с ума сошли! Где вы в «Онегине» нашли такое место?

2-й режиссер. Как «где»? А «Мой дядя самых честных правил»... Там еще объясняется, когда именно он правил.

1-й режиссер. Когда же?

2-й режиссер. «Когда не в шутку занемог». Занемог. Больной, правда, но все-таки правил. Замечательное место! Представляете: звенят бубенцы, вой ветра, свист хлыста и крики дяди: «Эй, вы, соколики!..» Исключительно радиогенично. А дальше совсем просто... Как там? Он уважать себя заставил та-ра-та-ти-та-ра-та-та... Но, боже мой, какая скука! — и пошло художественное рассказывание. Все прекрасно укладывается.

1-й режиссер. Это все ерунда. Я предлагаю сделать бум.

Голос с места. Одного бума мало. Надо еще какую-нибудь постановку.

1-й режиссер. Вот именно постановку. Я категорически настаиваю на «Демоне». Все исключительно радиогенично. Даже автор — М.Ю. Лермонтов имел в виду его осуществление в эфире. У него так и написано: «Тихо плавают в тумане», то бишь «в эфире, хоры стройные светил». Плавание — раз, хор под управлением Немцова — два, стратостат — три.

Председательствующий. Позвольте, при чем тут стратостат?

1-й режиссер. Как при чем? А ведь «печальный демон, дух изгнанья, летал над грешною землей»? А на чем летал не указано. Это дело интерпретации постановщика. Лермонтов — настоящий радиоавтор. И кроме того, можете сбросить с бухгалтера, за ним ни одной копейки аванса нет.

Председательствующий. Ну, а куда же мы денем эстрадные номера?

1-й режиссер. Эстрадные номера? А колхозная вечеринка у князя Гудала? Все прекрасно укладывается.

Председательствующий. А вы знаете, это неплохо. Значит, решено. Я ставлю это в программу на 25-е число. С 18.15 до 18.25 — «Во саду ли в огороде» — трансляция с сельскохозяйственной выставки. С 18.25 до 19.42 — концерт из произведений Глиэра, Брамса, Скарлатти и Юлия Хайта. С 19.50 до 20.20 — техническая лекция на тему «Как обращаться с холодной водой в теплую погоду».

Режиссер. Лекция снята. Вместо нее идет граммофон.

2-й режиссер. Граммофон снят, вместо него идет передача информации для детей.

Секретарствующий. Информацию для детей сняли. Вместо нее идет радиокомпозиция «Броккауз и Ефрон».

1-й режиссер. «Броккауз и Ефрон» снята. Вместо нее должна пойти новая танцевальная музыка — па-де-патинер, хиавата, ту-степ и «Светит месяц».

Председательствующий. Вот это мы как раз и снимем. Запишем так: с 18.50 до 20.50 — героическая радиокомпозиция — «Демон». Ну, совещание окончено. Давайте не будем мешать ему работать над экспозицией.

Все уходят.

1-й режиссер (*один*). Ну, ладно... (*Берет книжку, читает*). М.Ю. Лермонтов — «Демон». Вот это-то мне и надо. Немного сократим (*вырвает из книги подряд несколько десятков страниц*), чтобы не утомлять радиослушателя. И до чего длинно писали люди... Ну, да ничего. Я этого «Демона» немножко критически освою (*рвет еще*). Так, значит, экспозиция «Демона»: полет в эфире (*отмечает в блокноте — «шум моторов»*), потом Тамара у воды (*отмечает — «вода»*)... Вечеринка у Гудала — сюда я суну разучивание массовых песен (*отмечает: «этнографический ансамбль»*). Затем идет кусок: «Высокий дом, широкий двор седой Гудал себе построил». Здесь я дам строительство (*помечает — «пилка, рубка, стук молотков и крики: «раз-два-взяли», «майна» и «вира»*). Затем — «Покрыта белою чадрой, Тамара ходит за водой» (*отмечает в блокноте — «падение кувшина — звук»*). Что там дальше идет? Да! Чуть было не упустил самое эффектное место: «На север видны были горы. При блеске утренней Авроры...» Здесь я дам знаменитый выстрел Авроры... Затем: «Ему казалось — слушал он звук уст — взаимное лобзанье»... Это прекрасно сделают Зоя и Семен Анатольевич, и, наконец, финал.

— Скала угрюмая Казбека/Добычу жадно сторожит,/И вечный ропот человека/Их вечный мир не возмутит.

То есть как это не возмутит? Это же явная идеологическая концепция!... Я знаю, что я сделаю. После слов «Их вечный мир не возмутит» попрошу Пашу Курзнера сказать у самого микрофона: «Нет, возмутит!» И массовая песня «Заводы, вставайте» с малым симфоническим оркестром... План радиопостановки ясен. Постановка — тоже ясна.

Говорит СССР. 1934. № 16. С. 41–42.

Р.М. Иоффе

Кому должно принадлежать художественное руководство?

Сектор детского вещания разбит на производственные бригады, эти бригады состоят: из литредактора, режиссера, музыкального редактора, актеров, певцов и музыкантов.

Состав производственной бригады и содержание ее работы *говорят о том, что художественное руководство, как и в театральном деле, должно принадлежать режиссуре.*

Но является ли литредактор специалистом в вопросе живого слова? Нет.

Является ли литредактор специалистом в работе актера над образом? Нет.

Является ли литредактор специалистом в вопросе режиссуры? Нет.

Должен ли литредактор быть специалистом в сочетании музыки и слова? Нет.

Всем этим обязан в совершенстве владеть режиссер.

Ясно, что художественное руководство бригадой должно принадлежать ему.

Но так как литредактор является хозяином бригады, то он поневоле руководит бригадой не на основе знаний, а на основе своего личного вкуса.

Например, один редактор заявлял, что музыку нужно изъять из текстовых передач, что все передачи должны читаться одним голосом, что режиссер без его разрешения не имеет права переменить в тексте ни одного слова.

Откуда это? От знания искусства на радио? Нет. Это от своего личного желания.

Не значит ли это, что этим теряется творческое лицо режиссера и снижается его квалификация?

Каждому ясно, что режиссер даже в плохом литературном тексте может открыть такие постановочные возможности, что получится хорошая постановка.

Смешно доказывать истины, которые существуют десятки лет. Мы — не издательство, мы — театральное учреждение, и художественное руководство должно принадлежать специалистам этого дела, т[о] е[сть] режиссуре.

Лично меня литредакторское руководство связывает по рукам и ногам. Я постоянно в обостренных отношениях с редакторами, так как они всегда мешают моему творческому размаху. Они отняли у меня возможность смелых, пусть иногда ошибочных экспериментов, которые, возможно, показали бы, что я очень плохой режиссер, или, наоборот, развили бы мое творчество.

На производственном совещании в детском секторе один из очень квалифицированных режиссеров высказался за решающие права режиссера, но как только дело дошло до специфики детского вещания, он сейчас же из-за *незнания восприятия ребят* спрятался за спину литературного редактора.

Не имея личного большого опыта художественной работы с детьми, нельзя сделать ни одной постановки. Режиссер детского сектора обязан досконально знать восприятие своего слушателя, потому что режиссерский план строится на знании восприятия, и если этого нет, то нет и настоящего детского режиссера. Получать же через вторые руки знание ребят, будучи детским режиссером, тоже нельзя.

В практике моей работы был случай, когда текст, по моему глубокому убеждению, *непригодный* по своей «красивости», непонятности, бездейственности для ребят-дошкольников, редактором был признан хорошим. Такую же, как и моя, оценку этот текст получил в Наркомпросе от Крупской. И моя режиссерская оценка пригодности или непригодности текста чаще совпадает с оценкой методического кабинета ЦДХОД, чем с оценкой редактуры. И это я считаю правильным, потому что мое творчество непосредственно соприкасается с восприятием ребят, и поэтому это знание должно быть острее и проверенней редакторского.

В музыкальной дирекции правильно поступили, сделав редакторов заведующими репертуарной частью.

Смешно же редактору отвечать *за постановку*, когда он не специалист в вопросах режиссуры.

Существующее положение путает квалификации, обесценивает режиссера, ставит в ложное положение коллектив, находящийся под неквалифицированным режиссерским руководством литературных редакторов.

Ведь дело не в хорошем или плохом режиссере, как говорили на совещании в секторе «Детского вещания», *а что данная квалификация имеет все права быть художественным руководителем в производственной ячейке, где актеры, музыканты и т[ак] д[алее], где форма и содержание работы — литературно-драматические постановки.*

Я предлагаю: оставить за редактором построение тематического плана (а для этого иметь связь со всеми школьными учреждениями и их программами). Работу с автором и привлечение режиссера как постановочного консультанта. Руководство всей исполнительской бригадой (музыкальный редактор, певцы, композитор, музыканты, актеры) должно быть у режиссуры.

Микрофон включен. № 11 (17). Ежедекадная газета парткома и месткома.

Управление центрального радиовещания. 21 мая 1934 г. РГАЛИ. Ф. 3086. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.

Р.М. Иоффе

Что такое радиодраматургия [Май 1934 г.]

Я доказываю, что радиодрам[атур]гией может стать почти любое прозаическое (и камерная пьеса) лит[ературное] произведение.

Умело выбранное.

Умело скомпонованное.

И специфически-радийно поставленное.

И этим отличается радио от кино, теле и театра!

У нас нет своих исполнителей, а, как известно, расписание в театрах вывешивается за день до репетиции. Ясно, что планировать репетиции хотя бы на два дня у нас нет возможности.

Нет достаточно ярких слов, чтобы по-настоящему осветить положение с репетициями в секторе детского вещания. Достаточно сказать, что, когда могут актеры репетировать, нет помещения, когда есть помещения и оркестр — нет актеров, когда могут и оркестр и актеры — не могут певцы. У них у всех своя репетиция, у всех свой коллектив, свой театр, свой оркестр, свое помещение, у нас — всё чужое, всё нужно получить и свести вместе, чтобы сделать передачу, которая требует единого коллектива.

Пусть никто не подумает, что верхние строчки — выпад против реорганизации. Нет, на практике (кстати, на очень тяжелой практике, так как репетируешь, когда удобно актерам, так что рабочий день тянется

12–16 часов) оказалось, что при новой системе передачи могут быть лучше, ярче, разнообразней, чем прежде.

Но я считаю, что у нас сейчас достаточно материала и хорошего, и плохого, что принесла нам реорганизация, и необходимо подвести итоги.

Без всякого ложного стыда, с хорошим мужеством, надо сказать о всех узких местах и сделать организационные выводы. Только те, кто хочет скомпрометировать реорганизацию работы сектора детского вещания, могут говорить, что у нас все сейчас замечательно.

Не помню, где я прочла о том, что у нас в секторе детского вещания организовался ансамбль пионерской песни. Это вымысел, и причем возмутительный. Наоборот, если у нас есть прикрепленный оркестр, который добросовестно с нами работает, то со всеми вокальными ансамблями у нас абсолютно коммерческие отношения и почти никакого художественного влияния мы на них не оказываем. Откуда же слух об ансамбле пионерской песни?

А почему сектор детского вещания, который не имеет своих исполнительских коллективов и абсолютно не может точно планировать свой репетиционный график, не имеет в своем распоряжении ни одного репетиционного помещения? А музыкальная дирекция, которая в основном работает со своими исполнительскими коллективами, имеет репетиционное помещение, а мы ходим к ним получать, вернее, вымаливать, себе помещение, так как о том, когда у нас будет репетиция, мы знаем только накануне.

Ведь тратишь уйму времени, чтобы собрать все звенья передачи: согласовать с актерами (это самое трудное), с оркестром, с другой бригадой, с певцами, с концертмейстером, с помещением и т[ак] д[алее] и т[ому] п[одобное].

На примере одной постановки я могла бы показать, сколько совсем не творческих барьеров приходится «брать», чтобы сделать передачу, которая может назваться художественной. Необходимо приступить...

«Почемуточки»

На днях Считалочка и Тамара со своей кошкой Матрешкой, и Люлик, и китайчонок Лода, и даже Петрушка без разрешения Политконтроля вылезли из передач и с грохотом помчались в кабинет к Симмену. Там они все сели в единственное кресло и стали вести себя как дети: они забросали взрослых своими надоедными « а почему?».

Первая начала Считалочка:

— А почему на одиннадцать творческих работников СДВ один паршивый телефон?

Не успели ей ответить, а она уже задавала второй наивный вопрос:

— А почему на одну тему в журнале «Малыш» было три одинаковых передачи и почему заказали четвертую на эту же тему?

— Ке-фунцзы! Что она говорит? — перебил ее китайчонок Лода. — А почему нет художественного совета в СДВ, а?

Но тут замяукала кошка Матрешка:

— А почему в СДВ такая грязь и так неуютно, что туда ни один приличный автор не приходит, не то что кошка?

— А почему, — спросил Лодик, — маленьким детям даже не видно, что здесь детский сектор?

— А почему, — выскочил вдруг Петрушка, — Зинку любят малыши, а дяди из сектора детского вещания не любят?

— А почему, — спросила Тамара, — нет сердечных отношений с разовиками?

— Да! — закричал Петрушка, — почему?!!

Тут все так испугались, что кошка Матрешка выскочила в форточку, а Люлик от страха заплакал и сказал:

— А где мама?

— Ке-фунцзы! Что он говорит! — воскликнул Лода. — Мамы здесь никогда не было…

И Люлик вышел в коридор с желтыми дверями.

Слева дверь и справа дверь,
Справа дверь и слева дверь,
Двери сзади, сбоку, прямо.
За какой же дверью мама?

РГАЛИ. Ф. 3086. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–7. Авторизованная машинопись.

Я.Н. Литовцева[40]

За диктора-художника, за диктора-творца

Что такое диктор? Чем он является сейчас, чем он может и должен быть? Вот вопросы, которые встали передо мной, когда я начала работать в Радиоинституте.

Достаточно ли советской радиопередаче «сухого» чтеца, объективного и равнодушного произносителя того или иного сообщения. Конечно, нет. Нужен диктор-творец, диктор-художник, диктор-актер.

Любой текст — от метеорологических сводок до сообщения о спасении челюскинцев, от перечня действующих лиц в спектакле и до характеристики творческого метода Мейерхольда и т.д. и т.п. — можно формально и пассивно-добросовестно проговорить. И можно сказать его слушателю так, чтобы он заволновался, обрадовался, огорчился, увлекся.

Но для этого нужно, чтобы диктор был творческим работником, чтобы в зависимости от темы передачи он перевоплощался: то во влюбленного в свою науку физиолога, то в энтузиаста-шахматиста, то в музыковеда. Он должен сам быть увлечен своим текстом, должен любить его, гореть им. Он должен ощущать свой рабочий процесс не на расстоянии между своим ртом и микрофоном, а между микрофоном и самим слушателем. Он должен видеть перед собой этого слушателя и чувствовать свою ответственность за правильное восприятие слушателем его работы.

Это по части внутренней, так сказать, психологической в работе диктора.

Но передача должна быть безукоризненной также и по внешней форме. Диктор должен быть чтецом с богатой интонационной пали-

трой, с обаятельным голосом, с идеальной дикцией, с абсолютно правильной речью. Ведь на радио, где нет того, что украшает зрительно, мастерство дикторской речи является единственным оформлением. Поэтому дикторская речь обязана быть прекрасной.

Надо добиться воспитания такого диктора, работа которого сама по себе давала бы эмоциональное и эстетическое удовлетворение нашей многомиллионной аудитории.

Надо, чтобы диктора любили слушать, а не выдергивали вилку из штепселя со вздохом: «Ну, опять заговорил».

Итак, за диктора-художника, за диктора-творца.

Говорит СССР. 1935. №. 8. С. 42.

Г.Р. Нилов[41]

Радиопередача с борта дирижабля «СССР В-6»

В первых числах апреля мы познакомились с начальником Дирижаблестроя Хорьковым и командиром учебно-опытной эскадры дирижаблей известным астронавтом Бирнбаумом.

— Хорошо! — кратко, по-военному сказал Хорьков, выслушав наши соображения об организации первой всесоюзной радиопередачи с борта дирижабля. — Вызвать Денисова!

Пришел Денисов. Это был темноволосый, молчаливый, всегда улыбающийся инженер. Он установил на дирижабле В-6 радиостанцию своей конструкции с радиусом действия в полторы тысячи километров.

— Чудесно! — ответил Денисов. — Давайте попробуем хоть завтра.

Но завтра пробовать не пришлось. Дули сильные, шквалистые ветры. К вечеру пошел снег. Такая погода господствовала над аэродромом в течение нескольких недель.

Хорошая погода пришла утром 16 мая. Но свирепый ветер бушевал перед гигантскими воротами эллинга. Он стих только после заката солнца.

К 9 часам вечера огромный серебристый корабль уже упруго покачивался на поле. Его окружало тесное кольцо стартовой команды. Завели моторы. Синоптик дирижабля тов. Градус принес последнюю сводку о состоянии погоды. Стартер командует:

— На поясных, дай свободу!

И, медленно оторвавшись от земли, мы пошли вверх и описали размашистый приветственный круг по границам аэродрома. Нас провожал первенец советского дирижаблестроения — дирижабль В-1, построенный еще в 1932 г. Рядом с нашим гигантом он казался лилипутом. Это и понятно: объем В-6 — 185 000 м^3, а объем В-1 — всего 2200. Внизу лежала огромная, необъятная Москва, сверкая огнями. Еще раз внизу проплыл, мерно покачиваясь, В-1.

— Вот хорошо бы связаться по радио с В-1 и дать этот разговор в эфир, — сказал дежурный радист В-6. — Ну, а пока давайте начнем пробу для земли.

В этот раз нам не повезло. Наземная радиостанция Дирижаблестроя великолепно слышала мой голос. Но Бутово неизменно отвечало:

— Ваша передача для эфира не годится. Мы слышим вас нечетко. Мешают какие-то эфирные помехи.

Мы продолжали наши попытки почти до 12 часов ночи, когда дирижабль шел уже над затемненными перелесками Ивановской области. В-6 взял курс на Архангельск. Надо было заканчивать пробу. Земля прислала нам ободряющую телеграмму:

— Пусть вас не огорчает первая передача. Давайте повторим передачу при возвращении дирижабля в Москву. Это будет даже интереснее, так как вам будет что рассказать.

Так начался большой испытательный перелет крупнейшего советского дирижабля В-6 на продолжительность пребывания в воздухе без посадки. Построенный в конце прошлого года, В-6 заканчивал заводские испытания и готовился к государственным. Месяц тому назад он завершил свой первый большой перелет Москва –Ленинград –Москва продолжительностью 30 часов. Мы должны были перекрыть это время беспосадочного полета. Кроме того, нам предстоял трудный путь над северными болотами, гатями и лесами, где нисходящие и восходящие токи воздуха создают все условия для так называемой «болтанки».

На борту В-6 летели в этот рейс 21 человек, полный состав команды во главе с командиром Паньковым, шеф-пилот Умберто Нобиле, тов. Бирнбаум и я — единственный и пока первый пассажир на борту В-6.

Впрочем, в просторной голубой гондоле дирижабля находился двадцать второй пассажир, не отмеченный в бортовом журнале. Это собака Умберто Нобиле — Титина, неизменно сопровождающая своего хозяина во всех полетах и налетавшая уже до 10 тысяч километров.

Я сидел обычно в крохотной радиорубке, соединенной боковым коридором с другими отделениями гондолы. Дверь из радиорубки вела прямо в штаб дирижабля — рубку управления. Сзади лежала пассажирская каюта, отделанная в голубые и палевые тона. В углу каюты — радиоприемник. Здесь синоптик корабля — веселый, улыбчивый Градус — принимает сводки о погоде и вычерчивает свои метеотаблицы.

Еще дальше — три моторные гондолы, три мотора «Майбах» по 260 сил каждый.

Вместе со мной в радиорубке два молодых радиста — Сидоров и Беляев. Впрочем, все молоды на этом корабле: его пилоты, его механик, его мотористы, наконец, его командир Паньков, летавший на всех советских учебных дирижаблях. Рядом с Паньковым склонился над столом, заваленным картами и таблицами синоптика, седой Нобиле. Оба они не выходили из рубки управления во все время полета. Великолепно работала единственная женщина на борту дирижабля — борт-механик Ховрина.

— Боевое крещение принято с честью! — под таким лозунгом вышла бортовая стенгазета дирижабля.

В-6 показался над столицей северного края в час дня 17 мая. Стоявшие на Северной Двине ледоколы и лесовозы мгновенно расцвети-

лись флагами. И как бы в ответ на это на крошечных белых парашютах с борта корабля были сброшены два вымпела, адресованные Северному крайкому партии и крайисполкому. Но один из вымпелов упал в реку, а другой затерялся где-то на задворках архангельских огородов.

Нужно было устанавливать радиосвязь. Через несколько минут Сидоров принял на ключ радиограмму с земли. Восхищенные архангельцы сообщали нам:

— Успехи нашей авиации ярко подтверждаются тем, что ваш прилет в Архангельск опередил телеграмму, посланную из Москвы о вашем полете.

Еще через десять минут мы поймали волну архангельской рации. Я начал первую радиопередачу с борта дирижабля. Передача открывалась приветствием экипажа В-6 трудящимся Архангельска.

«Впервые, — говорилось в этом приветствии, — советский дирижабль появился на подступах к Арктике и совершает полет над Архангельском, откуда большевики ведут организованное наступление за освоение арктических форпостов. Мы уверены, что наши дирижабли в скором времени станут такими же активными участниками освоения Арктики, как ледокольная флотилия и полярная авиация».

Мы кружили над лесными заводями всесоюзной лесопилки, над свинцовыми водами Северной Двины свыше полутора часов. И когда уже дирижабль лег в обратный курс, радист принял краткую радиограмму:

— Первую передачу с борта дирижабля слышали совершенно отчетливо. Не успели записать только четыре слова.

На всем обратном пути от Архангельска до Москвы дирижабль в полную мощь всех своих моторов боролся с сильным встречным ветром, достигавшим 15 –16 метров в секунду. Этот ветер задерживал наше возвращение в Москву.

Но мы торопились компенсировать прежнюю неудачу. Еще за двести километров до Вологды мы начали переговоры с Москвой:

— Попробуйте принять нашу передачу на этом расстоянии.

Москва отвечала неуверенно. Пришлось переждать еще одну ночь.

И вот — утро 18 мая. Дирижабль снова идет над лугами, над лесами и поймами Ивановской области. Внизу петляют реки, запруженные сплавным лесом.

Бутово уже слушает нас. Оно настойчиво ловит нашу волну 87 метров. Я говорю в диспетчерский микрофон. Его достоинства заключаются в том, что он заглушает посторонние шумы, мешающие работе радистов воздушных кораблей.

Но мне нужно убедить радиослушателей в том, что я нахожусь на борту именно дирижабля. Поэтому я вынимаю трубку из фона микрофона и подношу его к открытому окну, явственно слышен речитатив моторов.

Дмитров! Бутово еще не настроилось. Москва! Я вижу, как на аэродроме Дирижаблестроя сбегаются и строятся фигурки. Бутово еще тянет. А через полчаса нужно снимать антенну радиостанции.

И вдруг Москва отвечает:

— Настроились! Ровно через минуту включаем вас на станцию имени Коминтерна.

Пауза одну минуту. Потом микрофон разносит по всей стране:

— Слушайте специальный выпуск «Последних известий по радио». Мы называем его специальным, потому что он действительно несколько необычен. Он передается с борта дирижабля В-6, возвращающегося из сорокачасового перелета Москва –Архангельск –Москва. Передача ведется с высоты 500 метров.

Градус застыл у приемника. Он контролирует нашу передачу с эфира. Потом оглядывается и весело машет рукой.

Я рассказываю о нашем замечательном полете. О Москве, о дирижабле В-1, который снова встречает нас.

Потом слово переходит к Бирнбауму. Он передает краткое горячее приветствие метростроевцам от экипажа В-6.

Мы выбрасываем гайдроп. Стартер ловко ловит конец гайдропа. Сейчас нужно заканчивать передачу. Я тороплюсь сказать последние слова:

— До скорого свидания, товарищи радиослушатели!

Рейс закончен. Мы подсчитываем итоги. Они радуют нас. Перелет продолжался свыше сорока часов, мы покрыли больше двух тысяч километров, первая радиопередача с дирижабля прошла безукоризненно.

Через два часа я добираюсь до редакции и на столе нахожу молнию:

«Трудящиеся Свердловска, первого города, который будет связан с Москвой дирижабельной линией, с большим волнением и удовлетворением слушали радиорассказ с борта дирижабля. Передача транслировалась по всей Свердловской области».

Говорит СССР. 1935. № 11–12. С. 6–7.

В.И. Качалов[42]

Увлекательная работа

Работа по радио увлекательна. Выступать перед микрофоном чрезвычайно интересно, испытываешь какое-то особое самочувствие. Должен сказать, что такое самочувствие испытываю не только я, но и мои товарищи, как мне известно из наших бесед.

Самочувствие это двоякое. Оно зависит от того, выступаешь ли в студии без публики или же где-нибудь в зале на большом вечере при публике, где есть микрофон.

В первом случае испытываешь волнение от сознания, что говоришь в эфир, что тебя слушает отдаленная многомиллионная аудитория.

Волнение это приятного порядка, которое возбуждает, подымает известную энергию, усиливает, повышает чувство ответственности; но этим приятным волнением овладеваешь и переключаешься на определенное самочувствие — общение с невидимым слушателем.

Когда же выступаешь перед микрофоном и публикой — в Доме ли союзов, в консерватории или даже в радиотеатре, то здесь часто появ-

ляется волнение непобедимое, волнение от того, что теряется чувство ориентации. Раздваиваешься между присутствующим зрителем и отсутствующим слушателем.

В этих случаях трудно найти нужный темп, нужную силу звука. Иногда кажется, что для присутствующей публики говоришь слишком громко или слишком медленно, слишком отчеканиваешь дикцию, потому что для публики, которая близко сидит и видит мимику, может быть, достаточно полутона и той паузы, которая сопровождается мимикой.

Для публики, слушающей тебя по радио и не видевшей мимики, непонятна эта пауза, или до нее не может дойти этот полутон или четверть тона. А в то же время присутствующая публика может подумать, зачем он так подчеркивает и так отчеканивает свою дикцию? И это обстоятельство усиливает волнение.

Дело в том: если бы чаще приходилось выступать перед публикой в залах, где есть микрофон, и в особенности если бы мы, артисты, всегда были к этому подготовлены, т.е. если бы висящий микрофон не оказывался бы для нас неожиданностью, я думаю, что и в этих случаях мы могли бы найти нужное самочувствие, меньше бы волновались и легче и скорее овладевали бы собой.

Особенно приятное чувство бывает у всех нас, когда мы выступаем в студии коллективно, как это было, например, в передачах спектаклей «Воскресение» Л. Толстого или чеховского «Вишневого сада».

Приятно было, может быть, потому, что тут нас, публику зрительного зала, заменили присутствующие исполнители. И мы, обращаясь с аудиторией, усиленно обращались друг с другом, как исполнители, и взаимно друг другу помогали.

В частности, мне хочется указать на то, что некоторым выступающим перед микрофоном актерам и чтецам нужно добиваться большей чистоты и в произношении шипящих и свистящих звуков.

Наибольшее удовольствие мне как слушателю доставляет передача по радио музыки — скрипки, виолончели и рояля.

Говорит СССР. 1935. № 21. С. 37.

Стахановцы о радиовещании

А.Х. Бусыгин[43]

Короче говорить да проще

На той квартире, где я теперь живу, мне только недавно поставили радиоточку — в связи с новогодней передачей, когда по радио сказали: «Товарищи Стаханов, Бусыгин, слушайте»... Хвать — а у Бусыгина и радио-то нет, слушать не может...

На старой квартире у меня была радиоточка, так что я слушаю радио примерно года три и очень его люблю.

Больше мне нравится, когда выступает хор и поют народные русские песни; также нравится баян. Музыку люблю веселую — серьез-

ную еще мало понимаю. Есть у меня патефон, да пластинок маловато — всего 32 штуки, из них только 5 хороших. Когда приходят товарищи, еще все-таки слушаем патефон.

Жизнь наша быстро выдвигает людей, быстро растут люди. Я совсем еще недавно читал по складам, а теперь уже прочел Островского «Как закалялась сталь» (очень понравилось), прочел многие произведения Пушкина, рассказы Льва Толстого. Хочу прочесть «Войну и мир». Наметил прочесть всего Маяковского, нужные у него стихи. Многое мне нужно прочесть, многому надо научиться; ко мне теперь прикрепили преподавателей, учиться удобно. У отца была семья 11 душ в деревне — не до ученья мне тогда было. Теперь наверстаю.

Музыку я прежде совсем не знал: где там, с десяти лет пошел на заработки. Радио мне тут здорово помогло, во многом я стал разбираться. Только все-таки сказать надо: многие наши передачи рассчитаны на тех, кто кончил по крайней мере семилетку. Короче надо говорить да проще. Особенно трудны пояснения к музыке: пояснения часто куда труднее понять, чем саму музыку.

Я бы хотел услышать по радио короткие рассказы лучших старых и новых писателей, затем о самых важных изобретениях и о изобретателях, о том, над чем работают наши ученые, наши академии. Организуя все эти передачи, надо помнить о новом слушателе радио.

Товарищ Микоян в своей речи о пищевой промышленности говорил, что нужна реклама, чтобы продвигать товары, еще не знакомые новому потребителю. Радиовещанию также нужна реклама. Появилось сейчас много новых потребителей научных докладов, серьезной музыки и пенья. Но название доклада или музыкального произведения обычно ничего не говорит неподготовленному слушателю. Надо рекламировать эти доклады и эту музыку, рекламировать толково, так, чтобы они становились понятнее слушателю, надо заинтересовать слушателя предстоящей передачей.

Я.С. Сметанин[44]

Больше передач по истории

Я — большой любитель музыки, но по радио предпочитаю слушать речевые передачи. У меня дома не приемник, а трансляционная точка. Музыка (особенно большой оркестр) передается с большими искажениями...

Читаю я много и всегда охотно слушаю литературные передачи, только редко их устраивают. Не обязательно прибегать к литературному монтажу, стараясь дать понятие слушателю о всем литературном произведении, как это любят делать на радио. Умело выбранного отрывка в хорошем исполнении вполне достаточно, чтобы слушатель заинтересовался всем произведением и достал себе эту книгу.

Я сам заинтересовался Чеховым и Толстым благодаря радио (теперь я прочел всего Чехова и все художественные произведения Льва Толстого). Круг писателей, чьи произведения читаются перед микро-

фоном, надо значительно расширить. Теперь зачастую требуется юбилей того или иного автора, чтобы о нём вспомнили на радио.

Решительный перелом надо сделать в отношении передач сказок: давайте как можно больше сказок, помните, что у нас и в городе и в деревне любят сказки. Многие сказки помогают нам понять наше тяжелое прошлое, другие сказки особенно занимательны по сюжету, в них много нестареющего народного юмора. Привлекайте к микрофону сказительниц, поручайте чтение сказок лучшим артистам. Эти передачи будут иметь большой успех и у взрослых, и у детей (хотя для детей, конечно, нужен особый подбор сказок)...

Я предлагаю ввести в сетку передач систематические двадцатиминутки по истории нашей партии, чтобы помочь многомиллионной аудитории слушателей кружков по истории ВКП(б) на фабриках и заводах. Эти двадцатиминутки можно организовать и во время антрактов, но только обязательно надо в «Радиопрограммах» заранее публиковать, когда будет передаваться «двадцатиминутка»...

Говорит СССР. 1936. № 4. С. 1–4, 11, 17, 20.

Ю.Б. Левитан

Сила стихии

21 июля я в первый раз читаю перед микрофоном пушкинского «Медного всадника» (передача идет через ст. им. Коминтерна в 20 ч. 15 м.). Я читаю всю поэму с начала до конца. Это — одно из первых выступлений моих перед микрофоном в качестве исполнителя большого художественного произведения. Мне приходится читать Пушкина, к тому же труднейшую для исполнения его вещь, это еще более увеличивает ответственность моего выступления. Вполне понятно, что я отношусь к этому выступлению как к серьезнейшей проверке моей работы: внутри Управления центрального вещания я как комсомолец как бы отчитываюсь этой работой перед нашей комсомольской организацией.

Работать над «Медным всадником» я начал с декабря прошлого года (работал под руководством тов. Воронова). Подолгу я сидел над каждой строкой, стараясь понять каждое слово, каждую запятую Пушкина. Это — исключительно интересная, волнующая работа. Конечно, при этом я внимательно читал критику на «Медного всадника». Много пришлось поработать, чтобы постараться передать изумительную музыку пушкинского стиха. Работая над произведениями других поэтов, я обычно для себя переписываю их стихи прозой, чтобы лучше понять смысл.

Основное в «Медном всаднике» — это показ стихии и человеческой беспомощности (в то время) перед этой стихией. Исполняя «Медного всадника», я стараюсь больше рассказывать, а не читать, не декламировать. Смысл каждой пушкинской строчки, как и всего произведения, совершенно ясен. При этом я стараюсь учесть все замечания радиослушателей о чтении пушкинских произведений по радио, напечатанные в «Радиопрограммах».

Последнее время я старался не слушать, как читают «Медного всадника» другие исполнители: для меня как молодого исполнителя велика опасность некритического подражания. Мне все же кажется, что нет никакой нужды сгущать трагические краски при передаче «Медного всадника». Нельзя забывать о том, что и в «Медном всаднике» Пушкин остается Пушкиным — беспросветный пессимизм для него не характерен. Передавая тот смысл, который вложен самим поэтом в это произведение, мне кажется, чтец должен передавать и те светлые тона, которые, несомненно, есть во «Всаднике» (в предисловии, первое явление Евгения, отчасти — утро после наводнения и ряд других мест). Не должно быть беспросветно мрачного колорита в изображении самой стихии. Пушкин понимал и передавал всю красоту разбушевавшейся стихии, основная же моя задача, повторяю, — правильно передать то, что сказал великий поэт.

Радиопрограммы. 1936. 11 июля. № 32. С. 7.

Мастера искусств о радио

И.С. Козловский[45]

Слово исполнителя и слушателя

Как артист, выступающий по радио, я придаю большое значение связи исполнителя со слушательской массой. Письма слушателей содержат исключительно ценные для нас замечания и предложения, и, к сожалению, эти письма часто остаются односторонней связью: слушатель не получает ответа от исполнителя. Я предложил бы в качестве одной из мер приближения исполнителей к аудитории организовать тут же у микрофона ответы данного артиста на вопросы слушателей, предварительно внимательно пересмотрев все имеющиеся о его выступлениях письма и отзывы слушателей и выбрав все наиболее существенное. Для исполнителя важно знать ту аудиторию, перед которой он выступает (хотя бы с точки зрения выбора репертуара). Расширяя связи исполнителя со слушательской массой, мы дадим возможность артисту основательнее ознакомиться с аудиторией, перед которой он выступает.

Как слушатель радиопередач я должен отметить, что за последние годы заметен рост всех видов радиовещания, передача стала разнообразнее и полноценнее. Кадры исполнителей, постоянно работающих на радио, художественно крепнут. Мне при постановке «Вертера» для радио пришлось убедиться в талантливости этого коллектива, в его большой преданности делу.

Среди многочисленных видов музыкальных и литературно-музыкальных передач особенно благоприятное впечатление производят монтажи (например, монтажи, посвященные Моцарту и Паганини). Концертное исполнение опер надо признать формой, весьма удобной и выигрышной для радио. Путями концертного исполнения, не требующими больших затрат на постановку и особенно длительного пери-

ода для подготовки, радио может и должно знакомить слушателей с новыми или редко идущими, но художественно ценными операми. Творческие работники радиовещания должны, мне кажется, более энергично культивировать этот метод постановок...

Одно частное замечание. Мне приходилось слышать передачу по радио пластинок, напетых мною, но выпущенных Грампласттрестом без указания моей фамилии, так как запись оказалась недоброкачественной. Я категорически возражаю против исполнения таких пластинок у микрофона — выбор пластинок для передачи по радио должен быть особенно строгим.

Еще одно частное замечание. В вечерние часы выпуск красноармейских и московских известий следует непосредственно за передачей последних известий. Таким образом, неизбежны повторения. Целесообразен ли такой порядок?

Э.Г. Гилельс[46]

Что мне дало радио

Лет 5–7 назад я особенно увлекался радио, иногда часами просиживал у репродуктора. Многое мне дало радио в смысле знакомства с композиторами и выдающимися исполнителями. С 1933 г. я сам начал выступать по радио в Москве (ранее мне приходилось выступать в Одессе и Харькове).

Придавая большое значение выступлениям по радио, особенно для молодого исполнителя, я обычно каждую новую разученную мною вещь впервые исполняю по радио, а затем уже в открытом концерте.

Спокойная обстановка студии, отсутствие внешней, подчас утомительной процедуры открытого концерта позволяют лучше, глубже сосредоточиться, что особенно важно, когда данное произведение исполняешь впервые.

Весьма интересны передачи грамзаписи. Мое предложение: организовать по радио концерты, в которых воспроизводилась бы запись лучших мировых мастеров и тут же наших, советских, в некоторых случаях — запись исполнения теми и другими одних и тех же произведений. Думается, что это было бы интересным не только для музыкантов, но и для широкой публики, принимая во внимание ту огромную и всеобщую любовь к музыке, которой она пользуется в нашей прекрасной стране...

В центральном радиовещании не чувствуется работы с исполнителями, не видно плана. Приглашения зачастую носят случайный характер. Интересно выступать по радио с определенным циклом, а для этого надо заранее знать, какой цикл готовит радиовещание и какие произведения в пределах данного цикла следует исполнять приглашаемому.

Интересны концерты-лекции, проводимые по радио. Следовало бы, однако, иллюстрацию к этим концертам составлять из записи исполнения действительно первоклассных мастеров.

В заключение я хочу сказать несколько слов об одной передаче — о передаче «Чудесная скрипка», рассказывающей об истории одного

одаренного мальчика в СССР. Наша великая страна создает все условия для всестороннего роста талантов, она холит и бережет эти таланты, как любящая и чуткая мать. Эта сторона верно отражена в передаче. Но передача фальшива потому, что она ничего не говорит о той большой работе над собой, которой обязан [заниматься] каждый одаренный человек и которая является как бы его ответом на заботы страны. Только упорная работа над собой — работа, для которой у нас созданы все условия, обеспечивает успех. Эта сторона не отражена в передаче.

Работник радио. 1937. № 10–11. С. 39–40.

Навести большой порядок в радиовещании[47]

Одним из самых могучих орудий культурной революции, орудий политической агитации и пропаганды в современных условиях является радиовещание. По силе воздействия с ним может сравниться только печать. У радио порой возможностей даже больше, чем у печати: радиослово проникает быстрей, особенно в места, далекие от столичных и областных центров, доходит даже до неграмотных и малограмотных.

В нашей стране свыше 4 миллионов приемных радиоточек. Разумеется, эта аудитория могла бы быть гораздо большей, если бы не вредительство, которое проводилось ряд лет в Наркомсвязи Рыковым и бандой его сообщников. К началу 1937 г. плотность нашей радиоприемной сети оказалась вдвое меньше, чем намечалось по плану второй пятилетки.

Радио слушают в СССР ежедневно многие миллионы людей. Для значительных масс трудящихся радиовещание — основной источник политической информации, громадный источник культурного роста, политического воспитания и образования. Вспомним хотя бы дни торжеств — 1 Мая, 7 ноября и другие, когда радио с Красной площади Москвы разносит по всей необъятной нашей родине праздничный гул советской столицы и живую речь руководителей партии и правительства. Вспомним и дни особо героических дел наших летчиков — дни экспедиции на Северный полюс, совсем недавние дни перелетов через полюс Чкалова и Громова!

У репродукторов в такие дни — вся страна. Но и в обычные дни по радио проводится громадная воспитательная работа: заочная партучеба, доклады и лекции на разносторонние научные темы, специальные передачи для отдельных категорий работников, передачи для детей различных возрастов. По радио миллионы трудящихся знакомятся с колоссальным культурным наследием в музыке, театре, литературе.

Есть ли более благородная задача для любой большевистской партийной организации, чем удовлетворить эту многомиллионную массу трудящихся, передавать ей ежедневно, ежечасно живое слово ленинско-сталинской агитации и пропаганды!

Практика работы парторганизаций показывает, что радиовещание недооценивается, что это дело в загоне, что радио часто выпускают из большевистских рук. Это относится в первую очередь к Украине, где ЦК КП(б)У и областные партийные комитеты, по сути дела, передали руководство радиовещанием банде шпионов и сомнительных людей. Враги орудовали у микрофонов и в Киеве, и в Харькове, в Донбассе, в Чернигове и других местах Украины. Пользуясь безнаказанностью, вредители и шпионы, проникшие в радиовещание на Украине, не раз нарочно искажали политическую информацию, клеветали на Красную Армию, выключали микрофон во время политически важных передач и так далее и тому подобное.

На Украине было немало сигналов о вражеской деятельности в радиокомитетах. Честные работники печати и радио обивали пороги партийных и правительственных учреждений в Киеве, сигнализируя о вражьей деятельности в радиовещании. Но сигналы эти не достигли цели — их не хотели слушать. Лишь после троекратного выступления «Правды» ЦК КП(б)У откликнулся и признал неоспоримые факты «использования радиовещания враждебными элементами как в Радиокомитете УССР, так и в ряде областных радиокомитетов. Радиокомитет УССР и областные радиокомитеты засорены враждебными элементами. В составе работников этих аппаратов имеется много случайных людей и лиц, совершенно не отвечающих своему назначению».

Так в чем же дело? Кто виноват в этом, как не ЦК КП(б)У и обкомы, которые посылали такие «кадры» в радиокомитеты — на этот важнейший участок политической работы?! ЦК КП(б)У сейчас снял с работы и исключил из партии председателя Всеукраинского радиокомитета Грекуна — троцкиста. Естественен вопрос: как мог ЦК КП(б)У совсем недавно «укрепить» Всеукраинский радиокомитет таким руководителем?

В безобразном положении радиовещания на Украине сказалось полное забвение сугубо политической ответственности, которую несут партийные комитеты за политическую чистоту этого острейшего оружия партии. Сказалось забвение ответственности за кадры работников радио, куда каждый партийный комитет обязан давать людей самых проверенных и безусловно преданных делу коммунизма.

Забыли об этом не только на Украине, и потому безобразия в радиовещании имеют место и в некоторых других республиках и областях. Так, в Белоруссии также часты случаи враждебных «опечаток» по радио, когда, например, вместо слов «антифашистская борьба» произносят в микрофон «фашистская борьба». В Минске также играли по радио пошлые фокстроты в годовщину смерти В.И. Ленина, играли траурный марш в дни суда над шпионской бандой Пятакова и других. Кому же не ясно, что и здесь действует рука врага?

Иные руководители не прочь сослаться в таких случаях на значительную засоренность аппарата радиовещания. Но кто же отвечает — целиком и по всей строгости — перед партией и правительством за эту засоренность, как не сами руководители местных организаций и Всесоюзный радиокомитет и его глава тов. Мальцев?! По сути дела, тов.

Мальцев умыл руки, самоустранился от контроля за работой местных радиокомитетов, хотя никто не давал на это никакого права. При элементарно удовлетворительной работе Всесоюзного радиокомитета там не могли бы не знать, что делается в радиовещании Украины!

В радиовещании пора навести твердый большевистский порядок — такова первейшая обязанность каждой республиканской и областной партийной и советской организации. Большую помощь в этом деле оказывают — и еще большую могут оказать! — массы радиослушателей, партийных и непартийных большевиков своими замечаниями, советами, сигналами. Добивался же упорно разоблачения вражеских элементов в радиовещании Украины беспартийный гражданин Шухман. Он не мог добиться этого в Киеве — мешала глухота местных газет и организаций. Тогда он поехал в Москву, и здесь его сигналы были приняты. И из Белоруссии сейчас пишут комсомольцы в «Правду» о вражеских делах на радио.

Подобные сигналы и настойчивость их авторов чрезвычайно ценны. Они служат одним из показателей громадного роста политического сознания не только партийных, но и беспартийных масс трудящихся. Массы активно помогают нашей партии очистить все органы Советского государства от вражеских и негодных элементов, ликвидировать последствия вредительства во всех областях и хозяйственной и идеологической работы. Они сообщают об известных им фактах вредительства в партийные организации, газетам и в органы Наркомвнудела. Нет и не может быть сомнения в том, что партийные организации, осмыслив значение радиовещания, по-настоящему возьмут в свои руки это сильнейшее идеологическое оружие и очистят его от излишней вражеской гнили.

В большевистских руках острое оружие радиовещания призвано сыграть — и сыграет! — колоссальную роль в дальнейшем расцвете хозяйственном и расцвете культурном всех народов нашей великой родины.

Правда. 1937. 22 июля. С. 1.

Э.Т. Кренкель[48]

Радио на льдине

«Радио на льдине» — так я озаглавил свою статью для журнала «Работник радио». В этой статье я хочу вкратце остановиться на нескольких вопросах, связанных с использованием радио в жизни нашей дрейфующей зимовки...

О том, как мы слышим Москву

Я не представляю себе, как мы могли бы нормально жить в течение многих месяцев на своей льдине, если бы мы не могли ежедневно слушать спокойный голос родной столицы, сообщавшей нам о всех событиях, совершавшихся на планете, доносившей до нас биение жизненного пульса Родины. Мы отлично помним дни, когда по тем или иным

причинам мы не могли слышать Москвы. В те дни всяческие магнитные бури и прочие эфирные препятствия мы считали своими личными врагами. И какой непередаваемой радостью был момент, когда снова в наших радионаушниках раздавался знакомый голос диктора: «Внимание! Говорит Москва! Радиостанция имени Коминтерна!» На сердце сразу делалось спокойней. Мы, и в особенности я, по характеру своих обязанностей слушали Москву непрерывно в течение всего дня. Уже в пять часов тридцать минут я слушал по радио физкультурника. Он безрезультатно уговаривал меня одеть трусы, открыть форточку и приготовиться к первому уроку радиогимнастики. Я продолжал лежать в спальном мешке, не имея ни малейшего желания заменить его катастрофическими трусиками, но приятно было чувствовать, что вот сейчас просыпается моя родная Москва. Москвичи, возможно, открывают форточки, одевают трусы и начинают делать плавные приседания. Словом, все в порядке. Скоро вставать и нам. Кончал я слушать Москву, когда радиостанция имени Коминтерна начинала передавать на шведском, голландском или английском языках. Так как у нас на льдине не было ни шведов, ни голландцев, ни англичан, я считал себя вправе на этом прием Москвы заканчивать.

Особое значение для нас имели «Последние известия по радио». Их мы слушали регулярно во всех видах и выпусках. Через «Последние известия по радио» мы узнавали о последних событиях в Испании, Китае, в Германии.

Особо мне хочется остановиться на тех радиопередачах, которые были организованы «Последними известиями» непосредственно для нас. Пользуясь случаем, я от имени нашей четверки благодарю редакцию за внимательное отношение к каждой нашей просьбе. Мы попросили как-то, чтобы в арктическом выпуске «Последних известий» передавались обзоры международных и внутренних событий. Это было вызвано тем, что по различным причинам мы не могли иногда слушать тот или иной выпуск «Последних известий» и теряли преемственность событий. В ближайшем же арктическом выпуске «Последних известий» мы услышали объявление, что сейчас по просьбе зимовщиков «Северного полюса» будет передаваться обзор международных и внутренних событий.

Прожив порядочный срок на льдине, мы, как-то собравшись в палатке, разговорились о том, как за время нашего отсутствия изменилась наша родная Москва. Решили попросить «Последние известия» сообщить нам об этом. И снова в ближайшем арктическом выпуске «Последних известий» для нас радостный сюрприз — у микрофона главный инженер по реконструкции Москвы. Он отвечает на все наши вопросы. Это было очень приятно.

Трудно забыть те выпуски «Последних известий», в которых нас информировали о ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, о выдвижении всех нас кандидатами в депутаты, а затем и об избрании нас депутатами Верховного Совета СССР.

Настоящим праздником на льдине было двадцать первое ноября тридцать седьмого года, когда в связи с полугодием нашего дрейфа

Москва организовала для нас большую радиопередачу, в которой участвовали наши жены, друзья, избиратели и лучшие артистические силы...

Много мы слушали и литературно-музыкальных передач, не говоря уже, конечно, о тех, которые передавались специально для нас. Одинаково приятно было слушать на льдине как голос Василия Ивановича Качалова, так и колоратурного соловья Валерию Барсову. Вообще, занятно лежать в спальном мешке, знать, что за стенками палатки бушует вьюга и свирепствует мороз, и в это время слушать пламенную «Кармен». Я, например, на льдине «был» на премьере опер «Тихий Дон» и «Броненосец Потемкин». Они мне очень понравились, и мне захотелось посмотреть постановку, но в силу обстоятельств мне пришлось выполнение этого желания отложить на неопределенный срок.

Радиоразговоры на коротких волнах

В тихий летний или зимний вечер, когда у вас элегическое настроение, не верьте в тишину вечернего неба. Вас ожидает хорошая слышимость на коротких волнах.

У нас на льдине не было лифтов и трамваев, создающих обычно оглушительные помехи в приеме. У нас были идеальные условия для работы. С помощью нашего трехлампового приемника мы держали связь со всем миром. В зависимости от времени суток слышны те или другие материки. Обычная связь с Европой интересна, но еще заманчивее найти какого-нибудь редкого любителя. Ну, например, единственного радиолюбителя с Огненной земли!

Как черви у рыболова в банке, копошатся в эфире радиолюбители. Хриплыми, свистящими, тонкими голосами упорно и настойчиво зовут они: «Всем, всем! Отвечайте!» Наш позывной — «УПОЛ» — скоро стал широко известен, и стоило ему один раз появиться в эфире, как ответы неслись со всех сторон. Оставалось только выбирать наиболее интересную станцию. Первая любительская связь была установлена с норвежцами. Затем пошли американцы, голландцы, англичане, бельгийцы, ирландцы.

Из советских коротковолновиков с нами первым связался ленинградец Салтыков. Ему присуждена премия — приемник, оставленный мной на этот случай редакции журнала «Радиофронт». В дальнейшем мы часто беседовали с Салтыковым, а также и с другими ленинградцами и москвичами.

Появились знакомые и на Гавайских островах. С одним из них я связывался несколько раз, и он превратился в болельщика нашей экспедиции. Он очень волновался за нас и задавал примерно такие вопросы: «Не растает ли лед и не очень ли вам страшно?» Приходилось его всячески успокаивать.

Три случая связи с Австралией являются рекордами дальности в системе наших радиобесед. Учитывая малую мощность нашего передатчика — всего лишь двадцать ватт, результаты можно считать хорошими. Обычно связь с любителями продолжается две–три минуты.

Нас засыпали изъявлениями радости по поводу установленной связи. Затем шли поздравления, приветы, вопросы. Французы, голландцы, чехословаки предлагали свою помощь в передаче Москве наших телеграмм. Все они теперь ждут писем, подтверждающих состоявшийся двусторонний разговор.

О чем я беседовал со своими радиокорреспондентами? Голландец сообщал, что в местной газетке ежедневно печатается сводка погоды со станции «Северный полюс». Швед выражал свою радость, что после трехмесячной погони за мной он наконец меня поймал. Лишь радиолюбители одной европейской страны не выражали своих восторгов. С ними связь ограничивалась вежливыми, но сухими фразами и быстро заканчивалась.

Не было случая, чтобы приходилось объяснять, кто мы и где находимся. Советская полярная станция занимала почетное место в эфире.

Особенно активной была связь с американцами. Когда они начинали работать, в эфире становилось тесно. Пользуясь передатчиками мощностью до одного киловатта, они буквально оглушали нас, часто мешали довести до конца начатую беседу.

Однажды при хорошей слышимости я на протяжении трех часов связался с одиннадцатью американцами. Они «передавали» меня из рук в руки. «Позовите, пожалуйста, моего друга, он вас слышит», — просит американец. Я звал — и связь устанавливалась.

Мы возвратились в родную Москву. Снова у меня дома звучат знакомые голоса радио Москвы.

И всякий раз, когда я слышу объявление «Говорит Москва», я, может быть, больше, чем кто-нибудь другой, ощущаю, как хорошо говорит наша родная, любимая Москва.

Работник радио. 1937. № 6. С. 8–11.

Р. Роллан[49]

Письмо в Радиокомитет

Вильнев, 31 января 1938 г.

Дорогие друзья!

Я прослушал 29 января всю вашу передачу. К сожалению, как нарочно, именно в этот день дули самые сильные за эту зиму ветры и слышимость была неважной. 1-я часть была слышна лучше (приветствия и соната Бетховена), чем 2-я (музыкальные отрывки из «Кола Брюньона»), которые как раз меня и интересовали больше всего.

Тем не менее сюита из этих отрывков произвела на меня хорошее впечатление и доставила мне удовольствие. Особенно мне понравились те куски, которым, как мне показалось, и публика больше всего аплодировала, — наиболее простые и веселые мелодии. Я все более и более убеждаюсь, что новое время и новое народное искусство нуждаются в музыке, в первую очередь богатой ритмами и мелодиями, без которых раньше они обходились, придавая преувеличенное значение гармоническим комбинациям и контрапунктическим ходам.

Шлю свою благодарность и сердечные поздравления авторам и исполнителям, а также организаторам этого вечера, всем моим знакомым и незнакомым дорогим друзьям в СССР. Прошу прощения, что не пишу это письмо собственноручно. Болезнь глаз лишила меня возможности писать на несколько недель.

Ваш друг Ромен Роллан

Печатается по кн.: Встреча с прошлым. Вып. 1. 2-е изд. М., 1983. С. 206.

В.А. Гончаров[50]

С микрофоном по стране

Радиослушатели услышали булькание воды и затем приглушенный голос радиоочеркиста. Он говорил:

— Я нахожусь под водой на дне Черного моря. Мой голос приглушен, потому что микрофон находится в скафандре водолазного костюма. Меня окружает темно-зеленая масса воды. Но вот я всматриваюсь вправо и начинаю различать контуры лежащей на дне подводной лодки. Эта подводная лодка затонула еще до революции, и сейчас эпроновцы начинают ее поднимать. Я подхожу к ней поближе. Стаи рыб мечутся в стороны. Вот и лодка. Я трогаю ее рукой. Она обросла толстым слоем раковин...

Этот 20-минутный рассказ из-под воды вызвал у слушателей огромный интерес. Письма-отзывы приходили сотнями. Все советские и многие иностранные газеты поместили отчеты об этой необычной радиопередаче. Вел ее один из старейших радиоочеркистов «Последних известий по радио» Вячеслав Сысоев.

Стало хорошей традицией, что ни одно из крупных событий в нашей стране не проходит без того, чтобы на месте события не присутствовал с микрофоном радиоочеркист «Последних известий».

17 сентября Красная Армия перешла границу бывшей Польши. В ближайшем поезде, шедшем на Запад, ехал радиоочеркист В. Сысоев. В его чемодане лежал аккуратно упакованный микрофон. Прошло немного дней, и миллионы советских радиослушателей впервые услышали объявление:

— Внимание! Говорит Белосток!

Невозможно перечислить все передачи, проведенные В. Сысоевым за 13 лет его работы на радио. Он давал радиорепортаж с вершины Эльбруса, из Кубанской станицы, с борта боевого корабля, из Гори, с причала Мурманского порта, из Мичуринска, из шахты метро. «География» его поездок с микрофоном охватывает буквально всю страну...

* * *

Танк мчался по учебному полю, на ходу стреляя по мишеням. Один за другим раздавались гулкие раскаты выстрелов, и, когда стихала канонада, радиоочеркист Григорий Нилов рассказывал о том, что происходит на танкодроме, как искусно преодолевают препятствия, водят

боевые машины советские танкисты, как они по-ворошиловски, с одного выстрела, поражают мишени.

Если Вячеслава Сысоева можно назвать мастером радиорепортажа, то Григория Нилова — мастером радиоочерка. Упорно работающий над радиопередачей, он стремится сделать любой радиоочерк ярко звучащим, доходчивым для слушателя. Примером такой передачи можно назвать недавнюю его работу — радиофильм «По местам Полтавской битвы». В этом радиофильме Григорий Нилов умело использовал факты из истории, из современной жизни Полтавщины и, обрамив их чудесными украинскими песнями, создал яркий запоминающийся радиофильм.

Радиоочерки Г. Нилова из Львова, о Ставропольщине, о первомайском Киеве, о писателе Николае Островском, выпуск «День мира» и многие другие радиопередачи, как правило, вызывали хорошие отклики радиослушателей. Сейчас, когда вы читаете эти строки, радиоочеркист Г. Нилов с микрофоном находится на Карельском перешейке. Он готовит оттуда первомайский радиорепортаж.

* * *

Щелковский аэродром. Туманное весеннее утро. На бетонной горке стоит, раскинув красные крылья, самолет «Москва». Невдалеке у стартовой дорожки микрофон «Последних известий» уже имеет свое постоянное место. Радиоочеркист В. Ардаматский описывает картину утреннего аэродрома перед стартом самолета «Москва». Вот идут к самолету Коккинаки и Гордиенко. Радиоочеркист просит их к микрофону. Происходит краткое радиоинтервью с летчиком и штурманом перед отлетом. Утренняя тишина нарушается ревом моторов. Самолет скатывается с бетонной горки и мчится по стартовой дорожке. Вот он, заглушая голос радиоочеркиста, промчался мимо микрофона и в следующую секунду оторвался от московской земли. Все тише слышен гул моторов — самолет полетел в Америку...

Проходит несколько дней, и тот же радиоочеркист уже едет на станцию Негорелое — встречать возвращающихся из Америки героев. Миллионы радиослушателей слышат, как встречают отважных летчиков советские люди на пограничной станции.

Радиоочеркиста В. Ардаматского знают многие советские полярники. Он провел не одну передачу для папанинцев, для работников полярных станций. Радиоочерки Ардаматского с Карельского перешейка совсем недавно передавались в выпусках «Последних известий».

* * *

Дом на улице Горького сдвинулся с места, насиженного десятилетиями. Дом катился по рельсовым балкам. Его передвижение замечали все — толпа, стоявшая на улице, жильцы соседних домов..Не замечали движения только жильцы этого дома. Их жизнь не была нарушена ни на йоту: из водопроводного крана лилась вода, звонил телефон, работало радио, горело электричество. В одной из квартир передвигаемого дома «ехал» с микрофоном радиоочеркист Владимир Трегубов[51]. Эту радиопередачу помнят многие радиослушатели.

Владимир Трегубов давно работал на радио. Он немало поработал над тем, чтобы миллионы советских радиослушателей познакомились с жизнью великой столицы Союза — Москвы.

Когда с конвейера автозавода им. Сталина сходил первый автокрасавец ЗИС-101, Владимир Трегубов стоял с микрофоном у конвейера и рассказывал о том, как рождается первый автомобиль этой марки. Когда строилось московское метро, В. Трегубов не раз появлялся с микрофоном там, где метростроевцы прокладывали первые подземные пути. И конечно, когда по первой линии метро пошел первый поезд, это новое звучание Москвы донес до многомиллионных радиослушателей нашей страны очеркист Трегубов.

За 9 лет своей работы на радио Владимир Трегубов провел десятки внестудийных передач.

* * *

Внестудийные радиопередачи — один из интереснейших разделов в работе редакции «Последних известий». Кроме названных товарищей, над радиоочерком и радиорепортажем в «Последних известиях» работают т.т. Каравкин, Раввин, Майзлин, Эфроимсон.

Было бы неправильно, говоря о внестудийных передачах редакции, не упомянуть о большой работе, проводимой в этой области группой поэтов и писателей. Как правило, в традиционных радиопередачах с Красной площади столицы участвуют поэты Гусев, Сурков, Жаров, Алтаузен, писатели Кассиль, Розенфельд. Они с большой любовью относятся к этому делу.

Радиопрограммы. 1940. 23 апреля. № 19. С. 4.

Встреча работников радио с М.А. Шолоховым[52]

10 мая состоялась дружеская встреча работников Всесоюзного радиокомитета с писателем-орденоносцем Михаилом Александровичем Шолоховым, автором замечательного романа «Тихий Дон». На этой встрече подводились итоги только что законченного цикла передач по радио 8-й, последней, части этого романа.

Больше двух часов, затаив дыхание, собравшиеся слушали блестящее, реалистически правдивое чтение заслуженным артистом РСФСР Д.Н. Орловым фрагментов из 8-й части «Тихого Дона». Затем присутствующие обменялись мнениями и впечатлениями как о произведении М.А. Шолохова, так и о чтении Д.Н. Орлова. Выступавшие — заслуженный артист РСФСР И.А. Залесский, заместитель председателя Всесоюзного радиокомитета В.А. Гончаров, писатель И.Ф. Жига, сотрудники радиокомитета В.М. Стрекалова, Д.Л. Ермилова и другие — были единодушны в оценке высокохудожественного романа Шолохова как выдающегося произведения советской литературы. Не менее единодушна была и оценка большого мастерства Д.Н. Орлова. Писатель Жига процитировал ряд интересных писем радиослушателей, оценивавших художественные достоинства романа «Тихий Дон» и ма-

стерскую, продуманную трактовку его Д.Н. Орловым. Из приведенных отзывов выделяется письмо художницы-вышивальщицы т. Шиковой (Москва), адресованное чтецу: «Я вижу всех героев этого романа точно живыми. Хорошо написана Шолоховым эта книга, но в вашем художественном исполнении даже Шолохову, вероятно, она кажется прекрасной, хотя надо сознаться, что в любом деле редкий мастер бывает совершенно доволен своей работой. Я художница-вышивальщица одной из московских фабрик, но работу выполняю дома. И вот самые сложные рисунки я оставляла специально к тому времени, когда вы начнете читать. И как же легко и просто работается с вашей помощью!»

А.М. Федорова (Рязань) пишет Д.Н. Орлову: «Замечательное произведение Шолохова "Тихий Дон" в вашем чтении раскрывается во всем своем блеске, силе и красоте. Один за другим ярко, выпукло, жизненно проходят образы героев, с их внутренним миром и переживаниями. Они живут, действуют. Ты чувствуешь их дыхание, слышишь, как стучат их сердца. Чувствуешь соленую влагу слез. С необыкновенной яркостью, сочностью и правдивостью проходят волнующие, незабываемые картины, проникающие в самую глубину души».

Встреча с М.А. Шолоховым, протекавшая в исключительно теплой товарищеской обстановке, закончилась пожеланием выступавших еще больше укреплять в будущем творческое содружество работников радио с писателем.

Радиопрограммы. 1940. 17 мая. № 23. С. 3.

Н.М. Потапов

В первый день

Над Москвой занималось раннее утро, когда в редакции «Последних известий» раздался телефонный звонок.

— Киев бомбят! Вы слышите меня? — глухо прозвучал знакомый голос Яна Борецкого.

Ночной дежурный в полной растерянности держал телефонную трубку, надеясь услышать какие-либо подробности. Но связь с Киевом была прервана.

Прошло буквально несколько секунд — и снова резкий междугородный звонок.

— На Минск падают «шарики»!

Чувствовалось, что минский корреспондент взволнован, что он что-то не решается договорить...

Звонки продолжались. Встревоженными голосами люди спрашивали одно и то же:

— Это правда? Началась? Почему по радио нет сообщений?

Дежурный ничего не мог сказать утешительного. Как и корреспонденты, он догадывался, что это — война, но официального сообщения не было, в газетах об этом — ни строчки...

Ночному дежурному недолго пришлось быть в одиночестве. Весть о войне, как боевая тревога, дошла до всех радистов, где бы они ни находились в это воскресное утро — дома или в гостях, за городом или в командировке.

В радиокомитет, не дожидаясь вызова, стали стекаться редакторы, литературные сотрудники, репортеры.

Каждый из нас знает из истории, из личных воспоминаний, что бывают события, круто и беспощадно меняющие привычный ритм жизни. Таким событием для нашего коллектива, как и для всех советских людей, явилась война, бурно и неумолимо ворвавшаяся в мирные будни. Наши журналисты обрели, казалось, какой-то новый, необычный облик. Все посерьезнели, подтянулись. Секретарь редакции Федор Уралов, обычно неторопливый, спокойный человек, внешне лишенный ярко выраженных эмоций, буквально на глазах преобразился. В его словах и действиях проявились новые черты — он почувствовал себя как бы начальником штаба: быстро распоряжаясь, давая четкие задания, спешно вызывал в помощь дежурным репортеров, стенографисток, машинисток...

Всю ночь не смыкавший глаз дежурный с встревоженным видом вбежал в кабинет редактора:

— Как быть с обзором печати? В газетах — сугубо мирные темы, а люди уже догадываются, что запахло порохом...

— Обзор давать надо. Если мы впервые выйдем без обзора, это вызывет в стране разные толки... Но сделайте так, чтобы главенствовала военно-патриотическая тема. Мы не можем говорить о том, чего в газете нет...

Бывший моряк Евгений Барский, объездивший полсвета, закаленный ветрами Арктики, примчался в редакцию одним из первых. Оптимист по натуре и острослов, никогда не терявший бодрости, он просто сказал:

— Когда разрешите, товарищ начальник, отбыть на фронт?

— На фронт, если нужно, все отбудем, а сейчас надо срочно готовить первый военный выпуск «Последних известий». Весь народ ждет сообщений.

Александр Фетисов, бывший артиллерист, ершистый и увлекающийся человек, категорически отрезал:

— Что касается меня, то я не хочу терять ни одного дня. Надо завтра же, не позднее, ехать, а еще лучше — лететь к месту событий.

Я очень хорошо понимал своих друзей и полностью разделял их намерения. Но в данный момент от нас требовалось иное — собрать как можно больше информации о настроениях советских людей, об их готовности с оружием в руках стать на защиту своей Родины...

Через несколько минут редакция опустела. Все уехали на заводы и фабрики — начинались первые военные митинги.

Руководители Радиокомитета отправились на улицу Горького, где в студии должен был выступить с правительственным сообщением В.М. Молотов. И ровно в полдень в эфире прозвучали слова:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объ-

явления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота... чтобы обеспечить победу над врагом...

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

На улицы и площади к громкоговорителям стекались толпы москвичей. Из репродукторов неслись слова, тревожные и гулкие, как набат. Люди слушали молча, с напряженным вниманием, стремясь вникнуть в каждое слово, в каждую фразу.

Ровно через сорок пять минут после правительственного сообщения в эфире — выпуск «Последних известий». В нем, как боевые призывы, звучали лозунги:

«Ответим на удар врага сокрушительным ударом!»

«Удесятерим трудовые усилия для помощи Красной Армии!»

«Сметем с лица земли фашистских поджигателей войны».

Сотрудники привозили отчеты с митингов и собраний, готовые репортажи, интервью с откликами на правительственное сообщение. Несмотря на бесконечные телефонные звонки и деловую суету, пульс редакционной жизни, как всегда, был подчинен строгому графику передач.

После полудня приехал наш военный комментатор полковник В. Багров. С 1939 г., когда началась Вторая мировая война, он выступал перед микрофоном с обзором военных действий.

— Я, кажется, оставляю свою вторую профессию — журналиста. Как вы догадываетесь, мое место теперь на фронте.

Что можно было ему сказать? Конечно, полковники и генералы сейчас прежде всего нужны там, где идут сражения...

Впоследствии генерал Багров отличился в битве под Москвой и на Курской дуге.

Репортеры, вернувшиеся с митингов, и редакторы собрались в секретариате и наперебой предлагали свои услуги: редактировать отчеты о митингах, диктовать машинисткам, дежурить у телефонов... Юрий Арди, Григорий Нилов, Федор Уралов, Александр Фетисов до глубокой ночи оставались в редакции.

Официально мобилизация еще не была объявлена, но некоторые наши товарищи, в том числе Евгений Барский, отправились в военкоматы, куда стекались и военнообязанные и добровольцы.

Прервав воскресный отдых, вечером в редакцию приехали, словно сговорившись, А. Сурков, Ж.-Р. Блок, В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, И. Эренбург.

В архиве, к сожалению, не сохранились тексты выступления литераторов. Помнится, что Лебедев-Кумач прочел стихотворение-песню, в котором призвал взять оружие в руки и влиться в ряды бойцов Красной Армии. Алексей Сурков сопроводил свои стихи о Гражданской войне публицистической концовкой о боевой эстафете, которая ныне передается отцами и братьями молодому поколению Страны Советов. Жан-Ришар Блок темпераментно и взволнованно говорил о сражающейся Франции, о героях Сопротивления, готовых вместе с советскими воинами бороться до конца, чтобы нанести сокрушительный удар фашизму. Илья Эренбург говорил о патриотическом долге каждого советского гражданина — быть в едином строю с теми, кто наносит первые удары по врагу, посягнувшему на священную нашу землю. С истинно комсомольским задором прозвучал голос Александра Жарова, его поэтический наказ — биться с врагом до полной победы.

В этот воскресный день в редакцию «Последних известий» непрерывным потоком шли телеграммы со всех концов страны. Герой Советского Союза Михаил Водопьянов, совершивший арктический перелет, прислал «молнию», в которой заявлял о своей готовности немедленно вылететь на фронт.

Первое сообщение с театра военных действий дал в ночной выпуск «Последних известий» 22 июня наш украинский корреспондент Ян Борецкий. Он коротко рассказал о подвигах пограничников и красноармейцев, отражавших натиск гитлеровских войск. С большим волнением мы читали и перечитывали строки, от которых веяло пороховым дымом и тревогой.

Война требовала от каждого из нас фронтовой выдержки и боевой готовности.

Уже через два–три дня покидали радиодом наши военные корреспонденты. На Юго-Западный фронт отправились Александр Фетисов, Павел Мануйлов и Евгений Барский. За ними покинул редакцию и Василий Ардаматский, избравший себе Псковский фронт, а затем — Ленинград. Вадим Синявский отбыл на Западный фронт, впоследствии сменив его на Южный. На Северный фронт отправился Савва Морозов.

Никогда не забудутся первые дни и недели войны. Вести с фронтов шли тяжелые. Несмотря на героизм и самоотверженность бойцов и командиров, наши войска под напором превосходящих сил противника вынуждены были оставлять города. Каждое сообщение, каждая весточка из действующей армии переживались с волнением.

И все же война еще представлялась тогда чем-то отдаленным, не угрожающим непосредственно столице. Это заблуждение было опрокинуто первым воздушным налетом на Москву...

Эта ночь оставалась памятной для всех радистов. Тревожные завывания сирен мы услышали еще вечером, около семи часов. Ни бойцы ПВО, ни тем более гражданское население не имели еще опыта действий в боевых условиях. С приближением ночи над Москвой что-то загрохотало. Сухой треск зенитного огня сливался со зловещим гулом падающих вражеских бомб и зажигалок, с гудением самолетов.

Дежурные по охране здания Радиокомитета, наскоро проинструктированные, старались держаться уверенно и спокойно. Но, как всякие новички, они терялись, излишне суетились и, что греха таить, испытывали страх... На крышу нашего здания упало несколько «зажигалок», которые усилиями дежурных были обезврежены.

Налет продолжался. И вдруг наше здание закачалось, затряслось... В окнах зазвенели разбитые стекла. Только через несколько минут стало ясно, что вражеская бомба упала в самый центр дворика, врезалась в водопроводный колодец и, не взорвавшись, глубоко врылась в землю.

Наутро фашистское радио верещало на весь мир, что «во время бомбардировки большевистской столицы разрушено дотла здание Московского радио».

Это была очередная геббельсовская «утка»! Дом остался цел и невредим — вещание на Союз и на зарубежные страны продолжалось...

Печатается по кн.: Радио в дни войны. М., 1982. С. 9–13.

В.С. Синявский

О самом памятном

Войну я увидел в ее первые часы.

В субботу 21 июня группа московских спортивных журналистов приехала в Киев на торжественное открытие нового республиканского стадиона. Настроение у всех было великолепное. Погода стояла отличная. Летний Киев в буйной зелени каштанов был необыкновенно красив. Казалось, ничто не могло помешать ни завтрашнему празднику спорта, ни репортажу, который нам с Яном Борецким предстояло давать в эфир. Так казалось...

А на рассвете воскресного дня город был разбужен гулом самолетов. Я выскочил на балкон гостиничного номера: над Днепром шел воздушный бой. Мелькнула мысль: маневры? война?! Да, война! На Киев падали бомбы.

В те минуты я не мог даже приблизительно представить, какой крутой вираж сделает моя журналистская судьба, сколько героического и трагического предстоит увидеть, пережить, рассказать людям. Пока же было ясно одно: немедленно — в Москву, явиться в Радиокомитет, просить направление в действующую армию.

Мне повезло. Спортивный радиокомментатор, вскоре я стал военным корреспондентом Всесоюзного радио...

Осень сорок первого года. Западный фронт. На практике это означало: утром из Путинковского переулка, где размещался Радиокомитет, едешь с заданием на фронт, вечером с материалом — обратно в редакцию. «Отвещаешь», вздремнешь — и опять на редакционной «эмке» в новую часть...

Работа в новых условиях требовала собранности, хладнокровия. А мы, журналисты, в большинстве своем были тогда еще народ необстрелянный. Но держались!

Помню такой случай. Когда на помощь защитникам Москвы прибыли воины-сибиряки, я, разумеется, поспешил к ним. Познакомился с обстановкой, заполнил страницы блокнота, ситуация уже изменилась. Фашисты перерезали шоссе, ведущее в Москву. Стало быть, окружение... Но нашим частям все же удалось оттеснить врага и сохранить узкий «коридор», связывавший нас с Москвой. Вот по этому «коридору», который держали под огнем гитлеровские автоматчики, мы и двинулись на «эмке» обратно. Единственная надежда была на скорость, удачу да на... саперные лопатки. Шофер прикрывал голову лопаткой со своей стороны, а я — со своей. Так и проскочили.

Приближалась 24-я годовщина Великого Октября. Накануне праздника меня срочно вызвали с фронта в Москву. Было сказано: завтра, 7 ноября, предстоит вести репортаж с Красной площади о военном параде. Подготовиться к репортажу заранее было сложно: никаких данных, кроме того, что принимать парад будет маршал С.М. Буденный. Число и перечень поздравлений участников парада должны были сообщить нам только перед самым началом торжества.

Темным и вьюжным ноябрьским утром небольшая группа работников радио во главе с В.А. Гончаровым и Н.М. Потаповым прибыла в здание ГУМа, откуда по традиции должны были вести репортаж. Нам со звукооператором Алексеем Спасским предстояло принять на себя основную нагрузку: мне — вести репортаж, ему — записывать на шоринофон.

И вот начался тот памятный военный парад в осажденной Москве. Семен Михайлович Буденный принял рапорт и поднялся на трибуну. Видно плохо, снег валил хлопьями. Перед тем как скомандовать техникам о переключении на микрофоны Мавзолея, сообщаю радиослушателям: «К микрофону подходит Маршал Советского Союза...» — и вдруг вижу, что вопреки обыкновению к микрофону подходит не Буденный, принимавший парад, а Сталин! Однако сориентироваться я все-таки успел... Из-за снежной пурги видимость была настолько плохая, что во время репортажа пришлось пользоваться биноклем, чтобы рассмотреть, какие войска проходят.

На парад вышли все рода войск, кроме летчиков, находившихся на аэродромах в боевой готовности. Я видел перед собой людей, которым предстояло прямо с Красной площади отправиться на передовую. Надо было так рассказать о них в передаче, чтобы вся страна, весь мир знали: Москва живет, Москва борется, Москва выстоит!

Мастер своего дела, Алексей Спасский размножил на шоринофоне запись рассказа об историческом военном параде. Эту передачу давали в эфир на десятках языков. Дикторы были наготове и следили за моей командой. А я «дирижировал»: когда читать текст, когда остановиться, чтобы зазвучала документальная запись. Работали крайне напряженно. Вечером нас со Спасским пригласил к себе председатель Радиокомитета. Он торжественно достал из письменного стола две буханки хлеба, колбасу и испанский ликер. Это была наша праздничная трапеза в памятный день 7 ноября 1941 года.

Начался разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Советские воины беспощадно громили гитлеровские орды, гнали их все дальше и дальше, освобождая один за другим города и села Подмосковья. Вот один из сохранившихся моих репортажей тех дней с передовых позиций, записанный на тонфолевой пластинке:

«Враг был отброшен к реке Протва, на которой фашистами была организована сильнейшая линия обороны. Мы ее прорвали! Враг бежал без оглядки.

Дорога на Малый Ярославец — дорога упорных боев, где все свидетельствует о жесточайшем сопротивлении врага и вместе с тем говорит о стойкости и мужестве наших бойцов.

Месяца два назад мы рассказывали о деревне Горки, бывшей тогда местом смертельных схваток. Эта деревня разрушена теперь до основания...

Наш неожиданный выход во фланг настолько ошеломил врага, что фашисты даже не побежали. Вряд ли кто из фашистской сволочи сумел уйти из этой деревни».

И еще эпизод, относящийся к тем дням. Перед взятием Рузы. Мы с Григорием Ниловым прибыли в танковую часть: задумали репортаж из атакующего танка. В штабе части представились командиру, человеку по-русски широкому, гостеприимному. Мы, конечно, рвались сразу в бой, а командир настаивал, чтобы мы сначала чего-нибудь перекусили.

— Да нет, — отговаривались мы, — давайте сначала Рузу возьмем.

— Все равно надо машину подготовить. У меня танков ведь не так уж много. Так что ешьте.

Наконец докладывают, что танк готов. Втискиваемся с Гришей в боевую машину, занимаем место стрелка-радиста.

Началась атака. В грохоте, огне и дыму ворвались в Рузу. Видим — от одного дома две стены уцелели. Попросили водителя: «Давай туда, встанем на минутку». Встали под прикрытие. «Глуши мотор, — говорим. — Нам тишина нужна». Только начали мы с Ниловым свою работу, как вдруг выяснилось, что наши в это время отошли и мы оказались на вражеской территории. Понятно, приятного в этом открытии было мало. Счастье, что нас не сразу обнаружили. Когда ударили «катюши», я впервые по-настоящему понял, что такое наши гвардейские минометы, какая это сокрушающая сила! Всего в нескольких метрах от нашего танка был квадрат их обстрела, и то, что мы увидели и ощутили, невозможно ни передать, ни забыть. Наши снова ринулись вперед, и мы довольно благополучно выбрались из этого ада кромешного. Репортаж все-таки сделали.

Пути-дороги фронтовые! Помню, 18 октября, когда передовые позиции находились всего в нескольких десятках километров от столицы, я встретил на пустынной площади возле памятника Пушкину корреспондента «Правды» и своего друга Мартына Мержанова. Он только что прилетел из Севастополя. Я с ходу потащил его в Радиокомитет, где ему тут же предложили написать материал для передачи о событиях в Крыму. Я с интересом слушал рассказ Мартына Ивановича, не-

давнего очевидца кровопролитных боев под Джанкоем, свидетеля мужественных действий моряков-черноморцев, и не думал, что корреспондентская судьба приведет меня с Западного фронта на бастионы осажденного Севастополя и что предстоит мне быть там с его защитниками до последних дней героической обороны легендарного города.

В конце февраля 1942 г. меня вместе со звукооператором комсомольцем Натаном Розенбергом, направили на действующий фронт, в осажденный Севастополь. Вылетаю, как был во время зимних боев на Западном фронте, — в полушубке и шапке-ушанке.

Прибыв в Севастополь, познакомились с обстановкой, начали «вживаться» в военный быт осажденного города, знакомиться с его защитниками — народом поистине богатырским, готовым яростно биться с фашистами до последнего вздоха!

Люди на фронтах и в тылу с нетерпением ждали новых сообщений из Севастополя. Здесь уже напряженно работала большая группа военкоров различных газет.

Получаю разрешение на репортаж с борта подводной лодки... Но главной задумкой была радиопередача с артиллерийских позиций Малахова кургана. Там мы познакомились с капитан-лейтенантом Матюхиным, талантливым командиром, человеком беззаветной храбрости. Его батарея денно и нощно била по фашистским позициям. Люди Матюхина были под стать командиру. Когда гитлеровцы подбили миноносец «Совершенный», они с него сняли орудия и на салазках втащили на Малахов курган.

Все обдумано, оговорено, все подготовлено к записи репортажа. 1 марта сорок второго года я и Натан с необходимой аппаратурой поднялись на Малахов курган, в расположение батареи капитан-лейтенанта Матюхина. Немцы беспрерывно били из минометов. Малахов курган отвечал артиллерийскими залпами. Огонь, грохот, запах пороховых газов...

Подаю знак звукооператору подготовиться к записи. Начинаю: «Говорит осажденный Севастополь!» — это было все, что я успел произнести. Рядом разорвалась немецкая мина. Натан Розенберг, молодой, красивый парень, убит, я — тяжело ранен.

Возвратился я в Севастополь вместе с Юрием Арди спустя три месяца после операции и лечения в госпитале.

Фашисты начали третий штурм города, истекающего кровью, отрезанного от Большой земли, но продолжающего сражаться. Нашим кораблям все труднее было пробиться к севастопольцам. В Поти нас взяли на борт лидера эсминцев «Ташкент», доставляющего пополнение гарнизону Севастополя.

Путь в Севастополь был нелегким: «Ташкент» выдержал бешеную атаку фашистских самолетов-торпедоносцев, но и на этот раз свою задачу выполнил. Высадились в Камышовой бухте под обстрелом и ночью под обстрелом шли в Севастополь по одной-единственной оставшейся дороге. Впереди — зарево пылающего города, под ногами — земля, изъязвленная воронками, заваленная искореженным металлом, вокруг — сгоревшие остовы машин, трупы...

На этот раз мы устроились в минной штольне политотдела Приморской армии в Карантинной бухте. Здесь находился командный пункт командующего сухопутными силами обороны Севастополя генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова. Земля дрожала под ногами от разрывов тяжелых снарядов и бомб, небо раскалывалось от гула моторов. Над искалеченным городом тянулись черные шлейфы дыма. В те июньские дни фашисты били по Севастополю без передышки.

Мы, корреспонденты радио и газет, были свидетелями невиданного массового героизма, невиданного бесстрашия и великой силы духа защитников города, военных и гражданских. Мы обязаны были рассказать об этом нашим советским людям, всему миру. И хотя Севастополь представлял собой сплошное пекло, где каждый клочок земли был искорежен металлом, пропитан кровью, журналисты стремились добраться до самых горячих участков. Так много надо было рассказать о тех последних днях осажденного гарнизона и так невелики были возможности передать в Москву маломальский развернутый материал или запись на хрупких пластинках. Военный телеграф жестко ограничивал количество передаваемых слов, что было понятно в той обстановке. Поэтому искали малейшей оказии, но оказия на войне не всегда срабатывала.

Я не оставлял мысли продолжить начатый 1 марта и оборванный немецкой миной репортаж с Малахова кургана. Но тяжелая обстановка исключала такую возможность.

Артиллеристы капитан-лейтенанта Матюхина дрались на своих позициях до последнего вздоха — пали в бою, но с Малахова кургана не отступили. О них я написал корреспонденцию, а вот живую документальную запись о героической батарее сделать не удалось.

Наступали последние дни героической обороны. Мы вместе с войсками эвакуировались в Новороссийск. Целуя истерзанную севастопольскую землю, ее защитники, оставшиеся в живых, клялись вернуться и победить!..

А затем был Сталинград. Я был свидетелем начала разгрома фашистских орд под стенами волжской твердыни, пленения окруженной армии Паулюса и сдачи в плен гитлеровского фельдмаршала. Когда ехал туда, на душе было тяжело: только что семья получила похоронку, в которой сообщалось о гибели моего младшего брата Юрия, погибшего в боях под Сталинградом.

Со Сталинградом связано немало событий в моей военкоровской работе.

Маленький фронтовой «пикапчик» и приемно-передающая радиостанция, на которой можно было работать только ключом, — вот и все, чем тогда располагали я и мой коллега Николай Стор. Радиостанцию обслуживали работники областного управления связи, братья В. и М. Феофановы — настоящие асы радиосвязи. Эту радиостанцию мы с нежностью называли «мартышкой».

Каждые три часа связывались с Москвой, передавали последние сведения с фронта. А передавали так: машина останавливалась, антенна — длинный конец провода с тяжелой гайкой — забрасывалась на дерево, крышу уцелевшего дома или на трубу, и радиостанция начина-

ла работать. Таким образом было передано в редакцию «Последних известий» немало материалов.

Наиболее запомнилась одна из действительных сверхоперативных передач.

...Только что стало известно: Геббельс объявил в своем выступлении по берлинскому радио о падении Сталинграда и о том, что на 7 ноября назначен парад немецких войск в якобы поверженном городе. Как ответ на это клеветническое заявление вечером 6 ноября состоялось торжественное заседание Сталинградского городского Совета депутатов трудящихся, посвященное 25-й годовщине Октябрьской социалистической революции.

Сразу же по окончании заседания с помощью Валентина и Михаила Феофановых через нашу «мартышку» связались с Москвой. А спустя некоторое время, когда корреспондентов вызвали в Военный совет фронта, чтобы обсудить, как будем освещать праздничные мероприятия в осажденном Сталинграде, из включенного радиоприемника все услышали: «Внимание! Говорит Москва. Передаем последние известия. Как сообщил наш военный корреспондент Вадим Синявский, в Сталинграде только что состоялось торжественное заседание городского Совета» — и дальше шла информация.

Можете себе представить, какое впечатление это произвело на присутствующих!

Незабываемы январские дни 1943 г. Дело шло к полному разгрому группировки немецких войск под Сталинградом. Советское командование предъявило гитлеровцам ультиматум. Но те медлили с ответом.

Памятным днем 31 января 1943 г. меня и Стора вызвал начальник штаба 64-й армии генерал-майор И.А. Ласкин. От него узнаем, что Паулюс принял решение о сдаче в плен. Генерал предложил нам сопровождать его и переводчика в момент капитуляции Паулюса. Таким образом, мы, два военных корреспондента Московского радио, были единственными советскими журналистами, присутствовавшими при пленении фельдмаршала гитлеровской Германии и его штаба.

Из подвала универмага Паулюса повезли в штаб армии. В помещении штаба был установлен микрофон. Наш скромный шоринофон ожидал начала записи первого официального допроса фельдмаршала. Тут мы разделились. Стор остался на допросе, а я, подготовив первую часть корреспонденции для «Последних известий», побежал передавать ее по телефону на узел связи. Минут через пятнадцать после начала сеанса связи с Москвой нас перебили. Совинформбюро просило согласия немедленно передать нашу корреспонденцию за рубеж. Когда закончился допрос, мы со Стором поменялись обязанностями. Он заканчивал передачу в Москву нашей корреспонденции, а меня окружили прибывшие сюда корреспонденты газет и журналов. Они знали, что только я и Стор были очевидцами пленения Паулюса. Пришлось повторить рассказ для своих коллег об этом во всех подробностях. А вскоре в передаче Московского радио все услышали нашу информацию.

Летом 1943 г. я оказался на Курской дуге. Был свидетелем грандиозного танкового сражения. Один из репортажей тех незабываемых

дней находится в Центральном государственном архиве звукозаписей СССР. Он начинался так:

«Утро. Я стою на залитой солнцем опушке. Отсюда хорошо видна деревня — пока там фашисты. Вот вдалеке показались танки — это наши пошли в наступление...» В этой записи звучит и голос войны: оглушающий рев танковых моторов...

Там, на Курской дуге, мне во второй раз посчастливилось сделать репортаж из атакующего танка.

А осенью того же года был 1-й Украинский фронт. Переправа через Днепр. Удар на Киев войск генерала Н.Ф. Ватутина в канун 26-й годовщины Октября. Чувство радости смешалось с чувством огромной горечи и ненависти к оккупантам, когда наша радиобригада 6 ноября вошла с войсками в истерзанную столицу Украины. Мы двигались на радиокомитетском «виллисе» среди жутких развалин, обуглившихся каштанов, пустырей, пылающих зданий. Но я испытывал огромное удовлетворение от сознания того, что вернулся в Киев с армией-освободительницей. Ведь это был город, где я пережил первый день войны.

Чуть меньше года спустя в освобожденном Каунасе друзья журналисты собрались отметить мой день рождения. Вдруг — телеграмма: «...Синявскому немедленно вылететь в Москву».

Попрощался с товарищами — и на аэродром. Прилетаю в Москву, являюсь в редакцию. Мне говорят: «Все, Вадим, переходим на мирные рельсы. Будете вести репортажи об играх на Кубок СССР по футболу!» Вот это сюрприз: с фронта — на стадион!

Провел оба полуфинальных и финальный матчи. Кубок выиграла тогда ленинградская команда «Зенит». Помню, как не без волнения произнес тогда после долгого перерыва слова: «Внимание! Говорит Москва. Наш микрофон на стадионе...»

Потом еще не раз пришлось мне возвращаться на фронт, но уже чувствовалось: близится конец войны.

24 июня 1945 г. мне снова выпала честь, на этот раз в составе большой бригады Радиокомитета, комментировать военный парад с Красной площади — Парад Победы.

Трудно выразить, как велика была наша радость, участников и свидетелей Парада Победы, видевших, как одно за другим падают фашистские знамена к подножию Мавзолея В. И. Ленина. Мне в репортаже довелось говорить как раз о том моменте, когда на брусчатку Красной площади падали знамена гитлеровских дивизий, разгромленных под Сталинградом...

Печатается по кн.: Радио в дни войны М., 1982. С. 53–62.

В.И. Вернадский[53]

Из дневников 1941 года[54]

Узкое. 22 июня 1941 (вечер).

В 4 часа утра — без предупреждения и объявления войны — в воскресенье 22 июня германские войска двинулись на нашу страну, застав ее врасплох.

Мы узнали об этом в Узком, в санатории, через радио из речи В.М. Молотова.

Он сообщил, что в этот час немецкие аэропланы бомбардировали Киев, Житомир, Каунас и [произошло нападение] с румынской границы. Больше 200 убитых и раненых. Одновременно произошло нападение на наши пограничные войска на западной границе и в Финляндии.

Из речи как будто выходит, что хотя немцы и были отбиты, не застали [нас] врасплох, но находятся на нашей территории. Граф Шуленбург в 5 1/2 утра сообщил, что это вызвано средоточием наших войск на немецкой границе.

Речь Молотова была не очень удачной. Он объявил, что это вторая отечественная война, и Гитлера постигнет судьба Наполеона. Призывал сплотиться вокруг большевистской партии.

Ясно, что [нас] застали врасплох. Скрыли все, что многие, по-видимому, знали из немецк[ого] и анг[лийского] радио.

Они говорят, что Герм[ания] предложила Англии заключить мир (Гесс? — я не верил). Говорили, Рузвельт это предложение отверг. Мне кажется маловероятным, чтобы Англия могла пойти на заключение мира с Германией в этой обстановке — за счет нас.

Начало мировой революции?

Понедельник. 23 июня 1941.

Только в понедельник выяснилось несколько положение. Ясно, что опять, как [в войне] с Финляндией, власть прозевала. Очень многие думали, что Англия за наш счет сговорится с Германией...

Я считал это невозможным. Речь Черчиля стала известна.

Бездарный ТАСС со своей информацией сообщает чепуху и совершенно не удовлетворяет. Еще никогда это не было так ярко, как сейчас.

Узкое. 3 июля 1941.

29.VI.1941 года появилось в газетах воззвание Академии Наук «К ученым всех стран», которое и я подписал. Это первое воззвание, которое не содержит раболепных официальных восхвалений: «вокруг своего правительства, вокруг И.В. Сталина»; говорится о фашизме: «фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества — свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру». Выдержано [так] до конца. Я думаю, такое воззвание может сейчас иметь значение. Подчеркнуто то, что отличает нашу диктатуру идеологически от немецкой и итальянской...

3 июля 1941 года выступление по радио Сталина. Речь очень хорошая и умная... В общем, мобилизация и т.п. идет хорошо...

Среда. 16 июля 1941, утро.

... Очень большое недовольство осведомлением по радио [о ходе] воен[ных] действий. По-видимому, армия на высоте: русский солдат теперь и раньше был [на высоте], были и офицеры на высоте...

Боровое. 30.VII.1941. Среда.

Вчера жена [академика] [А.А.] Рихтера красочно передала впечатление [от] первого налета на Москву 21/22.VII. Основное впечатле-

ние — по существу, неверное изложение [этого] информ[ационным] бюро. Надо в эту информацию вносить коренные поправки.

Молчание инф[ормационного] бюро не означает, что налетов [на Москву] не было. Во главе [информационной службы] стоят бездарные, ограниченные люди... это сказывается в их статьях и в их выступлениях.

Мы знаем об окружающем только по таким фальсифицированным данным. Надо вносить поправку — из гущи жизни и [своего] жизненного опыта: охвата происходящего, сознательно и глубоко переживаемого с 1873 [года] (если не раньше) по 1941 [год] — больше 60 [-ти] лет.

Ноосфера, в которой мы живем, является основным регулятором моего понимания окружающего.

Если правительство не сделает грубой ошибки, гибель гитлеризма в ближайшее время неизбежна и быстра — [займет] немногие месяцы...

26.VIII.[1941], утро. Вторник.

Сегодня я ярко чувствую «мировой» стихийный процесс — зарождение в буре и грозе ноосферы.

...Чем больше вдумываюсь, тем яснее для меня становится впечатление, что немцы рухнут — и великие демократические идеи избавятся от временных наростаний, как ГПУ, фактически разлагающее партию большевиков.

Демократия — свобода мысли и свобода веры (которой лично я придаю не меньшее значение, но которая как будто сейчас — м[ожет] б [ыть], временно исторически? — теряет свою силу в духовной жизни человечества).

6 окт[ября] 1941. Понедельник.

После оставления Киева и взятия Полтавы резко изменилось настроение. Многие не верят известиям: радио бездарное и часто глупое — [говорит] о мелочах, когда ждут точных данных, — его начинают менее слушать.

Резкое падение уверенности в успешный конец войны. У меня этого нет — я считаю положение Германии безнадежным. А, с другой стороны, для меня ноосфера — не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение.

14.XI.1941. Пятница.

Только вчера днем дошел до нас текст речи Сталина, произведшей огромное впечатление. Раньше слушали по радио из пятое в десятое. Речь несомненно очень умного человека. Она в местных газетах появилась только вчера. И все же многое неясно.

25.XI.1941, утро. Вторник.

Отвратительно бездарное радио явно рисует отрыв власти от населения. Нам сообщают пустяки, анекдоты. Московские газеты мы имеем только от 3.XI. Как ни плохи они и как ни бездарны — из них все-таки обыватель, с огромным запозданием, узнает кое-что.

7.XII.1941.

Впервые на двух фронтах благоприятные известия — и под Ростовом-на-Д[ону], и под Москвой.

Наконец-то поворот. Начало конца Гитлера.

Газеты запаздывают, [доходя] до нас на 1 1/2 — две недели [позже]; радио плохо организовано — дает много меньше наших плохих газет. Общее недовольство.

Суббота. 13.XII. 1941, вечер.

Поворот в военных событиях — впечатление [большое]. Сегодня утром [слушали] радио, которое указало, что нем[ецкое] наступление, начавшееся 1.XII, от Москвы отбито с огромными потерями немцев в людях и вооружении...

Варварство немцев, я думаю, не может пройти без той или иной формы суда...

Литературная газета. 1988. 16 марта. Первая публикация.

В.Н. Яхонтов

Театр одного актера

...Однажды позвонили из радиостудии московского метро и пригласили на первый концерт под землей, организованный Моссоветом для населения Москвы.

В назначенный день подъезжаем с Поповой к Курскому метро. Одновременно с нами подъезжает молодой человек в форме военного летчика с забинтованной кистью руки. По газетным портретам мы узнали Героя Советского Союза летчика Талалихина. Он тоже будет участвовать в концерте. Съезжается небольшая концертная бригада. Мы впервые наблюдаем метро в его новой роли.

Нас провожают вниз, под землю, в служебные помещения, находившиеся под перроном, — в самом сердце метро. Отсюда и предполагается трансляция концерта. Радиотехник берет нас с собой, чтобы проверить слышимость репродукторов. Мы углубляемся в туннель. Идем вдоль рельсов мимо спящих людей, которые расположились на листах газет. В бесконечной трубе люди и люди. Слушаем пробу. И выясняем, что репродукторы поставлены реже, чем следует. Так проходим около километра и, выяснив все недочеты, возвращаемся. Первый экспериментальный концерт начинается. В центральном зале перрона слышимость идеальная. Прекрасно говорит народу свою речь Талалихин, после чего я читаю стихи о нем, только что напечатанные. В час ночи — воздушная тревога. Артистов оставляют ночевать в глубине туннеля, в одном из голубых вагонов. Отбой только утром. Мы идем к выходу мимо матерей, одевающих своих детей. В трубе еще теплый, обжитой воздух сна. Появляются дежурные с метлами и приступают к уборке «общей спальни». Женщины поспешно приглаживают волосы, завязывают узлы. Сейчас метро начнет свой обычный трудовой день. Двойной эскалатор выбрасывает нас на улицу в людском потоке. Серый рассвет. Покатая огромная площадь Курского еще в утреннем, мягком сумраке...

Хочется отметить, кстати, и особую роль радио: в эти дни оно приобрело огромнейшее значение. Распорядок жизни строился сообразно

работе этого замечательного организма. Нельзя было жить, не слушая радио. Радио оповещало, сигнализировало, руководило нами, связывало родных и близких. Голос, произносящий «Говорит Москва», приковывал внимание, он успокаивал, вселял надежду, его слушали за много тысяч километров, по всей стране. «Говорит Москва» — слушали бойцы на фронте. «Говорит Москва» — слушали партизаны в лесах. «Говорит Москва» — слушали в госпиталях. «Говорит Москва» — слушали в осажденном Ленинграде. Это был голос с «Большой земли».

Слушая радио в дни войны, я невольно вспоминал слова поэта Велимира Хлебникова: «Кажется, что какой-то великан читает великанскую книгу дня» — сурово и четко сообщает он новости утра. Радио работало как-то по особенному красиво, прослушивался новый, военный стиль передач, новых не только по содержанию, но и по сплаву чувств и интонаций. Во всех передачах выработался, как мне казалось, общий подтекст: «Наше дело правое — мы победим». Иногда отдаленно вступала как бы вторая тема — «терпение, терпение»... И снова: «Наше дело правое — мы победим». Каждое утро по необъятным просторам Родины неслись голоса дикторов, обладавшие разными тембрами и окрасками, — «угадываемые голоса». Я в некотором роде состоял в дружественных отношениях со всей группой радиодикторов первой когорты этой профессии, еще совсем молодой. Только с открытием радио на наших глазах и родилась эта совершенно новая профессия — радиодиктора. Все они росли и овладевали своим искусством на ходу, на наших глазах. Я бывал на их творческих заседаниях, где решались вопросы чисто профессионального характера. Как лучше прочесть лозунг? Как читать информацию? Стихи? Правительственное сообщение? Во время войны их фамилии не назывались, но они угадывались, как старые знакомые. У них у всех были свои голоса, у каждого свои специфические особенности. В дни войны все они, казалось, преодолевают какое-то личного характера волнение, стоя у микрофона.

Слыша порой «описки», «эфирные опечатки», я вздрагивал и невольно вспоминал замечательное место из пьесы Чапека «Мать». Диктор, сообщая о гибнущем корабле, вдруг, почти рыдая, добавляет: «Простите, там сейчас мой сын» — и снова продолжает информационное сообщение. Что-то бывало в этом волнении и «описках» такое же личное и потому извиняющее радиоопечатки. Порой дикторы так вдохновенно читали материал «Правды», что я ощущал черты настоящего артистизма и радовался за них, потому что считаю профессию диктора чрезвычайно интересной, близко стоящей к нашему искусству. Бывая на их производственных совещаниях, я читал им произведения классиков марксизма-ленинизма, показывая, как я исполняю эту литературу. Иногда они просили меня прочесть текущий материал, показать им, как бы я это сделал. Я исполнял их просьбу, чувствуя при этом некоторое замешательство и всю ответственность их профессии, ее специфичность. У себя дома я мог приготовить материал к исполнению. А здесь надо было тотчас же угадывать стиль изложения, логиче-

ски выразительно строить фразу, находить интонационные особенности языка. В этой профессии, как мне кажется, надо обладать быстрой реакцией на любой материал. Одни дикторы обладали этим даром в большей мере, другие приобретали его с течением лет, в процессе творческой работы. Во всяком случае, профессия эта интересна своими специфическими свойствами, и надо отметить, что первые профессионалы в этой области жили напряженной творческой жизнью, коллективом дружным, помогающим друг другу и решающим сообща целый ряд профессиональных задач. Успокоенности не было, наоборот, были поиски и преодоление трудностей, и этим коллектив был мне глубоко симпатичен. Среди всех выделялся молодой человек красотой голоса, полного достоинства, и убедительностью интонаций. Его роль с первых же дней войны стала особенно заметной. Он зачитывал тексты исторических выступлений руководителей партии и правительства, приказы Верховного командования, ежедневные сообщения «Советского информбюро», делился с нами содержанием статей «Правды» и писем на фронт, бойцам.

Это был Ю.Б. Левитан. Миллионы людей слушали его голос. Слушая его, я думал: вот пример того, каков бывает результат, когда содержание и форма подачи материала слиты воедино.

В те первые дни и месяцы войны Радиокомитет стал центром, куда стекалось все лучшее, что было написано нашими поэтами, прозаиками, очеркистами. Самое злободневное и талантливое слово тотчас же звучало по радио. Радио сделалось для нас звучащей библиотекой, из которой мы черпали нужные для нашей новой работы материалы.

Кроме этого центра, существовал и другой — при Комитете по делам искусств. Там я был членом репертуарной комиссии, организованной вскоре после начала войны. Туда тоже поступали различные литературные произведения, зачитывались членами комиссии и либо отсеивались, либо утверждались.

В те дни, когда мы работали над вторым отделением «России грозной», на фронте происходили героические бои за Москву. Приближались переломные события. Впервые победа приблизилась к нам, мы ощутили ее дыхание.

Печатается по кн.: Яхонтов В. Театр одного актера. М., 1958. С. 410–441, 418–421.

А.Т. Твардовский[55]

«Василий Теркин» Дмитрия Орлова

Не помню уже, когда я впервые услышал по радио «Теркина» в чтении Дмитрия Николаевича Орлова. Но, пожалуй, я прежде всего услышал восторженные отзывы разных людей об этом чтении, был уже к тому подготовлен и слушал «теркинский» голос артиста как бы вместе со всеми теми, для кого он звучал уже не впервые. Было это зимой 1942 года.

«Василий Теркин» печатался во фронтовой газете «Красноармейская правда», неопубликованные главы далеко еще не составляли и

половины окончательного объема «Книги про бойца», когда голос Д.Н. Орлова по радио в непритязательном и осторожном музыкальном сопровождении сообщил ей широкую популярность среди миллионов радиослушателей фронта и тыла.

Прошло много лет, «Теркин» вышел многими изданиями, но совершенно бесспорно, что своей популярностью у читателей эта книга обязана не столько количеству и тиражам печатных изданий, сколько той неисчислимой радиоаудитории, которая приняла и полюбила «Теркина», так сказать, заочно, с голоса чтеца необычайной простоты и выразительности. До сих пор «теркинская» почта свидетельствует, что подавляющее большинство читателей этой книги соприкоснулось с ее печатной страницей, приобрело ее в магазине или спросило в библиотеке после того, как услышало «Теркина» по радио. А по радио первым исполнителем «Теркина», в известном смысле его первооткрывателем в искусстве, был Д.Н. Орлов. Вслед за ним «Теркина» стали читать с эстрады и по радио многие профессиональные и бесчисленные самодеятельные исполнители.

Среди чтецов «Теркина» можно назвать имена не менее значительных и прославленных, чем Орлов, мастеров художественного чтения. Вполне возможны и различные суждения о предпочтительности тех или иных частностей и оттенков в работе Орлова или кого-нибудь из этих артистов. Но за Д.Н. Орловым доныне остается преимущество поистине всенародной известности его «Теркина» по радио. Здесь он не имеет равных себе, более того: случалось, что иные неискушенные радиослушатели чтение «Теркина» по радио другими артистами приписывали ему.

Успеху орловского «Василия Теркина» предшествовали такие замечательные работы этого артиста на радио, как «Кому на Руси...» Н.А. Некрасова, глав «Тихого Дона», «Поднятой целины» М.А. Шолохова. И стих «Теркина» с его интонационным и фразеологическим строем сразу оказался сродни художественному дару Орлова, его артистической натуре, его особо развитому чувству родной русской речи.

Как не отметить, между прочим, какое огромное влияние на судьбу поэтического произведения могут оказать современные средства радиовещания и звукозаписи во взаимодействии с высокой художественной культурой исполнительского искусства. Проходят годы и годы, а «Василий Теркин» Дмитрия Орлова по-прежнему живет на радио в этом нестареющем голосе, исполненном сердечной теплоты и вместе веселого лукавства.

До сих пор нередки письма радиослушателей, выражающих признательность Д.Н. Орлову за его прекрасное чтение, как если бы он был в живых — ведь по радио у нас не всегда объявляется, что исполняется звукозапись.

Что ж, может быть, так оно и лучше, во всяком случае, это не в ущерб светлой памяти художника в сердцах, любивших и любящих его.

Да и в живом представлении близко знавших Дмитрия Николаевича облик его чаще соответствует тому, каким был он в пору своего здоровья, расцвета сил и зрелости таланта.

В его улыбке, в нарочито озорном прищуре глаз, когда он, подвижный, легкий и в то же время приземистый и основательный, подходил к вам немного вперевалку, раскачивая плечами, издали здороваясь: во всей этой его повадке было как бы нетерпеливое ожидание услышать от вас нечто прелюбопытное и вместе готовность рассказать вам что-то не менее занятное и примечательное. И действительно, он либо спешил сообщить вам что-то в этом роде, прочесть «кусочки», обронить шутку кстати, либо и вас понуждал поделиться «чем-нибудь новеньким», вспомнить подходящую строчку стихов, живее отозваться на всякое дельное замечание. Таким он видится мне и теперь, хотя я знал его и другим, в период его смертельной болезни — с выражением в тех же умных и привычно прищуренных глазах притаенного страдания, горечи и как бы недоумения перед жестокой напастью.

Память о художнике и человеке в его лучшей поре наиболее достойна всякого значительного таланта, хотя она и не целиком освобождает сердце от другой, горькой, памяти.

Печатается по кн.: Дмитрий Николаевич Орлов. Книга о творчестве. М., 1962. С. 242–250.

О.Ф. Берггольц[56]

Говорит Ленинград

В одну из очень холодных январских ночей сорок второго года, кажется, на третий день после того, как радио перестало работать почти во всех районах и тяжкое, полное безмолвие воцарилось в Ленинграде, в Радиокомитете, в общежитии литературного отдела, была задумана книга «Говорит Ленинград»...

Был даже составлен ее план. Тогдашний художественный руководитель Радиокомитета Я. Бабушкин, редактор литературно-музыкального отдела Г. Макогоненко и я трудились над планом почти до утра возле единственной, чуть не в четверть накала горевшей лампы, прикрытой газетным кульком.

За окном в ледяной кромешной тьме назойливо грохотали взрывы; в большой продолговатой комнате на раскладушках, на сдвинутых креслах, на диванах, устроенных вдоль стен (отчего комната походила на огромный вагон), тяжело, со стонами, с глухим бормотанием, в пальто, валенках и варежках спали сотрудники отдела — все отечные или высохшие; один из них, журналист Правдич, не вздыхал и не бормотал (мы обнаружили, что он мертв).

Эта ночь — десятое января сорок второго года — была для меня, как и для моих собеседников, одной из самых счастливых и вдохновенных ночей жизни. Она была такой потому, что, начав размышлять о книге «Говорит Ленинград», мы неожиданно для себя впервые с начала войны оглянулись на путь, пройденный городом, его людьми, его искусством (нашим Радиокомитетом в том числе), и изумились этому страшному и блистательному пути, и оттого буквально физически, с ознобом восторга ощутили, что, несмотря на весь ужас сегодняшнего

дня, не может не прийти то хорошее, естественное, простое и мудрое человеческое существование, которое именуется «миром», и нам показалось, что и победа и мир придут очень скоро — ну, просто на днях!

Поэтому мы, голодные и слабые, были горды и счастливы и ощущали чудотворный прилив сил.

— А ведь все-таки, наверно, доживем, а?! — воскликнул Яша Бабушкин. — Знаете, дико хочется дожить и посмотреть, как все это будет! Верно?

Он смущенно засмеялся, быстро взглянул на нас, блестя большими светлыми глазами, и во взгляде его была такая нетерпеливая, жадная просьба, что мы поспешно проговорили:

— Конечно, доживем, Яша, обязательно! Все доживем!

А мы отлично видели, что он очень плох, почти не в форме. Он давно отек, позеленел, уже с трудом поднимался по лестнице; он очень мало спал и очень много работал, и, главное, мы отчетливо понимали, что изменить этого невозможно (он тащил на себе столько работы и столько людей, один оркестр чего стоил!), мы знали, что он не умеет и не будет «беречь себя», что мы лишены возможности хоть чем-нибудь помочь ему, и, наверно, потому мы поспешили ответить, что доживем, все доживем...

В августе сорок первого года, когда последние пути, ведущие из Ленинграда в страну, были перерезаны и заняты немцами, когда кольцо блокады плотно сдавило город, радио стало почти единственным средством общения города со страной...

...Передачи проводились, несмотря ни на какую обстановку внутри города, — был ли обстрел, была ли бомбежка, было ли то и другое вместе. Передачи происходили ежедневно и начинались словами: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград».

Композитор Дмитрий Шостакович выступал «на эфир» в передаче «Говорит Ленинград» в тот день, когда «Ленинградская правда» вышла с передовой под заглавием «Враг у ворот». «Над городом нависла непосредственная угроза вторжения подлого и злобного врага, — говорилось в передовой. — Ленинград стал фронтом». Об этом же говорили расклеенные на стенах города воззвания Военного совета: «Враг у ворот». Когда композитор ехал на машине в Радиокомитет, началась воздушная тревога. Но страна, жадно ловившая голос Ленинграда, не знала, что Шостакович говорит под гул зенитных орудий и разрывы бомб.

К счастью, «накладки» не было, бомбы ложились не вблизи Радиокомитета. Композитор говорил с большим внутренним волнением, голос его звучал чуть глуховато, но был четок и внешне спокоен.

«Час тому назад я закончил вторую часть своего нового симфонического произведения — так начал свое слово Дмитрий Дмитриевич. — Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией. Несмотря на военное время, несмотря на

опасность, грозящую Ленинграду, я в довольно быстрый срок написал две части симфонии. Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю об этом для того, чтобы радиослушатели, которые сейчас слушают меня, знали, что жизнь нашего города идет нормально... Все мы сейчас несем свою боевую вахту. И работники культуры так же честно и самоотверженно выполняют свой долг, как все другие граждане Ленинграда...»

Двадцать два года прошло с тех пор, как я первый раз держала в руках эти два невзрачных, вырванных из блокнота листка, написанных нервным, мелким почерком, почти без помарок, и сейчас, так же как тогда, пронзают они мое сердце безграничной своей горделивостью и вместе с тем скромностью... Редактор передачи дал их мне, чтоб «посмотреть, не слишком ли это спокойно».

— Нет, — сказала я, — тут нечего править и нельзя добавить ни одной пафосной строки. Но я прошу вас, подарите мне этот черновик.

— Да сделайте одолжение, — рассмеялся он. — Только разрешите, я перепишу с оборота кое-что... тут у меня маленький план очередных передач на город...

И вот хранится у меня этот черновик, на обороте которого написан рукой, тоже торопившейся, план очередных передач на город:

1. Организация отрядов.
2. Связь на улице.
3. Строительство баррикад.
4. Бои с зажигательными бутылками.
5. Оборона дома.
6. Особо подчеркивать, что бои сейчас ведутся на ближних подступах...

Эти передачи-инструкции уже готовились и должны были передаваться сегодня-завтра. А Шостакович негромко говорил в это время:

— Советские музыканты, дорогие мои и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать...

Я помню, как 19 сентября 1941 года, в день неистовой бомбежки, которую помнят все ленинградцы, со Стремянной улицы в Дом радио пришла женщина, гражданка Московская, у которой только что под развалинами дома погибли двое детей. Она никогда не выступала по радио, но она пришла и сказала:

— Пустите меня в радио... Я хочу говорить!

И она рассказала о том, что час назад случилось с ее детьми... И нам запомнились не столько ее слова, сколько ее дыхание. Трудное дыхание человека, который все время удерживает вопль и подавляет рыдание; дыхание, схваченное микрофоном и усиленное уличными рупорами. И весь Ленинград, и бойцы на ближних подступах, на окраинах Ленинграда, слушали рассказ матери о том, как на Стремянной улице погибли у нее сын и дочка, и слушали ее дыхание — дыхание самого горя, самого мужества, и запомнили все это. Это помогало держаться...

Нет, цитировать кусочками это нельзя. Как хорошо, что почти вся эта речь сохранилась в магнитофонной записи.

И вспоминается мне еще одно выступление в передаче «Говорит Ленинград» в конце сентября 1941 года, в дни жесточайших артиллерийских и воздушных налетов, — выступление Анны Андреевны Ахматовой. Мы записывали ее не в студии, а в писательском доме, так называемом «недоскребе», в квартире М.М. Зощенко. Как назло, был сильнейший артобстрел, мы нервничали, запись долго не налаживалась. Я записала под диктовку Анны Андреевны ее небольшое выступление, которое она потом сама выправила, и этот тоже уже пожелтевший листок я тоже до сих пор храню бережно, как черновичок выступления Шостаковича. И если до сих пор, через два десятка лет, звучит мне глуховатый и мудро-спокойный голос Шостаковича и почти клокочущий, то высокий, то страстно-низкий голос Вишневского, то не забыть мне и того, как через несколько часов после записи понесся над вечерним темно-золотым, на минуту стихшим Ленинградом глубокий, трагический и гордый голос «музы плача». Но она писала и выступала в те дни совсем не как муза плача, а как истинная, и верная, и отважная дочь России и Ленинграда.

Она говорила:

«Мои дорогие сограждане, матери, жены и сестры Ленинграда. Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, наносит ему тяжелые раны. Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором. Я, как и все ленинградцы, замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть растоптан. Вся жизнь моя связана с Ленинградом, в Ленинграде я стала поэтом, Ленинград стал для моих стихов их дыханием и цветом. Я, как и все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским. Эта вера крепнет во мне, когда я вижу ленинградских женщин, которые просто и мужественно защищают Ленинград и поддерживают его обычную человеческую жизнь... Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина, стоявшая во время бомбежки на крыше с багром и щипцами в руках, чтобы защитить город от огня; ленинградская дружинница, оказывающая помощь раненым среди еще горящих обломков зданий... Нет, город, взрастивший таких женщин, не может быть побежден. Мы, ленинградцы, переживаем тяжелые дни, но мы знаем, что вместе с нами вся наша земля, все ее люди. Мы чувствуем их тревогу за нас, их любовь и помощь. Мы благодарны им, и мы обещаем, что мы будем все время стойки и мужественны...»

Тут я сообразила, что не сказала, что передачи «на эфир» одновременно слушал и Ленинград, и вот почему Анна Ахматова обращалась прямо к ленинградцам. Но прежде всего это были передачи для Родины, и не только для нее — эти передачи мог слушать весь мир, ведь они же шли в эфир. Было очень важно, чтоб наряду с голосами рядовых защитников города звучали голоса и тех людей, которых знал весь

мир. Слушали, конечно, и фашисты. Слушали и записывали, как потом выяснилось, фамилии выступавших, мечтая, что «рассчитаются» с ними. Как известно из истории, этим параноидальным вожделениям не суждено было сбыться, и отрадно, и гордо знать, что никто, решительно никто из ленинградских писателей никогда не отказывался выступать в этих передачах, наоборот, почитали за большую честь. Много раз как на город, так и «на эфир» с мужественными своими стихами, поэмами и очерками выступали Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Виссарион Саянов, выступал дважды прилетавший в Ленинград весной 1942 года Александр Фадеев. У меня сохранился текст сердечного обращения по радио Михаила Шолохова:

«Родные товарищи ленинградцы!

Мы знаем, как тяжело вам жить, работать, сражаться во вражеском окружении. О вас постоянно вспоминают на всех фронтах и всюду в тылу. И сталевар на далеком Урале, глядя на раскаленный поток металла, думает о вас и трудится, не покладая рук, чтобы ускорить час вашего освобождения, и боец, разящий немецких захватчиков в Донбассе, бьет их не только за свою поруганную Украину, но и за те великие страдания, которые причинили враги вам — ленинградцам...

Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая Советская страна прижмет к груди исстрадавшихся, героических сынов и дочерей овеянного вечной славой Ленинграда».

Почти все ленинградские писатели выступали по радио — одни чаще, другие реже, третьи почти непрерывно, причем в самых разных жанрах. Отлично, можно сказать, вдохновенно работал В. Волженин, причем в самом ходовом жанре — стихотворный острый фельетон, частушки, басни, высмеивавшие гитлеровцев, короткие сценки. У нас ведь еще была ежедневная особая передача, так называемая «Радиохроника». В ней сообщались последние новости с Ленинградского фронта, помещался очерк из жизни города, обязательно стихи и — как это ни странно может показаться теперешнему читателю — обязательно побольше... юмористического, вернее, сатирического материала. Да, да, мы смеялись в то страшное время, и это отнюдь не был «юмор висельников». Если хотите, в какой-то мере мы стремились следовать «грозному смеху» Маяковского. Мы высмеивали паникеров, болтунов, лодырей — всех, что как редкие, но отвратительные инородные тела появляются в суровом и чистом ленинградском коллективе. И уж, конечно, опрокидывали на проклятых фашистов целые Ниагары сарказмов, иронии, поношений и издевательств, т.е. всего того, чего они были «достойны», не считая, разумеется, священной и раскаленной ненависти нашей, отвращения и презрения.

Кроме Волженина, хорошо, с огоньком работали в «Радиохронике» писатели М.М. Зощенко, Е.Л. Шварц, И.И. Меттер и другие товарищи. «Радиохроника» нравилась горожанам и бойцам, нередко из воинских частей к нам приходили за материалом, который понравился в передаче, для выступлений в агитбригадах. В декабре, когда политуправление Балтфлота поручило мне составить маленький сборник «Балтфлот смеется», я воспользовалась некоторыми произведениями из

нашей «Радиохроники», в частности прелестной сказкой Е. Шварца «Похождения фашистского черта». Да, это было в декабре 1941 года, в уже обмершем, потухшем городе...

Уже в конце ноября появились на улицах города первые гробы, которые двигались не так, как подобает гробу, — важно, высоко над мостовой, а ползли на санках по самому снегу. Один район за другим погружался во тьму, подобную полярной ночи, — иссякала энергия, уходил из города свет, замирало движение. А люди слабели все больше и больше. Уже многие не могли делать длинных переходов пешком и целыми днями неподвижно лежали под грудой одежд и одеял в темных ледяных квартирах. Так ослабевший ленинградец, оторванный от предприятий, от коллектива, оказывался как бы еще раз обведенным вражеским кольцом, — гитлеровец блокировал уже каждого в отдельности, гитлеровец делал ставку на распадение человеческого коллектива.

И сплошь и рядом оказывалось, что у такого ослабевшего, полуумирающего ленинградца существовала только одна форма связи с внешним миром — это «тарелка» радио. Отсюда, из этого черного круга на стене, доходили до человека людские голоса — значит, он еще не один, значит, где-то за стенами его дома живут люди, живет город, страна: они борются, они сопротивляются... Даже если радио не говорило, а только стучал метроном — и то было легче: это означало, что город жив, что сердце его бьется.

Только одно радио в те дни утоляло неумирающую потребность людей в искусстве. Ведь в городе не работал ни один театр, ни одно кино. Ни концертов, ни музыки — ничего не было. Множеству ленинградцев даже читать у себя дома было не под силу... Правда, по радио тоже очень долго не передавалось ни музыки, ни пения, но были зато обширные и ежедневные литературные передачи и особенно много передавалось стихов... Поэзия в те дни в Ленинграде приняла на себя благородное бремя почти всего искусства.

Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы. Мы знаем это потому, что они находили в себе силы даже писать об этом в Радиокомитет, даже приходить сюда за тем или иным запомнившимся им стихотворением; это были самые разные люди — студенты, домохозяйки, военные. Бессмертным свидетельством величия духа ленинградцев остается эта деталь первой блокады зимы — способность в таком кошмаре, среди таких физических и нравственных терзаний отзываться на поэзию, на искусство.

Письма, которые получила я зимой 1941/42 г. на свои передачи, в частности на передачу под новый, 1942 год, останутся для меня на всю жизнь самой высокой наградой.

В Радиокомитет приходили также заявки на чтение классической и советской литературы. В январе были особые передачи — «Чтения с продолжением». Был прочитан ряд отрывков из «Илиады» Гомера, а артист Янкевский читал несколько дней подряд «Педагогическую поэму». Янкевский был очень плох, он почернел, еле дышал, но Мака-

ренко был когда-то его учителем, и артисту страстно хотелось дочитать цикл.

Однажды он пришел в таком состоянии, что Бабушкин шепнул:

— Боюсь, что он не дочитает сегодня...

И вместе с ним — на всякий случай — пошел в студию...

В тот вечер, третий вечер почти полного безмолвия в Ленинграде, в Радиокомитет начали приходить люди из заснеженных недр города, страшные люди в тряпичных масках... Их было много, и все они пришли с одним тревожным вопросом: почему замолчало радио? Скоро ли оно заговорит опять? Нельзя ли, чтоб это было сейчас же, немедленно, иначе совсем уже невозможно жить.

— Нет уж... Знаете, — сказал один старик с палочкой в каждой руке, пришедший откуда-то с Васильевского острова, — если что-нибудь еще надо... в смысле стойкости, пожалуйста... еще... и даже с прибавкой можно ждать. Но радио пусть говорит. Без него страшно! Без него лежишь, как в могиле. Совсем, как в могиле...

И здесь я хочу сделать одно небольшое, но очень важное дополнение. Тогда, в лихорадочно вдохновенную ночь 10 января 1942 года, мы включили в план книги очень и очень многое... Так, мы включали рассказ и выступление Шостаковича о том, что уже в марте этого же, 1942 года будет исполнена в Москве и будет названа и самим композитором, и всем народом Ленинградской симфонией, и даже будет исполнена в этом же году у нас, в осажденном городе (и кем?!) нашим же радиокомитетским оркестром! Наши оркестранты почти не играли зимой — не хватало сил, не хватало дыхания, «диафрагме не было на что опереться», как говорили духовики. Оркестр таял. Некоторые ушли в армию, другие умерли от голода. Трудно забыть мне серые зимние рассветы, когда совершенно уже свинцово отекший Яша Бабушкин диктовал машинистке очередное донесение о состоянии оркестра.

— Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти, — отчужденным, внутренне отчаянным голосом диктовал он.

И все же те, кто остался, главным образом на казарменном положении, при Радиокомитете, помимо службы ПВО, не оставляли своей работы. Самоотверженно работал, репетировал с ними в обледеневших студиях какие-то наиболее доступные им по физическим силам вещи Карл Ильич Элиасберг. А когда пришла весть об исполнении Седьмой — Ленинградской — симфонии, а затем самолет доставил в Радиокомитет ее партитуру, почти несбыточным желанием загорелся оркестр — исполнить ее здесь, в родном осажденном, полуумирающем, но не сдавшемся и не сдающемся городе. Но с первого же взгляда на партитуру Элиасберг понял, что это практически невозможно: гениальная, могучая партитура требовала оркестра, почти ста человек, удвоенного, а в Радиокомитете осталось к весне всего пятнадцать живых музыкантов. И все же вместе с художественным руководителем Радиокомитета Бабушкиным, вместе с тогдашним председателем Радиокомитета было решено: Седьмую — исполнить в Ленинграде.

На помощь пришел городской комитет партии. Во-первых, он выделил оркестрантам дополнительную ежедневную кашу без выреза, — и, кажется, к тому времени это составляло уже целых 40 граммов крупы или соевых бобов. По Ленинграду был через радио объявлен призыв ко всем музыкантам, находящимся в городе, — явиться в Радиокомитет для работы в оркестре. Музыканты не могли не откликнуться на этот призыв. Пришел истощенный, но, как всегда, строгий и собранный орденоносец Заветновский, концертмейстер, первая скрипка филармонии. Пришел семидесятилетний старший артист Ленинграда валторнист Нагорный — он играл еще в тех оркестрах, которыми дирижировали Римский-Корсаков, Чайковский, Направник, Глазунов. Сын Нагорного, красноармеец, демобилизованный после тяжелого ранения, эвакуировался из города и умолял отца поехать с ним, но спокойно отказался старый музыкант от эвакуации: разве мог он не играть в Седьмой симфонии?!

И все-таки музыкантов не хватало. И вот тогда политуправление армии и флота отдало распоряжение — прикомандировать к сводному городскому оркестру лучших музыкантов из флотских и армейских оркестров! Так защитники Ленинграда начали поднимать свою симфонию...

На сцену вышли музыканты. Огромная эстрада филармонии была тесно заполнена — за пультами сидел сводный городской оркестр. Здесь было ядро его — музыканты Радиокомитета: артист Ясиневский, потушивший первую зажигалку на крыше Радиокомитета, начальник пожарного звена скрипач Прессер, музыканты Сафонов, Аркин и Шах, рывшие окопы близ Пулкова; здесь сидели музыканты в армейских гимнастерках и флотских бушлатах с нашивками ранений — здесь сидели защитники Ленинграда, готовые, как и в предыдущие дни, в любое мгновение отдать жизнь за родной город, за Родину, за народ.

За дирижерский пульт встал Карл Ильич Элиасберг — он был во фраке, в самом настоящем фраке, как и полагается дирижеру, и фрак висел на нем, как на вешалке, так исхудал он за зиму... Мгновение полной тишины, и вот началась музыка. И мы с первых тактов узнали в ней себя и весь свой путь, всю уже тогда легендарную эпопею Ленинграда: и наступающую на нас страшную, беспощадную, враждебную силу, и наше вызывающее сопротивление ей, и нашу скорбь, и мечту о светлом мире, и нашу несомненную грядущую победу. И мы, не плакавшие над погибающими близкими людьми зимой, сейчас не могли и не хотели сдерживать отрадных, беззвучных, горючих слез, и мы не стыдились их... А нам, радиоработникам, сквозь изумительную эту музыку еще все время звучал и негромкий, спокойный и мудрый голос ее создателя, доносящийся из сентября 1941 года, когда враг стоял у ворот, у самых ворот города:

— Заверяю вас, товарищи, от имени ленинградцев, что мы непобедимы и всегда стоим на своем боевом посту.

Мы записывали в ту ночь 10 января 1942 г. в плане: «Прорыв блокады», хотя не знали еще, как это будет. Повторяю, нам казалось тогда,

что это будет очень скоро, но прошел целый неимоверный трудный год, весь тысяча девятьсот сорок второй, прежде чем в ночь на 19 января 1943 г. была прорвана блокада.

Все, что происходило этой ночью в здании Радиокомитета, происходило стихийно, без плана, без подготовки — музыка, стихи, написанные тут же, речи — все это шло сплошным ликующим потоком, и нас слышали соединившийся с нами Волховский фронт, вся страна, весь мир. И для нас, работников радио, самой лучшей наградой было то, что в эту праздничную счастливую ночь со всех сторон ночного города шли и бежали ленинградцы к нам, в Радиокомитет, к любимой своей, истинно народной трибуне!

Одна старуха шла из Новой Деревни всю ночь, а когда милиционеры спрашивали у нее ночной пропуск, она отвечала:

— Я на радио, милый, поздравить ленинградцев.

И милиционеры пропускали ее...

Печатается по кн.: Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. М., 1964. С. 3–27.

Н.Н. Асеев[57]

Радиосводки «На фронте — без перемен»

1943 г.

Нельзя описать того,
что есть — фронт.
Нельзя подчинить перу
того,
о чем радио диктор врет
Каждый день
поутру.
Не то, чтоб событье
не произошло, —
Факт верен,
но в голосе — ложь:
Хотя б
его — радостью потрясло,
Хотя б его
бросило в дрожь!
Там бешенством
вспыхивают небеса,
Земля
взмывает, трубя,
там грохот,
как будто природа вся
выведена из себя.
Там — звезды в ранах
и солнце — в крови
Течет

на передний край,
там сердце
руками останови
и гарь
дыханьем вбирай!
Там жизнь...
Да что мы знаем о ней? —
Ей высчитан срок
до конца:
на командира —
двенадцать дней
и восемь дней
на бойца.
Но — там,
опершись
на товарища взгляд
из-под
опаленных век,
поверишь,
что дело —
пойдет на лад,
почувствуешь —
жив человек!
А этому
вложат бумажку в рот
и, снова
в ночь заведен,
глухим равнодушьем
обложит фронт
выхоленный баритон.
О, безукоризненный джентльмен,
о, чувств
неприступный дзот,
неужто — существенных перемен
в душе вашей
не произойдет?[58]

РГАЛИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 30. Л. 61–63. Машинопись с автографом.

Н.В. Тихонов

ВРК при СНК СССР

[Ноябрь 1944 г.]

20 лет советского радио — это 20 лет звучания в мировом эфире голоса Советского Союза.

С того момента, когда впервые прозвучал этот голос, не было ни одного сколько-нибудь значительного события в жизни народов Советского Союза, о котором не был бы оповещен мир.

Советское радио звучало на Северном полюсе, в просторах Арктики, способствуя завоеванию недоступных стран Севера, в южных пустынях, в тайге, где возникали новые города.

В настоящее время мы не можем себе представить наш быт без радио — начиная с раннего утра и кончая глубокой ночью, оно рассказывает, информирует, развлекает, передает спектакли и концерты, статьи и телеграммы.

Мы привыкли слушать с волнением торжественные сигналы перед объявлением особо важных сообщений, — приказов Верховного Главнокомандующего.

Московские Салюты разносятся по всему миру.

В годы Великой Отечественной войны мне пришлось особенно близко наблюдать и участвовать в работе ленинградского радио.

В самые трудные дни страшной осадной зимы сорок первого года, во мраке зимней ночи, так же твердо, как и всегда, звучали два слова: «Говорит Ленинград»!

Немцы бросали бомбы на Дом радио, обстреливали самым жестоким образом, чтобы заставить замолчать этот спокойный, уверенный голос.

Радио работало, несмотря ни на что. Бывало, что один человек вел всю программу, часами передавал все сообщения, едва держась на ногах от утомления и слабости.

И настал день, когда ленинградское радио передало о полном разгроме немцев под Ленинградом.

Кончится война, и наше радио широко разнесет весть о Великой победе, будет первым голосом, который оповестит советский народ об окончании его бессмертного подвига.

РГАЛИ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 60. Л. 13.

А.М. Спасский[59]

По дорогам войны

Записи фронтового звукооператора

Часто говорят, что фотография сильна своей документальностью, ее называют образной летописью эпохи. С полным правом это можно отнести и к звукозаписи. В самом деле, сколько уже прошло десятилетий, а мы ставим на проигрыватель пластинку и слышим живой голос Владимира Ильича Ленина. Пластинки хранят для поколений записи Горького с характерным для него окающим баском, бархатные интонации голоса Качалова или потрясающее пение Шаляпина.

О событиях Великой Отечественной войны звукооператоры радио сделали столько записей на фронтах, что есть все основания оценить их как важный вклад в историю тех героических лет.

Случилось так, что я, не призванный официально в действующую армию, тем не менее почти всю войну провел на фронтах, причем в самых, как говорится, «горячих точках». Выезжал на фронты под Москвой, на Украину, в Крым, Польшу, Германию.

Записи приходилось делать во время боев на Орловско-Курской дуге, при форсировании Днепра и Одера, во время уличных боев в Берлине, при взятии рейхстага. Я записывал репортажи о таких радостно-волнующих событиях, как первые дни освобождения Харькова, Киева, Таллина, Минска.

Одной из первых моих работ была запись фашистских летчиков, сбитых в воздушных боях под Москвой летом 1941 г. Именно в эти дни и ночи ожесточенных боев на подступах к столице геббельсовская пропаганда лезла из кожи вон, чтобы очернить Советский Союз, его Вооруженные Силы, утверждая, что у нас жестоко относятся к пленным. И вот тогда в студию Радиокомитета привезли пленных немецких летчиков. Одеты они были в свои серо-зеленые мундиры, на плечах даже были знаки воинского различия, а на груди — медали и железные кресты.

Они выступили у микрофона и рассказали, что их, пленных летчиков, никто не пытал, не оскорблял, что содержат их в теплых помещениях, нормально кормят и не используют на тяжелых работах. Такие выступления были ударом по фашистской пропаганде, еще одним подтверждением ее лживости.

После разгрома фашистских войск под Москвой бои стали отодвигаться все дальше на Запад. Тогда Всесоюзным радиокомитетом было создано несколько выездных групп, состоявших из журналистов и звукооператоров, в задачу которых входило широко освещать по радио боевые действия нашей армии, партизан и самоотверженную работу тыла по обеспечению фронта всем необходимым для победы. Звукооператорами в этих группах были Л. Кукунова, Г. Жижневский, Ю. Терлецкий, В. Козлов, Н. Перлова, В. Диков и другие. С ними работали писатели и журналисты Лев Кассиль, Василий Ардаматский, Юрий Арди, Вадим Синявский, Анатолий Медников, Михаил Гус, Михаил Шалашников, Павел Рогозинский и другие. Звукооператором одной из таких групп был и я. Журналисты направлялись на самые решающие участки фронта, туда, где происходили или ожидались особо важные события, чтобы рассказать о них радиослушателям. С ними неизменно были звукооператоры. Репортажи записывались в окопах, блиндажах, землянках.

Передвижная звукозаписывающая аппаратура, которой в самом начале войны нам приходилось пользоваться (шоринофон и шоринограф), была несовершенна, громоздка и не очень надежна в работе. Запись производилась на целлулоидной ленте от старых кинокартин или на списанных рентгеновских снимках. Затем перешли к записям на аппаратуре «престо», и, хотя принцип работы был тот же, качество записи стало лучше, так как делались они на дисках, покрытых лаком.

Но с этими записями тоже были трудности: диски были стеклянные, хрупкие, и транспортировка их по фронтовым дорогам, особенно когда на них были сделаны записи уникальные, неповторимые, требовала чрезвычайной осторожности. Как правило, для быстрейшей доставки дисков в Москву командование предоставляло самолет-истребитель.

Нередко случалось, что из-за сильных потрясений при бомбежке или артобстреле наша звукозаписывающая техника «отказывалась» работать: рекордер прыгал по диску, резец ломался, и, конечно, ничего не получалось, несмотря на все старания и мастерство оператора. Но тем ценнее и убедительнее для советских и зарубежных слушателей были эти записи, сделанные во время боевых действий.

Обычно героями наших репортажей были участники боев. Было записано много их выступлений, названных «Письма с фронта»: когда солдаты и командиры обращались по радио к родным и товарищам в тылу с рассказами о своей боевой жизни.

Не раз мы записывали легендарного летчика А. Покрышкина и его боевых товарищей, командующих фронтами Н.Ф. Ватутина, Ф.М. Толбухина, командующего танковой армией М.Е. Катукова и других военачальников. Несколько раз я записывал Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, в частности в день, когда он был награжден третьей Звездой Героя.

Кроме репортажей о боевых действиях нашей армии, было сделано много документальных записей о зверствах гитлеровцев на временно оккупированной ими территории. Впоследствии некоторые из этих записей были использованы на Нюрнбергском процессе.

После освобождения Киева наша группа вела записи для комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели тысяч людей в Бабьем Яре. Мы записывали рассказы немногих уцелевших от расправы, сообщения и заключения экспертов, производивших раскопки, а также взятых в плен немецких солдат, участвовавших в этой зверской расправе.

За годы войны довелось сделать много записей на фронтах, на передовых позициях. Не раз мы попадали в очень неожиданные, критические ситуации. Запомнился такой случай. Осенью 1943 г. наши войска победно продвигались вперед. Вот-вот должны были освободить Житомир, чему придавалось большое стратегическое значение. Передачу следовало вести с места боев, чтобы опровергнуть утверждения фашистской пропаганды, твердившей, что гитлеровцы прочно удерживают город в своих руках. А надо отметить, что этот участок фронта во время непрекращающихся боев не раз переходил из рук в руки.

И вот наконец наши войска отбили город, и мы с воинской частью поздно вечером вошли в город Житомир, с тем чтобы рано утром начать радиопередачу. А утром мы вдруг увидели, что по соседней улице проезжают машины с немецкими солдатами. Оказалось, что ночью, когда мы, страшно утомленные, спали в одном из окраинных домов, в город ворвались немцы. Соблюдая осторожность, мы двинулись обратно из города. Вскоре фашисты были навсегда выбиты из Житомира.

В июне 1944 г. со мной произошел другой драматический случай. В то время наши союзники начали массированные челночные налеты на Берлин. Несколько сот американских бомбардировщиков, которых называли «летающими крепостями», взлетая с аэродромов где-то в Англии, бомбили военные объекты в Берлине и в других местах Германии, а затем садились на нашей территории. Здесь они заправля-

лись и летели обратно в Англию и по дороге опять бомбили Берлин. Так вот, первый такой налет был произведен 21 июня 1944 г. Большая группа советских и иностранных журналистов вылетела из Москвы двумя «дугласами» в район Полтавы, чтобы присутствовать при приземлении американских самолетов, описать и прокомментировать это событие.

Мы сделали много звукозаписей, в которых американские летчики выражали свое восхищение мужеством и героизмом советского народа.

А ночью на аэродром налетела фашистская авиация. Началась сильнейшая бомбежка. Мы выскочили из вагончиков. Некоторые укрылись в открытых рядом щелях, окопах, кто-то бросился к зданию аэродромной администрации, кто-то — к машинам с аппаратурой. Распространился слух, что фашистские самолеты сбросили парашютистов-диверсантов.

Утром, когда рассвело, я отправился искать своих товарищей — Лидова, Струнникова, Кузнецова. Как потом оказалось, все трое погибли при бомбежке. Поиски завели меня за пределы аэродрома, где я и был задержан охраной, полагавшей, что я и есть один из немецких парашютистов. Никакие мои объяснения и документы не помогли. Лишь счастливая случайность — встреча с генералом, начальником гарнизона, знавшим о нашем прибытия из Москвы и видевшим нас, — помогла разъяснить недоразумение, которое могло бы окончиться для меня плохо.

Вспоминается еще один случай. Во время подготовки к записи форсирования Одера мы, группа журналистов и звукооператор, направлялись в часть, которая участвовала в наступлении. Комендант района объяснил, как проехать в нужный нам пункт. Однако наш путь преградила надпись: «Заминировано!» Поискав другую дорогу, мы решили вернуться к коменданту за проводником, но неожиданно столкнулись с каким-то отрядом подозрительных, обросших людей в полувоенной-полугражданской одежде. Надо иметь в виду, что в то время на фронтовых дорогах разбойничали власовцы. Нас остановили, проверили документы, а потом под конвоем отправили в лес. Там нас встретил какой-то мужчина в кожаном пальто и кепке. Конвоиры говорят ему:

— Хозяин, вот власовцев поймали!

Мы растерялись: «Как власовцев?». После долгих расспросов нас куда-то повезли, и лишь оказавшись на главном шоссе, по которому двигались советские войска, мы немного успокоились. Вскоре нас доставили к тому же коменданту района, который отправлял нас в часть. Оказалось, мы попали в зону противовласовской заставы, которая находилась в непосредственной близости от немецких войск и состояла из чекистов, одетых специально «под власовцев» для вылавливания бродивших здесь изменников Родины. Наше же движение от надписи «Заминировано!» в обратную сторону было воспринято ими как движение с немецкой стороны, что, естественно, их насторожило.

Вот и такие бывали у нас неожиданные ситуации. Их было, конечно, немного, а запоминались больше и запечатлелись в памяти навсег-

да такие, которые радовали своими удачами — когда записывались интересные документальные репортажи.

Весна 1944 г. Под напором наших войск гитлеровцы бежали из Крыма. С военным радиокорреспондентом Павлом Рогозинским мы стали в Ялте свидетелями такой картины. Торпедные катера Черноморского флота подлетали к Ялте на предельной скорости. К разбитому причалу швартовались лихо, с разбега. Тут же, на причале, командиры рапортовали капитану II ранга Дьяченко, сколько кораблей противника и какого типа, какого примерно тоннажа пущено на дно.

— Молодцы! — поздравлял их Дьяченко. — Идите передохнуть, тут для вас такой знаменитый обед...

— Какой отдых, какой обед! — совсем не по уставу перебивал командир катера. — Торпед, скорее торпед! Бегут проклятые из Севастополя! Еще успеем догнать!

И загорелые, исхудалые катерники принимали тяжелые торпеды и снова уносились в море.

Рогозинский предложил мне записать для радиопередачи эти исторические эпизоды. Запись началась словами: «Мы на берегу Черного моря. Вы слышите плеск черноморской волны...»

Затем мы записали рапорт одного командира торпедного катера. Запись отослали самолетом в Москву. В эфире она прозвучала великолепно. Из редакции «Последних известий» нам передали благодарность, а газета «Красный черноморец» в наш адрес поместила хвалебную статью.

В последние дни штурма нашими войсками Севастополя мы на своей машине со звукозаписывающей установкой проскочили на окраину города вслед за танком. Остановились под крутым откосом, с которого били наши легкие орудия. На ослепительной синеве моря темнели немецкие десантные баржи. Они пытались спасти остатки гитлеровцев. Те, как серо-зеленые тени, выползали из городских развалин, отстреливались. Танк стремительно развернул в их сторону башню, загремели пулеметы.

Я крикнул Рогозинскому:

— Давай скорее записывать, никогда больше такого не будет! — и подал ему микрофон.

— Мы в Севастополе! — начал Павел Рогозинский репортаж прерывающимся от волнения голосом.

Он описывал все, что было перед глазами, ловя микрофоном звуки боя, четкие орудийные залпы батареи над обрывом, треск танковых пулеметов, гулкие разрывы вражеских снарядов.

— Сейчас выходят в атаку наши штурмовики, — продолжал говорить корреспондент и поднимал микрофон над головой, запечатлевая, как звено за звеном проносятся наши «Илы», оглушая ревом моторов. — Они пикируют на самоходки гитлеровцев, уничтожая их.

— Ура! — хрипло и натружено раздалось рядом; мимо нас волнами прокатывались запыленные пехотинцы...

Когда потом мы прослушали запись, то убедились, что она оказалась очень удачной. Летчик, отправленный в тот день с донесениями в

Москву, захватил с собой и нашу запись и доставил ее по назначению — в редакцию «Последних известий».

Много репортажей довелось записывать, когда наши войска город за городом освобождали Польшу, рвались вперед — туда, откуда началась война.

24 апреля 1945 г. наша бригада прибыла в Берлин. Три четверти города уже находилось в руках советских войск.

Несколько дней мы вели записи боев на улицах Берлина, продвигаясь с войсками от дома к дому, от улицы к улице.

В шесть часов утра 2 мая 1945 г. в расположение КП командарма В.И. Чуйкова прибыл со своим штабом генерал Вейдлинг, командующий войсками оборонительного района Берлина, и сообщил о капитуляции Берлина. Наше командование предложило прочитать приказ о капитуляции гарнизона немецкой столицы перед микрофоном. Мы же должны были этот приказ записать, чтобы затем воспроизвести его через громкоговорящие установки на улицах Берлина.

Вся аппаратура была тщательно подготовлена. Вейдлинг внимательно посмотрел на поставленный на столе звукозаписывающий аппарат и затем начал читать свой приказ. Тон фашистского генерала при чтении приказа был довольно унылый и скорее напоминал жалобу, чем военный приказ. Пришлось, сказав об этом генералу, попросить его прочитать приказ еще раз. На этот раз Вейдлинг «постарался» читать приказ о капитуляции берлинского гарнизона именно так, как это должно было быть.

Спецкор московского радио Михаил Гус пригласил генерала прослушать запись. Я включил аппарат. Раздался голос Вейдлинга. В комнате звучали слова приказа, отлично известные ему и чинам его штаба. Но они слушали их как новые, как незнакомые, как чужие слова! Вейдлинг вздрогнул, уставился в репродуктор. Он не мог скрыть своего волнения, на лбу у него выступил пот. Кажется, только теперь отдает он себе ясный отчет в том непоправимом, что свершилось, — капитуляция Берлина! Когда мы уходили, Гус взял у Вейдлинга экземпляр приказа с подписью генерала, который он читал у микрофона.

Первой мирной записью в Берлине — мирной в том смысле, что она не сопровождалась стрельбой, — была запись выступления первого советского коменданта Берлина генерал-полковника Н.Э. Берзарина. Он принял нас — М. Гуса и меня — в своем кабинете. Мы попросили его выступить у микрофона. Раньше чем дать согласие, Берзарин спросил:

— Для радио, в эфир?

— Нет, для записи.

И он согласился. Берзарин рассказал о том, какие задачи стоят перед советской комендатурой, и об огромных трудностях в налаживании нормальной жизни гражданского населения, о первоочередной помощи ему.

Мирная жизнь понемногу налаживалась.

Жители Берлина быстро убедились — в который раз — в лживости гитлеровцев. Их никто не преследовал, не ссылал в Сибирь, не пытал и не мучил. Наоборот, почти все их справедливые просьбы по возмож-

ности быстро удовлетворялись, передвижные лавки-автомашины продавали необходимые продукты питания.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в пригороде Берлина, Карлсхорсте, в зале бывшей военно-инженерной школы мы установили нашу аппаратуру, чтобы запечатлеть процедуру подписания Акта о полной безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Собравшиеся в зале советские военачальники, представители союзного командования, корреспонденты стали свидетелями того, как побитые гитлеровцы во главе с фельдмаршалом Кейтелем ставили свои подписи под этим Актом.

5 июня 1945 г. мы установили микрофоны и звукозаписывающие аппараты в живописном пригороде Берлина — Венденшлоссе, где происходила процедура подписания представителями четырех стран антифашистской коалиции Декларации о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти правительствами СССР, США, Англии и Франции.

7 июня я записал пресс-конференцию у маршала Жукова, а спустя три дня мы уехали домой, в Москву. Тысячи километров тяжелых военных дорог остались позади.

Печатается по кн.: Радио в дни войны. М., 1982. С. 165–173.

А.В. Баталов[60]

Мои встречи с радио

Радио пришло в мою жизнь как нечто необходимое, неотъемлемое от повседневного существования, вместе с войной и эвакуацией. Тогда радио — это хриплые дребезжащие бумажные тарелки. Черные, нередко залатанные подклеенными кусками газеты, они были частью убранства всех комнат — казенных и жилых, огромных и маленьких.

Радио говорило всегда, когда оно хотело, — его не выключали и не включали. Оно звучало вперемешку с криками детей, руганью в очередях, стонами раненых и фокстротами на танцах. Иногда, слушая черные тарелки, люди бледнели, начинали плакать или обниматься. Но для нас радио было еще и голосом, долетавшим из дома с нашего московского двора до войны, на Ордынке, где мы жили, в тихие летние вечера бывало слышно, как бьют куранты Спасской башни.

Позже, взрослым, я прочитал строки Мандельштама: «Наушники, наушнички мои,/ Попомню я воронежские ночки/ Недопитого голоса аи./ И в полночь с Красной площади гудочки./ Ну как метро? молчи, в себе таи./ Не спрашивай, как набухают почки./ А вы, часов кремлевские бои/ Язык пространства, сжатого до точки». Прочитал и точно провалился на двадцать лет назад, туда, в самый холод, в самую даль эвакуации с коптилками-моргасиками, запахами керосина, телячьих вагонов и чужого жилья.

Мама укладывала нас, троих братьев, спать, по потолку и стенам бесшумно качалась ее огромная тень, и каждую ночь последнее, что я

слышал, засыпая, было радио. Я старался дождаться боя часов, и, если это удавалось, вместе с первым ударом все существо мое охватывала жаркая, жгучая до слез тоска и вместе с тем надежда, что вернемся, — на мгновение пространство и вправду будто исчезало.

Радио было одно, никаких других станций, программ, унизительных для него переключений и вариантов не было.

Я вспоминаю об этой далекой поре потому, что именно тогда само собой утвердилось в нашем поколении особое отношение к радио, как к пророку, всесильному властителю, определяющему и вещающему нашу судьбу. Это ощущение было очень далеко от художественности, от искусства, от игры.

Из черных бумажных тарелок пели песни, играли марши, рассказывали о подвигах, читали сказки, но как это все делалось, было неважно, просто это окружало утренние и вечерние, очередные или экстренные известия, а вместе составляло радио, где главным оставались названия, имена, цифры, факты. Может, потому я и теперь верю в важность, нужность информации, стремлюсь к точности во всякой мелочи, к емкости в любом произнесенном у микрофона слове.

Потом, готовясь к жизни в театре, будучи студентом и актером МХАТа, я невольно стал слушать голоса актеров, спектакли и всяческие радиокомпозиции, пользуясь своим первым в жизни приемником СВД-9 как местом свидания с любимыми или недоступными исполнителями. Но и в эту пору передачи воспринимались скорее как документальное выступление кого-то или запись чего-то, существующего независимо от радио, от микрофона и усилий тех, кто остается за стеклом студии. Так, серый посетитель выставки более восторгается лимоном, изображенным в натюрморте, нежели мастерством живописца, положившего краски, из которых возник лимон. Короче говоря, полное незнание того, как, какими средствами и при каких обстоятельствах создается радиообраз, лишало меня возможности заметить и оценить многое из того, что теперь восхищает.

В те годы мне самому пришлось записать как-то на радио стихи... Размашисто, невпопад микрофонной деликатности, я по-эстрадному отбарабанил строки, стараясь читать по своим понятиям хорошо, а потом был искренне удивлен, как бездарно и однообразно звучало это сочинение в моем «высокохудожественном» исполнении...

Наверное, я так навсегда и остался бы просто потребителем или уж в лучшем случае заезжим гастролером радио, если бы не случилось мне встретиться с ним еще раз, и не на празднике, а в самые тревожные и строгие дни моей жизни. Все, как нарочно, опять сложилось так, чтобы встреча наша произошла не торжественно, не романтично и уж совсем не так, как сходились в ту пору молодые люди с чудесами радиотехники. В те дни повсюду уже грохотали магнитофоны и радиолы, уже длинноволосые подруги, рассевшись по низким диванам у низких столиков, со знанием дела вкушали прелесть звучания разнесенных по углам полутемных комнат динамиков, а молодые люди добывали пластинки или записи, и переписывание было и искусством, и средством знакомства, и признаком благополучия. Еще не зная, как

это назвать, еще не обязательно в джинсах, но уже тогда мои сверстники, поддавая громкость, как пар в бане, с помощью радиоаппаратуры учились тому, что теперь называется «ловить кайф».

Моя техника в то время состояла из одного черного пластмассового наушника, который лежал рядом на подушке, дыркой вниз — тише, дыркой к потолку — громче. Жиденький проводок тянулся от наушника к зеленоватой стене, где, обросшая многими слоями окаменевшей масляной краски, двуглазым бугорком возвышалась розетка... Вместо тахты была кровать с железной спинкой. Вместо низкого столика — долговязая тумбочка.

Но не случись этой больницы, да еще глазной, где не всегда можно читать или писать, да болезни, требующей столь долгого пребывания, сроду не выдалось бы мне время так, по-особому, услышать радио и привязаться к нему...

Качество воспроизведения, конечно, лишало возможности оценить какие-то тонкости переходов, вторых планов или оркестрового звучания, но, подобно мудрому старому учебнику, эта простота и сухость изложения давали возможность ясно ощущать главное, улавливать особенности самого построения, быть настоящим радиослушателем.

Не стану повторять «открытых» мною тогда истин и элементарных законов, по которым строятся всевозможные радиопередачи, скажу лишь, что, разговаривая с самыми разными по возрасту и роду занятий людьми, я стал понимать, как и почему они слушают радио. Я имел редкую возможность непосредственно наблюдать реакцию радиоаудитории, точно передо мною был зрительный зал...

Это непосредственное ощущение живого дыхания публики и теперь остается для меня началом всякой работы в радиостудии. Мне кажется, что ясное представление «адреса», конкретного слушателя, к которому обращена передача, помогает актеру определить самое важное — то, о чем и как он станет сегодня говорить у микрофона, отгороженного ширмой.

Конечно, каждый автор, редактор, режиссер или исполнитель еще до начала работы определяют свой круг слушателей, без этого не обойтись вещанию, призванному увлечь все возрасты и вкусы, но я останавливаюсь на этом потому, что всякий раз кроме того общего, вполне ясно выраженного в тексте адреса стремлюсь отыскать возможность поставить или сыграть сцену так, будто ее может слышать только один человек...

Несмотря на некоторую наивность такого стремления, на кажущееся противоречие между огромной разношерстной аудиторией слушателей и обращением к кому-то одному, как в девичьем письме с пометкой «лично», мне много раз приходилось убеждаться, что именно тогда достигается наибольший эффект и глубина сопереживания, когда в передаче удается нащупать и сохранить этот особый тон, настрой, а вернее сказать, личный адрес.

И дело, разумеется, не в том, порознь, в наушники, или собравшись у динамиков целым обществом слушают радио, а в том откровении, отсутствии фальши, которые необходимы при доверительном разговоре с глазу на глаз.

Прошло несколько лет, забитых чисто кинематографической работой, прежде чем мне довелось по-настоящему заняться серьезным «радийным» делом.

Но как только я оказался в студии, как только услыхал первые куски записи, мой невольно приобретенный багаж слушателя, мои былые ощущения точно воскресили и в чем-то определили то направление работы, которому я верен по сей день.

Конечно, мое представление о том, что хочет слышать человек по радио, прежде чем превратиться в конкретное звучание, в кусок записанной пленки, требовало знаний, навыков, терпения, а главное — настоящей профессиональной помощи тех, чьими руками всякие творческие замыслы воплощаются в передачи. Тут я не могу не назвать имена людей, с которыми встретился, подружился и работаю вот уже много лет: это опытнейший режиссер и прекрасный знаток актеров Нина Голубева, редактор Нелли Филиппова, мастер шумового дела Евгений Хорошевцев, звукорежиссеры Валентин Евдокимов, Роза Смирнова, Вячеслав Тоболин, музыкальный редактор Ольга Трацевская, которые с поразительным художественным чутьем отыскивают нужный ритм диалога, порой составляя его из отдельных слов...

Замечательные открытия, сделанные в постановках Р. Иоффе, О. Абдулова, в работах Н. Литвинова, потому и остаются в памяти, что они глубоко индивидуальны и по-своему неповторимы или — если угодно доказательство от противного — легко узнаваемы и повторимы в пародии.

Отыскать для передачи свою интонацию, особый ритм, притом не только оригинальный, но и современный, соответствующий материалу и представлениям слушателя, значит на каждом этапе работы — будь то запись игровых сцен, монтаж, шумы, музыка или окончательное сведение всего на одну пленку — что-то делать не так, как вчера.

Только таким образом, переходя из рук в руки, обрастая дополнительным звучанием, невидимое творение может сохранять, а еще лучше — обнажать свои собственные, лишь ему присущие черты. Я думаю, что тут-то и заключена наибольшая трудность всякой творческой работы для эфира.

Если в театре, на телевидении, в кино или на эстраде средства выразительности — это все или почти все, что может вам прийти в голову, то радио — строго вырезанная полоса реального мира, его звучание. Строгость этого среза может предстать или как бедность, ощущение недостаточности всего видимого и осязаемого, или как определенным образом сосредоточенное восприятие чего-то, нарочно освобожденного от всего отвлекающего.

Кто не знает, что в иную минуту, желая расслышать далекий звук или погрузиться в музыку, невольно закрываешь глаза. И тут звук выражает все, точно подменяя все иные впечатления.

Казалось бы, фотография или немое кино — прямые братья радиозвучания, ибо там также только один срез. Но на самом деле это далеко не так.

Документально записанная звуковая картинка без слов гораздо беднее по выразительности, по количеству информации, чем любая любительская фотография, уже потому, что она всегда «засорена» случайными неузнаваемым «шумом», разгадать который вы не успеваете, в то время как на фотографии вы можете вернуться взглядом к любой, сперва неясной детали...

Я напоминаю об этом потому, что, строго говоря, все эти отличия не что иное, как более или менее заметные препятствия на пути создания какого бы то ни было художественного образа средствами звука.

Порой, чтобы получить мало-мальски правдоподобную звуковую картинку или просто «живой фон», невозможно воспользоваться даже точной хроникальной записью, и требуется заранее продуманная расстановка самых пустяковых деталей...

Делая в качестве постановщика одну из первых своих передач и стремясь заодно сразу показать, какой я молодец и новатор, я всюду искал возможно новые и оригинальные решения.

Мои помощники с поразительным доброжелательством и тактом поддерживали во мне это присущее всякому новичку творческое горение. Но вот при выборе исполнителей я почувствовал некоторое очень мягкое несогласие. Я сговорился с двумя прекрасными актерами, и каждый из них не вызывал ни у кого сомнений, но их совместная работа в передаче встречала холодок и недоверие. И тогда, конечно, мне захотелось блеснуть чутьем и доказать свою правоту.

Началась запись, и, надо сказать, играли они свои роли прекрасно. Я сидел у режиссерского пульта и торжествовал; а мои соратники, хотя и соглашались, но как-то подозрительно шушукались и нажимали разные, тогда еще мне неведомые кнопки.

И вот неожиданно перед очередной записью мне предложили послушать в первоначально смонтированном виде то, что было сделано в первые дни. Признаюсь, сперва, когда я услышал сценки, у меня было ощущение, что меня обманули, что взяты не те куски, что совершена какая-то диверсия.

Все тонкости исчезли, характеры перепутались, все точно слилось в один гул. Моя ошибка была совершенно тривиальной — я еще не умел, просто не мог отделить голоса от плоти, от внешних данных тех, кому они принадлежали... Глядя сквозь стекло, как играют сцену, репетируя в студии, я видел точно исполненными свои задания, я видел разницу приспособлений и переживаний двух совершенно разных людей. Смешно было даже рассуждать об интонациях и словах, все было органично и ясно.

Но на пленке осталось только звучание, и голоса почти слились. По тембру даже особой хрипотой они стали почти неотличимы. Для радио прекрасно сыгранная сценка погибла, потеряла всю свою остроту, контрастность и оригинальность.

Это памятный, но, разумеется, самый примитивный, технический, что ли, пример той строгости радио, о которой выше шла речь.

На самом деле все значительно сложнее. На сцене или на экране вы кроме голоса пользуетесь как средством выражения не только тем, что

Счастливцев огромного роста, а Несчастливцев маленького или наоборот, но и мимикой, и различием пластики, и мизансценой, и тем, в какую световую среду погружена сцена и каков характер декорации.

В общем, на радио режиссеру вроде бы и нечем работать. Будто нарочно именно у него, у постановщика, там отбирают почти все, чем бы он мог себя выразить. Да и актер лишен множества подпорок и данных ему от Бога талантов вроде улыбок, неотразимых взглядов и всего, что называется сценическими данными.

Но, как всякое ограничение, микрофон побуждает художника, каждого создателя передачи отыскивать свои особые средства изображения и выражать каким-то образом то, что кажется не под силу простому звуку.

Звучание диалога по радио кроме слов, мыслей и чувств, оказывается, должно еще как-то передавать пространство, объем помещения или смену места действия, а иногда и жару, холод или тьму.

Мне возразят, сказав, что на все это есть пояснительные слова, всевозможные авторские ремарки или текстовые дополнения. Да, есть. Но когда это только пояснение, а не художественный компонент, развивающий действие, дикторские слова — скорее свидетельство беспомощности, нежели неотъемлемая часть звукового образа.

Так, плохой мимический актер вынужден, точно глухонемой, прибегать к жестам, заменяющим слова, в то время как настоящей высокой пантомиме ничего подобного не требуется. Она вся кажется сотканной из тех неповторимых мгновений, когда слова бессильны и вовсе не нужны.

Применительно к эфиру это значило бы сделать такую передачу, в которой зрительный ряд казался бы просто лишним, отсутствие видимых действий и перемен естественно восполнялось другими, чисто «радийными» чудесами.

От года к году, постепенно овладевая такими «чудесами» и приемами, радио создает, накапливает свой собственный арсенал художественных средств выражения, обогащая и совершенствуя свой неповторимый специфический язык. При этом значительную роль здесь, конечно, играет и новая техника, позволяющая все более усложнять или составлять новые комбинации знакомых звучаний.

Таким образом, кроме обычных своих обязанностей, лежащих в начале любой режиссерской работы, — общий замысел постановки, определение стиля, главных смысловых акцентов и т.д. — именно у микрофона перед постановщиком, актером, звукорежиссером возникает бесконечный ряд совершенно специфических, новых творческих проблем, от решения которых зависит ясность, глубина, эмоциональная заразительность, наконец, художественная ценность всех первоначальных замыслов и построений.

Чем больше я узнаю радио, тем более мне кажется, что здесь, несмотря на множество уже решенных творческих задач, впереди еще необъятное пространство для поисков и всяческих фантастических экспериментов по созданию радиоязыка. Кстати, это касается не только художественных, но и всех прочих форм вещания, так как именно

теперь настало время, когда творчески глубоко осмысленная хроника способна увлекать и потрясать не меньше, чем самое новаторское сочинение...

Баталов А.В. Судьба и ремесло. М., 1984. С. 137–146.

Сыны эфира[61]

Большие события произошли недавно в эфире. Об этом без излишней скромности уведомлял своих слушателей новосибирский радиокомитет.

«Дорогие товарищи радиослушатели! — вещали дикторы на разные голоса. — Заметьте время! Запомните эту торжественную минуту! Вы присутствуете при событии великом и необычайном! Сегодня, сейчас, сию минуту, мы открываем новый театр, который называется... областной новосибирский радиотеатр сатиры "Шутки в сторону"».

«Вам, свидетелям этого события, — поочередно надрывались далее три радиодиктора, — будут завидовать потомки. Про вас будут с уважением говорить: они жили в те времена, когда в Новосибирске существовал театр сатиры "Шутки в сторону"».

И для чего же понадобилась Новосибирскому радиокомитету вся эта беззастенчивая, неприличная трескотня?

Оказывается, для того только, чтобы вслед за сим «предисловием» разыграть в эфире одноактную пошлятину, якобы откликающуюся на работу местной промышленности и промысловой кооперации.

— Все ли готовы на борьбу за качество выпускаемых изделий широкого потребления? — строго вопрошает диктор. После этого он говорит:

— Представим пьеску. На этот раз совершенно реалистическую. Называется она (торжественный удар гонга)... «Почему они разошлись».

И вот в эфире начинают действовать два манекена, долженствующие изображать наших советских молодых людей: некий Витя 22 лет и Леночка 20 лет. Они вчера поженились. Первое утро на квартире у Вити становится и последним для молодоженов. Почему?

Потому, видите ли, что от чашки отваливается ручка, что кофейник протекает и кофе выливается на новенькую скатерть; что консервный нож не открывает банку с консервами и срочно требуется... топор; что пластинку патефона, под звуки которой парочке новобрачных незамедлительно понадобилось танцевать «блюз», заедает; и в довершение всего зеркало, в которое глядится новобрачная, оказывается кривым.

На фоне всех этих нелепостей авторы с веселым смехом и хрюканьем торопятся отобразить в кривом зеркале советскую девушку. Нимало не задумываясь, они вкладывают ей в уста такие, например, выкрики и сентенции по адресу человека, с которым девушка только что соединила свою жизнь:

«А ты — тупой болван... такой же тупой, как твой консервный нож...»

«Ты сам, оказывается, заикаешься, как твои паршивые пластинки».

«Сам ты кривой! Изверг! Негодяй! (*уходит*)».

Но уход манекена-Леночки — еще не финал. Домыслы авторов этого радиопоклепа ведут нас дальше, к такой умопомрачительной «концовке».

Витя: Ушла, ушла навсегда. Почему? Что же произошло? Кто в этом виноват? Постойте, постойте... Я знаю, кто виноват! Виноват тот, кто сделал все эти отвратительные вещи. Это он своей безобразной, безответственной работой разрушил мое семейное счастье. Я убью его! Где нож? Нет, этот нож не годится даже для того, чтобы проткнуть его бездарное (?) брюхо. Я убью его из своего старого фронтового пистолета. Этот не подведет. Вперед! Я рассчитаюсь с бракоделами!

Звучно топая под замирающий удар гонга, незадачливый молодожен убегает...

Радиослушатели с нетерпением ожидали: не попадутся ли под руку разъяренному Вите в числе других бракоделов и авторы пьесы «Почему они разошлись». Но, по всей видимости, этого не случилось, ибо через некоторое время ни в чем не повинным новосибирцам были преподнесены сынами эфира еще две «пьесы» в том же духе — «Страшная ночь» и «Берегите ваших детей».

Вот именно: берегите ваших детей! А заодно надо бы подумать и о взрослых, которым приходится слушать беспардонную стряпню пошляков, обосновавшихся в Новосибирском радиокомитете.

Правда. 1946. 29 мая. С. 2.

Г.Н. Хубов[62]

В угоду обывательским вкусам

Ежедневно из Москвы по основным радиостанциям передается на страну 35 музыкальных программ, заполняющих большую часть всего времени вещания. Какой широкий простор для большой и разнообразной творческой деятельности! В рубриках музыкального вещания значатся и выдающиеся произведения классической музыки — русской и западноевропейской, и произведения советских композиторов, и народные песни; трансляции оперных спектаклей, открытых симфонических концертов, эстрадных вечеров; тематические циклы образовательных радиопередач по истории музыкальной культуры, циклы концертов, посвященных творчеству лауреатов Сталинской премии, литературно-музыкальные радиокомпозиции и т.д. Радиокомитет располагает 18 музыкальными коллективами и ансамблями, объединяющими свыше 800 штатных исполнителей. Помимо них, он имеет возможность приглашать солистов оперных театров и филармоний, камерные ансамбли, оркестры, хоры. Наконец, в распоряжении радиокомитета имеются и различные технические средства звукозаписи (тонфильм, магнитофон, тонфоль), позволяющие, пополняя репертуар, широко представить в вещании богатство и разнообразие музыкальной культуры.

Казалось, что при всех этих данных и возможностях музыкальное вещание могло бы с честью выполнять свою благородную задачу культурного развития, идейно-художественного воспитания широких масс радиослушателей.

Однако на деле получилось иное. Репертуар музыкального вещания оказался засоренным безыдейными, пошлыми песенками и эстрадно-танцевальными номерами дурного пошиба, не воспитывающими, но развращающими вкусы радиослушателей. Задачи идеологической, художественно-воспитательной работы заняли побочное, второстепенное место в музыкальном вещании. В программах утвердился штамп, стандарт, создающий впечатление однотипности и однообразия.

Увеличивая объем музыкального вещания, количественно расширяя репертуар, радиокомитет не обращал внимания на идейно-художественную целеустремленность музыкальных программ, мало заботился о разнообразии их содержания и форм, о высоком качестве их исполнения.

После войны среди некоторых руководителей музыкального вещания Радиокомитета утвердилась вредная «теория» о том, что народ якобы «устал от идей», что не следует слишком «отягощать» его серьезными программами идейно-воспитательного содержания, что надо его «развлечь» и т.д. Отсюда и порочная, приспособленческая «установка» музыкального вещания на некий «средний», по существу, обывательский, мещанский вкус, на «развлекательность во что бы то ни стало».

Радиокомитет обязан уделять самое серьезное внимание культурному досугу, отдыху радиослушателей. Репертуар музыкального вещания не может быть ограничен в жанрах; он должен быть содержательным, ярким, разнообразным. И программы легкой музыки должны составляться умно, увлекательно, живо. Радиокомитет должен включать в эти программы лишь лучшие, художественно ценные произведения легкого жанра (оперетта, эстрадное искусство, танцы, массовые песни, музыкальные обозрения и т.д.).

Работники же музыкального вещания, приноравливаясь к отсталым, мещанским вкусам, превратили радио в средство пропаганды низкопробной «легкой музыки», мутный поток которой засоряет эфир откровенно безыдейными, пошлыми песенками, кафешантанными танцами и «романсами».

В своей беспринципности и неразборчивости составители программ «легкого жанра» дошли до того, что начали передавать по радио дрянные «изделия» заграничных поставщиков эстрадной порнографии, проявляя здесь недостойное и несвойственное советским людям низкопоклонство перед Западом. Это всевозможные «блюзы», «фоксы», «бостоны», песенки с «интригующими» названиями (которые в программах стыдливо умалчивались): «Любовник, есть ли время для меня?», «Случай — причина любви», «Красивая женщина дарит только улыбки», «Все женщины красивы» и т.д. Беспечные деятели радиокомитета систематически передавали в эфир немецкие песенки и танцы, которые пользовались в свое время популярностью в... фашистской Германии.

В радиовещании так называемый «легкий жанр» в худших своих образцах непомерно разросся, оттесняя художественно ценные произведения музыкального искусства.

В работе над репертуаром музыкального вещания, как и в его планировании, нет серьезно продуманной системы, подчиненной идейным, художественно-воспитательным задачам. Здесь господствует неразборчивая случайность. Так, например, важнейший раздел репертуара — музыкальное искусство народов СССР — совершенно заброшен.

Недостаточен и однообразен (несмотря на известное количественное расширение) репертуар русской народной песни, особенно в хоровом исполнении. Радиокомитет не сумел привлечь для обогащения репертуара русской песни крупнейших исполнителей.

Досадно, что даже и накопленные богатства классического репертуара радиокомитет использует неправильно, бессистемно, случайно. Вот несколько характерных примеров: за два месяца (июнь–июль этого года) сцены из оперы Глинки «Иван Сусанин» были исполнены всего один раз; Пятая и Шестая симфонии Чайковского — по два раза; Первая симфония Бородина — один раз. Между тем за те же два месяца бездарные песенки и танцы одного только берлинского пошляка Гроте передавались... четырнадцать раз! Комментарии, как говорится, излишни.

Неудивительно, что выдающиеся произведения музыкальной классики, исполняемые по радио, часто проходят для слушателей незаметно: они «захлестываются» волной пошлой музыки.

Вообще же нужно сказать, что в показе произведений классиков музыкальное вещание отдает предпочтение не отечественным, а иностранным композиторам. Это наглядно подтверждает практика открытой концертной деятельности радиокомитета (в Колонном зале Дома союзов, в залах Дома ученых и консерватории). Возьмем хотя бы вторую половину прошедшего сезона: за пять месяцев (январь–май) Радиокомитет провел 18 открытых симфонических концертов... из них тринадцать были полностью посвящены западной музыке (причем «Реквием» Моцарта исполнялся одиннадцать раз!); всего два концерта — советской музыке; и лишь в остальных трех, смешанных, концертах русской классической музыке было дано по одному отделению!..

Работа музыкального вещания движется «самотеком». Крупнейшие мастера советского исполнительского искусства Н. Обухова, А. Пирогов, М. Рейзен, М. Михайлов, В. Давыдова, М. Максакова, В. Софроницкий и др. редкие гости в студиях Радиокомитета. Получается нелепая несоразмерность: некоторые посредственные исполнители выступают у микрофона чуть ли не ежедневно, а выдающиеся мастера появляются в эфире спорадически, с повторением одних и тех же «записей»!..

Созданный при Радиокомитете музыкальный художественный совет, видимо, не привлечен по-настоящему к обсуждению и критике всей работы музыкального вещания, а поэтому он лишен возможности непосредственно направлять ее.

Не уделяя должного внимания энергичной, живой и разнообразной по форме пропаганде классической музыки, богатейшего творчества народов СССР, талантливых произведений советских композиторов, Радиокомитет лишил музыкальное вещание ясной и целеустремленной направленности. Нужно в корне перестроить работу музыкального вещания, полностью подчинив ее высоким задачам идейно-художественного воспитания широких народных масс.

Культура и жизнь. 1946. 10 сентября.

Л. Дубровина[63]

Радиопередачи для детей

... Система в детских радиопередачах должна исходить из общих принципов советского воспитания, строиться на научно-педагогической основе. Между тем эти принципы часто игнорируются. Это сказывается прежде всего в грубом нарушении возрастных требований. Разве можно, например, для детей дошкольного возраста в один раз передать подряд пять рассказов М. Пришвина, как это было сделано 1 февраля, или так же подряд в одну передачу (3 февраля) — пять рассказов и пять стихотворений В. Осеевой?

Это еще в большей мере сказывается в передачах для детей школьного возраста, где при отборе и передаче познавательного материала обязательно нужно учитывать школьные программы и их требования. Между тем этого нет. Иначе как могла бы иметь место существующая лоскутность и бессистемность, носящая даже какой-то отпечаток поисков тем «необычных», как бы нарочито уводящих от большой дороги основных тем (о кактусе, о Буомском ущелье, о соляном озере — для младших ребят и др.)?

Редакция детского радиовещания не сумела сосредоточить основное внимание на актуальном современном материале, имеющем важнейшее значение в воспитании.

Обратимся к фактам. Радиопередачи для детей откликаются на значительные политические события, но на многих передачах, посвященных этим событиям, лежит печать такого непонятного равнодушия, формализма, штампа, что едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь полноценное воспитательное воздействие таких передач.

Таковы были передачи, посвященные выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик. Сухие, невыразительные тексты, подчас неряшливые и политически неграмотные формулировки.

Тематика передач на современные актуальные темы крайне сужена. Мало передач по циклу «Наша Родина», о новой Сталинской пятилетке; совершенно отсутствует материал о союзных республиках; ничего на дано в связи с такими датами, как предстоящее 30-летие Советского государства, как 800-летие Москвы; почти нет материала о воспитании воли и характера советского человека. В радиовещании для детей еще нет четкой целенаправленности, продуманной системы.

До предела скучен назидательный, дидактический материал «Пионерской зорьки». А между тем разве не под силу было бы детскому радиовещанию стать организатором больших дел, опираясь на инициативу и высокую активность пионеров и школьников? Разве не мог бы здесь чему-нибудь научить обаятельный образ гайдаровского Тимура, сошедшего со страниц книжки и ставшего организатором целого детского движения в нашей стране?..

Большое место в радиовещании для детей занимает музыка. Заслуженной популярностью у юных слушателей пользуется детский музыкальный радиожурнал, выпускаемый под редакцией Дм. Шостаковича. Интересны и некоторые другие музыкальные радиопередачи для детей, посвященные жизни и творчеству выдающихся композиторов и исполнителей. Полезным начинанием следует признать разучивание по радио с детьми новых песен советских композиторов (хотя выбор этих песен не всегда удачен)...

Почему можно «засорять» эфир бесцветным и низкопробным материалом, безответственным изделием окололитературных людей?

Чем можно объяснить, что радиовещание для детей считают возможным питать «отходами» издательств? Почему некоторые авторы не стыдятся принести на радио вещи, забракованные в издательствах? Чем иным можно объяснить, что по радио передают отдельные произведения писателей Е. Благининой, В. Осеевой, Л. Воронковой, стоящие неизмеримо ниже уровня, на который способно их дарование? Как объяснить, наконец, что в радиопередачах для детей нашло свое пристанище произведение В. Немцова «Синий луч», искажающее перспективы нашего завтрашнего дня, дающее ложное представление о научных проблемах ближайшего будущего (ориентирующее, в частности, на то, что запасов железной руды хватит лишь на ближайшие пятьдесят лет).

Печать глубокой провинциальности, старомодных приемов, извлеченных из арсенала слащаво-сентиментальной детской литературы дореволюционного прошлого, лежит на ряде радиопередач, особенно для детей дошкольного возраста. Из нафталина извлечено пожелание ребятам, которым открыла 1 января Новый год одна из передач: «Встретить Новый год с сердцем, открытым для добра»(?!).

Старинной нравоучительностью пахнет рассказ Л. Воронковой «Музыкальная шкатулка», в котором награждается ценным подарком добрый Ваня, отдавший свой гостинец девочке.

Давно осмеянный и отвергнутый прием использует в своих беседах об угле А. Ивич, дающий сюсюкающий разговор с милым ребенком-резонером (носящим умилительное имя Зайка) в сочетании с сухим статистическим очерком.

Недопустимым является подмена фольклора, великолепия народных сказок всяческого рода их «обработками», «препарированием», превращающимся в прямое издевательство, когда за всякими выкрутасами узнать народную сказку оказывается невозможным. А между тем это широко практикуется и в отношении народных сказок («Колобок, «Заяц и кот», компиляция по несуществующим сказкам и др.) и в от-

ношении сказок литературных. Что было сделано в одной из воскресных передач прошлого года с бедной «Красной Шапочкой»!

Удивительной кажется, наконец, исключительная живучесть героя радиопередач — невразумительного «Тритутика», весело просуществовавшего весь прошлый год и вынырнувшего снова в 1947 г. во всей своей пошлости...

Культура и жизнь. 1947. 1 марта. С. 6.

Р.М. Иоффе

Размышления у магнитофонного аппарата

Ноябрь 1948 г.

До появления магнитофонного аппарата никто из нас не умел записывать и монтировать, и все мы, не только операторы, но и режиссеры, не умели организовать процесс монтажа пленки. Но за короткий срок мы все же многому научились, не всему, конечно.

Хочется кое-что подытожить из двухлетнего опыта нашей работы.

Я с уверенностью могу сказать, что записи литературно-художественных передач, произведенные на улице Горького, превосходят по своим качествам записи, которые мы раньше делали на ФЗЗ.

Хотя у фабрики и многолетний опыт, и специально патронированный штат для производства записи, и все же в настоящее время на ул[ице] Горького эта работа делается качественней.

Объясняется это, конечно, не тем, что на ФЗЗ плохие работники. Нет, конечно. А тем, что передачу, подготовленную в наших студиях, с нашим тонмейстером мы механически перетаскивали в новые фонические условия в Дом ученых, где всю фоническую работу, причем только *фоническую*, делали сызнова в новой студии и с новым тонмейстером.

Конечно, такая работа была бессмысленной и не могла дать высокого уровня исполнения передачи. Артисты, осваивая новые студийные условия, как правило, вымучивались и работали крайне напряженно, а иногда и механически.

На улице Горького самые верные условия для художественных записей. Из студий, в которых были проведены многочисленные микрофонные репетиции с тонмейстером, который наизусть знает передачу, мы ведем наши записи. И эти решающие обстоятельства не могут не дать качественной продукции.

Но было бы ошибкой сказать, что мы записываем хорошо, лучше других, поэтому можно успокоиться.

Безусловно, операторы, тонмейстеры за малый срок многому научились. Но, конечно, не всему.

Прежде всего хромает организация дела по художественным записям, не выделены в особые условия фондовые записи. Ко всем записям одинаковое отношение. А это сугубо неверно.

Фондовые записи должны быть выделены, и они должны записываться лучшими операторами, причем прикрепленными к передаче на лучшей пленке.

Простота процесса записи вселила довольно легкомысленное отношение к записываемым передачам, которые впоследствии будут годами звучать в эфире.

Не до всех операторов доходит, что он пишет навсегда, что 10, 20, 50 раз будет звучать данная передача в эфире, и если глухо звучит, то будет глухо звучать 10, 20, 50 раз.

Вот на ФЗЗ была создана атмосфера больших требований вокруг записи. Даже какого-то таинства. И это было правильно. Мне думается, что основная задача ближайшего времени состоит в том, чтобы фондовые записи больших постановок выделить из, фигурально выражаясь, общего котла.

Здесь я не могу удержаться от упрека в адрес руководства. Почему до сих пор ни разу не собрали производственного совещания по вопросам записей с приглашением режиссеров, тонмейстеров? Это совещание необходимо. Оно, безусловно, двинуло бы нас вперед.

Есть все возможности работать лучше, пытливей, взять от техники для творчества; мы еще еле-еле прикоснулись к тем широким и прекрасным возможностям, которые содержатся в магнит[офонной] записи, и есть к тому же замечательные люди в аппаратной на ул[ице] Горького. Это прежде всего О. Спасская, Лида..., Галя Иванова и другие. Эти люди и профессионально и, главное, духовно растут на глазах. С ними можно работать гораздо лучше, чем сейчас.

РГАЛИ. Ф. 3086 Оп. 1. Д. 19. Л. 22–24. Машинопись с авторской правкой.

Советская идеология — самая передовая идеология[64]

...За годы Советской власти в нашей стране создались новые отношения между людьми, победила и стала безраздельно господствующей новая, социалистическая идеология. Великие революционные идеи марксизма-ленинизма овладели широчайшими массами трудящихся и стали могучей материальной силой. Они являются источником вдохновенного, творческого труда советских людей, преобразующих мир на основах коммунизма. Глубочайшая вера и убежденность в жизненности и правоте идеалов коммунизма рождают героические подвиги советских людей в борьбе за построение коммунистического общества.

Идеология социалистического общества находит свое яркое проявление в морально-политическом единстве и нерушимой дружбе народов, в животворном советском патриотизме. Эти могучие движущие силы социалистического общества свидетельствуют о том, что народ и коммунизм в нашей стране слились воедино.

Глубоко прогрессивный характер советской идеологии заключается в том, что она не терпит никакого социального гнета, никакой расовой или национальной исключительности. Вся деятельность народов СССР одухотворена идеями интернационализма, братской солидарности трудящихся в борьбе за строительство новой, коммунистической жизни. Советская идеология есть идеология равенства рас и наций,

идеология дружбы народов, сплоченных вокруг партии большевиков и советской власти...

Идеи марксизма-ленинизма, пример строительства социализма в СССР вдохновляют трудящихся всех стран, борющихся против капиталистического рабства. Во всем строе жизни советского народа, в его культуре, морали трудящиеся и угнетенные народы зарубежных стран видят образец для себя. Сейчас, как никогда раньше, для широких народных масс всего мира становится все более очевидным, что разлагающаяся буржуазная культура отжила свой век.

Ученые холопы буржуазии, ее философы и политики, ее литераторы и художники, попы и наставники — эта огромная орава наемных лакеев империалистической реакции ведет разнузданную проповедь мракобесия. Своей фальшивой пропагандой эти прислужники буржуазии всячески пытаются приукрасить капиталистический строй, раздираемый непримиримыми противоречиями. По заданиям капиталистов они открыто выступают с призывами к новым войнам, к варварскому истреблению и порабощению народов. Культ атомной бомбы и доллара, мистика и порнография, гангстеризм и бесстыдное лицемерие — такова растленная мораль современного буржуазного общества. В Соединенных Штатах Америки, ставших центром империалистической реакции, все виды духовного воздействия на массы поставлены на службу пропаганды войны и разжигания вражды между народами. Здесь ведется разнузданная проповедь космополитизма и расизма.

Но тщетны все попытки буржуазии и ее наемных трубадуров! С каждым днем растет и ширится в буржуазных странах и колониях движение народных масс против власти капитала, растет сознательность трудящихся масс капиталистических стран. Крепнут и закаляются в борьбе растущие силы лагеря демократии и социализма.

Рост могущества советского социалистического государства, успехи стран народной демократии, ставших на путь социализма, историческая победа великого китайского народа, образование Германской Демократической Республики, вызывают бешенную злобу и ненависть в стане империалистов. Доживающий свой век буржуазный мир, прибегая к самым отчаянным мерам в борьбе против растущих сил лагеря демократии и социализма, широко использует отравленное оружие своей растленной пропаганды.

Решительная и неустанная борьба против всех и всяких проявлений буржуазной идеологии, против проповеди расизма и космополитизма, против низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада является в современных условиях одной из важнейших задач...

Правда. 1949. 23 октября. С. 1.

Н. Добровицкий, С. Нариньяни, Г. Ястребов[65]

По одному шаблону
О «Последних известиях по радио»

...Восемь выпусков в сутки — такова периодичность «Последних известий по радио», передаваемых из Москвы. К сожалению, редакция «Последних известий» не использует предоставленных ей воз-

можностей для того, чтобы широко и полно дать советскому радиослушателю интересную, разнообразную информацию.

Все восемь выпусков делаются по одному шаблону, хотя нетрудно предположить, что у каждого выпуска имеется своя аудитория. Утренний, пятичасовой, выпуск слушают преимущественно рабочие первых смен и колхозники; дневные выпуски — служащие и рабочие, возвратившиеся с работы, а у вечерних и ночных выпусков более широкий круг слушателей — рабочие, колхозники, служащие, работники науки, искусства, студенты и другие. Это должно было заставить редакцию «Последних известий» строить свои передачи более целеустремленно. Но редакция этого не делает: все передаваемые ею восемь выпусков похожи друг на друга.

Скупо, по-протокольному скучно редакция «Последних известий» вещает о важнейших событиях, происходящих в советской стране, бледно, примитивно показывает жизнь советских людей и их дела.

Правильно уделяя много места производственной информации, редакция должна была бы показать те огромные возможности, которые предоставляются советским людям для их творческой работы на социалистических предприятиях; показать разнообразные формы соревнования, работу новаторов в промышленности и сельском хозяйстве, связь науки с производством, авангардную роль коммунистов на производстве. Но всего этого нет. Производственная информация «Последних известий» однотипна, трафаретна. Меняются только названия предприятий, фамилии рабочих и цифры выработки продукции. Вот несколько заметок, для примера взятых из одного выпуска.

«Знатный сталевар Красносулинского металлургического завода Иванов вчера выдал скоростную плавку раньше графика. Став на стахановскую вахту, он обязался выдать 15 скоростных плавок».

«Передовики Херсонского консервного завода Сидоренко, Баклан, Атласман, став на стахановскую вахту, дали за смену по три нормы».

«Сегодня бригада Карпова, неся стахановскую вахту, в полтора раза превысила сменное задание».

Такие заметки передаются ежедневно десятками. Их трудно запомнить. Было бы куда лучше вместо нескольких таких заметок передать одну–две информации, подробно рассказывающие о методах работы того же сталевара Иванова с Красносулинского завода.

Сельскохозяйственная информация ничем не отличается от промышленной. И здесь тот же стандарт перечислений имен и цифр, а живого, поучительного рассказа нет.

Еще в более худшем положении находится информация по вопросам культуры, науки, искусства, литературы, физкультуры и спорта. Заметок на эту тему очень мало. А те, которые идут в эфир, говорят главным образом о пленумах или заседаниях: «открылся пленум Союза советских писателей», «открылся пленум Союза советских художников», «состоялось заседание Академии Наук» и т.д. Во всех таких заметках указывается фамилия основного докладчика и называется тема его доклада. И это все.

Театральная информация ограничивается случайными, беглыми заметками о некоторых московских премьерах. Спортивная информация зимой — это главным образом хроника хоккейных матчей команд первой группы и заметки о соревнованиях конькобежцев...

Очень плох язык радиопередач. Заметки пишутся нерадиво, халтурно, второпях. Редакция «Последних известий» совершенно не учитывает того обстоятельства, что ее выпуски рассчитаны не на читателей, а на слушателей. Длинные, небрежно составленные фразы, канцелярские обороты речи очень плохо воспринимаются на слух...

Небрежность приводит не только к косноязычию, но и ко всяким ошибкам. Вот некоторые из них, замеченные нами в выпусках только одного дня. Мингрелия названа Мигрелией, Кушвинский завод на Урале назван Кувшинским...

Работа редакции «Последних известий» вызывает законное недовольство многомиллионной аудитории радиослушателей. Чтобы повысить качество информации, передаваемой по радио, нужно улучшить освещение жизни всех советских республик. Советский Союз велик и многообразен, и во всех его республиках, краях, областях, районах много яркого, интересного. Беда «Последних известий» состоит в том, что многие интересные географические пункты только упоминаются в заметках, но не показываются. Особенности той или иной республики, ее экономика, культура никак не учитываются сотрудниками редакции, и поэтому информация из Таллина, например, похожа на информацию из Ашхабада, а заметки из Тбилиси — на заметки из Мурманска. Необходимо расширить географию информации, избавиться от однообразной тематики, писать о большой многогранной деятельности советских людей не языком протоколистов и регистраторов, а ярко, образно, с волнением и страстью, свойственными советским журналистам.

Хроникерская заметка не должна определять лицо «Последних известий по радио». В каждом выпуске нужно пользоваться самыми разнообразными литературными жанрами, широко применяя очерк, интервью, зарисовки, обзоры по вопросам экономики, литературы, искусства, спорта. К составлению этих обзоров следует привлекать не только штатных сотрудников редакции, но и специалистов, людей известных, авторитетных. Непосредственные выступления перед микрофоном ученых, писателей, стахановцев, государственных деятелей сильно оживят и углубят тематику выпусков...

Культура и жизнь. 21 марта 1950. С. 3.

А.Г. Коонен[66]

Хрупкое искусство

Вскоре я неожиданно начала записываться на радио. К микрофону привел меня мой неизменный друг — случай. Как-то, когда я шла по Тверскому бульвару, ко мне подошел очень приятного вида незнакомый мужчина, низко поклонился и представился — Аджемов. Имя Константина Христофоровича Аджемова, великолепного музыканта,

ныне профессора консерватории, было мне хорошо знакомо. Сказав несколько горячих слов о моих ролях в спектаклях Камерного театра и о моих творческих вечерах, на которых он неизменно присутствовал, он неожиданно обратился ко мне с вопросом: нет ли у меня желания поработать на радио, сделать ряд записей из моего репертуара Камерного театра либо приготовить что-то новое? Я сказала, что самостоятельных записей на радио я никогда не делала. В Камерном театре, естественно, я участвовала в записях спектаклей и, таким образом, мои роли были записаны, но, к большому моему горю, все записи спектаклей Камерного театра исчезли бесследно вместе с последним закрытием его занавеса. А сейчас мысль о том, чтобы записываться на радио, просто не приходила мне в голову.

Шагая по дорожке бульвара, мы с Аджемовым скоро разговорились как добрые старые знакомые. Константин Христофорович настойчиво уговаривал меня «подружиться с микрофоном» и вынести свое искусство на широкую аудиторию радиослушателей. Для начала он предложил мне принять участие в его ближайшей передаче о жизни и творчестве Шарля Гуно.

— Там прекрасный поэтический текст, — говорил Константин Христофорович, — требующий тонкого и проникновенного актерского исполнения. Уверен, что он вам понравится и что вам легко будет его освоить.

На следующий день я получила текст сценария, который действительно был написан прекрасным литературным языком — простым и очень удобным для устного рассказа. И я согласилась на запись. Так с этой передачи началась моя дружба с Аджемовым, продолжающаяся до сегодняшнего дня.

Удача этой первой моей работы на радио, настойчивые уговоры Константина Христофоровича искать темы для записей, знакомство на радио с очень интересным человеком и художником Т.К. Алмазовой сильно взбудоражили меня, и после многих беспокойных раздумий я в результате пришла к мысли начать с того, чтобы увековечить на пленке хотя бы фрагменты, крупицы из спектаклей Камерного театра.

Мое предложение встретило одобрение, и постепенно были записаны отдельные сцены из «Оптимистической трагедии», из «Без вины виноватых», «Египетских ночей», «Федры» и большая композиция спектакля «Мадам Бовари», которая потребовала долгой работы, около трех месяцев. В этой записи помимо моих партнеров по спектаклю Камерного театра участвовали и новые исполнители. В трех ведущих ролях играли: Б. Петкер — Омэ, Е. Весник — Шарль Бовари и А. Ларионов — Родольф. Должна сказать, что все новые исполнители работали с большой охотой, готовностью и великолепно вошли в тональность спектакля. Запись «Мадам Бовари» имеет неизменно большой успех у слушателей.

Позднее я записала стихи Блока, стихотворения в прозе Тургенева, отрывки из «Гранатового браслета» Куприна и еще ряд произведений классиков.

А.Г. Коонен. Страницы жизни. М., 1975. С. 441–442.

Ю.А. Летунов

Редакция новостей

...Борис Романович Скориков был личностью скромной и яркой. Это был прирожденный литератор, остро чувствовавший слово и образ. Его сравнения были необычны. Еще не введя слушателя в тему, он начинал на высокой ноте быстро-быстро бросать слова. Ни одна стенографистка не могла записать его речь, а если ей это и удавалось, то расшифровка напоминала монолог потустороннего человека. В начале его выступления на собраниях всегда возникали шумок и смех, но потом всех захватывал бурлящий поток слов.

— Сосульки в бороде. Борода как кол. Сосулька полярная! — начинал Борис Романович свой монолог. — А где этот лохматый в эфире? Где, я вас спрашиваю? Бороду сбрил, спрятался. От кого он прячется? Обмотался пленками, как еж в листья. В землю зарылся. Медведь в берлоге на зимней спячке! Белые медведи в берлогах не спят, а он спит... Спит...

— Вы о ком, Борис Романович?

— Он знает. Преступников разоблачают честные люди! Под ними земля горит! Пусть и под ним горит земля, если он будет копаться в своих пленках. Летчик. Ему в Кустанай, а он — в Киев. Бузина в огороде.

— Какая бузина, Борис Романович?

— Он знает, чье сало съел. Кошки и те знают. А у него была совесть, я его много лет знаю. Он может... Надо спросить. Строго спросить...

Все начинают понимать, что речь идет о корреспонденте Степане Хоменко, который недавно вернулся с полярной станции и сейчас разбирает магнитофонную пленку. Степан Иосифович очень рассеянный. Однажды он перепутал самолет и был искренне удивлен, увидев, что Днепр протекает в целинных землях Казахстана, куда он должен был прилететь. В редакции никто бы и не узнал об этом эпизоде, если бы Степан, как настоящий репортер, не сделал несколько материалов из Киева. Вначале подумали, что стенографистка что-то перепутала, но потом все выяснилось. Степан был рассеян до такой степени, что пытался, например, впихнуть монету в обыкновенный телефон, стоявший у него на столе, ему показалось, что он диктует информацию с какого-то события и не может связаться с редакцией.

Со Степаном часто происходят нелепые и смешные случаи. Как-то он сделал репортаж о тренировочных полетах военных летчиков. Записи были произведены на открытом воздухе, а когда Степан стал записывать свой голос в студии, то оказалось, что на пленке чувствуется перепад по звуку и теряется достоверность: пропадает атмосфера аэродрома. Кто-то посоветовал Хоменко записать свой текст на «репортере» на улице. Степан послушался и вышел на бульвар. Только начнет начитывать текст, как что-то ему помешает: то стайка детей из детского сада сбежится, то пройдет колонна автомашин. Степан от площади Пушкина постепенно перебирался вниз по Бульварному кольцу в сторону Трубной площади. У самой площади вроде все получилось, но в последний момент загалдела стая ворон. Степан двинулся с микрофо-

ном в сторону Столешникова переулка. Облюбовал место напротив ресторана «Узбекистан», уселся на скамейку, приготовил для записи магнитофон и начал громко наговаривать:

— Мы находимся в расположении энского летного подразделения. Только что взмыл в воздух новейший реактивный самолет.

Остался дымок инверсионного следа в вешней синеве мирного неба. Сейчас мы попросим летчика выйти на связь. «Я — пятый», «Я — пятый»...

И в этот момент милиционер потребовал у Степана документы. Оказалось, что ребята давно наблюдали за странным человеком, который из центра Москвы пытался выйти на связь и поведать кому-то о военном самолете. «Диверсант» был после проверки отпущен, но в редакции долго слагали байки, как Степана выручали с Петровки, 38...

Любовь Яковлевна Баркан. В 1919 году она была принята в партию. Воевала в Красной Армии. Потом продотряды. В годы разрухи работала там, где надо, — на железной дороге очищала пути от заносов, разгружала эшелоны с углем. Принимала участие в создании первых колхозов на Дону. Работала в ростовской газете «Молот», в «Рабочей газете», в «Водном транспорте», а во время войны пришла на радио, вначале была собственным корреспондентом «Последних известий» по Туркмении, а затем с 1943 года перешла в центральный аппарат. Богатый жизненный опыт, трудолюбие, хороший вкус, отношение к общественному, как к личному, высокая требовательность — все это постоянно присутствовало в повседневной работе Любови Яковлевны. Каждую заметку она правила так, будто это была последняя заметка в ее жизни, и она должна свои знания и умение вложить в эту проходную работу...

Абрам Исаакович Ицхокин. Высокий, стройный, всегда подтянутый, с седой шевелюрой, в хорошо отутюженном костюме, он был по-настоящему деловит. В общении с людьми, в работе и даже в походке у него чувствовался какой-то напряженный нерв, какая-то упругая пружина. Человек с феноменальной памятью и энциклопедическими знаниями, с хорошим вкусом, он был требователен к себе и к людям...

Душой коллектива был главный редактор Анатолий Тихонович Шаргин. Вся жизнь его была связана с радио, пришел он в Радиокомитет в 1920 году. Пришел после службы в Красной Армии, где начал писать стихи. Большого поэта из Шаргина не вышло, а работник радио получился отменный...

Как-то я наблюдал, как Шаргин, вызвав к себе в субботу репортеров, давал им задания. Гальперин сослался на то, что готовится к командировке, Ретинский объяснял, что отписывается по командировке, Минаев показал путевку в однодневный дом отдыха. Шаргин постепенно накалялся и, когда Слава Семенов начал что-то возражать, Шаргин заорал: «Эренбург! Эренбург! Романы вздумал писать!..» Потом выпалил с ходу присказки вологодских крестьян с череповецкими переливами. А на родине Шаргина умели найти емкое слово! Слава Семенов стал оправдываться, что главный редактор его неточно понял, а

он не только готов работать в воскресенье, но это просто входит в его творческие планы, и он мечтает получить задание, а с известным писателем он не знаком и романами не балуется...

У человека, который занимается информацией, должен быть не только вкус к новостям, но и постоянный интерес ко всему новому, жажда узнать подробности о событиях. Меня всегда поражало самоотверженное отношение к делу, неподдельный интерес ко всему, что готовится в эфир, что осталось за кадром, выпускающего редактора Исаака Владимировича Раввина. Он живет редакционными делами, все принимает близко к сердцу. Как смотритель маяка, он следит, чтобы огонь информации не затух, чтобы стекла прожекторов были протерты и не искажали цвет. Для него нет ни кума, ни брата, ни черта, ни свата, если речь идет о материале, предназначенном в эфир. Он внимательно слушает пленку и мягко говорит: «Очень интересная тема. Молодец старик. Но надо поработать, деточка». И тут же его карандаш выхватывает из расшифровки строчки и абзацы повторов, как говорят кибернетики, избыточной информации. Он точно знает, может ли автор переделать материал или же надо самому принимать меры. Автор тоже знает, что мудрый Исаак видит все насквозь, и если он, ничего не говоря, начинает черкать текст и на полях дописывать то, что должен был сделать автор, то бедный репортер молча стоит рядом и с тоской во взоре смотрит на бескровную, но жестокую операцию по спасению текста. Закончив правку, Исаак Владимирович протягивает текст, который теперь надлежит быстро отнести на машинку. Долгие годы Раввин готовил трансляции с Красной площади. Писатели хорошо знали его зоркий глаз и почти никогда не вступали в пререкания, а лишь иногда пытались подробнее объяснить то, что не получалось. Раввин слушал и тут же принимал решение — включать эпизод в передачу или нет. Ему сдавали материал так, как сдают экзамены профессору, хорошо изучившему студенческую молодежь и лучше нынешнего поколения знающему, какого рода бывают шпаргалки и когда человек свободно разбирается в материале...

Для многих коллектив «Последних известий» становился родным домом, и, уходя на пенсию, люди не порывали с редакцией, переживали все редакционные дела, а если случалось несчастье, то знали, что сотрудники редакции помогут и позаботятся о них, как о родных.

Мне всегда кажется, что счастье репортерам приносили в редакции машинистки. Они были первыми редакторами и не одну неуклюжую фразу выправляли тут же. Машинисток лучше, чем в «Последних известиях», трудно найти в Радиокомитете...

Репортеры-трудяги, репортеры — рыцари новостей! И на первое место я поставил бы Виктора Сидоровича Минаева. Нет, он не создал произведений, которые будут изучаться на факультете журналистики, но любознательный историк в архивных материалах радио найдет немало полезного из того, что собрано репортером Минаевым. Он не думал о стиле. Он шел от важности факта, от оперативности... Виктор Сидорович знал всех, и его знали все. Он обладал хорошим репортерским нахальством...

Он был занят непрерывно весь день. Работа в информации для него была естественным состоянием. Виктор Сидорович завтракал в гостиничном буфете. Здесь же, за утренним чаем, он знакомился с командированными деловыми людьми и узнавал от них массу интересных новостей, которые тут же записывал в блокнот, а чтобы не перепутать названия и некоторые технические детали, просил рассказчиков своей рукой написать необходимые сведения. Так он по утрам встречался со строителями железных дорог и гидростанций, колхозниками, рабочими, полярниками, целинниками, врачами, заготовителями. Если удавалось узнать что-то очень интересное, Минаев прямо из гостиницы передавал информацию в очередной выпуск новостей, если же материал был не срочный, то он его обрабатывал в конце дня.

После гостиницы Виктор Сидорович отправлялся в какое-нибудь закрепленное за ним министерство...

Из редакции, после сдачи утренних материалов, Минаев звонил на какую-нибудь стройку. Он мог дозвониться до любого пункта не только в нашей стране. Минаева хорошо знали старшие телефонистки на междугородной связи...

И умер Виктор Сидорович Минаев за работой. Не успел набрать номер телефона, как трубка вылетела из ослабевшей руки, а когда приехала в редакцию неотложка, то сердце репортера уже не билось. На столе лежал блокнот с чистым листом бумаги...

Другим представителем старой хорошей школы московских репортеров, в которую когда-то входил ныне легендарный Гиляровский, был в редакции Юрий Константинович Мациевский, в молодые годы избравший себе псевдоним Арди, что в переводе с французского означает «дерзкий». Любящий и прекрасно знающий Москву, с широким кругом знакомых в самых разных сферах, Арди в те годы был как-то по-особому демократически аристократичен, суетливость в нем сочеталась с сибаритством, а самоотверженное трудолюбие с многочасовыми неторопливыми беседами в тесных коридорах путинковского дома. Он любил мечтать о журналистских поворотах, необычных литературных ходах, о привлечении к выступлению у микрофона интересных людей...

Во время парада Арди обязательно должен был проехать через Красную площадь в головном танке и провести репортаж! Ради полутора минут Юрий Константинович тратил месяцы на уточнение всех деталей, получение пропусков, формы. Зато наступает его звездный час, когда он появляется в редакции в форме и со шлемом танкиста в руках. Завтра он его наденет и будет включен в парадный расчет! Он пройдет по Красной площади в танке! Ночью будет митинг на полигоне, а потом — в Москву! Нет, стоит жить ради этого полутораминутного репортажа из головного танка!

Ради эфира и новых приключений Юрий Константинович готов лететь в любое время суток на другой конец планеты, готов не спать ночами, готов звонить маршалам и министрам. Он глубоко убежден, что все его знают и помнят так же, как он помнит их. У него феноменальная память на факты, даты, имена людей, телефоны. Он помнит все со-

бытия, которые происходили в Москве за последние шестьдесят лет. То вдруг он расскажет, как судился, будучи гимназистом, с генералом Юденичем, который автомобилем наехал на велосипед Арди, то вдруг вспомнит, что в их гимназии учился будущий прокурор А.Я. Вышинский...

— А вы знаете, как я брал интервью у Стравинского?.. Главный сказал мне: «Приехал из Америки Стравинский. Остановился в "Национале". Иди, и, если ты вернешься без интервью, я снесу тебе голову». Выяснил, что в номер к Стравинскому попасть невозможно: никого не принимает. Но свет не без добрых людей. Я узнал, что завтра утром (час неизвестен) он едет на загородную прогулку (направление неизвестно тоже). И утром следующего дня наш «козлик» — «ГАЗ-69» — запрыгал вдогонку за черным интуристовским ЗИЛом, стараясь не потерять его из виду.

Приехали в Архангельское. Жду, пока гости осматривают музей. Наконец вижу, Стравинский прощается с директором. Пора! Оттер директора плечом и говорю: «Игорь Федорович, "Последние известия" московского радио просят у вас короткое интервью». «Польщен, — отвечает он, — благодарю за честь, но не могу: все расписано по минутам». Не знаю, что сделали бы на моем месте вы, но у меня оставался единственный выход. «А ведь у нас с вами есть общие знакомые, Игорь Федорович». Он взглянул на меня вопросительно. «Моя бывшая теща пела вашего знаменитого "Соловья" без слов, когда вы сами дирижировали оркестром». «Кто это?» Я назвал фамилию. «Ну, молодой человек, давайте сядем на скамеечку, поговорим». Я задал Стравинскому одиннадцать вопросов и на все получил ответ. А потом провожал его на аэродроме. Когда я спросил: «Что вы можете сказать о нашей красавице Москве?» — он хитро подмигнул: «Молодой человек, о красавицах не говорят, красавиц любят...»

Старую школу театральных репортеров представлял в редакции Николай Михайлович Ларский. Высокий, с широкой грудью-колоколом, гладко выбритый, благоухающий духами, он носил модные длинные пиджаки из хорошей шерсти или букле, любил накрахмаленные белоснежные сорочки и черный галстук-бабочку...

— Этого материала могло и не быть, — говорил он мхатовским шепотом с хрипотцой...

— Понимаешь, этот новый администратор мне... (пауза и жест Сальвини!). Мне... (снова страшно драматическая пауза и красивый театральный жест, который может означать и вызов на дуэль, и признание в любви. В комнате затихают разговоры). Мне, старому театральному репортеру, которого благодарили за отчеты Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко, дал место в девятнадцатом ряду...

— Ну и что? — произносит какой-то невежа. Но Ларский выше этого замечания.

— Мне… Сидеть на премьере в девятнадцатом ряду... Хорошо, подошел Юрий Александрович Завадский и объяснил администратору, где должен сидеть настоящий театральный репортер...

— А где, Николай Михайлович, должен сидеть настоящий театральный репортер?

— В ложе. В директорской ложе...

— А как премьера?

— Министерство хвалит... — неопределенным и в то же время многозначительным голосом отвечает Ларский...

Летунов Ю.А. Время, люди, микрофон. М., 1974. С. 67–90.

С.А. Муратов, Г. Фере[67]

Размышления у радиоприемника

...Наш слушатель хорошо запомнил передачу большого политического звучания, передачу интересную, новаторскую — «Певец Парижа». Автор ее — Сергей Образцов, литературный редактор — Хазанов, музыкальный реадктор — Моралева.

...Итак, мы слушаем очерк С. Образцова о знаменитом прогрессивном певце Франции — Ив Монтане. Только музыкальные записи и голос «диктора». Но передача эта необычна. Необычен прежде всего самый жанр. Что это? Только ли литературно-музыкальный очерк? Музыкально-образовательная передача? И да и нет! Скорее всего, это беседа. Но не та холодная и сухая беседа, когда автор надевает на нос очки и, взяв в руки текст, отпечатанный на машинке, начинает вас поучать, т.е. «проводить беседу». Нет. Просто кажется, что Сергей Образцов пригласил нас к себе домой, и вот, разговаривая за чашкой чая, ставит для нас пластинки, которые он привез из Парижа. А попутно рассказывает о своей поездке, припоминает, задумывается, смеется, уверяет, сообщает, настойчиво убеждает...

Как и во всяком непринужденном разговоре, здесь нет навязчивой сюжетной схемы, «обязательных мест» и прочих атрибутов псевдолитературной отделки. Мы просто многое узнаем о Париже. Мы узнаем и о замечательном певце и актере, бывшем молотобойце Ив Монтане. И наконец, Париж и певец сливаются в нашем сознании в один образ: перед нами певец Парижа, молодой, жизнерадостный, непосредственный. И эта непосредственность певца Монтана находит удивительный отклик в непосредственности актера Образцова.

Какими средствами добивается Образцов того исключительного воздействия, которое оказывает эта передача на слушателя? Прежде всего и главным образом успех передачи обусловлен качеством литературного сценария, необыкновенной естественностью и чистотой языка автора. Как в хорошем музыкальном кинофильме, увлеченные, мы порой забывали о музыке, настолько она сливается с нашими переживаниями, так и здесь иногда нам кажется, что в этой передаче литературный текст вообще отсутствует, что она возникает как бы сама по себе, избегая всякой деланности, искусственности. Каким блестящим должен быть литературный сценарий, чтобы у слушателя даже мысли не возникло о его литературности! Итак, литературный сценарий — первое, что определяет достоинства передачи.

Но не только это! Ведь мало замечательный текст написать, надо не менее замечательно и озвучить, подать его. Вслушайтесь!

Ведущий интонацией голоса как бы изображает то, о чем будет петься в песне. То это быстро-быстро мчащиеся автомобили, то плавно взлетающие качели. Это достигается и порядком слов, разговорными повторами («И ростом он не выше, ну, не выше... трех яблок, поставленных одно на другое») и даже возникающей мелодией («На рассве-те! На рас-све-те!»).

Кстати, о разнообразии дикторской речи. В августе прошлого года в «Советской культуре» в статье «Нужен живой рассказ» уже ставилась «проблема дикторского голоса». Мы не можем согласиться с автором статьи, рекомендующим дифференцировать дикторов на «дневных», «вечерних» и «ночных» хотя бы потому, что московские передачи слышны по Советскому Союзу в разное время. Но мы с готовностью присоединяемся к тому, что было бы полезно специализировать дикторов по жанровым признакам. Ведь просто невыносимо подчас слушать чтение «тихих» стихов в торжественно-декламационной трактовке диктора, привыкшего к чтению статей!

Отчетливое понимание жанра беседы до конца реализовано в интонациях Образцова. Он не читает — он говорит. Останавливается, уточняет свою мысль, иногда тут же подбирает слова, вот сейчас, у микрофона...

И у слушателя рождается какое-то небывалое ощущение искренности, чувство дружеского контакта. Образцов говорит не просто в пространство. Он обращается к нам, он сообщает нам свое отношение: «Я очень люблю эту песенку!» И это состояние непринужденности непосредственно передается и зрителю: каждому кажется, что именно с ним беседует автор...

* * *

Передача продолжается. Мы слышим зал, в котором поет Монтан, слышим самого Монтана, мы сами в этом зале. Ведущий говорит нам о том, как все это происходит, и мы... начинаем видеть. И вот песня Ив Монтана звучит в новых «звуко-зрительных» декорациях — в вечернем Париже, в зале. И в паузах, когда слышится смех, нам все ясно, потому что Образцов описал нам, как ведет себя Монтан на сцене. Теперь мы уже «дорисовываем» воображением то, о чем нам и не говорил рассказчик. Может быть, Монтан сейчас подчеркнул своей позой или выразительным жестом то, о чем поет, «поймал» своего персонажа?

У радиоискусства много особенностей и много возможностей (большая часть которых еще не используется), но у радио есть один «недостаток». Он же и определяет специфику радио. Радио не позволяет нам увидеть того, что шепчет, грохочет, плещет, звенит, поет, говорит там, «за приемником».

Как-то кинорежиссер М. Ромм, беседуя с нами о возможности создания радиопередачи о Чарли Чаплине, заметил в шутку: «Для меня радио вообще неприемлемо как для киноработника: как это люди там

о чем-то разговаривают, а я их не вижу. Мне нужно на них поглядеть!» Это желание постоянно испытывает любой радиослушатель. Ему всегда хочется «на них поглядеть».

Отсюда — особая роль текста в радиопередаче. Слова должны способствовать появлению зрительных представлений. Между тем во многих передачах текст поясняет только то, что и без того можно было бы передать звуковыми средствами. И, скажем, диалог влюбленных не звучит, «висит в эфире» именно потому, что мы еще не ощутили конкретной атмосферы, в которой он происходит. Некоторые, не разобравшись, пытаются найти причину этого в самом диалоге. Оказывается же, что достаточно ввести перед диалогом несколько слов рассказчика, скажем, о ночной серебряной реке и о серебряной луне, о тяжелой ивовой ветви, нависшей над рекой и над влюбленными, сидящими на берегу этой серебряной реки, и диалог становится совершенно неузнаваем. Появились новые краски. Теперь достаточно «подложить под диалог» чуть слышное журчание воды в реке, чтобы перед нами возникла целая картина...

Советская культура. 12 апреля. 1955. С. 6.

Мы знаем, на чьей стороне правда!
Письма радиослушателей[68]

Благодарю вас за освещение событий в Венгрии. Из ваших передач узнаешь, что произошло в действительности. Когда сравниваешь вашу информацию с передачами западных радиостанций, то понимаешь, сколько лжи они преподносят слушателям в своих странах каждый день.

Швеция. Кароль Р.

* * *

Слушая радио, я вспоминаю о наших друзьях — венгерских товарищах, которые были подло и жестоко убиты бандитами. Западные радиостанции сообщали, что в Венгрии так называемые борцы за «свободу» обливали коммунистов бензином и сжигали. Это подлость, она не имеет ничего общего с благосостоянием, свободой и демократией.

Преступлениями, которые западные державы вызвали в Венгрии, они хотят отвлечь внимание людей от своих преступлений на Кипре, в Алжире и Египте. Я благодарю Советский Союз за то, что он своевременно вмешался, чтобы положить конец этим зверским убийствам.

Австрия. Герман Ш.

* * *

Дорогие друзья!

В течение ряда лет я регулярно слушаю ваши передачи, но у меня не хватало смелости написать вам. Однако теперь я чувствую, что должен сделать это. Настоящее международное положение дает нам всем очень много пищи для размышлений. Что касается нынешнего поло-

жения в Венгрии, то вы бы послушали, как клевещут некоторые наши политики здесь, на Западе. Мы им не верим! Контрреволюционный мятеж в Венгрии очень напоминает нацистский путч. Это не что иное, как новая попытка возродить фашизм. Каждый, как бы прост он ни был, не может не понять этого. Если бы Советский Союз оказался настолько наивен, что вывел бы свои войска из Венгрии, первое, что сделали бы организаторы этого путча, — они присоединили бы Венгрию к западному военному блоку, направленному против СССР. Попросту говоря, они применили бы старый фашистский прием. У нас у всех еще живет в памяти то, к чему привел так называемый антикоминтерновский пакт, который обернулся потом не только против СССР, но и против стран Британского содружества и США.

Англия. Джеймс М.

* * *

Дорогие друзья! Мы глубоко опечалены трагическими событиями, которые пережила Венгрия. Я слушал по радио ваше открытое письмо французским писателям. Как вы правы! Как получилось, что некоторые интеллигенты не поняли, что за потоком страшной клеветы, которую сейчас распространяют наша печать и радио, за этим смятением, вызванным последними событиями, было скрыто совсем другое, а именно события в Египте. Неужели они не поняли подоплеку вероломной антисоветской кампании, которую сейчас ведут наша печать и радио?

Вы правильно поступили, дорогие друзья, ответив французским писателям. Пусть ваше письмо поможет им понять настоящую правду.

Бельгия. Рудольф Х.

Советская культура. 8 декабря. 1956. С. 4.

С.В. Шервинский

Искусство диктора

Май 1957 г.

Дикторы… Словно эфирные существа из какой-нибудь сказки — слышные повсюду и нигде не видимые… Тысячи и тысячи, нет, миллионы и миллионы радиослушателей знают их как старых друзей, но их лица, их облики никому не известны. Когда радиослушатель встречает где-нибудь диктора, хорошо знакомого ему по эфиру — ибо и дикторы ходят в гости, бывают в магазинах, словом, живут как все люди — он ловит себя на чувстве удивления: неужели это тот самый или та самая, чей голос так часто звучит из его «тарелки», сообщает новости, советует, поощряет к труду, укрепляет политическое сознание, сопровождает музыку?

В первомайском номере «Известий» специальный корреспондент радирует с «Оби»: «Сегодня от берегов Австралии дует легкий пассат… В эти дни все больше думается о родной земле: в день Первомая мы услышим по радио Москву, Красную площадь и всем сердцем будем вместе с Родиной».

Кто не испытал этого радостного ощущения преодоления расстояния, исчезновения отчужденности, когда слушал где-нибудь в дальнем уголке нашей необъятной страны или за рубежом милые нам голоса, которые как бы говорят: помните, расстояния нет, одиночества нет, все мы вместе. И мысленно переносишься в свой город, на свою улицу, воображаешь стол, за которым трудился до отлета, видишь лица семейных, друзей.

Мы едва ли дооцениваем в полной мере всю ту роль, которую в нашей повседневной жизни играют дикторы, неустанным трудом своим связывающие нас с текущей жизнью нашего народа и всего мира. Мы так привыкли слышать дикторские голоса, что, право, воспринимаем их примерно так же, как тепло калорифера, стрелки на часах или любой иной предмет, без которого не представляем себе минимума культурной жизни.

Но — положа руку на сердце — многие ли поинтересовались спецификой дикторской работы, ее организацией? Многие ли знают, что такое диктор, какова его деятельность?

В широких кругах распространено мнение, что диктор — это просто грамотный человек, читающий вслух тот или иной текст. Это мнение отражается и на отборочных мероприятиях, когда нужно пригласить нового диктора. Кого тут только нет! С завода и из школы, из продмага и просто от нечего делать — отовсюду рискуют являться молодые, подчас от природы одаренные товарищи в том наивном убеждении, что для дикторства достаточно иметь некоторые голосовые средства и элементарную грамотность. Редко бывает, чтобы под его руководством можно приобщиться к трудному искусству дикторства.

Искусству — я сказал? Да, это многим покажется странным: да какое же это искусство — читают и читают, что ж тут трудного, это, в конце концов, может всякий, причем тут искусство? Это авось не театр! — к сожалению, подобные суждения можно еще нередко слышать. На такие суждения следует четко ответить: да, товарищи, это искусство, именно искусство, и притом весьма нелегкое.

Я не уверен, что и в некоторых руководящих органах не существует той же недооценки. Везде ли отдают себе полный отчет в том, насколько искусство дикторства трудно достигается, насколько оно тонко и богато.

Никто не сомневается в том, что художественное чтение с эстрады — искусство. Конечно, есть разница: диктор передает лишь деловой или, в редких случаях, полухудожественный материал, вроде, скажем, пояснений к операм. Но учитывают ли товарищи радиослушатели, сколько уменья должен проявить диктор-художник, чтобы содержание исполняемого им материала дошло до них со всеми теми оттенками, которые диктуются его разнообразием, направленностью, эмоциональностью?

Как и художественное чтение, дикторство не может существовать без логической цели и эмоционального отношения к произносимому. Что диктор передает мысль, это ясно каждому. Но напрасно думают, что диктор читает равнодушно. Живое выражение мысли не может

оказаться лишенным отношения к этой мысли: оно непременно окрашено в той или иной мере нашим чувством — как в живой речи, так и в искусстве. Искусство диктора отличается от искусства чтеца, мастера концертного слова только лишь, так сказать, дозировкой. Если артист читает с эстрады с высоким коэффициентом выразительности, то диктору это не положено. В самом деле, диктор не может, по существу своей роли передатчика, идти на поводу своего «личного» отношения, он не имеет права бить себя в грудь эмоциональным кулаком, он, кроме того, не должен быть утомительным для слушателя, с которым встречается по нескольку раз в день.

Такт — непременная черта, величайшее достоинство диктора как художника.

Но значит ли это, что диктор сколько-нибудь бесстрастен? Боже избави! Грубая ошибка думать, что диктор будет одинаково передавать сообщение о бесчинствах агрессоров и о достижениях нашего мирного труда. Нет, диктор — живой советский человек, его отношение — это отношение всех советских людей, только оно не должно проявляться с той актерской красочностью, которая, в радиопередачах, непременно окажется назойливой, утомляющей и безвкусной. Эта-то неизбежная *сдержанность* диктора и принимается обычно за нехудожественность, за протокольность, за механичность.

Как это далеко от объективной действительности! Диктор в своей работе разрешает, подобно чтецу и актеру, целый ряд художественных «задач». Вспомним, как Левитан читает приказы. Разве он не нашел для этого особого художественного приема, неповторимого им же, Левитаном, в какой-нибудь статье или «последних известиях»?

Если диктор читает газетную передовицу, слушатель должен почувствовать, что это именно материал из газеты, что диктор этот материал «читает», — но уже другое дело при «обзоре» тех же газет. Если диктор передает «беседу», обращается к матерям, растолковывая им, как лучше воспитывать ребенка, или к садоводу, рассказывая ему, как удобрять растения, он прибегает к совершенно другому художественному приему: он «беседует», а не «читает»: живая разговорная речь лучше дойдет до той матери и того садовода, которым даются конкретные житейские советы.

А когда диктору приходится передавать сатирический фельетон или резко полемическую статью, разве здесь, при всей сдержанности, определяемой радиоспецификой, не проявляет он себя полноправным, законченным художником слова? Я уже не говорю о тех сравнительно редких случаях, когда диктору попадается непосредственно художественный материал — стихи, отрывки драмы и т[ому] п[одобное].

Итак, попробуем уяснить себе, какими качествами должен обладать диктор. Первое требование, как мы уже видели, должно быть адресовано к матери-природе: диктор должен иметь подходящий, радиофоничный голос. Затем у диктора должна быть чистая дикция. Ее, при начале специализации, не бывает почти ни у кого, как не бывает и правильно поставленного голоса. Спросите, товарищ радиослушатель, у Е.А. Юзвицкой, сколько труда и терпения тратит она на то,

чтобы из года в год исправлять, совершенствовать, тренировать и поддерживать голосовые и дикционные качества диктора.

Рядом с техникой «аппарата» существует и другая, внутренняя техника. Диктор должен уметь в нужный момент всегда мобилизовать себя, преодолевать усилием воли тяжесть ночной передачи, естественное утомление, он должен быть всегда свежим. Он должен воспитывать свои нервы в этой ответственнейшей работе перед микрофоном, связывающим его с миллионами людей на всем земном шаре. Диктор должен всегда быть «заинтересованным» содержанием передаваемого материала, если он даже ему не до конца доступен или скучно изложен.

Диктор, как и всякий иной артист, должен постоянно быть «в форме», какие бы личные радости или огорчения не врывались в его профессиональную работу. Иными словами, он должен обладать основными качествами актерской внутренней техники. Может быть, еще более, чем у актера, диктор должен обладать повышенным вниманием. Кроме всего прочего диктор обязан выработать в себе навык быстрого, иногда экспромтного освоения текста, так как случается, что текст попадает в руки диктора непосредственно перед посылом его в эфир.

А рядом с этим — другая ответственность: диктор — образец, блюститель и пропагандист чистоты родного *языка*. В этом направлении воспитательное значение дикторской работы огромно. Удивляешься только, что при такой распространенности радио и телевидения, в широкой массе радиослушателей по-прежнему продолжают бытовать, и в немалом количестве, грубые ошибки против русского языка. До чего же надо быть невнимательным к слову, чтобы всё еще говорить «мóлодежь», когда радио десять раз на дню твердит на весь мир «молодéжь»? Почему, когда диктор упорно говорит «приведенó», в народе сплошь да рядом слышишь чуждое русскому языку «привéдено»? А постоянно слышащееся «звóнит» вместо «звонúт» — неправильность, распространившаяся у нас, как эпидемия. Но справедливо говорится, что больного мало лечить, — он дожен еще уметь лечиться. Так и сфере языка: чтобы радиослушатель мог воспользоваться примером диктора, необходимо, чтобы он более внимательно прислушивался к их говору, если, конечно, он считает родной язык чем-то достойным внимания.

Нередко слышишь в адрес дикторов упреки именно в отношении орфоэпии, то есть правильного произношения слов. Немало писем с непродуманными, а иногда и прямо безграмотными претензиями получается на радио с разных концов страны, и самое обидное, что они иногда бывают подписаны преподавателями школ. А между тем контроль за орфоэпией поставлен на Радио весьма основательно. Основа была положена известным составителем толкового словаря Д.Н. Ушаковым, в настоящее время за этим следят проф[ессор] К.И. Былинский и другие специально этим занимающиеся квалифицированные товарищи. Орфоэпические ошибки дикторов регистрируются, чтобы они больше не повторялись. В пользовании дикторов находится обширная

орфоэпическая картотека, издан специальный, для внутреннего употребления, словарь.

Если школьная учительница с периферии, уверенная в своей глубокой грамотности, предъявляет дикторам такого центра, как Москва, совсем неосновательные требования, это происходит потому, что у нас почти никто не знаком с лабораторией дикторской работы. Лучше бы с уважением и признательностью вслушаться, *как* говорят дикторы, поучиться у них, как учатся у лучших театров и лучших чтецов.

Исполнитель, художник слова немыслим без качества *выразительности*. Если диктор применяет выразительные приемы сдержанно, в пределах своей специфики, то тем более он должен *уметь управлять* своей выразительностью, не позволять своему чувству переплескиваться через край и вместе с тем не впадать в протокольность. На радио проводятся из года в год систематические консультации по выразительности речи, и надо отдать справедливость, что даже самые наши опытные, высших категорий дикторы охотно посещают эти консультации, понимая, что в искусстве не может быть остановки, успокоенности, что при всей сдержанности дикторской выразительности диктор как художник всегда развивается, всегда «ищет».

Немалой ошибкой было бы также думать, что дикторы не имеют личных особенностей дарования, отличающих их друг от друга именно как артистов. Внимательный радиослушатель мог бы подметить, что, например, у Герцика есть особая романтическая нота, у Высоцкой — классическая ясность, у Отъясовой — сердечность, глубина…

Тут мы, пожалуй, подходим к главному: за художником стоит человек. Чем глубже вникает он в события и людей, чем горячее относится к явлениям жизни, чем, наконец, острее его мышление, тем качественнее будет его искусство. У диктора должен быть достаточно высокий уровень культуры, политической зрелости, осведомленности в разных областях, чтобы у него могли возникать обильные и быстрые ассоциации, столь необходимые для его работы у микрофона.

Поскольку дикторство является действительно *искусством*, в лице В.В. Всеволодова осуществляется *художественное* руководство дикторской группой ГУРИ.

Хочется высказать в заключение несколько пожеланий. Дикторская работа была бы на еще более высоком уровне, если бы она больше вдохновляла самих дикторов, а для этого надо, чтобы предоставляемый дикторам материал — я разумею, последние известия, обзоры, беседы и т[ому] п[одобное] — был также на соответствующем уровне. На деле мы видим, что дикторам приходится изо дня в день перемалывать однообразно составленные внутри радио материалы, бесцветные, стандартные, приучающие слушателя не вникать в их содержание.

Еще хотелось бы подсказать не только руководству ГУРИ, но и всей нашей общественности в целом, что к дикторству следует относиться как к искусству, и к дикторам — как к художникам слова. Если у них для широкой массы нет зримого, физического лица, то лицо художника у каждого из них обозначено явственно — подлинно артистическое, творческое лицо.

РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 176. Л. 22–28. Машинопись с авторской правкой.

Э.П. Гарин

О радиокомпозиции «Я сам»

[1957 г.]

— Я не понимаю Маяковского! — Очень часто слышалась эта фраза и при жизни поэта, да и теперь.

Читая его удивительную, точную, как лозунг, прозу, где он рассказывает о своем путешествии по Америке, мне пришла в голову мысль чередовать его прозу с его же стихами.

Мне казалось, что слушатель, не утруждая себя, сначала воспримет содержание, рассказанное поэтом прозой, а потом — то же, только положенное на музыку поэзии. Так родилась композиция «Мое открытие Америки».

Она имела успех у слушателей и толкнула меня на мысль усложнить этот прием: основываясь на автобиографии «Я сам» — пройти вместе с поэтом (автобиография) по времени и творчеству (стихи).

Задача в звучании по радио по линии постановочной усложнилась. Там, в «Моем открытии Америки» — механическое движение (пароход, поезд и т.д.) Здесь — движение внутреннее. Казалось, детские годы будут ассоциироваться с фортепьянными упражнениями (отсюда вся первая часть на фоне упражнений Черни); середина композиции — война, солдатские шаги (потом они будут особо осмысленны, когда подойдут к «150 000 000», — «Шаг миллионный печатай!») и звуки, ассоциативно вызывающие бытовые представления: звон буферов, свистки паровоза и т.д.

Образ автора складывался у меня и очень сложно и долго: я очень хорошо помню Маяковского в картине «Барышня и хулиган». Гимназистом будучи, я очень увлекался кино. Среди буржуазной салонной благополучной кинопродукции Маяковский запомнился как актер, несший другую, новую тему. Маяковский как актер мне очень нравился.

Потом, в провинции в 1918 году, его «Левый марш» — это была Марсельеза тогдашней молодежи.

Потом Москва, 21 год, — он живой, огромный, громкий. Когда нас, красноармейцев Первого самодеятельного театра Красной Армии Политуправления М.В.О., пригоняли в «театр РСФСР первый», где мы, полупонимая, изображая вещи, орали:

Вы нас собрали,
добыли,
лили.
А нас забрали,
закабалили.

Мы видели наполненного мощной энергией автора; и много лет спустя, в театре имени Вс. Мейерхольда на читке «Клопа», потом на репетициях — неистового автора, когда он работал, или читал, или показывал; и нежного, почти застенчивого, когда он отдыхал, курил, ходил по коридорам. Это, по нашим тогдашним представлениям о нем, было невероятно.

Очень запомнилось мне: дома у меня. Читал только что вышедшие его стихи о Париже Николай Эрдман. Эрдман читал проникновенно. Он раскрыл нового для меня Маяковского. Раскрыл огромный лиризм, показал новую для меня сторону таланта поэта.

Теперь, по прошествии не одного десятилетия со дня смерти поэта, как бы воссоздавая его, не располагая ни его голосом, ни его выразительностью, думаешь только об одном: о том предельном интеллектуальном и эмоциональном напряжении, в котором протекла жизнь поэта.

Вот вкратце, как работалась композиция «Я сам».

К творчеству Маяковского я обращался неоднократно. Так, в Ленинградском радиокомитете до войны поставил «Клопа», где играл Баяна, и в 1948 году там же — тоже «Клопа», где играл Присыпкина.

В Московском радиокомитете «Мое открытие Америки», «Париж» и к 40-й годовщине Великой Октябрьской революции — «Я сам».

РГАЛИ. Ф. 2979. Оп. 1. Д. 229. Л. 78–80. Рукопись.

Ю.М. Гальперин

Человек с микрофоном

Записки радиожурналиста

От автора

«Наш микрофон...» — как часто слышите вы, читатель, эту фразу, впрочем, в тот момент вы называетесь иначе — «радиослушатель». Итак, вы садитесь поближе к репродуктору, и чудесная сила радио переносит вас то на льдину, дрейфующую у Северного полюса, то поднимает на реактивном самолете в стратосферу или ведет под землю, где взрывы сокрушают вековые угольные пласты. Взволнованные сообщением, которое потрясло весь мир, вы с гордостью слушаете сигналы первого искусственного спутника Земли, посланного в космос, вместе со студентами попадаете на кремлевский новогодний бал, медленно, стараясь не пропустить ни слова из того, что рассказывает экскурсовод, проходите по квартире Владимира Ильича Ленина, затаив дыхание, слушаете бой часов в ленинском кабинете.

Может быть, незримо присутствуя на проводах первого комсомольского эшелона — первого отряда покорителей целины, вы твердо решили встать в ряды молодых патриотов.

Далеко не все из вас бывали в Москве, но каждый слышал по радио перезвон кремлевских курантов, четкий шаг участников военных парадов, ликующий голос демонстрантов, что приходят на Красную площадь в дни всенародных торжеств.

С помощью человека с микрофоном, не покидая дома, вы путешествовали по Волго-Дону, плыли с визитом дружбы к английским берегам, бывали на грандиозных митингах в Пекине и Дели, Праге и Джакарте, Берлине и Рангуне в честь прибытия посланцев Страны Советов.

Сколько прекрасных людей — скромных тружеников и прославленных героев — входили и входят в наш дом, чтобы рассказать о

своих делах, поделиться планами, мечтами. И знакомит вас с ними человек с микрофоном...

Новая профессия

Главный редактор «Последних известий», внимательно выслушав мой рассказ о более чем скромной журналистской деятельности юнкора и военкора, снова взглянул в анкету, и я понял, что во всем виновата графа «профессия». Там стояло слово, теперь смущавшее меня самого — «летчик».

— Да, — наконец промолвил редактор, перенеся взгляд на мой военный костюм. — Так вы, значит, летали, главным образом?

Редактор был человеком проницательным, и мне оставалось только кивком головы подтвердить правильность его выводов.

— Люди нам нужны, но... что же делать с вами, куда можно вас определить? — Глаза редактора снова опустились к анкете.

К нашей беседе внимательно прислушивался полный мужчина с широким открытым лбом и необычайно пышной золотистой шевелюрой.

— Послушайте, — вдруг обратился он ко мне, — у нас организован отдел внестудийных передач, передач с места события. Мы ведем репортажи с заводов, новостроек, колхозных полей, из театров, концертных залов, с праздников, одним словом, всюду, где происходит важное, интересное событие, должен быть наш микрофон. Голос у вас как будто приличный, освоите репортажи, приобретете новую журналистскую профессию.

— Попробуем? — обратился он к редактору.

— Что ж, попробуем.

Мое согласие последовало незамедлительно.

Через несколько дней, уже в звании разъездного корреспондента, я с волнением входил в редакцию. В комнате, занимаемой внестудийщиками, стоял шум. Человек пять мужчин разного возраста, сгрудившись вокруг стола золотоволосого, оказавшегося ответственным редактором отдела, о чем-то отчаянно спорили. На меня никто не обратил внимания.

— Выступающего нужно зарезать! — гремел высоченный, атлетически сложенный мужчина с выразительным крупным лицом и седеющими русыми кудрями.

— И заику надо резать, сделать из него человека, — поддержал кто-то атлета.

Почему эти шумные, но в общем, очень симпатичные люди собирались резать какого-то выступающего и несчастного заику, из которого нужно сделать человека, я, конечно, понять не мог. И хотя мне было известно, как распространяются радиоволны и даже кто изобрел радио, все это, по-видимому, не имело ничего общего с предстоящей работой.

Когда страшные приговоры были «судилищем» утверждены, а одному из присутствующих велели «зарубить кадры», я с еще большим ужасом осознал ничтожность собственных познаний.

Наконец меня заметили, познакомили с новыми товарищами, а красивый седеющий мужчина, оказавшийся писателем Иваном Рахилло, радушно предложил в ближайшие дни поехать с ним на репортаж.

Как это делается

Из беседы с ответственным редактором я узнал, что репортаж — это маленькое драматургическое произведение.

— В идеале, конечно, — оговорился он.

В репортаже должны быть сюжет, интересный поворот, интрига, кульминация, что-то еще и действующие лица — выступающие. Кроме того, репортаж отличают документальность и звуковая иллюстрация. После ознакомления с объектом репортажа, нужно написать текст. Корреспондент должен быть глазами радиослушателя, а для этого образно, популярно описывать окружающую обстановку, предметы, о которых идет речь, и умело выбирать для иллюстрации характерные шумы. Когда текст репортажа одобрен, можно ехать на запись.

Сразу оговорюсь, что «разговорам по бумажкам» на радио уже давно объявлена война, но в то время из-за отсутствия опыта, обоюдной робости радиожурналистов и тех, с кем они встречались, предварительные тексты отшлифовывались вплоть до незначительных реплик. Исключение составляли только спортивные передачи, которые мастерски вел Вадим Синявский.

Итак, выслушав общие принципы построения и подготовки текста репортажа, я был приставлен в качестве ассистента к режиссеру, готовившему очередной номер журнала «Новости недели». Это были самые первые номера, журнал только еще рождался.

В аппаратной стояли большие магнитофоны, записывающие человеческую речь, музыку на узенькую магнитную пленку. Пленка эта легко режется, склеивается, долго хранится, и на одной и той же ленте можно делать бесконечное количество записей, стоит только, пропустив ее мимо магнита, «стереть» старую.

Попав впервые в аппаратную, я увидел как оператор вырезал из пленки заикания в речи археолога. После вырезок археолог говорил спокойно и даже красиво. Вот, оказывается, как «делают человека!».

За окошком, прорезанным в одной из стен, — студия. Ее стены обшиты фанерными щитами со множеством отверстий для поглощения эхо, на полу — ковры. На гладком полированном столике — два микрофона, пульт с разноцветными сигнальными лампочками, рычажок, включающий микрофон. Как только его включают, над дверью загорается звуковое табло: «Тишина — идет передача».

Во время осмотра студии в нее зашел один из моих новых товарищей. Усевшись за дикторский столик, он предложил мне соседний стул и стал по-дружески расспрашивать о первых впечатлениях, рассказал несколько смешных случаев из репортерской жизни.

Мне очень хотелось закрепить приятельские отношения и, так как мы были в студии одни, я тоже припомнил несколько юмористических историй.

Оказывается, я хороший рассказчик — мой собеседник хохотал, что называется, до слез. Не переставая смеяться, он предложил вернуться в аппаратную. Здесь уже были редактор, режиссер и несколько корреспондентов. Но что это? Кто-то очень громко, голосом, отличным от моего, слово в слово повторял рассказанные мною истории...

Недоумение, столь явственно написанное на моем лице, было встречено гомерическим хохотом.

— Простите за шутку, но ведь это же ваш голос, он записан на пленку, — пояснил коварный собеседник.

— Мой голос?!

— Ваш, ваш...

— Но он же совсем не похож...

— Очень похож. Вот послушайте, чей теперь будет, — и он, остановив один аппарат, запустил другой. Я без труда узнал голос Рахилло.

Оказывается, свой голос человек слышит иначе, чем окружающие.

Когда веселье утихло, один из репортеров ушел в студию, а режиссер сел к пульту со множеством рукояток.

— Запись! — скомандовал режиссер. Оператор нажал кнопку на аппарате.

Музыка, первый ролик! Начали вращаться диски второго магнитофона. И вдруг тихо-тихо, откуда-то издалека зазвучала песня. Режиссер, плавно поворачивая рукоятку, постепенно усиливал звучание. Сигнал в студию, и на фоне музыки раздался голос репортера: «Эту новую песню сложили сибирские хлеборобы...»

Прозвучал еще куплет песни, и снова она стала уплывать куда-то вдаль, а на смену ей появилась задорная танцевальная музыка...

Корреспондент, сидевший в студии, только на днях вернулся из Сибири. Среди других материалов он привез записи, сделанные на вечере колхозной самодеятельности. С помощью такого монтажа, когда рассказ журналиста подтверждается несколькими отрывочками из лучших номеров, и получился короткий пятиминутный репортаж. Мне он показался великолепным, но редактор и присутствовавшие товарищи отнеслись довольно спокойно к появлению еще одного шедевра.

Всю ночь вместе с редактором и режиссером я провел в аппаратной. Записывали дикторов, читавших на музыке обложку и оглавление журнала, вновь и вновь слушали, отшлифовывали репортажи, удаляя из них все лишнее, неудавшееся, сокращали не в меру длинные речи, для чего приходилось резать пленку, а отсюда и термин — «резать выступающего».

На рассвете аппаратную вызвал Ташкент. По телефонным проводам наш корреспондент передал репортаж о только что закончившемся слете хлопкоробов.

Утром журнал «Новости недели» был готов. Его слушало сначала одно, потом другое, более высокое, начальство. После каждого прослушивания снова возвращались в аппаратную, чтобы вносить поправки, чистить, резать, клеить.

Воскресным вечером журнал пошел в эфир. В течение тридцати минут, разделенные ударами гонга, звучали репортажи, присланные в Москву поездами, самолетами, записанные по проводам из самых дальних мест. Конечно, большинство радиослушателей и не подозревало, сколько труда, волнений стоила коллективу эта получасовая передача.

Многое в те первые послевоенные годы было еще наивно, неумело, порой неинтересно, но уже тогда были в активе радио непередаваемо

волнующие репортажи времен Отечественной войны, не раз была пролита кровь военными корреспондентами и звукооператорами, случалось, что несколько минут звучания в эфире оплачивались человеческой жизнью.

Дяденька, погуди

Вместе с Рахилло я еду, чтобы впервые посмотреть, как записывается репортаж. Два оператора укладывают в автобус несколько громоздких черных ящиков — звукозаписывающий аппарат «Престо».

Как только машина трогается, начинаю расспрашивать операторов.

— Работает «Престо» от электрической сети, — охотно объясняет старший, — записывает на специальные круглые пластинки — тонфоли. Звуковая дорожка наносится иглой, потом можно и на патефоне прослушивать.

— Удобный аппарат?

— Нет, не очень. Больно велик. Правда, звучание дает отличное, но если уж ошибся — тонфоль испорчен, не сотрешь, как магнитку. Раньше еще хуже было, ездили с шоринофонами, они на кинопленку записывали, выцарапывали на ней.

— Скажите, — продолжаю я любопытствовать, — а таких, как в студиях, нет магнитофонов для выезда?

— Появляются. Мы получили несколько комплектов полевых магнитофонов Р-23. Удобная вещь — можно записывать даже там, где нет электричества, от аккумулятора работает.

— Маленький?

— Да как сказать, несколько ящиков, аккумулятор, всего килограммов на полтораста. Приходите к нам в цех звукозаписи, покажем.

В руках у Рахилло два отпечатанных на машинке листочка — текст предстоящего репортажа. Мы едем в железнодорожное депо, чтобы рассказать о работе бригады Героя Социалистического Труда машиниста Панина.

Вот и депо. Пока операторы готовятся к записи, корреспондент репетирует вместе с Паниным и его помощниками. Машинист предлагает вставить в свой рассказ еще несколько «важных» показателей работы паровозной бригады.

— Да ведь тут и так уже много цифр, — говорит корреспондент, — вполне достаточно.

— Нет, надо еще показать увеличение коэффициента полезного действия, экономию смазочных материалов и пробег в тонно-километрах, — настаивает собеседник.

После долгих разговоров к имеющимся в изобилии цифрам прибавляется еще всего лишь две. Мне текст кажется бесподобным по серьезности и глубине освещения вопроса.

— Вот что, — обращается ко мне Рахилло, — пока мы тут еще почитаем вслух, запишите на путях шумы станции, хороший гудок паровоза.

Обрадованный таким высоким доверием, выхожу из депо и, взяв микрофон, перебираюсь через пути. За мной тонкой, черной змейкой тянется шланг, соединяющий микрофон со звукозаписывающим аппаратом.

Никак не могу выбрать место для записи, все кажется, что слишком мало шума. Но вот, натужно пыхтя, приближается маневровый паровоз.

— Включите мотор, — я кричу очень громко, опасаясь, что из-за шума меня могут не услышать даже через микрофон.

Паровоз уже совсем близко, но почему-то он идет, не подавая гудков, которые мне приказано записать. Машинист, спокойно выглядывающий из окна своей будки, видимо, и не собирается украсить репортаж «голосом» своего паровоза.

Закрыв ладонью микрофон, чтобы не выдать «секрета» своей работы, я что есть голоса ору:

— Дяденька, погуди, погуди, — и для пояснения своей просьбы отчаянно размахиваю микрофоном. Вчерашний офицер, я даже не замечаю нелепости обращения «дяденька». Но это слово, вероятно, вырвалось не случайно — в новой роли я чувствовал себя абсолютным мальчишкой.

Вняв моим красноречивым мольбам, машинист нырнул в будку, и воздух огласил раскатистый паровозный гудок.

В этот момент за моей спиной простучал колесами длинный состав товарняка и даже при всей неопытности я понял, что запись шумов удалась на славу.

— Стоп, достаточно, — весело командую операторам

— Ну, как запись, все хорошо? — кричу, подбегая к автобусу.

Но почему так свирепо смотрит на меня старший оператор, почему откровенно хохочет другой? Не понимаю, что же случилось?

— Где ваш микрофон, — спрашивает сердитый и тут же начинает смеяться, — ми... ми... микро... — не может он выговорить от смеха.

— Как где? Вот он! — И я протягиваю ему микрофон.

— Шла... Шланг... — заливаются операторы.

— Вот шланг, — отдав микрофон, перебираю, подтягиваю шланг. Но что это? По пыльной земле сиротливо тянется всего лишь коротенький хвостик.

И вдруг мне становится понятным: «Поезд!» Ну конечно, поезд, который за моей спиной так чудесно перестукивал колесами, этими же колесами перерезал шланг.

— Ну ладно, не огорчайтесь, — утешают меня, вдоволь нахохотавшиеся операторы.

— Попросите в депо кусочек изоляционной ленты, сейчас все сделаем, срастим шланг.

К сожалению, мои испытания еще не кончились. Появился Рахилло и, отсмеявшись положенное, спросил:

— Ну, а хоть что-нибудь там записалось?

— Сейчас послушаем, — ответил оператор.

Завращался диск с лежавшей на нем пластинкой, и из динамика послышались шумы станции. Вот приближается, отдуваясь и пофыркивая паровоз и... на все депо раздается душераздирающий крик:

— Дяденька, погуди, погуди!!!

Чтобы не быть многословным, скажу — смеялись надо мной, правда, по-дружески, долго, очень долго — месяц, а то и два. Что же каса-

ется репортажа, то он был преспокойно записан, даже дважды (слишком волновался перед микрофоном помощник машиниста и первый раз прочел слова, которые должен был говорить кочегар), вновь были записаны шумы, а радиослушатели даже не подозревали о моем позоре...

Гуси подсказывают

Мог ли я думать, что обыкновенный жареный гусь... Впрочем, все по порядку.

Перед отъездом с Люторического гидроразреза мы с оператором были приглашены на обед к начальнику. По тому трудному, «карточному» времени, да еще после трехдневного знакомства со скудными возможностями местной чайной это приглашение, сделанное просто, от души, было как нельзя кстати.

В небольшой, очень скромной, уютной квартирке, несмотря на осеннюю грязь, ни единой соринки на вымытом и выскобленном полу, все блещет чистотой.

Чревоугодные мысли о домашнем обеде привели нас чуть раньше, и дома была лишь хозяйка, хлопотавшая у плиты в чистенькой, свежепобеленной кухонке.

Приветливая, жизнерадостная женщина, она, продолжая свои хлопоты, развлекала нас разговором: делилась местными новостями, высказывала меткие наблюдения, шутила.

Вдруг у меня мелькнула мысль незаметно записать на пленку наш разговор и затем, когда все соберутся за столом, продемонстрировать столь необычный «репортаж».

Сделать это было тем более просто, что наша аппаратура после окончания работы хранилась тут же.

Отозвав оператора в коридор, я посвятил его в свой «коварный» замысел и уже через несколько минут входил на кухню с микрофоном, спрятанным в рукаве пиджака.

— Мне даже неловко, — обращаясь к хозяйке, начинаю «провоцировать» разговор, — мы доставили вам столько хлопот...

— Что вы, что вы, так приятно побеседовать со свежими людьми, гостям у нас всегда рады. А что до хлопот, так мы домашние хозяйки — бездельницы. На службу не ходим, уголь не добываем, что наше дело? Утром встать, семью покормить, потом посуду помыть, печки протопить, прибрать, в лавку сходить, да обед сготовить, подать, убрать, постирать, чаек накрыть, ужин сготовить, да еще от нечего делать поштопать, пошить что-нибудь. А когда совсем, значит, безделье одолеет — полы помоешь, кухню побелишь. Где нам до вас — мужчин...

Разговаривая, она не переставала улыбаться, а ее проворные руки сновали над кастрюлями, ныряли в духовку, резали тугие соленые огурчики, перетирали посуду.

Из духовки появился большой, подрумяненный гусь, задравший ножки на сверкающем жиром противне.

— Какой красавец! — не выдержал я.

— Значит, любите гуся! — обрадовалась хозяйка.

— Лучшего украшения для стола и не придумать. Царское блюдо!

— А хотите я открою вам тайну, только чур, никому... Идите сюда, — и хозяйка поманила меня к окну, выходившему во двор.

До этого момента я стоял у порога и шланг, соединявший микрофон с аппаратом, был скрыт за дверью. Все кончено, испугался я: сейчас она увидит шланг, и на пороге тайны оборвется так необычно начавшийся репортаж. Но рискнем, и я, стараясь прятать тонкую черную змейку шланга за спиной решительно шагнул в кухню.

Мне повезло, увлеченная разговором хозяйка ничего не заметила.

— Смотрите, видите дальний сарайчик?

— Какой, где гуси?

— Вот именно гуси. Это ж мои гуси!

— Конечно, совсем неплохо иметь своих гусей, да еще таких откормленных, но причем тут тайна?

— Понимаете, — перешла на шепот хозяйка, — муж не разрешает держать гусей. Говорит: неудобно как-то, гуси, куры, ты еще корову захочешь, а что рабочие про нас скажут? Не чудак ли?

— Не понимаю, — искренне согласился я, — что ж тут плохого? Наоборот, сейчас даже в Москве все сажают огороды, а тут сам бог велел хозяйством заниматься.

— Верно, верно. Мы с женщинами так и делаем. В общем, сказала-то я своему бюрократу, что послушалась, а сама гусей перевела к соседке — жене экскаваторщика...

В тоне хозяйки, во всем, что она говорила, сквозило явное уважение к скромности мужа и вместе с тем добрая ирония над его житейской непрактичностью и, конечно, удовлетворение невинным обманом.

Но вот-вот должен был появиться сам хозяин. Боясь разоблачения, я под благовидным предлогом выскользнул из кухни.

— Здорово! — шепнул мне оператор, едва сдерживавший душивший его смех. — Но как давать, не было бы скандала, еще поссорим хозяев?

— Ладно, поглядим по обстановке.

...Хозяин дома пришел не один, а с несколькими друзьями. Обед удался на славу. Все, и прежде всего хозяин, за обе щеки уплетали «купленного по случаю гуся», был провозглашен тост за кулинарное мастерство хозяйки, не обошлось без тостов и за гостей.

Отношения между супругами и их друзьями были настолько приятельскими, простыми, что мне показалось возможным рискнуть.

— Товарищи, у нас есть тут одна любопытная запись, — обращаюсь к сидящим за столом, — хотите послушать?

— Конечно, — дружно соглашаются гости и хозяева. И вот на всю комнату раздается:

— Мне даже неловко, мы доставили вам столько хлопот...

— Что вы, что вы...

В первое мгновение воцаряется молчание, люди растерянно смотрят то друг на друга, то на хозяйку, словно не веря своим ушам...

Лицо хозяйки заливает краска — она поражена, конечно, она же впервые слышит свой голос и потом: каким образом повторяется наш, без свидетелей, разговор?

...мы, домашние хозяйки — бездельницы. На службу не ходим, уголь не добываем...

Взрыв веселого смеха покрывает эти слова. Хохочет хозяин, хохочут гости...

— Тише, братцы, дайте послушать...

И снова взрывы смеха. Вместе со всеми уже от души хохочет хозяйка. Вдруг она всплескивает руками и выбегает из комнаты. «Механический предатель» раскрывает ее гусиную эпопею.

Тут происходит нечто невообразимое: хохот становится гомерическим, у людей на глазах выступают слезы. В дверях робко появляются хозяйка, и муж, ласково обняв ее за плечи, не в силах выговорить ни слова, только машет рукой: «Ладно, пусть будут гуси».

Такого успеха я никак не ожидал.

Нас расспрашивают, как удалось сделать такую запись, рассматривают магнитофон и наконец требуют повторить все сначала.

Но пора отправляться к поезду. Мы расстаемся наилучшими друзьями. Хозяйка благодарит за неожиданное решение гусиной проблемы, а я неотвязно думаю о том, что подсказали гуси. Радио требует живой, непосредственной речи.

Не попытаться ли?

Тетя Маша

В первые годы работы чаще всего мне доводилось вести репортажи на производственные темы. Что греха таить, не избежал я в них пресловутых вопросов: «Как вы этого добились, в чем секрет ваших успехов?», добросовестно интересовался процентами выполнения сменных и прочих норм. Как правило, репортаж был щедро озвучен лязгом металла, скрежетом станков или другим не менее «выразительным» шумом. Корреспондент и выступающие добросовестно писали тексты и в меру своих способностей читали их по бумажке, стараясь добиться разговорных интонаций.

Надо полагать, что такие «творения» в большинстве своем доставляли удовольствие разве что самим выступающим, их родственникам, да неумелому автору, упоенному новой профессией.

Задуматься над всем этим мне помогла встреча с чудесным человеком — тетей Машей.

На одном из старейших текстильных предприятий страны — комбинате «Трехгорная мануфактура» или, как называют его москвичи, «Трехгорка» — была награждена орденами большая группа ветеранов. Мне предстояло побеседовать с инструктором ткацкой фабрики Марией Петровной Тюриковой, награжденной орденом Ленина.

В огромном и страшно шумном ткацком цехе мне показали высокую полную женщину в темном ситцевом платье и черном фартуке, посеребренном мельчайшими ворсинками пряжи. Из-под косынки выбилась не то седеющая, не то побеленная все теми же вьющимися в воздухе ворсинками, прядь волос.

— Тетя Маша! Тетя Маша! — кричала, стараясь покрыть шум, молоденькая девчушка, растерянно глядевшая на свой остановившийся станок.

Но вряд ли тетя Маша, как уважительно и любовно звали на комбинате Марию Петровну, могла услышать в этом шуме тоненький девичий голосок, и все же она шла именно к этому остановившемуся станку, шла спокойно, по-хозяйски оглядывая свой участок. Короткий кивок головой, теплый лучистый взгляд из-под широких, вразлет, бровей еще издали успокоили юную ткачиху.

Вот тетя Маша склонилась над остановившимся станком, быстро замелькали крепкие, оголенные по локоть руки, ее движения повторила девушка, и снова забегал в сложном переплете натянутых нитей кудесник-челнок.

Вытерев кистью руки вспотевший лоб, молодая ткачиха благодарно посмотрела на тетю Машу. Из-за шума я не мог расслышать, о чем они говорили, но вся эта немая сцена показалась мне олицетворением чудесной силы мастерства и становления человека, постигающего радость труда.

— Здравствуйте, тетя Маша, — неожиданно для себя прокричал я и, смутившись, тут же поправился, — простите, Мария Петровна...

Мы вышли из цеха. Тетя Маша, внимательно выслушав мою просьбу, развела руками:

— Не знаю, милый, как тебе и помочь, ведь выступать-то я не умею.

— Ничего, ничего, — успокаивал я ее, — побеседуем, вы расскажете о себе, потом вместе напишем небольшой текст...

— Смотри, тебе видней, только не мастерица я на эти дела.

Вдруг мне вспомнилась история с гусями. «Надо попробовать» — подумал я, но как сделать, чтобы микрофон не смущал мою собеседницу? Решил пойти на маленькую хитрость.

Для записи мы выбрали помещение парткома. Кстати сказать, выбор помещения часто сопровождается довольно комичными манипуляциями звукооператора, повергающими в изумление людей, не причастных к таинствам звукозаписи.

— Ого-го-го-го! — вдруг громко выкрикивает оператор, осматривая предлагаемую комнату, затем несколько раз хлопает в ладоши.

— Реверберация! — изрекает он приговор и требует другое помещение. Сие ученое слово означает, что комната гулкая, при записи голоса будут гудеть, как в трубе, и все испортит эхо.

Наша аппаратура была поставлена в коридоре, чтобы не был слышен шум мотора магнитофона.

Обычно перед началом записи выступающему полагается почитать для пробы. Оператор определяет, как звучит голос, нормально ли стоит микрофон или его нужно передвинуть, повернуть, поднять, опустить.

— Слушай, — шепчу я оператору, на минутку выбежав в коридор, — никакой пробы делать не будем, текста не будет, а ты сразу запиши весь наш разговор, как выйдет. Ладно?

—Ладно, попробуем, только что получится...

Я возвращаюсь в партком, усаживаюсь напротив тети Маши, небрежно ставлю перед ней микрофон.

— Мария Петровна, вы на эту штуку не обращайте внимание, расскажите о себе, о своей жизни, а мой товарищ, оператор, пока настроит свою аппаратуру.

Хитрость удалась. Тетя Маша положила на колени скрещенные руки, слегка задумалась и...

— С чего ж начать? Не знаю. Беспамятлива я очень. Послушаю стариков, и все-то они помнят...

Тут тетя Маша довольно лукаво улыбнулась и продолжала:

— Сама я деревенская, из самых что ни на есть бедняков. Восемнадцать человек мать родила, а выжило десять. Да... не теперешнее время, поди, вырасти их тогда. Как десять–двенадцать лет — косу на плечи и в поле, либо бороновать: отец засиживаться не давал. Чуть я подросла и стала ходить к помещику Засецкому, потом к Фонвизину на поденщину. За 10–15 копеек с четырех утра до полвосьмого вечера, вот какой денек-то был.

В 1906 году, как девятнадцать сравнялось, присватал меня ткач Иван Тюриков и увез в село Спас-Коркадин, там и служил на фабрике у немца Альберта Альбертовича.

Обучил меня муж делу, поставил на станок ткачихой. Трудно было. Все жили ведь, как в деревенском хозяйстве заведено. На фабрике наломаешься, а потом еще в поле, и снова работаешь. Да и со свекром не ладили, все скандалили. Больно он попов да царя любил, а муж, значит, за свободу. Потихоньку от свекра ходили с ночи в рощу май с рабочими встречать. Ну, как невмоготу стало, решил муж в Москву ехать. Поступил он на Трехгорку и меня выписал. Сперва пугалась я в Москве, плакала. Определили нас на житье в казармы, к семейству одному. Комнатка метров, поди, четырнадцать от силы, а в ней девять душ. Вот клоповники были. Ничего не сообразишь чистоту навести — тесно больно.

Не сразу я на Трехгорку попала. Ходили-ходили, просили-просили, мастера умасливали, подношенья муж делал, и только через год взяли, в четырнадцатом, значит, году. Да ведь и то мне легче других — специальность имела. А так, кто выпросит у мастера принять родственника или девчонку какую на работу, тот и учить сам должен. Ему ничего и ученику ничего, ни копейки, а мастеру надо аккуратно полбутылки, да еще чего. Разве как сейчас — школы да стипендия, все условия? Нынче молодежь и не знает, а то еще и не верит, как было, а надо бы знать да уважать за все счастье советскую власть. Ведь как иначе сказать, именно счастье теперь молодым, полное уважение рабочему человеку.

Да... так вот взяли меня. Жили мы так: в полчетвертого встанешь на работу. Одежду всю с вечера приготовишь, в ноги положишь и тут же на кровати срядишься — не повернуться иначе.

Соседи, правда, хорошие были.

Работали по 12 часов. С утра поработаешь — перерыв, и вечером снова на фабрику. По нынешнему, считай, две смены. Если оштрафуют за брак раза два–три, смотришь: к Пасхе — деньги в паспорт и разочтут. Иди куда хочешь. Теперь ведь вызовут, посмотрят, поищут виновника, разберутся — есть защита у рабочего. А тогда? Еще какой мастер попадется. Был у нас Фуфаев. Зверюга. И облает тебя и штрафом замучит. А вот ночной мастер, Яков Яковлевич — душевный че-

ловек. Умаешься другой раз, ну и задремлешь у станка. Подойдет он, легонько по лбу стукнет, и снова работаешь. Понимал нашу трудность — не штрафовал, с сочувствием относился. Заработки тоже были не ахти какие. Муж рублей двадцать, я как женщина меньше получала, хоть и на такой же работе.

Вот так день отработаешь, вечером на кухне засядем языком болтать. Делать-то больше нечего. Золовкин муж, он в солдатах служил, раз повел нас на Сретенку, в театр. Интересно, но где там ходить — дорого. По воскресеньям одно удовольствие — в чайную. Целой партией соберемся — и к Воронцову. Мужчины пьют, курят, ничего от дыма не видно. Ну, посидим, опять же языки почешем, граммофон послушаем, и вся тут культура.

Ближе к революции стали и мы помаленьку политикой интересоваться. Там, где сейчас новые дома, свалки были, и на них митинги проводили. Мы с одной женщиной как-то на митинг к анархистам бегали, только не подошло это нам.

Когда узнали, что да кто, голосовали за пятый номер — за большевиков.

Ну, а уж после революции совсем жизнь переменилась. Хоть и трудности были большие, зато уж ты полноправный человек, нет над тобой хозяина — сам хозяин. Пусть хлеба не хватало, от одной радости жить хотелось, работать.

...Помню первый раз приехал на Трехгорку Ильич, так рабочие на руках его несли. Говорил он с нами просто, откровенно, все объяснит, расскажет, так ты готов не знаю что сделать, лишь бы помочь советской власти.

Считалось, что женщины с Трехгорки самые активные, и нас Надежда Константиновна Крупская к общественной работе привлекала: детские сады организовывали, проверяли, как дети устроены.

— Будьте настойчивы, требовательны, никого не стесняйтесь, — учила нас Надежда Константиновна, — это вы не для себя, для детей делаете.

Мы с мужем дома мало бывали — все общественные дела. Кто первый придет домой — ставит самоварчик и ждет другого: один не пьет. Сойдемся, рассказываем, кто какое дело выполнял, где был.

Давали нам задания и у Землячки, и по МОПРу, муж по заводам ездил. Он в партию по ленинскому призыву пошел и меня подготовил — в тридцатом вступила.

Так вот и живем. Работаем, сами подросли, фабрику не узнать. Бывало товар руками скатывали, утóк таскали, теперь все под руки подвезут. Техника большая пришла, люди грамотные, заработки хорошие, премии, благодарности за труд, а теперь вот и орден Ленина, видимо ли это раньше!

Мария Петровна улыбнулась, посмотрела на меня, на микрофон.

— Вот и все я тебе по-простому рассказала, а по этой вот штуке, милок, я ничего и не сумею.

— Спасибо, большое спасибо, тетя Маша, вы уже все замечательно рассказали, — и я, извинившись, раскрыл свой секрет.

— Вот это женщина! — только и сказал оператор, взволнованный не меньше меня рассказом старой ткачихи...

Советское радио и телевидение. 1958. № 6. С. 15–21.

Р.Н. Симонов

Внимание! Говорят радиослушатели!

Пора создать свою, оригинальную радиодраматургию. Привлечь к этой ответственной работе талантливых писателей нашей страны и стран народной демократии.

Необходимо популяризировать творчество наших лучших современных поэтов и русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Маяковского. Такие передачи помогут обогатить язык многотысячной армии участников художественной самодеятельности и всех радиослушателей.

И.Э. Грабарь[69]

В мире прекрасного можно найти целую плеяду зодчих, скульпторов, художников, о которых по радио почти не говорят. Где передачи о Левитане, Васнецове, Крамском, Айвазовском, Сурикове, Серове, Поленове, Репине, Мухиной, Кукрыниксах, о школе палешан, об удивительном искусстве тончайших мастеров хохломской росписи?

Я уверен, что радиослушателей интересуют передачи и о мастерах керамики, резьбы по кости и дереву.

Специальные передачи могут быть посвящены художественным вузам, школам и училищам. В передачах об искусстве должно быть больше внутренней культуры, не следует заигрывать простотой. Нужно пропагандировать по радио книги, посвященные изобразительному искусству.

Давно не было передач о музеях и художественных галереях страны. Не слышно передач о художниках и скульпторах, живущих в краях, областях и республиках.

Н.К. Черкасов[70]

Не представляю жизнь без радио. Хочу отметить актуально-важные передачи по внешнеполитическим вопросам. С огромным удовольствием слушаю передачи, посвященные спорту. Они делаются изобретательно, талантливо.

Меня радуют детские передачи. Они разнообразны, в них чувствуется вкус.

О журнале «Веселый спутник» говорилось много. Добавлю, что в исполнении некоторых артистов чувствуется какая-то торопливость, скомканность, скороговорка при чтении текста.

К сожалению, в последнее время почти не слышно передач, посвященных мастерам театра, кино, цирка.

А как хочется зачастую нам, художникам старшего поколения, «отвести душу», поделиться с радиослушателями своими радостями и горестями.

Необходимо создать оригинальную радиодраматургию. Может быть, следовало бы ввести специальный факультет в Литературном институте имени Горького, который готовил бы драматургов на радио и телевидение.

Д.Ф. Ойстрах[71]

В музыкальных фонотеках Всесоюзного радио имеется необычайно ценное собрание шедевров. Но почему-то они редко исполняются по радио. Забыты симфонии Шуберта, оперы Вагнера, Пуччини.

Недавно я был в Париже. По французским радиостанциям из Большого театра передавалась опера Мусоргского «Борис Годунов». Пели Огнивцев и Архипова. Мое сердце наполнилось гордостью за русскую культуру, за советское исполнительское искусство.

И тем более бывает обидно, когда по радио передается пошловатая музыка и пустенькие эстрадные песенки.

Мне кажется, что работникам радио не хватает смелости, инициативы, темперамента в поисках нового, интересного.

Несколько слов о радиоуниверситете культуры. Нельзя уложить в одну передачу рассказ о творческом пути Пушкина или Толстого, Мусоргского или Глинки. Каждая такая передача должна иметь определенный цикл. Только тогда радиослушатели получат глубокие знания и цель университета будет достигнута.

Советская культура. 1960 г. 19 апреля. С. 2.

М.А. Ульянов[72]

Твой собеседник — микрофон

Из всех актерских работ я больше всего люблю радио. Что-то в этом есть изящное, светлое. А если материал классический или просто хороший, то работать на радио одно наслаждение.

Тихая, светлая студия, ты наедине с микрофоном, который связывает тебя с миллионами слушателей и который точнехонько передаст им все — и правду и фальшь, вот уж где друг твой истинный и неподкупный. Ты можешь сделать бесчисленное количество вариантов, пока добьешься наиболее правильного, лучшего — не надо грима, не надо учить текст наизусть (что с годами становится проблемой). Вы втроем — режиссер, звукооператор да ты — можете рассказать и показать (да, да, показать, я не оговорился) весь мир, все чувства, всю неохватность света.

А какие голоса звучали и звучат в эфире — В.И. Качалов, М.М. Яншин, Д.Н. Орлов, Б.Г. Добронравов, М.Ф. Астангов, М.И. Бабанова, О.Н. Абдулов! И много кого еще можно вспомнить.

Сейчас работают, и работают прекрасно И. Смоктуновский, А. Баталов, В. Невинный.

Высокопрофессиональные талантливые режиссеры, такие, как Р. Иоффе, Н. Литвинов, М. Турчанович, Б. Дубинин, Э. Верник, создали там сложнейшие, интереснейшие произведения.

Целые поколения воспитывались на радиопередачах, и даже вездесущий убийца времени — телевизор не убил прелести и аристократизма радио, сколько прекрасных минут пережили слушатели, внимая великой музыке или великой литературе. И притом радио богаче по возможностям и краскам, чем кинематограф, телевидение и театр.

— Не может этого быть, — скажет скептик-зритель, — у театра декорации, свет, в конце концов актер во плоти и крови.

— В кино же возможности вообще неограниченны; море, горы, бури, страны — всем оно владеет, то же самое — у телевидения: любая часть света может быть показана. Актера можно поместить в реальнейшие условия. Разве можно эти необъятные возможности сравнивать со скупыми средствами радио, где только голос, шумы да музыка, и все разве можно сравнивать? — закричит победительно телезритель.

Да, спорить о возможностях кино, телевидения не стоит. И все-таки радио богаче и разнообразнее. Чем? — Фантазией слушателя. Его внутренним видением, которому ничто не мешает — ни актер, ни плохо снятый пейзаж.

Когда, предположим, зритель смотрит в театре или в кино «Мертвые души», то при всем многообразии впечатлений он может почувствовать себя неуютно: и город не таков, какой ему представлялся, и Чичиков не такой, каким виделся при чтении поэмы. И начинается невидимая, но жестокая борьба зрителя с режиссером и актером иногда, но это случается чрезвычайно редко: исполнителю удается убедить тебя, уважаемый зритель, что город N был именно таким, каким его показали, и Чичиков похож на твое о нем представление. Но гораздо чаще ты остаешься при своем мнении, выключаешь раздраженно телевизор и не хочешь смотреть на то, что не совпадает с твоим видением, и это твое право.

Конечно, момент совпадения или расхождения в восприятии наиболее сложен, когда речь идет о классике, но даже если это современное или не слишком известное произведение, все равно восприятие идет прежде всего через актера, его пластику, его обаяние, его мастерство, и все равно здесь есть долгий момент привыкания и взаимной борьбы.

На радио же живет только голос, который направляет фантазию слушателя, и тому ничто не мешает — ни грим, ни декорация, ни пластический ряд. И дальше идет удивительное слияние голоса исполнителя и видения слушателя.

Если голос говорит тебе: «Он был не то чтобы толст, но и не так чтобы и тонок» — то ты видишь внутренним глазом именно такого Чичикова, какого себе представляешь. И нет разницы между услышанным и воображаемым: фантазия слушателя необъятна, безгранична.

Читая «Тихий дон», я, в сущности, сыграл триста шестьдесят пять персонажей. Ну, мыслимо ли это на театре или на телевидении? Нет. А на радио мыслимо, потому что мы создавали эти бесчисленные характеры вместе со слушателем. Я ведь, по сути, не играл, а только намекал на них. А уж воображение слушателя дорисовывало остальное.

Короче, хоть это и может показаться парадоксальным, но радио по своим выразительным средствам богаче, чем телевидение и кино, не говоря уже о театре.

Возможно, далеко не все разделят мою точку зрения, но я пришел к этому выводу, исходя из многолетнего опыта работы, и очень ценю всякую возможность что-либо там сделать.

А начал я в далекие пятидесятые годы, будучи актером по второму или третьему году работы в театре Вахтангова. Как-то однажды меня пригласили участвовать в передаче по стихам Маяковского, которую режиссировал знаменитый Осип Наумович Абдулов, в те годы он царил на радио, записывал свои известнейшие передачи, такие, как «Кола Брюньон» или «Дон Кихот».

И тогда записи велись на телеграфе, там была студия, которой бесконечно мешала картофелемойка. Не то выше, не то ниже этажом находилась столовая телеграфа, и как только начинали мыть картошку в механической мойке, так все записи прекращались, и тем не менее в этой студии было создано много превосходнейших передач, много. В те годы в основном работали там и еще иногда на площади Пушкина, за нынешним кинотеатром «Россия».

Так вот, туда меня впервые пригласили, насколько я помню, по рекомендации Марины Александровны Турчанович, которая до этого как-то слушала группу молодых актеров на предмет возможной их работы на радио. И я тогда был почему-то отобран в ряд таких претендентов...

Насколько я помню, в работе участвовал тогда Михаил Федорович Астангов, еще кто-то из известных, крупных мастеров, и я среди них, конечно, был, как желтый цыпленок, ничего у меня не получалось. Я отлично помню раздраженные, даже злые глаза Осипа Наумовича, которые смотрели на меня через два стекла, отделяющие пульт от комнаты, где я мучился, потому что не мог уцепить того, что от меня требовалось: наверное, ему было жалко времени, которое он терял на меня.

Так или иначе, это была моя, пожалуй, самая первая запись на радио.

Опыт работы, как и любой другой опыт, приходит с годами, но к тому же, чтобы его приобрести, необходимо, как мне кажется, постичь микрофон: этот черный или серый железный коробчатый или продолговатый предмет кажется бездушным, но на самом деле он фокусирует на себе внимание миллионов будущих слушателей, и вот тут-то и выясняется, что актер настолько опытен и мастеровит, насколько ему удается найти интимный, душевный, сердечный и человеческий контакт с этой железкой, потому что — и в этом нет никакой мистики — только в этом случае ты можешь наладить контакт с будущей аудиторией. Если же ты относишься к микрофону как к бездушному воспроизводителю твоего голоса, ничего толкового у тебя никогда не получится, это я знаю по своему, большому уже, опыту. Но прийти к ощущению, что микрофон — твой друг, твой собеседник, твой лучший слушатель, самый внимательный, самый добрый и самый понимающий тебя, прийти к этому нелегко, не сразу это дается.

У меня было много работ на радио; среди них были проходные, чаще всего не оставались они в памяти ни моей, ни тем паче слушателей, но был ряд работ, имеющих для меня, для моего творческого пути как бы этапное значение.

Некоторые работы давались мне необычайно тяжело, сложно, но тем не менее я их помню и, надеюсь, слушатели тоже помнят.

Одна из первых моих работ, которые принято считать удачными, — рассказ К. Паустовского «Снег», записанный под руководством Марины Александровны Турчанович, которой я бесконечно благодарен и которую я бесконечно люблю: многое она для меня сделала в моей радиожизни...

Паустовский, один из тончайших, лиричнейших писателей.

Я думаю, что это был мой первый более или менее услышанный радиоголос. Это, пожалуй, была первая работа, которая принесла мне и какое-то удовольствие и ощущение радиожития, может быть, потому, что сам по себе рассказ очарователен и душист; может быть, потому, что моя неумелость и моя какая-то нетронутость, что ли, «радийная» совпали с его чистотой, но вместе с совершенно замечательной музыкой Рахманинова, вплетенной в эту передачу, все это создавало какое-то необычайное, прозрачно-грустное и лирически-нежное настроение, и сейчас иногда передают эту запись, она не утеряла своих особенностей.

Работал я много с Александром Петровичем Шиповым, он был одним из старых режиссеров, очень дотошным, и добивался точнейшего выполнения своих просьб, своего видения. И вот однажды мы с ним работали над замечательным рассказом «Полевой суд» Скитальца, рассказ какой-то очень русский, можно даже сказать, очень яростный рассказ о том, как крестьяне судятся с помещиком за землю, и полевой суд решает дело в пользу помещика, и тут же на глазах у всей деревни зачинщиков секут. Рассказ напомнил мне времена Стеньки Разина: Волга, поволжские села. Что-то в этом есть, ну, как всегда у Скитальца: широкое, раздольное, гулкое.

Я это произведение понимал как-то по-своему, каким-то своим внутренним чутьем ощущал, а Александр Петрович меня все время поправлял, мы трижды переписывали сию работу, и тем не менее она у нас не получалась: что-то во мне было зажато, мне не хватало дыхания, я пел чужим голосом, голос у меня был еще не окрепший, еще колебался, к тому же давила очень жесткая режиссерская воля, я совсем терял всякое естество, всякую истинность звучания. Наконец я заявил: «Александр Петрович, разрешите, я запишу так, как я это чувствую. А вы вольны потом это пустить или не пустить в эфир или даже взять другого актера». Шипов согласился, и в эфир рассказ вышел именно в таком виде, как я записал.

Я это рассказываю не для того, чтобы доказать, что я был прав, что я был умнее, — отнюдь нет. Речь идет о том, что в любой работе, а в работе на радио особенно, важно иметь какое-то свое, личное, глубокое желание исполнить именно этот рассказ, именно это произведение, потому что такое желание придает голосу особое звучание, какую-

то глубину и объемность. Если ты читаешь о том, что тебе неинтересно, возникает одно звучание. А если ты рассказываешь о таком, что тебе кажется необычайно важным и существенным, и тебе хочется, чтобы об этом услышали другие, — такой рассказ приобретает какое-то объемное, что ли, звучание.

Была у меня еще одна работа с режиссером, которому я тоже бесконечно благодарен, это Татьяна Александровна Заборовская. Вместе с незабвенным Евгением Урбанским мы записывали спектакль по американскому сценарию «Скованные одной цепью»...

Работа была трудная, надо было в процессе этих встреч у микрофона создать полнокровные образы.

Что греха таить, частенько актеры приходят на запись не очень подготовленными, и в этой связи мне хочется рассказать одну историю, которая меня пронзила на всю жизнь, и я ее помню сейчас так отчетливо, как будто это было вчера. Я чуть отвлекусь.

Я снимался в картине «Екатерина Воронина», роль бабушки играла Вера Николаевна Пашенная, героиню — Людмила Хитяева. Снимали мы в Горьком, на откосе, из Заволжья дул страшно сильный холодный ветер. Актеры нервничали, боялись простудиться. Многие все время убегали в конторку греться, и только одна Вера Николаевна Пашенная стояла непоколебимо. Ей говорили (она была в группе самой пожилой и, конечно, самой знаменитой, самой уважаемой актрисой): «Вера Николаевна, пожалуйста, идите погрейтесь». «Нет, — говорила она, — я нужна съемке, я нужна кадру, я готова работать».

А ведь снимали проходной, малозначительный эпизод, и, в общем-то, присутствие ее в кадре было не столь уж существенно.

Прошли годы, однажды меня пригласили в радиопередачу, в которой участвовала Пашенная.

Ну, как обычно проходит работа? Вручают текст, считывают его по первому разу, режиссер приблизительно-приблизительно, очень приблизительно говорит, что нужно сделать, какие задачи он ставит перед собой, перед актерами, и люди расходятся по домам, некоторые отмечают ударения, некоторые там раза два прочтут, а некоторые приходят, вообще не заглянув в текст, и начинают с ходу что-то лепить и мастерить.

Вот так же проходила и эта работа: мы так же собрались, поговорили, потом разошлись и через четыре или там пять дней, уже не помню точно, собрались все вместе... И я с каким-то непониманием и трепетом вдруг увидел, что Вера Николаевна Пашенная почти весь свой текст знает наизусть — она, которая была так занята; она, которая вела курс в училище, очень много играла в Малом театре, занималась серьезно общественной работой! И именно у нее текст был выучен!

На всю жизнь запомнил я это святое отношение к своему делу, которое старики часто нам демонстрировали.

Так вот, о работе с Урбанским. Два человека, негр и белый, скованные друг с другом, бегут из тюрьмы и вынуждены все время быть рядом, их отношения, изменение этих отношений — суть, сюжет произведения. Сначала они яростно ненавидят друг друга, но потом, постепенно, приходят к взаимопониманию и даже, если хотите, к брат-

ской любви. Урбанский записывал негра, я — белого, работа шла медленно и мучительно, но было в ней что-то очень для меня интересное, и я до сих пор помню могучего человека рядом с собой, взволнованную Татьяну Александровну за стеклами пульта и то, как мы старались найти все крепнущую связь между героями пьесы. Наверное, она возникла и между нами тремя тоже.

Я здесь не собираюсь давать оценки радиоработам, я только вспоминаю те из них, которые чем-то остались в памяти. Либо удачей, либо пронзительностью, либо каким-то уроком, либо интересной встречей.

Последние годы я на радио работаю много и упорно...

М.А. Ульянов. Работаю актером. М., 1987. С. 364–371.

Н. Бажин[73]

Радио, келейность и жизнь

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» партия указала на исключительно важную роль радио и телевидения в пропаганде идей марксизма-ленинизма, в мобилизации масс на борьбу за осуществление семилетнего плана развития народного хозяйства, в воспитании нового человека коммунистического общества.

В последующих постановлениях Центральный Комитет потребовал создать творческую обстановку в радиокомитетах, обеспечить активное участие в их работе широких кругов общественности.

Выполняя эти указания, Ленинградский обком партии принял решение об улучшении работы местного радио и телевидения. В Смольном состоялось совещание представителей общественности, посвященное расширению связей Ленинградского комитета по радиовещанию и телевидению с общественными и творческими организациями города. Свежий ветер подул внутри комитета после того, как при всех редакциях были созданы общественные редколлегии, во многих случаях — по отдельным разделам вещания. Усилившаяся связь редакций с жизнью сразу же сказалась в эфире: зазвучали новые темы, появились новые авторы и новые формы, встретившие одобрение радиослушателей. Стало расти количество писем-откликов.

Перемены к лучшему становились все заметнее. В апреле на страницах газеты «Советская культура» с полным основанием прозвучал упрек: «Всероссийское театральное общество не подозревает о развитии и успехах советского радиотеатра». А спустя два месяца Ленинградское отделение ВТО организовало (совместно с Институтом театра, музыки и кинематографии и редакцией литературно-драматического вещания) первое обсуждение радиоспектакля «За тюремной стеной». На примере этой пьесы Юрия Германа завязался большой разговор о конкретных путях пропаганды произведений советской драматургии по радио. На этом обсуждении представители ВТО обязались постоянно возвращаться к проблемам радиотеатра.

Можно многое рассказать о благотворных переменах, которые произошли в нашей работе. Многое изменилось за минувшие месяцы. Многое, но не все...

Медленно, например, поворачиваются лицом к радиовещанию некоторые печатные органы...

Надо добиваться, чтобы проблемы радиовещания елико возможно чаще и разностороннее освещались в печати. Найдутся и авторы, владеющие «тайнами» радиоискусства. А главное — вопрос о том, что и как давать миллионам радиослушателей, народу, будет решаться не узковедомственным путем, не келейно, а с участием действительно широких кругов общественности.

Конечно, наибольшие трудности возникают при создании радиопроизведений на боевые темы современности. Здесь особенно необходима атмосфера горячей заинтересованности и подлинно творческого содружества! Увы! Это не всегда так бывает при прохождении передач по нашим комитетским каналам. Не возьмусь описать споры, предшествовавшие появлению в эфире радиопостановки по роману В. Тендрякова «Чудотворная». Правда, все пришло к оптимистическому концу. «Чудотворная» зазвучала во всесоюзном эфире и раз, и два; радиослушатели шлют в редакцию взволнованные письма, на ежегодном конкурсе радиопередач создатели постановки удостоились диплома второй степени.

Все хорошо, что хорошо кончается. Однако не слишком ли много энергии уходит у нас на преодоление «осторожности» отдельных любителей безбрежного покоя? Несколько месяцев подряд, с весны, из плана трансляции из Ленинграда по первой программе центрального радио изымалась постановка по повести А. Рекемчука «Время летних отпусков». «Основанием» для изъятия служит ссылка на неудачу... телепостановки по этой повести. Зато успех радиопостановки у ленинградских слушателей не принимается во внимание.

Нет сомнения, что рекомендованное партией расширение связей радиоредакций с широкими кругами общественности сделает борьбу за современную тему в радиовещании более активной и действенной. Привычка замыкаться внутри ведомства так велика, что на ежегодном всесоюзном конкурсе радиопередач работники центрального радио присуждают дипломы первой степени самим себе!..

Настоятельно необходим, на наш взгляд, центр по собиранию опыта радиоработников всей страны...

Нельзя мириться с таким положением, когда возможно, например, следующее. Группа редакторов в Ленинграде бьется над созданием радиопьесы без ведущего, т.е. со звуковыми декорациями без пояснительного текста (этот жанр, как показала постановка радиопьесы «Дуэль», пользуется огромным успехом у слушателей). Только случайно выяснилось, что аналогичные поиски и эксперименты еще шире ведутся в Таллине. Совершенно понятно, что эти усилия надо было объединить. Работу должна была возглавить главная редакция литературно-драматического вещания (Москва). Не тут-то было! Максимально, на что оказались способны те, кому надлежит обобщать

опыт, — это опубликование в журнале «Советское радио и телевидение» обработанной стенограммы развернувшейся вокруг «Дуэли» полемики и решения о присуждении ей диплома второй степени. Это максимум, но он — малая частица в решении сегодняшней проблемы радиовещания социалистического реализма...

Нельзя двигаться вперед, не научившись собирать золотые крупицы опыта всей армии радиоработников страны...

Изучение ряда важных проблем радиовещания поставлено кустарно, из рук вон плохо. Не ведется никакой серьезной работы по учету слушателей определенных передач, определенного временного пояса, дня недели. Сколько слушало такую-то передачу? Миллионы! А нельзя ли поточнее, потому что подсчет на глазок помогает серым и нудным передачам занимать полноправное место рядом с подлинным радиотворчеством.

Опросы можно было бы периодически устраивать по радио; газеты и журналы могли бы иногда рассылать специальную анкету...

Советская культура. 1960. 17 декабря. С. 2.

И.Л. Андроников[74]

Мыслить публично, мыслить вслух

Что отличает репортаж, звучащий в эфире, от репортажа, напечатанного в газете? Думаю, что этим отличием является устность речи, ее разговорный характер. Ибо законы письменной речи и устной речи совершенно различны.

Постараюсь пояснить на примерах. Если человек выйдет на любовное свидание и прочтет своей любимой объяснение по бумажке, она его засмеет. Между тем эта же записка, посланная по почте, может ее растрогать. Если учитель читает по бумажке текст своего урока — всем ясно: это не педагог. Если агитатор заглядывает все время в шпаргалку — он не агитатор. Если человек в суде начнет давать свидетельские показания по бумажке — этим показаниям никто не поверит. Между тем скучная лекция может оказаться очень содержательной, если ее напечатать. И выяснится, что она была скучная потому только, что в ней письменная речь заменила живую речь.

В чем тут дело? Дело, мне кажется, в том, что заранее написанный текст является посредником между людьми только тогда, когда между ними невозможно живое общение. Тогда текст — представитель автора. Но если автор здесь, перед вами, написанный текст — помеха в общении. Ибо письмо — условная речь, неадекватная живой речи.

Прочитанный текст или заученный наизусть — это не тот текст, который рождается непосредственно в процессе беседы, одновременно с мыслью.

Я не хочу этим сказать, что живая речь отменяет речь письменную. Роман, доклад, обильно насыщенный цифрами, телеграмму, документ государственной важности не надо рассказывать — их надо читать.

Что делает устную речь такой не похожей на письменную? Прежде всего интонация, которая дает возможность безгранично расширять смысловые оттенки речи. Больше того, интонацией можно придать слову прямо обратный смысл.

В устной речи то, как человек сказал, превращается в то, что человек сказал. Расстановка слов в устной речи дает возможность делать смысловые ударения на любом взятом из фразы слове, и в этом отношении конструкции фраз в разговорной речи более свободны, чем в письменной. А мимика, жест, пауза, смех! Все это бесконечно расширяет выразительные средства устного слова!

Устная речь всегда представляет собой кратчайший способ выражения мысли в данной обстановке. Даже в тех случаях, когда слушатели не сидят перед вами, а подразумеваются (как по радио или телевидению).

Однако для того, чтобы говорить на публику, необходимо обладать очень важным качеством — умением мыслить публично. Это непросто. Когда человек говорит перед большой аудиторией, он волнуется, а чтобы точно выражать свои мысли, ему нужно владеть собой. Нужно уметь рождать мысли здесь же, а не приносить их в заранее сформулированном и заготовленном виде. Это очень важное свойство, которым, к сожалению, владеют далеко не многие.

Писатель Алексей Югов говорил здесь, что в речи Никиты Сергеевича Хрущева проявляется все богатство нашего языка. Я бы добавил, что в речи Н.С. Хрущева необычайно ярко проявляется умение мыслить публично и при этом строить свою устную речь так организованно и так четко, что его стенограммы почти без правки ложатся на газетный лист. Выступления Никиты Сергеевича представляют образец убедительной, очень естественной живой речи.

Часто бывает так: человек выступает перед аудиторией, говорит без бумажки, но контакта нет, нет веры в то, о чем он говорит. Почему? Потому, что он заготовил письменный текст, заучил или постарался запомнить его и воспроизводит то, что он записал у себя дома. Речь идет уже не об умении мыслить в аудитории, а о том, чтобы не забыть заготовленное. По образному выражению одного ленинградского музыковеда, такой организатор замечателен тем, что он как бы забивает шпаргалку между лобной костью и серым веществом мозга, после чего лицо его принимает обращенное во внутрь себя выражение.

Лет 10 назад можно было прийти в телестудию, дать тезисы, план выступления, рассказать редактору, чем ты будешь делиться с аудиторией, и вам говорили: «Ваше время такое-то». Теперь же, когда мы все больше осознаем достоинства устной речи и устной речью хотим заменить написанные доклады, на телевидении условия ухудшились — говорят: «Дайте написанный текст». А когда дашь написанный текст, говорят: «Придерживайтесь этого текста!» И вот приходится вспоминать. Я был недавно в жалком положении. Обращаясь к аудитории, я сказал: «Товарищи, я хотел бы с вами кое о чем посоветоваться» — и... забыл точные и уже написанные слова. А посмотреть в шпаргалку — провалить все выступление. На мой взгляд, произнесение написанного текста противоречит самой природе телевидения.

Между прочим, эта проблема совершенно не решена и в другом смысле. Каждый, кто впервые выступает по телевидению, мучается без аудитории. Что мешает посадить перед ним несколько человек, которым он и будет адресовать свое выступление? Говорят: «Вдруг они засмеются или кашлянут, а их не показывали?» Это абсолютно неправильно.

Хочу коснуться вопроса, который на первый взгляд покажется не связанным с репортажем.

Не так давно студия телевидения устроила конкурс на замещение вакансий дикторов. Приходили молодые люди, их спрашивали, что они выучили, они читали кусочек прозы, басню или стихи. Их просили встать: оценивали рост, фигуру, походку. Но вот когда к ним обращались и спрашивали, что их привело в студию телевидения, выяснилось, что они не умеют связать двух слов. А между тем умение говорить — это прямое дело каждого диктора. Диктор на студии — фигура важная: он представляет советское телевидение и должен быть прежде всего интеллектуальным представителем своей страны, должен владеть речью.

Кроме того, мне думается, мы должны были бы загружать дикторов не по рабочим дням, а по жанрам. Человеку, который читает «Последние известия» не стоит комментировать представление цирка, а тот, кто ведет передачу из театра оперетты, не обязан комментировать симфонические произведения. Нужно выработать дикторские амплуа.

У меня небольшой репортажный опыт: мне пришлось вести репортажи из квартиры Алексея Николаевича Толстого и Алексея Максимовича Горького, я участвовал в репортаже с Красной площади. И думаю, что предметом репортажа может быть не только событие. Важно, чтобы то, о чем вы ведете репортаж, было интересно и чтобы с каждым новым поворотом темы раскрывались бы ее новые стороны.

Как готовить репортеров для радио и телевидения? В последние годы жизни К.С. Станиславский, репетируя с актерами пьесу, мечтал о том, чтобы они не знали, какая из четырех стен комнаты откроется и где будет зрительный зал. Он мечтал о том, чтобы актеры не приспосабливались к публике, а жили бы своей жизнью.

Вот и репортеров нужно готовить так, чтобы во время репетиции они не знали, включен или выключен микрофон, включена или выключена камера.

Для того чтобы научиться говорить перед камерой, не видя аудитории, нужно научиться ее представлять себе, а это возможно только в том случае, если вы ее знаете. На мой взгляд, радио- и телерепортеры должны выступать с рассказами и репортажами сначала в небольшой аудитории, потом в многолюдной, и тогда они, уже не видя слушателей, будут великолепно справляться со своей, очень нелегкой, но благородной работой.

Советское радио и телевидение. 1961. № 3. С. 9.

В. Феоктистов[75]

Так ли надо готовить радиожурналистов?
(Письмо в редакцию)

Некоторые, вероятно, помнят такой случай. Шел всесоюзный семинар по радиорепортажу на радио и телевидении. Его участники слушали доклад заместителя председателя Госкомитета В.И. Чернышева. И вдруг зал зааплодировал. Докладчик высказал мысль о том, что пришло время поставить вопрос о создании института радиожурналистики.

Эта единодушная поддержка вполне понятна. Подготовка творческих работников радио и телевидения, действительно, поставлена очень плохо. До сравнительно недавнего времени ею никто не занимался. Но вот уже два года на факультете журналистики Московского университета работает кафедра радиовещания и телевидения. Первые ее воспитанники уже пришли на телестудии страны, 14 (!) будущих радиожурналистов получат дипломы в следующем году.

Я не случайно подчеркнул цифру 14. Да, первых специально подготовленных для радио работников с высшим образованием будет четырнадцать, если не меньше. Кафедра еще очень молода, она пока может выпускать ежегодно лишь по одной радио- или телевизионной группе в 10–15 человек. Пройдет время, и при хорошей постановке дела радиовещание сможет ежегодно получать не единицы, а десятки высококвалифицированных работников.

Но уже сейчас на некоторые вопросы профессиональной подготовки радиожурналистов следует обратить внимание.

Из чего она складывается?

Профилирующей дисциплиной на новой кафедре является «Теория и практика советского радиовещания». Студенты изучают партийные и государственные документы о радио, главные этапы развития советского радиовещания, основные жанры и формы передач, структуру и методы работы Госкомитета и его отделов. На этих же занятиях разбираются материалы, подготовленные студентами на производственной практике.

Нам также были прочитаны спецкурсы «Техника радиовещания», «Вещание на зарубежные страны», «Радиорепортаж» и «Радиоочерк».

Кроме того, в минувшем учебном году студентам вместо традиционных курсовых работ-исследований предложили самостоятельно подготовить радиоочерк, причем подготовить так, чтобы он обязательно прошел в эфир.

Вот, собственно, и все, что должно, по мнению руководителей факультета, сделать из нас радиожурналистов.

Достаточно ли этого? Думаю, что нет. Может быть, к кафедре пока и нельзя предъявлять больших претензий. Дело новое. Нет учебников, программ, преподавателей, все только устраивается. В этих условиях большую помощь мог бы оказать Госкомитет, весь его творческий коллектив. К сожалению, эта помощь пока еще очень мала. Мы редко видим у себя ведущих радиожурналистов. Правда, мы встречались с Ю. Гальпериным и Л. Маграчевым, но, вероятно, сами они положа руку на сердце признаются, что наши встречи носили чуточку иной

характер, чем хотелось бы. Такие беседы могли состояться на вечере «Кем быть?», но только не на встрече с будущими радиожурналистами. В беседах не было главного — профессиональности...

Несколько слов о преподавателях. Ими, без сомнения, должны быть крупнейшие радиоработники. Только в этом случае преподаватель, читая теоретический курс, не превратится в ученого педанта от радиожурналистики, а будет жить повседневной жизнью советского радиовещания. О том, насколько плодотворным может быть такое совместительство, говорит преподавательская работа Б.М. Хессина и В.Н. Ружникова.

Но это, к сожалению, единичные примеры. Кафедра радиовещания и телевидения оторвана от Госкомитета. Может быть, поэтому студенты — редкие гости на радио. В самом деле, чем объяснить то обстоятельство, что люди, через несколько месяцев получающие дипломы радиожурналистов, редко заходят на Пятницкую и вообще не бывают на улице Качалова?

В значительной степени, на мой взгляд, это объясняется тем холодом и равнодушием, который нередко встречают студенты на радио. Расскажу лишь об одном случае.

Произошел он в декабре прошлого года. Автор этих строк вместе с другим студентом факультета журналистики готовил по просьбе Одесского радиокомитета новогоднюю литературную передачу, в которой участвовали многие известные писатели-одесситы, живущие в Москве. О том, что мы работали над этой передачей, знали заведующий кафедрой, преподаватели факультета и чуть ли не все студенты. Многие завидовали нам, завидовали тому, что мы, студенты, записали И.Г. Эренбурга, беседовали с К.Г. Паустовским, брали интервью у В.М. Инбер и С.И. Кирсанова — короче, не только авторы, но и почти весь коллектив факультета заранее гордились передачей и искренне хотели, чтобы она получилась хорошей.

И вот, когда передача была уже начитана, отмонтирована, сведена и оставалось только оформить ее музыкально, стало известно, что режиссер, который по просьбе заведующего нашей кафедрой согласился помочь нам, заболел. За три дня до Нового года! Представьте, что делалось в это время на пятом этаже Госкомитета. Мы в отчаянии метались по коридору, заглядывали в одну аппаратную, в другую — безрезультатно. Режиссеров и без нас буквально разрывали на части.

Наконец кто-то посоветовал нам обратиться к Н., режиссеру опытному и, кстати, относительно свободному в тот день. С какой надеждой сбежали мы на третий этаж! Но вот уж верно сказано: прежде чем лезть в воду, попробуй — не кипяток ли это.

Н. не попросил у нас текста передачи, не послушал записи, не поинтересовался даже замыслом — нет, он не сделал этого. Первая фраза, которую мы услышали от него после того, как изложили просьбу, была:

— А тыща будет?

— Будет, будет! — в один голос заверили мы.

— А где гарантии?

И тут только до нас дошел смысл происходящего. Собственно, гарантий-то никаких мы и не могли дать. С Пятницкой возвращались мрачные.

А передача? Передача все-таки состоялась. Одесситы услышали ее точно в назначенное время, в канун нового 1961 года...

Не знаю, стоит ли комментировать эту историю. Такие случаи, видимо, редки. Но как много значат они для завтрашних работников радио!

Черствость, глухое равнодушие к судьбе будущих радиожурналистов должны беспощадно изгоняться из редакций.

Некоторые работники радио чересчур уж часто любят повторять ставшую банальной истину: радиожурналистике научиться невозможно, нужна «искра божия», «изюминка». Согласен. Нужны призвание, талант, необходима профессиональная пригодность для работы на радио.

А если все-таки эта «искра божия» есть? Ее ведь надо раздувать. Но разве может она вспыхнуть ярким творческим пламенем под леденящими порывами равнодушия? Сильный ветер только для мощного пламени — пища, а крохотная искорка любит осторожное, чуть заметное дуновение...

Далее. С первых дней пребывания на факультете одновременно с чтением теоретического курса целесообразно закрепить студентов для практической работы за отделами и редакциями Госкомитета. Практической работой каждого студента в редакциях должен руководить опытный журналист, хорошо знающий задачи параллельно читаемого на факультете теоретического курса и, естественно, заинтересованный в творческом росте своего воспитанника.

Возможен и другой вариант. Может быть, есть смысл при каком-нибудь из отделов, скажем при молодежном, создать из студентов-старшекурсников внештатную редакцию, которая имела бы свой план, свой отрезок в сетке, место для работы — короче, была бы полноправным членом творческого коллектива Госкомитета...

Несколько слов о производственной практике. Вряд ли верно то, что студенты проходят первую практику на Центральном радио, а последующие — в крупнейших местных комитетах. При этом порядке вне поля зрения студента остается такое важное звено в системе советского радиовещания, как областные комитеты и редакции с вещанием в 2–4 часа. Думается, целесообразным был бы такой порядок: областная редакция (комитет) с вещанием 1–4 часа — комитет с вещанием до 12–16 часов — Центральное радио. При таком порядке студент к моменту окончания университета достаточно хорошо будет знать структуру нашего радиовещания, возможности и методы работы местных комитетов...

Может показаться, что все это слишком категорично, что автор предлагает невыполнимые, непосильные вещи. Но иначе нельзя. Не литературные работники радиовещания, а радиожурналисты широкого творческого диапазона должны выходить из стен МГУ.

Все сказанное выше — лишь письмо в редакцию. Предложения и рекомендации этого письма нас уже не коснутся. Через несколько ме-

сяцев мы получим диплом радиожурналистов. Полноценными ли будут эти дипломы? Нет. Мы многого не взяли из того, что могли бы получить. И не потому, что не хотели. Просто мы были первыми, а первому всегда труднее. Зато ему лучше видны кочки, препятствия, встречающиеся на пути. И он предупреждает о них тех, кто идет следом. Такую примерно задачу — предупредить о препятствиях, встретившихся нам, и найти пути их устранения — и ставил перед собой автор. Кафедра радиовещания и телевидения МГУ вступает в третий год своего существования, и наступила, видимо, пора начать серьезный разговор о подготовке работников радио.

Советское радио и телевидение. 1961. № 6. С. 32–33.

Г.А. Товстоногов[76]

Мой дебют в эфире

Однажды в моей квартире зазвонил телефон. Говорили из литературно-драматической редакции Ленинградского радио. Мне предлагали взяться за постановку пьесы О. Берггольц «Верность».

Признаюсь, я решился на это не сразу. Причины были разные. Во-первых, на радио до сих пор я ничего не ставил. Запись на пленку своего готового театрального спектакля была для меня всегда, по-существу, работой вторичной: ведь в этом случае все главное и решающее в выразительных средствах постановки уже было найдено раньше, и в студии шел лишь процесс приспособления этого найденного к микрофону. А теперь мне предстояло с самого начала ставить спектакль в радиостудии вместо привычной и дорогой моему сердцу театральной сцены. Впрочем, в неизведанности есть своя заманчивость.

Труднее было другое. Я знал: у пьесы О. Берггольц не простая судьба. Написанная по горячим следам Великой Отечественной войны, она долгие годы не могла найти дороги на сцену, оставаясь лишь явлением литературы, пьесой для чтения. Несколько ленинградских театров в разное время подступались к ней издали, но тем дело и кончилось. А между тем, когда после телефонного разговора с редакцией я взял в руки книжку и стал вчитываться в уже полузабытый текст, я убедился — пьеса живет! Она ничуть не устарела. Больше того, как это ни странно, мне показалось, что сегодня она звучит даже современнее, чем раньше. Принято говорить: «Большое видится на расстоянии». Историческая закономерность была в том, что накануне двадцатилетия со дня начала Великой Отечественной войны мы все заново оглядывались на военные годы, как бы заново открывали самих себя, осмысливали время. И вот, перечитывая поэму-трагедию «Верность», я с особенной ясностью увидел в ней это большое — героичность времени и судьбы народа, весь высокий душевный строй пьесы. Мне показалось: она, как литой из чистой меди колокол, гудит и зовет «во дни торжеств и бед народных» — не забывайте, люди! А с газетных страниц, из зарубежных сообщений уже ощутимо тянуло порохом новой войны, и я просто не мог отложить эту пьесу в сторону.

Итак, решено — ставлю. Считаю своим гражданским долгом поставить. Но как? Это было еще далеко не решено.

Ведь не случайно театры отступились от пьесы О. Берггольц. Уж очень она необычная. Эта поэма-трагедия — словно величественный памятник Победе, изваянный из мраморного монолита — она возвышенна. В ней перемежаются проза и романтически приподнятый стих, при этом значительная доля стихов — от автора. Характеры, события — все укрупнено, лишено деталей быта. Публицистика — открытая, широкого дыхания. Начавшись сразу с высокого трагедийного напряжения, звенящей ноты, пьеса остается такой до самого конца, нигде не сбиваясь с раз взятого тона. Короче говоря, автор был настолько своеобразен, что все привычные представления о «военном спектакле» здесь рушились. Стиль автора требовал совершенно особенного стиля постановки.

Вот тут и начались мои поиски.

Я убежден, что подлинная свобода режиссера заключается не в том, с какой он страстью и богатством воображения ломает планшет сцены, устраивает световые или водяные фантасмагории, всовывает в спектакль кино, симфонический оркестр, вращает круги, тратит километры мануфактуры, тонны арматурного железа и кубометры пиломатериалов. Границы нашего воображения установлены автором, и переход их должен караться как измена и вероломство по отношению к нему. Найти единственно верный, самый точный, на одну, только на одну эту самую пьесу, условный прием — высокая и самая трудная обязанность режиссера.

Да, теперь я как-то особенно ясно ощутил, что это — трудная обязанность. Признаюсь, я начал втайне тосковать о... кругах и километрах мануфактуры. Мое режиссерское воображение привычно подсовывало мне зрительное решение спектакля, а ведь по условиям задачи его-то я и был лишен. Надо было полностью заменить зрительный образ слуховым, приучить себя мыслить только на звуковом языке радио. Из всех выразительных средств, казалось бы, оставалось только слово. А между тем в театре для меня чаще бывает дороже молчание актера, чем его речь. Потому что в хорошо подготовленной сценической паузе продолжается особенно напряженной внутренняя жизнь героя, движутся его мысли, чувства. «Говорящее молчание» я считаю одним из признаков современности в режиссерском и актерском искусстве. Сценическая пауза активизирует фантазию зрителя, побуждает его к сотворчеству. Но в театре зритель видит. А вслепую долгое молчание актера у микрофона будет означать для слушателя всего лишь обрыв передачи. Как «говорить молча» в эфире?

И вот тут возникла мысль об особом применении музыки. Она разрубила для меня гордиев узел всех противоречий. Вместе с режиссером Р. Агамирзяном (он же подготовил монтаж пьесы для радио), редактором В. Черновой и музыкальным редактором А. Гордон мы решили насытить спектакль музыкой. Она должна была заменить сценические паузы, неся в себе поток мыслей и чувств героев; восполнить отсутствие всего того, что связано со зрительным образом — ми-

зансцены, декорации, свет; и самое главное, она призвана была сообщить всему спектаклю высокий эмоциональный настрой.

Что создание именно такого высокого настроя насущно необходимо, подтвердила одна репетиция, еще за столом. В пьесе есть сцена: чудом спасшийся Андрей Морозов спрашивает жену о судьбе своих товарищей, оставленных в подполье. И слышит в ответ: «Он вчера повешен. — Убит. — Прямое попадание». Ответная реплика Андрея: «О, господи!» Е. Копелян, артист несколько иронического склада ума, произнес эту реплику так, что высокая трагедия обернулась вдруг нагромождением ужасов, этаким «театром гиньоль» — и все участники репетиции расхохотались. Было над чем призадуматься режиссеру. Становилось ясно, что даже одна неверно взятая интонация может погубить все дело.

И вот тут на помощь действительно пришла музыка. Композитор Н. Червинский создал великолепную музыкальную драматургию, равноправную по значению с литературой. Его музыка отнюдь не иллюстративна, она лишена бытовых цитат из жизни, все в ней образно укрупнено, в ней слышатся накаленное дыхание войны, гнев, боль и мужество народа. На такую музыку ложился стих О. Берггольц. И когда актеры услышали ее, они сразу попали в верный тон. Так была разгадана и воплощена в звуковом образе природа пьесы. На рабочем языке мы определили для себя жанр спектакля как оперу без арий. Позднее, уже со стороны, я услышал еще одно определение: спектакль — героическая симфония.

В таком жанре, в его чистом виде, я работал, пожалуй, впервые. Мой опыт постановщика «Оптимистической трагедии» мог помочь здесь лишь отчасти, ведь в пьесе Вс. Вишневского наряду с героикой, патетикой есть и лирика, и юмор, то есть она разнообразна по краскам. А в пьесе О. Берггольц преобладает одна высокая гражданская нота в духе, я бы сказал, расиновских трагедий. Это непривычно для нас и, видимо, очень затрудняло актеров, которые, надо сказать, многие годы всей практикой современного бытового театра отучались от умения вести открытый гражданско-публицистический разговор со зрителем.

К чести актеров, они справились с этой нелегкой задачей, открыв в себе новые качества. Поэтический текст от автора Л. Штыкан и В. Медведев читают так, как будто говорят от лица своего поколения. Думается, в этом и заключается секрет успеха всех исполнителей: они постепенно заразились гражданской страстью автора, пропустили ее через свое сердце и заговорили как бы от своего имени. Е. Копелян, рассмешивший партнеров на репетиции, выделил в характере своего Андрея Морозова его глубоко личную веру в советский народ, неукротимую потребность жить и бороться ради людей. Эмоционально насыщенно и вместе с тем просто сыграла остротрагедийную роль жены Морозова — Анны И. Кондратьева. Она обращалась не только к сердцу, но и уму слушателя, заставляя его взволнованно размышлять об истинных ценностях жизни...

Мне было совершенно ясно, что я хочу сказать и как это в результате должно звучать. Но технические пути достижения этого надо

было искать. Здесь многое зависело от профессиональной выучки и творческой смекалки членов бригады — звукорежиссера М. Кустова, операторов Г. Максименко Е. Колесовой. Без их дружной работы все мои режиссерские замыслы так и остались бы в области фантазии.

Но мне хотелось поискать и самому, а не только пользоваться теми, видимо, обычными приемами звуковой мизансцены, которые мне предлагались. На правах человека, которому все внове, я позволял себе все у микрофона. Помню, мы долго бились над тем, как передать звук голоса из каменного подземелья. Решение было найдено неожиданно: я уложил актера навзничь на ковер, и он говорил, направляя звук в высокий потолок студии. Иллюзия получилась полная. А в другом случае, оказалось, надо было просто довериться жизни: актриса с плачем уткнулась в плечо партнерши, не прибегая ни к каким условным приемам передачи этого характерного звука. И опят иллюзия была достигнута.

Мне кажется (возьму на себя смелость это заметить), что работники радио еще сами недостаточно знают звуковые возможности студии, мало экспериментируют. А ведь радио располагает прекрасным контролем всяких творческих опытов — звукозаписью. Мне лично, как и актерам, систематическое прослушивание уже сделанных кусков спектакля очень помогало критически оценивать свою работу и идти вперед.

Но самой окончательной проверкой спектакля была, конечно, его встреча со слушателями. Накануне того, как постановка прозвучала в эфире — 21 июня 1961 года, в Доме радио собрались на общественное прослушивание и обсуждение самые разные люди: пришли писатели, учителя, военные — нынешние и бывшие, музыканты, представители прессы. Выступали много и единодушно...

Теперь, когда мой дебют в эфире уже позади, мне кажется, что пьеса О. Берггольц была просто рождена именно для радиотеатра. А для себя я совершил «открытие»: радиотеатр — это интересно. Работа в нем обогащает театрального режиссера, оттачивает его умение создавать звуковой образ спектакля и дает возможность говорить с многомиллионной аудиторией.

Советское радио и телевидение. 1961. № 9. С. 22–23.

В.Н. Гришаев

Незабываемые встречи

...Радиокомитет получил множество писем с просьбой о том, чтобы Шолохов сам прочитал по радио страницы из любимых всеми нами романов. Михаил Александрович всегда отклонял разговор на эту деликатную тему:

— Я же не актер, читать не умею.

Как-то будет на этот раз?..

Сборы недолги, магнитофон в руках. От Москвы до Миллерова еду поездом, затем намереваюсь лететь самолетом, надеясь застать Миха-

ила Александровича на месте. Но на аэродроме пилот глянул на меня с сожалением и ухмылкой.

— Вы к Шолохову? Да он только что улетел на «Суперке» в Ростов, а потом — в Москву. Вместе с Марией Петровной полетели.

Что и говорить, положение у меня нелегкое.

— Ну, так как — в Вешенскую?

— Да...

Вешенская — большая станица с четко расчерченными, недавно озелененными улицами, с молодым парком в центре и лесами к северу и юго-востоку. Она широко расстраивается новыми жилыми домами и общественными зданиями, а водопроводу ее может позавидовать любой, и не только степной, городок. Легендарность имени этой станицы шагнула далеко за пределы нашей страны. Тем дороже она русскому сердцу, тем скорее и глубже хочется познакомиться с ее настоящим и будущим.

Михаил Александрович в Москве задержался; и целых две недели — знакомство с Вешенским районом, встречи с людьми, незабываемые рыбалки на Дону...

В эти дни у вешенцев произошло два события: 14 июля началась уборка нового урожая, а 16 июля в Кремле Михаилу Шолохову вручена Ленинская премия за роман «Поднятая целина». Этот день явился праздником и для вешенцев...

Михаил Александрович вернулся несколько неожиданно.

Позвонив по обыкновению утром, без особой надежды на удачу, я вдруг услышал знакомый и родной голос Михаила Александровича, приглашающего зайти. Открываю заветную зеленую калитку, иду по дорожке к дому. Дорожка эта мне незнакома, иду по ней не спеша. Поздоровался со старушкой, хлопотавшей у цветочной грядки, спрашиваю, как мне пройти к хозяину.

— Да он только что был тут...

И она машет рукой в неопределенном направлении...

Оглядываюсь кругом еще раз, а он уже стоит на краю веранды, поутреннему свежий и радостный. Испытываю большое волнение и глубокую радость встречи с ним в его родной станице...

Беседа завязывается живо, мило и сердечно...

— Так зачем же ты приехал?

Коротко рассказываю ему о целях своей поездки, поглаживая рукой магнитофон, на который у меня так много надежд.

— Прочитать можно, — говорит он. — Только что? Я ведь отказываюсь не потому, что не хочу. Не могу, не умею читать диалогов...

Условились наконец, что будем записывать отрывок из заключительной главы «Поднятой целины».

— Что ж, придется прочесть, — заключил Михаил Александрович. — Только не сейчас. Очень занят. Готовлю одну статью. Предстоит много хлопот по делам района...

Справляюсь о том, как идет работа над романом «Они сражались за родину», которого с таким нетерпением ждем мы все.

— Работа идет, — отвечает он, и в свою очередь интересуется тем, как мы работаем на радио.

Знакомлю его с планами радиопередач по его произведениям...

— Я тебя нарочно в Вешенской задержал, — признался он. — Побольше увидел, получше отдохнул. Загорел-то как!.. У нас не хуже, чем на юге.

И после паузы:

— Ну, что же будем читать?

В тоне голоса, каким он произнес этот вопрос, уже нет отказа, поэтому говорю твердо:

— «Поднятую целину», Михаил Александрович. Отрывок, о котором условились при первой встрече.

Отложил в сторону папиросу, взял в руки газету с последней главой романа, наклонился вперед.

— Не знаю как, но автор, по-моему, читает так, как он писал, — заметил он и начал читать. — «Ох, и трудно же уходила жизнь из широкой груди Давыдова, наискось, навылет простреленной в четырех местах».

Читает Михаил Александрович тихо, на первый взгляд — приглушенно, но каждое слово произносит, ясно раскрывая слушателям весь его смысл. Впечатление такое, будто он не читает уже написанное, а только что пишет эти страницы, подбирая нужные слова и взвешивая их на голос, а вы невольно присутствуете при этом процессе творчества. Временами скорбь по утрате Давыдова и Нагульнова перехватывает горло, он умолкает, не в силах произнести следующего слова, и только большим усилием воли это преодолевается.

Что и говорить — это волнение автора глубоко потрясает и нас, мы тоже глотаем комок в горле и вместе с ним переживаем все происходящее в его книге, как в самой жизни, не в силах поднять головы до тех пор, пока произносятся последние слова: «Вот и все...»

Мы не смогли удержаться и тут же высказали свое восхищение чтением, какого никогда не слышали, — так не читает никто.

Затем мы просим его прочесть последние страницы «Тихого Дона».

Он взял книгу в руки, молча листает ее.

И снова произошло то же самое: мы опять слушаем рассказ очевидца о происходящем в те трудные годы событии и еще более убеждаемся в том, что Шолохов — чтец превосходный. Нет, никакой актер не может сравниться с ним не только в чтении авторского текста, но и диалогов. Как живые, встали перед нами и Григорий, и Чумаков, и маленький, раздумчивый — весь в отца — Мишатка.

Такого чтения шолоховских произведений я еще не слыхал. Только любимый всеми нами народный артист Дмитрий Николаевич Орлов в своем мастерстве живого слова может быть поставлен рядом с автором...

Гришаев В.Н. Наш Шолохов. Раздумья и встречи. М., 1964. С. 3–25.

Г.И. Зубков, Б.М. Хессин[77]

Сотворение дня

...Утверждать, что в основе, скажем, репортажа, корреспонденции или очерка лежат конкретные события, реальные люди, почерпнутые из повседневной действительности факты, — значит ломиться в открытые

двери. Кто же не знает, что для каждого, имеющего дело с микрофоном, важно, как воздух, умение отбирать в калейдоскопе фактов, случаев наиболее характерные, типичные, раскрывающие что-то принципиальное, имеющее значение для многих и многих, и совсем не обязательно, чтобы события были выдающимися: за незначительной деталью, отдельным штрихом часто кроются очень актуальные проблемы...

Нет, неспроста в наших редакциях бытует выражение «документальные передачи — это совесть радио».

Совесть, это беспокойное чувство, требует от авторов вездесущей правдивости, кровной связи с жизнью, знания ее сокровенных подробностей, способности проникать в психологические глубины — и не только героев, но и в глубины событий. Прочитайте в передаче «В окнах зажигаются огни» о суданском кузнеце, которому открылся новый мир, или о русском белоэмигранте, очутившемся в Джакарте и потерявшем все — родину, сына, надежду, вы увидите, как авторы стараются разобраться не только в тайниках человеческой души, но и в логике, существе событий, захвативших героев.

Для организаторов радиодня «Мы живем на одной параллели» с самого начала было ясно, что только документальность, насыщенность передач фактами яркими, свежими, участие интересных людей придадут затеваемому разговору с многочисленной аудиторией конкретность и убедительность. Поэтому в передачах так широко представлены репортажи, интервью, беседы, фонограммы, реальные шумы, письма, документы.

Когда-то Ларни опубликовал фельетон, в котором все человеческие беды объяснял вечными туфлями. В самом деле, попробуйте восторгаться спектаклем и не поругаться с женой в театре, если вам жмут новые туфли, или как заставить западного дипломата пойти на разумное решение важной проблемы, если у него не тревога за судьбы человечества, а пронзающая иглой боль от того, что на мозоль давит неразношенная кожа ботинка.

А если вам «жмут туфли» у микрофона, задушевного разговора с радиослушателями не получится, не ждите.

Нет, нет, мы далеки от мысли рекомендовать комментаторам и корреспондентам являться в студию босиком. Просто еще и еще раз хочется начать разговор о том, что неумение беседовать со слушателями просто, по-человечески, задушевно — наше больное место. Это туфли, которые нам еще ой как жмут и доставляют немало горьких переживаний.

Разве кто-нибудь станет спорить о том, что человек с микрофоном не должен забираться на трибуну и «вещать» оттуда для миллионов, а обязан стать желанным гостем в доме радиослушателя, разговаривать через динамик приемника или громкоговоритель с глазу на глаз с его семьей или с ним одним, найти деловой и в то же время теплый, сердечный, если хотите, интимный тон беседы...

Во время радиопутешествия по параллели многие из тех, кто находился у приемников, как бы стали активными участниками и самих событий, это также помогло установить тесный контакт со слушателями, заставить их активно воспринимать передачу.

Динамика даже условного путешествия захватывает, а множество встреч — пусть в эфире — будит любознательность, обогащает человека духовно, пробуждает желание глубже проникнуть в сущность тех или иных явлений.

В один и тот же день радиослушатель вместе с японским профессором Итиро Моритаки встречал рассвет на мокрых от росы камнях у подножья памятника жертвам Хиросимы; стоял, бледнея, у операционного стола в одной из краснодарских клиник, где хирург вел битву за жизнь человека; познакомился с Джоном Смитом — «средним» американцем, типичным, стопроцентным... Радиослушатель поднимался в Альпах в грот Люир, чтобы в его темноте различить старые парусиновые носилки со следами крови французских партизан и прочесть надпись: «Эта кровь никогда не высохнет на земле. Мы вечно будем помнить о вас». Радиослушатель пожимал шершавые ладони шкиперов на Дунае — реке дружбы, смеялся, слушал веселые истории Мартти Ларни и Джанни Родари.

Радиослушатель летел, плыл, ехал. Радиослушатель радовался, негодовал, сочувствовал. Радиослушатель соглашался, спорил, сравнивал.

Но далеко не один этот бурный каскад впечатлений путешествия способствовал тому, что слушатель оказался активным участником событий. Тут многое зависит и от манеры подачи материала, от той самой манеры, благодаря которой создается «эффект присутствия».

Вот короткий (всего четыре–пять минут) репортаж из краснодарской клиники, рассказ о самой операции — и того меньше. В звучании — каких-нибудь полторы минуты, в тексте — шестнадцать строчек.

Ни одной ненужной фразы, слова емкие, упругие, напряженные; корреспондент сразу предупреждает нас: «Тише! Не будем мешать хирургу, профессор Красовитов оперирует сердце».

И хотя мы лишь мысленно вошли в операционную, невольно хочется, чтобы и в твоей комнате перестали ходить, разговаривать.

А операция продолжается, и так же, как действия хирурга, точны и лаконичны слова корреспондента: «Сердце перестает биться, заработал аппарат, его заменяющий. Сердце одного человека в руках другого».

И пауза... нам не терпится узнать, что с больным. Будто догадавшись, корреспондент роняет фразу: «Хочется спросить: как там? Но нельзя».

И снова пауза... Их пять в репортаже, они точно рассчитаны. Они помечены в авторских ремарках, они создают впечатление длительности времени, усиливают напряжение, заставляют ближе подвинуться к радиоприемнику.

Добавьте к точным и лаконичным словам авторского текста, к эмоциональным паузам негромкий тревожный голос ведущего репортаж на фоне легкого, едва слышного позвякивания инструментов, и документальную фонограмму стонущего больного сердца, а затем ритмичные, бодрые удары здорового, — и вы получите комплекс авторских и режиссерских приемов, заставляющих радиослушателя повéрить в происходящее, зажить им, стать не просто созерцателем, а активным участником события...

Вести разговор со слушателем «по душам» можно, не только углубляясь в философские рассуждения о времени и о себе, не только мастер-

ски пересказывая волнующие человеческие исповеди, но и делясь с ним впечатлениями, выраженными с помощью простых, будничных звуков.

Это подтвердил репортаж из казахского города Талды-Кургана, включенный в передачу «Дай руку, солнце!».

Город небольшой — всего 5196 шагов по сорок пятой параллели. Она как раз легла вдоль главной улицы. По ней — из конца в конец — и прошел со звукооператором корреспондент. Они подметили маленькие, на первый взгляд случайные вещи. Но в них — дыхание и пульс жизни города.

Слышны в репортаже перестук легких дамских каблучков и плотные мужские шаги: идут на работу молодые жители нового города. Звучит звонок велосипеда, на котором местный архитектор объезжает десятки строек.

Поет колыбельную песню мать, с которой корреспондент разговаривает шепотом, чтобы не разбудить детей.

Наверное, все это было уже в других репортажах. Но вот собственный свист звукооператору, очевидно, пришлось записывать впервые. Идет звукооператор по улице и посвистывает...

— Ну, чего ты свистишь? — спрашивает корреспондент.

— А ты знаешь, — отвечает он, — просто очень здорово, что идем сейчас по хорошему городу, где скоро начнет прыгать через веревочку та девчонка, которую вылечил доктор; что видишь, как шашлык жарят прямо на улице. Что солнышко греет спину...

Весь репортаж лиричен, мягок, выдержан в полутонах. И все время чувствуется добрая авторская улыбка, его влюбленность во все, что он видит. Это придает репортажу ту подкупающую теплоту, задушевность, которые импонируют радиослушателям.

Очень важно, в какой манере прочитана передача, кто завершает работу над ней, когда позади уже поиски темы, разработан сюжет, отмонтированы пленки и перепечатан на машинке текст. Почти во всех передачах радиодня «Мы живем на одной параллели» у микрофона выступали сами авторы или актеры, чьи голоса мало знакомы слушателям, дикторы читали лишь свой «дикторский» текст — вступления к передачам, конферанс ведущего, и это — положительный опыт. Конечно, у журналистов не такие красивые голоса и не такая отточенная, как у дикторов, техника, но их заменяют та особая взволнованность, те интонации, то осмысливание передачи сердцем, которые могут быть только у очевидца событий. Для чтения документов, новостей и многих других материалов это не нужно. А для задушевной беседы с радиослушателем необходимо...

С микрофоном по 45-й параллели. М., 1962. С. 5–28.

Р.М. Иоффе

Слушая — видеть

Хотя профессиональные критики редко пишут о радио, о хороших передачах написано столько, сколько не написано ни про кино, ни про театральные постановки. Я говорю о письмах радиослушателей. Нам

пишут все возрасты, все слои нашего общества, пишут не по заказу редакторов, а по велению сердца.

По моему убеждению, радиовещание породило совершенно новый тип критики, новые взаимоотношения между исполнителями и потребителями, и, пожалуй, плохо только то, что чаще всего эти изумительные письма лежат немым грузом вместо того, чтобы превращаться в обзоры, которые самым лучшим образом заменят любую критическую статью. Приведу пример из тысяч. Один парнишка, письмо которого мне очень понравилось, написал удивительный, с моей точки зрения, по эмоциональности, по вкусу, по точности отзыв о передаче (очень сложной) «Маленький принц». Вот он:

«Передача мне очень понравилась. Правда, я не понял содержания (ведь эта сказка для взрослых, а не для детей), но, несмотря на это, она произвела на меня сильное впечатление. Значит, прав был Маленький принц, когда говорил, что не все то важно, что видишь глазами, а важно то, что чувствуешь сердцем: я не понял сказки умом, но почувствовал ее красоту сердцем. Что именно мне понравилось, трудно сказать: сказка вызывает чувства, а чувства очень трудно передать словами. Поэтому я не буду больше писать о впечатлении от постановки — его нельзя выразить, а задам несколько вопросов о ней.

Прежде всего: кто играл принца? Было объявлено, что передачу вели два человека: народная артистка СССР Бабанова и артист. Но в таком случае, как удалось создать массовые сцены, особенно подарок принца — смех звезд, который, кстати сказать, очень удачен, одно из лучших мест постановки. Кроме того, трудно поверить, что все мужские партии исполнялись одним человеком, настолько они не похожи по манере игры. Все это не ясно, и, если можно, расскажите, пожалуйста, об этой передаче подробнее.

Мне кажется, что это стоит сделать: передача замечательная, и разговор о ней не будет пустой тратой времени.

Валерий Потаков, г. Миллерово».

Такое письмо заставляет задуматься, вызывает желание проанализировать методы собственной работы, разобраться в причинах успехов и неудач.

Великий Станиславский как-то говорил, что та свобода, легкость, непринужденность, вдохновение, которые бывают у актеров на хорошей репетиции, редко бывают даже на спектаклях.

Для нас, радистов, это окрыляющие слова! Ибо мы знаем, что хороший вдохновенный спектакль — результат тех контактов, которые невидимо возникают между сценой и зрительным залом.

Но оказывается, что одно не исключает другое. Если удается режиссерам радио записать репетицию, то «золото добыто»; мертвой, механической записи не будет, а будет зафиксировано на пленке (навсегда!) то вдохновение, та легкость, которые возникают и в театре на репетициях, т.е. без зрителя. А мы — радиотеатр, в котором никогда не бывает зрителей. Это очень тонкая штука.

В чем же сила наших спектаклей? Какова цель, к которой должен стремиться радиорежиссер?

Профессиональная критика на эти вопросы ответа не дает. Она относится к радиопостановкам примерно так, как лет сорок назад относилась к кино, встречая смехом заявления, что кино — это искусство. Нам, радистам, помогают ответить на эти вопросы те же неизменные друзья — радиослушатели. Из их писем мы узнали главное, а именно: что слушатель должен быть настолько эмоционально захвачен, что, слушая, он начал бы видеть. Вот основной критерий хорошей радиопостановки. И об этом наши радиослушатели пишут часто, умышленно или непроизвольно подчеркивая, что видение радиоспектакля доставило им самое большое эмоциональное удовлетворение. Вот несколько выдержек из писем на постановку «Пушкин на экзамене».

«...Я забыла, что я сидела у себя за столом. Я словно бы присутствовала на экзамене, словно бы видела своими глазами Державина, Пушкина, Кюхельбекера, Дельвига...» — пишет М.П. Шабад из Львовской области.

«Я видела все: как Державин дремал, но когда ему сказали, что приглашен Пушкин, он оживился и плакал, дослушивая стоя последние строки "Воспоминаний"». (Люба Безматерных из Перми.)

«...Я сидела около репродуктора... И я ясно представляла себе этот экзаменационный зал... Я так воодушевилась, мне вообразилось, что я там, с ними, и что я могу подойти к Пушкину, пожать ему руку и сказать спасибо!» — пишет Горазеева из Урюпинска.

«...Было "слышно", как он (Державин) слушал, я не могла сдержать слез». (Из письма В.А. Дымниковой с Украины.)

Итак, радиослушатель, как и читатель хорошей книги, не обездолен оттого, что не видит, а наоборот, как говорит С. Маршак, «мы ему оставляем много места для работы собственного воображения. Читатель (слушатель. — *Р.И.*) тоже должен работать. Он тоже художник, иначе мы бы не могли разговаривать с ним на языке образов и красок».

Слушая — видеть!..

Как же добиться, чтобы радиопостановка вызывала такое видение у слушателей, как сделать слушателя активным соучастником радиоспектакля?

Если обнажить все средства, которые существуют у режиссеров радио, то их окажется очень немного. Прежде всего — это литература, затем актеры, музыка, шумы, звукоподражание и «натуральные звуки» живой жизни. Мы лишены таких могучих средств выразительности, как динамика движения, декоративное искусство, цвет, свет, грим, костюм!..

И все же мы — богачи!

Ибо слову, отобранному писательскому слову, большой литературе у микрофона дана такая ясная и выразительная сила, которой более нет нигде! Именно звучащая литература в хороших постановках совершает то удивительное чудо, когда слышимое становится зримым!

Конечно, работа актера у микрофона сложней, точней и глубже, чем в театре (я говорю о серьезной работе). Звуковой (только звуковой) образ по глубине и выразительности воплощения обязан вместить в

себя и манеру двигаться, и грим, и костюм, и эпоху, и класс, и даже место действия. А иначе может получиться, как это бывает при трансляциях некоторых спектаклей: на сцене трое — госпожа, няня и мальчик, а радиослушатель не в силах разобраться, кто из них говорит.

Точность образа, точный подбор актеров по внутренним данным, по голосам, чтобы каждая звуковая характеристика достаточно резко отличалась от другой, — вот в итоге, собственно, актерская специфика радиоспектакля. В силу этой «специфики» на радио могут работать только отличные актеры, способные полностью перевоплощаться в образ без всяких вспомогательных средств!

Я со всей категоричностью подчеркиваю эту мысль, ибо в последнее время некоторые режиссеры, в частности и Центрального радио, снизили требовательность к подбору исполнителей. К участию в радиоспектаклях приглашаются люди, которые «чаще попадаются на глаза». Эти далеко не первоклассные актеры стали чуть ли не непременными участниками радиопостановок, создаваемых в самых различных редакциях. Не оттого ли их работы остаются незамеченными слушателями?

Иное дело, когда у микрофона большой мастер. Недавно лучшая травести нашей страны В. Сперантова получила очень знаменательное письмо. Радиослушатель пишет, что он смотрел фильм «Шумный день». Там В. Сперантова играет пожилую женщину, мать взрослых детей. Так неужели это та же самая В. Сперантова, которая так изумительно играет мальчиков по радио? То больших, то маленьких, то отчаянно веселых, то героических, то лирических, всяких?! Может ли это быть? В это невозможно поверить!

Нет, в это надо поверить: сила таланта перевоплощения так безмерна у этой неповторимой актрисы, так велика, что без грима, костюма и других внешних атрибутов она создала в радиопостановке целую галерею маленьких наших граждан. И сделала это так зримо, что, увидев наконец В. Сперантову в кино, радиослушатель не поверил своим глазам...

Несколько слов хотелось бы сказать и о мизансценировании на радио. Думается, сейчас осталось немного режиссеров, сторонников статичного чтения в микрофон. На мой взгляд, мизансценирование на радио более необходимо, чем в театре. Наши режиссеры и актеры должны мизансцены разрабатывать точно и интересно, ибо если мы сами не увидим, что делает герой, как выглядит, как ходит, садится, смотрит ли он в глаза партнеру или говорит с ним, отвернувшись от него, то слушатель тогда тоже ничего не увидит! Мало того! Надо уметь обыгрывать не только взаимоотношения, движения, но даже обстановку: ведь на улице говорят иначе, чем в кресле дома, во время морской бури не так, как в лунную летнюю ночь.

Да, у нас в студиях дерутся, бегут, падают, звучат рапиры, скачут кони и раненые верховые еле удерживаются в седле, и товарищи спешат им на помощь... Но это, разумеется, сугубо условно, и похоже, если поглядеть со стороны, на увлекательную детскую игру, ибо все

кругом воображаемое. На хорошей записи радиопостановки актеры самозабвенно обыгрывают и воображаемых лошадей, и борьбу со стихией, «греблю», плаванье, а иногда и... партнера... ибо и его может не быть. Ведь творческое освоение записи передачи на магнитоленту внесло много нового и замечательного в режиссерскую и актерскую работу.

Вспомним «Буратино», когда один актер не только исполнил все роли, но «в одиночестве» пел квартетом. Он один представлял толпу людей, а затем толпу деревянных кукол. Передача «Буратино» — это радио «Латерна магика». Выпущенная в эфир более десяти лет тому назад, она показала «чудеса» исполнительства, возможные при записях, что записи перестают быть «мертвым оттиском» живой работы актеров.

Все чаще постановочная часть передачи делается режиссером на магнитофонных аппаратах. Вот почему с каждым днем возрастает роль режиссера на радио. Ведь зачастую режиссеру остается «порыться», отобрать то, что ему нужно и, главное, суметь художественно, впечатляюще вмонтировать их в передачу. Подобрав в фонотеке необходимые шумы, например, крик «ура», топот лошадей, выстрелы, звуки горна и т.д., режиссер становится композитором, который создает из всего этого звуковую партитуру, создает звуковую картину, да такую, которой в «живом виде» и сделать-то невозможно. Разумеется, это требует от режиссера уменья видеть и слышать постановку целиком, уметь охватить все ее эпизоды, даже если работа над передачей только начинается. Такое видение режиссера непременно передается радиослушателю, помогает приблизиться к заветной формуле: «Слушая — видеть!..»

Нередко в последние годы можно слышать, что телевидение вытеснит радио, что художественное радиовещание сойдет скоро на нет. По-моему, это похоже на то, если бы стали говорить, что скоро переведутся книги, исчезнет музыка...

Нет, никогда такого не будет! Ни кино, ни театр, ни телевидение никогда не заменят, не вытеснят радиоспектакль, музыку, так же, кстати, как и книгу. Ибо, повторяю, большой, настоящей литературе, отобранному драгоценному слову поэта нигде так не бывает уютно, так хорошо, как на радио. Тут оно оживает в устах актера, тут складно и ладно к нему приходит музыка! Тут есть возможность ставить не драму или инсценировку, а подлинную, неприкосновенную авторскую прозу!

Вся мировая литература в нашем распоряжении! Подумайте, где еще можно поставить лермонтовскую «Тамань», не изменяя в тексте ни одного слова! Причем это будет самый зримый спектакль для радиослушателей.

Мы оставляем нашему слушателю так много работы для собственного воображения, что так же, как и от книг, он никогда не откажется от «незримых спектаклей», где он все сам, по-своему, видит!

Советское радио и телевидение. 1962 . № 7. С. 20–21.

А.И. Солженицын[78]

На поверхности

...Как глубоководная рыба, привыкшая к постоянному многоатмосферному внешнему давлению, всплыв на поверхность, гибнет от недостатка давления, оттого, что слишком стало легко и она не может приспособиться, — так и я, пятнадцать лет благорассудно затаенный в глубинах лагеря, ссылки, подполья, никогда себя не открыв, никогда не допустив ни одной заметной ошибки в человеке или в деле, выплыв на поверхность внезапной известности, чрезмерной многотрубной славы (у нас и ругать и хвалить — все через край), стал делать промах за промахом, совсем не понимая своего нового положения и новых возможностей.

Я не понимал степени своей приобретенной силы и, значит, степени дерзости, с которой могу теперь себя вести. Я сохранял инерцию осторожности, инерцию скрытности, и та и другая были нужны, это верно, потому что случайный прорыв с «Иваном Денисовичем» нисколько не примирял систему со мной и не обещал никакого легкого движения дальше.

Не обещал движения, да, — но пока короткое время, два месяца, нет, месяц один, я мог идти безостановочно: холопски-непомерная реклама открыла мне на этот месяц все редакции, все театры!

А я не понимал... я спешил сам остановиться, прежде чем меня остановят, снова прикрыться, притвориться, что ничего у меня нет, ничего я не намерен. Как будто возврат этот был возможен! как будто теперь упустили бы меня из виду!

И еще, за невольным торжеством напечатания я плохо оценивал, что мы с Твардовским не выиграли, а проиграли: потерян был год, год разгона, данного XXII съездом, и подъехали мы уже на последнем всплеске последней волны, по скромным подсчетам я клал себе по крайней мере полгода, а то и два года, пока передо мной заколотят все лазы и ворота. А у меня был один месяц — от первой хвалебной рецензии 18 ноября до кремлевской встречи 17 декабря[79], и далее еще меньше — до первой контратаки реакции 1 декабря (когда Хрущева натравили в манеже на художников-модернистов, а задумано это было расширительно). Но и за две недели я мог бы захватить несколько плацдармов, объявить несколько названий моих вещей.

А я ничего этого не сделал из-за ложной линии поведения. Я собирался «наиболее разумно использовать» кратковременный бег моей славы, но именно этого я не делал — и во многом из-за ложного чувства обязанности по отношению к «Новому миру» и Твардовскому... у меня, как и предсказывал А.Т., просили «каких-нибудь отрывков в литературные газеты, для исполнения по радио»[80] — и я должен бы был без промедления их давать! — из «шуга», уже готового, из готовых пьес, и так объявленными названиями остолблять участки, с которых потом не легко меня будет сбить. В четырехнедельной волне ошеломления, прокатившейся от взрыва повести, все бы у меня прошло беспрепятственно — а я сказал: «нет». Я мнил, что этим оберегаю свои вещи... Я горд был, что так легко устаиваю против славы...

Ко мне ломились в дом и в московские гостиничные номера корреспонденты, звонили из московских посольств в рязанскую школу, слали письменные запросы от агентств даже с такими глупыми просьбами, как: оценить для западного читателя, насколько блестяще «разрешил» Хрущев кубинский конфликт. Но никому из них я не сказал ни слова, хотя беспрепятственно мог говорить уже очень много, очень смело, и все бы это обалдевшие корреспонденты разбросали по миру. Я боялся, что, начав отвечать западным корреспондентам, я и от советских получу вопросы, предопределяющие либо сразу бунт, либо унылую верноподданность. Не желая лгать и не осмелев бунтовать, я предпочел — молчание...

Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris: YMKA-PRESS, 1975. С. 59–61.

А.А. Музыря[81]

А если случится неудача?..

...Очень неприятная штука, когда передача, рожденная в муках, вдруг снимается по причинам, которые кажутся тебе мизерными по сравнению с идеями твоих семи страниц на пятнадцать минут. Ты споришь, доказываешь, а редактор, дружелюбно улыбаясь, возвращает тебе эфирный экземпляр со зловещими пометками на полях... чернилами! Ах, если бы карандашом — это означало бы, что с ними можно ознакомиться, выправить текст, а пометки стереть. Но чернилами... Это приговор окончательный, обжалованию не подлежит... Эффект такой неудачи виден сразу, он на поверхности, он очень больно бьет по самолюбию. С горя неопытные студенты рвут передачу на клочки и — в корзину! Неудача значит крест.

Проходит время, подобные удары повторяются более или менее часто, и постепенно приходит странная на первый взгляд убежденность, что это еще не неудача. Если материал снят из-за несвоевременности, неправильной оценки события или факта, не стоит прибегать к помощи корзины. Есть нижний ящик в столе, он надежно укроет израненную рукопись до поры, до времени. Сколько раз приходилось видеть, как мои товарищи, в гневе комкая и небрежно запихивая передачу куда подальше, потом доставали ее и благодарно, трепетно начинали вчитываться в полузабытые детали.

Факты не пропадают бесследно. Даже сенсационные факты, жизнь которых, казалось бы, мгновенье, не могут быть лишним багажом у журналиста. Рано или поздно они «сыграют».

И только в одном случае снятая передача может считаться неудачей: если раз написанная и не прошедшая в эфир, она умирает для своего создателя, и никогда потом ни при каких обстоятельствах он уже не вспомнит, что где-то среди его бумаг лежит факт, способный поддержать, усилить вновь встреченное событие...

Это не только мое мнение. Мои бывшие однокурсники, пришедшие на радио, соглашаются с этим. Я говорю сейчас только о студен-

тах, потому что наш курс был фактически первым, более или менее подготовленным для работы специально на радио, и мы пришли к микрофону без предварительной газетной подготовки, как было почти со всеми радиожурналистами старшего поколения. Возможно, истины, к которым мы приходим, давно известны нашим более опытным коллегам. Но они, к сожалению, чаще говорят о проблемах чисто теоретических и почти никогда о тех моральных трудностях, которые встают у молодого поколения на пути к журналистскому мастерству. А на мой взгляд, умение правильно оценивать свои промахи — дело чисто морального плана.

Бывают неудачи, о которых журналисты говорят: «Не нашел поворота». О том, что поворот, или, как иногда называют, «литературный поворот» (как будто может быть в литературе еще и железнодорожный поворот), очень нужен, говорят все. Можно привести сто цитат на эту тему, но почти ни один исследователь не скажет двух вещей одинаково. Во-первых, каким должен быть поворот и, во-вторых, на каких дорогах его искать...

И вот мы пришли на радио. Две первых передачи были, по нашему мнению, блестящими, а по мнению редакции, «так, ничего себе, с поворотом». А на третьем материале вдруг заело. Нет поворота! В отчаянных муках, отметая десяток вариантов, молодой журналист ищет выхода, и никто не скажет ему, что такая неудача поправима: хорошо написанный текст «по откровенно прямой сюжетной линии» тоже выход из положения и не всегда худший по сравнению с замысловатым, поистине вымученным поворотом.

Совсем недавно я услышала небольшую передачу, точнее, кадр в одном радиожурнале. Это была «Хозяйка гостиницы» Ю. Визбора. Несложный по сюжету рассказ о девушке, которая работает администратором гостиницы на острове Кунашир и мечтает стать кораблестроителем. Все здесь было очень бесхитростно. А ведь если поискать, можно — ого! какие повороты навертеть. Я читала однажды очерк на подобную тему, в котором молодой повар сам себе казался штурманом самолета, а посетители столовой — терпящими бедствие полярниками и т.д. Сравнения были надуманными, и очерк получился унылым.

А кунаширская хозяйка совсем не такая.

«За свою короткую жизнь Валя Захарова много слышала об этих самых Курильских островах. Хорошее слышала и плохое. Приходили к отцу знакомые. От их выцветших плащей пахло рыбой и морем. Пахло соляркой и морской капустой. Они говорили разные загадочные слова — вулкан Тятя, мыс Весловский, пролив Измены... И ужасно ей хотелось поглядеть на это море, увидеть своими глазами и вулкан Тятю, и мыс Весловский, и пролив Измены. Почему Измены? Кто там кому изменял? Непонятно, загадочно. Вы скажете — любопытно, детские мечты, розовая дымка. Не знаю. Когда человека в юные годы тянет не к мебельному магазину, а к далеким и явно неблагоустроенным островам, по-моему, это неплохо. Даже хорошо.

А еще надо сказать, что перед Валей стояли две проблемы: быть ли певицей или инженером-кораблестроителем. Серьезно. Ну, певи-

цей — это просто потому, что Валя любит петь. И все вокруг ей говорили: "Валька, иди учиться. У тебя же голос". А голос, надо сказать, у нее веселый, задорный, звонкий. И многие ребята, там, в Хабаровске, не в шутку заглядывались на Валю. Девушка она из себя видная, высокая, красивая и, главное, ужасно краснеет. Поэтому и врать не умеет. Если соврет самую малость — уже всем ясно, что соврала. Поэтому не врет. И на сцене краснеет. Даже сама не знает почему. Просто так выходит. Еще аккомпаниатор и вступления не сыграет, а Валя стоит на сцене уже красная, как хорошо вываренный в рыбацком котелке береговой краб. Но ведь в песне главное не смотреть, а слушать. Верно ведь?

...А на курильском острове Кунашир Валя работает администратором гостиницы. Штат у Вали такой — один человек. Это — она сама. Больше никого. Один раз Валя была в Москве и жила в большой гостинице "Москва". Она с уважением и нескрываемым восторгом оглядывала огромные плечи этого здания, но ей никогда и в голову не приходило, что она сама станет хозяйкой гостиницы. Конечно, не такой, но все же гостиницы. В подчинении у Вали всего одна комната. В комнате шесть аккуратно заправленных кроватей. Маленькая прихожая с печкой — на Курилах и летом бывает не жарко. Несколько подшивок журналов, радиодинамик, занавесочки на окнах — вот и все хозяйство. Хозяйство, так сказать, на сегодняшний день. А за большим чисто вымытым окном на синих океанских волнах покачивается другое хозяйство Вали Захаровой, будущее ее хозяйство — корабли. То, что они станут рано или поздно ее делом, ее хозяйством — это Валя знает точно. Поэтому-то в руках у нее учебник, а в голове одна мечта — попасть во Владивостокский политехнический институт. Научиться строить корабли. А что до Валиного пения и Валиного голоса — то он никуда же не пропадет! Верно? Только бы отучиться краснеть на сцене...»

Чтобы меня не обвинили в том, что я за добротное писание только в тех случаях, когда нет поворота, предупреждаю сразу: я вообще за хороший добротный стиль по радио во всех случаях...

Советское радио и телевидение. 1962. № 11. С. 2–4.

В.Н. Ружников

А все-таки... существует — и ни в зуб ногой

В. Маяковский

...Конечно, в 1962 году едва ли кто станет эдак с порога отвергать специфику радио. Кому же теперь неизвестно, например, что перед микрофоном (в отличие от газетной или журнальной полосы) особенно хорошо чувствует себя слово сказанное, устное. Что сказанное по радио слово, однако, совсем не равнозначно слову, сказанному с трибуны митинга или с кафедры в университетской аудитории, со сцены театра или с киноэкрана. Что радио присущи свои выразительные средства — звучащая речь, музыка, шумы. Что драматургия радио не

может слепо копировать драматургию театра. Что психология радиослушателя существенно отличается от психологии зрителя в театре или в кино. И сорок сороков всяких других «что», о которых немало и сказано, и писано.

Да, сейчас редко кто во всеуслышанье скажет: я против специфики радио. И это уже хорошо! Но можно ли заключить отсюда, что отрицающие радиоспецифику окончательно перевелись?..

Утверждения, будто телевидение скоро поглотит (точнее, проглотит) радио — одна из новомодных форм отрицания специфики радио. Причина этих утверждений — в глубоком непонимании существа, силы, возможностей как радио, так и телевидения.

Проблема взаимоотношений радио и телевидения большая, интересная и очень сложная. Она ждет своих исследователей. Однако и сейчас ясно: далеки от истины и те, кто не видит родственных связей между радио и телевидением, и те, кто говорит о будущем слиянии радио и телевидения, вернее, о поглощении радио телевидением.

Хочется по этому поводу высказать несколько замечаний.

Язык радио — звук: звучащая речь, музыка, шумы. Язык телевидения — изображение; зримое действие, зримое движение (в сопровождении звука или без него). Здесь-то и проходит граница. По одну сторону лежит специфика радио, по другую — специфика телевидения. Радио, механически перенесенное на экран, может стать только плохим телевидением. Точно так же никогда не станет настоящей радиопередачей даже хорошая газетная статья, прочитанная у микрофона. Специфика, выразительные средства, законы — у газеты, у радио, у телевидения совершенно разные.

Интересны свидетельства некоторых зарубежных специалистов. «Часто можно слышать мнение, — писал недавно генеральный директор Польского радио и телевидения А. Ландау, — что телевидение является непримиримым конкурентом радиовещания, что оно оттесняет радиопрограмму на второй план. Исследования, проведенные... главным образом в странах, где телевидение существует продолжительное время и уже удовлетворило интерес к новой, до сих пор не известной технике, не вызывают опасений в отношении того, что существование телевидения значительно снижает слушаемость радиопрограмм».

«...Если рассматривать специфику телевизионных программ, — пишут американцы Э. Сташев и Р. Бретц в книге “Телевизионная программа”, — то можно обнаружить заметные отличия от радио. Многие владельцы радиостудий занялись телевидением, полагая, что для этого достаточно переоборудовать существующие радиостудии в телевизионные путем добавления осветительной аппаратуры и камер, а затем просто сопровождать изображениями обычные радиопрограммы. Но очень скоро выяснилось, что нельзя ограничиться подбором изображений к стандартным радиопрограммам и что художественные средства радио совершенно не пригодны для телевидения. Ибо телевидение — это прежде всего изображение, сопровождаемое звуком, а не звук, сопровождаемый изображением. Если, например, сначала пишется дикторский текст новостей, а потом к нему подбираются изоб-

ражения, которые его иллюстрируют, или если музыкальному произведению дается зрительное обрамление, то в эфире с программой происходит удивительная метаморфоза: зрительный элемент становится главной частью передачи, а текст или музыка — сопровождением зрительных образов. Если же эти изображения, подобранные с подсобной целью, оказываются неинтересными сами по себе, то вся программа становится слабой».

Дорога к новым высотам развития радио и телевидения проходит не через их слияние и взаимопоглощение, а через глубокое познание их природы, через проникновение в их специфику, через все более полное раскрытие и воплощение присущих радио и телевидению возможностей, через ясное и четкое «разделение труда» между ними.

В вопросе о разделении труда между радиовещанием и телевидением многое уже прощупывается практикой вещания у нас и в зарубежных странах.

Возьмем, к примеру, передачу новостей. В последнее время в этой области все четче обозначаются возможности и особенности радио и телевидения. В США недавно издана книга «Последние известия по радио и телевидению». Ее авторы Боб Силлер, Тэд Уайт и Хэл Теркель пишут: «Перед журналистом, работающим в отделе телевизионных новостей, встает множество новых проблем. Телевидение требует не только специального отбора новостей, но и и ощущения того, что может дать изображение... Несмотря на то, что использование фильмов в бюллетенях телевизионных новостей дает много преимуществ, — отмечается далее в книге, — все же телевизионные новости имеют тот недостаток, что содержащиеся в них сообщения нередко передаются с опозданием. Для съемки и проявления фильмов требуется определенное время, не говоря уже о том, что демонстрация их требует времени, достаточного для прочтения двух или трех сообщений...

Телевизионные новости отличаются еще одной характерной особенностью. На современном уровне развития техники телевизионные сообщения о событиях, имеющих место в стране, можно демонстрировать в день их свершения, чего нельзя было делать на заре телевизионного вещания. Впрочем, и сейчас происходят досадные задержки, в особенности, когда дело идет о событиях, заснятых за границей... В радиостудии можно записать голос, из какого бы пункта земного шара он ни звучал, и запись можно воспроизвести в эфир почти немедленно. С точки зрения радиовещания событие однодневной давности "безнадежно устарело" и, как правило, уже забыто.

Однако в телевидении, где большую роль играет изображение, дело обстоит иначе. В телевизионном выпуске новостей с успехом освещаются события двух- и трехдневной давности».

Сами понятия «новость по радио» и «новость по телевидению» могут заключать в себе различное содержание. Передать новость по радио — это значит сообщить слушателям о факте, событии, происшествии, дотоле им не известном. Новости по радио позволяют слушателям впервые узнать о чем-то, получить об этом первую весть. Назначение же телевизионных новостей может быть иным: служить не

первой вестью, не первым сообщением о том или ином событии, а первым показом, первым зрительным отражением этого события (о котором уже может быть и известно).

И теоретически, и практически интересен малоизученный вопрос об отборе материала для радио- и телевизионных новостей. Нетрудно убедиться в том, что бывают события, которые, можно сказать, самим существом своим предназначены для показа по телевидению. У всех еще в памяти, например, выпуски телевизионных новостей, посвященные групповому космическому полету Андрияна Николаева и Павла Поповича. Благодаря телевидению мы увидели героев-космонавтов в часы полета, увидели их лица, движения, специальный костюм, внутреннее устройство комических кораблей. Повисший в пространстве листок бумаги красноречивей всяких слов показал нам состояние невесомости. В этом случае сам материал сообщения, его фактура были идеально телевизионны: здесь сообщить значило показать. Никому не справиться с такой задачей лучше телевидения.

Однако столь же возможны и идеально радиофоничные факты и события. Поясню это примером. 28 октября нынешнего года мы услышали по радио послание товарища Н.С. Хрущева президенту США Кеннеди, где говорилось о предложениях Советского правительства в связи с событиями в районе Карибского моря. Через несколько часов Белый дом опубликовал ответное послание американского президента. В нем говорилось: «Уважаемый г-н Председатель! Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя я еще не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса».

Надо ли объяснять особо, что в данном случае не было и не могло быть никакого зрительного ряда. Сообщение новостей представляло собой здесь чтение диктором текста важнейших документов. Конечно, это же можно было сделать и по телевидению. Но при этом телевизор выполнял бы роль радиоприемника, передающего звучащий текст сообщения. Итак, радио о новостях сообщает, а телевидение их показывает. Показ может и не сопровождаться рассказом или сопровождаться очень лаконичным комментарием.

Еще одна область, где радио и телевидение «выясняют отношения» — драматургия, проза, поэзия. Некоторые преимущества телевизионного спектакля, например, по сравнению с радиоспектаклем очевидны. Звучащее слово сливается в нем со зрелищем, со зримым действием. Но телевизионный спектакль, как показывает мировая практика, не вытесняет радиоспектакля, потому что и у последнего есть свои особые возможности, свои преимущества. Они, правда, менее очевидны. Нельзя не согласиться с Л. Мери (автором напечатанной недавно в журнале «Советское радио и телевидение» статьи «Сегодня — радиоспектакль»), который отмечает, что «...радиопьеса дает возможность решать проблемы, ситуации и события, которые не под силу ни кинофильму, ни театру, ни телевидению. Она не ограничена ни во времени, ни в пространстве. Современная звуковая техника по-

зволяет модулировать человеческий голос, усиливать его, придавать ему необычные нюансы. Фантазия слушателя ничем не скована».

Не «угрожает», вероятно, телевидение и многим другим традиционным формам и жанрам литературно-художественного радиовещания. Ведь именно на радио и поэзия и проза чувствуют себя как дома. Театр, кино или телевидение, для того чтобы передать литературное произведение — рассказ, повесть, роман, должны прибегнуть к инсценировке. А это всегда сопряжено с немалыми потерями. Радио может «поставить» прозу или поэзию в их подлинном, первозданном виде...

Несколько слов о музыке. Замечено уже, что многие виды музыкальных программ — оркестровая музыка и др. — по радио идут с большим успехом, чем по телевидению. Это нетрудно объяснить. Человеку, слушающему в большом концертном зале симфонию, нередко хочется закрыть глаза. Почему? Потому, что зрительные впечатления: большой зал, ряды кресел, множество людей, свет люстр, оркестранты на сцене — все это отвлекает, мешает безраздельно внимать музыке. У музыки и у радио, можно сказать, общий язык — звук. Поэтому они так хорошо «понимают друг друга». У музыки и у телевидения язык разный. Звук играет на телевидении очень важную, но все же только вторую роль. Поэтому у музыки и телевидения нет столь «близких родственных отношений».

Утверждения о том, что телевидение вытеснит радио — следствие недостаточно определившегося лица самого телевидения, которое зачастую, вместо того чтобы творчески осваивать опыт радио, простонапросто его присваивает. Не стоит, однако, «детские болезни» сегодняшнего телевидения — болезни вполне естественные — возводить в ранг вечных категорий...

И главный редактор, который, спасаясь от «лишнего» шума, просит не устанавливать у него в комнате магнитофона, который принимает передачи по печатному тексту, тоже всенародно не объявляет себя противником радиоспецифики.

Не произносит речей против специфики радио и оператор, который, монтируя пленку передачи, выбрасывает из нее каждый вздох, каждую запинку, оговорку, шорох, а значит, выбрасывает из передачи не что иное, как ее натуру — «кусочки радиоспецифики».

Пожалуй, смертельно обиделись бы наши плановики-экономисты, назови их кто-нибудь противниками специфики радио. А ведь назвать можно потому, что новый ценник, разработанный лишь два года назад, слепо копирует формы оплаты, сложившиеся в печати. И самое худшее в нем — тенденция принизить, отнести ко второму сорту именно те виды работы, те формы и жанры, которые специфичны для радио, — радиорепортаж, радиоочерк, радиокомпозицию (она совсем исчезла из ценника!).

К чему это привело, особенно наглядно видно на примере радиоочерка — одного из самых «радиоактивных» жанров. Перелистайте программы передач — и вы почти не встретите слово «радиоочерк». Оно вымерло, как будто по радиопрограммам прошла эпидемия чумы. К счастью, однако, вымерло только слово, только название жанра, а

сам радиоочерк стыдливо прячется под разными «псевдонимами». Его выдают то за корреспонденцию, то за беседу, то за радиорассказ. И только наименее удавшиеся передачи называют, как ни странно, этим добрым именем.

А радиорепортаж? Где-то уже говорилось о том, что в Англии на радио было подсчитано, что ведение получасового репортажа у микрофона требует таких же затрат сил, энергии, нервов, каких требует девятичасовой рабочий день у каменщика. По новому ценнику радиорепортаж оплачивается ниже, чем беседа, выступление (по тексту), чем самая простая газетная корреспонденция.

Радиокомпозиция — одна из наиболее радийных, эмоциональных, полюбившихся слушателям форм вещания. Можно вспомнить такие отличные передачи, как «Страницы великой жизни» (о К. Марксе), «Рабочий день Владимира Ильича Ленина», передачи из цикла «Здравствуй, будущее!»: «Плюс электрификация», «Земля и люди», «Коммунизм шагает по планете». Все это — радиокомпозиции. Почти все передачи радиодня «Мы живем на одной параллели» тоже сделаны в форме документально-художественных композиций. Надо ли здесь заниматься их рекомендацией? В новом ценнике такого рода передачи просто не значатся.

В последние годы вошло в моду отрицать специфику радио, даже публично выдавая себя за ее сторонников. Вот некоторые примеры.

В журнале «Новый мир» № 10 за 1960 год опубликована статья «Телевидение. 1960». Автор ее Вл. Саппак рассматривает проблемы нашего телевидения. И мимоходом говорит о радио. «Никто, к примеру, не сомневается, — пишет он, — в значении радио. Но и никто не утверждает, что это самостоятельный вид искусства. А ведь у радио есть и своя специфика, и можно, к примеру, говорить о радиотеатре как о театре со своим комплексом выразительных средств. И есть, вероятно, произведения, которые лучше всего прозвучат по радио; и есть радиопостановки, которые запомнились на многие годы... И все-таки радио — это только посредник, и все-таки мы не можем сказать, что родился художник, чтобы поведать о жизни языком радио».

Итак, во-первых, «никто... не сомневается в значении радио»; во-вторых, «у радио есть и своя специфика»; в-третьих, «и все-таки радио — это только посредник», «никто не утверждает, что это самостоятельный вид искусства», «мы не можем сказать, что родился художник, чтобы поведать о жизни языком радио».

В. Турбин, автор очень интересной книги «Товарищ время и товарищ искусство», выпущенной в прошлом году издательством «Искусство», оказался куда более великодушным. В главе, специально посвященной радио, «У нашего микрофона — творчество» он пишет: «Оказалось, что радио — не просто средство распространения поэзии и музыки, сродное граммофону; оно требует импровизации». Заметьте: не просто средство. И на этом спасибо В. Турбину! А далее автор книги делает выводы: «Радио и посейчас не нашло своего голоса...»; «Самостоятельным искусством радио, конечно, не станет...».

Точка зрения, высказанная В. Саппаком и В. Турбиным, совсем не нова. Давно уже утверждается, что радио не является самостоятельным видом искусства, что ему посильна лишь роль посредника, технического средства для демонстрации программ, создаваемых печатью, литературой, театром, музыкой. Известные основания для такой точки зрения были в раннюю пору развития радиовещания, когда «новое чудо» только нащупывало свои пути, только обретало собственное лицо. Но уже сегодня исчезла почва для таких утверждений. Практика развития отечественного и зарубежного радиовещания доказывает их несостоятельность.

Во-первых, даже те программы, которые радио берет на прокат у «соседей», у других видов искусства и культуры, могут стать полноценными радиопередачами лишь при условии подгонки, подчинения их выразительным возможностям, специфике радио.

Во-вторых, и это самое главное, радио уже показало и доказало, что оно обладает многими только ему присущими возможностями, что оно способно создавать и создает свои собственные, оригинальные программы, формы и жанры общественно-политических и художественных передач. Следовательно, мы вправе говорить о радио как о самостоятельном, своеобычном виде искусства. Но это тема особого, большого разговора.

Советское радио и телевидение. 1962. № 12. С. 2–4.

А.А. Ильина

О чести журналиста

Когда по радио и телевидению выступала Надежда Григорьевна Заглада, я слушала душевные слова украинской колхозницы и думала о нашем коллективе, о своих товарищах журналистах.

Вот мы, журналисты, с помощью печати, радио, телевидения донесли мысли Н.Г. Заглады до миллионов, для того чтобы каждый советский человек задумался над ними, посмотрел на себя, на своих товарищей. Многие из нас писали о том, какой широкий отклик у тружеников города и деревни нашел призыв дорожить честью хлебороба, честью рабочего, как проявляется у советских людей чувство гражданского долга.

А мы сами, поставленные партией на ответственнейший участок идеологической работы, пропагандирующие великие идеи программы строительства коммунизма, при этом подумали о себе, о чести советского журналиста?

Ох, видимо, далеко не все, потому что не все в порядке в нашем доме Центрального радио.

Вместе с работниками, которые отдают себя без остатка интереснейшей нашей профессии, ходят по этажам радиодома и телецентра люди, порочащие доброе имя советского журналиста.

Думается, что и наши партийные организации недостаточно настойчиво напоминают коммунистам об их высоких обязанностях вос-

питателей человека будущего, о том, что воспитывать должно в первую очередь личным примером.

Что греха таить: хорошие слова о высоких моральных качествах советского человека, которые мы так часто пишем и произносим у микрофона, потеряли для некоторых авторов всякий смысл. Как стертая монета, они звенят, не затрагивая мысли самого автора. Сколько раз каждый из нас писал слова, ставшие девизом советской жизни: «Опыт передовых — отстающим!» А мы сами передали свой опыт товарищу, который отстает? Ведь отстающий это не только тот, кто прогулял, не выполнил задания, сделал брак. Отстающий и тот, кто отстает от общего движения советского народа к коммунизму, кто носит на себе родимые пятна старого мира, проявляющиеся и в отношении к труду, и в отношении к товарищам по работе, к семье, и тот, чья обывательская хата упрямо стоит с краю и никак не желает сделать шаг, чтобы встать в общий ряд.

Многие с чистой совестью могут сказать, что они помогли начинающему редактору или корреспонденту овладеть мастерством, товарищеским примером излечили коллегу от недисциплинированности, добились того, что верхогляд избавился от зазнайства. В редакциях иновещания с уважением относятся к Борису Орлову, недавно избранному секретарем парторганизации главной редакции пропаганды. Обозреватель Орлов — творческий человек, стремящийся к доскональному знанию тех вопросов, о которых он пишет. Партийный руководитель Орлов — человек принципиальный, умеющий вовремя поддержать человека и непримиримый к недостаткам.

А рядом с ним до недавнего времени работал Григорий Соловьев, которого на седьмом этаже называют «хитрым плагиатором». Не раз, как говорится, хватали его за руку, не раз увещевали и наказывали, а член КПСС Соловьев все ловчее изыскивал способы получить деньги за работу, сделанную другим. Кто знает, может быть, если бы он не оставил на столе журнал «Уральский следопыт», откуда он списал очерк, поставив под ним свою фамилию, то и сегодня еще в нашей семье радиожурналистов жил бы этот литературный вор.

И это ведь не единственный случай. Не так давно был разоблачен и уволен рязанский корреспондент Мыльников, укравший очерк у своего коллеги.

Так одни строят жизнь, а другие в ней устраиваются всеми правдами и неправдами.

Строителей в нашем коллективе огромное большинство, устраивающихся единицы, но они позорят честное имя радиожурналиста. Надо ли говорить, что строители за них в ответе.

Еще об одной болезни в нашем коллективе хочу я здесь написать: о дилетантстве. Порождается оно в большинстве случаев зазнайством. Многие продолжают учиться всю жизнь, а другие пользуются старым, иногда изрядно уже растерянным багажом.

Не один десяток лет работает в редакции «Последних известий» беспартийный корреспондент Г.Г. Маневич. Его осведомленности в вопросах советской экономики может позавидовать каждый. Его знают

новаторы промышленности и ее руководящие работники. Он снискал себе уважение в коллективе редакции своей деловитостью, трудолюбием, скромностью. У опытного репортера Маневича училось не одно поколение начинающих журналистов.

А в соседней с нами редакции еще недавно работал товарищ, который разучился делать то, что когда-то умел, растерял знания, полученные когда-то в институте. Леность мысли, самодовольство — вот что привело его к печальным результатам. Приходила в редакцию неумелая молодежь и быстро обгоняла своего руководителя в журналистском мастерстве, в знании экономики.

Он не совершил никакого преступления, этот руководящий товарищ, но жизнь выбросила его из тележки как отставшего от требований времени.

И этот пример не единственный в стенах Комитета. Бывали и другие причины, которые вынуждали коллектив требовать убрать зазнайку. Один из них вообразил себя сверхчеловеком, противопоставил себя партийной организации, всему коллективу. И от него освободились.

А ведь что примечательно. Освобождают людей от руководящего поста по инициативе, по требованию коллективов, которыми они руководили. Так общественность помогает руководству Комитета улучшать качество радиовещания. Это хорошая примета в нашей жизни. Она говорит о том, что наши работники не считают, что их хата стоит с краю, когда решается вопрос о руководителе редакции, отдела. Она свидетельствует и о том, что руководство Комитета считается с мнением общественности. Можно надеяться, что приходит конец порочной практике, когда слабый работник, будучи однажды по ошибке назначен на руководящую должность, провалившись, благополучно перемещается в другой руководящий кабинет. Эти факты заставят задуматься тех товарищей, которые, зазнавшись, не считаются с замечаниями подчиненных, в ответ на критику в их адрес повышают тон, а то и грозят уволить критикующего. Есть еще, к сожалению, и такие в нашем большом коллективе. Среди наших корреспондентов есть и такие, которые считают, будто они уже так выросли, что им не пристало писать информацию, заметки, что они могут заниматься только крупными формами — радиокомпозициями, трансляциями, большими репортажами. Боюсь, что за этими громкими словами о собственном росте кроется иногда самое обыкновенное стяжательство. Ведь работать над большими формами выгоднее, чем над информацией. Так некоторые корреспонденты противопоставляют личные интересы интересам редакции, а мы иногда этому потакаем...

Почти все проступки, позорящие высокую честь журналиста, накладывающие пятно на наш коллектив, совершаются алкоголиками. Им свойственны многие пороки: рвачество, зазнайство, грубость, наплевательское отношение к работе, неуважение к коллективу.

Бытуют в некоторых редакциях традиции, доставшиеся нам в наследство от старого мира. Получили зарплату, гонорар — идут компанией пить. Так бывает и у нас, в «Последних известиях». Сделают хорошую передачу — отмечают свой творческий успех за бутылкой...

Страшная трагедия, постигшая недавно работников пакистанской редакции, отнюдь не пьяниц, заставляет нас крепко задуматься над тем, как гибельно легкомысленное отношение к спиртным напиткам и либеральное отношение к тем, кто на наших глазах злоупотребляет ими...

Многое еще хотелось бы сказать о том, что наболело, что мешает нашей работе, что позорит доброе имя журналиста...[82]

Советское радио и телевидение. 1963. № 1. С. 36–37.

С.Н. Колосов[83]

«Вызываем огонь на себя» — документализм в литературном сценарии

19 июля 1959 года я прочитал в «Комсомольской правде» небольшую документальную повесть О. Горчакова «Вызываем огонь на себя». Она рассказывала об интернациональной подпольной организации, которая проводила разведку и диверсии на крупнейшей гитлеровской авиабазе, расположенной в поселке Сеща (между Рославлем и Брянском). Меня не оставили равнодушными живые детали, достоверные подробности, составляющие обаяние этой повести. Но более всего меня взволновали, задели за сердце судьбы людей, входивших в состав этой подпольной группы или связанных с ней. Удивительные, яркие, драматичные в своей жизненной первооснове, они как-то «отбивались» от уже ставших привычными стереотипов образов молодых партизан, подпольщиков, разведчиков эпохи Великой Отечественной войны...

Но так сложилось, что вернулся я к этой теме только весной 1963 года, раздумывая над будущей работой для радио.

Я позвонил Овидию Александровичу Горчакову.

Оказалось, что за это время он вместе с польским писателем Янушем Пшимановским написал книгу «Вызываем огонь на себя»...

Книга взволновала меня своей непридуманностью, свежестью атмосферы, деталей, масштабом и драматизмом подлинных судеб, которые легли в основу этой повести, своим документализмом.

Видимо, накопленное годами, в период военной службы, во время учебы у А.Д. Попова и работы с ним, в собственных режиссерских опытах в театре и кино, на радио и на телевидении помогло мне уловить аромат подлинности этой вещи. Я немедленно пошел к главному режиссеру «Театра у микрофона» А. Платонову, с которым меня к тому времени связывала творческая дружба, и рассказал ему о том, что хотел бы сделать эту повесть для радио...

— Ты обязательно сделаешь эту работу! Я это обещаю. Это будет хорошая работа. Мне бы хотелось, чтобы она дала возможность нашей редакции совершить эксперимент.

И он с увлечением стал рассказывать о программе дальнейшего обновления радиотеатра, над которой думал последние месяцы. Но не суждено было реализовать ее: через девять месяцев он скоропостижно

скончался... А пока Александр Иванович попросил «аврально» сесть за написание радиопьесы, сделать ее как можно быстрее, чтобы передача прозвучала в годовщину Победы, то есть через два месяца.

И я принялся за работу. Цейтнот в творческом деле имеет не только отрицательные, но и положительные стороны. Работа, не растянутая по срокам, обычно отличается большей непосредственностью, живым темпераментом, а осуществленная медленно может быть и филигранной, но порой несколько засушенной. В данном случае и произошли естественные потери и приобретения. Но, кроме того, в результате спешки возникло обстоятельство, сыгравшее в дальнейшем почти роковую роль в судьбе этой вещи.

Дело в том, что из-за краткости сроков я не проник достаточно глубоко в документальный материал. А ведь эта история, построенная на подлинных событиях, на реальных людях, требовала к себе особенно тщательного и осторожного подхода. Требовались не только навыки радиодраматурга — необходимо было провести определенную исследовательскую работу. Я же полностью доверился тексту книги, почти не встречался с людьми, которые участвовали в сещинской эпопее, многое досочинил. Горчакова в это время не было в Советском Союзе, а никого из сещинцев я тогда еще не знал.

В работе над радиопьесой я стремился найти структуру, дающую возможность подчеркнуть документальность этой повести, подлинность событий и судеб. И только в результате напряженных поисков эта документальная краска нашлась: заканчивалась радиопостановка выступлениями участников сещинской эпопеи. Было необходимо предоставить слово организатору и бессменному командиру 1-й Клетнянской партизанской бригады Ф.С. Данченкову, а также двум зарубежным героям — наиболее деятельному из польских подпольщиков (среди оставшихся в живых) Яну Тыме и чешскому патриоту Венделину Робличке.

Оставалось решить вопрос о том, кто же из здравствующих разведчиц, олицетворявших как сещинскую подпольную группу, так и тесно связанную с ней армейскую и партизанскую разведку, представит их. В книге наиболее подробно описано участие Л.И. Сенчилиной, которая по-прежнему жила в Сеще. На этой кандидатуре мы и остановились.

Организация четырех интервью при крайне ограниченных сроках оказалась делом сложным, особенно в отношении зарубежных товарищей. По просьбе советского радио чехословацкое радио связалось с Робличкой и записало его выступление. Сложнее было записать Яна Тыму, так как он жил в гарнизоне авиационной части, далеко от столицы. Но и это было сделано. Оба интервью пришли буквально в последний момент, когда я уже терял надежду.

По приглашению радио Л.И. Сенчилина приехала в Москву. Ко мне подходит подтянутый, крепкий человек, которому по виду далеко до пятидесяти и с веселой улыбкой спрашивает:

— Вы Сергей Николаевич?

— Я. Вы... Федор Семенович?!

— А чему удивляетесь?

— Так я же... думал, вы... старый...

Мы расхохотались, пожали друг другу руки. С того памятного дня Федор Семенович Данченков вошел в мою жизнь не только как герой радиоспектакля и телевизионного фильма, его основной консультант, но и как большой друг.

Да, я не разобрался в возрасте Ф.С. Данченкова, но это была не самая большая ошибка радиоспектакля. Я не разобрался во многих ситуациях, фактах, людях, ибо очень спешил.

А между тем — в этом меня убедили дальнейшие события, которые вокруг радиоспектакля вскоре разыгрались, убедила последующая работа над воссозданием в фильмах образов реально существующих людей и реальных событий — именно эта сфера работы сценариста требует тщательности, упорства исследователя, знаний историка, твердости публициста. Но прежде всего, разумеется, эта сфера требует обстоятельного изучения действительной роли людей, которых мы называем их подлинными именами и фамилиями. Наше время требует не создания мифов, а следования историческим событиям и реальным фактам. И даже если события эти необыкновенны, похожи на легенды, нужна документальность этих легенд.

И как только сели мы с Данченковым для подготовки его интервью, я понял, что очень мало знаю о Сещинском подполье, о боевых действиях тесно связанной с ним 1-й Клетнянской партизанской бригады, Дубровского подполья и армейской разведки.

Я путался в фамилиях и датах, в оценке итогов боевых действий, в судьбах людей и хронологии событий. Данченков оказался достаточно тактичным человеком, чтобы не травмировать меня. Он обещал в своем выступлении дать наиболее точное представление о событиях...

И вот 7 мая 1963 года состоялась передача в эфир первой серии, а 9 мая — второй серии радиоспектакля «Вызываем огонь на себя».

Пришло немало писем. Первыми откликнулись партизаны.

«Хочется от имени партизан и подпольщиков поблагодарить вас за радиопостановку и сообщить вам, что она воспринята бывшими партизанами и многими трудящимися Брянщины с большим интересом и восторгом», — писал бывший комиссар 1-й Клетнянской бригады И. Гайдуков.

Писали и обычные радиослушатели. Писем было много. Просили о повторе.

И он был запланирован, объявлен в программе, но не состоялся. Меня ознакомили с телеграммой сельской учительницы Е.А. Ивановой, которая была первооткрывательницей истории Сещинского подполья и стояла в большом списке консультантов третьего тома «Истории Великой Отечественной войны». Она опровергала передачу и потребовала ее снятия. И передачу сняли.

Когда Горчаков собирал материал, писал первый (газетный) вариант повести, публиковал ее в отрывках, а затем выпустил целиком первым изданием, он не учел некоторых обстоятельств — творческих и этических. Коль скоро были упомянуты подлинные фамилии, названы

даты и реальные места действия, это обязывало к большей тщательности, к многократной проверке и перепроверке готовящегося к публикации материала. Особая сложность заключалась в том, что главные действующие лица этой драматической истории, погибнув, унесли в могилу важные обстоятельства своей боевой деятельности и оценку роли своих помощников и товарищей. С другой стороны, некоторые люди, к счастью оставшиеся в живых, как правило, помнили какой-то определенный аспект, участок общей деятельности сещинской группы. Но среди оставшихся в живых были и те, кто по роду своей боевой деятельности имел более широкое представление о действиях сещинских подпольщиков и их тесной взаимосвязи с борьбой партизан и армейской разведки. Те и другие безусловно хотели видеть правду такой, какой она — полностью или частично — осталась в их памяти.

Положение осложнялось особенностями сещинской подпольной группы, которые я понял в процессе вхождения в материал...

Когда Е.А. Иванова услышала радиопостановку, она в высшей степени активно стала выступать против того, что в ней пришлось ей не по душе. Появление радиопостановки, в которой действительно имелись неточности, вольная трактовка исторических фактов, усугубленная неосведомленностью автора и режиссера, подлили масла в огонь, который до этого только тлел, а теперь разгорелся.

Положение было, как говорится, хуже губернаторского. Получилось, что я вовлек радио в недобрую историю, которая дискредитировала и меня, и Горчакова с его повестью, да и самих сещинцев. Аргументированно опровергнуть Е.А. Иванову было мне не так просто, тем более что некоторые позиции радиопостановки были действительно уязвимы для критики с точки зрения исторической достоверности. Нужны были время, усилия и добрая воля многих для того, чтобы докопаться до истины, опровергнуть Е.А. Иванову или согласиться с ней и внести необходимые коррективы в имеющийся радиоспектакль.

И вся эта история была бы еще не так страшна, если бы буквально за неделю до ее начала в кабинете директора нашего молодого творческого объединения «Телефильм» К.И. Ширяева не состоялся такой разговор:

— Сергей Николаевич, нет ли у тебя какого-нибудь материала для создания трехсерийного телевизионного фильма? Сейчас много говорят об успехе многосерийного фильма ГДР «Совесть пробуждается». И нам пора бы сделать такой фильм.

Сначала я ничего не мог предложить. И вдруг — «Вызываем огонь на себя»! Вот та вещь, над которой я, имея опыт работы над радиопостановкой, мог бы немедленно начать трудиться как над основой многосерийного фильма.

Мое предложение в течение нескольких дней было рассмотрено и включено в план... И вот стало известно о снятии радиоспектакля, о протестах Ивановой и поддерживавших ее лиц. Судьба фильма висела на волоске. Пришлось проявить волю и настойчивость, чтобы отстоять право на дальнейшую работу над ним. Суть этой борьбы заключа-

лась в том, чтобы отстоять историческую достоверность событий, о которых мы намеревались рассказать, отстоять честь и доброе имя некоторых участников подпольной борьбы — погибших и здравствующих. Для того чтобы компетентно, со знанием дела отстаивать документальность легендарных дел сещинцев, мне надо было на очень короткий срок превратиться в собирателя и исследователя исторических материалов. Это и было сделано...

Колосов С.Н. Документальность легенды. М., 1977. С. 20–29.

Ю. Богомолов[44]

О прописных истинах и штампах ...

Привыкая к штампам, радиослушатель перестает вслушиваться в звучание слов, которые он не однажды слышал. Сознание выключается, и слово в передаче проходит вхолостую.

А прописные истины, да еще произнесенные менторским тоном, как свежее изобретение автора, раздражают, рождают порой ироническое отношение к вполне серьезным передачам.

И наоборот, бережно отобранное слово, согретое мыслью и чувством, требует от радиослушателя сосредоточенного внимания. Значение и силу слова надо оценивать «по тому, сколько оно захватывает и поднимает за собой чужого настроения», — писал В.Г. Короленко. Судите сами, какова «работоспособность» таких вот частей передач.

Передача Г. Бубновой «Люди, обретшие крылья», прошедшая по промышленной редакции. В ней выступает заместитель директора мелькомбината.

— Мне трудно найти, выделить то главное, что сдружило, сплотило людей, что явилось ключом к достижению тех успехов, которые у нас имеются.

Корреспондент (*«помогая» собеседнику*):

— Мне кажется, Алексей Яковлевич, что главное все-таки в людях, в их высокой сознательности, в большой творческой дружбе.

После подобного «разъяснения» так и подмывает громко крикнуть: «Правильно-о!» — настолько верна мысль корреспондента. А посмотрите, какая скромность: «Мне кажется». Дескать, я не претендую на истину в последней инстанции, но мне хочется высказаться...

Вот слова, перебегающие из выступления в выступление комсомольских работников: «энтузиасты», «молодые патриоты», «по велению сердца», «борьба с суровой природой», «закаляются», «участие в массовых мероприятиях», «повседневная работа», «кон ? прилагательными из передачи московской областной редакции «По письмам москвичей»: «энтузиасты санпросвещения», «ценная работа», «благородная цель», «драгоценный капитал», «замечательные помощники санпросвещения», «большая повседневная работа» и опять «энтузиасты санпросвещения». (Почему-то слово «энтузиасты» за последнее время прочно укоренилось в передачах: а) молодежных, б) на темы санпросвещения и в) озеленения.)

А вот штампы вопроса-допроса из передачи Б. Лазарева «На переднем крае жатвы», подготовленной сельхозредакцией.

«Корреспондент (*поднимаясь на капитанский мостик комбайна*). Это какая клетка?

Комбайнер. 14-я клетка.

Корреспондент. Сколько здесь га?

Комбайнер. Здесь 380 га.

Корреспондент. Вы только начали ее сегодня?

Комбайнер. Нет, вчера начали.

Корреспондент. Сколько времени вам потребуется, чтобы убрать?» и т.д.

Как обыгрывать цифры в передаче?

«Всего одна цифра, но она говорит о многом», «всего две цифры, однако они красноречиво говорят...», «за этими сухими цифрами...»

А вот «запасная часть» для передачи по письмам:

«Перед нами три письма, взятые наугад из почты радиостанции "Юность". Не потому, что они оказались наиболее интересными. Нет. Обычные письма наших радиослушателей. Они разные по содержанию. Но есть в них что-то общее, что заставило нас прочитать их».

Сколько передач по письмам разных редакций начиналось именно так!

И еще один прием в сокровищницу штампов: сравните поле — с морем, след комбайна — со следом корабля, и вы будете наверняка не первыми.

Для того чтобы закончить передачу, можно использовать несколько видов концовок, твердо вошедших в обиход отдельных редакций: «полны решимости», «приложат все силы», «претворят намеченные планы»...

В наших передачах часто звучат слова большого политического значения. Они отражают явления нашей жизни, и никто, конечно, не против этих слов. Но тем более мы должны относиться к ним бережно.

Я все-таки воспользуюсь прописной истиной и скажу, что от частого звучания такие слова и фразы стираются, сила их воздействия, как иногда говорят, «меткость попадания» снижается. Радиослушатель эти слова начинает воспринимать как нечто «полагающееся по штату» каждой передаче...

Слово в наших передачах должно работать, «поднимать за собой известную долю чужого настроения», иначе оно не имеет права звучать в эфире.

Советское радио и телевидение. 1963. № 10. С. 36–37.

П.С. Гуревич[85]

Радио — вещь звонкая

...Споры о специфике радио, его назначении, изобразительных средствах, о его будущем ведутся, на наш взгляд, на очень узкой теоретической основе. Сторонники различных точек зрения оперируют довольно ограниченным материалом. Для подкрепления своих поло-

жений они используют отрывочные примеры из практики радиовещания. Личные же впечатления оказываются порою недостаточными для широких выводов.

Так, в статье Л. Мери «Где начинается искусство радио?», опубликованной в четвертом номере нашего журнала за 1963 год, говорится о важных проблемах. Но у автора странным образом перепутаны два разных понятия — искусство радиовещания и радиоискусство. Статья начинается с попыток определить художественную природу радио, но ограничивается лишь проблемами стиля вещания. Радиопередачи могут быть искусно сделанными, но станут ли они в этом случае произведениями искусства?

Возражая Л. Мери, другой участник разговора, М. Микрюков, («Снова о радиотеатре» — «Советское радио и телевидение», № 6) утверждает, что радио в подавляющей части своей деятельности — не искусство. Автор ищет художественную природу радио в той сфере вещания, где есть собственная драматургия, созданная с учетом внутренних законов этого вида искусства. Однако вопроса о специфике радио такой подход не проясняет. Главное тут — именно в раскрытии внутренних законов драматургии радио, его образной сферы. Ведь кино не потому искусство, что в основе его сценарий, который и сам подчинен законам экрана. Проблемы мастерства, создания радиотеатра бесспорно играют важную роль. Но основополагающим нам представляется выяснение эстетической природы радио, его художественных возможностей. Верно ли, что радио — это искусство для слепых? Справедливо ли, что отсутствие изображения лишает его образной силы? В каком смысле можно говорить об узости художественной сферы радио?

Прежде всего, нет на свете искусства неограниченных возможностей. Каждый вид эстетической деятельности имеет свою природу и ограничен определенной сферой. Музыка обращается к слуху человека, балет не пользуется словом, живопись рассчитана на зрительное восприятие. Мимическое искусство, казалось бы, до предела ограничивает свою сферу, но никто не отрицает свойственной ему эмоциональной силы. У кино — большой экран, у телевидения — маленький. С позиции теории «ограниченных возможностей» телевидение бесперспективно...

Ограниченность возможностей того или иного вида искусства есть в то же время проявление его силы, его способности эмоционально воздействовать. Именно поэтому не сбылись высказанные в прошлом нерадостные прогнозы, будто появление кино убьет фотографию, что звук погубит «Великого немого», что экранное изображение перечеркнет радиоискусство.

Радио — искусство слуха. Его художественная природа выявляется лишь тогда, когда возникает слуховой образ. Слух — живой и чуткий мостик к самым ярким эмоциям, к огромной концентрации фантазии. Главное — понять эту образную природу слуха и воздействовать на нее. Лишь в этом случае, по словам А.И. Герцена, звук может стать эстетической реальностью.

Вспоминается, как однажды работники телевидения готовили передачу о первой симфонии Калинникова. Были найдены хорошие иллюстрации. По замыслу авторов передачи, зрительный ряд должен был дополнять ту картину, которую вызывала в фантазии каждого музыка. Но, удивительное дело, сложения образных средств не произошло. Экранные изображения, хотя и были подобраны удачно, снизили эмоциональное воздействие музыки. Речь здесь идет не о качестве данной передачи или просчетах ее авторов. Хочется лишь подчеркнуть, что образы, рожденные воображением зрителей через слуховое восприятие, оказались богаче конкретных зрительных изображений.

Слуховой образ сам по себе может нести большой художественный смысл. Вспомните, как в спектакле Художественного театра «Вишневый сад» обыгрывался звук лопнувшей струны. Передача «Последних известий» по Центральному радио начинается с заставки, представляющей собой первые такты мелодии Д. Шостаковича и космические позывные. Это ведь тоже попытка создать слуховой художественный образ, вызвать определенную эмоциональную настройку.

Один из работников художественного вещания, А. Ардатов, на заре радио писал: «Кино называют Великим немым. Лишь сменой образов кино находит ключ к вашим переживаниям, заставляет радоваться, грустить, жить ярко, поддаваться его влиянию и силе. И только одними безмолвными образами! Насколько же сильнее может быть сила воздействия радио. И подобно тому, как глаз объектива съемочного киноаппарата выбирает для кинокартины самое значительное, пластическое, яркое, "фотогеничное", так радио будет черпать из жизни все самое "звучащее"». (Газета «Новости радио» от 6 ноября 1927 г.)

Как видно из приведенной цитаты, радио в ту пору без оговорок считали самостоятельным видом искусства, сферой проявления которого является слуховой художественный образ. В то время и родились слова «Радио — вещь звонкая!» Они принадлежат А. Луначарскому, который в ряде выступлений стремился осмыслить эстетическую природу радио.

Позднее термин «радиоискусство» потерял свой первоначальный смысл. Так стали называть художественное вещание. За радио все больше укреплялась слава звукового курьера, проводника искусства в массы. Появилось неверие в образную силу радио, в его художественную природу. Объяснялось это, видимо, во многом неправильными представлениями о том, что такое слуховой образ вообще...

Было, например, живучим убеждение, будто радио должно с помощью слуха создавать четкие, деталированные зрительные ассоциации и картины. Изобрели даже специальный термин — «звукозрение». Разумеется, поиски в этом направлении принесли мало удач, зато породили неверие в изобразительные возможности радио. В 1930 году на радио была поставлена пьеса А. Афиногенова «Днипрельстан». Как рассказывает сам автор, он стремился перевести звуковые кадры в зрительный ряд. То есть делалась попытка выбрать такие звуковые средства, которые якобы заставляли видеть то, что слышится в эфире. Это был, так сказать, путь опосредованного воздействия, через конкретные зрительные картины.

Многие работники радио уже тогда понимали никчемность этих попыток. Так, Е. Шатуновский в одном из своих выступлений иронически заметил, что к картине фламандских мастеров надо приделать рожок, чтобы бык, изображенный на полотне, мог мычать. Когда, мол, столпятся зрители, надо нажать рожок. Будет полное художественное впечатление, недостаточность живописи будет преодолена и восполнена. Но ведь живописец не стремится вызвать слуховые ассоциации и тем самым компенсировать отсутствие звука. Незачем и «звуковым искусствам» (термин, предложенный А. Луначарским) стремиться к переводу звуковых образов в зрительный ряд. Слуховые образы имеют свою эмоциональную сферу.

Здесь сознательно изложен пример из истории советского радиовещания. Существует предрассудок, будто за все время существования радио мало что изменилось в его изобразительных средствах. В действительности представления о слуховом образе часто менялись, обогащались практикой. Поэтому разговор о специфике радио можно вести не только на материале современного вещания. Более того, становится все более очевидной необходимость осмыслить оценки, данные радио А. Луначарским, М. Горьким, В. Маяковским, В. Мейерхольдом, В. Качаловым. Без привлечения богатейшего фактического материала, без теоретического осмысления практики вещания нельзя решить этих проблем.

Сравнительно недавно в наш язык вошло выражение «образное видение». Нет нужды расшифровывать его смысл. Мы далеки от желания предлагать читателям тотчас же скороспелое нововведение — «образное слышание». Но суть не в термине, а в природе образной сферы радио. И нам кажется, что эстетическое осмысление художественной природы было начато еще А. Луначарским. Говоря об исключительном уточнении слуха, он имел в виду умение создавать слуховые образы. И в этом смысле он говорил о победе над звуком, которую связывал с будущностью радио.

В.Мейерхольд поставил на радио единственную работу — пушкинского «Каменного гостя». Это один из интереснейших радиоспектаклей. Режиссер добивался особого «музыкального» звучания шагов Донны Анны, ступающей по каменным плитам, искал эмоционально-звуковые эффекты. Он требовал «выпуклости, рельефности звука», справедливо считая, что слуховой образ призван разбудить фантазию слушателя...

Эстетическая природа радио позволяет создавать яркие художественные произведения не только на основе спектаклей, но и на журналистском материале. Здесь важен не формальный признак — спектакль или документальный рассказ, специально написанный сценарий или использование уже готового материала. Рассказ К. Паустовского «Слепой повар» написан, например, совсем не для радио. Однако радиоспектакль «В один из зимних вечеров», созданный по этому рассказу, как будто специально сделан для эфира. Художественная фантазия автора рисует перед нами картину, сотканную из слуховых образов. Моцарт играет для слепого старика, и тот вспоминает свою

молодость, заново переживает первую любовь. Слушая музыку, герой говорит о саде, который возник в его воображении. Умирающий радостно восклицает: «Я все это вижу». В сознании старика рождаются эмоциональные образы такой силы, что возникает яркая, зрительно реальная картина. Это не пресловутое «звукозрение». Слуховой образ рождает художественное восприятие.

Видимо, мысль М. Микрюкова о радиодраматургии нуждается в уточнении. В эфире могут получить образное воплощение не только те произведения, которые принадлежат к самостоятельной отрасли художественной литературы, называемой радиодраматургией. Путь к удачам лежит через постижение драматургии радио, через раскрытие его образной природы.

Здесь, к слову, хочется сказать немного и об искусстве радио, то есть о профессиональном уменье, о художественных требованиях. Ведь именно к драматургии радио мы и безразличны чаще всего. Нередко музыка или шумовой эффект разрушает то впечатление, которое создано словом. Как часто слагаемые эфира создают скорее «звуковой винегрет», нежели слуховой образ. Кстати, можно еще встретить радиожурналистов, которые о своей непричастности к музыке говорят так, будто они раскрывают свою основную профессиональную добродетель. Когда слышишь такое, рождается неловкое чувство, будто капитан дальнего плавания пожаловался на морскую болезнь. Не встречали ли вы человека, который ходит по коридору и ищет музыку «для финала»? Такую, знаете, бодрую. У него, видите ли, в конце апофеоз, и ему нужно... В этом месте журналист обычно делает жест, который извечно означал рябь на воде.

Между тем путь к постижению художественной природы радио лежит через освоение его образного языка, через оттачивание инструмента, призванного одержать победу над звуком. В этом смысле хочется присоединиться к Л. Мери, чье выступление на страницах журнала пронизано одним настроением: нельзя говорить об искусстве, не оттачивая мастерства. Ох, как плохо, когда под спецификой радио понимают «нечто звуковое» или «даже музыкальное»...

Вспоминается одна из передач Л. Маграчева. Наверное, она в памяти у многих. Девушка едет в вагоне на операцию. Она слепая. Трудно надеяться на прозрение. Случайная встреча с попутчиком, студентом-иностранцем. Он играет на гитаре и поет песню. Автор берет на вооружение слуховой образ и с его помощью заставляет нас пережить удивительную историю. Проходит время, девушка прозрела, и снова звучит знакомая песня. На этот раз она будит столь живые воспоминания, так окрашивает эту житейскую историю, что передача становится волнующим рассказом, сплавом подлинного факта, острой мысли и яркого чувства. Поставленная на телевидении, эта история наверняка много потеряла бы. Утратилась бы ее подлинность, созданная документальными записями. Перенесенная в студию, история могла бы оказаться фальшивой. Так в силу вступают художественные законы радио.

Передача Л. Маграчева — не радиоспектакль. И все-таки это художественное произведение. Причем именно такое, которое может жить

только на радио. Художественные произведения на радио могут возникнуть не только в какой-то одной области вещания (радиотеатр, например), а всюду, где познана и раскрыта образная природа эфира. В ходе своего развития радио создало собственную драматургию, собственные художественные законы. И телевидению надлежит овладеть этой образной сферой, чтобы преобразовать ее в качественно новую, где будут жить, дополняя и обогащая друг друга, и слуховой и зрительный образы.

Итак, попытаемся все-таки ответить на вопрос: можно ли считать радио самостоятельным видом искусства? Думается, что для этого нет оснований. Правильнее, пожалуй, говорить об эстетической природе радио, о границах, средствах и способах его эмоционального воздействия. Впрочем, нет ли тут противоречия? С одной стороны — образная сфера, — художественные произведения, с другой — не искусство. Противоречия нет. У фотографии тоже свой образный язык, свой способ эмоционального воздействия, но тем не менее она не является особым видом искусства. И в этом вовсе нет умаления художественной ценности фотографии.

Радио, как и телевидение, может стать со временем самостоятельным видом искусства. Быть может, это случится на путях синтеза радио и телевидения. И тогда сбудутся пророчества, о которых говорилось в начале статьи. Осуществится победа над звуком и изображением, о которой мечтал А. Луначарский. Новая муза займет свое законное место на Парнасе. И просто дух захватывает от предчувствия тех еще не раскрытых возможностей, которые сулит радио. Радио — вещь звонкая!

Советское радио и телевидение. 1964. № 1. С. 24–26.

За что я люблю радио?
(М.И. Бабанова, А.А. Консовский, Н.В. Литвинов)

М.И. Бабанова[86]

...Слушатель для меня всегда один. Я ощущаю всю массу слушателей, как одно ухо... Это заставляет меня более филигранно отделывать фразы, слова, буквы. Перед микрофоном даже буквы начинают жить. Словно играешь под микроскопом...

Радио — самый большой, взыскательный и нелицеприятный друг актера... Я давно мечтала о создании настоящего радиотеатра со своими постоянными актерами, оригинальной драматургией. Мне кажется, что радио — это самостоятельный, хотя и сравнительно молодой вид искусства. Но, пожалуй, можно сказать, что это самое щедрое искусство. Его достижения доступны бесчисленному количеству людей...

А ведь именно в этом — счастье нашего творчества.

А.А. Консовский[87]

Работа на радио раскрывает огромные возможности для человеческой фантазии. Радиоактер должен, собственно, играть не столько для уха, сколько для глаза... Каждый слушатель видит по-своему, индивидуально.

Микрофон обладает возможностью передать тончайшие нюансы человеческих переживаний, дать «крупный план» человеческого сердца.

Радио — огромное поле для перевоплощения. Микрофон позволяет человеку-артисту разговаривать с самим собой. Это ли не специфика радио? Я имел огромное удовольствие работать с Розой Марковной Иоффе над «Маленьким принцем» А. Экзюпери. Слушатели не верят, что здесь только два исполнителя: М.И. Бабанова и я. Они никак не могут понять, как это два человека могут сыграть такое огромное количество ролей.

Тем людям, которые говорят, что у нас нет зрителя, аудитории, можно ответить: если человек лишен воображения, он не может работать в искусстве. Но наш «зритель», наша аудитория вполне реальны. У меня хранится огромное количество писем разных лет. Это отклики — и критикующие, и благодарные, и с подробным разбором моей работы, а часть — просто с просьбой ответить на какие-то жизненные вопросы. Артистам какого искусства еще выпадает счастье столь непосредственного глубокого контакта?

Когда я езжу по стране, то часто встречаюсь с людьми, которые, кроме кинофильмов, называют радиопередачи, запомнившиеся им на всю жизнь... Не может быть никакой речи о том, что мы не чувствуем своего слушателя... Радио — не только пропагандист других видов искусства, но и совершенно самостоятельное искусство. Есть что-то в работе у микрофона, что составляет его единственность и неповторимость. И эта неповторимость кажется мне очень дорогой. С появлением телевидения некоторая забота о специфике радио ушла в тень. Но, мне кажется, это не навсегда.

Н.В. Литвинов[88]

Слушатель на радио находится рядом с тобой. В радиотеатре нет первого и последнего ряда. Микрофон дает возможность какого-то особого рода общения актера со слушателем. И это общение более близкое, более интимное, более доверительное, что ли, чем в других искусствах. Я совершенно убежден, что особенность этого общения ощущает и слушатель, и исполнитель.

Репертуар радиотеатра должен быть самым разнообразным. Это и передачи театральных спектаклей, приспособленных для радио, и инсценировки литературных произведений. К сожалению, у нас очень мало оригинальных произведений, написанных специально для радио. Но для меня как для исполнителя и режиссера важно не то, написано это специально для радио или нет, а то, что произведение должно быть сделано средствами, присущими только радио, чтобы можно было сказать: на эстраде, в театре так нельзя, а на радио — можно. Вот, например, одна из моих любимых работ — «Голубая чашка» А. Гайдара. Так, как сделана эта вещь, она наиболее подходит только для радио. В детском вещании мы «издали» почти «Полное собрание сочинений» Гайдара именно средствами радио. Гайдар вообще звучит на радио особенно, так как есть возможность сохранить особую гайдаровскую

интонацию. По-моему, в театре, на телевидении он проигрывает. Много работ Розы Иоффе создано специфическими для радио приемами. Это она принесла на радио «Театр одного актера».

Однако амплитуда колебаний произведений радио очень велика. И отдельные хорошие вещи тонут в потоке безвкусицы. К огромному сожалению, есть какой-то закон в прессе — не замечать того, что происходит в художественном радиовещании.

Советское радио и телевидение. 1964. № 9. С. 30–31.

Ф.А. Поневежский[89]

С микрофоном в мастерской С.Т. Коненкова[90]

По роду своей профессии журналисту свойственно знакомиться с самыми разными людьми. Есть среди этих знакомств «однодневки», которые довольно скоро забываются. Но есть и такие, что надолго оставляют след в творческой работе корреспондента, обогащают его профессионально.

О нескольких моих интервью у одного из таких людей мне и хочется рассказать. Имя его известно миллионам. Это выдающийся советский скульптор, старейший деятель нашего искусства Сергей Коненков...

Мастерская его находится на одном из самых людных московских перекрестков — на пересечении улицы Горького и Тверского бульвара. Вместе со мной в гостях у Сергея Тимофеевича еще несколько человек.

Должен сказать, что я не был свободен в своих действиях. Я не вел интервью, не задавал вопросов, а лишь пассивно записывал все то, что говорил Сергей Тимофеевич. Зная заранее о такой особенности предстоящей встречи, я запасся большим количеством кассет. Не хотелось упускать ни одного слова, произнесенного Коненковым. И надо сказать, что запасливость оправдала себя.

Была трудность и другого рода. Меня предупредили, что у Коненкова есть странности, вполне, впрочем, простительные человеку в его возрасте. Он, например, никогда не снимает трубку телефона, так как не может разговаривать с человеком, не видя его лица. Не любит Сергей Тимофеевич и говорить в микрофон: он его... побаивается. Учитывая это, я провел всю запись так, что Коненков этого не заметил. Сел я таким образом, чтобы занять позицию рядом и чуть сзади него. Магнитофон стоял на полу с противоположной Коненкову стороны. Микрофон я держал на колене, замаскировав его перекинутым пиджаком. А перезаряжал кассеты я за спиной у Сергея Тимофеевича.

Несмотря на все неудобства, сама запись все-таки удалась. Правда, как только Коненков начал говорить, я понял, что некоторые фрагменты получатся некачественными. Сергей Тимофеевич часто отворачивался, говорил в противоположную от микрофона сторону, понижал голос. Пришлось сразу же переключить тумблер с «Р» на «М», чтобы обеспечить более отчетливый тембр звучания.

Говорил Сергей Тимофеевич вещи удивительные и интересные. Он рассказывал о своем детстве, проведенном на Смоленщине в селе Караковичи, об учебе в Петербургской Академии художеств, о любимых образах, о годах скитания за границей, о дружбе с Альбертом Эйнштейном, о своей любви к природе, к животным. Говорит он не торопясь, обстоятельно, сопровождая свою речь выразительным жестом, остроумной шуткой. Слушая Коненкова, забываешь, что ему уже девяносто лет. Он безошибочно цитирует на память Блока, Фламмариона, русские былины, Священное писание.

У каждого человека искусства есть какая-то своя главная тема. Есть она и у Коненкова. Я позволю себе рассказ Сергея Тимофеевича о своей главной теме процитировать так, как он записался у меня на пленке и как он был использован затем в передачах.

«Мы живем в самое необычное время и самое интересное в истории: именно в эпоху нового мировоззрения в большом масштабе — в мировом масштабе. Идет освобождение человека от рабства умственного, физического и морального. Образом освобожденного человека я избрал — уже пятьдесят лет над этим работаю — Самсона, разрывающего узы рабства. В былине написано, что сын крестьянский Илья Муромец имеет брата — Самсона. Кто ж такой Самсон, брат его? Это — пролетариат, Самсон — это блестящий, самый блестящий; "самсун" — солнце. Горький и Луначарский сказали, что Самсон — это русский народ. Один министр, другой писатель и я — скульптор, мы свидетельствуем, что Самсон есть пролетариат. Вот я всю жизнь сознательную, даже, может быть, с девятнадцати годов, делаю статую Самсона.

Самое важное — сознавать время, в котором мы живем. Мы говорим, что наступает эра нового человека. Сказано: не вливают вино новое в мехи старые, а вино новое вливают в мехи новые, чтобы, когда начнет бродить вино, не разорвало бы тех мехов».

Вернувшись в редакцию, я сразу же приступил к обработке записи. Прослушав пленку, я убедился, что выбрать нужные куски будет непросто. Коненков говорил очень о многом, и, как это обычно бывает в непосредственной живой беседе, мысль его часто перескакивала с одного на другое, фразы обрывались. Были, как я и предвидел, плохо записанные места.

Вчерне расшифровав запись, я с помощью оператора приступил к монтажу. Это была «ювелирная» работа. В течение нескольких часов мы очищали пленку от пауз, междометий, щелчков. Многие места надо было заново переписать с другим уровнем, поменять их последовательность. Кое от чего пришлось совсем отказаться. Короче говоря, это была настоящая редактура пленки. У одного оператора кончилась смена, и я завершил свою работу уже с помощью другого.

Наконец все было готово, и я заново расшифровал пленку. Конечно, сама запись значительно уменьшилась, но зато живая речь Коненкова стала более гладкой, связной и последовательной. Можно было начинать работу над репортажем....

Очень помогло мне также внимательное чтение многочисленных статей Коненкова, его книги «Слово к молодым», а также знакомство

с искусствоведческими работами о нем самом. Многое дала и посвященная жизни Коненкова лирическая поэма Николая Рыленкова.

Но этого все-таки было мало.

Я добился разрешения снова побывать в мастерской Коненкова. И хотя на этот раз сам Сергей Тимофеевич отсутствовал, его супруга, Маргарита Ивановна, любезно рассказала немало интересного о нем и провела со мной у коненковских скульптур настоящую экскурсию. Она, в частности, говорила о вкусах и привычках мужа, об инструментах, которыми он пользуется, о методах отбора дерева. Очень оживило будущий репортаж ее упоминание о том, что Сергей Тимофеевич, несмотря на свои годы, ежедневно трудится. Он рано встает и работает весь день. Вечером, уже в постели он рисует, читает или пишет. Сейчас Коненков пишет книгу воспоминаний. Каждое воскресенье Сергей Тимофеевич сам ходит в лес и выбирает дерево. Годится любое дерево, кроме сосны: ее форма и фактура не подходят для деревянной скульптуры.

Вспоминается смешной случай, рассказанный Маргаритой Ивановной. Он связан с одним из знаменитых коненковских кресел, сиденье которого сделано из причудливого сплетения ветвей.

— Однажды, — вспоминает Маргарита Ивановна, — пришли к нам две американки. Разглядывают это кресло, шепчутся. Слышу, одна спрашивает другую: «Как это ему удалось?» — «А я сразу догадалась, — отвечает та. — Он взял корягу, да и согнул ее». — «Но ведь это же не под силу человеку». — «Да, но ведь он же — русский».

Случай, конечно, забавный. Но и он добавил новую деталь к радиорассказу о Коненкове.

...Работа над репортажем продвигалась. И все-таки я чувствовал, что не хватает чего-то главного, какого-то гвоздя. Мало было рассказать о личности Коненкова, мало было дать прозвучать его голосу. Требовался еще квалифицированный, а главное, образный рассказ о его работах. А как это сделать? Ведь радио — не телевидение. Здесь нет зрительного ряда.

И тут мне на помощь пришла наша специфика, особенность радиожурналистики. Я вспомнил, что еще древние греки называли пластическое искусство застывшей музыкой. Музыка! Вот то средство, которым радио пользуется виртуозно и с помощью которого можно «оживить» скульптуру.

Произведения Коненкова дали для этого благодатную возможность. Дело в том, что Сергей Тимофеевич очень любит музыку и многие его работы непосредственно связаны с ней. Таков, например, образ карельского сказителя, перебирающего струны кантеле. Таков «Гармонист», изображенный на фризе Петрозаводского театра. Таков и знаменитый коненковский Паганини.

В передаче рассказ о каждом из этих произведений велся на фоне соответствующей музыки. Рассказ о портрете Паганини, например, сопровождался Кампанеллой в исполнении Леонида Когана. Застывшая музыка ожила...

Мало того. Я вспомнил, что видел у Сергея Тимофеевича оригинальную скульптуру «Арфа мира». Это сложный комплекс трех деревянных скульптур с натянутыми струнами. А что если для полноты картины записать «Арфу мира»?

Так своеобразие талантливого скульптора определило и особенности передачи о нем. В моей фонотеке появилась новая пленка, запечатлевшая игру Коненкова на «Арфе мира». Скульптура прозвучала в эфире...

Советское радио и телевидение. 1964. № 10. С. 7–8.

Писатели у микрофона

Юл.С. Семенов[91]

«Маяк» — это прекрасно!

...Разговор с писателем Юлианом Семеновым, мы начали вопросом о новой радиопрограмме «Маяк», о том, насколько его передачи удовлетворяют писателя и что в них, на его взгляд, еще несовершенно, не найдено.

— «Маяк» — это прекрасно, — ответил писатель. — Подобной программы у нас до сих пор не было: она хорошо скомпонована, информация ее кратка и конкретна (и поэтому слушается), а музыка несет вполне самостоятельную нагрузку. Работники радио, безусловно, нашли в «Маяке» нужную тональность, так как его передачи пользуются большой популярностью. Сужу так по своим знакомым. Да и сам я отдаю предпочтение «Маяку» перед остальными программами Всесоюзного радио. Сейчас я в основном работаю за городом, но регулярно наведываюсь в Москву и за рулем постоянно слушаю передачи «Маяка».

— Что бы хотелось видеть еще в новой радиопрограмме? — продолжает Юлиан Семенов. — Прежде всего — чтобы не чувствовалось, что она склеена ночью. А пока я это ощущаю. Кроме того, в передачах «Маяка» нет живинки, живого и веселого голоса ведущего, говорящего не по написанному тексту.

Информация «Маяка» довольно оперативна и разнообразна, но хотелось бы, чтобы ее география еще более расширилась. Предположим, приехал кто-то из-за рубежа. Почему бы радиожурналистам не связаться тут же с этим человеком и не получить от него в три–пять фраз самое первое впечатление от поездки? Или, например, отправить корреспондента каким-нибудь самолетом дальнего рейса и дать ему задание присылать регулярные, опять же короткие, на одну–две минуты, сообщения о жизни и работе летного экипажа. Эти же предложения я отношу и к редакции «Последних известий», вещающей по первой программе.

Теперь несколько замечаний о радиопередачах вообще.

Мне кажется, что было бы интересно готовить циклы передач, построенных на одном занимательном сюжете. Вот после опубликования

моей повести «Петровка, 38» меня стали называть «милицейским писателем». Но если отбросить шутки в сторону, и в МУРе, и в отделениях милиции таится неисчерпаемый материал как для литературы, так и для радио и телевидения. Мне кажется, что и там можно найти ключ к реализации моего предложения.

Как я представляю себе это практически? Нужно командировать от радио какого-нибудь способного журналиста или даже писателя в отделение милиции, который бы регулярно рассказывал о работе оперативников и других сотрудников милиции. Такие передачи, построенные на едином интересном сюжете, написанные на высоком литературном уровне, я не сомневаюсь, приобретут большую популярность.

Хотелось бы также, чтобы радио проводило, по примеру телевидения, викторины, которые охватывали бы по географии весь Советский Союз. И еще. Почему у нас на радио совершенно нет детских голосов? В передачах для юных слушателей почему-то всегда взрослые задают вопросы детям. А не сделать ли наоборот — чтобы дети задавали вопросы взрослым? И чтобы такие передачи обязательно носили живой, непринужденный, может, даже импровизированный характер, чтобы ни в коем случае не чувствовалось шпаргалки.

— Юлиан Семенович, хочется узнать ваше мнение о передаче, имеющей к вам прямое отношение: «Писатели у микрофона».

— Должен вам сказать, что мне эта передача не нравится. По-моему, здесь нужна четкая градация: необходимо определить наконец, кто умеет читать у микрофона и кто не умеет. А то получается, что радио работает себе во вред. Прослушаешь, как выступает какой-нибудь писатель с плохой дикцией, не обладающий способностями вести свободный разговор, и пропадает всякое желание знакомиться с его творчеством. Работникам радио нужно особенно чутко подходить к отбору в этом вопросе, чтобы не отпугнуть радиослушателей ни от писателя, ни от его нового произведения. Мне даже кажется, что у радио должна быть своя группа писателей, пусть всего несколько человек, пять — семь любимцев, которые не боятся микрофона и обладают известной степенью радиоталанта. А это немаловажно! И чтобы каждый из них выступал по вполне определенной теме.

— Кого бы из писателей вы лично хотели послушать у нашего микрофона?

— Думаю, что по вопросам сельского хозяйства могли бы интересно выступить Ефим Дорош и Георгий Радов, по вопросам морального кодекса — Илья Зверев и Владимир Амлинский. Почаще надо приглашать Евгения Евтушенко и других наших талантливых поэтов.

Много интересного могут рассказать нашим радиослушателям писатели старшего поколения. Ведь Леонид Леонов своим «Русским лесом» вовсе не исчерпал этой темы, точно так же, как и Константин Паустовский — «Кара-Бугазом». Юрий Казаков наверняка привез сейчас с Севера значительно больше материала, чем войдет в его новую повесть. А такие талантливые писатели, как Владимир Войнович, Георгий Владимов разве не могут оказать серьезную поддержку в улучшении нашего литературного вещания? Я уверен, что всем им есть о

чем поговорить с радиослушателем. Только эти рассказы должны носить не поверхностный характер, со словами «мне довелось увидеть» или «под крылом самолета», а поднимать глубинные пласты нашей жизни; должны быть не заметками праздного путешественника, а серьезным писательским анализом, что замечательного, нового появляется в нашей стране, как искореняются пережитки прошлого и т.д...

Р.И. Рождественский[92]

Нужна традиционность

С Робертом Рождественским мы разговаривали не только как с радиослушателем, но и как с автором передач. Творческая судьба не раз приводила поэта на радио. В частности, он подготовил в соавторстве с композитором Александром Фляркoвским передачу, которая называлась «15 минут до старта» и была удостоена премии в Праге. Роберт Рождественский не раз выступал у микрофона и со своими стихами. Учитывая знакомство поэта со спецификой эфира, мы спросили его, какой контакт писателя с радиослушателями ему кажется наиболее целесообразным.

— Мне не раз приходилось разговаривать со своими читателями на различных конференциях или просто на импровизированных встречах, читать свои стихи, отвечать на вопросы. Мне кажется, выступление поэта перед микрофоном — это тоже встреча с читателями, причем встреча самая массовая, перекрывающая любые расстояния, раздвигающая стены любого конференц-зала. А кроме того, такие выступления могут происходить значительно чаще. Я даже думаю, что они могут носить характер продолжения личных встреч, которые мы устраиваем с читателями. Обычно не успеваешь ответить на все многочисленные вопросы, которые тебе задают. А среди записок, присланных читателями, встречается очень много интересных. Вот мне и кажется, что можно было бы на радио готовить специальные передачи, как готовят передачи по письмам. Только в данном случае это будут ответы на записки читателей, а в роли обозревателя выступит поэт.

Б.А. Слуцкий[93]

Писатель и радио

...Я не совсем новичок на радио. С конца 1948 года и до конца 1952-го в эфир прошло не менее сотни моих передач — композиций, радиопьес, радиоочерков. В те годы в том же самом отделе детского и юношеского вещания работало десятка три литераторов, ныне очень заметных в поэзии, прозе, драматургии, кинодраматургии. Напомню некоторые имена: может быть, пригодится для истории нашего радиовещания. Кстати говоря, эта история не записана. А почему?

Систематически писал для детского радио Александр Хмелик, автор «Друга моего Кольки». Три или четыре раза в неделю приходил на Путинки Д. Самойлов, ныне ценимый поэт. Главным рабочим местом и почти единственным источником заработка в те же годы радио

было для В. Коростылева, для И. Кузнецова и А. Зака, для М. Львовского. Список этот легко расширить. Почему все эти люди совершенно или почти совершенно не работают для радио сейчас? Почему они появляются там раз в год, демонстрируя перед микрофоном нечто, написанное для журнала, газеты, издательства, а не для вещания? Почему втуне пропадает немалый радиоопыт, накопленный этими людьми? Говорят, что они выросли. А почему бы им не расти на радио, вместе с радио? Попробуем разобраться.

Во-первых, не образовалось самой профессии. Союз писателей, на моей памяти, не принял ни одного человека, занимающегося главным образом радиолитературой. А может быть, принял одного или двух, но это прошло совершенно незамеченным. Существует огромная, насчитывающая только в Москве несколько сот человек секция драматургов и, кажется, ни одного профессионального радиодраматурга. А ведь аудитория у вещания побольше, чем в театре.

Во-вторых, критика. Нет людей, систематически занимающихся разбором сочинений, написанных для радио, нет и массовых изданий, где такие разборы постоянно печатались бы. Гигантская, в десятки миллионов слов продукция центральных и местных радиостанций не разобрана и не исследована. Иногда критикуются накладки радио. В библиографии литературы о радиолитературе, если таковая существует, должно быть, есть две рубрики: фельетон и редакционная реплика. А должны преобладать книга о радиописателе, большая статья, кандидатская и докторская диссертации. Кстати говоря, уже давно возникла необходимость в научно-исследовательском институте, специально занимающемся радиолитературой. Почти полное отсутствие критики — это также форма общественного невнимания.

В-третьих, деньги. Авторское право не дает радиокомитетам никакой возможности выделить, оценить, стимулировать тексты, выдержавшие второй, третий, даже сотый тираж в эфире.

Вопросы материальной заинтересованности поставлены в сельском хозяйстве, в промышленности и во всех отраслях литературы. А на радио этим никто не занимается. Таким образом, передачи Д. Самойлова о слоненке, начинающем учиться, передачи, выдержавшие десятилетнее испытание, расцениваются точно так же, как радиомотыльки, живущие один день, а точнее — одну четверть часа. Нужна потиражная оплата, пусть небольшая, пусть символическая, а правильнее — перевод радиолитературы на правовые рельсы, существующие для литературы вообще.

В-четвертых, слава. Со славой все ясно. Каких знаменитых радиописателей вы знаете? А каких известных? А какие малоизвестные писатели вам малоизвестны?..

Гаврила, который служил хлебопеком, который бублики испекал, непритязательный Гаврила, не требующий общественного признания, боящийся критики, тот самый Гаврила, которому не до славы, были бы деньги, пусть даже не очень большие, торит тропки в радиостудии. Объективные условия этому способствуют точно так же, как не способствуют работе серьезных литераторов...

* * *

Лет семьдесят тому назад Эдисон разговаривал с художником Верещагиным. Радио еще не было изобретено, а фонограф, правда несовершенный, уже существовал. Изобретатель демонстрировал фонограф живописцу и говорил примерно следующее: хорошо бы записать объяснение в любви юноши и девушки и на тот же валик их разговор через несколько лет супружеской жизни. Вот как давно люди начали думать о том, что радио должно породить радиолитературу.

Советское радио и телевидение. 1964. № 12. С. 10–13.

Т.А. Чеботаревская[94]

«Маяк». Диапазон и темперамент

«Эффект отсутствия»

Не ирония ли это судьбы — телевидение едва переступило границы младенчества, а все наперебой пытаются возвести его на пьедестал искусства. Радио же, верный спутник человечества на протяжении всего двадцатого века, так и не обрело покровительницы-музы.

Телевидение может стать искусством, должно им стать — об этом пишут статьи, книги, говорят на конференциях. И мы жадно ищем своеобразные, одному ему присущие художественные возможности, охотно отмечаем, чем этот любимец домоседов отличен от своих собратьев — кинематографа или театра. Эстетика требует научных формулировок — пожалуйста! — и мы подыскиваем определения специфики самого молодого из искусств. Скажем, «эффект присутствия».

А что же радио? Оно так и останется средством информации, и никто не позаботится о нем как о художнике, своеобразном художнике, оперирующем лишь слуховыми образами? Никто не придумает для определения его специфики что-нибудь столь же оригинальное, ну, скажем, «эффект отсутствия»?

Но вот, ломая привычные каноны радиовещания, в эфир вышла новая программа.

«Не слышны в саду даже шорохи...» И через каждые тридцать минут снова: «Не слышны...» Восемь месяцев назад первая мелодическая фраза популярной песни В. Соловьева-Седого «Подмосковные вечера» стала позывными новой радиостанции. Мелодия эта оповещает о том, что вот сейчас, сию минуту, в вашу комнату ворвутся все треволнения мира, его радости и трагедии, что вы станете свидетелем важнейших событий, происходящих на земном шаре, сможете оценить их, принять в них участие... И они, события, действительно приходят в ваш дом.

Кому не приятно, едва включив приемник, узнать, что происходит в нашей стране и за рубежом, а в интервалах между «Новостя-

ми» послушать музыку, и серьезную, и именуемую легкой, стихи или прозаический отрывок, заочно оказаться на концерте или спортивном состязании.

Стремительно, оперативно, смело отражает «Маяк» многие явления жизни.

Ритмы радиостанции

Но информация — даже самая широкая, самая оперативная и разнообразная — ни в коей мере не исчерпывает задач «Маяка». Он обязан не просто «информировать» — для этого есть другие программы. «Последние известия», например. Ему противопоказано спокойствие бесстрастного регистратора фактов. «Маяк» — пламенный пропагандист, он призван активно вмешиваться в жизнь, комментировать, оценивать...

Но важно, чтобы, с одной стороны, этот «поток информации» был организован в целостную и убедительную картину жизни, а с другой — чтобы на фоне ее было выделено главное событие дня...

Можно представить себе, как трудно отбирать крупную событийную информацию на 48 выпусков в сутки! И все же непростительна бессистемность, которая ощущается в иных передачах «Маяка», отсутствие (употребляя очень выразительный термин К.С. Станиславского) «сверхзадачи» в работе.

Речь идет не о понятных и легко объяснимых просчетах. Не о том, что музыкальная редакция устраивает нам иной раз целые «дни балалайки», когда этот инструмент становится неудержимо активен, или «дни хорового пения» и не о том, к примеру, что в минувшую субботу особенно «повезло» музыке И. Дунаевского, его произведения были включены подряд в несколько передач.

Речь о другом. Об оперативном отборе материала по принципу его значительности.

Скажем, один из важных разделов «Маяка» — рассказы о советских людях. Возникла в последнее время даже специальная рубрика «Рассказы о героях дня и недели». Кто же сегодня совершил подвиг, который мы сегодня же и прославляем?

Семь минут продолжалась передача об одном из колхозов Ставрополья, где «строят дома, зернохранилища, фермы...» и где Ч. старается «приобщить людей к коллективному труду» и поднять общее благосостояние. Суконно, стертыми словами излагается биография хорошего человека. Но почему именно сегодня он стал героем «Маяка», понять невозможно...

Работники редакции, наверно, просто монтируют — лишь бы по времени подошли! — обычные записи, забывая о «специфике», о своеобразии задач...

А ведь — в идеальном случае — это должно быть первое исполнение, впервые прозвучавшая песня, отрывок из еще не напечатанного романа, едва законченное стихотворение... Или спектакль-юбиляр, или постановка, в которой дебютирует новый исполнитель... Словом — событие...

«Вещать» или беседовать?

Работники радио спорят: каким должен быть характер обращения диктора «Маяка» со слушателями? Должен ли это быть спокойный, приветливый, доверительный разговор, как, скажем, в телевидении, где красиво причесанные девушки так и стараются с экрана заглянуть вам в лицо, или краткая, стремительная, в ритмах XX века, реактивных самолетов и межпланетных кораблей информация? Что ж, спорить надо. Но, может быть, рано сейчас нормировать способы общения радиостанции со слушателями? Способы эти определятся сами собой позже, когда окончательно сформулируется идейно-художественная программа «Маяка», когда будет найдено окончательно то особенное, что станет его отличительной приметой. «Маяк» сейчас, с моей точки зрения, бывает порой излишне «деликатен». Перед началом передачи диктор обязательно скажет: «Предлагаем вам послушать песни советских композиторов и потанцевать» или «В программе нашей передачи вокальная и инструментальная музыка». Но ведь и то и другое мы сможем через секунду выяснить самостоятельно! А время, драгоценное время в эфире... А специфика...

Лаконизм речи, энергия интонации, стремительность ритма не ближе ли «Маяку»?

Назым Хикмет как-то сказал, что когда он начинал писать стихи, то представлял себя на людной площади с большим рупором в руках. И добавил: радио тогда не вошло еще в жизнь.

А вспомните известную фотографию Маяковского у микрофона — Маяковского, утверждавшего, что «трибуну, эстраду — продолжит, расширит радио».

Есть в природе радио что-то, что привлекало к нему сердца поэтов-трибунов. И если телевидение мы мыслим как задушевного, приятного, вполне «домашнего» собеседника, то радио... О, радио не заключишь в четырех стенах! Его голос звучит на людных улицах, перекрикивая шум машин, рокот мотора самолета. Его голос врывается в жизнь уверенно, звонко.

Право же, если провести границу между радио и телевидением, то различие следует искать именно здесь. Собеседник, находящийся рядом с тобой, или невидимый оратор, адресующий свою речь миру. Может, последнее и называется «эффект отсутствия»?

Я не берусь быть пророком, а тем более давать рецепты. Но не в сочетании ли, столкновении и сопоставлении документального и художественного материала заложены новые образные и пропагандистские возможности, характерные лишь для радио? Может, «Маяку» пойти на эксперименты в этой области?

Или вдруг голос диктора объявит: «Сегодня, ровно в 8 часов утра...» и эфир наполнится звуками мира, трагическими и прекрасными, мы услышим рокот моторов и строчки стихов, сложенных в этот час, скрежет подъемного крана и первый крик ребенка, еще не обретшего имени. И эти звуки, отобранные, смонтированные умным, наблюдательным радиохудожником, воссоздадут в нашем сознании образ одного часа нашего времени...

Позывные «Маяка» всегда должны звучать как требование: слушайте, какое событие только что произошло!..

Наивно было бы полагать, что «Маяк» призван решить все эстетические задачи, связанные с проблемой радиоспецифики, превратить радиовещание в радиоискусство. Однако несомненно — именно эта программа может многое сделать для определения современного радиоязыка, для утверждения пропагандистской и художественной специфики радио.

Литературная газета. 1965. 25 марта. С. 2–3.

О.А. Куденко[95]

Как мы создавали цикл «Подвиг народа»

...С первого дня скрупулезная работа над каждым материалом стала для нас законом, мы стремились «оживить» в звучании ярчайшие страницы истории, и это ощущение рождало небывалое чувство ответственности, почти никому ни о чем не приходилось напоминать, все — от машинисток до операторов — с большим пониманием, я бы сказал, с трепетом относились к новому делу и работали зачастую до глубокой ночи, по два, по три раза переделывая готовую передачу, добиваясь безупречно правдивого звучания, нужной эмоциональности, предельной точности всех выразительных средств. Порой работа шла одновременно в трех–пяти аппаратных и велась повсюду с тем хорошим творческим «автоматизмом», который бывает у отлично налаженного механизма...

Естественно, мы не мыслили своей работы без опоры на самый широкий актив...

Нам очень помогли сами слушатели, хотя многие материалы, присланные в наш адрес, мы, к сожалению, так и не смогли использовать.

И вместе с тем порой нам казалось, что иные творческие замыслы возникали «по везенью».

Дозволю себе привести характерный в этом отношении рассказ члена нашей группы В. Возчикова об истории одной передачи.

— Мне первый раз захотелось заговорить о «чертовском везенье» после того, что получилось с радионовеллой А. Александрова «Музыка боя» (режиссер Д. Горбунов) — о бывшем летчике, композиторе Л. Афанасьеве, по существу, повторившем подвиг А. Маресьева, — вспоминал Володя. — Ну, судите сами, не везенье ли это? Встречаю внизу у входа в комитет старого знакомого, журналиста Сергея Александрова. Давно не виделись.

— Я снова к тебе, — говорит Александров, — в «Юность». Очерк написал, кажется, вам подойдет...

— А я уже не в «Юности», — отвечаю.

— Может, посмотришь? Просто так...

Очерк о Леониде Афанасьеве потряс необычайностью сюжета и какой-то особой взволнованностью изложения. Уже через десять минут я за руку тащил недоумевающего автора, изумленного такой торопливостью, мимо комнат радиостанции «Юность».

— Это должен читать только Михаил Ульянов, — были первые слова коллеги, Ксении Васильевой, после того, как она прочитала материал.

Позвонили в театр, народный артист РСФСР М. Ульянов отвечает:

— Жаль, не могу, съемки, каждый час на неделю вперед расписан.

— Я все-таки поеду к нему, — сказал автор, на всякий случай, не очень-то веря в удачу. Редактор с режиссером «забронировали» студию.

Через час М.Ульянов приехал.

— Как ты смог его уговорить? — спрашиваю Александрова.

— Сначала он полистал материал, потом прочел целиком и говорит: «Не могу отказаться читать про такого человека». Так вот, уже стоя в пальто, все прочел... и видишь, он здесь...

Стоит ли говорить о том, что уже после первых передач редакционный портфель больше не пустел, что ежеминутно звонили все четыре телефона, что в небольшой, но уютной комнатушке редакции всегда было полно народу, излишне говорить и о том, что уже на вторую неделю работы журналисты получили тысячи писем — откликов на свои передачи, в газетах были опубликованы первые ободрившие нас похвальные статьи.

Напомню, что тема войны активно освещалась в это время многими другими редакциями радио, всеми газетами и журналами.

Для нас немаловажен был вопрос: как пройти своим фарватером, отыскать свой стиль, найти своих героев? Все это решилось само собой, когда мы обратились к документальным записям, и в первую очередь к сделанным в те пламенные годы нашими коллегами-радистами, на эти пленки мы получили «монополию», они-то и помогли нам в первую очередь осмыслить наиболее масштабные, общенародные явления войны, воплотить их в художественных образах...

С самого начала мы сознавали, что слушатели не поверят нам, если мы не заставим говорить само время, саму войну; если мы не воскресим голоса тех времен — словом, мы были убеждены, что никакие художественные приемы, никакие актерские и режиссерские ухищрения не заменят подлинных звуковых документов тех лет, ибо правду войны на радио лучше всего можно воссоздать только с помощью записей, сделанных именно на войне. Разумеется, поначалу мы не знали обо всех записях, не знали, где их искать, можно ли их технически использовать, поэтому мы параллельно думали и о сценариях, и о вновь записанных выступлениях участников событий, героев войны, об использовании документов, писем, мемуарных и хроникальных книг, фонограмм фильмов, прошлых передач — словом, всего доступного нам материала.

Но, повторяю, больше всего хотелось нам разыскать голоса войны — бесценные записи тех незабываемых лет, поэтому в приказе, о котором уже говорилось, были, в частности, соответствующие пункты, обязывавшие фонотеку, местные комитеты и вещательные редакции представить руководству комитета списки всех имеющихся в их распоряжении пленок периода войны.

Тем временем, пока это делалось, мы своими силами также начали вести углубленный поиск: обратились с письмами, по радио и в печати к коллекционерам, зарубежным радиоорганизациям, послали запросы в фоноархивы. То, что мы получили, превзошло все наши ожидания. Это были уникальные записи голосов М.И. Калинина и Е.М. Ярославского, крупнейших военачальников, известных героев войны, партизан, видных писателей, деятелей искусств, антифашистов, ученых, рабочих и колхозников, тружениц тыла, молодежи — словом, записи, отражающие войну, сделанные на переднем крае и на заводах, в военных госпиталях и во вражеском тылу, здесь же были и выступления союзников, записанные в студии сразу же после войны, героев многих операций, представителей всех родов войск, записи конгрессов и многое другое.

Трудно было найти достойные слова благодарности людям, сделавшим эти поистине исторические записи и сохранившим их. Правда, многие диски, киноленты, пластинки и магнитоленты пришли без расшифровок, названий, фамилий выступающих, а главное — с большим опозданием, когда вся работа над циклом была уже в разгаре, а в эфир полным ходом шли передачи, но то, что мы получили, было потрясающе интересно.

Часто, слушая бесхитростные слова фронтовиков, мы, люди, не бывшие на фронте, не смотревшие смерти в лицо, ощущали, как начинает рябить в глазах и комок подступает к горлу.

Здесь хотелось бы отметить, что «залежи» этих пленок почти неисчерпаемы, мы даже сейчас не можем точно сказать, что хранится в тысячах коробок, допустим в Государственном архиве кинофотофонодокументов.

Приведу наугад взятые выдержки из полученных нами списков. Есть, например, такие записи: «эпизоды боевых действий» (28 коробок, общим звучанием 2 часа 48 минут), «выступление Марины Расковой о героизме советских женщин», «о подвигах прожектористов», «митинг в Ясной поляне 24/V-1942 г. (выступление т. Ярославского и других)», «репортаж из Малоярославца о зверствах оккупантов», «Ленинград в июле 1943 года», «танковый десант», «выступление В. Талалихина», «выступление Рубена Ибаррури», «Проводы боевых резервов на фронт», «выступление Авдеенко С. и П. Лузина», «выступление т. Бражникова (репортаж)», «выступление сержанта Чобыкина», «репортаж с аэродрома», «выступление бронебойщика сержанта Чернова» и т.д. и т.п.

Естественно, наиболее интересные из этих пленок мы постарались использовать. Сквозь потрескивание, шорохи этих неповторимых записей проступали голоса героев — уверенные, страстные, горячие голоса людей, даже в самые трудные дни неизменно убежденных в нашей победе! Иногда это были спокойные записи, иногда излишне «бодрячковые», иногда чрезмерно информационные, рассказывающие о том, кто сколько убил немцев, но всегда это были правдивые в своей неповторимой документальности голоса — голоса, которые ничем не заменишь.

Словом, поиск полностью себя оправдал. Достаточно сказать, что в списках полученных нами звуковых документов было более трехсот названий. Интереснейшие пленки мы получили от всех местных комитетов, от многих корреспондентов, от ряда зарубежных радиоорганизаций как социалистических, так и капиталистических стран. У нас образовалась богатая фонотека, из которой каждый член группы мог черпать то, что было необходимо ему для очередной передачи.

Многие радиофильмы были почти целиком построены на этих пленках. Сейчас я с горечью думаю о том, что мы не смогли не только расшифровать, но даже отслушать все эти записи, а брали в первую очередь то, что имело расшифровки и ближе было по теме.

Звукодокументы... разные они, но все сами говорят за себя и при умелом монтаже почти не нуждаются в комментариях...

Нужно ли говорить о том, что подобные звуковые документы были существом, живой плотью цикла, несли зачастую главную смысловую и эмоциональную нагрузку. Заканчивая разговор о звуковых документах, я хотел бы сказать не только о речевых пленках, но и о документальных военных шумах.

Дело в том, что работая со звуком — довольно тонким выразительным средством, — очень легко «переиграть» и затмить главное — правдивость, мысль, достоверность изображаемого. Ни одной фальшивой ноты, ни одного ненужного крика, ни одного пустого лозунга и громкого выстрела! — этим мы руководствовались в своей работе.

Почти в каждой передаче были звуки стрельбы — автоматной или винтовочной, пулеметной или минометной, иногда звучала канонада, лязг гусениц, шум самолетов. Но никогда эти звуки, кроме одиночных выстрелов, не звучали первым планом, всегда они как бы растворялись в общей картине изображаемого, подчеркивая ее достоверность, ее документальную сущность. Поначалу режиссерам не всегда удавалось найти нужную тональность и меру: то попадал бутафорский пулемет, то слишком громко и долго стреляли пушки, то звук вообще входил в передачу не к месту и без всякой художественной необходимости или грубо иллюстративно, а не опосредствованно. Разумеется, все это приходилось переделывать, и не по одному разу. Мы не могли не считаться с памятью, с ассоциациями слушателей, мы должны были их щадить.

Отчасти поэтому законом нашей работы над циклом стало создание «чистого» негатива, то есть собранных воедино документальных записей, разделенных ракордами, прослушивание его, переделка, устранение длиннот и уже затем — наложение музыки, шумов, текста ведущего и т.д. Это позволяло не раз вернуться к записи актера, вновь прослушать звуковые документы, а если надо — перекомпоновать их, еще раз улучшить наложения, звуковые картины даже тогда, когда времени оставалось в обрез, словом, оттачивать звуковые образы, соизмерять куски, избавляться от длиннот, выверять темпо-ритм..

Впрочем, к многогранной проблеме использования документальных записей нам еще не раз придется возвращаться в этой книге, ибо тема эта поистине неисчерпаема.

Критика по достоинству оценила важность использования новых звуковых документов в передачах, их особую эмоциональную силу, их воспитательное значение. Так, критик И. Рыбакова сразу же после нескольких первых передач отмечала: «Уже можно уверенно оказать, что цикл "Подвиг народа" пользуется исключительным вниманием слушателей. Его ждут, на него откликаются воспоминаниями, письмами и просьбами повторить».

...Недосказанные, малоизвестные были, которые воскрешают сейчас для миллионов людей радиожурналисты... эти выступления, — пишет далее И. Рыбакова, — приводят еще раз на память знаменитую мысль Льва Толстого о скромности русского мужества: «Если бы в душе моего героя и шевелилось великое слово, он все равно никогда не сказал бы его...» Вот у микрофона Герой Советского Союза летчик Яков Верников. Он вспоминает о первых часах войны, когда на незащищенные пограничные аэродромы обрушились тучи «юнкерсов»: «...Когда я подбегал уже к командному пункту, кто-то схватил меня за гимнастерку и дернул вниз. Ну, на бегу это получилось здорово. Я просто провалился в щель. В общем, когда я закрыл голову руками, довольно изряднейший взрыв грохнул рядом... и нас землей там присыпало. А вверху за одним "илом" гонятся несколько "мессершмиттов", стреляют...» Ни одного «великого слова», а как наглядно.

Теперь немного цифр. Передачи цикла шли ежедневно с 20 марта по 15 мая 1965 года, всего спецгруппой было подготовлено 60 программ (около 100 материалов) общим объемом звучания 61 час. Причем 6 передач подготовили местные комитеты и 2 — радиостанция «Волга» группы советских войск в Германии.

Нельзя не сказать и об итогах всесоюзного конкурса, который так и назывался «Подвиг народа», в нем участвовали творческие коллективы, отдельные работники Комитета и местных органов радиовещания. На конкурс было представлено свыше 100 работ. Жюри отобрало на соискание дипломов с денежными премиями 29 работ, и 15 работ признано было целесообразным наградить поощрительными дипломами...

Сейчас, пользуясь случаем, я хотел бы назвать всех товарищей и выразить им самую глубокую благодарность. Мне бы хотелось особенно поблагодарить Р. Арсеньева, Б. Волова, Д. Белова, К. Васильеву, Е. Ефремову, Е. Петрова, М. Лагуна, К. Ретинского, Е. Терещенко, С. Житлова, Е. Бабич, А. Шереля, Ю. Козловского, В. Щеглова.

Разумеется, особые слова признательности мне хочется адресовать тем, кто изо дня в день работал над всеми передачами цикла: режиссерам П. Горбунову и Э. Вернику, А. Тарасову, ныне звукорежиссеру А. Мелитоняну, ассистенту режиссера В. Гельфер, звукооператорам Г. Кокиной и Л. Ермаковой, машинистке Н. Лебедевой, секретарю редакции Г. Коршуновой и старшему редактору отдела писем, ныне обозревателю В. Шинаеву, а также студентам-практикантам и пенсионерам, помогавшим работать с письмами.

Мне приятно здесь еще раз сказать о поистине самоотверженной работе товарищей, как журналистов, так и технических сотрудников, готовивших эти передачи.

Я уже отмечал, что каждая из передач, как правило, переделывались 3–4 раза как в тексте, так и в пленке, это объясняется высокой ответственностью, требовательностью, с которыми относились к делу все члены коллектива. Тщательная отработка передач диктовалась еще и тем, что высокими были технические требования, предъявляемые к этим программам, предназначенным для вечного хранения и многократного использования. Здесь следует отметить, что все передачи тиражировались и рассылались местным комитетам. А 83 документальные пленки, оставшиеся неиспользованными, были переданы в Государственный архив кинофотофонодокументов. Кстати, хотел бы поблагодарить за помощь начальника этого архива Н.А. Мышко и заведующего фоноотделом И.Ф. Карельскую.

Выше я говорил, что мы столкнулись с поразительным множеством звуковых документов, хранящихся в разнообразных и порой совершенно неподходящих условиях. Выяснилось, что много уникальнейших пленок безнадежно затерялось и размагнитилось. Еще больше их беспорядочно хранится в государственных и ведомственных архивах, в частных собраниях и всевозможных коллекциях. Автору этих строк известно не менее 20 только общесоюзных организаций, имеющих собственные звукоархивы и хранилища. Известны также имена любителей-коллекционеров пластинок и пленок, таких, допустим, как исследователь-историк Т. Волков-Ланнит, ленинградский художник т. Пешков, народный артист республики т. Балашов, т. Голованов из Иванова, у которого 40 000 пластинок, т. Перепелкин из Москвы — у него 13 000 пластинок, т. Балаховский из Свердловска, обладатель 5000 записей, и многие другие.

В ряде зарубежных стран существуют институты, компании и другие организации, как правило, выросшие из недр радио, которые учитывают, концентрируют, обрабатывают, реставрируют, пропагандируют и реализуют пленки, пластинки, серии, наборы и т.д. с большой прибылью для себя. Я убежден, что именно Госкомитет по телевидению и радиовещанию в силу своей специфики и наличия технической базы мог бы стать «владельцем» и потребителем ценнейших звуковых материалов, эффективно используя их для нужд вещания и международного обмена, а также для продажи заинтересованным ведомствам и лицам...

Тысячи материалов, отражающих героическую историю советского общества, лежат еще «мертвым грузом», порой неразобранные, непроаннотированные. Только в фонотеке радио более 260 тысяч часов фондовых записей, среди них много уникальных документальных и репортажных пленок.

Много ценнейших, неизвестных у нас записей можно путем обмена получить из-за рубежа. Коллекционеры с удовольствием подарили бы Всесоюзному радио немало звукоматериалов, которыми они располагают. Нет сомнения, что в личных фонотеках есть уникальнейшие записи. Об этом мы тоже узнали, работая над нашими передачами. Люди присылали нам такие пленки и пластинки, о существовании которых мы и не предполагали.

Недавно предприняты первые шаги для улучшения этого дела. Был издан приказ председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об упорядочении производства фондовых записей, хранения и использования магнитофильмов и улучшении технического качества радиовещания». Создан отдельный Госфоноархив, на радио организован отдел «звуколетописи». Но еще потребуется провести большую исследовательскую работу, скрупулезный анализ архивов, фонотек, частных собраний, составить и выпустить каталоги всех звуковых материалов, отображающих многогранную историю революции, социалистического строительства.

Нужно вернуть все эти богатства народу, поставить их на службу коммунистическому воспитанию, пустить их «в обращение», включая в художественно-публицистические передачи.

Кроме того, надо записывать выступления наших современников — видных общественных и политических деятелей, рассказы старых большевиков, деятелей культуры, конструкторов, известных ученых, рабочих, крестьян, военачальников, одним словом, знатных людей нашей Родины. Их рассказы помогут нашим потомкам проследить путь страны, партии, представить по живым деталям духовный мир советского человека нашего времени. Это станет деловым осуществлением горьковской идеи «кабинета мемуаров». Думается, следовало бы вести и своеобразное «звуконаблюдение» за важнейшими стройками и другими объектами, регулярно высылая туда для записи специальные бригады. Все эти записи можно использовать для создания циклов художественно-публицистических передач о революции, о сегодняшней жизни страны, о людях и событиях...

Куденко О.А. Подвиг народа. М., 1971. С. 28, 30, 32, 37–39, 53–54, 151–156.

А. Каверзнев[96]

Раздумья собкора

Несколько парадоксов

Любопытны встречи с редакторами наших информационных служб в Москве. Дружеские рукопожатия. Расспросы о погоде, самочувствии. Потом неизменное:

— А как вы там вообще?

«Вообще» имеет вполне конкретное содержание. Именно то, которое больше всего волнует собеседника. «Вообще» — это как у вас с продуктами, какие перемены в жилищных условиях, можно ли купить «спидолу», удовлетворяет ли промышленность спрос, куда девался рижский трикотаж и, вообще, как настроены люди в ваших краях, чем озабочены, чему радуются.

Тут бы использовать удобный, момент, огорошить собеседника, бросить невинную реплику: «Сам должен знать. Ты каждый день поглощаешь поток информации». И улыбнуться.

Но стыдно, потому что, говоря строго, это был бы удар ниже пояса, потому что каждый день слушая радио, ты так же мало знаешь о соседней Белоруссии, далеком Азербайджане и совсем далеком Приморье.

Странно? Но вот еще один парадокс. «Маяк» передает за сутки сотни сообщений. Сколько из них остается в памяти и сколько скользит мимо сознания? Запоминается одна информация из десятка — та, которая действительно обогащает представление о жизни страны, дает новый толчок мыслям. Остальные почему-то не волнуют. Не задевают. Об этом, кстати, еще в марте писала в «Литературной газете» Т. Чеботаревская. Последнее наблюдение. Прежде отдел советской информации иновещания выпускал за день поток сообщений, содержавший от шестидесяти до восьмидесяти материалов, на смену потоку пришли готовые информационные блоки, рассчитанные на 10 минут вещания. В каждом из них следует отразить важнейшие события дня. Оказалось, что из массы поступающих сообщений о жизни страны с трудом удается выбрать десять–пятнадцать заметок, которые по весомости и глубине содержания были бы равнозначны, например, последним известиям из Индокитая.

Основа — мысль.

Ответ может быть двояким: или вне Москвы происходит мало интересного, или мы что-то не так рассказываем. Абсурдность первого предположения очевидна, над вторым стоит поразмыслить.

По классическим традициям нашей критики следовало бы немедленно перечислить имена радиожурналистов, информации, репортажи, комментарии и очерки которых выслушиваются с неизменным вниманием, и тем самым доказать, что писать и рассказывать мы умеем. Дело, однако, не в именах. Что лежит в основе журналистского успеха? Умение расставлять слова, строгость композиции, свободное владение средствами радио, наконец, красивый голос? Нет. Основа — это мысль, всякий раз новая, оригинальная, смелая и ясная. Без собственных мыслей нет журналиста. Есть семиклассник, довольно толково и красочно пересказывающий слова вездесущего учителя. Пятнадцать лет назад иначе нельзя было работать. Теперь пересказ отмирает даже в начальной школе.

Но мысль может возникнуть только при твердом и точном знании предмета. А знаний у нас мало. Элементарная неграмотность некоторых московских редакторов вопиюща. Они уверены, что Рига расположена в Литве, а Клайпеда — в Латвии. Их представления о жизни страны часто основаны все на тех же «вообще». Вспоминается остроумная характеристика одного из французских политических лидеров тридцатых годов: «Он ничего не знает, но все понимает». Редактору этого недостаточно. Он в этом случае не способен требовать от собственных корреспондентов ничего иного, кроме как новых иллюстраций к известным всеобщим истинам. Поэтому простейшая событийная хроника остается на радио главным средством познания страны. Она, безусловно, нужна. Но рядом с ней должен занять место — причем в любой форме — умный, профессиональный комментарий к последним событиям в Риге, Свердловске, Ташкенте.

А корреспондент плывет в том же русле, что и редактор. Порой, отлично зная местные проблемы, он даже не пытается осмыслить их в масштабе страны. Словно это не его ума дело. Очень часто он довольствуется ролью, отведенной ему еще в тот день, когда, соскочив со студенческой скамьи, он стал газетчиком. Тогда его посылали что-то записывать с чужих слов, может быть, со слов парламентария, а может быть, боксера. Сейчас он делает то же самое, смутно тоскуя о другой журналистике.

Очевидно, пора преодолеть критическую нехватку в эфире глубоких размышлений. При этом новая мысль сама городит новую форму изложения. Ясная мысль сама потребует ясной конструкции. Манера подачи материала не должна нас беспокоить.

Между тем мы все еще в плену формальных поисков. Красноречивый пример — наше новое изобретение: радиооткрытки «Маяка». Сами по себе они неплохи. Но они абсолютно ничего не меняют в существе дела. Это все те же поверхностные иллюстрации, а не глубины жизни, которые пока не доступны радио. Опять-таки речь идет о жизненно важных процессах, происходящих вне Москвы. Винить в этом некого, вероятно, радио в целом еще не перешагнуло того барьера, который ведущие газеты оставили далеко позади.

Объективный анализ!

Не количество материалов переданных в эфир, а глубина содержания и широта обобщений выступают на первый план. Мы не забываем напоминать слушателю, что он стал умнее, живет богаче и лучше. Но, между прочим, он сам это знает. А вот важнейшие жизненные проблемы радио от него скрывают. И не по злому умыслу, а по неведению.

Процесс нашего развития отнюдь не прямолинеен, сегодняшний день отличается от вчерашнего не только возросшим количеством тракторов. Картина мира меняется ежечасно, и с такой же неумолимой последовательностью вступают в силу новые объективные законы и тенденции в экономических, социальных, общественных отношениях.

Вчера мы не подозревали, что на определенной ступени развития в рамках социалистической экономики могут возникнуть противоречия между социалистическими предприятиями. Сегодня о них говорят экономисты СССР, Чехословакии, ГДР. Проводятся кардинальные преобразования системы планирования. Это частный пример.

В одних экономических районах страны новые процессы пока прослеживаются плохо. В других они выступают явственно. Но по недопустимой для журналистов близорукости мы скопом причисляем их к явлениям местного порядка. Между тем они нуждаются в тщательном изучении. Только совокупная картина этих явлений может дать цельное, осмысленное представление о жизни страны.

Во многих западных областях Украины рост промышленности базируется на поглощении свободной рабочей силы. Жителям карпатских гор это выгодно. Малоплодородные каменистые земли способны прокормить ограниченное число крестьян. Дети должны стать про-

мышленными рабочими. Советское государство идет ради этого на большие затраты, порой даже без особого упования на денежный эффект. Но пока рабочих мест меньше, чем хотелось бы. А псевдопроницательные руководители, явно обгоняя возможности, спешат ликвидировать пусть скверные, но все-таки пашни, сажая на них лес.

В Эстонии ресурсы рабочей силы практически исчерпаны. А потребность велика — строится много предприятий на базе сланцевого бассейна. Где выход? Можно организовать набор рабочих в других районах страны. Но неминуемо обострится жилищная проблема, попутно возникнут новые затраты. Вместо этого правительство Эстонской республики решило осуществить самую широкую программу строительства детских садов. Надо думать, в конце концов тысячи молодых женщин смогут заняться общественно полезным трудом.

Эти проблемы названы наугад, ради доказательства того, что они существуют и носят далеко не местный характер. Также наугад можно задаться вопросом, почему в труднейших климатических условиях Эстонии средняя урожайность зерновых выше, чем во многих областях плодородной Украины. Не кроется ли разгадка в словах председателя Совета министров Эстонской ССР Вальтера Клаусона, сказанных им на последней сессии Верховного Совета СССР? Он предложил изучать не только опыт передовых хозяйств, но и опыт государственного руководства в отдельных экономических районах.

Вот пища для размышлений. Вряд ли слушатель откажется от нее. Иногда мы предлагаем ему всерьез поразмыслить над тем, плохо или хорошо красть на заводе резиновые перчатки, которых нет в магазине, как это сделала 1 апреля ленинградская студия телевидения в программе «Горизонт». Тем более мы обязаны вынести на общественное обсуждение проблемы, от умелого разрешения которых действительно зависит благополучие народа. На этом пути сами собой исчезнут пресловутые парадоксы. «Вообще» уступит место точному знанию условий того или иного края. Радио приобретет новых поклонников, и прежде всего из среды людей, глубоко озабоченных общественными делами. Познавая жизнь страны, они не могут довольствоваться только окрошкой из случайно подобранных фактов. Они равнодушны к заклинаниями. Они хотят объективного анализа. Таков дух времени. Он пронизывает всю нашу жизнь.

Можно было бы поручиться за успех получасового журнала «Последних известий», составленного из выступлений собственных корреспондентов со всех концов страны. Никаких «шумов», никаких интервью. Только голос корреспондента, его размышления о важнейших местных событиях, его оценка сегодняшнего положения края.

Такой журнал важнее иметь, нежели «Международный дневник».

Хотя, естественно, одно не исключает другого. И союзных корреспондентов-комментаторов, между прочим, знали бы не хуже международных. Это тоже частное предложение. А вернее — мечта.

Что же делать? Если бы в существующей сейчас ситуации я предложил подсократить «Последние известия» или «Маяк», мне бы вежливо намекнули, что пора отдохнуть и подлечиться. И вполне резонно.

А вот в попытках подкосить сеть собственных корреспондентов многие не видят ничего странного. Не раз всерьез говорилось, что следует передать корсеть в подчинение «Маяку». Или того лучше — растворить ее в республиканских и областных радиокомитетах. Первые опыты в этом направлении сделаны.

У сторонников этой точки зрения есть своя логика. Они смутно ощущают что-то не совсем ладное. И видят выход только в том, чтобы еще и еще увеличивать поток информации.

Совершенно очевидно, что его увеличивать надо. Но столь же очевидно и другое: радио должно иметь своих специалистов, своих комментаторов по проблемам различных районов страны. Эти функции может выполнить только собственный корреспондент.

Остается поставить перед ним соответствующие задачи. В противном случае легко можно представить себе, что в эфире наступит наконец своеобразная инфляция событийной хроники. А слушатель не будет от этого лучше знать Украину, Среднюю Азию или Прибалтику!

В начале тридцатых годов, отправляя своего корреспондента в Германию, издатель Генри Люс подчеркнул, что в глазах американской общественности тот должен стать в Берлине вторым человеком после посла США. Это, конечно, крайность. Но корреспондент, который под напором редакторских требований лихорадочно мечется в поисках безразлично какой информации и диктует ее в Москву только ради галочки о выполнении задания, — это тоже не идеал.

Между тем, пока мы пребываем в таком состоянии, в Ригу, Ереван или Ташкент посылаются сотрудники многочисленных редакций Всесоюзного радио. Они смело готовят пропагандистские или иные передачи, не имея вообще никакого представления о проблемах края. И это дилетантство в порядке вещей.

Хорошо бы созвать в Москве оперативное совещание, на котором собственные корреспонденты откровенно рассказали бы о том, чем живут их родные места, сделали социально-экономический анализ. Можно пригласить ведущих специалистов Госплана СССР, выслушать их поправки. Радио смогло бы чуть-чуть опередить жизнь. Выявились бы ясные задачи каждого корреспондента. На какое-то время он стал бы ответствен перед слушателями за вдумчивое, профессиональное освещение определенных сторон нашего бытия.

Нельзя ожидать, что такую задачу выполнят местные радиокомитеты. Конечно, они осведомлены не хуже собственных корреспондентов Всесоюзного радио. Но они вовсе не обязаны всякий раз осмысливать местные события в масштабах страны. К слову, еще одно замечание о целесообразности «растворения» корсети. Неужели Всесоюзное радио хочет поставить себя в полную зависимость от мнений, вкусов и административных навыков руководителей местных комитетов? Неужели «Последним известиям» и «Маяку» нужна еще одна промежуточная инстанция между корреспондентом и редактором? Есть и другие мотивы для возражений: почему-то «Правда» и «Известия» не хотят ограничиваться получением материалов лишь от родственных областных и республиканских газет.

Использовать помощь местных комитетов можно и нужно. Спасибо им за сотрудничество. Но оно не требует никаких организационных перестроек. Наоборот, существующая организация корреспондентской сети далеко не исчерпала своих возможностей. Надо их только правильно использовать, побудить собственных корреспондентов внимательно изучать сложнейшие проблемы. И Всесоюзное радио при его необъятных программах сможет освещать глубокие процессы, происходящие в стране, с подлинно научным проникновением и таким размахом, какой недоступен ни одной газете.

Советское радио и телевидение. 1965. № 6. С. 30–31.

Из письма В.А. Сперантовой[97] к Р.М. Иоффе

Пишу тебе, мой дорогой друг!..

Сейчас прослушала снова «Мальчик с лесного берега» по Д. Олдриджу. Я слушала как бы со стороны. Я старалась слушать объективно, придираясь и отмечая, где не так, где ошибки, сделанные мною.

Я следила за Перовым и за собой, но больше я прислушивалась к себе.

Я слушала передачу и видела во всем тебя. Я помню, как мы работали, как мы писали. Я помню твои движения, твой взгляд зеленых с искоркой глаз, и ты мне представлялась дирижером, знающим на память всю партитуру вещи и глубоко ее чувствующей, и мне как певцу было легко с тобой. Я понимала и легкий наклон кудрявой, с охапкой рыжих волос, головы и энергичный взмах мягкого белого кулачка и движение губ, как бы помогающих и тебе и нам.

Я все понимала, мне было легко плыть, и, смотря иногда на тебя, я свободно и легко шагала по рассказу. Мне было и гневно до слез, когда я ненавидела Перова — этого старика, и радостно до слез, когда я любовалась рыжей красавицей лисой, спокойно облизывающей свои лапки.

Это чудесно: с малейшего движения, с неуловимого движения глаз понимать, что нужно делать, понимать своего учителя!

Несмотря на то, что многое я переменила бы в своем исполнении, — осталась довольна, что, прослушав этот рассказ, мне захотелось написать тебе это.

Роза, дорогая моя, ты знаешь, о чем я подумала? Эти мои мальчики... И один раз я уже прощалась с ними в театре. И они ушли безвозвратно от меня, как умершие дети, оставив огромную боль внутри, что они не вернутся. Они просто и тихо ушли, и я плакала, я плакала тихо и одиноко. И Ваня Солнцев, и Ганька, и Егорка, и еще много-много... они ушли и тогда только в памяти моей они издалека, из ушедших дней тихо с улыбкой кивают мне, как матери, родившей их. И вот сегодня — тоже, не из такого далека, но все-таки из прошлого, этот мой мальчик Д. Олдриджа, он как бы прислал мне, нет — нам, привет. Он жив. Какое счастье, что он еще долго будет с нами со всеми, кому он полюбится. Как нам с тобой он полюбился, когда мы впервые сели за стол. Чтобы помочь ему перейти со страниц книги — в эфир.

Приветствую тебя, твоя Валя Сперантова.

8/II-1966 г.

РГАЛИ. Ф. 3086. Оп. 1.

Ю.Б. Борев[98]

Мыслить и рассуждать[99]

...У микрофона Всесоюзного радио выступают многие талантливые интеллектуальные журналисты. Многолетняя практика работы с микрофоном позволяет им проявить свою индивидуальную манеру мыслить и рассуждать, умение быстро дать ясный и четкий ответ на поставленный вопрос, сориентироваться сиюминутно, в любой обстановке, чувствовать самому и дать почувствовать радиослушателям пульс времени, обстановку и настроение сегодняшнего дня. Так пусть же они проявят себя, порассуждают так, как это они делают в жизни, а не как пишут в газете.

Когда вы познакомите слушателей с различными точками зрения, с различными мнениями, то, таким образом, заставите людей мыслить, думать, рассуждать. Ни для кого не секрет, что готовые выводы располагают к апатии, инертности ума. Думаю, что решения сентябрьского Пленума нашей партии, которые нацелили нашу экономику на большой элемент самостоятельности, надо понимать шире. Сейчас это общая тенденция, стремление пробудить инициативу людей во всех сферах нашей общественной, жизни, освободить их мышление от догм и готовых формулировок. Мне кажется, что именно в этом плане и следовало бы строить всю нашу радиопропаганду.

Пробуждение инициативы мышления — вот что сейчас важно для нас всех. Ибо духовные задачи самым тесным образом связаны с задачами экономическими. А это не имеет ничего общего с запрограммированными суждениями.

Публицист должен находиться в самой гуще событий и, свободно оперируя фактами, выражать свое заинтересованное отношение к ним. К сожалению, многие факты даже из нашей внутренней жизни нередко становятся известны населению не из сообщений Всесоюзного радио, а из других источников информации, да еще в сопровождении нежелательной нам интерпретации. Думаю, что в этом нет логики.

От недостатка информации и дельных, необходимых комментариев рождаются слухи, часто полуправдивые, которые приводят к уродливым формам общественной жизни. Мышление XX века вообще склонно к мифотворчеству, питается всевозможными версиями и слухами. И выход фантазии, который время от времени дают себе люди, чаще вредит, чем помогает. Именно поэтому так важно, чтобы публицист всегда был у микрофона, чтобы не было фактов запретных, которые он бы не мог затронуть в своем выступлении, чтобы он не занимал позицию статуса и не формально числился в списке комментаторов Всесоюзного радио.

А теперь давайте обратимся к передачам, которые не пользуются успехом у слушателей и все-таки идут в эфир, — выступления, беседы специалистов. Нередко приходится слышать реплики в адрес таких передач, которые отнюдь не свидетельствуют об их популярности у слушателей. А ведь по тематике — это материалы на актуальные вопросы современности, передачи нужные и пропагандистски важные.

Причину заведомых неудач подобных материалов, мне кажется, следует искать в самом подходе к теме. Передачи готовятся без истинно заинтересованного журналистского «я». Публицистика в высоком понимании этого слова подменяется серыми, скучными формулировками, напоминающими газетные передовицы. Нужно, чтобы журналиста, который готовит передачу, захватила эта тема, чтобы, работая над ней, он раскрыл себя. И тогда искомая публицистичность, страстность проявятся сами собой.

Однако публицистика может быть не только в тексте, написанном от автора, — она должна присутствовать и в «живом» выступлении, в документальных кадрах. Потому что опять же это специфика радио. Отношение журналиста к данной теме может выразиться и в том, как поведет себя и будет говорить герой. Но вот мы слышим, как специалист такой-то отрасли говорит о своем любимом деле так, словно выступает с отчетным докладом. Он бездушно говорит о том, во что всю жизнь вкладывал душу. Кто в этом виноват? Почему так происходит? Распространено мнение, что существует категория людей, не способных выступать у микрофона. Я не верю такому оправданию профессиональной несостоятельности. Именно здесь мы встречаем сущность журналистской принципиальности. Кто виноват в том, что у микрофона живой человек со своим характером, со своими привязанностями и взглядами стал безликим роботом? Конечно, журналист, и только он. Тема, на которую он делает передачу, не захватила его, и он не нашел общего языка со своим героем, которого тема, конечно, волнует прежде всего. И очень хочется, чтобы у микрофона выступали люди, а не роботы, тогда выступление этого очеловеченного человека, я уверен, не сможет оставить равнодушным слушателя. Это и будет та незримая, на подтексте, радиопублицистика, сила воздействия которой куда сильнее газетной.

И здесь опять же немаловажен элемент импровизации, неожиданных вопросов, столкновений мнений, в опровержении которых рождается окончательное решение. А для этого почаще надо журналисту выступать со своим героем «на равных», не принимая каждое его слово за аксиому. Ведь у многих корреспондентов Всесоюзного радио есть «своя область», в которой они специализируются, которую они знают. Надо, чтобы и слушатель почувствовал наличие этих знаний. Тогда передача станет более весомой и убедительной. И, как вы сами понимаете, публицистичной.

Советское радио и телевидение. 1966. № 2. С. 9–10.

А.А. Шерель[100]

Берегитесь — «специфика!»

В бюро пропусков я прождал почти сорок минут. Когда мы становимся штатными сотрудниками, то быстро приучаемся проходить мимо и не замечать группу людей, бездарно теряющих время возле окошечка на первом этаже из-за нераспорядительности кого-то из нас или забывчивости секретарши.

Получив наконец пропуск, я был узаконен как автор радиопередачи.

Естественно, что первые слова, которые я услышал от редактора, были: «Наша специфика требует...»

С того дня прошло достаточно времени и довольно много передач. Хочу предупредить: все, что написано ниже, есть результат размышлений над своими личными шишками, приобретенными в процессе познания «специфики радио...».

Помнится, два года назад, к празднику 7 ноября, заказали автору радиокомпозицию на тему «Театр, рожденный революцией». Задумали рассказать о лучших советских пьесах, как бы воссоздающих историю нашего государства. Сюжетный ход придумали такой: всю передачу ведут два матроса — ведущие из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. А эпиграфом передачи должен был стать монолог Фосфорической женщины Вл. Маяковского.

Придумали — написали. Отдали режиссеру. Он внес поправки на «специфику». Заключались они в следующем: роль одного из матросов исполняла женщина. Монолог Фосфорической женщины, естественно, прочел мужчина. (Впрочем, «естественно» это было, кажется, только для режиссера.)

На все недоумения автора ему было объявлено режиссером:

а) так удобнее,

б) некогда искать актеров,

в) передача не фондовая, и так сойдет и

г) специфика требует...

У нас есть замечательные режиссеры, работа с которыми всегда наполнена истинно творческим волнением. Не буду называть фамилий, чтобы никого не обидеть, забыв упомянуть.

Но рядом с ними (числясь в бухгалтерии по столь же высокой категории) радиорежиссурой порой занимаются люди, кроме стажа, ничего за плечами не имеющие. А стаж — это не обязательно опыт...

У каждого режиссера, как у каждого человека, есть свои любимые актеры. С ними режиссер связан творческой и иной дружбой, всегда быстро может договориться о записи. Чаще всего это действительно хорошие артисты, с ними и вправду удобно работать. Но беда в том, что круг их чрезвычайно ограничен. И в эфире в течение дня можно услышать один и тот же голос, читающий сперва лирическую миниатюру, затем патетические стихи, а вечером он уже ведет музыкальное ревю или международный дневник. И так — изо дня в день. Приедается!..

И, наконец, проблема — как писать в фонд и как, ежели с индексом «В». У нас чрезвычайно любят рассчитывать на увековечивание самих себя и с непередаваемым подъемом объявляют, что запись с индексом «Д» хранится веками. Никто не возражает, чтобы такие записи проводились с особой тщательностью. Но почему из-за них качество всех остальных передач должно быть средним — этого я так и не могу понять. В общем ежедневном потоке эфира фондовые записи занимают очень небольшое место. Большинство передач записывается с буквой «В», что означает ограниченное хранение. Подразумевается, что на

«всякий случай» их не стоит сразу размагничивать и, может быть, они пригодятся в ближайшие два–три года.

Достаточно спуститься в подвал Дома радио на Пятницкой, где в архиве хранятся папки передач, и взглянуть на любую из них, чтобы убедиться — записи с индексом «В» отнюдь не лежат мертвым грузом, а повторяются, как правило, три–четыре раза в год...

Гонг, цонг и Юрий Левитан

...Перед автором всегда стоит проблема, как начать передачу, чтобы заставить прислушаться, чтобы выделить ее начало из общего потока радиопьес, композиций, журналов и альманахов. Позывные тут мало помогут — к ним быстро привыкаешь. Мне кажется, что началом передачи должен служить музыкальный или шумовой сигнал, как бы сконцентрировавший эмоционально идею создателей передачи и, безусловно, соответствующий ее стилистике. Тиражироваться такой сигнал может лишь в исключительных случаях, так, как это было, скажем, в передачах «Подвиг народа», где сочетание музыкальной фразы песни «Священная война» с голосом Ю. Левитана сразу же создавало определенный настрой.

Замечу, кстати, что сигнал начала передачи не обязательно должен быть музыкальным. Это может быть просто голос артиста. Приведу такой пример: в арсенале выразительных средств радио среди прочих есть и такая непреходящая ценность, как талант Юрия Борисовича Левитана. С его именем связаны сообщения о важнейших событиях нашей страны. Когда в приемниках и репродукторах начинает звучать его голос, слушают все. И потому иногда достаточно пригласить его прочесть посвящение передачи или стиха (а он великолепно это делает) или просто авторскую вводку, чтобы создать необходимую автору атмосферу.

Вообще, должен сказать, что музыкальный или шумовой сигнал начала бывает тем выразительнее, чем он лаконичнее. Я помню, как долго мы искали вступление для радиопьесы о журналистах, погибших на войне. Пробовали музыку, шумы боя, Бетховена и Шостаковича. И когда уже все было перебрано, возникла идея: пусть звучит колокол, но не перезвон, а набат.

...Диктор объявил время, и в эфире раздались медленные, глубокие удары колокола. Прошло 15, 20, 40 секунд... Колокол продолжал тревожно звучать, и только через минуту заговорила ведущая.

В письмах, которые пришли на эту передачу, мы с удовлетворением прочли, что именно такое вступление задало тон суровому рассказу о тех, кто «в редакцию не вернулся...».

«Карету мне, карету!»

Однако будем считать, что автору и режиссеру удалось придумать свежее, оригинальное начало, интересную композицию, запись хороших актеров, и наступило время монтажа. Таинственное и прекрасное для автора время, когда из-под ножниц оператора выходит готовый негатив передачи и начинается процесс наложения шумов и музыки.

Увы! Это процесс значительно более сложный, чем представляется на первый взгляд.

Право же, Чацкому было легче дождаться запропастившейся кареты, чем режиссеру, поставившему «Горе от ума» на радио, найти шум вышеупомянутого экипажа.

«Кареты» в шумотеке нету. Как, впрочем, и многого, многого другого.

Когда постановщику пьесы о Никите Карацупе понадобился лай собаки, то пришлось вызвать бравого старшину пограничных войск с дежурной овчаркой.

Газета «Говорит Москва» писала об этом инциденте с восторгом. А что будет, если завтра поставят радиоспектакль о полете на Луну? Привезут из Байконура ракету и запустят ее во дворе Радиодома? Или опять обойдутся символическим электроинструментом?

На поиск и организацию шумов уходит львиная доля работы режиссера. В результате появилась даже теория — не надо много шумов. Есть режиссеры, которые принципиально не признают в эфире ничего, кроме голоса, позывных и музыки.

Когда Арнольд Адольфович Футликов, чтобы записать сцену в роще, взял актеров, тонваген и поехал в подмосковный лес, на него смотрели, как на сумасшедшего. А передача получилась сенсационной.

Небрежность и неточность в шумовом оформлении передачи вызывает и неряшливость авторских ремарок. В итоге в эфир проходит бессмысленная тавтология. Вот цитата из сценария одной производственно-молодежной постановки. Записана она для эфира.

Действие происходит на стройке. Герой рассказывает о пожаре. Зовут героя Миша.

«Миша. Неожиданно я услышал три удара в рельс.

(*Слышны три удара в рельс.*)

Миша. Потом я услышал женский крик.

(*Слышен женский крик.*)

Миша. Это звали меня.

Женский голос. Миша!» и т.д.

Однажды подсчитали, что ежели из такой вот передачи вынуть все подобные повторы, то время ее звучания сократится почти на треть...

Убьем Марию Ивановну!

Оговорюсь сразу, что это восклицание я заимствовал у одного из своих коллег тоже с чрезвычайно мирным характером. Столь кровожадная мысль появилась в результате бурного спора на тему: «На кого мы работаем?» Постоянный окрик «это непонятно!» преследует автора с первых попыток раскрыть глубину того или иного события, рассказать о нем не нейтральным языком протокола, а в манере, свойственной именно данному событию и присущей именно данному автору.

Мифическая Мария Ивановна, которая, не дай бог, чего-то не поймет, а при случае и еще хуже — письмо напишет, буквально терроризирует!

Неоднократные попытки установить, кто же такая Мария Ивановна, что она собой представляет, выяснить ее социальное и имуще-

ственное положение, вкусы, повадки и привычки, пока еще успехом не увенчались. Подозреваю, что и не увенчаются. Ибо подобная Мария Ивановна существует только в перепуганном воображении некоторых редакторов.

Хотят или не хотят эти редакторы, но передачи радио все равно частично уже дифференцированы определенными рубриками. Глупо возражать против того, что концерт «Воскресенье в сельском клубе» и радиоальманах «Сокровища нашей фонотеки» подразумевают разный состав слушателей.

Среднего уровня, под который надо подстраиваться, нет и быть не может. Все разговоры о том, что «наш слушатель, дескать, настолько вырос, что всем все должно быть понятно», по-моему, чистая демагогия. Речь идет не о социальном разделении многомиллионной аудитории радио, а о разности восприятия. Без учета дифференцированного восприятия слушателей работать нельзя. Попытка игнорировать разницу в образовании, воспитании отдельных групп слушателей, разницу их вкусов и интересов приводит лишь к обезличиванию передач, лишает авторской индивидуальности, снижая, а иногда и напрочь уничтожая воспитательный смысл материала.

Мифическую Марию Ивановну можно удовлетворить лишь штампами, к которым она привыкла, и потому, если мы не хотим штампов, ее надо убить. Но убить прежде всего в нас самих, ликвидировав того внутреннего цензора, который с легкостью пропускает общие, ничего не выражающие фразы и заставляет сомневаться по поводу еще непривычного «пропустят или не пропустят».

Советское радио и телевидение. 1966. № 6. С. 8–10.

Г.И. Горин[101]

«С добрым утром!»

Нужно ли справочное бюро?

Сначала о форме.

Как известно, первые передачи «С добрым утром!» проводились в виде своеобразного «Справочного бюро». Конферанс делался бесхитростно.

— Алло! Справочное бюро слушает! — непринужденным голосом говорила ведущая (В. Орлова или Г. Новожилова).

— Что вы хотите? Ах, вас интересует, может ли человек весной влюбиться? Ну, что же, думаем, что на ваш вопрос ответит писатель Борис Ласкин, который прочитает свой новый рассказ...

Потом от формы «Справочное бюро» отказались. Реплика ведущей стала выглядеть еще проще:

— Начинаем нашу воскресную радиопередачу «С добрым утром!». Сейчас у микрофона выступит писатель Борис Ласкин, который прочитает свой новый рассказ...

Особой разницы, в сущности, нет, однако я знаю, что относительно перехода «к новой форме работы» в стенах редакции и до сих пор ведутся жаркие дискуссии.

Доводы сторонников «Справочного бюро»: передача получается стройной и законченной, подача материалов идет по одному традиционному принципу (нам позвонили — мы ответили песней или рассказом), радиослушатели уже привыкли к этой форме.

Доводы противников: во всей этой игре в «Справочное бюро» есть большая натяжка и фальшь, традиционность постепенно превратилась в однообразие.

Я думаю, что спор этот не так уж беспредметен, ибо общая форма и конферанс — самые слабые места в эстрадно-музыкальных передачах. К слову сказать, телевизионный «Голубой огонек» бывает иногда начинен очень интересными номерами, но, как правило, крайне безвкусен и назойлив в тех местах, где ведущие начинают разыгрывать интермедии-связки.

Он. Вы хотите кофе?

Она. Нет, спасибо, я не пью кофе, но вот у нас в гостях присутствует Муслим Магомаев, который исполнит для нас...

Я, конечно, утрирую, но в принципе все так и происходит.

В чем главная беда конферанса? На мой взгляд, в его вымученной «непринужденности». Ведущая словно стыдится просто предоставить слово писателю, артисту или композитору. Обязательно этому предшествует этакая инфантильная игра в случайности: случайный телефонный звонок (будто бы позвонил Фельцман), случайный стук в дверь (будто бы пришла Рина Зеленая) и т.д.

Все это происходит в силу того, что ведущая в передаче выполняет крайне служебную роль. Она даже не конферансье эстрадного концерта, поскольку конферансье, кроме объявления номеров, ведет еще какой-то разговор со слушателями.

Я глубоко убежден, что вести передачу «С добрым утром!» нужно писателю или журналисту. Это должен быть остроумный собеседник, чье слово и мнение будет для радиослушателя авторитетно. Тогда отпадает необходимость в «случайных» звонках и стуках в дверь. Отпадает необходимость в наспех сколоченных «вступительных фельетонах», посвященных той или иной дате. Отпадает необходимость редакторам и авторам мучительно высасывать из пальца интермедийные «ходы»... Райкин — в 1001 раз.

Можно много раз подряд слушать одну и ту же песню, можно много раз подряд слушать одну и ту же музыку. Слушать много раз один и тот же скетч или сатирическую миниатюру невыносимо.

Даже если очень хороший, но старый анекдот рассказывать многократно, да еще при этом выдавать его за новый, ничего не вызовешь у слушателя, кроме активного раздражения.

Именно это происходит в передачах «С добрым утром!» с отдельными сценками и интермедиями Райкина, Мироновой и Менакера, Мирова и Новицкого.

Подсчитайте, сколько раз прозвучала в эфире старая сценка Райкина «На рыбалке» или минутная миниатюра Мироновой и Менакера о домработнице композитора. Подсчитайте, и вы получите двухзначные числа. Я слышал, как Аркадий Исаакович Райкин как-то возмущался.

— Работники радио ставят нас в неудобное положение перед слушателями, — говорил он. — Десятки раз повторяя одну и ту же заезженную сценку, они заставляют людей выключать радиоприемники. А потом я получаю разъяренные письма, ибо радиослушатель часто уверен, что бесконечный повтор моей старой миниатюры согласован со мной.

О репортажах, которых нет

Кроме рассказов, песен и сценок, передача «С добрым утром!», как известно, состоит еще из многих чисто «журнальных» страничек. Здесь и «Веселый календарь», и «Веселый архивариус», и «Значок интересных фактов и событий», и «Театральная афиша». Странички все разные, но они полностью зависят от излагаемого материала.

Хорошая премьера представляется «Театральной афишей» — значит, страничка получилась интересная.

Плохая премьера — так никакая афиша ее не спасет.

Мне хочется поговорить о той рубрике, которая в последнее время полностью исчезла из передачи, — о радиорепортажах и интервью. Раньше репортажами для «Доброго утра» занимались Л. Лукьянов и Г. Фере. Конечно, не всегда это были удачи. Порой, беря интервью у какой-либо знаменитости, они больше говорили о себе, о том, как они шли в гостиницу, волновались, спорили и т.д. Сам же герой репортажа успевал лишь произносить одну фразу «С добрым утром!..» (Если знаменитость — иностранец, то, естественно, фраза звучала на ломаном русском языке.)

Задумывались и специальные сатирические рейды. Но в последнее время репортаж совсем исчез из передачи. Не знаю, почему это произошло, могу лишь констатировать этот печальный факт.

Мне кажется, что редакция должна иметь не одного и не двух, а много своих спецкоров, причем обязательно в разных городах страны. Сейчас передачи делаются главным образом на московском материале. Командировка работника редакции в другой город пока, к сожалению, остается редким явлением.

Это безусловно расточительная экономия, ибо она идет во вред передаче, делает ее однотипной...

Советское радио и телевидение. 1966. № 6. С. 30–31.

А.Л. Барто[102]

Неизвестные обретают фамилии

— Агния Львовна, почему именно с этой темой вы пришли на радио?[103]

— ...Во время войны я бывала во многих детских домах, в частности в Подмосковье. Под впечатлением увиденного написала поэму «Звенигород». Впервые она была опубликована двенадцать лет назад в журнале «Огонек». Спустя некоторое время я получила письмо из Караганды от Софьи Ульяновны Гудевой. Она писала, что ее восьми-

летняя дочь Нина (так же, как те дети-сироты, о которых шла речь в поэме) потерялась во время войны. И вот, прочитав «Звенигород», Софья Ульяновна написала мне, что на душе у нее стало легче. «В первый раз я не плакала ночью... у меня появилась надежда, что дочка уцелела, и, может быть, воспитывается в таком же доме...». С.У. Гудева ни о чем не просила. Это было письмо несчастной матери. Я решила попробовать помочь ей найти дочь. Разумеется, ни о какой передаче, а тем более постоянной, я тогда и не думала. Обратилась в бюро розыска исполкома Красного Креста, сообщила сведения из письма Гудевой, которые могли хоть в какой-то степени помочь в розыске. Словом, Нину, дочку Гудевой, стали искать. И через восемь месяцев нашли. Уже восемнадцатилетней. Майор милиции, руководивший розыском, спросил:

— Не хотите ли вы первой сообщить матери о том, что ее дочь найдена?

Я с радостью послала телеграмму Софье Ульяновне. Вскоре Нина поехала в Караганду, и об этом появилась маленькая заметка в «Огоньке». Казалось бы, вся история на этом и закончилась...

— То есть?

— Вы же знаете о передаче «Найти человека»... Два года назад я была в Казахстане на декаде русской литературы. Естественно, мне захотелось встретиться с Ниной и Софьей Ульяновной. Я уже знала, что Нина вышла замуж за Иосифа Котвицкого. Это довольно романтичная история. Иосиф Котвицкий увидел фотографию Нины в «Огоньке». А потом поехал в Караганду, там встретился с ней, и они поженились. Теперь у них большая семья — двое мальчуганов и маленькая Леночка...

Наша встреча была радостной и сердечной. О ней разузнали репортеры, и в местных газетах появились пространные корреспонденции, фотографии и т.д. Некоторые товарищи шутили, что мои стихи «родили целую семью». Конечно, тогда я не предполагала, к чему это приведет... Из Казахстана уехала в Румынию, а в это время, оказывается, карагандинские журналисты сообщили о нашей встрече с Гудевыми в ТАСС. И когда я вернулась в Москву, дома меня ждали 17 писем от разных людей, судьбы которых были похожи на судьбу Нины и ее матери.

Как-то мне позвонил главный редактор «Последних известий» В. Д. Трегубов и сказал:

— Вы давно не читали у нас стихи.

— А если на этот раз я прочитаю не стихи, а письма? — сказала я. — Попробуем по радио разыскивать детей, потерянных в военные годы.

— Ну, что ж, давайте попробуем...

— Значит, так родилась передача «Найти человека»?

— Да. В одной из первых передач я прочла письмо Нели Неизвестной. Эту фамилию девочке дали в детском доме, потому что своей она не знала. Она потерялась, когда в город входили немцы. В своем письме она описала страшную ночь, запечатлевшуюся в памяти: бомбежку, огонь, поезд, бегущих людей.

На одной руке ее мать держала ребенка, в другой был мешок с вещами. А рядом бежали Неля и мальчик. Она помнила, что его звали Роман. Как найти ее родных? Казалось бы, это невозможно. Для бюро розыска, которое соединило тысячи семейств, разлученных войной, нужны точные данные. У Нели их не было. Но когда я читала ее письмо, у меня возникла мысль, что иной раз детские воспоминания тоже могут помочь. Ведь если мать или отец живы, они, конечно, узнают по этим воспоминаниям своего ребенка.

Через два часа после передачи, в которой рассказывалось о Неле, пришла телеграмма от ее родителей. Они писали, что это их дочь, которую они искали 24 года! Потом я получила телеграмму от Нели: «Спасибо, я дома у родных». И подпись — Неля Ферштер.

После того, как нашлась Неля Неизвестная, я получила еще несколько писем от воспитанников детских домов, многих Неизвестных.

— Значит, радио сыграло свою роль?

— Радиослушатели непосредственно включились в поиски. Не думайте, что приходят письма только с просьбами. Нет, многие радиослушатели пишут о своем горячем стремлении помочь людям. Вот выдержки из писем: «Я считаю, что каждый советский человек должен помочь разыскать кому-то отца, брата, сестру». «Я в войну никого не потерял, и меня никто не потерял. Но я записываю все имена, фамилии, какие вы называете, и навожу справки в нашей местности».

— Агния Львовна, а сколько всего детей было найдено с момента появления радиопередачи?

— 148. Это главным образом бывшие воспитанники детских домов, где их приютили, дали имя, фамилии, врач определил их возраст. Их воспитали, дали образование, иногда высшее. За это время я получила тринадцать тысяч писем. Почти все они горестные. Их читать тяжело, да что поделаешь — нужно.

— Что дает вам как писательнице передача «Найти человека»?

— Она и помогает мне, и мешает. Передача раскрыла для меня много людских сердец, показала великодушие человека, его доброту. Как-то я получила письмо от ученицы девятого класса. Она писала: «Я тоже пишу стихи и обязательно буду писать дальше, и, как вы, буду искать людей, если до тех пор не все найдутся...»

Конечно, меня глубоко трогают и такие, например, слова, адресованные мне: «Раньше я слушала ваши стихи и смеялась, а теперь слушаю письма, которые вы читаете, и плачу».

— Агния Львовна, вы сказали, что передача «Найти человека» в то же время вам мешает. Почему?

— Она отнимает много сил, много времени, но я не могу не заниматься ею, так же, как не могу не писать стихи.

В последнее время я получаю письма, в которых вопрос: «Пишете ли вы сейчас?» Конечно, пишу, но, к сожалению, меньше, чем хотелось бы. Некоторые письма вызывают улыбку. Например, один товарищ сердито спросил: «Почему вы раньше не придумали эту передачу?» Но, если вдуматься, в этом вопросе есть нечто закономерное. Радиопередача «Найти человека» очень естественно вошла в жизнь

людей. Наверное, потому, что нашим советским людям совсем не безразличны судьбы других людей. Вот что, на мой взгляд, основное.

— Почему все радиопередачи «Найти человека» звучат в эфире только по 13-м числам?

— Дело в том, что число 13 считается несчастливым. Но именно 13-го числа одного из месяцев сразу у семи человек нашлись родные, которых они искали в течение многих лет. Это ли не счастливое число?! Потому мы и решили, что передача всегда будет звучать по тринадцатым числам...[104]

Советское радио и телевидение. 1966. № 11. С. 10–11.

Р.М. Иоффе

Литературный радиотеатр[105]

[1966 г.]

Что же главное?

Недавно у меня произошел, я бы сказала, довольно типичный спор с одним «нелюбителем» радио. Он заявил, что радио нетворческая организация. «У вас даже нет своих артистов».

Я ответила, что у радио есть такая труппа, которая не снилась ни одному театру. Тут Андровская, Бабанова, Марецкая, Сперантова, Тарасова, Грибов, Ильинский, Консовский, Толмазов, Якут, и так — без конца... Это только среднее и старшее поколение, а я могу привести еще бесконечный список лучших актеров младшего поколения, так что сборная московская труппа радио — одна из лучших.

Мой собеседник вынужден был согласиться, что это так. Тогда он заметил, что почему-то «никто не пишет рецензий на радиопостановки...».

Но рецензии есть — это десятки, сотни, тысячи писем. «Но признайтесь, — сказал он, — что телевидение не сегодня, так завтра вытеснит ваше радио».

С последним я никогда не соглашусь. Телевидение не вытеснит радио уже по одному тому, что радио — особый, самостоятельный (и доказавший свою самостоятельность), принципиально отличный от телевидения вид искусства. Но попробуем подойти к вопросу с самой бытовой стороны: согласятся ли миллионы людей, занятых повседневной домашней работой, и не только домашней, расстаться с радио? Конечно, нет!

Тут мой оппонент рассердился и выложил свой главный аргумент:

— А где ваша драматургия? Назовите мне писателей, которые специально писали бы для радио, я говорю не о публицистике, а о художественном вещании.

— Видите ли, к услугам радиовещания все написанные книги мира. Надо только уметь пользоваться этим неиссякаемым запасом.

— Постойте, вы же не ответили на вопрос о специально написанной радиодраматургии? Какая она, радиопьеса? Похожа ли на пьесы театра?

Конечно, у радиодраматургии есть своя специфика. И состоит она, в частности, в том, что сегодня на радио существует не просто театр, а литературный театр. Именно в форме постановочного чтения, а не оригинальной радиопьесы есть уже много открытого и доступного нашей радиодраматургии. И, видно, драматургам, которые стали бы работать на радио, нельзя не учитывать специфические возможности и многолетний опыт этого удивительного театра.

Да, этот театр удивительный! Он входит в каждый дом, у него есть огромнейшая аудитория. Его влияние на вкусы, нравы безгранично! И хотя мало еще у нас своих радиодраматургов, радиодраматургия существует уже давно

В двенадцатом номере журнала «Театр» за 1964 год напечатана статья Мстислава Микрюкова о том, что «радиоискусство существует».

Вы подумайте, в 1964 году я читаю статью (спасибо журналу «Театр»), в которой автор темпераментно, убежденно доказывает, что я и мои товарищи десятки лет занимались искусством?! А ведь радиопостановки давно стали неотъемлемой частью культурной жизни советского человека и уже воздействуют на смежные искусства, в частности, на театр и искусство художественного чтения. Вы посмотрите, послушайте, сколько людей сейчас, благодаря радиопостановкам, замечательно читают «с листа», почти так, как будто говорят. А лет тридцать пять тому назад никто не умел этого делать, даже артисты.

Статья Микрюкова, с моей точки зрения, практика-режиссера, замечательна тем, что в ней привлечен большой фактический материал. Автор обратился к архивным материалам тридцатых годов — тех годов, когда люди моего поколения только начали работать. Он доказывает, как необходимы сегодня, сейчас конструктивные изменения в организации художественных отделов для того, чтобы вокруг литературно-драматического вещания создалась та профессионально-творческая атмосфера, которая бы рождала радиодраматургов, радиоредакторов, радиорежиссеров и радиоисполнителей.

Молодой критик в своей статье написал о том, что существует особое радиоискусство и что оно нуждается в специальной драматургии и специфической режиссуре. В пылу полемики он, однако, впал в одну крайность: он уверен, что необходимы только специально для радио написанные пьесы. Это не совсем так.

Почему?

Потому, что существующий радиотеатр всеми своими лучшими постановками, всем своим огромным успехом и опытом доказывает, что радиотеатр — это главным образом литературный театр. Допустим, что специальная радиодраматургия существует, но разве это исключает радиоспектакли, сделанные по лучшим книгам мира?

Именно литературная радиопостановка имеет возможность почти полностью сохранить текст автора.

Приведу, к примеру, радиопьесу О.Н. Абдулова «Мальва» по Горькому. Когда я вспоминаю ее, я вижу все: и место действия, и действующих лиц, вижу мизансцены, в сущности, представляю ее, как увиденный прекрасный спектакль. И очень хорошо помню, что я смотре-

ла кинокартину «Мальва», но странное дело — картина забылась. А радиоспектакль помню ясно. А ведь говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Как видим, к искусству эта формула отношения не имеет. Все сводится к тому, кем это виденное или слышимое создается. И настоящее литературное произведение, воплотившееся в радиопостановку, усиленное выразительными средствами радио, — есть полноценная радиодраматургия.

Возьмем для примера серийную радиопостановку Абдулова «Пикквикский клуб» по Диккенсу (шесть или восемь выпусков по сорок минут). Сценарий и текст песен к этим передачам писал известный сейчас писатель, а в те времена один из редакторов детского вещания Кирилл Андреев. Замечательную музыку к ним написал композитор Юрий Никольский.

Помню, как интересно репетировались Абдуловым эти радиопередачи. Шли они «живьем»*, как маленькие блестящие спектакли. Состав артистов отменный: сам Абдулов, молодой, до невозможности смешной Ростислав Плятт, Пикквика отлично играл Павел Павленко.

В эти постановки вместилось всё: старая Англия, блестящий юмор и стиль; казалось, ожили и заговорили диккенсовские герои... Сейчас я пишу, и передо мной встают картины, сцены, персонажи пьесы. И вижу я их не театральными, бутафорскими, а как бы подлинными, действительными. Вот что делает высокохудожественное радиослово.

Передача эта, естественно, имела огромный успех. Песни из радиопостановки распевала вся страна.

Несколько позже МХАТ тоже поставил инсценировку «Пикквикского клуба». Это был хороший добротный мхатовский спектакль, но после радийного он показался мне тусклым, тяжелым и, главное, куда менее диккенсовским. От театральной постановки осталось то разочарование, которое часто бывает, когда герои книг выходят на сцену и ты их не узнаешь, потому что перед твоим внутренним взором, при чтении, они представлялись совсем другими. Зато радиоспектакль, наоборот, обогатил мое понимание, мое внутреннее видение. То, что слушали мои уши, одновременно с яркой силой вставало перед моими глазами.

Какие же можно сделать выводы из всего этого?

Если любимое литературное произведение иногда теряет свою впечатляющую силу при переделке для сцены и кино, то на радио зачастую оно становится еще выразительней и эмоционально доступнее для широчайших масс радиослушателей.

Именно такие радиопостановки наиболее отвечают специфике радио, для которой слово — главнейшее выразительное средство.

Нельзя, скажем, полностью сохранить текст лермонтовской «Тамани» в постановках на сцене, на экране, но можно и необходимо осуществить это при постановке у микрофона. Причем и роли будут сыграны, и декорации появятся.

---

* Без записи на пленку, непосредственно в эфир.

И самое интересное: у радиослушателей будет полное впечатление, что они слушают драматическую постановку, а не чтецкую передачу.

Когда-то, давно, еще до войны, я ставила «Тамань» без изменения авторского текста. В своем письме учителя из Тамани писали, как, слушая эту передачу, они до такой степени видели свой родной край, знакомый берег моря, свою луну и прибой, что решили, будто постановщик радиопьесы, несомненно, когда-то долго жил в Тамани... Конечно, так получилось оттого, что только специфическими радиоприемами в радиопостановке можно было полностью сохранить гениальную прозу Лермонтова и создать в то же время полное впечатление театрального действия, театрального спектакля. При этом неискаженный авторский текст с большой выразительностью заменяет и грим, и костюмы, и декорации, и действенные мизансцены. Конечно, никакими шумами и музыкой его заменить нельзя, хотя и эти приемы тоже необходимы.

Много лет тому назад была сделана попытка создать радиопостановку не по прозаическому, как обычно, произведению Алексея Толстого, а по его театральной пьесе «Золотой ключик». В ней играли прекрасные актеры, Ширинский написал к ней превосходную музыку, но радиоспектакля не получилось.

Почему? Отчасти потому, что деревянный человечек, озорной и милый Буратино, не имел резко отличной от всех других кукол звуковой характеристики, и главное: если не рассказать, какой крошечный Буратино, из чего он сделан, как ходит, какой у него нос, костюм и так далее — образа не возникнет.

Но зато по подлинному тексту Алексея Толстого при помощи всяких «фокусов», возможных при звукозаписи на пленку, в исполнении одного-единственного актера получился великолепный, поистине настоящий радиоспектакль.

Эта передача существует уже 15–16 лет и всегда при повторах проходит как долгожданная премьера.

Причем в процессе слушания таких постановок происходит чудо (вот где специфика радиодраматургии!): вы совершенно не замечаете, что слушаете не пьесу, а прозу, вы просто уверены, что перед вами разыгрывается совершенно обычный театральный спектакль.

Приведу несколько смешной пример. Когда даже довольно опытный наш радиослушатель — композитор Сизов — «обманулся».

«Очень рискованная и ответственная идея инсценировать “Певцы”... Литературный образ всегда несет в себе нечто идеальное, а тем более когда в нем описывается идеальное исполнение... И надо сказать, что ваша постановка — очень тонкая работа, не вызывающая никаких возражений со стороны самого взыскательного уха.

Не только А. Грибов прекрасно читал, но и весь ансамбль был на уровне высоких требований. Образ Якова и его исполнение вполне соответствовали литературному образу... Хорошо получилась и финальная сцена с знаменитым “Антропкой”.

Возмутило меня одно: после исполнения, когда я специально подошел с бумагой к репродуктору, чтобы записать состав, диктор назвал

только главного исполнителя. Что же, разве остальные недостойны стоять с ним рядом?»

Сизов ошибся: никакой инсценировки не было. Радиоспектакль сохранил подлинную прозу Тургенева, которую читал один Алексей Грибов. Но, используя возможности радио, удалось создать впечатление театральной постановки, сыгранной будто бы с участием многих актеров. Кстати, среди действующих лиц рассказа «Певцы» есть и женщина, и маленькие дети, которых тоже «изображал», даже не заботясь о похожести, Грибов.

Я могла бы привести еще десятки примеров, как, принимая радиопремьеры на художественном совете, опытные радиорежиссеры, редакторы обсуждали исполнение и при этом очень хвалили одних актеров, поругивали других, не подозревая, что всех действующих лиц исполнял один и тот же актер и что это было лишь постановочное чтение.

Скажу больше. В последнее время, слушая радио, я убеждаюсь, что не только я, которая в какой-то мере зачинатель «постановочного чтения», но большинство современных режиссеров стремится ставить прозу скорее в плане «постановочного чтения», нежели в плане чистого радиоспектакля. Какой же вывод?

Драматургия радиопьесы не совсем должна быть похожа на театральную. Вероятно. Но в этой области сделано еще слишком мало. Есть опыт, который говорит о том, что для радио надо уметь из большой книги выбрать самостоятельный сюжет и художественно скомпоновать его. Надо понимать, какой рассказ, какая новелла особенно эмоционально прозвучат по радио, уметь почувствовать радиодраматургические возможности литературного произведения.

Очень многое надо уметь и знать для того, чтобы создать настоящий радиоспектакль. В этой области отлично работает, например, с книгой (и самостоятельно) Сергей Михайлович Богомазов.

Еще одна особенность радиопостановок убедительно говорит о специфичности радиоискусства. Нельзя судить о передаче только по тексту, не слыша ее звучания, потому что есть еще и другие глубоко выразительные специфические возможности в самой постановке и в исполнении.

Иначе может случиться казус. Так, однажды чуть было не сняли постановку, сделанную по книге В. Шкловского «Художник Федотов». Текст при чтении впечатления не произвел. А поставленный радиоспектакль получил диплом первой степени и огромное количество писем от благодарных радиослушателей.

Тут я с восхищением хочу напомнить слова Луначарского: «Радио, проникающее во все далекие углы… должно играть исключительную роль в пропаганде и агитации путем искусства. Но для того, чтобы эта форма искусства была действенной, нужно, чтобы она дифференцировала свои приемы и, пользуясь тем, чем возможно от других искусств, создала свои приемы и методы воздействия, основанные на специфических условиях невидимых восприятий… художественных эмоций».

Это сказано замечательно. Я — практик, за моими плечами более тридцати лет напряженных поисков, удач и неудач, но и сейчас точ-

ность этих слов не перестает удивлять меня. Они найдены и созданы, такие приемы и методы воздействия, они и сейчас еще создаются!

Прочитывая письма-отзывы, нетрудно убедиться в том, что хорошая радиопостановка способна сотворить чудо: когда услышанное становится открытием и слушатель так могуче вовлекается в художественную сферу радиоспектакля, что тоже становится творцом его.

Так что же такое радиодраматургия?

Вряд ли я могу теоретически точно сформулировать этот ответ. Но я хочу высказать мысли, основанные на многолетнем опыте.

Многие формы, характерные для радиодраматургии, все больше утверждаются и в театре. Сказывается ли здесь прямое влияние радио или — что вероятнее — театр находит, открывает для себя эти формы как наиболее современные, но только очень похожи на радиопьесы такие спектакли, как «Двое на качелях», «Милый лжец» и другие так называемые камерные пьесы. Наша пресса широко и справедливо расхвалила как новаторскую театральную постановку «Материнское поле» (драматический театр имени Станиславского), а ведь этот спектакль по форме — обыкновенная радиопостановка!

В нашем радийном обиходе мы такие пьесы называем «постановочное чтение».

Радиодраматургия по форме более близка к прозе или к инсценировке прозы, и радиотеатр, повторяю, в основном — *литературный театр*. Во всяком случае, весь опыт очень убедительно говорит за это. Вот с этой позиции отступать нельзя, хотя некоторые авторы статей о радиоискусстве ратуют только за пьесы, специально написанные для радио. Конечно, радиотеатр так огромен и к тому же обязан быть *многообразным*, что ему бесспорно необходимы талантливые радиодраматурги. Но не надо думать, что их единственное призвание — писать специальные радиопьесы. Инсценировки по книгам тоже они должны делать. Очень бы не хотелось быть понятой так, будто я в принципе отрицаю специальную радиодраматургию. Совсем нет. Она нужна, но она не может и не должна заменить или исключить вовсе литературный театр. И талантливый радиодраматург художественному вещанию просто необходим. Но для того, чтобы он появился, нужно, как говорят, создать творческую обстановку. А сейчас нередко художественное вещание подменяется подделками под художественность и всяческими штампами: авторскими, редакторскими, особенно режиссерскими, исполнительскими и даже интонационными.

Нередко в эфире звучит одна и та же форма — периодические издания. Масса разных названий, но по существу это все та же журнальная форма. Искусство не может уложиться в рамки одной формы. Надо, чтобы на радио каждый отдел имел свою манеру, стиль, свой актив авторов, исполнителей, режиссеров, свое художественное руководство. *Радио — это много издательств, много театров — и обязательно разных.*

Это главное, в этом специфика, и надо искать конструктивные решения, чтобы создавать художественные произведения, а не штампы.

Как победить и вышвырнуть халтуру и штампы? Если говорить о радиопьесах, то их надо по крайней мере репетировать. А часто ведь обходятся без этого: режиссеры приглашают обычно опытных «радиоволков», с которыми можно не репетировать. Появился «переходящий чтец-жнец» на все редакции. Его вы услышите и в передачах для детей, и в «Юности», в музыкальной, литературной и во всех остальных редакциях… С этим исполнителем не надо искать ни новых форм, ни свежих интонаций. Тут все «проверено». А для того, чтобы привлечь новых артистов, нужен поиск, умение репетировать и дополнительное время. Радиодраматургия — это искусство. Как всякое подлинное искусство, оно требует своих художников, своих подвижников. Нельзя без конца «печь» премьеры. Премьеры радиоспектаклей должны повторяться. Нужно создавать художественные ценности с расчетом на долгую их жизнь.

Хочется повторить вслед за Галиной Улановой, что человек остается человеком, и никакая механизация и автоматизация не помогут убыстрению творческого процесса. И надо, наконец, понять, что обязанность радио, телевидения — постоянно напоминать людям, что нельзя все подряд слушать, все подряд смотреть. Надо воспитывать их в этом смысле буквально с колыбели, и мы это можем. Все в наших руках!

РГАЛИ. Ф. 3086. Оп. 1. Д. 19. Л. 70–74.

10 вопросов Игорю Ильинскому[106]

1. Игорь Владимирович, всем хорошо известно о ваших первых шагах в кинематографе и в театре. В какой-то мере этому способствовали книги воспоминаний, написанные вами. Нам хотелось бы узнать, какое впечатление произвела на вас первая встреча с радиоискусством?[107]

— Мне сейчас трудно вспомнить, когда все началось, кажется в 20-х годах. Первое прослушивание вызвало отчаяние и желание прекратить вообще актерскую работу. Но так как она не была прекращена, то в дальнейших выступлениях я старался по мере накопления опыта исправить свои первые погрешности, учился слушать не только себя, но и своих товарищей по профессии.

2. В последнее время раздаются голоса в пользу создания особой группы артистов, занятых только на радио или на телевидении. При этом говорят о необходимости особой профессиональной подготовки. Правильно ли это, на ваш взгляд?

— Я думаю, что это объясняется, с одной стороны, материальной заинтересованностью (особенно на телевидении), с другой — недостаточностью предложений от театра и кинематографа, что и заставляет актеров специализироваться в этих видах искусства.

Актерское образование, как первая ступень в творчестве, должно быть единым для всех видов и оттенков драматического искусства — от театра и кино до эстрады, телевидения и радио. Оно должно строиться по системе К.С. Станиславского и в развитие этой системы.

Только на второй стадии творческого воспитания может возникнуть работа над спецификой и особенностями различных вышеперечисленных видов. Посудите сами, каким мастерством должен обладать актер на радио, в так называемом «театре звучащего слова», где в каждой мизансцене, построенной в театре на движениях, жестах, переходах, он обязан дать звуковую окраску, заменить все это интонацией.

Кроме того, актер на радио получает нового зрителя, с которым, по существу, не имеет контакта. И если в театре он может проверить, насколько удался ему образ, по ответной реакции зала, то на радио он лишен этого. Радиослушатель должен полностью доверяться актеру и потому не терпит даже минимальной фальши.

Драматург Александр Николаевич Островский все свои пьесы проверял на слух. Он не смотрел, а слушал премьеры из-за кулис, чтобы понять, насколько они правдивы.

3. Не могли бы вы сказать о тех преимуществах радио, которыми не обладают ни театр, ни кино?

— Во-первых, актер на радио имеет в активе того же зрителя. Но в своем новом качестве соучастника творческого процесса. Именно в этом заключается преимущество радиоискусства (а вместе с тем и его трудность). Специфика радио должна в правильном направлении вызывать у слушателя работу его фантазии, будить в сознании радиозрителя ряд видимых образов, видимых событий.

4. Чем же отличается подготовительная работа актера на радио от того же процесса в театре? Например, на радио при записи читают текст с листа, а не заучивают его, как в театре. Насколько это оправдано?

— Существует мнение, что актеру безразлично, читает ли он текст с листа или заучивает его, как в театре. Это неверно. Лучше не читать текст с листа, а знать роль или читаемое произведение наизусть. Конечно, это требует большой работы, больше времени. К сожалению, эти элементарные условия не выполняются. До сих пор многие актеры прибегают к радио и телевидению главным образом как к дополнительному заработку, да и сами условия работы все еще способствуют халтурному отношению к этому важному и нужному делу. Поэтому мы часто видим серые, наскоро сколоченные постановки и передачи, не отвечающие тем большим требованиям, которые справедливо предъявляют к этим видам искусства.

5. У актера театра есть много вспомогательных средств, чтобы полнее донести образ (характерный грим, жест, одежда). Чем актер на радио восполняет этот пробел?

— На радио достаточно своих средств, и их ничуть не меньше, чем в театре. Прежде всего, актер должен сосредоточить все свои силы на работе над словом, сделать его более действенным, более впечатляющим.

Я хочу процитировать мысль замечательного театрального деятеля В.И. Немировича-Данченко в подтверждение сказанного. «Однако все это (образ), — говорил Владимир Иванович, — получит окончательную форму лишь тогда, когда вольется в слово все, безраздельно: и

темперамент переживания, и пластика. Повторяю: "вольется в слово", которое ярко, определенно оправдывает все остальные элементы актерских минут на сцене. Только тогда получится законченная форма. Слово становится венцом творчества, оно же должно быть и источником всех задач — и психологических, и пластических. Если оно с самого начала неверно понято, неглубоко психологически, неметко в определении характеристики, или эпохи, или быта, или стиля автора, актерская мысль пойдет не по верному пути и приведет где-то на протяжении роли к художественной трещине, к разрыву с течением пьесы... Вот тут-то и ищите наши грехи».

Я думаю, лучше не скажешь.

6. Существует мнение, что микрофон требует особой манеры игры — доверительной, интимной. Не кажется ли вам, что это несколько односторонний взгляд?

— Я считаю, что многие исполнители обманываются, думая, что у микрофона возможен только интимный разговор. Довольно часто такая ложно понятая интимность превращается в тусклый шепоток или бездействующую простоту. Через микрофон надо говорить с миром во весь голос. А в случае надобности можно передавать миру и свои задушевные мысли. Это не значит, что надо орать или шептать на весь мир: надо избегать любой крайности. Запись у микрофона требует самого трудного от исполнителя — эмоциональной насыщенности и вместе с тем точной техничности. А чтобы выработать синтез этих качеств, требуется большая вдумчивая практическая работа.

7. Игорь Владимирович, не мешают ли вам в процессе работы на радио мысли о микрофоне, о том, что вас слушают сотни тысяч людей?

— На радио надо привлекать работать актеров-импровизаторов. То, что актер работает перед микрофоном, — это не значит, что он работает на микрофон. Микрофон должен быть выключен из сознания актера. Можно пользоваться возможностями микрофона, но, повторяю, актеру надо иметь ощущение, что перед ним весь мир. Это не значит, что я исключаю дисциплину поведения актера перед микрофоном как меру игры. Она есть и будет существовать, но психологически он не должен думать об этом.

8. Игорь Владимирович, то, что вы дали радио — общеизвестно... Но что именно вам дала работа у микрофона?

— Не говоря о той большой смелости и самостоятельности, которую воспитывает микрофон, радио и звукозапись, пожалуй, имели огромное значение для моей будущей работы в качестве режиссера. Именно в работе на радио я наиболее полно ощутил необходимость построения архитектоники рождаемого произведения. Необходимость найти разносторонне ритмическое разрешение главного в произведении: что я хочу сказать, чем взволновать радиослушателей. На радио прежде всего я в какой-то мере познал самого себя, так же как и перед кинообъективом.

9. Театр немыслим без режиссера. Это относится и к радиотеатру. С кем из радиорежиссеров вам было интересно работать?

— Первое имя я могу назвать сразу и, может быть, потому, что этот режиссер труден для актера. Я говорю об Алексее Александровиче Шипове. Его режиссерское решение сразу ставит перед исполнителем главную задачу: актер должен понять, что он хочет сказать исполняемым произведением, какую основную идею и мысли донести до сознания радиослушателей. Алексей Александрович органически чувствует и находит «сквозное действие» и «сверхзадачу» произведения, над которым работает. Например, в работе над диалогом деда Щукаря с Давыдовым (по роману Михаила Шолохова «Поднятая целина») сквозное действие значило: «не надо жениться». Когда это сквозное действие прозвучало, то оно связало сцену, а сцена, в свою очередь, приобрела простоту и убедительность.

Кроме работы с А. Шиповым, хорошее, благодарное чувство оставили у меня встречи с покойным Владимиром Ивановичем Успенским, режиссером детской редакции Н. Литвиновым, А. Ильиной.

10. Что бы вы хотели пожелать нам, радистам?

— Не входя в организационные трудности и уже устоявшиеся ошибочные структуры и подчас немыслимые (особенно на телевидении) антихудожественные условия работы, радиовещанию и телевидению необходима перестройка. Они смогут развиваться только в том случае, если станут для режиссеров и актеров родным домом, а не отхожим промыслом. В утешение могу заметить, что «Великое немое кино» на первых своих шагах было пристанищем всяческой халтуры, дискредитировавшим таких актеров, как Федор Шаляпин.

И только через десятки лет оно стало действительно великим, и его художники всецело отдали себя на службу этому «Великому».

Советское радио и телевидение. 1967. № 2. С. 114–115.

Р.Я. Плятт[108]

О чтении, голосовом гриме

Как ни странно, но дебютировал я на радио в качестве… диктора. Было это в 1931 году. До сих пор помню, как было страшно остаться одному в радиостудии перед микрофоном… Помню первые слова дикторского материала: «Шацкин и Стэн признали свои ошибки…» и дальше что-то на страницу убористого текста.

Вот с тех пор и по сей день радио является постоянной сферой моей работы, параллельной театру. В радиостудии я перепробовал за это время все виды деятельности: был диктором, чтецом во всех жанрах, практикующихся на радио, читал художественную прозу, стихи, публицистику, конферансы к литературным, музыкальным и драматическим передачам, к операм и опереттам; был радиоактером, шумовиком, даже вокалистом, только что не играл на музыкальных инструментах и не настраивал их. Таким образом, опыт у меня накопился большой и разнообразный.

Но самым существенным обстоятельством, с точки зрения формирования моих вкусов и привязанностей, я считаю то, что, придя на

радио в качестве диктора, я через какой-нибудь год оказался членом труппы своеобразного радиотеатра, возникшего в недрах детского вещания под руководством О.Н. Абдулова, ярчайшего деятеля на этом поприще.

В ту пору все мы, активисты этой труппы, были очень молоды, озорны и одержимы желанием постоянно что-то изобретать в эфире.

Разумеется, слова «театр», «труппа» я употребляю условно. Никакого официально организованного театра и штатов при нем, разумеется, не было — к услугам детского вещания, как и теперь, были артисты всех театров Москвы. Они шумной и многолюдной толпой бродили по этажам Центрального телеграфа, где тогда были расположены основные радиопомещения, где, кстати сказать, существовал театр для музыкальных передач. Многие из моих «товарищей по микрофону» тех лет и ныне работают в разных московских театрах или стали виднейшими радиорежиссерами и актерами, многих я потерял из виду, но тогда мы были очень спаянны и дружны: Л. Пирогов, А. Кубацкий, Н. Литвинов, Н. Герман, А. Ильина, Н. Львова, покойная М. Лаврова, Ю. Юльская, Д. Фивейский, В. Сперантова, П. Павленко, М. Баташев, А. Целиков, А. Горшкова, Н. Павлов, я — мы все составляли труппу этого ядра, режиссировал О.Н. Абдулов, присяжным автором-инсценировщиком был К. Андреев, присяжным композитором — Юрий Никольский, а дирижером — А. Ройтман. Я, разумеется, перечислил далеко не всех энтузиастов детского вещания того времени; одновременно с нами действовала, например, группа, связанная с великолепным радиорежиссером Розой Иоффе; я назвал, очевидно, прежде всего фамилии тех, с кем больше был связан по работе над передачами. Важно другое — то, что тогда на радио сплотилась порядочная группа людей, объединенная не ведомственно, а творчески, в полном смысле этого слова.

И результаты получились отличные: помню, как все мы гордились тем, что передачи именно детского вещания пользовались наибольшей популярностью среди радиослушателей. И это понятно, если перечислить далеко не полный перечень авторов, произведения которых инсценировались для наших передач: Чехов, Лесков, Гоголь, Гайдар, Джон Рид, Сервантес, Диккенс, Жюль Верн, Джек Лондон, О'Генри — так накапливался «золотой фонд» радио. Вот почему я начал свои воспоминания с 30-х годов, так как именно тогда, зараженный и увлеченный игрой в этих радиоспектаклях, я привык ощущать себя у микрофона актером, а не чтецом...

В начале января 1958 года мне довелось получить очень любопытный материал для передачи, точнее, для передач, так как их на материале данного рассказа было сделано пять, одна за другой — 6, 7, 8, 9 и 10 января 1958 года. Называлась передача «За бортом по своей воле», автором ее был французский врач Ален Бомбар, опубликовавший свои записки несколько лет тому назад. В очень живой и эмоциональной форме он рассказывал о подвиге, который совершил во имя науки, во имя спасения многих человеческих жизней: на надувной резиновой лодочке, питаясь только тем, что давало ему море, утоляя жажду только морской водой и лишь иногда дождевой, переплыл сначала Среди-

земное море вдвоем с приятелем, а затем, в тех же условиях, проделал путь один. Путешествие это заняло больше 60 дней и преследовало при этом одну цель: доказать, что люди, потерпевшие кораблекрушение и оказавшиеся в море, тем не менее погибают не от голода или жажды, а скорее от страха, перестав бороться за свою жизнь.

Материал записок Бомбара был настолько интересен и по манере изложения и по фактам, что, казалось, читай его себе грамотно — и успех передаче обеспечен. Тем более, что частично факты изложены в форме дневника — документа, написанного на месте событий. Но если посмотреть на этот материал глазами не чтеца, а актера, если почувствовать его актерским нутром, то сразу захочется волноваться вместе с Бомбаром, вместе с ним протестовать, отчаиваться, веселиться — даже не вместе с ним, а скорее вместо него. Тем более, что написана книга от первого лица, и читающий (вот не могу отделаться от этого неверного выражения), нет, не читающий, а исполняющий эту вещь актер должен быть Бомбаром! Так я и поступил, сделав передачу как монолог, только разбитый на пять частей, пытаясь передать характер незнакомого мне, но такого понятного героя, стараясь не забывать, что автор — врач, что он француз, что он молод (ему посреди океана исполнилось, кажется, 28 лет), одним словом, стараясь, чтобы передача звучала, как рассказ самого Бомбара, только на русском языке. Хорошо ли я ее прочел и что удалось мне в моих намерениях, не знаю. Передачу я читал прямо в эфир, не на запись, и себя, разумеется, не слышал. Отзывы были хорошие, но они могли относиться к содержанию. Знаю только то, что мне было интересно, я был увлечен материалом и задачами, перед собой поставленными, и мне как-то «жилось» у микрофона.

Теперь пора поговорить о средствах внешней выразительности актера на радио, о том, что может дать слушателю звучащее в эфире слово. Тем более хочется заметить, до чего, на мой взгляд, мы иногда бываем равнодушны к радиопоискам, а возможности таких поисков, особенно при сегодняшнем развитии радиотехники, очень велики. Именно такие вот поиски донесли до слушателей прелесть образа Буратино, подаренную эфиру талантом режиссера Розы Иоффе и актера Николая Литвинова, догадавшихся о возможностях звукового трюка при записи на пленку и поставивших технику на службу фантазии и художественному творчеству. Правда, в данном случае техника сочеталась с режиссерским дарованием и опытом Р. Иоффе и актерской заразительностью и музыкальностью Н. Литвинова. Но не только поиски такого рода я имею в виду. Я хочу напомнить о том, как играют в эфире такие компоненты художественных передач, как голосовой грим, пауза, перемены ритма и темпа, удаление и приближение к микрофону — словом, все то, что может делать в студии актер, движимый желанием создать радиообраз без помощи костюма, грима, света и других воздействий театрального зрелища, руководимый хорошим режиссером и фоником.

Вот тут я снова вернусь к воспоминаниям, с которых начал, — о нашем театре детского вещания 30-х годов. Буйный театральный талант Абдулова делал многое. Щедрость его фантазии, юмор, острые

и смелые, «сочные» подсказы актерам и, наконец, отличное ощущение им радиоспецифики — все это в соединении с нашим горением и азартом приносило успех. В поисках радиообраза у нас развивалось нечто вроде соревнования: кто придумает наиболее неожиданное решение роли, найдет наиболее интересный «звуковой грим». С тех самых пор эта проблема голосового грима занимает меня на радио всегда. Это ведь крайне важно. Подумать только, как звуковая характерность может обогатить радиороль. И сколько тут возможностей для поисков! Ведь микрофон идеально передает любой голос. Все виды тембров: металл в голосе и, наоборот, хрип, шепелявость, картавость, заикание, одышку, все оттенки смеха, шепот, паузу, тяжелое дыхание — ну, одним словом, перечислять можно еще долго. А так ли часто пользуются этим у микрофона в полную силу наши актеры и режиссеры? Любят ли они это, увлекаются ли этим? Далеко не всегда, зачастую пренебрежительно считают, что это не главное, не существенное.

Разумеется, не с этого надо начинать работу. Не поймите меня так, что мы увлекались заиканием и хрипением как самоцелью, нет. Этому предшествовала большая работа: анализ текста, разбор мыслей персонажей, поиски стиля данного автора, шло «вживание» в роль и общение друг с другом. Но вот наступала пора, когда все накопленное надо было выразить у микрофона — тут и начиналось изобретательство. Какой, например, простор для фантазии режиссера и актера давали диккенсовские «Записки Пикквикского клуба»! Это были передачи с продолжением, мы выпустили в эфир, по-моему, передач десять и, судя по письмам, радиослушатели ожидали каждую следующую передачу с нетерпением. Тут уж надо было вовсю творить, пробовать. Что ни роль — яркий, характерный образ, который надо было найти и закрепить и владеть им свободно и точно от передачи к передаче, не сбиваясь. Тут уж Абдулов развернулся вовсю и как режиссер, и как актер, и как постановщик песен, ибо вокала в «Пикквике» было много — арии отдельных персонажей, знаменитый марш пикквикистов, исполнявшийся хором, лирическая новогодняя песенка — все это прелестно было написано композитором Юрием Никольским. Мы, драматические артисты, обожаем петь, хотя, собственно, ни у кого из нас нет певческого голоса. А уж петь под оркестр — это предел мечтаний! В «Пикквике» все музыкальные номера шли под оркестр. Нот мы не знали, почти все были так называемые «слухачи», то есть вызубривали мелодии с пианисткой, а затем пели под оркестр. Помню, как один из композиторов изумлялся этому полному бесстрашию, с каким мы стремились поскорее запустить в эфир наши арии. Объяснялось это просто: как певцам нам терять было нечего, забота о голосе, за неимением такового, для нас тоже отпадала, и мы наслаждались самим фактом пения, стараясь как можно лучше донести юмор текста, а текст пикквикских песен был всегда смешным. Я до сих пор помню и могу напеть строчки из арии пройдохи Джингля, которого я играл, где он перечисляет свои гастрономические привязанности, музыкально изложенные очень эффектно в его скандированной манере:

Салат «Колибри»...
Уха из роз...
Компот из семги...
Желе из слез...
Попить, поесть и отдохнуть —
Вот мой девиз! И снова — в путь!

Причем слово «снова» я с упоением тянул, чувствуя себя, как минимум, Шаляпиным, поющим знаменитую арию дона Базилио о клевете...

Вообще в передачах детского вещания петь надо было много. Арию «умного Крокодила» из передачи «Беседы умного Крокодила», созданной Агнией Барто и Риной Зеленой, я даже записал на граммофонную пластинку. Одну сторону пластинки занимал мой Крокодил, а другую — ария Попугая из той же передачи в исполнении О. Абдулова. В этом вокальном баловстве была та полезная сторона, что мы тренировали и музыкальность, и ритмичность, и выразительность речи. Ужасно досадно, что наш великий помощник — магнитофон появился на вооружении радио только после войны, и, таким образом, весь период абдуловского театра 30-х годов канул в вечность, не запечатленный нигде.

Началась эра магнитофона. Возможность записываться и прослушивать себя принесла нам, актерам, не только массу радостей, но еще больше огорчений, так как слишком много несовершенств — речевых, дикционных и прочих — открылось в исполнении даже у самых маститых исполнителей. Но, конечно, помощь магнитофона трудно переоценить. Вспоминаю, как бился я над поисками голоса Холмса для передачи «Собака Баскервилей», по знаменитому рассказу Конан-Дойля. Ведь это же был, как никак, сам Шерлок Холмс, популярный образ для моих юных, да и не только юных радиослушателей. Получалось так, что «не шел» Холмсу мой собственный голос глуховато-баритонального тембра. Всем нам, участникам передачи, казалось, что голос Холмса скорее высокий, металлический, иногда с пронзительными нотами; манера говорить очень собранная, точная, резкая — словом, не моя. Запишем на магнитофон, послушаем — не то! Текст хорошо разобран, мысли ясны, наметились интересные куски, все мы как-то уже зажили своими ролями, пора плыть к финишу, а у меня все еще не найден «звуковой» Холмс. Нужно ли говорить, как помогает в таких случаях саморевизия. Слушаю себя и чувствую: неорганично, «деланье» голоса, а из данной роли нельзя просто взять резкую звуковую характерность, это допустимо в роли с меньшим количеством текста, а тут — надоешь слушателю. Вот так пишем, стираем, и опять пишем — от дубля к дублю. Наконец добрались до истины. В голосе у каждого человека есть свои естественные верхи и низы. Один и тот же человек может говорить и низким и высоким голосом, но — своим, не наигрывая бас и не «петушась». В конце концов, нашлось и в моем голосе нечто подходящее для Холмса.

А что наши поиски не были напрасными, доказывает такой, например, факт. Вторая серия «Собаки Баскервилей» начинается с длинного

монолога Ватсона, а Холмс появляется много позже и неожиданно, причем никаких предварений, объясняющих, кто сейчас говорит, в передаче нет. И вот подходит ко мне как-то один из театральных оркестрантов, любитель наших детских передач, и рассказывает, что вчера у них дома слушали вторую серию знаменитого рассказа, и его сын, пятнадцатилетний мальчик, с первых же слов Ватсона закричал: «Ой, совсем не то, не похож!» — имея в виду Холмса и думая, что уж, конечно, с его слов начнется такая передача. А когда зазвучали мои первые реплики, сразу последовал крик: «Он! Он!» Это и было мне наградой за поиски. С удовольствием выслушав эту эмоциональную рецензию, я лишний раз подумал об огромной пользе магнитофонов.

Или другой пример: мы много бились еще над такой звуковой окраской для Холмса — чиркание спичкой и закуривание трубки, без которой Холмса представить невозможно. Я в жизни трубку не курю, но специально купил себе маленькую трубочку, которая не затрудняла бы губы и вместе с тем, вложенная в рот, нужным образом слегка «засоряла» бы звук в требуемых местах. А звук зажигаемой у микрофона спички найти было уже легко. Вначале мы немного переборщили, рассовав «курительные» звуки куда надо и куда не надо, но потом опомнились и оставили их в трех–четырех местах в моменты, подчеркивающие раздумья Холмса: слышно чирканье спички, характерный губной звук — посасывание мундштука, выпускание дыма, пауза и текст... Мелочь, кажется, но с ней пришлось долго возиться.

Нине Герман свойственна театральная образность и хорошее ощущение правды, и она очень верно вела меня к выражению моими средствами характера Слоненка, очень юного, крайне любопытного, очень громкогласного и шумливого. А когда я начинал сомневаться в своих возможностях, поскольку до этого в области животного мира специализировался на волках и крокодилах, она очень тонкими педагогическими ходами убеждала меня в том, что слоны — мое призвание, что мой глуховатый баритон — самый что ни на есть слоновый звук, что во мне уже проглядывает та наивность и непосредственность, которая выражает этот характер. И опять — трудные поиски голосового грима и очень радостный день, когда я поймал некую гнусавость в сочетании с трубным звуком, и нам показалось, что это хорошо выражает голос Слоненка, которому Крокодил вытянул нос, с тех пор называемый хоботом.

Занятость в чеховском «Ионыче» не ставила передо мной никаких задач в области внешней выразительности. Тут все должно быть внутри, ведь мне принадлежал текст от автора. Мало ли? Должен сказать, что постановка на радио «Ионыча» мне представляется одной из тех задач режиссера, когда абсолютное видение вещи в целом и в частностях моментально подчиняет себе актера, и все становится на свои места, потому что человек, ведущий работу, очень точно знает, куда надо вести. Любопытно, что ставил «Ионыча» сравнительно молодой тогда режиссер А. Столбов. Он был, если не ошибаюсь, моложе всех участников передачи, но к этому времени уже имел солидный стаж радиорежиссуры, театральное образование, да к тому же был еще кине-

матографистом. Словом, сплав всех профессий, очевидно, полезный для радиорежиссера. А главное, он долго вынашивал «Ионыча», и его увлеченность вещью безотказно заражала всех, начиная с самой маститой из нас Софьи Владимировны Гиацинтовой, очаровательно сыгравшей Туркину. Но дело было не только в том, что Столбов будоражил нас своей азартностью, важно было то, что, на мой взгляд, он очень правильно прицелился, и поэтому передача попала «в яблочко». Он почувствовал Чехова вне привычных канонов, следуя которым, исполнители быстро обрастают излишней камерностью, этакими «чеховскими» полутонами и прочей дребеденью, якобы свойственной Чехову. Благодаря этому моя роль от автора стала чрезвычайно активной, потому что именно мне надо было выразить все подтексты автора, те темперамент, горечь и боль, с которыми повествует Чехов о бесталанном городишке и его обитателях, о жизни, подобно трясине, засосавшей действительно подававшего надежды молодого врача, превратившегося из непосредственного, полного хороших, свежих чувств человека в заплывшего жиром — физическим и нравственным — Ионыча.

И, наконец, «Старый учитель» по рассказу чешского писателя Яна Дрды, поставленный Н. Литвиновым в содружестве с тем же А. Столбовым. Литвинов, ныне художественный руководитель, возглавляющий детское вещание как один из наиболее популярных режиссеров и актеров радио, своими корнями также принадлежит драматическому театру, в котором он вырос и сделал много интересного. Поэтому, когда мы работали над образом старого учителя, героя этой передачи, я чувствовал себя в привычной атмосфере театральных поисков сложной характерной роли. А роль была действительно непростая. Несколько привычный, знакомый образ педагога, чудака-идеалиста, влюбленного в свой предмет, и в то же время «человека в футляре». Дрда в ходе рассказа выводит на просторы жизни, делает старика участником партизанской борьбы против захватчиков, временно оккупировавших Чехословакию. Старый учитель, ставший борцом за независимость своего народа, обретает наконец не только книжную мудрость жизни.

Этой эволюцией роли очень трудно было овладеть, так как в радиокомпозиции по сравнению с рассказом она очень скупо была передана. Кроме того, явно эксцентричный характер старика требовал и острой внешней характерности, и, особенно во второй части, глубины чувств, сердечности, теплоты. А я то излишне «сентименталил», то карикатурил роль, впадая в крайности и не умея сочетать все это в целостном характере одного человека. Опять мы кропотливо отбирали «идущее» и «не идущее» к роли, опять записывали и стирали... Я люблю работать у микрофона, когда за стеклом фонической будки виднеется Литвинов, «дирижирующий» происходящим. Он представляется мне неким очень точным «звукоуловителем», моментально реагирующим на правду и фальшь. Но, будучи сам хорошим характерным актером, Литвинов не только корректировал мою работу, но и подбрасывал мне много ценных мыслей, приближающих меня к жела-

емому результату, — иногда он просто практически проигрывал в студии отдельные куски роли. И когда мы наконец, покончив с черновыми дублями, приступили к записи окончательного варианта, я был настолько уверен в образе своего старика, что взялся бы сыграть его в театре, отвечая за каждое движение его души, видя в подробностях его грим, уже не голосовой, а физический, его костюм. Я очень полюбил эту работу и был бы искренне огорчен, если бы радиослушатели не приняли ее. Но все обошлось благополучно…

Советское радио и телевидение. 1967. № 6. С. 27–30.

В.С. Синявский[109]

С микрофоном за мячом

Пожалуй, первые репортажи были для меня очень трудными: не у кого было спросить, не у кого было поучиться. Я шел как в потемках, а все репортажи — прямо в эфир.

Есть такое выражение: «Слово не воробей». Да, действительно, слово, которое вылетело, не поймаешь. И поэтому, когда ведешь репортаж, нужно думать немножко вперед, контролировать свои мысли…

Я хочу рассказать об одном, самом трудном в моей жизни футбольном репортаже.

…Это был ноябрь 1945 года. Уже после войны московская команда «Динамо» отправилась на Британские острова. Мы улетели, когда в Москве было 18 градусов мороза, а прилетели в Лондон в теплую осень и были страшно удивлены, что нас встречает мало народа. Так, например, человек полтораста–двести. Оказалось, что это только работники посольства и в основном корреспонденты радио и газет. Я спросил одного из наших работников: «Почему нас так скромно встречают?» «Ты что, с ума сошел! — ответил он мне. — Здесь корреспонденты всех газет, вас принимают по высшему разряду!»…

По-настоящему почувствовал себя в Англии, когда меня разыскал комментатор Би-Би-Си. Он спросил что, где и сколько я хочу вещать. Это уже была деловая обстановка.

План всех наших игр был заранее предусмотрен, были уточнены часы, места встреч — все это я сообщил в Москву.

Утром, глянув в окно, я не увидел противоположного дома. А улочка была не больше двадцати метров шириной.

Туман… Настоящий лондонский, чертовски густой. Мы думали, что игра будет отложена, но после долгих телефонных разговоров нам пришлось все-таки сесть в автобус. Три полицейские машины включили сирены, и точно по времени — нам открывали «зеленую улицу» — мы приехали на стадион. Со своим рабочим местом я был уже знаком. Это большая ложа прессы, в которой мое место было в двадцати–тридцати метрах от линии поля. Никаких беговых дорожек на стадионе нет. Все трибуны вплотную подходят к полю. Но даже это преимущество западных стадионов мне не помогло — зрителей на

противоположных трибунах я не видел. Я понимал, что они есть: там чиркали зажигалки, слышался гул переполненного стадиона, отдельные выкрики.

Мы предложили игру перенести на завтра. Но хозяева смеялись: «Деньги в кармане! Все билеты проданы!»

И вот начался матч. Так, откровенно говоря, я до половины поля видел все хорошо и, пожалуй, ближайшие штанги и вратарей. Но как только игроки уходили к противоположной трибуне, на глазах у меня они превращались в огромные силуэты. Я должен был ориентироваться по фигурам игроков. Это было трудно. Но если со своими еще можно было справиться, то с англичанами приходилось обращаться довольно вольно.

Первый тайм мы проиграли 2:3. Мне было жарко. Безуспешно стараясь уследить за всеми перипетиями игры, я вконец измучился и, не выдержав, обратился к технику, который меня обслуживал, с просьбой — нельзя ли дать мне длинный шланг к микрофону, чтобы я мог выйти на боковую линию поля. Все-таки метров тридцать я выигрывал.

Милый англичанин меня понял, улыбнулся... и перестарался. Я получил шланг с таким запасом, что при большом желании мог бы взять короткое интервью у полисмена на улице, прилегающей к стадиону «Тоттэнхэм». Теперь у меня прибавилось забот — надо было следить не только за игрой, но и за шлангом, в котором я мог запутаться...

В конце второго тайма, когда счет стал 4:3 в нашу пользу, новая волна тумана, похожего на сгущенное молоко, навалилась на поле так, что я видел уже не игроков, а неясные тени.

...Проглядывают правые ворота. Защищает их Алексей Хомич. По фигуре понимаю, что это он. Вижу, что идет атака на наши ворота... Удар! И сразу взрыв аплодисментов после того, как метнулся А. Хомич. А что произошло — не знаю. То ли А. Хомич пропустил гол, то ли взял мяч? Чему аплодируют?

Тут пришлось прибегнуть к маленькой уловке: я убирал свой микрофон за спину и, пользуясь тем, что за шумом стадиона не был слышен мой голос, кричал центру защиты М. Семичастному, нашему капитану:

— Миша! Что???

Он отвечал: «Хома взял!» После чего я эти два слова: «Хома взял!» расшифровывал примерно в такую фразу: «В блестящем броске из правого верхнего угла Алексей Хомич забирает мяч. Отличный бросок, ему аплодирует Лондон!»

...А что мне оставалось делать? Важно, что мяч не попал в ворота, а какой это был угол, мне уже было все равно.

Когда закончился этот матч, — а мы его выиграли, — то, поздравляя друг друга, ребята спрашивали меня: «Что ты видел?» Тогда я, в свою очередь, спрашивал наших нападающих: «А вы что видели?»

Оказалось, что наши нападающие не видели ни одного гола, которые были забиты в наши ворота, а наши защитники — ни одного гола, который забили мы.

Конечно, это ненормальные условия для игры, но так иногда приходилось выходить из положения. Это был очень тяжелый матч, и не только для футболистов, но и для моих друзей-комментаторов.

После матча мы с комментатором Би-Би-Си Раймондом Кленденингом уехали в аппаратную, чтобы прослушать контрольные пленки. Дело в том, что мой коллега Раймонд Кленденинг не знал русского языка, а я не знал английского. Тогда мы нашли выход: включили две пленки синхронно. Когда у меня возникал какой-нибудь вопрос, я нажимал кнопку — обе пленки останавливались, и я получал подстрочный перевод нужного мне момента в репортаже. Он, в свою очередь, таким же способом пользовался комментариями моего репортажа. Это оказалось очень полезным новшеством. Во-первых, мы оба здорово посмеялись, оба получили удовольствие от того, что всех игроков мы назвали правильно, и даже замены, которые были произведены на поле, тоже были отмечены безупречно. Правда, тут помогла не только наша смекалка — просто мы слышали объявление по стадиону, а сообщали об этом несколько позже, так сказать, вводили нового игрока уже с атаки, с темпераментом.

Я думаю, что этот рабочий прием найдет себе применение, даже если два комментатора ведут репортаж на русском языке. Никогда не помешает прослушать контрольную пленку в спокойной обстановке — сравнить что там «да», а что там «нет»...

И снова стадион «Динамо». Матч для меня не трудный, но неожиданно в самый разгар, во втором тайме, когда я веду репортаж в эфир, мяч попадает с колоссальной силой в штангу.

О! Тогда так били! Штанга ломается и падает. Верхняя штанга. Это страшно. Это — ЧП. Хозяевам поля дается лишь двадцать минут, чтобы исправить повреждение, чтобы восстановить ворота. Смогут ли они сделать это?

Мое положение вы поймете, если вспомните, что в те годы не было никакого «Маяка», я не мог отдать станции на музыку и в нужное время спросить их обратно. Я продолжал вести репортаж. Вот тут я вспомнил справедливые слова английского комментатора Раймонда Кленденинга. Он как-то сказал мне:

— О, мистер Синявский, ведь когда на поле что-то происходит, можно просто говорить: направо, налево, удар! А вот когда на поле не происходит ничего, относящегося к футболу, вот здесь-то и надо быть комментатором. Ты должен выйти из положения и говорить.

Он мне рассказал любопытную историю, как в одном синхронном репортаже, который мы с ним вели, он в своем рассказе оттолкнулся от жены знаменитого футболиста, а я, простите, — я был тогда очень молод, — все построил на стенографии полета мяча.

Однако вернемся на «Динамо». Что делать? У меня были, естественно, какие-то заготовки к этому матчу, разговор вокруг чемпионата, и я кое-как выходил из положения, но ведь одновременно работал второй микрофон — шумовой. Временами болельщики кричали: «Эй, ухнем!»... или просто дружно ржали. Да, именно ржали.

Надо было что-то говорить, надо было пояснять, что происходит. А происходило следующее. Команда ушла на отдых, а вся администрация во главе с заместителем директора, заслуженным мастером спорта, блестящим борцом, судьей всесоюзной категории, ныне отменно здравствующим Иваном Ивановичем Хайдиным бросилась спасать честь стадиона. Все знают, что если за двадцать минут штанга не будет поставлена, то хозяевам засчитывают поражение. А я уже говорил, что они вели в матче, и поражение им было абсолютно ни к чему.

Нужно было что-то предпринимать. С топорами, с молотками бросились на новую территорию, разломали там новые ворота и дружно, на плечах, потащили штангу на место происшествия. Это была смешная картина: в юго-восточные ворота торжественно внесли штангу. Впереди шествовал сам Хайдин, а сзади — бывший чемпион Москвы по настольному теннису Абрам Захарович Маневич.

Штангу принесли, начали устанавливать, а я должен был что-то в это время рассказывать. Станции-то у меня!

И вот старую штангу отбрасывают, как негодную, как оскорбившую честь стадиона. Водружают новую. Гвозди, молотки... Я смотрю на часы. Прошло четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать минут. Наконец команды вызываются на поле. За восемнадцать минут штанга была сделана. Представьте мою радость. Эти восемнадцать минут я должен был вести репортаж не о футбольном матче, а вокруг него, причем обязан был как-то пояснять те звуки, которые раздавались в шумовом микрофоне.

Откровенно говоря, тогда еще не было у нас пленки для прослушивания. Бедные мученицы-стенографистки просто записывали мой репортаж. После того как стенограмма расшифровывалась, я ее просматривал. Дело в том, что во время матча я очень быстро говорю, и стенографистки многое пропускали. Потом, правда, они уже привыкли — знали составы команд, а некоторые из них побывали на футболе, полюбили его и уже легче писали. Но вот эти восемнадцать минут были записаны отлично. Именно тогда я понял, что нужно быть готовым к репортажу в случае любого происшетвия, которое может возникнуть на стадионе...

Советское радио и телевидение. 1967. № 7. С. 27–29.

Круглый стол по проблемам радиовещания

Ф.А. Искандер[110]

Радио слушают миллионы

По утрам, когда я завтракаю, примерно около десяти часов, я слышу по радио трогательные передачи. Диктор рассказывает, как надо воспитывать детей, или дает советы домохозяйкам. Так как обычно в это время моя дочь в детском саду, а жена ушла за покупками, то есть мне практически никто не мешает слушать, я внимаю дикторскому голосу со все возрастающим умилением.

Прихлебывая чай, я думаю, как это здорово, что вот сейчас, в эту минуту, миллионы радиослушателей в централизованном порядке учатся воспитывать ребятишек и правильно вести домашнее хозяйство.

Несколько позже я заметил, однако, что передачи на воспитательные и хозяйственные темы с удовольствием слушают люди, как правило, не слишком связанные с воспитательными и хозяйственными делами. Потом я понял, что это не случайность, а психологический принцип, по которому работники радио и телевидения организуют духовные и потребительские интересы своей аудитории.

В самом деле, так устроен человек. Все мы любим давать советы по вопросам, которые обычно не связаны с нашей прямой обязанностью, то есть в делах, которые далеки от нас. Я, грешным делом, любил когда-то послушать про тунгусский метеорит. Но что-то давно не спорят. А то бы я с удовольствием присоединился к наиболее смелой, революционной точке зрения. А почему бы нет? Тунгусский метеорит выжег в Сибири такой кусок тайги, который можно приравнять к иному европейскому государству, конечно, без бывших колоний...

Одним словом, все ясно. Каждый любит радио и телевидение постольку, поскольку оно ему помогает оттолкнуться от своего профессионального дела и дает возможность окунуться в действенный ручей любительства.

В самом деле, можно ли представить, чтобы серьезный литератор слушал по телевидению литературную дискуссию или крестьянин выслушивал по радио сельскохозяйственные советы, даже если они проходят под многообещающей рубрикой «Весенний день год кормит».

Таким образом, чем больше радио и телевидение будут избегать попыток добиваться профессионального уровня в освещении тех или иных вопросов, тем больше будет у него поклонников...

Ф.Ф. Кузнецов[III]

Нам необходима радиокритика

Я много думал о соотношении радио и телевидения — этих двух великих феноменов духовной жизни человечества, — когда заведовал отделом советской литературы литературно-драматической редакции Всесоюзного радио.

Если кратко резюмировать результаты своих размышлений, то они сведутся, пожалуй, к чувству неудовлетворенности. Правда, кое-что коллективом литературно-драматического вещания за последние годы сделано. Это прежде всего «Литературные вечера», которые задумал и осуществляет Ю. Гальперин; это радиоальманах «Поэзия»; это «Библиотека новинок советской литературы», которая знакомит радиослушателей с новыми художественными произведениями, как правило, накануне их публикации в печати.

Радио сравнительно неплохо популяризирует тексты новых произведений, прозы и поэзии. И все-таки, когда сравниваешь реальность с возможностью, становится обидно и за радио, и за литературу. За радио — потому, что оно еще плохо использует неисчислимые духовные

ценности прозы и поэзии для углубления правильного воспитательного воздействия на массы радиослушателей; за литературу — потому, что столь слабо использует она такое могущественное средство информации и транспортировки для прочного завоевания широких читательских масс.

Самое губительное здесь, на мой взгляд, — отсутствие радиокритики. Те редкие радиорецензии, которые время от времени передаются по третьей программе, еще не радиокритика. Видимо, необходимы прежде всего литературные комментаторы, чьи голоса звучали бы в эфире в строго определенные часы, чьи имена были бы известны радиослушателям, чья точка зрения была бы интересна и авторитетна для них. Это должны быть критики, самостоятельно мыслящие, острые, творческие, естественно и непринужденно разговаривающие в эфире. Пусть они будут представлять разные направления литературно-критической мысли, будут расходиться в оценках тех или иных явлений литературы, и тогда получится спор, диспут, полемика в эфире. Тогда-то и будет восстановлена объективная картина современного литературного процесса; тогда-то и появится подлинный интерес радиослушателей к литературному вещанию.

Надо, конечно, чтобы все выступающие у микрофона критики-комментаторы были едины в главном — с уважением относились к художественным ценностям и с нетерпимостью к ремесленным поделкам.

Да, литературная радиокритика обязана не только вещать о победах нашей литературы, но и развенчивать все посредственное, малохудожественное. Ведь конечная задача литературно-драматической редакции — эстетическое воспитание радиослушателя, формирование его художественного вкуса.

И что приятно отметить — все это по плечу нашему радиовещанию. Сказанное здесь Владимиром Максимовым о нарушении воли автора работает, конечно, не на качество литвещания, но это же преодолимо...[112]

Советское радио и телевидение. 1967. № 12. С. 31–34.

Кто он, человек с микрофоном?
(Л.Д. Ландау, Н.Н.Фатеева, С.А. Антонов)[113]

Интервью с Л.Д. Ландау[114]

— Охотно ли вы идете на встречу с корреспондентом?

— Охотно или неохотно — это понятие относительное. Я думаю, что всегда нужно помнить одно: раз корреспондент звонит и просит встретиться с ним, значит, это нужно для него и для того дела, которому он служит. Я не думаю, чтобы корреспондент попросил встретиться с ним лишь затем, чтобы отнять у ученого или у другого человека время. Ведь в принципе, какая может быть разница между корреспондентом и, допустим, молодым ученым, который нуждается в такой встрече, скажем со мной? Тому и другому необходимо получить информацию по определенному вопросу, а коль так, то для этого нужно

найти время и принять людей. Я, например, не разделяю точку зрения тех, кто отмахивается от корреспондента, как от назойливой мухи: вот, мол, беседуй с ним, отнимай от науки или отдыха время. Труд каждого человека нужно уважать, а тем более нелегкий, в общем-то, труд корреспондента.

— Есть ли среди журналистов люди, которые стали бы друзьями вашего дома?

— Друзьями — нет. Но люди, к которым я отношусь с уважением, — несомненно. Я люблю умных собеседников, людей, с которыми можно приятно побеседовать. Мне нравится читать или слушать продуманные беседы или интервью, а не те, которые сделаны лишь бы как, лишь бы в газете стояло имя известного ученого, актера или писателя, а по радио звучал его голос. Да и вообще с тактичным, знающим свое дело человеком, по-моему, всегда приятно поговорить.

— Каким должен быть, на ваш взгляд, корреспондент?

— Частично я уже ответил на этот вопрос. Но могу добавить: корреспондент, как и каждый человек, должен любить свою профессию, а не искать в ней лишь выгодные стороны. Я знал и знаю молодых ученых, которые пришли в физику только потому, что это модно. Они не стали и не станут большими учеными. Вероятно, такое рассуждение можно отнести и к людям других специальностей, в том числе и к журналистам. Нужно любить и познавать все новые и новые стороны в своем ремесле. Постоянно самосовершенствоваться. А иначе ни работа, ни затраченный на нее труд никогда не принесут удовлетворения ни окружающим, ни себе. По всей вероятности, корреспондент должен быть хорошо эрудирован в тех вопросах, которые он освещает, дабы не путать, как это было однажды сделано корреспондентами в газете «Вечерняя Москва» после беседы со мной, теорию относительности с теорией вероятности. Пусть эти корреспонденты не обижаются на меня, но мне, когда я читал материал, было неловко за них.

Наконец, корреспондент всегда обязан точно знать, зачем он пришел к человеку, которого собирается интервьюировать, какую именно информацию он хочет получить. Ведь просто так, лишь бы о чем, беседовать нельзя. Нужна точная цель, стержень, ствол беседы, а уж ответвления от этого главного — дело второе. И уж коль мы коснулись внутреннего содержания корреспондента, то и внешнее тоже должно быть на высоте. Я не помню, чтобы какой-то зарубежный журналист пришел ко мне без галстука или в неопрятном виде. А у нас, к сожалению, может случиться и такое. Я хочу, чтобы меня поняли правильно мои друзья-журналисты: форма должна соответствовать содержанию, равно как и наоборот. От этого, как говорится, никуда не денешься. Это закон, который обязателен для всех…

Интервью с Н.Н. Фатеевой[115]

— Часто ли вас беспокоят корреспонденты?

— Не очень. Обычно они появляются, когда заканчивается съемка фильма. Вот тогда начинаются звонки, беседы. Но я, честно признаться, не большая любительница этих встреч. Сколько раз я уже сталки-

валась с корреспондентами, и всегда следуют одни и те же вопросы: как вы работали над ролью? нравится ли вам фильм? ваши планы на будущее? И уж обязательно: кого бы вы мечтали сыграть?

Я уже знаю, какой ответ хотел бы получить от меня корреспондент на последний вопрос, поэтому говорю коротко: современницу. Корреспондент доволен ответом, я — тем, что он больше ни о чем меня не будет спрашивать, и мы мирно расходимся.

Знаете, создается впечатление, что у людей нет фантазии, что журналисты, во всяком случае, те, с которыми я встречалась, перестали мыслить, что давно существующий набор стандартных вопросов их вполне устраивает. А меня — нет.

Мне хочется ответить на вопросы умные, сложные, над которыми пришлось бы поломать голову, поразмыслить. В общем, когда ты знаешь, что будет дальше, это убивает интерес. Не надо ходить к человеку, надоедать ему, а просто самому ответить на вопросы-стереотипы, спросить у меня или у кого другого, можно ли их опубликовать, и сдать в редакцию. Мне ни разу не приходилось беседовать с корреспондентами нашего радио, но если они тоже задают актерам такие вопросы, то это очень плохо. И я не знаю, кто захочет слушать такую беседу.

— Каким тогда, по вашему мнению, должен быть корреспондент?

— Мне кажется, что корреспондент в какой-то мере должен быть психологом. Он должен чувствовать, что в человеке, с которым он беседует, может заинтересовать слушателя. И отталкиваясь от этого, вести свою беседу. Иными словами, корреспондент должен находиться в положении человека, которому предстоит слушать это интервью, беседу или репортаж. На мой взгляд, каждый корреспондент должен заниматься освещением какой-то одной области, скажем, искусства, науки и так далее. Он обязан интересоваться этой областью постоянно: читать литературу, встречаться с людьми этой профессии не только тогда, когда надо взять интервью, а просто за дружеской беседой, бывать на диспутах, если хотите, на совещаниях. С годами такой корреспондент обязан стать своего рода специалистом в этом вопросе. И тогда, вполне понятно, ему легко вести беседу, задавать интересные вопросы, искать и находить тему для своих бесед, передач.

Я это говорю потому, что бывает очень неприятно, когда приезжает ко мне, скажем, корреспондент, задает вопросы, а я чувствую, что ему все равно, с кем беседовать — со мной, со строителем, с инженером или с продавцом, лишь бы интервью было взято и в редакции были довольны. Такое интервью бывает вялым, скучным, и я представляю, что говорят люди, когда слушают подобную беседу. Встречи корреспондента с различными людьми должны не только обогащать какими-то знаниями, новыми сведениями журналиста, слушателей, но и человека, с которым корреспондент ведет беседу.

И еще одно замечание. Корреспондент должен уметь установить контакт с собеседником. Контакт не чисто внешний: вынул блокнот или поставил микрофон, и беседа идет, — внутренний. У этих людей должна появиться взаимная симпатия, желание поговорить, послушать друг друга.

Интервью с С.А. Антоновым[116]

— Скажите, какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать корреспондент?

— Это должен быть человек, с которым хотелось бы встречаться еще и еще и, может быть, не только для того, чтобы отвечать на вопросы, а просто поговорить, побеседовать. Корреспондент должен располагать к себе, тогда с ним легко и приятно поговорить. Конечно же, корреспондент должен чувствовать ответственность за порученное ему дело. Ведь он пишет не только о станках, тканях, самолетах или плугах — вещах неодушевленных. Он чаще пишет о людях. Своим материалом он высказывает определенное отношение к тому или иному человеку. И те, кто читает или слушает материал, вольно или невольно усваивают его отношение к человеку. Словом, не обязательно десять раз повторить: «Это хороший человек». Достаточно порой одной маленькой детали, одного факта, чтобы сложилось нужное мнение о человеке.

Я сказал, что журналист влияет на наше мнение. Это так. Значит, он формирует общественное мнение. Вы представляете, насколько это ответственно!

Мне кажется, что любой журналист, который постоянно общается с людьми, должен быть немножко и философом, и психологом. Он должен уметь обобщить и сделать единственно правильный вывод, суммировать накопленные данные и очень четко и точно излагать их. Слово не только врачует, помогает людям, оно способно погубить человека. Поэтому к слову надо относиться чрезвычайно бережно.

Корреспондент может гордиться своей профессией. Он делает важное дело. И ни на одну секунду он не должен снижать требовательности к себе.

Как-то был случай — к нам на завод приехал один корреспондент. Я не буду называть его фамилии и места, где он работает.

— Мне, — говорит, — нужно, чтобы вы сказали о том-то.

А я не подготовлен к этому разговору.

— Ладно, — говорит, — вы что-нибудь скажите, а мы обработаем, добавим.

Мне было стыдно за этого корреспондента. Разве так можно работать? Конечно, оперативность есть оперативность, но поступать так — значит не уважать того, к кому приехал, да и себя тоже.

Советский журналист — это человек высоких принципов, высокой морали. Правда и только правда должна быть другом каждого журналиста.

Советское радио и телевидение. 1968. № 7. С. 5–10.

В.В. Татарский[117]

Встреча с песней

…Наша передача — передача по письмам, и мы при составлении программы выпуска находимся в определенной зависимости от писем, и вот о современных нам песнях полнокровных, интересных писем очень немного. Вероятно, это естественно… Песню должно проверить время.

Некоторые наши слушатели, особенно молодежь, в претензии на нас за то, что во «Встрече с песней» сегодняшних песен не так уж много.

Александр Ланцов (ему восемнадцать лет, живет он в Ленинграде) пишет нам: «Дорогая "Встреча"! Я в обиде на вас за песни наших дней, вернее, обижен не на вас, а на ваших слушателей. Неужели так уж плохи песни наших современных композиторов, что их не желают услышать в вашей передаче?» — спрашивает он.

Отвечаем. У нас есть список песен, которые мы отобрали для дальнейшего использования в передаче, на основании писем отобрали... Знаете, сколько в этом списке песен? Более пятисот. И если бы вы увидели этот список, вы заметили бы, что примерно восемьдесят процентов указанных в нем песен написаны много лет назад. Видимо, песни, с которыми люди боролись за жизнь, теряли близких, песни, с которыми они наедине плакали, дороже им. Поэтому как герои войны пользуются у нас привилегиями, так и в нашей передаче в первую очередь место будет предоставлено тем песням, которые людям дороги по-настоящему.

Немало писем об исполнителях эстрадной песни.

«Мне кажется, самое главное для эстрадного певца — это иметь свое собственное лицо. Свою тему в песне, свою основную, главную мысль, свой почерк, свою манеру... — пишет В. Сергеев из Харькова. — У нас некоторые певцы все могут петь; слушаешь иной раз такого универсального исполнителя и неловко за него становится: ну зачем он это берет, не его ведь... Только проигрыватель способен воспроизводить все что угодно, и то приходится менять скорости и иголки... И вот эта неповторимость, это своеобразие у нас встречается редко, к сожалению... Несколько слов о нашем отношении к молодым эстрадным певцам. Часто бывает, что молодой эстрадный певец, только-только нащупывающий что-то свое, молниеносно превращается в звезду, становится модным... И звезда эта так же молниеносно сгорает, потому что мода проходит, а мастерства, техники нет, сказать больше нечего.

Начинается топтание на месте... А публика не прощает этого, она забывает о том, что сама вознесла и идеализировала артиста, и требует от него того, что артист еще или уже дать не может. В общем:

То вознесет его высоко,
То в бездну бросит свысока...

В творчестве, помимо периодов взлета и побед, бывают периоды падений и поражений. Поэтому необходимо внимательное, заботливое отношение к артисту постоянно, и особенно в то время, когда артист в поиске».

Мы надеялись вызвать наших слушателей на откровенный разговор обо всем, что их волнует. Мы хотели, чтобы люди разговаривали с нами так, как они говорят со своими друзьями... Получилось ли это?

«Я живу на свете довольно давно, точнее восемьдесят четвертый год...

В тот день, когда начался двадцатый век, мне исполнилось шестнадцать лет...

Поверьте, что за всю жизнь я видела все, все, что может дать человеку жизнь... В годы войны кошмар блокады Ленинграда лишил меня всех родных мне людей. Пожалуй, единственное, что у меня осталось, — это мой родной город, моя земля... и неистребимый интерес к жизни...

Рубеж девятнадцатого и двадцатого веков, почти семьдесят лет двадцатого века, — это интереснейшее время жизни человечества. Эти годы по насыщенности, по событиям и поворотам в жизни государства и в человеческих судьбах стоят нескольких веков.

И я горда тем, что моя Родина вопреки всему тому дикому, страшному и бесчеловечному, что она встретила за годы моей сознательной жизни, никогда не теряла своего достоинства и смела со своей дороги все, что пыталось ее уничтожить или задержать ее развитие...

Я верю в свою землю, потому что она самая человеческая в мире, и верю в людей наших, потому что они самые человечные в мире...

Это необходимое качество.

Что касается моего любимого песенного произведения, то это, уж извините меня, старинный романс "Отцвели уж давно хризантемы в саду". Он связан с моей молодостью, и вы понимаете, как дорого человеку в восемьдесят с лишним все то, что имеет отношение к поре юности, в которой уже иногда начинаешь сомневаться: "Неужели она когда-то была?.."

С глубоким уважением, Гликерия Вяземская. Ленинград».

«Дорогая "Встреча с песней"!

Я не могу равнодушно слушать о том, что вы рассказываете в своих передачах. О самом сокровенном пишут вам люди. И вы можете заслуженно гордиться этим. Многое, о чем вам пишут, связано с войной. Сколько затаенного горя звучит в некоторых письмах... Мне — семнадцать лет. Я никогда не видел и не слышал войны. Но ее эхо до сих пор звучит над землей. Слышишь это эхо, когда читаешь книги о войне, когда 9 мая гремят салюты у памятников героям, павшим в боях, когда твоя мать смахивает слезу, глядя на фотографию твоего отца...

Вторая мировая война унесла пятьдесят миллионов жизней, услышал я недавно по радио. Пятьдесят миллионов человек закопали в землю... Это население такой большой страны, как Франция! Машина войны перемолола в себе пятьдесят миллионов.

Сейчас везде и всюду говорят о войне во Вьетнаме. Во Вьетнаме гибнут мои сверстники, гибнут семнадцатилетние. Гибнут дети и старики. Гибнут люди! Нет, не надо войны! Я хочу, чтобы в вашей передаче прозвучала песня "Бухенвальдский набат". Когда слушаешь ее, острее ощущаешь тишину мира вокруг себя.

Самойлов Толя,

Учащийся 3-го курса Грязевецкого техникума механизации и электрификации сельского хозяйства».

Советское радио и телевидение. 1968. № 11. С. 28–30.

И.Н. Васич[118]

Оставить после себя...

Середина сороковых годов. Недавно кончилась война.

Жизнь перестраивается на мирный лад, заговорило «мирным» языком радио, зазвучали снова детские передачи.

В ту пору все художественное вещание для детей — и музыкальное, и литературное — находилось в одной комнате с роялем посередине. Шесть редакций — и в каждой редактор, помощник, режиссер и музыкальный редактор — вот уже двадцать четыре человека, и ко всем приходят авторы, композиторы, актеры... В иные дни людей в комнате набиралось до полусотни. Новая музыка исполнялась тут же на рояле, и если песня была хороша, ее собирались послушать все, кто был в комнате. Бросали дела, когда кто-нибудь из писателей рассказывал о своих замыслах, о своих поездках и, конечно, когда в детском отделе появлялся Ираклий Андроников.

И вот странное дело... никто никому не мешал. Комната жила общей деловой жизнью. Всем было интересно, что делают соседи. Удачу и неудачу переживали коллективно. В отделе царила творческая атмосфера, созданная годами поисков, годами взаимовлияния и взаимопонимания.

И когда появлялась здесь маленькая, круглая, энергичная женщина с таким сиянием глаз и такой улыбкой, какие бывают у людей очень благожелательных и всем заинтересованных, режиссер Роза Иоффе, сразу становилось ясно: ею все это начато и на ней держится...

...У Розы Иоффе создалась своя постоянная труппа, и она не любила, когда другие режиссеры занимали ее актеров. В труппу входили артисты радио и самых различных театров. Это были Наталья Львова, Зинаида Бокарева, Петр Горбунов, Борис Оленин, Тамара Чистякова, Анастасия Георгиевская, Алексей Консовский, Валентина Сперантова, Александр Морозов, Николай Литвинов, Ростислав Плятт, Анатолий Кубацкий, Александр Пирогов, позднее Вячеслав Дугин.

— Неправильно говорят, что у радио нет труппы, — любила повторять Роза Марковна, — у радио такая труппа, что не снилась никакому театру: Андровская, Марецкая, Сперантова, Тарасова, Грибов, Толмазов, Якут, Бабанова...

Роза Марковна помогала актеру открывать себя. «Оказывается, я это могу», — убеждался он с удивлением.

«Я боюсь потом это растерять», — сказала как-то Зинаида Бокарева про одну из своих творческих находок. «Раз ты смогла придумать, то и еще сможешь», — отвечала Роза Марковна.

Как у всех больших художников, у Розы Иоффе было тончайшее чутье на правду.

Самые различные по настроению радиоспектакли поставлены Розой Марковной.

За «Машей-растеряшей» и «Горошиной» появились «Две капельки», «Городок в табакерке», «Каштанка», затем трилогия «Честь смолоду», «Хозяйка Медной горы», «Молодая гвардия», «Давид Коппер-

фильд», «Александр Матросов» и — опять для малышей — «Оле-Лукойе» и «Буратино».

О новаторстве «Буратино» говорилось много в связи с использованием убыстренного хода магнитофонной пленки: именно так получалась своеобразная скороговорка маленького деревянного человечка. И действительно, тогда впервые в истории советского радио особенности магнитофонной записи послужили средством художественной выразительности.

Но забывают о том, что «Буратино» стал первым опытом такого постановочного чтения, где все роли исполнял один актер — Николай Литвинов.

Считая, что главной формой литературного вещания должен быть литературный радиотеатр, то есть передачи по произведениям классиков и современных писателей, Роза Иоффе видела смысл такого театра в том, чтобы максимально сохранить дух и идею произведения, а также стиль автора.

Роза Марковна неоднократно говорила о том, что радиотеатр имеет одно неоспоримое преимущество перед инсценировками литературных произведений для театра, кино и телеэкрана: слушатель сохраняет свое представление о героях, месте действия, о том, как выглядят те или иные события, ему не навязывается видение режиссера.

Роза Марковна высмеивала попытки адаптаций больших повестей и романов, называя их «отрывками из обрывков», и предпочитала инсценировать главы, характеризующие писателя или произведение, или выбирать одну сюжетную линию из многих.

Некоторые сценарии для своих постановок Р. Иоффе писала сама.

Бережное отношение к тексту писателя, естественно, привело ее к идее постановочного чтения. То есть такого радиоспектакля, где прозаическое литературное произведение не приобретает драматургическую форму, где сохраняется авторский текст, где актер, исполняющий ту или другую роль, читает не только «за своего героя», но и «за автора»...

Естественным шагом в развитии жанра «постановочного чтения» стал театр одного актера.

Ведь если произведение не разбито на реплики, то не обязательно на каждое «действующее лицо» приглашать исполнителя. Если актер может читать и «за героя», и «за автора», то он может читать произведение целиком.

Именно при таком чтении возникает наибольшая возможность передать замысел автора, ибо, работая не над ролью, а над всем произведением, актер проникается его духом, его настроением. А ощущение театрального действа достигалось режиссурой. И ощущение это было настолько полным, что слушатели часто ошибались. После передачи тургеневских «Певцов» на радио посыпались письма: почему не перечислили всех участников постановки, а назвали только А. Грибова?

А на самом деле «Певцов» читал один А.Н. Грибов (да еще участвовали в передаче певцы — исполнители песен. Они, конечно, тоже были объявлены)...

Наложение занимает очень большое место в постановочном чтении, и именно оно создает эффект многолюдности. Так поет Поль Робсон с Наталией Эфрон (в «Детях Горчичного Рая» — наложение звука создает полное впечатление дуэта), так раздваивается Хозяйка Медной горы в конце передачи «Малахитовая шкатулка», и уже два голоса, а не один, поют песенку Хозяйки, так в «Синюшкином колодце» два разных голоса повторяют одновременно: «Одно перышко беленько, одно черненько, одно рыженько», — два разных голоса, а артист один. В «Буратино» есть дуэт, который исполняет один Н. Литвинов…

И была еще одна особенность у этих передач, из-за которой у слушателя оставалось впечатление не «чтения по радио», а драматического действия. Это насыщенность их музыкой и звуком. Музыка и звук несут в передачах Р. Иоффе колоссальную нагрузку, они создают настроение, вводят в атмосферу эпохи, придают вещи национальный колорит.

Вспомним перекличку часовых и стук копыт в начале и конце передачи «Каменных дел мастер» (о В.И. Баженове). «Слу-у-шай» — это именно Москва середины XVIII века, а «Император спит» — именно Петербург конца XVIII века. А вой ветра, кукование, гармошка и стук, когда Илья идет болотом на свидание с Синюшкой. Звон камешков из «Малахитовой шкатулки».

Звук никогда не был просто «оформлением», как музыка никогда не была просто «подбором подходящей мелодии». В передачах Розы Иоффе музыка — всегда полноправный компонент. Некоторые постановки имели главную музыкальную тему — песню, и без нее их нельзя представить. Вне радиоспектакля эти песни звучали совсем иначе, они делали постановку, а постановка неузнаваемо изменяла их…

А вот одна из последних передач, «Маленький принц», пожалуй, менее музыкальная и менее шумовая, чем другие.

Да, конечно, там есть и песенка Принца, и гул посадки самолета, и разнообразные «бе-е», которыми рассказчик хочет передать нарисованных барашков: слабенькое, робкое «бе-е-е» — хилый барашек; громкое, басовое — большой, с рогами; хриплое, дребезжащее — старый; есть в постановке и замедленная запись (речь географа), и смех звезд, наложенный на авторскую речь, и превращения М. Бабановой из Принца в Розу, а А. Консовского из рассказчика-летчика в дельца, короля, пьяницу, географа, фонарщика и даже воющего и лающего Лиса.

Но все настроение сказки Экзюпери, вся ее многоплановость, вся ее философская насыщенность держатся здесь не на этих эффектах: они держатся на почти полуторачасовом дуэте двух великолепных актеров — Марии Бабановой и Алексея Консовского.

Возможно, что Бабанова была избрана Розой Иоффе на эту роль по воспоминаниям об Оле-Лукойе. Еще там Бабанова со своим холодным, серебристым голосом выдержала экзамен на роль «пришельца из потустороннего мира».

Как бы то ни было, получилась такая гармония текста, игры и режиссуры, которая дала в результате радиоспектакль-шедевр.

«Вот только теперь я знаю, что и как нужно», — говорила Роза Иоффе в последние годы своей жизни. Тогда же она начала внимательно следить за телевидением. Сначала телевизор включался «просто так», потому что много читать не позволяла болезнь. Но Роза Марковна, конечно, не могла смотреть телевизор, как «просто зритель»; очень скоро возник чисто профессиональный интерес. Многое в телепередачах вызывало ее возражения и даже раздражало. У нее возникли свои мысли о том, что и как надо делать на телевидении, она хотела там работать, но… уже не было сил.

В последние пятнадцать лет жизни Розе Марковне пришлось проявить незаурядное мужество.

Впрочем, она всегда не любила «нытиков и хнытиков». Когда кто-нибудь из нас, молодых, порой заливался слезами по причинам, как нам казалось, вполне веским, Роза усаживалась напротив и с иронической улыбкой тянула: «Он-а-а пла-а-чет и ры-да-ает». И сразу становилось стыдно от ее пения и от насмешливых ее глаз.

Мне довелось встречаться с Розой Марковной за несколько месяцев до ее смерти, и меня поразил живой интерес ко всему, что происходило в мире, в искусстве, поразило то, как она помнила всех, с кем когда-то приходилось работать, знала, кто чем жив, и радовалась чужим удачам, чужой увлеченности.

Не верилось, что передо мной смертельно больной человек. Но это было так. 4 октября 1966 года Розы Иоффе не стало…

Советское радио и телевидение. 1968. № 12. С. 18–20.

Н. Дымарский[119]

Микрофон большого спорта

О друзьях-товарищах

Десятиэтажное здание на Пятницкой улице в Москве — нынешняя «штаб-квартира» Всесоюзного радио — довольно масштабна, впечатляюща и снабжена всеми необходимыми службами.

В каждой редакции — своя жизнь. Репортаж с Братской ГЭС, беседа с тружениками села, «Пионерская зорька», новая песня, передача «С добрым утром!», выступление рабочего или «круглый стол» международных обозревателей. В 23 часа 15 минут по московскому времени ежедневно в эфире — «Спортивный дневник».

Студия № 27. Сюда приходят, часто прибегают сотрудники отдела спорта — те, что по графику дежурят именно сегодня.

«Все силы — на “Дневник!”» — под таким девизом проходит «вахта». Впрочем, их обязанности не столь односторонни: о спортивных новостях нужно непременно, сейчас же, сделать информационные сообщения для бесчисленных выпусков «Маяка», «Последних известий», а тут еще настойчивый редактор напомнит, что надо «дать спорт» и на программу, обращенную к жителям Сибири и Дальнего Востока, и на ночь, и на утро. О наиболее важных событиях, имеющих международный резонанс, о выдающихся результатах, рекордах, чем-

пионатах немедля готовятся специальные выпуски для слушателей в зарубежных странах. В такие дни, а также по субботам и воскресеньям дежурный комментатор выступает с обзором в итоговом выпуске «Последних известий» в 22 часа. Словом, забот много. И все же «Спортивный дневник» — немалых усилий требует он.

Сложность номер один — время выхода в эфир. Ведь соревнования, о которых надо рассказать, заканчиваются чаще всего вечером. Судья футбольного или хоккейного матча, к примеру, дает финальный свисток в десятом часу. Проходят драгоценные минуты пока спортсмены и тренеры возвращаются «с поля битвы» в раздевалку. Здесь их уже поджидает наш корреспондент. Наступает их черед. И вот уже магнитная лента запечатляет фразу за фразой, произнесенные «на одном дыхании». Интервью окончено. Теперь — скорее в машину. Еще 20–30 минут езды по московским улицам. Наконец, Пятницкая. Но репортаж записан не на эфирной скорости, пленку надо переписать, отремонтировать, «порезать», то есть сократить. А стрелки на циферблате приближаются к одиннадцати…

Тем временем «кипит» работа над «дневником»: он ведь создается не одним репортажем со столичного стадиона. Принимают сообщения стенографистки от корреспондентов радио из различных городов — и там были спортивные события. Приходят важные информации, подготовленные нашими коллегами в спортивной редакции ТАСС. Комментатор — в студии. Он читает. Старается интонациями подчеркнуть наиболее интересное, проверяет, правильно ли сделано ударение, как произнесено слово.

Вдруг работа прерывается. Звонит телефон тут же, в студии, на проводе — Стокгольм. Только что закончили выступление советские спортсмены: на стенографисток переключаться уже нет времени. Скорее, скорее — карандаш и бумагу. Есть результат. Есть чем порадовать любителей спорта. Кстати, не все они терпеливо ждут начала передачи, над которой сейчас идет работа. Не умолкают телефоны в редакции: «Как сыграл “Спартак”? А “Динамо”? А ЦСКА?..» Не обижайтесь, друзья, если в такие трудные минуты вы не получите ответ от сотрудников отдела спорта. Каждый из них очень занят, каждого беспокоит только одно — успеть к эфиру.

Появляется Николай Озеров. Привычно садится к микрофону. Как счастливо в этом человеке уживаются заслуженный мастер спорта и заслуженный артист республики! Опытный и доброжелательный, он не только все сделает вовремя, но всегда поможет товарищу. А вот еще один дежурный по отделу — еще один заслуженный мастер спорта. Нина Еремина очень хорошо играла в баскетбол, была в сборной СССР, участвовала в крупнейших соревнованиях, выигрывала первенство мира. Кажется, совсем недавно за кулисами Дворца спорта эта высокая, стройная женщина, смущаясь, давала интервью корреспондентам радио. Наверное, тогда сама не предполагала, что вскоре станет спортивным комментатором. И вот она в студии, почти неизменно улыбчивая, будто совсем беззаботная. Но утверждают же, что внешность обманчива. Да, немало поработала спортсменка, осваивая профессию радиожурналиста.

Спорт и эфир — прекрасное сочетание. У нас в отделе есть и другие сотрудники, выступавшие на соревнованиях в составе сборных команд. Мастер спорта Владимир Рашмаджан — широкоплечий, могучего сложения ватерполист. Мастер спорта Андрей Новиков — худощавый, чуть выше среднего роста, в очках, — теннисист. Оба — ищущие. Вдумчивые журналисты. Неважно, что один по штатной структуре — обозреватель, а другой — корреспондент. В нашем деле наименование должности не всегда точно определяет то, чем занимается радиожурналист, чаще всего выполняющий функции репортерские. Внутренняя «нацеленность», что ли, на этот жанр подчас вносит в жизнь человека коррективы. Владислав Семенов, к слову, не занимался спортом, мечтал о работе в кино, а пришел на радио. И, не колеблясь, решил раз и навсегда: спортивная журналистика. Так появился еще один наш комментатор, ныне хорошо известный слушателям.

Несколько лет назад был в радиокомитете физорг Володя Писаревский. Приобщал сотрудников к занятиям физической культурой, спортом, увлекался хоккеем. Если вы смотрели кинофильм «Хоккеисты», то, может, видели и его. Правда, роль эпизодическая — в комментаторской кабине Володя наливает в стакан «боржоми» и подносит Н. Озерову. Зато в жизни у В. Писаревского теперь иная роль: обозреватель отдела спорта, ведет репортажи о хоккее и футболе.

Да, разными путями пришли в отдел спорта люди. Борис Губин и Владимир Марканов уже работали на радио, на том же этаже в соседних редакциях, но привела их к нам не территориальная близость, а любовь к спорту. Один принес с собой пусть небольшой тогда еще опыт редактора, другой — знание иностранного языка. И то, и другое помогает им и сейчас. Вы слышите в эфире и их голоса: один вдохновенно рассказывает о ринге и боксерах, другой влюблен в штангу, борцовский ковер и, конечно, в атлетов, представляющих эти виды спорта. Работал в венгерской редакции Леонид Переплетчиков. Часто заходил в нашу редакцию. А однажды, зайдя, уже больше не вышел отсюда... Теперь он ведет важный раздел — о физкультурно-оздоровительной работе на предприятиях, стройках, в городе и на селе.

Без преувеличения скажу, что Анатолий Малявин — всеобщий наш любимец. Был оператором, ассистентом режиссера, а стал репортером. Зная все секреты и тонкости работы с пленкой, он преданный помощник каждого сотрудника. И в любом «цейтноте» выручит, а в его отсутствие это сделают самые «спортивные» звукооператоры — Светлана Ломакина, недавно прошедшая в «ранг» ассистента режиссера, и Люда Меркулова.

А было время, лет сорок назад, когда почти все, о ком я упомянул, еще не родились, но по радио уже звучало слово о спорте. И делал эту работу тот единственный «первопроходец спортивного эфира», с именем которого так много связано на радио и в спорте, — Вадим Синявский...

В. Синявский начинал, он был первым. Потом рядом оказался второй — молодой сотрудник «Последних известий» Шамиль Мелик-Пашаев. Помню 1948 год. Москва. Колонный зал Дома союзов. Опреде-

лился первый советский чемпион мира по шахматам — Михаил Ботвинник. И первым эту новость, помогая Вадиму Синявскому, передает в редакцию Ш. Мелик-Пашаев. Теперь за его плечами — более четверти века работы на радио, крупнейшие соревнования, в том числе Олимпийские игры, репортажи с разных континентов. Он приобщил к спортивной журналистике многих, среди них и Розу Крайнову — одного из опытных редакторов.

Прошло несколько лет, и на радио был создан отдел спорта. Получили свое постоянное место в эфире не только футбольные репортажи, но и другие передачи, появился на первой программе «Спортивный дневник».

Помните, поспеть в этот самый «Дневник», который выходит сегодня, через несколько минут, буквально вот-вот, и торопился наш корреспондент. Он в студии. Репортаж отмонтирован, прослушан, вклеен в общий ролик. Часы на аппарате показывают время звучания передачи 15 минут 50 секунд. Надо сокращать, «Дневник» «не влезет» в точно отведенные ему рамки. Снова — ножницы и клей. Руки оператора слегка дрожат: стрелки неумолимо приближаются к одиннадцати... Наконец все готово. Приклеен к рулону с пленкой зеленый ракорд, подписаны папки, сданы заявки. Теперь — бегом на третий этаж, в эфирную студию. Звучат сигналы. «Московское время — 23 часа 15 минут...» — читает диктор. Нажимается кнопка, и в эфире — «Спортивный дневник».

Бывает и по-другому. Случается, дневник попадает как раз в «час пик» крупного соревнования. Уж полночь близится, а победителя все нет...

Январский вечер 1968 года. На льду ленинградского Дворца спорта «Юбилейный» — чемпионат фигуристов. Одна за другой выходят на лед пары. Молодые, со вкусом одетые, элегантные, легкие, способные, опытные и только подающие надежды... Пожалуй, никто в тот вечер — и те, что находились непосредственно в зале, и те, что переживали у домашних экранов, — никто не сомневался в окончательном исходе. Конечно же, чемпионами в парном катании снова станут Людмила Белоусова и Олег Протопопов. После обязательной программы Людмила и Олег впереди. Ничто не предвещало сенсации.

И вдруг — искрометную, безупречную произвольную программу демонстрируют земляки чемпионов — Тамара Москвина и Алексей Мишин. Оценки — высокие. Что дальше? Выходят Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Поначалу все идет точно, красиво. Но ведь на льду всякое может произойти... И произошло. Неожиданное. Погрешности в выполнении программы коварно «подкрались» к сумме баллов, набранной Людмилой и Олегом.

Соревнования окончены, но итогов нет — судьи скрупулезно сводят цифры. Комментатор, который вел эту передачу по телевидению из Ленинграда, успел лишь в последний момент поведать зрителям, что возможна смена чемпионов. И все. Мелькнула заставка, телепередача окончена. На часах — 23.20. Наш «Спортивный дневник» — в эфире. И ни слова в выпуске о фигурном катании. Формально не при-

дерешься — соревнования еще продолжались, когда подошло время «Радиодневника». Но это только формально. Что делать? На размышления остаются секунды. Решение приходит мгновенно — скорее в студию! Не вхожу, а вбегаю. Сажусь к микрофону. Подаю знаки через стекло оператору, дескать, сейчас вот закончится пленка, и я продолжу дневник отсюда, из студии. И сообщаю: «Буквально несколько минут назад в Ленинграде на первенстве страны по фигурному катанию произошло то-то и то-то... Кто победил? К сожалению, еще неизвестно. Но по предварительным подсчетам, Белоусова и Протопопов, кажется, проиграли и займут второе место. Об окончательном решении постараемся передать в 23 часа 50 минут в выпуске "Последних известий"».

«Дневник» окончен. Однако дальнейшие старания, увы, ни к чему не приводят. Новых сообщений из Ленинграда нет. Звоним по автоматике, заказываем телефонные разговоры «по молнии», объясняем девушкам с междугородней, почему так срочен и важен этот разговор. Но трубку во Дворце спорта не снимают... Проходит заключительный выпуск «Последних известий» того дня, а результатов не имеем. Наконец, после полуночи звонит наш ленинградский корреспондент Борис Александров и, не переводя дыхания, прямо оттуда, из судейской, выпаливает: «Только что арбитры закончили подсчет. Чемпионы СССР — Тамара Москвина и Алексей Мишин. Серебро — у Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, бронза — у московских студентов — Ирины Родниной и Алексея Уланова».

Ну, а остальное было уже и впрямь делом техники. Во-первых, в информационном выпуске «Маяка» в 0 часов 30 минут мы успели дать и эту новость. Во-вторых, «раскручивали» ленинградскую сенсацию по всем другим выпускам, в том числе и утренним — уже следующего дня. Так неожиданно закончился тот январский вечер — неожиданно не только для спортсменов и любителей спорта, но и для тех, кто был «вахтенным» по спортивному «Радиодневнику».

...Заканчивается дежурство. Подготовлено и передано все, что могло интересовать любителей спорта. Еще несколько информаций на ночные и утренние выпуски «Маяка», «Последних известий», и можно домой. А завтра — то же самое. Спортивная «вахта» на Пятницкой продолжается...

Советское радио и телевидение. 1969. № 4. С. 1–3.

Актер у микрофона[120]

Б.А. Бабочкин[121]

Я знаю, работники радио чрезвычайно заинтересованы, чтобы говорили: радио — это особое искусство, на радио должен быть актер какой-то особенный, с особенными данными. Но, по-моему, радио так же, как и телевидение и кино, — лишь техническое средство передачи произведения искусства, любого — хорошего, плохого, художественного, антихудожественного.

Для меня радио не метод творчества. Я — актер, могу выступать по радио, могу и не по радио.

Я вовсе не отрицаю больших возможностей радио для актера. Сам много читал в эфире и сделал в студии такие вещи, которые, вероятно, я никогда, кроме радио, сделать бы не смог. Я люблю выступать по радио. Рискую на самые серьезные вещи. Я читал и рассказ Льва Толстого «Хозяин и работник», и гоголевский «Вий». Я не мог бы нигде никогда прочитать всего «Вия» аудитории, которая бы слушала больше двух часов подряд. По радио эта повесть звучит целиком, ее слушают, не отрываясь, все два часа. Если кто и выключает приемник, то мне это все равно.

А вот если я буду читать в зале, и два человека уйдут во время чтения, то весь вечер у меня будет испорчен.

Довелось мне записать на радио поэму А. Твардовского «Теркин на том свете».

В чем особенность радиоисполнения? Нельзя актеру работать без зрителя, без его реакции. Когда сидишь у микрофона — публики нет.

Но что это значит для меня?

Это значит, что я работаю на самого лучшего зрителя, которого могу себе представить. И не делаю для себя никаких скидок на недостаточный культурный уровень аудитории, на ее то или иное в данный момент настроение, к которому я должен приспосабливаться, выступая «живьем» перед живыми.

Скажем, в зале могут быть двое пьяных, они испортят любое выступление. Я должен преодолевать это. У микрофона я выбираю как бы идеального слушателя, который, во-первых, меня абсолютно слышит, во-вторых, абсолютно понимает меня, понимает все тонкости исполнения.

Микрофон как раз и дает возможность актеру делать все что угодно, без педалей, без нажимов. Доносить мысль как мысль, а не как упражнения по художественному чтению. Для меня специфика радио заключается в том, что здесь есть возможность обращаться к идеальному слушателю. Разговаривать по радио нужно с умным человеком, который все поймет. И все. Ничего другого нет.

Все разговоры о «специфике творческого процесса» актера, выступающего по радио, я лично считаю пустыми.

Вот говорят: «В кино играть — это совсем не то, что в театре». Неверно, это совсем то же самое, если хорошо играть.

Или: «На радио вы не сможете играть так, как в театре».

Я должен и на радио играть точно так, как в театре. И если я этого на радио добьюсь — это будет идеально. А все особенности игры перед микрофоном — такие пустяковые специфические лимиты, которые не имеют ни малейшего значения.

Говорят, есть актеры, которые не по радио не могут играть, а по радио могут. Они и по радио не могут. Это им только кажется, что они могут.

Впрочем, как исключение, это может быть. Случается и наоборот. Но принцип, закономерность отсюда вывести невозможно.

Конечно, и на радио есть мастера, артисты, которые очень часто выступают, у них это удачно получается. Но считать, что они создали новый вид искусства, которое «уже не скульптура, но еще не архитектура» — это, по-моему, заблуждение.

«Специфика» заключается, по-моему, и в том, что в большинстве случаев и радио и телевидение для актерской массы — лишь место дополнительного заработка.

Можно ли винить в этом артистов? Нет.

Боюсь, что понятия «плохой театр» и «радио» могут стать равнозначными.

Прежде всего потому, что у актера, который занят в радиоспектакле, нет возможностей серьезно к нему готовиться.

В то время как истинное произведение искусства всегда несколько вне нормы, на радио установлены нормы логического, ясного, понятного чтения, где выделяется логическое ударение и т.д. и т.п., чего в настоящем произведении искусства не должно быть заметно совсем. Как только это начинается на репетиции в театре, я говорю актерам: «Только не нужно "радиопостановки", не нужно элементарной логики, будто вы разговариваете с дураком».

Перевоплощение может быть на радио? Может — и обязательно.

В «Вие» я играю два десятка совершенно разных ролей. Искусство перевоплощения здесь налицо. Средств выразительности меньше, только звук. Звук — это совсем не так мало, но, естественно, требует еще больших затрат труда от исполнителя.

А тут, на радио, вступает в действие «фактор времени».

С точки зрения актерского «производства», нормирование творческого процесса, принятое на радио, абсурдно.

Я никогда не приду в студию, не будучи абсолютно готовым. А сколько я потратил на это времени — мое дело. Ровно столько, сколько мне нужно для того, чтобы все было готово. Иногда это очень много, иногда мало. На «Вия» я потратил очень много времени, на «Теркина на том свете» — все лето, читая его дома каждый день от начала до конца не менее трех раз. Только осенью я осмелился прийти к микрофону.

Таким образом, это результат не пяти или шести репетиций, а четырехмесячной работы. Каждый день по три раза — 120 х 3 — 360 раз прочитал я для себя «Теркина», для себя одного, а потом уже по радио.

...С теми художественными возможностями, которыми сейчас располагает абсолютное большинство актеров и режиссеров, работающих на радио, можно делать интересные спектакли. Надо только серьезнее к этому относиться, ответственнее. Ведь у радио есть полная возможность собрать подходящих актеров на любую постановку. В его распоряжении целый Советский Союз. Конечно, если собирать случайных исполнителей, ничего хорошего не получится.

Я включаю радио, слышу лишь первую интонацию — о! МХАТ! Эта дикция, эта многозначнтельность... МХАТ! А вот артист театра Советской Армии. А вот из Театра сатиры... и все в одном спектакле! «Постановка такого-то». Что ж постановщик не слышит, что у него «кто в лес, кто по дрова».

Ведь артисты, которых он собрал, часто не могут работать вместе, потому что принадлежат к разным школам, у них различная методика создания образа.

А деление: «Это он переживает, это он не переживает» — не серьезно! Можно быть хорошим актером и плохим актером. И «переживают» главным образом просто плохие актеры.

Вообще мы оперируем, так сказать, устарелыми терминами.

Что такое — «театр переживания»? К.С. Станиславский в конце жизни, в общем, отказался от этих терминов. Понятие «действие» — более точно, чем понятие «переживание». В жизни я пытаюсь скрыть свои переживания, а не показывать их.

Вот по радио часто «переживают» — делают дрожь в голосе и так далее... Это все грубая, я бы сказал, плотничья работа.

В статьях о «специфике» микрофона подчеркивают: «Особое внимание уделяется на радио речи». К сожалению, речь на радио часто бывает напыщенна и фальшива. И если бы особого внимания речи не уделяли, может быть, было бы гораздо лучше. Речь была бы естественной. Впрочем, эта задача — говорить естественно, «без плюсов», но выразительно — стоит в равной степени и перед артистом на сцене. Так что, повторяю, здесь речь может идти об обычной театральной технике актера, а не о какой-то мифической, на мой взгляд, «специфике» работы у микрофона. Надо просто владеть своей профессией!

Самое главное, что определяет отношение многих актеров к радио как к работе «второго сорта», — качество литературного материала.

Если передо мной стоит задача, скажем, прочесть главу из «Божественной комедии» Данте, я знаю, что это записывается навсегда, на века. И у меня будет режиссер, с которым мы вместе заранее обсудим все, попытаемся найти интересное решение.

Но так бывает редко. Довольно часто на радио звучат такие тексты, подобным которых никогда не увидеть свет театральной рампы и никогда не появиться на киноэкране. А в эфир им дорога открыта. К таким «текстам» нельзя относиться серьезно.

Причем, кажется, это положение укрепилось прочно, и сами работники радио не в силах что-либо изменить. Я лично знаю, что «благих намерений» у них предостаточно.

Обязательно, когда я записываюсь на радио, меня спрашивают и режиссеры, и редакторы: «Борис Андреевич, что бы вы хотели сделать у нас?»

Я всегда отвечаю:

— Хочу попробовать такое-то произведение.

— Ах, чудно, мы вам позвоним.

И только иногда не обманывают. Не потому, что не хотят, а из-за текущей работы. По занятости своей они не имеют возможности даже помнить все свои пожелания (не говоря уже о чужих).

Немаловажное значение имеет и финансовая сторона. Если актер будет знать, что он получит материальное вознаграждение в соответствии с качеством его работы, а не пресловутым количеством минут продолжительности передачи, которое сейчас положено в основу

оценки актерского труда на радио, то это существенно изменит взгляд актера на цели и смысл работы на радио.

О.Н. Ефремов[122]

Ведущий. Олег Николаевич, как вы считаете, возможно сравнивать современный уровень актерского искусства на радио с тем, что достигнуто нынче в театре, кинематографе?

О. Ефремов. Я бы не сравнивал уровень актерского мастерства на радио и в театре... Есть, по-моему, удивительные актерские работы на радио, есть и ужасные. То же самое — в театре, кино, на телевидении. Поэтому лучше говорить про специфику радио.

Можно ли назвать радио специальным искусством — не знаю, не берусь это утверждать, но какие-то действительно специфические элементы актерской работы на радио существуют. Во всяком случае, мне лично радио, встреча с таким режиссером, как Николай Владимирович Литвинов, — очень многое дали. Я понял более отчетливо, что значит уметь нарисовать словами картину. Ведь, когда видишь партнера — будь то на телевидении, в театре — это одно дело... А как нарисовать картину голосом, чтобы она была достаточно ярка и вместе с тем чтобы это было живым, не переходило в штампы (ведь и на радио масса штампов, с которыми тоже надо драться), — этому учит работа с настоящим специалистом радиорежиссуры.

Много работал я на радио как актер, даже ставил какие-то вещи, но принципиальным моментом была работа с Литвиновым над Гайдаром. Очень сложный текст. Очень красочный. И, как правило, первые записи не получались. Очевидно, во мне еще сидел актер, который «выкладывает» эмоцию в ущерб существующей специфике. В микрофон я должен сказать таким образом, так все нарисовать, чтобы это было зримо. Умение увлечь видениями слушателя, который тебя не видит, — по-моему, главное в специфике работы актера на радио.

Громадное значение приобретает здесь (и, конечно, переносится затем на сцену) умение в совершенстве владеть законами речи. Отсутствием этого умения страдают многие молодые актеры. Сейчас, на мой взгляд, законами сценической речи плохо занимаются. А вот покойный Б.И. Вершилов в студии МХАТ, где я учился, этим занимался очень дотошно. И это мне помогло на первых порах на радио и в театре. Умение вести речевую кантилену, умение поставить точку, поднять голос на запятой, поставить две точки, наконец, умение прочертить перспективу мысли... Действовать на радио — это не то, что действовать в театре, хотя в обоих случаях много общего. Основой основ на радио является словесное действие. И эта специфическая разновидность актерского труда должна развиваться. Должны быть энтузиасты и мастера этого дела, такие, как Николай Владимирович Литвинов, который всегда раскрывал мне новые пути, и это, очевидно, помогло мне расти как актеру не только на радио.

Ведущий. Можете ли вы осуществить свои художественные намерения на радио с той же мерой требовательности, какую предъявляете к себе в театре?

О. Ефремов. Я иначе поставил бы вопрос. Все всегда интересно или неинтересно в зависимости от того, как делается и что делается. Поэтому главный вопрос — отбор материала, определение того, что наилучшим образом может быть сделано именно на радио, а что не подходит для этого вида творчества. Проблемой радийности материала стоит заняться всерьез. Это, мне кажется, не один я ощущаю.

Взять, например, информационную функцию радио в ее «чистом виде». Если мне просто читают вслух статьи из газет — я выключаю радио, потому что читаю газеты сам.

Если опять-таки зачитают вслух даже «Тихий Дон» — мне и это не нужно. Но если читает Дмитрий Орлов (он прочитал, по-моему, чуть ли не весь «Тихий Дон»; помню, как я увлекался этим и слушал, и ждал следующую передачу) — это уникально. Мне была интересна встреча с такой личностью, с художником Дмитрием Орловым. В этом случае радио дает широчайшие возможности и исполнителю, и слушателям.

Я ненавижу передачи на повышенных тонах, с нажимом. По-моему, люди хотя бы с элементарным вкусом, как только их слышат, выключают радио. Это пошлые передачи. Они портят вкус. Они отвращают, на мой взгляд, людей от радио.

Из всего этого, мне кажется, следует одно: надо искать, должен быть отбор, передачи на радио должны быть уникальны. Потому что телевидение — это молодое дело, у него пока еще все «кушают». Сидят вечером дома, включают, возможно, и выключают, если вдруг вечером дадут просто «производственную» передачу. А радио уже устоялось, накопило много традиций и столь же много штампов как в деле отбора материала, так и в ходе его претворения. Залог будущего (а у радио, несомненно, есть будущее, хотя иногда и говорят о том, что наступила эпоха телевидения), залог его будущего я вижу в том, что радиоработники мужественно и смело будут ломать накопившиеся штампы. Думаю, что это определит все.

Театр ведь уже тоже хоронили... Был такой период, когда говорили — и не один человек — театру конец, пришло время кино. На поверку, оказывается, в кино ходят меньше, а театр живет... Вопрос, значит, в потребности беспрерывных открытий.

Возможны ли открытия на радио? Думаю, возможны. В последнее время они велись по линии, я бы сказал, технических приспособлений актера и помощи актеру со стороны техники как таковой. И теперь нам известны, казалось бы, уже все возможности радио в этом отношении. Но ведь в конце концов главное не то, что я как актер знаю: «Ага, сейчас я на первом плане — могу пошептать, а мой партнер на третьем, далеко от микрофона — значит, он должен по-другому произносить текст». Думаю, решает подлинный вкус. Художественность. И, я бы сказал, психологическая сторона этого дела в том его колоссальном богатстве, которое звучало в передачах Розы Иоффе. Это же классика!

Мне кажется, что надо больше думать о запросах слушателя. Ведь в конце концов я всегда имею возможность выключить радио. А тогда для кого же вся работа? По-моему, надо устанавливать контакты радио

со слушателями активнее, ведь не все пишут, хотя и имеют точку зрения. Может быть, почаще стоит производить социологические исследования, анкеты.

Ведущий. Олег Николаевич, если бы вам предложили на радио поставить то, что вы сами выберете, что бы вы выбрали?

О. Ефремов. Я бы обязательно ставил русского писателя, причем классика, для которого прежде всего характерно богатство языка. Мне это было бы интересно, именно это стало бы главным в моей передаче.

Так часто бывает, режиссер на радио занимается расстановкой всяческих приспособлений — здесь щиток поставьте, там положите доски: шаги, шаги точнее. Все это, на мой взгляд, вообще должен делать ассистент. А режиссер на радио должен слушать, как звучат голоса. Как слушал А.Н. Островский свои пьесы, стоя в кулисах театра.

Ведущий. А исполнителей для радиопостановки вы подбирали бы так же, как и в театре?

О. Ефремов. Думаю, нет. Конечно, я бы искал соответствия внутренней индивидуальности актера образу, но и непременно учитывал бы специфичность голоса, способного эту индивидуальность выразить. А это наверняка повлияло бы на определение лучшего исполнителя.

Ведущий. Я спрашиваю вас об этом еще и потому, что на радио нередко приходится слышать: «Артист такой-то и в этом занят, и в другом... А ведь в театре он совсем не на многое способен...»

О. Ефремов. Все, что касается творчества, уникально, и актерский труд на радио в том числе. Поскольку на слушателя воздействует лишь звук, это определяет особые требования к возможностям актера. Далеко не всякий актер, много играющий в театре, способен так же успешно работать на радио, даже в привычных ему ролях. Что бы ни думали люди малосведущие, кто-то из актеров умеет играть, читать на радио, а у кого-то не получается — от этого никуда не уйдешь. Я бы даже так сказал: кто из театральных актеров сумеет на радио, тот обязательно умеет и в театре, но не обязательно тот, кто умеет в театре — сумеет и на радио. То же самое — и в кино, и на телевидении. Дело в том, что даже талантливый человек не всегда способен овладеть спецификой того или иного вида творчества.

Ведущий. Актеры вашего театра немало работают на радио. Как вы считаете, наблюдая их день ото дня, дает ли им это что-нибудь в профессиональном отношении?

О. Ефремов. И хорошее, и плохое. Иногда я с некоторыми даже ссорюсь. Это такие часто выступающие на радио актеры, которые переносят «радийность» и в театр.

Ведущий. Что вы под этим подразумеваете?

О. Ефремов. Прежде всего вырабатываемую на радио манеру играть одному, как бы с самим собой. Общение на радио хоть и происходит, но все-таки через микрофон. А на сцене иные способы общения, взаимодействия. Разница между этими различными методами общения ощутима.

Ведущий. Значит, на радио общение актера более приблизительно?

О. Ефремов. Нет, это как раз и есть штамп, сложившийся на радио...

Ведущий. Возникающий от отсутствия живого партнера?

О. Ефремов. Возникающий скорее просто от не всегда творческой атмосферы создания радиопередач. Эти штампы — радийное ремесло — вдруг проявляются и в театре. Глядишь, на репетиции, господи, откуда эти радиоинтонации? Тогда и говоришь актеру: ты, по-моему, заработался на радио. Я тебя больше не пущу...

Ведущий. Но ведь есть и обратный процесс, когда приходит артист очень правдивый в театре, а о его работе у микрофона мы говорим: «Какая фальшь, в театре не замечали этого...»

О. Ефремов. Согласен. Бывает. Это либо заштамповавшийся театральный актер (в этом случае на радио делают благое дело и для театра, сбивая его с укоренившихся штампов), либо актер, у которого нет чувства микрофона, а оно может и не выработаться. Мысль и чувства неизбежно должны проходить через эту металлическую штучку, называемую микрофоном.

Ведущий. Но ведь эта «металлическая штучка», называемая микрофоном, — глаза партнера?

О. Ефремов. Не всегда. Если читаешь один, без партнера, невидимому слушателю, тогда, может быть, это и так. Но мне скучно записываться, если я не вижу за стеклом студии слушающих людей. Когда же я их вижу, пусть краешком глаза, — ощущаю микрофон как их дыхание, как присутствие зрителей в театре. То же ощущение возникает, когда играешь в радиоспектакле и рядом партнер.

Замечу также, для меня любой вид общения актера со зрителем, слушателем на радио, в театре, кино, телевидении — прежде всего должен быть действен. Будь то даже описание природы — определяешь главное, ради чего ты это рассказываешь, какая у тебя сверхзадача и т.д.

Мне кажется, несмотря на специфику, работу актера надо рассматривать всегда через эту призму.

На телевидении свои преимущества — крупные планы, подлинность живой жизни (в отличие от кино), происходящей сегодня, сейчас. Я, например, люблю на телевидении живые передачи, а не записанные. И здесь мне хочется вернуться к тому, что я говорил вначале. Если актер изучает и любит слово (и на сцене это необходимо), если он понимает, что на радио словесное действие главенствует, — успех в этом виде творчества ему обеспечен.

Мне кажется, сейчас речевая разработка образов на радио довольно бедна. Мы подчас больше разыгрываем быт. А вот приковать внимание слушателя не только сюжетом, но борьбой, происходящей между героями, сцепкой, выраженной прежде всего словесно, — это не всегда получается. А это — высшее в искусстве радио.

Ведущий. Выступая в нашей дискуссии, Б.Н. Толмазов говорил, что для передач, лишенных большого репетиционного периода, при-

годность исполнителя определяется особенностями его психофизического склада. Согласны вы с этим?

О. Ефремов. Может быть. Хотя, пожалуй, и не совсем... Например, «Большевиков» наших вряд ли сыграли бы в другом театре... И, как мне кажется, именно потому, что наши актеры живут этим. Один исполнитель скажет: «Для того, чтобы войти в такой спектакль, мне надо нафантазировать, внутренне прожить многое...» — а другой этим уже живет. Он — современный человек. Ему близки эти проблемы. И у вас на радио, в так называемых оперативных передачах, должный результат получается с актерами такого типа. Прежде всего с ними у вас общий язык. Это серьезнейший вопрос. Вопрос уровня нашей актерской братии — гражданского, человеческого.

А тот актер, который откажется от записи на радио из-за соображений «высшего порядка», блюдя чистоту раз и навсегда избранных им вида и методики актерского творчества, потом, может быть, горько раскается, потому что жизнь бежит...

Советское радио и телевидение. 1968. № 3. С. 15–20; 1969. № 5. С. 17–18.

М.М. Козаков[123]

Фрагменты

...На радио твой партнер — чувствительный микрофон, инструмент — только голос. Слушатель один. Это потом статистика утверждает, что сотни тысяч или миллионы! Но читаешь ты одному человеку. Избави бог забыть это правило. Сколько раз я ошибался! Захлестнет эмоция, недооценишь слушателя, который один на кухне или перед сном в постели слушает твое чтение, переинтонируешь, возьмешь не тот тон, не тот ритм — и пропал! Слушаешь потом в одиночестве по радио свое выкобенивание и приходишь в отчаяние: поезд ушел, записано на пленку в фонд и уже ничего не перепишешь, не исправишь. Ф.Г. Раневская шутила: «Плевок в вечность».

«Ты им доволен ли, взыскательный художник?» Не доволен. А что делать? Урок на будущее, но, увы, не гарантия от иных, новых ошибок. Я ошибался многократно, разнообразно: на эстраде, на ТВ и на радио.

Кажется, когда слушаешь пластинку, которая наконец вышла в свет и оказалась на твоем домашнем проигрывателе, что что-то не так. Музыканты, и пианисты в частности, мне говорили, что у них то же самое: возникает желание переписать кое-что заново. В этом смысле живой концерт много лучше: не так боишься заносов и переборов, свободнее экспериментируешь, доверяешь сиюминутному порыву. И в этом случае возможны как провалы, так и незапрограммированные взлеты, такие редкие и желанные. Это вполне естественно, ведь читаешь не навсегда, слушать самому потом не придется! На пластинку при записи, к сожалению, выносится среднеарифметическое. Однако нет правил без исключений. Иногда и при записи приходит радийное, микрофонное вдохновение. Запись в фонд позволяет делать дубли, выби-

рать, монтировать. Вот этого как раз были лишены наши великие предшественники: ни Яхонтов, ни Качалов не жили в эпоху НТР, когда есть прекрасная звукозаписывающая аппаратура, монтаж. У них не было привычки к микрофонному чтению, а ведь мы судим об их искусстве, невольно забывая об этих немаловажных условиях, и подчас упрекаем их в форсировании и декламационности исполнения, которые шлейфом потянулись из Колонного зала Дома союзов, где артисты читали без всякого микрофона в огромном зале, заполненном восхищенными поклонниками. А тут, можно сказать, сроднился с микрофоном, без него и в Колонном зале не читаешь, а допускаешь «старорежимные» ошибки, как это у меня случилось в радийном «Фаусте», где я играл Мефистофеля, а Геннадий Бортников—Фауста. Отчасти поэтому мне потом захотелось все переставить и переиграть. Учебная программа ТВ предоставила мне эту возможность. Тогда я стал играть Фауста, З.Е. Гердту предложил Мефистофеля, которого он с успехом сыграл, а мне как режиссеру удалось внести необходимые коррективы в эту дорогую для меня работу по «Фаусту» великого Гете.

Живой концерт, радио, телевидение — очень разные вещи.

«Фаустом» я занимался трижды: радио, телевидение, пластинка. Иногда в живых концертах читал и за Фауста, и за Мефистофеля. На пластинке Гердт и я. Казалось, уже все проверено, ведь пластинку мы делали после видеофильма. Однако я ошибся в темпе первого монолога Фауста. «Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всем был и остался дураком…» — и так далее. Большой и очень важный монолог, перед попыткой самоубийства. Подумал: на пластинке фаустовского лица не видно, монолог длинный, возьму на полтемпа быстрее. И взял. А раз быстрее хоть на полтемпа, то и звук на полтона повысился. В результате первый важный трагический монолог получился неудовлетворительно. При записи я этого не почувствовал, при первом прослушивании тоже. Почувствовал, когда смонтировал всю пластинку. Надо бы переделать, но в диске и так перебор метража. Так что, если переписывать как надо, метраж еще увеличится на минуту. Невозможно! Так я опять, в очередной раз ошибся, на сей раз с монологом Фауста…

Я в своей жизни прочел много, очень много стихов. Больше для себя и чаще про себя, но предостаточно и вслух…

Я учился читать стихи у поэтов. Мне посчастливилось слышать, как читали стихи А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, Н.А. Заболоцкий. Я люблю слушать поэтское чтение, но главное, разумеется, чтобы читались хорошие стихи. Есть поэты, которые умелым чтением могут обмануть слушателя, но, как правило, обман длится недолго, типографский шрифт на бумаге все проявит. А есть поэты, которые даже замечательные свои стихи способны занудить, загубить. Хорошо, конечно, когда хороший поэт читает свои стихи. Это высшая школа чтения стихов. Так, наверное, читал В. Маяковский. Так читала свои стихи Ахматова.

Актер читает чужие стихи. Для меня чтение — это соединение, взаимопроникновение двух манер, актерской и поэтской. От музыки — стремление к полифоническому звучанию стиха. От театра, кино, от режиссуры — стремление к монтажу в построении концерта или пластинки.

В первой же своей пластинке на фирме «Мелодия» я опробовал монтажное построение. Речь идет о стихах Ф.И. Тютчева. За основу был взят Денисьевский цикл. Последняя трагическая любовь поэта — Елена Денисьева. Стихи, обращенные к ней или написанные в связи с ней, и одно, написанное от ее имени и обращенное к себе самому, получили название Денисьевского цикла. В композиции я решил использовать письма Тютчева и Денисьевой, дневники и воспоминания современников. Впоследствии на основе этой пластинки я поставил на ТВ фильм «О ты, последняя любовь», о котором уже упоминал. На пластинке «О время, погоди» звучат два голоса: от Денисьевой — Белла Ахмадулина и мой — от Тютчева. Потом добавилась музыка Скрябина и Листа. Возник маленький поэтический спектакль, имевший успех, и пластинка затем выходила несколькими тиражами. С тех пор я всегда рассматривал создание диска на фирме «Мелодия» как создание отдельного, драматургически законченного произведения, даже в том случае, когда ограничивался только стихами, без привлечения дополнительного подспорного материала. Пушкинский альбом тоже построен по законам монтажа. Там меня интересовал принцип перепада состояний поэта, диалектика мыслей и чувств гения. Это и послужило отправной точкой при создании пушкинского альбома, состоящего из двух пластинок…

Монтажный метод был открыт и неоднократно с блеском использован Владимиром Яхонтовым… Если уж ты взялся читать чужие стихи или прозу, ты тем самым несешь ответственность перед писателем в высшем смысле этого слова. Об этом сказано у Н.В. Гоголя, сказано навсегда:

«Прочесть, как следует, произведение лирическое — вовсе не безделица, для этого нужно долго его изучать; нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичное его чтение. Чтение это будет вовсе не крикливое, не в жару и горячке. Напротив, оно может быть даже очень спокойное, но в голосе чтеца послышится неведомая сила, свидетель истинно-растроганного внутреннего состояния»…

Дружба народов. 1986. № 8. С. 226–233.

Примечания

[1] Биографические данные установить не удалось.

[2] Боич-Бруевнч В.Д. (1873–1955) — советскнй партнйный и государственный деятель, организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917–1920 гг. — управляющий делами СНК.

[3] Хлебников В.В. (1885–1922) — поэт.

[4] «Радио будущего» написано Хлебниковым в 1921 г. и опубликовано в журнале «Красная Новь» (1927. № 8).

[5] На первом радиопонедельнике с речами о культурном, политическом и научном зиачении радио выступили А.М. Любович, А.В. Луиачарский, В.К. Лебеднпский. Во втором отделеиии состоялся радиоконцерт (программа концерта опубликована в брошюре: Радномузыка. 8 сентября 1924 г. М., 1924. С. 15–16).

[6] Анкета подписана М.И. Калининым 23 апреля 1925 г.

[7] 6 июня 1925 г. в Большой аудитории Политехнического музея открылась 1 Всесоюзная радиовыставка.

[8] Ф.Э. Дзержинский посетил радиовыставку 13 июня и оставил в книге отзывов запись, которая публикуется.

[9] Вертов Д.А. (1895/96–1954) — кинорежиссер, автор фильмов «Годовщина революции», «Киноправда», «Шестая часть мира», «Человек с киноаппаратом», «Три песии о Ленине» и др. Занимался проблемами документальиого киноискусства, в частности вопросами использования звука в кино.

[10] Толстова Н.А. (1902–1981) — с 1929 по 1959 г. диктор Всесоюзиого радио.

[11] Минц А.Л. (1895–1974) — академик, Герой Социалистического Труда, руководил проектированием и строительством мощных радиовещательных станций, лауреат Государственной премии СССР (1946, 1951) и Ленинской премии (1959).

[12] Опубликоваио без указаиия на авторство.

[13] Коган П.С. (1872–1932) — историк литературы, критик, публицист, автор многочисленных исследований по истории русской, советской и зарубежиой литературы, профессор Московского уииверситета, президент Государственной академии художественных наук (1921–1931).

[14] Публикуется фрагмент статьи.

[15] Опубликовано без указания на авторство.

[16] Базилевский Н.Г. (1897–1965) — литератор, драматург. В 1920-е годы сотруднпчал в ряде московскнх газет в качестве театрального хроннкера, автор пьес «Закон Ликурга», «Щедрая чаша», «Мешок соблазиов» и др.

[17] Поляновский Г.А. (1894–1983) — музыковед и лектор, один из основателей художественного вещания, входил в группу «Радномузыка» вместе с М. Куржиямским, С. Чемодановым и С. Бугославским.

[18] Погодин (Стукалов) Н.Ф. (1900–1962) — драматург. В 1920-е гг. работал в «Правде», автор популярных очерков и пьес «Арнстократы», «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» и мн. др., лауреат Государственной премии СССР (1941, 1951) и Лениископ премии (1959).

[19] Биографнческие данные установить не удалось.

[20] Подкопаев Н.А. (1892–1950) — ученый-физиолог, профессор.

[21] Афиногенов А.Н. (1904–1941) — драматург, автор популярных пьес «Страх», «Далекое», «Накануне», «Машенька» и др., а также радиофильма «Днипрельстан» (музыка Л.А. Половинкина, режиссер Н.О. Волконский), премьера которого состоялась 11 августа 1930 г. Погиб прн налете вражеской авнацнн на Москву в сентябре 1941 г.

[22] Биографические данные установить не удалось.

[23] Раднорепортаж «Сто минут на Днепрострое» прозвучал в эфнре 2 декабря 1930 г.

[24] Гарин Э.П. (1902–1980) — актер, режнссер, народный артист СССР, работал в Театре нм. В.Э. Мейерхольда, в Ленинградском театре комедии, московском Театре-студии киноактера, снимался в кино. В 1930-е и 1950-е годы как актер и режнссер плодотворно работал на радио.

[25] Опубликовано без указания на авторство.

[26] Шервинский С.В. (1912–1941) — поэт, переводчик.

[27] Статья была написана для Большой Советской Энциклопедин.

[28] Публикуются фрагменты из брошюры.

[29] Опубликовано без указания на авторство.

[30] Новогрудский А.Е. (р. 1911) — критик, киновед, публицист.

[31] Волконский Н.О. (Муравьев Я.О.) (1890–1948) — режиссер, театральный деятель, работал в Малом театре. В течение ряда лет был главным режиссером литературно-художественного вещания.

[32] Перевод Я.М. Лебедева с немецкого языка, посвященный В.Д. Маркову. Опубликован на немецком языке в кн.: Becher Y.R. Es wird zeit. — M.-K., 1933.

[33] Таиров А.Я. (1885–1950) — режиссер, основатель и руководитель Московского камерного театра, заслуженный артист республики.

[34] Серафимович (Попов) А.С. (1863–1949) — писатель, лауреат Государственной премии СССР (1943).

[35] Шагинян М.С. (1888–1982) — писательница, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1951).

[36] Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) (1882–1969) — писатель, литературовед, переводчик, автор произведений в стихах и прозе для детей, часто выступал с исполнением своих произведений по радио.

[37] Юзовский Ю.И. (1902–1964) — театральный и литературный критик.

[38] Артем Веселый (Кочкуров Я.И.) (1899–1939) — писатель, драматург. Осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1939 г. Впоследствии реабилитирован.

[39] Левитин М.Е. (р. 1905) — писатель; Поляков В.С. (1909–1979) — писатель, драматург, киносценарист.

[40] Литовцева Н.Н. (1878–1956) — драматическая актриса и режиссер, народная артистка РСФСР, работала в МХАТе им. А.М. Горького. В 1930-е годы вела творческие семинары и индивидуальные занятия по дикторскому мастерству с работниками Всесоюзного радио.

[41] Нилов Г.Р. (?–1942) — заведующий промышленно-экономическим сектором, помощник ответственного редактора «Последних известий», ответственный секретарь редакции. В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент Всесоюзного радио. В 1942 г. погиб на борту военного корабля «Чапаев».

[42] Качалов В.И. (Шверубович В.И.) (1875–1948) — народный артист СССР, лауреат Государственной премии (1943), актер МХАТа, активно работал на радио, читал А. Пушкина, А. Блока, С. Есенина и других русских советских поэтов, прозу Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, участвовал в радиоспектаклях «Дон Кихот» (1945) и др., в радиоадаптациях многих постановок МХАТа. С внедрением звукозаписи в практику вещания участвовал в создании разнообразных художественных и художественно-публицистических передач. В 1930-е и 1940-е годы осуществлял творческое шефство над группой дикторов Всесоюзного радио (Ю. Левитан и др.).

[43] Бусыгин А.Х. (1907–1985) — зачинатель стахановского движения в автомобильной промышленности, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

[44] Сметанин Н.С. (1905–1978) — зачинатель стахановского движения в кожевенно-обувной промышленности, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

[45] Козловский И.С. (1900–?) — певец, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. В 1926–1954 гг. работал в Большом театре СССР, лауреат Государственных премий СССР (1941, 1949).

[46] Гилельс Э.Г. (1916–1985) — пианист, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Московской консерватории, лауреат Государственной премии СССР (1946) и Ленинской премии (1962).

[47] Редакционная статья.

[48] Кренкель Э.Т. (1903–1971) — полярник, Герой Советского Союза. С 1924 г. — радист полярных станций (в 1937–1938 гг. СП-1) и арктических экспедиций («Сибиряков», «Челюскин» и др.).

[49] Письмо в Радиокомитет послано в связи с организованным 29 января 1938 г. в Доме ученых концерта, посвященного 72-летию Р. Роллана. В концерте прозвучали сердечные приветствия и поздравления деятелей советской культуры; были исполнены соната Бетховена и отрывки из оперы Д.Б. Кабалевского «Мастер из Кламси». Авторская копия письма была приложена к письму Роллана от 4 марта 1938 г. Д.Б. Кабалевскому. Письмо на французском языке, его текст и перевод (перевод Н.В. Снитко) опубликованы в сборнике «Встречи с прошлым» (2-е изд. М., 1983. Вып. 1. С. 205–206).

[50] Биографические данные установить не удалось.

[51] Трегубов В.Д. (р. 1909) — радиожурналист. В 1920-е гг. — репортер «Последних известий». Во время войны — военный корреспондент Всесоюзного радио, принимал активное участие в создании первой советской круглосуточной информационной музыкальной программы «Маяк» (1964). В 1960–1970-е годы — главный редактор «Последних известий» и «Маяка», затем — политический обозреватель советского радио и телевидения.

[52] Шолохов М.А. (1905–1984) — писатель, общественный деятель, академик АН СССР, лауреат Государственной премии СССР (1941), Ленинской премии (1960) и Нобелевской премии (1965).

[53] Вернадский В.И. (1863–1945) — ученый, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель научной школы, академик Петербургской АН с 1912 г., академик АН СССР. Автор трудов по философии естествознания, науковедению. Для В.И. Вернадского характерны широта интересов, постановка кардинальных научных проблем, научное предвидение.

[54] Публикуются только те фрагменты из дневников, в которых речь идет о радио и радиопропаганде. Недавно обнародованные дневники В.И. Вернадского показывают его восприятие массированного потока пропаганды, опровергая устоявшееся представление об абсолютном доверии официальным источникам информации в годы войны. С безжалостной искренностью, которая по тем временам могла грозить ученому большими жизненными осложнениями, В.И. Вернадский называет радио «бездарным» и даже «отвратительно бездарным» в информировании о развитии военных действий, отмечая, правда, огромную организующую силу пропагандистских радиоречей Сталина, составленных «умно», с учетом законов звукового восприятия.

[55] Твардовский А.Т. (1910–1971) — поэт, общественный деятель. В 1950–1954 гг., 1958–1970 гг. — главный редактор журнала «Новый мир», лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946, 1947, 1971) и Ленинской премии (1961).

[56] Берггольц О.Ф. (1910–1975) — поэт, писательница, лауреат Государственной премии СССР (1951).

[57] Асеев Н.Н. (1889–1963) — поэт.

[58] Творчество Н.Н. Асеева, в котором отразились настроения интеллигенции в годы войны, вызывало критику со стороны руководства ССП и травлю цензурных органов.

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь.
Когда вас берут за горло —
естественно взяться за нож.
Но нож называть святыней
и, вглядываясь в лезвие,
начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое, —
нет, этого я не умею,
и этого я не могу:
от ярости онемею,

но яростью не солгу!
У всех увлеченных боем
надежда живет в любом:
мы руки от крови отмоем
и грязь с лица отскребем,
и станем опять как прежде,
не в ярости до кости:
и этой большой надежде
на смертный рубеж вести.

Эти «непатриотические» стихи Н.Н. Асеева, которые, по мнению Н. Тихонова, возводили поклеп на русскнй народ, который не хочет быть убийцей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 119. Л. 59–65; Вопросы литературы. 1991. № 4) были опубликованы только в 1962 г. Слежка и доносительство были очень распространены, а агентурные данные НКГБ СССР — один из самых достоверных источников о реальных «людях и положениях». Вот фрагмент из одного из таких документов: «Н. Асеев "высказал враждебную реакцию" о роле писателей в годы войны: "Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им читать "Жди меня" Симонова и питаться "Сурковской массой"». А также высказал общее мнение о литературе: «В России все писатели и поэты поставлены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас — литература казенная...» М. Зощенко высказывался следующим образом: «Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели». К.И. Чуковский, по тем же агентурным данным, считал, что «русская литература в условиях деспотической власти заглохла и почти погибла... Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев — позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира. ...Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать». А К. Федин сравнил современных писателей с патефонами, на которых крутятся и хрипят изготовленные на потребу дня пластинки. Даже всесильный И. Эренбург высказывал общее недовольство: «Нам придали большое значение и за иами бдительно следят. Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда — это кровь и слезы». Ф. Гладков, жалуясь, что в его повести «Клятва» все размышления о политической мысли были выброшены «чиновниками Александрова», сетовал, что писательский труд используется для голой агитации; оценки литературного произведения по его художественным достоинствам не существует; «искусственно создается литературная слава людям вроде Симонова и Горбатова, а настоящие писатели в тени...». И. Уткин был возмущен партийиым управлением поэзией, а В. Шкловский считал, что «проработки, запугивания, запрещения так приелись, что уже перестали запугивать, и люди по молчаливому уговору решили не обращать внимаиия, ие реагировать и ие участвовать в этом спектакле». Своеобразный приговор огласил Л. Кассиль, считая, что вырождение литературы дошло до предела, а «Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя иа квартирах и обсуждать ипаписаииое сообразно своим творческим симпатиям и взглядам» (Записка наркома НКГБ СССР Меркулова опубликована в журнале «Родина». 1992. № 1. С. 92–96).

[59] Спасский А.М. (р. 1910) — звукооператор «Радиофильма» с 1935 по 1945 г., после войиы до 1976 г. возглавлял цех оперативиых звукозаписей Всесоюзного радио.

[60] Баталов А.В. (р. 1928) — актер, режиссер, иародный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

[61] Указание на авторство статьи отсутствует.

[62] Хубов Г.Н. (1902–1981) — музыковед, общественный деятель, главный редактор журнала «Советская музыка» в 1952–1957 гг.

[63] Дубровина Л. — биографические данные не установлены.

[64] Публикуемая статья является передовой статьей газеты «Правда» и не имеет указаиия на авторство.

[65] Среди авторов известный фельетонист С.Д. Нариньяни (р. 1908), с 1952 г. редактор отдела фельетонов в газете «Правда».

[66] Коонен А.Г. (1889–1974) — актриса, народная артистка РСФСР. В 1914–1949 гг. актриса Камерного театра, в котором создала выдающнеся трагедийные образы мировой классической и советской драматургии.

[67] Муратов С.А. — профессор кафедры телевиденння н радиовещания факультета журналистнкн МГУ, член Академии российского телевидения.

[68] Венгерскне события 1956 г.

[69] Грабарь И.Э. (1871–1960) — живописец и искусствовед, народный художник СССР, академик АН СССР и действительный член АХ СССР, лауреат Государственной премнн СССР (1941). Однн из основоположников музееведения, реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины.

[70] Черкасов Н.К. (1903–1966) — актер, народный артнст СССР. С 1933 г. в Ленинградском театре драмы им. Пушкина. Лауреат Ленинской премии (1964), Государственной премии СССР (1941, 1946, 1950, 1951 — дважды).

[71] Ойстрах Д.Ф. (1908–1974) — скрнпач, народный артист СССР. Одии из крупнейших скрипачей современностн и создателей советской скрипичной школы. Профессор Московской консерваторин с 1939 г. Лауреат Государственной премни СССР (1943), Ленинской премии (1960).

[72] Ульянов М.А. (р. 1927) — актер, режнссер, иародный артист СССР. С 1950 г. в Театре им. Вахтангова. Лауреат Ленинской премии (1966), Государственной премии СССР (1983), Государственной премии РСФСР (1975), Герой Социалистического Труда. С 1986 г. председатель правления СТД РСФСР; с 1989 г. народный депутат СССР.

[73] Бажин Н. — данные не установлены.

[74] Андроников И.Л. (1908–1990) — литературовед, писатель.

[75] Феоктистов В. — студент V курса радиоотделення факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

[76] Товстоногов Г.А. (1915–1989) — режиссер, народиый артист СССР, доктор искусствоведения, профессор Лениградского нистнтута театра музыки и кииематографии. В 1938–1946 гг. режиссер Тбилисского русского театра; в 1956–1989 гг. главный режиссер Большого драматического театра в Леннграде. Лауреат Лениискои премии (1958), Государственной премии СССР (1950, 1952, 1968, 1978).

[77] Хессин (Михайлов) Б.М. (1920–2001) — создатель и организатор звуковых журналов «Кругозор» и «Колобок», бессменный руководитель творческого объеднненля «Экран».

[78] Солженицын А.И. (р. 1918) — русский писатель. Лауреат Нобелевской премии. В 1974 г. выслан из страны и незаконно лишен гражданства, с 1976 г. живет в США. Его романы «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Раковый корпус», «Август 1914» опубликованы за рубежом, а в настоящее время на родине. В 1990 г. восстаиовлен в правах, вернулся в Россию в мае 1994 г.

[79] Речь идет о коротком периоде с конца иоября — начала декабря 1962 г. после публикации в № 11 «Нового мира» «Одного дня Ивана Денисовича» по специальному указанию Президиума ЦК и лично Н.С. Хрущева. 17 иоября появились первые хвалебные рецензни К. Снмонова — в «Известиях» и В. Ермилова — в «Правде». В. Лакшин записывает в своем дневнике: «В ближайшие дни после выхода в свет № 11 состоялся очередной Пленум ЦК. У типографии запросили 2200 экземпляров журнала, чтобы продавать его в киосках на Пленуме. Кто-то пошутил:

«Они же доклад обсуждать не смогут, все "Ивана Денисовича" будут читать». «Ажиотаж страшный, журнал рвут из рук, в библиотеках с утра на него очереди» («Знамя», 1990, № 6, с. 88). Но уже 24–26 декабря состоялись встречи в ЦК молодых писателей и деятелей культуры с Идеологической комиссией, с докладом выступил Л.Ф. Ильичев — секретарь ЦК по идеологии, а в январе 1963 г. одна за другой в прессе появляются разгромные статьи о произведениях, напечатанных в «Новом мире». Начинаются осложнения с цензурой. Это было началом длительной кампании против либерально настроенного журнала и его главного редактора А.Т. Твардовского, которая завершилась в 1968–1969 гг. фактически разгоном редакции.

[80] Попытки найти какие-либо документальные свидетельства о чтении произведений А.И. Солженицына по радио не увенчались успехом; в радиопрограммах также они не обозначены. По-нашему предположению, микрофонные тексты литературных радиопередач, в которых упоминалось имя А.И. Солженицына, были позже уничтожены в соответствии с установившейся практикой государственного радиовещания и телевидения по отношению к иммигрантам, диссидентам и лицам сомнительных взглядов. Сохранился случайно приказ о запрете упоминания о Солженицыне на телевидении (02.06.1968 г.)

[81] Музыря А.А. — одна из организаторов молодежного радиовещания радиостанции «Юность».

[82] Статья была опубликована в многотиражной газете общественных организаций Госкомитета «Говорит Москва» и по решению парткома была направлена в редакцию журнала «Советское радио и телевидение», где была напечатана с некоторыми сокращениями.

[83] Колосов С.Н. (р. 1921) — режиссер, сценарист, автор художественных кино- и телефильмов на документальной основе. Народный артист СССР, лауреат премии Ленинского комсомола (1968), Государственной премии РСФСР (1976).

[84] Богомолов Ю.А. (р. 1937) — критик, историк кино.

[85] Гуревич П.С. — философ, культуролог, обществовед.

[86] Бабанова М.И. (1990–1983) — актриса, народная артистка СССР. В 1920–1927 гг. одна из ведущих актрис в Театре им. Мейерхольда, с 1927 г. в Театре Революции, позднее Московском театре им. Маяковского. Лауреат Государственной премии СССР (1941). М.И. Бабанова, обладательница волшебного голоса, создала целую галерею радиоролей — это Таня («Таня» Арбузова), Джульетта («Ромео и Джульетта» Шекспира), Маленький принц («Маленький принц» Сент-Экзюпери), Оле-Лукойе («Оле-Лукойе» Андерсена) и др.

[87] Консовский А.А. (р.1912) — актер, народный артист РСФСР. Мастер дубляжа в кинематографе, один из ведущих исполнителей многочисленных ролей в радиотеатре, среди которых несколько персонажей в «Маленьком принце» Сент-Экзюпери, «Золотом ключике», «Дон Кихоте» и мн. др.

[88] Литвинов Н.В. (1907 — 1987) — режиссер, народный артист РСФСР. Один из организаторов и ведущих мастеров радиовещания для детей, автор инсценировок, режиссер и исполнитель популярных радиопередач «Приключения Чиполино», «Золотой ключик» и др.

[89] Поневежский Ф.А. (р. 1930) — журналист, обозреватель, комментатор отдела советской информации Московского радио.

[90] Коненков С.Т. (1874–1971) — скульптор, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1951), Ленинской премии (1957).

[91] Семенов Юл.С. (1931–1993) — писатель, автор остросюжетных повестей на документальной основе.

[92] Рождественский Р.И. (1932–1994) — поэт.

[93] Слуцкий Б.А. (1919–1986) — поэт.

[94] Чеботаревская Т.А. — данные не установлены.

[95] Куденко О.А. — комментатор Центрального радио, главный редактор программ, автор документального цикла «Подвиг народа», подготовленного к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне.

[96] Каверзнев А.А. (1931–1983) — журналист-международник.

[97] Сперантова В.А. (1904–1978) — актриса, народная артистка СССР. С 1925 г. в Госцентюзе, с 1944 г. в Центральном детском театре; исполнительница ролей подростков в театре, на радио; озвучивала мультфильмы, снималась в кино. Лауреат Государственной премии РСФСР нм. Крупской (1974).

[98] Борев Ю.Б. (р. 1925) — литературовед и эстетик, автор научных трудов по эстетике философских романов.

[99] Статья Ю.Б. Борева опубликована в рамках дискуссии, развернутой после публикации статьи И. Триккеля (Советское радио и телевидение. 1965, № 11), которая вызвала интерес таких литераторов, как Г. Шергова и Г. Гулиа, материалы которых помещены в этом же номере журнала.

[100] Шерель А.А. (1937–2005) — радиожурналист, историк художественного радиовещания, профессор факультета журналистики МГУ.

[101] Горин (Орштейн) Г.И. (1940–2000) — писатель, автор сатирических рассказов, сценарнев и радиопередач отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио.

[102] Барто А.Л. (1906–1981) — писательница, автор стихов н рассказов для детей. Лауреат Ленинской премин (1972), Государственной премни СССР (1950).

[103] Интервью провел н запнсал Л. Сапожников.

[104] Когда редакцня программы «Маяк» подготовила передачу «Найти человека», радиослушатели приняли ее как свою. Если в первые месяцы передачи на радио прнходнло 300–400 писем, то в январе — феврале 1966 года почта возросла до 3000 писем в месяц. Это прнвело к некоторым затруднениям. Ведь в одной передаче можно использовать только 15–17 пнсем, а есln их тысячи, и в каждом теплится надежда, может быть, последияя, — отыскать потерянного во время войны отца, мать, дочь или сына? Началась кропотливая работа. Читка, сверка писем, обмен адресами между предполагаемыми родственниками, уточнение адресов разыскиваемых. Даже хорошо организованный отдел писем не смог бы справиться с этой задачей, если бы у него не было добровольных помощников. За год и семь месяцев редакцня передачи «Найти человека» получнла 19 202 письма. Ответы были посланы на 15 433 письма, остальная почта передана в Бюро розыска Красного Креста СССР. Стало ясно, что для такого количества писем явно недостаточно одной передачи «Найти человека». Тогда-то и был введен «Бюллетень розыска родных», который выходил как приложенне к передаче. Действениостн передачн способствовало чтение Юрия Борнсовнча Левитана. В адрес радно приходили и письма с просьбой отыскать тех, кто не вернулся с фронта. Радиослушатели получали консультацию работников Министерства обороны СССР В.Н. Соловьева, В.Д. Смирнова, С.Е. Чернышова. Агния Львовна Барто — бессменный ведущнй цикла «Найти человека», вела его более десяти лет. В 1968 г. вышла ее книга «Найти человека».

[105] Статья была напнсана для журнала «Советское телевидение и радио».

[106] Ильннский И.В. (1901–1987) — режиссер, народный артист СССР. На сцене с 1918 г.; в 1920–1938 гг. в ГОСТИМе, с 1938 г. в Малом театре. Великолепный мастер устного рассказа, исполнитель у микрофона произведений А.П. Чехова, А.Н. Островского и др. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премни СССР (1941, 1942, 1951), Леннпской премии (1980).

[107] Интервью провел и записал В.Г. Дрогалин.

[108] Плятт Р.Я. (1908–1989) — актер, народный артист СССР. В 1938–1943 гг. в Московском театре нм. Ленинского комсомола, с 1943 г. в Театре им. Моссовета. Начиная с 1930-х годов много и плодотворно работал в художественном н детском радиовещании с Р.М. Иоффе, О.Н. Абдуловым и др. Лауреат Государственной премии СССР (1982).

[109] Синявский В.С. (1906–1972) — радиожурналист, комментатор Всесоюзного радио, основоположник советской школы спортивного радиорепортажа (на радио с 1929 г.), в годы войны военный корреспондент Всесоюзного радио.

[110] Искандер Ф.А. (р. 1929) — писатель, лауреат Государственной премии (1989).

[111] Кузнецов Ф.Ф. (р. 1931) — критик, литературовед. Многие годы возглавлял ИМЛИ.

[112] Кроме публикуемых материалов в журнале были представлены мнения В. Канторовича, В. Максимова, О. Михайлова, А. Некрасова, В. Цыбина, Э. Шима.

[113] Интервью с Л.Д. Ландау, Н.Н. Фатеевой и С.А. Антоновым провел и записал В.С. Нехаев.

[114] Ландау Л.Д. (1908–1968) — физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1946, 1949, 1953), Ленинской премии (1962), Нобелевской премии (1962).

[115] Фатеева Н.Н. (р. 1934) — актриса, народная артистка РСФСР. Много снималась в кино, работает в Театре-студии киноактера.

[116] Антонов С.А. — рабочий, Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС с 1966 г.

[117] Татарский В.В. — ведущий популярной радипередачи «Встреча с песней».

[118] Васич И.Н. — биографические даиные не установлены.

[119] Дымарский Н. (р. 1921) — спортивный комментатор, зам. главного редактора спортивной редакции Гостелерадио.

[120] Публикуемое интервью является частью «круглого стола», посвященного работе актера, в котором приняли участие Б.П. Чирков, Б.А. Бабочкин, В.В. Енютина, В.А. Сперантова, В.Б. Герцик, Д.Н. Журавлев, А.А. Консовский, Г.П. Менглет, М.И. Бабанова, Б.Н. Толмазов. Интервью провел и записал режиссер Б.Л. Корсунский.

[121] Бабочкин Б.А. (1904–1975) — актер, режиссер, народный артист СССР, лауреат Государственных премий (1941, 1951, 1977), Герой Социалистического Труда.

[122] Ефремов О.Н. (1927–2000) — актер, режиссер, народный артист СССР. На сцене с 1949 г. С 1959 г. режиссер театра «Современник», с 1970 г. главный режиссер МХАТ, а с 1987 г., после разделения труппы — сцены МХАТ им. Чехова в проезде Художественного театра. Лауреат Государственной премии СССР (1969, 1974, 1983). Народный депутат СССР с 1989 г.

[123] Козаков М.М. (р. 1934) — актер, режиссер, народный артист РСФСР. Работал в Театре им. Маяковского, «Современник», МХАТ, в Театре на Малой Бронной. Лауреат Государственной премии СССР (1967), Государственной премии РСФСР (1983).

МАТЕРИАЛЫ ДИРЕКТИВНЫХ ОРГАНОВ. СТАНОВЛЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ

Из декрета Совета Народных Комиссаров «О централизации радиотехнического дела Советской Республики»

19 июля 1918 г.

В целях централизации радиотехнического дела различных ведомств Советской Республики Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Задачу централизации радиотехнического дела возложить на Комиссариат почт и телеграфов, при Радиотелеграфном отделе которого образуется особый Радиотехнический совет, состоящий из ответственных работников, назначенных народным комиссаром почт и телеграфов.

2) Председателем Радиотехнического совета состоит народный комиссар почт и телеграфов или уполномоченный им член коллегии комиссариата.

3) На все заседания Радиотехнического совета обязательно приглашаются представители Высшего Совета Народного Хозяйства, Военного и Морского комиссариатов. Означенные комиссариаты имеют право обжаловать постановления Радиотехнического совета в Совете Народных Комиссаров...

5) Радиотехническому совету вменяется в обязанность:

а) составление плана устройства и эксплуатации сети постоянных радиостанций и высший надзор за выполнением этого плана;

б) согласование хозяйственно-технической деятельности различных комиссариатов;

в) выработка «норм и правил» технических условий в области радиоустановок...

9) Во время войны высшему командованию морскими и сухопутными силами подчиняются все радиотелеграфные станции, признанные Высшим военным советом необходимыми для целей обороны.

Примечание: Все решения Высшего военного совета, вытекающие из этого пункта, должны немедленно сообщаться Радиотехническому совету, который имеет право обжаловать их перед Советом Народных Комиссаров.

10) В сфере своей прямой деятельности, касающейся радиотелеграфа, комиссариаты Военный и Морской вполне самостоятельны.

Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов (Ленин)
Народный комиссар почт и телеграфов — Подбельский
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров — Вл. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета — Н. Горбунов

Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 2. С. 54–61.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О радиолаборатории с мастерской Народного комиссариата почт и телеграфов»

2 декабря 1918 г.

I. Цель и задачи радиолаборатории с мастерской.

1. Радиолаборатория с мастерской Народного комиссариата почт и телеграфов является первым этапом к организации в России Государственного социалистического радиотехнического института, конечной целью которого является объединение в себе и вокруг себя в качестве организующего центра:

а) всех научно-технических сил России, работающих в области радиотелеграфа;

б) всех радиотехнических учебных заведений России;

в) всей радиотехнической промышленности России.

II. Радиолаборатория с мастерской должна объединить в себе кадры активных работников в области радиотехнической науки, техники, промышленности и эксплуатации и дать возможность всем вообще радиотехникам бесплатного производства опытов и изысканий.

Она имеет целью:

а) производство научных изысканий в области радиотелеграфии и радиотелефонии и в смежных областях физических наук;

б) техническую разработку и конструктивное выполнение радиотехнических приборов как по собственному почину, так и по заданиям ведомства;

в) организацию производства радиотехнических приборов особого назначения как по собственной инициативе, так и по заданиям ведомства;

г) технический контроль всех радиотелеграфов и радиотелефонных приборов Народного комиссариата почт и телеграфов;

д) техническую консультацию по специальным вопросам, составление правил и норм, рассмотрение изобретений;

е) составление учебных книг, программ, брошюр и статей по специальным вопросам;

ж) подготовку материалов, детальную разработку мер к осуществлению Государственного социалистического радиотехнического института и проведение этих мероприятий в жизнь.

III. Радиолаборатория с мастерской имеет ближайшими конкретными заданиями:

а) организацию производства катодных реле с абсолютной пустотой до 3000 штук в месяц;

б) разработку типовой приемной радиостанции для Народного комиссариата почт и телеграфов;

в) разработку радиотелефонных передатчиков дальнего действия.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич

Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 124–125.

Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны о постройке Центральной радиотелефонной станции радиусом действия в 2000 верст

17 марта 1920 г.

1. Поручить Нижегородской радиолаборатории Наркомпочтеля изготовить в самом срочном порядке, не позднее двух с половиной месяцев, Центральную радиотелеграфную станцию с радиусом действия 2000 верст.

2. Местом установки назначить Москву и к подготовительным работам приступить немедленно.

3. Ввиду чрезвычайной государственной важности нового сооружения все заказы и требования на материалы, связанные с установкой радиотелефона, должны выполняться в первую очередь, под личную ответственность заведующих соответствующими отделами и председателей заводоуправлений.

4. Отпускать Нижегородской радиолаборатории электрическую энергию до самого последнего момента действия городской электрической станции.

5. Предоставить радиолаборатории один классный вагон третьего класса для оборудования подающего радиотелефонного приемника.

6. Рабочих и служащих, состоящих на постройке радиотелефонной станции, освободить от призыва, независимо от их возраста.

7. Поручить Нижегородской радиолаборатории разработать конструктивные чертежи необходимых альтернаторов и не позже 1–1/2 месяцев сдать на завод — бывший Сименс—Шуккерт для изготовления в самом срочном порядке.

8. Поручить члену коллегии НКПиТ т. Николаеву наблюдение за срочным выполнением настоящего постановления, обязав ВЧК оказывать содействие выполнению настоящих заданий путем принятия репрессивных мер против лиц, проявивших нерадение и саботаж.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянов-Ленин
Секретарь Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Л. Фотиева

Москва, Кремль.
17 марта 1920 г.

Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 567–568.

В.И. Ленин — М.А. Бонч-Бруевичу

5 февраля 1920 г.

Михаил Александрович!

Тов. Николаев передал мне Ваше письмо и рассказал суть дела. Я навел справки у Дзержинского и тотчас же отправил обе просимые Вами телеграммы.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую

Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное воздействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам. С лучшими пожеланиями

В. Ульянов (Ленин)

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 130.

В.И. Ленин — Н.П. Горбунову

26 января 1921 г.

...т. Горбунов! Этот Бонч-Бруевич (не родня, а только однофамилец Вл. Дм. Бонч-Бруевича), по всем отзывам, крупнейший изобретатель. Дело гигантски важное (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим сотни, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве).

Очень прошу Вас:

1) следить специально за этим делом, вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним;

2) провести прилагаемый проект декрета ускоренно через Малый Совет. Если не будет быстро единогласия, обязательно приготовить в Большой СНК ко вторнику;

3) сообщать мне два раза в месяц о ходе работ.

26/1. Ленин

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 54).

Из доклада В. И. Ленина о замене разверстки натуральным налогом на X съезде РКП(б)

15 марта 1921 г.

...Я приглашаю вас иметь в виду основное: что разработка в деталях и толкованиях — это работа нескольких месяцев. А сейчас нам надо иметь в виду основное: нам нужно, чтобы о принятом вечером же было оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку — налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев, что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством...

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 73.

Постановление Совета Труда и Обороны об организации устной газеты

3 июля 1921 г.

1. Отпустить Наркомпочтелю пять миллионов (5 000 000) рублей для технической организации устной газеты при помощи громкоговорящих телефонов в Москве на 6 площадях.

2. Обязать Наркомфин произвести выдачу необходимых денежных знаков в трехдневный срок...

5. Обязать Центральную автосекцию отпустить Наркомпочтелю в двухдневный срок один (четырех) местный автомобиль на ходу.

Председатель Совета Труда и Обороны В. Ульянов (Ленин)
Секретарь Совета Труда и Обороны Л. Фотиева

Печатается по кн.: Ленин и радио. М., 1973. С. 66.

Письма В. И. Ленина И.В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) о развитии радиотехники

19 мая 1922 г.

1

Товарищу Сталину с просьбой переслать вкруговую всем членам Политбюро

Товарищ Сталин, прилагаю два доклада: первый — профессора Осадчего, специалиста по электричеству, о радиотелеграфной и телефонной связи; второй — Бонч-Бруевича (не родственника известных братьев Бонч-Бруевич, из которых один был управдел СНК, а другой выдающимся царским генералом). Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю, — крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолаборатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст.

Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах федерации.

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов.

Предлагаю вынести постановление об ассигновке сверх сметы в порядке экстраординарном до 100 тысяч рублей золотом из золотого фонда на постановку работ Нижегородской радиолаборатории, с тем чтобы максимально ускорить доведение до конца начатых ею работ по установке вполне пригодных громкоговорящих аппаратов и многих сотен приемников по всей республике, способных повторять для ши-

роких масс речи, доклады и лекции, произносимые в Москве или другом центре.

Поручить СТО установить особый надзор за расходованием этого фонда и, может быть, если окажется целесообразным, ввести премии из указанного фонда за особо быстрый и успешный ход работы.

Добавлю, что сегодняшние «Известия» сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиотелеграммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелефонная и радиотелеграфная связь получила бы еще более громадное значение для военного дела.

Ленин

Продиктовано по телефону 19 мая 1922 г.

2

Товарищу Сталину

По поводу сегодняшней бумаги Бонч-Бруевича я полагаю, что мы не можем пойти на финансирование радиолаборатории из золотого фонда без специальных заданий.

Предлагаю поэтому поручить СТО выяснить необходимые расходы на то, чтобы радиолаборатория максимально ускорила разработку усовершенствования и производства громкоговорящих телефонов и приемников. Только на это мы должны, по моему мнению, ассигновать сверхсметно определенную сумму золота.

Ленин

Продиктовано по телефону 19 мая 1922 г.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 194–196.

Из Декрета Совета Народных Комиссаров «О радиостанциях специальноого назначения»

4 июля 1923 г.

1. В целях развития радиосети Союза Советских Социалистических Республик Народному комиссариату почт и телеграфов предоставляется право разрешать государственным, профессиональным и партийным учреждениям и организациям, на основаниях, изложенных в сем декрете, и согласно инструкции к нему, сооружение и эксплуатацию радиостанций для специальных целей.

2. Радиостанции специального назначения разделяются на:

а) радиостанции промышленно-коммерческие;

б) радиостанции, преследующие культурно-просветительные и научные цели;

в) радиостанции любительские.

Промышленно-коммерческими считаются радиостанции, предназначенные для содействия промышленным либо коммерческим задачам коллектива, их эксплуатирующего.

Культурно-просветительными считаются радиостанции, коими ведают культурно-просветительные и научные учреждения, не использующие их для извлечения коммерческой прибыли.

Любительскими считаются радиостанции, не преследующие ни промышленных, ни коммерческих целей и устанавливаемые либо для развлечения, либо для любительского изучения радиодела.

Примечание: Принадлежность радиостанции к той или иной группе определяется Народным комиссариатом почт и телеграфов...

СУ. 1923. Отд. 1. № 82. Ст. 792.

Из постановления Совета Народных Комиссаров «О частных приемных радиостанциях»

28 июля 1924 г.

В целях более широкого использования населением радиосвязи для хозяйственных, научных и культурных потребностей, содействия развитию радиопромышленности и насаждению радиотехнических знаний в стране, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Предоставить частным организациям и лицам, на основах настоящего постановления, право устройства и эксплуатации приемных радиостанций...

2. Допускаются частные приемные радиостанции следующих групп:

I группа. Радиостанции, не предназначенные для общественного пользования, устраиваемые для приема маломощных широковещательных радиостанций.

II группа. Радиостанции, не предназначенные для общественного пользования, устраиваемые для приема мощных широковещательных радиостанций.

III группа. Радиостанции для научного изучения радиодела, разрешаемые к устройству лицам, фактически ведущим научную работу в области радиотехники.

IV группа. Радиостанции для приема маломощных широковещательных станций, предназначенные для общественного пользования в культурно-просветительных целях, без извлечения коммерческой выгоды.

V группа. Радиостанции для приема мощных широковещательных станций, предназначенные для общественного пользования в культурно-просветительных целях, без извлечения коммерческой выгоды.

VI группа. Радиостанции для приема маломощных широковещательных радиостанций, предназначенные для общественного пользования в коммерческих целях.

VII группа. Радиостанции для приема мощных широковещательных радиостанций, предназначенные для общественного пользования в коммерческих целях...

5. На Народный комиссариат почт и телеграфов возлагается контроль за деятельностью частных приемных радиостанций и техниче-

ский надзор за ними. Агенты Народного комиссариата почт и телеграфов должны беспрепятственно допускаться владельцами радиостанций к их осмотру...

9. Частные радиостанции могут принимать материал, передаваемый отправительными радиостанциями специально для частных приемных радиостанций в порядке широковещания: специальную широковещательную информацию, речи, доклады, концерты, учебную передачу знаками Морзе, метеорологические бюллетени и сигналы времени. Воспрещается записывать и распространять работу, производимую радиостанциями Союза ССР в порядке двустороннего обмена, передачи циркулярных распоряжений и информации для прессы, передаваемой по схемам определенных адресатов.

СЗ. 1924. Отд. 2-й. № 3. Ст. 40.

Из устава акционерного общества широковещания по радио «Радиопередача», утвержденного Советом Труда и Обороны СССР

4 декабря 1924 г.

1. Цель учреждения Общества, права и обязанности его:

§ 1.

Акционерное общество под наименованием Акционерное общество для широковещания по радио «Радиопередача», с местонахождением правления в г. Москве, учреждается для установки различного рода радиостанций, предназначенных для широковещания, торговли всеми предметами и приборами, входящими в состав этих радиостанций или необходимыми им при их эксплуатации и для самой эксплуатации их. Район деятельности Общества — территория всего Союза ССР.

Примечание. Учредителями Общества являются: Народный комиссариат почт и телеграфов, Всероссийский электротехнический трест заводов слабого тока, Российское Телеграфное Агентство.

§2.

Для достижения указанной в § 1 цели Общество имеет право:

а) устраивать, приобретать, арендовать, эксплуатировать и передавать в аренду различного рода приемные радиостанции и радиоустановки, предназначенные для широковещания;

б) производить торговлю различного рода приемными радиостанциями для широковещания и их отдельными составными частями и принадлежностями, а также принимать на себя их установку;

в) осуществлять при посредстве радиостанций передачу и прием публичных лекций, докладов и информации, концертов, разного рода сведений, реклам и коммерческих объявлений;

г) издавать всякого рода руководства, брошюры, программы и издания, относящиеся к роду деятельности Общества;

д) открывать во всех местностях Союза ССР отделения, агентства, конторы, представительства, склады и магазины;

е) принимать участие в разного рода товариществах, обществах и иных объединениях и предприятиях в соответствии с задачами Общества и в пределах хозяйственных надобностей;

ж) устраивать публичные лекции и доклады, а также консультации по вопросам радио и устраивать курсы для развития радиотехнических знаний.

§3.

Общество пользуется правами юридического лица и может, в пределах указанной в уставе цели его, приобретать и отчуждать всякого рода имущество, не изъятое из оборота, совершать сделки, заключать займы, в том числе облигационные, договоры, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде.

§4.

Общество подчиняется всем узаконениям и распоряжениям Правительства, как ныне действующим, так и тем, которые впредь будут изданы.

§5.

Публикации Общества во всех предусмотренных законом и этим уставом случаях производятся в органе печати, указанном в законе, а если закон не указывает органа печати, то в газете «Экономическая жизнь».

§6.

Общество имеет печать с изображением своего наименования...

СЗ. 1925. Отд. 2-й. № 26. Ст. 69.

Из постановления ЦК РКП(б) «О радиоагитации»

2 марта 1925 г.

...ЦК вынес постановление, в котором признал организацию радиоагитации делом крайне необходимым и важным в качестве нового орудия массовой агитации и пропаганды. ЦК признал желательным для правильного и быстрейшего развития и удешевления продукции советской радиопромышленности, а также для организации распространения среди широких масс рабочих и крестьян радиоприемников на началах льготного кредитования выдачу правительственной ссуды акционерному обществу «Радиопередача», ближайшей задачей которого ЦК считает установку радиоприемников для массового слушателя — в первую очередь громкоговорителей в рабочих клубах и домах крестьянина и избах-читальнях.

Агитпропу ЦК поручено общее руководство радиогазетой и выработка программ докладов, лекций и концертов. ЦК утвердил представленный Агитпропом список ответственных товарищей, обязанных выступать с лекциями и докладами.

ЦК считает необходимым привлечь внимание парторганизаций к делу радиоагитации и продвижению радиоприемников в деревню и в рабочие и красноармейские клубы...

Известия ЦК РКП(б).1925. 2 марта. № 9. С. 9.

Из постановления ЦК РКП(б) «Радиоагитация»

22 июня 1925 г.

По докладу комиссии ЦК о радиоагитации, в целях осуществления единого руководства делом радиоагитации, ЦК признал необходимым возложить на радиокомиссию ЦК руководство организационными вопросами, связанными с постановкой радиоагитации.

Состав радиокомиссии пополнен представителями ряда организаций, соприкасающихся с радиостроительством и радиоагитацией.

Созданные в советском порядке комиссии по радиоагитации признано необходимым ликвидировать и впредь создавать такие с ведома и согласия радиокомиссии ЦК РКП.

В целях осуществления руководства и контроля радиоагитацией в советском порядке признано необходимым возложить на Наркомпросы республик (через Главлиты и Главреперткомы) общее наблюдение за всеми органами, занимающимися радиоагитацией политико-просветительного характера.

В целях наиболее целесообразного размещения радиотелефонных станций на территории СССР ЦК считает нежелательным постройку новых громкоговорящих радиотелефонных станций в г. Москве. Всем организациям, занимающимся радиостроительством, поручено стремиться расширить сеть передаточных станций по периферии.

Радиокомиссии ЦК, с участием представителей заинтересованных ведомств, предложено разработать план ближайшего радиостроительства.

Наблюдение за развертыванием сети радиовещательных станций возлагается на Наркомпочтель.

Радиокомиссии, при участии представителей всех радиоорганизаций, предложено обсудить вопрос об упорядочении радиопередачи как на территории крупных узловых центров, так и на территории всего СССР...

Известия ЦК РКП(б). 1925. 22 июня. № 22–23. С. 8.

Циркуляр ЦК РКП(б) «О помощи и руководстве организациями Общества друзей радио (ОДР)»

14 июля 1925 г.

Придавая большое значение радиолюбительским организациям в деле организации общественного мнения вокруг радиостроительства, распространения радиотехнических знаний среди широких рабоче-крестьянских масс и культурного строительства, а также отмечая значительную роль, которую должно сыграть радио как могучее средство

агитации и пропаганды, ЦК предлагает партийным организациям обратить особое внимание на помощь и руководство организациями Общества друзей радио (ОДР), в особенности в деревне; следует использовать на этой работе в первую очередь членов партии с радиотехнической подготовкой.

Печатается по кн.: Справочник партийного работника. М., 1926. Вып. V. С. 293.

Из постановления ЦК ВКП(б) «Издание радиогазет»

22 марта 1926 г.

ЦК признал желательным издание двух газет по радио:

1) рабочей — ежедневной, вместо выходящей радиогазеты и

2) крестьянской, выходящей 3–4 раза в неделю. Редакционные аппараты обеих газет создаются при редакциях «Рабочей газеты» и «Крестьянской газеты».

Известия ЦК ВКП(б). 1926. 22 марта. № 10–11. С. 6.

Постановление ЦК ВКП(б) «О руководстве радиовещанием»

10 января 1927 г.

а) Предложить всем парткомитетам, на территории которых имеются радиотелефонные станции, взять под непосредственное свое руководство работу этих станций, максимально используя их в агитационных и просветительных целях;

б) для обеспечения политической выдержанности материалов, передаваемых по радио, и систематического партийного руководства работой радиостанции парткомитетам необходимо:

1. Выделить ответственного партийного товарища в качестве руководителя радиовещанием, отвечающего за организацию дела и содержание всех передающихся по радио материалов непосредственно перед соответствующим партийным комитетом.

2. Установить обязательный и предварительный просмотр парткомитетами планов и программ всех радиопередач.

3. Тщательно подбирать докладчиков и лекторов, принимающих участие в радиоагитации, обеспечив политически грамотный и выдержанный состав.

4. Принять меры к обеспечению охраны микрофонов с тем, чтобы всякая передача по радио происходила только с ведома и согласия ответственного руководителя.

в) Военно-политический контроль над радиовещанием возлагается на Главлит, который осуществляет его как через свой аппарат, так и через уполномоченных им лиц в радиовещательных организациях.

Печатается по кн: Справочник партийного работника. М., 1928. Вып. VI. Ч. I. С. 739.

Из постановления Цеитрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О праве передачи по радиотелефону публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов»

16 марта 1927 г.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Имеющим право на радиовещание учреждениям и организациям, перечисленным в особом списке (ст. 2), предоставляется передавать по радиотелефону исполняемые в театрах, концертных залах, аудиториях и других публичных местах произведения музыкальные, драматические, музыкально-драматические, лекции, доклады и т.п. без особого за это вознаграждения как в пользу авторов и исполнителей, так и в пользу театров, антрепренеров и т.п. ...

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин
Зам. председателя СНК Союза ССР А. Цюрупа
Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енукидзе

Москва, Кремль. 16 марта 1927 г.
СЗ СССР. 1927. № 16. Ст. 171.

Постановление Совета Труда и Обороны «О реорганизации радиовещания»

13 июля 1928 г.

В целях усовершенствования и дальнейшего расширения дела радиовещания на территории Союза ССР, а также использования для этого всех технических средств связи Совет Труда и Обороны постановляет:

1. Организацию и управление всем делом радиовещания на территории Союза ССР возложить на Народный комиссариат почт и телеграфов.

2. Поручить Народному комиссариату почт и телеграфов через своих уполномоченных при Советах Народных Комиссаров союзных республик согласовать с правительствами союзных республик вопрос об организации Народным комиссариатом почт и телеграфов радиовещания в каждой республике.

3. Деятельность акционерного общества «Радиопередача» прекратить с ликвидацией его дел и имущества в порядке, установленном положением об акционерных обществах от 17 августа 1927 г. Собр. Зак. Союза ССР. 1927 г. № 49. Ст. 500.

Москва, Кремль. 13 июля 1928 г.
СЗ СССР. 1928. Отд. 1. № 46. Ст. 413.

Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О развитии приемно-передающей радиовещательной сети»

16 августа 1931 г.

...Имеющиеся технические средства радиовещания находятся в неудовлетворительном состоянии. Считая необходимым форсировать развитие технической базы радиовещания, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Обязать Народный комиссариат почт и телеграфов в течение 1931 и 1932 гг. обеспечить радиовещательными станциями все союзные республики, края и области, а также важнейшие автономные республики и автономные области...

3. Для того чтобы обеспечить хорошее качество радиовещания путем использования всех последних достижений иностранной техники, обязать Народный комиссариат почт и телеграфов в 1932 г. приступить к строительству радиодома в Москве. Это строительство должно быть закончено в 1933 г.

4. Отмечая, что до настоящего времени нет значительного сдвига в деле организации сети коротковолновых станций, как телеграфных, так и радиовещательных, признать необходимым форсировать развитие двусторонней коротковолновой радиовещательной связи (из Москвы в важнейшие центры Союза ССР и обратно).

Обязать Высший совет народного хозяйства Союза ССР для развития приемной коротковолновой сети поставить в 1932 г. массовое производство коротковолновых приемников и деталей к ним...

8. Эти приемники должны в первую очередь предназначаться для обслуживания коллективного слушателя на новостройках, заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, в общежитиях рабочих и т.д.

В особенности должна быть развернута эфирная радиофикация лесоразработок, промыслов, колхозов и т.д., в частности, путем распространения приемников-передвижек...

12. Для того чтобы обеспечить местные трансляционные узлы и радиовещательные станции высококачественным программным материалом, обязать Высший совет народного хозяйства Союза ССР широко развернуть производство граммофонов с электрозаписью и звуковоспроизводящих аппаратов.

В 1932 г. должно быть выпущено не менее тысячи звуковоспроизводящих аппаратов и не менее ста звукозаписывающих аппаратов.

Москва, Кремль. 16 августа 1931 г.
СЗ СССР. 1931. № 56. Ст. 361.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР»

31 января 1933 г.

Ввиду того, что радио приобретает исключительно важное значение для всей хозяйственной и политической жизни страны, признать необходимым создание при СНК СССР Всесоюзного комитета по ра-

диофикации и радиовещанию, возложив на него разработку и реализацию вопросов: радиофикации и радиовещания, организации помощи производству радиоаппаратуры, организации и непосредственного оперативного руководства радиовещанием, помощи НКсвязи в развитии радиосвязи, организации и координации научно-исследовательской работы в области радиофикации и радиовещания.

Печатается по кн.: Радиоежегодник. М., 1934. С. 21.

Приветствие ЦК ВКП(б) и СНК СССР работникам радиовещания

24 марта 1940 г.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР приветствуют работников советского радиовещания в связи с пятнадцатилетием широкого радиовещания в СССР.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР отмечают значительные успехи, достигнутые в области советского радиовещания за 15 лет.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР призывают работников радиовещания использовать все возможности, предоставляемые государством, для того, чтобы сделать советское радиовещание еще более мощным средством коммунистического воспитания и всестороннего культурного подъема трудящихся.

Правда. 1940. 24 марта.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о создании и задачах Советского Информационного бюро

24 июня 1941 г.

1. В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также освещения военных событий — образовать Советское Информационное бюро.

2. Утвердить Советское Информационное бюро в составе товарищей:

1) Щербаков (начальник)
2) Лозовский
3) Хавинсон
4) Поликарпов
5) Саксин
6) Голиков.

3. Возложить на Советское Информационное бюро:

а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио;

б) организацию контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды;

в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного Командования.

Печатается по кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., исправл. и доп. М., 1985. Т. 7. С. 113.

Из положения Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главного политического управления Красной Армии «О работе военных корреспондеитов»

1942 г.

Право иметь постоянных корреспондентов на фронте, указывается в положении, представляется: Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, редакциям газет: «Правда», «Известия», «Красная Звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда».

Республиканским и областным газетам разрешается иметь своих корреспондентов на фронте только в том случае, если военные действия происходят на территории данной республики или области.

В положении отмечается, что военными корреспондентами могут быть члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ и беспартийные, имеющие опыт журналистской работы и обладающие необходимым для работы на фронте минимумом военных знаний.

Все постоянные военные корреспонденты зачисляются в кадры Красной Армии (Военно-Морского Флота).

На военных корреспондентов возлагается обеспечение печати и радио военной информацией и материалами, освещающими:

а) боевой опыт частей, бойцов и командиров Красной Армии (Военно-Морского Флота) в Отечественной войне Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, опыт партийно-политической работы в частях Красной Армии;

б) содействие населения прифронтовой полосы боевым действиям Красной Армии;

в) чинимые немецко-фашистскими захватчиками зверства, грабежи и насилия над мирным населением оккупированных ими районов, истребление немцами советских военнопленных.

Главной задачей военных корреспондентов является показ людей фронта — бойцов и командиров Красной Армии (Военно-Морского Флота), хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и хитрости в борьбе с врагами, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования.

На корреспондентов Совинформбюро, кроме того, возлагается ежедневная информация о положении на фронте и действиях частей на решающих направлениях и участках фронта.

Военный корреспондент обязан:

а) проявлять максимум личной инициативы в выполнении возложенных на него задач, постоянно находиться непосредственно в частях и соединениях Красной Армии (Военно-Морского Флота), неустанно работать над повышением своей военной подготовки;

б) широко привлекать к участию в печати или радио бойцов, командиров и политработников Красной Армии (Военно-Морского Флота);

в) строжайше хранить военную тайну;

г) всем своим поведением на фронте показывать образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе, стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни, быть готовым в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка.

Военные корреспонденты ответственны за свою работу перед редакцией газеты, Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитетом и им подотчетны.

Повсеместное руководство военными корреспондентами осуществляется редактором газеты (Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитетом) непосредственно или через отделы фронтовой жизни.

Редакции газет, Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитет периодически вызывают своих корреспондентов с фронта для отчета в своей работе и инструктажа.

Постоянные военные корреспонденты, члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ состоят на учете в партийной и комсомольской организации Политуправления фронта.

Политорганы, комиссары частей и соединений, командиры Красной Армии (Военно-Морского Флота) оказывают военным корреспондентам всемерное содействие в их работе:

а) систематически знакомят корреспондентов с положением на фронте, ходом боевых действий частей и соединений в размерах, не разглашающих дислокацию частей и дальнейших замыслов командования, помогают им в выборе частей и соединений для выездов, а также в подборе людей, которых можно привлечь к участию в газете;

б) знакомят корреспондентов с документами, представляющими интерес для печати и радио, не разглашающими военную тайну;

в) помогают корреспондентам в передвижении по фронту и в деле связи со своими организациями.

Печатается по кн.: О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972. С. 214–216.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О районном местном радиовещании»

3 июня 1943 г.

...ЦК ВКП(б) предлагает всем райкомам, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик:

1. Организовать передачу по радио, по телефонным проводам в сельсоветы и колхозы каждого очередного номера районной газеты не менее двух–трех раз.

2. В дни, когда районная газета не выходит, передавать по радио политические новости (сообщения Совинформбюро, внутрисоюзную и международную информацию), а также материалы из жизни района — помощь фронту трудящихся района, ход основных хозяйственно-политических кампаний, обмен опытом работы колхозов,

совхозов и промышленных предприятий, обмен опытом социалистического соревнования трудящихся, выступления передовых людей сельского хозяйства и промышленности района, письма земляков с фронта и др.

3. Редактирование материалов для передач по радио возложить на редакторов районных газет, а постоянное наблюдение и контроль за радиопередачами в районе возложить на вторых секретарей райкомов.

Печатается по кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., исправл. и доп. М., 1985. Т. 7. С. 418–419.

Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О возврате населению, учреждениям и предприятиям радиоприемников, принятых в 1941 году на хранение органами Наркомата связи»

14 марта 1945 г.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Обязать Наркомсвязи (т. Сергейчука) на всей территории Союза ССР, за исключением западных областей Украинской и Белорусской, Молдавской, Карело-Финской и Прибалтийских республик, Бурят-Монгольской АССР, Читинской области, Хабаровского и Приморского краев, в 3-месячный срок возвратить населению, учреждениям и предприятиям для индивидуального пользования радиоприемники, принятые на хранение органами Наркомсвязи.

Установить, что одновременно производится возврат владельцам радиоприемников, хранящихся по договоренности с Наркомсвязи на складах других наркоматов...

3. Установить, что гражданам, приемники которых использованы по решениям Правительства на нужды обороны, Наркоматом связи выплачивается денежная компенсация по прейскурантным ценам 1940 г.

Компенсация не выдается за радиоприемники, уничтоженные или пришедшие в негодность вследствие военных действий, при оккупации населенных пунктов, при обстрелах и бомбардировках.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР — И. Сталин

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР — Я. Чадаев

Москва, Кремль. 14 марта 1945 г.
Постановления СНК СССР. М., 1945.

Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об ознаменовании 50-летия со дня изобретения радио А.С. Поповым»

2 мая 1945 г.

В ознаменование 50-летия со дня изобретения радио русским ученым А.С. Поповым, исполняющегося 7 мая 1945 г., Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Установить памятник А.С. Попову в г. Ленинграде.

2. Соорудить обелиск на острове Гогланд, на месте, где впервые в мире была использована радиостанция системы А.С. Попова для спасения человеческих жизней.

3. В целях увековечения памяти изобретателя радио А.С. Попова учредить золотую медаль имени А.С. Попова, присуждаемую ежегодно в одном экземпляре советским и зарубежным ученым за выдающиеся научные работы и изобретения в области радио.

Присуждение медали возложить на Академию наук СССР. Поручить Академии наук СССР разработать и представить на утверждение Совнаркома СССР проект Положения о медали имени А.С. Попова.

4. Учитывая важнейшую роль радио в культурной и политической жизни населения и для обороны страны, в целях популяризации достижений отечественной науки и техники в области радио и поощрения радиолюбительства среди широких слоев населения, установить 7 мая ежегодный День радио.

5. Учредить значок «Почетный радист» для награждения лиц, способствовавших развитию радио своими достижениями в области науки, техники, производства и эксплуатации средств радио и организации радиовещания...

11. Утвердить представленную Комитетом по проведению 50-летия со дня изобретения радио А.С. Поповым повестку торжественного заседания 7 мая с.г.:

а) доклад члена-корреспондента Академии наук СССР вице-адмирала А.И. Берга — «Русский ученый Попов — изобретатель радио»;

б) доклад академика Введенского Б.А. — «Развитие радио за 50 лет».

12. Предоставить в распоряжение Юбилейного Комитета 7 мая с.г. помещение Государственного академического Большого театра Союза ССР для проведения торжественного заседания, посвященного 50-летию со дня изобретения радио А.С. Поповым.

13. Выпустить к 50-летнему юбилею радио следующие книги: Сборник исторических документов об изобретении радио А.С. Поповым; биографию А.С. Попова; научно-технический сборник «50 лет радио»; популярную брошюру о развитии радио.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР — И. Сталин

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР — Я. Чадаев

Москва, Кремль. 2 мая 1945 г. № 939
СП. № 3. Ст. 47.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению центрального радиовещания»

25 января 1947 г.

ЦК ВКП(б) отмечает, что Всесоюзный Радиокомитет, выполняя решение ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г., добился некоторого улучшения качества музыкального, литературного, политического и детского вещания. Однако радиовещание для населения СССР далеко еще не удовлетворяет возросших запросов радиослушателей и имеет крупные недостатки...

ЦК ВКП(б) постановляет:

2. Важнейшей задачей Всесоюзного Радиокомитета в области центрального внутрисоюзного вещания в ближайший период является всемерное улучшение качества вещания, повышение роли и значения радио в политическом воспитании и подъеме культурного уровня трудящихся.

Обязать Всесоюзный Радиокомитет:

а) расширить репертуар музыкального вещания, положив в основу лучшие произведения мировой и в первую очередь отечественной музыки; увеличить репертуар русской народной песни и музыкального творчества народов СССР; разнообразить формы музыкальных передач; повысить качество исполнения музыкальных произведений; улучшить музыкально-образовательные и музыкально-литературные передачи;

б) обратить особое внимание на улучшение качества литературно-драматического радиовещания, шире пропагандировать произведения советской литературы и драматургии на современные темы, систематически практиковать чтения по радио лучших произведений советских писателей и поэтов. Систематически привлекать к участию в радиовещании писателей, поэтов, драматургов и журналистов. Увеличить количество литературно-образовательных передач, а также драматических постановок, отражающих советскую действительность;

в) улучшить содержание информации и бесед на общественно-политические темы, всесторонне освещать по радио хозяйственную, политическую и культурную жизнь Советского Союза, обратив особое внимание на пропаганду пятилетнего плана и хода его выполнения, показ трудового героизма, упорства и настойчивости советских людей в преодолении трудностей послевоенного времени и популяризацию методов работы передовых рабочих и колхозников, а также опыта предприятий и колхозов, перевыполняющих задания пятилетнего плана;

г) всесторонне освещать по радио для советских слушателей вопросы международной жизни, внешнюю политику Советского государства, направленную на борьбу за демократический мир между народами, систематически информировать о политическом и экономическом положении зарубежных стран, развитии рабочего, демократического и национально-освободительного движения за рубежом.

3. Считать важнейшей задачей Радиокомитета всемерное улучшение советской пропаганды по радио на зарубежные страны. Основное

внимание в радиовещании на зарубежные страны должно быть сосредоточено в ближайший период на следующих вопросах: широкая информация о жизни СССР, разъяснение преимуществ советского государственного и общественного строя, пропаганда послевоенного пятилетнего плана, освещение достижений Советского Союза во всех областях жизни; разъяснение внешней политики Советского государства, направленной на укрепление мира и безопасности народов, популяризацию демократического движения в зарубежных странах. Систематически разоблачать империалистическую политику и враждебные по отношению к Советскому Союзу выпады реакционных кругов буржуазных государств...

6. ...В целях улучшения руководства собственными корреспондентами создать во Всесоюзном Радиокомитете отдел корреспондентской сети.

7. Разрешить Радиокомитету возобновить издание еженедельного бюллетеня «Радиопрограмма» для советских радиослушателей тиражом 100 тысяч экземпляров...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 8. М., 1985. С. 94–96.

Из постановления Совета Министров СССР № 5978 «Об утверждении Положения о Комитете радиоинформации при Совете Министров СССР»

30 декабря 1949 г.

Москва, Кремль

Положение о Комитете радиоинформации при Совете Министров СССР

I. Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР руководит всем делом радиовещания в СССР для населения Советского Союза, организует телевизионные передачи, а также руководит производством звукозаписи и граммофонных пластинок.

2. На Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР возлагается:

а) организация политического вещания для населения Советского Союза, всестороннее освещение внешней и внутренней политики советского государства, широкая пропаганда задач социалистического строительства, популяризация достижений народов СССР в общественно-политической, экономической и культурной жизни;

б) информация советских радиослушателей о политическом и экономическом положении зарубежных стран, о росте сил демократического лагеря и национально-освободительной борьбе народов против империалистического гнета, о борьбе советского государства за мир, свободу и независимость народов, разоблачение антисоветской пропаганды зарубежных реакционных сил;

в) широкая пропаганда научных знаний, достижений социалистической культуры и искусства, творчества народов СССР, выдающихся произведений классической литературы, музыки, драматургии;

г) организация и руководство телевизионным вещанием в СССР;

д) руководство деятельностью Комитетов радиоинформации при Советах Министров республик, обл(край)исполкомов и оказание им помощи в проведении радиовещания;

е) подготовка кадров радиовещания в соответствии с народнохозяйственными планами СССР;

ж) организация записей на пленку и грампластинки музыкальных, литературных, драматических и других произведений, снабжение указанными записями Комитетов радиоинформации в республиках, в краях и областях, управление подчиненными Комитету предприятиями по производству граммофонных пластинок и другими предприятиями и учреждениями, находящимися в ведении Комитета, проведение научно-исследовательской работы в области звукозаписи;

з) издание литературы по вопросам радиовещания и звукозаписи;

и) разработка и представление на рассмотрение Правительства СССР проектов законов и постановлений, касающихся радиовещания, составление и представление на утверждение Правительства СССР финансовых и производственных планов, а также планов капитального строительства, внедрения передовой техники и других планов Комитета;

к) установление квалификационных категорий штатным дикторам и переводчикам, тонмейстерам, звукооператорам, звукорежиссерам, штатным артистам и дирижерам.

3. Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР осуществляет пользование радиостанциями и проводами для радиовещания, а также всеми другими техническими средствами радиовещания и телевидения (студии и аппаратные воспроизведения звука, телевизионные центры и т.п.), находящимися в ведении Министерства связи, на основе генерального договора, заключаемого с Министерством связи, определяет порядок пользования и контролирует качественные показатели радиостанций и других технических средств радиовещания как в центре, так и на местах, дает заключения по планам и проектам строительства и реконструкции радиодомов, радиостудий, а также по типам новой звукозаписывающей, звуковоспроизводящей и другой студийной радиоаппаратуры, изготовляемой по заказам Министерства связи для целей радиовещания...

II. Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР находится на хозяйственном расчете. Источниками покрытия расходов Комитета являются его доходы и отчисления Министерства связи от абонементной платы за радиоприемники, телевизоры и радиоточки узлов проволочного радиовещания.

Председатель Совета Министров СССР И. Сталин
Управляющий делами Совета Министров М. Помазнев

Постановления Совета Министров СССР. М., 1949. Ч. 2-я (декабрь). С. 1558–1561.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве»

19 июня 1950 г.

...Слабо ведут пропаганду достижений науки и передового опыта Всесоюзный комитет радиоинформации и его органы на местах. Лекции и беседы по радио по вопросам сельского хозяйства во многих случаях проводятся отвлеченно, сухо и неинтересно. Передачи по радио об опыте передовиков и новаторов в большинстве малопоучительны, носят хроникальный характер...

20. Обязать Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР:

а) по центральному и местному радиовещанию шире показывать достижения сельскохозяйственной науки, опыт работы лучших колхозов, МТС, совхозов, передовиков сельского хозяйства. Систематически передавать лекции, доклады специалистов сельского хозяйства, широко практиковать выступления передовиков полеводства, животноводства и механизаторов сельского хозяйства;

б) по программе, согласованной с Главным управлением сельскохозяйственной пропаганды, ежедневно транслировать сельскохозяйственные передачи через местные радиоузлы. При необходимости для сельскохозяйственных радиопередач выделять дополнительное время.

Предложить Министерству сельского хозяйства СССР, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик оказывать Комитету радиоинформации помощь в организации радиопередач и выступлений передовиков сельского хозяйства...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, испр. и доп. Т. 8. М., 1985. С. 221–222, 230.

Из постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде»

7 июля 1954 г.

...ЦК КПСС постановляет:

I. Обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы КПСС покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть научно-атеистическую пропаганду, уделяя особое внимание проведению её среди наиболее отсталой части населения, находящейся в плену религиозных верований и предрассудков...

В целях усиления научно-атеистической пропаганды должны быть использованы все многообразные формы и средства идейно-политического воздействия на трудящихся на их родном языке — лекции, доклады, беседы, печать, радио, кино, театр. К научно-атеистической пропаганде должны быть привлечены лучшие партийные и комсомольские пропагандисты, интеллигенция и научные силы...

г) передавать по радио лекции, доклады, статьи, беседы, ответы на вопросы радиослушателей на научно-атеистические темы...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9-е. доп. и испр. Т. 8. М., 1985. С. 430–431.

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна»

13 августа 1954 г.

...Министерству здравоохранения СССР, Министерству культуры СССР и Министерству связи создать в районах освоения новых земель достаточное количество больниц, амбулаторий, медицинских пунктов, библиотек, радио- и киноустановок и отделений связи...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 8. М., 1985. С. 436.

Из директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы

14–25 февраля 1956 г.

Принять меры к дальнейшему расширению и улучшению радиовещания и телевидения. Увеличить существующие мощности радиовещательных станций за пятилетие примерно на 90% и обеспечить широкое внедрение ультракоротковолнового радиовещания в европейской части СССР. Создать специальные каналы связи для обмена программами между телевизионными станциями Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других крупных городов страны, а также приступить к внедрению цветного телевидения. Увеличить к 1960 г. количество телевизионных станций не менее чем до 75...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 9. М., 1986. С. 74.

Из постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»

9 января 1960 г.

...Устной и печатной пропаганде, как правило, еще недостает конкретности и целеустремленности, она часто носит отвлеченный, чисто просветительский характер, ограничивается общими призывами и лозунгами, уходит от острых, волнующих народные массы вопросов. Нередко живые идеи коммунизма доводятся до сознания масс в абстрактной форме, а не в виде определенных, конкретных задач, главный упор делается на механическое запоминание книжных формул, а не на творческое понимание существа теории марксизма-ленинизма, не на борьбу за претворение коммунистических идеалов в жизнь. Воспитание коммунистического отношения к труду, борьба за практическое осуществление в современных условиях принципа «кто не работает — тот не ест», борьба против лодырей и остатков паразитических элементов, которые хотят жить за счет общества, ничего не давая ему, не заняли должного места в пропагандистской работе.

В устной и печатной пропаганде недостаточно раскрывается глубокий теоретический и практический смысл мероприятий партии, осу-

ществленных в последние годы; плохо обобщаются и популяризируются ростки нового, коммунистического в жизни нашего общества; слабо распространяется передовой опыт промышленного и сельскохозяйственного производства. Пропагандистская работа часто проводится недифференцированно, без учета местных условий, а также возрастных, профессиональных, образовательных, национальных и других особенностей различных слоев населения.

В идейно-воспитательной работе слабо и порой неумело разъясняются преимущества социализма, недостаточно используются выдающиеся достижения нашей Родины во всех областях общественной жизни в целях воспитания советских людей в духе советского патриотизма и национальной гордости. Это является серьезным упущением в работе, особенно в связи с тем, что противники социализма усиливают пропаганду капиталистического образа жизни, реакционной идеологии космополитизма... не придается должного значения вопросам воспитания трудящихся в духе социалистического интернационализма, нерушимой, постоянно крепнущей дружбы народов, непримиримости к пережиткам буржуазного национализма, к восстановлению и искусственному насаждению под маркой «национальных традиций» отсталых, реакционных обычаев и нравов, к малейшим попыткам противопоставления ложно понятых местных «интересов» общим интересам борьбы советского народа за коммунизм...

Обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии, все партийные организации полнее использовать радиовещание и телевидение в целях пропаганды идей марксизма-ленинизма, мобилизации трудящихся на борьбу за успешное осуществление планов коммунистического строительства. Повысить идейный уровень радио и телевидения, регулярно передавать содержательные, краткие, способные заинтересовать самые широкие слои слушателей беседы и лекции, посвященные коренным проблемам марксистско-ленинской теории, важнейшим вопросам внутренней и внешней политики партии. Установить, что руководящие партийные, советские, хозяйственные работники должны систематически выступать по радио и телевидению с лекциями и докладами, с ответами на волнующие трудящихся вопросы*...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9-е, доп. и испр., Т. 9. М., 1986. С. 494–495, 508.

---

* В течение 1960 г. был принят ряд постановленнй ЦК КПСС специально или частично направленных на дальнейшее совершенствование радиовещания как одного из мощных идеологических средств воздействия на массовую аудиторию в связи с необходимостью усиления пропаганды текущей политики партийно-государственного аппарата: «Об улучшенни советского радиовещания» (29 января 1960 г.), «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио» (28 июня 1960 г.); «Об улучшении работы и упорядочении сети корреспондентов центральных газет, ТАСС, радиовещания, телевидения и Совинформбюро (6 июля 1960 г.). Ввиду того что многие положения этих постановлений во многом поглощены и даже текстуально повторяют текст публикуемого постановления, нх размещение представляется нецелесообразным.

Из постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения»

6 июня 1962 г.

ЦК КПСС отмечает, что из года в год растет влияние радиовещания и телевидения на население Советского Союза и зарубежных стран. В настоящее время почти каждый советский человек регулярно слушает радио, а каждый седьмой–восьмой смотрит телевидение. Ежедневно из Москвы, передается до 100 час. программ радиовещания на русском языке, 115 час. — на 40 иностранных языках и 12 час. — телевидения. В республиках, краях и областях радиовещание и телевидение ведутся на 50 языках народов СССР. О большом интересе миллионов людей за рубежом к передачам советского радио свидетельствует тот факт, что в Москву ежегодно поступает до 170 тыс. писем от радиослушателей свыше чем из ста стран.

В последнее время заметно улучшилось содержание радиовещания и телевидения, прежде всего передач политической информации. Широко пропагандируются по радио и телевидению решения XXII съезда КПСС и новая Программа партии.

Однако большие возможности радиовещания и телевидения в идеологической работе и культурном воспитании населения используются еще крайне слабо. Многие передачи не носят активного, боевого характера, составляются однообразно, по установившемуся стандарту, от них веет скукой, равнодушием. Вместо интересного, задушевного разговора со слушателями о новых замечательных явлениях в нашей действительности, убедительного рассказа о ярких фактах и лучших примерах жизни и труда зачастую передаются поверхностные материалы, малосодержательные беседы и репортажи. Сплошь и рядом передачи ведутся казенным, невыразительным языком. Поэтому многие программы не привлекают широкого внимания слушателей, не вызывают живого интереса и отклика.

В радиовещании и телевидении не налажена продуманная система пропагандистских передач. В программы проникают слабые в идейно-политическом и художественном отношении материалы и произведения, имеются факты увлечения модернистской, джазовой музыкой, рассчитанной на обывательские вкусы. Радио и телевидение недостаточно содействуют распространению хороших эстетических вкусов...

До сих пор не введены передачи на русском языке для зарубежных слушателей, хотя за границей проживают многие миллионы людей, знающих русский язык, и еще больше изучающих его.

Большие возможности распространения нашей информации путем подготовки программ для зарубежных радиостанций, телевизионных центров и непосредственных контактов с иностранными радиотелевизионными организациями используются неудовлетворительно.

Еще не все работники радиовещания и телевидения хорошо понимают, что им поручены сильнейшие средства воспитания масс. Они проявляют мало изобретательности и выдумки в поисках разнообраз-

ных форм и средств выражения, нередко механически переносят на радио и телевидение жанры и приемы, свойственные печати, кино, театру...

ЦК КПСС постановляет:

...В основу работы радиовещания и телевидения положить решения XXII съезда КПСС, глубоко и систематически разъяснять идеи новой Программы партии, активно бороться за её осуществление, постоянно пропагандировать замечательные положительные факты, распространять в массах новые, лучшие образцы жизни и труда, возвеличивать труд строителей коммунизма.

В радиовещании для населения Советского Союза главными задачами считать: мобилизацию масс на успешное выполнение и перевыполнение планов развития экономики, культуры, науки; широкую пропаганду передового опыта, лучших образцов труда и коммунистических начал в жизни советского общества; содействие воспитанию всесторонне развитого человека — идейно закаленного, активного и сознательного строителя коммунизма. Обратить особое внимание на организацию радиопередач для детей и молодежи, на расширение естественнонаучной пропаганды и повышение роли радио в нравственно-эстетическом воспитании масс...

Обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, республиканские, краевые, областные комитеты и редакции радиовещания и телевидения с участием партийных, советских, общественных организаций и творческих союзов создать общественные редакционные советы по отдельным видам и направлениям радиовещания и телевидения. В состав редакционных советов должны входить известные деятели культуры, науки, искусства, специалисты различных областей знаний, производства, общественной жизни, которые своим участием могут содействовать созданию интересных программ, подготовке квалифицированных, увлекательных передач.

Обеспечить внимательное изучение замечаний и предложений радиослушателей и телезрителей, учитывать их при разработке программ, чаще обращаться к слушателям за советом и помощью при подготовке новых передач.

3. В целях более полного удовлетворения разнообразных запросов населения иметь следующие программы внутрисоюзного радиовещания из Москвы:

I программа (основная) — с 5 час. утра до 2 час. ночи (для всей страны);

II программа (дополнительная) — с 6 час. утра до 1 час. ночи (для Европейской части СССР и Урала);

III программа (литературно-музыкальная) — с 17 час. до 24 час. (для центральных районов Европейской части СССР);

IV программа (для восточных районов СССР с учетом поясной разницы времени) — не менее 12 час. в сутки.

Особое внимание уделять подготовке разнообразных программ радиовещания и телевидения в субботние, воскресные и праздничные дни.

Поручать редакциям центральных и местных газет и журналов регулярно публиковать рецензии на новые постановки и программы радиовещания и телевидения, обзоры писем радиослушателей и телезрителей, информации о важных передачах...

5. В интересах улучшения организации радиовещания в стране и активного противодействия враждебной радиопропаганде обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы КПСС обеспечить строгую согласованность и взаимодействие в работе центрального, республиканского, краевого и областного радиовещания, с тем чтобы улучшить повсеместный прием радиопередач из Москвы.

Организовать политические передачи из Москвы для восточных районов страны с учетом поясной разницы времени таким образом, чтобы обеспечить в утренние и вечерние часы информацию населения восточных районов о всех важных новостях...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10. М., 1986. С. 263–269.

Из постановления ЦК КПСС «Об улучшении информации по радио»

24 июня 1964 г.

Разрешить Государственному комитету Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению организовать трансляцию круглосуточной информационно-музыкальной радиопередачи «Маяк».

Радиопрограмма «Маяк» должна содержать оперативную информацию (не реже двух выпусков в час) о важнейших событиях экономической, политической, культурной жизни в СССР и зарубежных странах, краткие комментарии на тему дня, новости спорта, репортажи, интервью, создавать путем тщательного отбора и продуманного повторения наиболее важных новостей политически верную картину событий внутренней и международной жизни.

Радиопрограмма «Маяк» должна состоять также из коротких передач симфонической и эстрадной музыки; народных, советских и зарубежных песен, номеров эстрады, коротких рассказов и композиций.

Поручить Министерству связи СССР совместно с Госкомитетом Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению принять дополнительные меры по созданию сети вещательных каналов для подачи программы «Маяк», имея в виду обеспечение в дальнейшем уверенной слышимости этой программы на всей территории СССР.

Установить с 1 августа 1964 г. следующие объемы Центрального радиовещания: первая программа — 20 часов в сутки; вторая программа «Маяк» — круглосуточно; третья — 12 часов; четвертая (повторение первой и третьей программ) — круглосуточно: а) для Дальнего Востока и Восточной Сибири, б) для Западной Сибири и Средней Азии; пятая — круглосуточно (трансляция второй программы, а также

передач радиостанции «Родина» и «Юность» для моряков, рыбаков, строителей, иностранцев, изучающих русский язык, и т.д.).

Обязать Госкомитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии принять необходимые меры по повышению уровня местного радиовещания, его роли в идеологической работе, по укреплению материально-технической базы радио.

Разрешить Госкомитету Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению внести соответствующие изменения в структуру Госкомитета и его органов на местах, имея в виду некоторое сокращение аппарата радиовещания и объемов местных передач.

В связи с введением информационно-музыкальной программы поручить Министерству связи СССР и Госкомитету Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению провести соответствующее перераспределение технических средств радиовещания.

Справочник партийного работника. Вып. 6. М., 1966. С. 356–357.

Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции»

4 января 1967 г.

Редакциям газет «Правда», «Известия», «Экономическая газета», «Сельская жизнь», «Советская Россия», «Труд», «Комсомольская правда», редакциям журналов «Коммунист», «Партийная жизнь», «Агитатор», «Политическое самообразование», редакциям центральных, республиканских, краевых, областных, городских и районных газет и журналов, Комитету по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР и его местным органам широко освещать подготовку к 50-летию Октябрьской революции. В печати, по радио и телевидению необходимо отображать славную революционную деятельность нашей партии, достижения советского государственного и общественного строя, преимущества социалистической демократии, дружбу народов СССР, мужество и героизм народа, показывать самоотверженный труд советских людей, поднимать их на новые трудовые подвиги.

...осуществить мероприятия по подготовке к 50-летию Октябрьской революции, имея в виду, в частности:

...широкое проведение среди трудящихся лекций, докладов и бесед, теоретических конференций, встреч с ветеранами революции, труда и войн, организацию экскурсий по историко-революционным местам, вечеров дружбы и интернациональной солидарности;

подготовку и выпуск историко-революционных, научно-документальных, художественных фильмов и телевизионных программ;

проведение конкурсов на лучшие научно-технические достижения, научные работы, произведения литературы и искусства, посвященные юбилею Великой Октябрьской социалистической революции;

подготовку юбилейных спектаклей, выставок произведений изобразительного искусства и народного творчества, проведение декад

литературы и искусства, организацию смотров художественной самодеятельности...

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. Изд. 2-е, доп. М., 1987. С. 54–55.

Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина»

23 июля 1968 г.

...Комитету по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР обеспечить разносторонний показ подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, ярко и глубоко раскрывать образ Ильича, его жизнь и революционную деятельность, богатство его теоретического наследия, рассказывать о борьбе партии и народа за претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 11. М., 1986. С. 346–347.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Комитета по радиовещанию и телевидеиию при Совете Министров СССР в союзно-республикаиский Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидеиию и радиовещанию»

12 июля 1970 г.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет: преобразовать Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе

Москва, Кремль. 12 июля 1970 г.
Ведомости Верховного Совета СССР. № 28. 15 июля 1970 г. С. 332.

Абакумов Б.М. — 13, 161
Абалаков — 298
Абдулов О.Н. — 75, 179, 182, 658, 664, 790, 832, 834, 915, 916, 924–927, 965
Абетц — 364
Авдеев И.М. — 659
Авдеев Ю.К. — 542, 543
Авдеенко С. — 894
Аветисян С.П. — 144, 145, 148, 149, 186
Агамирзян Р. — 846
Агаян Л.М. — 160
Аграновский В. — 14
Аджемов К.Х. — 803, 804
Аджубей А.И. — 186
Адзума — 333
Адлер — 196
Азарх Э.Д. — 190
Азатян — 480, 481
Айвазовский И.К. — 831
Айтматов Ч. — 21, 620, 673
Акинфов — 139
Акопян А.А. — 135, 185
Аксенов В. — 14
Алдонин — 232
Алевладов — 425
Александр Македонский — 221
Александр Невский — 355, 360, 382
Александров А.В. — 182, 664
Александров Б.А. — 182
Александров С. — 892
Александрова, солистка Большого театра — 423
Александрова, актриса Свердловского драм. театра — 488
Александрович Н.В. — 150, 668
Александровская Л.П. — 661
Алексеев — 325
Алексеев С.П. — 658
Алексин А.Г. — 667
Алехин Ж. — 531
Алигер М.И. — 488, 670
Алмазова Т.К. — 804
Алпатов Я.С. — 527
Алтаузен Д.(Я.)М. — 753
Альбертович А. — 829
Алябин К.С. — 661
Амануллы-хан — 220
Амирханян Р. — 644
Амлинский В.И. — 555, 668, 886
Анаксиманд — 483
Ананченко В.М. — 150
Ангаров — 91
Андерсен Г.К. — 123, 324, 964
Андреев А.А. — 487
Андреев И.А. — 135, 139, 145, 149, 183, 185, 186
Андреев К. — 916, 924
Андреева Н. — 24
Андровская О.Н. — 914, 941
Андроников И.Л. — 14, 22, 628, 673, 839, 941, 963
Анищенко А. (Тоня) — 615
Анна Давыдовна, зав. учебной частью детского дома — 436
Анненков [Кокин] [Н.А.] — 508, 665
Анри — 209
Антипов — 50, 51, 53–55, 57, 62–66
Антонеску Й. — 377, 384
Антонов С.А. — 935, 938, 966
Антонов-Овсеенко В.А. — 16, 629
Апарин В.С. — 113
Апушкин — 222
Арагон Л. — 673
Араев — 651
Аралов — 197
Арапова В.Н. — 121, 122, 183
Арбузов А.Н. — 126, 183, 964
Ардаматский В.И. — 117–119, 182, 535, 662, 663, 667, 752, 757, 782
Ардаева — 183
Ардатов А. — 52, 877
Арди Ю. (Мациевский Ю.К.) — 374, 756, 761, 782, 808, 809
Арина Родионовна — 627

Аристофан — 292
Аркин — 778
Арманд П. — 533
Армус Э. — 249, 251
Аросев А.Я. — 658
Арро Э. — 520
Арсеньев Р. — 896
Артем Веселый (Кочкуров Я.И.) — 658, 729, 960
Артемьев П. — 433, 434
Артемьева З. — 433
Арутюнянц — 186
Архипова И.К. — 832
Асаулов — 363
Асеев Н.Н. — 181, 779, 961, 962
Астангов М.Ф. — 832, 834
Атласман — 802
Аустер Л. — 520
Афанасьев Л. — 892
Афанькин А. — 528
Афиногенов А.Н. — 11, 22, 705, 877, 959
Ахмадулина Б.А. — 14, 958
Ахматова (Горенко) А.А. — 12, 21, 25, 117, 183, 774, 957
Ачесон — 499, 504

Бабанова М.И. — 22, 123, 124, 576, 577, 671, 832, 854, 880, 881, 914, 941, 943, 964, 966
Бабаян — 264
Бабель И.Э. — 607
Бабенко — 359
Бабич Е. — 896
Бабочкин Б.А. — 22, 948, 951, 966
Бабушкин М.С. — 313, 327, 679
Бабушкин Я. — 771, 772, 777
Багдасарян — 243
Багицкий — 607
Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. — 181, 291, 658
Багров В. — 756
Бадалов А.Л. — 186
Бадурин — 233
Бажан Микола (Николай Платонович) — 661
Баженов — 31
Баженов В.И. — 943
Бажин Н. — 837, 963
Бажов П.П. — 668
Базилевский Н.Г. — 697, 959
Байрон Дж. — 291, 292, 693
Баклан — 802
Баландин Г.А. — 188
Баланковский — 242
Балаховский — 897
Балашов — 897
Балдин — 313
Балунова Н. — 671
Бальзак О. де — 324
Барбарин — 560
Баркан Л.Я. — 806
Баркова Е. — 673
Барский Е.Я. — 107, 755, 756, 757
Барсова В.В. — 182, 661, 749
Барто А.Л. — 14, 21, 911, 913, 927, 965
Барток Б. — 637
Басалаев А.И. — 688
Баскаков Г. — 495
Баскова — 183
Баталов А.В. — 22, 787, 793, 832, 962
Баташев М. — 924
Батастинн — 606
Бауман Н.Э. — 360
Бах И.-С. — 142, 452
Бахметьев Д.Д. — 438
Башлаков Л.Г. — 554, 555
Бгиозаров — 248
Беда — 186
Бедный Демьян (наст. имя и фам. Еф.Ал. Придворов) — 197, 264–268, 488
Безматерных Л. — 855
Безыменский А.И. — 572, 579, 671
Бек А.А. — 669
Беленький — 195, 196
Белецкий — 88
Беликова Н. — 390
Белицкий Я.М. — 650, 674
Белов Д. — 13, 896
Белозеров — 555
Белоусова Л. — 947, 948
Белышев — 629
Беляев — 737
Беляев П.И. — 599
Беляков А.В. — 313
Берг А.И. — 146, 186, 984
Бергтольц О.Ф. — 22, 7716 779, 845–848, 961
Бердников А. — 47, 49–51, 53–61, 63, 65

Бердов — 101
Бердяев — 125, 126, 183
Березкин Ф.В. — 398
Берзарин Н.Э. — 786
Берия Л.П. — 354, 458, 513, 516–518, 666
Бернес М.Н. — 21, 532–534, 667
Берут — 515
Беспалов — 183
Бетховен Л. ван — 143, 379, 452, 635, 699, 750, 907, 960
Бехер (Becher Y.R.) И.Р. — 5, 7, 725, 960
Бещев Б.П. — 146
Бибикова Б.В. — 182
Бибикова В. — 671
Бильчинский — 129
Бирнбаум — 299, 736, 737, 739
Бирюков А. — 177, 192
Благинина Е. — 798
Блантер М.И. — 182
Блинков — 697
Блок — 183
Блок А.А. — 181, 575, 576, 605, 636, 774, 804, 831, 883, 960
Блок Ж.-Р. — 756, 757
Блохинцев Д.И. — 553
Блюм Е. — 147
Бобровников — 670
Богатов — 457
Богданов — 211
Боголюбов Н.Н. — 576
Богомазов С.М. — 182, 614, 664, 672, 918
Богомолов С.А. — 161, 515
Богомолов Ю.А. — 874, 964
Богданова — 555
Богословский Н.В. — 533, 534
Бокарева З. — 941
Боков — 516
Болдуин С. — 210
Болдышев И. — 433
Болдышева М. — 433
Большакова Н. — 616
Бомбар А. — 924, 925
Бондарев — 139
Бондарский Б.М. (Мишка) — 611, 612
Бонч-Бруевич, братья — 971
Бонч-Бруевич В.Д. — 650, 677, 958, 967, 968, 970
Бонч-Бруевич М.А. — 678, 689, 690, 969–971
Борев Ю.Б. — 904, 965
Борецкий Я. — 754, 757, 758
Борис Павлович — 145
Боркина — 261–263
Бородавкин — 359
Бородин А.И. — 397, 398
Бородин А.П. — 379, 422, 423, 796
Бородина А.И. — 397
Бородина Н.И. — 397
Бортников Г. — 957
Ботвинник М.М. — 289, 657, 947
Бочкин А.Е. — 571, 572
Брамс И. — 730
Брасова — 200
Братов — 658
Бредли — 499
Брежнев Л.И. — 176, 188, 653
Бретц Р. — 862
Бриттен Б. — 647
Бричкина С.Б. — 654
Брюквин — 238
Брюсов В.Я. — 292
Бубнов А.С. — 76, 91, 225
Бубнова Г. — 874
Буга Г.С. — 376
Бугославский С. — 959
Буденный С.М. — 670, 716, 759
Будник — 31
Булгаков — 701
Булгаков М.А. — 14
Булганин Н.А. — 313, 460, 461, 513, 530
Бунич П.Г. — 21, 621, 673
Буняев В.С. — 150
Бусыгин А.Х. — 740, 960
Бухарин Н.И. — 289, 321–323, 657, 694, 695, 714, 715
Быков — 389
Былинский К.И. — 816

Вавилов С.И. — 553
Вагнер Р. — 576, 832
Валевский Н.Е. — 215, 656
Валовец М. — 610
Вам О.Д. — 30
Вандервельде Э. — 226
Вартанова Е.Э. — 162, 192
Варфоломеева — 183
Василевская В.Л. — 183

Васильев — 264
Васильев В.В. — 21, 595–598, 672
Васильев С.А. — 118, 183
Васильева В. — 632
Васильева З.И. — 161
Васильева К. — 13, 893, 896
Васич И.Н. — 941, 966
Васнецов — 831
Васнецов А.Т. — 189
Васюков — 261
Ватутин Н.Ф. — 764, 783
Вахтангов Е.Б. — 647, 648, 665
Вашкевич — 68, 70
Введенский Б.А. — 984
Веденеев — 259
Вейган М. — 364
Вейдлинг — 786
Вейц Б. — 630
Верди Д. — 229, 425
Верн Ж. — 924
Вернадский В.И. — 764, 961
Верник Э.Г. — 190, 832, 896
Верников Я. — 896
Вертов Д.А. — 685, 959
Верхарн Э. — 575
Вершигора П.П. — 183
Вершилов Б.И. — 952
Веселый — 259
Весник Е. — 804
Веснин В.А. — 661
Вессель Х.Х. — 290, 658
Виген — 554
Визбор Ю.И. — 13, 21, 590, 671, 860
Визиренко Д. — 13
Викланд О.А. — 182
Викторова — 516
Вила-Лобос Э. — 647
Виленкин В.В. — 125, 183
Вильгельм II Гогенцоллерн — 347
Винн Г. — 573, 574, 671
Винокур Г.О. — 466, 663
Винтер — 258, 259, 261
Вишневская Г.П. — 21, 632, 634–636, 673
Вишневский В.В. — 97, 180, 317, 441, 443, 576, 579, 658, 659, 662, 663, 774, 847, 906
Владимир I Святославич — 472
Владимов Г. — 14, 886
Власов Ю.П. — 563, 564, 669
Власюк С.Т. — 368
Влызько — 89
Водзимирский Л.Е. — 517, 666
Водопьянов М.В. — 328, 757
Вознесенский А.А. — 14
Вознесенский А. — 189
Возчиков В.Н. — 13, 190, 892
Войновнч В. — 886
Вокроуглицкнй — 640
Волженин В. — 775
Волин Б. — 93
Волков — 389
Волков-Ланнит В. — 897
Волконский Н.О. (Муравьев Я.О.) — 126, 183, 707, 723, 959, 960
Волов Б. — 896
Волов Б.С. — 563
Володин (Лившиц) А.М. — 644, 674
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) — 719
Воронкова Л. — 798
Воронов — 742
Вороной — 89
Воронцов — 830
Воротннков — 427, 428
Воротникова А.С. — 427–429
Ворошилов К.Е. — 124, 183, 226, 299, 310, 487, 513, 670, 715, 716
Воскрекасенко — 89
Воскресенский — 425
Врангель П.Н. — 209
Вронская — 425
Всеволодов В.В. — 817
Вукелич Б. — 593
Вургун С. — 661
Высоцкая О.С. — 162, 189, 662, 663, 667, 817
Высоцкий В.С. — 666
Вышинский А.Я. — 322, 809
Вяземская Г. — 940
Вяземский П.А. — 626

Габрилович Е.И. — 426, 662
Гаганова В.И. — 545–547, 668
Гагарин Ю.А. — 21, 560–563, 669
Гагарина В.И. — 562
Гагарина Г.А. — 562
Гагарина Е.А. — 562
Гайдар А.П. (Голиков А.П.) — 122, 351, 660, 881, 924, 952
Гайдн Ф.-Й. — 142
Гайдуков И. — 872
Гайкович — 538

Гаклин Д.И. — 160
Галаев — 516
Галин (Рогалин) Б.А. — 21, 169, 191, 473, 664
Галицкий Я.М. — 216, 656
Галич А.А. — 14, 19
Галкин — 552
Гальперин Ю.М. — 14, 131, 162, 189, 554, 625, 628, 667, 673, 806, 819, 842, 934
Гарбо Г. — 519
Гарин Э.П. — 22, 529, 575, 707, 709, 723–725, 818, 959
Гарина В.Н. — 633
Гармаш Д.М. — 431, 662
Гаршнек А. — 520
Гаспарян — 554
Гастелло Н.Ф. — 386, 637
Гаузнер Г. — 707
Гаук А.В. — 423
Гауптман Г. — 576
Геббельс Й. — 377, 763
Гейман В.С. — 154, 187
Гейне Г. — 292
Гейневская — 323
Гейченко С.С. — 626, 673
Гельфер В. — 896
Гельфрейх В.Г. — 660
Генкина Р.И. — 150
Георгадзе М.П. — 996
Георгиевская А.П. — 941
Герасимов А.М. — 661
Гердрих — 671
Гердт З.Е. — 605–609, 612–614, 672, 957
Геринг Г. — 377
Герман Н.А. — 182, 664, 671, 924, 928
Герман Ю.П. — 579, 837
Герцен А.И. — 603, 876
Герцик В.Б. — 162, 189, 817, 966
Гете И.-В. — 957
Гиацинтова С.В. — 929
Гилельс Э.Г. — 22, 744, 960
Гиляровский В.А. — 808
Гиммлер Г. — 111, 377
Гинденбург М.В. — 169
Гинденбург П. фон — 226
Гитлер (Шикльгрубер) А. — 346–348, 350, 358, 360, 364, 365, 377, 378, 380, 384, 416, 440, 441, 443, 454, 765, 767, 962
Гладилин А.Т. — 19
Гладков А.К. — 574, 671
Гладков Ф.В. — 182, 962
Глазунов А.К. — 699, 778
Глебов А.Г. — 399, 415, 452, 662
Глейзер М.С. — 108, 181, 183
Глинка М.И. — 377, 379, 452, 796, 832
Глиэр Р. — 14, 134, 184
Глиэр Р.М. — 730
Глухова Р. — 614
Глюк К.В. — 142, 576
Гоглидзе С.А. — 517, 666
Гоголь Н.В. — 14, 146, 576, 924, 958, 960
Годунов — 299
Голейзовский К.Я. — 598
Голиков — 980
Голованов — 897
Голованов Д.А. — 169, 192
Голованов Н.С. — 182
Головач Г. — 434
Головач Л. — 434
Головач Т. — 434
Головенченко А.Ф. — 150, 186
Головин С.Я. — 488
Голосовский — 154
Голль Ш. де — 365, 383
Голубева Н. — 790
Гольдберг — 127, 183
Гольдини — 516
Гомер — 776
Гончаров — 389
Гончаров В. — 101, 103, 104, 112, 660
Гончаров В.А. — 751
Гораздеева — 855
Горбатов Б.Л. — 21, 183, 523, 662, 962
Горбачев — 183
Горбачева Г. — 615
Горбунов — 298
Горбунов Д. — 892
Горбунов И.Ф. — 264
Горбунов Н.П. — 967, 970
Горбунов П. — 941
Горбунов П. — 896
Горбунов П.А. — 162
Горубнова К.А. — 161
Горбушина — 343
Гординенко М.Х. — 329–332, 659, 752

Гордон А. — 846
Горин (Орштейн) Г.И. — 909, 965
Городницкий А. — 591
Горохов А. — 614
Горчаков О.А. — 870–873
Горшкова А. — 924
Горький М. (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) — 86, 104, 221, 222, 486, 495, 621, 656, 657, 661, 664, 668, 715, 718, 781, 841, 878, 883, 915
Горюшкин А.А. — 160
Горяева Т.М. — 26
Готвальд К. — 530
Гофберг — 82
Грабарь И.Э. — 831, 963
Градус — 736, 737
Гранин (Герман) Д.А. — 150, 186
Гранов В. — 376
Графтио Г. — 652
Грачев — 263
Грачева Л. — 550
Гребенников — 538
Грей — 696
Грекун — 746
Грибачев Н.М. — 186
Грибов А.Н. — 914, 917, 918, 941, 942
Грибоедов А.С. — 663, 664
Григ Э. — 515, 699
Григорович Ю.Н. — 596, 597
Григорьев А. — 525
Григорьев Б. — 577
Григорьев Л. — 673
Гримм П. — 126, 127, 183
Гринберг М.А. — 182, 183
Гришаев В.Н. — 150, 186, 848, 850
Гришманов И.А. — 566, 567, 669
Гробовников — 672
Громов Л.А. — 666
Громов М.К. — 312
Громов М.М. — 311–313, 658, 745
Громова Л.И. — 312
Гроссман — 104
Гроте — 796
Грудцова О. — 663
Губарев В.Г. — 144, 186
Губерман Б. — 31, 179
Губин Б. — 946
Гудева Н. — 912
Гудева С.У. — 911, 912
Гудериан Х.В. — 416
Гузаков П. — 34, 47, 67
Гулиа Г. — 965
Гуменник — 88
Гумилевская М. — 664
Гуно Ш. — 804
Гуревич П.С. — 875, 964
Гуревич — 34, 35, 51, 58, 59
Гуриенко — 478
Гус М.С. — 109, 181, 782, 786
Гус Я. — 119
Гусев В.М. — 753
Гуськов В. — 616
Гюне Л.В. — 162, 189

Давид — 210, 211
Давыдов В. — 796
Даллес Д.Ф. — 499
Данилин С.А. — 311, 313, 658
Данилина К. — 667
Данилов Н.Н. — 185
Даниэль Ю.М. — 673
Данской Б.Г. — 207, 210, 213
Данченков Ф.С. — 871, 872
Дарвин Ч. — 582
Даргомыжский А.С. — 377
Дарман Ж.Л. — 364, 377, 383
Двинин В.Ф. — 192
Дебе — 196
Деканозов В.Г. — 517, 666
Декуэн А. — 723
Дельвиг А.А. — 855
Дембо — 664
Демидов — 486
Демидова А. (Нюра) — 431
Демичев П.Н. — 191
Демьян Бедный, см. Бедный Демьян
Денисов — 736
Денисьева Е. — 958
Деордейчук Л. — 437
Державин Г.Р. — 855
Державина В.Н. — 162
Дерепелкин — 897
Детистов — 209
Джаванадзе — 145
Джонсон Л. — 170, 171
Джугашвили В.И. — 318
Джугашвили Е.Г. — 218, 319
Джугашвили Сосо, см. Сталин И.В.
Дзержинский Ф.Э. — 223, 657, 684, 959, 969

Дик — 248
Диккенс Ч. — 13, 440, 451, 468, 724, 916, 924
Диков В. — 782
Димитров Г.М. — 652
Дитрих А.К. — 150
Дмитриев П.Н. — 162
Дмитриева О. — 506
Дмитрий Донской — 355, 360
Дмитрюк А.Н. — 192
Добронравов Б.Г. — 126, 186, 832
Добронравов Н. — 538
Добровицкий Н. — 801
Довженко А.П. — 661
Додонова — 248
Додэ А. — 13
Дойл А.К. — 451, 927
Долецкий Я.Г. — 29, 178
Долматовский Е. — 667
Дольский — 423
Дорменко А.А. — 84, 86, 180
Дорош Е. — 886
Достоевский Ф.М. — 601, 774, 960
Доценко А. (Саша) — 614
Доценко А. (Шурочка) — 618
Дрда Я. — 929
Дрогалин В.Г. — 965
Дубровский А. — 555
Дубинин Б. — 832
Дубравин — 515
Дубровина Л. — 797
Дубровицкий И.В. — 14
Дуванов А.В. — 387, 388
Дугин В. — 941
Дугин Н.А. — 634
Дудинцев В.Д. — 669, 670
Дулов М.Т. — 392
Дунаевский И.О. — 21, 613, 664, 890
Дымарский Н. — 22, 944, 966
Дыминский — 89
Дымникова В.А. — 855
Дыховичный — 117, 528, 610
Дэвис М. — 491, 492
Дьяченко — 785
Дюпон — 171

Евграфов Г. — 673
Евдокимов В. — 790
Евдокимова С. — 615
Евреинов — 60
Евтушенко Е.А. — 537, 667, 669, 670, 886
Егоров — 248
Егоров А.Г. — 188–189
Егорова В.В. — 192
Елыпевская И. — 644
Елютин В.П. — 186
Емельянова — 515
Емельянченко — 723
Енукидзе А.С. — 30, 56, 57, 179, 225, 978
Енютина В.В. — 674, 966
Ерасова З.М. — 544
Ергольская Т. — 236
Еремина Н. — 945
Ержанова А. (Нюра) — 616
Ермакова Л. — 896
Ермилов А. — 582, 671
Ермилов В. — 963
Ермилова Д.Л. — 753
Ермолаев А.Н. — 597
Ермолова М.Н. — 576
Ерошкин И.В. — 527
Ершов И. — 433
Ершов М.С. — 389
Ершова А. — 614
Есаков В.Ф. — 160
Есенин С.А. — 222, 960
Есин С.Н. — 169
Ефремов О.Н. — 22, 952–956, 966
Ефремова Е. — 896

Жаров А. — 753, 756, 757
Жданов А.А. — 101, 458
Железнов В.Ф. — 192
Жемчужниковы, братья — 469
Жига И.Ф. — 753
Жижигин — 154
Жижневский Г. — 782
Жильцов — 376
Жироду — 243
Житков — 397
Житков Б. — 604
Житлов С. — 896
Жорес Ж. — 209
Жорников Б.А. — 160
Жуков — 53, 62–64
Жуков, лейтенант — 371, 373
Жуков Г.А. — 169, 186, 191
Жуков Г.К. — 113, 440, 442, 443, 783, 787

Жуковский В.А. — 626
Журавлев Д.Н. — 102, 143, 181, 966
Журавлева С. — 451, 452
Журкин В.В. — 163

Забелин — 362
Заболоцкий Н.А. — 957
Заборовская Т.А. — 836, 837
Завадский — 238
Завадский Ю.А. — 809
Заветновский — 778
Заводовский — 488
Заглада Н.Г. — 867
Заглул-паша — 210
Зайцев К. — 109
Зайцева Е. (Лена) — 615
Зайчиков В. — 576
Зак А. — 888
Залесский И.А. — 753
Зарецкий — 197
Зарецкий В. — 601
Заркевич — 35
Засецкий — 829
Затулин — 210
Захаров В. — 664
Захаров Ю. — 189
Захарова В. — 860, 861
Захарченко — 63, 65, 66
Захарченко В. — 667
Заяц И. — 525
Зверев И. — 886
Зейдин Е.Л. — 666
Зелёная Р.В. — 664, 910, 927
Зеленский — 322
Землячка (Самойлова, урожд. Залкинд) Р.С. — 830
Земницкий В. — 345
Зенин — 183
Зив — 538
Златогоров М. — 478
Злобин С.П. — 301, 404, 658
Золя Э. — 708
Зорге Р. — 592–594, 672
Зорин В.С. — 21, 547, 623, 668, 673
Зощенко М.М. — 12, 25, 117, 182, 607, 774, 775, 962
Зубарев — 322
Зубков Б. — 136
Зубков Г.И. — 21, 150, 162, 186, 190, 850

Ибаррури Д. — 16
Ибаррури Р. — 894
Иван IV Грозный — 627
Иванов — 147
Иванов, револьверщик — 389
Иванов, сталевар — 802
Иванов Б. — 671
Иванов В. — 671
Иванов Вс.В. — 117, 183, 728
Иванов Г.А. — 186
Иванов Г.М. — 9
Иванов П.П. — 688
Иванов Г. — 800
Иванова Е.А. — 872, 873
Иванова Л. — 618
Иванова Н. — 12
Ивич А. — 798
Игумнов К.Н. — 182
Измайлов Н.Ф. — 655
Измайлова — 516
Икрамов — 322
Иллеш Б. — 323
Ильина А.А. — 667, 668, 867, 923, 924
Ильинский И.В. — 22, 576, 577, 671, 914, 920, 922, 965
Ильичев Л.Ф. — 22, 156, 188, 964
Инбер В.М. — 183, 390, 662, 663, 843
Ингулов — 93
Иофан Б.М. — 660
Иоффе Р.М. — 22, 105, 121–124, 181, 182, 557, 668, 669, 731, 733, 790, 799, 832, 853, 881, 882, 903, 914, 924, 925, 941–944, 953, 965
Ипполитов-Иванов М.М. — 241, 242, 657, 683
Исаковский М.В. — 182
Исеевы — 310
Исия — 335, 337
Искаидер Ф.А. — 22, 933, 966
Ицхокин А.И. — 183, 806

К. Лена — 556
Кабалевский Д.Б. — 182, 961
Кабалкина — 183
Кабанов — 154
Каблучко В.В. — 108, 181
Каверзнев А.А. — 898, 958, 965, 966

Каверин В.А. — 467, 663
Каверин П.Н. — 126, 183
Каганович Л.М. — 354, 487, 513
Казаков Г.А. — 113, 182
Казаков М.М. — 22, 956, 966
Казаков Ю. — 886
Казанцева Н. — 425
Казин — 222
Казьмин — 68–70
Калакуцкая М. — 122
Калатозов М.К. — 21, 490, 664
Калашников М.И. — 627
Калашников Н. — 374
Калинин М.И. — 56, 57, 225, 226, 257, 258, 263, 487, 657, 683, 894, 959, 978
Калинина А.Д. — 217, 656
Калинников В.С. — 877
Кальман И. — 451
Камацубара — 334
Каменев О.Д. — 179
Каменчук — 438
Канторович В. — 966
Канцель В.С. — 323, 324, 659
Капп В. — 520
Капп Э. — 520
Каравкин — 753
Карвантаниди — 134, 184
Кардашов — 68, 69
Карев Н.Н. — 169, 172
Карельская И.Ф. — 897
Кармен Р.Л. — 361, 661
Карпенко — 88, 90
Карпов — 802
Карпов М. — 673
Карро — 209
Карташева — 664
Карцев Н.П. — 139, 150, 192
Кассиль Л.А. — 366, 440, 442, 444, 465, 466, 469, 470, 661–663, 667, 691, 753, 782, 962
Кастелин Н.А. — 149
Катаев В.П. — 183, 207, 212, 607
Катин-Ярцев Ю.В. — 538, 539, 667
Катуков М.Е. — 783
Кафтанов С.В. — 149–153, 186
Каханов — 667
Кац — 360
Качалов (Шверубович) В.И. — 21, 182, 481, 495, 664, 739, 749, 781, 832, 878, 957, 960
Качалова А. — 667
Кашперова — 68
Кветневский — 82
Квислинг В. — 377
Кеворкова С. — 480
Кедров В. — 667
Кедров М.Н. — 126, 183
Кейтель В. — 787
Кеннеди Дж. — 561, 669, 864
Керженцев (Лебедев) П.М. — 81–85, 99, 91, 93–96, 179
Керова В.В. — 150
Кизингер К.Г. — 641
Килевейн — 211
Киперман — 146, 186
Кириллов — 515, 516
Киров (Костриков) С.М. — 169, 322, 339, 340, 660, 688
Кирсанов С.И. — 384, 662, 843
Клавдий Птолимей — 483
Клайберн (Клиберн) Х.Л. (уменшит. — Ван) — 171
Клаусон В. — 901
Клее — 504
Клейст — 365
Кленденинг Р. — 932
Клиберн В., см. Клайберн Х.Л.
Клименко — 373
Климович — 312
Клуцис — 661
Кнушевицкий С.Н. — 664
Княжев — 488
Кобзев И.И. — 538, 667
Кобулов Б.З. — 517, 666
Ковалев — 148
Ковалев, сотрудник коррпункта радиокомитета на Нюрнбергском процессе — 119, 121
Ковалев А. — 386, 387
Ковалев М. — 537–667
Ковалев С.М. — 186
Коваленко — 233
Коваленко, кузнец «Уралмаша» — 486
Кованов — 183
Коган Л.Б. — 884
Коган П.С. — 693, 959
Кожевенников — 250, 251
Кожевина И. — 618
Кодай З. — 647
Козицкий — 106

Козлов В. — 782
Козлов И. (Ваня), узник фаш. концлагеря для детей в Лодзе — 435
Козлов Ф.Р. — 154, 187
Козлова Н. — 434
Козловский И.С. — 22, 182, 423, 743, 960
Козловский Ю. — 896
Козьяков В.Д. — 149
Кокина Г. — 896
Коккинаки В.А. — 329
Коккинаки В.К. — 329–332, 659, 752
Кокорин М.А. — 94, 98, 180
Колас Я. — 183
Колесникова О. — 97, 180
Колесова Е. — 848
Коллонтай А.М. — 198
Колосов С.Н. — 22, 870, 871, 873, 874, 964
Колтыпин — 423
Кольцов (Фридлянд) М.Е. — 321, 659
Коля, красноармеец — 431
Комарова Л.С. — 14
Комиссаржевская В.Ф. — 576
Комаровский (Комаровский К.А., Данский Б.Г.) С.Л. — 29, 178
Кон — 183
Кондратьева И. — 847
Конев И.С. — 666
Коненков С.Т. — 882–885, 964
Коненкова М.И. — 884
Консовский А.А. — 22, 671, 880, 914, 941, 943, 964, 966
Константинов Ф.В. — 186
Константиновский М.А. — 584, 671
Коонен А.Г. — 22, 803, 804, 963
Копелян Е.З. — 847
Коппе — 83
Коптяева А.Д. — 117, 183
Корабельникова Л. — 512
Корев С.И. — 104
Коржавин (Мендель) Н.М. — 21, 550, 668
Корнейчук А.Е. — 183, 661
Коробов И.Г. — 473
Королев С.П. — 21, 672
Короленко В.Г. — 874
Королькова Н. — 630
Коромыслова Л.И. — 367, 368
Коростелев — 261–263
Коростылев В. — 888
Короткова — 263
Корчагина-Александровская Е.П. — 343, 345, 660
Корсунский Б.Л. — 966
Коршунов А.М. — 9
Коршунов В. — 664
Коршунова Г. — 896
Косарев А.В. — 315
Косиор С.В. — 52–53, 55–66, 179
Костер Ш. — 404
Кострикина М. — 431
Косыгин А.Н. — 354
Котвицкий И. — 912
Котляр И.С. — 117, 182
Кочергин — 82
Кочеткова Е. (Катя) — 431
Кочетов В. — 658
Кочетыгова М.А. — 180
Крайнева Р. — 947
Краминов Д.Ф. — 186
Крамской И.Н. — 831
Красавцев Г. — 527
Красавцев Г.Е. — 107, 181
Красин — 31
Красина Т. — 671
Красовитов — 852
Красовский М.М. — 682
Крейс — 425
Кремлев А. — 615
Кренкель Э.Т. — 747, 960
Крепс В.М. — 482, 664
Кржижиновский Г.М. — 677
Криворук — 480
Кригер В.В. — 21, 446, 663
Криницкий — 50, 56
Крискевич — 373
Кристианзен-Клаузен — 592, 593
Кристианзен-Клаузен А. — 592–594
Крупская Н.К. — 33, 59, 60, 64, 66, 179, 727, 732, 830
Крушельницкая Ж. — 616
Крылов — 131, 184
Крылов — 139
Крылов — 297, 298
Крюков В. — 265, 257
Ксенофонтов — 186
Кубацкий А. — 924, 941
Кувыкин И.М. — 182
Куденко О.А. — 14, 190, 892, 898, 965

Кудзи — 338
Кузаков К.С. — 192
Кузиецов, мастер московской ситценабивной фабрики — 237
Кузнецов, командир танковой части — 359
Кузнецов — 354
Кузнецов — 449
Кузнецов — 784
Кузнецов И. — 888
Кузнецов М.Т. — 398
Кузнецов Ф.Ф. — 934, 966
Куйбышев В.В. — 169, 487
Куканов В.И. — 173
Кукрыниксы — 377, 831
Кукунова Л. — 782
Кулешов — 373
Купер Х.Л. — 258, 259, 260
Куприн А.И. — 143, 804
Куржиямский М.С. — 68–70, 179, 682, 959
Куринной — 552
Куриста — 438
Куроптев — 532
Курочкин — 102
Кустов М. — 848
Кутуб-Заде И.К. — 150
Кутузов — 211
Кутузов(Голенищев-Кутузов-Смоленский) М.И. — 356, 360, 443
Кутя — 368, 369
Кучава М.И. — 666
Кюблер — 365
Кюхельбекер В.К. — 855

Лаваль П. — 377, 383
Лавриненко, командир танкового экипажа — 359
Лавров Ю.С. — 664
Лаврова — 664
Лаврова М. — 924
Лавровский (Иванов) Л.М. — 597
Лагода Д.Ф. — 309, 310
Лагода И.Ф. — 309, 310
Лагода Семен Ф. — 310
Лагода Сергей Ф. — 310
Лагода Ф.А. — 309
Лагун М. — 896
Лагунова М. — 594
Ладутько А.В. — 398
Лазарев Б. — 875
Лазученкова — 516
Лакшин В. — 963
Ланберг — 520
Ландау А. — 862
Ландау Л.Д. — 935, 966
Ланцов А. — 939
Лапин Б.М. — 334, 660
Лапин С.Г. — 112, 175, 178, 181, 183, 192, 503
Лапицкий И.М. — 683
Лариков Р.В. — 683
Ларионов А. — 804
Ларионов В. — 632
Ларни М. — 852
Ларский Н.М. — 809, 810
Ласкин Б.С. — 117, 182, 495, 664, 909
Ласкин И.А. — 763
Лацис В.Т. — 512, 665
Лебедев — 30
Лебедев — 68, 69
Лебедев — 211
Лебедев — 242
Лебедев В. — 661
Лебедев М. — 686
Лебедев Я.М. — 5, 960
Лебедев-Кумач В.И. (Лебедев Вас.И.) — 182, 662, 756, 757
Лебедева Н. — 896
Лебединский В.К. — 959
Левидов — 323
Левитан Ю.Б. — 10, 22, 77, 119, 162, 440, 441, 443, 516, 662, 667, 674, 742, 769, 815, 907, 960, 965
Левитанская В. — 663
Левитин М.Е. — 729, 960
Левицкая Н.С. — 674
Лей — 377, 378
Лена, целинница — 533, 534
Ленин (Ульянов В.И.) В.И. — 30, 96, 97, 104, 156, 157, 160, 169, 174, 176, 196, 209, 211, 222, 243, 246, 247, 260, 292, 314, 216, 320, 322, 323, 339, 342, 349, 351, 353, 355, 356, 360, 372, 381, 440, 454, 456, 478–480, 489, 490, 494, 507–509, 511–513, 549, 555, 567, 621, 642, 643, 650–655, 659, 670, 677–679, 685, 746, 774, 781, 819, 830, 866, 959, 967–972, 995

Ленобль — 248
Ленский (Вервици-Отти) А.П. — 576
Лентулов А.В. — 661
Леонардо да Винчи — 440
Леонов А.А. — 599, 672
Леонов Л.М. — 186, 515, 886
Леонтьев — 183
Лепешинская О.В. — 561, 669
Лепорский — 474
Лермонтов М.Ю. — 451, 576, 730, 731, 831
Лесков Н.С. — 924
Лесючевский Н.В. — 117–119, 182
Летунов Ю.А. — 14, 21, 150, 168, 169, 186, 192, 573, 672, 805, 810
Лещинский Б.М. — 150, 186
Либкнехт К. — 196
Ливанов Б.Н. — 425
Лидов — 784
Линник Е.М. — 682
Липовецкий — 153, 187
Лисенкова — 186
Лист фон — 377
Лист Ф. — 958
Листек — 210
Листочкин К.М. — 495
Литвинов К. — 615
Литвинов Н.В. — 22, 668, 790, 832, 880, 881, 923–925, 929, 941–943, 952, 964
Литовцева Н.Н. — 735, 960
Лихачев В. — 555
Лихачев Д.С. — 471, 664
Лихачев И.А. — 244
Лихнобатов В. — 525
Лобов — 236
Логинов — 76
Лозовский — 980
Локшина — 529
Ломакина С. — 946
Лоидон Д. — 324, 924
Лопашов — 68–70
Лосев А.И. — 188, 192
Лохвицкий М. — 702
Лузин П. — 894
Лукинский — 533
Лукьянов — 245
Лукьянов, красноармеец — 310
Лукьянов А. — 671
Лукьянов Л. — 911
Лумумба П. — 559, 560, 669
Луначарский А.В. — 11, 169, 203, 208, 211, 567, 575, 654, 656, 728, 877, 878, 880, 883, 918, 959
Лурье Е. — 13
Лунев К.Ф. — 666
Лучанский Е. — 443
Лучникова А.Н. — 16
Лылин — 242
Лысенко Т.Д. — 488–490, 664
Лысин — 263
Львова Н. — 924, 941
Львовский М. — 888
Любезнов И.А. — 664
Любимов — 68–70
Любович А.М. — 30, 31, 34, 43, 44, 46, 47, 53, 54, 56, 63, 178, 208, 214, 959
Людовик XIV — 624
Люксембург Р. — 322
Люс Г. — 902
Лякин — 373

М. Джеймс — 813
Магомаев М.М. — 910
Магомедов — 102
Маграчев Л.М. — 14, 389, 662, 842, 879
Маевский В.В. — 186
Мазаник М.Ф. — 398
Мазурук И.П. — 325
Майданюк — 183
Майзлин П.О. — 103, 181, 753
Майн-Рид, см. Рид Т.М.
Макарова Т.Ф. — 507, 665
Макдональд Д. — 210
Маклин — 196
Макмиллан — 147
Максаков Л.С. — 168, 191, 192
Максакова М.В. — 796
Максимов В.Е. — 19, 966
Максимова Е.С. — 21, 595, 597, 672
Максимовский В. — 29
Макаренко А.С. — 776–777
Макогоненко Г. — 771
Максименко Г. — 848
Максимов В. — 935
Макушкин — 552
Малевич К.С. — 661
Маленков Г.М. — 133, 182, 184, 354, 513, 516

Малиновский — 183
Малофеев П.Р. — 486
Мальцев К.Л. — 98, 180, 746, 747
Малышев — 370–373
Малышев К.И. — 682
Малявин А. — 946
Мамедов Э.М. — 155, 159, 162, 167, 187
Мандельштам О.Э. — 787
Маневич — 314
Маневич А.З. — 933
Маневич Г.Г. — 868, 869
Маннергейм К.Г. фон — 377
Манскрова Ц.Л. — 644, 647, 648, 674
Мануйлов П.И. — 436, 662, 757
Манькович Д.Я. — 149
Мао Цзэдун — 516
Маресьев А.П. — 892
Марецкая В.П. — 914, 941
Мария Ивановна, учительница — 581
Мария Петровна — 849
Марканов В. — 946
Маркитан — 228
Марков В.Д. — 5, 7, 68–70, 78, 125, 179, 264, 657
Маркс К. — 314, 509, 866
Маро-Левитина — 34
Мартынов — 357, 358
Марченко — 149
Марченко Д.А. — 92, 94, 95
Маршак С.Я. — 377, 555, 728, 855
Маршалл Д. — 499, 503
Маслов — 76
Масловы — 560
Матвеев — 66
Матвеев — 198
Матвеев — 516
Матросов А.М. — 637, 942
Матусовский М.Л. — 612, 613, 672
Матюхин — 761, 762
Матюшин Н. (Коля) — 618
Махнов Н.И. — 295
Мациевский Ю.К., см. Арди Ю.
Маша, радиослушательница — 556
Машистов — 76
Маяковский В.В. — 9, 181, 218, 294, 296, 551, 575–579, 654, 656, 663, 712, 741, 775, 818, 819, 831, 834, 861, 878, 891, 906, 957
Медведев В. — 847
Медведкин — 31
Медников А. — 782
Медокс — 250, 251
Медькин — 389
Меерзон Б.Я. — 160
Межиров А.П. — 670
Мейерович — 142
Мейерхольд В.Э. — 86, 87, 180, 243, 574–579, 657, 671, 698, 709, 724, 735, 818, 878, 959
Мелик-Пашаев А.Ш. — 634, 635
Мелик-Пашаев Ш. — 946, 947
Мелитонян А. — 896
Мелкумян С.Д. — 169
Мелькумов — 186
Менакер А.С. — 910
Мнацаканов Э.А. — 21
Менглет Г.П. — 966
Меньшикова — 139, 186
Мерецкий — 298
Мержанов М.И. — 760
Мери Л. — 864, 876, 879
Меркулов — 962
Меркулов В.Н. — 517, 666
Меркулова Л. — 946
Месяцев Н.Н. — 163, 165, 167–169, 174, 189–192
Метерлинк М. — 576
Меттер И.И. — 775
Мечников — 5, 680
Мечников И.И. — 203
Мечников Л.И. — 203
Мехлис Л.З. — 658
Мешик П.Я. — 517, 666
Мещеряков В.Н. — 30
Мигай С.И. — 182
Микаэлян М.А. — 190
Микоян А.И. — 354, 458, 487, 513, 562, 741
Микрюков М. — 876, 879, 915
Милитонян К.А. — 190
Минаев В.С. — 806–808
Минин Кузьма (Кузьма Минич Анкундинов) — 355, 360
Минин Я.К. — 592
Минклер — 210
Минц А.Л. — 687, 959
Минц К.Б. — 482, 664
Мнчченко — 67
Миров Л.Б. — 910

Миронова М. — 910
Михаил Александрович, вел. кн. — 200
Михайлов — 225, 226
Михайлов Б. — 14, 21
Михайлов В.К. — 527
Михайлов М. — 425
Михайлов М. — 796
Михайлов Н.А. — 140, 185, 666
Михайлов О. — 966
Михайлов С.В. — 494, 663
Михеев — 359
Михмандар, перевозчик — 221
Михоэлс С.М. — 12
Мичурин И.В. — 488
Миша, шофер — 426–429
Миша, целинник — 533
Мишарин А.Н. — 190
Мишин А. — 947, 948
Мкртчан Р. — 644
Мнацаканов Э.А. — 559, 669
Мокроусов Б.А. — 534
Молоков — 325
Молотов В.М. (Скрябин В.М.) — 96, 134, 184, 299, 345, 354, 458, 487, 516, 660, 755, 765
Монзи де — 209
Монтан Ив — 534, 810, 811
Моралева — 810
Морган — 171
Моритаки И. — 852
Морозов А. — 941
Морозов Д.П. — 573
Морозов С. — 757
Морозова — 388
Моррис Д.А. — 625
Москаленко К.С. — 666
Москвин — 323
Москвин И.М. — 495, 661
Москвин (Москвин-Воробьев) Н.Я. — 117, 182
Москвина Т. — 947, 948
Моцарт В.А. — 452, 743, 796
Мочалов — 77
Мстиславский (Масловский) С.Д. — 360
Мурадели В.И. — 12
Муратов С.А. — 810, 863
Мурдат — 373
Мурзина — 183
Музыря А.А. — 13, 14, 859, 964
Мусоргский М.П. — 379, 636, 832
Муссолини Б. — 377, 440
Мухамеджанова Н. — 616
Мухина В.И. — 661, 831
Мушников — 186
Мценский — 198
Мщевская Г.В. — 161
Мыльников — 868
Мышко Н.А. — 897
Мясковский Н.Я. — 182

Н. — 843
Набокова Е. (Лена) — 618
Нагорнов — 778
Названов М.М. — 182, 664
Назинко Л. — 572
Назым Хикмет Ран — 891
Наполеон I — 346, 347, 765
Направник Э.Ф. — 778
Нариньяни С.Д. — 801, 963
Нарияма — 337, 338
Нарышкина З. — 671
Неверов — 139
Невинный В. — 832
Неизвестная (Ферштер) Н. — 912, 913
Некрасов А. — 966
Некрасов В.П. — 19
Некрасов Н.А. — 79, 604, 728, 770, 831
Нелина — 516
Неминующий — 487
Немирович-Данченко В.И. — 424, 809, 921
Немцов В. — 798
Немченко Н.В. — 84, 180, 658
Нери де — 606
Несмеяиов А.Н. — 553
Нехаев В.С. — 966
Никитин В.М. — 179
Никитина — 388
Николаев — 183
Николаев — 186
Николаев — 969
Николаев А. — 864
Николай II — 669
Никольскнй И. — 480
Никольский Ю. — 916, 924, 926
Никулиина Г. — 671
Нилин П. — 601
Нилов Г.Р. — 736, 751, 752, 756, 760, 960

Нобиле У. — 679, 737
Новиков — 186
Новиков — 438
Новиков А. — 946
Новиков Г.Т. — 169, 569
Новикова М.И. — 186
Новикова С. — 13
Новицкий М.В. — 910
Новоселова Л. — 614
Новогрудский А.Е. — 719, 960
Новожилова Г. — 909
Ногин В.П. — 211
Норицын — 77
Нормет Л. — 520
Нороков — 664
Ныу Э.Я. — 629, 673

Облезова А. (Нюра) — 431
Образцов С.В. — 810, 811
Обручев В.А. — 664
Обухова Н.А. — 796
Оганов Н.И. — 688
О. Генри (Уильям Синди Портер) — 118, 183, 324, 924
Огнивцев А.П. — 832
Одоевский А. — 13
Озеров Н.Н. — 162, 189, 945, 946
Ойстрах Д.Ф. — 22, 182, 423, 832, 963
Олдридж Д. — 903
Оленев П.А. — 182
Оленин Б. — 941
Олеша Ю.К. — 728
Опарин А.И. — 134
Орбелян К. — 644
Орджоникидзе Г.К. (парт. псевд.: Серго, Николай) — 45, 243, 246, 247, 258, 487, 657, 688
Орещенко Е. — 432
Орлов — 82
Орлов — 183
Орлов Б. — 868
Орлов Д.Н. — 102, 104, 181, 753, 754, 769–771, 832, 850, 953
Орлова В. — 909
Орнст В.В. — 527
Орф К. — 647
Осадчий — 971
Осеева В. — 797, 798
Осин — 98
Осипова Р. — 546
Осколышев — 371
Остапенко Г. — 553, 554
Островский А.И. — 610, 672
Островский А.Н. — 264, 488, 604, 954, 965
Островский Н.А. — 183, 741, 752
Остряков — 970
Отъясова — 516, 817
Оффенбах Ж. — 451
Охава — 337
Охлопков Н.П. — 576
Ошеров И.Я. — 113

Павленко П. — 916, 924
Павлов И.П. — 128, 297
Павлов Н. — 924
Павлов С.М. — 167, 191
Павловский — 389
Павлюков — 354
Паганини Н. — 743
Пажитных — 373
Палей М. — 451
Палипов В. — 554
Палкин — 68
Панин — 823
Панова В.Ф. — 149, 186
Панфилов — 515, 516
Паньков — 737
Панюшкин А.С. — 127, 183
Папанин И.Д. — 324–326, 659
Паркер В. — 379
Пасечник — 398
Пасечник О. — 616
Пастер Л. — 440
Пастернак Б.Л. — 14, 291–293, 540, 541, 658, 957
Паулюс Ф. — 762, 763
Паустовский К.Г. — 439, 602, 627, 662, 663, 669, 835, 843, 878, 886
Пахуматова А.Н. — 536–539, 667
Пахомов Г.Ф. — 105
Пахомов З.И. — 149
Пашенная В.Н. — 836
Пеньковский О.В. — 573, 671
Первухин М.Г. — 135, 185, 513
Переплетчиков Л. — 946
Перлова Н. — 782
Персоне Л. — 490, 491, 492
Петкер Б.Я. — 804
Петр I Великий — 249, 251, 443, 665, 774

Петров, красноармеец — 373
Петров — 515
Петров — 552
Петров И.Е. — 762
Петров Ф.Н. — 629, 673
Петенин — 325, 326, 327–329
Петрушевская Л. — 671
Петэн — 364
Петров Е. — 896
Петров И.В. — 192
Петров Ю.В. — 9
Пешков — 897
Пиккар О. — 299
Пилипчик В. — 525
Пикассо П. — 536
Пилявская — 425
Пименов В. — 618
Пирогов А. — 941
Пирогов А.С. — 423, 796
Пирогов Л. — 924
Пирожкова М. — 616
Писаревский В. — 946
Платеа Я. — 673
Платов М.Ф. — 107, 181, 660
Платонов — 153, 154
Платонов А.И. — 870, 871
Плотников А.К. — 162
Плотников М. — 652
Плотников Н.С. — 664
Плотницкая Н.П. — 615
Плотницкий А. (Саша) — 615
Польная О. — 616
Плятт Р.Я. — 22, 182, 664, 916, 923, 941, 965
По Э. — 291
Погодин А. — 639, 674
Погодин (Стукалов) Н.Ф. — 22, 424, 700, 959
Погорецкий — 206
Погоржельский М. — 671
Подвойский Н.И. — 654
Подбельский В.Н. — 678, 967
Подгорный Н.В. — 996
Подкопаев Н.А. — 704, 959
Пожарский Д.М. (Дмитрий Пожарский) — 355, 360
Поздняк И.И. — 130, 184
Пойда И.М. — 571
Покровский Б.А. — 635
Покровский М.Н. — 30, 178
Покрышкин А.И. — 783
Полевой Б.Я. (Кампов Б.Н.) — 662, 663
Поленов В.Д. — 831
Полетаев Н. — 650
Поликарпов — 980
Поликарпов Д.А. — 107, 108, 181
Половинкин Л.А. — 959
Полосихин Н.В. — 106, 181
Полухин — 536, 538, 539
Поляков В.С. — 182, 729, 960
Поляновский — 606
Поляновский А.Г. — 182
Поляновский Г.А. — 117, 182, 699, 959
Померанцев — 669
Помещиков Е.М. — 182
Поиевежский Ф.А. — 882, 964
Поиомарев, рабочий «Уралмаша» — 486
Поиомарев — 549
Пономаренко Е. — 555
Попов А.Д. — 870
Попов А.С. — 481, 984, 985
Попов Б. — 525
Попов Вл. — 659
Попов Г.М. — 354
Попов Я.Ф. — 339, 660
Попова — 767
Попович П.Р. — 864
Порген — 186
Порошин А. — 554
Посохин — 183
Поспелов П.Н. — 354
Потаков В. — 854
Потапов В.В. — 397
Потапов И.М. — 106, 181
Потапов Н.М. — 107, 660, 754, 759
Потапова Е.А. — 397
Потемкин — 696
Потоцкая И. — 664
Преображенский — 31
Прессер — 778
Прилежаева М.П. — 670
Приставкин А.И. — 154, 187
Присяжнюк Ф.А. — 629
Пришвин М.М. — 658, 797
Прокофьев — 299
Прокофьев С.С. — 92, 180, 182
Прокофьева Н. — 552, 554
Прокошев — 423

Пронин — 183
Пронин, директор МОГЭСа — 239, 240
Пронин — 354
Протопопов О. — 947, 948
Прохоров — 237
Прутков Козьма — 469
Пузанова Е. (Лена) — 615
Пузин А.А. — 12, 112–114, 119, 121, 124, 129, 132, 133, 135, 137, 139, 181, 182, 185
Пузыркин — 437
Пуччини Д. — 832
Пушкин А.С. — 13, 86, 92, 93, 125, 126, 143, 180, 181, 297, 440, 451, 466, 467, 576, 605, 626, 627, 628, 663, 664, 673, 714, 741–743, 774, 831, 832, 855, 960
Пушкин Г.А. — 626
Пущин И.И. — 626
Пуэбло К. — 613
Пшимановский Я. — 870
Пыжова О.И. — 182
Пырьев И.А. — 186, 576, 661

Раввин И.В. — 150, 186, 756, 807
Радин Н.М. — 534
Радов Г.Г. — 886
Разводов — 66
Разин С.Т. — 835
Райкин А.И. — 613, 910
Раневская Ф.Г. — 956
Рапохин А.А. — 161, 189, 192
Расе Е.Р. — 595, 596
Раскова М.М. — 894
Раскольников Ф.Ф. — 656
Расторгуев — 238
Растоскуев — 570
Рахманинов С.В. — 649, 835
Рахилло И. — 820, 822–824
Рачковская — 186
Рашмаджан В. — 946
Ревенко А.В. — 150
Ревенко А.Г. — 190, 545, 668, 674
Рейзен М.О. — 182, 796
Рейман В. — 520
Рейнберг — 31, 32
Рейснер Л.М. — 219, 292, 656
Рекемчук А.Е. — 838
Релингтон Ф. — 491
Репин И.Е. — 831
Ретинский К.И. — 21, 130, 131, 150, 184, 542, 569, 806, 896
Реутт — 121
Ржанов Г.А. — 106, 181
Ржешевский — 360
Риббентроп И. — 348
Рид Д. — 924
Рид Т.М. (Майн-Рид) — 451
Римский-Корсаков Н.А. — 265, 452, 778
Рихтер А.А. — 765
Робличко В. — 871
Робсон П. — 943
Роговой — 248
Рогозинский П. — 782, 785
Родионов — 582, 583
Родионов Н.Н. — 549
Роднина И.К. — 948
Рождественская Н.П. — 182
Рождественский Р.И. — 13, 22, 537, 539, 667, 887, 964
Рожов С.В. — 531, 532
Розен С. — 584
Розенберг Н. — 761
Розенфельд — 753
Родари Д. — 852
Родионов — 544
Ройзенман Б.А. — 43–45, 53, 54, 56, 60, 66, 179
Ройтман А. — 924
Рокоссовский К.К. — 358, 440, 442, 443
Рокфеллер — 171
Рокфеллер Джон — 623, 624
Рокфеллер Дэвид — 623, 624, 625
Рокфеллер Л. — 623, 625
Рокфеллер Н. — 623, 625
Рокфеллер У. — 623, 625
Рокфеллеры — 623, 624, 625
Роллан Р. — 300, 658, 750, 751, 961
Романов — 239
Романов А.В. — 186
Романовский — 31, 82
Романовский — 82
Ромм М.И. — 583, 584, 671, 811
Российский Б.И. — 312
Российский Н.А. — 494
Ростропович В.Л. — 21, 636
Роттерт — 259
Рошаль Г.Л. — 82, 179

Рубин — 259
Рубенович — 361, 363
Руденко — 89
Рудзиш А.Ф. — 398
Рудзутак Я.Э. — 225
Ружников В.Н. — 139, 163, 168, 189, 843, 861
Рузвельт Ф. — 440, 765
Рутковский Н.Д. — 30
Рутман — 480
Рыбаков И. — 896
Рыбалко П.С. — 438
Рыков А.И. — 179, 225, 227, 322, 745
Рыленков Н.И. — 884
Рябчиков Е.И. — 169, 191, 536, 667
Рязанов М.В. — 173
Рятинский К. — 667

С. Вася — 556
Сабуров М.З. — 513
Садовский А.Л. — 51, 179
Садчиков Н.Г. — 99, 101, 102
Саконтиков — 147, 182, 186
Саксин — 980
Салтыков — 749
Салтыков М.И. — 31, 32, 34
Сальвини Т. — 809
Самойлов (Кауфман) Д.С. — 887, 888
Самойлов Е.В. — 536, 537, 539, 667
Самойлов С.И. — 485
Самойлов Т. — 940
Самсонов — 31
Самсонов А.А. — 682
Сапожников Л. — 965
Саппак Вл. — 866, 867
Сапронов — 373
Сафонов — 778
Саянов В.М. — 775
Свердлин Л.Н. — 576, 579, 671
Свердлов Я.М. — 322
Светлов М.А. — 658
Святослав I Игоревич — 471, 472
Сдобнов — 361
Севостьянов — 142, 185
Севриков — 183
Седов Г.П. — 150
Селим I Грозный — 665
Сельвинский И.Л. — 243, 291, 293, 294, 579, 658
Семенкович — 373
Семенов — 322
Семенов В. — 527
Семенов В. — 806, 946
Семенов Ю.А. — 521, 666
Семенов Юл.С. — 885, 886, 964
Семернин В. — 539
Семичасный В.Е. — 21, 539, 667
Семичастный М. — 931
Сент-Экзюпери А. — 668, 881, 943, 964
Сенчилина Л.И. — 871
Серафимович (Попов) А.С. — 269, 657, 719, 720, 721, 727, 960
Сервантес С. — 13, 924
Сергеев — 102
Сергеев В. — 939
Сергейчук — 983
Серебровский — 488
Серебрякова — 183
Серов В.А. — 831
Серота — 196
Сех — 597
Сидоренко, рабочий — 802
Сидоренко, сержант — 376
Сидоров — 737, 738
Сидоровский — 486
Сизов — 917, 918
Силлер Б. — 863
Симанов Е. — 543
Симанов М.П. — 543, 544
Симонов — 119, 121
Симонов К.М. — 169, 183, 191, 670, 962, 963
Симонов Р.Н. — 22, 509, 644, 647, 648, 665, 831
Синицын Е.Л. — 13, 674
Синицына — 104
Синявский А.Д. — 19, 672, 673
Синявский В.С. — 22, 103, 107, 112, 181, 660, 757, 758, 763, 764, 782, 821, 930, 932, 946, 947, 966
Синявский Ю.С. — 762
Скавровский А. — 686
Скарлатти А. — 730
Скибицкий — 397
Скиталец — 835
Сколышев — 373
Скорик Т. — 618
Скориков Б.Р. — 805
Скрыпник М.Н. — 652

Скрябин А.Н. — 576, 958
Слепков — 322
Слободской — 528
Слонимский М.Л. — 117, 182
Слуцкий Б.А. — 22, 887, 964
Сметанин Н.С. — 741, 960
Смирнов — 704
Смирнов — 684
Смирнов В.Д. — 965
Смирнов Д.А. — 31, 179
Смирнов Н. — 75, 76
Смирнов С.С. — 21, 594, 667, 672
Смирнов Я.С. — 190
Смирнова — 488
Смирнова Р. — 790
Смиртюков М.С. — 183
Смит Д. — 852
Смоктуновский И.М. — 832
Смоленский Г.Б. — 227, 657
Смолин П.П. — 671
Снастин В.И. — 188
Снитко Н.В. — 961
Сноскарев — 31, 32
Соболев Л.С. — 186, 670
Сокил — 89
Сокова — 186
Соколов — 697
Соколов Е.А. — 150
Соколов З.У. — 186
Соколова — 447
Соколова Т. — 189
Соколовская В.А. — 190
Сокуров А. — 25, 26
Солдатова — 183
Солженицын А.И. — 19, 858, 859, 963, 964
Соловьев В.Н. — 965
Соловьев Г. — 868
Соловьев Ю.А. — 542, 667
Соловьев-Седой В.П. — 889
Соловьева — 515, 516
Соломенцев М.С. — 191
Соломонова Г. — 13
Сорокин — 233
Софроницкий В.В. — 796
Софронов А.В. — 21, 517, 665
Сочков — 310
Спасская О. — 800
Спасский А.М. — 759, 781, 962
Сперантова В.А. — 22, 856, 903, 914, 924, 941, 965, 966
Спехов — 486
Спиридонов И.В. — 549
Спирин И.Т. — 324, 659
Сталин (Джугашвили; Coco Джугашвили) И.В. — 8, 12, 21, 85, 90, 96, 97, 104, 126, 245, 247, 298, 299, 310, 311, 313–322, 331, 332, 345–347, 351, 354, 356, 357, 360, 372, 373, 381, 382, 431, 440, 442, 443, 445, 446, 448, 450, 457, 458, 462: 475, 476, 478–481, 487, 489, 490, 494, 505–514, 530, 658–661, 666, 715, 717, 759, 765, 766, 961, 971, 972, 984, 985, 988
Станиславский К.С. — 126, 495, 576, 809, 841, 854, 890, 920, 951
Староверов Н.И. — 149
Старовойтов И. (Ваня) — 432
Старовойтова Г. — 432
Старостин — 697
Статыгин — 82
Стахаиов А.Г. — 301, 658, 740
Сташев Э. — 862
Стеженский В. — 395
Стендаль (Анри Мари Бейль) — 381
Степанов — 140
Степанов — 263
Степанов Б.П. — 186
Степанов С. — 571
Степной Е. — 706
Стефанович А. — 433
Стефанович И. — 433
Стириус М. — 256
Столбов А. — 630, 668, 928, 929
Столыпин П.А. — 565
Стор Н. — 762, 763
Стравинский И.Ф. — 809
Страженкова И. — 644
Стрекалова В.М. — 753
Струнников — 784
Стуков Г.А. — 103–106, 181
Стэн — 923
Суворов А.В. — 355–356, 359, 360, 443
Судаков И.Я. — 661
Сумин В.В. — 389
Суриков В.И. — 831
Сурина Л. — 615
Сурков А.А. — 150, 182, 183, 186, 568, 569, 6626 663, 667, 753, 756, 757

Суров — 145, 186
Суслов М.А. — 189, 191
Сухаревич Н. — 614, 632
Сухаревская В.Л. — 150, 186
Сухово-Кобылин А.В. — 323
Сысоев В. — 751, 752
Сытин В.А. — 133, 184

Табачкин Г.Д. — 19
Таиров А.Я. — 12, 726, 960
Талалихин В.В. — 767, 894
Таль — 91
Таня, работница фронтовой столовой — 430
Тарасенко — 186
Тарасов — 102
Тарасов — 354
Тарасов А. — 896
Тарасова А.К. — 429, 662, 914, 941
Таривердиев М.Л. — 536, 667
Тарковский А.А. — 14, 21, 248, 466, 657, 663
Тарханов М.М. — 182
Тарханова Е.В. — 169
Тарханова Е.П. — 190
Тарханова Е.Т. — 614, 672
Таряник — 362, 363
Татарский В.В. — 938, 966
Таубе Н.И. — 162, 189
Твардовский А.Т. — 14, 22, 181, 183, 551, 769, 858, 949, 961, 964
Твен М. — 324
Тендряков В.Ф. — 14, 838
Терещенко Е.К. — 190, 896
Теркель Х. — 863
Терлецкий Ю. — 374, 782
Тирсо де Молина (Габриель Тельес) — 729
Тимофеев — 129
Тимяков — 186
Титова Н. — 615
Тихонов — 390
Тихонов — 118, 119
Тихонов Н.С. — 291, 295, 296, 658, 775, 780, 962
Тищенко А.А. — 106, 181
Тобкаш — 516
Тоболин В.Н. — 160
Тоболин В. — 790
Товстоногов Г.А. — 22, 845, 963
Токуда К. — 530
Толбухин Ф.М. — 783
Толмазов Б.Н. — 614, 672, 914, 941, 955, 966
Толстова Н.А. — 516, 685, 687, 959
Толстой А.К. — 469
Толстой А.Н. — 13, 183, 323, 324, 378, 381, 651, 659, 841, 917
Толстой Л.Н. — 146, 206, 236, 242, 392, 440, 451, 601, 605, 729, 740, 741, 832, 896, 949, 960
Томский М.П. — 225
Топорков О.А. — 142, 186
Торез М. — 549, 550, 668
Трацевская О. — 790
Трегубов В.Д. — 151, 156, 162, 163, 186, 752, 753, 912, 961
Трейман — 389
Третьяков С.М. — 297, 579, 658, 715
Триккель И. — 965
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 201, 655
Трошин В. — 488
Трофимова Н. — 616
Троянов — 202, 655
Трояновский Б.С. — 391, 392
Трумэн Г. — 503
Тульп Э. — 518, 519
Трубин В. — 866, 867
Тургенев И.С. — 451, 804, 918
Турин — 686
Турин Л. — 677
Турчанович М.А. — 832, 834, 835
Тьма Я. — 871
Тэсс Т. — 667
Тюриков И. — 829
Тюрикова М.П. — 827–829
Тютчев Ф.И. — 831, 958
Тяжева — 343, 344

Уайт Т. — 863
Угланов Н.А. — 225, 227
Уланов А. — 948
Уланова Г.С. — 595, 597, 672, 920
Ульянов М.А. — 22, 832, 837, 893, 963
Ульянов-Ленин В. см. Ленин В.И.
Упита А. — 183
Уралов Ф. — 755, 756
Урбанский Е.Я. — 836, 837
Урунходжаев С. — 541, 667
Усач Л. — 614

Усачев — 106
Усков А.А. — 667
Успенский — 653
Успенский В.И. — 923
Устинов Д.Ф. — 191
Устюгов К. — 671
Утесов Л.О. — 21, 605–614, 672
Уткин И.П. — 962
Ушаков Д.Н. — 816

Фавейский — 664
Фаворский В.А. — 661
Фадеев А.А. — 183, 323, 775
Фатеева Н.Н. — 935, 936, 966
Федин А.К. — 962
Федорова А.М. — 754
Федорова Т. — 461, 464, 465
Федосеев П.Н. — 186
Федотов — 186
Федотов П.А. — 918
Федулов — 248
Фельцман О.Б. — 910
Феоктистов В. — 554, 842, 963
Феоктистов Е.Н. — 495
Феофанов В. — 762, 763
Феофанов М. — 762, 763
Фере Г. — 819, 911
Фетисов А.Т. — 107, 181, 660, 755, 756, 757
Фивейский Д. — 924
Фидий — 340
Филиппов А.Н. — 112
Филиппова Н. — 790
Фильшинский — 183
Финкель — 82
Фиш Г.С. — 21, 488, 664
Фламмарион — 883
Фляркowский А.Г. — 537, 539, 667, 887
Фомин — 186
Фомин А. — 652
Фомичев — 516
Фомичев, сержант — 372, 373
Фомичев Е.Ф. — 161
Фонвизин — 829
Фонвизин А. — 661
Фонштейн — 81
Фотиева Л.А. — 969, 971
Фрадкин М.Г. — 613
Фрам А. — 436, 662
Фрейндлих А.Б. — 150, 186
Фрейндлих Б.А. — 534
Фриденсон О.Д. — 161
Фрунзе М.В. — 575
Фулон — 211
Фурманов Д.А. — 183
Фурцева Е.А. — 21, 154, 187, 641, 674
Футликов А.А. — 908
Фуфаев — 829

Х. Рудольф — 813
Хавинсон — 980
Хазанов — 810
Хайдин И.И. — 933
Хайек Ф.А. — 8
Хайт Ю. — 730
Халепский — 31
Хаммаршельд Д.Я. — 559, 560
Харин — 702
Харламов М.А. — 156, 159, 160, 162, 188, 189
Хаскин Б.С. — 682
Хацревин З.Л. — 344, 660
Хачатурян А.И. — 423, 424, 644, 645, 647, 674
Хелемский Я. — 534
Хемингуэй Э. — 564
Херст В.Р. — 490, 491, 492
Хессин (Михайлов) Б.М. — 191, 192, 843, 850, 963
Хитяева Л. — 836
Хлебников В.В. — 5, 25, 680, 682, 768, 958, 959
Хмелевский А. (Саша) — 615
Хмелик А. — 887
Хованский — 664
Ховрин — 737
Ходоровский И.И. — 30
Холминов А.Н. — 536, 667
Холодный — 89
Холопов — 373
Хоменко С.И. — 805, 806
Хомич А. — 931
Хорошевцев Е. — 790
Хорьков — 736
Хохлов А.Е. — 507, 665
Храмин А. — 525
Храмин М. — 525
Храпченко М.Б. — 661
Хренников Т.Н. — 182, 186, 612, 613
Хрущев Н.С. — 22, 132, 149, 152, 184, 189, 458, 513, 530, 549,

550, 555, 562, 563, 566, 567, 572, 667, 669, 670, 840, 858, 859, 864, 963
Хубов Г.Н. — 182, 794, 963

Цвиленев А. — 686
Цейтлин М. — 459
Цейц С. — 671
Целиков А. — 924
Цеткин К. -- 226, 657
Цибульский — 31
Циолковский К.Э. — 299, 658
Цирлина — 263, 264
Цфасман А. — 425
Цыбин В. — 966
Цюрупа А.Д. — 978

Чадаев Я. — 984, 985
Чаева В. — 614
Чайковский П.И. — 241, 242, 377, 379, 452, 515, 576, 636, 778, 796
Чалая З.А. — 84
Чаковский А.Б. — 186
Чапек К. — 768
Чаплин Ч.С. — 243, 811
Чаплыгин Н.П. — 139, 186, 192
Чеботаревская Т.А. — 889, 899, 964
Чекабото — 82
Чемберлен О. — 63, 226
Чемоданов С. — 959
Червинский Н. — 847
Черкасов Н.К. — 381, 661, 831, 963
Черенков Г.Е. — 398
Чернецкий — 444
Чернов О. — 652
Чернова В. — 846
Черноусов — 354
Черных — 84
Черных Л. — 516, 667
Чернышев В.И. — 842
Чернышев С.Е. — 965
Чернявский В.В. — 126, 183
Черняк С.С. — 523
Чертков А.Б. — 579, 581, 671
Черчилль У. — 350, 765
Чесалова Л. — 618
Чесноков Д.И. — 142, 144, 185
Чехов А.П. — 146, 181, 395, 396, 542, 543, 544, 576, 601, 604, 662, 664, 741, 924, 929, 960, 965
Чехова М.П. — 395, 397, 662
Чечик — 66
Чигорин — 210
Чикин — 488
Чингисхан — 337
Чиоффи-Атты Клаудио — 554
Чирков Б.П. — 22, 533, 966
Чистякова — 139, 186
Чистякова Т. — 941
Чичерии Г.В. — 208, 656
Чкалов В.И. — 745
Чобыкин — 894
Чубенко Н. — 447
Чувиков В.А. — 475, 664
Чугунов — 486
Чудов Ф.Д. — 180
Чудова А.Е. — 180
Чуйков В.И. — 786
Чуринов — 310
Чуковская Л.К. — 673ъ
Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) — 21, 599, 672, 728, 960, 962
Чутких А. — 511
Чухновский — 679
Чхисов — 516

Ш. Герман — 812
Шабад М.П. — 855
Шабанов П.И. — 192
Шавыкин В.И. — 688
Шагинян М.С. — 727, 960
Шалашников М. — 782
Шаляпин Ф.И. — 781, 923, 927
Шаманова — 696
Шапкин — 132, 184
Шаповалова И.Т. — 149, 186
Шарантович — 322
Шаргин А.Т. — 139, 806
Шатов А.П. — 182
Шатуновский Е. — 878
Шах — 778
Шахов Г.А. — 21, 639, 673
Шацкин — 923
Шашков — 505
Шашкова — 515, 516
Шварц А.И. — 102, 181
Шварц Е.Л. — 775, 776
Шверник Н.М. — 513, 666
Шебалин В.Я. — 182, 423, 424, 662
Шеванков Н. — 494

Шевелев — 245
Шевелев М.И. — 328
Шевчук Л. — 617
Шейдеман Ф. — 226
Шекспир У. — 243, 292, 323, 360, 440, 451, 664, 964
Шелепин А.Н. — 191
Шервинский С.В. — 713, 813, 959
Шергова Г.М. — 190, 674, 965
Шерель А.А. — 190, 896, 905, 965
Шерман Б.С. — 182
Шершеневич — 52
Шикова — 754
Шим Э. — 966
Шипов А.А. — 922–923
Шипов А.П. — 835
Ширинский — 917
Ширяев К.И. — 873
Штеренберг Д. — 661
Штыкан Л. — 847
Шиманович О.Я. — 106, 181
Шинаев В. — 896
Шипилов С. — 618
Широков Е.П. — 190
Шихматов — 664
Шкловский В.Б. — 386, 662, 711, 918, 962
Шмидт П.П. — 292
Шмидт О.Ю. — 313, 328
Шмонин Л.М. — 107, 181
Шолохов М.А. — 21, 104, 181, 183, 568, 619, 672, 673, 753, 754, 770, 775, 848–850, 923, 961
Шопен Ф. — 377, 379
Шорин А.Ф. — 23
Шостакович Д.Д. — 12, 21, 378, 450, 533, 636, 661, 663, 772, 773, 774, 777, 798, 877, 907
Шотман — 63
Шошина О. — 639
Шоу Б. — 171, 323, 658
Шохин — 91
Шрагин В.О. — 149, 186
Штраух М.М. — 664
Штейнберг Л.П. — 423
Штительман — 324
Шуберт Ф. — 699, 832
Шуленбург — 345, 765
Шульгин В.В. — 565, 669
Шульженко К.И. — 633
Шумаков Г. — 516, 667
Шуман Р. — 648, 699
Шухман — 747

Щавелев — 359
Щаденко — 354
Щеглов В. — 896
Щербаков А.С. — 354, 980
Щуко В.А. — 660

Эдисон Т.А. — 889
Эйзенхауэр Д. — 499, 504
Эйзенштейн С.М. — 12, 16, 78, 575
Эйнштейн А. — 5, 680, 883
Эйстер — 120
Элиасберг К.И. — 777, 778
Эми-Сяо — 89
Энгельс Ф. — 314, 509
Эпштейн М.С. — 30, 76, 77
Эратосфен — 483
Эрденко М.Г. — 682
Эрдман Н. — 243, 579, 819
Эренберг В.В. — 150, 186
Эренбург И.Г. — 21, 364, 382, 448, 567, 568, 661, 663, 756, 757, 806, 843, 962
Эрнесакс Г.Г. — 520
Эткинд Е.Г. — 19
Эфроимсон — 753
Эфрон Н. — 943

Югов А. — 840
Юденич Н.Н. — 809
Юдина Л. — 616
Юзвицкая Е.А. — 815
Юзовский Ю.И. — 728, 960
Юльская Ю.Б. — 182, 671, 924
Юмашев А.Б. — 311, 313, 658
Юницкий — 425
Юровская — 76
Юрский С.Ю. — 644
Юткевич С.В. — 533

Яблочкина А.А. — 661
Яглинг Б. — 459
Ягода — 322
Ядрова В. — 671
Яков Яковлевич, мастер — 829
Яковлев А.Н. — 24, 189
Яковлев И.Я. — 652
Яковлев Ю.Я. — 21, 636, 673
Яковлев (Эпштейн) Я.А. — 45, 56, 67, 179

Яковлева — 560
Яковлева В.Н. — 30, 178
Якунин — 438
Якут — 914, 941
Ямпольский — 248
Ямпольский Б. — 7
Янкевский — 776
Янчевский В. — 13
Яншин М.М. — 182, 832
Ярослав Мудрый — 472, 473
Ярославский (Губельман) Е.М. — 208, 225, 227, 243, 246, 656, 894
Яроцкий В.И. — 160
Ясиневский — 778
Ясинский — 209
Ястребов Г. — 801
Яхонтов В.Н. — 102, 143, 180, 767, 769, 957, 958

Becher Y.R. см. Бхер И.-Р.

ПЕРЕЧЕНЬ
документов и материалов, включенных в сборник

Раздел I
Организация и руководство радиовещанием: приказы, распоряжения, протоколы, стенограммы

Приказ № 137 по РОСТА«О достоверности информации РОСТА». 1 декабря 1921 г. 29

Письмо комиссара Московского радиоузла в РОСТА. 20 декабря 1921 г. 29

Из распоряжения № 126 по РОСТА. 18 октября 1922 г. 29

Из протокола № 10/562 заседания коллегии Наркомпроса РСФСР от 3 марта 1924 г. 30

Из письма заместителя комиссара Народного комиссариата почт и телеграфов РСФСР А.М. Любовича секретарю Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе. 23 апреля 1925 г. 30

Из протокола № 4 заседания президиума Общества друзей радио СССР от 24 апреля 1926 г. 31

Из постановления Коллегии НК РКИ СССР по вопросу о радиотелефонном деле.13 мая 1926 г. 32

Из приказа № 144 по правлению акционерного общества «Радиопередача» «О стоимости минуты широковещания». 13 июня 1926 г. 32

Из протокола № 50/358 заседания президиума Коллегии Наркомпроса РСФСР от 30 ноября 1926 г. 33

Из письма правления акционерного общества «Радиопередача» в радиосекцию Главполитпросвета. 23 сентября 1926 г. 33

Приказ № 12/139 по Народному комиссариату почт и телеграфов СССР. 16 мая 1928 г. 34

Из приказа № 7 по Московскому радиовещательному узлу НКПТ СССР «О создании журнала “Радиослушатель”». 11 августа 1928 г. 34

Из письма Уполномоченного по широковещанию Северо-Западного отделения Гуревича председателю правления акционерного общества «Радиопередача» Гузакову. 15 декабря 1927 г. 34

Информационное письмо руководителям радиовещания и уполномоченным «Радиопередачи». 14 февраля 1928 г. 35

Проект «Радиопередачи» о реорганизации радиовещания. Апрель 1928 г. 47

Информационное письмо руководителям радиовещания, уполномоченным «Радиопередачи» «О реорганизации радиовещания». 13 мая 1928 г. 49

Из стенограммы заседания Комиссии ЦК ВКП(б) по улучшению радио и кино. 20 июня 1928 г. 50

Приказ № 58 Акционерного общества «Радиопередача». 14 июля 1928 г. ... 66
Выписка из постановления Коллегии Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции Союза ССР (пр. № 7 П.З.). 3 ноября 1928 г. ... 67
Из стенограммы заседания, посвященного трехлетию ОДР. 16 ноября 1928 г. ... 68
Протокол № 6 Заседания комиссии по деревенскому вещанию от 30 августа 1929 г. ... 68
Из приказа № 104 по Радиоуправлению НКПТ СССР «О радиофонической квалификации». 4 сентября 1929 г. ... 75
Из приказа № 31 по Радиоуправлению НКПТ СССР. 12 марта 1930 г. ... 75
Из приказа № 139 по Радиоуправлению НКПТ СССР «О реорганизации политического отдела Центрального радиовещания». 28 июня 1930 г. ... 75
Из протокола № 36 заседания президиума Советапо делам искусств и литературы от 18 июля 1930 г. ... 76
Распоряжение по Наркомпросу РСФСР. [Не позднее 3 ноября 1930 г.] ... 76
Из приказа № 316 Всесоюзного комитета по радиовещанию. 2 августа 1932 г. ... 77
Из приказа № 341 Всесоюзного комитета по радиовещанию «О ликвидации радиогазет и создании редакции центральной информации». 31 августа 1932 г. ... 77
Из приказа № 115 по Наркомпросу РСФСР «О массовой пропаганде по радио». 11 сентября 1932 г. ... 77
Докладная записка В. Маркова о студии-лаборатории по художественномувещанию при МРЦ. [Начало 1930-х гг.] ... 78
Из протокола № 47 заседания Президиума ЦИК Союза ССР об организации Комитета по радиовещанию. 7 сентября 1932 г. ... 81
Из постановления № 19 Всесоюзного комитета по радиофикации при СНК СССР «О проведении Дня авиации». 15 июня 1933 г. ... 81
Из постановления № 51 ВРК при СНК СССР о работе редакции «Последние известия» и Культтехпропа. 7 сентября 1933 г. ... 81
Из приказа № 1 по Управлению вещания ВРК при СНК СССР 20 сентября 1933 г. ... 82
Письмо Леноблгорлита в радиоотдел. 28 сентября 1933 г. ... 82
Постановление № 81 ВРК при СНК СССР «Об утверждении положения о секторе звукозаписи». 29 сентября 1933 г. ... 82
Приказ № 60 по Управлению центрального радиовещания ВРК при СНК СССР «О реорганизации дирекции литературно-драматического вещания» ...декабря 1933 г. ... 83
Из постановления № 34 ВРК при СНК СССР «Об увеличении количества открытых концертов». 8 февраля 1934 г. ... 84
Из постановления № 119 ВРК при СНК СССР «О работе редакции молодежного вещания». 26 мая 1934 г. ... 84

Из постановления Всесоюзного творческого совещания о задачах художественного радиовещания. 13 апреля 1934 г. ... 85
Договор № 552. 7 июня 1934 г. ... 86
Из постановления № 181 ВРК при СНК СССР «О работе с письмами и о массовой работе Управления центрального вещания». 23 июля 1934 г. ... 87
Из Постановления № 270 ВРК при СНК СССР о художественном вещании ВУРКа, Одесскогои Харьковского областных радиокомитетов. 1934 г. ... 88
Из постановления ВРК при СНК СССР об изменениях в программах радиовещания республиканских, краевых и областных радиокомитетов. 31 января 1935 г. ... 90
Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б). 9 июля 1935 г. ... 91
Из постановления №... ВРК при СНК СССР «О подготовке к 20-летию Великой Октябрьскойсоциалистической революции». 28 июля 1935 г. ... 92
Из постановления № 177 ВРК при СНК СССР «О подготовке и проведении 100-летнего юбилея со дня смерти А.С. Пушкина». 22 декабря 1935 г. ... 92
Приказ НКП РСФСР № 7. 27 декабря 1935 г. ... 93
Из постановления № 11 ВРК при СНК СССР «О периодических изданиях». 16 января 1936 г. ... 94
Из постановления № 12 ВРК при СНК СССР «Об организации Первого Всесоюзного радиофестиваля». 25 января 1936 г. ... 94
Из постановления № 132 ВРК при СНК СССР «О радиоустановках коллективного пользования». 11 июля 1936 г. ... 95
Из постановления № 142 ВРК при СНК СССР «О мероприятиях по усилению пропаганды по радио творчества народов СССР». 1 августа 1936 г. ... 95
Из выступления представителя Агитпропа ЦК ВКП(б) на Всесоюзном совещании политпросветработников и заведующих секторов домов культуры. 27 сентября 1937 г. ... 96
Письмо О. Колесниковой В.В. Вишневскому о подготовке плана литературно-драматического вещания. 31 января 1937 г. ... 97
Из приказа № 220 по ВРК при СНК СССР «Об образовании редакции “Передач для домашних хозяек”». 16 июня 1937 г. ... 97
Приказ № 511 по ВРК при СНК СССР «О запрещении радиоперекличек». 29 октября 1937 г. ... 98
Из приказа № 319 по ВРК при СНК СССР «Об организации новых трансляционных пунктов». 25 августа 1938 г. ... 98
Приказ № 694 Уполномоченного СНК по охране военных тайн в печати и Начальника Главлита. 16 сентября 1938 г. ... 98
Приказ № 45 по ВРК при СНК СССР «О порядке сдачи микрофонных материалов». 14 февраля 1939 г. ... 100
Из приказа № 186 по ВРК при СНК СССР «О создании оборонной редакции». 23 апреля 1939 г. ... 101

Письмо Начальника Главлита Н.Г. Садчикова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. 31 мая 1939 г. 101
Из приказа № 281 по ВРК при СНК СССР «О работе сектора литературно-драматического вещания». 8 июня 1939 г. 102
Из приказа № 355 по ВРК при СНК СССР «Об организации редакции радиовещания Всесоюзной сельскохозяйственной выставки». 23 июля 1939 г. 103
Распоряжение № 3 по ВРК при СНК СССР «О проведении специальных спортивно-физкультурных передач». 23 ноября 1939 г. 103
Из приказа № 62 по ВРК при СНК СССР «О реставрации звукозаписей». 21 февраля 1940 г. 104
Приказ № 172 по ВРК при СНК СССР «О цикле радиопередач по роману М.А. Шолохова "Тихий Дон"». 14 мая 1940 г. 104
Приказ № 305 по ВРК при СНК СССР «О создании военного отдела». 31 июля 1940 г. 104
Приказ № 498 по ВРК при СНК СССР «О 10-летней работе на радио Р.М. Иоффе». 1 ноября 1940 г. 105
Из отчета редакции «Последних известий». 4 февраля 1941 г. 105
Приказ № 275 по ВРК при СНК СССР «О реорганизации отделов Радиокомитета». 25 июня 1941 г. 106
Из приказа № 285 по ВРК при СНК СССР «О введении ежедневной передачи для бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота». 29 июня 1941 г. 106
Из приказа № 347 по ВРК при СНК СССР «О реорганизации отдела детского вещания». 24 июля 1941 г. 107
Приказ № 412 по ВРК при СНК СССР «О гибели на фронте дежурного редактора "Последних известий" Е.Я. Барского». 20 августа 1941 г. 107
Приказ № 407 по ВРК при СНК СССР «О порядке визирования радиопередач». 24 августа 1941 г. 107
Из приказа № 481 по ВРК при СНК СССР «Об организации выездной редакции "Говорит фронт"». 5 ноября 1941 г. 107
Приказ № 75 по ВРК при СНК СССР «Об организации отдела писем на фронт и с фронта». 25 марта 1942 г. 108
Из приказа № 129/а по ВРК при СНК СССР «Об организации редакции радиовещания для партизан и населения советских районов, временно оккупированных немецкими войсками». 22 мая 1942 г. 108
Из отчета комиссии по работе отдела писем на фронт и с фронта за период с 15 июля по 15 августа 1942 г. [Не ранее 15 августа 1942 г.] 108
Отчет М.С. Гуса о контрпропагандистской работе на радио. 19 августа 1942 г. 109
Приказ № 341 по ВРК при СНК СССР «О командировании В.С. Синявского на Донской (Сталинградский) фронт». 30 октября 1942 г. 112
Из приказа № 114 по ВРК при СНК СССР «О введении второй программы». 7 марта 1945 г. 112

Из приказа № 135 по ВРК при СНК СССР «О создании отдела научно-просветительной пропаганды». 15 марта 1945 г. 112
Приказ № 334 по ВРК при СНК СССР «О проведении радиопередач, посвященных Параду Победы на Красной площади». 23 июня 1945 г. 112
Из приказа № 507 Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР «О работе отдела радиовещания для детей». 16 августа 1945 г. 113
Из приказа № 747 Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР «Об организации записей на магнитную пленку». 15 ноября 1945 г. 113
Из постановления Художественного музыкального совета Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О мерах по улучшению музыкального радиовещания». [Не ранее августа 1946 г.] 114
Из приказа № 742 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О недостатках литературно-драматического вещания и мерах по его улучшению». 19 сентября 1946 г. 117
Приказ № 991 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР «О 15-летней работе на радио Ю.Б. Левитана». 14 декабря 1946 г. 119
Отчет Я. Гуса о работе корреспондентского пункта радиокомитета на Нюрнбергском процессе. 1946 г. 119
Приказ № 1060 Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР«О передаче по радио Государственного гимна СССР». 31 декабря 1946 г. 121
Докладная записка Р.М. Иоффе заместителю председателя ВРК при СНК СССР В.Н. Араповой. 29 ноября 1947 г. 121
Докладная записка начальника отдела радновещания для детей М. Калакуцкой заместителю председателя ВРК при СНК В.Н. Араповой. 8 декабря 1947 г. 122
Из докладной записки Комитета по радиофикациии радиовещанию при Совете Министров СССР заместителю Председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилову «Об утверждении структуры центрального редакционного н адмннистративно-управленческого аппарата комитета». 18 февраля 1948 г. 124
Из стенограммы заседания Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР«О праздновании юбилея А.С. Пушкина». 21 октября 1948 г. 125
Телеграмма Петра Грима Председателю Совнаркома СССР И.В. Сталину «О совместной подготовке советско-американских радиопередач». Нью-Йорк [Не позднее 8 апреля 1949 г.] 126
Из стенограммы совещания у Председателя Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР «О работе научно-исследовательского института звукозаписи». 20 июля 1949 г. 127
О мероприятиях по улучшению радиопередач редакции научно-просветительной пропаганды. Из приказа № 119 Комитета радиоинформации при Совете Министров Союза ССР. 6 сентября 1949 г. 128

О работе редакции радиогазеты «Пионерская зорька». Из приказа № 301 Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР. 12 апреля 1950 г. 129

О работе разъездного корреспондента. Из стенограммы совещания редакции «Последних известий» центрального вещания. 24 февраля 1953 г. 130

О работе сельскохозяйственной редакции. Из стенограммы совещания Комитета радиоинформации Министерства культуры СССР. 27 февраля 1953 г. 131

О работе редакции науки и техники. Из стенограммы совещания Комитета радиоинформации Министерства культуры СССР. 3 марта 1953 г. 133

Из докладной записки Главного управления радиоинформации Минкультуры СССР в Совет Министров СССР «О реорганизации сети местного радиовещания». 25 ноября 1955 г. 134

Из письма руководства Главного управления радиоинформации Министерства культуры СССР в секретариат Совета Министров СССР«О передаче по радио басен в выпуске радиообозрения "По театрам и концертным залам Москвы"». 26 декабря 1955 г. 135

Из плана выступления председателя Главного управления радиоинформации Министерства культуры СССР А.А. Пузина «О состоянии материально-технических средств радиовещания». [Не ранее 1956 г.] 137

Из приказа министра культуры СССР № 655 «О мерах улучшения радиовещания для населения СССР». 28 сентября 1956 г. 139

Из докладной записки Государственного комитета при Совете Министров СССР по радиовещанию и телевидению в ЦК КПСС «О состоянии радиовещания и телевидения в стране и мерах по коренному улучшению их идейно-политического содержания и материально-технической базы». 2 августа 1957 г. 140

Из стенограммы совещания режиссеров радиовещания «О режиссуре на радио». 5 февраля 1958 г. 142

Приказ № 167 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об образовании главной редакции сатиры и юмора». 27 февраля 1958 г. 144

Из положения «О Художественном совете при Главном управлении радиовещания Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР». 26 июня 1958 г. 144

Из стенограммы заседания Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О фактах нарушения порядка цензорского контроля материалов радиовещания и телевидения». 23 марта 1959 г. 144

Приказ № 880 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об освещении по радио и телевидению визита Н.С. Хрущева в США». 12 сентября 1959 г. 149

Письмо редактора Ленинградского радиокомитета Марченко писательнице В.Ф. Пановой. 7 декабря 1959 г. 149

Из приказа № 1392 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О выездной редакции Всесоюзного радио и телевидения в Сибирь и на Дальний Восток». 21 декабря 1959 г. 150

Из приказа № 207 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О новых передачах Главного управления художественного радиовещания». 13 февраля 1960 г. 150

Из приказа № 519 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О создании группы по работе с внештатными комментаторами». 18 апреля 1960 г. 151

Из приказа № 773 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О работе редакции пропаганды». 2 июля 1960 г. 151

Из приказа № 1096 Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об увеличении вознаграждения выдающимся мастерам искусств за исполнение музыкальных и литературно-драматических произведений, записываемых для радиовещания и телевидениями при озвучении телефильмов». 18 июля 1960 г. 152

Из стенограммы редакционного совета Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О работе редакции "Театр у микрофона"». 6 февраля 1962 г. 153

Приказ № 75 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О порядке представления радиопередач на контроль цензорам Главлита». 12 января 1963 г. 155

Из приказа № 392 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О радиопередачах для советских граждан, находящихся за рубежом». 6 марта 1963 г. 155

Из доклада секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева на Пленуме ЦК КПСС «Очередные задачи идеологической работы партии». 18 июня 1963 г. 156

Из приказа № 544 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О проверке и изъятии магнитофильмов и кинопленок с устаревшим содержанием». 7 августа 1963 г. 158

Из приказа № 610 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О создании Главной редакции политической пропаганды, экономики и науки и Главной редакции радиовещания для молодежи». 25 сентября 1963 г. 159

Из приказа № 15-К Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О реставрации звукозаписи речей В.И. Ленина». 4 января 1964 г. 160

Из приказа № 45-а Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О преобразовании отдела спецслужбы в Главную службу радиоперехватов». 10 февраля 1964 г. 160

Из приказа № 224 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О фактах нарушения инструкции о подготовке радопередач». 20 июля 1964 г. 160

Из приказа № 231 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «О введении информационно-музыкальной радиопрограммы "Маяк"». 22 июля 1964 г. 161
Из приказа № 75 Государственного комитета Совета Министров СССР «О повышении ответственности и культуры речи радиожурналистов, работающих у микрофона». 2 марта 1965 г. 162
Из приказа № 82 Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению «Об освещении по всесоюзному радио 20-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией». 4 марта 1965 г. 162
Из инструкции по подготовке и проведению радиопередач внутрисоюзного вещания «О порядке оформления микрофонных материалов». 13 августа 1965 г. 163
Из приказа № 14 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О выступлениях по центральному радио партийныхи советских руководителей». 10 января 1966 г. 165
Из приказа № 172 Комитета по радиовещаниюи телевидению при Совете Министров СССР «Об организации отдела звуколетописи». 21 мая 1966 г. 165
Докладная записка руководства Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в Совет Министров СССР «О расширении прав Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, республиканских, краевыхи областных комитетов по радиовещанию и телевидению». 10 сентября 1966 г. 166
Письмо секретаря ЦК ВЛКСМ С.М. Павлова председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву об издании звукозаписи второго Всесоюзного слета победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы. 17 октября 1966 г. 167
Из приказа № 243 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «О создании музея советского радиовещания и телевидения». 14 июля 1967 г. 168
Из служебной записки Ю.А. Летунова председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву о создании документально-музыкальных программ к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 17 июля 1967 г. 168
Из служебной записки главного редактора Главной редакции пропаганды Н.Н. Карева председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н.Н. Месяцеву о разоблачении американского образа жизни. [Не позднее 21 июля 1967 г.] 169
Из положения «О научно-методическом отделе Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР». 16 сентября 1968 г. 172
Приказ № 460 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР «Об организации записи голосов выдающихся государственных и общественных деятелей и передачи их в ЦГАЗ СССР». 27 декабря 1968 г. 173

Из служебной записки Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в Верховный Совет РСФСР «О передачах радио и телевидения к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина». 8 октября 1969 г. 174

Из выступления С.Г. Лапина на заседании коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию о недостатках в работе. 27 апреля 1970 г. 175

Из Приказа № 711 Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию о радиофестивале советских республик в честь XXIV съезда КПСС. 10 сентября 1970 г. 177

Раздел II

Радиопередачи: микрофонные тексты, расшифровки звукозаписей

Радиовестник РОСТА. Москва, 21 октября 1918 г. 195

Л.Д. Троцкий. Братский Союз Советских Республик. Речь, записанная на грампластинке. [Март–апрель 1919 г.] 201

Троянов. Каков наш привоз из-за границы. Радиофельетон. «Устная газета РОСТА». Не позднее 14 августа 1921 г. 202

А.В. Луначарский. Культура СССР и значение радио. Из радиолекции. 24 ноября 1924 г. 203

Радиогазета РОСТА № 1. 23 ноября 1924 г. 207

Н.Е. Валевский. О кооперации. Беседа. «Радиогазета» № 12. 12 декабря 1924 г. 215

Я.М. Галицкий. Правдивая история о советской рабкории. Радиофельетон. «Радиогазета» № 12. 12 декабря 1924 г. 216

А.Д. Калинина. Интервью корреспонденту «Радиогазеты». «Радиогазета» № 55. 11 марта 1925 г. 217

В.В. Маяковский. Радиоагитатор. «Радиогазета» № 100. 3 мая 1925 г. 218

Л.М. Рейснер. Вандерлипп в Афганистане. Очерк. «Утренняя радиогазета» № 166. 18 сентября 1925 г. 219

Встреча с А.М. Горьким. Корреспонденция. «Радиогазета» № 264. 16 октября 1925 г. 221

Ф.Э. Дзержинский. Беседа с сотрудниками печати. «Радиогазета» № 283. 5 ноября 1925 г. 223

Что слышно в Москве. Корреспонденция. «Радиогазета» № 285. 7 ноября 1925 г. 223

Что слышно в Москве? Корреспонденция. «Рабочая радиогазета» № 31. 31 января 1926 г. 226

Г.Б. Смоленский. Отчет о партактиве в Москве. «Рабочая радиогазета» № 62. 27 июля 1926 г. 227

С Новым годом! Радиокомпозиция. «Рабочая радиогазета» № 295. 31 декабря 1927 г. 229

Хлеб нового урожая. Радиоперекличка. «Рабочая радиогазета» № 168. 19 июля 1928 г. 232

Ленинград объявил поход против пьянства. Корреспонденция. «Рабочая радиогазета» № 182(1142). 4 августа 1928 г. 234
Толстовские дни в Москве. Корреспонденция. «Рабочая радиогазета» № 210. 7 сентября 1928 г. 235
Голоса рабкоров. Корреспонденции. «Рабочая радиогазета» № 248. 22 октября 1928 г. 237
Завадский. Спешка подвела. Комментарий. «Рабочая радиогазета» № 248. 22 октября 1928 г. 238
Смотр радиовещания. Комментарий. «Рабочая радиогазета» № 250. 24 октября 1928 г. 240
М.М. Ипполитов-Иванов. Интервью корреспонденту «Рабочей радиогазеты». «Рабочая радиогазета» № 250. 24 октября 1928 г. 241
Голоса рабкоров. Корреспонденция. «Рабочая радиогазета» № 282. 3 декабря 1928 г. 242
В.Э. Мейерхольд. Интервью корреспонденту «Рабочей радиогазеты». «Рабочая радиогазета» № 282. 3 декабря 1928 г. 243
В шеренгу гигантов. Радиорепортаж. 1 октября 1931 г. 243
А.А. Тарковский. Повесть о сфагнуме. Художественно-документальная радиокомпозиция [1931 г.]. 248
Радиопаноптикум. Сатирическое радиообозрение. [1931 г.] 254
Пуск Днепрогэса. Радиорепортаж. 10 октября 1932 г. 256
Ликвидация неграмотности и малограмотности рабочих железнодорожного транспорта. Радиоперекличка. В ночь с 7 на 8 января 1933 г. 261
В.Д. Марков. Свои люди — сочтемся. 20 ноября 1933 г. 264
Радиофильм «Железный поток». 1932–1933 гг. 268
М.М. Ботвинник. Первомайское выступление. 1 мая 1934 г. 289
Н.И. Бухарин. Доклад о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчествав СССР на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. 17 августа — 1 сентября 1934 г. 289
С.М. Третьяков. Четыре победы. Радиообозрение. 1934 г. 297
К.Э. Циолковский. Первомайское выступлеиие. 1 мая 1935 г. 299
Р. Роллан. Вступительное слово к радиокомпозиции «Кола Брюньон». [Июль] 1935 г. 300
А.Г. Стаханов. Праздничное выступление. Не позднее 7 ноября 1935 г. ... 301
С.П. Злобин. Сказка про московское метро, про иностранных специалистов, передовых технических капиталистов, про главного заграничного метрополита, про комсомольца Метрошку, однорукого шахтера Ивана, про московский геройский комсомол и про то, как лучший в мире метрополитен построили. Радиорассказ. [1935 г.] 301
Наказ сыновьям. Радиоперекличка. 1 мая 1937 г. 309
Возвращение героев. Репортаж с Белорусского вокзала. 23 августа 1937 г. 310

Митинг молодых избирателей г. Москвы. Радиорепортаж. 9 декабря 1937 г. 313
Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. 13 декабря 1937 г. 317
В.В. Вишневский. Дом Сталина в Гори. 26 декабря 1937 г. 317
М.Е. Кольцов. Убийца с претензиями. Выступление у микрофона. 6 марта 1938 г. 321
Вступительное слово к литературному чтению отрывков из второй книги романа Алексея Толстого «Петр Первый» «День боярина Буйносова» в исполнении В.С. Канцеля. 24 марта 1938 г. 323
И.Т. Спирин. Обед на полюсе. Радиоочерк. 1938 г. 324
Встреча на пограничной станции Негорелое. Радиорепортаж. 23 мая 1939 г. 329
«Последние известия». Сообщение ТАСС. 26 июня 1939 г. 333
Б.М. Лапин, З.Л. Хацревин. У Великой Китайской стены. Радиоочерк. 1939 г. 334
«Последние известия». Оперсводка штаба Ленинградского военного округа. 20 февраля 1940 г. 338
Я.Ф. Попов. Дворец Советов строит вся страна. Беседа. 1940 г. 339
Е.П. Корчагина-Александровская. Письма избирателей к депутату. Беседа. 1940 г. 343
В.М. Молотов. Выступление по радио. 22 июня 1941 г. 345
И.В. Сталин. Выступление по радио. 3 июля 1941 г. 347
А.П. Гайдар. В добрый путь. Выступление по радио. 30 августа 1941 г. 351
Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г. Радиорепортаж. 7 ноября 1941 г. 352
«Последние известия». Вечерний выпуск. 3 декабря 1941 г. 360
Р.Л. Кармен. С киноаппаратом на бомбардировщике. Корреспонденция. 7 декабря 1941 г. 361
И.Г. Эренбург. Слушай, Париж! Очерк. 7 декабря 1941 г. 364
Л.А. Кассиль. Девять минут. Радиорассказ. 15 марта 1942 г. 366
«Говорит Западный фронт». Радиообозрение. 25 марта 1942 г. 369
Спецпередача для партизан. 6 июня 1942 г. 374
Интервью с Г.С. Бугой. Западный фронт. [Август] 1942 г. 376
В. Гранов. На штыке. Сатирическая радиокомпозиция для детей. 26 октября 1942 г. 376
Антифашистский митинг работников искусства и литературы. 29 ноября 1942 г. 378
И.Г. Эренбург. Выступление. [1942] г. 382
С.И. Кирсанов. Заветное слово Фомы Смыслова. Радиофельетон. 13 января 1943 г. 384
В.Б. Шкловский. Из фронтового блокнота. 19 апреля 1943 г. 386

Советы огородникам. 16 июня 1943 г. 388
В.В. Сумин. Стахановцы — фронту. Выступление. 25 августа 1943 г. 389
Л.Е. Маграчев. Ленинград в декабре. Документальная радиокомпозиция. 26 декабря 1943 г. 389
Угадай-ка. Радиоигра. 22 февраля 1944 г. 392
«Письма на фронт». 6 августа 1944 г. 395
Письма с фронтов Отечественной войны. 8 августа 1944 г. 397
А. Глебов. Русское сердце. Радиопьеса. 1944 г. 399
С.П. Злобин. «Тиль Уленшпигель». Радиокомпозиция по роману Ш. Костера. План. Сцены I–IV. Август 1945 г. 404
А. Глебов. Пять новогодних ночей майора Смолина. Радиопьеса. 31 декабря 1944 — 1 января 1945 г. 415
Радиоэкскурсия по театрам и концертным залам Москвы. Обозрение. 6 января 1945 г. 422
Е.И. Габрилович. В пути. Очерк. 22 февраля 1945 г. 426
А.К. Тарасова. Музы ведут в бой. Беседа. 5 марта 1945 г. 429
Д.М. Гармаш. Чем и как я помогаю фронту. Выступление. 13 марта 1945 г. 431
Пионерская зорька. Детская радиогазета. 17 апреля 1945 г. 432
П.И. Мануйлов, А. Фрам. В Берлине. Радиорепортаж. Не позднее 2 мая 1945 г. 436
К.Г. Паустовский. Утро победы. Комментарий. 2 мая 1945 г. 439
Парад Победы. Радиорепортаж. 24 июня 1945 г. 440
Сила сталинского предвидения. Беседа. 3 июля 1945 г. 444
В.В. Кригер. Труд актера. Выступление. 28 июля 1945 г. 446
И.Г. Эренбург. Первый салют. Комментарий. 5 августа 1945 г. 448
Д.Д. Шостакович. Музыкальный радиожурнал для детей № 1. 30 сентября 1945 г. 450
А. Глебов. Купе номер три. Радиопьеса. 25 октября 1945 г. 452
Избранники народа. Корреспонденция. 9 января 1946 г. 457
М. Цейтлин, Б. Яглинг. «Необычайные похождения микрофона» (выпуск четвертый). Микрофон в гостях у избирателей. Сценарий еженедельного радиоревю для англо-американского отдела. 3 февраля 1946 г. 459
Невидимка. Литературный радиожурнал № 3. 24 марта 1946 г. 465
Д.С. Лихачев. Национальное самосознание. Беседа. 26 марта 1946 г. 471
Б.А. Галин. Сегодня в Донбассе. Радиоочерк. 26 сентября 1946 г. 473
В.А. Чувиков. Сталинский устав — закон колхозной жизни. Беседа. 30 октября 1946 г. 475
М. Златогоров. Народные подарки Ленину и Сталину. Корреспонденция. 21 апреля 1947 г. 478
В.И. Качалов. Великий Источник Правды. Выступление. 7 мая 1947 г. 481

В.М. Крепс, К.Б. Минц. Клуб знаменитых капитанов. Радиопьеса. 21 сентября 1947 г. 482
Завод заводов. Документальная радиокомпозиция. 16 июля 1948 г. 485
Р.О. Фиш. В великом долгу. Выступление на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня рождения академика Т.Д. Лысеико. 2 ноября 1948 г. 488
М.К. Калатозов. В Голливуде. Радиоочерк. 30 июля 1949 г. 490
Вечером после рабочего дня. Радиоочерк. 18 августа 1950 г. 493
Б.С. Ласкин. Дорогие мои москвичи. Радиопьеса. 7 ноября 1950 г. 495
С.Г. Лапин. Провал лживой американской радиопропаганды. Беседа. 7 мая 1951 г. 503
«Великая река, великий путь...» Радиорепортаж о параде судов речного флота в день открытия Волго-Донского канала. 27 июля 1952 г. 504
Партитура похорон И.С. Сталина. [5 марта 1953 г.] 505
А.В. Софронов. Возмездие. Выступление. 23 декабря 1953 г. 517
Две страницы истории Эстонии. Документальная радиокомпозиция. 15 декабря 1953 г. 518
Ю.А. Семенов. Новое сннжение розннчих цен. Беседа. 1 апреля 1954 г. 521
Для советских женщин. Радиожурнал № 1. 29 апреля 1954 г. 522
Б.Ф. Горбатов. Поездка на целину. Выступление. 16 марта 1955 г. 523
Перелистывая страницы календаря... Радиообозрение. 31 декабря 1955 г. 526
Дневник XX съезда КПСС. Специальный выпуск «Последних известий» 14 февраля 1956 г. 530
Перед дальней дорогой. Радиорепортаж. 9 июля 1956 г. 531
В гостях у Марка Бернеса. Радиообозрение. 30 сентября 1956 г. 532
Праздник мира и дружбы. Радиорепортаж об открытии шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. 28 июля 1957 г. 534
Слово молодежи. Музыкальный радиожурнал. 8 сентября 1958 г. 536
В.Е. Семичастный. Праздник нашей юности! Из доклада, посвященного 40-летию ВЛКСМ. 30 октября 1958 г. 539
С. Урунходжаев. Вот она, колхозная зажиточная жизнь. Выступление. 4 ноября 1958 г. 541
К.И. Ретинский, Ю. Соловьев. Мелиховская новь. Радиоочерк. Радиожурнал «Последних известий». «С микрофоном по родной стране». 19 января 1959 г. 542
А.Г. Ревенко. Народная героиня. Радиорассказ. 10 июля 1959 г. 545
В.С. Зорин. Выставка в Сокольниках. Радиорепортаж. 1 августа 1959 г. 547
Флагман арктического флота. Радиорепортаж. 15 сентября 1959 г. 548
Н.М. Коржавии. Для чего пишут стихи. Выступление. Передача для старших школьников. 20 мая 1960 г. 550

День мира. Хроника. 27 сентября 1960 г. 552
В.И. Амлинский. Разговор о любви. Передача по письмам юных радиослушателей. 27 января 1961 г. 555
Р.М. Иоффе. «Молодожены». Радиопьеса. [Начало 1960-х гг.] 557
Э.А. Мнацаканов. Негодование. Комментарий. 15 февраля 1961 г. 559
В космосе гражданин Страны Советов! Специальный выпуск «Последних известий». 12 апреля 1961 г. 560
Б.С. Волов. В гостях у Юрия Власова. Радиоочерк. 16 февраля 1962 г. 563
В.В. Шульгин. Стучите, и дверь откроется. Выступление. 27 февраля 1962 г. 565
И.А. Гришмаиов. На строительных площадках страны. Интервью. 3 ноября 1962 г. 566
Н.С. Хрущев. Творить с партийных позиций. Из выступления на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. 8 марта 1963 г. 567
К.И. Ретинский, Г.Т. Новиков. Енисей покорен. Документальная радиокомпозиция. 24–25 марта 1963 г. 569
Ю.А. Летунов, Д.П. Морозов. Бдительность — наше оружие. Записки из зала суда. Корреспонденция. 9 мая 1963 г. 573
А.К. Гладков, В.Э. Мейерхольд. Документальная радиокомпозиция. 16 февраля 1964 г. 574
А.Б.Чертков. Почему это страшно. Выступление. Передача для школьников. 18 июня 1964 г. 579
Собеседник. Радиожурнал № 9. 28 июня 1964 г. 582
М.А. Константиновский. О событиях... невероятных. Репортаж № 1. Радиопьеса. 29 июня 1964 г. 584
Ю. Визбор. Новогодний рейс. Радиообозрение. 31 декабря 1964 г. 590
Кристианзен-Клаузен. Я работал с Зорге. Интервью. 4 января 1965 г. 592
С.С. Смирнов. Мы не должны забывать. Выступление. 14 февраля 1965 г. 594
Артист балета — Владимир Васильев. Радиоочерк. Программа радиостанции «Юность». 24 февраля 1965 г. 595
Первый шаг в космос. Интервью. 8 марта 1965 г. 598
К.И. Чуковский. Беседа о языке. 3 апреля 1965 г. 599
Секрет вечной молодости Л.О. Утесова. Радиообозрение. 19 апреля 1965 г. 605
С.М. Богомазов. Марусина почта. 614
«Угадай-ка». Выпуск 236. Радиообозрение. [Декабрь 1965 г.] 614
М.А. Шолохов. Позор предателям! Из речи на XXIII съезде КПСС. 1 апреля 1966 г. 619
Ч. Айтматов. Задача ответственная и благородная. Выступление. 21 апреля 1966 г. 620

П.Г. Бунич. Хозяйственная реформа в действии. Выступление. 5 сентября 1966 г. ... 621
В.С. Зорин. Некоронованные короли Америки братья-разбойники. Беседа. 4 февраля 1967 г. ... 623
Литературные вечера. Передача № 64. Радиожурнал. 11 июня 1967 г. ... 625
Они были первыми. Документальная радиокомпозиция. 31 октября 1967 г. ... 628
Опять — двадцать пять. Сатирическое радиообозрение. 12 февраля 1968 г. ... 630
Г.П. Вишневская. Искусство — моя судьба, моя любовь. Интервью. 13 июня 1968 г. ... 632
Ю.Я. Яковлев. Горькое сено. Выступление. 21 июня 1968 г. ... 636
Г.А. Шахов, А. Погодин. Контрреволюция не пройдет! Корреспонденция. 26 августа 1968 г. ... 639
Е.А. Фурцева. Расцвет народной культуры. Выступление. 24 декабря 1968 г. ... 641
Радиостанция «Юность». Вечерняя программа. 11 января 1969 г. ... 644
Минута молчания, посвященная памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Документально-публицистическая композиция. 9 мая 1970 г. ... 648
Я.М. Белицкий. Архитектор и строитель здания социализма. Документально-публицистическая радиокомпозиция. 22 мая 1970 г. ... 650

Раздел III
Рецензии. Теоретические статьи. Мемуары. Радиопресса

Л. Турин. «Всем, всем...» ... 677
В.Д. Бонч-Бруевич, В.И. Ленин и радио ... 677
В.В. Хлебников. Радио будущего. ... 680
Обращение группы «Радиомузыка» в связи с первым радиопонедельником ... 682
М.И. Калинин. Ответ на анкету газеты «Новости радио». ... 683
Ф.Э. Дзержинский. Впечатления о радиовыставке. ... 684
Д.А. Вертов. «Киноправда» и «Радиоправда». (В порядке предложения.) ... 685
Н.А. Толстова. У истоков радиопередач. ... 685
А.Л. Минц. Начало пути. Радиостанция ВЦСПС. ... 687
В мире радио (Звуковые эффекты) ... 690
Л.А. Кассиль. Никольская, 3. ... 691
П.С. Коган. Мысли о радио. ... 693
Н.И. Бухарин. Текущий момент и задачи нашей печати. ... 694
Стадион в эфире. ... 695
Н.Г. Базилевский. Радио в театре. ... 697

Г.А. Поляновский. Радиогазета и музыка. ... 699
Я.Ф. Погодин. Микрофон в деревне. ... 700
М. Лохвицкий. Радиобоязнь. ... 702
Н. Подкопаев. Радиопередача с точки зрения физиологии. ... 704
А.Н. Афиногенов. Как я писал «Дніпрельстан». ... 705
Е. Степной. Днепрострой. ... 706
Э.Я. Гарин. Радио. ... 707
Покойная деревенская вечеринка. Вместо некролога ... 709
В.Б. Шкловский. Преодолеем письменную речь. ... 711
С.В. Шервинский. Декламация. [1930-е гг.] ... 713
Н.И. Бухарин. О технической пропаганде и ее организации. ... 714
С.М. Третьяков. Радиомай. ... 715
Что такое радиофильм? ... 717
А.М. Горький. О советском радиовещании. ... 718
А.Е. Новогрудский. «Железный поток» против скуки. ... 719
Н.О. Волконский. Из дневника радиослушателя. ... 723
И.Р. Бехер. Радио — обыденное чудо. 8 ноября 1933 г. ... 725
А.Я. Таиров. ВРК при СНК. 10 декабря 1933 г. ... 726
Н.К. Крупская. Приветствие по случаю 10-летия советского радиовещания. ... 727
Писатели у микрофона. Беседы с делегатами Первого Всесоюзного съезда советских писателей об их творчестве на радио ... 727
М.Е. Левитин, В.С. Поляков. Демониада. (Из радиожизни). ... 729
Р.М. Иоффе. Кому должно принадлежать художественное руководство?. ... 731
Р.М. Иоффе. Что такое радиодраматургия. [Май 1934 г.] ... 733
Я.Н. Литовцева. За диктора-художника, за диктора-творца. ... 735
Г.Р. Нилов. Радиопередача с борта дирижабля «СССР В-6». ... 736
В.И. Качалов. Увлекательная работа. ... 739
Стахановцы о радиовещании. ... 740
А.Х. Бусыгин. Короче говорить да проще. ... 740
Я.С. Сметанин. Больше передач по истории. ... 741
Ю.Б. Левитан. Сила стихии. ... 742
Мастера искусств о радио. ... 743
И.С. Козловский. Слово исполнителя и слушателя. ... 743
Э.Г. Гилельс. Что мне дало радио. ... 744
Навести большой порядок в радиовещании. ... 745
Э.Т. Кренкель. Радио на льдине. ... 747
Р. Роллан. Письмо в Радиокомитет. ... 750
В.А. Гончаров. С микрофоном по стране. ... 751
Встреча работников радио с М.А. Шолоховым. ... 753

Н.М. Потапов. В первый день. 754
В.С. Синявский. О самом памятном. 758
В.И. Вернадский. Из дневников 1941 года. 764
В.Н. Яхонтов. Театр одного актера. 767
А.Т. Твардовский. «Василий Теркин» Дмитрия Орлова. 769
О.Ф. Берггольц. Говорит Ленинград. 771
Н.Н. Асеев. Радиосводки «На фронте — без перемен». 1943 г. 779
Н.В. Тихонов. ВРК при СНК СССР. [Ноябрь 1944 г.] 780
А.М. Спасский. По дорогам войны. Записи фронтового звукооператора. 781
А.В. Баталов. Мои встречи с радио. 787
Сыны эфира. 793
Г.Н. Хубов. В угоду обывательским вкусам. 794
Л. Дубровина. Радиопередачи для детей. 797
Р.М. Иоффе. Размышления у магнитофонного аппарата. Ноябрь 1948 г. 799
Советская идеология — самая передовая идеология. 800
Н. Добровицкий, С. Нариньяни, Г. Ястребов. По одному шаблону. О «Последних известиях по радио». 801
А.Г. Коонен. Хрупкое искусство. 803
Ю.А. Летунов. Редакция новостей. 805
С.А. Муратов, Г. Фере. Размышления у радиоприемника. 810
Мы знаем, на чьей стороне правда! Письма радиослушателей. 812
С.В. Шервинский. Искусство диктора. Май 1957 г. 813
Э.П. Гарин. О радиокомпозиции «Я сам». [1957 г.] 818
Ю.М. Гальперин. Человек с микрофоном. Записки радиожурналиста. 819
Р.Н. Симонов. Внимание! Говорят радиослушатели! 831
М.А. Ульянов. Твой собеседник — микрофон. 832
Н. Бажин. Радио, келейность и жизнь. 837
И.Л. Андроников. Мыслить публично, мыслить вслух. 839
В. Феоктистов. Так ли надо готовить радиожурналистов? (Письмо в редакцию.) 842
Г.А. Товстоногов. Мой дебют в эфире. 845
В.Н. Гришаев. Незабываемые встречи. 848
Г.И. Зубков, Б.М. Хессин. Сотворение дня. 850
Р.М. Иоффе. Слушая — видеть. 853
А.И. Солженицын. На поверхности. 858
А.А. Музыря. А если случится неудача? 859
В.Н. Ружников. А все-таки... существует — и ни в зуб ногой. 861
А.А. Ильина. О чести журналиста. 867
С.Н. Колосов. «Вызываем огонь на себя» — документализм в литературном сценарии. 870

Ю. Богомолов. О прописных истинах и штампах. 874
П.С. Гуревич. Радио — вещь звонкая. 875
За что я люблю радио? (М.И. Бабанова, А.А. Констовский, Н.В. Литвинов) 880
Ф.А. Поневежский. С микрофоном в мастерской С.Т. Коненкова. 882
Писатели у микрофона. 885
Юл.С. Семенов. «Маяк» — это прекрасно! 885
Р.И. Рождественский. Нужна традиционность. 887
Б.А. Слуцкий. Писатель и радио. 887
Т.А. Чеботаревская. «Маяк». Диапазон и темперамент. 889
О.А. Куденко. Как мы создавали цикл «Подвиг народа». 892
А. Каверзнев. Раздумья собкора. 898
Из письма В.А. Сперантовой к Р.М. Иоффе 903
Ю.Б. Борев. Мыслить и рассуждать. 904
А.А. Шерель. Берегитесь — «специфика!» 905
Г.И. Горин. «С добрым утром!» 909
А.Л. Барто. Неизвестные обретают фамилии. 911
Р.М. Иоффе. Литературный радиотеатр. [1966 г.] 914
10 вопросов Игорю Ильинскому 920
Р.Я. Плятт. О чтении, голосовом гриме. 923
В.С. Синявский. С микрофоном за мячом. 930
Круглый стол по проблемам радиовещания. 933
Ф.А. Искандер. Радио слушают миллионы. 933
Ф.Ф. Кузнецов. Нам необходима радиокритика. 934
Кто он, человек с микрофоном? (Л.Д. Ландау, Н.Н.Фатеева, С.А. Антонов) 935
В.В. Татарский. Встреча с песней. 938
И.Н. Васич. Оставить после себя... 941
Н. Дымарский. Микрофон большого спорта. 944
Актер у микрофона (Б.А. Бабочкин, О.Н. Ефремов) 948
М.М. Козаков. Фрагменты. 956

Приложения

Из декрета Совета Народных Комиссаров «О централизации радиотехнического дела Советской Республики» 967
Декрет Совета Народных Комиссаров «О радиолаборатории с мастерской Народного комиссариата почт и телеграфов» 968
Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны о постройке Центральной радиотелефонной станции радиусом действия в 2000 верст 969
В.И. Ленин — М.А. Бонч-Бруевичу 969
В.И. Ленин — Н.П. Горбунову 970

Из доклада В.И. Ленина о замене разверстки натуральным налогом на X съезде РКП(б) 970
Постановление Совета Труда и Обороны об организации устной газеты 970
Письма В.И. Ленина И.В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) о развитии радиотехники 971
Из Декрета Совета Народных Комиссаров «О радиостанциях специального назначения» 972
Из постановления Совета Народных Комиссаров «О частных приемных радиостанциях» 973
Из устава акционерного общества широковещания по радио «Радиопередача», утвержденного Советом Труда и Обороны СССР 974
Из постановления ЦК РКП(б) «О радиоагитации» 975
Из постановления ЦК РКП(б) «Радиоагитация» 976
Циркуляр ЦК РКП(б) «О помощи и руководстве организациями Общества друзей радио (ОДР)» 976
Из постановления ЦК ВКП(б) «Издание радиогазет» 977
Постановление ЦК ВКП(б)«О руководстве радиовещанием» 977
Из постановления Центрального Исполнительного Комитетаи Совета Народных Комиссаров СССР«О праве передачи по радиотелефону публичного исполнениямузыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов» 978
Постановление Совета Труда и Обороны «О реорганизации радиовещания» 978
Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О развитии приемно-передающей радиовещательной сети» 979
Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О Всесоюзном комитете по радиофикациии радиовещанию при СНК СССР» 979
Приветствие ЦК ВКП(б) и СНК СССР работникам радиовещания 980
Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о создании и задачах Советского Информационного бюро 980
Из положения Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главного политического управления Красной Армии «О работе военных корреспондентов» 981
Из постановления ЦК ВКП(б) «О районном местном радиовещании» 982
Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О возврате населению, учреждениям и предприятиям радиоприемников, принятых в 1941 году на хранение органами Наркомата связи» 983
Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об ознаменовании 50-летия со дня изобретения радио А.С. Поповым» 984
Из постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению центрального радиовещания» 985
Из постановления Совета Министров СССР № 5978 «Об утверждении Положения о Комитете радиоинформации при Совете Министров СССР» 986

Из постановления ЦК ВКП(б) «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» 988
Из постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде» 988
Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна» 989
Из директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы 989
Из постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» 989
Из постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» 991
Из постановления ЦК КПСС «Об улучшении информации по радио» 993
Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» 994
Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина» 995
Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию» 995

Научное издание

Горяева Татьяна Михайловна

«Великая книга дня...»

Радио в СССР. Документы и материалы

Редактор *Л.С. Макарова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *Д.А. Морозов*
Корректор *О.А. Еремеева*
Компьютерная верстка *С.В. Шеришорин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.05.2007.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 65. Тираж 1000 экз. Заказ 10031

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112